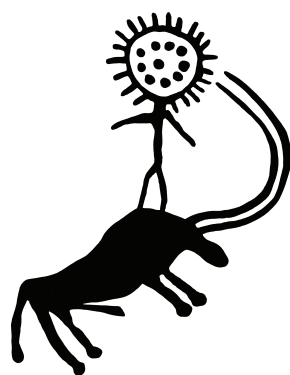

Григорьев С. А.

Древние индоевропейцы

Челябинск
Цицero
2015

УДК 904
ББК 63.4
Г83

Григорьев, С. А.
Г83 Древние индоевропейцы. Изд-е 2-е доп. / С. А. Григорьев. — Челябинск : Цицеро, 2015. — 496 с.

Книга посвящена проблеме происхождения индоевропейских народов. На основе анализа археологических материалов Евразии рассматриваются отдельные связи евразийских культур от неолита до энеолита. Полученная схема культурогенеза сопоставляется с лингвистическими теориями, и на этой основе обосновывается ближневосточное происхождение индоевропейцев.

УДК 904
ББК 63.4

Предисловие ко второму изданию

Эта книга является вторым изданием моей монографии “Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции”, вышедшей в 1999 году. К сожалению, тираж книги был небольшой, и как это всегда бывает в таких случаях, значительная часть его была раздарена, причем, часто людям, которые данной проблематикой не занимаются. В итоге, многие знают о существовании этой книги, но мало кто ее читал. И исправить эту ситуацию размещением в интернете электронного варианта оказалось тоже невозможно, так как он не сохранился, а читать сканированные копии довольно трудно. Кроме того, уже после публикации этой книги у меня возникла возможность поработать дополнительно в европейских библиотеках, в результате чего в 2002 году была опубликована монография “Ancient Indo-Europeans”. Она была сделана на базе первой, но многие вещи там были изменены в лучшую сторону и аргументация расширена. Поэтому публиковать вновь на русском языке первый вариант и вовсе не имело смысла. Эта англоязычная версия представлена в интернете и вполне доступна. Конечно, читать на английском языке описание проблем Северной Евразии странно и некомфортно, поэтому у меня давно было желание поместить вместе с этой книгой русский перевод с разбивкой на соответствующие страницы, но это было бы тоже крайне неудобно. Поэтому я решился на подготовку второго издания. Оно может рассматриваться как второе издание монографии 1999 года или как перевод монографии 2002 года. Это не столь принципиально, на мой взгляд.

Но эту книгу нельзя рассматривать как самостоятельное произведение 2015 года. В ней обсуждаются некоторые проблемы, которые за эти 15 лет перестали быть дискуссионными, и в обобщающей работе обосновывать их уже не имеет смысла. Кроме того, по многим сюжетам появились новые работы. Например, по проблеме происхождения и хронологии синташтинской культуры нами был организован очень полезный круглый стол, материалы которого здесь не обсуждаются. Вышла моя монография по металлургии Северной Евразии, где показано распространение металлургических технологий с Ближнего Востока. Это распространение совпадает с тем, что описано в этой книге, но я не использую этих данных. Думаю, что по многим иным культурам и территориям появились весьма полезные работы, которые я не стал использовать здесь, и я приношу извинения их авторам. Дело в том, что, если бы стояла задача сделать работу с учетом последних исследований и современного состояния проблемы, я бы стал очень многое делать совершенно иначе, включая структуру работы вообще. Это была бы абсолютно иная книга, потребовавшая совершенно иного объема работы. Но это было бы бессмысленно предпринимать такие усилия всего через 15 лет без исследований в этом направлении с моей стороны, так как общая теоретическая схема от этого бы сильно не изменилась. Поэтому это именно второе издание прежде выпущенных монографий, предпринятое с целью сделать их доступным русскоязычным читателям.

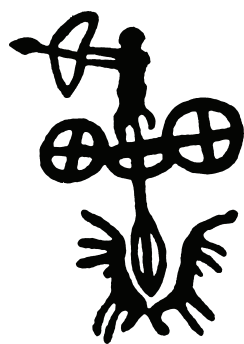
Содержание

Раздел I. Синташтинская культура	7
Введение	8
Глава 1. Архитектура	21
1.1. Синташтинская архитектура	21
1.2. Зауральская архитектура	28
1.3. Абашевский архитектурный комплекс	29
1.4. Восточноевропейская архитектура эпохи бронзы	31
1.5. Архитектура Передней Азии	32
1.6. Архитектура Кавказа	40
1.7. Архитектура Балкано-Карпатского региона	41
Глава 2. Погребальный обряд	45
2.1. Погребальный обряд синташтинской культуры	45
2.2. Погребальные обряды восточноевропейских и североказахстанских культур	52
2.3. Погребальные обряды Передней Азии и Кавказа	58
Глава 3. Вещевой инвентарь	62
3.1. Каменный инвентарь	62
3.2. Металлический инвентарь	68
3.3. Химический состав металла	79
3.4. Технология металлургического производства	86
3.5. Керамика	90
3.6. Глиняные и костяные изделия	104
Глава 4. Костные остатки	106
4.1. Антропология	106
4.2. Состав стада	107
Глава 5. Синташтинская культура и абашевские культуры	111
5.1. Относительная хронология	111
5.2. Формирование синташтинской и абашевских культур	115
5.3. Абашевская культурно-историческая общность	122
Глава 6. Социальные отношения	125
6.1. “Стоящие на колесницах”	125
6.2. Социальная структура синташтинского общества	128
Глава 7. Хозяйство	134
7.1. Металлургия	134
7.2. Земледелие	136
7.3. Скотоводство	137
Глава 8. Периодизация и хронология синташтинской культуры	138
Глава 9. Начало периода поздней бронзы в степной Евразии	146

Раздел II. Происхождение южных индоиранских культур и культурные процессы в Северной Евразии в эпоху ПБВ	158
Введение	159
Глава 1. Индоиранцы в Средней Азии, Индии и Иране	170
1.1. Средняя Азия	170
1.2. Индостан	179
1.3. Бактрия и Маргиана	182
1.4. Иран	188
Глава 2. Сейминско-турбинский феномен и культуругенез в Северной Евразии в эпоху ПБВ	198
2.1. Проблема формирования сейминско-турбинской металлообработки и предшествующие культуры Саяно-Алтайского нагорья	198
2.2. Сейминско-турбинские бронзы и синхронные культуры Приуралья и Сибири	205
2.3. Проблемы культуругенеза в Северной Евразии в начале ПБВ	219
2.4. Этническое содержание культурных трансформаций в Северной Евразии	237
Глава 3. Федоровская культура и ее филиации	248
3.1. Происхождение и характер федоровской культуры	248
3.2. Дальнейший культуругенез в лесной и лесостепной зонах Урала и Восточной Европы	265
3.3. Этноисторическая реконструкция	282
Глава 4. Этнокультурные процессы в Северной Евразии в эпоху финальной бронзы	289
4.1. Культура полей погребальных урн	289
4.2. Италия	293
4.3. Степная Евразия и проблема общности культур валиковой керамики	296
4.4. Карасукско-ирменский культурный блок	304
4.5. Скифо-киммерийская проблема	311
4.6. Этническая принадлежность синташтинской культуры	320
Глава 5. Индоевропейцы в Китае	322
Раздел III. Происхождение и миграции индоевропейцев	327
Введение	328
Глава 1. Распространение ностратических языков и первые индоевропейцы	329
1.1. Формирование урало-алтайских языков	329
1.2. Формирование и распространение эламо-дравидских языков	332
1.3. Праиндоевропейцы в Северной Месопотамии	336
Глава 2. Миграции индоевропейцев в Циркумпонтийской зоне	342
2.1. Проникновение ближневосточного культурного комплекса в Европу	342
2.2. Индоевропеизация Кавказа	349
2.3. Начало индоевропеизации Восточной Европы	356
2.4. Культурные трансформации в Юго-Восточной и Центральной Европе в эпохи энеолита и ранней бронзы	362
2.5. Формирование культур РБВ Анатолии	370

Глава 3. Культурные трансформации на Кавказе и в Восточной Европе в эпохи РБВ и СБВ	376
3.1. Северный Кавказ в эпоху РБВ	376
3.2. Куро-аракская культурная общность Закавказья	381
3.3. Восточная Европа в период РБВ	383
3.4. Формирование культур шаровидных амфор и шнуровой керамики.....	385
3.5. Культура колоколовидных кубков	390
3.6. Антропоморфные стелы	390
3.7. Проблема археологической фиксации северокавказских народов.....	392
3.8. Кавказ в эпоху средней бронзы	395
3.9. Восточная Европа в период СБВ.....	399
3.10. Культура многоваликовой керамики и проблема происхождения греков.....	405
Глава 4. Индоевропейцы на Ближнем Востоке	424
4.1. Индоевропейцы в письменных источниках Ближнего Востока.....	424
4.2. Индоевропейцы и Ветхий Завет	429
4.3. Зороастризм и иудаизм	430
4.4. Внешние стимулы индоевропейских миграций с Ближнего Востока	431
Глава 5. Происхождение и миграции индоевропейских народов. Основные итоги	433
Глава 6. Причины миграций, их географическая обусловленность и формы	443
6.1. Причины индоевропейских миграций и их географическая обусловленность	443
6.2. Миграционные модели	444
Заключение от автора	446
Список литературы	448

Раздел I
Синташтинская культура

Введение

За последнюю четверть века в археологии Южно-Урала произошли заметные изменения. Были открыты и широко исследованы памятники синташтинской культуры, представленные укрепленными поселениями и могильниками с пышным погребальным обрядом. Однако, несмотря на многочисленные раскопки и полученный богатый материал, осмысление этих комплексов явно отстало от степени их изученности. Нет особого смысла критиковать множество экзотических, ничем не обоснованных интерпретаций синташтинских городищ, возникших за последние годы в околонулевой литературе. В различных публикациях эти городища назывались храмами, обсерваториями, местами локализации сгустков энергии и т.д., хотя речь идет о весьма необычных для этой зоны, но все же поселенческих памятниках.

Более актуальны для нашего обсуждения точки зрения на происхождение синташтинской культуры. К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина предположили, что ее формирование произошло в результате миграции племен из Восточной Европы, прежде всего носителей культур многоваликовой керамики и абашевской [Смирнов, Кузьмина, 1977]. В противоположность этому Г.Б.Зданович считает, что синташтинская культура сформировалась на местной энеолитической основе, хотя и не приводит в пользу этой точки зрения каких-либо аргументов. Вместе с тем, он не отрицает воздействия с запада на этот регион [Зданович, 1997]. Ряд самарских археологов отстаивает позицию происхождения синташтинской культуры и памятников потаповского типа (поволжский вариант синташты) на базе взаимодействия волго-уральских полтавкинских и абашевских племен [Васильев и др., 1995; Васильев и др., 1995а; Васильев, 1999в]. Для синташты, при этом, допускается участие в ее формировании ботайско-суртандинских энеолитических племен Урала и Казахстана [Кузнецов, 1999]. Н.Б.Виноградов отрицает большое значение полтавкинской культуры в

формировании синташты, предполагая, что она сложилась на местном энеолитическом субстрате (весьма малочисленном), но при мощном воздействии двух западных волн – абашевской (но не средневожской) и протосрубной, под которой понимаются не вполне определенные степные племена [Виноградов, 1999]. Таким образом, большинство исследователей склоняются к мысли, что синташтинская культура оформилась на местной основе под воздействием восточноевропейских культурных образований конца эпохи средней бронзы. По-разному оценивается лишь соотношение этих компонентов. При этом никто не сомневается в индоиранской принадлежности синташтинской культуры, хотя приводимые археологами доводы в пользу этого мало убедительны. Иная точка зрения – о переднеазиатском происхождении синташты¹, принадлежит Л.Я. Крижевской и автору этой работы [Крижевская, 1993; Григорьев, 1996а].

Проблема эта не вписывается в рамки локальной археологической проблематики, поскольку она непосредственным образом связана с проблемой происхождения индоиранцев и локализации арийской прародины. В российской науке доминирует концепция, локализирующая арийскую прародину в степях Восточной Европы. При этом может несколько варьировать связь арийского этноса с конкретными культурами. В качестве таковых называются ямная [Сафронов, 1989, с. 204, 205] или абашевская [Агапов и др., 1983, с. 134-137]. Правомерность подобного соотнесения особо не дискутируется ввиду сложности подтверждения или опровержения этих точек зрения. Более распространено убеждение в арийской принадлежности срубно-андроновских племен и формирующихся на их основе ивановских и саргаринских [Кузьмина, 1994; Абаев, 1965;

¹ На страницах этой работы, наряду с терминами “синташтинская культура”, “петровская культура” или “кротовская культура” могут быть использованы заменяющие их термины “синташта”, “петровка” или “кротово”.

Грантовский, 1970]. Сформулирована эта гипотеза была достаточно давно, но наиболее вескую аргументацию получила в результате открытия синташтинских памятников и последующего обоснования их индоиранской принадлежности. Значительный вклад в обоснование данной концепции внесли Е.Е. Кузьмина, К.Ф. Смирнов и В.Ф. Генинг [*Смирнов, Кузьмина, 1977; Генинг, 1977*]. Окончательное оформление концепция получила в последней книге Е.Е. Кузьминой [*Кузьмина, 1994*]. Основными аргументами, на которых базировалась и продолжает базироваться точка зрения о степной локализации арийской прародины, являются следующие: связь степных культур эпохи бронзы со скифо-сарматским миром; миграция носителей этих культур в Среднюю Азию; соответствие облика культур эпохи бронзы реалиям, описанным в Ригведе и Авесте; значительные включения доскифской общеприарийской и иранской лексики в финно-угорских языках.

Необходимо заметить, что в Индии и в Северо-Восточном Иране, откуда впоследствии распространяются западные иранцы, отсутствуют археологические комплексы, сопоставимые со степными памятниками периода ПБВ. Мы можем допустить возможность культурной ассимиляции пришельцев при сохранении и последующем доминировании их языка, понимая, что это допущение будет являться слишком смелым. Однако данная гипотеза имеет и лингвистические основания. Они были предложены В.И. Абаевым, выявившим серию скифо-европейских изоглосс [*Абаев, 1965*]. Поскольку таковые распространяются в том числе и на италийские и кельтские языки, был сделан вывод о том, что раннескифские контакты происходили с ними еще в эпоху существования общеевропейской общности в одном ареале до середины II тыс. до н.э. В качестве такового были предложены Средняя и Восточная Европа. В этом случае археологическим выражением данной ситуации может выступать контакт срубной культуры с сабатинской на западе и сосницкой на северо-западе, чем трудно объяснить появление обсуждаемых изоглосс во всем европейском ареале. Другое противоречие сводится к следующему. Срубная культура Восточной Европы и алакульская Зауралья и Казахстана формируются на близкой основе. Впоследствии потомки носителей алакульской культуры продвигаются на юг, что

рассматривается обычно как миграция ариев в Индию. Подобный подход вступает в неразрешимые противоречия со схемой диалектного членения индоиранских языков, поскольку выделение индо-арийских должно происходить, в этом случае, параллельно скифскому. При этом более раннее выделение индо-арийских диалектов относительно иранских (к которым относится и скифский) является на сегодняшний день общепризнанным. Не вполне также ясно – как расценивать присутствие носителей митаннийского арийского языка в Северной Месопотамии уже в XVII в. до н.э. Мы можем сделать еще одно допущение и предположить, что иранские языки начали оформляться в Восточной Европе раньше, в катакомбное время, и их носители впоследствии были подвергнуты срубной (но лишь культурной) ассимиляции. Это породит новый комплекс противоречий, связанный с лингвистической фиксацией в Причерноморье индоарийских топонимов и возможностями для сопоставления катакомбного погребального обряда с аналогичным обрядом в культурах Северо-Восточного Ирана. Новые допущения, призванные снять эти проблемы, вызовут и новые противоречия, и так до бесконечности. В результате, вся конструкция становится чрезвычайно зыбкой. Основным ее недостатком является то, что она целиком противоречит тем основаниям, на которых была построена.

Другой точки зрения придерживаются исследователи, работающие в Средней Азии – В.И. Сарияниди и А. Аскарлов, исследовавшие комплексы типа Дашлы и Сапалли [*Сарияниди, 1977, с. 158, 159; 1981, с. 189, 190; Аскарлов, 1981, с. 178*]. Формирование этих комплексов не связано со степными культурами эпохи бронзы и они достаточно стабильно, без заметных трансформаций доживают до того времени, когда эта территория включается в державу Ахеменидов. При этом уже на момент включения иранская принадлежность проживающего здесь населения несомненна.

Наконец, третья точка зрения была сформулирована Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым. Основываясь на включениях в индоевропейские языки семитских, прасеверокавказских и картвельских заимствований, они локализовали индоевропейскую прародину в районе Армянского нагорья [*Гамкрелидзе, Иванов, 1981; 1984*]. Индоиранцы, отколовшись от индоевропейских

племен, оседают в северной части Ирана, откуда осуществляются последующие миграции в степную зону, в Индию и Северную Месопотамию. К этой позиции впоследствии присоединился В.И. Сарияниди, пока-завший переднеазиатские связи бактрийско-маргианского археологического комплекса [*Сарияниди, 1993*].

Таким образом, не вдаваясь в детали приведенных концепций, мы можем говорить о двух взаимоисключающих гипотезах – северного и южного происхождения индо-иранцев. Как правило, сторонники первой точки зрения игнорируют факты раннего присутствия индоиранцев в Иране. Помимо предьявленных научному сообществу В.И. Сарияниди, к таковым относится установленная Р. Гиршманом связь митаннийских ариев с долиной Горгана в Северо-Восточном Иране. К индоарийским памятникам Р. Гиршман относил такие объекты как Шах-Тепе, Тюрентепе, Гиссар III, Астрабадский клад. Правда, он полагал, что в Юго-Восточный Прикаспий индоарии проникают из Восточной Европы и уже оттуда распространяются в Индию и Северную Месопотамию [*Girshman, 1977*]. Но хронологически это не может быть соотнесено с классической позицией российской археологической школы, постулирующей значительно более позднюю срубно-андроновскую миграцию на юг. Попытка примирить эти позиции была предпринята А. Парполой. Оставаясь, в целом, на позиции северного происхождения индоиранцев, он объяснил появление индо-ариев в Юго-Восточном Прикаспии миграцией из степной зоны Восточной Европы, а иранцев – из азиатских степей. В результате пришельцы ассимилируют носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса, подвергаясь сами культурной ассимиляции, чем и объясняется отсутствие археологических фактов, подтверждающих эту концепцию [*Parpola, 1988*].

Таким образом, доминирующие в настоящее время концепции о происхождении индоиранцев не слишком убедительны. Несколько подкрепляет их лишь то, что в современной археологии широко распространены представления о локализации индо-европейской прародины в степной зоне Восточной Европы.

Поэтому эти вопросы не могут быть рассмотрены вне общеиндоевропейского контекста. Это, в конечном счете, и повлияло на содержание и структуру данной работы. В I разделе ее про-

изводится анализ синташтинской культуры, делается вывод об ее происхождении, определяется место в системе культур конца СБВ – начала ПБВ¹ Северной Евразии, дается краткая реконструкция ее хозяйства и общественного устройства и описываются культурные трансформации ПБВ, в которых принял участие синташтинский этнический компонент.

Во II разделе описываются миграции некоторых иных индоиранских и индоевропейских популяций, оказавших влияние на этнокультурные процессы в Индии, Иране и Северной Евразии.

Наконец, III раздел содержит схему этнокультурных процессов Евразийского континента и обоснование происхождения и миграций индоевропейских народов.

Первоначально каждый новый раздел работы задумывался в качестве фонового по отно-

¹ В настоящее время в археологии существуют некоторые разночтения в использовании терминологии, обозначающей эпохи раннего металла. В этой работе используется наиболее признанное членение эпохи бронзы на три периода: ранней бронзы (РБВ), средней (СБВ) и поздней (ПБВ). Для последнего периода, в принципе, как и для СБВ, вполне допустимо выделение двух подпериодов ПБВ I и ПБВ II, соответствующих срубно-андроновскому и ивановско-саргаринскому времени. Однако здесь мы ограничились употреблением для обозначения ПБВ II традиционного, но не вполне удачного термина “финальная бронза”.

Некоторые несоответствия присутствуют и в определении названия периода, предшествующего РБВ. Вряде случаев культуры РБВ непосредственно сменяют культуры неолитического облика. Но часто им предшествуют культурные образования с относительно неразвитой металлургией, обедненным типологическим набором металлического инвентаря и гораздо более высокой долей каменной индустрии. Для этого периода обычно употребляется термин “энеолит”, реже “халколит”. В этой работе будет употребляться более традиционная первая дефиниция. Предложенное обозначение первого этапа культур эпохи раннего металла Евразии термином “медный век” [*Авилова, Черных, 1989, с. 34*] является приемлемым, по-видимому, лишь для Балкано-Карпатья. Даже в Анатолии и Закавказье в это время явно доминирует каменная индустрия. При этом металлурги используют преимущественно искусственные сплавы, что делает термин “медный век” неприемлемым и с историко-технологических позиций. По этим причинам традиционное обозначение эпохи, как энеолитической, представляется наиболее универсальным.

шению к предыдущему, но, по мере работы, начинал приобретать самостоятельное значение. Надо сказать, что и само появление этой работы является игрой случая. Занимаясь изучением древних шлаков, я никогда не собирался решать проблемы происхождения синташтинской культуры, а тем более индоевропейцев. Когда мне предложили написать главу по эпохе бронзы Южного Зауралья в коллективную монографию, посвященную археологии этой территории, я сделал это с большим нежеланием, поскольку имеющее место концепции меня давно не удовлетворяли, а чем их заменять было для меня совершенно не ясно. Поэтому я поставил перед собой задачу лишь корректно описать материал, приведя ему соответствующие аналогии в прилегающих культурах. Эта попытка и вылилась в настоящую работу. Для меня самого стала большой неожиданностью возможность этнических реконструкций на археологическом материале, поскольку до недавнего времени я был последовательным противником подобных попыток.

Тем не менее, предлагаемое ниже исследование, с одной стороны, является исторической реконструкцией археологических материалов, с другой стороны, в нем делается попытка решить вопросы этногенеза индоевропейцев. Поэтому мы не можем обойти стороной проблему самой возможности построения подобных знаниевых конструкций.

В свое время эти вопросы довольно оживленно обсуждались в российской науке в рамках дискуссии об уровнях археологического исследования и о соотношении эмпирического, реконструкционного и теоретического уровней [Генинг, 1982; Башилов, Лооне, 1986; Клейн, 1986; Генинг, 1989]. В данной работе я исхожу из единства археологии, хотя каждое конкретное исследование, в силу стоящих задач и избранных методов, имеет свои рамки и место в познавательном процессе. Связи между уровнями требуют осуществления специальных процедур, поэтому непосредственный перенос знания эмпирического уровня на уровень исторической реконструкции невозможен.

Любое археологическое исследование начинается с первичного описания и систематизации материала, полученного с определенной территории. В рамках этого этапа осуществляется определение хронологической позиции материала

и его отношение к материалам иных территорий. Следующий этап состоит в конструировании отчетливо проработанной формы-модели, которая должна “прихватить” материал. Но проблема состоит в том, что в нашей науке модели чаще создаются, исходя из категории система-структура, то есть выделяются элементы и связи между ними. Мы получаем статичную картину, а исторические процессы так и остаются за кадром.¹

Изучение материалов какого-либо комплекса, например, позволяет получить представление о хозяйстве, погребальном обряде, архитектуре, социальном и половозрастном составе и т.д. Иными словами, мы в состоянии воссоздать систему, однако, у нас нет оснований для реконструкции процессов, которые лишь и можно в полной мере именовать историей. Примером этому может быть простая ситуация. На базе отдельных различий мы вычленим два локальных культурных варианта. Мы можем к ним относиться, как к синхронным и говорить о формировании культуры в широких территориальных рамках. С другой стороны, это могут быть разновременные образования, связанные с миграционными процессами. Поэтому без процессуального анализа проблема является просто неразрешимой.

В обсуждаемой синташтинско-абашевской проблематике подобного рода ситуации сложились вокруг отношения к потаповским памятникам или к соотношению абашева и синташты.

В результате, само по себе структурное исследование, в рамках которого интегрирующим основанием выступает сходство артефактов, может быть тоже недостаточным и необходимо построение динамических моделей, в которых сопоставляется уже не материал, а процессы. Естественно, подобный подход самым кардинальным образом влияет на все наши построения, в том числе хронологические. В этих рамках сам по себе факт присутствия одного типа артефактов в комплексах различных культур не дает оснований для их синхронизации до тех пор, пока эти культуры сами не будут представлены как процессы (хотя это звучит и противоречиво), то есть до тех пор, пока не будет проведена

¹ Известны и примеры обратного. Наиболее удачным, на мой взгляд, является исследование сейминско-турбинских бронз, осуществленное Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989].

реконструкция исторических процессов и “археологические факты” не будут переведены в разряд “исторического события”. В результате мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда без результатов реконструкционного этапа мы не в состоянии даже корректно описать материал, так как всегда подходим к нему с позиции наших прежних представлений. Это вызывает, и будет вызывать впредь постоянный возврат к материалу и его повторной обработке. Старые знания и эмпирические представления, имевшиеся у ученого, неминуемо используются в новом исследовании. Отсюда встает вопрос, каким же образом исследователю удастся получить новое знание, если учесть, что он всегда подходит к материалу со старыми взглядами? Эту проблему впервые сформулировал еще Сократ, а впоследствии обсуждали многие исследователи, в том числе Ю.М. Лотман [*Мамардашвили, 1997; Лотман, 1977, с. 6*]. Неужели, единственным способом был и остается хайдеггеровский “durchgang”, предполагающий стремительный и во многом необъяснимый прорыв от созерцания феноменов в содержание? Сказанное вовсе не является утверждением необходимости интуитивного постижения реальности, хотя элемент интуиции присутствует в любом исследовании. Поэтому обратимся к возможностям решения проблем, стоящих перед этой работой.

Любой исследовательский процесс развивается в знаниевом поле, наполненном определенным содержанием. Это пространство всегда предельно, то есть ограничено заданными рамками. В этих рамках выработка нового знания чрезвычайно затруднена, и попытки его получения обычно приводят к дублированию уже имеющегося. Новую идею нельзя вывести путем уже отработанных логических операций, поскольку все, что делается по законам старой системы познания остается в ее рамках.

В результате подобных попыток формируется традиционное знание или, по выражению Дж.П. Мэллори, “conventional wisdom”. В обиходе это сводится к емкой формуле “все так считают”, которая в науке порой является основанием для доказательства того или иного положения. Следует отметить, что данная формула, фиксируя культурную норму, глубоко чужда самому духу науки, направленной на выработку нового знания. Как и любая культурная норма, данная экономит

силы и ресурсы и оберегает научное исследование от ненужных усилий, направленных на доказательство очевидных истин. Но эта же культурная норма способствует тому, что исследователи часто закрывают глаза на противоречия внутри традиционных систем, так как их рассмотрение и решение требует выхода за рамки последних.

Это и выводит нас на механизм формирования нового знания. В общем, можно сказать, что в его состав входят, кроме целей исследования, фиксация всех противоречий и проблем, а соответственно установление новых исследовательских рамок для их решения. Хорошим подспорьем в такой работе являются междисциплинарные исследования, которые тоже задают требование на изменение пространства объекта изучения. Одним из таких и является изучение этнических процессов древности. Поэтому нас интересует сама возможность осуществления этноисторической реконструкции на археологическом материале и, следовательно, пределы, в которых определенное соотношение понятий “культура” и “этнос” будет корректно.

В археологической науке существует довольно устойчивое и, как правило, нерелексированное представление о том, что археологическая культура фиксирует какой-либо конкретный этнос. Соответственно, пытаюсь работать в области реконструкций этнических процессов, мы пробуем проследить или процесс развития какой-либо культуры или же процесс ее пространственного перемещения. Так индоиранские миграции обычно связывают исключительно с определенными археологическими комплексами, например, срубными или андроновскими, что, на наш взгляд, неверно, поскольку противоречит содержанию понятий “этнос” и “культура”.

С учетом того, что термин “культура” традиционно закреплен за различным содержанием, первоначально мы определим те значения, которые подразумеваются под этим термином в настоящей работе. Обычно в археологии под “археологической культурой” понимается группа памятников, расположенных на определенной территории и отличающаяся от других самобытным набором признаков [*Грязнов, 1969, с. 20, 21; Каменецкий, 1970, с. 27-29; Клейн, 1970а, с. 51; Федоров-Давыдов, 1970, с. 267*]. Данная дефиниция представляется вполне корректной для

эмпирического этапа исследования, и именно это значение стоит за этим термином в предлагаемом исследовании при описании материала. Если говорить более огрубленно, то “археологическая культура” выступает в данном контексте почти синонимом “материальной культуры”. В полном объеме это понятие может быть употреблено при построении археологической теории, в гносеологическом ее разделе. В этой работе подобное отношение к данному понятию отражено в части введения, посвященной способам анализа материала.

Иной подход к понятию “культура” базируется на теории деятельности. Он позволяет рассматривать ее в качестве специфического именно для общества способа воспроизводства его жизнедеятельности [Маркарян, 1969, с. 7; Шедровицкий, 1975; Генисарецкий, 1975]. В таком виде данное понятие может употребляется, преимущественно, в онтологических разделах археологической теории. Здесь подобный подход к понятию “культура” присутствует лишь во введении, при описании механизма культурных трансформаций. Для реконструкционного уровня исследования, нам представляется возможным использовать несколько иное понятие “археологическая культура” как фиксирующего способ воспроизводства жизнедеятельности общества, запечатленный в артефактах.

В противоположность этому, в понятии “этнос” фиксируется осознание своей отдельности некоторой общностью, осуществляемое, как правило, на языковом уровне. Подобное различие в настоящее время делают многие исследователи [Карачаров, 1993].

Безусловно, мы всегда имеем возможность задать рамку, в которой понятия “этнос” и “культура” будут сливаться. Особенно легко добиться этого на стадии реконструкций. Этого, однако, не произойдет, если мы применим функциональный подход. Функция этноса, в первую очередь, - способствовать самоидентификации личности, коллектива или группы. Функцией же культуры является закрепление и передача неизменными во времени норм жизнедеятельности общества, что позволяет каждому новому поколению осуществлять деятельность по заданным стереотипам. Это делает общество целостным и стабильным, а деятельность - максимально эффективной в определенных условиях.

Еще более выпукло данное различие может рассматриваться при сопоставлении определяющих признаков этих понятий, в особенности тех, которые значимы для нашего исследования. В понятии “этнос” таковым оказывается язык и основная функция его — коммуникативная. В понятии “археологическая культура” это артефакты, которые, хотя и могут быть осмыслены в качестве особой знаковой системы, коммуникативной функцией все же не обладают и потому не могут сказываться на этнических различиях. Скорее напротив — история показывает, что языковое сходство или различие способно воздействовать на степень переноса тех или иных черт материальной культуры от одной группы людей к другой.

Таким образом, это совершенно различные понятия, что, казалось бы, не оставляет нам шансов осуществлять непосредственные отождествления этносов и археологических культур и претендовать при этом хотя бы на минимальную корректность. Этнография знает огромное множество примеров существования в рамках этноса населения с различной материальной культурой и наоборот. Примеры эти скорее типичны, чем исключительны, что избавляет нас от необходимости их приводить, тем более, что их перечисление может превратить нас в закореженных агностиков, принципиально отрицающих возможность этнических реконструкций по археологическим данным. В отдельных случаях, вероятно, все же можно осуществить сравнение археологической культуры с этнографическими или историческими материалами, но корректное употребление этого метода возможно, в основном, для средневековых культур [Томилов, 1986]. Для древности эта методика почти не применима. Поэтому Л.Т. Яблонский, обсуждая скифскую проблематику, прав в своем утверждении о неприемлемости терминов “скифская культура”, “скифо-сибирский мир” и им подобных, так как они несут этническую а не культурную нагрузку [Яблонский, 1999б]. За скифскими памятниками могут скрываться совершенно различные этносы, однако безусловно и то, что распространение культуры этого типа отражает процесс распространения скифов.

Поэтому пути для палеоэтнического моделирования все же существуют. В первую очередь, это построение максимально крупных архео-

логических моделей и сопоставление последних с аналогичными лингвистическими моделями. Безусловно, полученные результаты никогда не будут полностью соответствовать друг другу. Однако даже принципиальное сходство будет являться неплохим основанием верификации. Именно такой метод использован в данной работе. Очень перспективно археологическое и лингвистическое исследование каких-либо важных изменений в хозяйстве или материальной культуре. Использование этого метода требует серьезной координации усилий специалистов обеих областей [Шнирельман, 1996].

Другим основанием исследования явилось положение о том, что культура, в силу своей сущности, к развитию не способна и причинами культурных трансформаций является внешнее воздействие, в древности обычно связанное с миграционными процессами [Григорьев, 1990]. При их отсутствии культура способна лишь на весьма плавную эволюцию, что не выводит ее за пределы ранее заданной определенности. Природные потрясения, сами по себе, способны лишь подтолкнуть какое-либо население к миграции или культурному контакту, но именно последние оказываются решающим фактором культурных трансформаций.

В принципе, учитывая неспособность традиционной культуры адекватно реагировать на неожиданные крупные потрясения, следует допускать и возможность существенных культурных трансформаций без миграционных процессов. Однако в этом случае мы будем иметь дело с процессами достаточно локальными. Объектом же рассмотрения этой работы является целый ряд крупных культурных трансформаций, когда на огромных пространствах со значительной скоростью распространялись сходные стереотипы материальной культуры. Поскольку в древности существовала лишь одна информационная технология – непосредственный контакт, этим исследовательским объектом являются все же миграции.

Рассматривая миграции различных этносов и их контакты друг с другом, мы не вправе ожидать обнаружения неких единых этнических атрибутов, которые будут свойственны данному этносу на различных территориях и отличать его от иных этнических групп.

Суть механизма культурной трансформации сводится к следующему. В случае миграционного процесса происходит столкновение двух или более культур, что неизбежно, в той или иной степени, приводит к разрушению сложившихся стереотипов. В результате, обусловленная культурными нормами деятельность сменяется деятельностью, построенной на рефлексии затруднений, возникших вследствие данного столкновения. Поэтому появляющееся новое культурное образование вовсе не обязательно будет являться суммой составляющих дериватов, так как в процессе трансформации культуры возникнут качественно новые стереотипы жизнедеятельности. И здесь важны даже не столько элементы двух различных систем, участвовавших в этом процессе, сколько сам характер процесса и то, по каким каналам он вынужден протекать в новых условиях. Эта зависимость обуславливает трансформацию элементов, структуры, процессов и каналов их протекания. Наиболее ярко это можно проследить на примере анализа понятия “культурно-исторического ареала” (КИА), которое необходимо ввести в научный оборот, так как оно наиболее четко отражает характеристику этно-исторических событий на Евразийском континенте. Под КИА следует понимать территорию, занятую родственным (хотя и не обязательно) населением, занимающим относительно единую географическую нишу, что обуславливало сохранение ряда традиций в течение длительного времени. В случае миграции в какой-либо КИА группы населения из другого КИА, это население вынуждено трансформировать свою культуру по причине новых географических и культурных факторов, заимствуя многие стереотипы аборигенов. В особенности фактор КИА сказывается в тех случаях, когда на это накладываются процессы взаимной ассимиляции пришлого и аборигенного населения. Фактор КИА, таким образом, может способствовать достаточно быстрому размыванию привнесенных норм и создает иллюзию имманентного развития культуры и устойчивости этнических характеристик исследуемого региона.

В силу вышеизложенного, мы вправе допускать определенную разноэтничность носителей отдельных археологических культур, хотя, в большей части случаев, речь должна идти все же о довольно близких этносах. Еще более

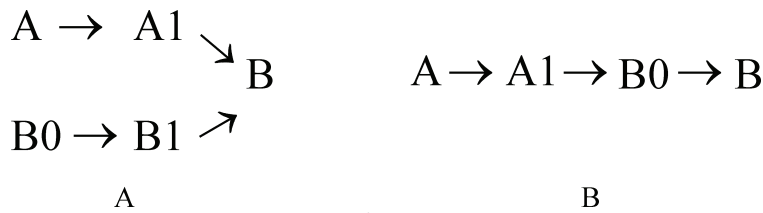

Рис. 1. Специфика отражения культурных трансформаций в археологических источниках: а – реальная ситуация; б – археологическая фиксация.

значимо данное положение при обсуждении этнической идентификации таких образований, как культурно-исторические общности. Как правило, они вбирают в себя различные этнические группы. Сходство отдельных культур общности вызвано общими причинами происхождения и едиными механизмами функционирования. Однако конкретные формы этих механизмов сугубо индивидуальны в каждом отдельном случае.

Теперь обратимся к проблеме археологической фиксации культурных трансформаций. Представим ситуацию, когда культура А сменяется культурой В. В культуре А выделяется поздний этап А1, а в культуре В – ранний – В1. При этом, если культуры А и В, хотя и имеют общие черты, все же достаточно различны, этапы А1 и В1 имеют колоссальное количество общих черт (рис. 1б). Имеются четкие случаи стратиграфии (редкость в Северной Евразии!), фиксирующие устойчивое последовательное перекрытие этих культурных комплексов. Из этой ситуации можно сделать вывод об однокомпонентном автохтонном развитии и генетической преемственности культур А и В, что обычно и делается. Но аналогичная археологическая ситуация может иметь место и при контакте автохтонного комплекса А с комплексом-мигрантом В0 (рис. 1а). Этот контакт приводит к трансформации культуры А в комплексы А1, которые, таким образом, действительно выступают в качестве позднего этапа данной культуры, а комплексы В0, вбирая местные черты, формируют комплексы В1 и часто оказываются почти не различимы с последними. При этом этапы А1 и В1 будут синхронны и в результате последующего нарастания компонента-мигранта, иными словами – культурной ассимиляции, мы получаем комплекс В. Но это вовсе не означает, что в итоге в этом районе язык А был заменен языком В. С другой стороны, мигранты могут быть ассимилированы

в культурном отношении, но язык пришельцев стал доминирующим. Поэтому для построения этнических реконструкций археологические данные могут оказаться бессильны.

В связи с обсуждением проблемы культурных трансформаций и возможностей этнических реконструкций на археологическом материале, необходимо остановиться на нескольких частных моментах, которые, тем не менее, крайне важны для нашего дальнейшего обсуждения вопросов, связанных с формированием синташтинской культуры и индоевропейскими миграциями в эпоху бронзы вообще. Эти проблемы касаются некоторых мифов, которыми перегружена археология. Собственно, их существование вполне закономерно и в какой-то степени необходимо, поскольку в любом исследовании нужно отталкиваться от некоторых незыблемых до определенного момента основ, сформированных много лет назад. И это вполне нормальное явление, если эти основы формировались в результате исследовательских процедур. Однако в ряде случаев эти основания к исследовательским процедурам не привязаны, а имеют в качестве своей причины особенности человеческой психики. Приведем пример. Предположим, что в регионе А происходит открытие какой-либо культуры. Она исследуется, включается в систему научного знания, к ней привыкают. Проходит 15-20 лет и памятники этой культуры обнаруживают в регионе Б. Естественным в этом случае будет вывод о распространении этой культуры из региона А, особенно, если подстилающий культурный пласт не дает возможности для определенных суждений на эту тему. И таких или подобного рода случаев немало.

Другой круг историографических проблем не относится к области случайного. Наиболее болезненная ситуация сложилась в проблемах соотнесения региональных схем и глобальных

процессов. Эта ситуация имеет под собой вполне объективные причины – отсутствие возможностей для точных датировок отдельных объектов, реальное присутствие в материалах предшествующего хронологического пласта керамических прототипов, специфика археологических коллекций, в которых керамический компонент является наиболее массовым. В совокупности все это вместе взятое приводило к формированию региональных схем, в которых новая археологическая культура обычно понималась, как вырастающая из предшествующей. В культуре выделялись этапы, после чего эти этапы и сама культура синхронизировались с аналогичными им на соседних территориях. Основой для выделения культур обычно являлась керамика, несмотря на возможную вариативность погребального обряда. Металл обычно использовался в качестве транскультурного хронологического индикатора. В результате складывалось впечатление автохтонного развития культур при возможном постепенном расширении занятых ими ареалов. Культурные же трансформации рассматривались как результат влияния иных культур, обычно соседних. Дальние миграции при этом допускались лишь в тех случаях, когда они видны невооруженным глазом.

Однако ни металл, ни керамика не несут той смысловой нагрузки, которую им придают, вернее, несут ее не в полной мере. В любом обществе существовало разделение труда между полами. Обычно (но далеко не всегда, а с развитием ремесла редко) керамика являлась производством женским. Напротив, изготовление металлических и каменных изделий – производство чисто мужское и при любых обстоятельствах. Поэтому при патрилокальном расселении (а у нас нет оснований сомневаться в том, что в эпоху бронзы оно было таковым) характеристика этноса отражена, прежде всего, в металлических и кремневых изделиях. Металл может работать и на хронологию, отражая, как разработку новых типов на основе прежних стандартов, так и появление новой этнической группы.

Керамический же комплекс допускает многочисленные вариации, отражающие разнообразие форм контактов в среде моноэтнического или полиэтнического населения. В случае контакта двух разноэтнических групп этот комплекс начинает трансформироваться в первую очередь. Причем, зачастую наблюдается не столько

механическое смешение двух традиций (хотя бывает и так), сколько их сближение и выработка новых форм. Но на выходе мы можем получить что угодно – от посуды отражающей старые черты до посуды, в которой эти черты едва проявляются. Со стабилизацией системы вырабатывается канон, а мы получаем культуру, якобы имеющую местные корни (что определено по керамике), но почему-то с иным погребальным обрядом и комплексом металла, заимствование которого мы допускаем более охотно.

Существует множество вариантов попадания керамического комплекса в иноэтническую среду, зачастую в чистом виде без каких-либо трансформаций. Подобные случаи описаны в литературе [*Шнирельман, 1980*]. Это ставит под сомнение правомерность утвердившейся практики выделения культуры по керамике, а тем более – этнических реконструкций на этой основе.

Сказанное вовсе не означает, что мы должны отказаться от изучения керамики при исследовании процессов культурных трансформаций. Скорее напротив – это может внести необходимые детали в историческую реконструкцию, но этническим индикатором керамика может выступать далеко не всегда.

С погребальным обрядом или металлообработкой могут быть связаны сходные проблемы, которых мы касаться не будем. Поэтому выявление миграций – задача достаточно сложная. В начальном и конечном пунктах материальная культура мигрантов будет сильно различаться.

Изложенное выше обуславливает большую методическую сложность исследования этнокультурной истории и вынуждает нас постоянно иметь в виду, по меньшей мере, три плана исследования.

В первую очередь, речь идет об анализе наиболее общих этнических и исторических процессов, поскольку без этого невозможно определить место того или иного конкретного материала в общей системе и, следовательно, невозможно само осмысление этого материала.

Далее следует анализ самого материала. При этом следует учитывать, что формирование, развитие и распространение каждой отдельно взятой фракции археологической культуры подвержено собственным, лишь ей присущим закономерностям. Так, на формирование металлокомплекса может оказать влияние целая серия

факторов – миграция населения, влияние мощных горно-металлургических центров, из которых осуществлялись поставки металла, и даже деятельность отдельных групп ремесленников [Черных, 1976, с. 160-162]. Причем, этим видом производства занимались исключительно мужчины.

Совершенно иная ситуация складывается в производстве керамическом. Специфика его в том, что это производство женское. Поэтому в конкретных исторических ситуациях (устойчивые разноэтничные браки, например) метаморфозы могут быть самые непредсказуемые. Наиболее определяющей здесь является, на наш взгляд, форма посуды, поскольку она самым непосредственным образом связана с технологией ее изготовления [Григорьев, Русанов, 1990]. Орнамент же является признаком вторичным. Он может более легко заимствоваться или же исчезать с керамики, сохраняясь на археологически менее стойком материале, и проявляться вновь спустя несколько столетий. Примером этому может служить исчезновение в лесном Зауралье в эпоху поздней бронзы черкаскульских орнаментов. Вновь они проявляют себя в средневековье, на бересте, обнаруженной в Сайгатском III могильнике (XIII-XIV вв. н.э.) [Зыков и др., 1994, с. 76].

Таким образом, каждая фракция археологической культуры наделена собственной спецификой и потому требует отдельного анализа.

Третьим исследовательским планом является сопряженность фракций в рамках отдельных культур и сравнительный анализ этих сопряженностей. Этот план позволяет выходить уже на конкретные исторические реконструкции.

При построении общей схемы археологического познания мы в состоянии выстроить иерархию описанных планов и говорить о них, как об уровнях. Однако в реальности эта работа осуществляется параллельно, что заставляет постоянно соотносить различные планы между собой и взаимно их корректировать. Несоблюдение этого принципа зачастую приводит к логическим тупикам.

Можно сколько угодно рассуждать о методологической чистоте и необходимости непредвзятой обработки материала. Однако при выборе методов или определении фонового материала мы будем все же исходить из уже заранее принятых концепций. Поэтому “методологи-

ческая чистота” (в описываемых рамках) возможна лишь в случае “незамутненного” опытом мышления, что попросту невозможно. В сущности, решение проблем с опорой на материал и метод обсуждалось ранее в науковедении в рамках позитивизма. Бесплодность подобных попыток в настоящее время очевидна большинству ученых, но в археологической науке позиции позитивизма необычайно прочны. Распространенные теории здесь подвергаются критике чрезвычайно редко, но часто материал обрабатывается вообще без привязки к каким бы то ни было общим схемам. Более того, мне приходилось встречать в одном абзаце ссылки на авторов, стоящих на противоположных позициях, что отражает равнодушие к целостной картине археологического знания. Это вызывает зачастую случайный подбор фонового материала при статистической обработке собственных данных.

В силу этого схемы культурогенеза, в рамках которых мог бы обрабатываться материал, необходимы. Настоящая работа и направлена, в основе своей, на создание подобной схемы. Поэтому в ней нет того уровня проработки материала, который отличает частные исследования. Для этого необходим труд десятков людей различных научных центров. Все это исключает на сегодняшний день возможность построения четких картин культурогенеза (а тем более этногенеза) и вынуждает нас рассматривать наиболее общие генерирующие процессы, опираясь на более-менее непреложные факты. В тех случаях, когда опора будет слишком зыбкой, ради цельности изложения мы будем вести описание на уровне гипотез. Ведь гипотеза, не являясь еще доказанным знанием, дает прекрасные возможности для проблематизации, что на наш взгляд, не менее значимо для науки, чем, казалось бы, устоявшееся положение. В рамках этих рассуждений мы бы и просили читателя относиться к предлагаемому тексту.

Самым большим местом при построении схем этногенеза, охватывающих большие территории и временные интервалы, являются вопросы хронологии. Любой археолог знает, насколько бывает сложно сопоставить материалы даже одного региона. Очень часто подобные сопоставления являются не более чем условностью. Тем более проблематично сопоставлять археологические даты с теми, которыми опери-

руют лингвисты. Не желая задеть представителей этой науки, я вынужден отметить, что применяемые ими методики весьма далеки от совершенства и в еще большей степени условны, чем археологические даты. Наиболее распространенным методом лингвистического датирования является метод глоттохронологии. Он очень ненадежен, поскольку предполагает, что существует некая постоянная скорость языковой трансформации, которую можно рассчитать и тем самым определить время появления того или иного языка. Безусловно, в реальности этот метод предполагает постоянную корреляцию всей системы. Поэтому определенные оценочные результаты он все же дает и без этих результатов любые попытки обсуждать процессы образования этносов были бы беспочвенны. Однако язык не может изменяться с определенной скоростью, что, впрочем, прекрасно понимают сами лингвисты. Изменения его зависят от обстановки и окружения. А данный метод не позволяет учесть влияние на скорость трансформации языка контактов с иными языками, заимствования, особенно из неизвестных языков и т.д. [Напольских, 1997, с. 120]. Поэтому необходимо опираться на полученные с помощью его данные, но учитывать, что это данные относительные, а приводимые даты условны.

Надежность традиционной хронологии тоже не велика. Даты, основанные на письменных источниках, появляются только в III тыс. до н.э. Для предшествующего времени под традиционной хронологией понимаются часто некалиброванные радиоуглеродные даты, которые начали использоваться раньше и которые в большей степени соответствуют датировкам, получаемым по письменным источникам. Более надежные даты начинаются после 1500 г. до н.э. Для предшествующего времени существует пока нерешенная проблема того, сколько лет включает в себя разрыв в царских списках между 1450 г. до н.э. и концом I династии Вавилона – 80, 144 или 200. На этом основании строятся короткая, средняя и длинная хронологии Ближнего Востока, но последняя мало вероятна [Parzinger, 1993, S. 283]. Значительные неточности могут возникать и при опоре на египетский материал. Для Нового Царства погрешность может составлять 20-50 лет, что проверено как радиоуглеродным методом, так и с помощью дендрохронологии. Поэтому

для Среднего Царства погрешность может достигать 50-100 лет и более. Ситуация усугубляется при использовании этих данных для построения хронологических схем других регионов, поскольку нам не известно сколько долго производился тот или иной предмет и насколько долго он использовался. Кроме того, в Греции, например, ближневосточные импорты находятся обычно в престижном контексте и могли потому передаваться из поколения в поколение [Manning, 1996, p. 26, 27]. Однако многие археологи, работающие на Ближнем Востоке, используют именно эту систему дат, что вполне объяснимо, ввиду необходимости привязки материала именно к письменным источникам.

Европейские археологи, которым письменные источники недоступны, в силу их сравнительно позднего появления в исследуемом регионе, перешли на систему калиброванных радиоуглеродных дат, которая воспринимается часто как достаточно надежная, так как выверена дендрохронологической шкалой некоторых территорий. Калибровка данных, полученных радиоуглеродным методом, производится по той причине, что количество радиоуглерода в атмосфере не постоянно, что отражается на результатах анализа. Колебания радиоуглерода в атмосфере обусловлено рядом причин: интенсивностью космических лучей, солнечной активностью, напряженностью магнитного поля земли, климатическими изменениями. Оно постоянно изменяется, но сейчас считается, что эти колебания носят планетарный характер и хорошо известны. Однако многие старые анализы очень не точны. Тем не менее, часто они используются для построения хронологических схем, в том числе для получения калиброванных дат [Марсадолов, Зайцева, 1999, с. 113; Manning, 1996, p. 29].

Однако и современные аналитические способы не могут рассматриваться как панацея в данной ситуации. Применение калиброванных радиоуглеродных дат далеко не везде можно назвать успешным. В Болгарии в системе традиционной хронологии РБВ датировали периодом 3200/3000 – 2000/1900 до н.э., СБВ – периодом 2000/1900 – 1600/1500 до н.э., а ПБВ – 1600/1500 – 1200/1100 до н.э.. Абсолютные даты помещают начало РБВ в период 3200/3150 до н.э., в результате чего образуется разрыв с Переходным периодом около 400 лет. СБВ датируется

2570/2530 – 2200/2100 до н.э., а ПБВ соответствует традиционным датам. В результате образуется хронологический разрыв с предшествующей эпохой около 500-600 лет [Boyardziev, 1995, p. 177, 178].

Меллаарт писал о неприменимости радиоуглеродных дат для Анатолии [Mellaart, 1971, p. 403-405]. Сопоставление радиоуглеродных дат различных территорий Юго-Восточной Европы показывает, что гармонии нет, хотя многие проблемы с помощью этого метода решаются [Makkaу, 1996, p. 225].

Трудно сказать, с чем связаны трудности использования радиоуглеродного метода – с аналитическими проблемами или с тем, что колебания углерода в атмосфере могут иметь и ярко выраженную региональную специфику. Однако данный метод является даже в большей степени условностью, чем хронология, построенная на письменных источниках. Недостаток последней, впрочем, в том, что она не в состоянии охватить все эпохи и территории. Поэтому за пределами этого охвата радиоуглеродный метод остается единственно возможным.

Существуют и иные методы датирования, например, термолюминесцентный. Однако он очень трудоемок и точность его составляет 5 – 10%, что для проблем хронологии эпохи бронзы уже неприемлемо [Mommson, 1986, S. 254, 255].

Практически единственным методом абсолютного датирования на сегодняшний день является дендрохронология, но древние памятники с ее помощью датированы в очень незначительном объеме и на очень небольших территориях. В очень важных для решения проблем хронологии районах Греции и Месопотамии данная работа, практически только начата [Kuniholm, 1996].

Таким образом, принципиально можно говорить о двух хронологических системах – традиционной и радиоуглеродной. Однако в настоящее время это не может быть вопросом выбора, основанного на предпочтении. Пока вопрос о справедливости той или иной системы датирования не будет прояснен окончательно, эти системы должны существовать параллельно друг другу, а в рамках одной работы следует придерживаться одной системы [Kuzmina, 1998]. Поскольку в этой работе рассматривается много различных материалов и культур Евразии, не охваченных радиоуглеродным датированием, я

предпочел здесь традиционные системы дат. Кроме того, работа строится в большей степени на материалах регионов бывшего СССР, где калиброванные даты находят все еще малое применение. К сожалению, проблема осложняется и традициями российской археологии. В Европе, благодаря работам Райнеке и Монтелиуса, достаточно давно существует система относительной хронологии, позволяющей коррелировать материал в рамках определенных хронологических ступеней. В российской археологии для соотнесения материала всегда пользовались датами. Последние, естественно, имели постоянную тенденцию к изменениям, что приводило к необходимости изменения целого ряда схем. Тем не менее, в работе будет использована именно данная традиция. Кроме того, необходимость ее применения обусловлена и постоянными связями с ближневосточной хронологией. По мере возможности я буду приводить соответствия в калиброванной радиоуглеродной шкале. При описании европейских материалов, чаще будет использоваться именно она.

Еще одной особенностью данной работы является отсутствие исторических и этнографических параллелей при реконструкции арийского общества и системы, формирующейся в Восточной Европе в синташтинско-абашевское время. Связано это с глубоким убеждением в том, что история достаточно конкретна. Появление в какой-то зоне нового этноса может вести к очень серьезным изменениям, и поиск стадийных параллелей может лишь исказить ситуацию. Для реконструкции арийского общества в степной Евразии опасны даже данные таких источников, как “Ригведа” или “Авеста”, сформировавшиеся в иной культурной и природной среде. Поэтому подобные данные могут лишь выступать в роли иллюстрации. Основой же для реконструкции обязаны служить только археологические материалы. Не беда, что они не позволяют нам пока строить подробные модели. Это наша временное исследовательское затруднение, которое можно будет постепенно решить.

Безусловно, для поднимаемых проблем использованная фактологическая база довольно ограничена, хотя она и намного шире той, которая приводилась в предварительных публикациях [Григорьев, 1996; 1996а; 1996б; 1998; 1998а]. Поэтому данную работу следует рассматривать, скорее, в качестве постановки проблемы, а не

завершенного исследования. С этой последней оговоркой мы и приступим к основному изложению.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению синташтинских материалов, я хотел бы выразить свою признательность ряду исследователей, которые в той или иной мере способствовали работе над этой работой. В первую очередь, я благодарен своим учителям Е.Н. Черныху и Г.Б. Здановичу. Они не разделяют взглядов, изложенных ниже, и, тем не менее, именно предшествующая работа под их руководством позволила мне прийти к этим выводам. Особую благодарность я хотел бы выразить Вяч.Вс. Иванову,

М.Ф. Косареву и В.И. Сарияниди, взявшим на себя труд рецензирования рукописи, внесших серию бесценных замечаний и оказавших мне огромную моральную поддержку. Последнее, в силу чрезвычайной дискуссионности основных положений этой работы, было для меня особенно важно. Отдельно я хотел бы поблагодарить Ф. Петрова. Большая часть этой работы была написана во время продолжительной болезни, и он взял на себя труд обеспечения меня необходимой литературой. Кроме того, по тем же причинам, он был первым собеседником, с которым обсуждались те или иные положения.

Глава 1

Архитектура

1.1. Синташтинская архитектура

Все синташтинские городища локализуются в южной лесостепи Зауралья. Территория их распространения ограничена на севере рекой Уй, а на юге — южными притоками реки Тобол. Располагаются они на реках-притоках Урала и Тобола. В настоящее время в этом регионе известно 17 пунктов с 21 памятником [Зданович, 1997, с. 59; Зданович, Батанина, 1995, с. 56], имеющим укрепления, которые датируются временем средней бронзы и перехода от средней к поздней бронзе (рис. 2). Расстояние между городищами составляло 40-70 км, а радиус освоенной территории каждого центра – 25-30 км. Отмечено три различных типа укреплений – овальные, круглые и прямоугольные. На основании отдельных случаев перекрывания одних типов городищ другими был сделан вывод о том, что наиболее ранними являются овальные памятники, затем появляются круглые, и на последнем этапе возникают прямоугольные [Зданович, 1997, с. 59; Зданович, Зданович Д., 1995, с. 49, 50]. С этим положением можно согласиться лишь отчасти. Прямоугольные городища действительно возникают достаточно поздно, уже на петровском этапе истории Южного Зауралья и это прекрасно вписывается в историко-культурную ситуацию Урало-Иртышского региона. Овальные городища могут быть, в целом, синхронны круглым, и их различия не дают оснований для выделения более раннего этапа. Стратиграфическая ситуация на отдельных памятниках может означать лишь очередность строительства в данном конкретном месте. На наш взгляд, например, Синташтинское поселение является по характеру материала одним из наиболее ранних, хотя и является круглым.

Правда, при этом следует учитывать, что во внутреннем круге Синташты, сохранившемся фрагментарно, фиксировалось два строительных горизонта, причем ранний и поздний, судя по всему, имели различную планировку. Ранний ров, ис-

следованный здесь, не образует правильную окружность, а начинает довольно резко заворачивать вглубь поселения. Впоследствии строения первого горизонта были разрушены и на этом месте появились постройки, спроектированные на основе круга.

Наличие перестроек хорошо фиксируется и на Аркаиме по следам перепланировки (смещения в плане) отдельных жилищ и обилию столбовых ямок в жилищах внутреннего круга. В жилищах внешнего круга присутствуют лишь те ямки, которые предусмотрены конструкцией. Аналогичным образом, в жилищах внешнего круга фиксируется один колодец и одна печь около него, а во внутреннем их может быть больше, что свидетельствует о одновременности их сооружения. Но Аркаим сразу соорудился с круглой планировкой, и лишь затем к нему начали интенсивно пристраивать новые сектора. Отсутствие второй внутренней стены на Синташте позволяет предположить, что наличие двух стен не было обязательным, а сформировалось на Аркаиме исторически. Здесь не было необходимости в полной перепланировке и разрушении с этой целью ранней стены.

Масштабные перестройки с изменением планировки фиксируются и на Куйсаке [Малютина, Зданович, 1995].

Словом, выявленную тенденцию очередности овал – круг – прямоугольник следует учитывать при дальнейших рассуждениях, но бесспорной является лишь более поздняя хронологическая позиция прямоугольных планировок.

Прямоугольные городища относятся уже к петровской культуре. Расположены они на притоках Тобола, в восточной зоне распространения подобных памятников. В начале поздней бронзы эта территория являлась западным флангом петровской культуры. В западной зоне, на притоках Урала, синташтинская культура трансформируется, как и в Поволжье, в раннесрубную покровского типа при обилии ранне-

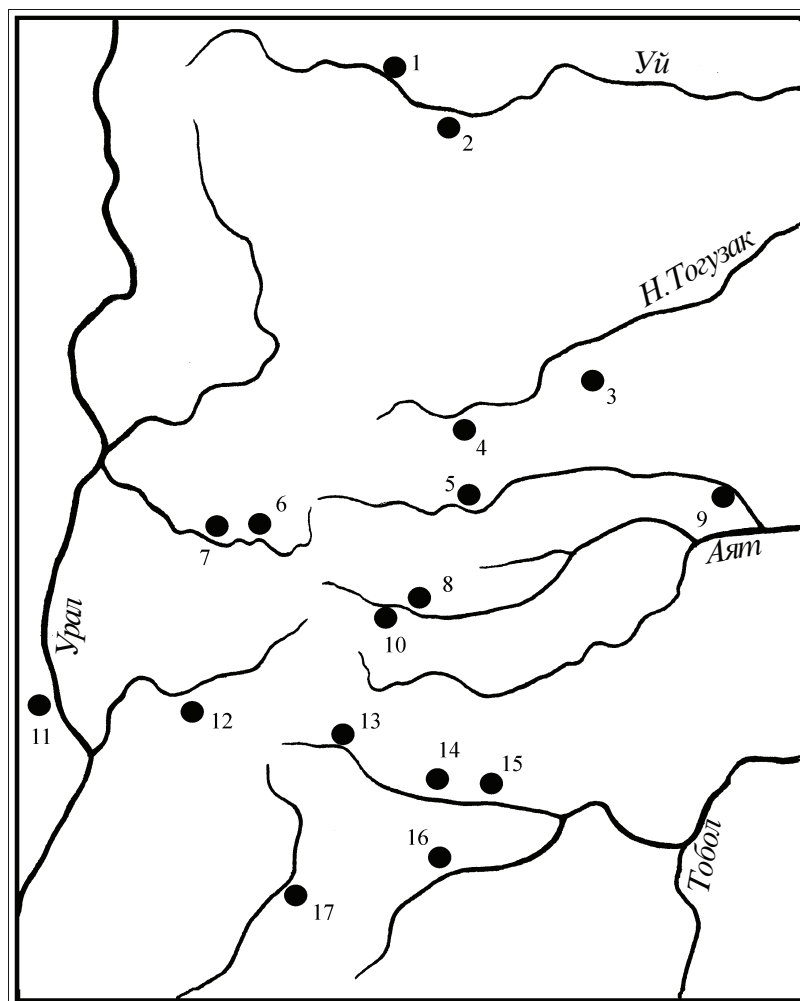

Рис. 2. Карта распространения синташтинских городищ: 1 – Степное; 2 – Черноречье III; 3 – Чекотай; 4 – Устье; 5 – Родники; 6 – Сакрын-Сакла; 7 – Куйсак; 8 – Ольгино; 9 – Исиней; 10 – Журумбай; 11 – Кизильское; 12 – Аркаим; 13 – Синташта; 14 – Синташта II; 15 – Андреевское; 16 – Берсуат; 17 – Аландское.

алакульских черт. “Контактный” характер этого региона сохраняется впоследствии и в ПБВ. Здесь прямоугольные городища не появляются.

По-видимому, столь контрастное последующее развитие этого сравнительно небольшого, по евразийским понятиям, района объясняется тем, что водоразделы были слабо освоены. Постоянных неукрепленных поселений на этой территории не обнаружено. Судя по всему, и традиции подобных поселений первоначально не существовало, поскольку сама техника синташтинского домостроения не предполагала индивидуально расположенных построек. На раннесрубном и петровском этапах такие поселки появляются, но они несопоставимы по масштабу с последующими алакульскими. Обнаружение отдельных фрагментов керамики на стоянках

[Зданович, 1997, с. 58; Зданович, Батанина, 1995, с. 59] может датироваться уже началом поздней бронзы и не относиться к “классическому” периоду или фиксировать места стоянок скотоводов, проживавших, преимущественно, в укрепленных городищах.

Раскопанные памятники позволяют нам получить достаточно полные представления о синташтинской архитектуре [Зданович, 1995; 1997; Генинг и др., 1992]. “Классические”, наиболее полно исследованные синташтинские городища (Синташта и Аркаим) отличаются круглой планировкой при диаметре 140-180 м (рис. 3,1,2; 4). Площадь городищ достигала 25000 кв.м. Городище Сакрын-Сакла, имевшее только один ряд жилищ, гораздо меньше – около 6500 кв.м. Основу конструкции составляют оборонительные

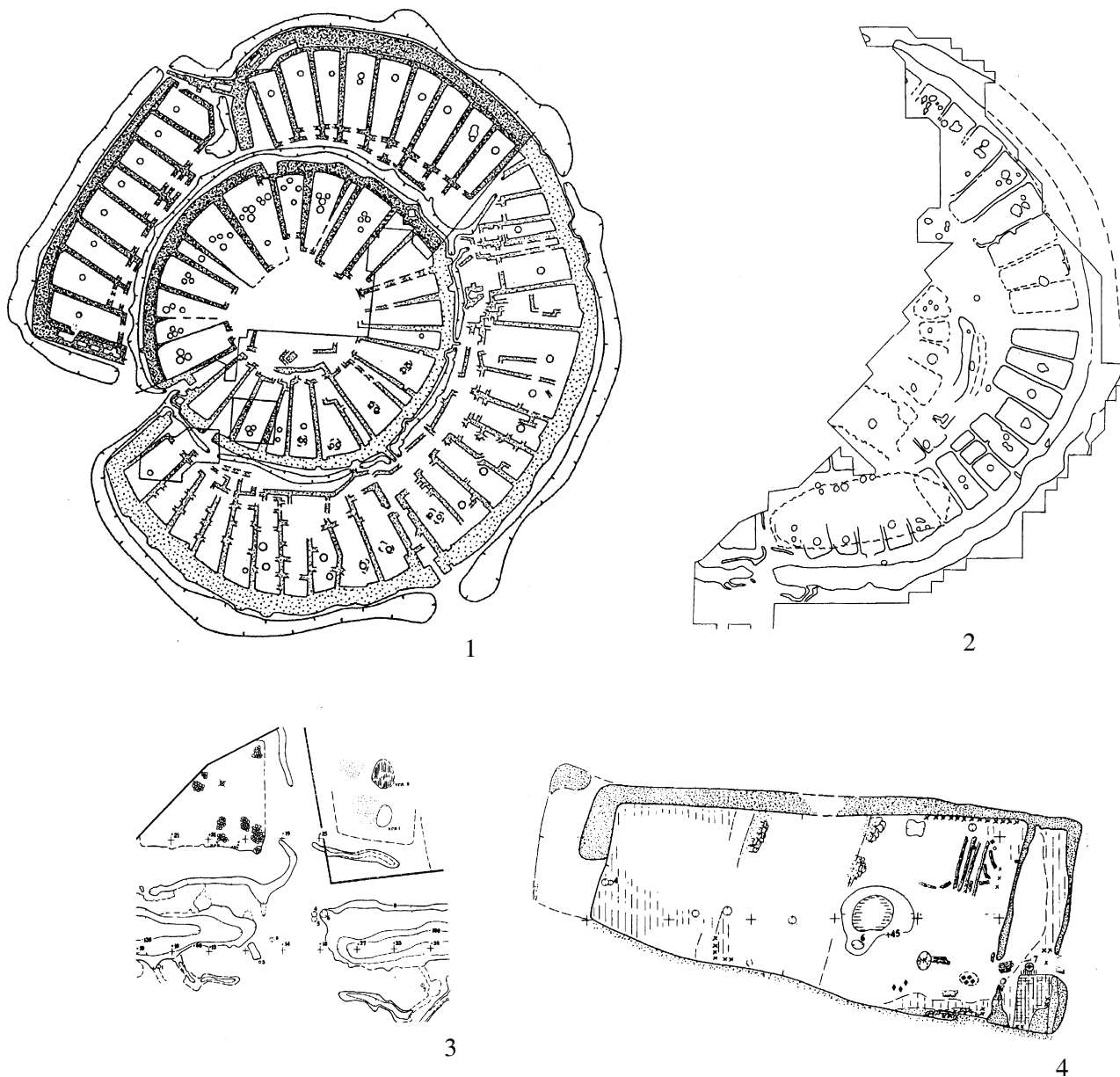

Рис. 3. Синташтинская архитектура. 1 – Аркаим; 2 – Синташта; 3 – вход на пос. Синташта; 4 – жилище на пос. Синташта.

сооружения. В первую очередь, это кольцевой ров, шириной 2,5-4 м и глубиной около 1,5 м. Стенки рва наклонные, внутренние стенки имеют уступы, на которые опирались контрфорсы стены. В районах контрфорсов ров обычно сужается, что связано с экономией трудозатрат (перепрыгнуть ров в подобном месте мешают контрфорсы). На дне рва выкапывались колодцы, чтобы дождевые и паводковые воды уходили в грунт и не размывали основание стен (рис. 5).

Основание стен делалось из материкового песка или глины, взятых при рытье рва. Этот грунт

засыпался в опалубку из дерна или иного материала. На полученное основание устанавливались деревянные клетки, заполнявшиеся грунтом (рис. 6). Высота стен достигала, вероятно, 5 м, что, с учетом глубины рва, являлось достаточно серьезным препятствием для противника. Проведенные на Аркаиме исследования грунта позволяют предполагать использование специальных цементирующих добавок, хотя природный материковый слой сам обладает подобными свойствами [Зданович, 1997, с. 51].

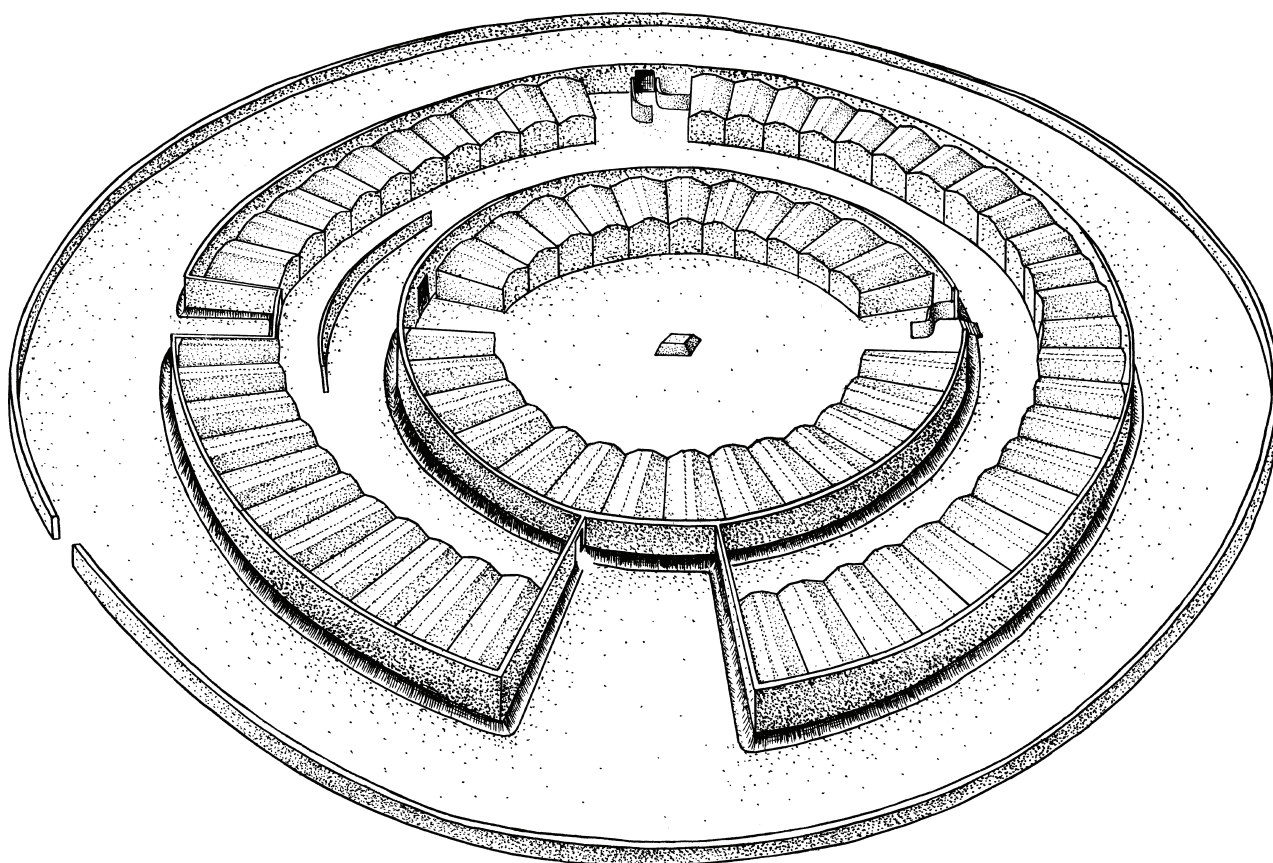

Рис. 4. Реконструкция укрепленного поселения.

На поселении Устье на синташтинском этапе каркас стены составляли бревна, врытые через определенное расстояние. В петровское время появляются срубы, заполненные землей [Виноградов, 1995, с. 17].

Хотелось бы подчеркнуть единство строительной традиции разных городищ. И при строительстве оборонительных стен, и при строительстве жилищ использовался единый принцип – засыпка грунта в опалубку. Ситуация на Синташте, где как будто зафиксированы редкие глиняные блоки, не исключение. Сформироваться они могли при последующем обжиге во время пожара и разрушении слежавшегося грунта стены. По принципу, это архитектура грунтовая, а не глинобитная. Однако в случае с Синташтой использование сырцового кирпича не исключено, поскольку количество столбовых

ямок, фиксируемых в жилищах этого поселения, было меньше, чем на Аркаиме. Здесь следует иметь в виду существенную разницу в расположении памятников. Аркаим располагается на супесчаном грунте, в то время как Синташта – на тяжелых плотных суглинках с очень незначительным дерновым слоем. Это могло быть причиной определенных различий в строительных приемах.

Очень впечатляют оборонительные стены на поселении Аландское, облицованные каменными плитами. Добыча камня для облицовки производилась в 1 км от поселения [Зайков и др., 1999, с. 316].

Вторая линия оборонительных укреплений имела меньший диаметр – около 90 м. Одно из городищ (Сакрын-Сакла) имеет только эту линию укреплений. Основные параметры внутреннего

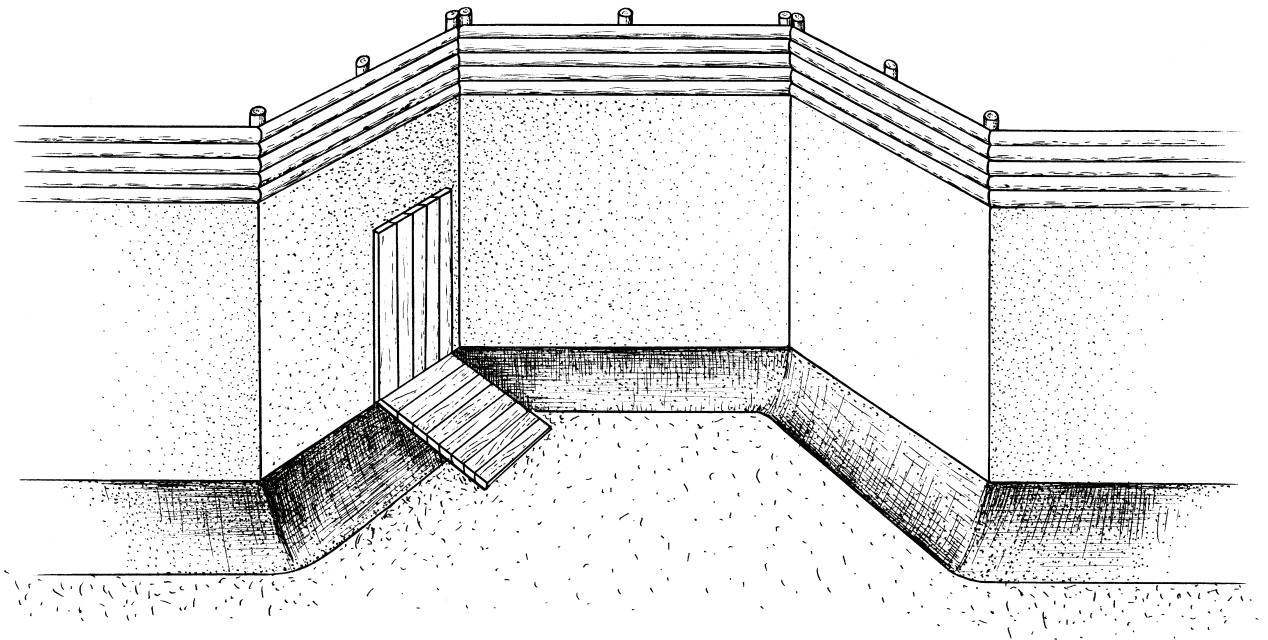

Рис. 5. Реконструкция оборонительной системы.

кольца укреплений близки внешним, но отличались чуть более скромными размерами. Иногда они соединялись с внешними укреплениями радиальными стенами (Аркаим), разделяющими городище на сектора, что облегчало защиту поселка. Эти радиальные стены первоначально строились вовсе не с этой целью. По мере увеличения населения к внутреннему кольцу пристраивались внешние сектора, что и сформировало впоследствии подобную структуру.

Входы на городища размещались с четырех сторон. Их ориентация была близка к сторонам света. На поселении Синташта исследовано два входа — северный и южный. Однако не исключено, что существовали также западный (в части поселения, смытой рекой) и восточный, располагавшийся напротив улицы, между жилищами 9 и 10. В противном случае объяснить необходимость улицы, упирившейся в оборонительную стену, довольно сложно. По-видимому, вход этот не был капитальным, поскольку ров здесь не прерывается. Южный проход демонстрирует нам достаточно сложную фортификационную систему (рис. 3,3). По обе стороны от него зафиксированы остатки башен и предварные укрепления в виде небольших часто-

колов, отходящих от рва и идущих параллельно ему на расстоянии около 3 м навстречу друг другу. Проход был оформлен таким образом, что по нему нельзя идти прямо, а было необходимо делать повороты. В результате он простреливался со всех сторон. Северный проход был, по-видимому, устроен подобным же образом. Однако верхняя часть слоя здесь была смыта паводковыми водами, что уничтожило все детали укреплений, кроме нижней части рва.

Аналогичным образом устроены проходы на Аркаиме, где исследовано два входа: северный и западный. Однако топография дневной поверхности памятника позволяет предположить наличие южного и восточного. Оба исследованных прохода, по принципу, очень похожи. Различаются они лишь своими размерами. Показателен для реконструкции фортификаций западный проход. Стена и ров здесь круто поворачивают в восточную сторону, образуя трапецию. Однако в восточной ее части прохода нет. Он обнаружен на стыке северной и восточной стен, что ставило наступающих в невыгодное положение, поскольку они вынуждены были подставлять правый бок и спину под стрелы защитников крепости. Расположение прохода с

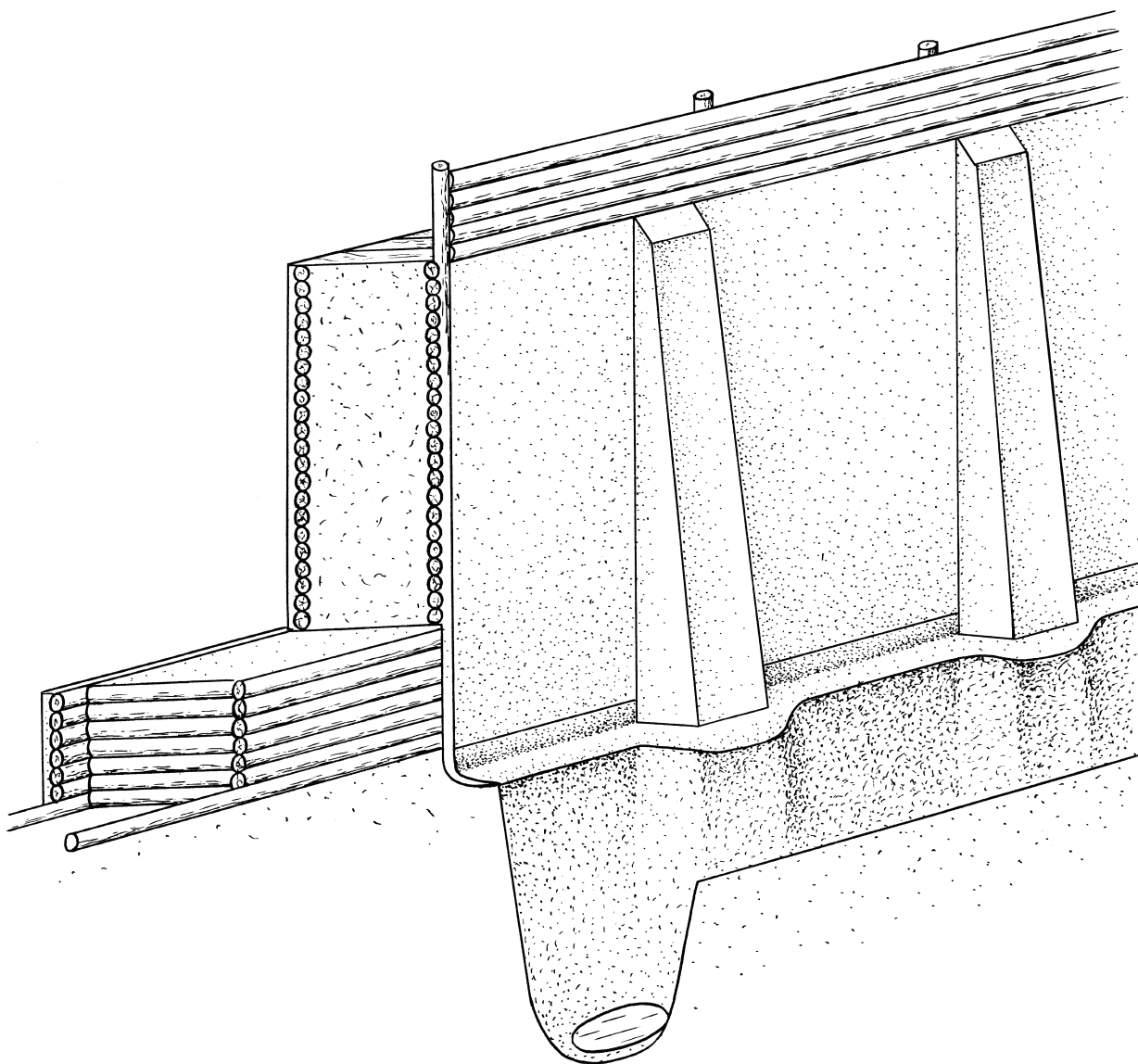

Рис. 6. Реконструкция оборонительной системы.

левой стороны этой фортификационной системы позволяет предполагать наличие в этот период щитов.

Помимо основных укреплений существовала третья (внешняя) оборонительная линия, фиксируемая на Аркаиме. Она не имела рва и не исключено, что здесь не было таких стен, как собственно на городищах, поскольку, с учетом

особенности строительства прочных фундаментов на Аркаиме, подобные стены бы лучше сохранились. Скорее всего, это был небольшой вал. За пределами этой оборонительной линии не было и жилищ. Поэтому она была более легко разрушена временем.

Жилища располагались за каждой линией укреплений, примыкая к оборонительным стенам

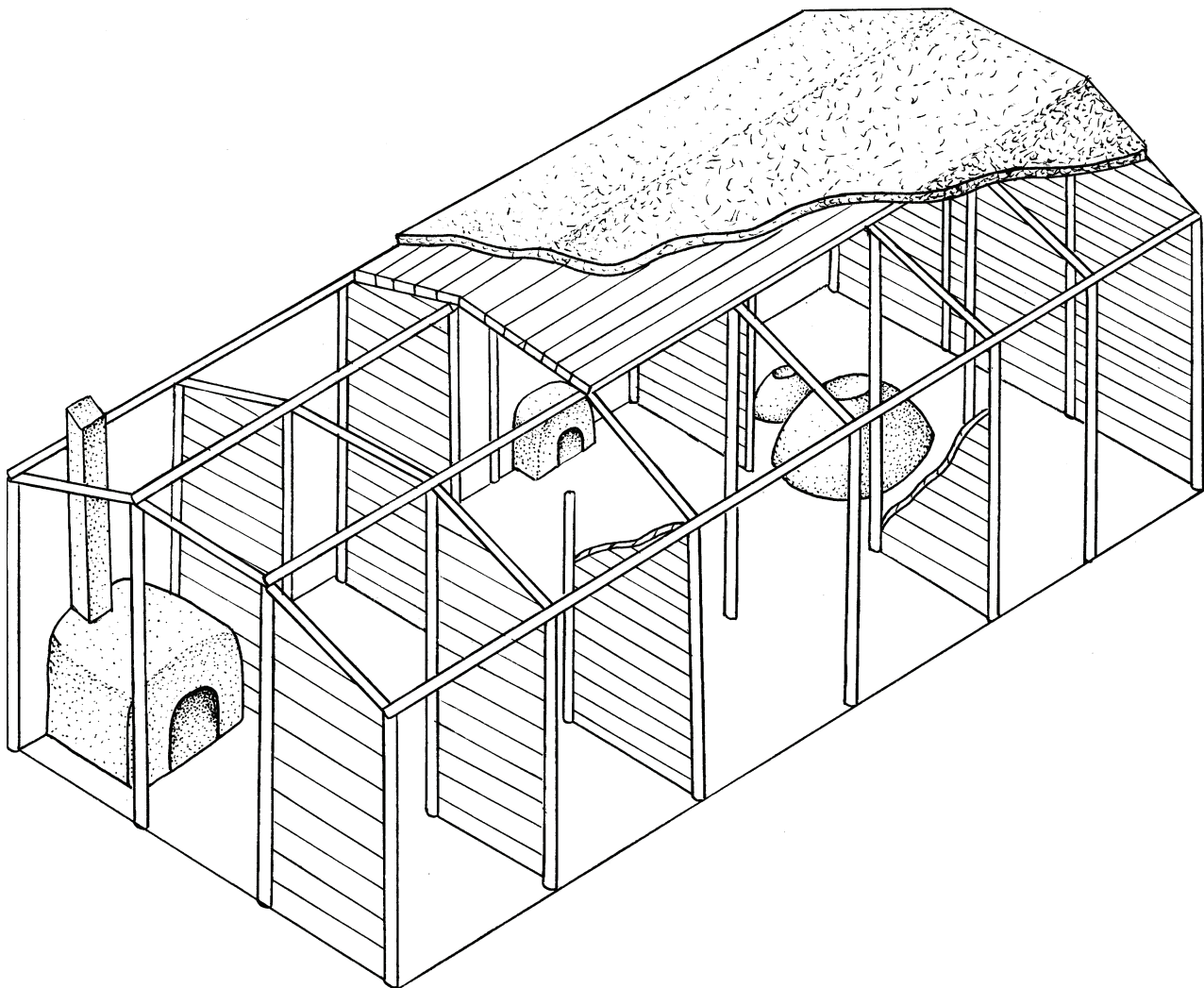

Рис. 7. Реконструкция синташтинского жилища

торцевыми сторонами (рис. 3,4). Продольная стена была общей для двух соседних жилищ. При сооружении стены по краю каждого жилища вкапывался ряд столбов, к которым крепились горизонтальные плахи. Образованная таким образом опалубка заполнялась грунтом, взятым при рытье котлована жилища. Еще два продольных ряда столбов фиксируются в средней части жилищ. На них опиралась кровля (рис. 7). Пространство жилищ подразделялось на хозяйственную часть (1/3 жилища у оборонительной стены) и жилую. Помимо этого около выходов фиксируются небольшие помещения, в которых могли располагаться камины. В ряде случаев они

зафиксированы. Это значительно сокращает жилую часть домов. При общей площади жилищ от 100 до 140 кв.м, жилая часть составляла от 35 до 65 кв.м и могла вместить не более 20-30 человек. Во всем поселке, таким образом, проживало от 1000 до 1800 человек¹, а на поселении Сакрын-Сакла, вероятно, 500-700 человек.

¹ Существуют и иные определения, оценивающие численность населения Аркаима в 700-800 [Етимахов, 1996а, с. 59] и в 2000 – 3000 человек [Зданович Д., с. 5]. В последней работе Г.Б.Зданович счел возможным довести численность населения одного синташтинского городища до 2500-4000 человек, что не подкрепляется никакими данными [Зданович, 1999].

В хозяйственной части жилища находился колодец, печь, иногда незначительные хозяйственные ямы. Колодец, помимо водоснабжения, служил для хранения продуктов и обеспечения подачи воздуха в печь. Стенки колодцев защищались от разрушения плетнем, а сами они перекрывались куполом из материкового грунта. К колодцам пристраивались небольшие купольные печи, имевшие, в ряде случаев, горизонтальный дымоход. Как показали результаты экспериментальных исследований, воздух из колодца, поступая в печь, шел по кругу, равномерно прогревая всю полость печи [Григорьев, Русанов, 1995]. Печи были полифункциональны. Рядом с ними обнаружены металлургические шлаки. В поды некоторых печей были вмонтированы воздуходувные сопла, что говорит об использовании мехов для дополнительного дутья при металлургическом производстве.

Вход в жилище был устроен следующим образом. Напротив двух торцевых помещений внутренние ряды столбовых ямок располагаются ближе друг к другу, образуя коридор шириной около 1 м, из которого можно было попасть не на улицу, а в более легкое помещение или навес, примыкавший к торцу дома на внутренней стороне городища. Это очень похоже на мегарон балкано-анатолийского типа.

В центре поселений находилась площадь. Она имела округлую форму и размеры около 30-40 м в диаметре. Обычно какие-то крупные сооружения на площади не фиксируются. Однако на двух поселениях (Сакрын-Сакла и Куйсак) на поверхности площади видны впадины от трех построек. Очень сомнительно, чтобы они были жилыми. Используемая синташтинцами техника строительства не давала возможности строить отдельно стоящие дома с хорошими теплоизоляционными качествами. Вероятно, это легкие постройки. К сожалению, у нас нет возможности сказать что-либо определенное об устройстве центральной части на поселении Синташта, поскольку она была уничтожена рекой.

Для понимания причин возникновения синташтинского архитектурного комплекса необходимо обратиться к широкому кругу аналогий, чтобы выявить исходные импульсы, приведшие к формированию тех или иных слагающих его компонентов.

1.2. Зауральская архитектура

В предшествующий период эпохи бронзы на территории степной и лесостепной Евразии жилые постройки не обнаруживают никаких черт, сопоставимых с синташтинскими. В энеолите Зауралья и Казахстана (кысыкульская, аятская, суртандинская и ботайская культуры), в предшествующем пласте культур ранней и средней бронзы Приуральского региона составляющие синташтинского комплекса отсутствуют. Однако мы находим множество параллелей в культурах сопредельных территорий или полностью синхронных синташте, или формирующихся на ее основе.

В первую очередь обратим свое внимание на памятники петровской культуры, расположенные к востоку, на территории юга Западной Сибири и в Северном Казахстане. Укрепленные поселки этой культуры расположены по левым притокам Тобола и на Ишиме. Керамика петровского облика распространяется гораздо шире и присутствует на многих многослойных памятниках Урало-Иртышского региона.

Петровские городища имеют прямоугольную форму и занимают площадь 5700-8500 кв.м, значительно уступая по этому показателю синташтинским городищам (рис. 49,1). Площадка поселения опоясана рвами глубиной 1,5-2,5 м и шириной до 3,5 м. Вдоль рвов зафиксированы валы из глины, извлеченной при их рытье, служившие основанием оборонительных стен. Иногда на поверхности вала отмечены ямки от столбов, но не по всей длине. По-видимому, здесь мы имеем дело с совершенно идентичными синташтинским конструкциями. На основании стены воздвигались две стенки, сложенные из горизонтальных бревен и укрепленные отдельными вертикальными столбами, врытыми в основание. Пространство между ними заполнялось грунтом [Зданович, 1988, с. 132, 133].

На поселении Петровка II зафиксированы ворота на городища. Ров в этом месте размыкается. Перед воротами в ямках обнаружены жертвенники с керамикой и костями животных.

Внутри оборонительных стен, жилища располагались плотными рядами. В отдельных случаях прослежены улочки. В отличие от син-

таштинских памятников планировка здесь уже не кольцевая, а линейная. Жилища имели прямоугольную форму, площадь 25-100 кв.м. В торцевой их части располагался вход-тамбур. Отсутствие четких линий столбовых ям заставляет предполагать наличие срубов. Жилища наземные. Глубина котлованов, как и на синташтинских памятниках, не превышает 15-20 см. Пол жилищ обмазывался глиной. В помещении отмечены печи округлой формы, часто с каменными выкладками. Впрочем, говорить о срубном характере жилищ представляется возможным лишь в тех случаях, когда речь идет о небольших постройках. Вероятно, каркас все же был столбовым, но это не было зафиксировано или из-за перестроек или столбовые ямки по какой-то причине слабо отбивались на фоне материка.

Архитектура неукрепленных поселков отличается некоторыми особенностями, характерными уже для ранних этапов петровской культуры [Евдокимов, 1983, с. 35]. Это достаточно крупные полуземлянки, прямоугольной формы, размером 95-114 кв.м. Некоторые жилища двухкамерные. В них обнаружены округлые и восьмеркообразные (металлургические) печи и хозяйственные ямы. В отдельных случаях зафиксирована обмазка пола глиной.

В лесостепном Притоболье жилища, относящиеся к петровской культуре не выявлены. Это говорит о характере петровского и синташтинского проникновения на данную территорию [Потемкина, 1985, с. 327].

На севере, в районе Тюменского Приобья, локализуются поселения ташковской культуры [Ковалева, 1988, с. 30-35]. Полностью из них раскопано поселение Ташково II. Более ограниченные работы произведены на поселениях Иска III и Х ЮАО [Юрковская, 1973, с. 7-12; Рыжкова, 1996; 1999]. Комплексы занимали площадь около 1000 кв.м. Жилища представляли из себя слегка углубленные в землю бревенчатые срубы квадратной формы площадью 30-40 кв.м. Располагались они овальным кольцом, почти примыкая друг к другу и образуя замкнутое пространство. Незначительные расстояния между стенами жилищ, в целях обороны, могли дополнительно перегораживаться бревнами. В центре каждого жилища располагался очаг (рис. 71).

Сам принцип подобной фортификационной системы близок синташтинскому, хотя небольшие

святилища округлой формы сооружались в южной части лесного Зауралья уже в энеолите [Потемкина, 1995, с. 144-154]. Однако попытки связать эти святилища с возникновением традиций синташтинской архитектуры [Потемкина, 1999] совершенно не убедительны. Более логично было бы обсуждать формирование на этой основе ташковских поселков. Тем не менее, мы допускаем и иные возможности возникновения круглоплановых поселков в ташковской среде, о чем пойдет речь ниже. Заимствование же обратное из ташково в синташту, на наш взгляд, немислимо в силу хронологической позиции ташковских древностей. Впоследствии подобный тип поселков прочно закрепляется в угорской среде и обнаруживает себя, вплоть до деталей (в виде одного расположенного внутри кольца жилища, смещенного от центра), в материалах потчевашской культуры лесного Прииртышья [Финно-угры..., 1987, с. 324]. Форма же жилищ и расположение очага в центре были распространены в финно-угорских культурах повсеместно, являясь одной из основных этнокультурных характеристик. Поэтому попытки отождествить ташковскую культуру с индоиранцами [Ковалева, 1995] на первый взгляд кажутся неудачными. Впоследствии это положение было несколько смягчено, хотя индоиранский импульс все же постулируется [Ковалева, Проходченко, 1996]. Тем не менее, не соглашаясь с индо-иранской принадлежностью ташково, отметим, что некоторое типологическое сходство с синташтинскими эти комплексы все же имеют.

1.3. Абашевский архитектурный комплекс

Абашевские поселения очень многочисленны [Горбунов, 1986; 1990; 1992; Пряхин, 1976]. В настоящее время их число насчитывает более 200. Далеко не всегда это поселения с хорошо фиксируемым культурным слоем. Вероятно, в значительной части случаев речь может идти только о временных стоянках. Располагаются они в лесостепной зоне Восточной Европы, от Дона до Урала. Район этот обладает более густой

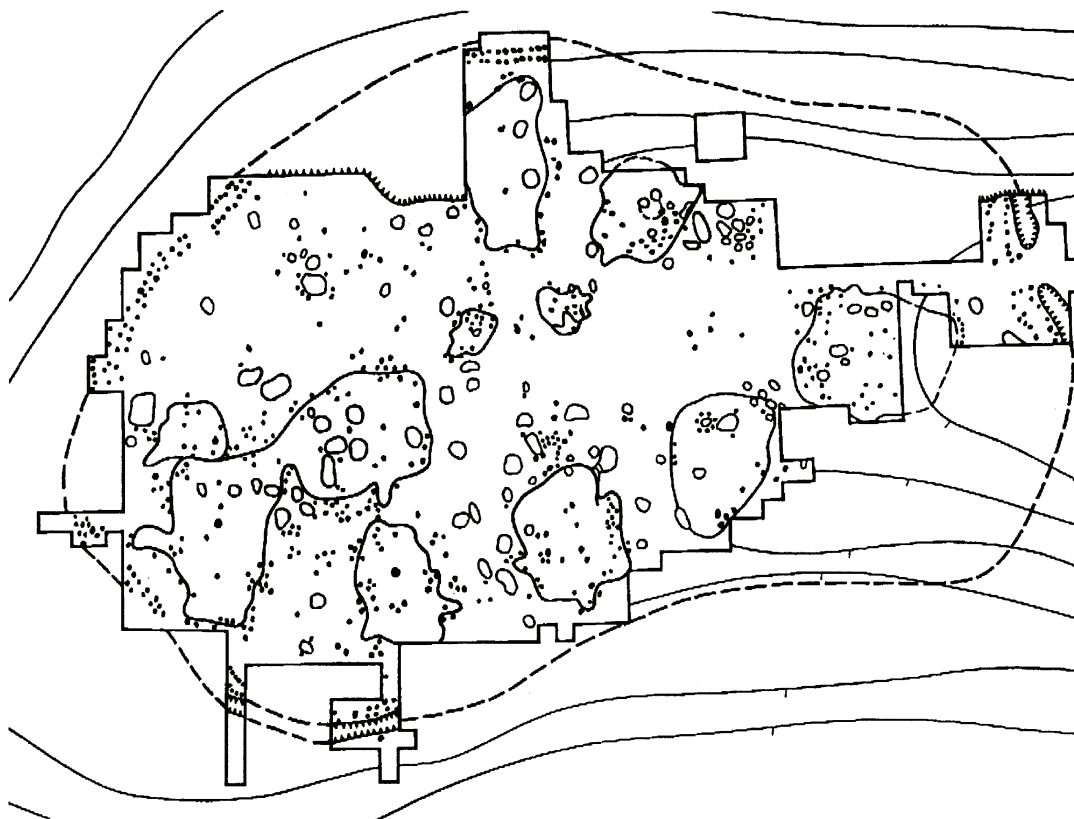

Рис. 8. Укрепленное поселение Шиловское в Подонье.

речной сетью, по сравнению с Зауральем, что позволяло более активно осваивать территории. Поселения сконцентрированы в Подонье, в Поволжье (в районе Самарской Луки), и в Приуралье. Это зоны распространения доново-волжской и волго-уральской абашевских культур. На территории средневожского абашева поселенческие памятники отсутствуют. Зафиксированы лишь отдельные фрагменты керамики на синхронных памятниках иных культур.

Укрепленных поселений в настоящее время известно только два: Шиловское в Подонье и Тюбьяк в Приуралье. Расположенность части поселений на мысах (например, Береговское I) заставляет предполагать возможность наличия в этих зонах других укрепленных поселков, в случае ведения работ широкими площадями.

Условия фиксации архитектурных комплексов в этом регионе по сравнению с Зауральем более сложные. Вероятно, это обстоятельство и не дало возможности в ряде случаев получать четкие очертания жилищ. Тем не менее, результаты

раскопок позволяют нам получить надежные представления о характере архитектуры.

Поселения были окружены рвами. На Тюбьяке форму рва оценить сложно, но, скорее всего, она подовальная, поскольку исследованная часть идентична раннему рву Синташты. На Шиловском поселении, судя по исследованным участкам и планировке жилой зоны, ров образует правильный овал (рис. 8). В восточной части ров прерывается, образуя проход шириной около 4 м. Вероятно, такие проходы ров должен иметь и по другим сторонам света. Примечательно, что во рву зафиксирована яма, служившая, вероятно, как и на зауральских памятниках, для удаления дождевой воды. С внутренней стороны ко рву примыкала стена толщиной свыше 2 м, фиксируемая по столбовым ямам мощных опорных столбов двустенной бревенчатой конструкции. Оборонительная стена, таким образом, была насыпной.

К стене на обоих памятниках примыкал ряд жилищ. К сожалению, они не всегда точно зафик-

сированы. Жилища имели столбовые конструкции и были, по всей видимости, прямоу-гольными. На поселении Тюбьяк отмечено, что стены были двойными и имели засыпной характер. Площади их значительные и сопоставимы по этому параметру с синташтинскими. Отмечена двух- и трехкамерность построек. Жилища имели тамбуры-входы и округлые очаги-печи диаметром около 1 м. В некоторых случаях зафиксированы колодцы.

Примечательна исследованная на Шиловском поселении постройка, расположенная на внутренней площади. Обилие хозяйственных ям, очажных углублений и производственных остатков, позволяет с уверенностью говорить о том, что здесь мы имеем дело с постройкой хозяйственного назначения. По-видимому, подобное назначение имели и пока не исследованные центральные постройки Сакрын-Саклы и Куйсака.

Таким образом, мы видим, что по своим основным архитектурным параметрам укрепленные поселения Подонья и Приуралья сопоставимы с синташтинскими. Далее в этих районах обозначается тенденция к строительству отдельно стоящих крупных жилищ, слабо углубленных в землю, и к образованию довольно крупных поселков. Впоследствии раннесрубные жилища наследуют многие черты абашевской архитектуры [Горбунов, 1989, с. 64-67].

1.4. Восточноевропейская архитектура эпохи бронзы

В связи с идеей о сложении абашевской культурно-исторической общности на основе шнуровых и постшнуровых культур лесной зоны Восточной Европы, мы должны рассмотреть их архитектурные традиции.

В фатьяновской культуре поселения не зафиксированы. Имеются лишь отдельные мелкие включения фатьяновских остатков на местных позднеолитических памятниках. Однако в среднеднепровской культуре, являющейся одним из компонентов при формировании фатьяновской, известны поселения с остатками

жилищ. Это наземные прямоугольные постройки площадью до 30 кв.м. Сходные жилища прослежены и при раскопках поселений городоцко-здолбицкой культуры. На балановских поселениях в Волго-Окском междуречье известны полуземлянки, а впоследствии и срубы. Укрепления, в виде пересекающих мысы рва и вала с частоколом или плетнем, появляются уже в результате столкновения с абашевским населением [Эпоха бронзы..., 1987, с. 38, 47, 76, 78].

Ничего сопоставимого с синташтой и абашево Подонья и Приуралья мы здесь не обнаруживаем. В средневожской же абашевской культуре поселения отсутствуют. По этому признаку она вполне сопоставима с фатьяновской, и мы находим этот факт заслуживающим внимания.

Культура многоваликовой керамики Украины характеризуется преимущественно отличными от абашевских строительными традициями. Обычно это полуземлянки глубиной до 1 м (изредка встречаются котлованы глубиной 25 см), прямоугольной формы и размерами от 30 до 50 кв.м [Березанская и др., 1986, с. 15, 24, 30]. Во втором горизонте поселения Бабино III (восточный вариант КМК¹), тем не менее, зафиксировано наземное жилище, перекрывающее полуземлянку. Оно имело столбовую конструкцию по периметру и площадь 36 кв.м. В конструкции стен использовались глиняные блоки. Укрепления не известны. Иногда в литературе обсуждается ров и вал на поселении Кременчуг (юго-западный вариант КМК), но связь его с КМК сомнительна [Березанская и др., 1986, с. 9]. На памятнике есть материалы всех эпох, от неолита до средневековья, причем очень немногочисленные, при незначительном культурном слое. Расположен он на сравнительно небольшой площадке высокой скалы, к которой ведет узкая тропа, перегороденная на склоне незначительными укреплениями. По сути дела, это место, где пережидали набег во все времена. Даже если когда-либо выяснится связь этих укреплений с КМК, говорить о традициях фортификационных сооружений, основываясь на ровике и завале поперек тропы, будет большой натяжкой.

¹ Здесь и далее - культура многоваликовой керамики или КМК, хотя употребляется и термин "бабинская культура"...

Иные черты в строительных традициях проявляются в каменско-ливенцовской группе КМК, представленной памятниками типа Каменка в Крыму и Ливенцовской крепости в низовьях Дона [Археология УССР, 1985, с. 458-462]. Топография памятников подчинена необходимости обороны. Площадь городищ достигает 20000 кв.м. На наиболее исследованном Ливенцовском, ров полукругом опоясывал мыс. Ширина его колебалась от 2 до 6 м. Во рву зафиксированы перемычки, маркирующие проходы. Фортификационные стены сложены из камня, в плане они фиксируются в виде ломаной линии. К стенам примыкали сложенные из камня прямоугольные жилища, площадью 75-80 кв.м. Жилища имели общие продольные стены, чрезвычайно массивные и забутованные камнем. На поселении Каменка исследованы жилища несколько меньших размеров (32-56 кв.м), с очагами и каменной кладкой в основании стен. О конструкциях оборонительных сооружений здесь судить сложно, но факт их наличия отмечен [Рыбалова, 1974]. Сходные архитектурные приемы зафиксированы и на поселении Планерское в Юго-Восточном Крыму [Колотухин, 1983]. Вероятно, можно говорить об их типичности для этого варианта КМК.

Эти архитектурные традиции очень близки синташтинским и очевидно родственны. Однако они отличаются многими деталями и, в первую очередь, высоким уровнем техники каменной кладки, которая в синташте отсутствовала. В жилищах не обнаружены колодцы, они имеют меньшие размеры. Не отмечены столбовые конструкции. Непонятны и сами причины появления ливенцовской архитектурной традиции. В предшествующую эпоху ничего подобного в этом районе не было.

На сопредельных территориях степного Поднепровья известны укрепления Михайловского поселения, которые датируются позднемьям временем. Михайловское поселение занимало площадь около 15000 кв.м. Центральная его часть была укреплена рвами и каменными стенами [Археология УССР, 1985, с. 340-342, 351]. Стены не были замкнутыми. Они защищали холм в наиболее доступных местах. Во рву зафиксированы перемычки для прохода. Жилища имели либо овальную форму с углубленным основанием, что было продолжением более ран-

ней местной традиции, либо наземными прямоугольными с высокими каменными цоколями и глинобитными стенами. Жилища делились перегородками на отдельные камеры, количество которых колебалось от 1 до 3. В некоторых жилищах зафиксированы столбовые ямки для опорных стоек кровли.

Таким образом, мы фиксируем черты весьма близкие характеру сооружений Ливенцовской крепости, но более архаичные. Было бы весьма соблазнительно сделать вывод об их генетической связи и решить, тем самым, проблему. Однако в течение почти всего СБВ ничего подобного в северном блоке культур ЦМП (культуры катакомбной общности) нет. Это обстоятельство вынуждает нас искать истоки позднемихайловской, каменско-ливенцовской и абашевско-синташтинской архитектурных традиций.

1.5. Архитектура Передней Азии

Наиболее ранними фортификационными сооружениями на территории Передней Азии являются сложенные из камня стены Иерихона, расположенного в Палестине, в долине Иордана и датированного эпохой докерамического неолита А (VIII тысячелетие до н.э.). Они охватывали пространство огромной по тем временам площади и сооружались с применением “техники сэндвича”, когда пространство между двумя мощными каменными стенами заполнялось более мелким камнем [Mattiae, 1985, p. 10].

Традиция сооружения каменных укреплений в неолите Ближнего Востока не прекращается. Раскопки поселения VII тысячелетия до н.э. — Телль-Магзалии в Северной Месопотамии выявили уже отдельные черты, которые мы фиксируем впоследствии в синташтинских комплексах [Бадер, 1989, с. 42-44]. Стена здесь составлена из двух линий, сложенных из крупных камней, пространство между которыми забутовывалось мелким камнем (рис. 9,1). В ходе раскопок был расчищен небольшой, выступающий на поверхность сторону бастион. В стене имелся проход шириной 2 м, вымощенный мелким камнем. К стене примыкали жилые помещения, пристроенные друг к другу. Пристраивались они произвольно. Какие-

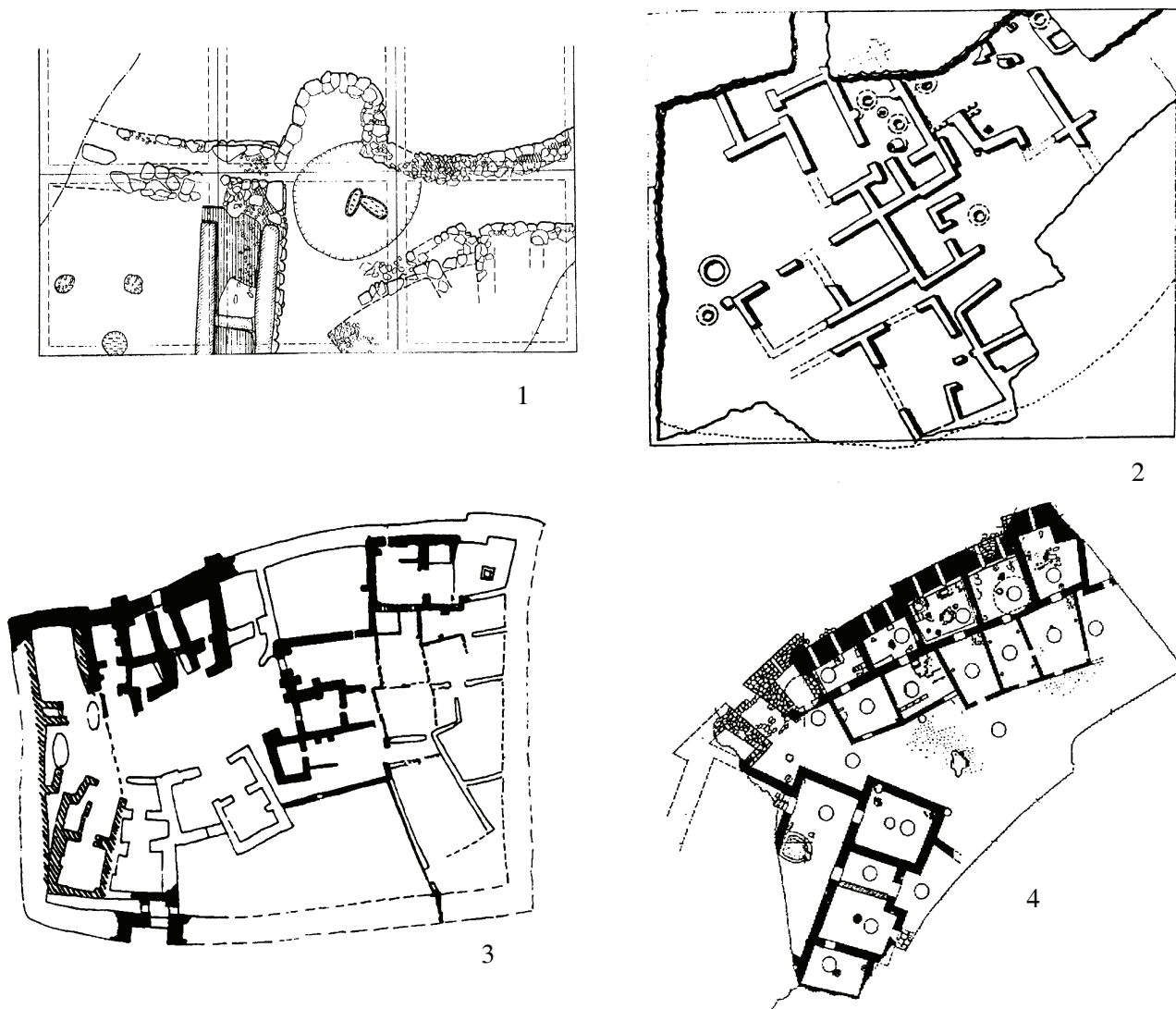

Рис. 9. Архитектура Ближнего Востока периода неолита - энеолита. 1 – Тель-Магзалия; 2 – Хассуна; 3 – Хаджлияр; 4 – Мерсин.

либо четко спланированные линии отсутствуют. Впоследствии прямоугольные жилища с выделенной жилой и хозяйственной частью получают в этом районе свое дальнейшее развитие [Бадер, 1989, с. 161, 190].

Эта архитектурная традиция находит свое продолжение в Умм-Дабагии, относящейся к протохассунской стадии, и в Хассуне [Mellaart, 1975, fig. 46]. Примечательно появление в этот период дворов, вокруг которых группируются дома (рис. 9,2). В Северной Месопотамии, таким образом, она развивается в VII - VI тыс. до н.э., сменяясь в V тыс. до н.э. халафской традицией, в корне от нее отличной.

Всплеск фортификационного строительства в Месопотамии происходит в последующие эпохи. Здесь возникают древние цивилизации, чья фортификация сложна, а постройки фундаментальны [см. напр. Heinrich, 1975; 1975a]. Однако эти комплексы интереса для нашей проблемы не представляют. Зато на территории Анатолии мы обнаруживаем весьма близкие параллели. Не исключено, что юго-восточные районы ее ощущали на себе северомесопотамское влияние [История Древнего Востока, 1988, с. 31]. Во всяком случае, в Анатолии возникают поселения, окруженные стенами из глины или камня, имеющие мощность 1,5-3 м. Это поселения круглоплановые.

На поселении Хаджиляр, в слое ПА (около 5400 г. до н.э.) прямоугольные жилища пристроены друг к другу и к оборонительной стене. Они группируются вокруг трех дворов. Выходы из жилищ направлены к центральным дворам. Но в плане это поселение еще прямоугольное. Однако уже в слое Хаджиляр I (около 5250 г. до н.э.) площадь поселения увеличивается, оно становится круглоплановым. Смена архитектурной традиции сопровождается и изменениями иных черт материальной культуры, в частности, керамики [Mellaart, 1975, fig. 66; Мелларт, 1982, с. 104, 105; Hrouda, 1971, p. 59, 60] (рис. 9,3).

Следует отметить, что данная традиция для Анатолии является пришлой. Раскопки Чаттал Уйюка выявили совершенно иные конструкции с плотно примыкающими домами, произвольно разделенными на секции, и без оборонительных укреплений (рис. 10).

Следующий шаг в сторону развития черт, в полной мере проявивших себя в синташтинской архитектуре, это поселение Мерсин (слой XVI) в Юго-Восточной Анатолии. Датируется оно различными авторами 4500 - 4300/4200 или 4000 гг. до н.э. [Mellaart, 1975, p. 126, fig. 73; Burney, 1977, p. 120, fig. 96]. Поселение имеет круговую планировку и диаметр (насколько об этом можно судить по исследованной части) около 60 м (рис. 9,4). Поселение обнесено оборонительной стеной, к которой своими торцами примыкает ряд сблокированных домов, имеющих общие продольные стены. Дома двухсекционные и у стены сначала строилась первая секция всех домов. Вторая секция пристраивалась на следующем этапе, в результате чего продольные стены разных секций одного жилища могут не совпадать друг с другом.

Несколько более поздним временем датируется Тюлин тепе, где исследован фундамент круглой оборонительной стены с прямоугольными жилищами на внутренней площадке (рис. 11,1) [Esin, 1976].

Подобная архитектура, по-видимому, была распространена в Анатолии чрезвычайно широко. Жилища слоев XVII-IX Бейджесултана, относящихся к эпохе ранней бронзы, можно считать полным аналогом синташтинским. Раскопки этого памятника выявили еще одну архитектурную деталь, характерную и для синташтинских построек. Стены построек устанавливались на грунт, а не на каменный фундамент. При этом, хотя состояли они из глиняных блоков, эти блоки

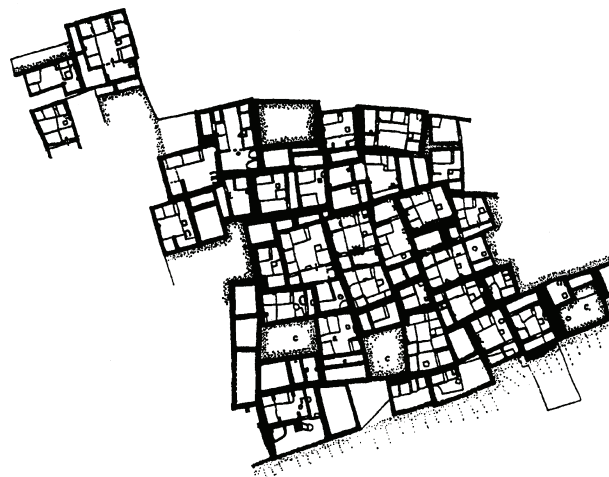

Рис. 10. Чаттал Уйюк.

были заключены в каркас из дощатых стен, которые поддерживались с внутренней стороны жилища вертикальными столбами. Внутри фундаментов крупных построек зафиксированы бревенчатые перегородки между глиняными блоками [Burney, 1977, fig. 99; Lloyd, Mellaart, 1962, p. 60, 61, fig. 8-10, 13, 17]. В принципе, подобная структура фундаментов выявлена при раскопках оборонительной стены на Аркаиме. Однако там эти перегородки фиксировались как дерновые. Анатолийские параллели позволяют допускать, что эти перегородки были тоже бревенчатыми. Однако дерево на синташтинских поселениях сохраняется только в колодцах. Поэтому деревянные перегородки должны были истлеть, и в образовавшуюся пустоту мог проникать гумус, что и создало впечатление дерновых перегородок.

Жилища поселения Арслантепе периода РБВ I сблокированы, как и синташтинские, но членение комнат несколько иное. Однако внутри обнаружены круглые очаги и пристенные очаги, как и на Синташте. Еще одной параллелью с поселением Синташта является наличие улицы между двумя блоками жилищ. Ширина этой улицы составляет 2 м. Кроме того, на этом поселении зафиксированы дренажные канавки [Palmieri, 1981, fig. 1, 6, p. 110].

Наиболее замечательно поселение Демирчиуйюк в Северо-Западной Анатолии, окруженное оборонительной стеной с четырьмя воротами по

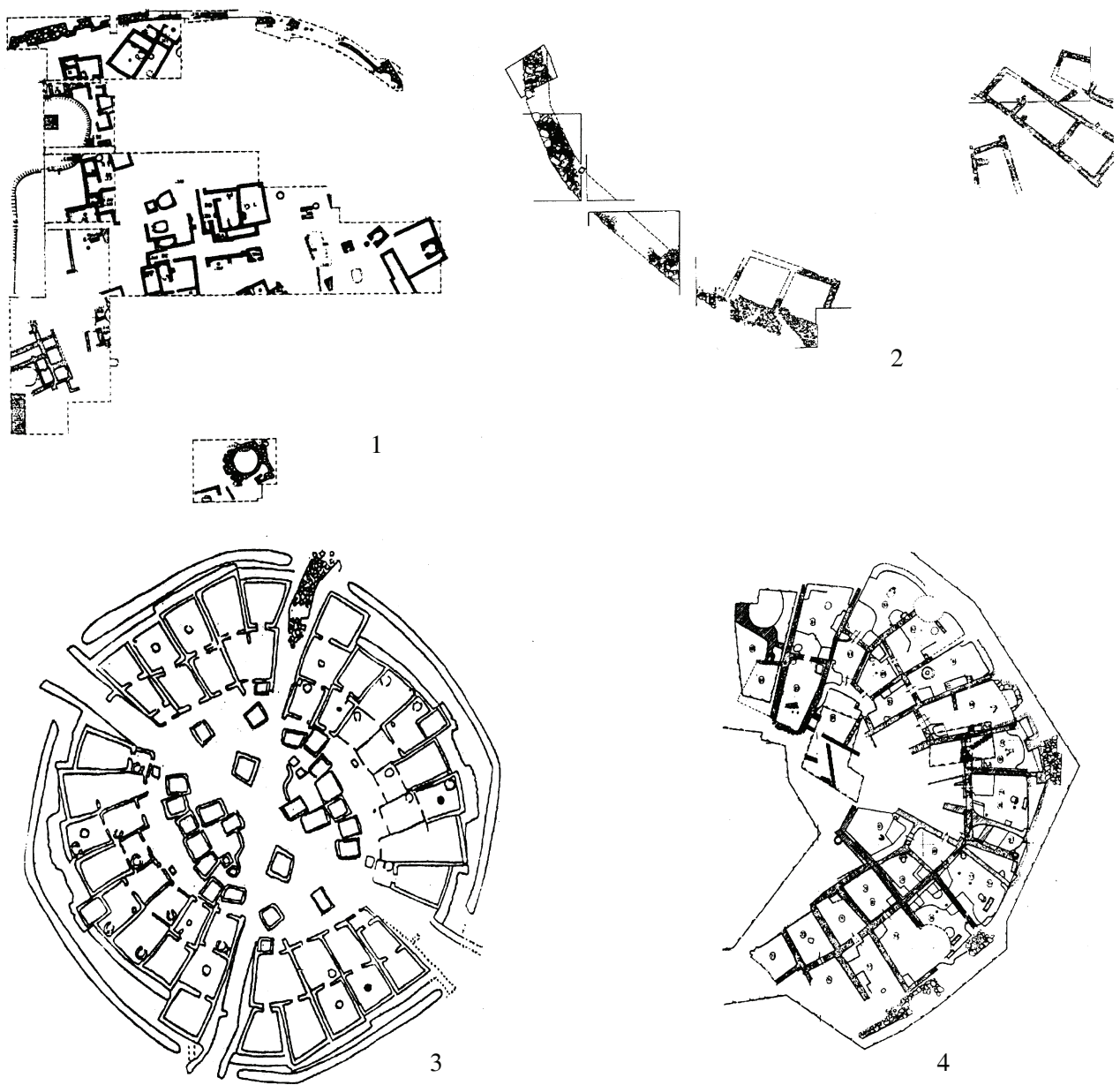

Рис. 11. Аналоги синташтинской архитектурной традиции в Анатолии: 1 – Тюлин Тене; 2 – Херайон; 3 – Демирчиуйюк; 4 – Пулур.

сторонам света [Korfmann, 1983; Мерперт, 1988a; 1995]. Ворота оформлялись в виде пропилей между двумя блоками жилищ (рис. 11,3). Данная традиция впоследствии будет весьма характерна для Анатолии и Греции. К внутренней части стены примыкал ряд прямоугольных жилищ, имевших общие продольные стены. Дома имели меньшие размеры, по сравнению с синташтинскими. Они состояли обычно из двух комнат,

а их площадь редко превышала 50 кв. м. Стены сооружались на каменных фундаментах, были глиняными, и со стороны каждого отдельного жилища укреплялись линией столбов. Столбы непосредственно примыкают к цоколям домов, что идентично синташтинской ситуации. На этих столбах покоилось перекрытие [Korfmann, 1983, S. 192]. При исследовании конструкции стен были выявлены сырцовые блоки размером 60x40x7-8

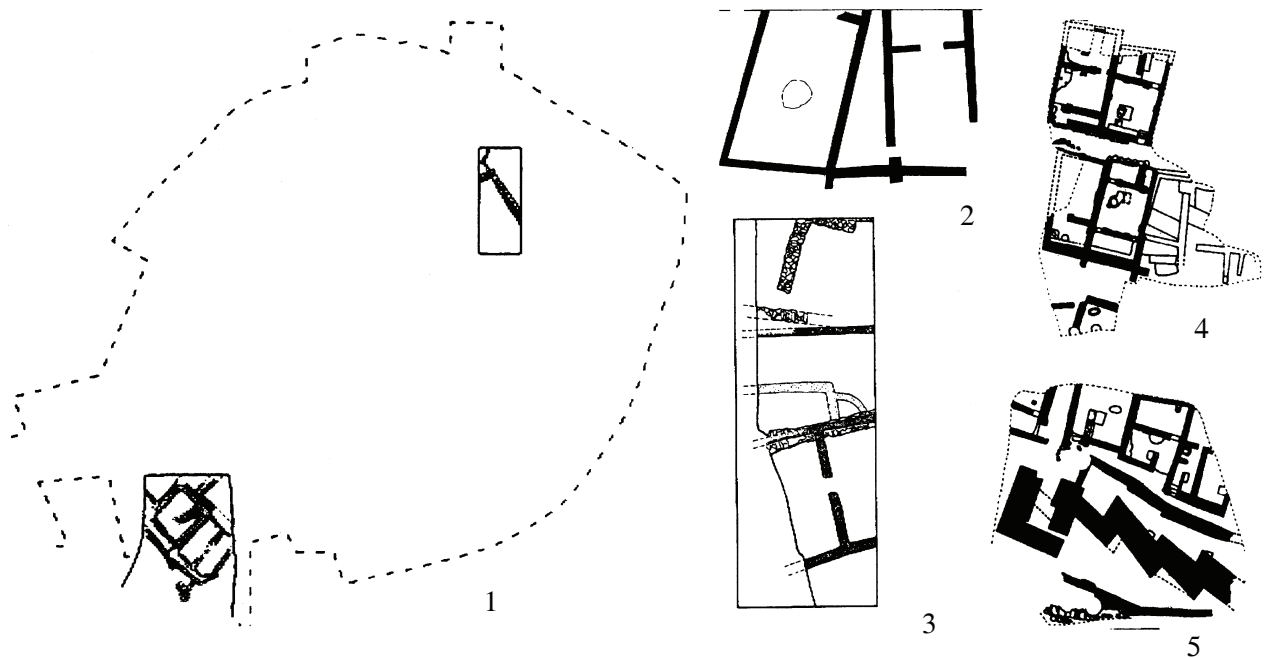

Рис. 12. Аналоги синташтинской архитектурной традиции в Анатолии: 1 – Алишаруйюк; 2, 3 – Афродисиас; 4, 5 – Гёзлу Кале.

см, что находит параллели на поселении Синташта. На центральной площади зафиксированы отдельные легкие хозяйственные сооружения, как на Шиловском и, возможно, на Куйсаке и Сакрын-Сакле. В таком виде поселение существовало с конца IV и в течение большей части III тысячелетия до н.э.

На поселении раскопано значительное количество печей и очагов. Как правило, печи имеют куполообразную форму и располагаются в углах жилища. В центре жилищ находятся очаги. В пяти случаях зафиксированы печи слева от входа. Не исключено, что таковых было больше, но на синташтинских памятниках подобные печи фиксировались тоже далеко не всегда и не всегда достаточно отчетливо [Korfmann, 1983, S. 192, 193, 206].

Колодцы на поселении не выявлены. Предполагается, что воду носили из расположенного неподалеку ручья. Вместе с тем, обнаружены ямы для сбора дождевой воды [Korfmann, 1983, S. 216].

Интересна конструкция оборонительных стен. Основание их сложено из камня, а верхняя часть из глины и дерева. По-видимому, имела место двойная деревянная стена, заполненная

глиной или глиняными блоками. Снаружи оборонительная стена укреплена по периметру камнем, что аналогично укреплениям поселения Аланское.

Подобный способ планировки получил название “анатолийской поселенческой схемы”. Разные его проявления зафиксированы на целом ряде поселений: Хаджиляр, Мерсин, Пулур, Каратас-Семайюк, Афродисиас, Херайон, Алишар, Троя, Тарсус и др. [Korfmann, 1983, S. 222-237] (рис. 12; 13).

На поселении Херайон на Самосе (время Трои II) исследована круглая оборонительная стена с каменным фундаментом и глиняной верхней частью (рис. 11, 2). Прямоугольные дома пристроены торцевой частью к оборонительной стене. Иногда дома разделены поперечными стенами на 2-3 части с проходами в середине. Очаги располагаются в центре помещений, и иногда, как и в синташтинских жилищах, по углам [Milojic, 1961].

Близкая по принципу Синташте конструкция оборонительной стены была зафиксирована при раскопках Эмпорио на Хиосе. Стена здесь состояла из двух рядов камней с внутренней забутовкой камнем и землей [Hood, 1981].

Рис. 13. Трансформация архитектурных традиций в Центральной и Западной Анатолии: 1, 2, 4 – Бейджесултан; 3 – Алишаруйюк.

В Восточной Анатолии наиболее замечательным подобным поселением является Пулур (Сакьоль), где зафиксирована круговая планировка с оборонительной стеной и одним рядом жилищ (рис. 11,4). В слоях РБВ поселение имеет диаметр 60 - 70 м. Оно обнесено оборонительной стеной, основание которой имело мощность 2,5 м, и было сложено из двух рядов крупных камней с забутовкой более мелким камнем. Жилища, как и на Синташте, имеют общие продольные стены, и торцами примыкают к оборонительным. Длина их достигает 15 м, а внутри зафиксированы поперечные перегородки и крупные ямы. В таком виде

поселение существовало в течение всего РБВ (слои X-XII). Керамический комплекс указывает на его принадлежность анатолийскому варианту куро-аракской культуры. С поселения получены радиоуглеродные даты – 3000, 2470, 2350 гг. до н.э. [Kasay, 1971; Keban Project, 1976].

На поселении Коручу-Тепе исследована конструкция стены начала II тыс. до н.э. В 1650 г. до н.э. эта стена сгорает. Она двойная, с перемычками, что идентично синташтинским оборонительным стенам [Yosef, 1992, p. 62, 63].

Сблокированные дома, разделенные на секции поперечными перегородками, выявлены и

раскопками слоя РБВ II на Гёзлю Куле в Юго-Восточной Анатолии. Это поселение было обнесено оборонительной стеной, а проход через стену располагался по линии, параллельной линии стены, что позволяет провести параллель с Аркаимом [Müller-Karpe, 1974, Tab. 289].

Начиная с VI тысячелетия до н.э. (Хаджильяр) подобного типа постройки распространяются в Анатолии повсеместно, существуя практически без принципиальных изменений вплоть до хеттской эпохи. Появление же мегарона относится, вероятно, к середине IV тысячелетия до н.э. (Тепе Гавра), а может и несколько ранее. Во всяком случае, сооружения, близкие мегарону, появляются уже в Иерихоне в слоях докерамического неолита В [Mellaart, 1982, p. 43, 44; Yosef, 1992, fig. 2.5, p. 24]. Впрочем, постройки типа мегарона очень рано, со времени Сескло, известны в Фессалии (Отзаки-Могула) [Parzinger, 1993, S. 295].

Некоторые укрепленные поселки, повторяя систему укреплений в виде круга, не дублируют ее аналогичной системой планировки внутреннего пространства [История Древнего Востока, 1988, с. 32, 34, 44, 45]. В Трое I (первая половина III тысячелетия до н.э.) в центре находилось крупное прямоугольное здание с портиком – резиденция правителя. Помимо сходства в общей архитектуре домов, в Трое I зафиксированы отдельные детали, сопоставимые с зауральскими. Это наличие двух очагов – центрального и пристенного, как в некоторых синташтинских жилищах, и детские погребения под полом, как на петровских поселениях [Akurgal, 1990, p. 48, 49]. Последние известны также в Анатолии в эпоху СБВ (Кушура и ряд других поселений) [Kull, 1988, p. 65, 91-94].

В Трое IIc, III (III тыс. до н.э.) зафиксирован ряд пристроенных друг к другу крупных прямоугольных зданий размерами 150-200 кв.м (рис. 131,1). Этот принцип планировки явно отличается от того, что мы обнаруживаем на Демирчуйюке и говорит уже о другой ступени социальных отношений в обществе. Впрочем, в результате исследований последних лет выяснилось, что наши представления о Трое основаны на раскопках цитадели и выявленные новые жилые площадки дадут иные варианты планировок. Показательны и параллели в оформлении входа. Если в Трое I, II ворота оформлены в виде пропилен, то в Трое VI линия входа параллельна стенам. Затем вход

поворачивает внутрь крепости [Müller, 1972, Abb. 23].

Однако в целом, слои, начиная с Трои II с можно рассматривать как определенный отход от принципов “анатолийской поселенческой схемы”. Сходные процессы фиксирует и архитектура Юго-Западной Анатолии, где цитадель выявлена при раскопках поселения Каратас-Семайюк [Korfmann, 1983, S. 225, 236-237]. Таким образом, в Западной Анатолии уже в РБВ намечается трансформация архитектурных традиций, связанная с образованием стратифицированных обществ.

Площадь поселков обычно не превышает 10000-20000 кв.м¹ (за исключением Бейдже-султана, площадь которого составляла 24 га), а толщина каменных стен достигала 5 м. Однако, при наличии в Бейдже-султানে сблокированных домов, уже с СБВ блоки эти расположены не по кругу. Они образуют кварталы, часто с выраженной специализацией (рис. 13,1,2,4). Аналогичные трансформации данной схемы выявили и раскопки Кушуры. Города Центральной и Западной Анатолии периода СБВ отличает довольно четкое их членение на рядовую застройку и акрополь. Иногда встречаются планировки домов, близкие синташтинским, с членением домов поперечными перегородками на три секции, но более распространены уже иные конструкции. [Korfmann, 1983, S. 129; Kull, 1988, p. 44-90; Lloyd, Mellaart, 1965; 1972]. Поэтому из этих регионов выводить синташтинскую архитектуру вряд ли возможно. Сходные черты, конечно, сохраняются. Они проявляются в блокировании домов внутри отдельных кварталов, в сочетании круглых и прямоугольных печей, в наличии небольшого помещения перед входом, но в особенности, в конструкции оборонительной стены. В Алишаре основание стены было разделено, как и на Аркаиме, на отдельные секции. Над основанием верхняя конструкция стены состояла из глины с укреплением из дерева. Подобный принцип возведения стен зафиксирован и во дворце Бейдже-султана [Kull, 1988, p. 58, 61, 62, 83]. Однако принципиального соответствия синташтинской архитектуре архитектура СБВ Центральной и Западной Анатолии уже не обнаруживает. С этого

¹ Диаметр Трои I - 90 м, Трои II - 110 м. Только Троя VI сопоставима по своим размерам с Аркаимом - около 200 м. [Akurgal, 1990, p. 48, 49, 54]. Но надо иметь в виду, что речь идет о цитадели более крупного поселка.

периода мы вправе говорить о повсеместном распространении в Анатолии городов, что связано с развитием здесь государственности.

Подобные мощные города характерны для хеттского времени, но здесь мы коснемся лишь тех черт в хеттской оборонительной архитектуре, которые сопоставимы с синташтинскими [Герни, 1987, с. 100-103; Schirmer, 1975, S. 409-414].

Основание хеттских оборонительных сооружений состояло из двух стен, пространство между которыми было заполнено камнем. На этом фундаменте сооружалась верхняя часть стены из более легкого материала. Подход к воротам оформлялся в виде пандуса, резко поворачивающего у ворот направо. В Богазкёе, например, к воротам вдоль стены вели пандусы, круто заворачивающие направо у самых ворот. Устроены они таким образом, что в течение продолжительного времени под обстрел защитников попадала незащищенная щитом часть тела наступающих. Ворота оформлялись в виде пропильей (как и в Трое II). В целом же, с развитием государственности планировочные принципы сильно изменяются. Появляются акрополи, дворцы и кварталы рядового населения, как в хеттской столице Хаттусе [Aksit, 1987, p. 54-59; Hrouda, 1971, p. 197-204].

Таким образом, на территории Анатолии мы обнаруживаем сходство с синташтинско-абашевской архитектурой не только в планировке, но и в основных строительных принципах. Особенно поразительную параллель можно провести между поселениями Демирчиуйюк раннего периода и Сакрын-Сакла. Оба они оформлены в виде круга с одним рядом жилищ и имеют сходные размеры.

В отличие от Зауралья и Восточной Европы, в Северной Месопотамии и Восточной Анатолии мы можем проследить поэтапное развитие этой архитектурной традиции, начиная с VII тыс. до н.э. до III тыс. до н.э. Поэтому говорить о самостоятельном появлении подобной архитектуры в Зауралье не представляется возможным.

Удивительные сопоставления мы можем сделать и на сиро-палестинских материалах, где оборонительные укрепления имели кольцевую планировку, начиная с РБВ [Kink, 1970, с. 71-86; Аль-Наджар, 1981, с. 25-30; Vaux, 1971, p. 215; Kempinski, 1992]. В начале III тысячелетия (или около 2850 года до н.э.) характер строительства

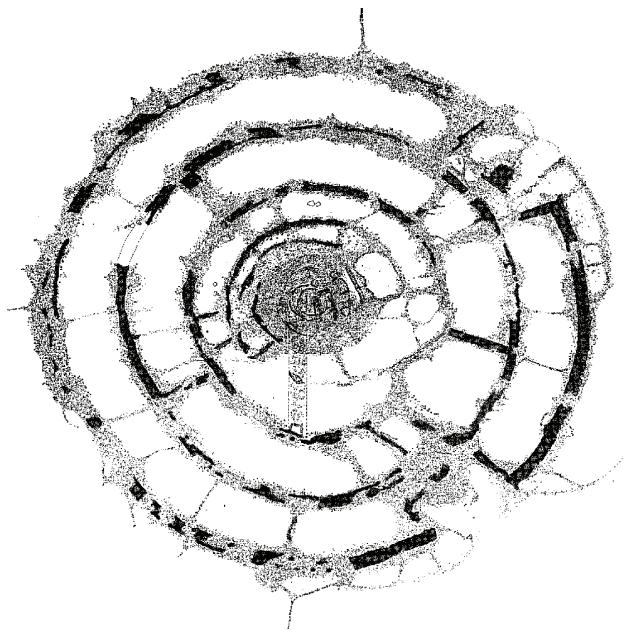

Рис. 14. Роджем Хири

здесь меняется. Появляются укрепления с мощными стенами и прямоугольные дома, группирующиеся вокруг мощных улиц. Оборонительные стены иногда сооружались из глины на каменном основании. Во многих случаях стены жилищ двойные, забутованные камнем или глиной и укреплены с внутренней стороны дома столбами. Примечательно и появление домов, типологически очень близких синташтинским. В Араде, Бет-Шеане и Аи исследованы прямоугольные жилища с центральными торцевыми выходами, разделенные поперечными перегородками на три секции [Ben-Tor, 1992, p. 65].

За пределами построек и внутри них изредка фиксируются колодцы или резервуары для воды. Определиться точнее сложно, поскольку неизвестно, какой уровень грунтовых вод был в ту эпоху. По всей вероятности, это давняя сиропалестинская традиция. Примечательно, что некоторые колодцы, как и синташтинские, имели небольшие ниши-хранилища.

Наиболее интересным для нашей темы является исследованное на Голанах укрепленное поселение Роджем Хири [Mizrachi, 1992, p. 46-57]. Оно имело диаметр около 150 м и состояло из нескольких каменных оборонительных стен, сохранившихся на высоту 2,5 и более метра (рис. 14). Раскопками произведены лишь отдельные разрезы поселения и вскрыта гробница поздней бронзы, посаженная на пустовавшую ранее

площадь. Поэтому о многих деталях мы можем лишь догадываться по развалам стен и сохранившимся их участкам. Но надежно мы можем говорить лишь о структурном сходстве, поскольку комплекс исследован недостаточно, и он рассматривается, как религиозно-космологическое сооружение, а не жилой поселок. Тем не менее, этот комплекс, отражая предшествующие анатолийские традиции, и сходен с синташтинскими памятниками. Памятник датируется, начиная с середины III тысячелетия до н.э.

Дальнейшее развитие этой архитектурной традиции здесь прослежено благодаря раскопкам Тель-Мардиха, который удалось идентифицировать с Эблей — столицей одноименного государства, известного по письменным источникам. Образовалось оно в III тысячелетии до н.э. [Mattiae, 1985, p. 6, 9-14]. Первоначально укрепления состояли из глиняного вала, укрепленного с двух сторон камнем. Глина для вала бралась при рытье рва, опоясывающего стену. Ширина вала составляла 4 м, высота 2 м. Мы можем предполагать, что на этом основании покоилась стена из несохранившегося материала. В ранней фортификации вход оформлен в виде пропилей, но попасть через него в город можно было не напрямую, а через небольшие боковые помещения.

Кольцо стен из глиняных блоков окружают городище Тель Хазна в Северной Сирии. Аналогичная стена исследована в хуррито-митаннийском слое Тель Бдери. Подобная конструкция характерна для второй половины III тысячелетия до н.э., но сохраняется и в первой четверти II тыс. до н.э. [Мунчаев и др., 1990, с. 7, 8, 10; Мерперт, Мунчаев, 1984, с. 313].

Надо отметить, что для Сиро-Палестины менее характерны каменные фундаменты, чем для анатолийской традиции. Здесь чаще стены делались из глины и грунта. Лишь изредка (Шехем, Тель Бейт Мирсим и описанный выше Роджем Хири) имеют фундамент, состоящий из двух рядов больших камней, заполненных мелким камнем. Это более близко синташтинской традиции. Существует еще одна важная сходная черта. В начале СБВ в Сиро-Палестине появляются дополнительные укрепления вокруг городищ. Перед стеной насыпался земляной вал, ширина которого иногда достигала 10 м. Подобные валы обнаружены на ряде поселений: Иерихоне, Шехеме, Тель Бейт Мирсима, Тель ед-

Дувейр, Тель эль-Аджул [Müller-Karpe, 1974, S. 395, 396].

В Мегиддо дома пристроены друг к другу и к оборонительной стене. Они весьма близки синташтинским, и единственное отличие сводится к тому, что к оборонительной стене они пристраиваются не торцевыми, а длинными сторонами. Соответственно, дворик располагается не напротив торцевой стены, выходящей внутрь поселения, а напротив продольной. Поэтому в плане он вытянут [Ben-Dov, 1992, p. 101]. В целом же в Передней Азии развитие оборонительных сооружений данного типа шло от неолитических комплексов Северной Месопотамии к анатолийским и от последних к сиро-палестинским. Наряду с анатолийской традицией, в Северной Сирии присутствуют элементы месопотамской, зафиксированные раскопками Эблы [Древняя Эбла]. Однако она обнаруживает уже совершенно иные черты, представленные цивилизациями Двуречья [см. напр. Оппенхейм, 1990, с. 92-94; Дьяконов, 1990, с. 56-62; Lloyd, 1984]. Сосуществование в Сирии этих традиций — предмет для особого разговора. Однако, вместе с пришлыми традициями в Северной Сирии развивались и местные, особенно в западной ее части [Wulley, 1986].

1.6. Архитектура Кавказа

Есть все основания полагать, что формирование ряда традиций кавказской архитектуры связано с Передней Азией. Оборонительные укрепления здесь зафиксированы уже в РБВ, на поселениях куро-аракской и майкопской культур. К сожалению, они пока недостаточно полно исследованы. К ним мы в дальнейшем еще вернемся. Здесь же приведем лишь один пример. На майкопских поселениях Мешоко и Ясеновая Поляна раскопаны круглые в плане оборонительные стены, к которым пристроены наземные жилища со столбовыми конструкциями, что представляет тот же тип планировки, что и Синташта [Мунчаев, 1994а, с. 176]. С учетом связи (хотя и не генетической) ямных памятников с майкопскими, мы можем предположить, что михайловские укрепления имеют тоже южные корни.

Более важны для нашего вопроса закавказские материалы эпохи средней бронзы. Ук-

репления с циклопическими стенами зафиксированы на Аричском поселении кармирбердской культуры [Кушнарёва, 1994б, с. 112].

Идентичная синташтинской архитектура исследована на поселении Узерликтепе, которое было обнесено круглой глиняной стеной, к внутренней стороне которой примыкали столбовые наземные постройки (рис. 144,4). Вход на поселение сопряжен с контрфорсом и сделан в виде узкого прохода с двумя поворотами. Каменные оборонительные стены и каменные постройки с перегородками исследованы и на поселении Лори Берд [Кушнарёва, 1959; 1965; 1994г, с. 119-122]. Различия в материале, при этом, обусловлены не культурными стереотипами, а характером местности и наличием подходящего сырья, что идентично синташтинской традиции.

Рассмотренные параллели позволяют сделать несколько выводов. Синташтинская архитектура типологически близка ямной Михайловского поселения, архитектуре каменско-ливенцовской группы КМК, но в особенности кавказской и переднеазиатской. Корни всей этой архитектурной традиции ближневосточные. При этом в период, предшествовавший синташте непосредственно, в Центральной и Западной Анатолии подобные городища сильно трансформируются, что не позволяет нам ориентироваться на эти регионы в поисках истоков синташтинской архитектуры.

1.7. Архитектура Балкано-Карпатского региона

Далее обратимся к Балкано-Карпатскому региону, поскольку некоторые черты сходства, на первый взгляд, позволяют высказать мысль о заимствовании отдельных идей синташтинского архитектурного комплекса отсюда.

В Эгейде представлены тенденции в развитии архитектурных традиций, которые мы можем обозначить, как минойские [Андреев, 1989]. Обозначение это в значительной степени условное, поскольку минойский язык был распространен преимущественно, на Крите. Для Эгейды же реконструируются по отдельным фактам “эгейские” языки. Эти языки пока еще слабо изучены. Даже язык населения Крита, зафиксированный линейным письмом А, не изучен, поскольку письмо это расшифровке не поддается. Однако,

в любом случае, речь идет о доиндоевропейском языковом пласте [Молчанов, 1987, с. 80].

В восточной зоне (острова Лемнос, Лесбос и Хиос) возникновение крупных поселений относится к рубежу IV/III тысячелетий до н.э. На ранних стадиях (Ферми I, II) возникают поселения с “лучевой” планировкой, где дома группируются не кольцами, а как бы вытянутыми от центра лучами с оставленными между ними улочками-проходами. Впоследствии происходит переход к прямоугольным планировкам, достаточно произвольным и не подчиненным определенной схеме (Ферми IV, V). Строительство в большей степени завязано на топографию местности. Этому же принципу, судя по всему, подчинялась и планировка оборонительных стен, которые сооружались из камня с заполнением полых промежутков землей. Дома крупные, прямоугольной формы. Они пристраиваются друг к другу, имея общие длинные стены. На следующих этапах (во второй половине III тысячелетия до н.э.) к ним начинают пристраивать дополнительные помещения, комплекс которых составлял “инсулу” (Полиохни), что стало основой для последующего градостроительства. Однако предшествующую архитектурную традицию Манфред Корфманн был склонен рассматривать в рамках “анатолийской поселенческой схемы” [Korfmann, 1983, S. 229, 232].

В западной зоне Эгейды, на Кикладских островах, проявляют себя другие традиции. Они начинают обозначаться во второй трети III тысячелетия до н.э. и расцветают в полной мере в середине этого тысячелетия (рис. 15,3,4). Поселения занимают естественные возвышенности, опоясанные оборонительной стеной, укрепленной “бастионами” (Кастри, Панорм). Некоторые стороны, укрепленные природными обрывами, стен могут не иметь. Дома имеют крайне незначительные размеры и форму неправильных прямоугольников. Они пристраиваются к оборонительной стене и друг к другу, но ничего похожего на мегарон мы тут не наблюдаем. Мегароны появляются здесь лишь в начале II тысячелетия до н.э., после мощного коллапса, охватившего Киклады в конце III тысячелетия до н.э. Когда началось постепенное оживление, происходит переход к “инсульной” застройке, уже наблюдаемой нами в восточной Эгейде.

На территории материковой Греции первые укрепленные поселения появляются во второй

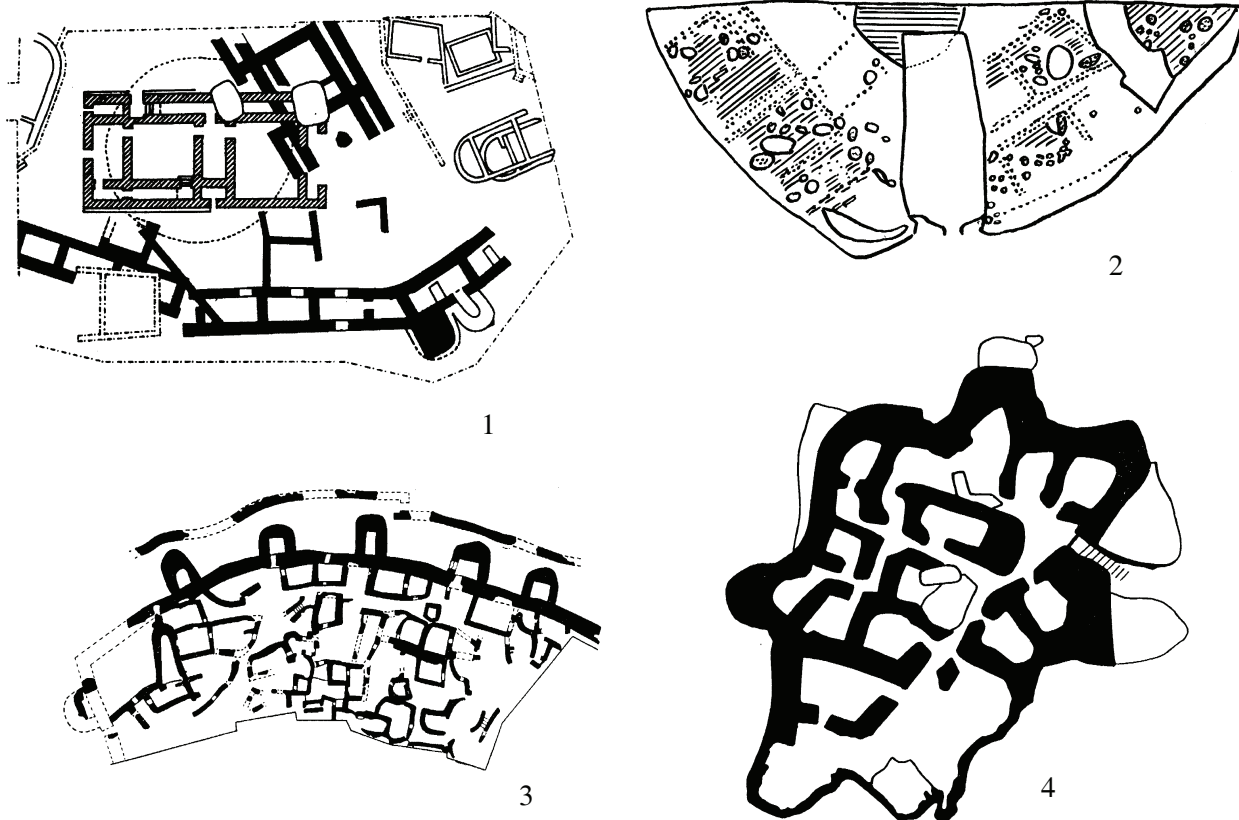

Рис. 15. Аналоги синташтинских укрепленных поселений на Балканах и в Греции. 1 – Лерна, 2 – Юнаците, 3 – Кастри; 4 – Панорм.

половине IV тысячелетия до н.э.¹ [*История Древней Греции*, 1991, с. 48-54; Бартошек, 1991, с. 226-239; Whittle, 1985, р. 145-150]. Наиболее ярким памятником этой эпохи является поселение Димини в Фессалии (рис. 131,2), обнесенное несколькими рядами мощных каменных стен, верхняя часть которых складывалась из глиняных блоков (судя по раскопкам сходного поселения в Лерне). В центре Димини располагалась цитадель с площадью и большим прямоугольным мегароном. Мегарон в Димини состоял из двух частей, в одной из которых располагался круглый очаг. Остальные дома Димини были тоже прямоугольными. Еще более крупный центральный мегарон раскопан в Арголиде (Лерна). Аналогичная конструкция акрополя исследована в Сескло в Северной Греции. Эта традиция берет начало в энеолите и продолжается здесь в эпоху ранней бронзы.

¹ В настоящее время предложено удревнение Димини до времени развитой культуры Гумельница. Следовательно в рамках современной хронологии Балкан этот памятник будет датироваться более ранним временем [Parzinger, 1993, S. 298, 299].

Таким образом, мы наблюдаем здесь в этот период черты, типичные для более поздних культур запада Анатолии (Троя I, II) и отличные от “демократической” культуры Эгеиды.

К концу III тысячелетия до н.э. наступает упадок, облегчивший грекам-ахейцам вторжение в страну. В ахейское время большинство поселений не укреплено. Укрепленные же поселения окружены кольцом стен с несколькими проходами (Мальта). Центральная часть городищ не изменилась. Здесь сохраняются площадь и крупный мегарон (до 130 кв.м). Дома построены рядами, расположенными вдоль оборонительных стен (рис. 150,1). Это отражает анатолийскую архитектурную традицию. Распространяются постройки, которые имеют на одном торце полукруглое завершение – апсиду¹. Сходные архитектурные принципы зафиксированы в Айгине (рис. 150,8) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 398, 400].

Дальнейшее развитие греческой архитектуры

¹ Апсидные постройки становятся очень характерными для многих поселений Южной Греции этого времени [Parzinger, 1993, S. 308].

проходило на фоне весьма интенсивных контактов с минойским миром и привело к формированию крито-микенского архитектурного комплекса, представленного такими шедеврами, как дворцы в Тиринфе, Микенах и Кноссе.

На Северных Балканах появление оборонительных укреплений связано с культурой Винча, датируемой серединой V – серединой IV тысячелетий до н.э. [Сафронов, 1989, с. 74-76, 117, 118; Мерперт, 1995, с. 118, 119]. Укрепления появляются на памятниках последней фазы этой культуры и хронологически они несколько более поздние, чем анатолийские.

Укрепления поздней фазы представлены круглыми рвами, за которыми располагаются деревянные стены. Основанием стен был вал, сложенный из грунта, взятого при рытье рва. Происходят дополнения в жилой архитектуре. Появляются жилища типа “мегарон” довольно крупных размеров (до 200 кв.м). Наряду с этим существуют дома небольших размеров. Не исключено, что мегароны являются здесь социально-значимыми постройками. Возможно, сооружения подобного типа появляются на Балканах параллельно с анатолийскими. Новым стало возникновение апсидных домов с полукруглым торцом. Они тоже отличаются большими размерами по сравнению с обычными жилыми домами.

В Болгарии исследование Телля Поляница выявило иной архитектурный принцип (рис. 124,1). Ряды домов плотно пристроены друг к другу и окружены прямоугольным рвом и тремя рядами палисадов, что вообще свойственно европейской энеолитической архитектуре [Whittle, 1985, p. 145-147; Тодорова, 1979, с. 48-52].

В энеолитическое время в Подунавье, Прикарпатье и Центральной Европе формируется культура лендель, а затем культура воронковидных кубков. Система их укреплений вполне сопоставима с тем, что мы наблюдали в Винче. Она представлена рвами и валами с частоколом различной в плане формы (круг, квадрат, трапеция). Рвы могут иметь значительную глубину – от 3м (Глубоке Машувке) до 5м (Сводин). За рвами располагаются 2-3 ряда палисадов, что идентично северобалканской традиции (рис. 129,1,2). Правда, круглоплановые укрепления ленделя не могут рассматриваться в качестве параллели синташте, поскольку внутреннее их пространство, как правило, не застроено, а жилые

участки исследованы по соседству с этими укреплениями. В отдельных случаях (Тешетиче-Кжиевиче) внутри укреплений обнаружено много антропоморфных и зооморфных фигурок, что позволило обсуждать ритуальные функции подобных построек [Whittle, 1985, p. 191, 192].

Жилые дома сделаны из плетня, обмазанного глиной. Есть, как и в Винче, апсидные и крупные прямоугольные дома. Последние типы построек отличаются от переднеазиатских и синташтинских вытянутыми пропорциями. При длине 20м их ширина может колебаться в пределах 4 – 7,5м.

Эта традиция, по-видимому, наследуется носителями культуры воронковидных кубков, где распространяются сходные формы оборонительных сооружений (рис. 130,1) [Midgley, 1992, p. 341-354].

Абсолютно идентичны этим постройкам позднеэнеолитические комплексы на севере Франции (Berry-au-Vas и др.). Они состоят из рвов и палисадов различной в плане формы и охватывающих порой огромные площади. Но жилые постройки с длинными трапециевидными домами располагаются всегда за пределами этих укреплений. Исследование рвов позволило сделать вывод о том, что эти конструкции играли сакральную роль [Dubouloz, 1991; Bertemes, 1991].

В Северо-западном Причерноморье наблюдаются сходные с Балканами архитектурные традиции. С конца V по 3-ю четверть III тысячелетия до н.э. здесь распространяется культура Триполье-Кукутени. Стены ее домов плетеные, обмазанные глиной. Дома прямоугольные, построенные всегда изолированно друг от друга. Они могут иметь хаотичную застройку, располагаться концентрическими кругами, собираться в отдельные группы (рис. 124,11). Укрепленные поселки культуры Триполье-Кукутени имеют сходные планировки жилых комплексов. Располагаются они в удобных для обороны местах, на мысах, перегороженных рвом, валом и частоколом [Энеолит СССР, с. 178, 181, 186, 196, 206, 216, 217, 273, 300].

Весьма интересным фактом является появление на Балканах (Южная Болгария) в раннюю бронзу поселений, планировочные решения которых отражают анатолийские традиции [Мерперт, 1995а; Parzinger, 1993, S. 303]. Одним из таких поселений было Эзеро. Оно имело два кольца оборонительных стен с каменным основанием и воротами в виде вытянутых входных коридоров. В жилой зоне зафиксированы блоки сопряженных

между собой жилищ размером до 45 кв.м. Центр был не застроен. Сходно типологически и поселение Юнаците (рис. 15,2). Блоки прямоугольных жилищ здесь примыкали к валу. Стены жилищ традиционные — плетеные и обмазанные глиной, укрепленные в нижней части камнями и горизонтальными бревнами. Размеры жилищ достигают 70-80 кв.м. Примечательно, что стены здесь двойные. Появление подобных построек на Балканах датируется периодом Троя I или даже ранее [Мерперт, 1995а, с. 45]. М. Корфманн полагает, что появление на Балканах архитектуры типа Эзеро является синтезом местных и западноанатолийских традиций [Korfmann, 1983, S. 240].

Завершая описание архитектурных особенностей балкано-анатолийского региона, мы можем выделить несколько типологически отличных друг от друга традиций.

В восточной Эгеиде мы видим развитие “минойской” традиции. Не исключено, что первоначально она формировалась под анатолийским влиянием, благодаря чему здесь на ранних стадиях появляется мегарон и “лучевая” планировка жилого пространства. Впоследствии возобладает планировка, подчиненная условиям местности и “инсульная” застройка.

В Северной Греции еще в энеолите возникают круговые укрепленные поселения с площадью и мегароном в центре, с прямоугольными домами и оборонительными стенами, имеющими каменные основания и надстроенную из глины (вероятно с деревом) верхнюю часть. Эта архитектура очень сопоставима с анатолийской. Поэтому не исключено, что исходный импульс к ее формированию в Греции поступает именно из этого региона. До СБВ данная традиция здесь не доживает, кроме того, она все же достаточно отлична от синташтинской.

Появление бастионных укреплений на Кикладах, возможно тоже связано с анатолийским импульсом, но Г. Парцингер считает, что оборонительные укрепления здесь являются традицией, восходящей к местному среднему неолиту [Parzinger, 1993, S. 306]. В любом случае, в этой архитектуре мы тоже не в состоянии искать корни архитектуры Синташты. Впоследствии на Кикладах наблюдается переход к “инсульной” застройке.

Наиболее близка синташте архитектура, распространяющаяся в Греции в конце РБВ вместе с ахейскими греками. Однако корни этой архи-

тектуры в Анатолии. Тем не менее, типологическое сходство позволяет допускать мысль о возможности привнесения данной традиции на Урал из этого региона, хотя прочий материал подобного допущения не подтверждает.

В Подунавье, Северо-Западном Причерноморье и Центральной Европе проявляет себя уже совершенно иная традиция. Несмотря на отдельные типологические сходства с Анатолией, здесь осуществляется уже иная линия развития. Оборонительные стены делаются из дерева, на земляных валах. В ряде случаев зафиксировано, что это частоколы. Развитие подобной фортификационной техники вполне логично для этой природной зоны. Планировки весьма разнообразны.

Жилые дома наземные, сделаны из плетня, обмазанного глиной. Мегароны появляются, как чужеродный компонент и присутствуют на поселениях как социально или ритуально значимые. Укрепления датируются здесь несколько позже, чем в Анатолии. Эти обстоятельства позволяют допускать определенный анатолийский импульс, впрочем, весьма незначительный.

В Южной Болгарии в РБВ мы наблюдаем смешение европейской и анатолийской традиций, что подтверждается и составом инвентаря [Мерперт, 1995а, с. 45].

На формирование же архитектурного комплекса Греции северобалканский регион оказал влияние лишь на рубеже III/II тысячелетий до н.э. Но и это влияние не было всеобъемлющим.

Возвращаясь к синташтинско-абашевской архитектуре, мы хотим подчеркнуть, что все слагаемые ее компоненты находят свои параллели в закавказских, анатолийских и сирийских комплексах. При этом речь не идет об отдельных параллелях и сопоставлениях по различным памятникам. В данном случае мы имеем право говорить о детальном сходстве комплексов. В литературе уже высказывалось мнение о возможности подобной связи, причем этот вывод был распространен и на Ташково II [Крижевская, 1993].

Сказанное в равной степени относится и к архитектуре позднего слоя Михайловки и каменско-ливенцовской группе КМК. Основные их черты не сопоставимы с балкано-карпатской традицией, но находят многочисленные параллели в Анатолии.

Глава 2. Погребальный обряд

2.1. Погребальный обряд синташтинской культуры

Не менее ярким, чем поселенческие комплексы, является синташтинский погребальный обряд. В настоящее время произведены значительные работы на могильниках поселений Синташта (одноименный могильник) и Аркаим (Большекараганский могильник). Исследовались и другие памятники в Зауралье (Солнце, Каменный Амбар, Кривое Озеро, Степное) [Зданович, Зданович Д., 1995; Зданович, Батанина, 1995; Малютина, Зданович, 1995; Зданович, 1995; Генинг и др., 1992; Зданович Д., 1995; 1995а; Костюков и др., 1995; Епимахов, 1996; Боталов и др., 1996]. Подобного типа памятники, в разной степени сопоставимые с синташтинскими, были раскопаны на больших пространствах от Подонья до Северного Казахстана [Зданович, 1988; Потемкина, 1985; Васильев и др., 1994; 1995; 1995а; Синюк, Погорелов, 1993; Горбунов и др., 1990; Моисеев, Ефимов, 1995; Горбунов, 1990]. Погребения синташтинского типа выявлены в Притоболье [Потемкина, 1985; 1994]. Очень значимым представляется открытие большого числа этих могильников в Актюбинском Приуралье [Ткачев, 1995]. Столь масштабная источниковая база позволяет нам провести сравнительный анализ, с одной стороны, сопоставить погребальный обряд синташты с обрядом культур Евразии, с другой — попытаться выявить соотношение отдельных групп синташтинских памятников.

Синташтинский погребальный комплекс, под которым понимается все пространство под курганной насыпью, довольно сложен и вариабелен [Епимахов, 1995] (рис. 16). В настоящее время есть все основания утверждать, что изначально курганная насыпь не была единой, а состояла из отдельных сооружений над каждой могильной ямой [Генинг и др., 1992, с. 243-252]. Традиция впускных захоронений, свойственная восточноевропейским культурам, практически отсутствовала. Исключение составляет небольшая группа погребений в Актюбинском Приуралье, где

синташтинские могилы впущены в полтавкинские курганы [Ткачев, 1996]. Для Зауралья же это почти не характерно. В результате, случаи прорезания одной могильной ямой другую встречаются довольно редко. Они тем более важны для нас, что на этой основе мы в состоянии проследить динамику развития погребального обряда и материальной культуры. В сущности, часто мы вправе относиться к этим погребениям не столько как к впускным, сколько как к ярусным, так как временная разница между ними была, по видимому, не слишком велика [Ткачев, 1997].

В ряде случаев фиксируется, что надмогильные сооружения имели форму усеченной пирамиды, окруженной глиняной обваловкой. Отмечены случаи проседания в могильную яму глиняной площадки. Возможно, подобные площадки перекрывали конструкцию сверху. Такая трактовка представляется нам более предпочтительной, чем купола, поскольку иногда глина проседает в яму достаточно ровным слоем.

Площадка погребальных комплексов обычно имеет ограждение в виде рва и небольшого вала из дерна или глины. Чаще мы фиксируем лишь один из этих признаков. В некоторых случаях нам и вовсе не удается их проследить. С восточной стороны рвов фиксируются проходы на территорию погребальной площадки с оформленным перекидным мостиком [Зданович Д., 1995а, с. 45]. Вероятно, нечто подобное имело место и в земляных валиках, но зафиксировать это не удалось. При этом следует заметить, что на ранних синташтинских памятниках рвы, возможно, отсутствуют (рис. 18).

В насыпи часто присутствует зола, перемешанная с гумусом. По-видимому, это остатки сгоревших дерево-земляных сооружений, поставленных над отдельными могильными ямами. Наверное, об этом же говорят и прокалы материка возле ям или прокалы глины надмогильных сооружений на Синташте. Над спаренными центральными могильными ямами сооружалась одна крупная общая конструкция.

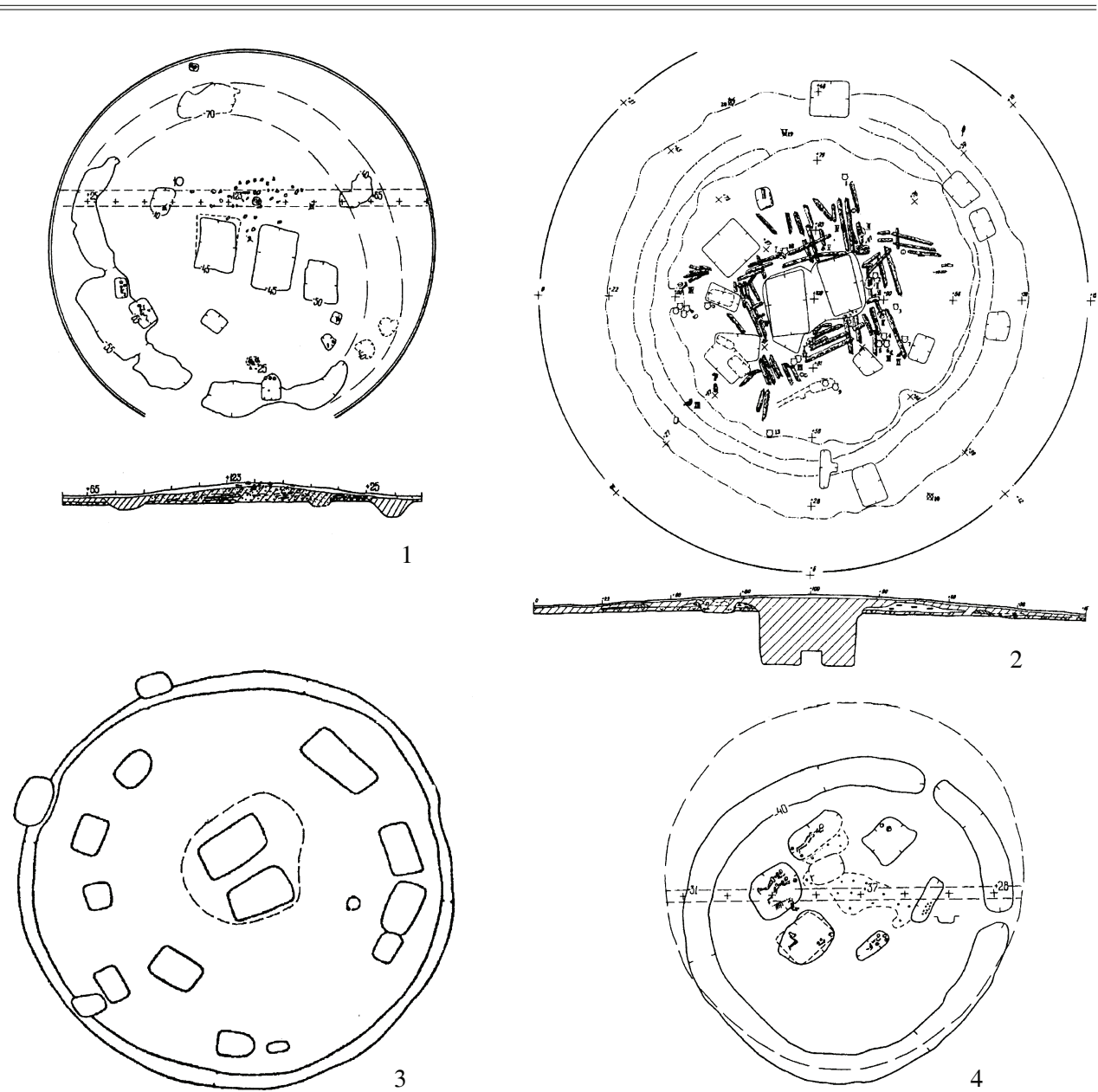

Рис. 16. Синташтинский погребальный обряд. 1, 4 – Большекараганский мог.; 2 – Синташтинский мог.; 3 – Каменный Амбар.

Погребения на погребальной площадке располагались по одному стандарту. В центре находится от одной до трех могильных ям очень крупных размеров. При этом в случае если в центре погребальной площадки фиксируется две могильные ямы, центром являлась точка между ними. Вокруг них по кругу располагались другие погребения. Ориентировка этих ям не привязана к сторонам света. Они всегда ориентированы своими длинными или короткими сторонами по радиальным осям погребальной площадки (рис. 16,1-3).

Описанный способ планировки характерен для погребальных комплексов раннего и классического этапов.

Иногда периферийные погребения начинали сооружаться с южной части насыпи, что особенно ярко видно по характеру инвентаря и погребальному обряду некоторых комплексов (Большекараганский могильник к. 24; Каменный Амбар) (рис. 16,1). Наряду с этим присутствует и иной канон, когда периферийные погребения, располагаясь по кольцу, ориентированы по сторонам света. Подобное устройство погребений

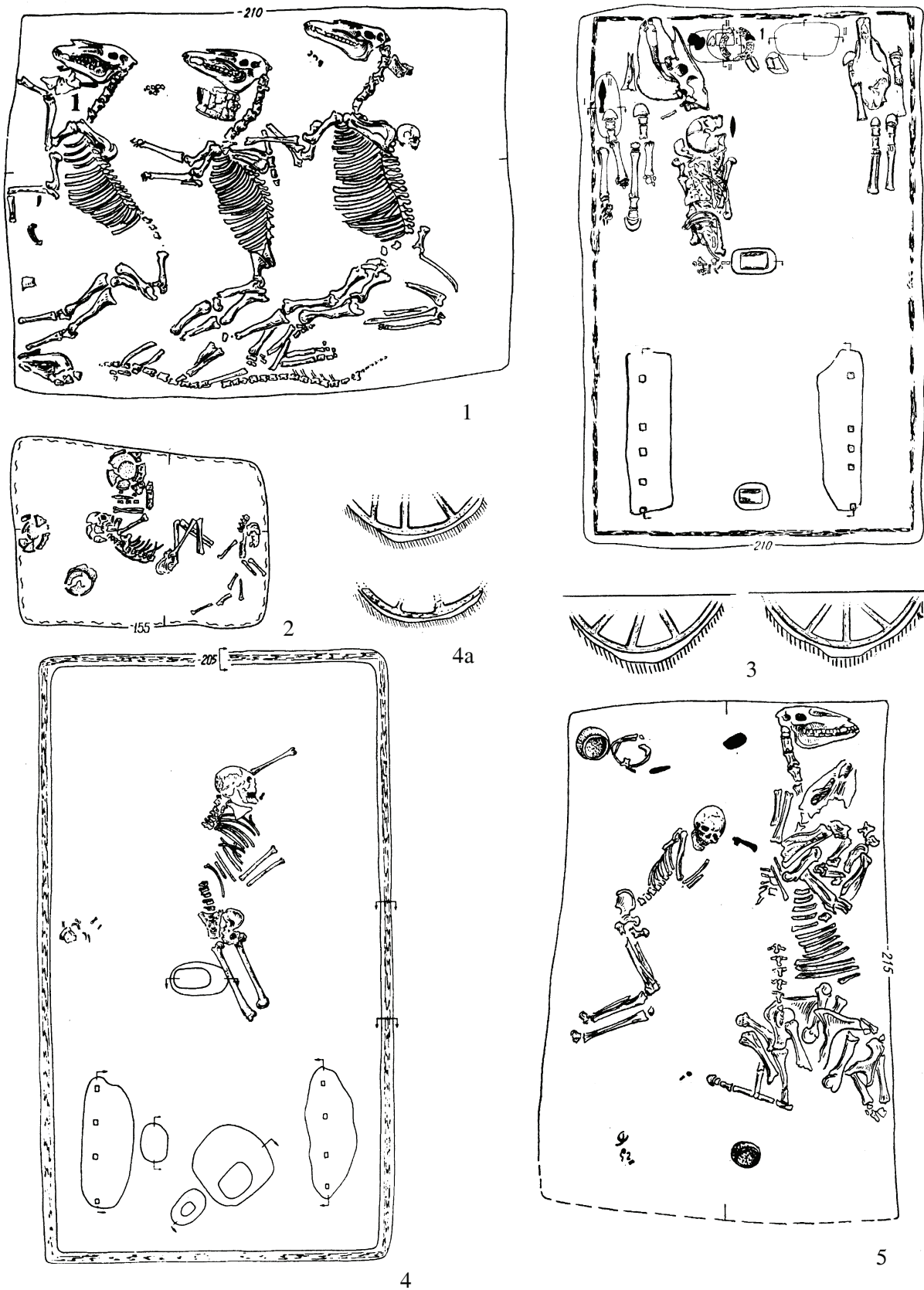

Рис. 17. Погребальный обряд синташтинской культуры. 1, 3 – 5 – Синташта; 2 – Большекараганский мог

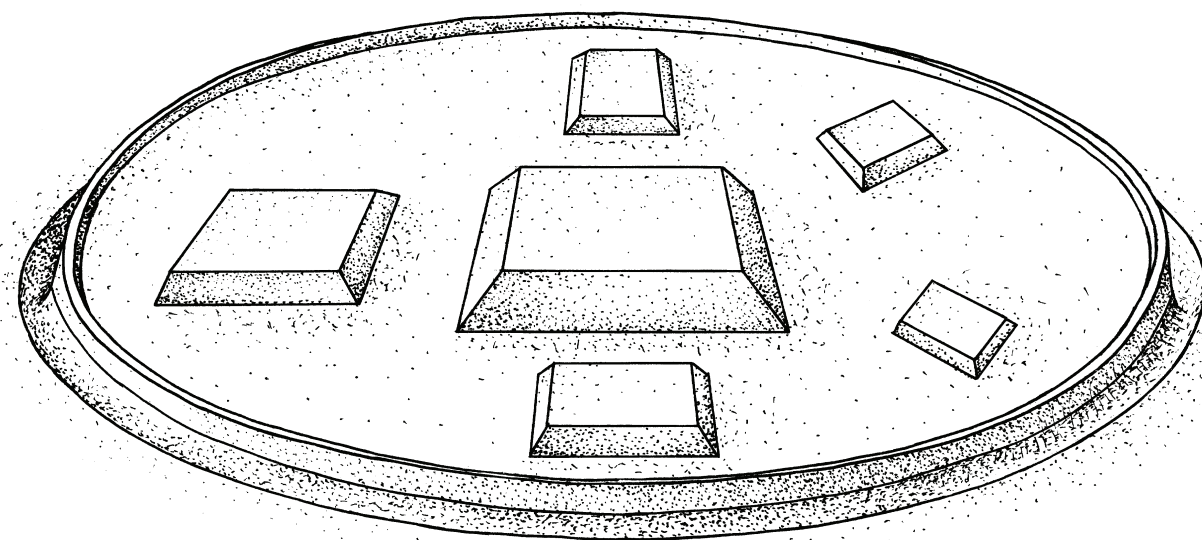

Рис. 18. Реконструкция кургана.

появляется на классическом этапе и сопровождается чужеродным материалом, несущим полтавкинские черты (курган 11 Большекараганского могильника). Ямы, включая центральную, ориентированы по линии СВ-ЮЗ, хотя мы и не исключаем возможности, что в будущем будут выявлены и иные способы ориентировки (рис. 16,4).

На петровско-покровском этапе ориентировка по сторонам света становится единственной. Сохраняет свое значение ориентировка СВ-ЮЗ, но появляются С-Ю и З-В.

Над ямами устраивались глиняные или дерево-земляные сооружения. Предполагается, что это были округлые купола [Генинг и др., 1992, с. 276], но, скорее всего, эти сооружения были прямоугольными. Именно на это указывают те случаи, когда конструкцию удалось хорошо зафиксировать [Генинг и др., 1992, с. 245].

Могильные ямы отличаются значительным разнообразием размеров (рис. 17). В ранний и классический периоды в кургане их всегда несколько. Впоследствии появляются одиночные погребения. Самыми крупными были центральные погребения. Размеры их обычно укладываются в промежуток 3,5-4,5х2-3,5 м. Периферийные ямы изредка могут иметь размер, сопоставимый с некоторыми центральными, но в подавляющем большинстве случаев они меньше. Их размеры очень колеблются, опускаясь подчас до весьма незначительных.

По характеру конструкции, могильные ямы разбиваются на несколько типов: 1. Прямо-

угольные ямы, часто с небольшими уступами в верхней части по всему периметру. 2. Яма с небольшими подбоями. 3. Катакомба (зафиксирована в одном случае).

На раннем этапе присутствуют все типы могильных ям. На классическом и позднем мы фиксируем лишь простые ямы и ямы с уступами. Катакомбные и подбойные захоронения исчезают.

В ямах фиксируются остатки погребальных камер, сооруженных из деревянных плах (рис. 19). Следы их могут не сохраняться в могильных ямах незначительных размеров. В крупных могильных ямах встречаются угловые столбы, служившие опорой для деревянных стен камеры. Пространство между деревянной камерой и стеной заполнялось материковым грунтом, а в отдельных случаях несколько отличным от материка составом, позволяющим предполагать наличие специальных формовочных масс.

По-видимому, верхние венцы деревянных камер не доходили до края могильной ямы. На них покоилось перекрытие из плах. Перекрытий было, как правило, два. Одно опиралось на венцы погребальной камеры, другое — на края могильной ямы, где для этого был оборудован специальный уступ. Поэтому ямы с уступом и без него типологически едины. При этом требование методической чистоты, в данном случае, будет необоснованным, поскольку зачастую контуры ям на верхних очертаниях зафиксировать не удастся.

Интересно обнаружение более сложного сооружения, в котором реконструировано 3 перекрытия [Зданович Д., 1995а]. Тем не менее,

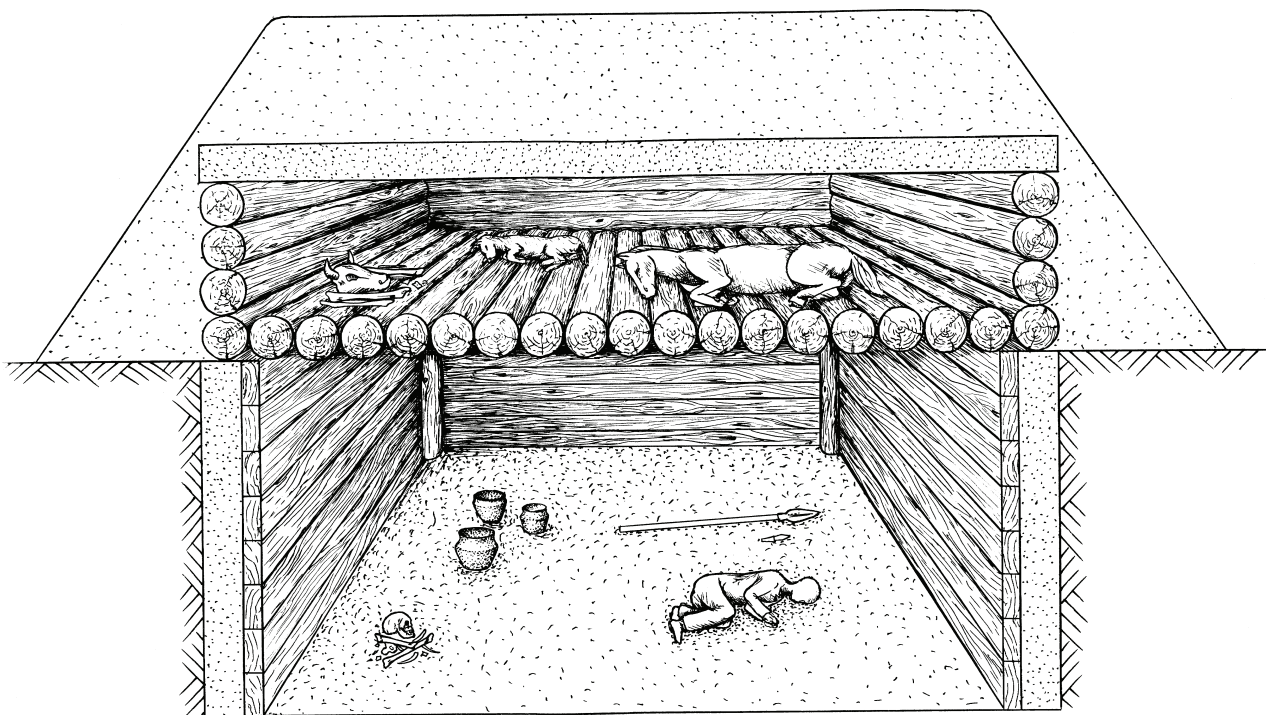

Рис. 19. Реконструкция погребальной камеры.

в целом для синташтинских памятников это не типично.

В крупных могильных ямах перекрытия иногда дополнительно поддерживались столбами, расположенными в центре или у средней части торцевых стен (рис. 17,3,4).

Погребения с подбоями пока зафиксированы только на Синташте. Подбой неглубокие и могут подрезать одну, реже две продольные стенки. Однако полной уверенности в том, что подбой в ямах были изначально, а не являлись следствием разрушения стенок, нет.

Захоронение в катакомбе пока выявлено только одно, и тоже на Синташте. Условно к этому типу мы относим еще одно погребение, где зафиксирован большой глубокий уступ в торцевой части. Конструктивно это нечто среднее между катакомбой и прямоугольной ямой. Мы можем предполагать, что в отдельных случаях, когда фиксация четких очертаний происходила не с верхнего уровня материка, подобные уступы имели место, но вряд ли этот тип конструкции был распространен.

Поэтому можно говорить о том, что ведущим типом были прямоугольные могильные ямы, поскольку существование подбойных захоронений

довольно дискуссионно, а единственная синташтинская катакомба является для этой культурной группы явно привнесенным со стороны явлением.

В ямах похоронено разное количество людей (от 1 до 5). В одном случае (Большекараганский могильник, курган 25) в двух центральных могильных ямах зафиксированы останки 14 человек [Зданович Д., 1997, с. 41]. При этом групповые захоронения более присущи раннему этапу и в уменьшающейся степени последующим. В настоящее время известно два основных способа погребения. Это захоронение скорчено на левом (изредка правом) боку и расчлененные захоронения (рис. 17; 19). В одном случае (центральное погребение кургана 11) мы фиксируем погребение, скорченное на спине, но этот курган характеризуется полтавкинскими чертами. По отдельным стратиграфическим ситуациям (Синташта, СМ, погр.10, 16, Солнце II, к.4, м.я. 1), а также по характеру сопровождающего инвентаря, мы можем утверждать, что погребения с расчлененными костями относятся к раннему этапу. На классическом и позднем этот обряд присущ, как правило, крупным центральным погребениям. Обряд этот присутствует на всех

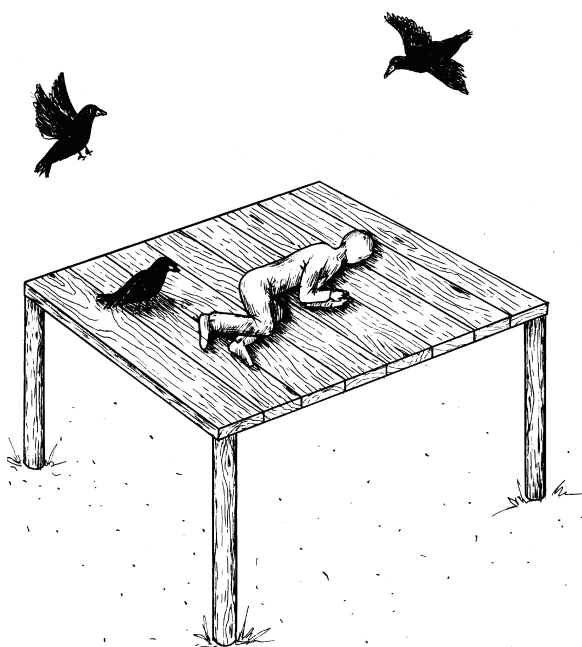

Рис. 20. Реконструкция обряда вторичного захоронения.

синташтинских памятниках, проявляясь впоследствии в петровской культуре, а в единичных случаях даже в алакульской [Ткачев, 1997].

Зафиксированы расчлененные захоронения двух типов. К первому относится захоронение, в котором кости сложены компактной кучкой (Синташта, СМ, погр.30). В данном случае совершенно ясно, что первоначально покойный помещался вне пределов могильной ямы и лишь впоследствии, после разложения и удаления мягких тканей, кости перезахоранивались в могилу (рис. 17,3). Более массовыми являются погребения, в которых кости разбросаны по могильной яме, причем далеко не всегда только по дну. Костяки бывают неполными. Эта ситуация может быть объяснена тремя причинами. Первой является ограбление. Однако его мы допускаем лишь для единичных случаев. Наличие инвентаря, причем часто богатого, в этих погребениях, заставляет нас решительно отказаться от этой мысли. К тому же очень часто над подобными погребениями фиксируются прекрасно сохранившиеся перекрытия с непотревоженными костяками жертвенных животных. Второй вариант — погребение на первом перекрытии или на специальном помосте (рис. 20). После гниения мягких тканей и обрушения конструкции кости

погребенного опускались в могильную яму в разрозненном виде. Тем не менее, о большей части подобных захоронений мы должны говорить, как о захоронениях вторичных, когда кости помещались в яму, часто на перекрытие, после удаления мягких тканей на стороне. Это мотивируется тем, что костяки, как правило, неполны. Вероятно, это все же и было основной формой погребального обряда. При этом существует некоторое количество погребений, совершенных на перекрытии. Они маркируются сильно “потревоженными” костяками с сочлененными костями. Идеи о захоронениях в кузовах колесниц археологического подтверждения не находят, так как остатки костяков никогда не лежат компактной группой между углублений от колес.

Существовали и иные способы обращения с телом умершего. В частности, известны случаи отчленения головы [Ткачев, 1997, с. 86].

Вероятно, часть захоронений, фиксируемых как вторичные, является результатом деятельности норных животных. Однако все подобные погребения этим объяснить нельзя. Иначе становится непонятно — почему в центральных погребениях никогда не присутствуют целые костяки (при сохранении костяков лошадей), в то время как в периферийных погребениях эти костяки сохраняются. Поэтому определить реальное соотношение скорченных и вторичных захоронений очень трудно. Задача осложняется тем, что в описаниях отсутствуют упоминания о том — фиксировались ли следы деятельности норных животных на стенках и дне могильных ям.

Скорченные на боку захоронения встречаются на протяжении всех периодов синташты (рис. 17,2,4,5). Почти всегда это погребения на левом боку. Степень скорченности, как правило, очень слабая. Но это не может являться обрядовым признаком, поскольку при таком объеме полого пространства в могильной яме распухание тела в процессе гниения будет неизменно ослаблять степень скорченности [Иванов А., 1992]. Лишь для единичных сильно скорченных костяков мы допускаем их предварительное связывание.

Таким образом, мы фиксируем постепенную трансформацию погребального обряда в следующем направлении: от вторичных захоронений костей в яме или на перекрытии к погребению тел на перекрытии и далее к погребению тел на дне могильной ямы. Впрочем, трупоположения на боку были присущи синташтинской культуре изначально

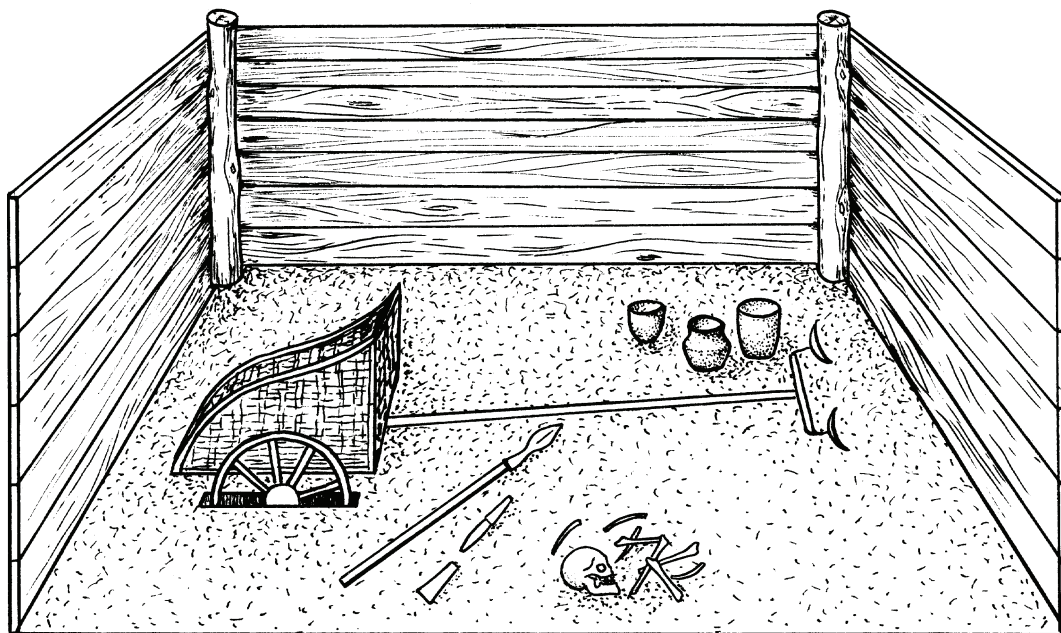

Рис. 21. Реконструкция погребения в колеснице.

но, как и вторичные захоронения. Но с течением времени доля их в погребальном обряде увеличивается.

В ряде могильных ям (причем не только в центральных) обнаружены остатки колесниц (рис. 17,3,4; 21). Они фиксировались по ямкам от колес, причем в отдельных случаях удалось проследить отпечатки спиц. В одном случае (Каменный Амбар) колесница фиксировалась по древесному тлену от рамы и дышла. Мы можем также допустить, что в ямах, где были обнаружены детали колесничной упряжи (костяные псалии) (рис. 43,3,7) тоже были колесницы, но следы их не сохранились. Обряд помещения колесницы в могильную яму более присущ раннему периоду. В классическом и позднем периодах он присутствует только в центральных погребениях.

Могильные ямы снабжены богатым погребальным инвентарем. Описание его дается в соответствующем разделе. Здесь же мы отметим лишь то, что в погребениях с расчлененными костяками инвентарь может встречаться не только на дне, но и в заполнении могильной ямы. Это свидетельствует о том, что часть инвентаря помещалась вместе с погребенным на первом перекрытии. В центральных ямах иногда обнаружены скопления бронзовых изделий в специальных нишах.

В заключение описания синташтинского погребального обряда обратимся к жертвенным

комплексам. Их можно разделить на два типа: жертвенные комплексы в могильных ямах, помещавшиеся туда в процессе похорон и поминальные жертвенные комплексы на погребальной площадке.

Первые могут размещаться на дне могильной ямы и на ее перекрытии. В их составе целые костяки или части туш лошадей, головы и конечности крупного рогатого скота, туши или части тел мелкого рогатого скота, кости собак, в единичных случаях верблюда, сайги и кабана. При этом целые туши и набор из конечностей и голов может рассматриваться не как пища, предназначенная для покойного, а в качестве сопроводительного одушевленного инвентаря (рис. 17,1,3,5).

Наблюдаются некоторые тенденции и по периодам. В раннем количестве целых туш больше всего. Далее в течение классического и позднего периода их число уменьшается. При этом большая часть жертвенных особей приурочена к крупным могильным ямам.

Определенные закономерности дает нам также корреляция видов животных в могильных ямах и керамических групп. В погребениях с классической синташтинской керамикой присутствуют все виды, причем часто в одном погребении. В петровско-покровский период состав видов, в принципе, тот же, но в погребениях он присутствует чаще не в полном объеме. В

отдельных погребениях количество видов и особей значительно меньше, чем в синташтинских курганах. А в комплексах, несущих полтавкинские черты, он очень обеднен и доминирует здесь мелкий рогатый скот.

Жертвенники на погребальной площадке представлены костями животных и керамической посудой. Они могут либо устанавливаться на площадке, либо помещаться в специальное небольшое углубление. Проведение их сравнительного анализа выходит за рамки настоящей работы, поскольку не вполне ясна привязка отдельных жертвенников к конкретным погребениям. В настоящее время отмеченные закономерности могут рассматриваться лишь в качестве обозначенной тенденции, которую мы наблюдали, анализируя материалы Большекараганского могильника и основываясь на отдельных публикациях. В перспективе же это работа для компетентных специалистов.

Опираясь на наши представления об эволюции синташтинского погребального обряда, мы можем предложить разбивку основных опорных комплексов по периодам. При этом следует учитывать, что границы между периодами имеют определенную долю условности, а в комплексах одного периода могут присутствовать погребения с чертами предшествующего и последующего. С учетом этих оговорок, мы склонны считать, что к раннему периоду относится большинство комплексов Синташты (за исключением С1), к классическому — комплекс С1 Синташты и курганы 11, 24 Большекараганского могильника, а к позднему курганы 20, 22 Большекараганского могильника. Могильник Каменный Амбар несет в себе черты раннего, классического периода и перехода к позднему. Подобное членение вовсе не говорит о том, что поселения, относимые к этим могильникам, не существовали в течение всех эпох (хотя в отдельных случаях и это допустимо). Просто многие погребальные комплексы могут быть пока не выявлены или не исследованы.

2.2. Погребальные обряды восточноевропейских и североказахстанских культур

Погребальный обряд, фиксируемый на памятниках петровской культуры Северного Казахстана, в целом, сходен [Зданович, 1988, с. 60-86, 133-137]. Несколько выбивается здесь наличие детских погребений в жилищах – обряд, присущий, скорее, Передней Азии, где он известен с неолита [Mellaart, 1967, р. 242-244]. Однако он зафиксирован и в Закавказье, на куро-аракском поселении Амиранис-гора [Кушнарева, Губинишвили, 1970, с. 66]. При этом, в Казахстане известны и детские могильники. Классическим является могильник у с. Петровка, но еще раньше был исследован аналогичный Алексеевский могильник в Притоболье, понятый, как жертвенное место [Кривцова-Гракова, 1947а, с. 71-73].

Прочие погребения разбиваются на несколько групп. К первой относятся погребения воинов-колесничих. Это всегда одна яма в кургане, около которой лежат костяки лошадей. В ямах фиксируются остатки колесниц, обмазки стен и дна глиной. На перекрытии, вероятно, было дерновое сооружение, тоже перекрываемое глиной. Ямы ориентированы по линии З-В и имеют уступчики. На уступчиках покоились бревна перекрытия. Еще одно перекрытие располагалось ниже на венцах сруба. Остатки погребенных очень фрагментарны и находятся в заполнении ям. Считается, что погребения совершены по обряду труположения [Зданович, 1988, с. 135]. Однако полевые наблюдения убеждают в ином. В частности, в могильнике Берлик фиксировались не потревоженные заполнения могильных ям. В одной из них даже зафиксирована не прокопанная обмазка перекрытия, опустившаяся в яму [Зданович, 1988, с. 72]. Поскольку следы грабительских перекопов отсутствуют, мы можем смело говорить о вторичных захоронениях. Очень важно то, что подобные курганы, как правило, изолированы от других. Другие могильники содержали одно центральное захоронение (уступающее в монументальности синташтинским) и периферийные, расположенные по кругу. Центральное обычно ориентировано по линии З-В, а периферийные СЗ-ЮВ. В погребениях

расчищены костяки в скорченном положении на боку.

Описанные признаки сближают петровские памятники с погребениями в Зауралье позднего этапа. Таким образом, этот обряд является производным от синташтинского, слагаемые которого следует искать к западу от Уральского хребта.

В первую очередь, обратимся к обряду абашевских племен, проживавших в лесостепи Восточной Европы синхронно синташтинским.

Все абашевские погребения выполнены под курганной насыпью [Горбунов, 1986, с. 35, 36, 38; Эпоха бронзы..., 1987, с. 128; Большов, Кузьмина, 1995]. Под насыпями фиксируются круглые ограждения в виде ровиков или столбов. Последние наиболее характерны для средне-волжского абашева, но известны и в Приуралье. Ограждают эти частоколы не подкурганную площадку, а отдельные могильные ямы [Смирнов, 1961, с. 18; Евтюхова, 1961, с. 34; Мерперт, 1961, с. 144, 145]. В Приуралье встречаются также каменные оградки округлой или подпрямоугольной формы [Васюткин и др., 1985, с. 68; Горбунов, Морозов, 1991, с. 117-120]. Преобладают одиночные погребения под насыпью, но встречается и 2-4 могилы. Обычно господствует линейный принцип планировки, более ярко представленный материалами средне-волжской абашевской культуры. Ямы в этом случае располагаются в ряд на подкурганной площадке [Большов, Кузьмина, 1995; Кузьмина О., 1992, с. 5]. Ямы прямоугольные, могут быть обложены деревом или камнем (Приуралье) [Горбунов, 1986, с. 40]. На Дону часто встречаются крупные ямы с деревянным перекрытием [Эпоха бронзы..., 1987, с. 128; Синоков, 1996, с. 194]. На Средней Волге фиксируются, наряду с прямоугольными, овальные ямы и изредка встречаются посыпки дна охрой и мелом [Мерперт, 1961, с. 146; Большов, 1994, с. 10, 11; Ефименко, 1961, с. 54]. Известны деревянные камеры и перекрытия. Интересно присутствие здесь обмазок стенок могильных ям глиной и глиняных площадок, перекрывающих могильные ямы и выходящих за их пределы, так как это находит параллели в синташтинской культуре [Мерперт, 1961, с. 145, 146; Халиков и др., 1966, с. 7, рис. 1; Халиков, 1961, рис. 11, 15, 18, 20, 36, 38, 41, 44; Кривцова-Гракова, 1947, с. 93].

На Средней Волге погребенные лежали на спине, с согнутыми в коленях ногами [Горбунов, 1986, с. 42; 1992, с. 152; Эпоха бронзы..., 1987, с. 129; Большов, Кузьмина, 1995, с. 81-92; Смирнов, 1961, с. 75; Евтюхова, 1961, с. 27; Кузьмина О., 1992, с. 6; Большов, 1994, с. 11; Ефименко, 1961, с. 49; Халиков, 1961, с. 211]. На Дону чаще встречаются захоронения вытянуто на спине [Эпоха бронзы..., 1987, с. 128]. Более многообразной является ситуация в Приуралье [Горбунов, 1986, с. 42-45; 1992, с. 152; Горбунов, Морозов, 1991]. Здесь присутствует обряд погребения скорчено на спине, как на Средней Волге, но чаще вторичные захоронения, аналогичные синташтинским. Преобладающей ориентировкой на Средней Волге является ЮВ и В, на Дону – ЮВ и СВ [Эпоха бронзы..., 1987, с. 128; Большов, Кузьмина, 1995; Смирнов, 1961, с. 15; Евтюхова, 1961, с. 30; Мерперт, 1961, с. 151; Кузьмина О., 1992, с. 6; Халиков, 1961, с. 211]. Ориентировки в Приуралье очень переменчивы [Горбунов, 1986, с. 43]. Здесь надо учитывать значительную долю расчлененных костяков.

Таким образом, погребальный обряд синташты резко отличен от абашевского Средней Волги и, по отдельным признакам сопоставим с доно-волжским и волго-уральским. Черты, по которым можно сопоставить синташтинские погребения со средне-волжскими – это наличие глиняных площадок над ямами, глиняных обмазок стенок, наличие деревянных перекрытий и камер. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что на Средней Волге эти признаки не слишком распространены. С доно-волжским абашевым синташту отчасти сближает обычай помещения в погребение черепов и конечностей крупного рогатого скота, тогда как на Средней Волге в жертвенных комплексах доминирует овца, и уже затем идут кости быка или коровы [Пряхин, 1976, с. 120, 121; Синоков, 1996, с. 194]. В Приуралье тоже встречены, преимущественно, корова и овца [Горбунов, 1986, с. 44]. Но типичный синташтинский набор жертвенных животных для абашева не характерен.

Таким образом, несмотря на ряд сходных черт, синташтинский погребальный обряд не выводим из абашевского. Но и абашевский погребальный обряд нельзя выводить из погребального обряда шнуровых культур Цент-

ральной Европы, где развитие идет по иной линии. Мы вкратце остановимся на этой проблеме, поскольку, как уже упоминалось выше, в историографии существует мнение о формировании абашевской культуры на фатьяновско-балановской основе.

В дошнуровых культурах лендель и воронковидных кубков кладбища обычно насыпей не имеют, хотя в КВК есть насыпи с каменной обкладкой [Сафронов, 1989, с. 122]. Погребенные лежат скорчено на левом (реже правом) боку. Впоследствии эти же черты характеризуют все шнуровые культуры, включая среднеднепровскую и подкарпатскую [Эпоха бронзы..., 1987, с. 35, 39, 44; Whittle, 1985, р. 255-257]. В фатьяновской культуре, одним из компонентов сложения которой была среднеднепровская, курганы отсутствуют. Это грунтовые могилы со скорченными на боку костяками [Эпоха бронзы..., 1987, с. 42, 64]. Погребенные балановской культуры тоже лежали скорченными на боку [Халиков, 1961, с. 220]. Бросаются в глаза и различия в жертвенных комплексах. В фатьяново, например, в могильных ямах присутствует только свинья или овца [Эпоха бронзы..., 1987, с. 65], что, как мы видим, совершенно не характерно ни для одной из абашевских групп. Определенные сопоставления могут идти лишь по линии обряда трупосожжения, встречающегося иногда в абашеве Приуралья и зафиксированного на памятниках среднеднепровской и подкарпатской культур [Горбунов, 1986, с. 43; Эпоха бронзы..., 1987, с. 39, 44; Кузьмина О., 1992, с. 7]. Однако в целом такие черты погребальной обрядности абашевских племен Средней Волги, как положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, подсыпки мелом и изредка охрой, встречающиеся уступчики в могильных ямах более сопоставимы с погребальным обрядом ямно-полтавкинско-го типа. В Приуралье же, за счет присутствия значительного количества погребений с вторичными захоронениями ощущается сильное воздействие ранней синташты. Вместе с тем, хронологическое соотношение погребений скорченных на спине и вторичных в Приуралье не ясно.

Отдельным пунктом мы рассмотрим такие памятники, как 16 курган Власовского могильника, могильники Ветлянка и Потаповский.

Начнем мы с разбора потаповских комплексов, которые вызывают наиболее оживленные дискуссии [Кузьмина О., Шарфутдинова,

1995]. По мнению авторов исследования Потаповского могильника потаповка и синташта формировались параллельно в Поволжье и Зауралье, на основе смешения полтавкинских и абашевских племен, присутствовавших до этого в Волго-Уралье [Васильев и др., 1994, с. 92, 93].

При этом полтавкинский компонент в могильнике понимается, как органичная его часть, что и явилось одним из оснований выделения потаповского типа. Однако более внимательный анализ показывает иную картину. Синташтинский комплекс Потаповского могильника по своим основным признакам идентичен зауральскому. Погребения располагаются вокруг крупной центральной ямы. В ряде курганов зафиксированы ровики. Конструкция ям близка синташтинской. Погребения совершены скорчено на левом (реже правом) боку, хотя присутствуют и отдельные вторичные захоронения [Васильев и др., 1995а, с. 5, 9], что сближает эти погребения с классическими синташтинскими.

Более ранний полтавкинский компонент сопровождается типичным, стадияльно более ранним инвентарем, который коррелирует с совершенно иным погребальным обрядом. Костяки окрашены охрой и лежат скорчено на спине. В кургане 1, где есть только одно синташтинское погребение, могильные ямы располагаются не по кругу, а вытянуто в линию. В большинстве случаев ранние погребения других курганов выбиваются из “кольцевой” планиграфии синташтинских погребений (к 3, п. 1, 5, 9; к. 5, п. 1). Известно два случая прорезания ранних погребений синташтинскими (к. 3, п. 1; к. 5, п. 6). Подобная аргументация, даже в более развернутом виде, уже приводилась [Отрощенко, 1996]. Поэтому нам трудно себе представить какого рода факты необходимо еще привести для обоснования равновременности этих двух комплексов в могильнике. Хотя, в принципе, мы готовы принять идею о частичной синхронизации синташтинской и полтавкинской культур. В материалах могильника действительно наблюдается подобное сосуществование [Кузнецов, 1996], что может свидетельствовать о контакте, но не говорит о генетической связи этих двух культур. По этой причине, рассматривая данный случай, мы считаем, что оснований для выделения потаповского типа и подобном моделировании культурогенеза в Волго-Уралье нет.

Возвращаясь к синташтинскому комплексу могильника, мы хотели бы отметить те черты, которые связывают его с Зауральем. В первую очередь, это часть керамики, в которой присутствует в качестве отощителя тальк – примесь совершенно чуждая Поволжью, но традиционная для Зауралья. Сюда же мы можем отнести конструирование сосудов с использованием тканевых форм-основ [Салугина, 1994, с. 178]. Часть каменных изделий изготовлена из уральских пород [Цивинская, Пенн, 1994, с. 207]. Шлак, обнаруженный в Утевке VI, получен при плавке зауральской руды в серпентинизированных ультраосновных породах. Эти факты, с учетом отнюдь не раннесинташтинского погребального обряда, позволяют считать, что значительная часть синташтинских комплексов Потаповки имеет зауральское происхождение. На стадийно более поздний характер потаповки указывает и более широкое преобладание в этой зоне псалиев со вставными шипами над псалиями с монолитными, по сравнению с Зауральем [Васильев и др., 1995а, с. 11]. Можно обосновать более поздний характер потаповских памятников на этих территориях также тем, что здесь широко представлены орнаментированные псалии, отсутствующие в Зауралье. При этом орнаменты выполнены в микенском стиле, что дает нам право говорить о более поздней позиции Потаповского и Утевского могильников относительно Синташты. Дело в том, что орнаменты этого типа, судя по всему, маркируют в степи и лесостепи Евразии сравнительно узкий хронологический горизонт, соответствующий поздним абашевско-синташтинским древностям и ранним срубно-алакульским.

Способы размещения жертвенников в могильных ямах потаповского типа тоже свидетельствуют об определенном упрощении погребального обряда. Если в синташтинских погребениях кости жертвенных животных располагаются в двух плоскостях (на уровне погребенного и на перекрытии), то в потаповских они расположены в одной плоскости с погребенным [Литвиненко, 1999а, с. 329, 330].

Таким образом, в большей своей части, потаповский тип есть дериват синташты. При этом мы допускаем и существование ранних комплексов этого типа на Дону, а возможно и в Поволжье, но они будут укладываться уже в иную схему культурогенеза, о которой пойдет речь ниже.

Не исключено, что более поздними относительно зауральских являются и синташтинские памятники Актюбинского Приуралья, хотя здесь и не исключено локальное своеобразие [Ткачев, 1995, с. 168, 169]. Памятники типа Ветлянки в Южном Приуралье являются, безусловно, поздними [Горбунов и др., 1990]. При наличии здесь расположения погребений по кругу (хотя есть и линейный принцип) и даже одной катакомбы, керамический комплекс уже раннеалакульский с синташтинскими и отчасти раннесрубными чертами, а металл представлен лишь редкими украшениями, что весьма характерно для алакуля и совершенно не свойственно синташте.

Более сложной является интерпретация подобных комплексов на Дону [Синюк, Погорелов, 1993; Синюк, Козмирчук, 1995]. Здесь зафиксированы яркие погребения этого времени во Власовском, Филатовском и Пичаевском могильниках. Погребения вторичные, скорченные на боку и вытянутые на спине. В комплексах присутствует керамика абашевская, катакомбная и многоваликовая. Наряду с этим, есть так называемая “протофедоровская” посуда, входящая и в зауральский керамический комплекс. Основой этих комплексов являлся все же местный абашевский компонент, но отмечены весьма значительные черты волго-уральского абашева, что позволило говорить об импульсе с востока [Синюк, Погорелов, 1993, с. 22-29].

При сопоставлении с синташтинскими древностями типа Власовского могильника на Дону и потаповских следует иметь в виду еще одно важное обстоятельство. При общем сходном наборе признаков погребального обряда, с востока на запад их насыщенность и интенсивность уменьшаются. Обряд становится проще [Васильев и др., 1996, с. 37].

Таким образом, доно-волжские комплексы типа Ветлянки и Потаповки не могут рассматриваться как компонент, формирующий такое явление, как Синташта. Вполне возможно, что они формировались синхронно, испытывая затем на себе восточное или конкретно синташтинское воздействие. Поэтому мы обратились к более ранним материалам Волго-Уралья — погребениям ямной КИО, катакомбной КИО и полтавчинской культуры. По поводу последней ведутся широкие дискуссии [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 78-86; Кузнецов, 1991; Турецкий, 1992;

Качалова, Васильев, 1989]. В данной работе мы рассматриваем ее как трансформацию ямной культуры в результате внешнего воздействия.

В первую очередь следовало бы остановиться на ямных памятниках. Стадиально они наиболее ранние, однако, допускается, что они доживают в Оренбуржье довольно долго, до XVIII в. до н.э., что, как будто подтверждается и отдельными металлическими предметами, но это вряд ли соответствует действительности [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 78, 79]. Принципиальная близость ямного и полтавкинского обряда позволяет описать этот блок вместе.

Все ямные и полтавкинские погребения совершены под курганной насыпью. Но у полтавкинских и поздняямных насыпи больших размеров и появляются ровики или валики из глины или золы [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 61, 62; Васильев, 1979, с. 27, 32; Ляхов, Матюхин, 1992, с. 109], что сближает ямно-полтавкинский обряд с синташтинским. Иногда в ровике прослежены разрывы на востоке или на западе [Ляхов, Матюхин, 1992, с. 109]. Однако планировка подкурганной площадки принципиально иная. Погребения, как правило, основные в курганах [Васильев, 1979, с. 25, 29; Моргунова, Кравцов, 1994, с. 60, 61]. Ямы прямоугольные, но на поздних этапах они имеют крупные размеры и уступы по краю [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 57-64; Васильев, 1979, с. 27-32] (рис. 137,10). Уступы в погребениях Оренбуржья появляются уже на ранней стадии и объясняются влиянием майкопа при формировании этого очага ЦМП, но широко распространяются на позднем этапе, что тоже обычно связывают с кавказским влиянием [Васильев, 1979, с. 41; Кравцов, 1992, с. 32, 33]. Интересно мнение о ямах с уступами и деревянными конструкциями, как о модификации в степных условиях каменных ящиков и о связях их с дольменами Прикубанья [Васильев, 1979, с. 44; Кияшко, 1978, с. 57]. Однако нам оно представляется слишком смелым. Вероятно, уступчики являлись деталью, на которой покоилось перекрытие. В целом, это явление широко распространенное в этот период. Подобные ямы известны, например, в Калмыкии, в погребениях начала СБВ [Шилов, 1985, с. 31].

В качестве типологической аналогии синташтинскому погребальному обряду можно привести ямное погребение Ширяевского могильника на Среднем Дону [Погорелов, 1985, с. 151-153].

Столбовые ямки в нем были зафиксированы по углам, в середине каждой стенки и одна, поддерживавшая перекрытие, в центре.

Погребения совершены по обряду трупоположения на спине с согнутыми в коленях ногами. На поздней стадии появляются погребения скорченные на боку, с вытянутыми к коленям руками. Встречены вторичные и расчлененные захоронения, в том числе захоронения с отчлененными черепами [Ляхов, Матюхин, 1992, с. 111; Моргунова, 1992, с. 9; Синюк, 1992, с. 47; Богданов и др., 1992, с. 82]. Костяки, как правило, окрашены охрой [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 57, 84; Васильев, 1979, с. 27-34]. Ранняя поза (скорчено на спине) с окраской охрой характерна еще для стадии Хвалыньск – Средний Стог II [Васильев, Синюк, 1995, с. 41; Агапов и др., 1990, с. 57, 58]. Примечательно при этом, что для Подонья этот обряд не характерен. Репинским памятникам, а также памятникам типа Иван Бугор присущи захоронения вытянутые на спине и без использования охры [Васильев, Синюк, 1995, с. 53; Синюк, 1996, с. 65]. Подобная традиция оказалась там впоследствии очень устойчивой и представлена даже во Власовском могильнике.

Ориентировка погребенных тоже устойчивая. Начиная со стадии Хвалыньск – Средний Стог II доминирует ориентировка на СВ или В [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 57; Васильев, 1979, с. 27, 29, 33, 36; Васильев, Синюк, 1995, с. 41, 53; Агапов и др., 1990, с. 10-57]. В составе жертвенных животных представлены, преимущественно, овцы, реже крупный рогатый скот [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 91].

Таким образом, мы видим, что такие черты, как ровики и валики вокруг погребальной площадки, северо-восточная ориентировка, скорченное на боку положение костяков, состав жертвенных животных сопоставимы с синташтинскими. Однако они включаются в синташтинские комплексы уже классические, доминируя в поздних. Единственная же черта обряда – уступчик, представленный на раннесинташтинской стадии, может иметь свои корни и на более отдаленных территориях.

Сходные с синташтинскими черты погребального обряда мы обнаруживаем и у культур, примыкающих к Волго-Уральскому региону на западе.

Погребения культуры многоваликовой керамики представлены курганами, имеющими обыч-

но одну могильную яму. В случае если могильных ям несколько, они располагаются по одной линии [Березанская и др., 1986, с. 10, 17; Ковалева И., 1981, с. 39]. Встречаются впускные погребения с последующей подсыпкой кургана [Археология УССР, с. 453]. Форма ям очень вариабельна [Березанская и др., 1986, с. 11, 14, 24, 31; Ковалева И., 1981]. Известны простые прямоугольные и овальные ямы и ямы с подбоями, есть крупные ямы с уступами. В восточном варианте КМК много срубов, на Нижнем Днепре раскопаны каменные ящики (рис. 147,1). Очень оригинальные погребения исследованы в юго-западном варианте КМК – глиняные ящики в яме и катакомбе. Погребенные положены скорчено, чаще на левом боку. На востоке встречаются скорченные погребения на спине или частичная кремация [Березанская и др., 1986, с. 11, 19, 32; Ковалева И., 1981, с. 42]. Ориентировки костяков достаточно вариабельны. Погребения, как правило, безынвентарны (не считая широко распространенных костяных пряжек). В жертвенных комплексах присутствуют бык, овца, реже лошадь и собака. На востоке изредка встречается свинья [Березанская и др., 1986, с. 13, 25, 26]. Катакомбы и подбои сближают погребения КМК с катакомбными. С синташтинскими погребениями их сближают ямы с уступами, деревянные камеры (в восточном варианте), набор жертвенных животных. Однако эти признаки для данной эпохи распространены достаточно широко и могут быть рассмотрены как транскультурные.

Сопоставить синташтинские погребения с погребениями каменско-ливленцовой группы КМК невозможно, поскольку последние не выявлены. В последние годы в Прикубанье обнаружены погребальные комплексы КМК, но они достаточно поздние и оставлены, по-видимому, представителями этой культуры, вытесняемыми с севера покровским населением [Шарафутдинова, 1996, с. 49, 50].

По ряду параметров синташтинские памятники сопоставимы с катакомбными. В первую очередь, это планировка погребальной площадки. Катакомбные погребения тоже располагаются по кругу, причем ориентированы катакомбы по линии окружности [Археология УССР, с. 405-413; Андреева, 1989, рис. 2,21; Державин, 1989, рис. 23]. В Предкавказье известны ровики и глиняные валики, окружающие погребальную площадку [Андреева, 1989, рис. 21,IV; Державин, 1989, рис. 10,

15, 21, 31; Корневский, Петренко, 1989, рис. 11]. Наиболее ранние “Т”-образные катакомбы характерны, преимущественно для донской и днепро-азовской катакомбных культур, но встречены и в ингульской культуре. Помимо катакомб в материалах восточных групп присутствуют ямы с заплечиками. Погребенные лежат скорчено на боку (чаще правом), хотя встречаются и иные варианты труположений. Уже на ранних стадиях среднедонской катакомбной культуры известны захоронения на левом боку, но массовыми они становятся лишь в самом финале этой культуры [Матвеев Ю., 1998, с. 12]. Последнее связано, по-видимому, уже с синташтинско-потаповским или абашевским влиянием, и к поиску корней синташтинского обряда отношения не имеет.

Костяки часто окрашены охрой. Интересной особенностью обряда ингульской катакомбной культуры являются погребальные маски на черепаха [Археология УССР, 1985, с. 416; Новикова, Шилов, 1989]. Черепа, при этом, были отчленены. Выявлены и отдельные случаи вторичных захоронений [Рассамакин, 1991, с. 46, 47; Болтрик и др., 1991, с. 71, 79; Трифонов, 1991, с. 101]. Исследованы катакомбные погребения с повозками, причем известны случаи, когда колеса вкапывались [Державин, 1989, с. 128; Новоженев, 1994, с. 133-140]. В ямных комплексах повозки тоже встречаются, но гораздо реже. Погребальный инвентарь богаче ямного. Своеобразные комплексы в катакомбах исследованы в Саратовском Заволжье [Лопатин, Малов, 1988]. Подкурганная площадка окружена рвом с перемычкой с восточной стороны. Скорченные на левом боку костяки сопровождает раннесрубная посуда, идентичная некоторым горшкам позднего периода синташты (Большекараганский могильник).

Для предкавказской культуры характерно сочетание катакомб и прямоугольных ям. При этом изредка встречаются ямы с заплечиками и двойным перекрытием и даже трупосождение на стороне [Геннадиев и др., 1987; Синицин, Эрдниева, 1982; Шилов, 1982].

Вообще, в восточноевропейской степи прослеживается довольно отчетливая тенденция уменьшения доли катакомб с запада на восток. В Волго-Донском междуречье преобладает обряд погребения в ямах, на втором месте идут ямы с подбоями и лишь на третьем - катакомбы [Гуренко, 1996, с. 24, 25].

В северокавказской культуре известны погребения в каменных ящиках, расположенных по кругу вокруг центрального и ориентированные по дуге окружности. Эта планировка типологически близка синташтинской или катакомбной. Известны здесь и вторичные захоронения [Марковин, 1994б, табл. 74, 82].

При рассмотрении погребальной обрядности степной и лесостепной зоны Евразии сразу бросается в глаза, что появление каких-то ее новых черт с трудом выводится из предыдущей культуры. Невозможно себе представить превращение прямоугольной ямы в катакомбу. Когда мы видим некоторый симбиоз двух конструкций, это можно объяснить лишь контактом носителей этих двух традиций, тем более что ранние катакомбы уже очень выражены и эволюция их идет в сторону упрощения конструкции. То же относится и к синташтинскому погребальному обряду. Яркие и очень самобытные ранние комплексы точных аналогов в предшествующих культурах не имеют, объединяясь с ними только по линии отдельных типических черт. Далее происходит вновь затухание новых традиций, и снова начинают проявляться те, которые уже существовали прежде на прилегающих территориях.

С целью ответа на эти вопросы обратимся к регионам Закавказья и Передней Азии, где многие из появляющихся в Евразийской степи черт погребальной обрядности присутствуют, начиная с мезолита, и сохраняют свое значение в течение эпохи бронзы.

2.3. Погребальные обряды Передней Азии и Кавказа

Ряд черт синташтинской погребальной обрядности, а также обрядности некоторых восточно-европейских культур периодов РБВ-СБВ, обнаруживает параллели на Кавказе и в Передней Азии.

Во многих культурах Передней Азии встречается обряд захоронения под полом жилища. В Северной Месопотамии он широко распространяется в халафское время [Hrouda, 1971, p. 51, 52]. В эпоху бронзы этот обряд распространен от Ура и Палестины до Трои [Müller-Karpe, 1974, S. 702, 703]. В Северной Евразии этот обряд

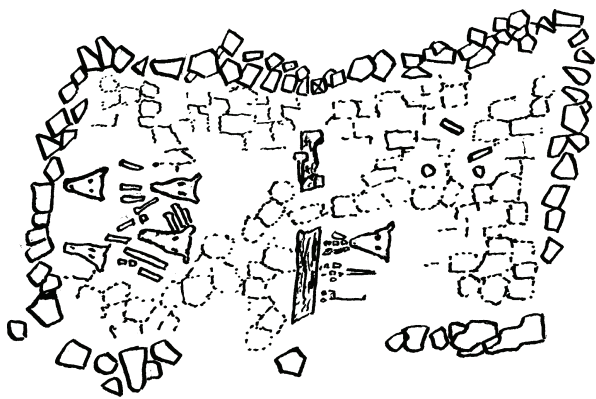
зафиксирован в петровской культуре, сменяющей синташтинскую. Обряд вторичных захоронений зафиксирован на Ближнем Востоке на довольно ранних стадиях. Впервые он отмечается в натуфийской культуре Палестины (IX-VIII тысячелетий до н.э.). Зарождение его связывают с сезонными перекочевками [Антонова, 1990, с. 42]. Костяки вторичных захоронений неполные. Сохраняется эта традиция и в докерамическом неолите этого региона, но представлена уже более широко [Антонова, 1990, с. 43-48]. Впоследствии в Сиро-Палестине этот обряд распространен в керамическом неолите и энеолите [Антонова, 1990, с. 49, 53, 55]. Наряду с этим обрядом в Палестине с неолитического времени практиковалось отчленение головы [Neolithic Cultures, 1974, p. 44].

В Анатолии, в Чаттал Уйюке, погребения производились скорчено на боку, но они предварительно все же были освобождены от мягких тканей [Антонова, 1990, с. 60]. Примечательно, что на этом памятнике зафиксированы остатки святилищ, в которых есть изображения грифов, освобождающих тела людей от мягких тканей на приподнятом помосте [Антонова, 1990, с. 63, 64; Mellaart, 1967, p. 241]. Сходная обрядность прослежена и в Юго-Восточной Анатолии, на Евфрате, на поселении Невали-Чори [Антонова, Литвинский, 1998, с. 43, 44]. Известны подобные захоронения в самаррской (VI — начало V тысячелетия до н.э.) и в халафской культурах (середина V тысячелетия до н.э.) в Северной Месопотамии, но в отличие от Чаттал Уйюка кости были часто просто сложены в кучку [Антонова, 1990, с. 73, 75, 82].

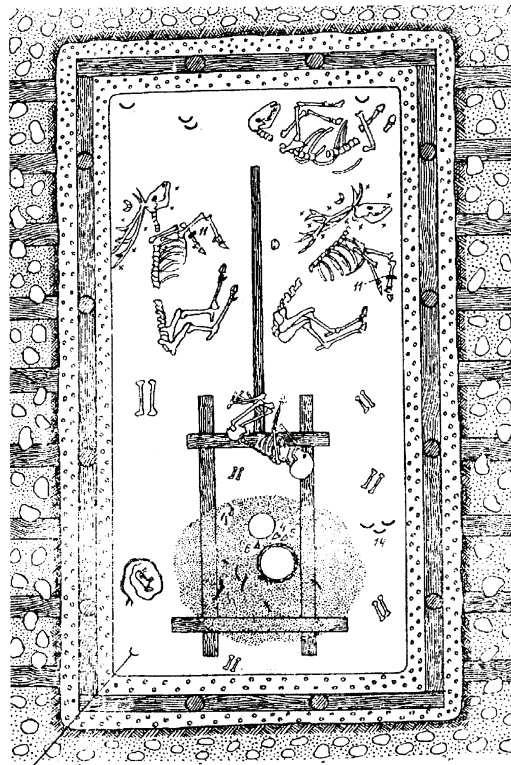
Одним из способов освобождения костей от мягких тканей является, зафиксированная в Хаджиляре и в халафской культуре частичная кремация, что определяется по обожженным костям [Антонова, 1990, с. 67, 79, 80]. Тот же обычай практиковали и хетты [Герни, 1987, с. 146, 147].

Таким образом, мы видим чрезвычайную распространенность этого обряда на Переднем Востоке. Дальнейшее обращение с костями было очень вариабельно. Их могли поместить в керамический сосуд, в ассуарий, катакомбу или грот. При этом, доминирующим обрядом все же остается скорченное погребение на боку.

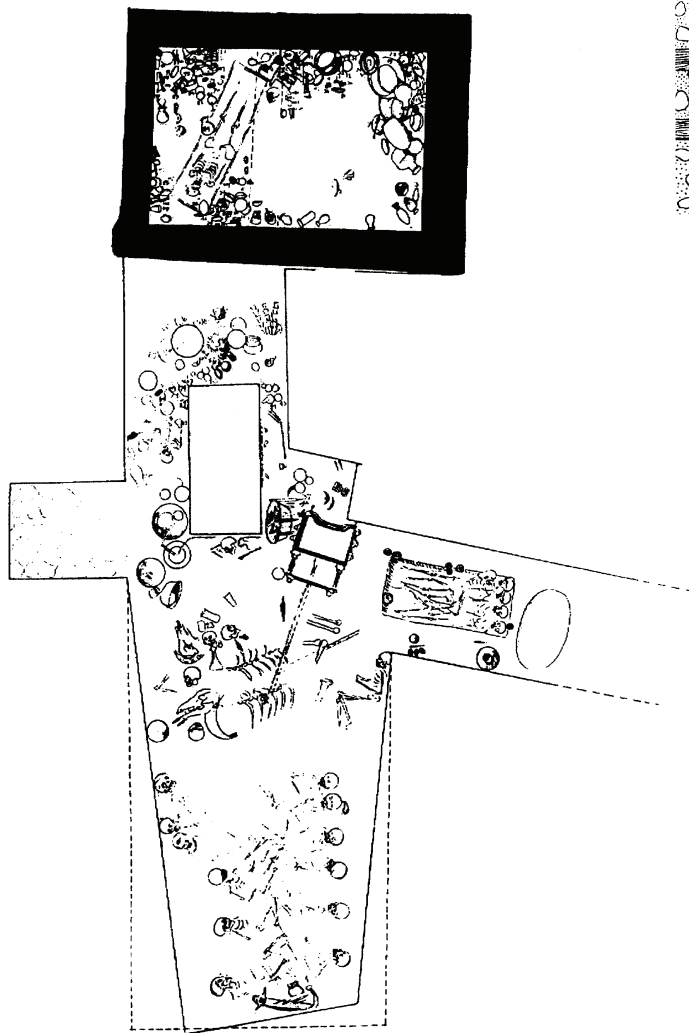
В начале ранней бронзы (1-я половина III тысячелетия до н.э.) начинает функционировать

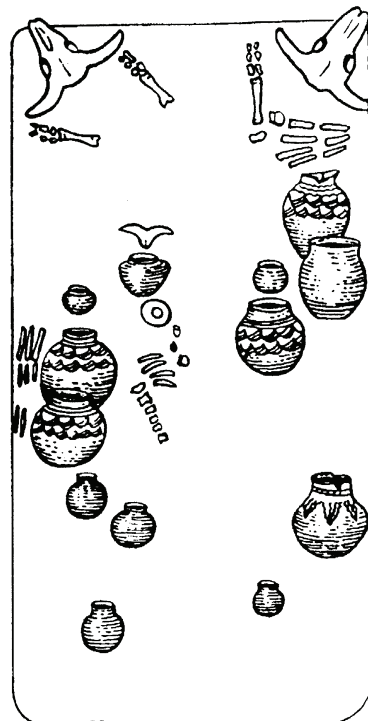
1

2

3

4

Рис. 22. Параллели синташтинскому погребальному обряду в закавказско-переднеазиатском регионе. 1 – Аладжа-Уйюк; 2 – Ханлар; 3 – Ур; 4 – Лчашен.

могильник Аладжа Уйюк в Центральной Анатолии (рис. 22,1). Уже для ранних комплексов характерны такие черты как выкладка стен крупной могильной ямы камнем на глиняном растворе, перекрытие или помост, принесение быка в жертву. Во 2-й половине III тысячелетия до н.э. помимо Центральной Анатолии (Аладжа Уйюк, Хороз-Тепе) гробницы с выложенными камнем стенами появляются в Южной Анатолии (Гедикли) и Северной Сирии (Тиль Барсиб). Они имеют деревянные или каменные перекрытия, на которые укладывали конечности и головы быков и были перекрыты сверху землей, обложенной сырцовыми кирпичами. Погребенные лежат на ложе с балдахинном и снабжены богатым инвентарем [Алекшин, 1986, с. 85, 86, 137-146; Müller-Karpe, 1974, S. 693]. Это, безусловно, гробницы знати, но не царские гробницы, которые исследованы в Уре (период РД II,III) и, отражая сходные черты, отличаются еще большим размахом [Алекшин, 1986, с. 137-144]. Погребальные комплексы этого типа Аладжи датируются аккадским временем в Месопотамии [Алекшин, 1986, с. 146], что соответствует XXIV-XXII вв. до н.э. [Бикерман, 1975, с. 181]. III Раннединастический период Месопотамии датируется несколько более ранним временем - 2500 - 2315 гг. до н.э. [Бикерман, 1975, с. 180].

Те же типы объектов мы обнаруживаем в Майкопе (рис. 134,3). При этом связь последнего с Передней Азией безусловна. Это отражает и вещевой инвентарь, и набор микропримесей в металле, сопоставимый с металлом Сирии и Шумера [Черных, 1966, с. 45].

Наиболее ранние повозки и колесницы происходят из Царских гробниц Ура (рис. 22,3). В них же зафиксированы многочисленные туши крупного рогатого скота [Wooley, Moorey, 1982, p. 51, 68, 73; Burney, 1977, p. 72-75, fig. 57]. Причем, необходимо подчеркнуть, что, судя по размерам кузовов, речь идет как о повозках, так и о колесницах (рис. 22,3). Не исключено также, что обычай погребения с колесницей имеет и более глубокие корни на территории Месопотамии, поскольку колесница обнаружена в могиле 529 могильника У Киша, относящейся к РД II [Алекшин, 1986, с. 144].

Захоронения с лошадьми происходят в Египте из слоя СБВ II поселения Телль эль-Аджул и Телль эд-Дабья. Эти погребения принадлежат

гиксосам. Более ранние погребения с эвкидами происходят из Иерихона. Появление в Египте и Иерихоне подобных захоронений рассматривается в качестве признака распространения колесниц [Kempinski, 1992a, p. 191, 192; Müller-Karpe, 1974, S. 88, 697, Taf. 161]. При этом надо отметить одну черту, характерную для синташты, но в особенности для петровской культуры. На Ближнем Востоке запряжные животные помещаются иногда не внутри, а над погребальной камерой [Müller-Karpe, 1974, S. 698].

Наиболее близким аналогом синташтинскому погребальному обряду являются погребения, исследованные к юго-западу от Ханлара, в Западном Азербайджане [Пиотровский, 1992; Гуммель, 1992]. Они представлены крупными могильными ямами, обложенными бревнами и имеющими глиняную обмазку (рис. 22,2). На деревянных перекрытиях сооружалась мощная площадка из глины и щебня. Курган, при этом, не насыпался. В одной из ям расчищена колесница (в публикации "сани") с запряженными в нее оленями. Жертвенники представлены тушами лошадей, быков, овец, собак, змей. Погребенные лежат скорчено на боку. Зафиксировано одно трупосожжение.

Типологически близок синташтинскому погребальный обряд триалетской культуры. Уже в восходящих к куро-араксу комплексах типа Бедени известны деревянные стены погребальных камер (впрочем, как из горизонтальных, так и из вертикальных бревен), повозки и колесницы в погребениях, скорченная на левом боку поза умерших. В кургане №4 Марткопи в крупном кургане (диаметр 100 м, высота 12 м) раскопана крупная погребальная камера (10x11 м) стены которой были облицованы двойным срубом из горизонтальных бревен, что находит непосредственные параллели в синташтинских гробницах (рис. 143,2) [Djaparidze, 1993, Abb. 3].

Показательна и такая характерная для синташты деталь, как обычай класть в могилу черепа и конечности крупного рогатого скота [Джaparидзе, 1994, с. 75, 77, 81, 89]. Особенно интересны в этом плане жертвенники могильника Лчашен, относящегося к севанозерликской группе (рис. 22,4). По углам крупной могильной ямы здесь размещались именно эти части туши, что находит прямые

параллели в Потаповском могильнике [Кушнарёва, 1994г, с. 122]. Наконец, для Большого Синташтинского кургана возможны сопоставления со знаменитыми “царскими” погребениями Закавказья - Учтепе, Бедени, Цнори, Триалети [Кушнарёва, 1994а, с. 142-145; Кушнарёва, Губинишвили, 1970, с. 83-85].

На территории Центральной Анатолии погребальные сооружения описываемого типа практикуются чрезвычайно долго. В Гордионе раскопана, так называемая, “Гробница Мидаса”, представлявшая собой крупную могильную яму под курганной насыпью. Внутри ямы со значительным отступлением от стенок располагалась деревянная камера с двойными бревенчатыми стенами. Пространство между бревнами и между камерой и стенками ямы было забутовано грунтом, что весьма типично для синташтинских центральных погребений. Особо примечательно в данном случае то, что перекрытие было двускатным [Akurgal, 1990, p. 277]. Наличие в синташтинских ямах центральных столбов или столбов располагавшихся в средней части торцевых стен, позволяет предполагать наличие подобных типов перекрытия и в могильных ямах синташтинской культуры. А поскольку забутованные стены могильных ям явно привнесены из поселенческой архитектуры, мы можем допускать двускатную кровлю синташтинских жилищ.

Наконец, очень важной отличительной чертой синташтинского погребального обряда является значительное количество оружия в мужских погребениях. В предшествующий период, а также в синхронных культурах Северной Евразии это не было столь широко распространено. Однако на юге это свойственно погребальному обряду эпохи бронзы Палестины, Сирии, Анатолии и Северной Месопотамии [Müller-Karpe, 1974, S. 697].

Таким образом, мы видим, что типичные черты погребальной обрядности степной Евразии синташтинского времени находят свои непосредственные параллели на Переднем Востоке, где они имеют очень глубокие корни.

Возвращаясь к Синташте, мы хотели бы отметить еще одну принципиальную позицию. Как правило, синташтинскую культуру принято включать в круг “курганных культур” Восточной Европы, контрастных по этому признаку культурам балкано-анатолийского региона. Однако,

как мы видели, синташтинские погребальные сооружения классическими курганами не являются. Любой археолог, раскапывавший курганы эпохи бронзы на Украине знает - насколько четко там фиксируются досыпки насыпей при совершении дополнительных захоронений. Эта черта характерна для ямников и катакомбников и наследуется в дальнейшем срубниками [Археология УССР, с. 345, 407, 465]. У последних нередко встречаются деформированные, вытянутые в результате многократных досыпок насыпи. В противоположность этому, в Зауралье подобные досыпки не зафиксированы. Синташтинские надмогильные сооружения, скорее всего, представляли собой дерновую или земляную усеченную пирамиду, покоящуюся на деревянном перекрытии и облицованную глиной. Фиксируемые в настоящее время уплощенные курганы являются в разных случаях, либо следствием разрушения нескольких таких конструкций, либо перекрытием всей погребальной площадки одной насыпью после завершения ее функционирования.

Более сопоставимы они с надмогильными сооружениями Ближнего Востока. В Аладже над могилами на перекрытие насыпалась земля, на которую укладывался слой сырцовых кирпичей [Алекшин, 1986, с. 145]. Между тем, глинистые прослойки часто перекрывают синташтинские и петровские могильные ямы. Сходные черты отличают и прообраз пирамид – древнеегипетские мастабы [Замаровский, 1986, с. 192-194]. Поэтому мы можем рассматривать синташтинский погребальный обряд как прерывание прежней курганной традиции и видеть корни его в Передней Азии. Впоследствии курганная традиция восстанавливается, но курганы эти, возможно, тоже имели форму усеченных пирамид. Особенно это касается курганов с прямоугольными каменными оградками, зафиксированными в алакульской культуре и широко распространенными в федоровской.

Мы не исключаем возможности того, что эти пирамиды имели не одну, а, как минимум, две ступени. В Синташтинском могильнике вторая конструкция на нижней платформе зафиксирована [Генинг и др., 1992, с. 277, 339]. Не исключено, что пересмотр материалов эпохи поздней бронзы Урало-Казахстанских степей будет способствовать вычленению таких конструкций. Их признаком могут быть, по-видимому, каменные

“оградки”, а вернее обкладки, не врытые в погребенную почву, а лежащие в верхней части насыпи. Во время раскопок Агаповского могильника под Магнитогорском такие каменные конструкции были исследованы. Они представляли собой выкладки камней по форме близкие к овалу. Лежали камни не на периферии кургана, а в верхней части насыпи, выше уровня погребенной почвы. Некоторые стороны были прямые, иногда фиксировались углы. Камни, расположенные дальше от центра, имели наклон к периферии кургана и располагались несколько ниже. Подобная картина “расползания” прямоугольной каменной конструкции возможна в том случае, если

пирамиды имели две ступени, уступ был не слишком широким, а камни укладывались у подножия второй ступени.

Таким образом, новые традиции в погребальной обрядности в сильно трансформированном виде продолжают существовать и в ПБВ.

Вероятно, для Волго-Уралья курганный погребальный обряд тоже не был универсальным. Примечательно, что в Нижнем Поволжье исследованы грунтовые могильники, датируемые СБВ и началом ПБВ [Тихонов, 1996; 1997а; Дремов И., 1996].

Глава 3. Вещевой инвентарь

3.1. Каменный инвентарь

Наконечники стрел

Важной составляющей синташтинского комплекса являются две категории предметов – каменные наконечники стрел и булавы.

Наконечники стрел относятся к двум типам: подтреугольные или листовидные (с выпуклыми гранями) с прямым основанием, обработанным короткой перпендикулярной ретушью, и листовидные с коротким подтреугольным черешком и часто с небольшими шипами в основании пера (так называемого “сейминского” типа). Изготовлены они на отщепе, имеют двухстороннюю обработку поверхности (рис. 23,1-3). В единичных случаях стрелы с прямым основанием имеют незначительную выемку в основании. Техника обработки поверхности различается. В обоих случаях использовалась отжимная ретушь, но у черешковых стрел она “струйчатая”, что придает этому типу изделий более изящный вид. Второе различие заключается в размерах стрел. Наконечники с прямым основанием сравнительно

невелики и имеют очень узкое сечение. Черешковые значительно массивней, отчасти за счет длины, но в большей степени благодаря сечению, близкому к овалу с приостренными гранями. Это позволяет предположить, что применялись они для пробивания доспехов из костяных пластин, известных в это время в сейминско-турбинской и синташтинской среде [Черных, Кузьминых, 1989, с. 246; Костюков и др., 1995, с. 199; Матющенко, Синицына, 1988, с. 11, 12, 48-53] (рис. 43,2).

Вероятно, вполне справедлива мысль о том, что использование подобных наконечников было возможно лишь в случае наличия усиленного или составного лука, предполагаемые костяные детали которого обнаружены на зауральских памятниках [Нелин, 1996, с. 61] (рис. 43,5). В пользу существования подобного лука говорит и обнаружение деталей его в покровском погребении у с. Березовка в Поволжье. Поскольку покровский тип формируется на синташтинской основе, эта

аналогия представляется нам правомерной. В Березовском кургане были найдены костяные накладки и костяные насадки на концы лука. Расположение последних относительно друг друга позволило установить, что длина лука составляла 140-150 см, а это вполне соответствует размерам сложного лука с костяными накладками [Дремов И., 1997].

В предшествующий период составные луки зафиксированы на Ближнем Востоке, где наиболее раннее их изображение, обнаруженное в Мари, датируется серединой II тыс. до н.э., хотя, возможно, на “Стелле охоты” из Урука рубежа IV-III тыс. до н.э. показан тоже составной лук [Горелик, 1993, с. 67, 68].

Наконечники указанных типов встречаются почти во всех синташтинских погребальных комплексах [см. Генинг и др., 1992; Костюков и др., 1995]. В предшествующих энеолитических культурах Зауралья (кысыкульская, суртандинская, ботайская) подобные стрелы неизвестны [Крижевская, 1977; Матюшин, 1982, с. 129, 144, 162, 183; Зайберт, 1993, с. 59-61]. Наконечники с прямым основанием или с небольшой выемкой в основании изредка встречаются севернее, в аятских комплексах [Косарев, 1981, с. 30, 31], но типы аятских наконечников весьма разнообразны. В целом же набор совершенно иной.

Помимо синташтинских комплексов, два описываемых типа наконечников встречаются в синхронных памятниках и в памятниках хронологически более поздних: петровских, сейминско-турбинских, потаповских [Черных, Кузьминых, 1989, с. 233, 234; Зданович, 1988, с. 75, 138; Горбунов и др., 1990, с. 10; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 83]. При этом для петровских и потаповских комплексов черешковые наконечники стрел менее характерны. В сейминско-турбинских они распространены в Европейской зоне и в западной части Азиатской зоны (могильники Ростовка и Сопка 2) (рис. 66,16,17). Вероятно, нельзя связывать появление этих наконечников в синташтинской среде с носителями сейминско-турбинской традиции, поскольку к моменту проникновения последних на территорию Западной Сибири синташтинские памятники уже существовали. Обращает на себя внимание присутствие в могильниках Ростовка и Сопка 2 артефактов синташтинского типа в виде ножа,

копья [Черных, Кузьминых, 1989, с. 65, 101] и булавы [Молодин, 1985, с. 45]. При этом нож в Ростовке идет в одном комплексе с наконечником с прямым основанием, а булава (изделие не характерное для Западной Сибири) под одной курганной насыпью с подобными наконечниками и погребением литейщика с сейминско-турбинским набором [Черных, Кузьминых, 1989, с. 26; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 83; Молодин, 1985, с. 40, 41, 45]. Восточнее на памятниках этого типа подобные наконечники не известны. На кротовских памятниках Среднего Прииртышья наконечники стрел “сейминского” типа представлены достаточно хорошо [Стефанова, 1988, с. 64, 65], что неудивительно, поскольку этот район был освоен сейминско-турбинскими популяциями (рис. 70,2,3).

Наконечники стрел с прямым основанием в сейминской среде связывают с неолитом и бронзой Прибайкалья [Черных, Кузьминых, 1989, с. 234]. В глазковской культуре этого региона действительно встречаются треугольные стрелы с прямым основанием [Хлобыстин, 1987, с. 405, 407], но грани их чаще прямые, а не выпуклые, как у синташтинских экземпляров и у части сейминских. К тому же в Восточной Сибири отсутствует вторая составляющая ростовкинского комплекса – наконечники “сейминского” типа. Однако со многими сейминскими наконечниками с прямым основанием глазковские вполне сопоставимы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 234]. В сейминских комплексах, судя по всему, доля этих наконечников, имеющих прямые грани, выше доли наконечников с выпуклыми гранями. Это отличает сейминские экземпляры от синташтинских.

Было бы гораздо логичнее увязывать появление стрел с прямым основанием и выпуклыми гранями у сеймо-турбинцев с Алтаем, где подобные стрелы были распространены. Черешковые стрелы там тоже встречаются, но обработка поверхности и облик их совершенно иные [Киришин, Клюкин, 1985, с. 83, 85, 90, 92, 97, 103, 111, 112; Кунгуров, Кадыков, 1985, с. 37].

Близкий к синташтинскому набор наконечников стрел присутствует в самусьской культуре в Верхнем Приобье [Молодин, Глушков, 1989, с. 38]. Однако то, что было сказано относительно сейминско-турбинских параллелей в еще большей степени справедливо в данном

случае. Самусьские наконечники не могут предшествовать синташтинским, так как самусьская металлообработка является производной от сейминско-турбинской и датируется, соответственно, более поздним временем [Кузьминых, Черных, 1988а].

В полном виде описанный набор стрел выявлен в Тюменском Приобье, на поселении Ташково II [Ковалева, 1988, с. 40] (рис. 71, 2, 4, 7). Однако связывать его появление в синташтинской среде с ташковской культурой нельзя. Поселение Ташково II синхронно синташтинским и сейминско-турбинским комплексам, а ранняя синташта имеет и более раннюю хронологическую позицию (см. главу 8 этого раздела).

Данные обстоятельства заставляют нас обратиться к материалам Восточной Европы.

На этой территории стрелы с небольшим черешком явно тяготеют к лесной зоне, где они встречены в чирковских, фатьяновских, балановских и абашевских комплексах, в том числе приуральских [Черных, Кузьминых, 1989, с. 234; Горбунов, 1986, с. 49; Эпоха бронзы..., 1987, с. 183, 196; Кузьмина О., Шарафутдинова, 1995, с. 223; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 32]. Тем не менее, связывать генезис стрел “сейминского” типа со шнуровыми и постшнуровыми культурами [Кузьмина О., 1992, с. 72] нам представляется малообоснованным, так как в пользу этого говорит лишь наличие черешка. В отличие от “сейминских”, эти стрелы делаются, как правило, на пластине или пластинчатом отщепе, шипы у них отсутствуют, размеры значительно меньше, обработка поверхности неполная и выполнена в совершенно иной технике.

В доно-волжском абашево подобные наконечники встречаются [Пряхин, Матвеев, 1988, с. 25], но сравнительно редко. Эти наконечники менее проработаны, чем синташтинские и сейминские. Аналогичные синташтинским стрелы обнаружены в ряде комплексов средневолжского абашева. Правда, далеко не всегда их можно связывать с этой культурой, поскольку, как правило, они были воткнуты в тела, либо же обнаружены в погребениях без костяков [Мерперт, 1961, с. 129; Халиков и др., 1966, с. 22, 23]. Поэтому эти стрелы вполне могли принадлежать синташтинцам или сейминцам. Обращает на себя внимание их устойчивая связь с пришлым компонентом, поскольку в местных предшествующих культурах (волосовская, ново-

ильинская, гаринская, юртиковская) такие стрелы отсутствуют.

Встречены черешковые наконечники и в среднеднепровском варианте КМК [Березанская и др., 1986, с. 16, 21]. На юго-западе и востоке КМК они, судя по всему, не представлены.

Полную аналогию стрелы “сейминского” типа обнаруживают на Дашлы-3, в Северной Бактрии [Сарианиди, 1977, с. 103] (рис. 56, 8, 9). Мы не считаем это случайностью, но об этом речь пойдет ниже. Зафиксированы черешковые стрелы и в Закавказье – в дольменах Абхазии (III – начало II тыс. до н.э.) и в Кюль-Тепе (III тыс. до н.э.) [Горелик, 1993, с. 302, табл. XLIII, 187, 225]. Более ранние подобные наконечники известны на куро-аракских памятниках Закавказья и Восточной Анатолии [Мунчаев, 1981, с. 38]. На поселении Пулур (Сакьоль), относящемся к анатолийскому варианту куро-аракса, некоторые черешковые наконечники имеют выпущенные жальца, что встречается на синташтинских и сейминских стрелах [Keban Project, 1976, tab.567, 568, 711].

На Ближнем Востоке черешковые стрелы появляются в Палестине и Северной Месопотамии, начиная с VII-VI тыс. до н.э. (Иерихон, докерамический неолит В; Ярым-Тепе I; Телль Магзалия) [Бадеп, 1989, с. 91; Mellaart, 1982, p. 48; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 121] (рис. 122, 4), но ранние ближневосточные экземпляры изготавливались не на отщепе.

Наконечники с прямым основанием тяготеют к лесостепной и степной зоне Восточной Европы. Для шнуровых культур они, в целом, не характерны. Встречаются они в культуре воронковидных кубков [Археология УССР, 1985, с. 275], но, в основном характерны для культур степной зоны. Уже в энеолите они бытуют в культурах типа Хвалынский – Средний Стог II [Археология УССР, 1985, с. 308; Васильев, Ситюк, 1995, с. 41, 104], довольно типичны для памятников новоданиловского типа [Археология УССР, 1985, с. 314], встречены в кеми-обинских комплексах [Археология УССР, 1985, с. 332] (рис. 127, 3; 128, 6). Ямные памятники Украины тоже содержат подобные стрелы, но с небольшой выемкой в основании [Археология УССР, 1985, с. 339, 348]. В КМК стрелы этого типа представлены, преимущественно, в восточном варианте этой культуры [Березанская и др., 1986, с. 25, 35]. Наконец, они широко распространены в

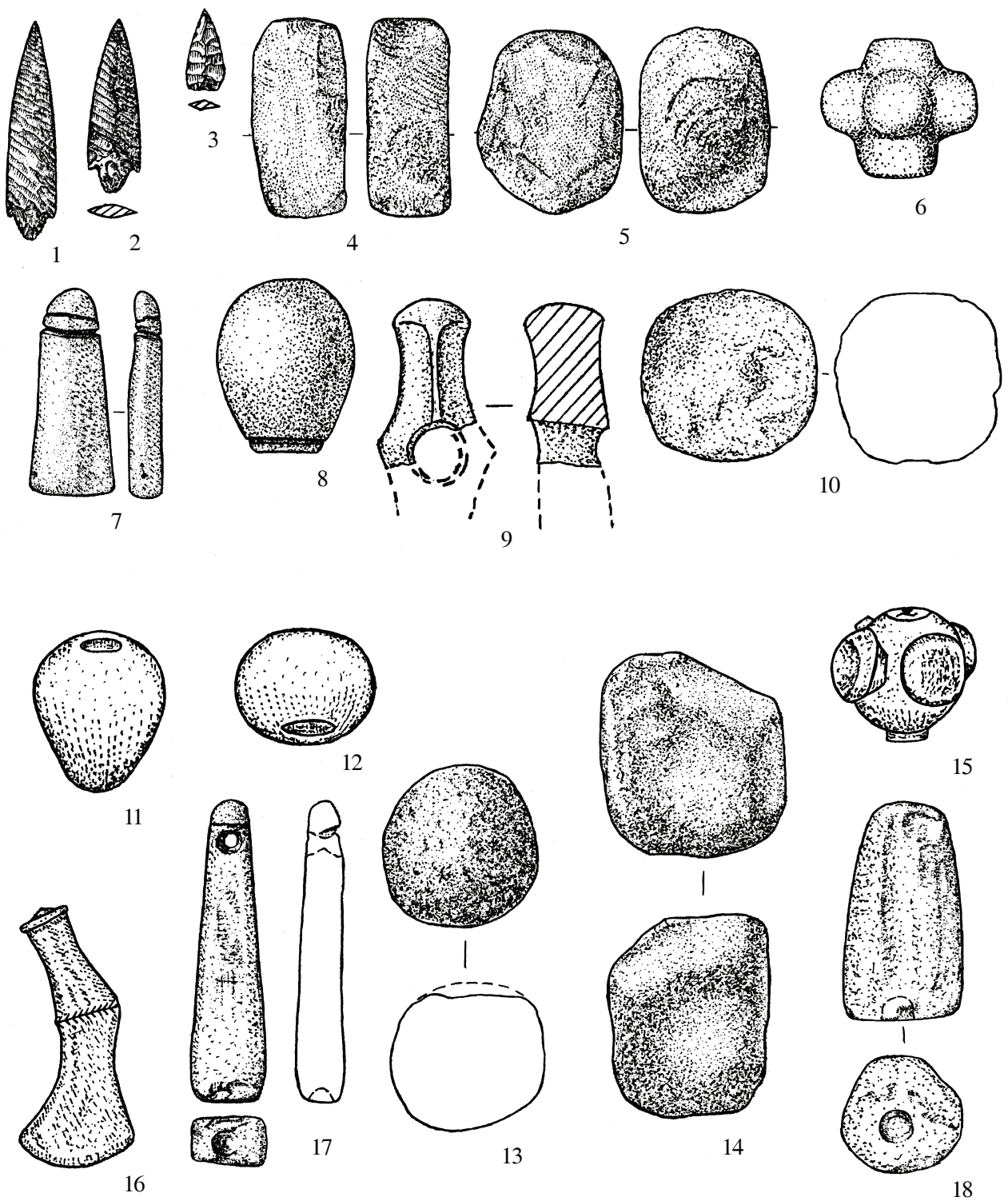

Рис. 23. Каменные изделия синташтинской культуры и их аналоги на Кавказе и в Передней Азии. 1-5, 8, 10 – Синташтинский мог.; 6 – Каменный Амбар V; 7 – поселение Синташта; 9 – Аркаим; Кавказско-переднеазиатские параллели: 11 – Нахал Мишмар; 12 – Тель Абу Матар; 13, 14, 17, 18 – Демирчиуйюк; 15 – Сузы; 16 – Чегем I.

донских абашевских комплексах [Пряхин, 1976, с. 42, 78; Пряхин, Матвеев, 1988, с. 25, 26, 38, 114], которые, впрочем, могут и не предшествовать синташте. Примечательно наличие подобных стрел во II Лопатинском могильнике, который мы не считаем аналогом синташтинско-потаповских древностей [Васильев и др., 1994, с. 159, 160]. Отмечено также присутствие подобного типа стрел и в 16 кургане Власовского могильника [Синюк, Погорелов, 1993, с. 18]. В Закавказье подобные наконечники известны в Кюль-Тепе и Триалети [Горелик, 1993, с. 302, табл. XLIII, 188, 191].

В материалах уральского абашева зафиксированы наконечники стрел катакомбного типа – с глубокой выемкой в основании [Горбунов, 1986, с. 49; Васюткин и др., 1985, с. 74]. В синташте подобные стрелы не представлены. Однако восточнее в комплексах петровского времени в Притоболье они известны [Потемкина, 1985, с. 265].

В заключение подведем некоторые промежуточные итоги. Синташтинские стрелы не имеют прототипов в предшествующих культурах СБВ Восточной Европы. Отдельные наконечники катакомбного типа, встреченные в материалах абашевской и петровской культур, указывают, скорее, на довольно ограниченное участие катакомбного или многоваликового населения в культурогенезе этой зоны. Стрелы с прямым основанием встречаются в РБВ степной зоны, но хронологическая их позиция не допускает возможности непосредственной генетической связи. Это позволяет сделать вывод о пришлое характере колчанного набора. При этом мы не можем связывать их появление с сейминско-турбинскими популяциями, где присутствует идентичный набор, поскольку к моменту появления этих популяций в Западной Сибири синташтинская и абашевские культуры уже существовали.

Говорить об обратной передаче данного набора можно лишь с очень большой долей допущений. Наконечники с прямым основанием широко представлены на Алтае. Встречаются там и черешковые, но гораздо менее проработанные. Широкая же представленность черешковых наконечников в сейминских и кротовских памятниках Среднего Прииртышья и затем в сейминских комплексах Восточной Европы свидетельствует о сейминской их атрибуции. Допустить мощное воздействие синташты на

Среднее Прииртышье мы не можем, хотя незначительные контакты сейминцев с ней прослеживаются уже на этом этапе сейминской миграции. Нам остается констатировать независимое существование идентичного набора у этих разных культур и отсутствие связи его с предшествующими культурными образованиями. Объяснение этому феномену будет дано ниже.

Булавы

Каменные булавы, выявленные в синташтинских комплексах, можно разделить на булавы округлые (с выраженной и не выраженной втулкой) и булавы с 4 выступами (рис. 23, 6, 8) [Генинг и др., 1992, с. 139, 148, 232, 320, 336; Костюков и др., 1995, с. 199; Нелин, 1995, с. 132]. В петровских, постпетровских и кротовских они известны в Зауралье, Притоболье, Поишимье и Прииртышье [Зданович, 1988, с. 75, 168; Потемкина, 1985, с. 268; Молодин, 1985, с. 45]. Это единичные находки, являющиеся, на наш взгляд, исключая прииртышские экземпляры, производными от синташтинских.

В восточноевропейской степи булавы обнаружены на памятниках, относящихся к неолитической и энеолитической эпохам. К данным типам близки булавы 2 этапа днепро-донецкой культуры (азово-днепровской культуры) (рис. 127, 4) и шаровидная булава стоянки Тентексор в Северном Прикаспии [Археология УССР, 1985, с. 162, 163; Васильев и др., 1986, с. 23]. Впоследствии, вплоть до средней бронзы, булавы здесь мало известны. В культурах типа Хвалыньск-Средний Стог II каменные булавы отсутствуют. Нет их и в ямных комплексах времени среднего слоя Михайловского поселения. Временем начала широкого распространения булав в степной зоне Восточной Европы мы можем считать период соответствующий позднему слою Михайловского поселения, который замыкает РБВ [Археология УССР, 1985, с. 343]. В СБВ наверхия булав этих типов распространены в материалах катакомбных культур [Археология УССР, 1985, с. 406, 411, 412, 415, 417; Андреева, 1989, рис. 20, 26; Горелик, 1993, табл. XXXII, 3-б] (рис. 146, 2). Заготовка крестообразной булавы происходит с поселения Лбище в Поволжье [Васильев и др., 1987, с. 48]. Булавы Бородинского клада датируются более поздним временем по

копьям сейминского типа и микенскому орнаменту на изделиях. Отнесение этого клада к КМК [Березанская и др., 1986, с. 12] в данном случае не дает возможности для более ранней датировки, так как для КМК это достаточно поздний комплекс.

В Южной Сибири булавы встречаются в предшествующее время только в погребениях или в виде изображений на стелах окуневской культуры [Кубарев, 1987, с. 157-161].

В энеолите и ранней бронзе шаровидные булавы известны на Кавказе в комплексах шулавери-шомутепинской и куро-аракской культуры и в позднеэнеолитических комплексах типа Кюльтепе I [Энеолит СССР, 1982, с. 145, 154; Техов, 1977, с. 27; Абибулаев, 1959, с. 448; Нариманов, 1987, рис. 16,8] (рис. 126,5). Круглые булавы и булавы с четырьмя и пятью выступами обнаружены в позднеэнеолитическом слое поселения Тилки-Тепе в Восточной Анатолии [Korfmann, 1982, Abb. 19,1-3]. В Передней Азии, судя по всему, булавы распространяются очень рано. Во всяком случае, они известны уже на памятниках хассунской культуры VI тысячелетия до н.э. [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 125]. В Анатолии и Месопотамии булавы присутствуют в погребальных комплексах всех эпох, начиная с неолита [История Древнего Востока, с. 35; Алекшин, 1986, с. 57-64, 87, 90-92, 97, 100, 109, 113, 115; Горелик, 1993, с. 57-61]. Погребения эти, как правило, связаны с более высоким социальным статусом погребенных. Необходимо также отметить, что если в Малой Азии булавы играли, преимущественно, сакральную роль, то в Месопотамии, Палестине и на Кавказе их боевое применение сохранялось довольно долго [Горелик, 1993, с. 58, 59]. Впоследствии на Кавказе и в Закавказье шаровидные булавы и булавы с 4 круглыми выступами широко представлены в материалах средней и поздней бронзы [Мунчаев, 1981, с. 37; Техов, 1977, с. 5, 26-30, 36; Крупнов, 1951, с. 44; Picchelaury, 1997, Taf. 87-91].

Интересные параллели синташтинским булавам обнаруживаются в Сиро-Палестине, где они были распространены, начиная с неолита (рис. 23,11,12,15). Многие экземпляры булав, как и в Синташте, имеют биконические отверстия. Насколько можно судить по египетским изображениям, это было связано со стремлением получить более подвижное соединение орудия с рукоятью.

Чтобы навершие не соскакивало, его соединяли ремнем, прикрепленным к рукояти, пропущенным по поверхности орудия и уходящим в отверстие [Кинк, 1970, с. 89, 99, 115, 116]. Другой возможной причиной появления биконических отверстий могла являться техника двустороннего сверления. Эта причина могла быть как самодостаточной, так и средством для достижения более подвижного соединения с рукоятью.

Узкие отверстия многих булав, а также частое их изготовление из непрочных материалов, например известняка, позволяют сомневаться в их использовании в военных целях. Косвенным образом это подтверждается обнаружением в царском дворце Эблы (в Северной Сирии) шаровидной булавы из известняка с рукоятью, украшенной золотом, серебром и слоновой костью [Маттиэ, 1985а, с. 51]. Булавы представлены на барельефах в руках ассирийских и хеттских царей, египетских фараонов [История Древнего Востока, 1988, с. 113, 163, 305, 407]. В комплект вооружения арийского бога Митры входила булава [Бойс, 1994, с. 20]. Тем не менее, понимать булаву как символ царской власти все же не следует. В Передней Азии булавы встречаются не только в царских погребениях, но практически всегда в погребениях, характеризующих повышенный социальный статус покойных. Вероятно, следует разделять булавы символические (скипетры) и функциональные. Последние, впрочем, тоже указывает на более высокий социальный статус. Обнаружение булав только в периферийных могильных ямах Синташты [Нелин, 1995, с. 135] этому не противоречит, учитывая общий воинский характер могильника.

Таким образом, предтечу синташтинским булавам следует искать в материалах катакомбного круга, а также Кавказа и Закавказья эпохи средней бронзы. Появление же их в восточно-европейских степях связано с Закавказьем и Передней Азией. Датируется оно последней фазой РБВ, но не исключено, что могли быть новые импульсы в более позднее время, сопровождавшиеся привнесением аналогичного инвентаря.

Каменные топоры

К довольно редкой для синташтинских памятников категории находок относится фрагмент каменного полированного топора, обнаруженный на поселении Аркаим [Зданович, 1995, рис. 6,11]

(рис. 23,9). Типологически этот топор близок изделиям фатьяновской и балановской культур. Вместе с тем, в Южном Зауралье известна серия находок топоров кабардино-пятигорского типа, относящихся как к синташтинскому времени, так и к началу ПБВ. Фрагмент одного подобного топора обнаружен на поселении Ольгино в синташтинском слое [Нелин, 1996а]. Восходит этот тип к территориям, прилегающим к Кавказскому хребту, хотя точное место его разработки определить сложно [см. Марковин, 1994б, табл. 80, 83, 85, 86; Нелин, 1996а, с. 92] (рис. 23,16).

Очень распространенным инвентарем на синташтинских памятниках являются каменные молоты и песты, связанные с металлургическим производством (рис. 23,4,5,10). Близкие по типу песты обнаружены при раскопках ранне-бронзового поселения Эмпорио на Самосе [Hood, 1981, pl. 134, 25,26]. На поселении Демирчиуйюк обнаружены точильные камни с отверстием на конце и овальным, прямоугольным или квадратным сечением, типологически близкие синташтинским (рис. 23,13,14,18) [Kull, 1988, с. 181, 182].

3.2. Металлический инвентарь

Металлокомплекс синташтинских памятников очень стандартизирован, целиком укладывается в стереотипы металлообработки ранней фазы Евразийской металлургической провинции и включает в себя несколько основных типов изделий.

Топоры вислообушные. Происходят из могильника Синташта (2 экз.) и Малокизильского селища (2 экз.) [Генинг и др., 1992, с. 122, 232; Пряхин, 1976, с. 131]. Правда, Малокизильское селище, по-видимому, следует относить, все же, к уральскому абашево. Находясь в пограничной ситуации на правом притоке реки Урал, оно фиксирует в себе черты обеих культур. Синташтинские экземпляры представлены массивновислообушными топорами с прямоугольным гребнем и узким удлиненным клином. Втулка хорошо выражена, отверстие на втулке округлое с намечающейся овальностью, сечение клина линзовидное (рис. 24,1). Малокизильские топоры узковислообушные с овальным отверстием втулки и линзовидным сечением клина.

Синташтинским топорам наиболее близок топор из II Малиновского могильника приказанской культуры, отлитый из меди, отличающийся, правда, более овальным отверстием втулки и датируемый более поздним временем [Черных, 1970, с. 58]. Вероятно, это изделие производное от синташтинских прототипов. Близкие топоры, но без гребня, известны в КМК [Археология УССР, 1985, с. 456; Ковалева И., 1981, с. 27] (рис. 147,8,14,15). Некоторые изделия КМК относятся к топорам “костромского” типа катакомбного времени [Корневский, 1983, с. 97, 98], что указывает на кавказское влияние и датировку 2 четвертью II тысячелетия до н.э. [Ковалева И., 1981, с. 27]. Эти топоры отличаются выделенной втулкой и изогнутостью клина. Примечательно, что на Украине топоры “костромского” типа обнаружены вместе с гинчинскими многовитковыми браслетами [Трифонов, 1991, с. 111], что тоже отражает кавказские связи. Топоры с выделенной втулкой и слегка изогнутым клином известны в средней бронзе на Северном Кавказе [Черных, 1966, с. 104; Техов, 1977, с. 5] и в Анатолии [Авилова, Черных, 1989, с. 49].

В связи с обозначенными кавказскими и анатолийскими параллелями интересен экземпляр топора - случайная находка из Приуралья. Это проушной топор с массивным гребнем [Черных, 1970, с. 60]. Наиболее сопоставимы с ним анатолийские типы эпохи средней бронзы [Авилова, Черных, 1989, с. 49].

Малокизильские топоры полностью аналогичны подобным изделиям абашевской культуры (рис. 45,1). Встречены они также в Турбино и в Горбуновском торфянике. Имеются также две недокументированные находки из Зауралья [Черных, Кузьминых, 1989, с. 125, 127; Пряхин, 1976, с. 129-132; Черных, 1970, с. 59]. По-видимому, все они связаны с деятельностью уральского абашевского металлургического очага. Изделия этого типа формируются как дальнейшее усовершенствование катакомбных топоров и наследуют катакомбную технику литья в спинку изделия [Корневский, 1983, с. 99]. При этом литейная форма для отливки узковислообушного топора с круглой втулкой была обнаружена в одном из дольменов Причерноморья, что может указывать на южные корни этого типа [Марковин, 1997, рис. 109.7].

Тип синташтинских топоров с гребнем из топоров абашевских развиваться не мог, поскольку

трансформация шла по пути перехода от круглого отверстия втулки к овальному, а не наоборот. Впоследствии все срубные и андроновские топоры отличались этим признаком [Черных, 1970, с. 60; Корневский, 1983, с. 99]. Овальность же втулки в синташтинских экземплярах выражена в значительно меньшей степени, чем в абашевских.

Мнение же о наличии в доно-волжском абашеве топоров с круглой втулкой [Пряхин, 1976, с. 130] базируется лишь на одном изделии. Другие являются случайными находками, причем топор из Царева кургана был определен, как полтавкинский [Черных, Корневский, 1976, с. 207]. Кроме того, указанные топоры являются узковислообушными. Правда, наличие подобных топоров на абашевских памятниках может отражать разработку абашевского топора на основе катакомбных стандартов. Не исключена возможная связь абашевских топоров и с фатьяновской металлообработкой, где встречаются формы с округлой втулкой [Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 35]. Но к синташтинским изделиям они отношения не имеют.

По всей вероятности, синташтинские топоры можно связывать с катакомбниками и КМК. Появление топоров с выраженной втулкой в степи датируется позднекатакомбным временем [Черных, 1966, с. 62], что синхронно появлению синташты. Поэтому нельзя исключать связь их с Кавказом и более южными регионами. Во всяком случае, кавказские формы рубежа III-II тыс. до н.э. во многом близки синташтинским. Такая же деталь, как боек на обухе, широко представлена и на Кавказе и на Ближнем Востоке. Как правило, кавказские топоры являются массивновислообушными, что тоже соответствует синташтинским топорам и отличает их от абашевских [Горелик, 1993, табл. XIX, 77, 92, 96, табл. XX, 3-8, 11-13, 20, 21, 26, 27, 51]. Необходимо обратить внимание на присутствие массивновислообушных топоров в Анатолии. Втулка их, впрочем, круглая. Появляются они в конце РБВ, но существуют и в более позднее время [Stronach, 1957, p. 120, fig. 11.3]. Форма для отливки топора с массивным обухом обнаружена на поселении Кюльтепе в Анатолии [Müller-Karpe A., 1994, Taf. 41]. Топоры с массивным обухом известны и в Египте, хотя они отличаются от синташтинских [Müller-Karpe, 1974, Taf. 161.4]. На обухе одного из кавказских топоров имеется шаровидный гребень [Крупнов,

1951, с. 45] (рис. 25,3,4). При этом необходимо отметить, что кавказские топоры формируются под влиянием Ближнего Востока [Горелик, 1993, с. 44]. По всей вероятности, массивновислообушные топоры трансформируются из широко распространенных на Ближнем Востоке втульчатых топоров.

Очень оригинальным изделием являются бронзовые наконечники стрел, обнаруженные пока лишь в могильнике Синташта и в Актюбинской области (рис. 24,2,3) [Генинг и др., 1992, с. 302, 321]. Они имеют короткий подпрямоугольный черешок и вытянутое листовидное перо. Вдоль стержня проходит “елочковидный” орнамент. Подобные наконечники на других памятниках Северной Евразии почти не известны. Исключение составляет наконечник стрелы, обнаруженный в насыпи кургана возле Ливенцовской крепости в Нижнем Подонье [Рогудеев, 1997, рис. 1,5]. Два черешковых двухлопастных наконечника стрел известны среди абашевских материалов [Пряхин, 1976, с. 152]. Но они отличаются более упрощенной формой с треугольным или подромбическим пером.

В качестве прототипа синташтинским может выступать наконечник из Аладжа Уйюк, имеющий прорези, свойственные синташтинским образцам [Археология Азии, рис. 17] (рис. 25,9). В Анатолии металлические наконечники стрел изредка встречаются в памятниках III тысячелетия до н.э. и широко распространяются в XVII веке до н.э. С самого начала они только черешковые и двухлопастные [Медведская, 1980]. В Месопотамии и Восточном Средиземноморье вариативность типов металлических стрел довольно высока. Они тоже черешковые, и в первой четверти II тыс. до н.э. распространены несколько шире, чем в Анатолии [Горелик, 1993, табл. XLIII, 29-33, 43-45, 56-105; Müller-Karpe, 1974, Taf. 167].

Слабая представленность металлических наконечников в синташтинских комплексах свидетельствует о том, что восприятие их синташтинским населением произошло до начала их широкого употребления. Тем не менее, отработанность и стандартизованность форм говорит о сложившейся устойчивой традиции производства.

Наконечники копий с относительно короткой разомкнутой втулкой и вытянутым листовидным пером обнаружены только на синташтинских памятниках [Генинг и др., 1992, с. 176, 212, 320;

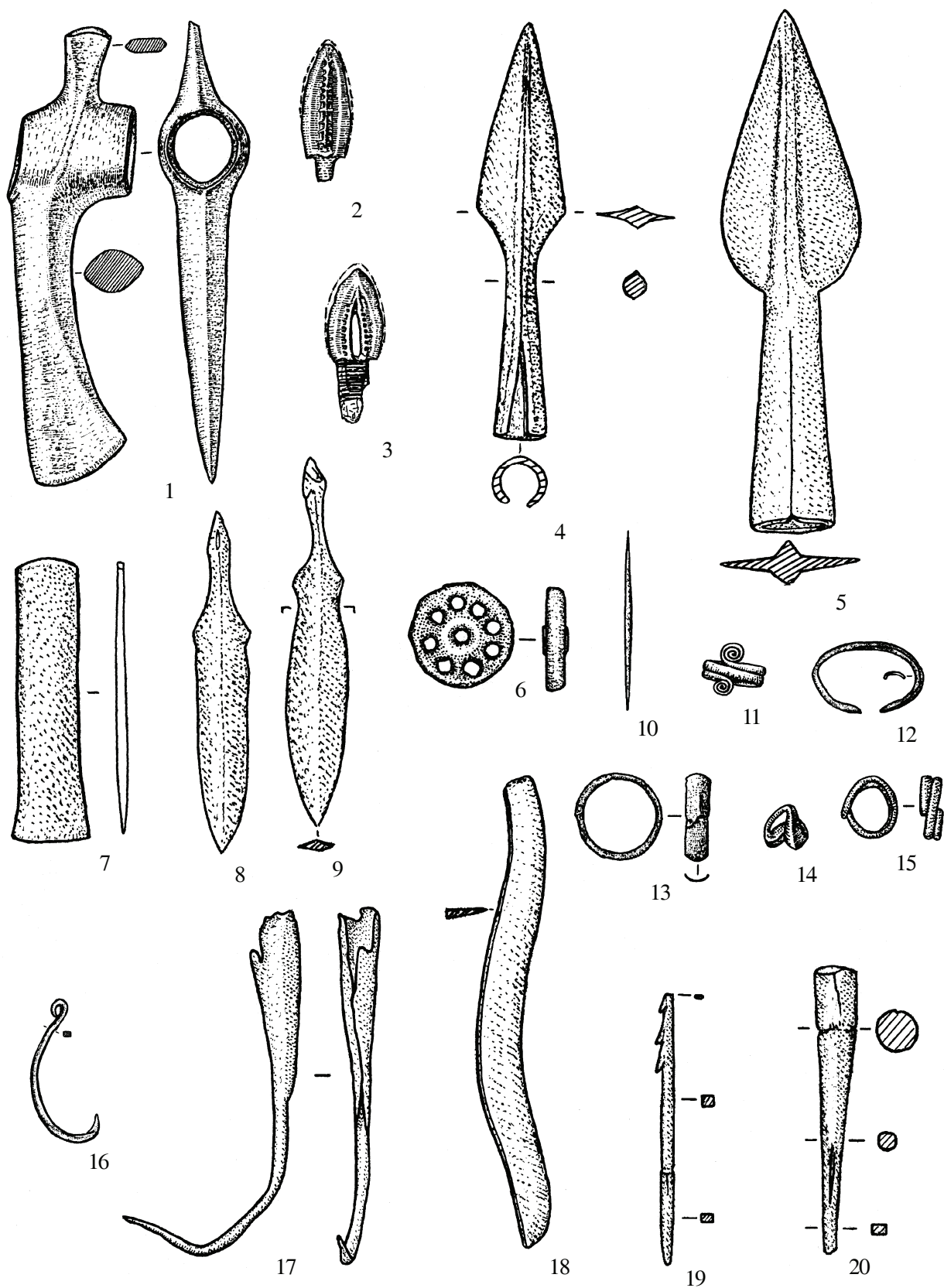

Рис. 24. Металлические изделия синташтинской культуры. 1, 2, 3, 7-9, 11, 12, 14-16 – мог. Синташта; 5, 18 – мог. Каменный Амбар V; 4, 6, 10, 13, 19, 20 – Большекараганский мог.; 17 – Аркаим.

Костюков и др., 1995, с. 197; Боталов и др., 1996, рис. 17,2] (рис. 24,4,5). Кроме того, копыя этого типа найдены в Ростовке, Сейме, Усть-Гайве и Покровском могильнике. Все они выплавлены из мышьяковой бронзы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 65, 66]. Абашевские копыя, в отличие от них, имеют удлиненную втулку и короткое перо, хотя встречаются экземпляры и с укороченной втулкой [Пряхин, 1976, с. 135-137] (рис. 45,5,7). Сопоставимые с абашевскими изделия происходят с ямных и балановских памятников [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 79; Орловская, 1994, с. 112].

Аналогии синташтинскому типу копий находят на Кавказе и в Анатолии, хотя строение пера копий этого региона не всегда точно соответствует синташтинским. Чаще они более узкие, однако некоторые изделия отличаются близким строением пера [Авилова, Черных, 1989, с. 50; Черных, 1966, с. 104; Джанаридзе, 1994, табл. 25; Техов, 1977, с. 34; Erkanal, 1977, Taf. 15, 16; Picchelaury, 1997, с. 24, Taf. 70-73; Müller-Karpe, 1974, Taf. 297.43,45] (рис. 25,1,2). Очень интересны два наконечника копыя с разомкнутой втулкой и удлиненным узким пером, обнаруженные у сел Бахмутино и Красный Яр. Относятся они к приуральской абашевской культуре [Сальников, 1962, с. 70]. От прочих абашевских изделий они отличаются очень длинным пером, а от синташтинских - узостью этого пера. Эти копыя аналогичны кавказским и ближневосточным типам [см. Горелик, 1993, табл. XXXIII, XXXIV]. Особенно показательно красноярское копые, имеющее характерный перегиб и вогнутость граней пера в верхней части.

Приоритет в изобретении втульчатых копий принадлежит Ближнему Востоку, где они появляются во второй половине III тыс. до н.э. и только к середине II тыс. до н.э. вытесняют черешковые [Горелик, 1993, с. 62]. Поэтому очень вероятно, что их появление в Восточной Европе связано с этим регионом.

Ножи являются наиболее массовой категорией металлических изделий синташтинских памятников. Самым распространенным типом является двулезвийный нож с намечающимся перекрестием и ромбической пяткой черенка (рис. 24,8,9). Варибельность его чрезвычайно высока. Встречается он во всех синташтинских и потаповских комплексах. В синхронных культурах ножи этого типа известны в петровке,

в Приишимье и Притоболье [Зданович, 1988, с. 75; Потемкина, 1985, с. 264, 265], весьма характерны для абашевской культуры [Пряхин, 1976, с. 146; Черных, 1970, с. 66] (рис. 45,6; 49,7). Выявлены они и в сейминско-турбинских памятниках, где интерпретируются, как типично абашевские [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101, 102]. Появление этого типа ножей связывают с дальнейшим развитием в абашевской среде катакомбных типов изделий [Корневский, 1983, с. 102] (рис. 146,8; 147,7). Происхождение ножей с перехватом из катакомбных ножей с пятиугольным лезвием может иллюстрироваться на примере экземпляра из Каменного Амбара [Костюков и др., 1995, с. 201]. Тем не менее, переходных экземпляров практически не известно. Поэтому нельзя исключить привнесенность этого типа в Зауралье. На подобную гипотезу может указывать обнаружение ножей с перехватом в Карабахе. Относятся они к рубежу III-II тыс. до н.э. [Горелик, 1993, с. 222, табл. III, 54, 55]. Кинжал с ромбическим черешком и перехватом обнаружен в погребении в Байиндиркёй (культура Ёртан) в Северо-западной Анатолии. Однако черешок этого кинжала более широкий и имеет три отверстия для заклепок [Stronach, 1957, с. 92, fig. 1.17]. Нож с ромбической пяткой черешка обнаружен в Телль эль-Аджул, на границе Египта и Палестины. Однако строение лезвия его иное, чем у синташтинских ножей (рис. 25,6) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 167. 20]. Очень близок синташтинским ножам экземпляр из Ура XVIII-XVII в.в. до н.э., имеющий приостренную пятку черенка (рис. 25,5), и катакомбный нож из Новокаменского, датируемый тем же временем [Горелик, 1993, с. 224, табл. IV, 13, 46]. К этому же типу относится нож из погребения бахмутинского типа катакомбной культуры у хутора Верхне-Янченко. В отличие от синташтинских ножей, он имеет притупленную пятку черенка [Братченко, 1976, рис. 46,5]. Ножи КМК отличаются, хотя отдельные сходные черты в виде появления приостренности граней при переходе от лезвия к черенку в них заметны [Археология УССР, 1985, с. 456]. В комплексах КМК известны лишь единичные находки этого типа, что все же позволяет говорить о контактах КМК и абашево [Пряхин, 1976, с. 147].

Помимо этого, в синташтинских комплексах представлены ножи восточноевропейских типов, но крайне редко. Это ножи с прямым черенком и

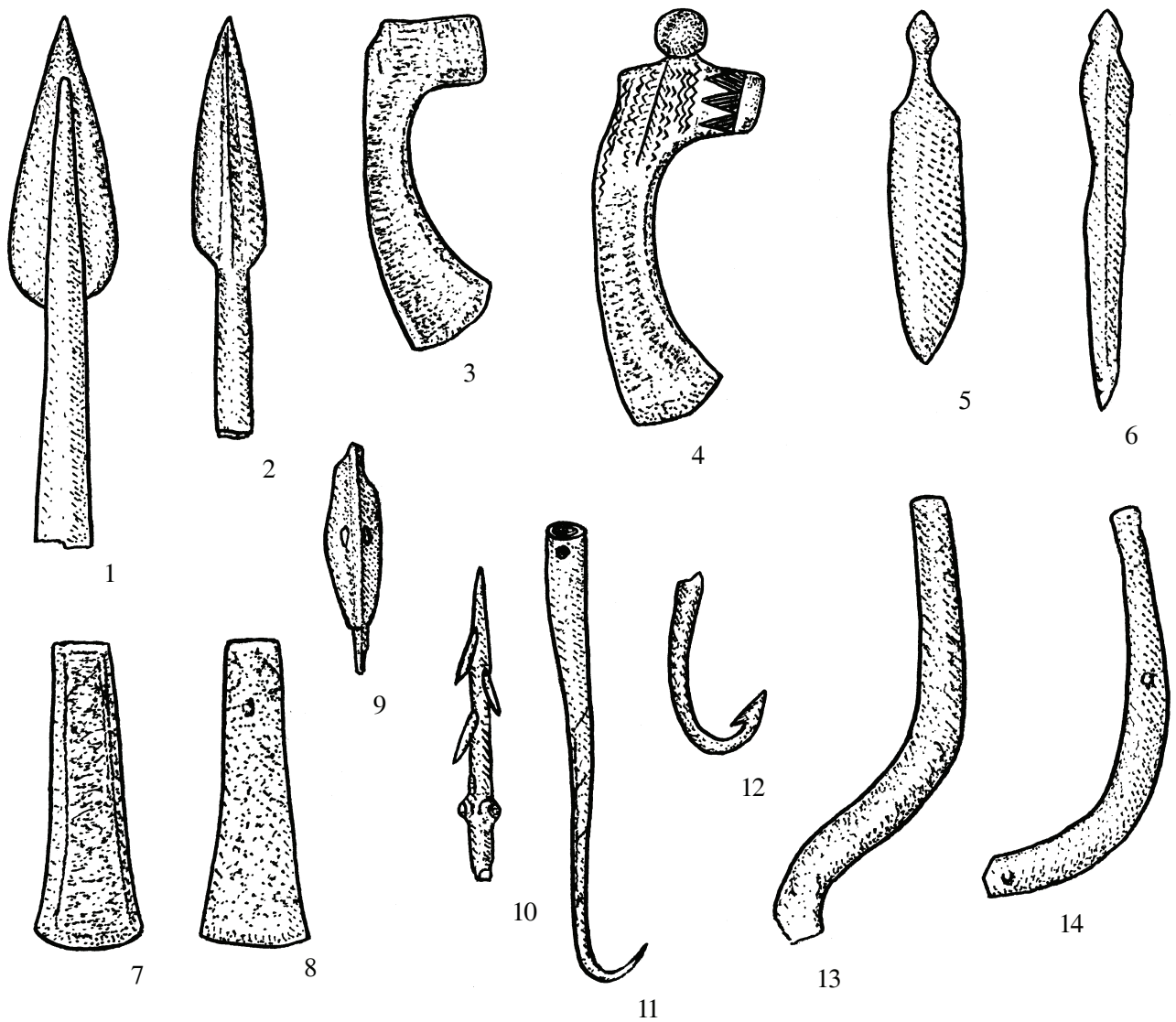

Рис. 25. Параллели металлическим изделиям синташтинской культуры в культурах Кавказа и Передней Азии. 1 – Эшери; 2 – Кюль-тепе; 3 – Чми; 4 – Кумбулта; 5 – Ур; 6, 8 – Газа; 7 – Андреевская долина близ г.Грозный; 9 – Аладжа Уйюк; 10 – Тэлли эд-Дабыя; 11 – Кировакан; 12 – Tell Asmar, 13, 14 – Киш.

подтреугольным листовидным или пятиугольным лезвием [Генинг и др., 1992, с. 122, 124, 302, 307]. Следует заметить, что на абашевских памятниках они распространены несколько шире [Пряхин, 1976, с. 141-144]. При этом в средневожском абашеве этих изделий, как, впрочем, и остальных орудий (за исключением шильев) крайне мало, а на севере Средней Волги они почти не известны [Кузнецов, 1983, с. 110]. В потаповских комплексах известен один нож с черенком и листовидным лезвием [Васильев и др., 1994, с. 142]. Время бытования подобных изделий достаточно широко, но преимущественно они встречаются в ямно-полтавкинских, катакомбных, северокавказских комплексах, реже в КМК [Кореневский, 1978]. Прочие ножи восточноевропейского облика, найденные в Потаповском могильнике, относятся к полтавкинскому культурному комплексу.

Наконец, довольно специфичными являются ножи-серпы встреченные в единичных случаях в материалах донского абашева, потаповки и синташты [Пряхин, 1976, с. 144; Костюков и др., 1995, с. 199; Васильев и др., 1994, с. 134]. Они имеют прямое или слегка изогнутое лезвие, приостренное с одной стороны полностью, а с другой до половины длины. Аналоги этому типу нам не известны. По всей вероятности, это стадия формирования слабо изогнутых серпов, свойственных абашеву и синташте.

Некоторое количество ножей имеет аморфный характер и типологическому членению не поддается.

Топоры-тесла, обнаруженные на синташтинских памятниках, как правило, прямые, в большинстве случаев со слегка раскованной рабочей частью и часто с небольшим расширением пятки [Генинг и др., 1992, с. 61, 232, 255, 265, 268, 272, 307, 320; Костюков и др., 1995, с. 196, 197; Боталов и др., 1996, рис. 2, 17, 18] (рис. 24,7). Имеется также два экземпляра тесел вытянутой трапециевидной формы, сужающихся к пятке и расширяющихся к лезвию [Костюков и др., 1995, с. 196, 201]. По одному экземпляру тесел с зауженной пяткой обнаружено в петровке Северного Казахстана и Потаповском могильнике [Зданович, 1988, с. 168; Васильев и др., 1994, с. 134]. В петровском комплексе Притоболья найдено тесло с почти параллельными чуть сужающимися гранями и раскованным лезвием [Потемкина, 1985, с. 192] (рис. 49,10). Довольно типичны тесла

для абашевских памятников (рис. 45,4). В сейминско-турбинских памятниках тесла известны лишь в западной зоне. Типологически они идентичны первой описанной группе синташтинских тесел, выплавлены из мышьяковой бронзы, что позволило связать их с абашевским (баланбашским) металлургическим очагом [Черных, Кузьминых, 1989, с. 134]. Как правило, пятка абашевских тесел слегка расширена, хотя иногда встречаются экземпляры с легким сужением пятки. Выбивается из этой серии оригинальное изделие из Русского Тангилова с раскованным лезвием, слегка расширяющейся средней частью и двумя спиралевидными завитками на пятке [Пряхин, 1976, рис. 23,6].

В КМК, в том числе в каменско-ливенцовской группе, тесла отличаются вытянутыми пропорциями, очень узкой пяткой черенка и широким дугообразно раскованным лезвием [Археология УССР, 1985, с. 456, 459] (рис. 147,6). Аналогии им обнаруживаются в материалах северокавказской культуры [Черных, 1966, с. 104].

Синташтинские и абашевские тесла могут восходить к “привольненским” теслам катакомбного времени, постепенно расширяющимся к лезвию [Кореневский, 1983, с. 97, 103]. Тесла этих типов представлены на Северном Кавказе (рис. 25,7). Кроме того, все указанные тесла, включая тесла КМК, присутствуют в Анатолии [Авилова, Черных, 1989, с. 54]. Эти изделия были чрезвычайно широко распространены в ЦМП, вплоть до Палестины и Египта (25,8) [Miron, 1992; Müller-Karpe, 1974, Taf. 167]. Не исключено, что тесло из Русского Тангилова (с легким расширением средней части) имеет своим прототипом тесла с цапфами, широко распространенные в Анатолии и Закавказье [Авилова, Черных, 1989, с. 54; Erkanal, 1977, Taf. 1-4; Picchelaury, 1997, Taf. 31-32]. На связь с Закавказьем косвенно указывают спиралевидные завитки – элемент характерный для наверший кавказских и анатолийских булавок [Авилова, Черных, 1989, с. 62; Техов, 1977, с. 35-37].

Таким образом, абашевско-синташтинские тесла имеют своим прототипом катакомбные и закавказские типы ЦМП. О кавказском импульсе можно судить по теслу из Русского Тангилова и теслам КМК. В Северном Причерноморье первые тесла, расширяющиеся к раскованному лезвию, появляются в конце РБВ, в позднем слое Михай-

ловского поселения [Археология УССР, 1985, с. 342], что тоже может свидетельствовать об импульсе из Закавказья.

Долота с кованой втулкой являются сравнительно редкой находкой на синташтинских памятниках [Боталов и др., 1996, рис. 17,6; Черных, 1970, с. 61] (рис. 24,20; 26,9). Восходят они к изделиям катакомбного металлургического очага [Корневский, 1983, с. 105], но широко представлены и в более южных очагах ЦМП [Авилова, Черных, 1989, с. 54]. В частности, множество подобных долот и зубил известно на Анатолийских памятниках и в Северо-западной Сирии. Датируются они с конца III тыс. до н.э. – начала II тыс. до н.э. (рис. 27,3) [Müller-Karpe A., 1994, S. 170-173, Taf. 74, 75]. На синташтинских поселениях, а также на родственных им абашевских памятниках реки Белой встречаются различные черешковые бронзовые зубила, чеканы и пробойники (рис. 26,5-8,10-12). Аналоги им известны на анатолийских поселениях (рис. 27,4,5,8-12) [Müller-Karpe A., 1994, S. 159-174, Taf. 65-72].

В могильнике Большекараганский и на поселении Тюбяк абашевской культуры обнаружены втульчатые крюки (рис. 24,17). Подобные находки типичны для катакомбной культуры, а также для культур южной зоны Циркумпонтийской провинции (рис. 25,11).

Серпы распространены достаточно широко. Это пластинчатые, слабо изогнутые орудия [Генинг и др., 1992, с. 109, 158, 268, 285; Пряхин, 1976, с. 139, рис. 25, 1-7] (рис. 24,18). Степень изогнутости их сильно колеблется. Подобные типы встречены на синташтинских, абашевских и петровских памятниках [Зданович, 1988, с. 168; Потемкина, 1985, с. 264, 265; Пряхин, 1976, с. 139, рис. 25, 8-9] (рис. 49,9). В катакомбных памятниках серпы не известны [Корневский, 1983, с. 105]. К закавказским прототипам они восходить тоже не могут, поскольку там бытовали более развитые формы изделий [Авилова, Черных, 1989, с. 53]. Серпы северокавказской культуры отличаются тоже большой изогнутостью [Черных, 1966, с. 104], что исключает возможность появления орудий этого типа в абашевской среде с Северного Кавказа. Вероятно, они были выработаны непосредственно в Волго-Уральском регионе. Промежуточной формой в процессе разработки этого типа изделий являлись уже описанные выше ножи-серпы. Слабо изогнутые

серпы известны в Месопотамии, в Кише [Müller-Karpe, 1974, Tab. 199] (рис. 25,13,14). По форме они очень близки. Однако они датируются очень ранним временем, что не позволяет их напрямую связывать с синташтинскими. Впрочем, сохранение этой формы на Ближнем Востоке тоже нельзя исключать.

На синташтинских памятниках известны две находки бронзовых гарпунов (рис. 24,19). В Северной Евразии подобных находок больше нет. Аналоги им встречаются на юге. Бронзовый гарпун, например, обнаружен в Египте (Тель эд-Дабья) (рис. 25,10) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 161.9].

На различных синташтинских памятниках выявлено 15 рыболовных крючков. Они имеют различные размеры и довольно стандартную форму (рис. 24,16). Их верхний конец обычно загнут, формируя петлю для привязывания лески. Несколько отличается только один крючок, имеющий раскованный конец. В других культурах Северной Евразии такие находки неизвестны. Параллели синташтинским рыболовным крючкам есть в Сирии, в Телль Ашмаре (рис. 25,12) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 206].

Массовым инвентарем в синташтинских, абашевских, потаповских и петровских памятниках являются иглы и четырехгранные в сечении шилья (рис. 24,10). Распространенность этих типов в предшествующую эпоху была чрезвычайно высока. Обращает на себя внимание отсутствие на памятниках вышеперечисленных культур столь свойственных ЦМП шильев с упором.

Очень своеобразной находкой является маленькое бронзовое колесо с одним центральным и восьмью боковыми отверстиями (рис. 24,6). Вероятно, это модель колеса колесницы. Эта находка была обнаружена вне культурного слоя, на дневной поверхности неподалеку от поселения Аркаим. Поэтому, в силу того, что это единственная находка такого рода, как правило, она не отождествлялась с синташтинским временем. Однако ее точные аналоги известны в Восточной Анатолии. При раскопках Карума на Кюльтепе были выявлены две литейные формы для отливки идентичных изделий (рис. 27,2). Одна из них происходит из дома ассирийского торговца Адад-Сулули [Müller-Karpe A., 1994, S. 215-217, Taf. 54.2; 55.2].

На поселении Аркаим были обнаружены литейные формы для отливки небольших тонких

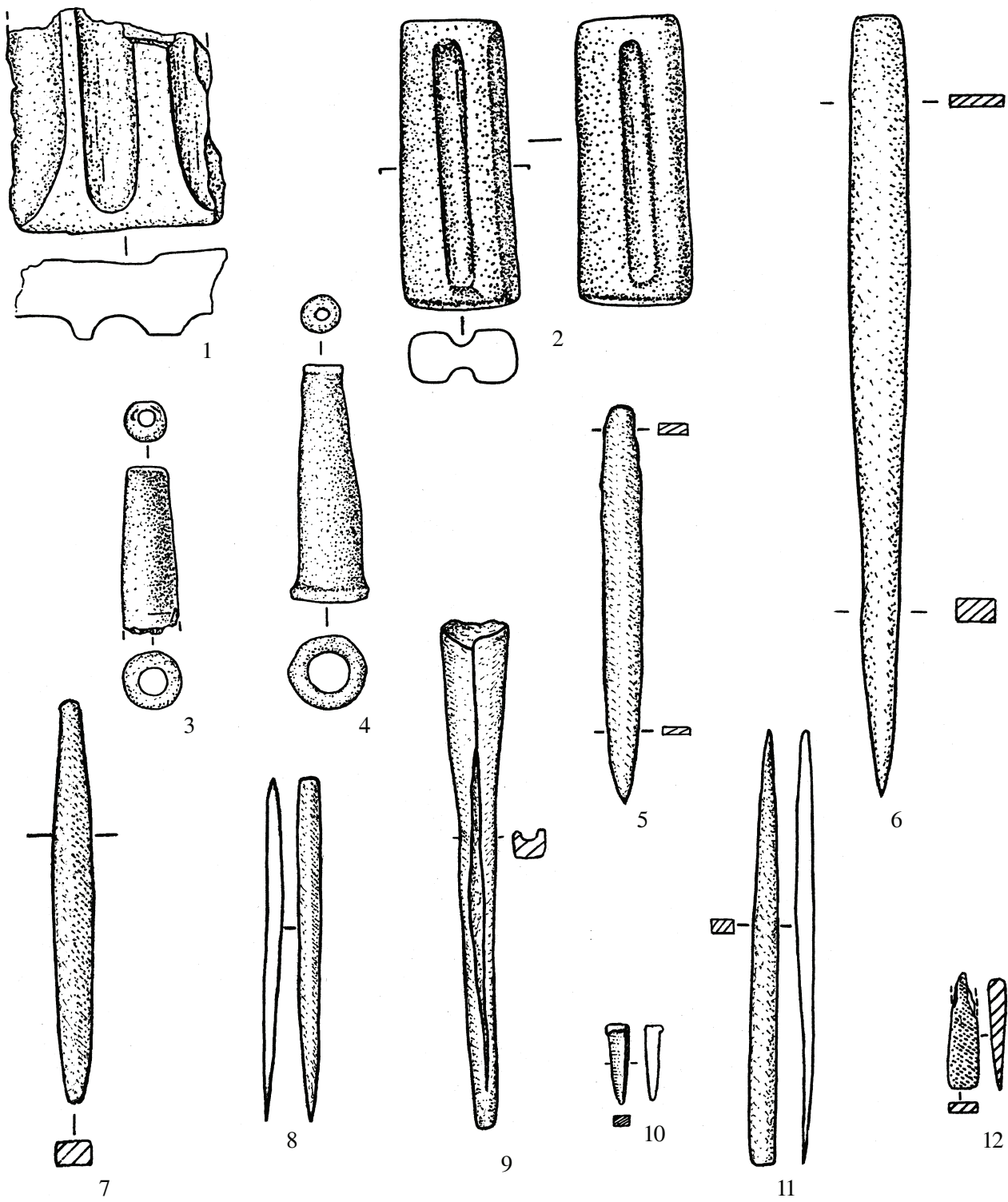

Рис. 26. Металлические изделия, литейные формы и сопла синташтинской культуры. 1 – 4 – Аркаим; 5, 9 – Тюбьяк; 6, 11 – Каменный Амбар; 7, 8, 10, 12 – Синташта.

медных брусков и более крупных слитков (рис. 26,1,2). Подобные формы и сами отливки изредка встречаются и на других одновременных или более поздних памятниках Северной Евразии. Назначение их не вполне понятно, поскольку использование их в качестве заготовок для изготовления каких-либо орудий (например, ножей) требовало бы продолжительных кузнечных операций.

Литейная форма для отливки подобных изделий обнаружена в Гиссаре III [Yule, 1982, Abb. 22.11]. Сходные литейные формы и бруски присутствуют повсеместно на анатолийских поселениях (рис. 27,1). Размеры их различны, но, в целом, они укладываются в несколько компактных групп. Сопоставление этих групп с месопотамской весовой системой показало, что они соответствуют весу в 1, 2, 5 сиклей, 1/3, 1/2, 1 и 1,5 миам. Таким образом, они могли служить своеобразным меновым эквивалентом [Müller-Karpe A., 1994, Taf. 15, 21-23, S. 137-141]. Это не исключает, поэтому, использования синташтинцами месопотамской весовой системы.

Набор украшений в синташтинских и петровских памятниках представлен не столь широко и полно, как в абашевских, в особенности средневожских. Комплект сводится всего лишь к нескольким типам изделий (рис. 24,11-15).

Это бусы, в том числе с четырьмя шишечками, желобчатые подвески в 1,5 оборота, круглые височные кольца, перстни в 1 и 2 оборота, иногда со спиралевидными завитками на концах, желобчатые браслеты со спиралевидными завитками на концах в отдельных случаях. В абашево близкая ситуация наблюдается лишь в доновожских памятниках. В волго-уральских и, в особенности, средневожских памятниках, наряду с перечисленным набором, присутствуют разнообразные в сечении браслеты с приостренными концами, бляшки-розетки, пронизы, очковидные подвески, полусферические бляшки [Большов, Кузьмина, 1995, с. 110, 111; Кузьмина О., 1992, с. 49-58; Ефименко, 1961, с. 56-67; Халиков, 1961, с. 215-218; Черных, 1970, с. 71, 72; Кузнецов, 1983, с. 113] (рис. 45, 2,3).

В связи с этим, встает вопрос о происхождении синташтинского и абашевских наборов украшений. Уже высказывалось мнение о связи некоторых абашевских украшений со шнуровыми культурами [Горбунов, 1990, с. 9, 10; Кузьмина

О., 1992, с. 58]. Очковидные подвески встречаются в гаринской культуре [Черных, 1970, с. 97]. Однако они, по всей видимости, являются производными от абашевских. В шнуровых культурах (среднеднепровской, почапской, городоцко-здолбицкой, фатьяновской) есть очковидные подвески. Помимо этого в фатьяновской культуре встречаются подвески в 1,5 оборота [Эпоха бронзы..., 1987, с. 39, 173, 174, 192; Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 35, 36]. В Передней Азии единичные экземпляры очковидных подвесок известны достаточно рано [Авилова, Черных, 1989, с. 64; Археология Азии, 1986, с. 116]. Уже в РБВ они представлены в Дагестане [Гаджиев, 1987, с. 7]. Более широко на Северном Кавказе они распространяются в СБВ. Производной от этих подвесок являются крючки со спиралевидными концами [Техов, 1977, с. 58, 59; Гаджиев, 1987, с. 10]. Таким образом, регион, откуда они могли появиться в абашевской культуре, неясен. Тем не менее, нет никаких оснований сомневаться в том, что исходным ареалом, откуда распространялись очковидные подвески, в том числе и в культурах шнуровой керамики, являются Кавказ и Закавказье [Егорова, 1991].

Височные подвески в 1,5 оборота, напротив, широко распространены на Кавказе и у катакомбников в течение всей Средней бронзы [Техов, 1977, с. 56; Авилова, Черных, 1989, с. 67; Гаджиев, 1987, с. 10, 11]. Пронизы известны на памятниках Анатолии и Кавказа [Авилова, Черных, 1989, с. 65; Гаджиев, 1987, с. 10], что, впрочем, еще не является основанием для заключения об их привнесении из этого региона. Прочие абашевские украшения были, по-видимому, выработаны в Волго-Уралье, в первую очередь, в среде средневожского и уральского абашева. Наиболее специфичными, при этом, являются абашевские бляшки-розетки (рис. 45,3). Полные аналогии им не известны нигде. Розетковидные навершия булавок присутствуют на Северном Кавказе в конце СБВ [Корневский, 1984, с. 9, 13]. Однако проводить непосредственную параллель нам представляется, в данном случае, преждевременным.

Поиски исходных типов привели нас к следующим выводам. Отдельные типы украшений имеют широкий “циркумпонтийский” фон. Большинство же было выработано в абашевской среде

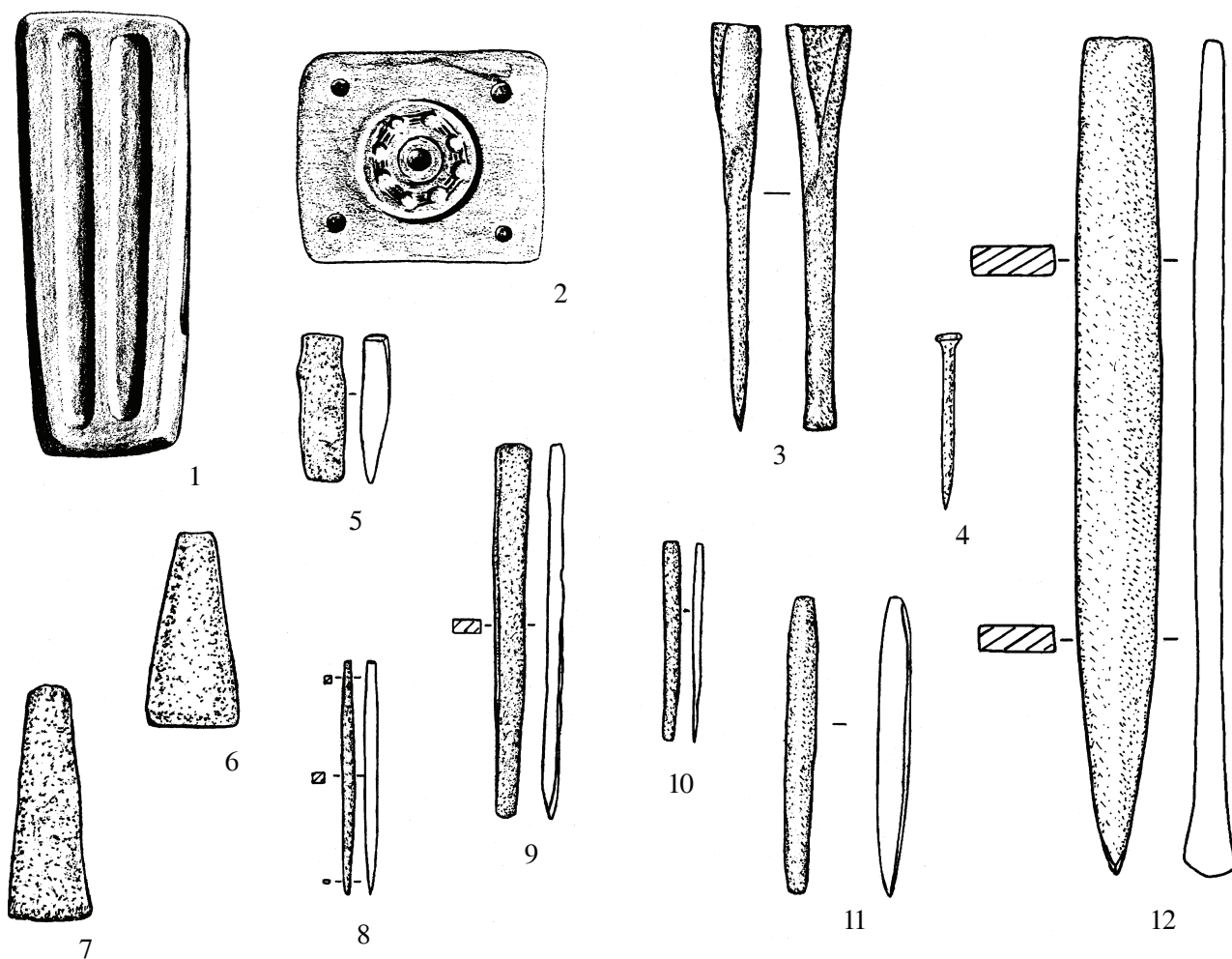

Рис. 27. Металлические изделия, литейные формы и сопла Анатолии. 1 – Малатья-Арслантепе; 2 – Кюльтепе (Карум); 4, 3, 8, 9 – Аладжа Уйюк; 5 – Икизтепе; 6, 10 – Богазкёй; 7 – Ханьери; 11 – Каликакёйю; 12 – Каш.

Волго-Уралья. Орудия труда либо восходят к катакомбным и закавказско-переднеазиатским прототипам, либо вырабатывались на месте. Отдельные простые категории (например, шилья) имели широкое распространение в ЦМП, поэтому появление их в абашевско-синташтинской среде невозможно связать с конкретным регионом. Лишь единичные типы изделий, вероятность использования которых, как оружия, наиболее высока (топоры-тесла КМК и из Русского Тангирова) находят закавказские и анатолийские параллели. Типы оружия восходят катакомбному миру, но в большей степени, к культурам СБВ Кавказа и Анатолии. При этом абашевская метал-

лообработка в большей степени наследует восточноевропейские традиции, чем синташтинская. Последняя имеет параллели в Восточной Европе, главным образом в синхронных комплексах КМК и позднекатакомбных, при формировании которых южный импульс тоже не исключен.

Подводя итог рассмотрению синташтинского металлокомплекса, можно выделить некоторые бросающиеся в глаза закономерности. Как и в абашевских культурах [Кузнецов, 1983, с. 113] в синташте наблюдается резкое преобладание металла в погребениях над металлом поселений. Эта картина, в целом, характерна для СБВ

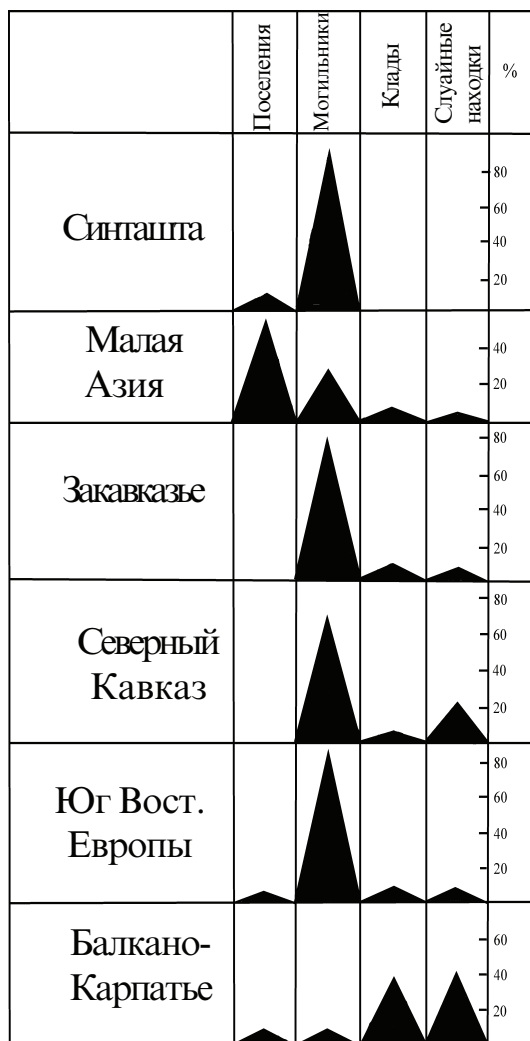

Рис. 28. Приуроченность металлических изделий синташтинской культуры и различных регионов Циркумпонтийской зоны к типам памятников.

Циркумпонтийской зоны [Авилова, Черных, 1989, с. 76, 77; Тенейшвили, 1993, с. 12] (рис. 28). Петровская культура дает уже менее контрастную картину. Наряду с металлом в могильниках, здесь уже довольно часто он встречается и на поселениях.

При сопоставлении соотношения орудий труда и оружия с украшениями, выявляется довольно отчетливое доминирование в синташте первых двух категорий изделий над последней (рис. 29). На Средней Волге орудия почти не представлены, зато украшения доминируют. В Волго-Вятском междуречье орудия труда (за исключением единичных шильев) вообще отсутствуют [Большов, 1994; Ефименко, 1961, с. 79; Халиков, 1961, с. 218; Кузнецов, 1983, с. 113]. В Приуралье тоже преобладают украшения, но не в такой степени, как на Средней Волге [Куз-

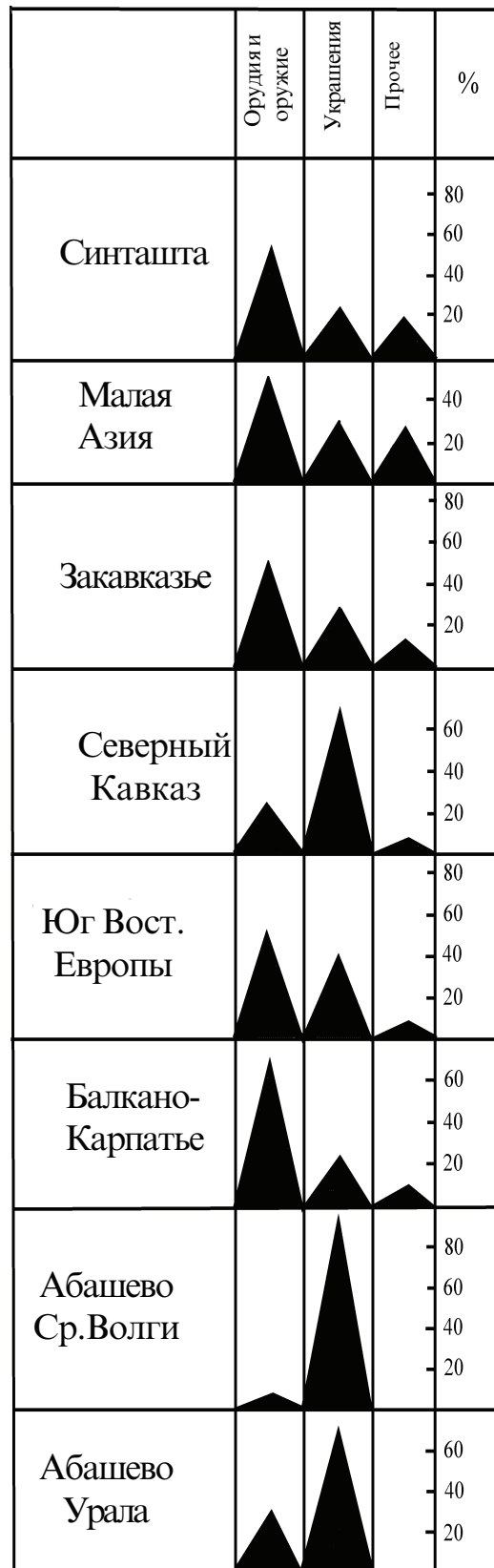

Рис. 29. Сопоставление соотношения классов металлических изделий синташтинской культуры с данным показателем различных регионов Циркумпонтийской зоны и абашевских культур.

нецов, 1983, с. 113]. На синташтинских же памятниках доля оружия и орудий труда составляет 54%, украшений – 25,5%, прочих изделий – 20,5%.

Наиболее близки синташтинской культуре в эпоху средней бронзы по характеру соотношения функционально-морфологических классов изделий три региона ЦМП - Малая Азия, Закавказье и Балкано-Карпатье, где тоже наблюдалось значительное преобладание количества оружия и орудий труда. Однако, если в Малой Азии и Закавказье ситуация, практически идентична синташтинской, то в Балкано-Карпатском регионе доля оружия и орудий труда заметно выше. На Северном Кавказе число украшений выше, а на юге Восточной Европы оно практически одинаково с оружием и орудиями [Авилова, Черных, 1989, с. 73; Černykh et al., 1991, с. 604]. Поэтому чисто теоретически мы можем рассматривать два вышеуказанных региона – Малую Азию и Закавказье. Однако при сопоставлении данных о привязке металла к типам памятников картина существенно меняется. Металл синташтинской культуры происходит, главным образом, из могильников. Этому соответствует ситуация на юге Восточной Европы, на Северном Кавказе и в Закавказье. В Балкано-Карпатье металл происходит, преимущественно, из кладов и в виде случайных находок, а в Малой Азии основная часть металла найдена на поселениях [Авилова, Черных, 1989, с. 73; Černykh et al., 1991, с. 616] (рис. 28). Таким образом, единственным районом, сопоставимым с синташтой по обоим этим признакам является Закавказье. Необходимо, впрочем, учитывать, что по другим данным количество украшений в Закавказье все же выше [Тенейшвили, 1993, с. 9] и структура синташтинского металла полного аналога не имеет. Вероятно, это объясняется ярко выраженным воинским характером памятников. Но даже с учетом этих оговорок можно отметить типологическое родство синташтинской культуры по рассматриваемым признакам с Закавказско-переднеазиатским регионом.

3.3. Химический состав металла

Важной характеристикой синташтинского и абашевского металла является его химический состав. Спектроаналитические исследования показали наличие двух химико-металлургических групп: чистой меди группы МП и мышьяковистой меди группы ТК. Соответственно, они были увязаны с медистыми песчаниками Приуралья и зауральским рудником Таш-Казган, отличавшимся повышенными концентрациями мышьяка в руде. Была выявлена важная закономерность резкого преобладания изделий из чистой меди в волжском абашево и столь же резкого доминирования мышьяковой меди на Урале [Черных, 1970, с. 27, 28]. В доно-волжском абашево преобладает ТК, но встречены и более поздние химико-металлургические группы – ЕУ, ВУ, ВК [Кузнецов, 1983, с. 114]. На Синташте мышьяковая медь составляет уже абсолютное большинство металла. На поселении изделия из чистой меди или из оловянистой бронзы представлены единичными экземплярами [Зайкова, 1995, с. 153]. В могильнике мышьяковая медь тоже резко преобладает [Аганов, Кузьминых, 1994, с. 168]. Впрочем, судя по предварительным публикациям анализов металла поселения Аркаим, доля чистой меди там выше, но в публикации не указано точное соотношение разных типов сплавов [Зайков и др., 1999а, с. 194]. Кроме того, само количество металла на этом поселении невелико.

Таким образом, мышьяковистая медь, доминируя в металле синташты, несколько снижает свои позиции в доно-волжском и волго-уральском абашево и сходит почти на нет на Средней Волге (рис. 30). Это позволило сделать вывод о более ранней позиции средневолжского абашева, что было вскоре опровергнуто [Черных, 1970, с. 96, 97; Кузнецов, 1983, с. 115]. Действительно, малое количество мышьяковых бронз на Средней Волге может объясняться дефицитом металла в этом регионе в силу его удаленности от основных производящих центров. Картина эта становится еще яснее, если вспомнить, что на Средней Волге почти отсутствуют орудия (рис. 29). А все абашевские культуры характеризуются четкой закономерностью: из мышьяковистой меди отливают орудия, а из “чистой” украшения [Кузнецов, 1983, с. 110].

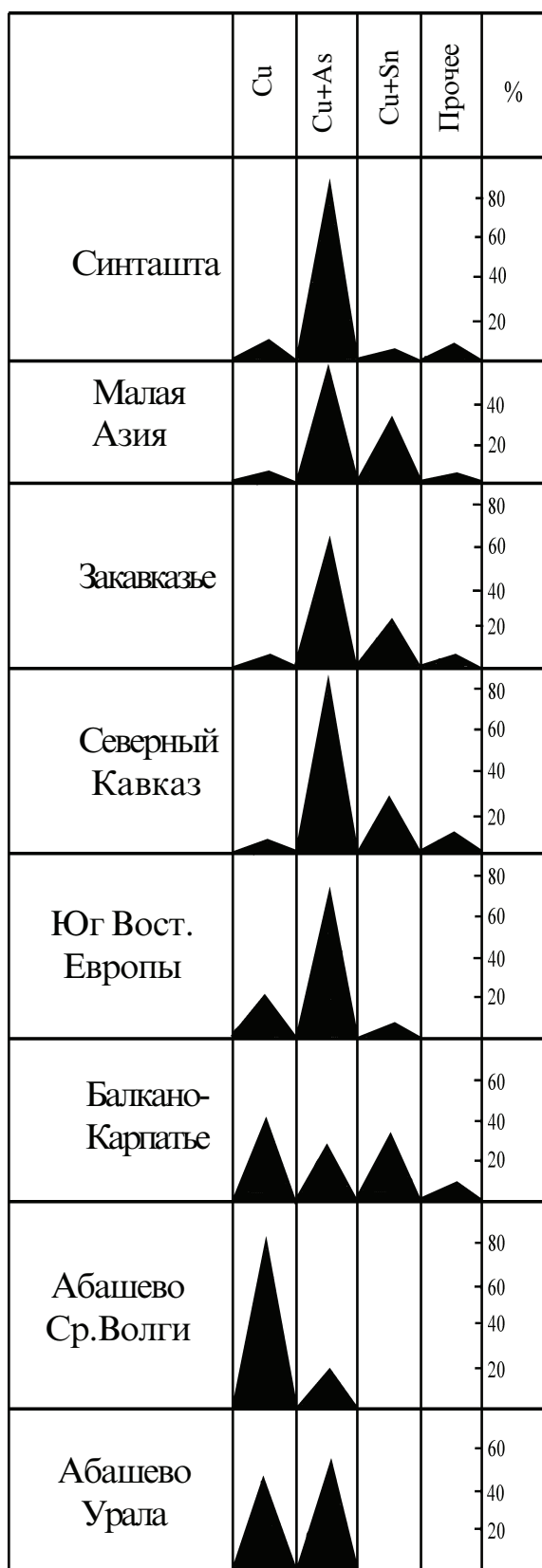

Рис. 30. Сопоставление химических типов сплавов синташтинской культуры с типами различных регионов Циркумпонтийской зоны и абашевских культур.

При картографировании обнаружения шлака на памятниках абашевской общности и синташтинской культуры выяснилось, что он присутствует лишь в двух районах: в Приуралье (в среднем течении реки Белой) и в Южном Зауралье (рис. 31). Соответственно этому выделяются две зоны в абашевской общности: металлопотребляющая (Подонье, Поволжье и большая часть Приуралья) и металлопроизводящая (часть Южного Приуралья и Южное Зауралье). В последней зоне фиксируется два металлургических очага: баланбашский и синташтинский, без функционирования которых существование прочих абашевских культур было бы немислимо. Это обстоятельство ставит вопрос о синхронном возникновении и существовании всех культур абашевской КИО [Григорьев, 1995]. В свете вышеизложенного следует помнить о том, что, несмотря на существование лишь двух металлургических очагов, в рамках каждой культуры функционировал свой очаг металлообработки, что маркируется специфическим набором металлического инвентаря и обнаружением литейных форм.

В Потаповке соотношение мышьяковой меди с прочим металлом напоминает синташтинскую ситуацию. Однако, наряду с этим, здесь присутствуют несколько более поздние химико-металлургические группы (ЕУ, ВУ), включающие в свой состав и оловянистые бронзы, и выделяется более ранний металлокомплекс, сопоставимый по своим морфологическим и химическим характеристикам с ямно-полтавкинским металлургическим очагом. Любопытен факт присутствия в нем двух штыковидных орудий, не свойственных северной зоне ЦМП, но широко распространенных на юге [Агапов, Кузьминых, 1994, с. 167-170; Stronach, 1957, с. 113-117]. О собственно потаповском комплексе можно сделать, с определенными оговорками, вывод о пришлое его характере, чуждом Среднему Поволжью [Агапов, Кузьминых, 1994, с. 170].

Помимо синташтинских, потаповских и абашевских памятников, мышьяковая медь группы ТК присутствует в сейминско-турбинских сериях (рис. 32). Здесь она встречается преимущественно в европейском ареале [Черных, Кузьминых, 1989, с. 187]. В азиатской зоне известны лишь два уже упоминаемых изделия из Ростовкинского могильника, морфологически и химически соотносимые с синташтинским металлом.

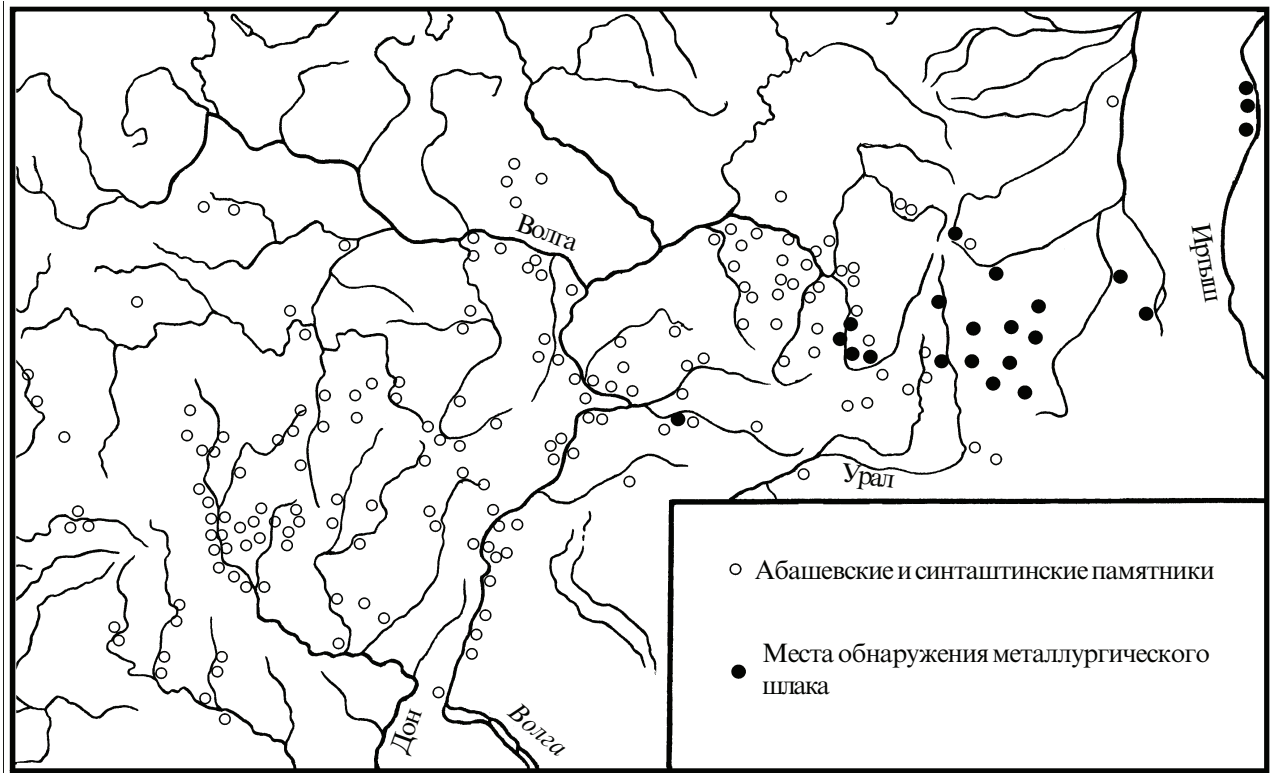

Рис. 31. Пункты обнаружения металлургических шлаков на синташтинских, абашевских и петровских памятниках.

В европейской же зоне они представлены весьма ощутимо и однозначно связываются с деятельностью абашевских металлургов Уральского горно-металлургического центра. При этом из меди ТК отливаются не только специфические абашевские изделия, как в Ростовке, но и собственно сейминско-турбинские. Это позволяет построить следующую модель контакта абашевского мира с сейминско-турбинскими популяциями. По мере продвижения на запад сейминцы столкнулись с синташтинцами в Западной Сибири, где незначительная часть синташтинцев была инкорпорирована в сейминскую среду, однако регулярных отношений с основным абашевским массивом не существовало. На это указывает скудость находок абашевско-синташтинских изделий и отсутствие поставок металла из уральского региона [Черных, Кузьминых, 1989, с. 171-176].

Ситуация меняется после проникновения сейминцев на западные склоны Урала. Абашевские инкорпоранты здесь сохраняются. Вместе с тем налаживается импорт металла из уральских металлургических очагов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 272-275].

Материалы петровской культуры демонстрируют нам ситуацию резко отличную от абашевской. Мышьяковая медь фиксируется здесь в единичных случаях. Зато появляется металл химических групп, распространяющихся позднее, и доминируют оловянистые бронзы [Аганов, Кузьминых, 1994, с. 169; Кузьминых, Черных, 1985, с. 350, 365, 366]. Это позволяет говорить о проникновениях синташтинского населения на восток и северо-восток и об относительно более поздней позиции петровки.

Странную ситуацию дал металлообработывающий комплекс Ташково, в Тюменском Притоболье [Ковалева, 1988, с. 39, 40]. Мышьяковая медь здесь отсутствует, зато анализы (это единичные образцы) капель и всплесков показали присутствие олова. Образцы относятся к группе ВК, что характерно для сейминской металлообработки.

В культуре многоваликовой керамики металл представлен кавказскими мышьяковыми бронзами. Переосмысление кладов Скаун и Колонтаевка, понимавшихся ранее как катакомбные, позволяет сделать такой вывод [Археология УССР, 1985, с. 454; Черных, 1966, с. 129].

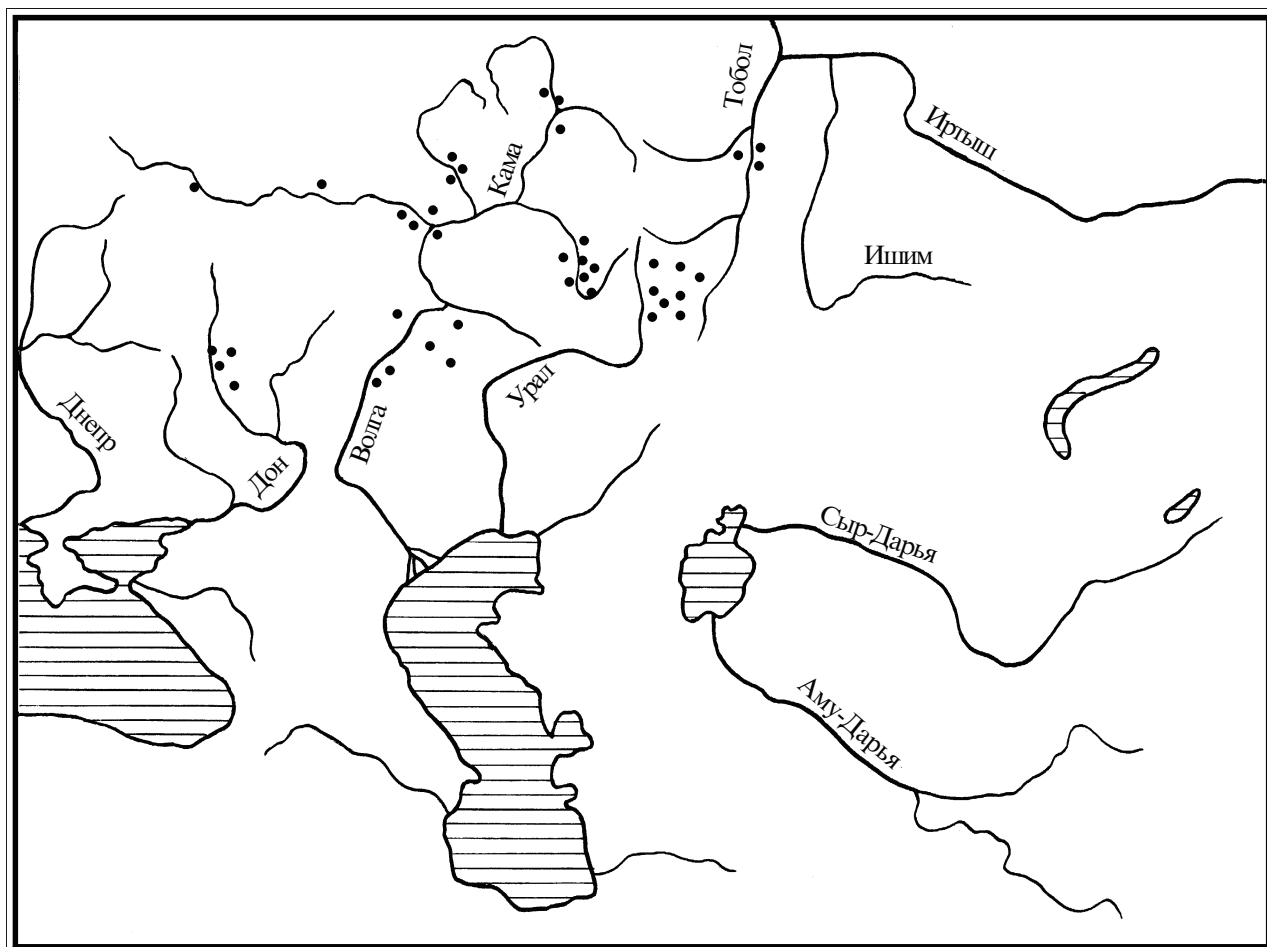

Рис. 32. Распространение металла группы ТК.

Изучение остатков металлургического производства (шлаков и руд) баланбашского и синташтинского металлургических очагов позволяют нам интерпретировать химико-металлургическую группу ТК не как естественномышьяковую медь, а как искусственную, легированную мышьяком бронзу [Григорьев, 1995, с. 123-125]. Анализы показали, что в руде мышьяк отсутствует (рис. 33). В шлаке же он присутствует в количествах, сопоставимых, с учетом металлургических переделов, с металлом группы ТК, что позволяет говорить о том, что она носит не столько химический, сколько металлургический характер. Это дублирует старый вывод Марешаля, подтвержденный им экспериментально, о том, что древние металлурги получали мышьяковые бронзы, плавя руду с добавками мышьякосодержащих минералов [Marechal, 1965]. Дополнительным аргументом является то, что синташтинская металлургия базировалась на рудах в серпентинизированных

ультраосновных породах. На Таш-Казгане же рудовмещающей породой является кварц. Примечательно также то, что ранняя петровка использует тоже руду в серпентинизированных ультраосновных породах. Химический анализ руды и шлака позволяет говорить о нескольких рудных источниках абашевско-синташтинской металлургии. В настоящее время выявлен и обследован лишь один рудник, давший около 10 тонн металла¹ [Зайков и др., 1995, с. 158-161], что, с учетом пластинчатого характера изделий, является цифрой колоссальной, объясняющей столь высокую металлоносность синташтинских памятников.

¹ Мы находим эту цифру для данного рудника слишком завышенной, так как размеры его сравнительно невелики, но используем ее как базовую, поскольку наши исследования руд и шлаков выявили наличие нескольких рудных источников для этого периода. Сами же подсчеты вызывают большие сомнения, поскольку по объему изъятной породы в

Развитая петровка, как в Казахстане, так и на Урале меняет свою рудную базу. Происходит переход на руды в кварце и оловянистые лигатуры.

Таким образом, по признаку рудной базы, мы в состоянии синхронизировать синташту с ранней петровкой и говорить об импорте руды на ранних этапах петровской культуры из Зауралья в Казахстан. Впрочем, не исключено и использование сходных местных рудных источников, что не снимает проблему исходного импульса из Зауралья.

В синташтинском металлургическом очаге мы сталкиваемся с весьма своеобразной, очень архаичной технологией легирования. Мышьяк добавлялся не в металл, а в руду при компоновке шихты. Вероятно, именно поэтому мы не наблюдаем в этих бронзах четкой зависимости между концентрацией мышьяка и типом изделия [Зайкова, 1995, с. 153-155], что обычно присуще более совершенным способам легирования. К тому же следует учитывать возможные переплавки металлического лома, что в еще большей степени размывало картину. Вывод об искусственном характере мышьяковых бронз в Зауралье позволяет нам сформулировать проблему исходного импульса, который привел к формированию абашевской и синташтинской металлургии.

В предшествующую эпоху металлургическое производство в Зауралье практически отсутствует. Редкие аморфные металлические изделия из энеолитических слоев суртандинской и кысыкульской культур, отличающиеся высокой химической чистотой [Матюшин, 1982, с. 292, 293], изготовлены, по всей вероятности, из самородной

прожилково-вкрапленных месторождениях довольно трудно определить объемы руды. Предполагается, что на руднике было добыто 6 тыс. тонн 2-3% медной руды, содержащей 100-150 тонн меди. Далее (со ссылкой на меня!) указывается, что ввиду примитивности древних технологий были значительные потери в процессе плавки, и в результате выводится вышеуказанная цифра [Зайков и др., 1999а, с. 193]. Однако я никогда ничего подобного о синташтинской металлургии не писал. Потери в синташтинском плавильном процессе колебались в пределах 2-3%, а иногда и менее. Мне приходилось писать о высоких потерях металла в некоторых регионах в позднюю бронзу, например до 20-40%, но потери в 90% металла кажутся мне фантастическими. Поэтому реальные объемы добычи меди на данном руднике не вполне ясны.

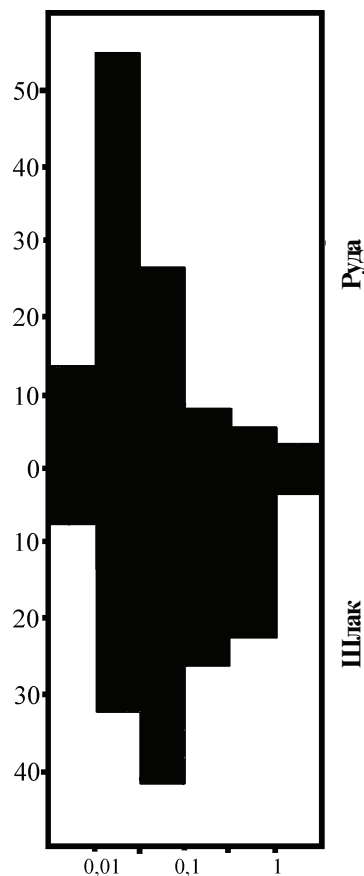

Рис. 33. Соотношение содержания мышьяка в руде и шлаке синташтинской культуры и ее отдельных городищ (Устье, Аркаим, Синташта).

меди. Ташковская металлургия в Западной Сибири, где отмечены следы металлообработки, и вишневская в Северном Казахстане не предшествуют синташтинской, поскольку должны были зависеть от металловыплавляющего центра. Кроме того, обнаружение в Ташково тиглей, изготовленных налепливанием глиняного бортика к обломку керамического сосуда, сближает ташковскую металлообработку с металлообработкой раннебронзового времени в бассейне р. Конда в Западной Сибири, где на поселениях с гребенчато-ямочной керамикой выявлены сходные, по принципу, литейные формы или тигли [Визгалов, 1988, с. 50, 51]. Присутствие же на поселении Ташково II капель оловянистой бронзы ВК ставит ташковскую металлообработку в более позднюю хронологическую позицию относительно синташтинской. Мощный ямно-полтавкинский металлургический очаг, являвшийся

северо-восточным флангом ЦМП, мышьяковых бронз не знал. Мышьяковые бронзы кавказского происхождения присутствуют лишь в ямных памятниках Причерноморья [Черных, 1966, с. 63, 126]. Единичные предметы, изготовленные из мышьяковых бронз, в Предуралье тоже маркируют, по-видимому, кавказские импорты [Орловская, 1994, с. 112]. Волосовская и гаринская металлургия также отличаются отсутствием каких-либо лигатур. К тому же их характеризует крайне скудный типологический набор и примитивность техники металлообработки [Кузьминых, 1977, с. 34].

Единственно возможной зоной исходного импульса для проникновения описываемой технологии на Урал может быть Циркумпонтийская металлургическая провинция, мышьяковые лигатуры в которой доминировали в течение всей Средней бронзы [Черных, 1988, с. 46]. Более сложной представляется задача точной локализации исходного импульса. Определенные выводы можно сделать, отталкиваясь от сопоставления характеристик металла различных зон этой провинции [Černykh et al., 1991, с. 601] (рис. 30). Балкано-карпатский регион, как возможный источник для импульса на Урал, следует исключить, поскольку там в этот период преобладает чистая медь. Чуть уступает ей оловянистая бронза и лишь на третьем месте, хотя и с незначительным отрывом, идут мышьяковые бронзы. В Малой Азии, при резком преобладании мышьяковистых бронз, довольно высок удельный вес бронз оловянистых, что не соответствует параметрам синташтинской металлургии. Правда, необходимо отметить, что в статистическую обработку малоазиатского металла было включено много троянских изделий [Авилова, Черных, 1989, с. 68]. Между тем, в Трое доля оловянистых бронз беспрецедентна – 62% [Трейстер, 1996, с. 206]. Данные по Трое II дают даже более высокий процент оловянистых бронз – 67%, а по Троаде – 75% [Yakar, 1985, р. 27, 28]. Учет этого обстоятельства позволяет предполагать, что за пределами Троады оловянистые бронзы находили гораздо меньшее применение. Правда, в период, непосредственно предшествовавший синташте, оловянистые бронзы распространяются более широко. Однако можно говорить о существовании тенденции более широкого распространения олова на западе и меньшего на востоке Анатолии, где более традиционны лигатуры с мышьяком.

Близкая ситуация наблюдается и в Месопотамии, хотя доля чистой меди там несколько выше. По всей вероятности, этот регион тоже являлся частью ЦМП, хотя и довольно специфичной [Авилова, 1996, с. 78, 80, 81].

Состав металла юга Восточной Европы (катакомбная культура) наиболее близок синташтинско-абашевскому. Здесь резко преобладают мышьяковые бронзы при наличии определенного количества изделий из чистой меди. Однако металлургическое производство в этом регионе отсутствовало. Производилась лишь переплавка импортного кавказского металла, на что указывают химический состав металла и погребения литейщиков. То же самое можно сказать и о производстве северокавказской культуры, базировавшейся на металле, привозимом с территории Армянского нагорья [Черных, 1966, с. 45-47, 87; Кубышев, 1991]. А с учетом синташтинско-абашевской традиции легирования в руду, а не в металл мы вынуждены искать очаги металлургии, а не металлообработки. Единственным свидетельством возможного металлургического производства в Северном Причерноморье является обнаружение многочисленных ступок для растирания руды в позднем слое Михайловского поселения [Археология УССР, 1985, с. 343]. При этом металл этого слоя легирован мышьяком и находит типологические параллели на Кавказе [Археология УССР, 1985, с. 351; Черных, 1966, с. 124-126]. Поскольку вся совокупность ямного металла была обработана вместе и в западном ареале ямной КИО зафиксированы мышьяковые кавказские бронзы, мы можем допустить, что все подобные бронзы датируются здесь этим временем. Вероятно, необходимо новое переосмысление металла этого времени с более конкретными хронологическими и пространственными привязками. Несмотря на вышеизложенные факты, мы должны учитывать значительный хронологический разрыв позднемихайловских комплексов и абашевско-синташтинских и возобновить свои поиски в других регионах. По-видимому, нам следует остановиться на Кавказском регионе, где мышьяковые бронзы составляют подавляющую долю металла. Значительный процент оловянистых бронз в закавказской серии связан со значительным их числом в Триалетских курганах, относимых к поздней фазе этого периода [Тенейшвили, 1993, с. 6, 7; Геворкян, 1972]. Поэтому предпочтительнее, на

сегодняшний день, выглядит все же Закавказье, поскольку на отрогах самого Большого Кавказского хребта добыча руды среднебронзовой эпохи пока не выявлена. Лишь с началом ПБВ и оформлением Кавказской металлургической провинции производство подобного типа здесь вспыхивает повсеместно и в грандиозных объемах [Бжания, 1988; Чартолани, 1988; Абрамшвили, 1988; Исмаилов, Бахшалиев, 1988; Гобеджиашвили и др., 1988].

Возможен в качестве исходного и какой-либо район Анатолии или примыкающий к Анатолии (за исключением Трояды). В принципе, мы имеем право допускать мысль и о том, что импульс исходил из региона, где оловянистые бронзы были хорошо представлены. Однако в условиях дефицита оловянистой лигатуры на Урале, они не получили своего развития. В этом случае химическая структура анатолийского металлокомплекса может быть вполне сопоставима с абашевско-синташтинской.

На переднеазиатские параллели может указывать еще две находки. Это изделие из никелевой бронзы, обнаруженное на Аркаиме (1,1% Ni), и свинцовая проволока, найденная на поселении Куйсак [Зайков и др., 1999а, с. 194, 195]. Предполагается, что наиболее ранними свинцовыми изделиями на Ближнем Востоке являются бусы из Чатал Уйюка и браслет из Ярым Тепе I [Müller-Karpe, 1990, s. 107]. Есть, впрочем, информация о том, что свинцовые изделия с Чатал Уйюка сделаны из галенита [Muhly, 1987]. Поэтому не исключено, что браслет из Ярым Тепе тоже выполнен из этого материала. Уверенности в этом нет, поскольку определение проводилось с помощью спектрального анализа. Однако, начиная с энеолита и РБВ можно говорить вполне уверенно о металлургии свинца на Ближнем Востоке. При этом свинец часто используется как лигатура к меди. Знаменитая фигурка льва из Урука периода Джемдет Наср содержит 9% свинца. Подобный сплав часто употреблялся в IV-III тыс. до н.э. [Müller-Karpe, 1990, S. 109]. Повышенное содержание свинца присутствует в медных изделиях из Кушурь В и Трой II в Анатолии [Yener et al., 1994, p. 378]. В отдельных случаях легированность свинцом была очень высока. В комплексе РБВ2 анатолийского могильника Хассек Хейюк одна цилиндрическая печать содержала

27,5% свинца [Schmitt-Strecker et al., 1991]. В месопотамских источниках свинец часто упоминается в качестве лигатур [Riederer, 1991, S. 88]. Вместе с тем, на Ближнем Востоке достаточно рано известны и свинцовые изделия. Три свинцовых изделия найдено в уже упомянутом выше могильнике Хассек Хейюк [Schmitt-Strecker et al., 1991].

Следует отметить, что синташтинский свинец наверняка не был привозным, поскольку наши исследования двух образцов шлака (с Синташты и Аркаима) выявили плавку свинцовой руды.

Изделия с повышенным содержанием никеля часто встречаются на Ближнем Востоке. Наиболее известна в этом плане коллекция медных изделий из слоя Амук F содержащих от 0,39 до 2,73%, а в исключительных случаях до 10% никеля. Повышенное содержание никеля зафиксировали исследования металла таких анатолийских памятников, как Хассек Хейюк и Тепечик. А на Икизтепе в одном украшении присутствовало даже 22,7%. Помимо Анатолии, подобные изделия присутствуют в знаменитых израильских кладях Кфар Монаш и Нахал Мишмар, в Сузе, Хабубе, Египте, Луристане и Мохенджо Даро [Tylecote, 1981, p. 45, 50; Yener et al., 1994, p. 378; Schmitt-Strecker et al., 1991; Riederer, 1991, S. 89]. Столь широкая распространенность металла, обогащенного этим элементом, заставляло искать источники подобной меди, поскольку в Турции и на Кипре подобных месторождений нет. Считалось, что повышенные концентрации никеля являются надежным признаком происхождения меди из Омана [Tylecote, 1981, p. 45]. Однако последние исследования показали, что в Омани подобные руды тоже отсутствуют [Müller-Karpe, 1990, S. 107, 108]. Наиболее вероятно, что речь должна идти не о медных рудах, содержащих никель, а о лигатурах. Статистическая обработка результатов химических анализов медных изделий показывает, что границей, выше которой следует говорить об искусственных добавках, является содержание около 0,3% никеля. При этом, в 15% изделий Ура содержание никеля превышает 2%. Никель всегда сопровождается в меди повышенными концентрациями мышьяка. Поэтому вполне возможно использование в качестве лигатур минералов, содержащих мышьяк и никель [Авилова и др., 1999, с. 55, 56]. Исследование металла

поселения Хассек Хэйюк в Восточной Анатолии, где мышьяковые бронзы составляли 80% металла, показало положительную корреляцию между содержанием никеля и мышьяка. Однако на медных месторождениях минералы, содержащие эти элементы, часто встречаются вместе [Schmitt-Strecker et al., 1992, p. 110, 111]. Поэтому источник этой меди не ясен. Но южное ее происхождение безусловно, либо происхождение подобного способа легирования. Последнее более предпочтительно, так как, если в Анатолии действительно отсутствуют медные месторождения с таким составом примесей, то надо ориентироваться на поиски мышьяковых месторождений, содержащих никель, поскольку наиболее вероятно восточноанатолийское происхождение этого сырья. На эту мысль наталкивает культурная ситуация, сложившаяся в Северной Сирии. С проникновением сюда близких Майкопу восточноанатолийских компонентов (Амук F) здесь распространяется подобный металл. Напомним, что он был присущ и собственно Майкопу. Однако со следующей фазы (G), когда происходит явная смена населения, подобный металл исчезает [Yakar, 1984, p. 69]. Таким образом, при его большой распространенности на юге, для нашего случая примеси никеля в большей степени указывают на восточноанатолийские связи.

Таким образом, исследователи считают, что мышьяковые бронзы с повышенным содержанием никеля имеют рудное происхождение, хотя источник этой руды не известен.

Картография этих находок показала, что они приурочены, в большей степени, к горным массивам Юго-Восточной Анатолии, Оману, Леванту и Месопотамии. Присутствие этого металла в двух последних регионах объясняется проходившими здесь торговыми путями, а в двух первых распространённостью руды в ультраосновных породах, где могут встречаться и медные месторождения, содержащие высокие примеси мышьяка и никеля. Изредка подобный состав руды анализировался с древних поселений Анатолии [Alcin, 2000, p. 23; Hauptmann, Palmieri, 2000, p. 76, 79, 80]. Однако наши исследования синташтинских шлаков, проведенные с помощью сканирующего электронного микроскопа показали, что в большинстве случаев повышенное содержание мышьяка сопровождается присутствием никеля. При этом в породе или руде эти

элементы отсутствуют. Это безусловно указывает на легирование медной руды минералом, содержащим мышьяк и никель. Иногда в качестве лигатуры могла использоваться и медная руда с подобными примесями. Приуроченность же большинства подобных находок на Ближнем Востоке к зонам распространения ультраосновных пород (что идентично и синташтинской ситуации), указывает, скорее, на сочетание в обоих регионах двух технологических принципов, плавки руд из ультраосновных пород и их легированность минералами, содержащими мышьяк и никель.

Несомненный интерес представляет обнаружение двух кусочков шлака с высоким содержанием олова на поселении Узерлик-Тепе в Закавказье [Кушнарёва, 1965, с. 79]. При изучении значительных коллекций шлака ПБВ Евразийской металлургической провинции с подобным явлением мы не сталкивались, поскольку легирование оловом производилось непосредственно в металл. Олово же получали путем плавки касситерита на оловянных рудниках. Следы подобных плавок зафиксированы в долине реки Каргы в Туве [Попов, 1999, с. 344, 345]. Рассматриваемый же случай является явным архаизмом, свидетельствующим о существовании в Закавказье в предшествующее время традиции легирования мышьяком на стадии плавки руды, что идентично синташтинской технологии.

3.4. Технология металлургического производства

Характеристики самого процесса металлургического производства для синташтинской и абашевской металлургии идентичны. Металлургическое производство было приурочено к поселениям. Для поселений Анатолии и Леванта вплоть до ПБВ была характерна плавка руды на поселениях, что идентично синташтинской ситуации [Müller-Karpe A., 1994; Hauptmann, Palmieri, 2000, p. 76]. Плавка производилась в наземных купольных печах округлой формы диаметром 0,7-1 м (рис. 34,2). Аналог этим печам известен на куро-аракском поселении Баба-

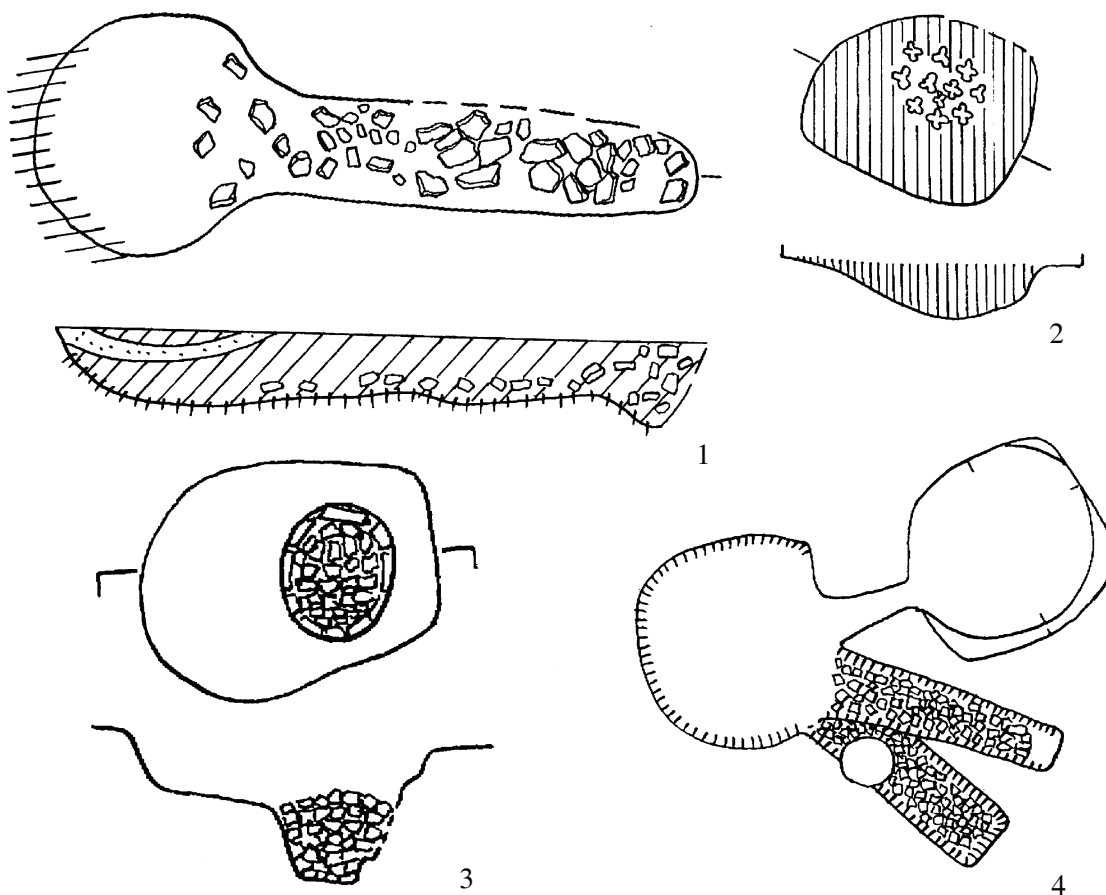

Рис. 34. Печи синташтинских городищ. 1, 3, 4 – Аркаим; 2 – Синташта.

дервиш [Махмудов и др., 1968, с. 17, 18]. Простые купольные металлургические печи исследованы в слое РБВ поселения Норшунтепе в Восточной Анатолии. Печи времени позднего Урука поселения Тюллинтепе тоже купольные. При этом печь II тыс. до н.э., исследованная на поселении Тепечик, имела размеры 1,5x0,8 м, что близко наиболее крупным печам синташтинского времени [Müller-Karpe A., 1994, S. 23, 25, 90, 91].

На синташтинских городищах печи этого типа часто пристраивали к перекрытым куполами колодцам, соединенным с печами незначительными каналами (рис. 34,4). За счет перепада температур в колодце и печи, создавалась естественная тяга. Дополнительный поддув воздуха осуществлялся с помощью воздуходувных мехов. Сопло, при этом, монтировалось в основании печи, напротив колодца. Дальнейшее развитие этого типа печей связано с созданием горизонтальных

дымоходов, что вызвано началом эксплуатации вторичных сульфидов, использование которых требовало удаления газов за пределы помещения (рис. 34,1,4). Данные печи были полифункциональны и использовались как для металлургии, так и для прочих хозяйственных нужд. Не исключено, впрочем, что разработка этого типа печей осуществлялась не синташтинскими металлургами (см. ниже). Между тем, на синташтинских памятниках, по-видимому, на последнем этапе, возникают типы специализированных металлургических печей (рис. 34,3), более широко представленных уже в петровской культуре [Григорьев, 1994, с. 18].

Печи, обнаруженные на анатолийском энеолитическом поселении Дежирментепе (V-IV тыс. до н.э.), обычно имели диаметр около 60 см, хотя иногда их длина могла достигать 1 м (рис. 36).

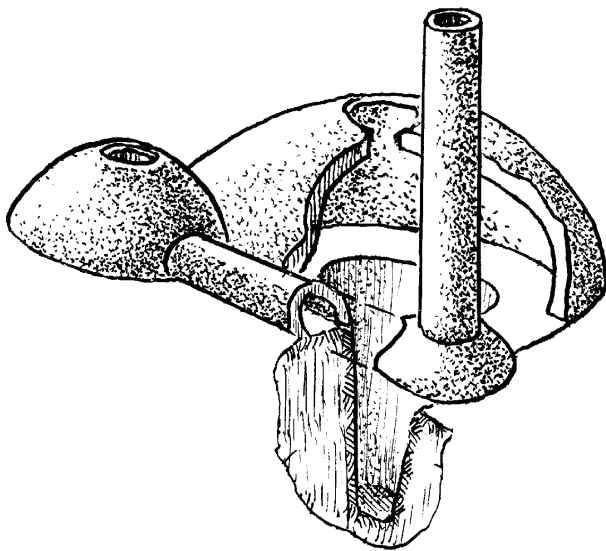

Рис. 35. Реконструкция печи.

Очень любопытным фактом является наличие канала. Его длина могла достигать 1,2 м, ширина около стенки печи 25 см, на конце 10 см, глубина 12 см. Предполагается, что это печи металлургические. Не вполне выяснена лишь функция этих каналов. Высказывались предположения, что они могли служить для выпуска металла, или для нагнетания в печь воздуха [Müller-Karpe A., 1994, S. 17-19, Abb. 5, 6]. Однако исследования анатолийских шлаков этого времени выявили микроструктуры, свидетельствующие о том, что шлак остывал непосредственно в печи [Lutz et al., 1991, S. 64, 65]. По этому параметру ранние анатолийские шлаки близки синташтинским. Кроме того, остывание выпущенного шлака происходит достаточно быстро. Поэтому шлак немедленно застывал бы в самом начале этого канала, образуя пробку. Версия нагнетания воздуха в печь тоже мало вероятна, поскольку при большем диаметре на выходе и такой длине было бы проблематично создать давления для проникновения воздуха в центр печи. Поэтому более вероятно, что эти каналы исполняли функцию горизонтальных дымоходов. В дополнение к сказанному, на это указывает то, что концы этих каналов подходят к стене жилища. Вероятно, как и на Аркаиме, горячие газы, проходя по горизонтальному дымоходу, обогревали жилище.

Впрочем, на основе анализов шлаков поселения Дежирментепе был сделан вывод о том, что эти шлаки, наиболее вероятно, являются керамическими и описанные печи с метал-

лургическим производством не связаны [Yalcin, 2000, p. 22]. Эти сомнения не имеют для рассматриваемой здесь проблемы принципиального значения, поскольку синташтинские печи тоже не были специализированными металлургическими печами.

Среди находок, связанных с металлургическим производством синташтинской культуры довольно часто встречаются цилиндрические, часто конусовидные керамические сопла (рис. 26,3,4). Аналоги им известны на анатолийских поселениях (рис. 27,6,7) [Müller-Karpe A., 1994, Taf. 3].

В качестве руды на синташтинских поселениях использовался малахит, а впоследствии и вторичные сульфиды в серпентинизированных породах. Руда, в объеме 0,5-1 кг, дробилась на небольшие кусочки, насыпалась в берестяной сосуд [Григорьев, Русанов, 1995, с. 153] в синташтинском металлургическом очаге или в плавильную чашу в баланбашском [Горбунов, 1986, с. 85] и помещалась в печь вместе с древесным углем. Плавка велась в восстановительной атмосфере, после чего печи давали медленно остыть. Полученный слиток весил 50-130 г, что было более чем достаточно при пластинчатой технике изготовления орудий. Легко, в связи с этим, подсчитать, что только на базе рудника Воровская яма было произведено около 100 тысяч плавок! Это, безусловно, способствовало масштабному уничтожению леса в районах функционирования металлургических производств.

Металлообработка синташты и абашева основана на литье в одностворчатые литейные формы с последующей доработкой ковкой. В отличие от этого, топоры лились в двустворчатые формы, заливка металла производилась в “спинку” орудия, что, как уже указывалось, сопоставимо с кавказскими и восточноевропейскими традициями производства эпохи средней бронзы [Корневский, 1983, с. 99, 100]. Металлографические исследования синташтинских копий не проводились, однако изучение подобного копья, происходящего из более позднего относительно синташты Кондрашкинского кургана, выявило очень сложную схему изготовления подобных изделий [Дежирева и др., 1998, с. 86, 88]. Их производили из предварительно отлитой пластины подтреугольной формы, с последующим свертыванием втулки, сваркой двух краев пластины,

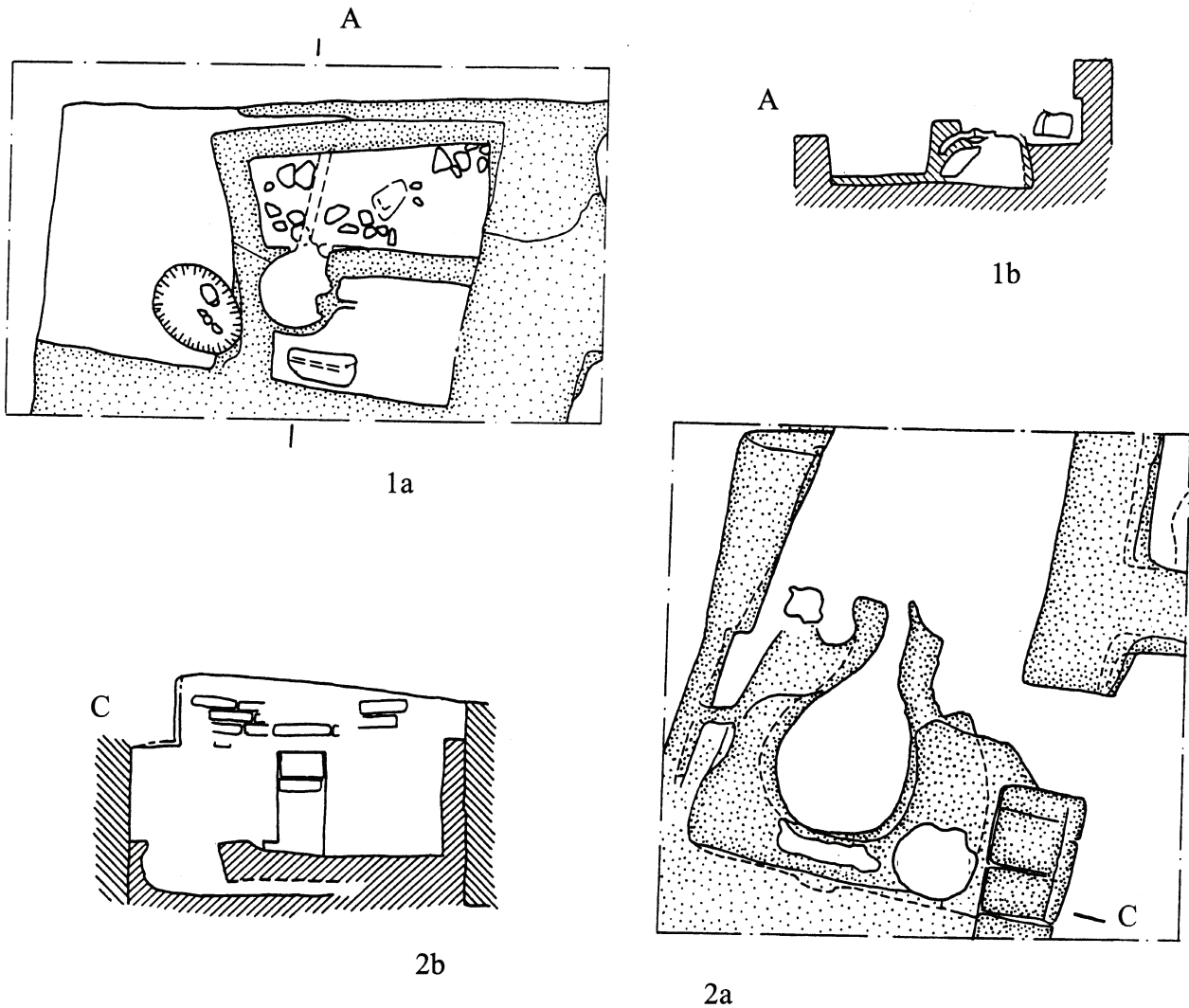

Рис. 36. Металлургические печи анатолийского поселения Дежирментене: 1 – печи 1, 2 (а – план, б – разрез); 2 – печь 4 (а – план, б – разрез).

плющением лезвийной части на наковальне с желобком для получения ребра жесткости при постоянных промежуточных отжигах, производившихся при разной температуре, в зависимости от той или иной кузнечной операции.

На анатолийских поселениях применялись близкие литейные технологии. Как правило, простые изделия (бруски, ножи, тесла, простые копья) отливались в одностворчатые литейные формы. Топоры и некоторые украшения отливались в закрытые двустворчатые формы [Miller-Karpe A., 1994, S. 140, 143-146].

Таким образом, синташтинско-абашевские технологии, как металлургии, так и металлообработки находят свои параллели в традициях СБВ. В петровской культуре уже проявляются

принципиально иные черты, позволяющие относить как ее, так и сейминско-турбинские памятники, к ПБВ.

Не исключено и то, что традиция использования руды в ультраосновных породах тоже указывает на южное происхождение синташтинской группы. Эксплуатация подобных руд встречается сравнительно редко. В Северной Евразии она известна, за редким исключением, только на синташтинских памятниках. Однако для Восточной Анатолии это было достаточно типичным явлением, поскольку такие руды для этого региона очень характерны [Seeliger et al., 1985, p. 629-631; Tylecote, 1981, p. 41; Palmieri et al., 1993, p. 586].

3.5. Керамика

Синташтинская керамика достаточно четко выделяется на фоне иных керамических типов эпохи бронзы. При всей своей внешней вариативности, она, тем не менее, подчинена определенному канону, который является единым и устойчивым для всех территорий. Отдельные памятники, как в Зауралье, так и в Поволжье отличаются лишь соотношением этой вариативности или составом отдельных чужеродных компонентов. При этом наиболее значимой и устойчивой является форма посуды, поскольку она непосредственно связана с технологией ее изготовления [Григорьев, Русанов, 1990, с. 140-143]. Орнаментальные композиции, как и состав формовочных масс, могут давать большой разброс. Последнее вызвано в большей мере территориальной привязкой памятника. В некоторых регионах, например, в Поволжье, этот разброс незначителен [Мочалов, 1996]. Керамические комплексы здесь включают в качестве примеси традиционный для Зауралья тальк. Но чаще используют примесь, распространенную на Волге – толченую раковину [Салугина, 1994].

Анализ синташтинского керамического комплекса, безусловно, задача для специального исследования. Однако уже на этом этапе можно выделить основные его составляющие.

1. Одной из наиболее распространенных форм синташтинской посуды являются сосуды горшечно-баночного типа с относительно широким дном, плавной профилировкой и ярко выраженным плечом. Эта форма допускает различные вариации, отражающиеся в высоте расположения плечика, величине соотношения диаметра плечика к высоте сосуда (то есть степени “раздутости” в этой части), степени отогнутости венчика и наличии у венчика внутреннего ребра. Отдельная посуда производит впечатление острореберной за счет наклепывания валика на плавный профиль в месте его наибольшего расширения. Это деталь не только орнаментальная, но и технологическая. Под валиком иногда фиксируется желобок – результат продавливания формовочной массы для скрепления лент при формовке сосуда. Это позволяет предположить исходный технологический характер самих желобков (рис. 37,6-8,14,17). Надо отметить, что данный технологический прием зафиксирован в зауральской неолитической боборыкинской культуры,

отделенной от синташтинской культуры огромным временным промежутком [Кернер, 1999, с. 25].

Подобная посуда является классической для синташтинских памятников, и мы считаем ее основой – прототипом для некоторых иных форм.

2. Другим типом, вероятно более поздним, является посуда с плавной профилировкой, более вытянутых пропорций. Она близка к закрытым банкам, но имеет очень короткую шейку и слабо отогнутый венчик, иногда с внутренним ребром (рис. 37,11).

3. Довольно распространенной формой являются горшки с приподнятым ребром или выраженным уступом (рис. 37,4).

4. Относительно поздней формой посуды являются острореберные горшки с трехчастным профилем. В принципе, подобная форма посуды может формироваться на ранних этапах, но особенно широко распространяется позже (рис. 37,2,9).

5. Особый тип посуды – плавно профилированные горшки с зауженным дном и поддоном. Некоторые экземпляры могут иметь незначительное ребро-уступ при переходе от плечика к шейке. Горловина может быть широкой или зауженной. Они очень специфичны и имеют орнамент, редко встречающийся на другой посуде – тройной вертикальный зигзаг или свастики по тулову (рис. 37,15,16,18,19-21). Неорнаментированная полоса по шейке впоследствии становится каноном для западной алакульской посуды [Рудковский, 1989, с. 47-53].

Подобные сосуды встречены пока только на могильнике Синташта. Однако их разновидности с более богатыми орнаментами, включающими косые заштрихованные треугольники, что, учитывая форму, сближает их с более поздней федоровской керамикой, распространены более широко. Помимо могильника Синташта они встречены в Большекараганском могильнике (Аркаим) и во Власовском могильнике. Тем не менее, это посуда единична и идет лишь в социально значимых или жертвенных комплексах. Примечательно, что именно такая посуда присутствует в Большом Синташтинском кургане. Впрочем, незначительное количество этой керамики требует осторожно относиться к данному выводу, тем более, что есть факты, которые этому противоречат. В могильнике у Никифоровского лесничества в Приуралье сосуд этого типа стоял в детском погребении [Васильев, Пряхин, 1979,

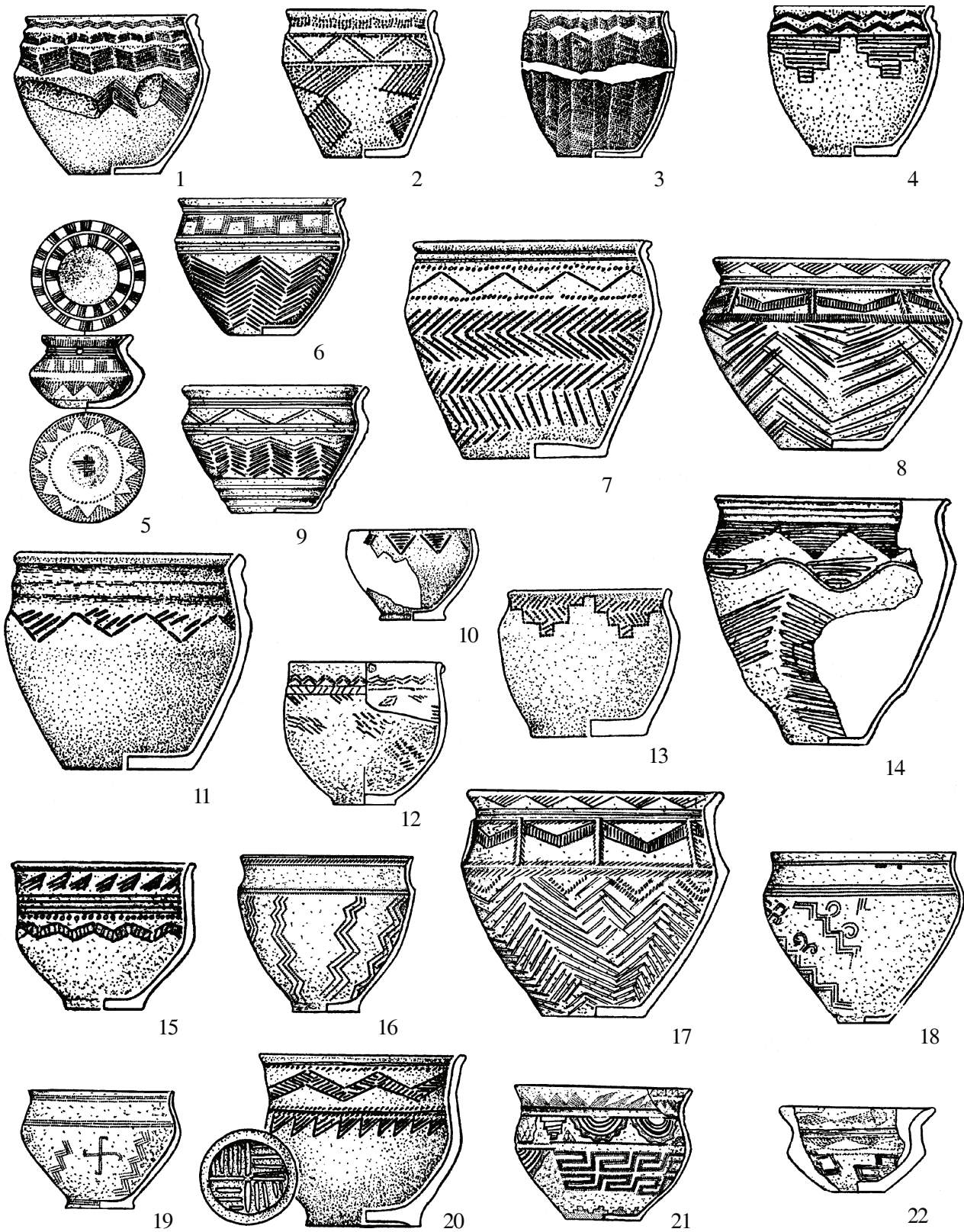

Рис. 37. Керамика синтаитинской культуры. 1–4, 7, 10, 11, 13, 15, 20 – Большекараганский могильник; 5, 6, 8, 9, 16–19, 21, 22 – могильник Синтаита; 12 – могильник Каменный Амбар V; 14 – поселение Аркаим.

с. 150]. Западные фрагменты посуды этого типа известны среди ранних материалов Раздорского поселения на Нижнем Дону [Рогудеев, 1997, рис. 1,2].

6. Приземистые небольшие острореберные сосудики с резко отогнутым венчиком и внутренним ребром. Тулово короткое и сужается по дуге к узкому, иногда чуть скругленному дну (рис. 37,5,22). Посуда эта, как правило, украшена очень богато и в синташтинских комплексах встречается не слишком часто, но является весьма типичной для абашева Средней Волги, Дона и Приуралья [Пряхин, Беседин, 1998а].

7. Очень характерным типом, в особенности для ранних и классических комплексов являются крупные банки с зауженным дном, широкой, слегка закрытой горловиной, уплощенным венчиком и плавной профилировкой (рис. 38,1-7,9).

8. Для позднего периода более характерны раннесрубные банки с ребром или сглаженным плечом в верхней половине сосуда.

9. Встречаются также мелкие банки различных форм, но это не очень типичная керамика (рис. 37,10,12).

В заключение описания керамических форм мы хотели бы подчеркнуть, что в единичных случаях встречаются и иные типы, в которых порой чувствуется технологическая непроработанность, что позволяет утверждать, что разрабатывались они здесь на месте и не были результатом заимствования.

Все формы довольно вариабельны. В частности, некоторые типы банок, повторяя до мелочей и форму, и орнамент типа, могут быть дополнены небольшим венчиком, что с формальных позиций не позволяет относить их к этому классу посуды. Эти обстоятельства могут осложнить анализ синташтинской посуды и потребовать разработки специальных методов его проведения.

Некоторые из этих форм являются типично синташтинскими, но в некоторых угадываются черты КМК и катакомбников (в первую очередь Среднего Дона). Однако черты эти в значительной степени размыты, и эта керамика довольно органично входит в синташтинский керамический комплекс.

Помимо той посуды, которую мы можем обозначить, как синташтинскую, присутствуют группы керамики явно чужеродные. Часто, особенно в комплексах классического периода, встречается полтавкинская посуда (рис. 37,1,3). Она

может присутствовать в достаточно “чистом” и в сильно трансформированном виде. Показательна в этом плане ситуация в кургане 24 Большекараганского могильника, где в южной части насыпи полтавкинские керамические комплексы очень типичны, а к северу они начинают обогащаться синташтинскими чертами. При этом они окружают центральные могильные ямы с классической синташтинской керамикой. Это еще раз позволяет подчеркнуть наше мнение о том, что полтавкинская посуда не являлась генетической предшественницей синташтинских форм. Сильные различия установлены и между полтавкинской и потаповской керамикой – поволжским аналогом синташты [Мочалов, 1996а]. На раннем и классическом этапах присутствует также катакомбная посуда и посуда, сопоставимая с керамикой КМК. Однако со временем эти различия сглаживаются, по мере формирования производных от синташтинского петровского и раннесрубного керамических комплексов.

Орнаментация посуды достаточно стандартна. Орнамент наносился резными линиями и гребенчатым штампом. Реже (в полтавкиноидных сериях) встречаются оттиски шнура. Характерны каннелюры. Иногда они нанесены с внутренней стороны венчика.

Наиболее распространенным видом орнамента является горизонтальная елка, разделенная иногда вертикальными линиями и нанесенная всегда на тулово сосуда. Весьма характерны зигзаги, изредка выполненные в виде зигзагообразной ленты, и равнобедренные треугольники. Таким образом, равносторонний зигзаг являлся основой орнаментальных композиций, являясь их первичным модулем [Рудковский, 1987, с. 49-52]. Иные типы модулей встречаются редко, а косые треугольники (с углом более 90°) присутствуют исключительно на посуде протофедоровского типа. Треугольники выполнялись на основе этих же модулей за счет штриховки их сверху или снизу, по принципу позитив-негативных преобразований [Рудковский, 1987, с. 55].

В качестве разделительных полос используются прямые линии или желобки. Встречаются волнистые линии и полуокружности, меандры, пирамиды и ромбы. Используются также короткие наклонные или прямые оттиски, нанесенные по бордюру, и часто образующие равномерно чередующиеся группы. Присутствуют небольшие треугольные или полукруглые вдавления.

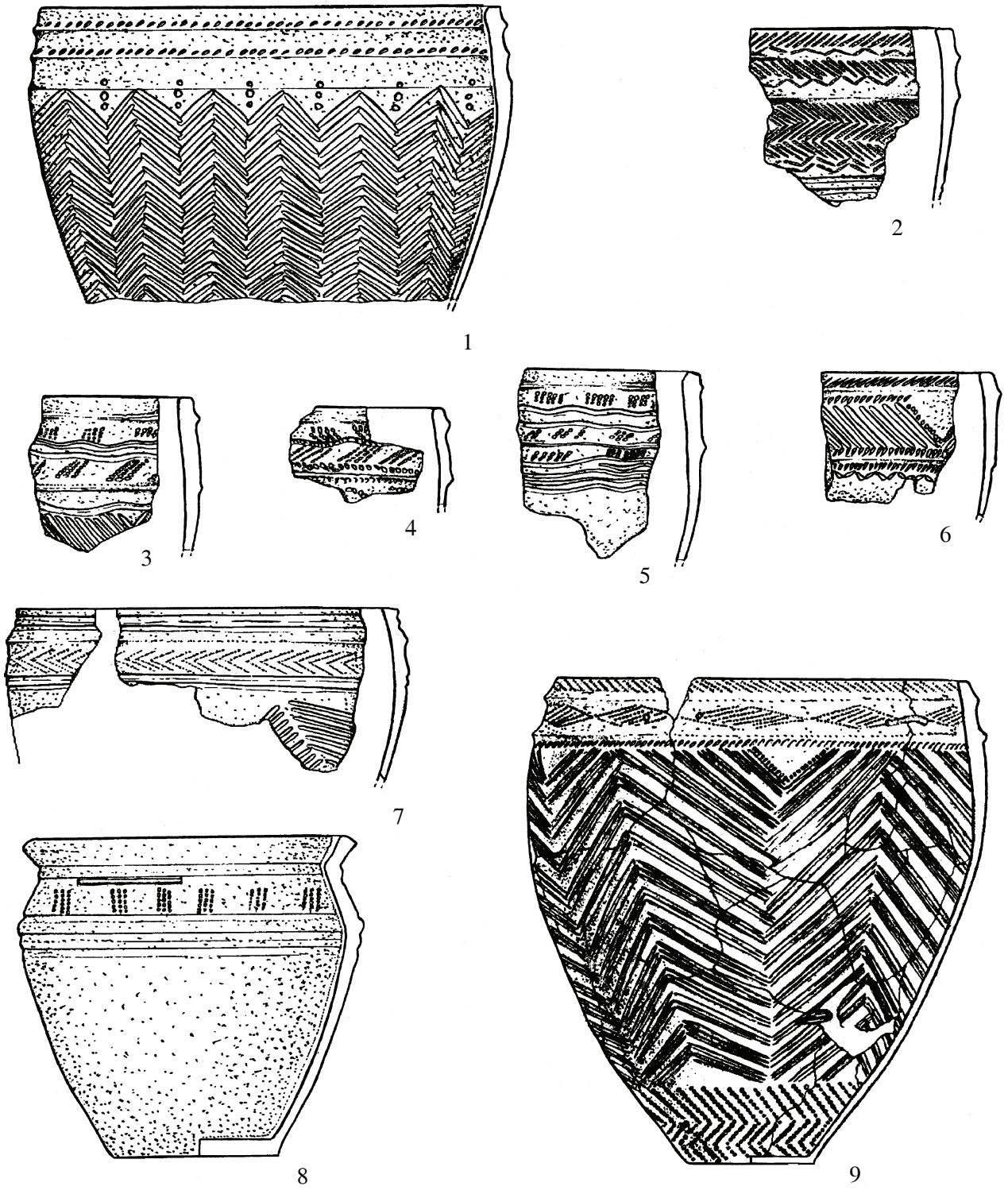

Рис 38. Керамика поселения и могильника Синташта.

На дне сосудов изредка фиксируется узор в виде решеток, свастики, реже концентрических кругов. Доминирующим является трехчастное зонирование орнамента, хотя присутствуют и иные варианты.

Этот достаточно стандартный набор и довольно устойчивая канонизация создают впечатление целостности керамического комплекса. Тем не менее, технологические исследования показывают иное. В керамике синташтинских комплексов, как зауральских, так и поволжских, фиксируются разнообразные типы компоновки формовочных масс, конструирования зачина и полого тела, заглаживания, что свидетельствует о разнокультурных керамических традициях населения, составившего синташтинский керамический комплекс [Салугина, 1994, с. 175-179; Гутков, 1995, с. 137-146; 1995а, с. 132-134]. При этом крайне важным для нас фактом являются тенденции технологических изменений, отмеченные в разных регионах. Очень показательным в этом отношении изменение состава формовочных масс.

В Поволжье для так называемой потаповской (или синташтинской) посуды свойственен очень сложный рецепт формовочных масс, формирующийся на основе смешения рецептур глина + тальк + органика, что является достаточно типичным для синташты, с рецептурами глина + дробленая раковина + шамот + органика, что присуще полтавкнской керамике. Синташтинская рецептура использования в качестве примесей талька свойственна Зауралью, но не имеет корней в Поволжье, поскольку тальк здесь отсутствует. На этом основании строится вывод об участии в формировании потаповских памятников местного населения и пришлого восточного. В дальнейшем в посуде с раннесрубными чертами преобладают все же местные традиции формовочных масс [Салугина, 1994, с. 177, 178].

В Зауралье первоначально доминирует рецептура глина + тальк, при значительной доле рецептур глина + тальк + шамот и глина + шамот [Гутков, 1995а, с. 132]. Это свидетельствует о том, что изначально население Зауралья было неоднородным. В дальнейшем доля рецептуры глина + тальк снижается, а двух других возрастает, что говорит о смешении разных групп населения. В петровской керамике наблюдается большее смешение различных традиций, в том числе и по

компоновке формовочных масс – признак ее более позднего характера, что позволяет рассматривать петровскую керамику как производную от синташтинской [Гутков, 1995а, с. 133, 134].

Из приведенного описания мы можем сделать вывод о том, что формирование потаповских памятников Поволжья происходило при участии синташтинского населения Зауралья, причем на достаточно раннем этапе синташты, когда еще доминирующей традицией была рецептура глина + тальк. Петровская же керамическая традиция формируется за счет контакта в классический период традиций собственно синташтинских и иного, несинташтинского компонента. Можно, конечно, объяснить эти факты тем, что синташта формируется в Зауралье за счет взаимодействия полтавкнского и абашевского населения. Затем часть представителей нового образования откатывается назад, оставляя памятники типа VI Утевского могильника [Кузнецов, 1996в, с. 43]. Но синташтинские формовочные массы вообще не выводимы из поволжских керамических традиций. Имел место, скорее, обратный процесс – формирование потаповского гончарства под воздействием синташтинского. Ситуация с формовочными массами дублируется, кстати, результатами тщательного статистического сопоставления форм и орнаментов синташтинской и потаповской посуды, осуществленного О.Д. Мочаловым [Мочалов, 1999]. Этот анализ показал столь высокий коэффициент сходства между потаповской и синташтинской керамикой, что можно рассматривать эти типы как однокультурные. Более того. Отдельные синташтинские и потаповские памятники могут иметь большее сходство в керамике, чем отдельные памятники внутри этих двух групп.

Одной из важных особенностей синташтинской, а впоследствии и петровской посуды является формовка полого тела на жесткой формоснове (рис. 39). Это было замечено достаточно давно, а впоследствии удалось показать, что в качестве основы использовались керамические сосуды. В потаповской керамике этот способ формовки тоже зафиксирован и рассматривается в качестве пришлого восточного компонента, поскольку не имеет корней на этой территории [Кривцова-Гракова, 1947а, с. 143; Виноградов, Мухина, 1985, с. 80-84; Салугина, 1994, с. 178; Гутков, 1995а, с. 133]. Однако в предшест-

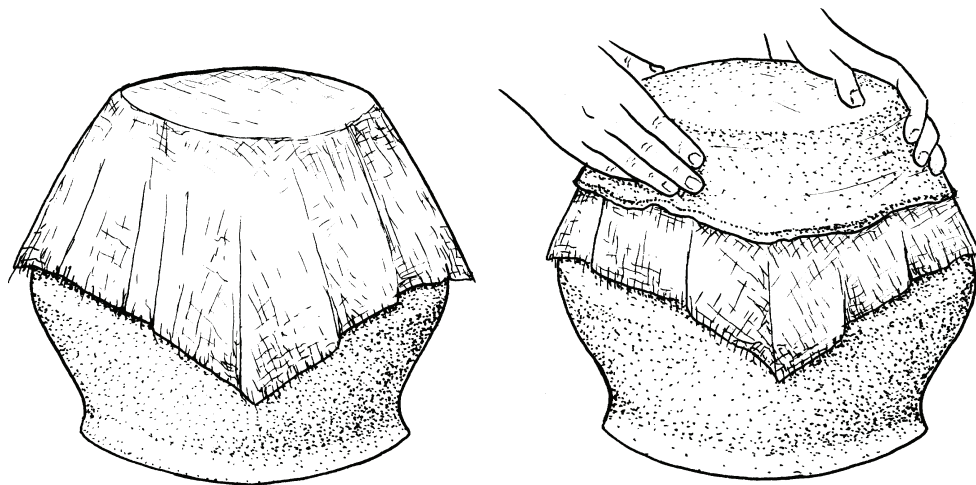

Рис 39. Схема лепки сосуда на шаблоне.

вующих культурах Зауралья он тоже неизвестен, что и здесь позволяет его рассматривать как пришлый.

Эта технологическая традиция непосредственным образом связана с конусовидной формой тулова синташтинской посуды. Проведенные экспериментальные исследования показали, что при уменьшении степени конусовидности во время снятия сосуда с формы-основы дно прогибалось и трескалось [Григорьев, Русанов, 1990, с. 141]. Выявленная связь наилучшим образом опровергает утверждения о складывании синташтинско-петровского керамического комплекса на местной основе [Логвин, 1995; Логвин, Калиева, 1986, с. 75, 76], поскольку мы вправе говорить о единовременной привнесении технологии и формы.

Те же выводы были сделаны и при изучении текстиля, которым обматывали формы-основы, и отпечатки которого иногда сохраняются на внутренней поверхности сосудов. Изучение характера текстильных отпечатков позволяет утверждать, что изготовлен текстиль из нитей растительного происхождения [Кузнецова, 1997]. Смена неткацкого текстиля полуткацким происходит очень резко, без промежуточных этапов технологического развития. Прежде в лесной и лесостепной Евразии подобный текстиль не известен. Это позволило сделать вывод о том, что появление носителей этой технологии связано с достаточно отдаленными южными центрами. Примечательно, что в середине XVI века до н.э. те же процессы происходят и на территории

Венгрии [Чернай, 1985, с. 104-109]. Т.Н.Глушкова указывает на параллели зауральским тканям среди тканей Средней Азии и Кавказа, отпечатанных тоже на керамическом материале [Глушкова, 1999, с. 67]. Для Закавказья традиция формовки сосудов на тканевой основе является достаточно ранней. Она зафиксирована уже на поселении Техут, относящемся к энеолитической эпохе [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 41]. Впрочем, в степных культурах РБВ и СБВ Восточной Европы и Северного Кавказа текстильные изделия известны достаточно хорошо. Изготовлены они были, как и изделия синташтинской и петровской культур, на каком-то ткацком станке, тип которого определить достоверно достаточно сложно [Орфинская и др., 1999, с. 90-93]. Можно лишь предполагать, что синташтинцы использовали горизонтальный станок, поскольку на синташтинских памятниках неизвестны находки грузил для натяжения нитей, применяемых в вертикальных станках. Аналогичный вывод ранее был сделан и для культур эпохи бронзы Восточной Европы, где вертикальные станки появляются лишь в позднескифское время [Полидович, Полидович, 1999, с. 219]. В противоположность восточноевропейским культурам, в Передней Азии использовались, по-видимому, вертикальные станки, поскольку грузила для переднеазиатских памятников весьма характерны. В среднебронзовых слоях поселения Демирчиуйюк, в Северо-Западной Анатолии, например, наряду с каменными и керамическими пряслицами были обнаружены многочисленные грузила для ткацких

станков, что позволило реконструировать использование станков с вертикальной рамой [Kull, 1988, S. 197, 198, 200-203]. Аналогичные грузила были обнаружены в Мерсине (слои XI-IX), на юге Центральной Анатолии, куда распространились западноанатолийские влияния [Müller-Karpe, 1974, Taf. 292,12,13]. С учетом множества переднеазиатских параллелей, обнаруживающихся в синташтинской культуре, отсутствие станков этого типа может иметь два объяснения. Мы должны исключить из районов, откуда могли мигрировать создатели синташтинской культуры районы Центральной и Западной Анатолии и ориентироваться в наших поисках на Восточную Анатолию, либо же в миграции принимало участие преимущественно мужское население, и технология ткачества была воспринята уже в Закавказье или Восточной Европе. Однако в куро-аракском поселении Мингечаур были тоже обнаружены каменные грузила [Кушнарёва, Чубинишвили, 1970, с.78]. Наиболее вероятно их использование не для рыболовства, а именно для натяжения нитей в ткацком станке, хотя подтвердить это достоверно не представляется возможным. Поэтому проблема параллелей синташтинскому ткачеству требует дополнительных исследований и может решаться только на очень широком фоне.

Петровская керамика формируется на основе синташтинской. В отличие от синташтинской, петровская керамическая традиция отличается меньшим богатством форм и орнаментов (рис. 49,8-10). Доминирующими формами являются остросеребряные горшки с отогнутым венчиком без внутреннего ребра, сосуды баночного типа с небольшим уступом и простые банки. Орнамент представлен горизонтальными линиями, зигзагом, треугольником и концевыми вдавлениями. Распространена шагающая гребенка, изредка встречаются волнистые линии. Прочие виды орнаментации единичны [Зданович, 1973, с. 26-28; 1988, с. 160, 161]. Наличие уступчиков и шагающей гребенки свидетельствует о влиянии полтавского керамического комплекса. Вероятно, на это же указывает наличие в тесте дробленой ракушки, что не свойственно ни собственно синташте, ни вишневке, предшествовавшей петровским памятникам в Северном Казахстане [Зданович, 1973, с. 25, 26].

Ситуация с формированием синташтинской керамики несколько более сложная. В основном мы согласны с мыслью о том, что синташтинская

и абашевская гончарные традиции не имеют своих прототипов в Волго-Уралье [Мочалов, 1995, с. 130, 131]. Однако отдельные доно-волжские компоненты, в особенности на классическом этапе, синташтинское гончарство впитывает. Это обстоятельство, а также необходимость понимания этнокультурной ситуации в рамках более широкого региона вынуждает нас обратиться к синхронным материалам сопредельных территорий.

Керамика доно-волжской абашевской культуры по своим характеристикам мало отличается от синташтинской (рис. 45,15,16,18). Основными формами посуды здесь являются плавно профилированные горшки с отогнутым венчиком, банки, и встречаются маленькие остросеребряные сосудики, характеризующие любые абашевские комплексы. Орнамент доно-волжского абашева по сравнению с синташтой даже обеднен.

Среди керамики абашевской культуры Средней Волги есть лишь два типа посуды, сопоставимые с синташтинскими образцами. В первую очередь, это небольшие остросеребряные сосудики, встречающиеся здесь гораздо чаще (рис. 45,8), и плавнопрофилированные горшки с отогнутым венчиком, представленные на Средней Волге единичными экземплярами. Прочие типы средне-волжской посуды (колоколовидные горшки с отогнутым венчиком и раздутым туловом, колоколовидные чаши, цилиндрические банки) резко отличны от донской и синташтинской керамики (рис. 45,8-11). Несмотря на то, что они давно хорошо описаны, разные авторы утверждают, либо отрицают их связь с фатьяновским и балановским керамическим комплексом [Смирнов, 1961, с. 16; Мерперт, 1961, с. 152, 153; Кузьмина О., 1992, с. 11-15, 48; Ефименко, 1961, с. 67, 70-79, 85-87; Халиков, 1961, с. 213-215, 220].

Наибольшее же многообразие форм демонстрирует абашево в Приуралье (рис. 45,12-14,17). Здесь представлены все типы, присущие абашевским памятникам других территорий и ведущие типы синташтинских памятников Зауралья.

Ямно-полтавкинские памятники Волго-Уральского региона обнаруживают очень мало сходства с синташтинской и абашевской посудой (рис. 137,15,16,18). Фиксируемая в погребальных комплексах посуда с полтавкинскими чертами в Зауралье довольно быстро подавляется собственно синташтинской традицией. Причем к моменту появления здесь полтавкинской и транс-

формированной полтавкинской посуды синташтинский тип уже существовал. В качестве устойчивого и широко распространенного в синташтинской керамике восточноевропейского включения мы склонны рассматривать горшки с ребром-уступом, характерные для полтавкинских и позднекатакомбных керамических комплексов Поволжья и Подонья. Синтез этой формы и классической синташтинской приводит к формированию остросреберных горшков с трехчастным профилем или горшков с уступом, характерных для региона в начале ПБВ. Не исключено, впрочем, что источником для посуды ПБВ с уступчатым плечом служила не полтавкинская керамика, а те включения в синташтинский керамический комплекс, которые мы обозначили как протофедоровские. Волго-уральскими по происхождению являются и некоторые типы банок. Происходит, таким образом, взаимная переработка синташтинских и восточноевропейских керамических традиций с трансформацией синташтинских памятников в раннесрубные и петровские, причем граница двух типов этой трансформации проходит по междуречью Урала и Тобола. Правда, возвращаясь к сопоставимости синташтинской посуды с восточноевропейской, необходимо отметить следующее. Полного тождества отдельных сосудов синташты с полтавкинской или среднедонской катакомбной посудой нет. Причем, посуда с ребром-уступом явно неоднородна. В ней необходимо выделить очень важные, хотя и единичные включения, представленные сосудами с зигзагом или горизонтальной “елкой”, выполненными мелким гребенчатым штампом, что характерно для павловского этапа караткомбной культуры Среднего Дона [Боталов и др., 1996, рис. 2,12; Генинг и др., 1992, рис. 103,5; Синюк, 1996, рис. 23,5; 26,6]. Эта посуда не оказала влияния на характер синташтинской керамики, но она является определенным хронологическим репером. Однако в наибольшей степени синташтинская керамика обнаруживает параллели с керамикой второго этапа среднедонской культуры, для которой характерна валиковая орнаментация и налепные шишечки [Синюк, 1996, с. 93, 129].

Значительное сходство синташтинская керамика обнаруживает с керамикой КМК. В КМК распространены сосуды с трехчастным профилем с раздутым плечиком и горловиной в виде раструба. Общие пропорции отличаются за счет того,

что в КМК наибольшее расширение тулова приходится на середину сосуда. Сходны и типы орнаментов, но сочетание их несколько различно. Разница усиливается благодаря валиковой орнаментации КМК. Наибольшее сходство синташты наблюдается с восточными вариантами КМК – на Северском Донце и Среднем Днепре. Отдельные параллели можно провести и с каменско-ливленцовской группой. Далее на запад сходство уменьшается, поскольку уменьшается степень профилированности посуды, что вызвано, возможно, более поздней хронологической позицией этих памятников [Шарафутдинова, 1995]. Близость восточного керамического комплекса мы можем объяснить лишь родственной подосновой и сходными механизмами их формирования. Различия между ними все же достаточно ощутимы. К тому же отличаются иные типы посуды и общая орнаментальная схема. По этим причинам, допуская участие незначительных групп КМК в сложении абашевско-синташтинского феномена, мы не можем выводить его из КМК целиком. На возможное некоторое участие могут указывать следующие факты: наличие в синташтинской посуде орнамента в виде вертикальной елки, разделенной вертикальными линиями; более ранняя стратиграфическая позиция КМК в Подонье относительно абашева; наличие керамики КМК на полах сравнительно ранних абашевских жилищ и в донских комплексах с синташтинскими чертами; распространенность костяных пряжек вплоть до районов лесостепного Поволжья, присутствие погребения КМК в Потаповском могильнике [Пряхин, 1976, с. 14-28; Васильев и др., 1994, с. 28, 148; Синюк, Козмирчук, 1995, с. 47, 62; Петров, 1983, с. 118-122]. Но еще раз подчеркнем уже высказанную мысль о том, что, если это влияние и имело место, оно было очень ограничено и синташтинской культуры в Зауралье почти не коснулось.

Некоторые чужеродные включения в синташтинские керамические комплексы находят аналогии в керамике ямно-катакомбных и катакомбных памятников Среднего Дона, Приазовья и Поволжья [Погорелов, 1989, с. 113, 117, 120; Лопатин, Малов, 1988, с. 132; Озеров, Беспальй, 1987, с. 162; Пряхин, Зибин, 1986, с. 59], причем на Среднем Дону эта керамика датируется первой четвертью II тысячелетия до н.э. [Погорелов, 1989, с. 123]. Эти включения

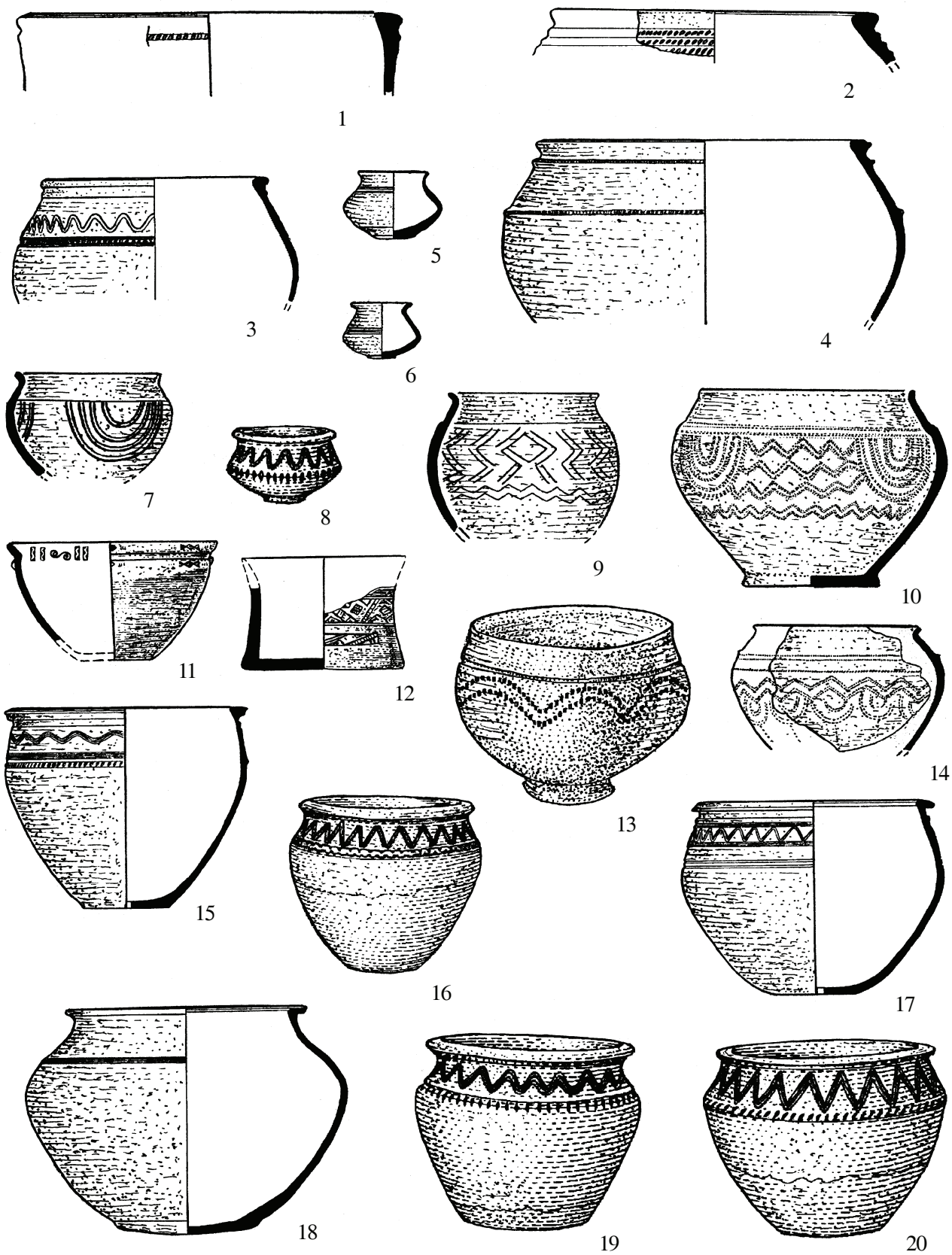

Рис. 40. Параллели керамике синташтинской культуры в культурах Кавказа и Передней Азии. 1-4 – Тель Хадиди-Азу; 5, 6, 15, 17, 18, - Тель Мардих; 7, 9, 10, 13, 14 – Узерликтене; 8, 16, 19, 20 – Хама; 11, 12 – Яниктене.

свидетельствуют об участии некоторого количества катакомбных групп в миграционных процессах на Южный Урал, но не приближают нас к разгадке появления основных типов, составляющих абашевско-синташтинский керамический комплекс.

Неожиданно, мы обнаруживаем прототипы синташтинской посуды на территории Северной Сирии, в Халаве, в слое средней бронзы, где двумя ведущими формами являются маленькие горшки с втянутыми плечиками и отогнутым наружу венчиком и крупные горшки с плавнопрофилированным раздутым туловом и отогнутым венчиком (рис. 40,5,6,8). Причем в слоях этого времени Хамы, Телль-Мардиха (Эблы) и других городищ Северной Сирии подобная посуда встречается достаточно часто [Ортмани, 1985, с. 69, 80, 81; Сулейман, 1983, с. 119; Müller-Karpe, 1974, Taf. 248 В 15, С 16, 249 А 16, 250.12]. Посуде этой характерен гребенчатый орнамент, желобки (в том числе по венчику), волнистые линии. Подобная керамика имела распространение не только в Сирии. На самом юге Палестины, в Телль-Нагиле подобного рода керамика тоже представлена. Нам посчастливилось видеть подобную посуду, украшенную каннелюрами (в том числе с внутренней стороны венчика) в коллекции Музея Израиля и в Музее Рокфеллера в Иерусалиме. Она достаточно резко отличается от прочей коллекции ханаанских материалов. В начале поздней бронзы на посуде этого типа, наряду с каннелюрами, появляется роспись. Причем, эта керамика встречается в слоях Телль-Нагилы, отложившихся на руинах городища Средней бронзы.

Определенный интерес представляют абашевские банки с вертикальными стенками или, как их иногда называют, “стаканы” (рис. 45,11). В принципе, подобные формы встречаются в самых различных переднеазиатских керамических комплексах, хотя для Передней Азии в большей степени характерны банки с вогнутыми внутрь стенками (рис. 40,12). В частности, они обнаружены в слое РБВ на восточноанатолийском поселении Арслантепе [Conti, Persiani, 1993, fig. 7.1,2,3; Palmieri, 1981, fig. 7.6,8]. Подобная форма, в целом, для абашево не характерна, но из могильника Алгаши происходит один сосуд, стенки которого вогнуты внутрь (рис. 45,12) [Кузьмина О., 1999, рис. 11,2]. Чрезвычайно распространены на Ближнем Востоке и в Анато-

лии миски, которые могли служить прототипом абашевским чашам (рис. 45,9). Иногда подобная посуда имеет ручку. Такие формы обнаружены в Эмпорио на Хиосе в слоях, относящихся к периодам IX-II, что соответствует периодам Кум-Тепе, Троя I - начало Трои II [Hood, 1981, fig. 170, 171, 222]. Встречена подобная посуда и в Амуке Е [Parzinger, 1993, Taf. 187].

Наряду с посудой, близкой небольшим абашевско-синташтинским сосудикам, в Сирии известна посуда подобной формы, но более крупных размеров. Примечательно присутствие на этой посуде концентрических кругов на днище, что бывает присуще и абашевской керамике [Feyter, 1989, fig. 3,6].

Следует заметить, что данная керамическая традиция в Сирии восходит еще к периоду РБ II, когда появляются чаши на поддоне с вертикальным венчиком (Телль Мардих II В 1) [Лоон, 1985, с. 55]. Начиная же с периода РБ IV Палестины и РБ III А Анатолии (Троя II, аккадский период Месопотамии), желобчатая посуда здесь представлена различными формами – чашами на поддоне с вертикальным венчиком, горшками с раздутым туловом и отогнутым венчиком, банками [Ортмани, 1985; Сулейман, 1983; Лоон, 1985]. С этого же времени данная посуда имеет гребенчатую орнаментацию. Как правило, сирийская керамика слабее орнаментирована по сравнению с синташтинской. Довольно типичны для нее волнистые линии, что встречается и в синташте [Mattiae, 1977, fig. 37].

В слоях городищ керамика с гребенчатой орнаментацией имеет тенденцию к росту от 4% в Хаме слоя J 5 (период Трои II) до 8% в слое J 4 (период Трои III) и до 13% в слое J 3 (период Трои IV) [Лоон, 1985, с. 56]. Далее количество ее еще более возрастает.

Менее близки синташтинским керамические комплексы Телль Умм Хамад Эш Шерки в долине Иордана. Среди этой керамики тоже встречается посуда с валиками и насечками по валику и горшки с отогнутым венчиком и внутренним ребром. Более интересно для нас наличие крупных закрытых банок [The Jordan Valley, 1992, pl. 25-30]. Они отличаются от синташтинских баночных форм и скорее ближе к некоторым кавказским типам. Однако в Северной Сирии есть формы, вполне сопоставимые с крупными синташтинскими банками [Dornemann, 1992, fig. 16.6] (рис. 40,1,2,4).

Собственно, традиция украшения посуды валиком имеет широкое распространение в Закавказско-переднеазиатском регионе. В частности, валики присутствуют на посуде причерноморских дольменов. Однако, более чем вероятно их южное происхождение в данном случае, поскольку дольменная традиция имеет средиземноморские корни [Марковин, 1997, рис. 25.5, 26.36, 41.9.10, 108.12, с. 335-337]. Довольно характерны валики под венчиком и на плече сосуда и для керамического комплекса Великентского поселения в Дагестане, относящегося к РБВ [Гаджиев, 1991, рис. 23, 24]. Гораздо более ранним временем датируется керамика с валиком на венчике, обнаруженная в Закавказье на шулавери-шомутепинском поселении Тойре-тепе и в Дагестане на неолитическом Чохском поселении [Кушнарева, Чубиншвили, 1970, с. 34, 36; Гаджиев, 1991, рис. 19,4]. Посуда с валиком известна и в Северо-западной Анатолии, в слое РБВ II поселения Демирчиуюк [Efe, 1988, Taf. 52, 4-6]. В Восточной Анатолии посуда с валиками, имеющими насечки и вдавления, была выявлена в энеолитическом слое поселения Тюл-линтепе и в позднеэнеолитическом слое поселения Чайбою [Esin, 1993; Aksay, Diamant, 1973, fig. 4.11-21].

Однако при ряде параллелей, которые имеет синташтинская керамика в Анатолии, общий характер керамического комплекса СБВ этого региона отличен. На памятниках как Западной, так и Восточной Анатолии в эту эпоху бытовали совершенно иные керамические формы [см. Di Nocera, 1993; Kull, 1988, p. 134-179]. Формы посуды в Северной Сирии обнаруживают больше соответствий.

Таким образом, наиболее реальным прототипом синташтинско-абашевской керамической традиции являются формы посуды, распространенные на территории Сирии в РБВ и СБВ. Необходимо, впрочем, отметить, что часто сирийские формы, сопоставимые с синташтинской посудой – гончарные, хотя в израильских музеях мы встречали и лепную подобную посуду. Этому может быть два объяснения: изготовление в Сиро-Палестине гончарной посуды по привнесенным из какого-то сопредельного района лепным образцам, или деградация гончарных традиций в Северной Евразии. В российской археологии распространено убеждение, что вся ближневосточная керамика формовалась на гончарном круге,

что резко отличает ее от керамики степной зоны Евразии. Это убеждение не имеет под собой, однако, достаточных оснований. В Анатолии, например, традиции изготовления посуды на гончарном круге были наиболее распространены на западе и юго-западе. Однако и в этом регионе гончарные традиции в эпоху СБВ были еще недостаточно развиты. Исследование керамики поселения Демирчиуюк показало, что гончары активно применяли формовочные массы, характерные именно для ручной формовки посуды; различные типы дресвы, песок, шамот, известь, слюду и рубленую солому. Формовка осуществлялась на медленно вращающейся подставке, после чего производилось заглаживание и лощение посуды [Kull, 1988, S. 104-109, 120-124]. В период РБВ II только в Киликии и в Трое II посуда изготавливалась гончарным способом. В остальных регионах она была лепная [Mellaart, 1971, p. 395]. В Закавказье посуда была лепной и в СБВ. В Восточной Анатолии при исследовании слоев конца III тыс. до н.э. на поселении Ашван Кале была выявлена исключительно лепная керамика [French, Helms, 1973, p. 158]. Лепная посуда была и в слоях XV-XIII Бейджесултана [Lloyd, Mellaart, 1957, p. 33].

Более гипотетичны сирийские параллели для очень своеобразных синташтинских банок, представленных в синташтинских комплексах единичными экземплярами и не имеющих аналогов в степной Евразии [Костоков и др., 1995, рис. 29,12; Боталов и др., 1996, рис. 19,7]. Они имеют кубкообразную форму, узкое дно, поддон и сравнительно тонкие стенки (рис. 37,12). Керамика эта выглядит инородным включением в керамическом комплексе. В Северо-Западной Сирии во второй половине III тыс. до н.э. существовала культура кубков, характеризующаяся баночными кубками на поддоне. Обычно они тонкостенны, каннелированы, изготовлены на гончарном круге и имеют более вытянутые пропорции, чем керамика, описанная выше. Этническая принадлежность изготовителей кубков предельно ясна, благодаря архивам Эблы – западные семиты. Однако около 2000 г. до н.э. с появлением нового населения культура кубков исчезает, а сами кубки существенно трансформируются [Сулейман, 1982].

Южные параллели имеет и уникальное для степной Евразии оформление придонной части одного из сосудов городища Аркаим, выполненное

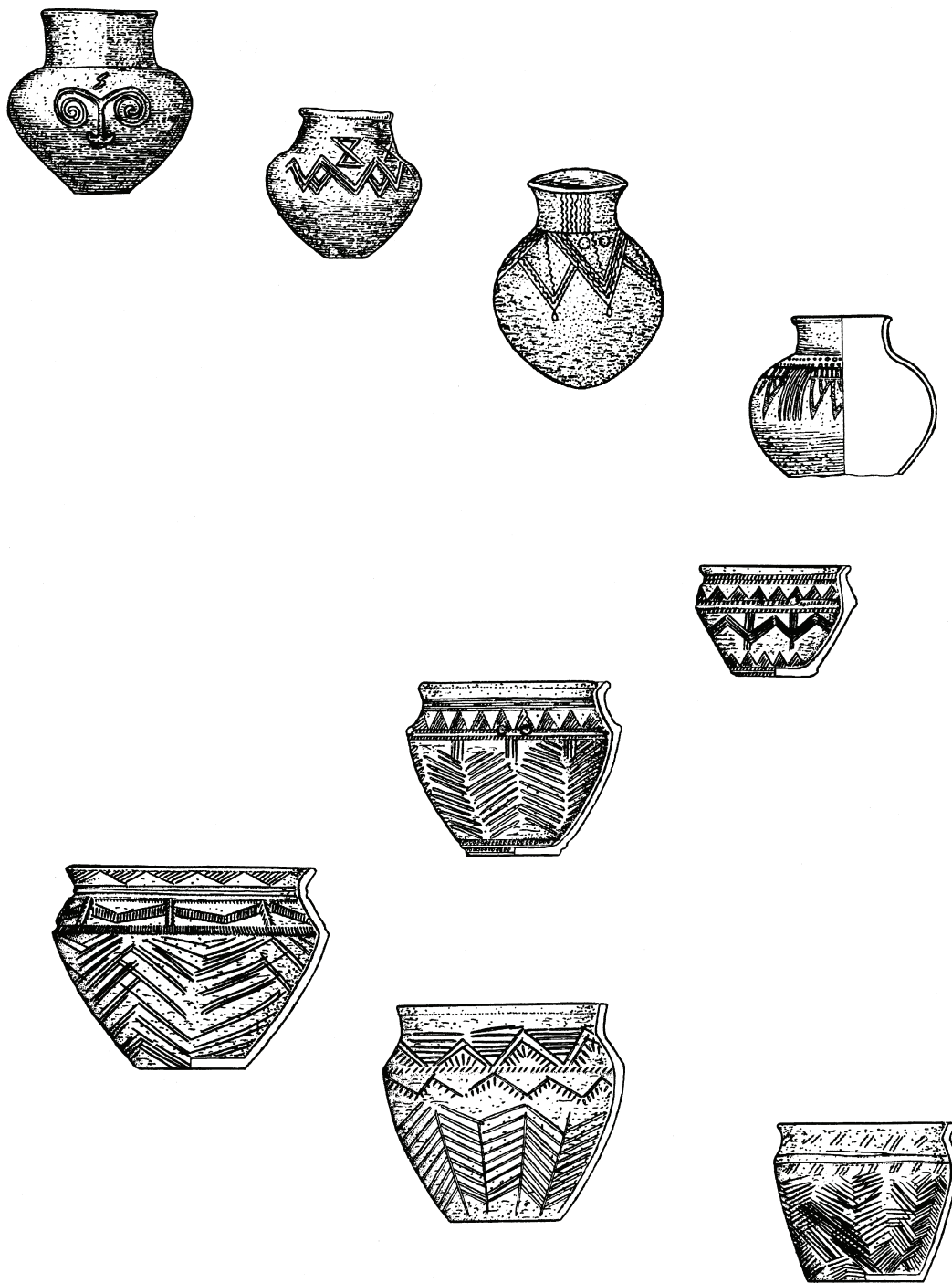

Рис. 41. Происхождение синташтинского “елочного” орнамента из куро-аракских и триалетских антропоморфных орнаментов.

в виде четко обозначенного подкоса [Зданович, 1995, рис. 6,22] (рис. 37,14). Подобное оформление достаточно типично для целого ряда иранских культур эпохи бронзы, в частности, для сумбарской, бактрийско-маргианского археологического комплекса и т.д. [см. Сарияниди, 1977; Хлопин, 1983]. На Кавказе подобное оформление придонной части встречается в куро-аракской посуде. Наиболее ранняя керамика с таким оформлением придонной части присутствует в керамических комплексах Ярым-Тепе I в Северной Месопотамии в слоях хассунского времени. Примечательно, что эта посуда идет совместно с посудой, имеющей более сглаженный подкос и потому весьма близкой ранней майкопской керамике [см. Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 19, 30, 32]. Данная ссылка указывает лишь на большую древность этой керамики в Северной Месопотамии, поскольку колоссальный хронологический разрыв с Майкопом (не говоря уже о Синташте) не позволяет рассматривать приведенный пример в качестве непосредственной аналогии. Однако параллели с керамикой бактрийско-маргианского археологического комплекса, с учетом теории об его сиропалестинских корнях (см. раздел II, глава 1.3), вполне корректны.

На Малокизильском селище, относящемся к абашевской культуре, но непосредственно примыкающем к зоне расположения синташтинских городищ, обнаружен сосуд тюльпановидной формы. Близкие ему формы известны на памятниках Северо-Восточного Ирана эпохи СБВ [Сальников, 1967, рис. 3,5; Станкевич, 1978, рис. 26,76А].

Некоторую близость формам синташтинской керамики обнаруживает керамический комплекс протоколхской культуры Западной Грузии (рис. 145,7) [Микеладзе, 1994, табл. 16,40-44]. Однако это близость родственных культур и из этих форм синташтинская посуда не выводима. Еще раз подчеркнем, что прямые аналогии ведущим типам синташтинских и абашевских горшков известны в Сиро-Палестине.

Тем не менее, орнаментация позволяет нам опереться и на закавказские материалы. В литературе уже имели место попытки рассмотреть некоторые из синташтинских орнаментов в качестве деривата ручек, встречающихся, в частности, на триалетской посуде, а также сопоставить вертикальные тройные зигзаги синташтинских кубков

с кипрской керамикой из Вунуса [Мочалов, 1996б, с. 82-86]. Последняя параллель может быть расширена за счет ряда закавказских материалов. Подобный орнамент, но выполненный росписью, присутствует на керамике Кюль-Тепе II в слоях второй четверти II тыс. до н.э. [Алиев, 1972, рис. 2]. Если даже не рассматривать широко распространенные типы орнаментов (треугольники, “елка”, зигзаг, горизонтальные линии), синташтинская орнаментация обнаруживает значительные сходства с закавказской эпохи СБВ по орнаментам специфичным, не характерным для степной и лесостепной зон в предшествующий период. К подобным типам орнаментов относятся свисающие многорядные полуокружия, выполненные желобчатой техникой и часто заполненные насечками; заполненные насечками каннелюры; волнообразные линии, горизонтальные и вертикальные пояса ромбов, зигзагообразные заштрихованные ленты, свастики; крайне редкий зигзаг, выполненный по косой сетке; “шевроны”; пояса из групп коротких вертикальных линий; сосцевидные налепы. Особое внимание хотелось бы обратить на такой мотив, как рассечение пустого поля между зигзагами или треугольниками группами вертикальных линий или коротким формованным валиком. Вариации его (вертикальные линии могут быть заменены треугольниками меньших размеров) распространены на посуде СБВ Закавказья. Не исключено, что этот мотив восходит к куро-аракским налепным антропоморфным изображениям на керамике и, в качестве своей наиболее поздней и трансформированной филиации имеет вертикальные “елки”, расчлененные одной линией, представленные на сосудах синташты и КМК (рис. 41). Однако идентичный орнамент известен на посуде поселения Мерсин в Юго-восточной Анатолии, в слое XXIII-XXII, который датируется ранним энеолитом [Yakar, 1991, fig. 62]. Поэтому истоки его окончательно не ясны, но южное происхождение данных орнаментов несомненно. Для СБВ в наибольшей степени вышеперечисленные орнаменты представлены на посуде таких закавказских культур, как протоколхская, триалетская, севано-узерликская. В меньшей степени это касается кармирбердской культуры, хотя по отдельным элементам сопоставления все же возможны [см. Генинг и др., 1992; Кушнарёва, 1994б; 1994г; Джапаридзе, 1994; Микеладзе, 1994; Кушнарёва, 1994; Мунчаев, 1994].

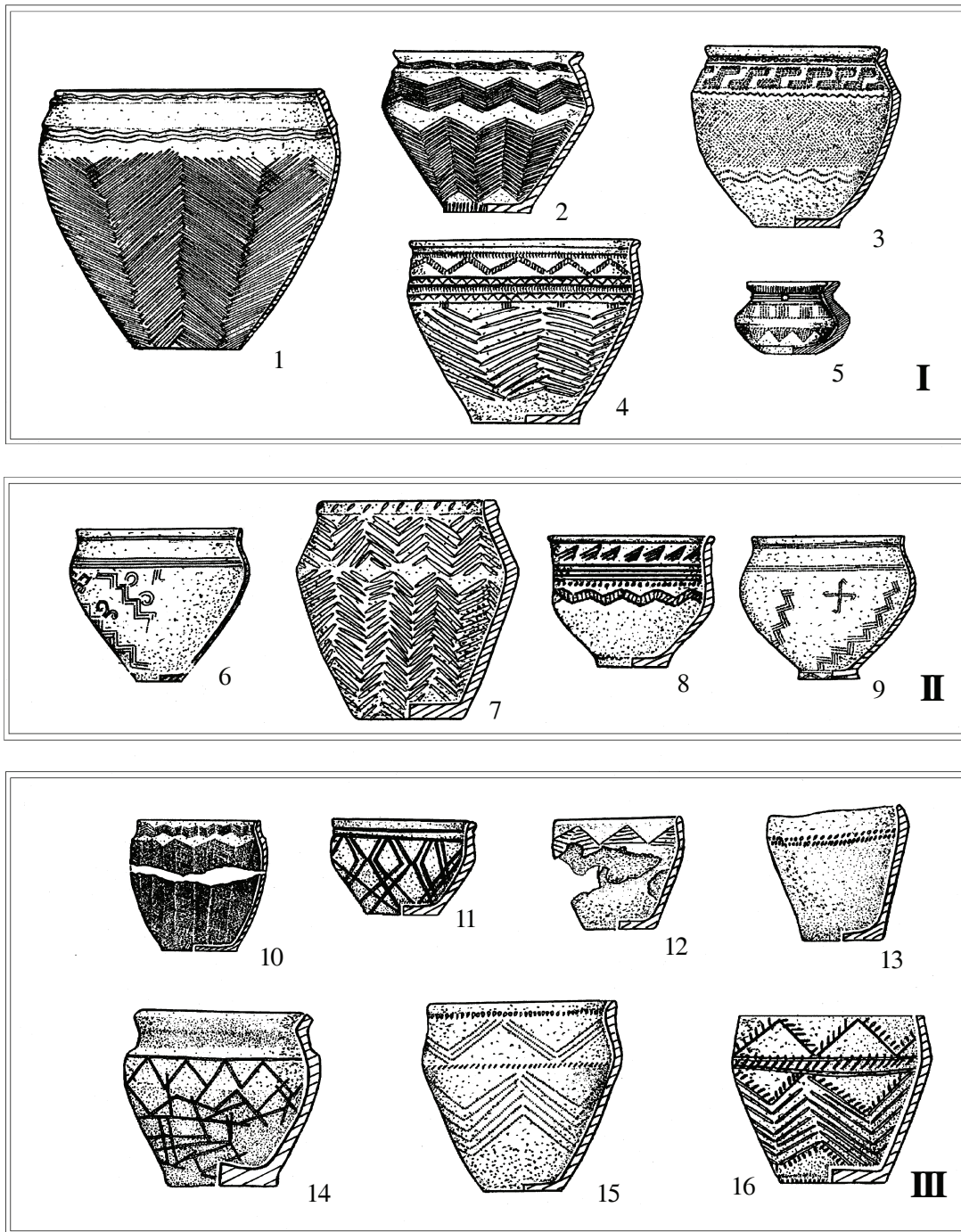

Рис. 42. Разнокультурные слагаемые синташтинского керамического комплекса. I – переднеазиатские формы; II – закавказские формы; III – восточноевропейские формы.

Культуры Северного Кавказа демонстрируют близость, преимущественно, по широко распространенным элементам.

С Передней Азией и Закавказьем необходимо связывать и валики на синташтинской керамике. Различного рода налепы имеют здесь давнюю и широко распространенную традицию, а горизонтальные валики в верхней части сосуда встречаются, по меньшей мере, с позднего энеолита [Энеолит СССР, 1982, табл. XLIII; Нариманов, 1987, рис. 35,5]. Горшки с валиком под венчиком обнаружены и в позднем энеолите Восточной Анатолии (Тилки-Тепе), составляющим с памятниками Закавказья один культурный круг [Korfmann, 1982, Abb. 8,5,6]. В РБВ данного региона миски с валиком обнаружены на поселении Бурхан-Хёйёк [Karg, 1984, Abb. 31.13,14]. Валики под венчиком и каннелюры на внутренней стороне венчика присутствуют и на посуде поселения Мунхаква в Сирии, в слоях, датируемых ранее XVI в. до н.э. и на других сирийских памятниках [Fejter, 1989, fig.4, p. 254; Mattiae, 1977, fig. 40].

Другой тип синташтинских налепных украшений, парные “шишечки” или сосцевидные налепы имеют параллели в Анатолии и прилегающих регионах, начиная с очень ранних памятников РБВ. В частности, подобные украшения обнаружены на посуде поселения Эмпорио на Самосе [см. Hood, 1981]. Вероятно, из Анатолии они распространяются впоследствии и в Закавказье.

При раскопках Тепе Фарухабд, расположенного на равнине Дех Луран в Западном Иране, посуда с валиками под венчиком (при этом, часто украшенными насечками и вдавлениями) была выявлена во всех фазах: Урук, Джемдет Наср, РД [An early town ..., 1981, fig. 40,a,d, 41, 49,b, 52,a, 63, d,h,i,j, 86].

Известны закавказские параллели (средний и поздний слои поселения Узерлик-Тепе) и для типа синташтинской керамики, который мы обозначили, как протофедоровский. Это выделяемая II керамическая группа – чернолощенные горшки с поддоном, узким дном, плавной профилировкой, хотя встречаются и небольшие уступы. Орнамент гребенчатый. Основными элементами являются полуокружности, однорядная “елка”, вертикальный и горизонтальный зигзаг [Кушнарёва, 1959, рис. 12, 13] (рис. 40,7,9,10,13,14; 85,6,7).

При изучении синташтинской керамики в редких случаях мы обнаруживали белое вещество, заполняющее вдавления гребенчатого штампа

или белый налет на поверхности сосуда. Мы были склонны считать этот налет органическим тленом, хотя возможны и иные трактовки. Заполнение (или инкрустация) белой пастой гребенчатых вдавлений встречается на посуде культуры шаровидных амфор, отделенной, впрочем, от синташты значительным временным интервалом [Свешников, 1983, с. 13, 15]. Более приемлемы параллели с Закавказьем, где подобный способ инкрустации керамики зафиксирован в замечательном ханларском комплексе, а также на посуде севано-узерликской группы [Гуммель, 1992; Кушнарёва, 1994г, с. 122].

Таким образом, синташтинская орнаментация, обнаруживая несомненное сходство с орнаментацией КМК и катакомбной культуры Среднего Дона, имеет довольно ранние аналоги в Закавказье, в комплексах севано-узерликской, протоколхской и триалетской культур.

Подводя итог этому краткому очерку, посвященному анализу синташтинской керамики, вернемся к формам синташтинской посуды. На наш взгляд, исходными переднеазиатскими синташтинскими формами являются типы 1, 6, 7. К восточноевропейским заимствованиям мы относим типы 3, 9. Истоки типа 5 следует искать в районах Восточного Закавказья. Типы 2, 4, 8 разрабатываются уже в Волго-Уралье, являясь производными от вышеназванных типов (рис. 42).

3.6. Глиняные и костяные изделия

Существуют и иные параллели, устойчиво связывающие синташтинские памятники с Циркумпонтийской зоной и в особенности с ее южной частью. В качестве таковых можно рассматривать костяные пряслица в форме усеченного конуса с центральным отверстием [Васильев и др., 1994, рис. 32; Генинг и др., 1992, рис. 40, 57, 96; Боталов и др., 1996, рис. 9; Костоков и др., 1995, рис. 20, 22] (рис. 43,9). Для Северной Евразии, где доминировали пряслица, изготовленные из фрагментов керамики, подобные пряслица нетипичны. Они известны, впрочем, на более поздних памятниках срубной культуры [Шендаков, 1969, с. 238, 239]. Аналог найден в Закавказье, в могильнике Арич, относящемся к севано-узерликской группе памятников [Кушнарёва, 1994г, табл. 41] (рис. 43,10). Более ранние костяные пряслица полусферической формы известны

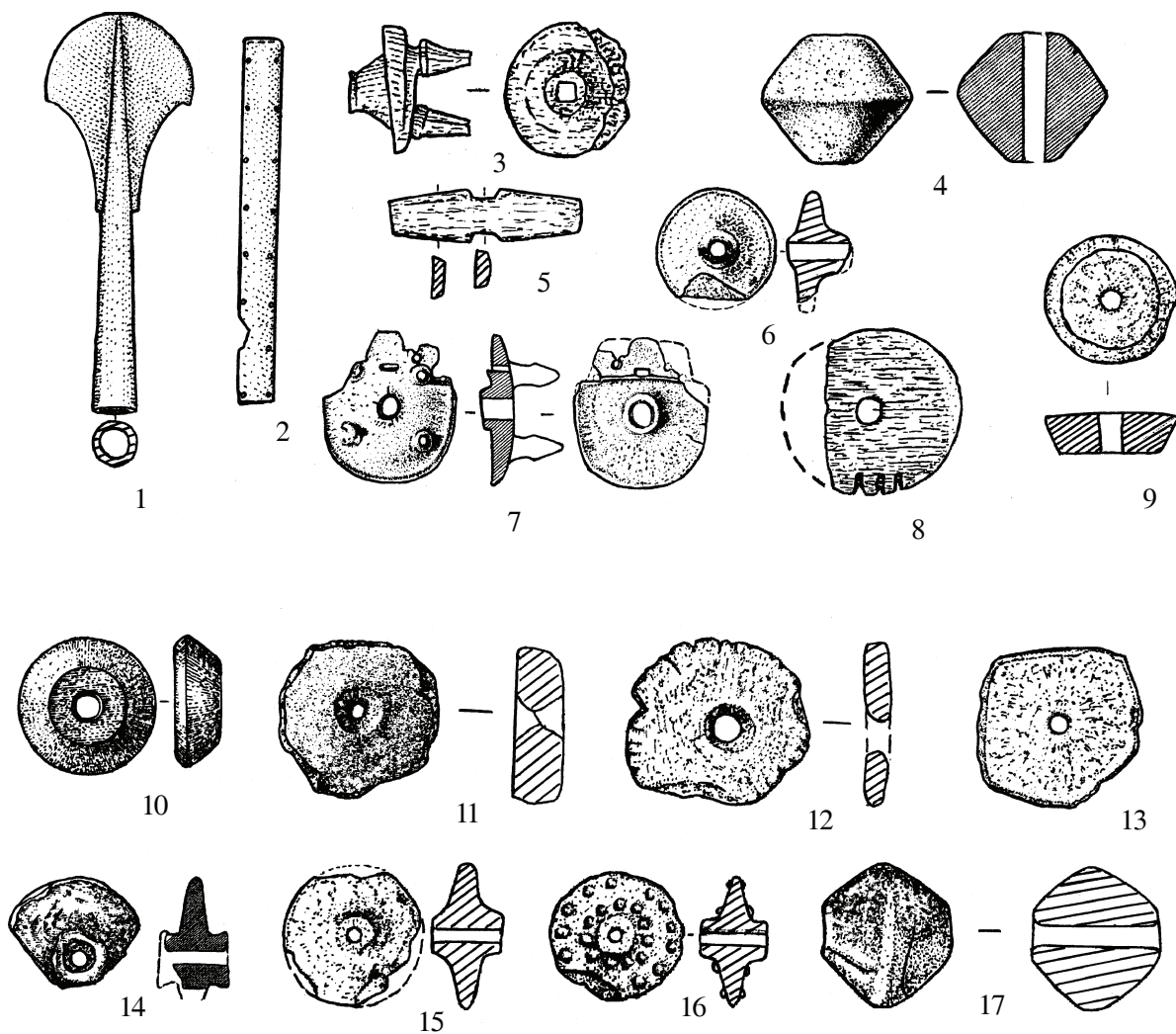

Рис. 43. Костяные и глиняные изделия синташтинской культуры: 1, 2, 5 – Каменный Амбар V; 3 – Большекараганский мог.; 4, 6-9 – Синташта. Аналоги костяным и глиняным изделиям на Кавказе и в Передней Азии: 10 – Арич; 11-13, 17 – Демирчиуйюк; 14 – Джемикент; 15, 16 – Хама.

в материалах куро-аракской культуры [Мунчаев, 1981, с.38]. Надо отметить, что находки пряслиц на синташтинских памятниках единичны. Подобная ситуация характерна вообще для памятников эпохи бронзы Северной Евразии. По-видимому, это указывает на неразвитость ткацкого производства. Массовыми пряслица становятся уже на поселениях скифского времени Восточной Европы [Полидович, Полидович, 1999, с. 217, 218].

Редкие для синташтинских памятников пряслица из фрагментов керамики имеют параллели на поселении Демирчиуйюк, в Северо-западной Анатолии (рис. 43,11,12) [Kull, 1988, S. 208-210], однако широкая распространенность подобных изделий не позволяет опираться на данную параллель.

Другой возможной параллелью являются глиняные модели колес с выступающей ступицей [Генинг и др., 1992, рис. 41] (рис. 43,6). Аналогичные изделия обнаружены в Балановском могильнике [Бадер, Халиков, 1987, рис. 40]. Собственно, модели повозок встречаются в ряде культур Циркумпонтийской зоны, но в Восточной Европе были распространены четырехколесные повозки. Здесь же эти колеса лежали парами, что дало основание рассматривать их, как признак южного (степного или кавказского) воздействия на фатьяновское население [Кожин, 1966]. Возможность подобного допущения подтверждается многочисленными находками моделей колес с выступающей ступицей на поселении Телль Хазна I в северо-восточной Сирии [Мунчаев, Мерперт,

1997, с.22]. Большое количество таких находок происходит с другого сирийского памятника, Хамы, из слоев Н, J (рис. 43,15,16) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 247, 248]. В Закавказье они распространяются, начиная с энеолитических памятников типа Кюль-Тепе I, куро-аракской культуры РБВ, севано-узерликской СБВ (рис. 43,14) [Кушнарёва, 1959, рис. 20, 6, 7; Мунчаев, 1981, с.46; Абибулаев, 1959, рис. 14,10]. В Дагестане глиняные модели колес происходят с поселения Геметюбе II [Гаджиев, 1991, рис. 60, 1,2]. В Анатолии подобная находка происходит из Бейджесултана, из слоя позднеэнеолитического времени [Lloyd, Mellaart, 1962, fig. F.2.16]. Аналогичные глиняные колесики со ступицей обнаружены и при раскопках Хавтавана в Северо-Западном Иране в слоях VI

C,В, которые датируются 2200 - 1450 гг. до н.э. [Edwards, 1983, ix, fig. 17,3, 151,16].

Наконец, весьма оригинальным типом изделия являются костяные лопаточки, обнаруженные на синташтинских памятниках Зауралья и абашевских Подонья и Приуралья [Генинг и др., 1992, с. 151; Горбунов, 1986, с. 92; Костюков и др., 1995, с. 202; Моисеев, Ефимов, 1995, с. 79; Ситюк, Козмирчук, 1995, с. 45, 57, 59] (рис. 43,1). Последние исследования определяют ритуальный характер этих изделий, связанный с культурами Агни, Индры или Хаомы (Сомы). Подобного рода предметы распространяются в савромато-сарматской среде и имеют такое же назначение [Костюков и др., 1995, с. 176; Федоров, 1992, с. 80-113]. Ранние аналогии им нам не известны.

Глава 4. Костные остатки

4.1. Антропология

Очень важные данные для понимания процессов, происходивших в конце Средней бронзы в Евразийской лесостепи, могли бы дать данные антропологии. К сожалению, на сегодняшний день опубликованы лишь незначительные серии материалов Среднего Поволжья (Потаповский и Лопатинский могильники) [Яблонский, Хохлов, 1994]. Тезисно опубликованы материалы из синташтинских и петровских могильников Актюбинского Приуралья [Хохлов, 1996]. Незначительность выборки позволила с вполне оправданной осторожностью говорить о некоторых тенденциях. В сложении населения, оставившего Потаповский могильник, принимало участие два исходных антропологических компонента, но большая часть черепов представлена смешанными типами. Наблюдается сходство со степными сериями: ямниками и катакомбниками Украины, катакомбниками Калмыкии, а также с более поздними тазобагьябской серией Южного

Приуралья и срубной лесостепного Поволжья. Совершенно отличаются от потаповских черепа лесных культур: шагарской, фатьяновской и абашевской. Ставится под сомнение связь потаповцев с энеолитическим хвалынским населением. Черепа же из Лопатинского могильника пока не сопоставимы ни с чем, но мы и не склонны рассматривать его в качестве потаповско-синташтинского.

Эти данные требуют определенных пояснений. В сравниваемых сериях были задействованы также черепа ямников и полтавкинцев из Волго-Уралья. Поскольку о сходстве с ними в публикации не говорится, видимо, они не сходны, хотя и не до такой степени, как черепа из могильников лесных культур. Вызывает удивление несопоставимость потаповской серии с абашевской, что противоречит родственности археологических материалов. Это противоречие может объясняться тем, что в качестве сравниваемой абашев-

ской серии в анализе были использованы черепа из Пепкинского кургана, а они отличаются большой специфичностью и не сопоставимы с прочими абашевскими материалами, что позволило сделать вывод о пришлом характере пепкинской группы [Шевченко, 1986, с. 195]. В какой-то степени они близки фатьяновским и балановским материалам, но все же отличны от них. Аналогии пепкинской серии уходят к западным шнутовым культурам [Антропологические типы ..., 1988, с. 120-124]. Прочие абашевские материалы находят параллели в ямных, полтавкинских, андроновских, катакомбных и северокавказских сериях. Скудность этих материалов пока не позволила сделать более конкретных привязок [Шевченко, 1986, с. 196]. С учетом этих оговорок отметим, что вывод о несопоставимости потаповской серии с абашевской актуален, в первую очередь для средневожжской абашевской культуры.

Не менее сложной проблемой является и сходство с ямниками Украины. Черепам ямной культуры в различных регионах свойственна значительная полиморфность [Шевченко, 1986, с. 145-161; Яблонский, Хохлов, 1994а, с. 145-151]. В основном большинство исследователей видит родство ямников с неолитом Украины и с энеолитическим населением, оставившим памятники типа Хвалыньск – Средний Стог II. Однако нельзя исключать определенные примеси иных компонентов, в частности “средиземноморских”.

При этом следует учитывать, что даже на Украине, в Нижнем Поднепровье, ямники очень неоднородны и из публикаций трудно понять чем это вызвано – разновременностью серии или иными причинами. Сходные проблемы обнаруживают и катакомбные серии.

Несмотря на приведенные трудности, был все же сделан вывод о том, что потаповские краниологические серии больше тяготеют к степным сериям Волго-Уральского региона, а в синхронных материалах Актюбинского Приуралья присутствуют южные “средиземноморские” черты, сопоставимые с кавказскими сериями из могильников Гинчи, Самтавро и др. При этом как в Поволжье, так и в Приуралье присутствуют черепа, чаще женские, связанные с древнеуральскими популяциями [Хохлов, 1996, с. 117]. Впоследствии, уже в срубное время, южные средиземноморские черты в Восточной Европе сохраняются [Хохлов, 1999, с.229].

По-видимому, все это должно свидетельствовать о высокой степени смешивания населения в ходе культурных трансформаций. В эти периоды на местный субстрат могло накладываться как соседнее население, так и пришлое из достаточно отдаленных регионов, что вызывало локальную изменчивость в рамках даже одной культуры. И, к сожалению, на сегодняшний день довольно сложно сказать каковы должны быть методологические и методические основы решения данной проблемы. Это заставляет нас весьма осторожно относиться к данным антропологии и основываться только на абсолютных выводах, или на фактах, имеющих внебиологический характер. К таковым, например, относится появление у катакомбников обычая деформирования черепов, который имеет свои корни на Переднем Востоке, в Восточной Анатолии и на памятниках куро-аракской культуры [Шевченко, 1986, с. 182-185].

4.2. Состав стада

Анализ состава стада синташтинцев и сопоставление его с составом стада носителей иных культур подчас затруднены вследствие неравноценности материала. У ряда культур остеологический материал известен лишь в погребальных комплексах. Это не дает возможности с достоверностью судить о количественном составе стада, хотя и позволяет делать выводы о его качественных характеристиках. С другой стороны, процент костей лошади в остеологических материалах поселений, безусловно, не для всех культур отражает процентное содержание ее в стаде, а лишь указывает на состав рациона питания жителей данного поселка. Все зависит, в конечном счете, от модели данной культуры. В силу данных причин, нас должны интересовать, в том числе, качественные характеристики.

На сегодняшний день опубликованы остеологические данные только по двум памятникам Зауралья – поселениям Синташта и Аркаим (рис. 44). В поселенческих слоях здесь доминируют крупный рогатый скот (крс) и мелкий рогатый скот (мрс). Лошадь составляет около 10% на Синташте и 15,4% на Аркаиме, а свинья отсутствует

[Зданович, 1997, с. 56; Пряхин, 1976, с. 122]. Правда анализ аэрофотоснимков и вычленение загонов для различных видов животных говорит о доминировании лошади в стаде, что позволило сделать вывод об экспорте лошадей [Гайдученко, 1995, с. 110, 111], хотя, на наш взгляд, это может свидетельствовать и о более широком использовании лошадей в других целях. Кроме того, в погребальных памятниках были выявлены кости свиньи. Предполагается, что свинья разводилась для культовых целей [Косинцев, 1999, с. 330; 1999а, с. 258].

Абашевские памятники Дона и Приуралья дают сходную долю лошади в костных остатках поселений, но в них резко увеличивается доля КРС, еще более резко сокращается доля МРС и присутствует свинья. Различия между абашевом Дона и Приуралья заметно, в основном, по более высокому содержанию в донских памятниках костных остатков свиньи [Горбунов, 1986, с. 56; 1989, с. 97, 98; Пряхин, 1976, с. 118].

На Средней Волге остеологические материалы представлены только в могильниках. Судя по всему, здесь присутствуют лишь КРС и МРС, при доминировании последнего [Пряхин, 1976, с. 121]. Эти показатели сближают состав костных остатков абашева Средней Волги с аналогичным у ямников [Шилов, 1975, с. 14]. Фатьяновские же могильники содержат иной набор костей – КРС и свинья. Лишь в восточных памятниках появляется овца, а в позднем Волосово-Даниловском могильнике лошадь [Антропологические типы ..., 1988, с. 116], что, вероятно, является заимствованием у абашевцев.

Поселенческие комплексы КМК (Бабино III) демонстрируют состав остеологических остатков, близкий донскому абашеву, но с более низким содержанием КРС и более высоким МРС. От Синташты остеологический комплекс КМК отличается наличием в стаде свиньи [Березанская и др., 1986, с. 39].

Очень близки к КМК костные остатки Михайловского поселения. С другой стороны, михайловский набор отличен от традиционного ямного стада более восточных территорий [Археология УССР, 1985, с. 350].

Очень схож с синташтинским остеологический состав катакомбной культуры. На позднекатакомбном поселении Матвеевка I на Южном Буге доминирует крупный рогатый скот (61,29%),

на втором месте мелкий рогатый скот (28,32%) и на третьем — лошадь (6,45%). Доля свиньи очень невелика (1,29%). Сходный состав был выявлен при исследовании остеологических материалов в Крыму (Кирово) и на Нижнем Дону (Ливенцовка) [Никитин, 1989, с. 148].

Все сказанное позволяет выделить несколько типов структуры стада в данном регионе. Достаточно близки между собой состав стада донского и уральского абашева, КМК и Михайловского поселения. Подобная ситуация является довольно устойчивой в южной зоне Восточной Европы в течение всей эпохи бронзы и отклонения от нее появляются, главным образом, лишь к востоку от Урала [Антипина, 1996; Варов, Косинцев, 1996]. В другую группу входят восточные ямники и средневожское абашево. Особняком стоит фатьяновское стадо. Синташтинское стадо, будучи, по большинству параметров схожим со стадом донского и уральского абашева, КМК и Михайловки отличается, по-видимому, меньшей долей в стаде свиньи. Наиболее близким синташтинскому является состав стада позднекатакомбный или каменско-ливенцовской группы КМК, которые синхронны синташте.

При этом все перечисленные типы не обнаруживают сходства с предшествующим энеолитическим пластом, где резко доминирует лошадь [Васильев, Снюк, 1995, с. 57; Зайберт, 1993, с. 198; Макарова, Нурумов, 1989; Мещеряков, Моргунова, 1996, с. 47]. Впрочем, вполне вероятно, что на большинстве памятников энеолитическая лошадь была дикой.

На фоне высказываний о ташковском влиянии на формирование синташты очень интересными оказываются остеологические определения костных остатков, обнаруженных на ташковских поселениях. Все исследованные кости принадлежат диким особям [Косинцев, 1999б].

Еще меньше оснований связывать развитие скотоводства в Зауралье и Казахстане с ботайской культурой, на поселениях которой остеологический материал представлен костями исключительно лошади. Многие известные остеологи, не знакомые с этим материалом лично, в своих работах пишут о ботайской лошади, как о домашней [Bökönyi, 1991, p. 550]. Однако реальных фактов к этому нет. В первую очередь, любое скотоводческое хозяйство является комплексным и не ограничивается одним видом. Примеры подоб-

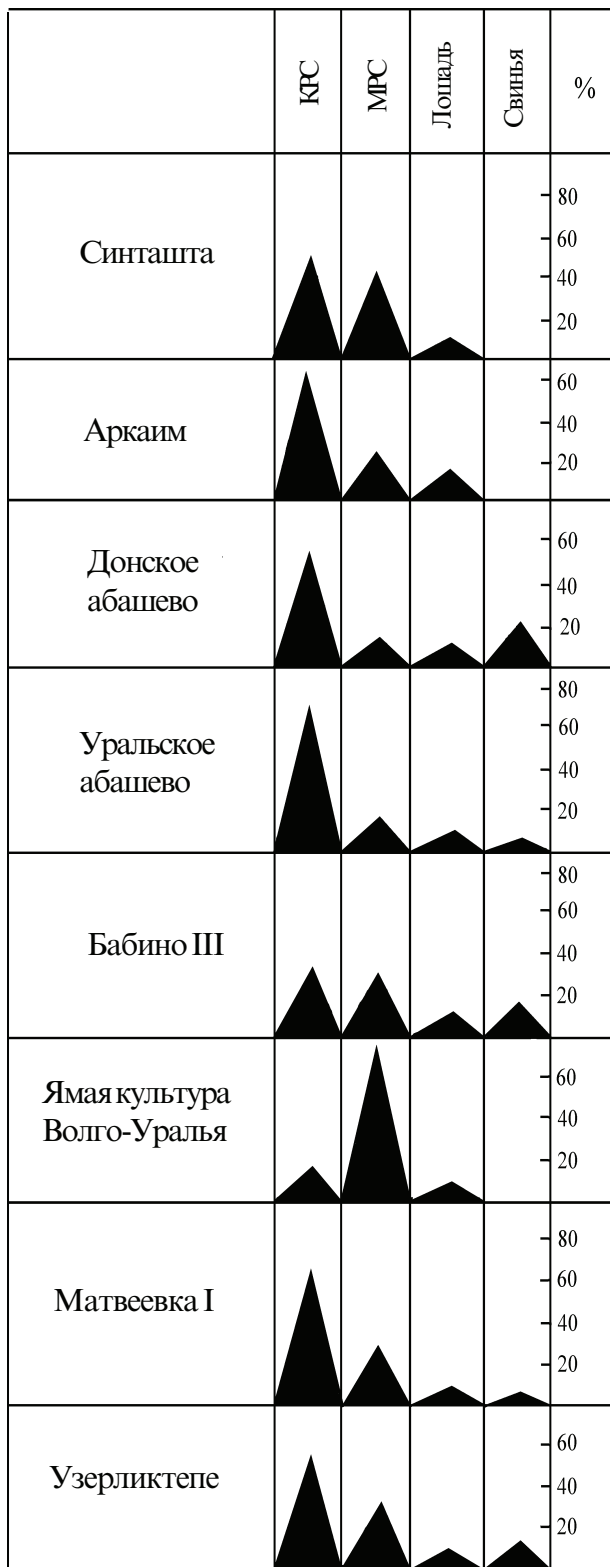

Рис. 44. Состав стада синташтинской культуры и культур Восточной Европы и Закавказья.

ного рода просто не известны. Во-вторых, на Ботае обнаружены отчлененные части туш, что

более соответствует загонной охоте [Кузьмина, 1996, с. 83, 84]. Поэтому некоторые авторы допускают мысль о том, что на Ботае были известны отдельные домашние лошади, но большинство остеологического материала принадлежит диким особям [Sherratt, 1997, р. 213-215]. Однако и тезис о наличии домашних особей требует доказательств, в особенности на фоне довольно типичного охотничьего орудийного набора ботайской культуры. Кроме того, структура ботайского стада довольно четко указывает на то, что эти лошади были дикими [Levine, 1999, р. 40-43].

Есть основания подозревать, что на севере Тургайского прогиба родственное ботайскому терсекское население имело одомашнированный скот. Правда, морфологические параметры костей крупного рогатого скота и лошади, обнаруженных здесь, не дают оснований для подобного вывода. По сути, единственным, но довольно веским критерием является весьма незначительная доля роговых стержней в остеологических коллекциях, что косвенным образом указывает на одомашнированный комолый скот [Калиева, Логвин, 1997, с. 100-111]. Вместе с тем, сопоставлять терсекские материалы с синташтинскими довольно затруднительно, и не только по причине отсутствия в стаде мелкого рогатого скота. В терсекском хозяйстве, судя по орудийному набору, значительную роль играла охота. Поэтому, даже если мы допускаем наличие в данном случае одомашнированных особей, отделить их от диких, добытых охотой, пока невозможно. На это указывает и нестабильность соотношения костей лошади и крс. Доля лошади на различных памятниках колеблется от 15,5% до 96,9% [Калиева, Логвин, 1997, с. 110].

В Закавказье нам не известны точные аналоги синташтинского стада. Однако стадо, близкое михайловскому, КМК, донскому и уральскому абашевскому отмечено на поселении Узерликтепе (крс - 52,3%, мрс - 31,4%, свинья - 11,5%, лошадь - 4,2%, собака - 0,6%). Но доля свиньи на этом поселении заметно выше. Доминирование крупного рогатого скота характерно и для триалетских курганов [Кушнарёва, 1994а, с. 134, 135].

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Наличие в стаде свиньи вовсе не обязательно связывать с воздействиями лесных регионов. В Юго-восточной Анатолии, например (Хассек Хёйюк, Курбан Хёйюк) свинья состав-

ляла до половины стада, резко преобладая над прочими видами. Значение ее подчеркивается наличием захоронений поросят на поселении [Boessneck, 1992, p. 62-64].

Наиболее ранний состав стада, близкий катакомбному, позднемному и КМК, зафиксирован на поселении Аликемектепеси в Юго-Восточном Закавказье, которое датируется концом V – началом IV тыс. до н.э. Доля крс на этом поселении составляла 43%, мрс – 36,2%, лошади – 7,5%, свиньи – 6,1%, собаки – 2,6% [Энеолит СССР, 1982, с. 134, 135]. В целом, этот тип стада можно обозначить как индоевропейский. У многих народов, в частности, у семитов, свинья в стаде отсутствовала. Исчезает она и из стада некоторых индоиранских групп, что связывается либо с переселением в более южные районы, либо с контактом с популяциями, в стаде которых свинья отсутствовала [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 595, 596]. Поэтому отсутствие в синташтинском стаде свиньи хорошо соотносится с присутствием в синташтинском керамическом комплексе посуды, имеющей параллели в Сиро-Палестине. Не исключено также, что отсутствие в составе стада свиньи было вызвано миграцией на большое расстояние, поскольку это животное не приспособлено к перекочевкам. Пополнить стадо свиньей за счет соседей тоже было нереально, поскольку свиней надо было перегонять из Приуралья. Поэтому, возможно, свинья и использовалась только в погребальных ритуалах.

Исследователи уже отмечали тот факт, что стадо различных культур степной зоны Восточной Европы типологически едино. Исключениями являются лишь майкопское стадо за счет очень высокой доли свиньи и усатовское (а также, как сказано выше, ямное восточной зоны) благодаря высокой доле мелкого рогатого скота. Наблюдается общая тенденция увеличения от РБВ к ПБВ поголовья крс и лошади [Антитина, 1997]. На страницах этой работы будет показано, что помимо синташтинской миграции с территории Передней Азии имела место и серия других. Поэтому близость синташтинского стада восточноевропейскому может быть обусловлена как близостью стада закавказских или ближневосточных предков, так и адаптацией пришельцев в местной среде. Возможно, имело место сочетание обеих причин.

Подводя итог описанию синташтинского археологического комплекса и сопоставлению его

с комплексами сопредельных и достаточно отдаленных территорий, мы хотели бы сделать несколько промежуточных выводов.

Характер синташтинской материальной культуры обнаруживает значительные родственные связи с абашевскими культурами, прежде всего доно-волжской и волго-уральской, культурой многоваликовой керамики, катакомбными культурами, а также с позднемной и полтавкинской культурами. Однако предшествующим пластом являются только катакомбные, позднемная (в Южном Приуралье) и полтавкинская культуры, которые мы вправе рассматривать в качестве слагающего компонента. К общим с синташтой признакам этих культурных образований относятся: ориентировка погребений по дуге окружности кургана (катакомбники), крупные ямы с заплечиками (поздние ямники, катакомбники), типологически близкие изделия (тесла, топоры, часть ножей, шилья, крючки, булавы), тип стада (катакомбники), мышьяковые лигатуры, горшки с ребром-уступом и часть баночных форм керамики (катакомбники, полтавкинцы). Однако лишь для керамики можно говорить о безусловном заимствовании в синташту из восточноевропейских культур. Прочие параллели имеют распространение и к югу от Кавказа.

Большинство черт материальной культуры синташты имеет свои прототипы в Передней Азии и на Кавказе. Закавказско-переднеазиатские параллели обширны и точны. К ним относятся архитектурный комплекс, крупные могильные ямы с жертвенниками на перекрытии, ножи с перехватом, втульчатые топоры с бойком, тесла, шилья, крючки, долота, копыя, булавы, легирование металла мышьяком, традиция легирования на стадии плавки руды, костяные пряслица, формы и орнаменты сосудов, уровень текстильного производства, колесницы со спицами, глиняные модели колес, тип стада. Столь широкий круг аналогий, причем по основным культурообразующим признакам, а также отсутствие реальных прототипов в Северной Евразии позволяет нам с уверенностью говорить о пришлом характере этой культуры, сформировавшейся в результате стремительной миграции. Причем, пришлой она является не только для районов Южного Зауралья, но и для всей Северной Евразии в целом. Исходным регионом этой миграции является территория Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии. Вряд ли мы можем

говорить о более широкой зоне. Районы Малой Азии в этот период были уже достаточно прочно освоены хеттами и лувийцами. Кроме того, в Западной и Центральной Анатолии были к этому времени уже иные архитектурные традиции. На подобную локализацию указывает, в первую очередь, то, что основные синташтинские керамические формы имеют параллели в Сирии. Вместе с тем, керамическая орнаментация близка закавказской, а один из типов керамики имеет аналогии в севано-узерликской группе памятников. Последнее свидетельствует в пользу того, что миграция осуществлялась через район, расположенный между озерами Ван, Севан и Урмия. Ряд близких артефактов можно обнаружить и на Северном Кавказе, что тоже маркирует путь этой миграции. В ходе этой миграции не исключены временные остановки всего мигрирующего коллектива в Закавказье и на Северном Кавказе, но они были, вероятно, непродолжительны. Тем не менее, часть популяции, по-видимому, осталась в этих районах.

Все сказанное позволяет нам вновь вернуться к проблеме прародинны индоиранцев.

К настоящему времени вышел уже целый ряд работ, обосновывающий индоиранскую принадлежность памятников синташтинского типа [Генинг, 1977; Кузьмина, 1981; Смирнов, Кузьмина, 1997]. Довольно устойчивым стало также мнение об индоиранской принадлежности катакомбных древностей. В свете этого ничего странного в предлагаемой нами первичной локализации этого населения нет. Присутствие индоиранского компонента в Северной Сирии в митаннийский период – факт очевидный. Однако в течение всей Средней бронзы, а не только в конце этого периода, мы не наблюдаем никаких проникновений на юг из Восточной Европы. Скорее напротив. В течение всей Ранней и Средней бронзы все культуры этой зоны испытывают несомненные воздействия Кавказа и Закавказья.

Все это свидетельствует о достаточно долгом проживании индоиранских племен в указанном регионе. Более того, мы имеем полное право говорить о том, что именно в этот период начинается тенденция иранизации Северной Евразии.

Глава 5.

Синташтинская культура и абашевские культуры

5.1. Относительная хронология

Дальнейшая реконструкция исторических процессов в восточноевропейской лесостепи невозможна без решения проблемы относительной хронологии синташтинских и абашевских комплексов. Существует два основных взгляда на эту проблему. Один базируется на идее о формировании абашевской общности на Дону и последующем распространении ее в Поволжье и на Урал [Пряхин, 1976, с. 60, 66; Эпоха бронзы..., 1987, с. 130]. Главным основанием данного суждения является факт обнаружения незначительной и маловыразительной серии “протоабашевской” керамики на Сокольском поселении, а также “пострепинский” фон абашевской посуды. Исходя из этого, абашевская культура Подонья оказывается наиболее ранней, а все прочие вторичными. Иная точка зрения построена на идее формирования абашевской культуры на Средней Волге на основе

“постшнуровых” образований. Наиболее последовательным ее сторонником является О.В.Кузьмина, которую поддерживает В.С.Горбунов [Кузьмина О., 1992; Горбунов, 1990, с. 15, 16; 1992, с. 152]. В последнее время эта идея получила дальнейшее развитие и в настоящее время выглядит следующим образом. Сформировавшись на Средней Волге, абашевская культура распространяется на Южный Урал, исчезая на первоначальной территории. При этом средневолжское абашево на позднем этапе синхронно раннему приуральскому. Далее формируются синташтинские и донские абашевские памятники, на их основе раннесрубные. Приуральское абашево синхронизируется с Турбинским могильником, а Синташта, доноволжское абашево и ранние срубники синхронны Сейме [Кузьмина О., 1992, с. 74-76]. Затем О.В.Кузьмина в еще большей

степени детализировала свою позицию, расчленив абашевские комплексы на девять хронологических этапов. При этом наиболее ранними памятниками являются могильники правобережья Средней Волги, а синташтинская культура рассматривается по-прежнему, как более позднее явление, формирующееся на основе уральского абашева [Кузьмина О., 1999]. Однако само по себе столь дробное членение археологической культуры беспрецедентно. К тому же, данное построение основано отнюдь не на стратиграфических наблюдениях, и не на анализе всего корпуса источников. В основании выводов лежит анализ керамики, который позволил разделить ее на девять групп. Хронологический смысл этим группам был придан глубоким убеждением автора в том, что абашевская культура формируется на фатьяновско-балановской основе, и потому комплексы, несущие в себе фатьяновско-балановские черты являются наиболее ранними. Таковыми, естественно, оказываются памятники Средней Волги. Таким образом, в данный анализ изначально были привнесены те выводы, которые следовало доказать.

В статье А.Д.Пряхина и В.И.Беседина, посвященной анализу острореберных абашевских сосудов подчеркивается, что даже такой культуроопределяющий абашевский тип, как острореберные сосудики, не имеет прототипов в фатьяновско-балановской керамике. Кроме того, при изготовлении керамики фатьяновско-балановские мастера добавляли в глину дресву и шамот, что не свойственно абашевскому гончарству, использовавшему в качестве отоци-теля толченную раковину [Пряхин, Беседин, 1998а, с. 65, 69].

Статистическое исследование керамики приуральского абашева и сопоставление ее с керамикой ветлянской, потаповской и синташтинской показал, что коэффициент их сходства значительно ниже, чем это допустимо для генетически связанных групп [Мочалов, 1999а].

В данной работе мы исходим из одновременности формирования культур абашевской общности, поскольку вышеизложенная концепция не выдерживает критики. Приведенный анализ отдельных фракций показал невозможность формирования абашева на постшнуровой основе, а наложение постшнурового фона на Средней Волге скорее связано с особенностями культурогенеза в этом регионе. На всей территории распро-

странения синташтинских и абашевских памятников зафиксировано лишь два металлургических очага – синташтинский и баланбашский, без функционирования которых формирование абашева на Дону и в Поволжье немислимо. Металлокомплекс абашевской общности, в целом, един и отражает не стадиальные, а территориальные различия. Какие-либо признаки, указывающие на раннюю дату абашевской культуры Средней Волги, отсутствуют. “Архаичный” облик этой культуры есть следствие изолированности ее от основного массива и априорной идеи об ее раннем характере. Наиболее ярко противоречия этой концепции проявляются при сопоставлении абашевских материалов с сейминскими. Анализ последних показал, что, в принципе, погребения Сейминского и Турбинского могильников синхронны, хотя в Сейме и есть более поздние включения, а соответствующие памятники азиатской зоны (могильник Ростовка) относительно них более ранние [Черных, Кузьминых, 1989, с. 272-275]. В предложенной же схеме Турбино является более ранним комплексом относительно Синташты. По той же логике Ростовка должна датироваться раньше не только Синташты, но и абашева в Приуралье. Однако в ней присутствуют изделия синташтинские, не сопоставимые с абашевскими, в особенности с абашевскими Средней Волги. Если мы вычеркнем этот факт, и будем последовательно стоять на предложенной концепции, то нам придется неоправданно растянуть временную протяженность абашевско-синташтинских и сейминско-турбинских памятников.

Таким образом, у нас отсутствуют серьезные основания полагать, что какая-либо из абашевских культур сформировалась раньше других. Синхронизация Синташты с Ростовкой, а уральского абашева с Турбино, присутствие бронзы ТК, выплавляемой уральскими центрами в материалах донского и средневолжского абашева и отсутствие там собственной плавки руды позволяют говорить о синхронном формировании всех абашевских культур еще в досейминское время.

Вывод о синхронности Пепкинского кургана и, соответственно, средневолжского абашева донскому, уральскому и синташте уже имел место в литературе и базировался на встречаемости во всех этих комплексах втульчатых костяных лопаточек [Беседин, 1995].

При этом с мнением о более раннем завершении существования абашева на Средней Волге, вероятно, можно согласиться, но точных данных об этом нет.

Определенные вопросы может вызывать хронологическая позиция абашевских древностей Подонья. В этом регионе довольно надежно зафиксировано положение абашевских комплексов между поздними катакомбными и срубными. При этом появление абашевских племен в этой зоне приходится на конец развитого этапа катакомбной культуры, а широкое их распространение синхронно финальному ее этапу [Матвеев Ю., 1998]. Ряд аргументов в пользу поздней хронологической позиции доно-волжского абашева был приведен В.В.Отрощенко [Отрощенко, 1998]. Наиболее существенным из них мне представляется следующий: костяные пряжки доно-волжской культуры восходят к пряжкам КМК, но, поскольку они имеют два отверстия, то сопоставлять их можно с поздними пряжками КМК. Однако данный тезис не может быть распространен на уральское абашево и синташтинскую культуру.

Вместе с тем, относительно абашева Подонья существуют и иные аргументы его относительно поздней хронологической позиции. Это присутствие в его комплексах поздних вещей, которые никогда не встречаются в синташтинских или средневолжских памятниках. Этот тезис противоречит утверждению А.Д.Пряхина и В.И.Беседина о присутствии одинаковых категорий вещей и хронологической близости памятников на Дону и на Южном Урале [Пряхин, Беседин, 1999]. Весьма показателен комплекс кургана 1 могильника Селезни-2, который рассматривается как относящийся к развитому, частично позднему этапу абашевской культуры Подонья [Пряхин и др., 1998, с. 30]. В этом кургане обнаружен наконечник копья с литой втулкой, петлей для привязывания и манжетой [Пряхин и др., 1998, рис. 9,1]. По номенклатуре Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых подобные копья относятся к разряду КД-30 и приурочены к комплексам покровского времени [Черных, Кузьминых, 1989, с. 79]. Псалии из этого кургана украшены орнаментами в микенском стиле, что тоже указывает на относительно позднюю хронологическую позицию. При этом необходимо заметить, что подобная орнаментация вообще характерна для псалиев этого региона, но не известна в Синташте. В дополнение к этому

можно заметить, что покровские псалии почти всегда орнаментированы, как и донские абашевские [Малов, 1999, с. 248]. Анализ всей коллекции псалиев, обнаруженных от Подонья до Южного Урала позволил А.Д.Пряхину и В.И.Беседину сделать вывод о том, что выделение в рамках этой серии различных подтипов, выстроенных в генетические ряды, совершенно неправомерно. Все вариации встречаются в одних комплексах и принципиально можно говорить лишь о двух типах: староюрьевском, включающем в себя псалии Подонья, и синташтинском или южноуральском. К последнему типу относятся все синташтинские псалии (рис. 43,3,7), псалии потаповских памятников Утевка VI и Потапово (кроме одного экземпляра с микенским орнаментом) и отдельные псалии донского региона (Трахтемиров, Каменка) [Пряхин, Беседин, 1998, с. 30-33]. Детальное трасологическое исследование псалиев Подонья, предпринятое А.Н.Усачуком, позволило сделать вывод о том, что технология их изготовления весьма схожа. Более того, многие псалии сделаны рукой одного мастера [Усачук, 1998, с. 79]. Этот вывод, как будто, сужает дату существования подобных комплексов на Дону. Необходимо также отметить технологическую разницу в изготовлении псалиев Дона (староюрьевский тип) и псалиев Средней Волги и Урала (утевский и синташтинский типы) [Усачук, 1999, с. 158]. Пока не вполне ясно, что стоит за этими различиями, но не исключено, что они носят хронологический характер, тем более что донские псалии встречены в комплексе с вещами явно более поздними, чем синташтинские. По мнению А.Т.Синюка, абашевские комплексы с псалиями в Подонье хронологически едины, и основания отделять псалии со вставными шипами от псалиев с монолитными шипами отсутствуют. Хронологические рамки их бытования – предсрубное время, а появление их в регионе связано с восточными импульсами. При этом богатую орнаментацию псалиев Дона А.Т.Синюк склонен рассматривать в качестве позднего признака, указывающего на вырождение колесничества и появление преимущественно парадных изделий этого типа [Синюк, 1996, с. 204]. По мнению Кайзер, псалий из Трахтемирова близок экземпляру, обнаруженному в IV шахтной гробнице Микен [Kaiser, 1997, S. 33]. Это определяет хронологическую позицию донских псалиев временем начала микенского периода в

Греции. Это же, вероятно, является верхней границей существования синташтинских псалиев.

Очень показательны и металлографические исследования металла Кондрашкинского кургана, содержащего псалий староюрьевского типа [Дегтярева и др., 1998]. Собственно и сам набор изделий отражает сравнительно позднюю хронологическую позицию. Несмотря на присутствие в комплексе копья с разомкнутой втулкой, изготовленного ковкой, что характерно для более ранних традиций металлообработки, в него входит массивноислобушный топор срубного облика. При этом в составе металла зафиксированы включения сульфидов и значительные (до 1%) примеси железа, свидетельствующие о плавке сульфидных руд типа борнита или халькопирита. Использование подобных руд в синташтинско-абашевской металлургии мне не приходилось фиксировать ни разу. Однако многие исследованные серии шлака периода ПБВ фиксируют плавку именно этих руд.

Аналогичным образом, сравнительно позднее хронологическое положение абашевских памятников на Северском Донце, синхронных поздним многоваликовым памятникам, и не намного предшествующих раннесрубным покровским (часто их сложно расчленишь), не могут определять относительную хронологию абашевской культуры в целом. Это очень поздние памятники даже относительно Подонья [Литвиненко, 1998, с. 92-97]. Но этот их поздний характер служит дополнительным аргументом против синхронизации синташтинских памятников с покровскими.

Очень показательным является анализ донских абашевских древностей предпринятый А.Т.Синюком. В целом, он стоит на позиции очень раннего формирования абашевской культуры на Дону, с чем солидарно большинство исследователей этого региона. При этом, он полагает, что абашевская культура формируется на пострепинской основе, в пользу чего приводит материалы Сокольского поселения, некоторых иных донных поселений и грунтового пострепинского погребения во Введенском кургане, над которым в абашевское время была сооружена курганная насыпь. Последнее, впрочем, указывает лишь на несомненный хронологический приоритет пострепинских материалов. Более правомерна иная аргументация: технологическая сопоставимость пострепинской и ранней абашевской керамики и пострепинские традиции в погребальном обряде (погребения вытянутые на спине) [Синюк, 1996, с. 69]. Пос-

ледняя черта присуща, в том числе, поздним абашевским комплексам и не может быть рассмотрена в качестве инновации, привнесенной в этот регион восточными абашевскими популяциями, поскольку она характерна (за вычетом единичных случаев) только для Подонья. Однако необходимо заметить, что само по себе количество материалов, которыми А.Т.Синюк характеризует абашевскую культуру допокровского времени на Дону, более чем ограничено. Они известны на 7 памятниках, причем само по себе количество этой керамики весьма незначительно даже на наиболее известном Сокольском поселении. И мне было бы крайне интересно узнать: о каком числе фрагментов идет речь – о пятидесяти или о ста. О хронологической позиции этих материалов судить тоже трудно. Поэтому можно допускать, что незначительные популяции с раннеабашевскими чертами в бассейне Дона проживали, возможно, их можно синхронизовать с абашевскими культурами иных территорий, но невозможно себе представить формирование абашевских культур на этой основе. Весьма показательно и то, что весь основной массив абашевских материалов А.Т.Синюк относит к покровско-абашевской культуре [Синюк, 1996, с. 190-210]. Она предшествует собственно покровским материалам данного региона, но, на мой взгляд, не исключена ее синхронизация отчасти с поздними синташтинскими комплексами, с которыми ее объединяет много общих черт, отчасти с ранними покровскими более восточных территорий. Формирование ее за счет воздействия восточных импульсов более чем вероятно, поскольку в этом регионе присутствуют социально значимые захоронения (Власовский и Филатовский могильники), в которых восточные импульсы выражены достаточно отчетливо, и формирование которых связывают с синташтинским воздействием [Синюк, 1996, с. 198-203].

Одним из наиболее сложных вопросов в абашевско-синташтинской проблематике является культурогенез абашевской КИО. Почти всегда процесс культурогенеза вызван наложением друг на друга разнокультурных образований с последующей трансформацией черт материальной культуры, что в значительной степени затрудняет выяснение первичных слагаемых импульсов. В случае с абашевской КИО, распространенной на огромной территории доно-уральской лесостепи, в различных регионах действуют

собственные факторы. Наряду с этим, формирование сходных черт не могло протекать без единых генерирующих процессов, обуславливающих связи между отдельными культурами общности.

Как уже отмечалось выше, на всей территории абашевской общности зафиксировано лишь два металлургических очага: баланбашский (в среднем течении р. Белой) и синташтинский. [Григорьев, 1994, с. 18; 1995, с. 126]. Поэтому генерирующим процессом, обуславливающим единство абашевской общности, являлось начало формирования Евразийской металлургической провинции. При всей правильности подобного подхода, следует заметить, что он задает достаточно абстрактную рамку, сориентированную, при этом, в первую очередь, на историко-металлургическую проблематику. По этой причине данный подход не может претендовать на решение конкретных исторических проблем культурогенеза, за исключением той их части, которая связана с деятельностью металлургических и металлообрабатывающих очагов, поставками металла и т.д. Следует также подчеркнуть, что связи металлургические являлись вторичными относительно этнокультурных. Примером этому может служить ситуация в Северном Причерноморье в ПБВ, где деятельность Балкано-Карпатских металлургических очагов не распространяется дальше правобережья Днепра, а прекрасные по качеству кобано-колхидские изделия присутствуют лишь в единичных случаях [Черных, 1976, с. 196, 197]. Срубное же население предпочитало получать металл не из более развитых близлежащих горно-металлургических центров, а из достаточно отдаленных восточных регионов, составляющих с ними единый культурно-исторический ареал. Поэтому установление металлургических связей лишь фиксирует сложившуюся историческую ситуацию, но не обуславливает ее.

Понимание вышеперечисленных фактов заставляет нас подойти к проблеме формирования абашевской КИО с учетом как конкретной ситуации на каждой территории, так и общих процессов, происходивших в восточноевропейской лесостепи.

5.2. Формирование синташтинской и абашевских культур

В лесостепном Подонье в доабашевскую эпоху наблюдается достаточно сложная этнокультурная ситуация. На юге располагаются катакомбные племена. Они занимают, в основном, степную зону, хотя отдельные памятники выявлены и в лесостепи. При этом, среднедонская катакомбная культура является более поздней относительно донецкой и днепро-азовской. Обнаружение в этом районе смешанных ямно-катакомбных памятников, датируемых первой четвертью II тыс. до н.э. свидетельствует о доживании здесь определенных ямных групп до предабашевского времени [Погорелов, 1989].

По реке Воронеж локализуются памятники, так называемой, воронежской культуры, формирующейся благодаря контактам носителей катакомбной и среднеднепровской культур [Беседин, 1984; 1986]. В отличие от катакомбников, эта культура обладала обедненным набором металлического инвентаря и более широким распространением кремневой индустрии.

Наряду с этими культурами, в Подонье зафиксированы материалы иванбугорского типа (пережиточный энеолит), связанные с северными территориями, и пострепинского типа, имеющие здесь давнюю традицию [Васильев, Синюк, 1995, с. 68-70; Синюк, 1996, с. 64-68]. С последним компонентом и связано, в первую очередь, формирование абашевской культуры в Подонье. В настоящее время известен уже ряд памятников, содержащих материалы с пострепинскими или протоабашевскими чертами [Эпоха бронзы..., 1987, с. 130; Халиков, 1961, с. 224, 225]. Это приземистая посуда с резко отогнутым венчиком, намечающейся “колоколовидностью” и грубым заглаживанием стенок. Интересен и другой факт – продолжительное существование в этом регионе обряда погребений вытянутых на спине. На Донце подобный обряд встречен у ранних ямников. В лесостепном же Подонье он характерен для репинского и иванбугорского населения. Эта черта впоследствии присуща абашевской культуре Дона [Эпоха бронзы..., 1987, с. 128; Археология УССР, 1985, с. 348; Ва-

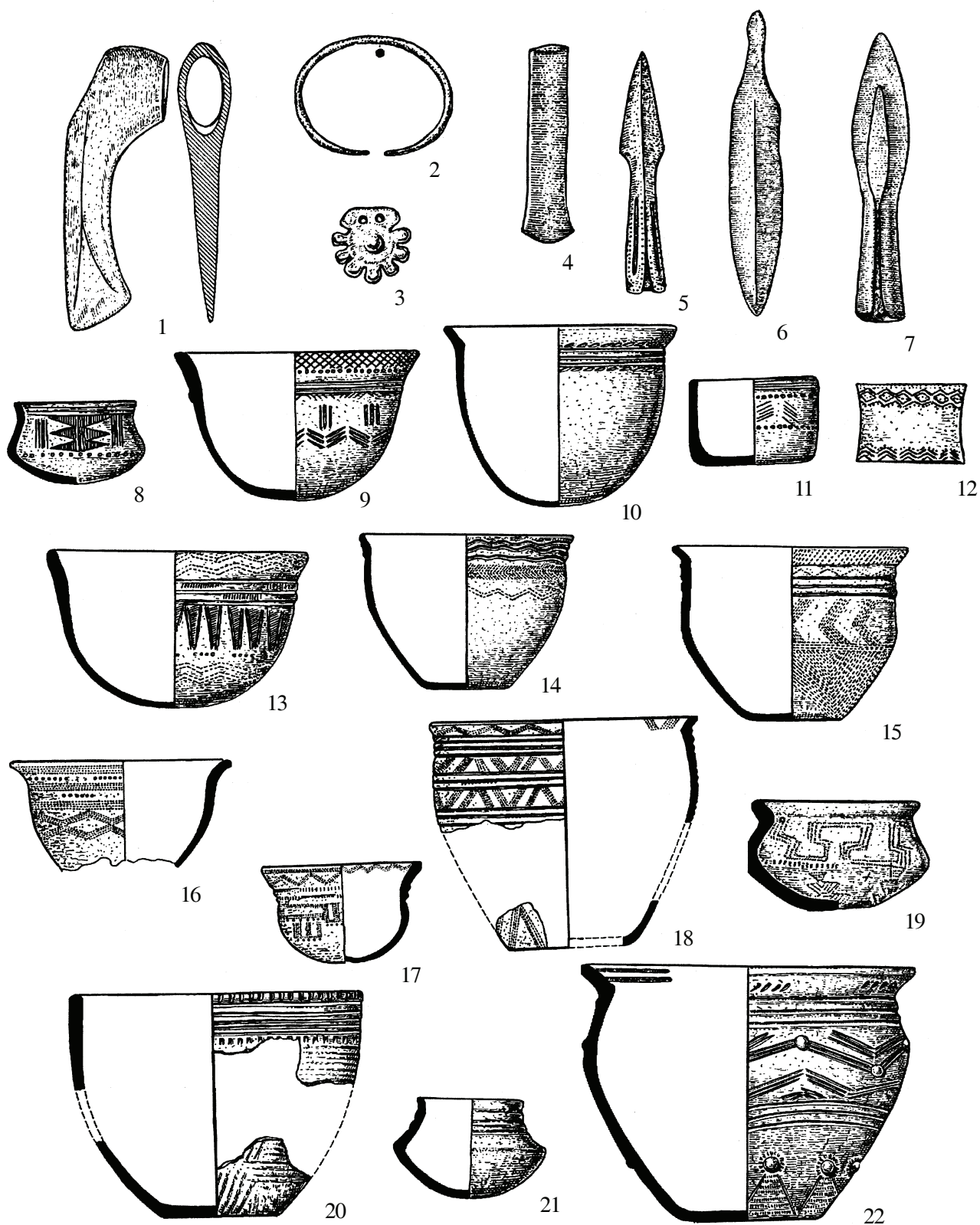

Рис. 45. Металлические изделия абашевской культурно-исторической общности и керамика средневожжской (8 – 12); волго-уральской (13 – 18, 21) и доно-вожжской (19, 20, 22) абашевских культур.

силев, Синок, 1995, с. 53, 54] и восходит, по-видимому, еще к мариупольскому времени. Сохранение керамической и обрядовой традиций позволяет предполагать, что основой при формировании абашевской культуры здесь было местное население.

Наряду с этим, протоабашевские материалы типа Сокольского поселения мы можем называть таковыми лишь с известной долей условности, поскольку в них отсутствуют прочие компоненты, слагающие абашевский комплекс.

Металлический инвентарь абашевской культуры наследует стереотипы Циркумпонтийской провинции и отчасти является развитием катакомбных форм, отчасти – следствием более южного влияния. Именно в доно-волжском абашево зафиксированы единичные переходные формы от катакомбных топоров колонтаевского типа к абашевским [Пряхин, 1976, с. 130; Эпоха бронзы..., 1987, с. 130]. Вместе с тем, мы фиксируем черты, которые нельзя выводить из катакомбных традиций. В донском абашево выявлены круглоплановые поселения и жилища, аналогичные синташтинским и находящие параллели только в Передней Азии. Появляются и две новые керамические формы, единые для всех абашевских культур и синташты, параллели которым мы обнаруживаем в Сиро-Палестине. Первая – это небольшие острореберные сосудики с отогнутым венчиком, а вторая – плавно профилированные горшки с внутренним ребром на шейке. Первая форма не становится очень распространенной. Примечательно, что она присутствует, главным образом, в социально значимых комплексах [Пряхин, Беседин, 1998а, с. 63]. Все дальнейшее формообразование осуществляется на основе пострепинских форм и переднеазиатских горшков с плавной профилировкой.

Пришлое население сыграло определенную роль в культурогенезе. Мы допускаем оседание здесь части этого населения. В противном случае трудно объяснить появление на Дону таких поселений, как Шиловское. Тем не менее, основным компонентом был, по-видимому, местный. Определенную роль могло сыграть и участие многоваликового и катакомбного населения. Во всяком случае, соответствующая керамика присутствует иногда на полах абашевских жилищ [Пряхин, 1976, с. 16, 19, 20]. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что до появления здесь пришлых абашевско-синташтинских групп с востока, коли-

чество памятников здесь исчисляется единицами. Поэтому главным в процессе культурогенеза стало формирование блока культур, который принято обозначать понятием “абашевская общность” на востоке, миграция носителей этих культур в Подонье и оживленные связи с уральскими металлургическими центрами, откуда импортировался металл, что нашло свое отражение в возникновении Евразийской металлургической провинции.

Довольно сложной для понимания проблемой является формирование абашевской культуры на Средней Волге. Выше, анализируя погребальный обряд, мы говорили о его сопоставимости с погребальным обрядом памятников ямно-полтавкинского круга. Их объединяет наличие курганных захоронений, присутствие ровиков или деревянных оград, положение погребенных скорчено на спине с ориентировкой в восточный сектор, размещение могил в линию (в случае, если под курганом присутствует не одно захоронение), наличие заплечиков в могильной яме и встречающаяся иногда посыпка дна мелом или охрой. Как и у ямно-полтавкинских племен здесь отсутствуют поселения. Металлический инвентарь, тем не менее, уже отвечает, в целом, абашевским стереотипам, однако в средневолжском абашево значительно реже встречаются мышьковские бронзы, орудия в погребениях, а значительная часть украшений очень специфична. Многие типы украшений восходят к прототипам ЦМП, но многие разрабатываются на месте. Эти черты отражают высокую степень изолированности средневолжского абашева от остального абашевского массива.

Основные керамические формы повторяют абашевский стандарт, восходящий к переднеазиатским и пострепинским прототипам. Однако у горшков, за счет более коротких пропорций и узкого, часто округлого дна, появляется колоколовидность. Подобные пропорции более характерны для фатьяновской и балановской посуды, хотя, в основе своей, форма совершенно иная и с фатьяновской и иными шнуровыми и постшнуровыми формами несопоставима. Для орнамента же некоторые фатьяновские и балановские элементы очень характерны. Наряду с этим, разрабатываются специфические абашевские элементы и композиции. Поэтому мы должны допускать определенное участие в формировании абашева Средней Волги балановского населения.

Сямно-полтавкинской посудой посуда абашевская ничего общего не имеет.

Состав же стада абашевцев Средней Волги, судя по костным остаткам в погребениях, напротив, аналогичен ямно-полтавкинскому и отличен от фатьяновского.

Существуют специфические “абашевские” элементы и в Закавказье, не выводимые из той переднеазиатской традиции, которая проникает в лесостепь вместе с синташтой. В качестве примера можно привести кобанские топоры, на лезвиях которых присутствует орнамент, идентичный орнаментальным мотивам средневожской посуды [Синюк, 1983, с. 13, 14; Доманский, 1984, с. 13]. Более поздние датировки этих бронз не позволяют рассматривать их в качестве прямой аналогии, но данная ситуация какого-то объяснения требует. Параллели такой распространенной на Средней Волге форме керамики, как чаши, в Закавказье известны как в СБВ (севано-узерликская группа), так и в РБВ (куро-аракская культура) [Кушнарёва, 1994г, табл. 39,4; Мунчаев, 1981, табл. 9,11] (рис. 40,11). Близкие формы известны и на Среднем Евфрате благодаря раскопкам Телль Хамман эт-Туркман, в слоях РБ III, датированным радиоуглеродным методом 2600 – 2300 гг. до н.э. [Thissen, 1989, fig. 2,11,13, p. 197]. Цилиндрические баночные формы тоже весьма характерны для керамических комплексов многих культур Ближнего и Среднего Востока. Поэтому, в принципе, допустима мысль о том, что в движении из Передней Азии и Закавказья участвовала группа населения – носитель традиций, развившихся на Средней Волге.

Эти парадоксы мешают пониманию конкретных механизмов культурогенеза. Тем не менее, мы попробуем предложить модель, не претендующую, впрочем, на право быть окончательным решением данной проблемы.

С появлением в лесостепной зоне Восточной Европыдвигающегося на восток синташтинского населения, ямно-полтавкинское население вытесняется на север, на правобережье Средней Волги. Совершенно не ясно – какую роль в этом сыграли синташтинцы, чья миграция могла служить лишь генератором процесса. Не исключено, что в самом формировании абашевской культуры Средней Волги принимали участие не собственно синташтинцы, а формирующиеся группы абашевцев Подонья. Последнее более вероятно, тем

более что в юго-западных районах Среднего Поволжья на поселениях присутствует керамика доно-вожской абашевской культуры [Пряхин, 1976, с. 70-85; Большов, 1995, с. 151]. За счет опосредованности данного импульса, происходящего, при этом, достаточно рано, в период формирования доно-вожского абашева, а также последующей изолированности абашева Средней Волги, металлокомплекс здесь более специфичен, чем у прочих абашевских культур.

Контакт со смещающимся на север ямно-полтавкинским населением приводит к трансформации культуры. Вероятно, эта трансформация была очень быстротечной, поскольку археологически этот контакт не зафиксирован, что, впрочем, не удивительно, учитывая отсутствие поселений. Основой этого процесса был, все же, ямно-полтавкинский компонент. Тем не менее, механизм восприятия общеабашевских форм посуды не совсем ясен. Не ясно и появление на Средней Волге такой характерной синташтинской погребальной конструкции, как глиняные площадки над ямами и глиняные обмазки стенок могильных ям.

В Среднем Поволжье мигранты сталкиваются с фатьяновским и балановским населением, что отразилось в некоторой трансформации керамических форм и в появлении специфических орнаментов. Но влияние этих культур на формирование абашева нельзя переоценивать.

Вероятно, в этот период сходные процессы происходят и на Средней Оке, где сталкиваются культуры боевых топоров и пережиточный энеолит Среднего Дона (Иван Бугор), вытесняемый, по видимому, оттуда формирующимся абашевом [Каверзнева, 1992, с. 158; 1995]. Часть керамики, составляющей шагарский комплекс, на наш взгляд, сопоставима с раннеабашевской. Речь идет о посуде с отогнутым венчиком и внутренним ребром [Каверзнева, 1992, с. 157].

Первоначально формирующаяся в Поволжье абашевская культура контактирует с поздневожскими племенами [Большов, 1995, с. 151, 152]. В силу резких отличий этих групп населения данный контакт не приводит к сколько-нибудь серьезным трансформациям этих культур. Более значимыми оказываются отношения с фатьяновско-балановским миром. Не совсем ясны формы включенности абашева Средней Волги в общеабашевскую систему отношений. Во всяком случае, уральский металл, хотя и в ограниченных количествах, сюда поступал. Единичные синташ-

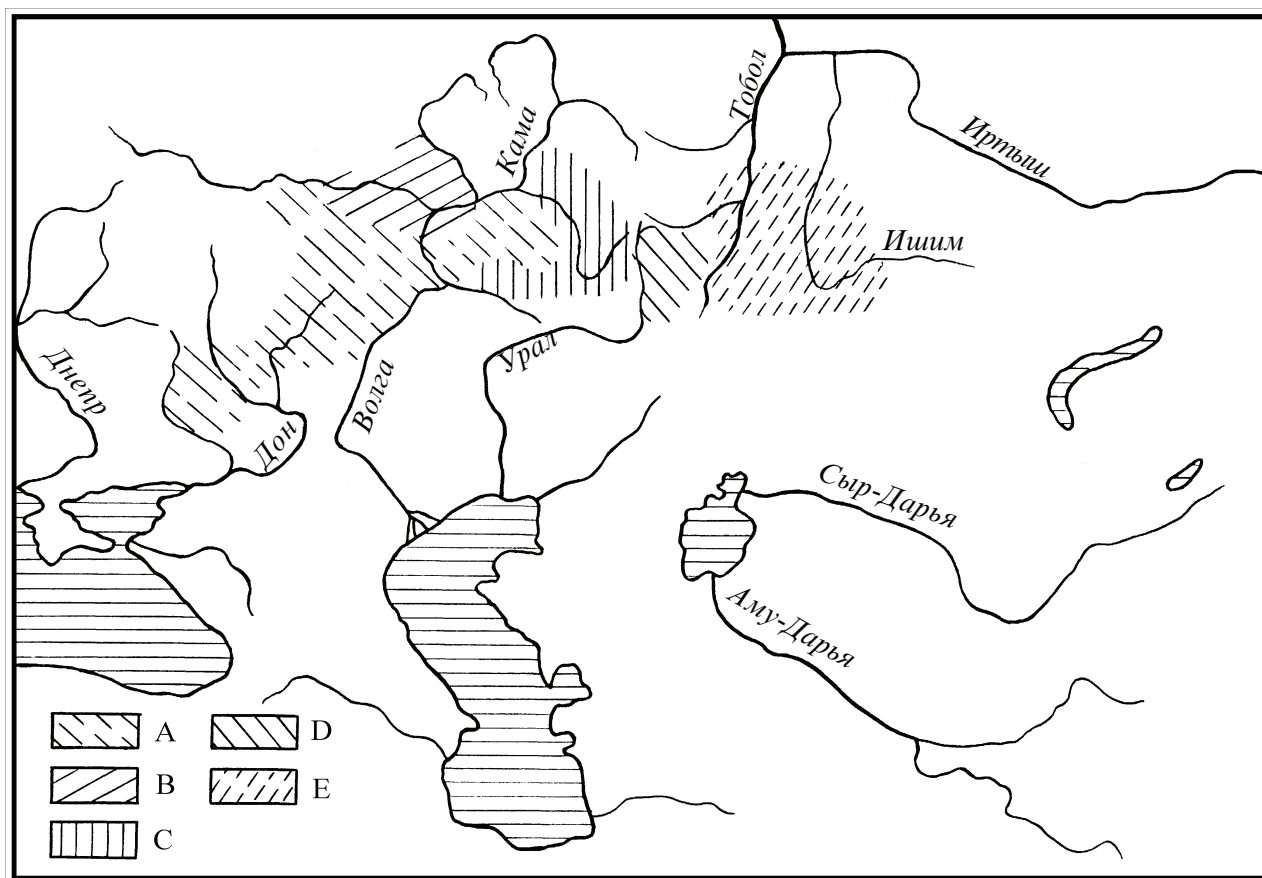

Рис. 46. Карта распространения доно-волжской (а), средневожской (б), волго-уральской (с) абашевских, синташтинской (д) и петровской (ф) культур.

тинские комплексы, причем с хорошо зафиксированными вторичными захоронениями, здесь отмечаются (мог. Ново-Байбатырево). Однако керамика этих комплексов несет в себе отнюдь не ранние черты [Ефименко, 1961, с. 105-110]. Следовательно, проникновение синташтинского населения в эту зону имело место не ранее конца классического этапа этой культуры. Возможно, это и послужило причиной вытеснения абашевцев в Волго-Вятское междуречье и еще большей изоляции от источников металла. В этом районе абашевская культура датируется относительно более поздним временем. Интересно и появление на посуде здесь приостренных валиков [Халиков, 1961, с. 219]. Причиной последнего могло служить как чирковское, так и синташтинское воздействие, но форма валиков указывает, все же, на синташтинское.

С появившимися в Приуралье сейминско-турбинскими популяциями средневожская абашевская группа прекращает свое существование,

будучи, по-видимому, или вытесненной или достаточно быстро ассимилированной.

Формирование абашевской культуры в Приуралье происходило не менее сложно. Здесь, как и в Зауралье, вряд ли есть основания для обсуждения каких-то местных основ данного процесса, что не исключает ассимиляции местного населения пришельцами. В погребальном обряде мы наблюдаем смешение черт различных абашевских культур и синташты. Здесь присутствуют трупоположения скорчено и вытянуто на спине, но очень велика доля вторичных захоронений. Ориентировки очень вариабельны. Местной особенностью является широкое использование камня в погребальном обряде.

Керамический комплекс отражает, как черты средневожские, так и доно-вожские и синташтинские. Синташтинская керамика обычно приурочена к памятникам среднего течения реки Белой. Только в этом районе известны металлургические шлаки на поселениях. Здесь же исследо-

вано укрепленное поселение Тюбьяк, сопоставимое, судя по всему, с Шиловским и, отчасти, с синташтинскими городищами. Это позволяет говорить о непосредственном оседании в указанном районе синташтинского населения. Помимо этого, в культурогенезе могли принимать участие доново-волжские и среднево-волжские абашевцы, причем, возможно, на достаточно ранней стадии формирования. Однако на данном этапе осмысления источников реконструировать эту систему достоверно не представляется возможным, поскольку у нас отсутствуют данные о хронологическом соотношении отдельных памятников. Мы лишь ограничимся очередной констатацией того, что главным в процессе культурогенеза здесь также являлось втягивание в единую систему.

По всей вероятности, к уральским абашевским комплексам следует относиться дифференцированно. Здесь необходимо отделить комплексы, близкие среднево-волжским от комплексов баланбашских, которые, на наш взгляд, почти идентичны синташте. Помимо этого, есть необходимость отделения поздних комплексов, сформировавшихся в результате контактов этих типов, от ранних, связанных с миграционным процессом из Передней Азии. К последним, возможно, относится могильник у Никифоровского лесничества. Керамика его содержит набор форм, весьма близкий синташтинским, в обряде доминируют вытянутые захоронения, как на Дону, а типы ножей очень архаичны [Васильев, Пряхин, 1979]. Могильник этот грунтовый, что мы склонны рассматривать в качестве раннего признака.

В формировании же комплексов, сопоставимых со среднево-волжским абашево, здесь, как и на Средней Волге, могло принять участие балановское население, что косвенно подтверждается присутствием в Приуралье каменных топоров балановских типов [Обыденнов, 1996].

В отличие от абашевских культур, в значительной степени включивших в себя местный доново-волжский компонент, синташтинская культура является практически полностью пришлой, сформировавшейся в результате стремительной миграции. В ней, несмотря на декларированные заявления на эту тему ряда исследователей, практически полностью отсутствуют черты каких-либо местных зауральских культур. Это объясняется тем, что в начале II тыс. до н.э. в Южном Зауралье произошла очень мощная засуха. Соб-

ственно, процессы ксеротерма шли в это время повсеместно, но здесь они носили очень интенсивный и резкий характер, в результате чего катастрофически снизилась численность диких животных – предмета охоты местного населения. Это повлекло за собой резкое уменьшение численности и самого населения [Косицев, 1999а, с. 257].

Все компоненты синташтинской культуры не имеют прототипов в предшествующих культурах региона и восходят к переднеазиатским образцам. Синташтинские городища повторяют переднеазиатскую традицию в архитектурных деталях и в строительной технике, причем традицию, распространенную в Закавказье, Анатолии и Сирии. Погребальный обряд обнаруживает параллели с комплексами типа Аладжа Уйюк, Тилль-Барсиб, Бедени и Триалети, с севано-узерликскими памятниками, где также отмечены крупные погребальные камеры с двойными перекрытиями и костями жертвенных животных на них. Захоронения костяков лошадей выявлены у гиксосов в Палестине. Очень ранней и устойчивой традицией являлся в Передней Азии обряд вторичных захоронений, а также использование погребальной камеры для многократных захоронений.

Важно подчеркнуть, что первоначально синташтинский обряд не был классическим курганным. Отдельные погребения имели собственные надмогильные сооружения. Лишь впоследствии происходит определенный возврат к более ранним восточноевропейским традициям.

Металлургическое производство, основанное на использовании мышьякосодержащих бронз, является заимствованием с территории Циркумпонтийской металлургической провинции. При этом северный блок культур следует полностью исключить, так как катакомбники и полтавкинцы знали лишь металлообработку, а ямники Приуралья не владели технологией легирования металла на стадии плавки руды. Поэтому можно утверждать, что техника плавки руды, как и легирование, привнесены из южного блока ЦМП. Отрыв от исходной территории и отсутствие на Урале оловянистых лигатур помешали употреблению здесь оловянистых сплавов, которые на юге ЦМП были уже известны.

Набор вооружения имеет тоже переднеазиатское происхождение. Орудия труда формируются на более широко распространенной основе СБВ Циркумпонтийской зоны.

Керамическая посуда имеет сирийские прототипы. Это, впрочем, касается лишь собственно синташтинских форм. Наряду с ними, памятники Зауралья содержат посуду, сопоставимую с КМК, катакомбными и ямно-катакомбными памятниками Среднего Дона и полтавкинской керамикой. Параллели с КМК обнаруживает биконическая посуда, в особенности украшенная вертикальной “елкой” по тулову. Она достаточно органично вписывается в синташтинский комплекс. Поэтому трудно определить – отражает ли она участие многоваликового населения в формировании синташты или свидетельствует о близких подосновах формирования обеих культур. На последнее может указывать то, что часто остроруберность синташтинской посуды мнимая. Формируется она налепом валика в месте наибольшего перегиба плавно профилированного тулова. Наряду с этим присутствует и собственно остроруберная посуда. Поэтому мы склонны считать правомерными обе указанные позиции. Сопоставления синташтинских орнаментов с закавказскими не дают однозначного ответа на вопрос об участии носителей севано-узбекской, триалетской и протоколхской культур в миграционном процессе. Скорее, речь должна идти об их родстве с синташтой, формировании на близкой подоснове и в одном ареале.

Мы не склонны связывать формирование синташтинской культуры и с северокавказским регионом, где имеются надежные параллели в металле, керамике, погребальном обряде. Скорее всего, эти параллели обусловлены тем, что в период СБВ II переднеазиатское влияние распространяется не только на Южном Урале, но и по всей Восточной Европе. Миграция синташтинских племен осуществлялась через Кавказ, что и определило сходные черты материальной культуры. Это позволяет предполагать, что в процессе миграции с территории Сиро-анатолийского региона происходило временное оседание этих коллективов в Закавказье и на Северном Кавказе.

Керамика, обнаруживающая параллели в катакомбных, ямно-катакомбных и полтавкинских древностях присутствует уже в более поздних синташтинских комплексах, относящихся к “классическому” периоду. Очень показательные в этом отношении линии развития дают материалы 24 кургана Большекараганского могильника, где две центральные и одна периферийная ямы содержат собственно синташтинскую посуду, а в южной

части насыпи в погребениях обнаружена посуда, отнесенная нами к полтавкинской серии. Севернее в посуде этой серии нарастают синташтинские черты.

Вероятно, на классическом этапе в синташтинскую систему начинает активно втягиваться степное восточноевропейское население, что вызвало рост размеров городищ, на которых появляется второй круг жилищ и укреплений.

Эти процессы вызывают, с одной стороны, территориальное расширение культуры, с другой – активную ее трансформацию. В результате, по притокам Тобола и восточнее образуется петровская культура. Несмотря на унификацию керамических форм и орнаментов, в технологии изготовления керамики этой культуры наблюдается значительная варибельность, что свидетельствует о многокомпонентном характере ее формирования. Петровские древности охватывают уже территорию Северного и Западного Казахстана. По притокам Урала и западнее на основе синташты, абашева и полтавкинской культуры формируются раннесрубные древности и, как будет показано, ниже – алакульские.

В результате описанного процесса идет изменение и иных черт материальной культуры. Возникают небольшие неукрепленные селища, что свидетельствует о более активном освоении территории и начале военно-политической стабилизации. Это стало возможным благодаря изменениям строительной техники. Появляются углубленные столбовые полуземлянки, что позволило возводить индивидуально расположенные дома. В петровской культуре на смену круглоплановым поселкам приходят прямоугольные.

Трансформируется и погребальный обряд. Постепенно затухает обычай вторичных захоронений. На классическом этапе он присущ лишь крупным центральным могильным ямам. В петровской культуре он сохраняет свое значение, но это касается лишь захоронений воинов-колесничих. Господствующим становится труположение скорчено на боку. Размещение периферийных погребений по кругу сохраняется, но они ориентированы теперь не по окружности, а по сторонам света. Происходит частичный возврат к прежним традициям Волго-Уралья. К концу последнего этапа взаимная ассимиляция выходцев с Ближнего Востока и местных племен в Зауралье и Казахстане завершается.

5.3. Абашевская культурно-историческая общность

В последнее время в литературе обозначилась тенденция на ликвидацию понятия “абашевская культурно-историческая общность” [Кузьмина О., 1992, с. 74, 75]. Основывается данная тенденция на выведении за рамки общности доново-волжской абашевской и синташтинской культур и на представлении о одновременности средне-волжского и уральского абашева. В настоящей работе мы показали, что различные абашевские культуры, в целом, одновременны. Это вновь актуализирует представления о единой культурно-исторической общности.

Прежде, чем приступить к дальнейшему изложению, мы должны вновь вернуться к понятию КИО. В нашем представлении подобные образования вовсе не обязательно должны быть объединены по принципу этногенетического единства. Обязательным является единство процессов формирования различных культур общности и механизмов ее функционирования, которые обеспечивали возникновение и сохранение сходных черт материальной культуры.

Начало формирования абашевской общности было положено миграцией арийских племен из Передней Азии в лесостепную зону Восточной Европы. Эти племена оставили синташтинские памятники в Зауралье и сопоставимые с ними древности доно-уральских лесостепей. Данная миграция наложила на этнически родственную основу. Ниже мы покажем, что в течение предшествующих эпох из Передней Азии на север мигрируют индоевропейские племена. Это обеспечивало более легкий процесс интеграции пришельцев и местных племен и способствовало формированию и усвоению новых стереотипов. Доля пришельцев была, вероятно, несколько ниже на Дону и в Приуралье. В Зауралье, где прежде индоевропейское население отсутствовало, формирование синташтинской культуры протекало наиболее контрастно. Вероятно, первоначально индоевропейский компонент здесь был представлен в наиболее чистом виде.

Таким образом, мы можем констатировать следующее. Формирование всех культур абашевской общности подчинялось единому процессу, связанному с миграцией индоиранских племен, втягивающих местное население в про-

цессы культурной трансформации и, вероятно, языковой ассимиляции. Конкретные проявления данного процесса на отдельных территориях различались.

Сложнее обстоит дело с пониманием механизмов последующего функционирования данной системы. На первый взгляд, существовали обменные отношения. Во всяком случае, металл уральских металлургических центров распространялся далеко на запад. При этом не вполне ясно – что поступало на Урал в обмен на металл? На уральских поселениях следы каких-либо импортов отсутствуют. Не исключено, что импортировать могли скот, увеличивая, тем самым, долю мясного рациона. Не секрет, что основной пищей скотоводов были молочные продукты. В синташтинское же время в Зауралье вряд ли были значительные стада, поскольку небольшие поселения здесь отсутствовали и освоенным пространством были места, непосредственно примыкающие к городищам. Длительное сохранение в этом районе укреплений подчеркивает нестабильность обстановки. Это тоже могло мешать накоплению значительных стад. Поэтому мы можем предполагать, как вполне вероятную, обменную операцию “металл на скот”.

Наряду с этим, на основе сопоставления реконструируемого с помощью аэрофотодешифровки соотношения загонов для лошадей и загонов для крупного рогатого скота с костными остатками этих животных на поселении делается вывод об экспорте синташтинским населением лошадей [Гайдученко, 1995, с. 110-113]. Допуская подобную возможность, мы хотели бы подчеркнуть, что различие лошадей в составе стада и костных остатков на поселении может быть вызвано также более активным использованием их в военном деле и для перевозки грузов.

Не убедительны и доказательства импорта комолого скота с юга в степь и Зауралье, приводимые Л.Л.Гайдученко [Гайдученко, 1995, с. 113-115]. В предлагаемой им схеме в качестве прародины индоевропейцев выступает степная зона Евразии. Далее индоевропейцы проникают на юг, в Восточное Средиземноморье, откуда на рубеже III/II тыс. до н.э. в степь начинает поступать комолый скот. Нам данная ситуация представляется несколько иначе. Постоянные миграции индоевропейцев из Передней Азии в Восточную Европу вели к распространению в этом регионе комолого скота. С формированием

синташты комолый скот появляется в Зауралье. Затем, в ПБВ, в связи с прекращением миграций в этот регион постепенно исчезает и комолость скота.

Таким образом, данный аспект торговых отношений остается весьма проблематичным, хотя его и можно оставить для дальнейшего обсуждения.

В качестве возможной гипотезы при построении модели взаимоотношений в рамках абашевской общности, помимо торговли, мы можем предложить также доминирование пришлых арийских племен в доно-уральской лесостепи и принудительное изъятие скота. Уже в ходе миграции было сформировано несколько районов локализации этих племен (Шиловское поселение на Дону, Тюбяк в Приуралье, синташтинские городища в Зауралье), которые обеспечивали это доминирование. Наряду с этим, имела место организация отдельных экспедиций или постоянных форпостов. В результате мы фиксируем присутствие синташтинской керамики в Притоболье и Поволжье. В Подонье к памятникам, маркирующим этот процесс, относится курган 16 Власовского могильника, включающий материалы уральского абашева. На Волге весьма показателен в этом плане Потаповский могильник. Как мы уже говорили, этот могильник оставлен пришлым уральским населением. Однако в данном случае речь не идет о быстротечном военном походе, поскольку здесь надежно зафиксирован продолжительный контакт с местным полтавкинским населением, что в наибольшей степени отразилось в трансформации керамических технологий и в присутствии в полтавкинском погребении скрепки из меди ВК, не свойственной ямно-полтавкинскому металлургическому очагу. Это указывает на продолжительное сохранение в Поволжье полтавкинских популяций, доживающих до сейминской эпохи. Погребальные комплексы синташтинского типа широко известны как в лесостепном, так и в степном Поволжье [Аганов и др., 1983, с. 17-19, 42]. Помимо этого, в лесостепи этого региона керамика синташтинского типа известна и на поселениях [Васильев и др., 1994, с. 105], хотя здесь и нет городищ, сопоставимых с зауральскими. Не исключено, что речь может идти о небольших, постоянно действующих форпостах, которым приходилось вести постоянные военные действия. На последнее обстоятельство указывает значитель-

ная доля мужчин, умерших насильственной смертью [Яблонский, Хохлов, 1994, с. 187].

Подтвердить предлагаемую модель довольно трудно. Невполне понятна и форма организации подобной экспансии. Наличие единой организации мы допускаем лишь для раннего периода синташтинской культуры, последовавшего непосредственно за миграцией из Передней Азии. А памятники в Поволжье, на наш взгляд, относятся уже к классическому этапу. Однако, в любом случае, это было достаточно аморфное образование.

В наибольшей степени синташтинское присутствие ощущается в южной части лесостепи. В районах, примыкающих к лесной зоне (Средняя Волга, Приуралье к северу от среднего течения реки Белой) оно почти не чувствуется.

Данные формы взаимоотношений не были очень глубокими и устойчивыми и потому не могли обеспечить культурного тождества, поддерживая, тем не менее, значительную степень сходства отдельных культур. Максимум сходства, при этом, наблюдается в южной зоне, по линии Шиловское – Потаповка – Тюбяк – Синташта.

Взаимоотношения абашевских и синташтинских племен с соседями строились на разной основе. Относительно степных племен мы наблюдаем инкорпорацию их в систему синташтинской культуры. В меньшей степени это касается катакомбной КИО, в большей – полтавкинской культуры. Вероятно, подобные включения облегчались языковым сходством. Ниже будет показано, что проникновение переднеазиатских индоевропейских языков в степную зону началось еще в неолите. Это обуславливало значительное сходство языка и культуры синташтинцев с населением степей Восточной Европы и облегчало включение последних в синташтинскую среду на втором этапе существования этой культуры.

В Оренбургском Приуралье поздние даты ямной культуры [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 79] позволяют допускать наличие ее контактов с синташтинской культурой. Однако археологические свидетельства этому отсутствуют. В Южном Зауралье подобные контакты тоже не прослежены. Вероятно, местное население здесь было либо истреблено, либо вытеснено в процессе синташтинской миграции. Исключение составляют материалы Малокизильского селища, в керамике которого можно проследить отдельные черты зауральского энеолита.

Иную ситуацию демонстрируют нам мате-

риалы лесного Зауралья. Какие-либо включения синташтинской керамики или металла в аятских памятниках не известны.

Более ощутимы проникновения синташтинцев на восток по северу лесостепи, в Притоболье и Среднее Прииртышье, где зафиксированы артефакты синташтинской культуры. В большей степени это касается Притоболья, где известны синташтинские погребения, а впоследствии петровские памятники [Лотемкина, 1985, с. 268, 269]. Далее на восток наблюдается затухание синташтинской экспансии. В Прииртышье нам известно лишь два изделия, сопоставимых с синташтой – нож и копьё в Ростовкинском могильнике [Черных, Кузьминых, 1989, с. 243].

В лесной зоне Восточной Европы племена абашевской общности уже на стадии формирования сталкиваются с фатьяновско-балановским населением, которое включилось в культурогенез абашевской культуры Средней Волги. Вероятно, имел место и контакт с волосовцами [Большов, 1995, с. 151, 152]. Однако, как и в случае с аятской культурой Зауралья, последний контакт был весьма поверхностным. Поэтому он слабо отразился на облике обеих культур. Причина этого кроется в несопоставимости культурных моделей пришлых индоевропейских племен и охотников лесной зоны. Тем не менее, проникновение абашевских популяций далеко на север предполагает для них более обширные связи с лесным миром, чем подобные связи носителей синташтинской культуры.

Более ощутимые связи абашевских племен (в первую очередь уральских) прослежены с сейминско-турбинскими племенами, на памятниках которых присутствуют металл и керамика абашевских типов. Это позволило говорить об инкорпорировании абашевцев в сейминско-турбинскую среду [Черных, Кузьминых, 1989, с. 221-224].

В целом же, ситуация в этой зоне была достаточно сложной, что отразилось в распространении абашевских погребений людей, умерших насильственной смертью, а также в появлении балановских городищ. Это было обусловлено миграционными процессами, в результате которых в лесной зоне Восточной Европе на местную основу наложилось несколько волн пришлого населения. С запада сюда продвинулись фатьяновские племена, отождествляемые с протобалтами. В подобном

осмыслении их мы глубоко сомневаемся, но индоевропейцами они, по-видимому, были. Сюга и юго-запада осуществляется экспансия абашевских племен, а вплоть до Прикамья фиксируются погребения, сопоставимые с синташтинскими [Черных, Кузьминых, 1989, с. 220], которых мы склонны отождествлять с иранцами. Наконец, с востока в этот регион проникает поток сложного конгломерата племен, основными составляющими которого были сейминско-турбинские образования. Эти племена, как будет показано ниже, были тоже индоевропейскими, что облегчало их контакт с абашевцами.

В целом, контакты синташтинско-абашевских племен с лесным миром выглядят следующим образом. К западу от Урала они археологически фиксируются, а к востоку – нет. Тем не менее, эти контакты были, по-видимому, и на востоке. В финно-угорских языках зафиксировано значительное число раннеиранских доскифских заимствований. Однако, если в языках финно-угров, локализованных к западу от Урала они обильны и отражают различные хозяйственные связи, то в языках угров Зауралья и Западной Сибири эти заимствования ограничены числительными [см. Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 921-929]. Вряд ли это стремление обучить соседей счету было бескорыстным. Скорее всего, оно было обусловлено данническими отношениями. Поэтому не исключено, что синташтинские отряды совершали продолжительные ежегодные рейды на север, но у нас нет данных для того, чтобы выяснить – насколько далеко вглубь тайги простиралось их влияние. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что, по всей видимости, не все индоиранские заимствования в финно-угорские языки являлись иранскими, поскольку существует гипотеза, предполагающая, что многие культурные термины заимствованы из индо-арийского. В качестве даты этого заимствования предлагается первая четверть II тыс. до н.э., когда в лесной зоне появляется хозяйство производящего типа [Напольских, 1997, с. 149-151]. Это заставляет допускать возможность того, что синташтинские популяции говорили на индо-арийском языке, однако это должно быть предметом дискуссии лингвистов, хотя ниже мы коснемся этого вопроса вновь и более подробно.

Таким образом, механизм функционирования

абашевской общности представляется нам в следующем виде. Основу его составляло доминирование пришлых иранских племен на территории лесостепной зоны Восточной Европы. Главную роль в нем играли синташтинские племена Зауралья, осуществлявшие иногда экспедиции в эту зону. Наряду с этим, существовали отдельные форпосты в южной лесостепи, обеспечивавшие постоянное иранское присутствие и безопасность коммуникаций, по которым перегонялся скот, полученный в виде дани или в обмен на металл.

В лесную зону экспансия осуществлялась в меньшей степени. Здесь имели место лишь торговые отношения и эпизодические военные

экспедиции. В основном же она находилась за пределами сформированной системы. Данная модель относится больше к таким культурам, как синташтинская, доновожжское абашево и баланбаш. Средневожжское абашево из этой схемы выпадает, что заставляет нас оставить открытым вопрос об абашевской КИО.

В сущности, предлагаемая модель напоминает более поздние образования степной и лесостепной Евразии, которые были созданы скифами, гуннами, тюрками и монголами. При этом, монгольская модель отличается лишь более высокой степенью централизации.

Глава 6. Социальные отношения

6.1. “Стоящие на колесницах”

В предыдущих главах была описана серия миграций иранских племен в различных направлениях, которые были осуществлены в течение второй четверти II тыс. до н.э. В ходе них были пройдены или подчинены значительные территории. Вместе с тем, мы не считаем, что число людей, участвовавших в этих походах, было значительным. Их успех был обеспечен передовым для того времени вооружением. В комплект вооружения входили усиленный костяными накладками лук со стрелами, копьё, булава, боевой топор. Сходный набор Авеста приписывает богу войны Митре [Бойс, 1994, с. 20]. В евразийских культурах наиболее полно он представлен в синташтинских памятниках и был описан в соответствующих главах. Вероятно, имело место и защитное вооружение. На это указывает обнаружение костяных панцирных пластин в могильнике Каменный Амбар, а также бронебойные каменные и бронзовые наконечники стрел. Эти пластины могли нашиваться на доспехи из какого-то мягкого материала, например, кожи или войлока. Ближний Восток дает множество вариантов подобного

защитного вооружения. Нельзя исключить и возможное наличие щитов, которые в тот период тоже были уже известны на Ближнем Востоке [Горелик, 1993, с. 83-138, 175-181]. Об этом говорит расположение входа на Аркаиме с левой стороны трапецевидного изгиба оборонительной стены. Подобный принцип в хеттских фортификациях использовался для того, чтобы наступающий противник поворачивался к защитникам не защищенной щитом стороной тела. Однако пока не появятся надежных археологических свидетельств, обсуждать это представляется преждевременным.

Но главным слагаемым военных успехов иранцев были боевые колесницы, запряженные парой лошадей. В литературе приводятся различные мнения относительно места возникновения колесниц [Новоженов, 1994; Кожин, 1985; Горелик, 1988; Кузьмина, 1974]. Большинство исследователей сходится на переднеазиатском центре, где развитие подобной традиции зафиксировано с IV тыс. до н.э. Первоначально кузова имели очень примитивные формы, устанавливались они на сплошных колесах, а сами повозки запрягались эквидами.

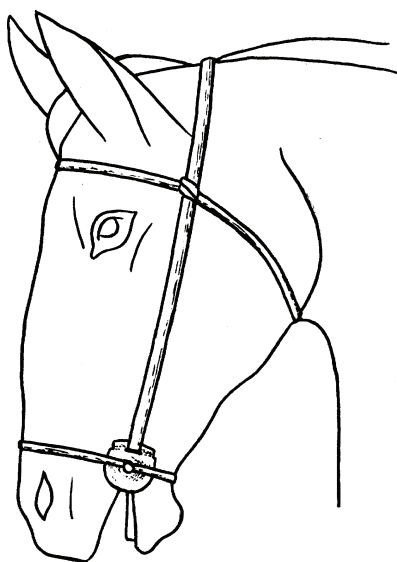

Рис. 47. Реконструкция упряжи.

Наиболее хрестоматийным примером является сосуд из Хафаджи, датируемый в рамках традиционной хронологии около 2800 г. до н.э., с изображением боевой повозки [Orthmann, 1975, f. VII]. Однако в течение продолжительного времени эти боевые повозки имели колеса без спиц. Более совершенные типы с подквадратным в плане кузовом, колесами со спицами и лошадиной запряжкой широко распространяются лишь с XVIII в. до н.э. [Кожин, 1985, с. 176, 177; Горелик, 1988; Новоженев, 1994, с. 189]. Но отдельные свидетельства использования их в более раннее время на Ближнем и Среднем Востоке тоже известны. В частности, Р.Дрюс, тщательно изучавший проблему боевых колесниц, отмечает, что колеса со спицами известны в Каппадокии и в Чагар-Базаре с XIX в. до н.э., а около 1800 г. до н.э. использование колесниц в битвах распространяется в Анатолии достаточно широко. В этой связи Дрюс считает, что в этом регионе колесницы появляются раньше, чем в Северной Евразии [Drews, 1988, с. 97-99].

Существует и идея о двух синхронных центрах возникновения боевых колесниц – в степной Евразии и на Ближнем Востоке [Новоженев, 1994, с. 180]. В катакомбное время отдельные экземпляры колесниц в Северном Причерноморье действительно известны [Чердниченко, Пусто-

валов, 1991, с. 206-212], но колес со спицами здесь нет. На наш взгляд, эти колесницы лишь маркируют связи этого региона с Передней Азией в течение СБВ, но не являются свидетельством параллельного зарождения этого новшества. Широко распространяются колесницы лишь с началом синташтинско-абашевского времени. При этом, они предстают перед нами в тех формах, которые присущи в этот период Восточному Средиземноморью. Изображения колес со спицами встречаются на печатях и терракотовых таблечках Анатолии и датируются XIX - XVIII вв. до н.э. [Горелик, 1988, с. 186]. Допускается, что печать из Кюль-тепе с изображением колесницы может иметь дату 2000 – 1850 гг. до н.э. [Pigott, 1992, p.48]. В Сирии обнаружена печать с изображением колесницы с 8 спицами, датируемая 1750-1600 гг. до н.э. Глиняные модели колес известны в Северной Сирии в слоях Хама H, J. Колесо из последнего слоя имеет изображения спиц [Müller-Karpe, 1974, Taf. 247, 248]. Еще более раннее изображение колесницы со спицами и запряжной лошадейю на печати из Гиссара ШВ, датируемой в соответствии с калиброванной радиоуглеродной шкалой 2350 г. до н.э. [Parpola, 1988, p. 205, 234]. А Гиссар ШВ в любом случае раньше синташтинских памятников, с которыми можно синхронизировать Гиссар ШС. Модель колеса с нарисованными спицами из Южного Туркменистана датируется периодом Намазга V [Сарианиди, 1998, с. 154]. Это синхронно периоду Гиссар ШВ и позволяет предполагать, что в Северо-Восточном Иране и Южном Туркменистане колеса со спицами наиболее ранние. Однако единичность находок не позволяет судить об этом с достоверностью.

Е.Е.Кузьмина предположила, что принятие калиброванных радиоуглеродных дат для синташтинской культуры сведет на нет хронологический приоритет сиро-анатолийских колесниц над степными [Кузьмина, 1999, с. 272]. Однако подобный подход неправомерен, поскольку предполагает использование методически разных ориентиров. Датировка переднеазиатских колесниц основывается на традиционных хронологических схемах. Если же принимать калиброванную шкалу, то изображение из Гиссара ШВ окажется древнее синташты.

Еще один дискуссионный пункт — это использование лошади для запряжки в боевую колесницу. Как правило, сторонники степной прародины

индоиранцев настаивают на позднем появлении лошади на Ближнем Востоке. Считается, что запряжка повозок лошадьми появляется в Месопотамии около 2000 г. до н.э. [Hrouda, 1971, p. 120]. При этом, благодаря серии изображений, нет никаких сомнений в ранних датах там для боевых колесниц (со второй половины IV тыс. до н.э.). К сожалению, изображения даже III тыс. до н.э. не дают возможности определить эквидов, запряженных в эти колесницы, что, кстати, не позволяет и отрицать использование лошади. На наш взгляд, изображения III тыс. до н.э. Ближнего Востока в ряде случаев фиксируют именно лошадей, но без специального анализа это слабо доказуемо.

В отличие от изображений, в которых сильно сказываются недостатки техники, археологические чертежи могут давать более объективную картину. Поэтому мы использовали чертеж гробницы 800 Царского некрополя Ура, относящейся к периоду РД IIIа и датируемой, следовательно, около середины III тыс. до н.э. [Burney, 1977, fig. 57, p. 72] (рис. 22,3). Предполагается, что в боевые повозки в гробницах Ура были запряжены ослы [Pigott, 1992, p. 39]. На чертеже гробницы 800 изображен кузов колесницы с дышлом и запряженными животными. По наличию альвеол резцов и клыков верхней челюсти животные были определены как эквиды (*Equidae* gen. sp.). Однако, размер черепа лошади может быть сопоставим с черепом кулана, хотя и крупнее черепа осла. Тем не менее, судя по размеру лопаточной кости (40 см), в колесницу была запряжена все же пара лошадей (*Equus caballus*), поскольку даже у наиболее крупного казахстанского кулана лопаточная кость подобных размеров не достигает¹. На этом фоне мнение Худа о том, что фигурки из погребения III династии Ура и из дворца Нарам-Сина принадлежат лошади, смотрится уже в совершенно ином свете [Hood, 1979, p.89].

Таким образом, наиболее ранние боевые колесницы известны на Ближнем Востоке. Самые ранние колеса со спицами происходят тоже с Ближнего и Среднего Востока. Есть основания и для утверждений об использовании в колесничной запряжке лошади, причем в очень раннее время – около середины III тыс. до н.э. Но массовым явлением в Передней Азии это становится, по видимому, в XIX - XVIII вв. до.э.

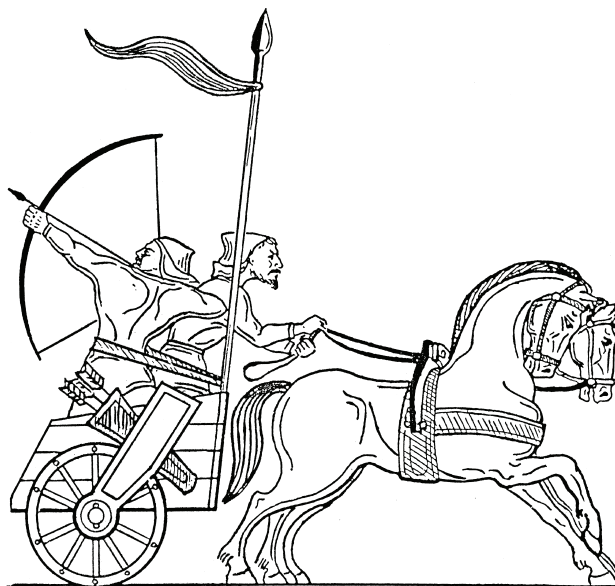

Рис. 48. Реконструкция синташтинской колесницы.

Все это служит еще одним доказательством исходного ареала появления подобных колесниц в степной Евразии с Ближнего Востока и маркирует дату этого появления. Широкое распространение в синташтинских погребениях наконечников стрел, как будто, указывает на сирийскую тактику колесничного боя, когда колесницы используются как подвижное маневренное средство для обстрела противника. В противоположность этому считается, что в Эгее и Малой Азии войны-колесничие сражались, преимущественно, копьем [Горелик, 1993, с. 63]. При этом обычно основываются на текстах Гомера, изображениях хеттских колесниц в битве при Кадеше и т.д. Однако проведенное Дрюсом исследование этого вопроса показало, что в колесничной тактике ведения боя повсеместно доминировали лук и стрелы. В гомеровское время колесница становится просто престижным средством передвижения военачальников, а, изображая битву при Кадеше, египетский скульптор ни разу не показал хеттские колесницы в действии. Они увозят потерпевших поражение с поля боя. Зато на рельефе в Карнаке хеттские колесничие вооружены луками, а в кносских “колесничных табличках” перечислено множество стрел. Та же тактика использовалась колесничными в Леванте и у касситов [Drews, 1993, p. 113-124]. Таким образом, она была распространена повсеместно на Ближнем Востоке и была воспринята оттуда в Грецию и на Южный Урал.

¹ Определение производилось Л.Л.Гайдученко.

По-видимому, в той же плоскости следует рассматривать и проблему дисковидных псалиев. Литература по этой тематике довольно обширна [Смирнов К., 1961; Лесков, 1964; Пряхин, 1972; Кузьмина, 1980; Зданович, 1985]. Мы склоняемся к мнению о том, что в принципе, дисковидные псалии с шипами в евразийской степи синхронны [Зданович, 1985, с. 118], а псалии микенские являются несколько более поздними [Кузьмина, 1980, с. 15-20]. Наличие микенских орнаментов на псалиях в западной части абашевской КИО указывает на несколько более позднюю дату относительно псалиев синташтинских. Как уже писалось выше, микенские орнаменты появляются в степной и лесостепной Евразии в период, соответствующий поздним абашевско-синташтинским комплексам. Поэтому наиболее ранними псалиями этой зоны являются псалии собственно синташтинские и псалий КМК (Каменка). Мы уже обсуждали вопрос о переднеазиатском происхождении синташтинской культуры. Далее (параграф 3.6 раздела III) мы будем говорить и о подобной возможности для КМК.

Поэтому мы придерживаемся мнения о том, что прототипом степных дисковидных псалиев являются сиро-палестинские псалии с шипами, ранние образцы которых датируются не позднее XVI в. до н.э. [Горелик, 1988, с. 189]. До нас дошли лишь бронзовые экземпляры, но у хеттов впоследствии известны и роговые псалии, ранние экземпляры которых не сохранились или пока не выявлены. В Анатолии известен только один костяной дисковидный псалий, найденный в Аладжа Уйюк. Однако его хронологическая позиция не до конца ясна [Boroffka, 1998, S. 104].

Таким образом, до появления синташтинского населения в степной зоне, колесницы здесь были распространены не столь широко и имели несколько иные конструктивные особенности. В регионах же, расположенных к востоку от Дона, где впоследствии и формируется абашевская КИО, они не известны вовсе. Это значительно облегчило подчинение этих территорий. Здесь нам представляется уместным привести мнение составителя китайского трактата I тыс. до н.э., который пишет следующее: “Десять колесниц разбивают тысячу человек, сто колесниц разбивают десять тысяч человек” [Новгородова, 1989, с. 141]. Даже, если мы допустим элемент преувеличения, соотношение это, в любом случае, будет огромным. В степной и лесостепной

Евразии не существовало объединений, способных выставить подобную армию. Это обусловило, как легкое подчинение территорий, так и последующее их удержание.

Примечательно также то, что с появлением колесниц в Китае, они имеют те же конструктивные особенности, что и колесницы степной Евразии и Ближнего Востока [Новожинов, 1994, с. 160-163]. Это маркирует проникновение индоиранских воинских коллективов в Восточную Азию.

6.2. Социальная структура синташтинского общества

Реконструкция социальных структур того или иного общества по данным археологии является одной из наиболее сложных задач, решение которой немислимо без сопоставления данных погребального обряда, инвентаря, краниологии, поло-возрастных характеристик погребенных и т.д. Причем, работа эта невозможна на локальном памятнике, без привлечения информации по значительному массиву материала. Для синташтинской культуры она требует и учета хронологической позиции тех или иных комплексов, поскольку социальный облик синташтинского общества в рамках отдельных его этапов был различен. Поэтому в данной главе мы постараемся лишь в наиболее общем виде наметить рисунок его развития. В процессе этого анализа не будут использованы в качестве параллелей исторические данные, в том числе информация, которую мы можем почерпнуть из текстов “Ригведы” или “Авесты”. Этот путь может быть довольно эффективным в чисто иллюстративном плане, однако когнитивные его возможности не слишком велики. Во многом это общая ситуация, а в данном случае этот путь и вовсе неприемлем. Причина этого кроется в механизме формирования синташтинской культуры, основанном на миграции на значительное расстояние, в результате которой это население оказалось в качественно новой ситуации, принципиально отличной от ближневосточной. Это не могло не привести к существенным социальным трансформациям. Поэтому более разумным нам представляется идти от материала и логики, а не от аналогий.

Сказанное не следует воспринимать в качестве принципиального отказа от метода аналогий. При более глубоком анализе материала он, безусловно, потребует, но в настоящее время его использование способно лишь исказить ситуацию.

Описанная выше система функционирования абашевской КИО, на первый взгляд, заставляет предполагать высокую степень консолидации синташтинского общества. К тому же сами городища и погребальные сооружения настолько выпадали из наших представлений о степном бронзовом веке, что заставили заговорить о существовании “протогородской цивилизации” Южного Урала [Зданович, Батанина, 1995, с. 56; Зданович, 1995, с. 37]. В последнее время эта точка зрения получила дальнейшее развитие. Предполагается, что существовало несколько уровней освоения пространства вокруг синташтинских протогородов, причем, на третьем уровне (в пределах речной долины) существовали небольшие хутора, а на четвертом (земельный округ с четко очерченными границами) – неукрепленные поселки, культовые объекты и т.д. В качестве структурных параллелей приводятся Микенская Греция, Миноийский Крит и государства майя [Зданович, 1999]. Эта эмоциональная оценка стала усваиваться другими авторами и, таким образом, способом многократного повторения, вводится в научный арсенал [Зданович, Зданович Д., 1995, с. 48, 49; Зданович Д., 1995, с. 64; 1995а, с. 52, 53]. Данный подход получил свое логическое завершение в формулировании идеи о наличии в Зауралье в этот период сильной центральной власти [Тихонов, 1999]. На наш взгляд, конвенциональный путь формирования научного знания абсолютно не приемлем. Он допустим лишь в отдельных случаях и на непродолжительное время, когда нет возможности для решения какой-либо проблемы, но необходимы общепринятые основания для работы с материалом. При этом необходимо постоянно помнить об условности сложившейся ситуации.

Для проверки допустимости термина “протогородская цивилизация” представляется необходимым провести сопоставление археологически зафиксированной структуры с содержанием таких понятий, как “город” и “цивилизация”.

Если мы обратимся к этимологии слова “город”, то в русском языке это означает лишь огороженное оборонительными укреплениями жилое пространство. В сущности, подобное

значение имеет и слово “городище”, за которым никто не стремится видеть свойственных городу функций. Следовательно, различение понятий “город” и “городище” должно лежать в функциональной плоскости. Этот тезис тем более справедлив, что города вовсе не обязательно должны иметь оборонительные стены. Факт их наличия или отсутствия характеризует лишь те или иные устойчивые тенденции в военно-политической ситуации.

Потому основой наших дальнейших рассуждений будут представления о городе, как о центре какой-либо округи, выполняющем политико-административные, хозяйственные или сакральные функции. Какой-либо конкретный город может совмещать в себе все перечисленные функции или обладать хотя бы одной. Но это является обязательным условием. В случае же с синташтинскими городищами соответствия материала данному условию не наблюдается.

В хозяйственном отношении в качестве возможных функций могут выступать ремесло или торговля. Однако выше уже говорилось, что ремесло в синташтинское время отсутствовало. Синташта практически не знала специализированных металлургических печей, а обнаружение остатков металлургического производства во всех без исключения исследованных жилищах свидетельствует, скорее, о том, что самая передовая отрасль носила характер домашнего производства. В еще большей степени это касается производства керамического. Специализированные гончарные печи тоже не зафиксированы, использование гончарного круга отсутствовало. В коллекции Синташтинского могильника, правда, есть один лепной сосуд, почти не имеющий примесей в тесте, при изготовлении которого пытались копировать переднеазиатские гончарные прототипы [Генинг и др., 1992, с. 250, рис. 136,8], но качество его изготовления свидетельствует, скорее, об отсутствии подобного опыта. Использование шаблонов при формовке посуды позволяло создавать достаточно совершенные формы, но это же говорит и об отсутствии профессионализма. Превосходно обработанные лощением поверхности, свойственные многим образцам синташтинской посуды, тоже не говорят в пользу ремесла. Это всего лишь традиция, фиксируемая на Ближнем Востоке, начиная с неолита.

Иногда можно встретиться с мнением о том, что ремесленных навыков требовало изготовление

колесниц. Однако с этим сложно согласиться. Деревообрабатывающий инструмент является едва ли не обязательным при погребениях воинско-колесничих. Поэтому вполне вероятно, что они их изготавливали и ремонтировали сами.

Безусловно, мы можем допускать разделение отдельных производственных функций внутри семьи или коллектива, но о появлении ремесла в случае с синташтинской культурой говорить не приходится.

Подобным образом обстоит дело и с торговлей. Материалы синташтинских памятников не дают нам каких-либо свидетельств торговых операций. К тому же в данный период сложно представить использование синташтинских городищ в качестве перевалочных пунктов на торговых путях из Казахстана в Поволжье или из леса в степь. Поставки же металла с Южного Урала на запад нельзя рассматривать за рамками междоусобного обмена, но к этому вопросу мы впоследствии вернемся.

Самым же главным фактом, противоречащим пониманию синташтинских городищ, как городов, является отсутствие оппозиции “город – деревня”. Неукрепленные синташтинские поселения в Зауралье не известны. После многолетних разговоров об их существовании, ни разу не был предъявлен адекватный материал ни из одного раскопа и даже шурфа. При этом мы можем допускать наличие отдельных незначительных пастушеских стоянок, но они не являются деревней ни по функции, ни по определению. Возникновение обычных поселений происходит лишь на заключительном этапе синташтинской культуры, когда городища начинают приходить в упадок. Обычно сторонники “протогородской цивилизации”, говоря о наличии сельскохозяйственной округи, имеют в виду именно их. Все вышеизложенное не позволяет рассматривать исследуемое явление, как “город”. Если изложенные теоретические аргументы не убеждают, то достаточно обратиться к данным о размерах древних населенных пунктов, которые можно именовать городами. В раннединастический период размеры Урука составляли 2,5×3 км, Лагаша - 1900×1200 м, Ура - 1000×690 м, городища Тэль Хуэйра - 1000×800 м [Müller-Karpe, 1974, S. 391]. Площадь синташтинских городищ с этим не сопоставима.

Термин “протогород” представляется нам не более уместным. Приставка “прото-” используется для обозначения предшествования. Синта-

штинские же городища вовсе не несли в себе тенденции перерастания в города. Это лишь перенос на уральскую почву анатолийско-сирийского архитектурного стандарта, имевшего многовековую традицию. В том регионе, насыщенном конфликтами, это была наиболее приемлемая форма поселения, и городами становились далеко не все подобные поселки. Кажущаяся урбанизация являлась лишь способом сокращения периметра оборонительных стен. В Зауралье, по мере стабилизации обстановки и разработки иных архитектурных стандартов, позволивших строить дома изолировано, необходимость в городищах отпала.

В литературе существует и другой подход к понятию “протогород”, предполагающий высокий уровень производства с выработкой прибавочного продукта, наличие социальной и имущественной дифференциации, политической интеграции и примитивного государственного аппарата [Андреев, 1987, с. 10]. Перечисленные признаки в синташтинской культуре, безусловно, отсутствуют. При соблюдении некоторых условий мы можем допустить применимость термина “квазигород”, описываемого следующими признаками: 1) оборонительные сооружения, 2) компактная застройка, 3) правильная планировка, 4) коммунальное благоустройство - вымостка улиц, колодцы, дренаж, 5) благоустроенные жилища, 6) наличие ритуального центра [Андреев, 1987, с. 7, 8]. Однако сам по себе этот термин будет подчеркивать невозможность употребления к синташтинским поселениям понятия “город”.

Подобным же образом обстоит дело и с понятием “цивилизация”. Термин этот исходит из обозначения гражданской общины в Риме (*civitas*), хотя и был введен гораздо позже [Культура Древнего Рима, 1985, с. 23; Массон, 1989, с. 6]. В Риме *civitas* понимали как нормативно упорядоченное общество. В современном звучании эта традиция, в целом, сохранена. Поэтому под “цивилизацией” следует понимать общественную структуру, в рамках которой отношения в системе “индивид – община – общество” осуществляются через призму правовых норм. Этому противостоят общества традиционные, в которых данные отношения осуществляются непосредственным образом, на основании традиционного или “народного” права.

В условиях “цивилизационных” правовые нормы, обычно фиксируются, хотя и не всегда. В

любом случае, мы можем отождествлять “цивилизацию” с “государственностью”, включая в это понятие и раннегосударственные формы. Тем самым мы избегаем тех спорных проблем, которые возникли при обсуждении вопроса о римской государственности в ходе прошедшей в свое время дискуссии [Кошеленко, 1990; Капогресси, 1990; Гюнтер, 1990; Большаков, 1990; Егоров, 1990; Ким, 1990; Кофанов, 1990; Чернышов, 1990; Штайерман, 1990]. Примечательно, что в ходе ее в качестве точки отсчета для государства обсуждались лишь две вехи: Законы XII таблиц и первый принципат. Равным образом, в Греции подобным репером считаются реформы Солона [Кошеленко, 1987, с. 41].

Подобный подход к понятию “цивилизация” позволил выработать требования, на основании которых должно производиться вычленение цивилизаций по археологическим данным [Массон, 1989, с. 8]. Под признаками цивилизации понимается наличие городов, монументальных общественных строений, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесла, письменность, зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство. В редуцированном виде этот список может состоять из монументальной архитектуры, городов и письменности. Реалии синташтинской культуры данным перечням признаков не соответствуют. При этом, как и в случае с “городами”, отсутствовала тенденция к становлению государственности, что вновь мешает нам употреблять приставку “прото-”.

Наиболее наглядно неуместность осмысления синташтинской культуры в качестве протоцивилизации демонстрирует нам сопоставление с материалами архаической Греции [Яйленко, 1990, с. 17-28, 39-62]. Собственно полисная система складывается здесь, как уже отмечалось выше, лишь к началу классической эпохи, к V в. до н.э. Предшествующее общественное устройство архаического периода (XIII-VI вв. до н.э.) понимается как протополис. Уже оно обнаруживает в себе черты, немыслимые для синташтинского общества: возникновение частного землевладения и наемного труда и сугубо индивидуальный характер общественных отношений. От полиса это общественное устройство отличалось двумя качественными признаками – отсутствием гражданского сообщества и кодифицированных правовых норм.

Для подобных поселенческих структур в Анатолии предложено использовать термин “Festung” [Korfmann, 1983, S. 194]. Этимологически он близок русскому термину “городище”, но в нем нет и намек на возможность сопоставления с термином “город” или “прото-город”. При этом для обсуждаемой проблемы весьма важна судьба данной архитектурной традиции на Ближнем Востоке. В соответствующей главе мы проследили ее плавную многотысячелетнюю эволюцию в этом регионе. Упадок же ее приходится на вторую половину III – начало II тыс. до н.э., что связано с возникновением ранней государственности и первых цивилизаций Анатолии. В Западной же Анатолии это происходит намного раньше. Следовательно, сама по себе подобная архитектура не позволяет говорить об уровне цивилизации. Напротив, она является надежным репером отсутствия подобного уровня. Сходным образом обстоит дело и с погребальным обрядом. Синташтинские погребения по своему масштабу не могут быть сопоставлены с Царскими гробницами Ура или курганами Триалети.

В последнее время к синташтинской культуре начали примерять термин “комплексное общество”. Данный термин представляется мне совершенно бессмысленным, поскольку все, что сложнее протона или нейтрона (на современном уровне знаний) может быть осмыслено в качестве некоего комплекса. Поэтому использование данной дефиниции позволяет предпринимать пространные рассуждения на бумаге, являющей пример терпеливости, но уже в дискуссии оперировать этим понятием сложно. На конференции на Аркаиме в августе 1999 года, темой которой были заявлены именно комплексные общества, обсуждение этой проблемы было довольно быстро свернуто, поскольку даже исследователи, не стоящие на этой позиции, но пытающиеся обсуждать проблему с данных позиций, вынуждены оперировать наиболее общими фразами, либо же примерами напрямую с данной проблемой не связанными [см. напр. Епимахов, 1999].

Таким образом, проведенный анализ понятия “протогородская цивилизация” позволяет нам забыть об его употреблении и подойти к синташтинской культуре не предвзято, опираясь исключительно на имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

Синташтинские поселения не дают нам оснований говорить о какой бы то ни было социальной или имущественной дифференциации. Архитектура жилищ стандартная, инвентарь тоже не выделяет одно жилище из других. На поселениях отсутствуют постройки, в которых мы могли бы усматривать признаки более высокого социального статуса какой-либо группы. На поселении Сакрын-Сакла в центре фиксируются на поверхности какие-то сооружения, однако, раскопки подобных сооружений на поселениях Шиловское на Дону и Демирчиуйюк в Анатолии показали их производственный характер. Подобная ситуация сохраняется на всем протяжении функционирования синташтинской культуры.

Данные погребального обряда допускают уже иные трактовки. В наиболее ранних, на наш взгляд, комплексах (Синташтинский могильник и часть погребений могильника Каменный Амбар) ощутимой социальной дифференциации нет. Военские захоронения, в том числе и захоронения с лошадьми и колесницами) вовсе не обязательно приурочены к центральным могильным ямам (исключение составляет комплекс С1). Это классические дружинные могильники, в которых выражена лишь поло-возрастная дифференциация. Статистическая обработка данных погребального обряда показала, что погребения колесничих не выделяются из числа мужских и в общей выборке, включающей женские и детские, составляют 18% по одним оценкам [Нелин, 1999, с. 55] и 14% по другим [Етимахов, 1998, с. 21]. Эти цифры были получены на основании присутствия в комплексах колесниц или иных атрибутов воинов-колесничих. Однако наличие комбинированных псалиев, сделанных из дерева и кости, позволило предположить существование деревянных псалиев, которые могли не сохраниться [Усачук, 1999, с. 157]. При этом престижные атрибуты (редко встреченные копья и топоры) вовсе не обязательно встречаются в могильных ямах с колесницами. Все это не позволяет говорить о выделении особой страты воинов-колесничих. Различия в погребальном обряде (размеры ям, погребальный инвентарь) были обусловлены исключительно поло-возрастными характеристиками и количеством погребенных в могильной яме [Нелин, 1999, с. 56; Етимахов, 1998, с. 20, 24]. Данные особенности сохраняют свое значение и на следующем этапе. Однако на памятниках этого

этапа появляются уже новые черты. Довольно резко начинают доминировать центральные могильные ямы, в которых захоронены воины-колесничие. В периферийных ямах тоже встречаются воинские погребения, но они не отличаются большим богатством. Центральные ямы сопровождаются керамикой синташтинского типа. В периферийных же может встречаться и керамика волго-уральских культур, иногда в достаточно “чистом” виде, иногда трансформированная по синташтинскому канону. Подобная ситуация уже фиксировалась исследователями [Потемкина, 1994, с. 97, 98].

Таким образом, первоначально синташтинское общество предстает перед нами довольно монолитным военизированным коллективом. Отдельные более богатые погребения здесь не являются свидетельством выделения какой-то иной социальной страты. Скорее это признак личного превосходства, что, в общем-то, не может рассматриваться в качестве факта социальной дифференциации. Не исключено, что в обществе даже не существовало постоянных вождей. Да и коллективы были не слишком велики. Оценить их численность можно весьма приблизительно. Однако некоторые основания дают нам к этому материалы поселений.

На основных раскопанных памятниках (Синташта, Аркаим) внешний круг жилищ перестраивался. Во внутреннем же круге жилища перестраивались. Это говорит о том, что первоначально функционировал лишь внутренний круг, в котором, по-видимому, было около 20 жилищ. Площадь синташтинских жилищ колеблется в пределах 100-170 кв. м. Часть ее занимали тамбуры и хозяйственные площадки. На долю жилых помещений приходилась, может быть, лишь половина площади. Отведя на долю каждого человека только 2 кв. м., мы получим число жителей одного поселка в пределах 500-800 человек. Из них взрослых мужчин было от 80 до 100. Перед нами, таким образом, предстает довольно типичный родовой коллектив, с соответствующими формами самоуправления. При этом не исключено, что число населения было еще меньше. Манфред Корфманн для поселения Демирчиуйюк, где площади жилищ в два раза меньше синташтинских, предполагает, что в каждом доме жило 5 – 5,5 человек [Korfmann, 1983, S. 217]. При использовании подобных оценок,

население одного внутреннего круга синташтинских поселений будет составлять 200 – 220 человек.

На следующем этапе, в результате функционирования сложившейся системы, включившей в себя волго-уральскую степь и лесостепь, происходит втягивание в эту систему восточноевропейского населения. Синташтинский этнос в ней доминирует, но часть позднеполтавского населения включается в его среду. В первую очередь, это проявляется в погребальном обряде, где в центральных ямах (хотя и не всегда) преобладает синташтинская керамика. Вряд ли это повлекло за собой серьезные изменения социальной структуры. Во всяком случае, на поселенческом материале это никак не отразилось. Единственное изменение касается лишь размеров поселений, число жилищ в которых увеличивается почти в три раза. Соответственно растет и число жителей, достигающее теперь 1000-1800 человек. Происходит взаимная ассимиляция различных групп населения, в результате, в начале ПБВ какие-либо следы социальной (а точнее социально-этнической) дифференциации исчезают и в погребальном обряде.

Другой серьезной проблемой является социально-политическая схема функционирования всей синташтинской системы. В настоящее время довольно сложно сказать какое число населения переселилось в Зауралье, поскольку неизвестна хронологическая позиция отдельных городищ и какое количество из них является ранними. Мы считаем допустимой цифру в пределах 7-10. В итоге общее число мигрантов из Передней Азии в Зауралье составит около 5-6 тысяч человек. Какое-то число мигрантов осело от Дона до Приуралья, но такой степени концентрации материала, сопоставимого с синташтинским, ни в одном из этих районов не наблюдается. Поэтому вряд ли число людей, принимавших участие в “Исходе” превышало 10 000 человек.

На первых порах, во время миграции этноса, требовались спаянность и более-менее жесткое единство. Поэтому на данном этапе мы допускаем существование единого лидера. Не исключено, что именно он и похоронен в Большом Синташтинском кургане. Подобных курганов, кстати, больше нет рядом ни с одним синташтинским поселенческим или погребальным комплексом, что подчеркивает его нетипичность. Впослед-

ствии, следовательно, подобная степень консолидации исчезает. Не наблюдаем мы и какого-то более яркого городища, за которым можно было бы признать доминирующую роль. Таким образом, от идеи единой системы синташтинских городищ необходимо отказываться. Тем не менее, какие-то формы объединения существовали. Они были необходимы для организации контроля за восточноевропейскими и тоболо-ишимскими территориями или для раздела контроля над этими территориями. По-видимому, эти функции выполняла довольно рыхлая конфедерация родов. Она не исключала межродовые столкновения, так как городища неоднократно сгорали (что, впрочем, не всегда является следствием военных действий).

Мы можем также предполагать, что экспансия городищ, расположенных по притокам Урала, была направлена на запад, а городищ, расположенных по притокам Тобола – на восток. Основанием для подобного предположения является то, что в ходе последующей культурной трансформации по Уралу наблюдается тенденция к формированию раннесрубной культуры, а по Тоболу – петровской.

Таким образом, трансформация синташтинской системы представляется нам в следующем виде. Во время миграции существовал довольно консолидированный союз нескольких родов. В ходе освоения Восточной Европы и Зауралья, по мере оседания на различных территориях, союз этот распадается, уступая место довольно аморфной конфедерации. Какая-либо внутривидовая или межродовая дифференциация на этом этапе отсутствует. Тем не менее, сложившееся синташтинское доминирование в лесостепной и степной зонах выдвигает на первый план дифференциацию этническую. Представители местных этносов начинают включаться в общественные системы пришельцев, первоначально на вторых ролях, однако впоследствии этнические различия нивелируются, система размывается изнутри. Население синташтинских форпостов в Поволжье и Казахстане врастает в местную почву, интересы метрополий становятся для них чуждыми. Это подрывает экономические основы существования синташтинских городищ, которые к тому времени значительно разрослись, а население достигло 20-30 тысяч человек. Существовать за счет собственного скота при подобном уровне концентрации

населения в локальных точках стало невозможно. Условия степи этого не позволяли. Это сказалось и на погребальном обряде. Выше мы писали, что от раннего к позднему этапу синташтинской культуры наблюдается тенденция сокращения количества жертвенных животных в погребениях. В результате, от городищ, как формы поселения, отказываются. Осуществляется переход к отдельным небольшим поселениям, разбросанным по долинам рек, происходит постепенное освоение прилегающих районов. Начинается новый этап истории региона, связанный с колоссальным срубно-алакульским образованием.

Для ряда евразийских культур подобная ситуация достаточно типична. Археологи неоднократно фиксировали случаи выраженной социальной дифференциации для ранних стадий культуры и нивелировку общества в дальнейшем. По-видимому, это является отражением процессов этнической ассимиляции. В тот исторический период приход нового этноса и его доминирование на определенной территории сразу вызывали появление этносоциальных различий. По мере ассимиляции эти различия сглаживались, и признаки социальной стратификации из археологических памятников исчезают.

Глава 7. Хозяйство

При описании хозяйства синташтинской культуры, равно как и культур абашевской КИО, все авторы исходят из представления о его комплексном характере, сочетающем в себе металлургию, скотоводство и земледелие [*Пряхин, 1976, с. 116-157; Горбунов, 1989, с. 94-115; Зданович, 1989, с. 185*]. При этом за рамками рассмотрения обычно остаются конкретные формы хозяйства той или иной культуры, которые были, на наш взгляд, довольно различными. В данном очерке мы будем рассматривать, преимущественно, хозяйство синташтинской культуры. Прочие же будут выступать лишь фоном, необходимым для понимания функционирования всей абашевской хозяйственной системы.

Начнем мы с металлургии, которая, хотя и не была основной хозяйственной отраслью абашевского времени, во многом обеспечивала уровень развития общества.

7.1. Металлургия

Появление металлургии абашевского типа выглядит, скорее, как прерывание прежних волгоуральских традиций. Генетическая преемственность абашевской и катакомбной металлообработки [*Корневский, 1983*] не во всем бесспорна, поскольку базируется эта идея на типах

инвентаря, широко распространенных в системе Циркумпонтийской провинции. По части типов инвентаря эта мысль может рассматриваться как приемлемая, но в ряде случаев мы вынуждены искать параллели в южном блоке культур этой провинции.

Металлургическое производство целиком заимствует традицию легирования мышьяком, распространенную в южной зоне. Легирование оловом почти не применяется, что было обусловлено дефицитом этой лигатуры на Урале. Сохраняется атавизм тигельной плавки руды – баланбашские плавильные чаши, хотя, по принципу, применяемый тип плавки тигельным уже не назовешь. Производство носит ярко выраженный домашний характер. Объемы плавков невелики, плавки велись во всех жилищах. Впечатления бурно действующих производственных металлургических центров синташтинские и абашевские памятники не производят. Тем не менее, торговля металлом, по-видимому, имела место и, исходя из наших представлений о социальной структуре синташтинского общества, мы можем предположить, что торговой единицей выступало поселение.

Поток легированного металла из уральских центров шел, преимущественно, по южной части лесостепи, где фиксируется непосредственное

присутствие родственного населения. В степную зону этот металл практически не проникает, количество его на Средней Волге тоже весьма незначительно. Складывается ощущение, что поставки металла преследовали своей целью не столько извлечение торговой выгоды, сколько обеспечение своих “геополитических” интересов. Это, конечно, не исключает возможности определенной диффузии мышьяковых бронз за пределы родственной среды.

Обработка металла осуществлялась на месте, что, по-видимому, свойственно всем культурам эпохи бронзы.

Неожиданно значительными оказываются поставки мышьяковых бронз на север, в Волго-Камье, в среду сейминско-турбинского населения (рис. 32). При этом в ряде некрополей (в особенности в Турбино) наблюдается инкорпорация абашевцев в сейминскую среду. Соотношение инвентаря в разнокультурных комплексах позволило предположить подчиненное положение абашевцев в этом симбиозе [Черных, Кузьминых, 1989, с. 222, 226, 227]. Считается, что инкорпорантами выступали представители приуральского абашева. Описанная ситуация не укладывается в вышеизложенную концепцию и требует специального осмысления.

В азиатской зоне распространения сейминско-турбинских памятников ничего похожего не наблюдается. Здесь присутствуют единичные синташтинские изделия, лишь маркирующие синхронность Синташты и Ростовки, однако поставки металла явно отсутствуют. В первую очередь, это объясняется, конечно, тем, что в этот период сейминско-турбинские популяции еще не успели оторваться от алтайской рудной базы. С другой стороны, нельзя забывать о миграционной модели сейминско-турбинского феномена, в свете которой слабая представленность синташтинско-абашевских бронз на востоке и большое их количество на западе вполне объяснимо.

Ситуация для сейминцев резко меняется по другую сторону Урала. Вследствие значительной удаленности возникли проблемы с поставками металла из прежних источников, что заставило переходить на местное сырье [Черных, Кузьминых, 1989, с. 273]. Ближайшим производственным центром здесь являлся баланбашский, располагавшийся по реке Белой. В синташтинско-абашевской системе к этому времени начали проявляться процессы дезинтеграции. К тому же

в Приуралье сейминцам противостояли коллективы изначально не имевшие столь сильной военной организации, как в Зауралье. Иранский компонент здесь был представлен в меньшей степени, а его размывание местными племенами проходило более интенсивно. Поэтому в результате сейминского давления здесь складывается совершенно новая система взаимоотношений, в чем-то напоминающая ту, которая была создана синташтинцами. В обоих случаях мы наблюдаем инкорпорацию представителей соседних племен в свою среду, и в обоих случаях имел место не столько товарообмен, сколько поставки продукции в виде дани. Только для синташтинцев такой данью выступает скот, а для сейминцев – металл. И синташтинские, и сейминско-турбинские материалы демонстрируют нам подчиненное положение инкорпорантов, но степень этой подчиненности не была абсолютной и имела тенденцию к постепенному сглаживанию в ходе взаимной ассимиляции. Таким образом, значительное количество мышьяковых бронз в Волго-Камье датируется более поздним временем и отражает уже принципиально иную ситуацию. К классической синташтинско-абашевской системе это отношения не имеет.

На последнем этапе, когда процессы дезинтеграции резко возросли (петровско-раннесрубное время), металлургическое производство вытесняется за пределы первичных очагов. Остатки его фиксируются на многих памятниках Поволжья, Урала и Казахстана. Налаживаются поставки алтайского олова. Видимо, значительно трансформируются и формы поставок металла. Возникают действительно обменные отношения. Для синташтинско-абашевского времени, если таковые и имели место, то они носили подчиненный характер.

В какой-то степени вывод о нетоварном характере металлургического производства в синташтинское время подкрепляется исследованиями рудной базы. Эксплуатировалось несколько рудников, но они не сопоставимы по масштабам с Каргалинскими рудниками или Кенказганом. Они уступают даже множеству отдельных выработок Каргалинского поля.

Подсчеты показывают, что на руднике Воровская Яма, эксплуатировавшимся синташтинцами, получено около 10 тонн меди (мы считаем эту цифру сильно завышенной). Много это или мало? Дальнейшие расчеты очень услов-

ны, поскольку все цифры строятся на допущениях, но проблему товарности производства они иллюстрируют.

Синташтинское население Зауралья составляло в разное время от 5 до 10 тысяч человек. С учетом продолжительности существования всех этапов синташты около 200 лет и продолжительности жизни около 30-50 лет мы можем допустить, что всего за это время здесь жило от 50 до 100 тысяч, то есть на каждого приходилось от 100 до 200 грамм металла из “Воровской Ямы”. Учет других рудников (а наши исследования этой проблемы позволяют полагать, что их количество не слишком велико) может увеличить эту цифру на порядок, но если мы примем в расчет использование металла в погребальном обряде и потери его, то и эта цифра не будет чем-то чрезмерным. Данные расчеты можно в значительной степени уточнить, но качественно это ситуацию не изменит. Они, как и характер производства, зафиксированный на поселениях, указывают на отсутствие специализации и товарных поставок металла. Большой роли металлургия в синташтинской экономике все же не играла.

7.2. Земледелие

Ситуация с земледелием, на наш взгляд, выглядит еще более запутанной. Фактов, указывающих на его присутствие, нет. Какие доводы приводят в пользу земледелия? Прямых данных, в общем-то, нет. Имеются лишь косвенные, причем, далеко не бесспорные.

Одним из аргументов, говорящих в пользу земледелия, называется топография поселений, расположенных у широких пойм, где удобно применять орошение лиманного типа [Зданович, 1995, с. 31]. Однако этот способ орошения требует значительных инженерных сооружений в виде дамб и каналов, остатки от которых, безусловно, должны были сохраниться. Округа городищ исследована великолепно. На сегодняшний день трудно найти районы, которые были бы обследованы с подобной тщательностью и таким многообразным количеством методов. Остатки оросительных систем при этом не могли упустить. Тем не менее, они не известны. Обсуждаемые порой оросительные каналы [Лаврушин, Спирidonова, 1995, с. 170; Зданович, Батанина, 1999,

с. 213] таковыми не являются. Часто за них принимают густую сеть мерзлотных трещин, опускающихся к реке. Но располагаются они очень плотно и в местных условиях выполняли бы наоборот функцию дренажа, тем более что вода не имеет обыкновения течь вверх по склону.

Другим аргументом является обнаружение на абашевских памятниках простых землеройных орудий [Пряхин, 1976, с. 125, 126]. Однако их вовсе не обязательно использовали именно для земледелия. То же самое можно было бы сказать и о серпах, которые иногда связывают с выращиванием злаковых [Горбунов, 1986, с. 103; Пряхин, 1976, с. 125], но абашевские серпы могли использоваться также и при собирательстве, и для заготовки кормов для молодняка на зиму. В предшествующих культурах Волго-Уралья серпы отсутствовали. Скотоводство носило кочевой характер, и на зиму скот перегонялся на юг, в речные поймы и долины. Пришедшие синташтинцы земледельческих навыков не имели. В противном случае были бы привнесены более развитые формы серпов, распространенные в это время на Кавказе и Ближнем Востоке. С другой стороны, ведя оседлый образ жизни, они не могли отгонять скот далеко на юг. Вероятно, в связи с этим приходилось заниматься частичной заготовкой кормов, что и отразилось в разработке серпов столь невыразительной формы.

Еще более убедительны палеоботанические исследования. Предпринятые промывки культурного слоя синташтинских городищ зерен злаков не дали. Вообще, к востоку от Днепра флотация культурного слоя дает незначительное количество зерен злаков только начиная со срубной культуры, а на Урале с появления федоровско-бишкульских и межовских памятников [Лебедева, 1996]. Эти выводы сделаны на значительном количестве отмывок и вряд ли могут быть подвергнуты сомнениям. В описаниях земледелия у донских абашевцев упоминается обнаружение отдельных зерен проса и пшеницы [Пряхин, 1976, с. 125]. Однако обращение к первоисточнику показывает, что речь идет об их диких видах [Хмелев, 1973, с. 168].

Таким образом, исходя из сегодняшнего состояния источников, мы вправе констатировать отсутствие земледелия в синташтинском и абашевском хозяйстве. Оно компенсировалось собирательством, распространенным, судя по всему, довольно широко [Хмелев, 1973, с. 168-

171]. Даже если в будущем какие-то следы земледелия и будут выявлены (в чем мы глубоко сомневаемся), сколько-нибудь заметной роли в хозяйстве оно не играло. Как гипотезу для дальнейшей работы, мы должны учитывать фактор земледелия, тем более что на Ближнем Востоке эти популяции не могли с ним не сталкиваться. Из этого, впрочем, не следует, что данная конкретная группа владела подобными навыками.

Впрочем, ниже мы покажем, что синташтинское население было ираноязычным, и абашевское, по-видимому, тоже. В финно-угорских языках зафиксированы термины, связанные с земледелием и скотоводством, заимствованные из раннеиранского, причем, среди них зафиксирован термин для обозначения свиньи [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 921-929]. Последнее, как будто, свидетельствует в пользу того, что источником заимствования выступали абашевцы, в стаде которых свинья представлена. Поэтому существование земледелия в лесостепном Волго-Уралье необходимо допускать. С синташтинской же культурой вопрос остается пока открытым. Но отсутствие фиксации зерен в культурном слое говорит в пользу того, что если земледелие и имело место, роль его была очень ограниченной.

7.3. Скотоводство

Исходя из приведенных выше доводов, остается согласиться с тем, что основной отраслью в абашевском и синташтинском хозяйстве являлось скотоводство. И если для большинства абашевских поселков так оно, вероятно, и было, с синташтинским хозяйством дело обстоит гораздо сложнее.

В главе, посвященной соотношению состава стада синташты и прилегающих культур, мы обсуждали фиксируемое различие между составом стада и структурой пищи, которая находит отражение в костных остатках поселений. В синташтинском стаде, возможно, доминировала лошадь, используемая, в первую очередь, для военных и гужевых целей. В пищу же употребляли, преимущественно, крупный рогатый скот, на втором месте шла лошадь и на третьем – мелкий рогатый скот.

Существуют расчеты возможной плотности населения в эпоху бронзы, которые учитывают количество необходимого скота на душу населения и площадь необходимых для этого пастбищ. В соответствии с этим, на семью из 5-6 человек должно приходиться около 20 единиц крупного рогатого скота (весь скот пересчитан на крс). В долине же реки Тобол площадью 65 000 га могло проживать, исходя из этих расчетов, 600-1400 человек [Евдокимов, Поваляев, 1989].

Радиус территории одного синташтинского городища составлял 25-30 км, что соответствует площади около 280 000 га. Следовательно, на этой территории, в принципе, могло прокормиться около 4 000 человек. На городищах же жило менее 2 000 человек. На первый взгляд, синташтинцы имели запас пастбищ. Однако этому противоречит множество факторов, цифровому расчету не поддающихся. Приведенные выше цифровые данные построены на основе современной экологической ситуации и для долины такой реки, как Тобол. Они учитывают необходимый минимум скота, ниже которого воспроизводство поголовья невозможно. Кроме того, они ориентированы на позднюю бронзу и допускают наличие ограниченного земледелия. В синташтинском же хозяйстве земледелие отсутствовало. Площадь речных долин в этом районе не слишком велика, а водоразделы обладают значительно меньшим объемом биомассы, чем долинские луга. Климат в синташтинское время был более засушливым, что очевидно и без палеоклиматических исследований. Городища располагаются столь низко, что до последнего времени в сильные паводки они подтоплялись. Впрочем, все специалисты палеоэкологи единодушны во мнении о том, что климат в синташтинское время был гораздо более засушливым и экстремальным, чем в III тыс. до н.э. [Демкин, 1999; Демкина, Демкин, 1999]. Мы также знаем, что полностью пространство в радиусе 30 км освоено не было. Какие-либо археологические следы этого отсутствуют. Этому мешала нестабильная военно-политическая обстановка, что маркируется устойчивым сохранением традиции строительства городищ и тем, что они время от времени погибали от пожаров. Отогнать скот на значительные расстояния, подобно кочевникам, синташтинцы не могли. Кроме того, необходимый минимум стад здесь был выше за счет значительного количества лошадей,

не всегда употреблявшихся в пищу. Все эти факторы вместе взятые, казалось бы, должны были поставить синташтинские коллективы на грань выживания. Мы же наблюдаем обратное. Огромные количества скота используются в погребальном обряде, общество довольно богатое и достаточно стабильное. Даже для петровских и покровских погребений специалисты отмечают избыточность использования животных в погребальном обряде. Для синташтинского обряда они используют термин – “иррациональность” [Косицев, 1999, с. 330].

Причина этого парадокса кроется, на наш взгляд, в характере синташтинского хозяйства, которое можно определить, как военноскотоводческое. В процессе миграции из Передней Азии, миграции наверняка вынужденной, миграции на огромное расстояние, было невозможно сохранить все стада, необходимые для нормального воспроизводства. Часть стад была, конечно, пригнана. Это доказывает комолость крупного рогатого скота – признак, связанный с Ближним Востоком. Но этого было недостаточно. Сложившаяся ситуация могла иметь два выхода. Общество могло пойти на крайние жертвы, ограничивать потребление и постепенно восстанавливать поголовье. Этот вариант не был реализован, так как уже ранние синташтинские погребения отличаются обильными жертвоприношениями. Второй путь – это изъятие скота у соседей. Абсолютное военное превосходство поз-

волило синташтинцам пойти именно по нему. Вероятно, первое наиболее массовое изъятие скота происходит еще в процессе миграции. В дальнейшем устанавливается контроль над восточноевропейской лесостепью и отчасти степной зоной. Целью этого контроля были периодические поставки скота. Поддерживался он постоянным военным присутствием и эпизодическими походами. Это требовало значительного количества лошадей, что и обусловило их доминирование в стаде. По мере дезинтеграции системы и в результате постепенного отрыва интересов иранских групп в Восточной Европе от интересов основного массива в Зауралье эти поставки затухают. Возможно, и до этого они были не слишком упорядоченными и не являлись основным источником существования. Таковым было все же местное животноводство. Принудительные изъятия позволяли не существовать, а жить вполне богато. С распадом системы прекращают свое существование и городища. Для степей Северной Евразии, в условиях чисто скотоводческого хозяйства, это был нонсенс, искусственно трансплантированная чужеродная ткань и организм ее отверг. Конец синташтинской культуры был, тем самым, изначально заложен в ее формировании и развитии. Рождение, жизнь и смерть составили единый взаимообусловленный цикл, не прошедший, тем не менее, бесследно. На его основе формируются хозяйственные системы периода ПБВ.

Глава 8.

Периодизация и хронология синташтинской культуры

С выявлением синташтинских памятников в Зауралье и аналогичных им в Поволжье не прекращались попытки осмысления их места в системе волго-уральских и урало-казахстанских культур. Первоначально эти памятники синхронизировались с раннесрубными в Поволжье и с петровскими в Северном Казахстане [Зданович, 1988, с. 138, 139; 1989, с. 187, 189; Качалова, 1985, с. 42, 43]. В тот же хронологический горизонт укладывались памятники КМК на Украине [Березанская и др., 1986, с. 37-39]. В настоящее

время эта позиция подвергнута корректировке, в соответствии с которой, синташтинские памятники предшествуют раннесрубным, участвуя в формировании последних [Васильев и др., 1995а, с. 37]. Однако, поскольку синташта понимается как культура, сформировавшаяся при участии абашева, последнее рассматривается как более раннее явление [Васильев и др., 1994, с. 85; Кузьмина О., 1992, с. 75]. Более ранними, соответственно, оказываются и полтавкинские памятники. В настоящее время этот взгляд на вещи

особых сомнений у исследователей не вызывает. Высказывалось, впрочем, и мнение о синхронности синташтинской культуры с абашевскими [Епимахов, 1993, с. 58].

Довольно дискуссионными могут быть проблемы соотношения синташты с катакомбной культурой. Представляется, что формирование синташты было синхронно появлению в катакомбных культурах валиковой орнаментации. На Среднем Дону подобная орнаментация появляется на втором этапе местной катакомбной культуры. При этом надо иметь в виду, что первый, павловский, этап катакомбной культуры Среднего Дона, видимо, синхронен позднему этапу донецкой катакомбной культуры. На возможность синхронизации синташтинской культуры со вторым этапом среднедонской катакомбной культуры может указывать и появление на этом этапе бронзовых обкладок деревянных сосудов, что весьма характерно для синташты. Правда, донские находки отличаются от синташтинских пуансонным орнаментом [Синюк, 1996, с. 86, 88, 89, 130]. Вместе с тем, выше мы обсуждали единичные включения керамики, сопоставимой с павловской керамикой, в которой весьма выражены пережиточные ямные черты. Это не дает оснований для синхронизации синташты с павловским этапом катакомбной культуры. Более вероятно, что формирование синташты совпадало с началом второго этапа среднедонской культуры, а поскольку импульс исходил с запада, в нем присутствуют незначительные включения более раннего этапа.

Наиболее важной для нас является проблема соотношения синташты с КМК, поскольку последняя культура имеет многочисленные параллели в Центральной Европе, что позволило бы использовать для датировок синташты центральноевропейские хронологические схемы. К сожалению, возможности для этого весьма ограничены. Непосредственной встречаемости синташтинских вещей с вещами КМК в одних комплексах нет, как нет и их присутствия в одном памятнике, что позволило бы определить их стратиграфическое соотношение. Как уже обсуждалось выше, есть основания для синхронизации абашева Дона с поздними комплексами КМК, но не меньше оснований и для того, чтобы утверждать синхронность абашевской культуры в этом регионе с памятниками покровского типа, что ставит данные комплексы КМК в заведомо более

позднюю хронологическую позицию относительно синташтинских памятников. В частности, есть основания для синхронизации позднего этапа катакомбной культуры Среднего Дона с КМК. На этом этапе появляется уже срубная обрядность, что позволяет датировать его покровским временем. В керамике фиксируется продолжение традиции валиковой орнаментации, присущей предыдущему этапу, но появляются “паркетные” орнаменты и прочерченная вертикальная елочка, известные на керамике КМК [Синюк, 1996, с. 134]. Впрочем, эти черты могут говорить лишь в пользу синхронизации поздней КМК, поздних катакомбных и ранних срубных комплексов и отнесения их к постсинташтинскому времени. Этому не противоречат и предполагаемые даты начала третьего этапа среднедонской катакомбной культуры – конец XVII – начало XVI вв. до н.э. Проблемы соотношения ранней КМК и синташты это, впрочем, не снимает. Исследовавший данную проблему Р.А.Литвиненко пришел к удручающим выводам о том, что большинство типов, по которым возможно сопоставление КМК и синташты, имеют довольно продолжительные рамки существования и не могут быть использованы в микрохронологии. Единственным возможным индикатором могут быть “бородавчатые” бусы с тремя выступами, представленные на синташтинских памятниках и только на поздних памятниках КМК [Литвиненко, 1999, с. 134]. Однако если учесть тот факт, что в конце существования синташтинской культуры ощущаются ее мощные импульсы, часто уже в перерожденном виде, в западном направлении, то этот тип бус мог и не быть производным от сходных бус КМК, а рассматриваться в качестве независимо существовавшего на востоке типа, привнесенного на запад в период финальной фазы синташтинской культуры и начале позднего периода КМК. В этом случае раннее КМК и синташта могут быть рассмотрены как принципиально синхронные образования. К тому же у меня нет полной уверенности в однокультурности ранних и поздних памятников КМК. Однако это следует обсудить в главе, посвященной средней бронзе Восточной Европы.

Не менее проблемным представляется соотношение синташтинской и ташковской культур. Одни исследователи полагают, что на формирование синташты оказала воздействие ташк-

овская культура [Зданович, 1995, с. 41], другие придерживаются диаметрально противоположных позиций [Ковалева, 1995, с. 69, 72].

Проблема периодизации культур Волго-Уралья и Казахстана осложнена также отсутствием надежных стратиграфических колонок. Поэтому в нашей попытке ее решения мы будем исходить также из схемы развития культурных процессов в регионе, без чего, на наш взгляд, никакая периодизация не мыслима.

В наиболее общем виде эта схема представляется нам в следующем виде. Продвижение арийских племен в восточном направлении приводит к формированию абашевских и синташтинской культур, на основе которых впоследствии оформляются петровская, срубная и алакульская культуры. Параллельно, но с некоторым запаздыванием, по югу лесной зоны и северной лесостепи идет встречное движение сейминско-турбинского населения. Этот последний процесс и дает нам крайне важные хронологические реперы для понимания соотношения синташты и абашева.

В соответствии с культурологической моделью, предложенной для сейминско-турбинских памятников, в целом они датируются одной хронологической фазой, но в Прииртышье эти могильники появляются несколько раньше, чем в Приуралье [Черных, Кузьминых, 1989, с. 262]. Тем не менее, уже в Прииртышье мы фиксируем, хотя и весьма ограниченный, но контакт с синташтой, что отражают типичные синташтинские изделия, изготовленные из мышьяковых бронз, обнаруженные в могильнике Ростовка [Черных, Кузьминых, 1989, с. 65, 95]. Петровские материалы, где процент оловянистых бронз чрезвычайно высок, датируются уже более поздним временем, когда, благодаря сейминцам, налаживаются надежные поставки олова и используются соответствующие технологии.

Турбинский могильник, возникающий позже Ростовкинского, демонстрирует тесные связи с уральским абашевом. Это позволяет сделать вывод о том, что, в основе своей, синташта и абашево Приуралья синхронны. Синхронизация с ними абашевских культур на Дону и Средней Волге абсолютных доказательств под собой не имеет. В том, что западные абашевские культуры синхронны восточным, нас убеждают следующие факты. Процесс миграций сейминско-турбинских популяций был достаточно быстротечным [Черных, Кузьминых, 1989, с. 276], а абашевская

и синташтинская металлообработки едины, что не дает оснований для их отрыва друг от друга. Использование абашевцами Дона и Волги уральского металла и отсутствие собственной выплавки руды не позволяют говорить об их формировании до начала функционирования уральских металлургических центров. Общеабашевская керамическая традиция не имеет предтечи в Волго-Уралье и в значительной степени связана с миграцией синташтинцев из Передней Азии. Южнее абашевская КИО синхронна полтавкинской культуре. В пользу этого свидетельствует их общее предшествование ранним срубникам; осязательное присутствие полтавкинских материалов в синташтинских памятниках классического периода, где они подвергаются довольно быстрой трансформации по синташтинским образцам; наличие в отдельных полтавкинских погребениях Потаповского могильника металла чуждых им групп ВУ и ВК [Аганов, Кузьминых, 1994, с. 170]; смешение в Потаповском могильнике полтавкинской и синташтинской гончарных традиций; участие полтавкинской культуры в формировании петровской. На последнее обстоятельство указывает характерная для петровки посуда с вертикальной шейкой и уступом, орнаментация, выполненная шагающей гребенкой, использование дробленой раковины в керамических формовочных массах. Обнаружение на полтавкинском поселении у села Старая Яблонка абашевской керамики и ножа с приостренной пяткой черешка и намечающимся перекрестием тоже свидетельствует в пользу частичной синхронизации полтавкинских и абашевских комплексов [Васильев, Непочатый, 1997, с. 44].

В свою очередь, петровская культура синхронна уже ранним срубникам типа, хотя формируется она несколько раньше последних. Наиболее ранние петровские памятники Казахстана, по-видимому, отчасти одновременны синташтинским классического этапа в Зауралье. В пользу этого говорит, как формирование их за счет выходцев из Зауралья, так и первоначальное использование металлургами Семиозерок II синташтинских зауральских источников руды [Григорьев, 1994, с. 18]. В Зауралье же памятники петровской культуры являются более поздними, что надежно фиксируется стратиграфией Устья и Синташты [Виноградов, 1995], а также характером петровской металлообработки.

Равным образом, на основе синташтинско-абашевских комплексов повсеместно, включая бассейн реки Урал в Зауралье, идет формирование раннесрубных памятников. Формирование ранних срубников и петровки маркирует начало следующего хронологического этапа, который синхронен дальнейшему продвижению сейминско-турбинского населения на запад, на Среднюю Волгу, и появлению Сейминского могильника.

В Оренбуржье синташтинская миграция кладет предел ямной культуре. Контакты их не фиксируются. Изделия, характеризующие абашевскую металлообработку, здесь отсутствуют. Не исключено, поэтому, что ямники в этой зоне исчезли до синташтинской миграции по причине катастрофической засухи предшествующего периода.

Выше мы уже упоминали о связи ташковской культуры с кротовской и продвижением сейминско-турбинских племен на запад. Последнее доказывается наличием в материалах Ташково II сейминских наконечников стрел и капель оловянистой бронзы группы ВК. Это дает основание для синхронизации Ташково II, Ростовкинского могильника и синташты. Поздние ташковские материалы датируются, по-видимому, постсинташтинским временем. В кургане 19 могильника Чистолебяжье, относящемся к алакульской культуре обнаружено два ташковских сосуда [Мамеев, 1998, с. 276, 277, 345].

Необходимо сделать лишь одно небольшое пояснение относительно поселения Ташково II. Как будет следовать из параграфа 2.2 раздела II, чирковские, кротовские и сейминско-турбинские памятники на страницах этой работы рассматриваются как синхронные поселения типа Ташково II. При этом сама ташковская керамическая традиция имеет в Зауралье более ранние корни и, в какой-то степени, наследует даже энеолитические липчинские приемы нанесения орнамента и орнаментальные схемы. Это допускает возможность существования памятников, относимых к ташковской культуре и имеющих более раннюю хронологическую позицию, чем сейминско-турбинские бронзы и поселение Ташково II. Нижняя граница существования этих памятников не вполне ясна. Они могут быть синхронны ранней синташте. Равным образом, судя по всему, существуют досейминские кротовские керамические материалы, на которых отсутствует

такой характерный признак кротовской посуды, как валик [Стефанова, 1986, с. 44].

Полученные сопоставления позволяют нам разбить культуры Волго-Уралья на две хронологические группы. К первой относятся синташтинско-абашевские и позднеполтавкинские древности. Использование мышьяковых лигатур, отсутствие технологии литья втульчатых изделий, наличие значительной серии изделий, имеющих параллели в ЦМП свидетельствуют в пользу рассмотрения этих культур в рамках СБВ. При этом мы можем достаточно уверенно говорить о синхронизации их появления с КМК (но не вполне понятно с какой КМК) и переоформлением культур катакомбной КИО на западе, что указывает на период СБВ II. Время существования абашевской общности целиком охватывает этот период, оно было достаточно продолжительным. Поэтому мы не находим возможности говорить о периоде перехода от СБВ к ПБВ. Это была целая эпоха, характеризовавшаяся собственными, качественно отличными от ПБВ характеристиками. В соответствии с этим, I фазу Евразийской металлургической провинции мы можем считать фазой СБВ.

Распад системы и влияние сейминско-турбинской металлообработки приводят к появлению оловянистых лигатур, тонкостенного втульчатого литья и новых типов инвентаря (в первую очередь кельтов). Поэтому раннесрубные и петровские памятники следует относить уже к периоду ПБВ и, соответственно, к фазе II ЕАМП.

Таким образом, культурам СБВ II на западе какое-то время синхронны культуры ПБВ на востоке, а затем в Прикамье. Это обусловлено динамичным характером складывания системы ЕАМП, встречной направленностью и частичной синхронностью формирующих импульсов.

Кратко коснемся внутренней периодизации синташтинской культуры. Выделяемые ее три этапа относятся не к самой синташтинской культуре, поскольку поздний этап включает в себя памятники петровского и покровского типов, датируемые ПБВ. Они являются продолжением синташтинской культуры, но находятся уже вне ее рамок. Однако рассмотрение этих памятников в качестве позднего этапа существования синташтинской системы или "Страны городов" вполне корректно. При этом существуют синташтинские материалы, несущие в себе петровские или раннесрубные черты. Их можно рассматривать как

переходные. Внутри же собственно синташтинской культуры можно говорить лишь о двух этапах – раннем и классическом. Граница между ними (как, впрочем, и граница с памятниками петровско-покровского времени) довольно размыта и определяется не столько качественными, сколько количественными показателями. В архитектуре городищ эти различия незаметны. Отнесение овальных городищ к раннему этапу вряд ли правомерно, поскольку переднеазиатские их прототипы, как было показано в главе, посвященной синташтинской архитектуре, имеют круглую форму. Заметнее различия в погребальном обряде. Для ранних погребений более характерны вторичные захоронения, погребения воинов-колесничих могут располагаться в периферийных могильных ямах, захоронения сопровождаются богатыми жертвоприношениями, характерны бескурганые погребальные площадки. В керамическом комплексе преобладают типы, имеющие сирийские и закавказские параллели. Не исключено, что бронзовые наконечники стрел датируются только этим временем, хотя уверенно об этом судить сложно.

Для погребений классического этапа характерны курганные насыпи, рвы и валы, окружающие погребальную площадку, четкая дифференциация центральных и периферийных захоронений, приуроченность вторичных захоронений главным образом к центральным могильным ямам, менее пышные жертвенники. В керамическом комплексе наряду с сирийскими формами встречаются восточноевропейские, а также формы, полученные в результате их синтеза. Появляется остроредерная керамика, характерная уже для следующего этапа.

Однако об этих характеристиках можно говорить лишь как о тенденции, поскольку отдельные памятники (например, Каменный Амбар 5) могут сочетать в себе признаки различных этапов.

Определившись с проблемами относительной хронологии, мы можем приступить к проблемам хронологии абсолютной, основания для решения которых более чем зыбкие. Тем не менее, опираясь на представления о месте синташтинской культуры в свите волго-уральских культур, эти проблемы удавалось решать сравнительно корректно. Первоначально культура датировалась XVI в. до н.э. [Смирнов, Кузьмина, 1997, с. 26-34; Генинг, 1975, с. 94, 95]. Последующее осмысление ее как предшествующей раннесрубной

позволило углубить датировку до XVII в. до н.э. [Генинг и др., 1992, с. 376; Горбунов, 1986, с. 68], а впоследствии на основании синхронизации с передатированной в последнее время КМК и до XVIII в. до н.э. [Зданович, Зданович Д., 1995, с. 49]. При этом напомним, что речь идет о традиционной хронологии.

С этими датами, в принципе, можно было бы и согласиться, но сегодня обозначилась тенденция к дальнейшему удревнению синташтинской культуры до XX в. до н.э. на основании данных радиоуглеродного анализа [Виноградов, 1995].

В настоящее время мы можем рассматривать три линии привязок евразийских культур этого времени: китайскую, балкано-дунайскую и переднеазиатскую. Первая дает значительное омоложение их возраста до XIV в. до н.э., в связи с чем и была подвергнута вполне обоснованной критике. Формирование сейминских бронз благодаря китайскому импульсу признано необоснованным [Черных, 1970, с. 101]. Скорее имел место обратный процесс, и китайские культуры эпохи бронзы зародились под воздействием западного импульса.

Более надежные даты дают европейские параллели. Присутствие копий сейминского типа в Бородинском кладе позволило говорить о дате XVI в. до н.э. [Черных, Кузьминых, 1989, с. 259]. Однако с учетом того обстоятельства, что проникновение сейминских бронз имело западную направленность и синхронизации уже Сейминского могильника в устье Оки с ранними срубниками, это будет дата начала ПБВ, то есть раннесрубной и петровской культур. Частично XVI веком до н.э. может датироваться и классический этап синташты, а также абашевские культуры. Формирование сейминско-турбинского феномена на Алтае датируется XVII в. до н.э., исходя из приведенных соображений и имеющихся в нашем распоряжении радиоуглеродных некалиброванных дат [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261].

Используемые в настоящее время датировки по дисковидным псалям далеко не безусловны. Если исходить из идеи зарождения этих псаляев в восточноевропейских степях, то становится непонятным появление на них орнаментов, выполненных в псевдомикенском стиле. Если же мы допустим балканские импульсы, то это будет давать достаточно позднюю дату, соотносимую с горизонтом “микенских влияний”. Поэтому совершенно справедливо мнение о том, что

микенские орнаменты еще не являются основанием для поздних датировок [Отрощенко, 1986, с. 231]. По этой причине обычно степные псалии понимаются как более ранние и датируются XVII-XVI вв. до н.э. [Кузьмина, 1980; Зданович, 1985; Новоженев, 1994, с. 178]. Однако в реальности в настоящее время эту дату нельзя рассматривать как датировку культур по псалиям. Скорее псалии Восточной Европы датируются на основании наших представлений о культурных системах этого региона.

Но если уж отталкиваться от псалиев и от более ранней позиции синташтинских псалиев относительно донских, чему не противоречит контекст этих находок, то отсутствие орнаментов на синташтинских псалиях действительно можно рассматривать как ранний хронологический признак. Традиционные даты начала Микен 1570-1515 гг. до н.э. по длинной хронологии и 1550-1490/80 гг. до н.э. по короткой [Kaiser, 1997, S. 130]. Это и будет определять конец существования синташтинской культуры.

Исходя из предложенной здесь культурологической модели, для нас становится ведущей переднеазиатская линия привязок. Появление в Передней Азии дисковидных псалиев, а также широкое распространение колесниц того типа, который привнесли на север синташтинцы, определяется периодом XIX-VII вв. до н.э. [Горелик, 1988, с. 192; Новоженев, 1989, с. 115]. Изображенные оголовья позволяют предполагать наличие с этого времени дисковидных псалиев, ранние металлические образцы которых датируются XVII в. до н.э. [Новоженев, 1994, с. 180; Горелик, 1988, с. 192]. Таким образом, по псалиям и колесницам мы можем опираться на даты XVIII-XVII вв. до н.э. При этом необходимо помнить, что уже обсуждаемые выше находки времени Намазга V и Гиссар IIIВ позволяют говорить и о более ранних датах.

Втульчатые долота и зубила в Анатолии датируются с рубежа III/II тыс. до н.э., что лимитирует нижнюю границу синташтинской культуры этой датой [Müller-Karpe A., 1994, S. 170-173].

Долота, пробойники и зубила без втулок не могут быть опорой при датировке, поскольку они встречаются в Анатолии в течение всей эпохи бронзы [Müller-Karpe A., 1994, S. 159-174].

Не вполне понятно, вправе ли мы использовать в качестве датирующего материала син-

таштинские копья с разомкнутой втулкой. В XVII в. до н.э. в Закавказье и Сиро-Палестине появляются копья с литой втулкой (Триалети, Рас-Шамра и т.д.) [Джанаридзе, 1994, с. 89; Кушнарцева, 1994, с. 104]. Отсутствие подобной технологии в синташтинской металлообработке может, поэтому, означать более раннюю дату миграции. Однако эта дата не может быть раньше начала II тыс. до н.э., когда в Передней Азии осуществляется переход от черенковых копий к втульчатым (появляющимся, впрочем, несколько раньше) [Есаян, 1966, с. 15].

На близкие даты указывает и обломок топора кабардино-пятигорского типа, обнаруженный на поселении Ольгино. Он соответствует топорам второго этапа северокавказской культуры. На первом этапе топоры этого типа гладкие. Переход от первого ко второму этапу произошел около 1800-1700 г. до н.э. [Марковин, 1994б, с. 283; Нелин, 1996а]. Следовательно, синташтинская миграция не могла произойти ранее 1800 г. до н.э. Фрагмент каменного топора поселения Аркаим по фатьяновским и балановским параллелям дает более размытые даты – первая половина II тыс. до н.э.

Косвенную дату дают нам черешковые бронзовые наконечники стрел. В Анатолии они встречаются с III тыс. до н.э., но широко распространяются в XVII в. до н.э. [Медведская, 1980]. Сравнительно редкое их присутствие в синташтинских памятниках по сравнению с каменными наконечниками, как будто, позволяет предпочесть VIII в. до н.э.

Нож с ромбической пяткой черешка, обнаруженный в Уре, датируется XVIII-XII вв. до н.э. [Горелик, 1993, с. 224, 225].

Бронзовое колесико по литейным формам из Кюльтепе может быть датировано временем Карума. По короткой хронологии это соответствует периоду 1850-1650 гг. до н.э., а по средней хронологии на 64 года раньше. Форма для отливки из дома Адад-Сулули соответствует времени Карум Канеш II [Müller-Karpe A., 1994, S. 49, 215-217].

Посуда, которую мы рассматриваем в качестве прототипа синташтинской, распространяется в слое Тель-Мардих IIIА, имеющем сравнительно широкую дату от XX в. до н.э. Эта же посуда идет в слое Хама Н, сменяющем слой Хама I в XIX в. до н.э. [Ортманн, 1985, с. 69; Лоон, 1985, с. 57, 58, 60]. В Тель-Нагиле, на юге

Палестины, керамика сходных форм появляется на руинах поселения периода СБВ II (1750-1550 гг. до н.э.).

Таким образом, посуда дает нам достаточно широкий диапазон дат, наиболее приемлемыми из которых представляются даты, укладываемые в период XIX-XVII вв. до н.э. Вышеперечисленные параллели по колесницам, копьям, топорам, стрелам и псалям позволяют говорить о дате XVIII в. до н.э., как о вполне вероятной.

Обращение к сейминско-турбинским материалам позволяет выйти на проблемы календарных дат. Эти памятники начинают распространяться с востока на запад несколько позднее синташты и материалы Ростовкинского могильника позволяют надежно синхронизировать синташтинскую культуру и данные могильника азиатской зоны. Сейминские памятники восточной Европы частично синхронны синташте, что маркируется включением в них абашевских материалов. Однако они существуют и в послесинташтинский период, включая иногда раннесрубный материал. В Карпато-Дунайском бассейне проникновение сейминской металлообработки в виде копий с круглой орнаментированной втулкой датируется горизонтом кладов Апа – Хайдушамшон, культурой Ветеров, группой Мадьяровце, а в Южной Германии горизонтом клада Лангквайд. Это и соответствует финальной стадии синташты, стадии VzA2b и датируется в системе калиброванных радиоуглеродных дат около XVIII в. до н.э. [Gerloff, 1993, p. 66]. При этом не исключено, что распространение этих принципов металлообработки здесь происходит с некоторым запаздыванием, чем на востоке. Последующее распространение в регионе копий с гладкой втулкой, идентичных петровским и покровским, маркирует уже конец синташтинской культуры. В Центральной Европе металл этого типа представлен горизонтом клада Бюль, что соответствует периоду VzA2c Австрии или VzA2\B1 Южной Германии, поздней серии Вильсфорд Уэссекса и датируется около 1650 – 1600 г. до н.э. [Gerloff, 1993, p. 78; Rittershofen, 1984, S. 322-324; Neugebauer, 1991, Abb. 9,10]. Примечательно, что на поселениях Южной Германии в это время появляется андронидная посуда [см. Krumland, 1998]. В это время синташтинской культуры уже не существовало. Вся данная ситуация, в целом, соответствует и наиболее поздним радиоуглеродным датам синташтинской культуры. При этом

необходимо учитывать, что на западе восточно-европейские включения появляются, естественно, позднее, но насколько позднее определить нельзя. В силу всего сказанного, не исключено, что в Средней Европе времени синташтинской культуры соответствует ступень A1, однако с какого времени в рамках этой ступени следует датировать синташту, не вполне ясно. Ниже мы будем обсуждать соответствия раннего КМК и ряда культур, сменяющих культуры колоколовидных кубков и шнуровой керамики в Средней Европе. Однако мы не знаем – синхронна ли синташта ранним материалам КМК.

Позицию последних относительно памятников Центральной и Западной Европы определить можно. Финальные стадии шнуровых культур сменяются в Германии и Австрии новыми культурными типами – Штраубинг, Унтервельбинг, для которых довольно типичны почти безынвентарные погребения с костяными пряжками, что идентично погребальной обрядности КМК [Müller-Karpe, 1974, Taf. 528-531; Bertemes, 1989, Taf. 27]. Идентичная ситуация наблюдается и в Северо-Восточной Италии (Полада). При этом распространяется керамика с рельефной орнаментацией, не известная в регионе с неолита (группы Хамер и Мон-Зее). Очень точные соответствия некоторым типам керамики КМК и позднекатакомбной посуды есть в уэссекской культуре [Gerloff, 1975, pl. 48, C, 1, 49, A, 250, B, 3, 58, 59], хотя доминирующей здесь все же является местная керамическая традиция культуры колоколовидных кубков. При этом резко бросается в глаза распространение центральноевропейских (унетицких) традиций металлообработки. Эти процессы относятся к стадии A1 и началу стадии VzA2 и датируются концом III – началом II тысячелетия до н.э., что целиком соответствует калиброванным датам Синташты. Таким образом, мы вправе рассматривать формирование Синташты, КМК и существенные культурные трансформации в Европе как явления синхронные, осуществившиеся в рамках единого формирующего процесса.

В целях корректировки дат попытаемся с помощью синташтинских материалов совместить европейскую и переднеазиатскую линии синхронизации. Как мы уже говорили, синташтинские поселения не были слишком долговечны, поскольку пережили всего лишь две перестройки, после чего на смену им приходят раннесрубные и

петровские памятники. Городища при этом вновь перестраиваются. Мы глубоко сомневаемся в долговечности подобных строений, хотя и допускаем мысль о том, что отдельные даже капитальные ремонты могли пройти для нас бесследно. Тем не менее, судя по характеру культурного слоя и остаткам жилищ, городища не могли существовать несколько столетий. Это не позволяет нам брать за исходные даты XX-XIX вв. до н.э., если исходить из системы традиционной хронологии.

Более четко временную протяженность классического периода синташтинской культуры удалось определить с помощью дендрохронологии. Данные исследования проводились А. Гаврилюком и, к сожалению, так и не были завершены. Поэтому до конца не ясно, насколько полностью полученные даты охватывают все время существования синташтинской культуры. В целом, время классического этапа синташты составило 130 лет, а с учетом раннесрубного и петровского периодов 230 лет. Поскольку начало ранних срубников мы датируем XVI в. до н.э., синташтинский исход из Передней Азии может датироваться 1730-1640 гг. до н.э. Каждая из крайних дат этого периода чисто исторически является достаточно достоверной. В 1742-1740 гг. до н.э. происходит вторжение касситов в междуречье Тигра и Евфрата и проникновение их в бассейн Хабура [*История Древнего Востока*, 1988, с. 66]. Около 1650 г. до н.э. на хеттский трон приходит Хаттусили I, предпринимающий активные действия в Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии [*Герни*, 1987, с. 24, 190]. Более приемлемой является, тем не менее, первая дата. В случае принятия второй, мы вынуждены датировать ранних срубников и, соответственно, Сейминский могильник концом XVI – началом XV в. до н.э., что неоправданно заужает рамки срубной и алакульской культур. Кроме того, подобная датировка Сеймы вступает в противоречие с параллелями ей в Балкано-Карпатье [*Черных, Кузьминых*, 1989, с. 260]. В пользу первой даты свидетельствует также датировка верхней границы ямной культуры в Южном Приуралье и нижней границы КМК на Украине [*Зданович, Зданович Д.*, 1995, с. 49; *Моргунова, Кравцов*, 1994, с. 79]. Этой дате не противоречит сделанный выше на основании типологических параллелей вывод о том, что наиболее достоверной датировкой нижней границы синташтинских комплексов является XVII в. до н.э.

Использование этой точки отсчета позволяет нам вновь вернуться к хронологии синташтинской культуры. Ранний ее этап приходится на последнюю треть XVIII в. до н.э. – начало XVII в. до н.э. К этому же времени относится формирование абашевских культур на Дону, в Приуралье и на Средней Волге. Классический этап синташты охватывает весь XVII в. до н.э. В этот же хронологический промежуток ложится появление сейминско-турбинских племен в Среднем Прииртышье. В связи с этим, возникновение поселения Ташково II мы должны датировать XVII в. до н.э., а чирковской культуры в Прикамье XVII-XVI вв. до н.э., чему не противоречат принятые для этой культуры датировки [*Эпоха бронзы...*, 1987, с. 136]. Вместе с тем, необходимо допускать существование и более ранних ташковских памятников. В конце XVII – начале VI вв. до н.э. происходит формирование раннесрубной и петровской культур. Нам представляется вполне допустимым, что переоформление полтавкинской культуры и появление позднеполтавкинских памятников было обусловлено синташтинским вторжением в Восточную Европу. В этом случае, мы вправе датировать эти памятники с конца XVIII – XVII вв. до н.э.

Такой нам, на сегодняшний день, представляется система хронологии синташты и синташтинского окружения. Она, безусловно, требует тщательной верификации с помощью дендрохронологии и радиоуглеродного датирования. При этом, с учетом специфики этих методов, верификацию или же коррекцию предложенной системы необходимо проводить с опорой на систему значительных серий калиброванных дат. Впрочем, следует иметь в виду, что в рамках данной работы используются традиционные хронологические схемы. Использование дендрохронологической калибровки радиоуглеродных дат привело к значительному удревнению датировок в Европе, в связи с чем предлагается изменить и восточноевропейские даты археологических культур [*Трифонов*, 1996а]. Соответственно, хронологический горизонт, в который входят позднекатакомбные, потаповские и покровские древности датируются периодом 2100-1800 гг. до н.э. Синташтинские калиброванные даты соответствуют XX в. до н.э. [*Виноградов*, 1995] или XIX-XVII вв. до н.э. [*Кузнецов*, 1996б, с. 58]. При этом необходимо помнить, что покровские и потаповские памятники, будучи

заведомо более поздними, лишь частично могут быть синхронизированы с синташтинскими. Поэтому мы должны быть готовы к существенным корректировкам, как датировок всей свиты евразийских культур, так и дат исторических событий, известных нам по ближневосточным источникам. Однако, при наличии на поселениях синташтинской культуры дат XXI–XX вв. до н.э., основные радиоуглеродные даты приходятся все же на интервал XVIII–XVI вв. до н.э. [Зданович, 1997, с. 60; Кузнецов, 1996б, с. 57]. Вместе с тем, существует серия дат, полученных два десятилетия назад для Синташтинского могильника. Эти даты укладываются в интервал конец XXIV – начало XVII в. до н.э. При этом калиброванные датировки алакульской культуры, занимающей заведомо более позднюю хронологическую позицию укладываются в период XX – XVIII вв. до н.э. [Матвеев, 1998, с. 362–372]. Однако эти даты получены на материалах всего лишь двух могильников, расположенных на периферии алакульской культуры, и могут не отражать более поздние алакульские комплексы, поскольку материалы этих могильников несут в себе доста-

точно много петровских черт. Однако и правомерность этих дат не вполне очевидна. Калиброванные радиоуглеродные даты, полученные на срубном поселении Горный, укладываются в промежуток XVII – XV вв. до н.э. [Черных, и др., 1999, с. 98]. Это более соответствует калиброванным датам конца синташтинской культуры, чем даты, полученные на алакульских памятниках А.В.Матвеевым. Таким образом, радиоуглеродный анализ предлагает две возможных хронологических позиции синташты: последняя треть III тысячелетия до н.э. и XX–XVIII вв. до н.э. По мнению А.В.Матвеева, все это в любом случае снимает проблему достаточно раннего относительно традиционных дат синташты появления митаннийских ариев в Передней Азии и позволяет говорить об их приходе с севера [Матвеев, 1998, с. 373]. Однако данный подход совершенно не правомерен, поскольку традиционная хронология Северной Евразии построена на ближневосточной хронологии, и подменять ее хронологией радиоуглеродной при сопоставлении с событиями на Ближнем Востоке абсолютно неприемлемо.

Глава 9. Начало периода поздней бронзы в степной Евразии

Начало распада синташтинско-абашевской системы, как уже говорилось, приходится на период ПБВ. Проникновение сейминско-турбинского населения способствовало переформлению Евразийской металлургической провинции, появлению оловянистых лигатур, возникновению новых типов изделий и трансформации прежних [Черных, Кузьминых, 1989, с. 266, 267]. В это время существенно расширяются территориальные границы металлургического и горнодобывающего производства, в результате чего оно появляется по всему Приуралью, Зауралью и Казахстану. Олово, по всей вероятности, поступало из районов Восточного Казахстана, где имелись огромные его запасы в месторождениях Калбинского и Нарымского хребтов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 247, 248]. Эти факторы существенным образом повлияли на трансформацию системы провинции, поскольку способствовали

формированию качественно новых направлений и характера связей.

Однако переформление металлургической провинции автоматически не привело к прекращению существования синташтинско-абашевской системы, поскольку то, что мы понимаем под ранними срубниками покровского типа или петровской культурой было ее продолжением. В этих культурах сохраняется, хотя и не в столь ярко выраженном виде, градация погребального обряда. В петровской культуре повсеместно, а в ранне-срубной в Зауралье, известны укрепления. Это обуславливает двойственный подход к этому периоду. С одной стороны, мы обязаны рассматривать его в рамках ПБВ и, соответственно, как этап в формировании срубной и алакульской культур. С другой, говорить об этапе дезинтеграции старой системы. Справедливость того или иного мнения будет различной для отдельных

территорий, поскольку процесс этот протекал весьма неравномерно и базировался на различных основах.

Колоссальный энергетический заряд, заданный синташтинской культурой, оказал большое воздействие на дальнейший культурогенез в степной и лесостепной Евразии. В предшествующих главах мы уже показывали причины дезинтеграции синташтинской системы. В первую очередь, это причины внутреннего порядка и связаны с постепенным ослаблением связей между различными территориями, освоенными этим населением, а также с включением в их коллективы местного населения. Это обуславливало и рост культурного полиморфизма. Вероятно, последний удар по системе был нанесен появлением сейминско-турбинских, а затем федоровских популяций. Наиболее рано новые культурные стереотипы начинают проявляться на востоке, в Тоболо-Ишимском междуречье. Здесь на основе мигрирующих носителей синташтинской культуры формируется петровская [Зданович, 1973; 1983; 1988]. Помимо синташтинцев, в ее формировании, вероятно, принимали участие и полтавкинские группы, хотя роль последних и не была высока. Во всяком случае, при значительной унификации форм и орнаментации посуды наблюдаются различные технологические традиции ее изготовления, что обычно связывается со смешением различных популяций [Гутков, 1995а]. Петровская культура во многом наследует черты синташтинской (рис. 49). Поселения ее укреплены рвами и валами, но укрепления приобретают прямоугольную в плане форму. Это изменение планировки поселений не вполне понятно. В Среднем Прииртышье подобные прямоугольные укрепленные поселки выявлены в кротовской культуре (Черноозерье VI) [Стефанова, 1988, с. 55]. Эта культура формируется позже ранней синташты, но явно раньше петровки. Поэтому не исключен восточный импульс, который привел к подобной трансформации архитектуры.

Распространены погребения воинов-колесничих, хотя в погребальном обряде и погребальной архитектуре исчезают пышность и монументальность, свойственные синташте. Типы металлических изделий, в основном, являются дальнейшим развитием синташтинских форм. Изменения касаются, в первую очередь, типов используемых лигатур. Петровские металлурги осуществляют переход на легирование меди оловом [Кузьми-

ных, Черных, 1985, с. 365, 366]. Появляются изделия, восходящие к сейминско-турбинской металлообработке – копия с литой втулкой [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 47,2]. В металлургическом производстве развиваются типы печей, зарождающиеся в синташтинское время – восьмеркообразные печи с углублением под двухкамерные мехи и углубленные печи. Происходит переход на новые типы рудного сырья – на плавку руды в кварце [Евдокимов, Григорьев, 1996]. Однако в целом, петровскую культуру можно считать продолжательницей синташтинских традиций, хотя налицо и восточные импульсы, оказавшие влияние, главным образом, на особенности петровской архитектуры и металлообработки.

Культура имеет тенденцию к расширению занимаемой территории. Петровские памятники известны в Центральном Казахстане и в лесостепном Притоболье [Зданович, 1988, с. 132; Потемкина, 1985, с. 83, 183-197, 227]. В подтаежном Притоболье в формирующейся алакульской культуре довольно отчетливо прослеживаются петровские признаки [см. Матвеев, 1998]. Петровские комплексы сменяют синташтинские в Южном Зауралье по левым притокам реки Тобол, что особенно ярко проявляется на довольно полно исследованном поселении Устье [Виноградов, 1995]. При этом в последнем районе не происходит, по-видимому, местного перерастания синташтинской культуры в петровскую. Культурные изменения здесь связаны с приходом петровского населения с территории Правобережного Притоболья [Григорьев, 2000].

Описанная культурная трансформация явно не сопровождалась серьезными языковыми изменениями, поскольку все основные компоненты, в ней участвовавшие, имели корни в синташтинской культуре. В этническом плане мы вправе рассматривать ее в качестве расширения в азиатской части Евразии территорий, освоенных иранским населением.

Сходная по характеру “мягкая” культурная трансформация происходит и в Волго-Уральском регионе (рис. 50). На первый взгляд может создаться впечатление, что формирование нового культурного блока здесь наиболее рано начинается на Нижней Волге, где появляются памятники бережновского типа. Характеристики этих памятников позволяют довольно уверенно связывать их генезис с полтавкинскими [Качалова, 1985, с. 33; Мернерт и др., 1985, с. 17]. Факты

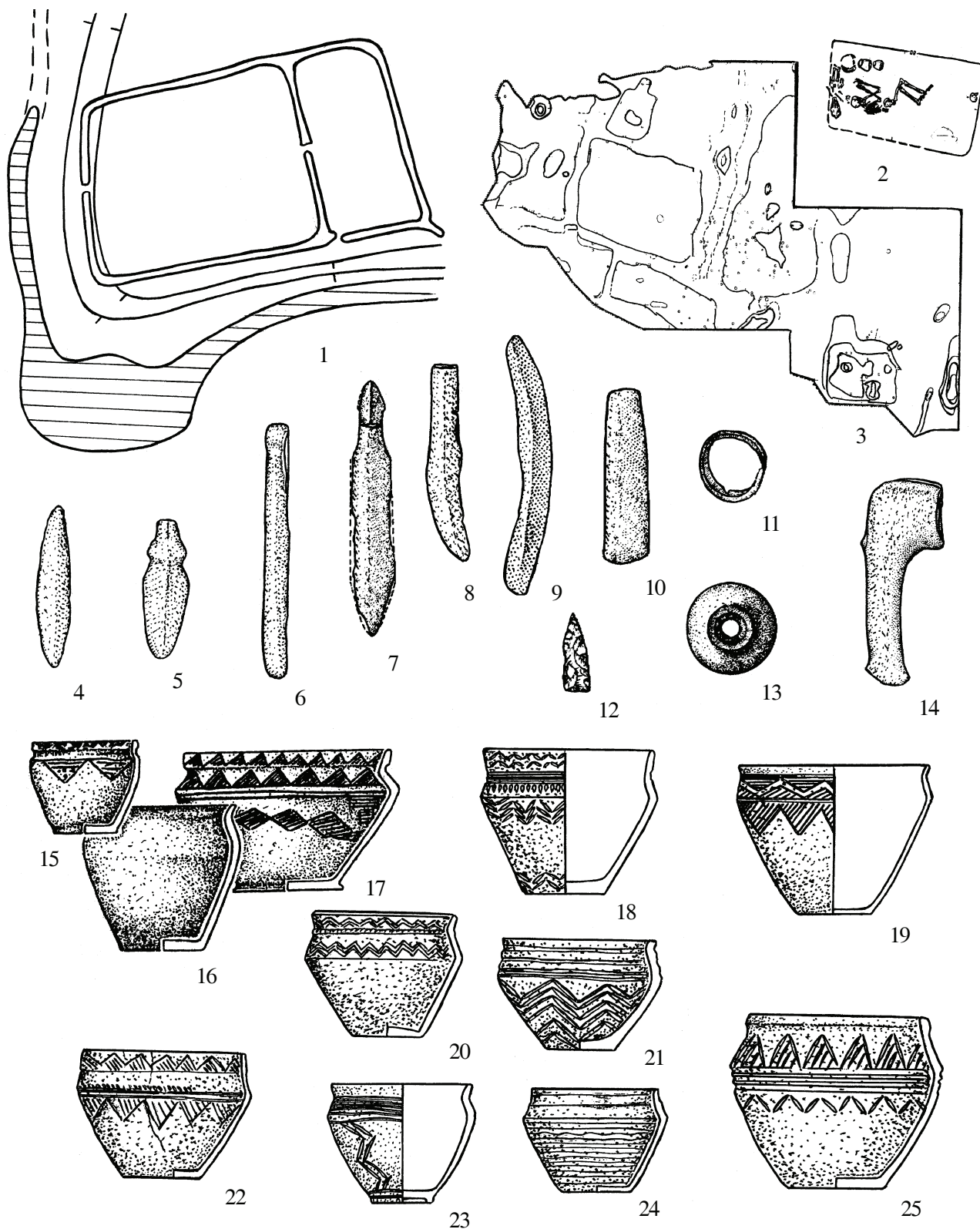

Рис. 49. Петровская культура. 1 – Петровка II; 2, 15-17 – Большекараганский могильник; 3, 4-6, 8, 14, 18, 20, 22-24 – Кулевчи; 7, 10-13, 19, 21, 25 – Берлик; 9 – Камышиное II.

сосуществования синташтинско-абашевской системы и бережновских памятников и предшествования последних покровским немногочисленны, но представлены повсеместно. Зафиксированы они на Волге [Пряхин, Матвеев, 1988, с. 121, 122; Памятники срубной культуры, 1993, с. 12], есть и в Зауралье, где в Синташтинском и Большекараганском могильниках присутствует посуда бережновского облика [Генинг и др., 1992, рис. 136,2; Боталов и др., 1996, рис. 13]. Однако и в самой бережновской посуде Поволжья присутствуют потаповские черты [Мочалов, 1997, с. 17]. Это свидетельствует о северных импульсах в степь еще на классической синташтинской стадии.

В противоположность этому распространено мнение о том, что в степном Поволжье основой складывания срубных древностей была не полтавкинская, а катакомбная культура. В настоящее время объем позднекатакомбного материала в Поволжье и даже в Заволжье значительно возрос. Он не ограничивается погребальными комплексами, а включает в себя и поселенческие памятники. Некоторые катакомбные погребения содержат черты обрядности ранней срубной культуры. Из этого делается вывод о катакомбной основе формирования срубников на этой территории [Дремов И., 1996; Юдин и др., 1996, с. 127-131; Юдин, 1997; Захариков, 1997; Дремов И., 1997]. Однако представить себе столь существенную трансформацию культуры без внешнего воздействия невозможно. К тому же катакомбные комплексы Нижней Волги, на которые опираются эти выводы, несут в себе не так много собственно катакомбных черт, что уже отмечалось исследователями [Кузнецов, 1997]. Примером могут служить материалы могильника Калач, где погребения совершены, как правило, в грунтовых ямах, на левом боку и с северной или северо-восточной ориентировкой [см. Тихонов, 1997]. Сходные обрядовые признаки зафиксированы в кургане у села Тамбовка, который рассматривается как катакомбный [Турецкий, 1976]. На фоне представлений о кратковременности пребывания катакомбников в Поволжье (60-100 лет) [Дремов И., 1997, с. 66] подобная трансформация представляется мало вероятной. Поэтому, допуская участие носителей катакомбной культуры в качестве одного из субстратов в формировании срубной культуры степного Поволжья, мы не считаем

возможным абсолютизировать ее роль в этом процессе.

Любопытно и то, что сторонники катакомбной основы формирования срубной культуры Нижней Волги тоже признают наличие синташтинско-петровского импульса на позднекатакомбный субстрат, что привело, по их мнению, к формированию отдельных локальных отличий [Юдин, 1999]. Однако более оправданно, на мой взгляд, видеть в этих импульсах саму причину столь значительной трансформации катакомбной культуры.

В этой связи весьма показательны результаты раскопок Смеловского могильника, которые выявили три группы погребений [Лопатин, 1997; 1997a]. Первая оставлена местным населением и содержит сочетание полтавкинских и катакомбных черт. Вторая оставлена пришлым компонентом, отражающим синташтинские, петровские и покровские традиции. Третья группа фиксирует синтез этих двух традиций.

В лесостепном Поволжье формирование срубных памятников связано с покровскими [Васильев и др., 1995a, с. 36, 37; Васильев и др., 1985, с. 71; Мочалов, 1997a]. Покровские памятники появляются на основе потаповских, отражающих слияние полтавкинских и синташтинских племен. Поэтому они сохраняют многие черты синташтинской культуры – наличие крупных могильных ям и воинских погребений, сходные формы керамики и типы инвентаря, однако погребальный обряд заметно тускнеет. Ямы уменьшаются в размерах, конструкция их становится намного проще, в обряде нарастают прежние волго-уральские черты – появляются подсыпки мелом и охрой, северные и северо-восточные ориентировки могильных ям. Подобный характер формирования срубной культуры Поволжья отразился и в антропологических характеристиках срубных популяций, среди которых специалисты выделяют серии, восходящие к местным прото-европеоидным типам, и к типам южного, средиземноморского происхождения [Хохлов, 1999, с. 229]. Носителями последних антропологических типов и были, по-видимому, популяции, оставившие синташтинскую культуру.

Нельзя исключать и определенного воздействия на процесс формирования раннесрубных покровских древностей также сейминско-турбинских популяций. В первую очередь, это проявилось в характере металлообработки, поскольку в

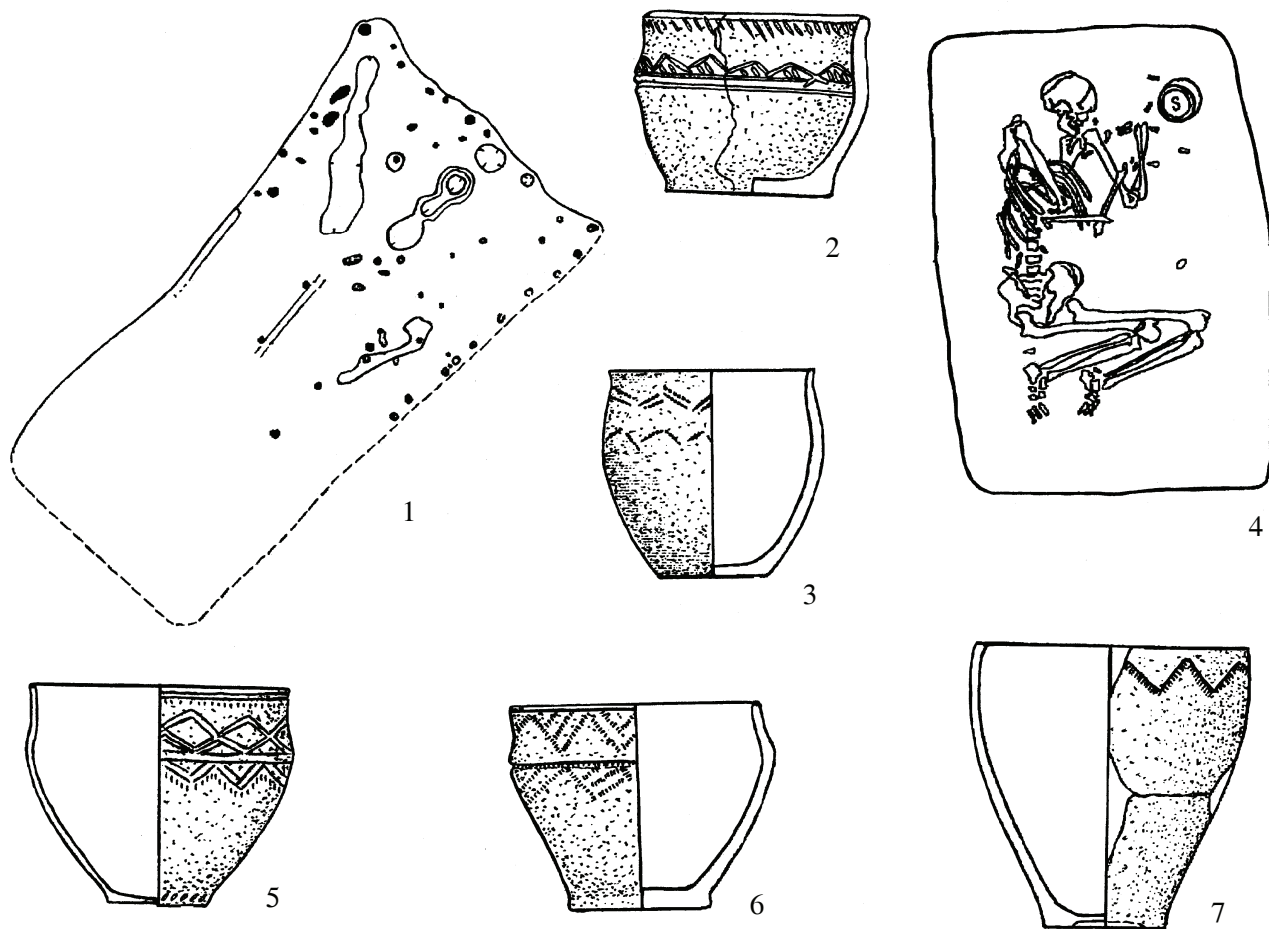

Рис. 50. Срубная культура. 1 – Липовый Овраг; 2 – Акназаровский мог.; 3 – Исмагиловское; 4 – Спиридоновка IV; 5 – Мосоловское; 6 – Старо-Ябалаклинский мог.; 7 – Масловское II.

покровских погребениях присутствуют копья с литой втулкой, восходящие к сейминско-турбинским прототипам. Однако можно указать и на отдельные обрядовые признаки. В кургане 7 Покровского могильника был обнаружен наконецник копья, воткнутый в землю. В Быковских курганах в землю был воткнут копьевидный нож. Подобная обрядовая деталь характеризует именно сейминско-турбинские памятники [Малов, 1999, с. 246].

Складывание покровского типа памятников происходило на огромной территории от Подонья, где основой их формирования была, прежде всего, местная абашевская культура, до Поволжья и Зауралья [Горбунов, 1992, с. 162; Васильев и др., 1995; 1995а; Пряхин, Матвеев, 1988, с. 135, 136; Григорьев, 2000]. В Зауралье этот процесс фиксируется преимущественно по притокам реки Урал, что обусловлено изначальной ориентацией

расположенных здесь городищ на доно-волжский регион. Однако определенное участие катакомбных популяций в срубном культурогенезе имело место не только на Нижней Волге. На Среднем Дону для позднего этапа катакомбной культуры становится характерно исчезновение катакомбной погребальной обрядности, появление скорченных на левом боку захоронений с ориентацией в восточный сектор, в чем можно усмотреть именно нарастание срубных обрядовых признаков [Синюк, 1996, с. 89]. Этот этап весьма кратковременен, и вряд ли мы вправе усматривать в этом трансформацию катакомбной обрядности в срубную. Скорее, речь идет о памятниках контактного характера, формирующихся благодаря восточным импульсам. При этом, начало данного процесса связано, по-видимому, не с собственно покровским проникновением в Подонье, а с приходом населения абашевско-покровского

облика, оставившего памятника типа Власовского и Филатовского могильников. Речь идет, таким образом, о значительных продвижениях восточного населения в этот период, что и вело к распространению срубной культуры [Синюк, 1996, с. 206, 207].

Датируются памятники покровского типа XVI в. до н.э. [Березанская и др., 1986, с. 76; Васильев и др., 1985, с. 75]. О дате бережновских памятников говорить сложнее, но мы допускаем складывание их уже во второй половине XVII в. до н. э. Впоследствии, около рубежа XVI/XV вв. до н.э. происходит нивелировка системы, формируются классические срубные памятники, распространяющиеся затем на запад, вплоть до Днепра и на юг, в Восточный Прикаспий и Приуралье¹. Однако если в Средней Азии мы фиксируем непосредственное проникновение срубных племен, в Причерноморье имел место более сложный процесс, основанный на интеграции с местным населением и связях с Балкано-Карпатским регионом. Начало этому процессу было положено, по-видимому, на очень ранних стадиях [Березанская и др., 1986, с. 63, 76; Мерперт и др., 1985, с. 21, 24, 25; Кузьмина, 1986, с. 203, 204].

По сути дела, те процессы, которые происходят в этот период, являются продолжением синташтинской системы, хотя и в не столь выраженном виде. Поэтому, на наш взгляд, дискуссия о том, является ли покровка отдельной культурой или она лишь субкультура в рамках срубной, отражающая более высокий социальный статус, не слишком плодотворна [Юдин и др., 1996, с. 132; Лопатин, 1996, с. 146-147; Отрощенко, 1997]. Все ее участники понимают смысл процесса одинаково – как воздействие на восточноевропейское население инокультурных групп, обеспечивших свое политическое превосходство в этой зоне. Нет особых сомнений и в том, что своими корнями эти группы уходят в синташтинскую культуру. Однако, те процессы размытия системы, которые мы наблюдали на синташтинских материалах, в срубное время получают свое завершение. К началу этапа развитой срубной

культуры погребения с высоким социальным статусом исчезают и степь вновь “демократизируется”. Это приводит к необходимости поиска новых общественных регуляторов вместо отживших свое внеэкономических, имевших место в синташтинское время. Наиболее ярко это проявляется в зарождении ремесленного производства. На ряде поселений срубного времени обнаружены специализированные литейные мастерские, но особенно впечатляют результаты работ на поселении Горный, расположенном на Каргалинских рудниках в Южном Приуралье. Жители этого поселка специализировались на горно-металлургическом производстве. При этом на поселении на 464 кв.м. раскопанной площади обнаружены один миллион триста тысяч фрагментов костей от 20000 особей домашних животных, главным образом (96%) крупного рогатого скота. Содержание подобных стад было невозможно по причине нехватки пастбищ. И этот факт убедительно свидетельствует в пользу развития специализированного производства и обмена. Это подтверждается и большой вариативностью размеров и массы взрослых особей, что может указывать на различные источники получения скота. [Антипина, 1997; Черных, 1997, с. 69].

Схожая ситуация зафиксирована и в Подонье, где наряду с отдельными мастерскими появляются специализированные поселения литейщиков с огромным объемом производства. Наиболее ярким подобным поселением является Мосоловское, на котором обнаружено около 700 створок литейных форм [Саврасов, 1998; Пряхин, 1996].

Таким образом, в значительном ареале от Левобережья Днепра до восточных притоков Урала наблюдается единый процесс формирования срубной культуры, который мы тоже можем рассматривать, как дальнейшую иранизацию этой зоны. Наиболее определенно это для доно-уральской лесостепи. В степной зоне не исключено сохранение доиранских индоевропейских и индоиранских диалектов. Очень вероятно сохранение неиранских этнических групп и на Украине, где основной массив составляло население КМК и фиксируются приливы федоровских популяций, которые будут описаны ниже. Кроме того, в предшествующее время здесь существовал очень мощный катакомбный пласт,

¹ Следует иметь в виду, что выше приведены даты, соответствующие традиционной хронологии. Калиброванные радиоуглеродные даты срубного поселения Горный приходятся на период XVII–XV вв. до н.э. [Черных и др., 1999, с. 98], хотя в традиционной системе он бы датировался, по-видимому, начиная с XV вв. до н.э.

носители которого могли в некоторых зонах сохранить свой язык.

Проблема происхождения срубной культуры и дальнейшего формирования срубной культурно-исторической общности никогда не была столь дискуссионной, как андроновская проблематика. Это обусловлено тем, что складывание срубной КИО, будучи подвержено определенным внешним импульсам, происходило, преимущественно, на местной основе, причем количество ее компонентов было не слишком велико и они без особого труда вычленились.

Совершенно иная ситуация сложилась в андроноведении, историография которого насыщена полярными позициями. Ключевым вопросом, при этом, всегда оставалось соотношение федоровской и алакульской культур. Спектр мнений был чрезвычайно широк. Сформулированное первоначально представление о том, что федоровские памятники являются восточными, а алакульские западными было довольно быстро опровергнуто с появлением федоровского материала в Зауралье. Далее в историографии восторжествовала мысль о генетической преемственности этих памятников и предшествовании федоровской культуры [Кривцова-Гракова, 1951; Сальников, 1951]. Подобное соотношение этих комплексов было затем пересмотрено на противоположное. Общие черты обеих культур позволили объединить их в андроновскую культурно-историческую общность. Однако это понятие в представлении исследователей имеет различное содержание. Одни видят в нем генетический смысл и утверждают последовательную преемственность петровской, алакульской, федоровской и саргаринской культур [Аванесова, 1979, с. 20, 21; Зданович, 1984, с. 19-21]. Другие полагают, что алакульские и федоровские памятники существовали параллельно [Потемкина, 1985, с. 270, 271; Косарев, 1981, с. 112; Кузьмина, 1986, с. 192; Григорьев, 1999б]. Это определяет и отношение к керамическим типам, несущим смешанные черты – кожумбердынскому, амангельдинскому, семиреченскому и т.д. Сторонники первой позиции трактуют их как переходные, второй как контактные [Потемкина, 1985, с. 170, 171; Кузьмина, 1986, с. 198; Зданович, Шребер, 1988, с. 9, 10]. Равным образом, бишкульский керамический тип оценивается по-разному – как позднеалакульский или как поселенческий федо-

ровский, хотя механизм его появления понимается одинаково [Потемкина, 1985, с. 269, 270; Зданович, 1984, с. 20]. В итоге мы имеем тупиковую ситуацию. Многие аспекты проблемы в последнее время были успешно и фундаментально решены [Кузьмина, 1994], однако не со всеми подходами в этом решении мы можем согласиться.

Необходимо также отметить, что фиксируемое, кстати, в исключительных случаях, перекрытие алакульских слоев федоровскими, во-первых, далеко не бесспорно, во-вторых, может отражать лишь более позднее проникновение на отдельные территории носителей федоровской культуры относительно алакульской. Как правило, стратиграфическая колонка Урало-Иртышья делается на основе фактов перекрытия петровских слоев алакульскими и федоровских саргаринскими [Зданович, 1988, с. 165, 166; Зданович, 1984; Малютина, 1991, с. 159]. Таким образом, в нее изначально заложена идея генетической преемственности алакульской и федоровской культур.

Собственно, в рамках этой работы не имеет смысла подробно останавливаться на критике теории о генетической преемственности культур эпохи бронзы Урало-Иртышского междуречья. Более подробно ее анализ приводится в другой работе [Григорьев, 2000]. Здесь мы лишь еще раз подчеркнем, что эта теория не имеет под собой доказательной базы и противоречит как материалам Урало-Иртышья, так и материалам сопредельных территорий.

Дальнейшая история иранских племен степной и лесостепной зон Евразии к востоку от Урала связана с развитием алакульской культуры, которая, будучи близка срубной, формирует с последней одну огромную срубно-алакульскую культурную зону. Алакульская культура распространяется на больших пространствах от Зауралья и Западного Казахстана до Центрального Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 46; Зданович, 1988, с. 140; Потемкина, 1983, с. 15-19] (рис. 51; 53). Поселения этой культуры очень многочисленны. Их характеризует отсутствие укреплений, однако в жилой архитектуре алакульского времени легко угадывается наследие синташтинской культуры. Жилища эти прямоугольные, несколько более углубленные, по сравнению с синташтинскими (хотя известны и наземные постройки) и имеют столбовую конструкцию стен и перекрытия. Часто

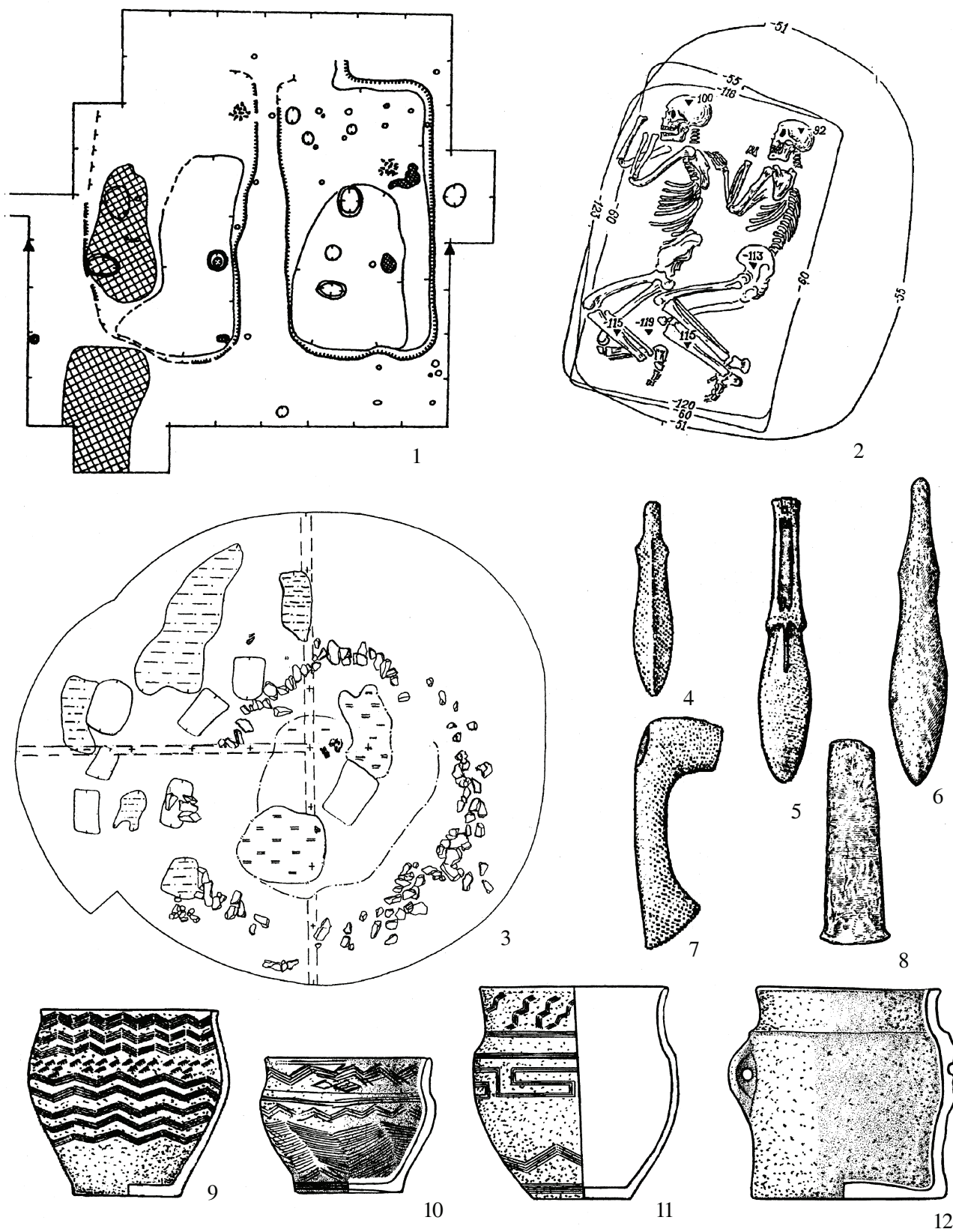

Рис. 51. Алакульская культура. 1 – Мирный II; 2, 3 – Агаповский; 4, 7 – “Царев Курган”; 5 – Новоникольское I; 6, 8 – Верхняя Алабуга; 9 – Камынное I; 10, 12 – Алакуль; 11 – Бакланское.

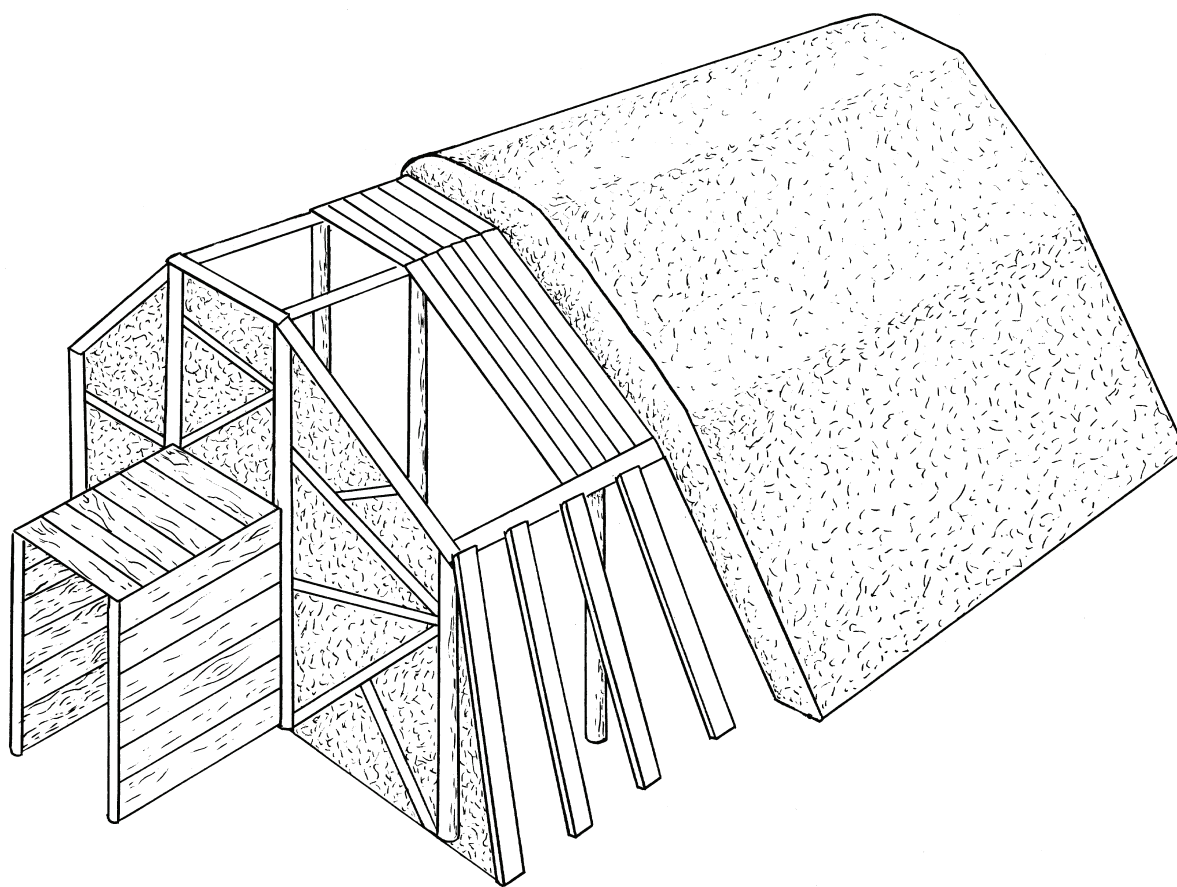

Рис. 52. Реконструкция алакульского жилища.

они группируются рядами, но уже не пристраиваются друг к другу [Зданович, 1988; Григорьев, 2000; Стефанов, 1996; Виноградов, 1982; Сорокин, 1962; Потемкина, 1976; 1982; 1985]. Погребальный обряд несколько упрощается, но, в целом, он наследует синташтинские черты. На подкурганной площадке ямы по-прежнему располагаются вокруг центральной. Встречаются ориентировки по дуге окружности, как в синташтинской культуре, но начинают доминировать ориентировки по сторонам света. Могильные ямы уменьшаются в размерах. Костяки в них лежат на боку в скорченном положении. Обряд расчлененных захоронений практически исчезает [Зданович, 1988; Потемкина, 1976; 1982; 1985; 1995а; Сальников, 1967; Кривцова-Гракова, 1948; Маргулан и др., 1966; Усманова, 1989; Матвеев, 1998]. Гораздо беднее становится погребальный инвентарь. Чаще всего он представлен украшениями. Орудия труда и оружие встречаются сравнительно редко. В наиболее полном

виде синташтинско-алакульские параллели в погребальной обрядности приводятся А.В.Матвеевым, что позволило ему сделать вывод о том, что теория о происхождении алакуля на петровской основе является ошибочной. Вместе с тем, он рассматривает формирование алакуля как результат взаимодействия синташтинских и петровских популяций, что, по-видимому, вполне правомерно для Казахстана и Притоболья [Матвеев, 1998, с. 348-353]. Все эти отличия от синташтинской обрядности указывают на определенную стабилизацию ситуации и более мирный характер алакульской эпохи. На различных территориях наблюдаются особенности в оформлении погребальных площадок и могильных ям. В Зауралье стенки ям обкладывались деревом, а сама яма перекрывалась бревнами. В Казахстане сооружались круглые оградки из вертикально вкопанных плит. Перекрытия из плит и каменные ящики могли иметь и могильные ямы [Сальников, 1952; Стоколос, 1968].

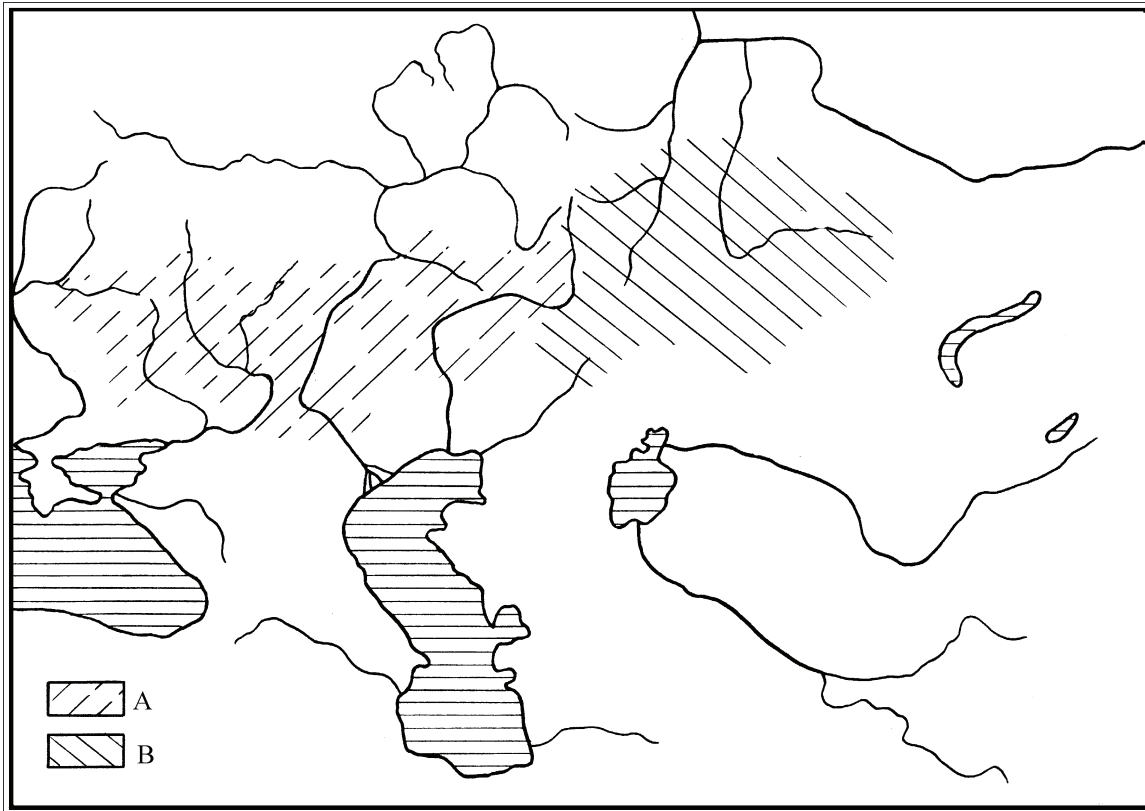

Рис. 53. Карта распространения памятников срубной (а) и алакульской (b) культур.

Металлические изделия алакульской культуры, как и петровские, наследуют синташтинские традиции металлообработки. Наследие синташты весьма выпукло проявляется и в керамике.

Происхождение алакульской культуры связывают с петровской или с притобольскими памятниками ранней бронзы [Зданович, 1988, с. 140; Потемкина, 1985, с. 259-272; 1995а, с. 152, 153; Виноградов, 1984, с. 29-22]. Однако все ее черты непосредственным образом выводимы из синташты [Григорьев, 2000]. В керамике это проявляется в отсутствии орнамента в нижней части шейки, иногда в двухчастности профиля шейки, в плавной профилированности нижней части тулова, более богатом по сравнению с петровской культурой наборе орнаментов, в использовании щепы для нанесения орнамента и т.д. Все это отсутствует в петровской культуре, но хорошо известно в синташте. Поэтому алакульская культура не могла формироваться со значительным хронологическим отрывом от синташтинской.

В свое время в качестве района, где она зародилась, было предложено Южное Приуралье, а даты этого процесса XVI в. до н.э. [Федорова-

Давыдова, 1964; 1973]. Основанием для этого вывода послужили встречаемость алакульской посуды с раннесрубной, содержащей полтавкинские признаки, в одних комплексах и присутствие в алакульских погребениях отдельных полтавкинских черт (северо-восточная ориентировка погребенных, изредка захоронения скорчено на спине, окраска охрой, меловые включения, подстилки из коры и камыша). С открытием в данном районе могильника Ветлянка IV [Горбунов и др., 1990; Горбунов, 1992а] этот вопрос перестал, на наш взгляд, быть дискуссионным. В этом могильнике алакульская посуда и обряд (скорченные на левом боку захоронения) сочетаются с поздне-синташтинской и позднеабашевской керамикой и с абашевско-синташтинскими традициями погребального обряда (присутствие вторичных захоронений, столбовых оград вокруг могильных ям, расположение в ряде случаев могил рядами, подсыпки золы и мела, берестяные подстилки). Статистическое сопоставление синташтинской и ветлянской керамики показал близость этих двух, позволяющую говорить об их генетической связи [Мочалов, 1999, с. 45]. В силу этого вывод о фор-

мировании алакуля на синташтинской (новокумакской) основе представляется нам бесспорным [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35].

Сформировавшись в Приуралье на базе синташтинских, приуральских абашевских и, отчасти, полтавкинских племен, алакульцы, вероятно, под давлением срубников продвигаются в Зауралье и Казахстан, где они постепенно ассимилируют родственное петровское население [Григорьев, 2000]. Происходит это на довольно ранней стадии, в рамках XVI в. до н.э. во всяком случае, уже к XV в. до н.э. этот процесс был завершен, и в Урало-Иртышском междуречье утверждается почти безраздельное господство алакульской культуры. По Уралу формируется широкая зона срубно-алакульского взаимодействия, где распространяются памятники со смешанными чертами. На некоторых памятниках Приуралья (II Усмановское поселение) количество алакульской керамики достигает 40% [Сальников, 1951; Рутто, 1987; 1992; Григорьев, 2000; Обьденнов, Обьденнова, 1992, с. 144-146]. Размытость этой границы была обусловлена рядом обстоятельств. В первую очередь сказывалось то, что носители этих культурных массивов сформировались на одной синташтинской основе, были этнически близки и говорили, по-видимому, на иранском языке. В сложении срубников была выше доля полтавкинского населения. Этим, вероятно, различия в их формировании и исчерпываются. Во вторых, не исключено, что широкая представленность алакульских материалов в Приуралье вызвана не только контактами срубного и алакульского населения на развитых этапах обеих культур, но и приуральским происхождением алакуля.

Довольно сложно сказать на каком языке говорили носители этих культур. В течение всех предшествующих периодов эпохи бронзы происходило нарастание переднеазиатского индоевропейского присутствия в Восточной Европе. Поэтому появление здесь ариев означало контакт достаточно близких языков. По весьма приблизительным оценочным данным в СБВ население Волго-Уралья составляло 50 тысяч человек [Кузнецов, 1991, с. 14]. По нашим, тоже весьма приблизительным представлениям, в иранской синташтинской миграции могло участвовать около 10 тысяч человек или даже меньше. С другой стороны, пришлый компонент был доминирующим. Археологические данные

фиксируют постепенное слияние местных и пришлых традиций и их нивелировку. Но они не в состоянии ответить на вопрос о языке, на котором стали говорить носители сформировавшихся культурных блоков. Для того чтобы решить эту проблему, обратимся к фактам, связанным с контактами индоиранцев и финно-угров.

Формирование финно-угорского этнокультурного массива в лесной зоне Восточной Европы, Урала и Западной Сибири связано, по-видимому, с прикаспийским воздействием в мезолите и неолите, которому были подвержены восточноевропейские и зауральские культуры [Мосин, 1996; Васильев, 1995, с. 207-211]. Это приводит к образованию в энеолите крупной культурной области, охватывавшей различные природные зоны Урала и Северного Казахстана [Чаиркина, 1996]. Однако к югу от лесной зоны Урала к моменту появления синташтинцев население практически отсутствовало [Мосин, 1995] или было вытеснено без вступления с ними в контакт. Можно предполагать, что к появлению ариев в лесостепи и степи, в лесу этот массив был представлен волосовской и гаринской культурами к западу от Урала и аятской в Зауралье. Как уже подчеркивалось прежде, это население практически не имеет контактов с индоиранским миром. В какой-то степени мы можем говорить о весьма ослабленных контактах синташты с аятью и абашевцев с поздними волосовцами. Правда, продвинутость абашевской культуры Средней Волги далеко на север предполагает наличие контактов с местным населением. Однако в целом для эпохи СБВ II мы вправе констатировать слабые взаимосвязи леса и степи, что было обусловлено резким различием культурных и хозяйственных типов. Поэтому в это время какого-либо серьезного взаимодействия между индоиранцами и финно-уграми не было. Исключение составляет выдвинутая на кромку леса абашевская культура Средней Волги.

К началу ПБВ, когда взаимная ассимиляция синташтинского и полтавкинского населения завершается, ситуация меняется самым кардинальным образом. Контакты между лесом и степью резко усиливаются и все культуры Северной Евразии от Поволжья до Западной Сибири несут на себе глубокие отпечатки данного процесса. При этом, как лингвистами, так и исследователями древней мифологии финно-угров отмечены многочисленные индоиранские заимст-

вования [Кузьмина, 1994, с. 248-253]. Особенно много их в лексике, связанной с производящими формами хозяйства. Следует подчеркнуть, что речь идет как об индоиранских, так и об иранских заимствованиях [Абаев, 1981]. Причем, последние являются доскифскими. Следовательно, с финно-угорским населением контактируют в эпоху бронзы как арии, так и иранцы. С последними мы и склонны связывать синташтинскую культуру, поскольку ко времени ее миграции индоиранские языки были уже давно дифференцированы. Более

подробно вопросы этнической принадлежности синташтинской культуры будут рассмотрены в разделе II.

На этом мы оставим степную Евразию, чтобы обратиться к миграциям других индоиранских и индоевропейских групп. Впоследствии мы вернемся в этот регион и рассмотрим проблему этнической интерпретации памятников федоровской культуры, которая обозначается либо как угорская, либо как индоиранская.

Раздел II.
Происхождение южных индоиранских культур и культурные
процессы в Северной Евразии в эпоху ПБВ

Введение

В предыдущем разделе мы показали, что иранская культура лесостепной и степной Евразии является для этого региона пришлой, обязанной своим формированием стремительной миграции из Передней Азии. Мы также убедились в том, что все черты ее, проявляющиеся на Урале, имеют очень раннюю традицию к югу от Кавказа. Вместе с тем, синташта обнаруживает многочисленные черты, сближающие ее с предшествующими культурами Восточной Европы. Мы не вправе рассматривать их в качестве заимствования. Эти черты указывают на родственные связи. Это обстоятельство позволяет нам допустить два подхода к проблеме выявления процессов, приведших к формированию синташтинского комплекса. Первый предполагает происхождение всех восточноевропейских культур из Передней Азии. Второй несколько более сложен. Он сводится к допущению того, что еще в РБВ какая-то часть ямного населения мигрирует на юг, где ее культура трансформируется под влиянием ближневосточных соседей. В XVIII в. до н.э. часть этого населения возвращается в Восточную Европу, а часть остается на новоприобретенной родине, участвуя в формировании империи Митанни, действиях гиксосов, нанимаясь в дружины сирийских князьков. Иногда эти маргиналы мелькают в исторических источниках, создавая иллюзию арийского присутствия на Ближнем Востоке. При этом письменные источники могут оказать нам весьма незначительную помощь, поскольку документы ближневосточных государств почти не затрагивают “варварской” периферии. Народы, ее населяющие, мелькают в них лишь иногда, в тех случаях, когда вторгаются в сферу интересов более развитых соседей. Они фигурируют под абстрактными названиями, часто не несущими этнической нагрузки. Поэтому их традиционно рассматривают в качестве семитов или северокавказцев, в присутствии которых сомневаться не приходится. Иногда допускается связь некоторых из этих народов с “банановым” языком, сущность которого не ясна, но существование которого реконструируется по отдельным языковым фактам в шумерском.

Поэтому поставленная проблема может быть решена, главным образом, с помощью археологии и лингвистики. По сути дела, эта проблема не может быть сведена к выяснению причин появления на Урале элементов переднеазиатской культуры. Этот вопрос самым тесным образом переплетен с вопросами о происхождении индоиранцев и индоевропейцев вообще. Рассмотрение проблемы происхождения синташтинской культуры вне общих рамок индоевропейской проблематики немыслимо. С другой стороны, происхождение этой культуры является ключом к решению вопроса об индоевропейской прародине, стоящего перед исторической наукой уже почти два столетия. За это время прародину индоевропейцев локализовали в самых различных частях Евразийского континента – от Индии до Северной Европы.

В настоящее время индоевропейская языковая семья является наиболее крупной группой языков земного шара. На языках этой группы говорит население Европы, Южной и Северной Америки, Австралии, Ирана, Индии и ряда республик бывшего Советского Союза. В этой работе речь идет о языках исторических, многие из которых на сегодняшний день не сохранились. В первую очередь, это индоиранские языки, которые делятся на иранские и индо-арийские. Родственны им армянский, греческий, по-видимому, палеоалбанский и палеобалканские (фракийский, фригийский). Особую группу диалектов составляют зафиксированные в Центральной Азии тохарские языки, находившиеся в очень глубокой древности в родстве с кельтскими и италийскими. Последние относятся к группе древнеевропейских языков, в которую входят также балтские, славянские и германские. Родство их с кельтскими и италийскими сформировалось позже, в ходе интенсивных последующих контактов. Изначально же они относились к разным ветвям праиндоевропейского, выделившимся в самом начале диалектного членения последнего. Наиболее рано обособившейся диалектной группой являются анатолийские языки. Самые известные из них хеттский, лувийский и палайский. Существовали

и иные индоевропейские языки, например венетский, отнесение которого к какой-то определенной группе затруднено в силу скудости лингвистического материала. В древности наверняка были и иные языки, и даже языковые группы индоевропейской семьи, не зафиксированные более поздними источниками.

В этой работе мы не даем развернутой историографии индоевропейской проблемы, тем более что недавно вышла книга Н.Л.Сухачева, посвященная этому вопросу. Кроме того, историографические обзоры приводятся в работах Дж.П.Мэллори и В.А.Сафронова [Сухачев, 1994; Сафронов, 1989; Mallory, 1989]. Мы рассмотрим лишь те концепции, которые не утратили своей актуальности по сегодняшний день.

Наиболее известной и распространенной из них является гипотеза о происхождении индоевропейцев в степной зоне Восточной Европы, или, так называемая “курганная теория”. Она была предложена В.Г.Чайльдом как гипотеза об индоевропейской принадлежности “культуры охристых погребений” Восточной Европы, поддержана С.Пигготтом и впоследствии развита М.Гимбутас [Childe, 1950; Piggott, 1965, p. 81-97; Gimbutas, 1970; 1994]. В рамках этой гипотезы первой индоевропейской культурой рассматривается среднестоговская, далее ямная и шнуровые культуры. За обнаружением скорченных погребений с охрой на Балканах видится индоевропеизация этого региона.

Данная теория пользуется большой популярностью среди археологов, и потому требует особого разбора. Особое место в ней уделяется нескольким компонентам культуры, которые представляются для решения всей проблемы знаковыми и определяющими. Одним из таковых является проблема domestikации лошади. В соответствии с данной теорией предполагается, что это является одним из этномаркирующих признаков индоевропейцев. По мнению М.Гимбутас, лошадь была одомашнена неолитическими племенами юга Восточной Европы в V тыс. до н.э.¹ (самарская культура, хвалынская культура, среднестоговская культура). Основанием для этого вывода является обнаружение на могильнике Съезжее костяных плоских фигурок лошади и 15 фрагментов костей

¹ Вслед за автором здесь и далее используются калиброванные радиоуглеродные даты.

молодых жеребцов на поселении Деревка. Безусловно, изображения не могут являться признаком domestikации, в противном случае у нас бы была возможность обсуждать проблему domestikации мамонта в палеолите. Лошадь Деревки, как показали последующие исследования, была дикой [Levine, 1999, p.36]. Другой темой, которая постоянно в различных вариациях фигурирует в последней работе М.Гимбутас, является набор нескольких культурных атрибутов, которые рассматриваются как признак индоевропейской принадлежности комплексов. К ним относятся, помимо domestikированной лошади и крупного рогатого скота, набор вооружения: топоры, кинжалы, наконечники копий и стрел [Gimbutas, 1994, S. 22, 33, 44, 84-86, 99, 100]. Излишне говорить, что в таком обобщенном виде обсуждать проблему этнической реконструкции попросту невозможно. Таким образом, в данной теории изначально отсутствуют корректные основания, поскольку не решена проблема метода, то есть корреляции археологического материала с языковым материалом. Такую попытку М.Гимбутас делает, но уже в качестве констатационной заключительной части, и выглядит это малоубедительно [Gimbutas, 1994, S. 110-129].

Изложенное выше, на первый взгляд, позволяет нам далее данную теорию не обсуждать, однако, на мой взгляд, в ней присутствует много сюжетов, достойных внимания, а точнее даже вся она достойна внимания. Но в основе данных построений лежит все же не постулируемый самой теорией методический подход, а анализ процессов, имевших место в Европе в археологическую эпоху. В первую очередь, речь идет об отмеченном еще В.Г.Чайльдом проникновении степного компонента на Балканы. Впоследствии М.Гимбутас описывает уже несколько волн этого проникновения. Первая волна осуществлялась около 4400-4300 гг. до н.э. (появление комплексов типа Суворово в Молдавии и далее вплоть до Македонии). Это приводит к культурным трансформациям на Балканах и появлению культур, сочетающих степные и местные черты. Дальнейшая индоевропеизация видится в формировании курганной Баальбергской группы в первой половине IV тыс. до н.э. и в проникновении на Балканы второго потока степного населения (типа Усатово) в культурном плане близкого Майкопу и раннему слою Михайловского поселения. В результате этого на Балканах фор-

мируется ряд новых культурных образований эпохи РБВ (Эзеро, Веселиново, Караново VII, Нова Загора, Быково, Ситагри IV). Развитие этих процессов приводит к формированию Баденской группы и культуры шаровидных амфор. Образование новых культурных групп было стимулировано третьей волной населения ямной культуры, проникших на территорию Центральной Европы и Северных Балкан. Эти процессы ведут к формированию культуры колоколовидных кубков, формирующейся на основе ямной культуры и культуры Вучедол и распространяющейся впоследствии по всей территории Западной Европы, включая Иберию и Британию. В Северной Европе на основе контакта степного компонента с культурой воронковидных кубков формируется значительный конгломерат культур шнуровой керамики, распространяющихся по Северной Европе вплоть до Средней Волги [Gimbutas, 1994, S. 35-105].

На мой взгляд, данная схема является весьма важной для последующей работы в индоевропейской проблематике, поскольку значительная часть описанных процессов действительно соответствует распространению индоевропейцев по Европейскому континенту. Однако она не в состоянии решить проблему в целом по нескольким причинам:

1. Она не связана с лингвистическим материалом. Поэтому отсутствует окончательная ясность в вопросе о том, миграции каких популяций в ней описаны. Нет строгих доказательств индоевропейской принадлежности энеолитических и более поздних комплексов Восточной Европы. Поэтому остается неясным, верно ли выбран исходный регион, откуда начиналась индоевропеизация континента.

2. При явной неоднородности степных компонентов, мигрировавших в Европу, предполагается, что все они говорили на индоевропейских языках.

3. Несмотря на значительные культурные изменения в Восточной Европе на протяжении энеолита и РБВ предполагается имманентное развитие культур этого региона.

4. Описываемые процессы охватывают период V-III тыс. до н.э., что не позволяет проследить их развертывание до появления исторически известных индоевропейских языков, отраженных в письменных источниках, или, по меньшей мере,

до оседания индоевропейских популяций в тех районах, где мы вправе такое оседание допускать на базе исторического или лингвистического материала. По этой причине у нас нет возможности для суждений о справедливости данной схемы в целом.

Данные проблемы попытался решить Дж.П.Мэллори, который, работая в рамках данной теории, постарался связать ее с лингвистическим материалом и с исторически известными индоевропейскими популяциями [Mallory, 1989]. В его работе развитие индоевропейцев прослеживается от днепро-донецкой культуры Северного Причерноморья. Формирование древних европейцев (балты, славяне, германцы, кельты и, возможно, италики) связывается с распространением шнуровых культур, для которых обосновываются связи со степной зоной. Коллапс балканских энеолитических культур рассматривается как проникновение в этот регион палеобалканских и анатолийских племен. При этом допускается движение хеттов через Кавказ, что вызывает формирование в эпоху бронзы в Закавказье и Анатолии культур с курганным погребальным обрядом. Распространение индоиранцев и тохар связывается с ямными, афанасьевскими и андроновскими памятниками. Проникновение ариев на юг предполагается двумя путями – через Кавказ и Среднюю Азию, что вполне в русле российской историографической традиции и в комментариях не нуждается.

При всей стройности этой теории, она не лишена существенных недостатков. В первую очередь смущает метод, с помощью которого был выбран ареал локализации индоевропейской прародины. Он основан на весьма ограниченных языковых фактах присутствия в праязыке слов, обозначающих лошадь, некоторые виды деревьев и т.д. Индоевропейская терминология не различает диких и домашних лошадей. Кости лошади действительно отсутствуют в неолите Анатолии, но они известны в неолите и энеолите Закавказья, на таком памятнике, например, как Аликемек-тепеси. Допущение о связи появления курганов в эпоху бронзы в Анатолии и Закавказье со степной зоной Восточной Европы тоже не выдерживает критики. В Закавказье курганный погребальный обряд известен, начиная с энеолита, и не исключено, что с неолита. А первая курганная культура Восточной Европы – майкопская, имеет безусловное ближневосточное происхождение. Необхо-

димо отметить, что проникновение степных культур на юг, от Анатолии до Индии является слабым местом всех концепций, ориентированных на степную прародину индоевропейцев. В этой зоне какие-либо проявления северных влияний попросту отсутствуют. Постулируемая связь восточных андроновцев с тохарами лишена внутренней логики, поскольку андроновская культура рассматривается на страницах работы как восточноиранская. К тому же аргументация приводится с опорой на слишком обобщенные факты. Поскольку, по мнению Дж.П.Мэллори, у тохар известен обряд трупосожжения, проводится их связь с федоровской (андроновской) культурой. Но на востоке федоровским погребениям трупосожжения присущи в несравненно меньшей степени, чем на западе, а рассмотрение различных по своему генезису культур в рамках единой андроновской общности, как мы покажем ниже, не правомерно. Далее мы коснемся затронутых вопросов более подробно. Здесь же отметим некоторые позитивные стороны обсуждаемой концепции. Проникновение степных популяций на Балканы, по-видимому, действительно связано с движением палеобалканских племен. Формирование шнуровых культур мы тоже склонны связывать с волнами индоевропейского населения, хотя и не только из степной зоны. Собственно, с этой позицией согласится, пожалуй, большинство исследователей в той или иной мере соприкасавшихся с индоевропейской проблематикой, независимо от выбора исходного ареала происхождения этих народов.

Многие исследователи, стоящие на позициях обсуждаемой теории также полагают, что в пользу восточноевропейской локализации индоевропейской прародины говорит также наличие очень древних контактов между носителями праиндоевропейского и прафинно-угорского языков. Однако анализ лексики, подтверждающей подобные контакты, свидетельствует в пользу диаметрально противоположного. Реальных данных о подобных контактах нет. Наиболее ранние контакты между представителями этих языковых семей происходят уже после распада праиндоевропейского языка между носителями прафинно-угорского языка и какого-то раннего индоиранского диалекта. Несколько более поздними являются заимствования из тохарских языков, но этими тохарскими и арийскими заимствованиями

данные о контактах исчерпываются [*Напольских, 1997*, с. 148, 149, 157]. Поэтому отдаленную близость праиндоевропейского и прауральского можно обсуждать только с позиций ностратического единства.

Таким образом, в целом, данная концепция не может быть принята в силу всех указанных выше причин. Существенным ее недостатком является и слабая проработанность лингвистического материала, который должен быть основой при решении вопросов происхождения той или иной этнической группы.

Этот недостаток был преодолен с выходом в свет работ Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова [*Гамкрелидзе, Иванов, 1981; 1984*]. Анализ индоевропейских языков выявляет ранние индоевропейские контакты с семитами, картвелами и прасеверокавказцами. Кроме того, были реконструированы характер ландшафта, флора и фауна индоевропейской прародины. Это позволило локализовать прародину индоевропейцев в регионе, включающем Восточную Анатолию, Армянское нагорье и Иранский Азербайджан. На эти же районы указывает анализ лексики, позволяющий реконструировать природную среду праиндоевропейцев. Распространение индоевропейцев с прародины, реконструируемое на основе лингвистического материала выглядит следующим образом. С началом диалектного членения индоевропейских языков первыми выделяются анатолийские языки, смещающиеся постепенно на запад, к Центральной Анатолии. В Центральную Азию движутся тохары, за ними иранцы и индо-арии (часть последних проникает в Северное Причерноморье). Армяне смещаются на Армянское нагорье, а греки через Малую Азию на юг Балканского полуострова. Группа европейская (кельты, италики, германцы, балты, славяне) мигрирует через Среднюю Азию вокруг Каспия в Европу.

Эта теория встретила серьезные возражения лингвистов, но в первую очередь археологов, утверждавших, что такого рода миграции археологическими материалами не подтверждаются. Скорее напротив, почти в каждом случае отдельно взятой миграции можно найти движение в обратном направлении, но отнюдь не то, на которое указывают авторы. Из этого следует, что-либо предложенная лингвистическая система не верна, либо не верна вся система архео-

логических представлений на процессы, происшедшие на континенте в древности.

Приводились возражения и лингвистического плана, но мы не имеем возможности обсуждать правомерность их на страницах этой работы в силу своей некомпетентности в этих вопросах. Тем не менее, в ходе развернувшейся дискуссии, исходя именно из соображений лингвистического порядка, И.М.Дьяконовым была предложена локализация индоевропейской прародины на Северных Балканах и в Центральной Европе, откуда анатолийские языки распространяются в Малую Азию, а индоиранские – в степную зону [Дьяконов, 1982; 1982а]. Аргументация археологическая при этом не приводилась, но на фоне представлений о генетической преемственности степных культур от ямной до позднебронзовых и продвижении последних в Индию и Иран, а также на фоне более ранней хронологической позиции балканских культур РБВ относительно родственных анатолийских выглядело это вполне убедительно. Подобный подход позволял рассматривать ямников как индоиранцев, что в целом не противоречило хронологии диалектного членения индоевропейских языков. Можно было найти и вполне очевидные свидетельства распространения балканско-центральноевропейского комплекса на север и запад и связать это с формированием других индоевропейских групп.

Эта концепция была положена на археологический материал в фундаментальной монографии В.А.Сафронова “Индоевропейские прародины” [Сафронов, 1989]. В ней впервые была предложена археологическая система диалектного членения индоевропейцев и, как было замечено в рецензии на эту книгу, можно спорить с отдельными положениями, но оспаривать систему чрезвычайно трудно, не предлагая ничего взамен [Сафронов, 1989, с. 392]. Поэтому у теории, предложенной В.А.Сафроновым, появилось важное преимущество, свойственное любой знамиевой системе – отсутствие отдельных элементов не лишает ее системной целостности. Тем не менее, критика подобных систем возможна и без создания заменяющей теории – критика по основаниям. В этой связи мы и рассмотрим теорию о балканском происхождении индоевропейцев несколько подробней.

Суть взглядов В.А.Сафронова сводится к следующему. При обосновании своей концепции

автор исходит не из культур, индоевропейская принадлежность которых несомненна (а к такому можно относить лишь культуры эпохи бронзы). Он изначально определяет ареал расселения индоевропейцев, локализуя их на Балканах. Далее постулируется индоевропейская принадлежность культуры Винча (V тыс. до н.э.). При этом делается шаг в сторону сближения с теорией Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, поскольку происхождение культуры Винча связывается с Чаттал Уйюком, праиндоевропейская принадлежность которого может тоже вызвать серьезные возражения. Дальнейшая индоевропейзация континента усматривается в следующих процессах. Культура Винча оказывает влияние на неиндоевропейский субстрат Биня-Бичке и Желиз-Железовце с формированием ранней фазы Ленделя – группы Лужанки. Производной от Ленделя выступает культура воронковидных кубков, контакт с которой Ленделя дает культуры Болераз-Баденского круга. В качестве производных от культуры воронковидных кубков видятся культуры шнуровой керамики и культуры шаровидных амфор. Эти выводы делаются, главным образом, на сопоставлении керамических форм. Во введении к разделу I мы уже говорили о том, что при любой культурной трансформации, вызванной миграцией нового этноса, прежняя керамическая традиция отчасти сохраняется за счет ассимиляции местного населения, что и создает иллюзию автохтонного развития. Это обстоятельство, вместе с недоказанностью индоевропейской принадлежности Винчи, делает сомнительными и последующие построения. Реальные культурные процессы в Европе характеризовались двумя резкими сломами – на юго-востоке Центральной Европы и на Северных Балканах при переходе к РБВ и в Центральной и Северной Европе при переходе к ПБВ [Черных, 1988; Мернерт, 1988; Монгайт, 1974]. Эти трансформации были столь ощутимы, что за ними можно видеть появление нового этноса – индоевропейцев.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что до этого момента теория В.А.Сафронова может быть совмещена, хотя и не полностью, с теорией Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, так как базируется на представлении о переднеазиатском происхождении культуры Винча. Мы уже высказали свои сомнения в индоевропейской принадлеж-

ности этой культуры на основании связей с Чатгал Уйюком, но Винча является далеко не единственной культурой Балканского полуострова, имеющей переднеазиатские корреспонденции. Поэтому можно допускать участие в неолитическом культургенезе этого региона не только индоевропейцев, но и каких-то иных этнических групп. Однако все ли праиндоевропейцы оставили Переднюю Азию, с какими процессами связано появление их в Восточной Европе и возврат в Азию? Каким образом можно объяснить упомянутые культурные сломы в Европе в эпоху бронзы? С этого момента и начинается целый ряд противоречий.

Совершенно справедливо В.А.Сафроновым определяется круг типологически родственных культур типа Усатово, Кеми-Обы, Новосвободной и кубано-днепровской (новотитаровской). Правомерны и сопоставления этих культур с культурой шаровидных амфор. Поэтому ключевым вопросом в направленности вектора связей становится вопрос хронологии. Западные культуры в приведенном списке по данным радиоуглеродного анализа датируются следующим образом: Усатово – XXV-XXIV вв. до н.э., а культура шаровидных амфор – XXV-XXII вв. до н.э. Поселение Зарембово, где керамика культуры шаровидных амфор залегает совместно с керамикой культуры воронковидных кубков, имеет дату 2675 г. до н.э. [Сафронов, 1989, с. 235]. Хронологическая позиция Новосвободной определяется между Майкопом (но не поздним) и поздними куро-аракскими комплексами типа Сачхере. Последние датируются по штыковидным орудиям времени Нарам-Сина XXIII в. до н.э. Дата Майкопа определяется по месопотамским параллелям периодов РД II, III. Обосновывается (кстати, достаточно убедительно) связь Майкопа с северосирийским городищем Тэль-Хуэйра, которое датируется по тем же параллелям периодом РД III. Поэтому Майкоп рассматривается как продвинувшиеся на север семиты и датируется концом XXVI – началом XXIII вв. до н.э. [Сафронов, 1989, с. 235, 243-256]. Дата Новосвободной определяется по разным системам XXIII-XXII или XXV-XXIII вв. до н.э. [Сафронов, 1989, с. 235], что позже даты Зарембово.

На наш взгляд, в этом построении присутствует ряд логических ошибок. Параллели с Тэль-Хуэйрой не дают основания для омоложения

Майкопа. Керамика Тэль-Хуэйры встречается на семитских поселениях северо-западной Сирии, и в целом, для этого региона это явление пришлое. Ее следует рассматривать в том же аспекте, что и появление в Сиро-Палестине во второй четверти III тыс. до н.э. кирбет-керакской керамики или распространение анатолийских архитектурных традиций. Связано это явление, по-видимому, с районами Восточной Анатолии.

Не меньшее возражение вызывает и то, что использованы разные системы датировок: для западных культур – радиоуглеродное датирование, а для восточных – метод аналогий с привязкой к хронологии, построенной на письменных источниках. Использование радиоуглеродного метода для восточных памятников меняет ситуацию коренным образом. Майкоп и Новосвободная этим методом датируются в пределах 3500-3200 гг. до н.э., что при любых допущениях неучтенных погрешностей намного раньше, чем дата культуры шаровидных амфор. В этот же хронологический горизонт, по-видимому, укладываются репинские, позднесреднеэпохские комплексы и Триполье А1,2 [Трифонов, 1996а, с. 47]. В данном случае речь идет о калиброванных датах. Отказ от них сблизит датировку с датами КША, но хронологический приоритет Майкопа и Новосвободной все равно останется вполне ощутимым. Тем более что в Восточной Анатолии керамика, аналогичная раннему Майкопу датируется даже более ранним временем [Трифонов, 1996а, с. 45]. Это обстоятельство меняет предложенную В.А.Сафроновым направленность распространения индоевропеизации на противоположную.

Ямно-бережновские памятники Поволжья синхронизируются с концом Триполья А – Трипольем В1 и входят в круг разнокультурных образований (нижний слой Михайловского поселения, Ново-Данилово, Средний Стог, Хвалынский), на основе которого и формировалась ямная культура [Дремов И., Юдин, 1992; Нечитайло, 1996]. Поэтому эти памятники, во всяком случае, не позже культуры воронковидных кубков, что не дает возможности вывести ямную культуру из КША.

Схема В.А.Сафронова имеет противоречия и лингвистического порядка. Семито-индоевропейские языковые связи объясняются присутствием в Предкавказье Майкопа [Сафронов, 1989, с. 257]. Однако даже если допустить семит-

скую принадлежность этой культуры (что на наш взгляд не так), то контактировать она могла, в соответствии с предлагаемой схемой, лишь с хеттами, индо-ариями и иранцами. Проблема контакта с другими индоевропейскими группами решается достаточно просто – они осуществлялись морским путем между Восточным Средиземноморьем и югом Балканского полуострова [Сафронов, 1989, с. 242]. Семито-картвельские языковые связи обосновываются контактом Майкопа с куро-аракскими племенами Центрального Предкавказья [Сафронов, 1989, с. 261]. Однако последние являются довольно поздними, оторванными от основного массива куро-аракских племен, что не могло обеспечивать трансляцию заимствований. На это можно было бы закрыть глаза, поскольку Майкоп – не единственная “семитская” группа. Более актуальна данная ситуация при объяснении картвело-древнеевропейских связей контактами в Предкавказье куро-аракса и кубано-терской культуры [Сафронов, 1989, с. 264], с выделением которой согласны далеко не все. Сходная ситуация и с объяснением прасеверокавказских языковых связей с семитами и индоевропейцами. С этой целью производится сопоставление культуры Старчево-Кереш с шулавери-шомутепинской и делается вывод о миграционном происхождении последней с Балкан и о прасеверокавказской принадлежности обеих культур [Сафронов, 1989, с. 269, 270]. При этом игнорируются несомненные связи шулавери-шомутепинской культуры с более ранними культурами Ближнего Востока, хотя на само сходство этих культурных образований указано вполне справедливо.

Подобные противоречия можно продолжать приводить достаточно долго, но и сказанного выше более чем достаточно. Колоссальная и вызывающая уважение работа В.А.Сафронова доказывает со всей очевидностью, что индоевропеизация континента не могла осуществляться только с Балкан. Тем не менее, разработанную схему культурогенеза балкано-центральноевропейской зоны и возможность связи данного процесса с распространением индоевропейцев мы находим заслуживающими внимания, хотя и требующими дальнейшей проработки.

В наиболее общем виде сходная концепция происхождения индоевропейцев была предложена К. Ренфрю [Renfrew, 1987]. С праиндоевропей-

цами он связал анатолийские раннеэолитические комплексы типа Чаттал Уйюк. Дальнейшее продвижение индоевропейцев увязывается с распространением в Европе неолитических культур, а впоследствии с миграцией европейского населения в Северное Причерноморье и Поволжье. При этом допускаются непосредственные миграции индоевропейцев из Передней Азии в восточном направлении, что в отличие от предшествующей схемы является несомненным шагом вперед. Однако, как уже обсуждалось выше, отсутствуют как твердые доказательства индоевропейской принадлежности анатолийских мигрантов, так и связь индоевропейских комплексов РБВ юга Восточной Европы с предшествующими памятниками Балкан или Центральной Европы. При этом К.Ренфрю обратил внимание на то, что, судя по лексике, индоевропейские, афразийские, эламо-дравидские и алтайские языки распространяются из земледельческих районов. Это довольно узкий регион Ближнего Востока, что подкрепляет ностратическую теорию [Рэнфрю, 1998, с. 118].

Сходных взглядов придерживается и Я.Маккай [Makkay, 1987]. Он предложил локализацию индоевропейской прародины в Анатолии, откуда индоевропейцы мигрируют на Балканы, при этом анатолийцы остаются на месте. На Балканах в качестве различных индоевропейских групп рассматриваются Старчево-Кереш, Караново-Прото-Сескло, а затем Винча, Гумельница, Димини. Впоследствии формируется две зоны распространения индоевропейских языков – западная (культура линейно-ленточной керамики) и восточная, где формировались индоиранские языки (Мариуполь). Это разделение отражает, по мнению Я.Маккай, членение индоевропейских языков на две группы: “кентум” и “сетум”. Недостатком данной теории является отсутствие связи между Мариуполем и балканским энеолитом, на что указывал еще Дж.Мэллори.

Таким образом, большинство исследователей, размещающие индоевропейцев на Балканах, связывают их происхождение, в конечном счете, с Анатолией, что вполне соответствует археологическому материалу.

Однако необходимо учитывать одно важное обстоятельство. На фоне того, что многие исследователи склоняются к мысли об анатолийском происхождении индоевропейцев, процесс распро-

странения индоевропейских языков посредством дальних миграций мало кем допускается. В этом смысле очень показательна работа А. Шерратта и Е. Шерратт, в которой они называют теорию Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова моделью “billiard ball” и указывают, что она неприемлема с точки зрения археологии, поскольку в Европе мы можем наблюдать преемственность культур в течение тысячелетий, что позволяет, начиная со времени линейно-ленточной культуры, относить языки Центральной Европы, Балкан и Анатолии к одной языковой семье [Sherratt, Sherratt, 1997, p. 472, 474]. Ниже мы будем разбирать ситуацию в Европе, и увидим, что в этом регионе впоследствии имела место целая серия существенных культурных трансформаций, и за этими процессами можно усматривать индоевропеизацию Европы. Однако, на мой взгляд, отнесение линейно-ленточной культуры и культур балканского энеолита к одной языковой семье дискуссионно. Если происхождение ранних европейских культур связывать с Анатолией, то можно допускать, что их носители говорили, как на индоевропейских, так и на прасеверокавказских диалектах. Еще более проблематично выглядит модель распространения индоевропейских языков, предложенная Шерраттами [Sherratt, Sherratt, 1997]. В отличие от Ренфрю, который видит процесс индоевропеизации в распространении производящих форм хозяйства, они обращают внимание на существенные изменения, которые происходят в экономике в IV-III тыс. до н.э. Эти изменения обозначены Шерраттом термином “secondary products revolution”. Речь идет о начале использования плуга, выращивании скота не только ради мяса, но и для получения шерсти и молока, использовании колесного транспорта. Эти изобретения распространяются с Ближнего Востока, что и отражает процесс индоевропеизации. В сущности, с подобным подходом можно согласиться, но лишь отчасти. Распространение пашенного земледелия, колесного транспорта и новых пород скота действительно могут отражать появление с Ближнего Востока индоевропейцев. Однако эти новшества в отдельные регионы могли быть привнесены и иными ближневосточными популяциями, в частности прасеверокавказцами. И у нас нет никаких методических оснований определить регионы, куда проникали прасеверокавказцы, а куда

индоевропейцы. Единственным посылом остаются те факты, что эти новшества действительно распространились, и в гораздо более позднее время в Европе жили индоевропейцы. Дальнейшая конкретизация с опорой на эти наиболее общие факты немислима или может быть сделана чисто декларативным образом.

Другим спорным вопросом является предлагаемый способ индоевропеизации Европы. Миграции допускаются лишь в отдельных случаях, когда они вполне очевидны, например, как в случае с проникновением ямного населения на территорию Венгрии. В предлагаемой схеме все смещения популяций весьма невелики, что мне вполне импонирует в силу простоты подхода, хотя я и не разделяю подобную точку зрения. Гораздо более важную роль, чем миграции в процессе распространения индоевропейских диалектов, по мнению авторов, играли торговля и заимствование инноваций, что вело к формированию двуязычия и, в конечном счете, к формированию и распространению индоевропейских диалектов. В частности, распространение греческого языка предполагается на основе морских контактов с Анатолией. Выше, разбирая теорию В.А.Сафронова, я высказал сомнение в возможности формирования общих изоглосс, благодаря морским контактам. Распространение же языка мне представляется и вовсе невозможным. Во всяком случае, мне не известны подобные примеры из богатой на контакты письменной истории. Я допускаю возможности заимствования новых терминов, благодаря заимствованию новых технологий, но это не имеет ничего общего с распространением языка, поскольку новая терминология адаптируется в структуру местного языка, не изменяя ее.

Таким образом, в настоящее время активно распространяется точка зрения об анатолийском происхождении индоевропейцев, но различные авторы расходятся в конкретном видении процесса их распространения по территории Евразии. При этом необходимо подчеркнуть, что все обсужденные выше работы внесли большой вклад в решение данной проблемы, в особенности отмечаемая в них связь процесса индоевропеизации континента с распространением прогрессивных хозяйственных форм.

Еще один подход, намечающий решение индоевропейской проблемы был предложен

статьями Н.Я.Мерперта и Е.Н.Черных [Черных, 1988; Мерперт, 1988]. Не привязывая индоевропейскую прародину к конкретному региону, они отметили сопоставимость реалий реконструируемого праязыка с культурами Циркумпонтийской зоны эпохи раннего металла. При этом, если Е.Н.Черных связывает распространение праязыка с миграционными процессами, трудно уловимыми вследствие существенных культурных трансформаций, то Н.Я.Мерперт делает акцент на понятии “контактной непрерывности”, наличие которой он отслеживает для этой зоны, начиная с каменного века. В последнем случае допускается существование “языковых союзов” различных этнических групп, что, в конечном счете, и приводит, по-видимому, к формированию индоевропейских языков. Однако, на наш взгляд, подобное положение возможно лишь для довольно локальных территорий. Для столь обширной зоны, каковой являлась Циркумпонтийская, складывание родственных диалектов на основе языковых союзов представить трудно. К тому же, это вступает в противоречие с базовыми представлениями современной лингвистики, не просто выводящей индоевропейские языки из одной основы, но и установившей, в наиболее общих чертах, относительную хронологию вычленения отдельных диалектных групп. Тем не менее, подчеркнем отмеченную в статье Н.Я.Мерперта непрерывность контактов в рамках Циркумпонтийской зоны, что, на наш взгляд, было следствием повторяющихся с завидной периодичностью миграционных процессов.

Суммируя итоги этих статей, мы можем сказать следующее: 1) прародина индоевропейцев локализовалась в Циркумпонтийской зоне; 2) начиная с энеолита или эпохи РБВ, мы можем говорить о распространении здесь носителей индоевропейских диалектов; 3) Резкие культурные трансформации, неоднократно имевшие место в этом регионе, были следствием миграционных процессов.

К этой точке зрения близок Н.Л.Сухачев, который в целом разделяет позицию Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, но предлагает модель “разорванной прародины”, в соответствии с которой отрыв части индоевропейских популяций от первичного ядра происходит очень рано – еще в неолите, когда фиксируется проникновение переднеазиатского культурного комплекса на Балканы.

Видимо с этим продвижением и следует связывать появление народов, населяющих Европу в историческое время – греков, фракийцев и древнеевропейцев. Индоиранцы мигрируют на восток непосредственно из переднеазиатского региона, что хорошо подтверждается последними открытиями в Прикаспии и Средней Азии [Сухачев, 1994, с. 203-214]. Это снимает проблему противоречия между теорией о переднеазиатском происхождении индоевропейцев и фиксацией ранних индоевропейских гидронимов на территории Европы. Вместе с тем, если основанием этой позиции является теория Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, то Сухачев вступает в противоречие с рядом существенных положений этой теории, поскольку не объясняет более поздних контактов древнеевропейцев с иранцами, алтайцами и финно-уграми или иранцев с семи-тами. Впрочем, автор и не стремился дать развернутую схему в своей историографической работе.

Одной из наиболее ранних является гипотеза о прародине индоевропейцев на территории Средней Европы. Не столь давно она была подробно изложена в книге, которую опубликовал Бётхер [Boetcher, 1999]. Отправным пунктом рассуждений данной гипотезы является то, что в Средней Европе отсутствуют неиндоевропейские гидронимы. Это единственный подобный регион в Европе, из чего следует, что индоевропейцы являются здесь наиболее ранним этническим пластом. При этом предполагается, что носители уже мезолитических культур разговаривали на пред-индоевропейском языке. Это еще, безусловно, не тот язык, который мы могли бы даже обозначить как праиндоевропейский, поскольку реконструкции последнего однозначно указывают на знакомство его носителей с металлом. Кроме того, приводятся данные о природном окружении, говорящие в пользу того, что праиндоевропейцы жили в стране с умеренным климатом, в местности, где есть горы, открытые пространства и леса. Последнее, впрочем, будет вполне соответствовать, как Балканам, так и Анатолии и Закавказью. Бётхер обходит очевидное противоречие, связанное с распространением в Европе культуры линейно-ленточной керамики, обязанной своим происхождением Балканам, а в конечном счете Анатолии, следующим образом. Предполагается, что это были неиндоевропейские популяции, которые, распространившись в Европе, не стали

переименовывать названия рек. Их появлением и объясняются семито-хамитские и кавказские связи индоевропейских языков. Индоевропейские популяции сохраняются лишь на севере, в прибрежной зоне, что отражают материалы культуры Эртебёлле. Для объяснения их последующей экспансии вводится понятие “феодализма”, а сами эти популяции рассматриваются как “викинги” древности. Их культура была близка днепродонецкой культуре, имеющей с культурой Эртебёлле общие мезолитические корни. Таким образом, в Северном Причерноморье сохраняются популяции, говорившие на прединдоевропейских языках. Последующая экспансия этих племен на юг приводит к очень быстрому формированию на значительных пространствах Северной, Северо-западной и Средней Европы культуры воронковидных кубков, которая и рассматривается как праиндоевропейская. Впоследствии на этой основе формируется культура шаровидных амфор, а затем культуры шнуровой керамики. Это отражает выделение западных индоевропейских диалектов (кельты, италики, германцы, славяне, балты, албанцы, венеты, иллирийцы). Последующее их членение и распространение происходит уже в период культуры полей погребальных урн, что, как будто, действительно соответствует археологическому материалу. На юге, в Среднем Подунавье, происходит оформление Баденского комплекса, что отражает выделение южных диалектов (анатолийские, греческий, фракийский). Последующее движение анатолийцев связывается с формированием культуры Трояды в начале РБВ, что вполне доказуемо на фоне параллелей Трои с Балканами и Центральной Европой. На востоке, с формированием культуры охристых погребений, мы можем говорить о выделении восточной группы диалектов (индо-иранцы). Их движение на восток и юг описывается в полном соответствии с курганной теорией. Движение тохар, являющееся камнем преткновения для многих теорий, упоминается, но, не описывается, поскольку тохары рассматриваются как носители диалектов западной группы.

Необходимо отметить, что данная схема не лишена внутренней логики, хотя есть ряд противоречий, на которые необходимо указать. В соответствии с этой схемой предполагается развитие культур Северного Причерноморья от днепродонецкой к ямной и связь днепродонецкой культуры с предшествующим мезолитическим комп-

лексом Европы. В этом случае мы должны допускать развитие индоиранских диалектов от постулируемого прединдоевропейского, а не праиндоевропейского, что противоречит лингвистическому материалу. Либо же мы должны доказать происхождение ямной культуры из культуры воронковидных кубков, что будет противоречить материалу археологическому. Главное, впрочем, даже не это. Данные противоречия можно снять, отказавшись вообще от мысли об индоевропейской принадлежности ямной культуры. Это будет не слишком популярная точка зрения, но появление индоиранцев в степи можно будет объяснить приходом синташтинского населения, а происхождение последнего на Ближнем Востоке связать с проникновением в Анатолию европейского археологического комплекса в начале РБВ. Однако не понятно, как это все будет соответствовать схеме диалектного членения индоевропейских языков.

В конце концов, мы можем игнорировать и данную схему, решив, что археологические процессы не вполне адекватны процессам лингвистическим. Однако сохраняются главные сложности в Европе. Поскольку предполагается, что носители культуры линейно-ленточной керамики переняли все названия европейских рек, то удивляет устойчивость гидронимии, начиная с мезолита, а также отсутствие фактов устойчивых контактов данных популяций с местными мезолитическими племенами. Другой проблемой является формирование культуры воронковидных кубков. При всей быстротечности ее распространения, распространялась она все же с юго-востока на северо-запад, а не наоборот. Культура Эртебёлле могла участвовать в качестве местного субстрата в ее формировании на сравнительно ограниченной территории, но решающего влияния все же не оказала. В принципе, культура воронковидных кубков своим происхождением обязана культуре линейно-ленточной керамики и культурам дунайской зоны, в частности культуре Лендель. В данном случае, это культуры балканско-центральноевропейского круга, имеющие более отдаленные корни в Анатолии, что вновь возвращает нас к уже рассмотренным теориям о балканском и анатолийском происхождении индоевропейцев.

Ряд имеющихся гипотез был рассмотрен в статье Дж.П.Мэллори, который объединил их в 4 модели [Мэллори, 1997]. Все они, на его взгляд, имеют ряд существенных недостатков, поскольку

либо противоречат лингвистическим данным, либо не в состоянии показать появление индоевропейцев в том или ином регионе. Так, например, гипотеза о локализации прародины индоевропейцев в Черноморско-Каспийских степях не может объяснить их приход в Анатолию, Иран и Индию. Существенной проблемой для большинства моделей является, по мнению Мэллори, Днестро-Днепровский рубеж, который разделял два разных культурных блока. Преодоление его с запада на восток, как мы убедились ранее, археологическим реалиям не соответствует. Тем не менее, как мы уже говорили выше, этот рубеж мог быть преодолен с юга, поэтому проблема сводится вовсе не к этому. Среди обилия процессов, фиксируемых археологически, можно вполне подобрать доказательства для любой схемы. В частности, и распространение индоиранцев на юг можно связать первоначально с приходом степных популяций на Балканы, а затем, после переоформления данного культурного комплекса, в Анатолию. Описать движение этих популяций из Анатолии на восток особого труда уже не составляет. Проблема заключается в том, чтобы реконструируемые археологические процессы соответствовали процессам, которые реконструируют лингвисты. И чтобы это было очевидно,

следует писать не о движении степных популяций на восток или на юг, а оперировать конкретным археологическим материалом, на котором и надо показывать диалектное членение и распространение индоевропейских языков. Если же стоять на позиции, что эти процессы не адекватны, то археологам и вовсе не следует брать на себя труд заниматься индоевропейскими исследованиями. Ряд противоречий содержат практически все гипотезы, в том числе и переднеазиатская. Для последней, на наш взгляд, наиболее проблематично движение древнеевропейских популяций.

Установленное нами в предыдущем разделе проникновение иранцев на север из Передней Азии позволяет предполагать, что именно их потомки впоследствии мигрируют в Иран. В третьем разделе мы покажем также присутствие в Восточной Европе индо-ариев, а в более раннее время индоиранцев. Поэтому, в принципе, все эти группировки могли совершить движение на юг, как им это предписывает российская историографическая традиция. И, на первый взгляд, факты, подтверждающие это, есть. Однако эти факты отражают лишь локальные эпизоды индоиранских миграций и не имеют отношения к наиболее общим характеристикам процессов. К обоснованию данного тезиса мы сейчас и приступаем.

Глава 1.

Индоиранцы в Средней Азии, Индии и Иране

1.1. Средняя Азия

Для того, чтобы убедиться в последнем положении, сформулированном во введении к этому разделу, достаточно обратиться к основаниям гипотезы о проникновении индо-ариев в Индию с территории Евразийской степи. Они кроются в представлениях об имманентном развитии культур Восточной Европы. Если мы отождествляем формирование индоиранцев с культурами степной бронзы Евразии, то вынуждены и проникновение в Индию сопоставлять с миграцией этих культур на юг. Подобные миграции начинают фиксироваться лишь в период ПБВ, когда на территорию Средней Азии начинается проникновение срубных, алакульских и федоровских племен¹ [Кузьмина, 1986, с. 204-207; Сараниди, 1975, с. 20-26; Салтовская, 1978, с. 95, 96; Кузьмина, 1964, с. 147-151; Средняя Азия..., 1966, с. 227-239; Толстов, Итина, 1960, с. 28-31; Исаков, Потемкина, 1989, с. 145-165; Итина, 1962, с. 111-113].

На этом этапе миграции степного компонента на юг еще не были достаточно массовыми. Процесс этот усиливается, скорее, в финальной бронзе и связан с носителями саргаринско-алексеевской культуры [Исаков, Потемкина, 1989, с. 165]. Все это, на первый взгляд, и есть постепенное приближение индоиранцев к территории Индостана. Однако с этого момента и начинается серия противоречий и логических тупиков.

В конце эпохи бронзы на юге Средней Азии формируется культура Яз I, в которой отражаются черты предшествующей земледельческой культу-

ры и степных культур [Кузьмина, 1964, с. 151; Средняя Азия..., 1966, с. 189-191; Итина, 1962, с. 116; Сараниди, 1972, с. 22; Аскарлов, 1979, с. 34-36]. Однако доводы в пользу активного участия степных племен в ее формировании не до конца убедительны. Наиболее предпочтительным представляется взгляд об ее местных корнях и об ираноязычности оставившего ее населения. Ахемениды, включившие этот регион в свою державу, застают здесь иранское население [Сагдулаев, 1989, с. 59].

Одним из главных аргументов в пользу отождествления носителей степных культур с ариями, мигрирующими в Иран и Индию, является наличие иранских и индо-арийских топонимов в Северной Евразии и индоиранских включений в финно-угорские языки [Смирнов, Кузьмина, 1997, с. 52]. Эти факты действительно подтверждают присутствие индоиранцев на севере Евразии во II тыс. до н.э., однако не подтверждают, что именно эти популяции являлись носителями авестийского и ведического языков. Скорее напротив. Длительный контакт этих культур с финно-уграми предполагает хотя бы незначительные финно-угорские языковые заимствования. Однако, при колоссальной степени изученности “Ригведы” и “Авесты” даже намек на подобные заимствования в них не зафиксировано. Вместе с тем, ограниченные финно-угорские включения в эти языки, но опосредованные дравидскими языками вполне вероятны. Этого контакта мы коснемся позже.

Если обратиться к наиболее общему фону, который обычно точно отражается в металле, то историю этого региона Азии можно себе представить, как первоначальное распространение здесь пределов Ирано-афганской металлургической провинции, впоследствии ее с севера “теснит” Евразийская металлургическая провинция [Черных, 1978], что связано с уже описанными

¹ Ниже мы покажем, что с миграциями носителей федоровской культуры ситуация не столь однозначна..

миграционными процессами ПБВ. Однако проникновение стандартов Евразийской металлургической провинции на юг не было слишком глубоким. Вряд ли оно достигало даже территории Южного Узбекистана и Северного Афганистана, где уже на рубеже XVIII/XVII вв. до н.э. в результате активности западных племен формируется бактрийско-маргианский археологический комплекс, отрезающий степным племенам дорогу на юг [Сарианиди, 1977, с. 158; Аскарлов, 1977, с. 5]. При этом необходимо подчеркнуть, что сам этот комплекс после завершения своего формирования испытывает какие-либо воздействия исключительно с территории Восточного Хорасана, Южного Туркменистана или долины Инда и не включает в себя никаких степных компонентов. Следовательно, мы должны сделать вывод о том, что проникновение индоиранцев в этот регион должно было происходить раньше, миграции степных племен на юг с этим процессом не связаны, а памятники, оставленные ими, не есть вешки “на пути в Индию”.

Недостаточность представленных аргументов позволила зародиться и развиваться идеям о том, что гибель харапской цивилизации имела причины природного характера, с проникновением индо-ариев не связанными, а сами жители Харappy и Мохенджо-Даро уже говорили на индоарийском языке. Особенно распространены идеи, отрицающие арийское вторжение на Индостан в индийской историографии [Srivastava, 1984]. Главным аргументом против подобных идей является дешифровка харапской письменности, предполагающая дравидскую принадлежность данной цивилизации [Бонгард-Левин, 1988, с. 63].

К сожалению, косвенной причиной развития этих идей явились именно представления о связи степных культур Евразии с индоиранцами, а их миграции на юг с проникновением индо-ариев в Индию, поскольку эти миграции датируются достаточно поздним временем. Это явилось одной из побудительных причин если не согласиться, то, во всяком случае, смириться с представлениями об экологических причинах гибели харапской цивилизации.

Следует отметить, что для гипотез об экологических причинах, вызвавших кризис харапской цивилизации, основания все же есть. Как показывают исследования, предшествующий этому периоду характеризовался повышенной тектонической активностью и, как следствие,

разрушением плотин и разливами рек. Это вело к изменению климата, нарушению природного баланса и оказывало негативные воздействия на здоровье людей [Allchin, 1984]. Последнее явилось причиной возникновения генетических заболеваний, что отразилось на патологиях скелетов [Kennedy, 1984]. Эти генетические заболевания являлись следствием малярии, резко распространившейся благодаря обилию комаров на заброшенных полях. Примечательно то, что пришедших индо-ариев эта проблема практически не коснулась, поскольку у популяций, сформировавшихся в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, существовала повышенная сопротивляемость к этому заболеванию. В степной зоне Восточной Европы эта сопротивляемость возникнуть не могла [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 915, 916].

Упадок Харappy отчетливо обозначился в XIX-XVIII вв. до н.э. Он сопровождался децентрализацией системы, строительством оборонительных сооружений, появлением более примитивных сооружений в городах, разливами рек и постоянными прорывами плотин. Примечательно, что в большей степени этот процесс коснулся северной зоны харапской цивилизации. При исследовании харапских городов были обнаружены костяки погребенных людей [Археология Азии, 1986, с. 168-171; Медведев, 1990, с. 87-90; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 107-110]. Однако ослабление и упадок Харappy, вызванные экологическими причинами, вовсе не снимают с повестки дня арийское вторжение, поскольку кризис мог облегчить его. Поэтому все приведенные факты могут говорить, как об экологической катастрофе, так и о сопровождавшей ее сложной военно-политической ситуации, связанной с проникновением индо-ариев, отождествление которых с конкретными археологическими памятниками остается дискуссионным.

По этой причине, мы задались вопросом: а как, собственно, эти памятники должны выглядеть? Исходя из того, что предполагаемое нами проникновение индоариев в Индостан происходило в период СБВ Циркумпонтийской зоны, отождествления катакомбников с индоиранцами и первичной локализации индоиранцев на Переднем Востоке, мы предположили, что индоарии должны быть носителями материальной культуры, сопоставимой с катакомбными и переднеазиатскими древностями. В результате выяснилось, что

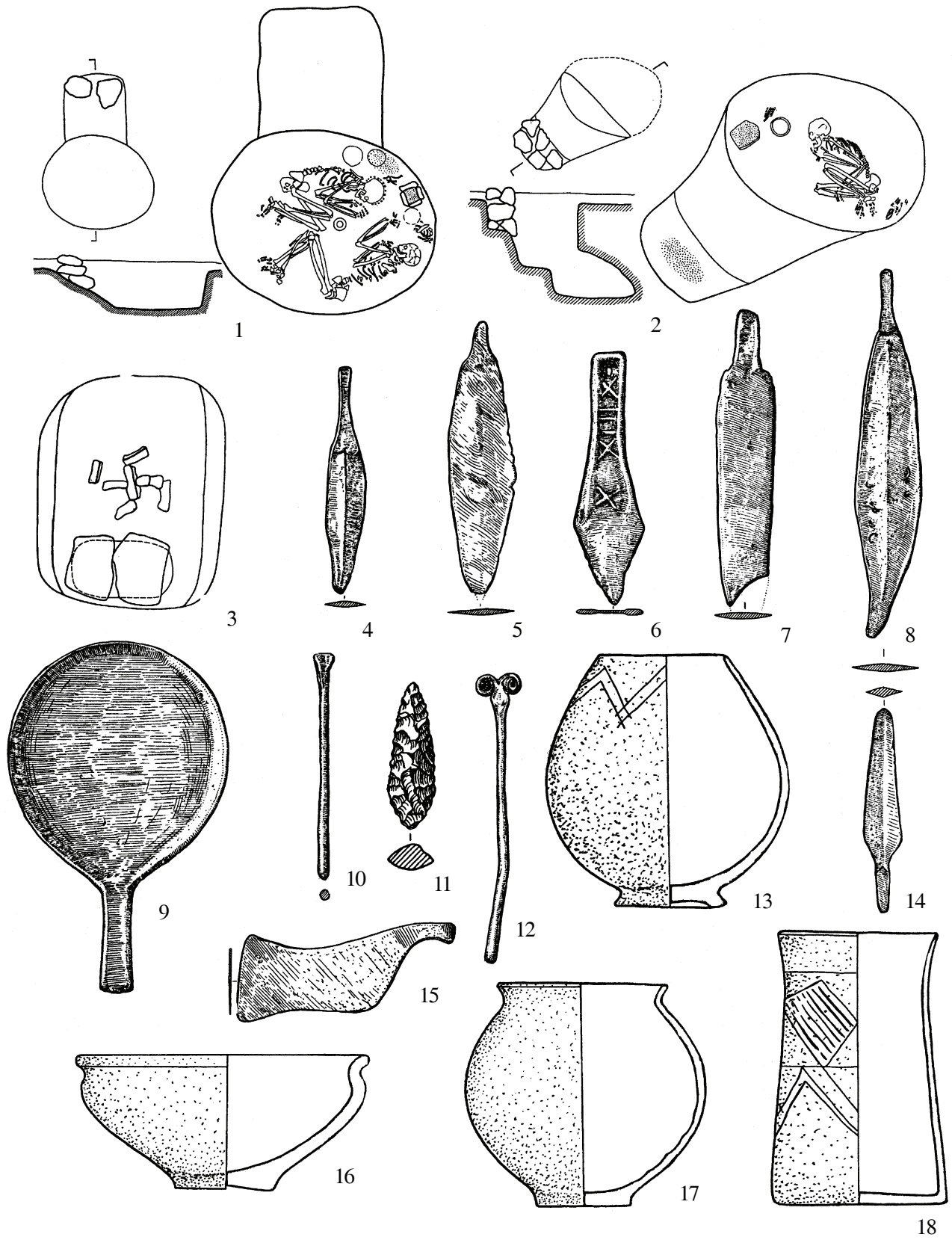

Рис. 54. Бишкентская культура. Тулхарский могильник.

археологические комплексы, отвечающие этим требованиям в районах, непосредственно граничащих с хараппской цивилизацией, есть и известны уже достаточно давно. Речь идет об исследованных в Южном Таджикистане Тулхарском и Аруктауском могильниках [Мандельштам, 1968], которые мы вкратце охарактеризуем, поскольку они рассматриваются сторонниками прихода индо-ариев с севера в качестве связующего звена между степными культурами и культурами Индийского субконтинента.

Могильники эти расположены в Бишкентской долине, в районе впадения рек Кафирниган и Сурхан-Дарья в Аму-Дарью. В общей сложности здесь было вскрыто 88 погребений, относящихся к интересующему нас периоду [Мандельштам, 1968, с. 6] (рис. 54).

В подавляющем большинстве случаев погребения Тулхарского могильника совершены в “Т”-образных катакомбах с узкой прямоугольной входной шахтой и овальной погребальной камерой (рис. 54,1,2). В отдельных случаях камеры имеют подпрямоугольную форму со скругленными углами. Обнаружены также два погребения, в которых продольная ось входа совпадает с продольной осью погребальной камеры. В единичных камерах встречены овальные выкладки вокруг костяков или обложженные каменными плитами прямоугольные углубления с вторичными захоронениями. Большинство камер мелкие. По сути дела, это “ямы со спуском” (рис. 54,1). Однако они, безусловно, перекрывались, что, по принципу, объединяет их с настоящими катакомбами, которые в могильнике тоже представлены.

В большинстве случаев погребения совершены по обряду труположения, хотя зафиксированы и единичные случаи трупосожжений. Костяки лежат скорчено на боку (мужчины на правом, женщины на левом) с кистями рук перед лицом. Степень скорченности, как правило, сильная. В детских погребениях наблюдаются многократные захоронения, в результате чего кости смещены и перемешаны.

Помимо этого в могильнике присутствует два нестандартных сооружения. Это прямоугольные ямы, ориентированные по линии С-Ю, заполненные, в отличие от прочих, грунтом сразу по завершении всех обрядов. На поверхности их фиксировался камень, окруженный более мелкими камнями. На дне ямы, в южной части

располагалось углубление с пережженными мелкими костями, перекрытое каменными плитками. В центральной части одной ямы уложена выкладка из камней в виде свастики, другой – прямоугольный крест, заключенный в окружность (рис. 54,3) [Мандельштам, 1968, с. 8-47].

Погребения в Аруктауском могильнике совершены, практически, на дневной поверхности. Зафиксирован только один случай захоронения в яме. Они окружены прямоугольной или округлой каменной оградкой, заполненной внутри камнями или грунтом. Погребенные положены скорчено на боку с руками перед лицом. Ориентированы они на В или СВ [Мандельштам, 1968, с. 46-52].

В обоих могильниках в погребениях обнаружены только кости овцы.

Погребения Тулхарского могильника сопровождаются инвентарем [Мандельштам, 1968, с. 61-713]. В его состав входят следующие виды металлических изделий:

1. Бронзовые ножи двулезвийные, листовидной формы, с намеченной пятиугольностью лезвия, коротким или удлиненным узким прямоугольным черенком (рис. 54,5).

2. Наконечники копий или дротиков (в публикации представлены как ножи), черешковые с подтреугольным пером с ромбическим сечением (рис. 54,14).

3. Кинжал двулезвийный с параллельными гранями лезвия и коротким черешком (рис. 54,7).

4. Кинжал с металлической рукоятью. Лезвие сточено. Рукоять имеет валиковые утолщения по краям, отверстие и рельефный орнамент. Переход к лезвию асимметричен (рис. 54,6).

5. “Бритва” подпрямоугольной формы со слегка выгнутыми гранями и небольшой ручкой (рис. 54,15).

6. Обломок двухлопастного наконечника стрелы со скрытой втулкой.

7. Круглые зеркала (одно с рукоятью), булавки (со спиралевидным или треугольным завершением), разомкнутая круглая подвеска (рис. 54,9,10,12).

Характер металла Аруктауского могильника иной. Это изогнутые серпы, желобчатые браслеты, разомкнутые круглые подвески.

Половина изделий Тулхарского могильника выплавлена из оловянистой бронзы. Из нее отливались в первую очередь кинжалы и зеркала. Треть сделана из “чистой” меди. Остальные изделия изготовлены из мышьяковой меди. Все

изделия Аруктауского могильника выплавлены из оловянистых бронз [Богданова-Березовская, 1968].

Керамический комплекс Тулхарского могильника представлен лепной и гончарной посудой. Основные типы посуды следующие:

1. Горшки с плавной профилировкой, раздутым туловом и слегка отогнутым венчиком. Встречены отдельные экземпляры с округлым дном и прямыми шейкой и венчиком (рис. 54,17).

2. Кувшины с удлиненной шейкой и зауженной горловиной.

3. Банки: а) с прямыми стенками; б) открытые со слегка вогнутыми стенками и чуть отогнутым венчиком; в) закрытые банки с выпуклыми стенками, зауженной горловиной, на поддоне (рис. 54,13,18).

4. Миски с прямым или отогнутым венчиком, подчеркнутым, в ряде случаев, желобком (рис. 54,16).

Посуда Аруктауского могильника несколько отличается. В ней отсутствуют кувшины и некоторые типы банок, а миски более глубоко профилированы. Однако здесь керамический комплекс намного меньше, что не позволяет пока делать серьезные выводы.

Набор инвентаря позволяет определить соотношение описанных могильников между собой и их место в системе эпохи бронзы Евразии.

В свое время, на основании материалов этих могильников и отдельных находок на юге Средней Азии была выделена бишкентская культура, датированная началом I тысячелетия до н.э. Была определена также ее связь с индоиранцами [Мандельштам, 1968, с. 135-141]. На основании материалов этой культуры делаются выводы о проникновении на юг степного компонента в эпоху финальной бронзы. Она, таким образом, служит связующим звеном между степными евразийскими комплексами и индоарийскими памятниками Индии. Сегодня с этой датировкой бишкентской культуры согласиться невозможно. Ее металлокомплекс ни в какой степени не вписывается в металлокомплекс финальной стадии Евразийской металлургической провинции. Погребальный обряд тоже в корне отличен. Поэтому обратимся к аналогиям отдельных типов инвентаря.

Листовидные удлиненные ножи с коротким прямоугольным черешком являлись достаточно типичным изделием для СБВ Циркумпонтийской

зоны. Зарождается этот тип в Анатолии еще в РБВ, а в СБВ характерен уже и для катакомбников [Авилова, Черных, 1989, с. 51; Черных, 1966, с. 129]. Вытянутые узкие черешки тулхарских ножей являются тоже достаточно архаичным признаком. Подобные ножи появляются в Малой Азии в РБВ и особенно распространяются в СБВ [Авилова, Черных, 1989, с. 51]. Встречаются они в майкопской культуре, в Мари и Кише середины III тыс. до н.э., в Уре XVIII-XVII вв. до н.э. На рубеже III-II тыс. до н.э. подобные ножи появляются в Индии [Горелик, 1993, с. 222, таб. III, 18, с. 224, таб. IV, 2, 4, 8, 10, 45].

Наконечники копий или дротиков подобного типа в северной зоне ЦМП не представлены, но в СБВ Анатолии одно подобное изделие известно [Авилова, Черных, 1989, с. 50]. Близкие изделия обнаружены в Палестине: в Газе и Мегиддо (XVIII-XVII вв. до н.э.) и в Библе (XX-XIX вв. до н.э.) [Горелик, 1993, с. 282, табл. XXXII, 115, 116].

Кинжал с коротким черенком по материалам Анатолии датируется СБВ [Авилова, Черных, 1989, с. 51]. Кинжал с металлической рукоятью. Подобного типа рукояти встречены в Анатолии у кинжала с выпуклыми лезвиями (СБВ) и у однолезвийных ножей с горбатой спинкой (ПБВ) [Авилова, Черных, 1989, с. 53]. Такого же типа рукояти являются типичными для сейминско-турбинских однолезвийных кинжалов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 118, 119, 123]. Кинжал с аналогичной рукоятью выявлен также в слоях Дашлы-3 в Северном Афганистане [Сарианиди, 1977, с. 77]. Близкий кинжал, выплавленный из мышьяковой бронзы, обнаружен в Вахшуваре (Южный Узбекистан) [Ртвеладзе, 1981; Левушкина, Флициян, 1981]. По всей вероятности, возникают подобные рукояти на Ближнем Востоке. Кинжал в Кише с рукоятью этого типа датируется серединой III тыс. до н.э. Однолезвийный нож из Газы датируется XVIII-XVII вв. до н.э. Около XVII в. до н.э. кинжалы с такими рукоятями становятся в Передней Азии типичными. Широкое их распространение связывают с гиксосами [Горелик, 1993, с. 17, 218, табл. I, 8, с. 222, табл. III, 21].

Зеркала и булавки описанных типов известны в СБВ южной зоны ЦМП [Авилова, Черных, 1989, с. 62, 63] и в бактрийско-маргианском

археологическом комплексе [Сарианиди, 1977, с. 81-85]. Известны им параллели также на Сапалли, в Египте и Палестине. Сапалли дает аналоги также кольцу с разомкнутыми концами и яшмовым бусам. Последние встречаются также в Библе, Тальше и Гийане. Датируются эти вещи в рамках раннего Намазга VI [Аскарлов, 1973, с. 110, 112, 113, 115].

Бритвы описанного типа характерны для комплексов типа Дашлы-3 Бактрии [Сарианиди, 1977, с. 77, 80]. Близкое изделие происходит из раннебронзового слоя Кюльтепе I в Азербайджане [Исмаилов, 1987, с. 15].

Двухлопастные металлические наконечники стрел в Передней Азии известны, однако, они во всех случаях черешковые. Черешковые же наконечники стрел зафиксированы и на Синташте. Единственной аналогией, известной нам, является литейная форма из могильника Ростовка [Черных, Кузьминых, 1989, с. 88, 89]. Это позволяет провести еще одну параллель с сейминско-турбинскими бронзами.

Таким образом, данный металл соответствует металлу Циркумпонтийской зоны периода СБВ, а также металлу бактрийско-маргианского археологического комплекса. При этом по аналогиям с ЦМП мы можем приурочить контакты носителей бишкентской культуры и носителей бактрийско-маргианского комплекса к началу складывания последнего. Следует также иметь в виду, что металл Тулхарского могильника находит больше параллелей в южной, а не в северной зоне ЦМП.

Металл Аруктауского могильника производит более позднее впечатление благодаря наличию изогнутых серпов и желобчатых браслетов. Это подтверждается и тем, что все изделия здесь изготовлены из оловянистых бронз.

Керамический набор тоже имеет аналогии, прежде всего на западе. Баночные формы с вогнутыми стенками были распространены на памятниках как Северо-Западного, так и Северо-Восточного Ирана. Цилиндрические банки с вогнутыми внутрь стенками известны и на куроракском поселении Пулур в Восточной Анатолии. Сходные формы распространены и далеко на юге, в Омани, на поселении Умман-Нар, датированном III тыс. до н.э. Банки на поддоне с узкой горловиной и округлыми стенками известны в Северо-Восточном Иране [Станкевич, 1978, рис. 7, 71А, 14, 71В, 26, 72В, 28, 174В; Serge, 1984,

fig. 41.19.5, 41.20.3; *Keban Project, 1976*, tabl. 61-64, 80-82]. Многочисленные параллели обнаруживает тулхарский керамический комплекс и в Северной Сирии, в Халаве, в слоях, относящихся к последнему периоду РБВ [Ортманн, 1985, с. 67-69, 75-79], что соответствует в Сирии слоям Селенкахие III, IV, в Анатолии Трое III, IV, в Месопотамии периоду III династии Ура [Лоон, 1985, с. 58].

Погребения в катакомбах тоже имеют параллели исключительно в циркумпонтийской зоне, в Юго-Восточном Прикаспии и в Палестине, а “Т”-образная форма катакомб является достаточно ранней. Обряд погребения скорчено на правом боку, причем со значительной степенью скорченности, также присущ катакомбному погребальному обряду. Но в данном случае мы можем говорить о катакомбниках, датируемых по керамике концом РБВ, а по металлу — началом СБВ сирийской периодизации, что в системе восточносредиземноморской хронологии будет соответствовать рубежу III/II тысячелетий до н.э. [Авилова, Черных, 1989, с. 36, 37; Бикерман, 1975, с. 181; Лоон, 1985, с. 58]. Следовательно, период функционирования Тулхарского могильника мы можем определить началом II тыс. до н.э., а Аруктауского несколько позже. Есть основания и для удревнения этих дат. Периоды Селенкахие III, IV довольно растянуты по времени. К тому же исходным районом для описанной керамики является, скорее всего, не Сирия, а северные и восточные территории. Однако, даже при опоре на датировку временем Селенкахие III, мы получим дату в рамках последней четверти III тыс. до н.э. Вполне возможна подобная дата и для Заман-Бабы, суярганской культуры и культуры Лявлякана. Поэтому далее можно говорить о конце III тыс. до н.э. или о рубеже III/II тыс. до н.э. Связи с ранней Намазгой VI, Дашлы-3 и Сапалли будут давать чуть более позднюю дату. Радиоуглеродные даты перехода от Намазга V к Намазга VI укладываются в промежуток 1850-1550 гг. до н.э., но калиброванные колеблется между 2330-2000 гг. до н.э. [Долуханов и др., 1985, с. 122]. Другие специалисты склонны датировать в рамках традиционной хронологии складывание комплексов этого типа XVIII в. до н.э. [Сарианиди, 1993, с. 144]. Уточнение этих дат является делом будущего, но в любом случае, речь должна идти о гораздо более раннем времени, чем предполагалось ранее. Население,

оставившее бишкентские памятники, для данного региона пришлое. По металлу оно связано с южной частью Циркумпонтийской зоны, а по керамическому комплексу родиной этого населения мы можем считать Курдистан и прилегающие к нему территории на востоке. Можно согласиться с утвердившимся в науке мнением об индоиранской принадлежности этого населения, что подтверждается свастиками в могилах, близостью материалов Тулхарского могильника катакомбным древностям восточноевропейской степи и постхарапским образованиям в Индии и Пакистане.

Связи с Передней Азией подтверждаются и антропологическими данными. Проведенные исследования черепов показали, что они сопоставимы по ряду признаков со срубными, андроновскими и тазабагъябскими краниологическими сериями. Однако даже на этом фоне они отличаются значительной массивностью [Виноградов и др., 1986, с. 178, 183]. Большая высота позволила связать тулхарские черепа с Передним Востоком и прилегающими территориями [Кияткина, 1968, с. 182]. Черепа этого типа обнаружены и в других местах Средней Азии. Они объединены в восточносредиземноморский тип III и не имеют ничего общего с предшествующим кельтеминарским пластом [Виноградов и др., 1986, с. 198, 199; Дремов, 1988, с. 41, 42; Гинзбург, 1972, с. 68]. В наибольшей степени антропологический материал бишкентской культуры обнаруживает связи с западными среднеазиатскими (каспийскими) сериями, представленными в могильнике Сумбар в Юго-Западном Туркменистане. Сложнее говорить о более раннем комплексе Пархай II, но, видимо, определенное сходство с ним тоже есть [Кияткина, 1982, с. 56, 57].

Погребальный обряд бишкентской культуры не обнаруживает никаких параллелей на севере. Вместе с тем, сочетание катакомб и ям со входом со скорченными на боку захоронениями и вторичными захоронениями характерно для могильника Пархай II в Юго-Восточном Прикаспии. Скорченные захоронения различаются по половому признаку. В бишкентских захоронениях, как и в Пархае II, мужчины захоронены чаще на правом боку, а женщины на левом. Поэтому корни данного обряда следует искать в указанном районе [Хлотин, 1989].

Формирование бишкентской культуры не следует понимать, как локальный эпизод в истории региона. Он укладывается в более широкий контекст. Культурные трансформации в Средней Азии на рубеже III/II тысячелетий до н.э. были гораздо более масштабными. Рассмотрение их в наиболее широких рамках может быть осмыслено как постепенное расширение на северо-восток и восток пределов Ирано-Афганской металлургической провинции. В III тысячелетии до н.э. металлообработка южнотуркменских племен (периоды Намазга III, IV) была целиком завязана на Иран, откуда импортировался металл и заимствовались формы изделий [Кузьмина, 1966, с. 86-90]. При этом фиксируются также определенные связи этой провинции с Циркумпонтийской зоной. Наиболее ярко они проявляются в продвижении на восток таких типов изделий, как топоры-тесла и топоры-молотки, которые на Балканах известны уже с рубежа V/IV тысячелетий до н.э. [Черных, 1978, с. 89, 96]. Среднеазиатские же экземпляры имеют прототипами иранские формы, датируемые концом III тысячелетия до н.э. [Виноградов А., Кузьмина, 1970, с. 126-133]. Существует этот тип в данном регионе довольно долго, присутствуя в культуре Заман-баба, ранней бронзы Кызылкумов и в Бактрии на Дашлы-3 [Сарианиди, 1977, с. 71, 74; Виноградов А., Кузьмина, 1970, с. 126]. Кавказские и переднеазиатские параллели имеют найденные в Бактрии топоры с загнутым вниз бойком на обухе или топоры с закругленным лезвием [Горелик, 1993, с. 254, табл. XIX, 6-20, с. 256, таб. XX, 13, 20, 21, 28, 29, с. 258, таб. XXI, 81-90].

Параллельно идет распространение довольно оригинальной технологии плавки руды в тиглях. Наиболее рано она отмечена в Гиляне, на рубеже V/IV тысячелетий до н.э. [Pigott V., 1988]. Однако мы не считаем это явление каким-то локальным. Технология плавки, как правило, демонстрирует единство в значительных пространственных и временных рамках. Поэтому в этот период эта же технология была наверняка присуща прилегающим на западе районам Азербайджана и Северной Месопотамии.

Далее эта технология фиксируется на Хапуз-Депе периода Намазга IV (в публикации структура этих шлаков трактуется иначе [Терехова, 1980, с. 144]) и широко представлена на

стоянках ранней бронзы Кызылкумов [Григорьев, 1996, с. 113]. Таким же образом мы интерпретировали микроструктуру шлака из металлургического комплекса на Дашлы-3, где был выявлен также тигель с недоплавленной рудой [Сарианиди. и др., 1977, с. 35, 36; Григорьев, 1996, с. 116].

Очевидно, что эти процессы на Иранском нагорье и в Средней Азии мы не можем связывать с деятельностью южномесопотамских центров. И не только в силу тяготения их к северной части этого региона. Довольно ранний интерес шумеров к северо-восточным территориям не распространялся далее соседнего Элама. Впоследствии протоэламиты развивают бурную деятельность в этом направлении, проникая, возможно, до восточных границ Иранского плато, однако она затухает уже в начале III тысячелетия до н.э. и более не возобновляется. Интерес южномесопотамских государств с этого времени направлен исключительно на Верхнюю Месопотамию и районы, прилегающие к Персидскому заливу [Ламберг-Карловски, 1990, с. 6-18]. Поэтому все события в Средней Азии на рубеже III/II тысячелетий до н.э. мы можем связывать лишь с районами Северной Месопотамии и Северного Ирана.

До начала этого бурного времени ситуация в Средней Азии выглядела достаточно однообразной и монотонной. На юге Туркменистана в предгорьях Копетдага жили оседлые земледельцы. Зона их освоения была достаточно узкой и не распространялась далее границы барханов. Севернее и северо-восточнее огромные пространства сухих степей и полупустынь Приаралья и Среднеазиатского Междуречья были заняты племенами неолитической кельтеминарской культурно-исторической общности, у которых отсутствовало производящее хозяйство [Виноградов А., Мамедов, 1975]. Процесс опустынивания этих территорий начался, но не зашел еще слишком далеко.

В конце III — начале II тысячелетий до н.э. происходит резкий слом сложившейся культурной системы. Начинается переоформление земледельческой культуры Южного Туркменистана. Кельтеминарская общность прекращает свое существование [Виноградов А., 1981, с. 22-36].

В низовьях Аму-Дарьи формируется суярганская культура. Появляются новые формы

керамики в виде горшков с раздутым туловом и прямым венчиком, украшенных насечками и “елочным” орнаментом [Толстов, Итина, 1960, с. 14-21]. Хозяйство этих племен, по-прежнему, присваивающее. Корни суярганской культуры большинство исследователей видит в местной кельтеминарской культуре, на которую наложился импульс с юга, но не туркменистанский, а, скорее всего, из Северо-Восточного Ирана [Средняя Азия..., 1966, с. 214, 215; Толстов, Итина, 1960, с. 14]. Носители этого импульса проникли в Акчадарьинскую дельту Аму-Дарьи по руслу Узбоя, в обход племен, живших в предгорьях Копетдага, что было несложно сделать, поскольку прорыв Аму-Дарьи в Северную дельту происходит позднее — в начале II тысячелетия до н.э. [Итина, 1977, с. 25-27]. Анализ черепов могильника Кокча 3 позволил сделать вывод о принадлежности суярганских племен индодравидоидному антропологическому типу [Антропологические типы..., 1988, с. 113, 114]. Однако большинство признаков, на которых этот вывод основан, характерно для представителей средиземноморского типа и часто присутствует в сериях, которые связать с дравидоидами невозможно [Виноградов и др., 1986, с. 187, 188].

В это же время во Внутренних Кызылкумах происходит оформление раннебронзовой культуры, которая приурочена к котловинам Лявлякана, Беш-булака и Аякагитмы [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 225-228]. Помимо нового типа керамики она отличается наличием металлургии, основанной на тигельной плавке руды, и литейного производства [Григорьев, 1996, с. 113]. Более обстоятельно представить облик этой культуры не представляется возможным, поскольку эти материалы представлены подъемными сборами, происходящими с развеечных стоянок. Керамический комплекс определяют раздутые горшки с прямой или слегка отогнутой горловиной. Он не сопоставим ни с чем, известным в среднеазиатском регионе [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 225]. Однако литейная форма топора-тесла, сопровождаемая этой керамикой, находит параллели в Иране [Виноградов А., Кузьмина, 1970, с. 126-130].

Юго-восточнее, на Зеравшане, возникает культура Заман-баба. Это земледельцы и скотоводы, металлокомплекс которых определен стереотипами Ирано-Афганской провинции, а

керамика представлена круглодонными и плоскодонными лепными горшками. Жилищами заманбабинцев были полуземлянки, а их погребальными сооружениями – ямы и катакомбы с перпендикулярными шахтами и скорченными на боку погребенными. В керамике выделяется несколько групп. Часть посуды находит параллели в предшествующей кельтеминарской, часть – в катакомбной, часть – в южнотуркменистанских и североиранских комплексах типа Анау III, Шах-Тепе II, III, Гиссар III В, С. Как и в Тулхарском могильнике, наблюдается сочетание лепной и гончарной посуды. Примечательны прямоугольные курильницы, имеющие перегородку. Последний признак находит параллели в окуневской и катакомбных культурах и на Шах-Тепе II. Обнаруженная женская статуэтка близка подобным изделиям Шах-Тепе и Намазги V. Круг аналогий металла (зеркало, лопаточка, нож) тот же – Гиссар, Шах-Тепе, Намазга. [*Средняя Азия...*, 1966, с. 206-212; *Кузьмина*, 1958]. Возникновение этой культуры связано с миграцией южного населения, видимо, из районов Копетдага, наложившейся на местную кельтеминарскую среду. [*Сарианиди*, 1975, с. 28; *Средняя Азия...*, 1966, с. 212; *Кузьмина*, 1958, с. 33; *Sarianidi*, 1998, с. 28, 29]. Интересны намеченные связи этой культуры с последующим формированием культуры Сапалли, где тоже распространены захоронения в катакомбах [*Алекшин*, 1989, с. 153, 154]. Иногда в литературе можно встретиться с мнением о том, что формирование Заман-Бабы было вызвано миграцией степных племен [*Кузьмина*, 1997, с. 86]. Оно базируется на присутствии полуземлянок, катакомб и керамики, сопоставимой с керамическими формами восточноевропейских катакомбников. Однако последние не выводимы из ямной традиции. Более плодотворны поиски истоков этой керамической традиции к югу от Кавказа, о чем пойдет речь в соответствующем разделе. Равным образом и катакомбы, как мы уже имели возможность убедиться, не имея истоков в ямном погребальном обряде, обнаруживают длительную линию развития в Юго-восточном Прикаспии. Полуземлянки же не могут рассматриваться в качестве безусловного северного признака, поскольку они известны и на юге, например, на памятниках куро-аракской культуры.

Таким образом, мы наблюдаем в среднеазиатском регионе единый процесс формирования целой свиты новых культур, связанный с мощными юго-западными импульсами. При этом материалы Тулхарского могильника можно соотнести с индоарийским этносом. Не исключена также связь этого этноса и с Заман-бабой, хотя достоверно говорить об этом сложно. Тем не менее, мы можем констатировать присутствие индоиранцев к северу от зоны распространения хараппской цивилизации в начале II тысячелетия до н.э. Распространение бишкентской культуры на юг фиксируется на поселении Шортугай, в Северном Афганистане, где бишкентские могилы перекрывают слой с хараппскими материалами. Здесь располагался самый северный форпост хараппской цивилизации, служивший, по-видимому, торговой факторией [*Francfort*, 1984; *Бонгард-Левин, Ильин*, 1985, с. 133]. Подобного типа поселения, на значительном удалении от метрополии, организовывали также шумеры и эламиты.

Очень близки бишкентским материалам исследованные в Южном Таджикистане могильники вахшской культуры, наиболее известным из которых является Тигровая Балка [*Пьянкова*, 1974]. Погребения в нем совершены в катакомбах и ямах с подбоями. Скелеты лежат скорченно на боку лицом в сторону входной шахты. Радиоуглеродный метод дал дату 1400 г. до н.э., однако масштабы могильника (130 насыпей) позволяют предполагать его значительную временную протяженность. К сожалению, датирующих предметов найдено мало. Керамика наиболее сопоставима с тулхарской, бритвы и зеркала тоже. Наряду с этим представлены формы, напоминающие керамику Сапалли, Дашлы, Намазга V, VI. Присутствие каменных наконечников булавы и черешковых наконечников стрел даты не дает. Луристанского типа кинжал и втульчатый наконечник копья (к сожалению, в публикации они не приведены) могут указывать на ближневосточные связи.

Не исключено, что именно бишкентские и вахшские материалы можно связать с кафирами. Этот диалект рано выделился из индоиранских языков, и его носители проживали к северу от индо-ариев, в горных районах Северной Индии [*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984, с. 915].

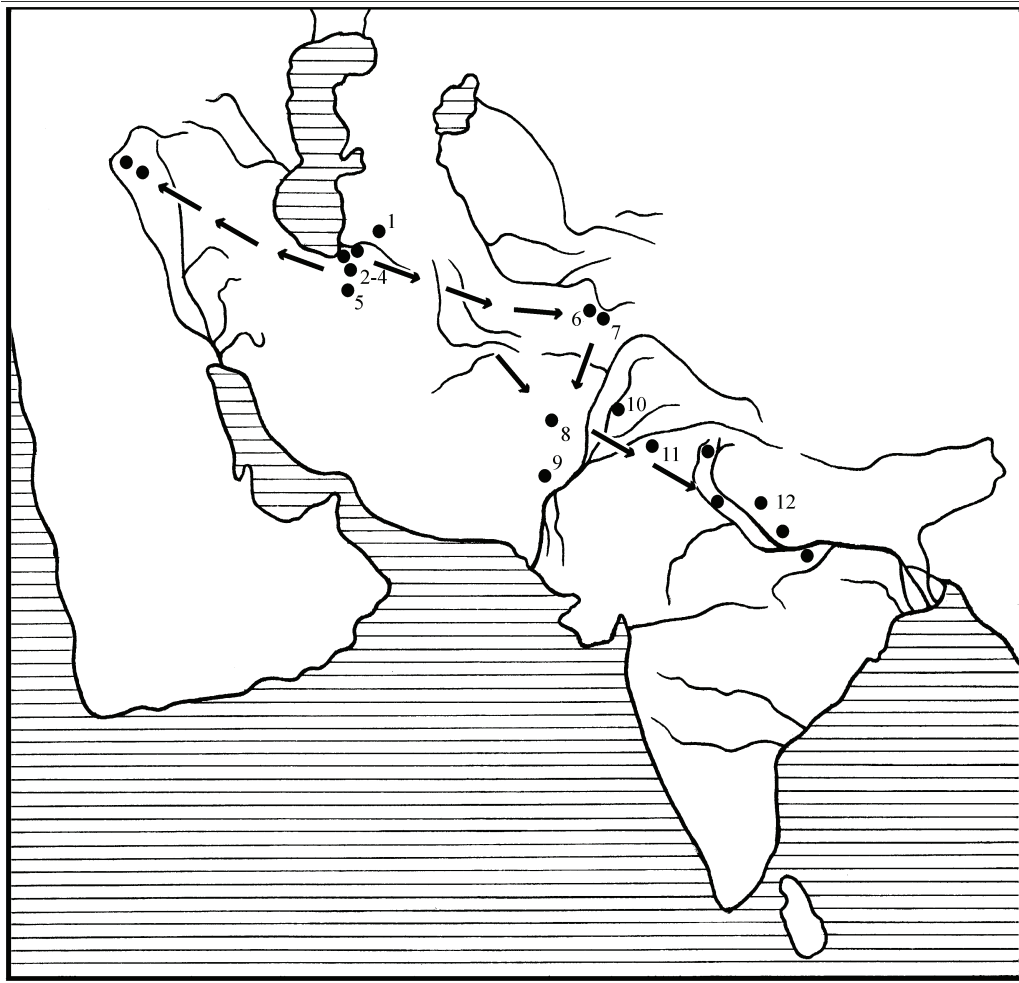

Рис. 55. Карта индоарийских культур и миграций индоарийских племен. 1 – Пархай; 2 – 4 – Шах-Тене, Тюренг-Тене, Ярм-Тене; 5 – Тене Гиссар; 6 – Тигровая Балка; 7 – Тулхар; 8 – Кветта; 9 – Джэсхукар; 10 – Харатта, мого Н, 11 – Калибанган; 12 – памятники “серой” керамики бассейна Ганга; 13 – Тель Брак; 14 – Чагар Базар.

Эти материалы непосредственным образом выводят нас на события, происходившие на Индостане в период кризиса хараппской цивилизации.

1.2. Индостан

Описанную выше картину продолжает культура Свата на севере Пакистана [Стакуль, 1989; Виноградова, 1995]. Формируется она в XVIII-XVII вв. до н.э. (периоды Гхалигай I-III, вероятно, выходят за рамки последующей культурной традиции). На раннем этапе отмечаются отчетливые связи этих памятников с Кашмиром, Гиссаром ПВ и ШВ, а затем и с поздней Хараппой. Примечательно присутствие в этой культуре поселений с правильной планировкой и прямоугольными

домами на каменных цоколях. Не менее показателен погребальный обряд, зафиксированный в могильниках Свата. Это катакомбы, ямы с подбоями и заплечиками, содержащие труположения на боку и трупосожжения. Наиболее близкие аналогии погребальному обряду и вещам обнаруживают Тулхарский могильник и могильник Тигровая Балка. Однако параллели этому материалу как хронологические, так и территориальные очень широки: Заман-Баба, Тагискен, Намазга VI, Гиссар III [Кузьмина, 1972]. Все это свидетельствует о значительном хронологическом диапазоне существования культуры, радиоуглеродные датировки которой дают даты, начиная с XVI-XV вв. до н.э. и по середину I тыс. до н.э. [Кузьмина, 1972, с. 117]. Поэтому мы склонны рассматривать данную культуру в рамках

описываемого процесса. Отмеченные же связи культуры Свата с Северным Китаем требуют специального объяснения.

Обнаруженные в этом районе могильники Гандхары, датируемые с 1710 по 430 гг. до н.э., представлены погребениями в ямах, перекрытых каменными плитами и окруженными каменными кольцами. В ямах зафиксированы скорченные на спине или вторичные захоронения, реже трупосожжения. Все параллели этой культуры присутствуют на памятниках Ирана и Кавказа [Allchin, Allchin, 1982, р. 237-240]. Не менее важным для нас является сходство могильников Гандхары с ранней стадией “культуры серой расписной керамики” и с материалами слоя Гумла V, перекрывающего харапский слой в долине реки Гомал, правом притоке Инда в Северном Пакистане [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 138].

В позднехарапский период возрастают связи долины Инда с Южным Белуджистаном, откуда происходят некоторые типы артефактов, что, вероятно, вызвано миграциями белуджистанских (под этим термином подразумевается, безусловно, не этническая, а территориальная принадлежность) и восточнохорасанских племен. В результате, в отдельных районах, занятых прежде харапской цивилизацией, формируется культура Джхукар [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 110, 111]. Печати-амулеты этой культуры близки мургабским и имеют параллели в Сузиане и в хеттской глиптике, что указывает на западные связи [Сарианиди, 1976, с. 66, 67]. Параллели булавок и проушным топорам известны в Гиссаре ШВ [Allchin, Allchin, 1982, с. 241, 242].

Таким образом, мы вправе констатировать, что во время, соответствующее концу харапского периода, в долине Инда появляется серия близких “варварских” культур. Часть из них через среднеазиатский регион связана с Передней Азией, часть с территорией Ирана, в том числе Северо-Восточного Ирана. Ранее для харапской цивилизации предлагались даты 2300 – 1750 гг. до н.э. В настоящее время принята ее датировка периодом 2900 – 1900 гг. до н.э., после которого начинается позднехарапский период [Thapar, 1984, с. 20]. Этот период характеризуется контактами с “варварской” периферией и проникновением индо-ариев в долину Инда. По всей видимости, эти явления следует датировать в диапазоне XIX-XVII вв. до н.э., поскольку они явно не

имели характера единовременного акта. Этим и обусловлена растянутость во времени финала харапской цивилизации на различных памятниках [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 93-95; Щетенко, 1979, с. 137].

Проникновение индоарийских племен в долину Инда не было столь стремительным. Здесь им противостояли развитые раннегосударственные образования. Они были, конечно, ослаблены обсуждавшимся выше экологическим кризисом. Кроме того, укрепления харапских городов не были предназначены для отражения натиска серьезного соперника. Судя по всему, они сооружались для защиты от небольших групп разбойников и похитителей скота [Kesarwani, 1984, р. 72]. Тем не менее, процесс этот был достаточно долгим и многообразным. Резкой смены населения, естественно, не происходило. Население, в основном, осталось прежним, занимая, преимущественно, более низкие позиции в складывающейся системе варн. Предполагается, что в высшие варны, при этом, могла инкорпорироваться местная аристократия [Медведев, 1990, с. 91-97] но сама возможность подобной инкорпорации является довольно дискуссионной. Однако в любом случае, трансформация арийской материальной культуры должна была произойти весьма ощутимая. А это мешает нам вычленить в данном регионе “чистые” арийские комплексы. Тем не менее, с индо-ариями связывают могильник НХараппы.

Появление индо-ариев в бассейне Ганга происходит позднее и связывается с “культурой серой расписной керамики”. Датируется она не ранее XI в. до н.э., хотя в последнее время выделен более ранний этап данной культуры. Столь поздняя датировка подтверждается анализом текстов “Ригведы”, где Сарасвати, Инд и реки Пенджаба упоминаются неоднократно, а Ганг только один раз [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 134, 135]. В последнее время, впрочем, памятники с “серой расписной керамикой” выявлены и на левом берегу Инда [Mughal, 1984]. Отмеченное выше сопоставление ранних материалов “культуры серой расписной керамики” с могильниками Гандхары и бишкентской культурой позволяют высказать гипотезу о том, что проникновение индо-ариев в долину Ганга могло начаться около середины II тыс. до н.э. Датировка эта достаточно условна, поскольку налицо значительный хронологический пробел,

который мы вряд ли можем заполнить ранним этапом культуры серой расписной керамики.

Впрочем, возникновение “серой керамики” вовсе не обязательно увязывать с обозначенными выше комплексами. Существует мнение о сходстве этой керамики с керамикой Северо-Восточного Ирана (Шах-Тепе) и появление этой керамики знаменует приход послеведических ариев, описанных “Махабхаратой”. Погребения культуры серой расписной керамики не зафиксированы. Предполагается, что имели место трупосожжения, известные уже в культуре Свата. Можно говорить, таким образом, о серии разновременных потоков [Parpola, 1988, p. 197; Лал, 1981; Гаур, 1981; Олчин, 1981]. Ситуация усугубляется также тем, что в бассейне Ганга вплоть до XIII-XII вв. до н.э. доживает культура “медных кладов” или “охристой керамики”, имеющая энеолитический облик [Щетенко, 1979, с. 165-172]. Вероятно, столь позднее появление здесь индо-ариев было вызвано малой привлекательностью этой лесной местности и трудностью продвижения и ведения военных действий.

Таким образом, начало арийского проникновения в Индию датируется XIX-XVIII вв. до н.э. Первоначально оно распространяется лишь на долину Инда и осуществляется, преимущественно, из районов, расположенных к северу и северо-западу от нее, хотя отмечаются и проникновения племен с запада, из Южного Белуджистана. Арийские миграции в бассейн Ганга происходят уже в более позднее время, во второй половине II тыс. до н.э. и, главным образом, в последней четверти этого тысячелетия. Связаны они с потомками племен, осевших в верховьях Инда. В основе своей все эти популяции изначально были разнокультурны и представляли различные группы индоарийских языков. В ходе миграционных процессов и контактов с представителями различных индоостанских этносов расхождение между ними в еще большей степени возросло.

Данная картина арийского проникновения на Индостан подкрепляется лингвистическими данными [Бонгард-Левин, 1988]. Помимо ведических ариев, на Индостан пришли индоарийские коллективы, говорившие на дардских и кафирских диалектах. Судя по отсутствию в их языках ведических включений, эти группы появляются здесь раньше. В бассейне Инда арии взаимодействуют с представителями протодравидских этносов, а в бассейне Ганга с носителями мундских языков, входивших в австроазиатскую языковую семью. Мы можем допускать, что в этом процессе были задействованы также представители иных, не сохранившихся индоарийских диалектов, других (не мундских) австроазиатских языков и языков тибето-бирманской семьи. Однако эти проблемы в настоящее время разработаны хуже.

Дело, безусловно, не ограничивалось языковыми контактами. Хараппцы и другие народы, населявшие доарийскую Индию, внесли колоссальный вклад в ее религию, культуру и образ жизни, количественно преобладая над пришельцами [Гопал, 1981; Бонгард-Левин, 1973; 1984, с. 75]. Этот многокомпонентный во всех отношениях (как в культурных, так и в лингвистических) конгломерат, задействованный в этногенезе Индийского субконтинента во II тыс. до н.э., и привел к той пестрой этнической картине, которую мы наблюдаем в сегодняшней Индии.

Из вышеприведенного можно сделать следующие выводы. Ведущие параллели индоарийским культурам Индии обнаруживаются в культурах Белуджистана, Таджикистана и Северо-Восточного Ирана. Вместе с тем, культуры Таджикистана (бишкентская и вахшская) по погребальному обряду сопоставимы, главным образом, с предшествующими и синхронными комплексами Юго-Восточного Прикаспия. С учетом параллелей митаннийской белорасписной посуде в комплексах типа Гиссар III [Parpola, 1988, p. 205; Girshman, 1977, p. 3-19; 1981, p. 140-142], именно этот регион следует рассматривать в качестве прародины индо-ариев (рис. 55).

1.3. Бактрия и Маргиана

Однако вернемся в Бактрию и Маргиану. Здесь, на рубеже XVIII/XVII вв. до н.э.¹ складывается археологический комплекс, представленный памятниками типа Дашлы-3 в Северном Афганистане, Сапалли на юге Узбекистана и Намазга VI в Туркменистане [Сарианиди, 1977; Аскарлов, 1977]. Они новое явление в данном регионе, и в настоящее время эти памятники объединяют в Бактрийско-Маргианский археологический комплекс [Сарианиди, 1974, с. 70]. Его формированию предшествовало запустение старых центров, что обычно рассматривается как признак прихода нового этнического массива [Сарианиди, 1970, с. 30; 1993, с. 144; Массон, 1984, с. 60]. Появляются крупные укрепленные центры. Основу оборонительных укреплений составляют прямоугольные крепости, обнесенные стенами из крупных сырцовых кирпичей. Размеры крепостей достигают площади 1,6 га (Сапалли) и даже 4 га (Джаркун) [Аскарлов, 1977, с. 15, 46]. За их пределами могут располагаться неукрепленные участки поселений, площадь которых достигает порой 50 га (Джаркун). Внутри крепости Дашлы-3, в Бактрии, планировка подчинена уже кольцевому принципу. Центром ее является, так называемый, “круглый храм” [Сарианиди, 1977, с. 34-40]. Основу его конструкции составляет два кольца стен с выступающими башенками или контрфорсами (рис. 56,1). Стены самой крепости сложены обычной кладкой.

Внутри круглой цитадели (что не исключает и ее сакрального использования) располагалось крупное прямоугольное здание, разделенное перегородками на несколько помещений, с примыкающей к нему серией построек. Ряд построек идет по кругу, вдоль оборонительной стены. Большинство из них имеет общие смежные стены.

В качестве параллелей, как общей планировке, так и отдельным деталям интерьера, называются “овальный храм” в Хафадже, храм Шара в Тель-Аграбе, месопотамская архитектура периодов Урук III, IV. Наибольшие же сходные черты

дает архитектура Северной Месопотамии, в первую очередь, центральный и северный храмы Гавры XIII. С появлением нового населения (Гавра XI) это сходство уменьшается [Сарианиди, 1977, с. 39, 40].

Помимо “круглого храма” на Дашлы-3 исследовано крупное прямоугольное дворцовое сооружение, также имеющее обширные месопотамские аналогии [Сарианиди, 1977, с. 40-46] (рис. 56,2).

Раскопки в Маргиане тоже выявили целую серию дворцовых и храмовых комплексов. Это крепость Аджи-Куи, являвшаяся, возможно, резиденцией местного правителя, и огромный дворец в Гонуре. Эти дворцы близки месопотамским, но наиболее точные аналогии дают памятники Северной Сирии – дворцы в Рас-Шамре и Алалахе. В раскопанных крепостях расчищены двойные засыпные стены, что тоже не имеет местных корней [Сарианиди, 1998, р. 80, 82-84, 88]. Как мы видели ранее, подобный принцип сооружения оборонительных стен был привнесен из Сиро-Анатолии и синташтинским населением.

Наиболее интересными открытиями в Маргиане являются храмовые комплексы – храм огня в Северном Гонуре и протозороастрийский храм Тоголок 21 (рис. 56,3). В последнем комплексе археологически зафиксированы протозороастрийские ритуалы, в том числе различные стадии приготовления хаомы. Готовилась она из эфедры и мака, остатки которых выявлены в процессе раскопок. Параллели этим храмам известны на Ближнем Востоке. Это “овальный храм” в Хафадже, Тель Брак в Северной Сирии, Тилля и Хаттуса в Анатолии. Мегарон в Гонуре не выводим из местной архитектурной традиции. Зоной возникновения подобных построек было Восточное Средиземноморье [Сарианиди, 1998, р. 90-132; Мейер-Меликян, 1990; Meyer-Melikyán, 1998; Meyer-Melikyán, Avetov, 1998].

В качестве очень важных архитектурных деталей, имеющих параллели на западе, В.И. Сарианиди называет “слепые окна” храмов Бактрии и Маргианы, характерные для комплексов Приурмийской зоны, узкие кельи в храме огня в северном Гонуре, идентичные кельям храмов Хаттусы, оформление аудиенц-зала во дворце северного Гонура (параллели в Алалахе, Зинзирли, Тель Тайане) [Сарианиди, 1999а, с. 277, 278].

¹ Калиброванные радиоуглеродные даты предлагают следующее членение этого комплекса: период Келлели – 2200-2100 г. до н.э., период Гонур – 2100-1800 г. до н.э., период Тоголок – 1800-1500 гг. до н.э. [Kohl, 1992, р. 189-193].

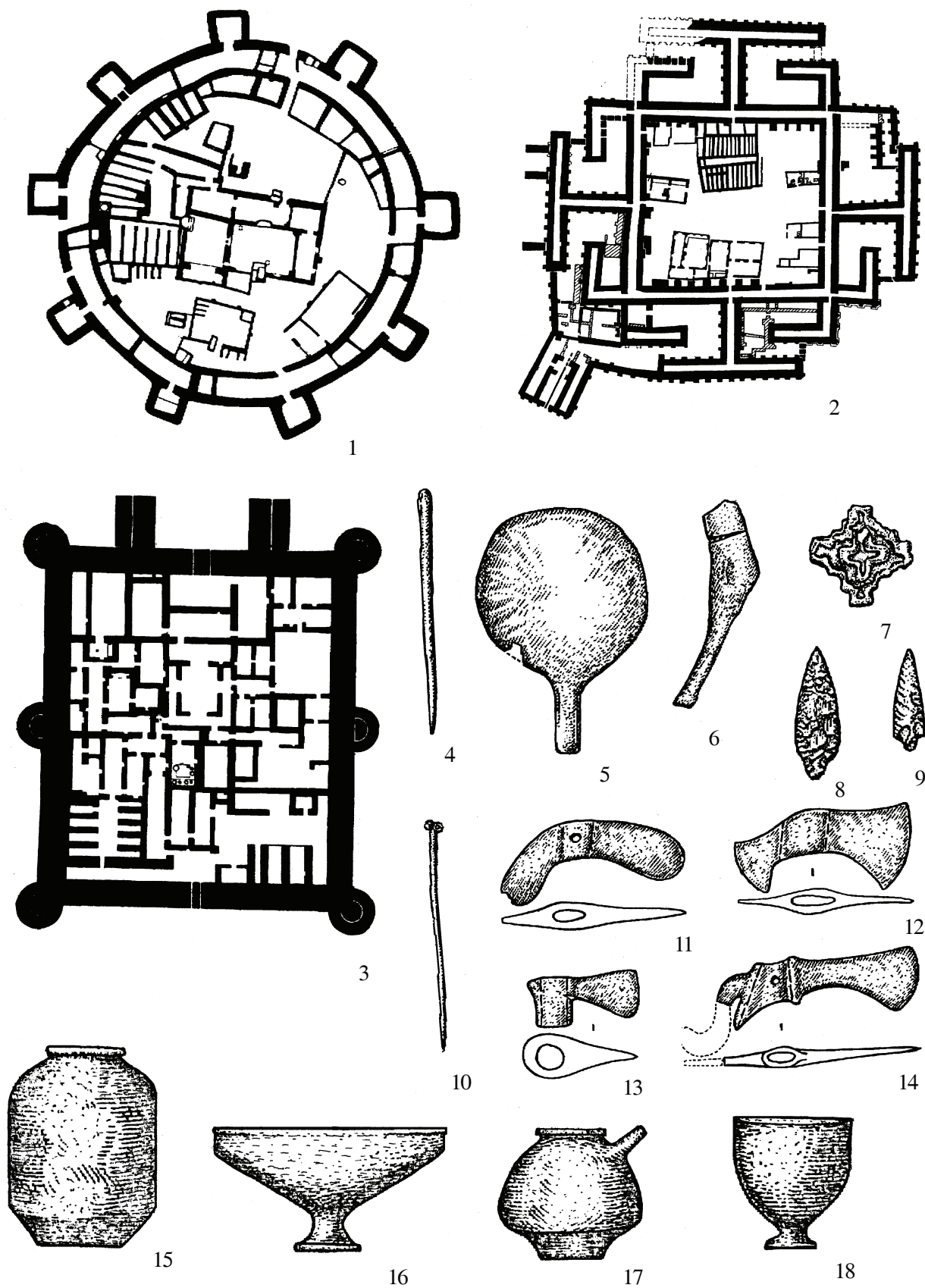

Рис. 56. Бактрийско-маргианский археологический комплекс.

Погребения Дашлы и Сапалли совершены в ямах (иногда с подбоями) и катакомбах. Обычны скорченные на боку захоронения, но распространены и вторичные погребения [Сарианиди, 1977, с. 51, 55; Аскарлов, 1973, с. 42]. Катакомбные, подбойные захоронения или их разновидность (ямы со спуском) в это время широко распространяются в Средней Азии (Заман-Баба, могильник Тигровая Балка, Тулхарский могильник, Сумбарский могильник). Более ранними в этом регионе являются, пожалуй, склепы с боковым входом и катакомбы могильника Пархай II в Юго-Западном Туркменистане [Хлопин, 1989]. Но наиболее ранние катакомбы зафиксированы в халафских слоях поселения Ярым-Тепе I в Северной Месопотамии [Антонова, 1990, с. 78]. Поэтому катакомбы можно считать традицией местной, распространенной в предшествующее время в Маргиане и Северо-Восточном Иране. Однако другой тип погребений – шахтные гробницы, имеет параллели в Северной Сирии и Анатолии. К этим параллелям можно добавить присутствие неполных костяков и фрагментов костей, что может указывать на переднеазиатские обычаи освобождения костей от мягких тканей, хотя стандартом являются все же скорченные захоронения на правом боку [Сарианиди, 1998, р. 67-73]. Очень важным стало открытие в северном Гонуре специального помещения, в котором складывались тела умерших для очищения их от мягких тканей. Это наиболее раннее археологическое свидетельство зороастрийской дахмы [Сарианиди, 1999а, с. 279].

Одной из особенностей бактрийских погребений являются захоронения баранов, совершенные по обряду, в соответствии с которым хоронили людей. Детальный анализ этого обряда и сопоставление с раннехристианскими источниками показали связь этого мифа с восточносредиземноморскими мифами о замене человеческого жертвоприношения жертвоприношением животного. Наиболее известным подобным сюжетом является замена Авраамом своего сына Исаака агнцем, описанная в Библии [Сарианиди, 1995].

Любопытные сопоставления дает также анализ металла и керамики. Керамический комплекс довольно разнообразен. Зоной распространения подобных стандартов является Северо-Восточный Иран. Важным фактом является

также ареал распространения нацарапанных на некоторых сосудах знаков-меток, охватывающий Юго-восточный Туркменистан, Афганистан и долину Инда, что свидетельствует о тесном характере взаимосвязей в рамках данного ареала [Сарианиди, 1977, с. 61-70]. Можно добавить к этим сопоставлениям и сходство некоторых форм керамики (чаши, горшки, миски) с материалами Тулхарского могильника и с материалами Северной Сирии (чаши, горшки, миски, сосуды с носиком). В целом же аналогии керамическим формам Бактрии расположены на западе: в Иране, Месопотамии, Сирии, Анатолии, Греции [Сарианиди, 1977, с. 61-70]. Такой тип посуды, например, как вазы на высоких ножках, известен в Средней Азии в период Намазга V, но они отличны от форм БМАК. Последние ближе формам Юго-Восточной Анатолии и Сирии [Сарианиди, 1998, р. 38-40]. Для келелийского этапа БМАК характерны вазы на полых гофрированных ножках. Подобная посуда известна в Бейджесултане, в слоях эпохи РБВ [Lloyd, Mellaart, 1957, fig. 6; 1962, fig. P. 28, P. 38].

Наиболее раннее появление такой характерной для всего бактрийско-маргианского археологического комплекса формы, как сосуды со скошенной придонной частью, известно в материалах хассунской культуры Северной Месопотамии [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 19, 21, 30]. Пока мы не в состоянии выстроить типологические ряды для подобных форм, заполняющие колоссальный хронологический пробел, охватывающий почти три тысячелетия, но заполнять его следует исключительно на переднеазиатском материале, поскольку севернее формы со скошенной придонной частью не известны.

Такие специфические бактрийско-маргианские формы, как зооморфные сосуды, имеют прототипы на Ближнем Востоке и в Эгеиде, а сосуды с ручками в виде бычьих голов – в Центральной Анатолии [Сарианиди, 1998, р. 43; Müller-Karpe, 1974, S. 136, 137]. На посуде энеолитического поселения Тюлинтепе в Восточной Анатолии, например, известны налесты в виде фигур человека, змеи, человеческого лица [Esin, 1993, fig. 4-6].

Мы уже говорили о ряде общих составляющих металлокомплекса Тулхарского могильника и памятников типа Дашлы и Сапалли (бритвы, черешковые ножи, кинжал с литой рукоятью, булавки). Если не считать довольно

оригинальных по форме бритв, известных пока лишь в этом регионе, то подавляющее большинство остального дашлинского металла обнаруживает аналогии также на западе, в комплексах РБВ и СБВ. Это вильчатые орудия и крюки (Кавказ, Восточный Хорасан), черешковые ножи и копья (Циркумпонтийская провинция), булавки с биспиральным навершием или ребристой головкой (Циркумпонтийская зона и Иран, на юге Туркменистана они появляются позднее), булавки с зооморфными навершиями (Месопотамия, Юго-Западный Иран, Микены, Малая Азия) [Сарианиди, 1977, с. 73-85; 1988, с. 23, 24; 1998, с. 57-61]. Топоры-мотыги в Бактрии и Маргиане имеют параллели в Иране и Месопотамии Аккадского периода [Sarianidi, 1998, p. 57]. Как уже говорилось выше, наиболее рано этот тип появляется на западе, и в Среднюю Азию попадает на рубеже III/II тыс. до н.э.

Луристанские параллели имеют бактрийские топоры (рис. 56,11-14) [Сарианиди, 1978]. Их, впрочем, нельзя рассматривать в качестве свидетельства миграции с запада. Такие же церемониальные топоры известны и в Восточном Иране (Шахдад). При этом топоры в Луристане определяются как импорт из Бактрии [Sarianidi, 1998, p. 57]. Они фиксируют, таким образом, направленность связей.

Весь бактрийско-маргианский металл легирован, главным образом, мышьяком, но уже на раннем келлелийском этапе присутствуют изделия, легированные оловом, но они редки. Встречаются олово-мышьяковые сплавы с медью [Sarianidi, 1998, p. 57; Терехова, 1990, с. 182]. Для конца III тыс. до н.э. подобная картина довольно типична для Циркумпонтийской металлургической провинции. Присутствие в металле Бактрии примеси свинца, возможно, следует объяснять причинами не металлургического, а геохимического характера. Эта примесь широко представлена на меднорудных месторождениях Средней Азии [Сарианиди и др., 1977, с. 36-38; Рузанов, 1988, с. 56].

Большой интерес представляют и каменные изделия – булавы и, в особенности, наконечники стрел [Сарианиди, 1977, с. 101-103]. Эти изделия абсолютно идентичны тому, что мы наблюдали в синташтинских комплексах. При этом, учитывая уже приведенные параллели, сложно допустить мысль о самостоятельном изобретении здесь такого своеобразного типа

наконечников, как “сейминские” – вытянутой треугольной формы с коротким черешком и небольшими шипами. Обсуждая параллели синташтинскому комплексу, мы уже касались аналогий подобным булавам и наконечникам в Передней Азии.

Маргианские статуэтки имеют параллели в Сирии (Мари, Селенкахие). Биконические пряслица – в синхронных памятниках Гиссар IIIС, Мундигака и Джжукара. Прототипом им послужили, видимо, конические пряслица Сиро-Анатолии (Троя, Гавра). Орнаменты на этих пряслицах имеют аналогии в Алишаре [Sarianidi, 1998, p. 46, 48].

Не может относиться к разряду случайного и зафиксированная на Дашлы-3 тигельная плавка руды, продвижение которой на восток из Передней Азии мы уже рассматривали [Сарианиди и др., 1977, с. 35, 36; Григорьев, 1996]. Металлургический шлак обнаружен на поверхности Гонура в Маргиане, но поскольку анализ его не проводился, определенно сказать – какой тип плавки он фиксирует, не представляется возможным [Сарианиди, 1990, с. 31].

Приведенные параллели безусловно указывают на то, что формирование Бактрийско-Маргианского археологического комплекса связано с западом. Ранее предполагалось, что территорией, откуда могли прийти эти племена, был Северо-Восточный Иран [Сарианиди, 1977, с. 158]. Однако уже сейчас ясно, что речь должна идти о Ближнем Востоке, а Хорасан следует рассматривать в качестве промежуточного пункта [Сарианиди, 1989б, с. 22]. Наиболее отчетливо на это указывают данные сфрагистики и глиптики. Изображения на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы близки эламским и южномесопотамским. В районах, прилегающих к Персидскому заливу, повсеместно распространены изделия, относимые к БМАК. Часто они встречаются в одних погребениях с вещами, изготовленными местными мастерами. Однако их присутствие объясняют деятельностью торговых миссий, с чем, возможно, следует согласиться [Дюринг-Касперс, 1986]. Обширные и точные параллели бактрийские печати и амулеты обнаруживают в Северной Месопотамии, Сирии, Восточной Анатолии и Греции. В частности, наиболее близкие параллели маргианским бронзовым печатям обнаруживают печати в Мари, в Сирии [Sarianidi, 1998, p. 63]. Исследователи выделяют два стиля

сиро-анатолийской глиптики. Первый более сопоставим с вавилонской, а второй – с египетской. Печати БМАК относятся к египетскому стилю [Sarianidi, 1998, p. 143].

Распространенный в Маргиане и Бактрии сюжет с козлами, достающими ветви пальмового дерева, довольно часто встречается на посуде Палестины. Не менее распространен этот мотив в Сиро-Анатолии [Sarianidi, 1998, p. 36; Kahane, 1975, fig. 1-2, 1-3, 1-4, 1-7, 4].

Наиболее примечателен на маргиано-бактрийских печатях образ человека с птичьей головой и крыльями, держащего в руках козлят. Идентичные изображения известны в Анатолии и Греции [Sarianidi, 1993; 1998, p. 143]. Этот культ хищной птицы может восходить к очень древнему времени и быть первоначально культом охотничьим. Этому можно представить и археологические свидетельства. В мезолитическом слое Зави-Чеми-Шанидар в Иранском Курдистане исследовано захоронение человека, с которым были погребены кости крыльев крупной хищной птицы и головы козлов [Антонова, Литвинский, 1998, с. 45]. Как будет следовать из раздела III, подобная находка именно в этом регионе допускает возможность ее связи со значительно более поздними изображениями Анатолии, Маргианы и Греции. Известные в бактрийско-маргианской глиптике изображения коленопреклоненных фигур тоже имеет параллели в сиро-анатолийском регионе. На Тепе Гавра и в Западном Иране известны прототипы бактрийско-маргианскому сюжету, изображающему человека, борющегося с драконом. Изображения акробатов со сценой тавромахии распространено в Сиро-Анатолии и на Крите [Sarianidi, 1999, с. 56, 58].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет даже не о сходстве, а о стилистическом и сюжетном тождестве. Поэтому нет никаких оснований для сомнений в выводе В.И.Сарианиди о том, что Сиро-Анатолийский регион и следует рассматривать в качестве родины племен, появившихся в начале II тыс. до н.э. в Средней Азии [Sarianidi, 1976; 1986; 1989б; 1993].

В целом, художественный стиль изображений на печатях этих регионов характеризуется как “митаннийский” [Sarianidi, 1989б, с. 23] и для Маргианы и Бактрии это новое явление. С его появлением исчезает и такая характерная

черта предшествующей культурной свиты, как антропоморфная пластика. То же происходит, кстати, и в долине Инда [Sarianidi, 1976, с. 68]. С оформлением этого культурного образования в Средней Азии в течение очень продолжительного времени, вплоть до формирования державы Ахеменидов, существенных культурных трансформаций не происходит. Это позволяет с уверенностью утверждать, что пришедшие из Сиро-Анатолии племена были носителями иранских диалектов, трансформировавшихся впоследствии в восточноиранские [Аскарлов, 1981, с. 178; Сарианиди, 1981, с. 189; 1989б, с. 23]. Поскольку миграцию носителей синташтинской культуры мы тоже связываем с этим регионом, можно предположить, что и они говорили на одном из диалектов этой языковой группы.

Весьма любопытен анализ текстов “Риг-веды”, на основании которого А.Парполой был сделан вывод о том, что “даса”, воевавшие с ариями, были носителями бактрийско-маргианского археологического комплекса. При этом подчеркивается их иранская принадлежность, что отразилось в более позднем самоназвании одного из иранских племен этого региона [Parpola, 1988, p. 220-230]. Это не соответствует картине разрушения иранцами именно индоарийских поселений (Гиссар ШВ). В Северо-Восточном Иране в этот период имел место обратный процесс – вытеснение иранцами индо-ариев. Натиск индо-ариев на прямоугольные крепости “даса” вполне может описывать штурмы хараппских городов, имевших прямоугольную структуру. Но иные посылки, связывающие иранцев бактрийско-маргианского археологического комплекса с “даса”, представляются если не бесспорными, то довольно убедительными. Этот термин использовался, возможно, для обозначения чужаков вообще, и в ведической поэзии переплелись отголоски различных событий.

Вероятно, расцвет бактрийских центров каким-то образом связан с началом колонизации Индии и не исключено, что они отчасти подпитывали этот процесс. Это объясняет многочисленные параллели в бактрийских и постхараппских древностях [Sarianidi, 1998, p. 37]. В частности, на подобную возможность указывает обнаружение в Пираке, в долине Качи, фигурок женщин, лошадей и верблюдов, имеющих параллели в комплексах времени Намазга V, VI. Кроме

того, на петроглифе "Алтарный камень" в долине Инда изображен иранский воин, идентичный изображению на сосуде из Хасанлу [Parpola, 1988, p. 239, 244].

Исследование бактрийско-маргианского археологического комплекса позволило сделать ряд выводов, весьма существенных для понимания процессов, проходивших во II тыс. до н.э. на территории Средней Азии. Была пересмотрена генетическая связь между комплексами Намазга V и VI. Последний по всем параметрам следует включать в БМАК. В Северо-Восточном Иране родственными комплексами являются Гиссар ШС, а в Белуджистане – Дамболи и Сибри. Эти памятники сменяют прежний культурный пласт, и появление их связано с Сиро-Анатолийским регионом [Sarianidi, 1998, p. 136-141, 156, 157; Сарияниди, 1999a, с. 279, 280]. Предполагается, что начало продвижения этих племен на восток было стимулировано экспансией хеттов [Сарияниди, 1999, с. 70]. Напомним, что этот же регион был предложен выше в качестве прародины племен, оставивших синташтинскую культуру. БМАК сменяет предшествующие культуры непосредственно, без временного промежутка. Датируется эта смена на основании радиоуглеродного (некалиброванного) анализа и ближневосточных параллелей XIX-XVIII вв. до н.э. или началом II тыс. до н.э. Совпадение этих дат с началом кризиса харалпской цивилизации, по-видимому, не случайно [Sarianidi, 1998, p. 77, 78, 155; Сарияниди, 1990, с. 71-74].

В заключение кратко остановимся на этническом содержании культурных процессов, охвативших в начале II тыс. до н.э. огромную территорию, включающую Северо-Восточный Иран, Маргиану, Бактрию и Белуджистан. Сложившийся здесь археологический комплекс не претерпевает серьезных изменений в течение длительного времени и, когда эта территория входит в державу Ахеменидов, здесь живет иранское население. Вопреки традиционному мнению российской историографии о кризисе этой цивилизации¹ и продвижении в этот регион степных племен, ситуация здесь совершенно иная. Сохраняются многочисленные поселения, а количество так называемой "андроновской"

¹ К БМАК этот термин вполне применим, в отличие от синташтинской культуры.

посуды ничтожно и по всей Маргиане и Южному Туркменистану не превышает 100 фрагментов. Последний тахирбайский этап Маргианы датируется вплоть до 750 г. до н.э. [Сарияниди, 1990, с. 63, 74; Sarianidi, 1998, p. 42, 43]. Кроме того, как это будет показано ниже, "андроновскую" керамику нельзя рассматривать как нечто единое, и присутствие в каком-либо регионе алакульской и федоровской посуды может отражать разнонаправленные процессы. Поэтому данная керамика в Средней Азии требует специального анализа. Основной сторонник "вторжения в Индию" северных племен Е.Е.Кузьмина предполагала более раннее проникновение их в Среднюю Азию – еще на петровской стадии. При этом она оперировала погребением в могильнике Зардча-Халиф, где был обнаружен "петровский" псалий с бронзовыми удилами и бронзовой булавкой с навершием в виде лошади. Эти находки сопровождалась керамикой бактрийско-маргианского типа [Кузьмина, 1999a]. В.М.Массон дополняет данную аргументацию обнаружением в позднем Намазга V костей лошади, что свидетельствует, на его взгляд, о довольно раннем продвижении синташтинских популяций на юг. При этом он и Е.Е.Кузьмина указывают на обнаружение на поселении Тургай на Зеравшане в слоях времени Саразм III или IV петровской керамики [Массон, 1999; Кузьмина, 1999, с. 272]. Излишне говорить, что бронзовые удила и булавки в Северной Евразии не встречены. Псалий с бронзовыми удилами было бы более корректно сравнивать с псалием с удилами из Гизы, тем более что типологически он не сложен. Но эти сопоставления будут более правомерны на фоне переднеазиатского происхождения БМАК. Находки синташтинского типа в Средней Азии пока не выявлены, хотя я и не исключаю подобной возможности, но эти находки не будут нести в себе восточноевропейских черт. То есть, возможны включения какого-то прото-синташтинского компонента в миграцию носителей БМАК из Передней Азии. Петровская же керамика на юге Средней Азии явление эпизодическое и, в любом случае, более позднее, чем формирование БМАК.

Ниже будет показано, что носители синташтинской культуры говорили на иранском языке. Происхождение их из одного региона с носителями традиций БМАК позволяет допускать иранскую принадлежность последних. Как мы увидим

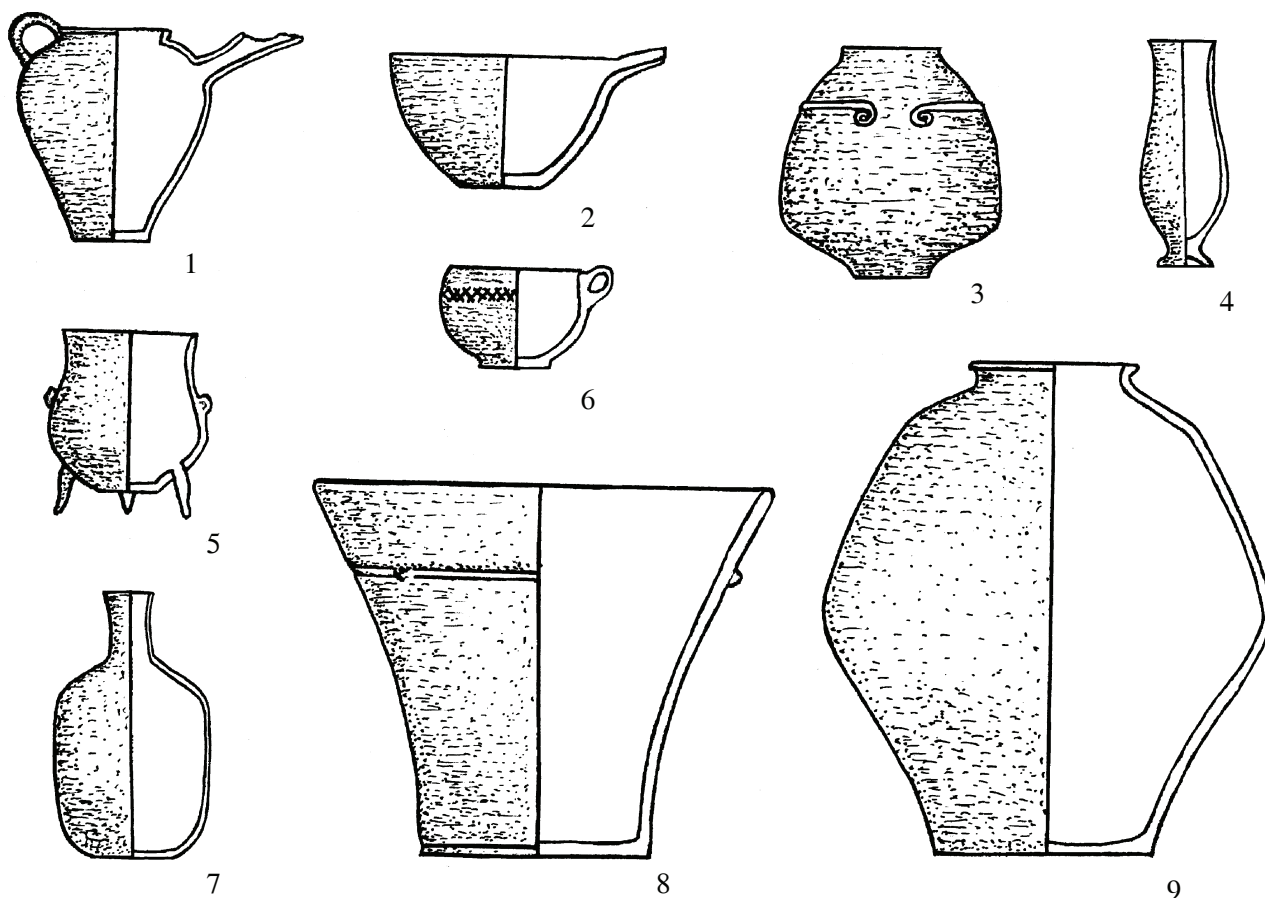

Рис. 57. Комплексы культуры "серой керамики" периода РЖ I Ирана.

далее, продвижение на запад предков персов и мидян исходило из района БМАК. Наконец, районы, занятые БМАК, точно соответствуют географическим описаниям Авесты, что является общепризнанным фактом [Фрай, 1993, с. 53, 54]. Это подкрепляют и открытия в Маргиане прото-зороастрийских храмов.

Отнесение БМАК к индоиранцам вообще [Сарианиди, 1990, с. 90-102] неправомерно по хронологическим соображениям. Диалектное членение индоиранцев нельзя датировать с начала II тыс. до н.э. Тем более, как будет показано далее, почти синхронно формированию БМАК начинается обособление протоскифского диалекта. Поэтому мы склонны рассматривать приход носителей БМАК, как освоение Средней Азии иранскими племенами.

1.4. Иран

Впервые ираноязычные народы встречаются в письменных источниках Месопотамии в IX-VIII вв. до н.э. [Грантовский, 1970, с. 334]. Однако в настоящее время многие исследователи склоняются к мысли о более раннем появлении ираноязычных народов в Западном Иране (в XII-XI вв. до н.э.), откуда в начале I тыс. до н.э. они распространяются по территории Иранского Плато. Исходной территорией при этом считается Южная Россия, а миграция осуществляется через Кавказ [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 39-42]. Этому, тем не менее, противоречат археологические данные, поскольку в эпоху поздней и финальной бронзы на юге Восточной Европы отсутствуют комплексы, из которых можно вывести не только культуру персов и мидян, но и скифов. Вероятно, это подчеркивает отсутствие

местных корней у этих этнических образований во всем данном ареале. Безусловно, данный тезис вовсе не снимает проблему включения автохтонных субстратов в этногенез иранских племен, как в Восточной Европе, так и в Западном Иране. Ни письменные, ни лингвистические источники не позволяют однозначно приурочить родину персов или мидян к какому-либо району. Поэтому в данном вопросе следует опираться, прежде всего, на данные археологии.

На рубеже XIV-XIII вв. до н.э. в Западном Иране распространяется культура “серой керамики” с появления которой на данной территории принято отсчитывать начало раннего железного века (рис. 57). Эта культурная традиция продолжает существовать здесь, не прерываясь вплоть до ахеменидского времени, что позволяет увязывать ее с западноиранским этносом [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 44, 45]. Этот культурный комплекс распространен по всему Западному Ирану, начиная от Приурмийского района на севере (Хасанлу V, Динха III) до восточного Луристана (Тепе Гиян) и, возможно, Фарса. Близкие типологические комплексы исследованы на севере Центрального Ирана (Кайтария, Хурвин), что позволило Г.Н.Курочкину объединить их с западноиранскими в марлыкскую культуру [Станкевич, 1978, с. 25; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 51-66; Курочкин, 1990, с. 16, 17]. Обращает на себя внимание то, что северная часть территории этой культуры совпадает с ареалом расселения мидян, а южная – персов [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 40-42]. На северо-западе эта культура сменяет комплексы типа Динха IV, имеющие многочисленные параллели в хабурской керамике Северной Сирии и Малой Азии, датируемой первой половиной II тыс. до н.э. [Курочкин, 1974, с. 35; 1990, с. 17]. Обычно хабурская керамика рассматривается как хурритская.

Керамика марлыкской культуры представлена сосудами с носиком или открытым сливом, мисками с ручкой, триподами, кувшинами [Станкевич, 1978, с. 25; Курочкин, 1990, с. 17-18]. Очень важным для нас является то, что памятники севера Центрального Ирана датируются несколько более ранним временем. Кроме того необходимо отметить сходство всех памятников этой культуры с еще более ранними памятниками Северо-Восточного Ирана (Шах-Тепе II, Тюренг-

Тепе II, Тепе Гиссар III), объединяемыми Г.Н.Курочкиным в астрабадскую культуру [Станкевич, 1978, с. 24; Курочкин, 1990, с. 20, 21; Young, 1967].¹ Последняя датируется с середины III тыс. до н.э. по XVIII-XVII вв. до н.э. [Станкевич, 1978, с. 18]. Она имеет значительный хронологический разрыв с обсуждаемыми памятниками Центрального и Западного Ирана. Ряд форм, в том числе сосуды с носиком и сливом, известны в керамике бактрийско-маргианского археологического комплекса [Sarianidi, 1998, p. 40]. Этот комплекс сменяет комплексы, объединяемые в астрабадскую культуру, и включает в себя некоторые его керамические типы. Поэтому он заполняет пробел, который ранее существовал между культурами Северо-восточного Ирана и культурой “серой керамики” на западе.

К северу от Северо-Восточного Ирана, в Юго-Западном Туркменистане, выделена очень близкая по керамическому комплексу сумбарская культура (рис. 58). Керамика ее сопоставима с приведенными выше иранскими комплексами, а погребения совершены в катакомбах, в которых костяки лежат скорчено на боку [Хлопин, 1983, с. 38-43, 74, 75]. Погребальный обряд культуры Сумбара обнаруживает параллели в Динха III в виде закладов из сырцового кирпича пред лицом погребенного, имитирующих сумбарские заклады шахт катакомб [Курочкин, 1990, с. 20]. Обнаружение в Юго-Западном Туркменистане памятников типа Пархай II, с которыми отчасти генетически связана сумбарская культура, позволило сделать вывод об автохтонности этой культуры [Хлопин, 1983, с. 70]. Более ранняя хронологическая позиция астрабадской и сумбарской культур относительно центрально- и западно-иранских памятников позволяет говорить о формировании последних под восточным воздействием и связывать с этим миграцию западноиранских племен. Памятники типа Сумбар или Пархай II распространяют свое влияние также на восток и в юго-восточные районы Средней Азии [Хлопин, 1983, с. 43-46].

Таким образом, начиная с XVIII в. до н.э., мы фиксируем локализацию родины западно-иранских племен в Северо-Восточном Иране и на юго-западе Туркменистана, откуда впоследствии

¹ Подобная группировка этих комплексов была подвергнута критике [Медведская, 1977, с. 104], ответ на которую был дан в другой работе [Курочкин, 1990].

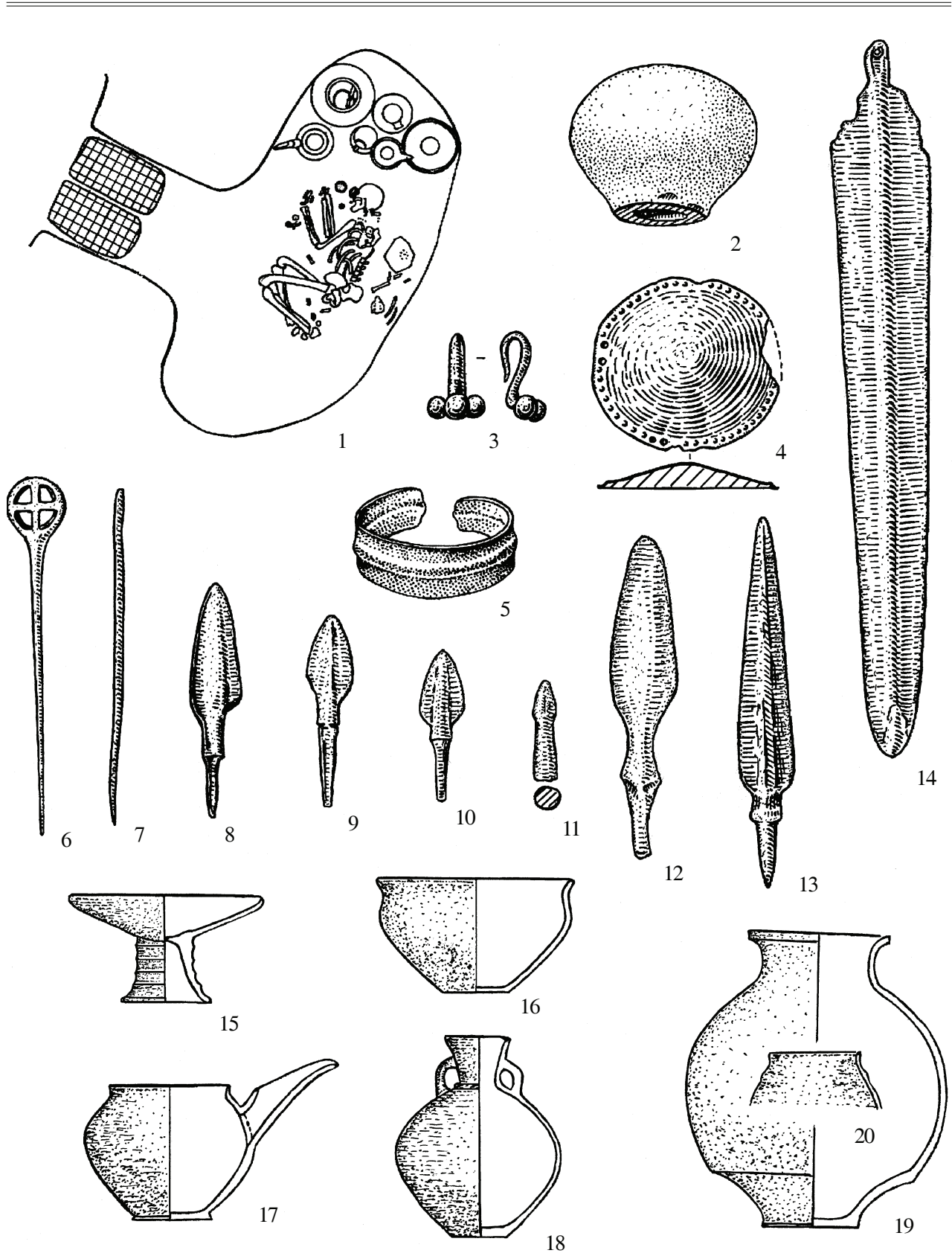

Рис. 58. Сумбарский могильник.

идет их распространение в Центральный и Западный Иран. Рассматриваемые культуры никак не связаны с северными степными культурами. Приводимый иногда в качестве обоснования обратного сосуда с валиком из Тепе Гияна является не вполне удачной параллелью (рис. 57,3). Во-первых, он имеет подкос в придонной части, характерный для всей иранской “серой” керамики, а ранее для керамики БМАК. Во-вторых, параллели валику для этого сосуда можно искать не в валиковых культурах азиатских степей, а на Кавказе, где разорванные валики, причем с закрученными “усами”, присутствуют на керамике каякентско-харачоевской культуры [Марковин, 1994а, табл. 107,13,14]. В целом же, для керамики Ближнего и Среднего Востока валики не являются чем-то необычным, начиная с энеолита.

С другой стороны, мы не имеем возможности связывать генезис иранских культур с культурными образованиями, появившимися в Средней Азии на рубеже III/II тыс. до н.э. (бишкентская и вахшская), хотя и можем обозначить некоторые родственные черты в виде катакомбного погребального обряда и отдельных параллелей в металле и керамике. Более близки им комплексы БМАК, а в еще большей степени сумбарской культуры. Однако мы говорили уже о том, что носители БМАК говорили на иранских диалектах и пришли из Сиро-Анатолии. Бишкентская и вахшская культуры своим происхождением связаны с Северо-Восточным Ираном, где локализовалась, по-видимому, прародина индо-ариев. Культуры РЖ I Ирана связывают именно с этим регионом. Поэтому культурогенез этой зоны чрезвычайно важен для понимания проблемы в целом. Вероятно, культуры эпохи бронзы Юго-Восточного Прикаспия должны были формироваться под переднеазиатским воздействием. Факты, обосновывающие это, есть, хотя налицо и ряд парадоксов, мешающих выстроить целостную картину.

Исследование могильника Пархай II позволило проследить автохтонное развитие культуры, начиная с рубежа V/IV тыс. до н.э. [Хлопин, 1989; Хлопин, Хлопина, 1980; 1983]. При этом, уже на ранних этапах появляется сероглиняная керамика, которая обычно рассматривается в качестве диагностирующего признака иранцев, что позволило сформулировать вывод о прародине их в Юго-Восточном Прикаспии [Хлопин, 1989, с. 126; Young, 1967]. Однако этому противоречит

два обстоятельства. Во-первых, как мы успели убедиться, миграции некоторых других иранских групп осуществлялись из сиро-анатолийского региона. Во-вторых, в столь раннее время об иранцах говорить уверенно сложно. В крайнем случае, мы можем говорить об индоиранской или индоевропейской принадлежности ранних этапов на Пархай II. Кроме того, в предшествующее время этот регион был освоен населением, оставившим комплексы джейтунской культуры. Это побудило наметить линию преемственности от Джейтуна к Пархаю II, далее к Сумбарскому могильнику и к арийским культурам Индостана и Синташте [Хлопин, 1994]. Однако проследить связь джейтунской культуры с могильником Пархай II или Сумбарского могильника с Синташтой довольно проблематично. Более перспективно искать ранние истоки культуры Юго-Западного Туркменистана на западе. Не исключено, что здесь индоевропейцы появляются даже раньше, чем в Иране, продвигаясь вдоль каспийского побережья.

Проникновение индоевропейцев на территорию Ирана мы вправе допустить не ранее второй половины IV тыс. до н.э., когда в Северо-Восточном Иране формируется комплекс Гиссар I, а в Центральном – Сиалк III, сменяющий слой Сиалк II, оставленный, по-видимому, дравидскими популяциями¹. Комплексы Гиссар I и Сиалк III имеют существенные параллели в керамике и, по-видимому, однокультурны [Hrouda, 1971, p. 72]. Все черты комплекса Сиалк III имеют параллели в Месопотамии, Анатолии, майкопской культуре Северного Кавказа (рис. 59,1-9). Последнее, впрочем, нельзя рассматривать в качестве доказательства связей с Северным Кавказом, поскольку майкопская культура своим происхождением обязана Передней Азии [Мунчаев, 1994а, с. 224, 225; Андреева, 1977]. В качестве признаков, маркирующих западный импульс, мы вправе назвать появление гончарного круга, что зафиксировано и для майкопской посуды; бордюры на сосудах с изображением “хоровода зверей” (рис. 59,4), выпуклые печати с петелькой (рис. 59,2), втульчатые тесла, булавки с коническим навершием (рис. 59,9), плоские расширяющиеся тесла

¹ Датировка дана в соответствии с традиционной хронологией. С учетом того, что в рамках системы калиброванных радиоуглеродных дат Гиссар IС/IIА датируется от 3980-3865 BC, Гиссар II – 3365-3030 BC; Гиссар III – 2400-2170 BC [Voigt, 1992, p. 173].

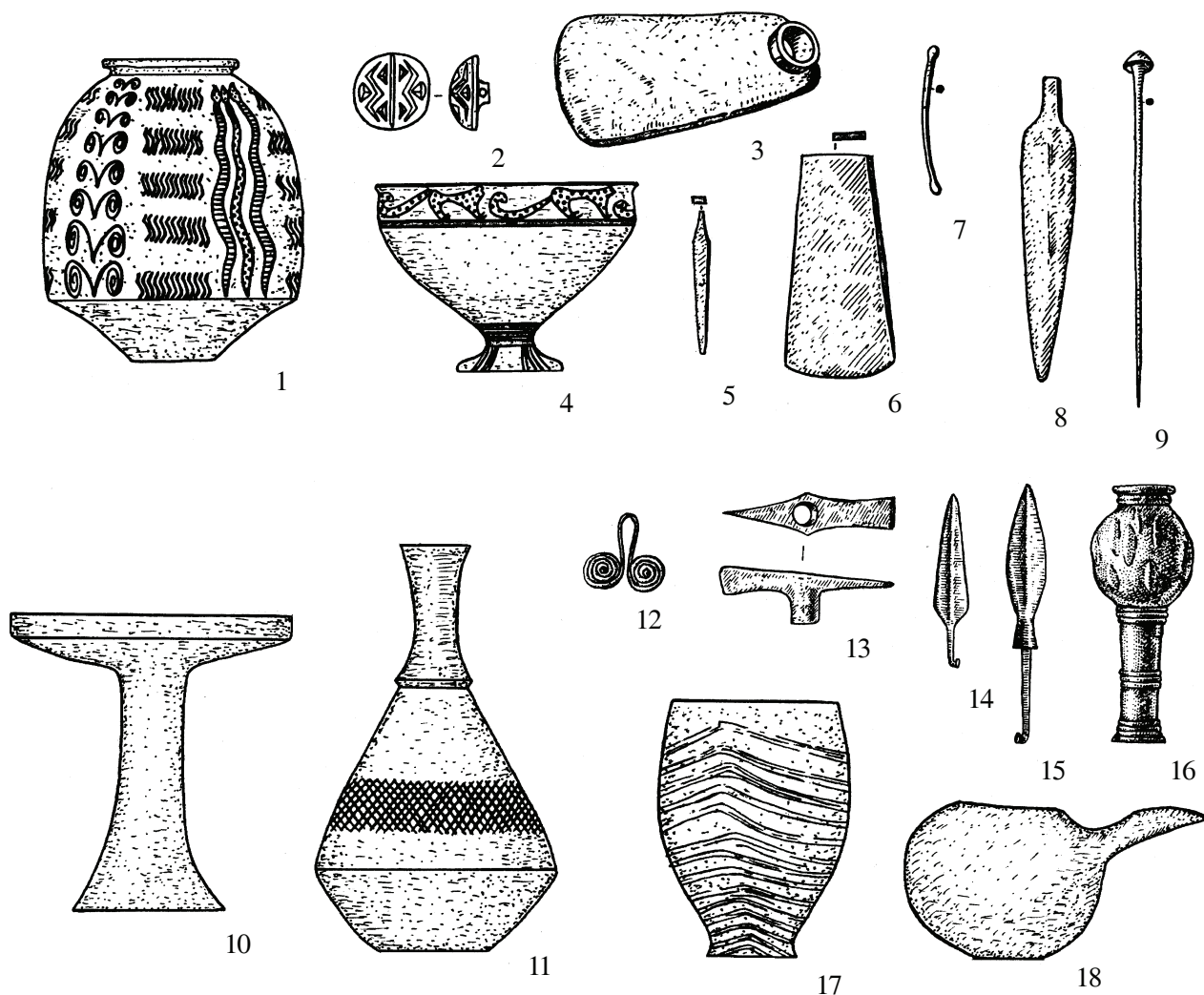

Рис. 59. Индоевропейские культуры Ирана. 1–9 – Сиалк III; 10–18 – Гиссар III.

(рис. 59,6), шилья с упором (рис. 59,5) и, возможно, стержни с утолщенным завершением (рис. 59,7), но лишь в той мере, в какой допустимо их сопоставление с так называемыми майкопскими “пса-лиями” [Авилова, Черных, 1989, рис. 7, 8, 10; Мунчаев, 1994а, таб. 47, 51, 52, 54, 57, с. 219; Массон, 1989, рис. 32, с. 122-124].

В Центральном Иране развитие этой культуры было прервано в начале III тыс. до н.э. и комплекс Сиалк IV резко отличен от предшествующего [Массон, 1989, с. 130; Ламберг-Карловски, 1990, с. 10]. Но в Северо-Восточном Иране население сохраняется, его культура имеет продолжение в слоях Гиссар II, III, Тюренг-Тепе III, Шах-Тепе II [Станкевич, 1978, с. 24; Массон, 1989, с. 132-135]. Существует мнение о связи этих комплексов с индо-ариями. Оно базируется на присутствии в них черной керамики, обнару-

женной также, наряду с хурритской “хабурской”, в митаннийских центрах Чагар-Базар и Алалах. Она исчезает в начале II тыс. до н.э., когда через этот регион, как и через Маргиану и Бактрию, прокатилась волна новых племен (рис. 59,10-18). Это приводит к прекращению существования всех культур Восточного Ирана, Бактрии и Маргианы. Крупные разрушения, сопровождавшиеся пожарами, были зафиксированы при раскопках Шахри Сохта в Систане. При этом разрушенные здания по своим конструктивным особенностям были близки архитектуре периодов Намазга V, Гиссар ШВ, Мундигак IV3, Тепе Яхья IVA, Бампур VI [Tosi, 1983, p. 89-92].

Примечательно, что по времени это совпадает с началом колонизации Индийского субконтинента, где обнаруживаются керамические параллели комплексам типа Гиссар ШВ. Эта

гипотеза подкрепляется распространенностью в митаннийском искусстве образа павлина, что свидетельствует о присутствии митаннийских индо-ариев в Иране до 1600 г. до н.э., так как в Северной Месопотамии павлины не известны. Поэтому миграция митаннийских ариев в Северную Месопотамию исходила, по-видимому, тоже из этого района. Не исключено, что именно с этими процессами связано формирование комплексов Гиян II, III [Mallory, 1989, с. 39; Гиршман, 1981, с. 140-142; Брентъес, 1981, с. 148]. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на следующую деталь. Металлокомплекс Гиссара III обнаруживает более ранние и синхронные аналогии в Передней Азии [Массон, 1989, рис. 34]. Черешковые двухлопастные наконечники стрел появляются на Ближнем Востоке в РБВ и широко распространяются в СБВ [Горелик, 1993, таб. XLIII; Медведская, 1980]. Наиболее ранние медные булавы с удлиненной втулкой известны в Палестине в конце IV тыс. до н.э., но в Луристане и Месопотамии известны экземпляры булав, датируемые второй половиной III – началом II тыс. до н.э. [Горелик, 1993, таб. XXX]. Штыки и копья с загнутым черешком распространены в СБВ Передней Азии очень широко [Авилова, Черных, 1989, рис. 4; Горелик, 1993, таб. XXII]. Начиная с РБВ известны аналоги очковидных подвесок [Авилова, Черных, 1989, рис. 11; Археология Азии, 1986, с. 116]. В СБВ Анатолии представлены втульчатые топоры-тесла [Авилова, Черных, 1989, рис. 3].

Сходная ситуация обнаруживается в различные периоды культуры могильника Пархай II (рис. 60). Уже на этапе ЮЗТ-VII (конец V - начало IV тыс. до н.э.) в этом комплексе присутствует булава с плоским треугольным навершием, имеющая более поздние параллели в майкопской культуре [Мунчаев, 1994а, табл. 48; Хлопин, 1989, рис. 1]. Последующие периоды содержат такие артефакты, как булавки с биспиральными навершиями, втульчатые топоры-тесла, булавы с удлиненной втулкой, черешковые копья (или ножи) [Хлопин, 1989, рис. 2-4, 6].

На последующие западные связи может указывать и анализ вещевого инвентаря сумбарской культуры [см. Хлопин, 1983, с. 46-54]. Каменные булавы, как мы уже отмечали, были широко распространены на Ближнем Востоке, начиная с неолита и заканчивая ПБВ. Поэтому более показательны металлические изделия.

Весь комплекс металла можно обозначить как переднеазиатский [см. Авилова, Черных, 1989; Горелик, 1993]. В основном он представлен стандартными изделиями южного фланга Циркумпонтийской металлургической провинции эпохи СБВ. К ним относятся шилья с упором, иглы, черешковые наконечники стрел, черенковые наконечники дротиков и копий с упором, черешковые ножи, двулезвийный кинжал с коротким черешком и отверстием для крепления рукоятки, булава с фигурным навершием, украшения.

Некоторые сопоставления возможны и по керамике. В XXIX-XIX вв. до н.э. в горах Загроса от озера Урмия до районов, прилегающих к Персидскому заливу, проживали племена – носители сузианской культуры (Сузы D, Гиян IV, Джемшиди IV, Хасанлу VII и др.) [Станкевич, 1978, с. 17, 18]. Отдельные формы посуды этой культуры сопоставимы с керамикой Юго-Восточного Прикаспия. Сходство некоторых форм могло образоваться конвергентно, однако среди них присутствуют сосуды со сливом и носиком, столь характерные для всех культур “серой керамики” Ирана [Станкевич, 1978, рис. 1, 2]. Сосуды с носиком и сливом выявлены и при раскопках Тепе Фарухабад на равнине Дех Луран [An early town ..., 1981, fig. 40,b, 51,a, 52,k, 65,a]. Имеет эту деталь и посуда из Телль Ашмар [Müller-Karpe, 1974, Taf. 209]. Наиболее ранние сосуды с носиком обнаружены в Уре, в слоях убейдского времени [Wooley., Moorey, 1982, p. 26]. В Палестине сосуды с носиком известны во второй половине III тыс. до н.э. [Burney, 1977, fig. 82]. В Халаве, в Северной Сирии, в слоях фазы II выявлены сосуды с носиком и чаши с горизонтальными ушками. Часть этой керамики не местного производства и обнаруживает параллели на Евфрате [Ортманн, 1985, с. 65-67, 72, рис. 3, с. 73, рис. 4, с. 74, рис. 5]. Эта фаза Халавы синхронна раннединастическому периоду Месопотамии, слоям Хамы J, Селенкахие I, II, что позволяет датировать ее третьей четвертью III тыс. до н.э. Известна посуда с носиком и на поселении Арслантепе в Восточной Анатолии [Palmieri, 1981, fig. 9.1].

В Юго-Восточном Прикаспии наиболее ранние сосуды с носиком появляются в период ЮЗТ-IV (вторая половина III тыс. до н.э.) [Хлопин, 1989, рис. 4]. Мы далеки от мысли связывать их появление с какими-то конкретными вышеперечисленными комплексами Северной

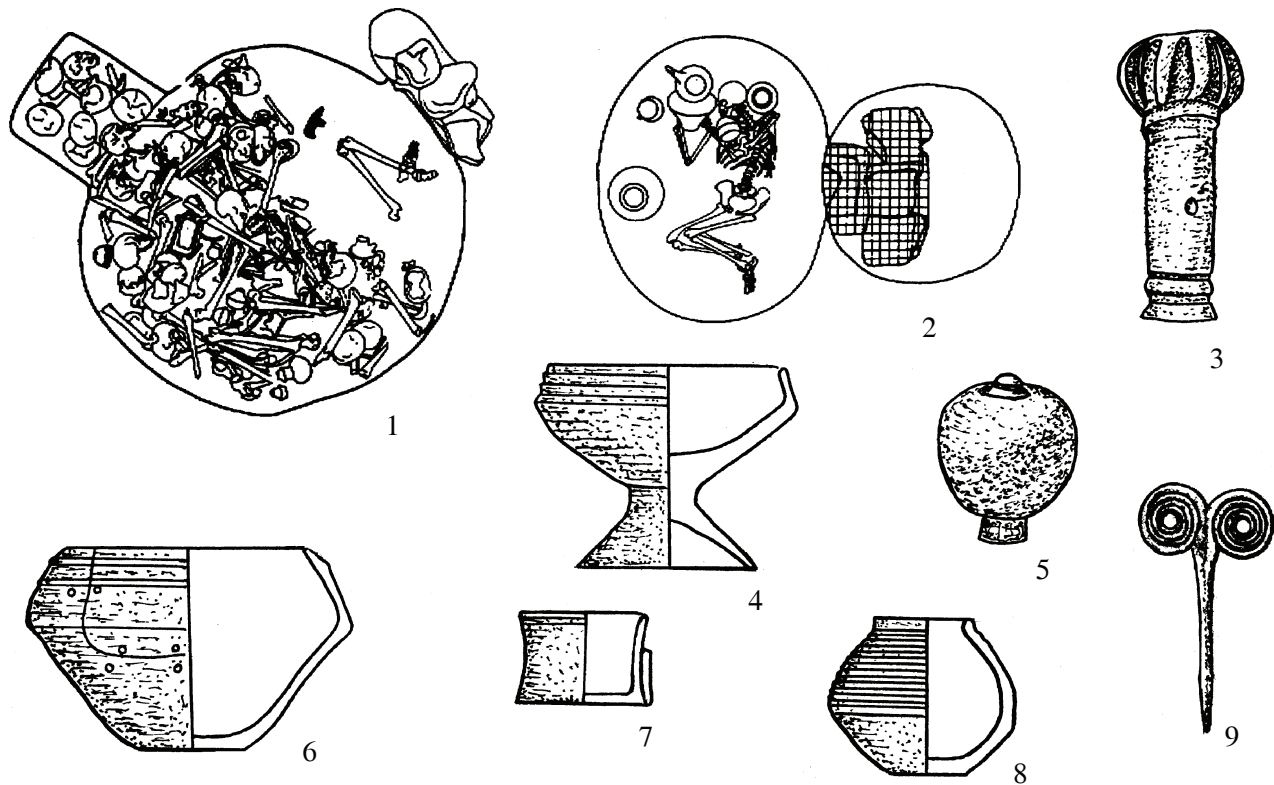

Рис. 60. Могильник Пархай II.

Сирии и Загроса, но на западные связи в целом это может указывать.

Подобный параллелизм не мыслим без постоянной системы взаимодействия или дополнительных импульсов с Ближнего Востока. Однако таковые, возможно, имели место лишь в начале II тыс. до н.э. на финальных стадиях существования этих культур (Гиссар ШС, ЮЗТ-Ш) [Хлопин, 1989, с. 123]. Поэтому, с учетом генезиса бактрийско-маргианского археологического комплекса и синташтинской культуры, можно предположить, что иранцы появились здесь именно в это время. Вместе с тем, они, по-видимому, наложились на индоиранский этнический массив, оформление которого началось, по меньшей мере, в IV тыс. до н.э. Не исключено, что появление на севере Центрального Ирана эламитов (Сиалк IV) отрезало арийские популяции Юго-Восточного Прикаспия от основного индоиранского массива и привело к оформлению в начале III тыс. до н.э. индоарийского этноса. С приходом в начале II тыс. до н.э. иранцев индоарии вытесняются в Северную Месопотамию, но главным образом, на восток и юго-восток. Что-либо более определенное в настоящее время ска-

зать трудно. Можно лишь однозначно утверждать, что этнокультурные процессы в регионе никогда не были связаны с культурами степной зоны Евразии. Основная ось их протекания проходила по линии Сиро-Анатолия – Северная Месопотамия – Северо-Восточный Иран – Юго-Западный Туркменистан (рис. 61). Далее на восток эта система не распространялась вплоть до начала II тыс. до н.э. Исключение составляет лишь запад Маргианы, где на памятниках типа Намазга IV появляется сероглиняная керамика, аналогичная пархайской периода ЮЗТ-IV. Это сопровождалось появлением технологии тигельной плавки руды, прежде в этом регионе не известной, но представленной в очень ранних комплексах севера Иранского нагорья [Pigott V., 1988; Хлопин, 1989, с. 121; Григорьев, 1996]. По мнению одних исследователей этот импульс был довольно быстро переработан местной средой, уже в слоях времени Намазга V он не ощутим, и “серая” керамика в них исчезает [Станкевич, 1978, с. 23]. Другие полагают, что эта культурная традиция на западе Маргианы сохраняется, существуя вплоть до конца периода Намазга V [Sarianidi, 1998, p. 24, 26]. Последнее,

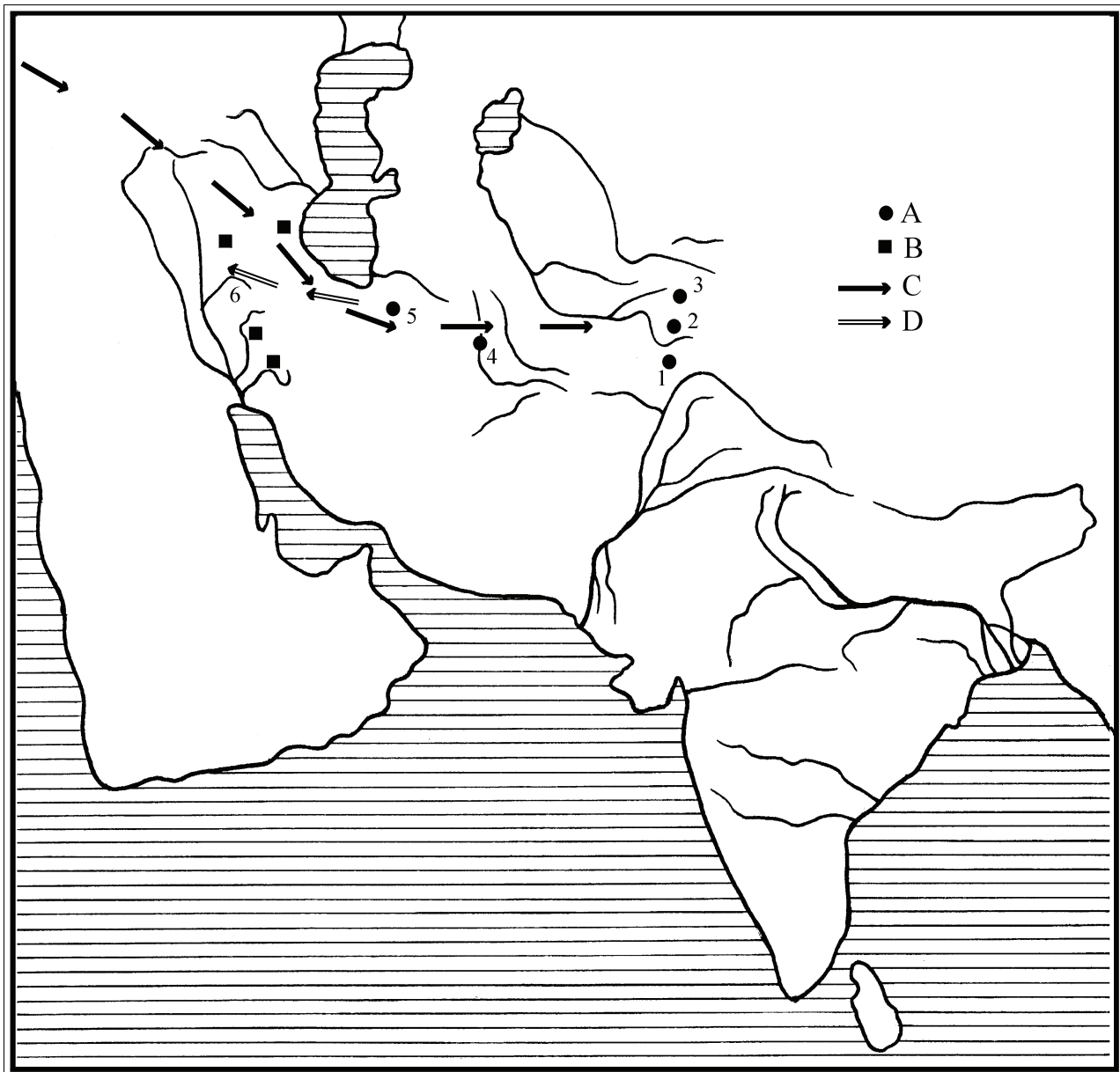

Рис. 61. Иранские культуры и миграции ираноязычных народов: а – памятники Северо-Западного Ирана и Средней Азии, б – памятники “серой” керамики Ирана, с – миграция иранцев, d – миграция персов и мидян. 1 – Дашлы 3; 2 – Сапалли; 3 – Джаркутан; 4 – Намазга VI; 5 – Гиссар III С; 6 – памятники “серой” керамики Северного и Западного Ирана.

по-видимому, ближе к истине, поскольку после культурного слома, произошедшего в Средней Азии на рубеже II тыс. до н.э., на восток и юго-восток распространяются, как традиции Северо-Восточного Ирана, так и традиции Намазга V. Параллельно осуществилась иранизация Маргианы и Бактрии, обусловленная, как уже говорилось выше, миграцией из Сиро-Анатолийского региона. При этом участие в этом процессе населения Юго-Восточного Прикаспия более чем вероятно.

По этим причинам связывать индо-ариев исключительно с могильником Пархай II, безусловно, нельзя. По всей вероятности, речь должна идти о целой группе памятников этой зоны: Пархай II, Гиссар II, ШВ, Намазга V и т.д.

Таким образом, в результате всех описанных событий, происходит иранизация значительных территорий, включавших Парфию, север Хорасана, Бактрию и Маргиану. В XIV в. до н.э. часть населения Прикаспия движется на запад,

оседа на севере Центрального и Западного Ирана, что положило начало мидийскому этносу. Сместившаяся затем на юг в восточный Луристан и Фарс иранская популяция формирует древнеперсидский этнос. Таковы, в наиболее общих чертах, этнические процессы на Иранском Плато и в Средней Азии, связанные с южными группами иранских народов.

Существуют, впрочем, сомнения по поводу возможности отождествления комплексов “серой” керамики Северо-Западного Ирана с иранцами. Эти сомнения основаны на тенденции к углублению датировок этих комплексов и зафиксированном лингвистами появлении иранцев в этом районе не ранее X в. до н.э. [Курочкин, 1990, с. 21]. Действительно, широкое присутствие иранцев в Западном Иране по данным ономастики отмечается в IX-VIII вв. до н.э., что позволяет допускать, что начало этому процессу было положено в X в. до н.э. Однако это не является основанием для утверждения об отсутствии иранцев в этом регионе в более раннее время, поскольку в предшествующий период подобная информация по этой зоне в ассирийских источниках попросту отсутствовала, равно как и информация о возможных путях движения иранских племен [Грантовский, 1970, с. 334-337, 341].

Есть еще одно противоречие, требующее объяснения. В восточноиранских языках присутствуют отдельные древнеевропейские изоглоссы, а отдельные языки (припамирский, афганский) имеют соответствия с финскими [Грантовский, 1970, с. 357]. Однако большинство восточноиранских и западноиранских языков финских включений не содержат. Что касается включений древнеевропейских, то их появление в иранских языках Средней Азии могло иметь иные причины, чем движение ариев из степной зоны. Ниже мы коснемся этого более подробно. Поэтому мы можем говорить о том, что северные влияния были не слишком значительными. Это соответствует ситуации заключительных стадий эпохи бронзы Средней Азии, когда мы фиксируем проникновение степных племен в этот регион, не меняющее, впрочем, основных тенденций его развития, тем более что финно-афганские и финно-припамирские изоглоссы являются пока проблемой слабо разработанной и довольно дискуссионной.

Приведенная выше схема была бы вполне безупречной, если бы не одно весьма существенное противоречие, заключающееся в позднем характере химического состава металла бишкентской культуры, выявленном при анализе изделий Тулхарского могильника [Богданова-Березовская, 1968]. Выше мы уже писали, что половина этих изделий выплавлена из оловянистых бронз, прочие из мышьяковых или из чистой меди. Высокие содержания свинца в ряде изделий в расчет принимать не следует, поскольку это свойственно геохимической картине месторождений среднеазиатского региона [Сарианиди. и др., 1977, с. 36-38; Рузанов, 1988, с. 56].

Столь высокая доля оловянистых бронз не имеет аналогов ни в Циркумпонтийской зоне, в особенности начала СБВ, ни в данном регионе. Иную картину демонстрируют нам и иранские комплексы [Авилова, Черных, 1989, с. 70; Èernykh et al., 1991, с. 601; Pigott V., 1988, с. 4-6], хотя, в целом, с СБВ Анатолии некоторое сходство прослеживается. Оловянистые бронзы, безусловно, везде есть, но представлены весьма незначительно, по сравнению с мышьякосодержащими изделиями. В какой-то степени эта картина сопоставима со структурой металла триалетских курганов в Закавказье, но они датируются поздним периодом СБВ [Тенейшвили, 1993, с. 7]. Наиболее близкую картину преобладания оловянистых бронз демонстрирует металл Трояды [Трейстер, 1996, с. 206]. С учетом гипотезы о том, что олово в Трою поступало из Афганистана, тулхарская ситуация становится, как будто, понятней. Мы не склонны разделять эту гипотезу, поскольку Троя в РБВ – СБВ составляла единый культурный комплекс с Балканами, где доля оловянистых бронз была достаточно высока. Но важно не это. Удивляет другое. Традиция столь широкого изготовления оловянистых бронз не имеет продолжения у металлургов Дашлы и Сапалли и других памятников БМАК, хотя повсюду небольшая доля этих бронз есть [Аскарлов, 1977, с. 124; Сарианиди. и др., 1977, с. 37, 38; Терехова, 1990]. Высокая доля оловянистых бронз обнаруживается в металле сумбарских могильников. При этом там имеются также мышьяковые и олово-мышьяковые сплавы [Голибин, 1983]. Поэтому, скорее всего, высокая доля оловянистых бронз в металле Тулхарского могильника указывает на историчес-

кие связи с Юго-Восточным Прикаспием, а появление бактрийско-маргианского археологического комплекса отражает приход населения с иными технологическими традициями.

Подытоживая все сказанное выше о формировании индоиранских культур южного региона, нам хотелось бы подчеркнуть следующее. Для специалистов, занимающихся археологией Ирана и Индии, сделанные выводы о связях культур этой зоны с Передней Азией не будут являться чем-то неожиданным. Их скорее бы удивило появление каких-либо, хотя бы ограниченных фактов, указывающих на приход населения из восточноевропейских или азиатских степей. Однако миграции из этих районов в

регионы, расположенные южнее Средней Азии, археологического подтверждения не имеют. Скорее, напротив – через Иран и Среднюю Азию на север фиксируются волны новых миграций переднеазиатского населения, датируемые уже периодом ПБВ.

Выше мы обсудили парадокс присутствия в металле Тулхарского могильника высокой доли оловянистых бронз. Переднеазиатские связи этого комплекса вполне объясняют ситуацию. Однако вскоре подобные бронзы начинают широко распространяться и на севере, причем распространяться весьма стремительно.

Размышления над этим парадоксом выводят нас на новый круг сопоставлений и выводов.

Глава 2.

Сейминско-турбинский феномен и культурогенез в Северной Евразии в эпоху ПБВ

2.1. Проблема формирования сейминско-турбинской металлообработки и предшествующие культуры Саяно-Алтайского нагорья

В наибольшей степени химический состав изделий из Тулхарского могильника сопоставим с металлом сейминско-турбинских памятников Северной Евразии, в особенности с металлом саяно-алтайской их группы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 191]. Эти памятники отражают новые традиции в евразийской металлургии. Использование оловянистых бронз позволило перейти к новым технологиям металлообработки – изготовлению литых тонкостенных втульчатых орудий. Возникают совершенно новые типы изделий: копья с литой втулкой и широким пером, кельты, бесчеренковые ножи с прямым или подтреугольным клинком, кинжалы с литой рукоятью (однолезвийные с “горбатой” спинкой и двулезвийные с ребром жесткости). Многие изделия украшены орнаментом или отлитыми по восковой модели фигурками животных или людей. Помимо металлических изделий, в набор входят разнообразные костяные наконечники стрел, каменные наконечники стрел (“сейминского” типа с коротким подтреугольным черешком и бесчерешковые с прямым основанием), кремневые ножи и оригинальные нефритовые кольца. Феномен этот возникает на Алтае в XVII веке до н.э., после чего его носители стремительно прокатываются по северу лесостепной и югу лесной зоны Западной Сибири в Приуралье, вступая в контакт с уже сформировавшимся синташтинским и абашевским населением [Черных, Кузьминых, 1989, с. 268-277]. Подобные направленность и динамика этого процесса обоснованы Е.Н.Черных и

С.В.Кузьминых безусловно. Неясным остается лишь механизм формирования данного феномена. Мы попытаемся доказать, что причины его кроются в тех масштабных перемещениях, которые происходили в Передней Азии в начале II тысячелетия до н.э.

Допустить мысль о самостоятельном формировании сейминско-турбинской металлургии на Алтае невозможно. Она не имеет каких-то первичных или переходных форм, а демонстрирует удивительную целостность, единство и завершенность. Невозможно себе представить, что такая развитая технология металлообработки могла возникнуть на пустом месте. В действительности, еще задолго до зарождения сейминско-турбинского феномена Саяно-Алтайское нагорье было вовлечено в процесс индоевропейских миграций.

Первое появление индоевропейцев в Саяно-Алтайской горной области относится к РБВ и связано с афанасьевской культурой. В рамках калиброванной радиоуглеродной шкалы эта культура датируется первой половиной III тыс. до н.э. [Görsdorf et al., 1998]. В последние годы афанасьевские памятники обнаружены не только в Саянах, где они были впервые выделены, но и на Алтае [Хлобыстина, 1975]. Памятники этой культуры представлены, преимущественно, могильниками с круглой каменной оградой, скорченными на спине или вторичными захоронениями. Выявлены и стоянки с очень незначительным культурным слоем [Вадецкая, 1986, с. 16, 17; Семенов, 1982]. Поскольку эта культура практически тождественна древнеямной, она рассматривается как продукт миграции ямных племен на восток [Алексеев, 1961, с. 380; Семенов, 1987, с. 18]. Миграцией из Восточной Европы обусловлено и появление в этом регионе металлических изделий – двулезвийных черешковых ножей ямных типов и проушного топора новосвободненского типа [Гришин, 1971, таб.

1,2-4,6-10, таб. 12,3]. Появление нового населения привело к ассимиляции местного, что отразилось в смешанном антропологическом составе, в котором присутствует монголоидный компонент автохтонов Саян и Алтая, восходящий к верхнему палеолиту [Алексеев, 1961, с. 129].

Миграция этого населения была довольно стремительной и почти не оставила памятников на огромных пространствах от Приуралья до Алтая. Исключение составляет одно погребение, обнаруженное в Центральном Казахстане [Евдокимов, Ломан, 1989], но у нас нет данных для вывода о том, что оно связано именно с этим событием. Возможности стремительной миграции подкрепляются фактами знакомства афанасьевцев с упряжью, что маркируется обнаружением псалиев из рога [Кожин, 1970].

В течение второй половины III тыс. до н.э. в Саянах и на Алтае происходят серьезные изменения, вызванные крупными культурными трансформациями, проходившими в Евразии в СБВ. На Алтае происходит переоформление афанасьевской культуры. На смену керамике ямного облика приходят бомбовидные горшки [Соенов, 1995, рис. 5,2,3, рис. 9,1; Посредников, Цыб, 1992, рис. 3,1,2,6]. Основа этой культуры, безусловно, афанасьевская, но крупные горшки с расчесами по поверхности имеют отдаленную близость некоторым типам новотитаровской посуды Предкавказья, стоянок Северного Прикаспия и позднеямных погребений Приуралья [Моргунова, 1992, рис. 5,2; Васильев и др., 1986а, рис. 11; Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 5,18-21]. Одной из особенностей погребений этого типа является обычай помещать под голову камень, известный в окуневской культуре, а в более раннее время в энеолитических погребениях Кюль-Тепе I в Закавказье [Посредников, Цыб, 1992, с. 9].

Параллельно идет распространение технологии тигельной плавки. Мы уже проследили ее до Средней Азии. Вновь этот тип плавки мы фиксируем уже на Алтае, где в слое поселения Кольванское I, датированном III – первой половиной II тысячелетия до н.э., руду плавляли в тиглях объемом 0,5 л [Алехин, Демин, 1988, с. 85, 86]. Любопытно, что в составе стада на этом поселении отмечаются уже иные черты, чем те, которые фиксировались на Алтае раньше. Если на афанасьевских поселениях доминирует мелкий

рогатый скот, как у ямников восточной зоны, то на Кольванском I наблюдается резкое преобладание крупного рогатого скота, лошадь занимает второе место в стаде [Алехин, Галченко, 1995, с. 22, 23].

Восточнее, в Саянах, формируется окуневская культура, генетически не связанная с афанасьевской [Вадецкая и др., 1980] (рис. 62; 63). Помимо существенных различий в типах инвентаря, на это указывает и такой важный показатель, как иные традиции в технологии изготовления посуды [Иванова, 1968]. Происхождение окуневской культуры связано, по всей вероятности, с Циркумпонтийской зоной, скорее всего, с переднеазиатской ее частью или с районами, расположенными к востоку от нее.

Существует мнение о формировании окуневской культуры на основе лесного неолита, а окуневское искусство выводится из несохранившегося неолитического искусства, выполненного в дереве. При этом вычленяется несколько типов памятников, из которых выстраивается генетический ряд, в котором прослеживается постепенное размытие неолитических и афанасьевских традиций. В результате, формирование окуневской культуры предполагается на основе местных неолитических культур с участием афанасьевского компонента. У различных авторов отличаются лишь представления о доле соотношении этих двух компонентов в данном процессе. Афанасьевская культура, впрочем, рассматривается как сосуществующая с окуневской на своем последнем этапе [Вадецкая, 1986, с. 29, 35; Хлобыстина, 1973; Семенов, 1997, с. 153]. Мы же склонны рассматривать ранние памятники типа Мельничный Лог и Тас-Хазаа в качестве контактных. Изображения на плитах последнего могильника, например, имеют несомненные параллели в Передней Азии и на Среднем Востоке [Хлобыстина, 1971, рис. 2,4]. Подобная точка зрения, о переднеазиатских корнях окуневской культуры, всегда имела своих сторонников и базировалась, преимущественно, на анализе изображений [Савинов, 1997б].

Погребенные в окуневских могильниках лежат скорчено на спине, в каменных ящиках, на стенках которых встречаются изображения. Иногда под головами погребенных положена каменная плитка-подушка (рис. 63,2). Один каменный ящик может использоваться для по-

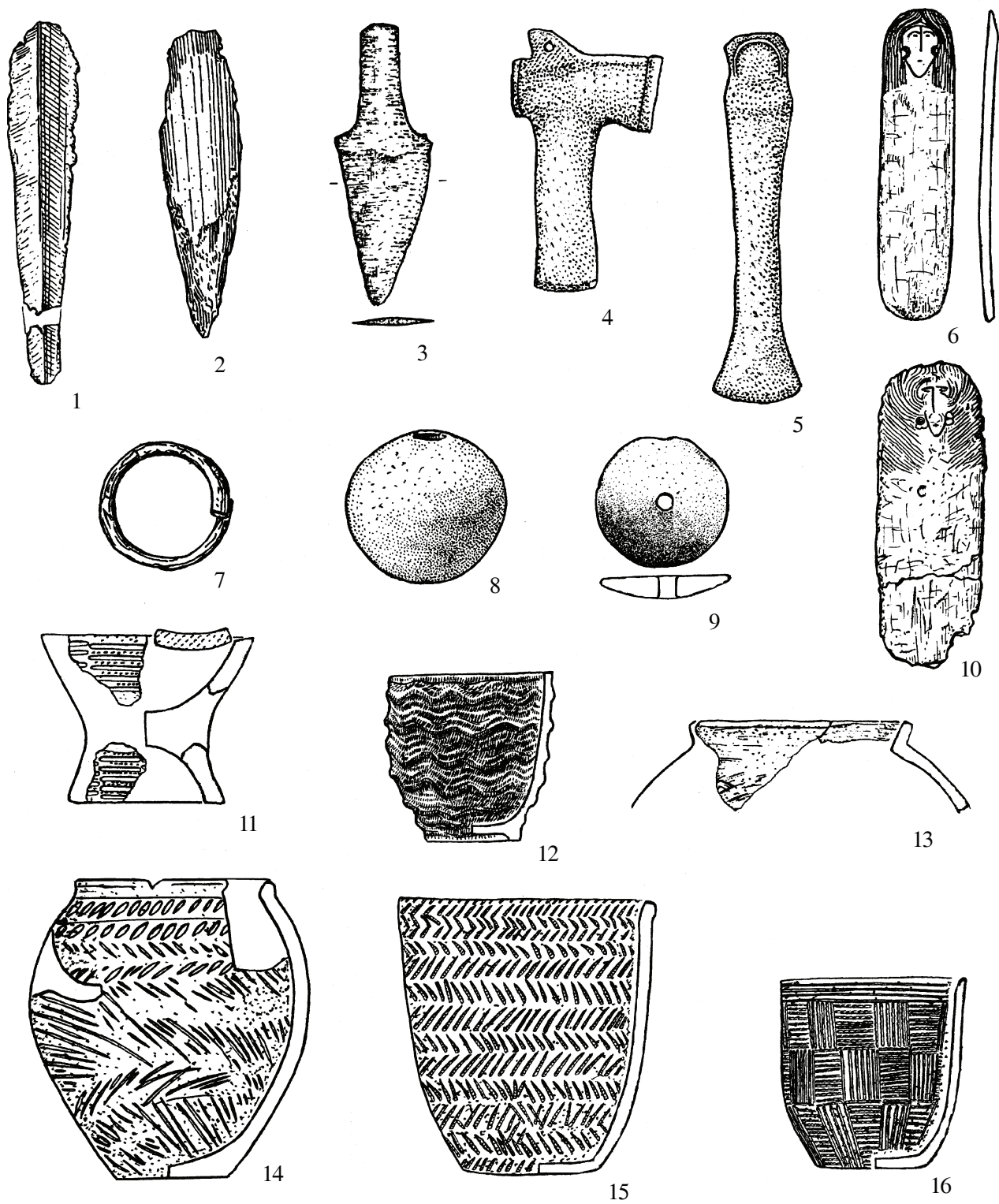

Рис. 62. Окуневская культура. 1, 2, 7, 8, 12, 15, 16 – Черновая VIII; 3 – Уйбат V; 6, 9 – Верхний Аскиз I; 4, 10 – Минусинская котловина; 5 – Алтай; 11, 13, 14 – Пистах.

вторных захоронений. Кости предшественников при этом просто могли сгребаться в сторону. Встречаются костяки с отчлененными головами. Есть основание говорить об обычае использования погребальных масок. Чрезвычайно распространены антропоморфные стелы (рис. 63,10). Все эти признаки в различных сочетаниях широко известны в Циркумпонтийской зоне и на Ближнем Востоке. Ожидать независимого появления их на базе лесного неолита вряд ли оправдано, тем более что они дублируются иными параллелями.

Вместе с тем, в настоящее время выделяется особая группа погребений, наиболее хорошо представленных в долине реки Уйбат [Лазаретов, 1997, с. 33-35]. В отличие от классических окуневских комплексов, получивших название черновских (по могильнику Черновая VIII), центральные погребения уйбатского типа представлены крупными ямами с уступами, на которых покоилось перекрытие. Это перекрытие могло служить полом для погребений второго яруса. При этом погребения нижнего яруса имели более высокий социальный статус, что нашло выражение и в инвентаре. Эти черты сближают уйбатские комплексы с так называемыми ямными погребениями Оренбуржья и с новотитаровскими погребениями Предкавказья. Особый интерес вызывает единственная окуневская каменная стела, выявленная *in situ* в одной из крупных ям этой группы, поставленная таким образом, чтобы верхняя часть с личиной выступала над поверхностью кургана. Аналогичное расположение менгира (полностью отличного, впрочем, стилистически) выявлено в кургане 16 у станицы Суворовская, относящемся к северокавказской культуре. Впечатление о восточноевропейском импульсе усиливается благодаря присутствию на периферии курганов погребений в катакомбах, погребенные в которых имели явно более низкий социальный статус (рис. 63,3). Все периферийные погребения этой группы (в ямах и катакомбах) располагались по кругу, причем один сектор (восточный) оставался свободен от могил. Это тоже отражает катакомбную традицию. Эти факты, а также обнаружение курильниц, близких катакомбным, о которых пойдет речь ниже, позволили автору раскопок уйбатских комплексов И.П.Лазаретову сделать вывод о том, что формирование окуневской культуры было стимулировано приходом населения с юга Восточной

Европы. Датирует он этот процесс рубежом III/II тыс. до н.э. или XXIV в. до н.э. в калиброванной шкале [Лазаретов, 1997, с. 39-40]. Все время существования окуневской культуры укладывается, по-видимому, в последнюю треть III тыс. до н.э. – начало II тыс. до н.э. [Görsdorf *et al.*, 1998].

Этому выводу близки результаты антропологических исследований погребенных в окуневских могильниках, довольно ясно выявивших неоднородность окуневской популяции. Предполагается участие в формировании культуры двух компонентов – местного монголоидного и пришлого европеоидного, близкого сериям эпохи ранней и средней бронзы юга Восточной Европы [Громов, 1997].

Если допускать возможность миграции населения из Восточной Европы, то она должна была осуществляться через территорию Северного Казахстана, занятую в это время племенами ботайской культуры. В этой связи интересно обнаружение на некоторых окуневских памятниках небольших каменных дисков, идентичных ботайским (рис. 62,9) [Хаврин, 1997, с. 72, табл. V, 19-21; Зайберт, 1993, рис. 15].

Для окуневского керамического комплекса характерны баночные формы, часто украшенные валиками, шишечками и налепами (рис. 62,12,15,16) [Вадецкая и др., 1980, табл. XVII–XXIX]. В Закавказье и Северной Месопотамии эти признаки встречаются с неолита и энеолита и присутствуют на посуде в течение всей эпохи бронзы. Своеобразным керамическим типом окуневской культуры являются курильницы. Собственно, известны и афанасьевские курильницы, однако окуневские имеют перегородку и по этому признаку ближе к катакомбным [Максименков, 1965]. Прямоугольные курильницы, имеющие перегородку, обнаружены в могильнике Заман-Баба, а сосуд с перегородкой на Шах-Тепе II [Кузьмина, 1958]. Однако катакомбные курильницы гораздо ближе окуневским. Некоторые из них, к тому же украшены орнаментами, стилистика которых близка катакомбным (например, расположенные в шахматном порядке ряды коротких желобков) (рис. 62,11). Встречены и раздутые горшки, часто имеющие расчески на поверхности [Подольский, 1997, рис. 7]. Последний тип посуды обсуждался выше, и рассматривался в качестве привнесенного из Восточной Европы.

Рис. 63. Окуневская культура. 1 – Чебаки; 2, 3, 4 – Уйбат III; 5, 6 – Саянский каньон; 9, 11 – Сулекские девки; Параллели окуневским изображениям: 12, 13 – Саймалы-Таши (Тянь-Шань); 14 – Анатолия; 15 – Маргиана.

Как уже говорилось выше, окуневский обычай класть голову покойника на небольшой камень имеет очень ранние параллели в Закавказье, в погребениях нижнего слоя поселения Кюль-Тепе I [Абибуллаев, 1965, с. 43]. Правда, значительный хронологический разрыв не позволяет рассматривать эту параллель как прямую.

Очень показательным может быть анализ окуневских изображений. Например, антропоморфные фигуры с птичьими головами с антенновидными отростками близки изображениям, распространяющимся из сиро-анатолийского региона в Маргиану, Бактрию и Грецию (рис. 63,8,14,15) [Сарианиди, 1993; Вадецкая и др., 1980, с. 69, рис. 12]. Известны они и в Эламе середины III тыс. до н.э. [Buisson, 1970, fig. 7.1]. Весьма интересен распространенный в окуневском искусстве образ “фантастического хищника”, пытающегося поглотить небесное светило (рис. 63,9,11). Подобный миф был распространен в Месопотамии, и исследователи считают, что данные изображения отражают проникновение в Центральную Азию именно этого мифа. Однако в новом регионе изображения “фантастического хищника” приобретают медведеподобность, что совершенно естественно в условиях Южной Сибири [Студзицкая, 1997, с. 256, 257, табл. I-IV]. Впрочем, большая часть подобных изображений в силу своей грациальности все же отражает волкоподобных хищников. В этой связи интересной параллелью является германо-скандинавская мифология, в которой в описаниях конца света (“Рагнарёк”) фигурирует образ волка, пожирающего солнце [Петров Ф., 2000]. Не исключено, что это общепалеоазиатский сюжет, появившийся еще на Ближнем Востоке.

Определенные аналогии дают и изображения повозок, датируемые окуневским временем. Изображение повозки из кургана у ст. Усть-Бюрь с ладьевидным кузовом близко венгерским моделям-сосудам. Декор аскизского изображения двуколки соответствует декору глиняных моделей из Тель-Хуэйры и Тепе Гавры [Новоженков, 1994, с. 148]. Менее определена датировка плиты, обнаруженной у поселка Озерное на Алтае, на которой резьбой и барельефом изображены быки и, по-видимому, коровы, размещенные в трех фризах. Аналогичные по сюжету и стилю изображения известны в Египте и на Ближнем Востоке [Молодин, Погосжаева, 1990].

Еще один весьма примечательный образ – солнцеголовые антропоморфные фигуры (рис. 63,10). М.А.Дэвлет указывает на точные аналогии им среди казахстанских изображений, а также на возможности толкования этих образов на основе более поздней тибето-монгольской традиции [Дэвлет, 1997]. В Казахстане подобные образы приурочены к горной системе Тянь-Шань и являются частью колоссальной массы наскальных изображений Семиречья. При этом в данном регионе известна наскальная живопись всех эпох вплоть до средневековья. Однако к периоду конца III – начала II тыс. до н.э. исследователи относят именно солнцеголовые антропоморфные фигуры, а также фигурки животных, выполненные в битреугольном и прямоугольном стиле (рис. 63,12,13). Отмечается близость этих изображений стилистике расписной керамики Намазга-Депе, Суз, Гияна, Шумера, печатям Передней Азии, изображениям солнечных божеств Египта, хеттской иконографии, что позволило сделать вывод о влиянии ближневосточных цивилизаций на формирование этого изобразительного стиля [Марьяшев, Горячев, 1998, с. 64, 65, табл. I, VIII].

Сходный круг параллелей имеют и своеобразные маски-личины с бычьими рогами или “антеннами”, известные в Саянском каньоне, Армении и в верховьях Инда (рис. 63,5,6). Переднеазиатские параллели имеют и фигуры с “антеннами” на головах, что позволило М.А.Дэвлету написать, что дальнейшие поиски доказательств средиземноморских или переднеазиатских корней окуневского искусства могут быть оправданы [Дэвлет, 1998, с. 154-159]. В этой связи показательным обнаружением в культовом здании на куроракском поселении Гудабертка специально распиленных бычьих черепов с рогами, напоминающих маски [Кушнарцева, Чубинишвили, 1970, с. 165]. Не исключено, что окуневские изображения отражают именно подобные ритуальные маски, а в конечном счете, какой-то культ, имеющий переднеазиатско-закавказские корни.

Подобный круг параллелей, как будто, намечает путь проникновения ближневосточного искусства в Центральную Азию через Иран и Семиречье. Впрочем, по мнению Д.Г.Савинова, в окуневском искусстве присутствует несколько стилей. Поэтому его происхождение нельзя связывать с какой-то одной группой западного населения. Скорее имели место проникновения различных подвижных скотоводческих групп.

Параллели же с Передней Азией есть результат опосредованной передачи изобразительных образов в процессе освоения степной эйкумены [Савинов, 1997, с. 212]. Однако ближневосточные параллели не ограничиваются лишь изобразительным искусством.

На ближневосточное происхождение окуневской культуры может указывать обнаружение шаровидного каменного наверхия и бесчеренковых кинжалов, сопоставимых с анатолийскими периода СБВ [Авилова, Черных, 1989, рис. 5; Вадецкая и др., 1980, табл. XIX,13, XXI,5,10] (рис. 62,1,2,8). К сожалению, большая часть окуневских могил ограблена и потому металлических изделий из них происходит не слишком много. Поэтому для нас представляют интерес случайные находки, происходящие как из Минусинской котловины, так и с Алтая, не находящие аналогий в андроновских или карасукских бронзах, и датируемые окуневским или позднеафанасьевским временем.

В первую очередь, это серия выгнуто- и вогнутообушковых ножей, близких переднеазиатским формам периода СБВ [Авилова, Черных, 1989, рис. 7; Горелик, 1993, табл. I; Гришин, 1971, с. 11, табл. 2,2,3,5,6]. Обнаруженные на Алтае проушные топоры с длинным узким прямоугольным клином, расширяющимся лезвием и гребнем на обухе имеют аналогии в Месопотамии, где датируются XII в. до н.э. [Горелик, 1993, таб. XIX, 99; Гришин, 1971, с. 24, таб. 12,4] (рис. 62,5). Правда, подобная параллель не может быть хронологическим репером, поскольку диапазон бытования подобного типа топоров на Ближнем Востоке довольно широк. Сходные втульчатые топоры-секиры были обнаружены в Палестине, где они датируется эпохой СБВ II [Kempinski, 1992a, fig. 6.51; Miron, 1992, pl. 18. 303,304, 19. 305,306, с. 71, 78, 79]. Трубочатообушный топор с прямым перпендикулярным клином и бойком на обухе находит непосредственные параллели на Ближнем Востоке, в памятниках середины III тыс. до н.э. и XXII-XXI вв. до н.э. [Горелик, 1993, табл. XIX,11,15,34,36,44; Гришин, 1971, табл. 12,5] (рис. 62,4).

К сожалению, химические анализы окуневского металла немногочисленны. Однако сводка сделанных анализов позволила прийти к некоторым важным выводам, проливающим свет на характер окуневской металлургии [Хаврин, 1997a]. Судя по относительной химической

чистоте, в плавку поступали окисленные руды (хотя не исключено, на мой взгляд, и использование вторичных сульфидов). Использование халькопирита в этом регионе начинается только в карасукскую эпоху. Наряду с “чистой” медью, металлурги активно употребляют медно-мышьяковые сплавы, и есть единичные изделия, легированные оловом. В целом, подобный характер использованных сплавов вполне типичен для металлообработки Циркумпонтийской зоны, в особенности ее южной части, где в середине III тыс. до н.э. отдельные изделия легированы оловом. Определенный интерес вызывает обнаружение тигля, к днищу которого прикипели медные корольки и шлак [Хаврин, 1997a, с. 161]. Не исключено, что эта находка отражает технологию тигельной плавки руды.

Очень необычным окуневским памятником являются фортификационные сооружения “све”, датируемые ранее эпохой средневековья (рис. 63,1) [Готлиб, 1997]. Располагаются они на вершинах гор, и представлены несколькими рядами стен, часто с цитаделью на вершине. Сложены стены из крупных каменных блоков. Причем иногда крупные камни используются во внешней части кладки, а более мелкие в качестве забутовки, что было характерно для переднеазиатской архитектуры. Пригодных для обитания площадок внутри укрепленного периметра обычно немного. Поэтому маловероятно, что эти укрепления использовались постоянно. Скорее всего, в них собиралось население прилегающей округи в случае приближения неприятеля.

Приведенные параллели позволяют сделать вывод о формировании культур СБВ Саяно-Алтайского нагорья в результате миграции с запада и ассимиляции пришлым компонентом местного неолитического субстрата. Более сложно говорить о путях и исходной точке этих миграций. Обилие восточноевропейских черт в окуневских и поздних афанасьевских памятниках указывает на то, что в миграции принимало участие население, оставившее памятники позднеямного и раннекатакомбного типа. Поэтому не исключено, что катализатором данного процесса явилась активизация в Восточной Европе катакомбных племен, что вызвало подвижки ямного населения на восток. Этому не противоречит и нижняя дата окуневской культуры. Вместе с тем, окуневские памятники имеют значительное количество признаков, сближающих их с культурами Ближ-

него Востока, причем, признаков, отсутствующих в Восточной Европе. Поэтому мы должны предполагать непосредственную миграцию какой-то ближневосточной группы в Центральную Азию. Более сложно определить путь этой миграции. Наиболее простым вариантом является гипотеза о миграции через Кавказ и юг Восточной Европы, в которую оказалось вовлечено восточноевропейское население. В этом случае все слагаемые компоненты культуры получают хорошее объяснение. Другая гипотеза может предполагать южный миграционный путь через Среднюю Азию. Она будет подкрепляться обнаружением сопоставимых изображений в Семиречье или тенденциями в распространении тигельной плавки руды. Последнее, впрочем, не может служить надежной основой для реконструкции, поскольку данная тенденция реализовывалась разнокультурными популяциями и не одновременно. А изображения в Семиречье могут быть результатом отклонения от маршрута части популяции, двигавшегося через Восточную Европу. Поэтому на сегодняшний день первая гипотеза представляется более предпочтительной.

Не исключено, что позднеафанасьевская и окуневская культуры доживают до появления в этом регионе сейминско-турбинской металлообработки. В этом плане показательно происходящее из афанасьевского погребения в Минусинской котловине литое втульчатое копьё с узким ромбовидным пером и ромбическим стержнем. Изготовлено оно из меди с примесью олова и мышьяка. Оно может служить, до определенной степени, прототипом классическим сейминско-турбинским копьям [Гришин, 1971, с. 18]. Однако в целом облик сейминских изделий, как будет показано ниже, более сопоставим с переднеазиатскими образцами, что не позволяет допустить формирование сейминско-турбинской металлообработки на местной основе. От металлообработки окуневского и позднеафанасьевского времени она, все же, сильно отличается.

2.2. Сейминско-турбинские бронзы и синхронные культуры Приуралья и Сибири

Возвращаясь к сейминскому комплексу, мы хотели бы отметить еще одну его странность – “транскультурный” характер. Сам по себе металл может быть транскультурен и в ряде случаев таковым и является. Но и эта транскультурность имеет свои определенные рамки. Обычно сходный набор металлического инвентаря присущ нескольким родственным культурам. И это, скорее, ситуация стандартная. В данном же случае мы имеем дело с культурой, у которой не ясен погребальный обряд, а почти весь инвентарь, за исключением металлического, представлен инокультурными включениями. Особенно показательна в этом плане керамическая посуда. Сосуды, связанные с погребениями, единичны и тракуются либо, как посуда, оставленная грабителями сейминских погребений, либо как посуда инкорпорантов в сейминскую среду. Это довольно немногочисленная керамика, с кротовско-елунинскими чертами на востоке и абашевскими на западе сейминско-турбинского ареала [Черных, Кузьминых, 1989, с. 228-230, 240, 243]. Поэтому практически единственным культуроопределяющим показателем становится металл. Объясняется эта ситуация несмешиваемостью сейминцев с инкорпорантами.

Это еще одно удивительное явление, поскольку, судя по таким крупным могильникам как Ростовкинский, Сейминский и Турбинский, население в них хоронило достаточно долго, и говорить о стремительной миграции не приходится [Матющенко, 1999]. Хотя ее и нельзя исключить полностью, при условии оседания части мигрантов по дороге. Поэтому, принимая во внимание приведенные парадоксы, можно вполне согласиться с обозначением данного явления как феномена, поскольку какие-либо иные археологические и исторические аналоги ему отсутствуют.

Однако существуют достаточные основания полагать, что сейминско-турбинские бронзы каким-то образом связаны с крупным блоком культур Северной Евразии, в который входят елуническая, кротовская, чирковская и поздняя фаза ташковской. В первую очередь, следует

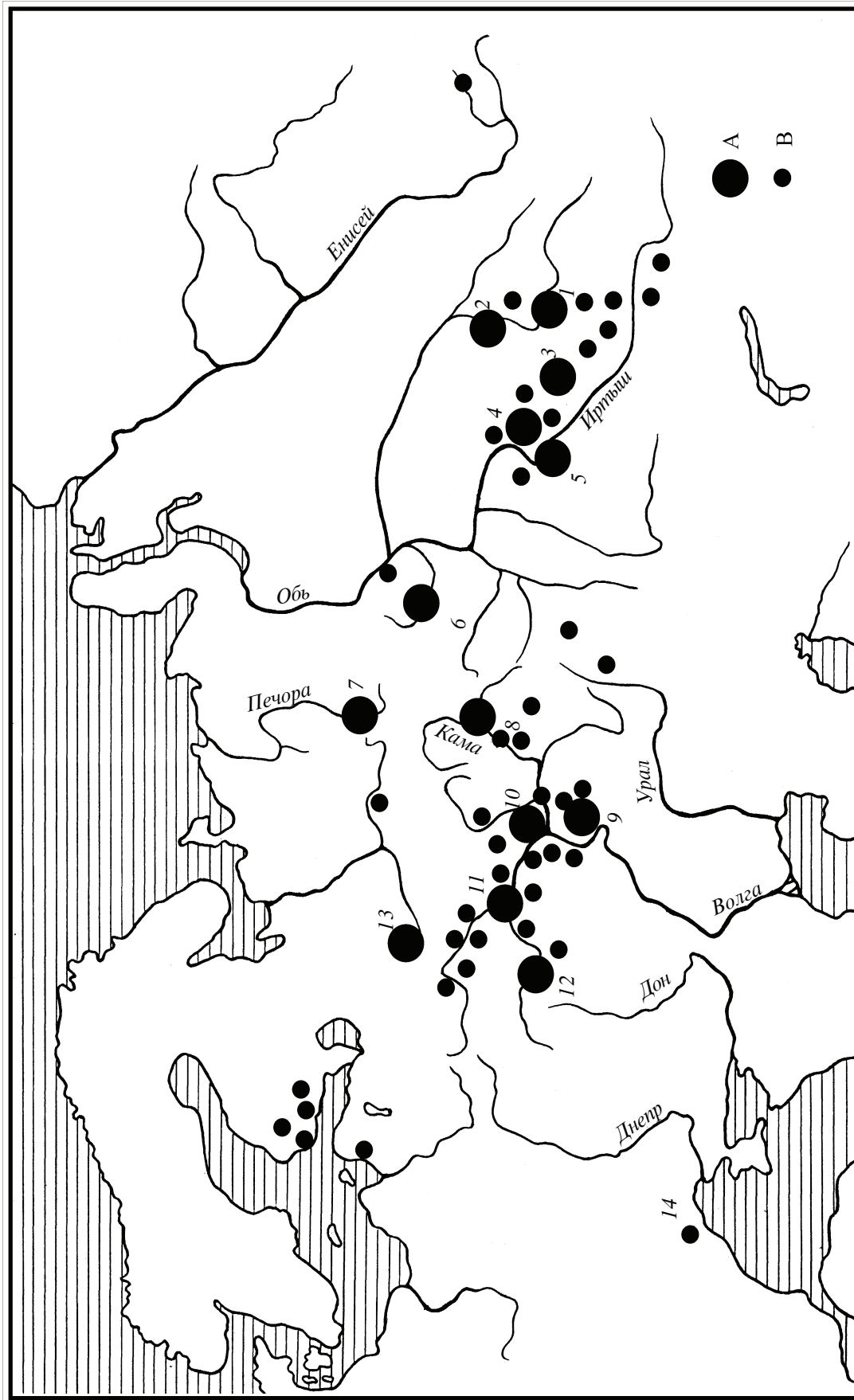

Рис. 64. Карта распространения памятников сейминско-турбинского типа: а – могильники; б – отдельные находки. 1 – Клепиково; 2 – Елунино; 3 – Устьянка; 4 – Сопка 2; 5 – Ростовка; 6 – Сатыга; 7 – Канинская пещера; 8 – Турбино; 9 – Соколовка; 10 – Березовка-Омары; 11 – Сейма; 12 – Решное; 13 – Никольское; 14 – Бородинский клад.

обратить внимание на то обстоятельство, что ареал распространения культур этого блока точно совпадает с ареалом распространения сейминско-турбинских памятников (рис. 64; 69). Елунинские памятники локализируются в Верхнем Приобье, в предгорьях Алтая, в районе концентрации саяно-алтайской группы сейминско-турбинских бронз [Черных, Кузьминых, 1989, с. 15, 31; Кирюшин, 1985; 1987]. Памятники кротовской культуры приурочены к Среднему Прииртышью, прилегающим к нему районам и Верхнему Приобью. Здесь расположены такие известные сейминско-турбинские памятники как Ростовкинский могильник, Омский клад, отдельные захоронения могильника Сопка 2 и множество единичных находок [Черных, Кузьминых, 1989, с. 15, 31; Матющенко, Симицына, 1988; Молодин, 1985, с. 35-37; Стефанова, 1988]. Территория распространения памятников ташковской культуры – Нижнее Притоболье. В этом районе памятники сейминско-турбинского типа пока не обнаружены, за исключением одной случайной находки наконечника копья под г. Шадринском. Однако севернее, на реке Конда исследован сейминско-турбинский могильник Сатыга XVI [Черных, Кузьминых, 1989, с. 22, 23, 78, рис. 39,1; Ковалева, 1988].

Следует также отметить, что в районе Конды выявлены поселения эпохи бронзы со следами металлообработки и оригинальными тиглями. Они сопровождаются гребенчато-ямочной керамикой леушинского типа. Керамика эта не имеет сходства с кротовской, но отдельные кротовские проявления, в виде налепных валиков под венчиком, в ней присутствуют. Этот керамический комплекс довольно локален и рассматривается, как привнесенный в данный регион [Визгалов, 1988]. Необходимо заметить, что наиболее ранняя металлургия в бассейне Конды носит, по-видимому, досейминский характер и датируется началом II тыс. до н.э. [Кокшаров, 1999].

Впоследствии металлургическое производство появляется и на других памятниках бассейна Конды. Для полымьятского этапа развития культур этого региона зафиксированы формы для отливки кельтов, сердечники для литья втульчатых копий, черешковые каменные наконечники стрел, характерные для сейминско-турбинских памятников [Кокшаров, 1991]. Этап этот датируется второй и, частично, третьей четвертью II тыс. до н.э. Отметим также обнаружение шаровидного навершия булавы в могильнике Сатыга

и костяной панцирной пластины на поселении Сайгатино VI [Кокшаров, 1991, с. 96, 99].

Весьма примечательны и материалы поселения Волвонча I, поздний слой которого относится к полымьятскому этапу [Кокшаров, Стефанова, 1993]. Здесь исследовано крупное прямоугольное жилище, окруженное оборонительным рвом, и обнаружена литейная форма для отливки кельта. Большой интерес представляет керамика баночных форм, украшенная рядами коротких оттисков гребенчатого штампа. Типологически эта посуда весьма близка баночным формам чирковской керамики. С другой стороны, эти формы сопоставимы с кротовскими и ташковскими. Аналогична архитектура и материалы поселения Пашкин Бор I, где были обнаружены литейные формы для отливки кельтов и сердечник для литья втульчатых копий. При этом изделия из металла отличаются меньшими размерами, чем соответствующие им собственно сейминско-турбинские орудия. Это объясняется удаленностью данного района от горнорудных центров и дефицитом сырья [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 173]. Все это позволяет рассматривать культурные изменения в бассейне Конды в рамках описываемого процесса.

В Прикамье, где находится серия сейминско-турбинских памятников, включая крупнейший Турбинский могильник, исследованы поселения, содержащие керамику кротовского типа. В районе другого восточноевропейского узла концентрации сейминско-турбинских бронз, в Среднем Поволжье, располагаются памятники чирковской культуры [Халиков, 1987б, с. 136, 137].

Уже само по себе совпадение ареалов этого культурного блока и сейминско-турбинских бронз случайным быть не может, тем более что они синхронны, хотя ранние этапы ташковской, кротовской и чирковской культур и могут датироваться досейминским временем. Однако этот факт можно считать косвенным. Более важны для нас прямые факты, основанные на анализе характеристики материалов этих культур. Основная сложность при этом заключается в том, что многие сейминско-турбинские могильники были обнаружены случайно и сведения о них не полны. В результате варварских раскопок уничтожен Сейминский могильник. Погребения Турбинского могильника часто нарушены более поздним ананьинским слоем, поскольку глубина их была не слишком велика [Черных, Кузьминых, 1989,

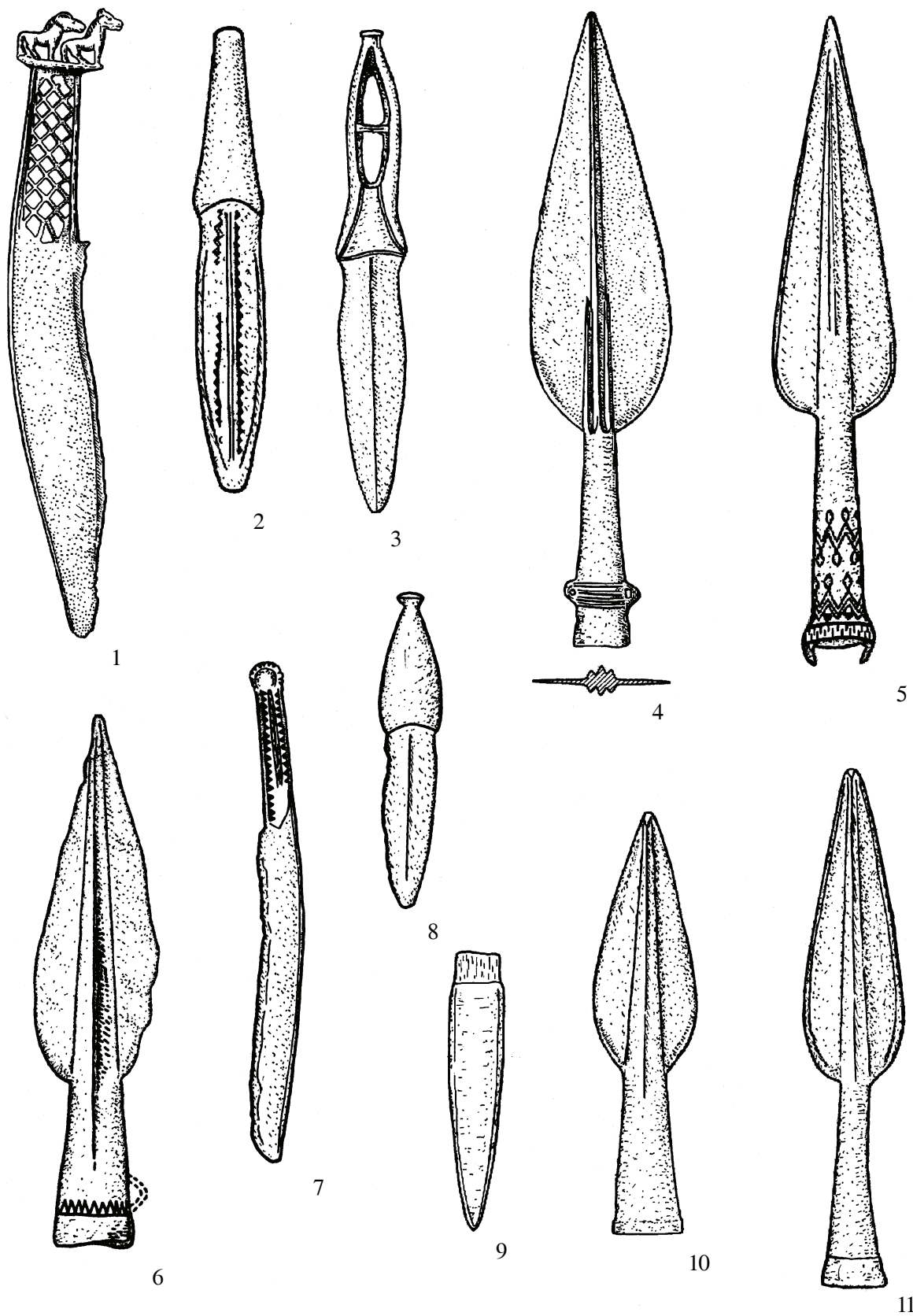

Рис. 65. Сейминско-турбинские материалы. 1, 6, 9 – Сейма; 2 – Ирбитское; 3 – Ново-Павловка; 4 – Ростовка; 5 – Бородинский клад; 7 – Цыганкова Сопка; 8 – Новая Усмань; 10 – Кривое Озеро; 11 – Паново.

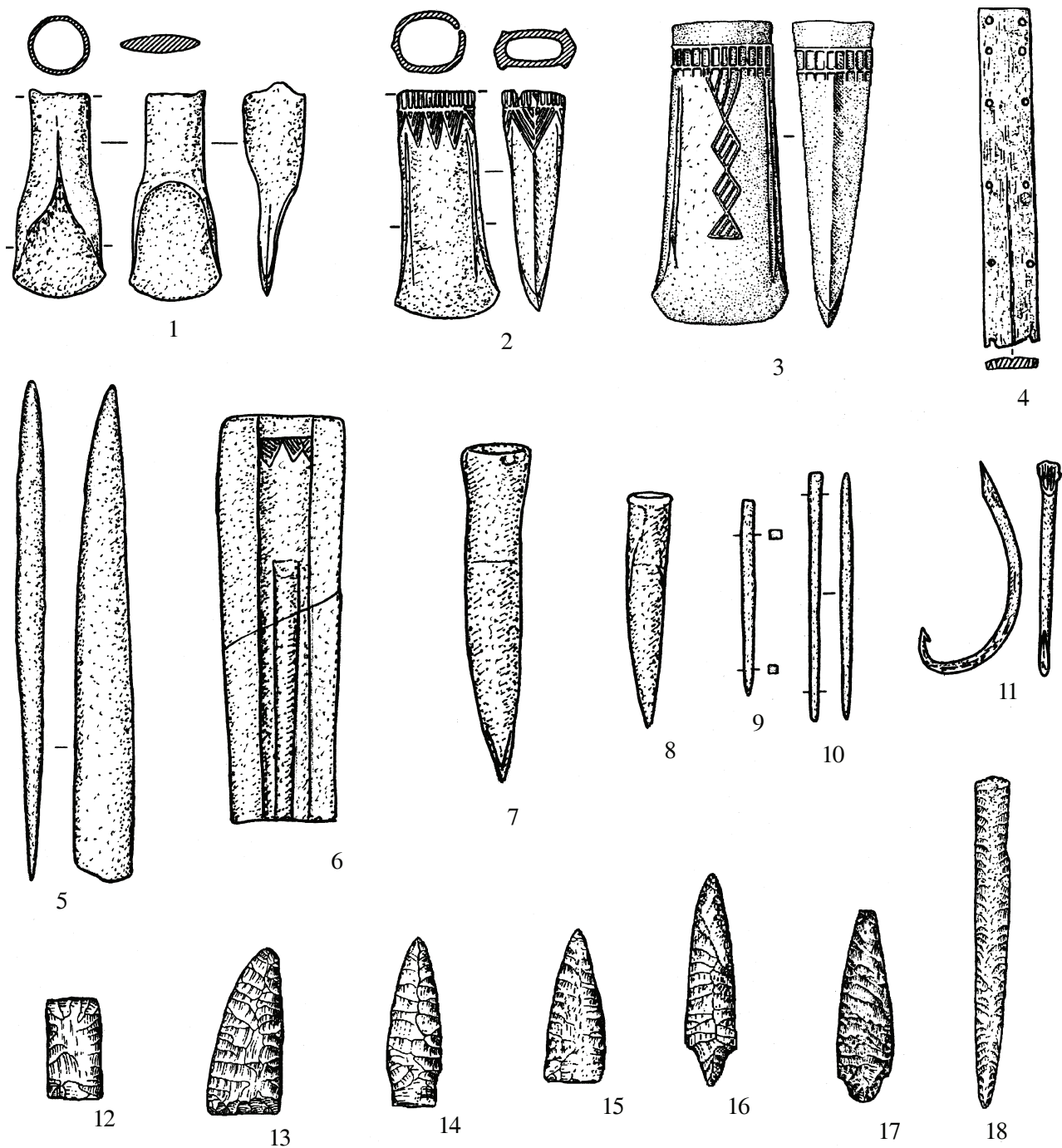

Рис. 66. Сейминско-турбинские материалы. 1, 2, 16 – Сейма; 3, 14 – Решное; 4, 6 - 8, 17 – Ростовка; 5, 9, 11 - 13, 15 – Турбино I; 10 – Соколовка; 18 – Базяково III.

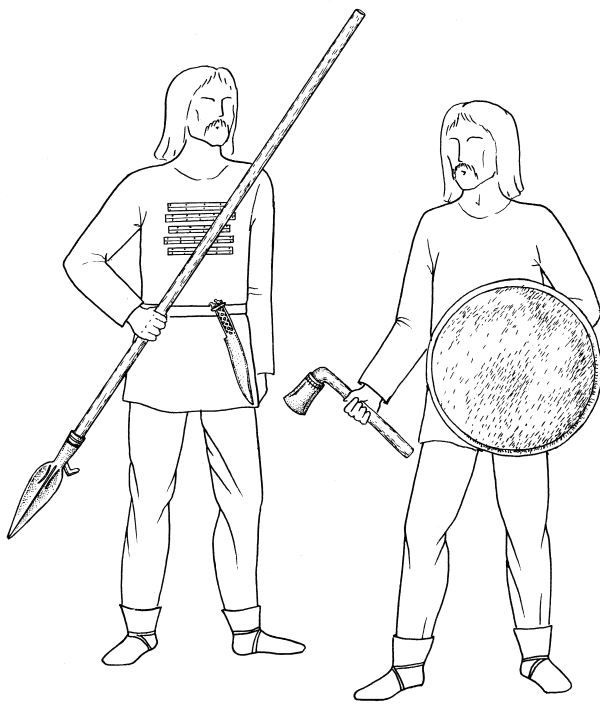

Рис. 67. Реконструкция сейминско-турбинских воинов.

с. 14-20]. В Сибири, напротив, сохранилась и хорошо исследована серия комплексов, содержащих, наряду с сейминско-турбинскими, кротовские и елунинские материалы [Матющенко, Симицына, 1988; Кирюшин, 1987]. Поэтому эти памятники являются опорными при решении всей проблемы. Следует также отметить, что если кротовские и сейминско-турбинские могильники демонстрируют определенное единство, то елунинские стоят несколько особняком, благодаря доминированию скорченных на боку захоронений [Кирюшин, 1985, с. 73-75]. В остальном погребальная обрядность культур описываемого блока и сейминско-турбинская очень похожи. Необходимо, правда, учитывать, что чисто чирковские и ташковские погребения не известны, а погребения на р. Конда содержат леушинский керамический материал. В остальном речь идет о грунтовых могильниках, погребения в которых располагаются рядами. Ориентированы они обычно не по сторонам света, а параллельно реке, на берегу которой функционировал могильник [Черных, Кузьминых, 1989, с. 20; Молодин, 1985, с. 76]. Погребенные часто лежат вытянуто на спине, хотя встречаются костяки, скорченные на боку или лежащие на спине с согнутыми в

коленях ногами [Черных, Кузьминых, 1989, с. 19; Матющенко, Симицына, 1988, с. 64; Молодин, 1985, с. 76-80]. Довольно велика доля вторичных захоронений, что и дает, вероятно, ощущение ограбленности могил. Очень часто костяки подвергнуты сильным разрушениям. Однако следы ограбления не фиксируются [Матющенко, Симицына, 1988, с. 64, 65; Молодин, 1985, с. 80, 81; Кирюшин, 1987, с. 103, 105, 107, 109]. Более того, “ограбленные” могилы были снабжены богатейшим инвентарем. Вероятно, обряд вторичного захоронения был вариативен. Существовал обычай помещения тела покойного на отведенную для этого площадку. После гниения мягких тканей и поедания их падальщиками, кости переносились в могильную яму [Матющенко, Симицына, 1988, с. 65]. Вместе с тем, в одной из могил елунинской культуры зафиксирован иной вариант этого обряда. Покойный был помещен на перекрытии или помосте над могильной ямой. После удаления мягких тканей и падения помоста в яму, могила была засыпана [Кирюшин, 1987, с. 105]. Возможно, по этому обычаю совершены и некоторые другие захоронения, но надежно зафиксировать это не удалось. Но так можно объяснить присутствие во вторичных захоронениях костяков с отдельными сочлененными костями.

Гораздо реже встречаются такие типы погребального обряда как трупосожжение, трупобожжение, захоронения черепов и ярусные погребения [Матющенко, Симицына, 1988, с. 65; Молодин, 1985, с. 81; Кирюшин, 1987, с. 103, 105, 107, 109, 114]. Характерной чертой является помещение инвентаря за пределами могильной ямы на древнюю поверхность. Вероятно, иногда инвентарь помещали и на помост или перекрытие при вторичных захоронениях, в результате чего фрагменты керамики оказывались впоследствии в заполнении ямы.

Таким образом, как и в случае с синташтинским погребальным обрядом, здесь мы фиксируем, при несомненном единстве комплексов и общности основных традиций, вариативность в обращении с телом покойного. Как о тенденции мы можем говорить о том, что чем реже в могильнике фиксируются костяки в анатомическом порядке, тем более “металлоносным” является этот могильник. Поэтому нельзя исключать связь сейминско-турбинских изделий с обычаем вторичных захоронений, хотя в условиях этни-

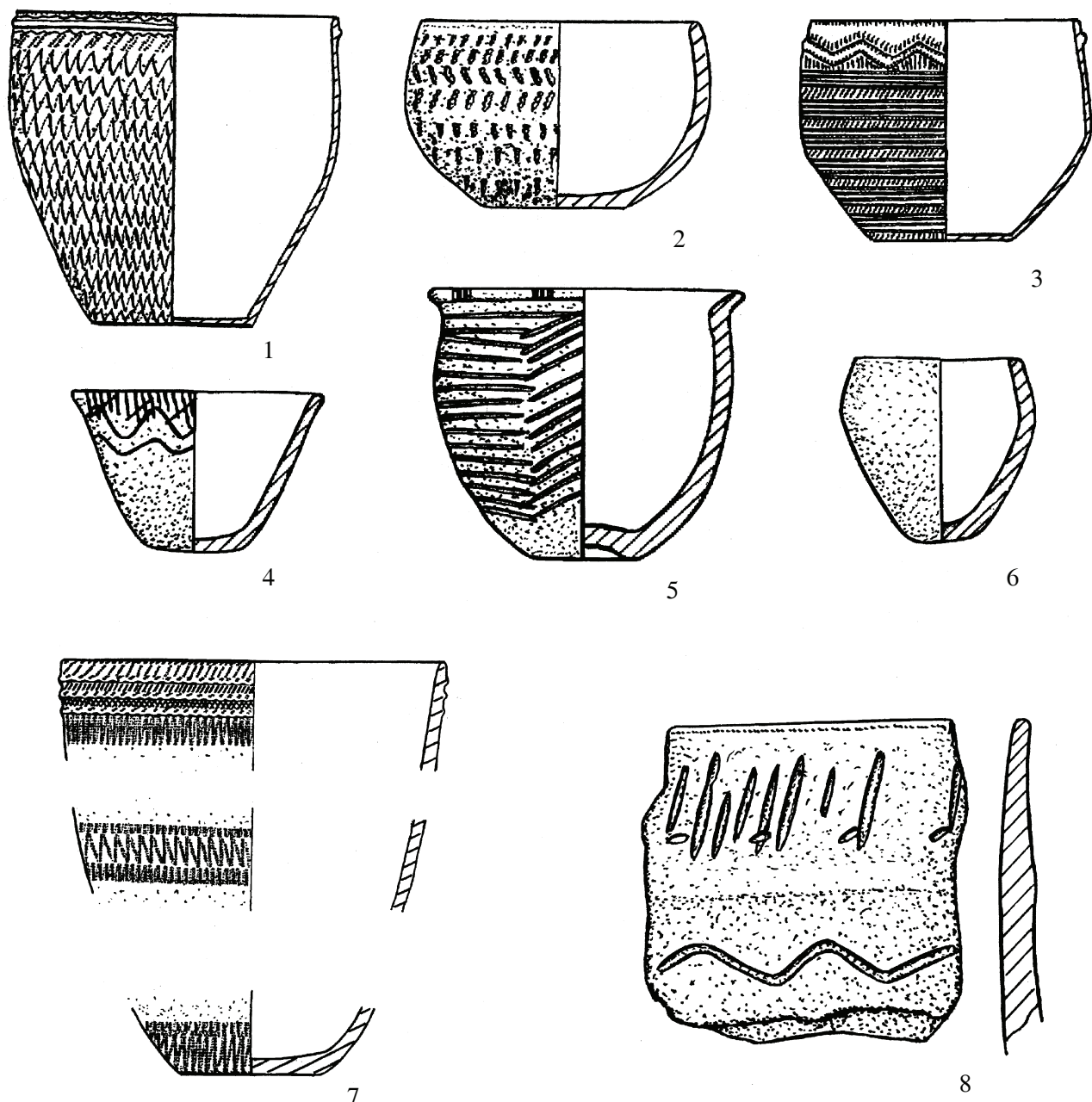

Рис. 68. Керамика сейминско-турбинских могильников. 1–3, 7– Ростовка; 4, 5– Решиное; 6, 8– Турбино.

ческих контактов эта связь и не может быть устойчивой.

Довольно своеобразные обычаи сейминских племен зафиксированы и в Поволжье. В этом плане весьма показательны материалы знаменитого Пепкинского кургана, где исследовано коллективное погребение абашевских воинов. В одной могиле находилось 28 погребенных, у 18 из них были отрезаны головы. На некоторых черепах зафиксированы следы скальпирования, в телах наконечники стрел, черепа пробиты чем-то вроде боевых топоров. Есть следы искусственного

трепанирования для извлечения фрагмента черепа, чтобы изготовить амулет. Весьма показательно, что стрелы, которыми были поражены погребенные, относятся к сейминскому типу [Медникова, Лебединская, 1999].

Очень своеобразным памятником является Канинская пещера на Печоре, который можно рассматривать как святилище или жертвенное место [Черных, Кузьминых, 1989, с. 23, 24].

Как правило, культурная идентификация археологических комплексов производится по керамике. В нашем случае это осложнено. Кера-

Рис. 69. Карта распространения памятников елуинской (а), кротовской (b), таиловской (с), чирковской (d) культур, леушинского культурного типа (e), валиковской керамики Прикамья (f), займищенского этапа приказанской культуры (g).

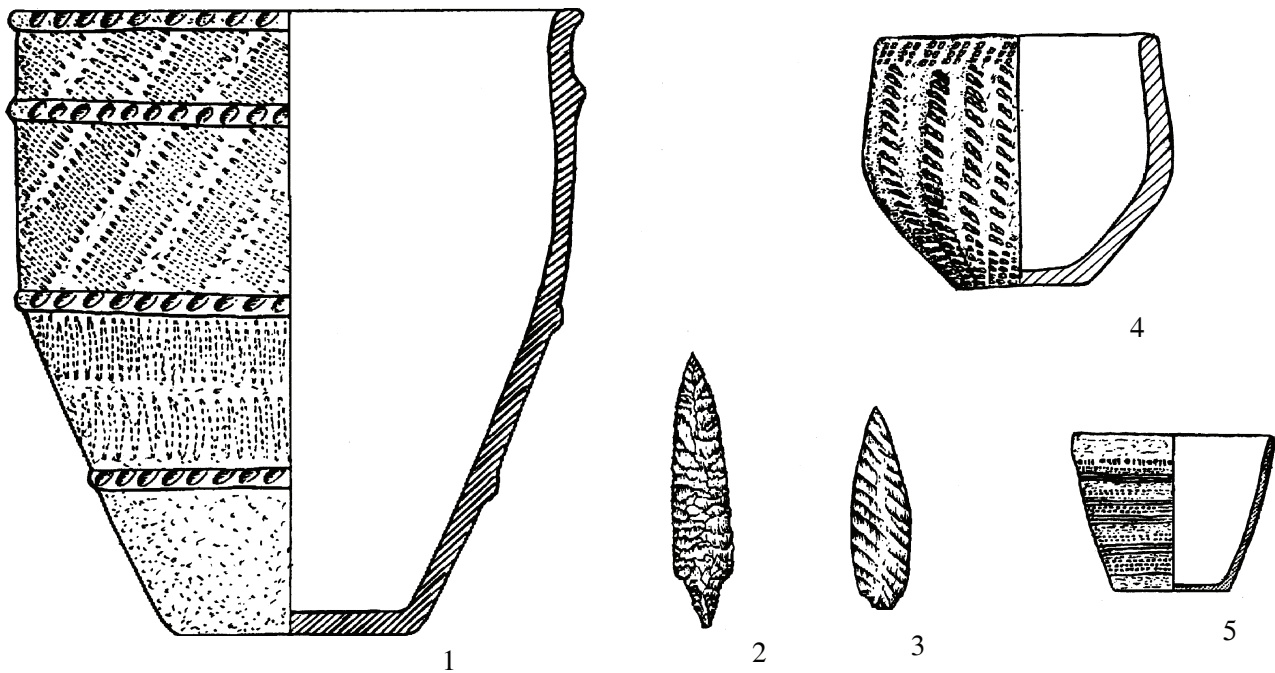

Рис. 70. Кротовская культура. 1 – Преображенка III; 2 – Черноозерье VI; 3, 5 – Саранин II; 4 – Сопка 2.

мика чирковских, ташковских и кротовских поселений достаточно хорошо изучена. Однако сопоставить ее с сейминско-турбинскими памятниками сложно, поскольку они содержат ничтожное количество керамического материала. И именно этот признак является культурно значимым. Елунинские погребения тоже бедны керамикой. В еще большей степени это относится к кротовским погребениям. На 200 погребений могильника Сопка 2 приходится лишь 10 сосудов [Молодин, 1985, с. 75, 82]. Поэтому мы вынуждены опираться на слишком ограниченные коллекции.

Исследователи неоднократно отмечали близость керамических традиций чирковско-ташковско-кротовско-елунинского культурного блока. Собственно, на этом основании и делаются выводы об определенном родстве данных культур [Стефанова, 1988, с. 70, 71; Кирюшин, 1987, с. 121; Ковалева, 1988, с. 45, 46; Халиков, 1987б, с. 136-139; 1991а, с. 8, 9; Глушков, 1988; Кирюшин, 1988, с. 61; Ковалева, Рыжкова, 1991, с. 33, 34; Соловьев, 1991, с. 51]. Классической формой этой посуды являются крупные закрытые банки удлиненных пропорций с широкой горловиной и сравнительно узким дном. Во всех культурах характерной чертой этой посуды является прямой или волнистый валик в верхней части

сосуда (рис. 68,1; 70,1; 72,2-4). Исследователи ташковской керамики обратили внимание на одну важную деталь, находящую параллели в синташтинской посуде. В отдельных случаях зафиксировано, что валики налепливались на прочерченный желобок [Ковалева, 1997, с. 29].

Техника нанесения орнамента в различных территориальных группах памятников (даже внутри кротовской культуры) различается. Чаще встречаются отпечатки гребенчатого штампа, шагающей гребенки, насечки, но в ташковской культуре, например, преобладает прочерченная техника, часто выполненная отступающей палочкой или лопаточкой [Молодин, 1985, с. 37-40; Стефанова, 1988, с. 60-63; Кирюшин, 1985, с. 73; Ковалева, 1988, с. 35-39; Халиков, 1987б, с. 136-139; Стефанова, 1986]. Эти различия обусловлены миграционным характером формирования всего культурного блока и включением в него местных компонентов.

Наряду с крупными банками, в коллекциях присутствуют сосуды меньших размеров и более приземистых пропорций. Это могут быть закрытые банки с плавной профилировкой или выраженным перегибом в средней части тулова, банки с почти прямыми отогнутыми наружу стенками (рис. 70,4,5). На Сопке 2 встречена посуда

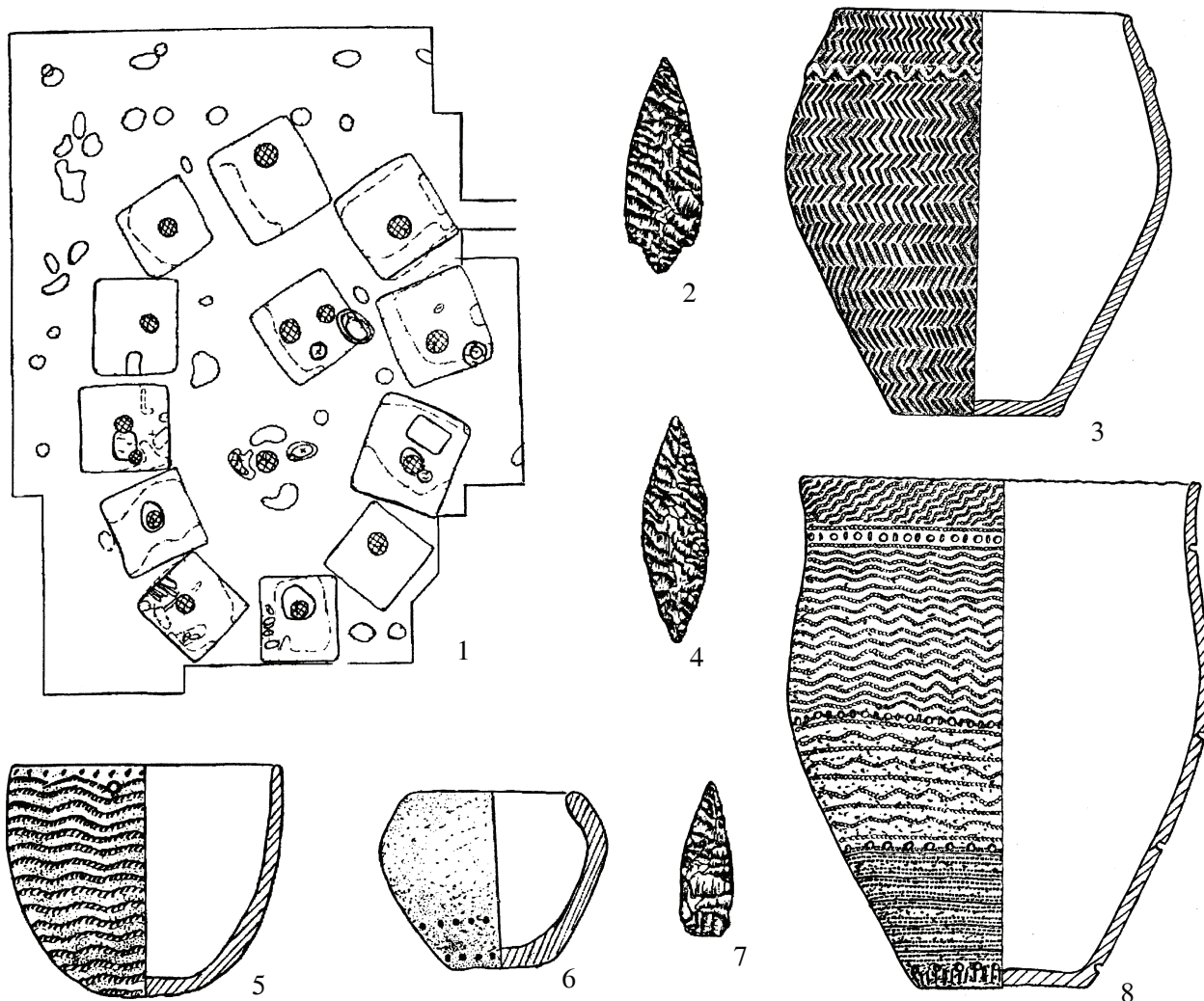

Рис. 71. Ташковская культура. Ташково II.

горшечно-баночного и горшечного типов [Молодин, 1985, с. 82].

Керамика сейминско-турбинских могильников, как правило, соответствует типам, описанным выше. В алтайских могильниках это елунинская и кротовская керамика [Кирюшин, 1987, с. 120, 121]. Но этот вариант кротовской посуды от посуды елунинской принципиально отличается лишь наличием валика. Процент валиковой посуды на иных кротовских памятниках тоже различается [Молодин, 1985, с. 38, 39]. Форма же и орнаментация этих групп алтайской посуды достаточно близки. Не исключено, что для Западной Сибири наличие или отсутствие валика является хронологическим признаком. Предполагается, что на ранней посуде валики либо единичны, либо

отсутствуют [Кирюшин, 1987, с. 120, 121; Стефанова, 1986, с. 44].

Керамика Ростовкинского могильника более разнообразна, хотя и она, в целом, не выходит за пределы керамических традиций кротовской и ташковской культур. В материалах могильника было выделено пять керамических групп. Несколько сосудов не было включено ни в одну из них [Матющенко, Сидицына, 1988, с. 89-95]. В первую вошли закрытые приземистые банки, украшенные короткими оттисками гребенчатого штампа, находящие аналогии в кротовской посуде Барабы, в коллекции могильника Сопка 2 [Молодин, 1985, с. 39, рис. 15,2,5,8] (рис. 68,2,3; 70,4). Более ранние аналогии этой керамике имеются в окуневских материалах [Вадецкая и др.,

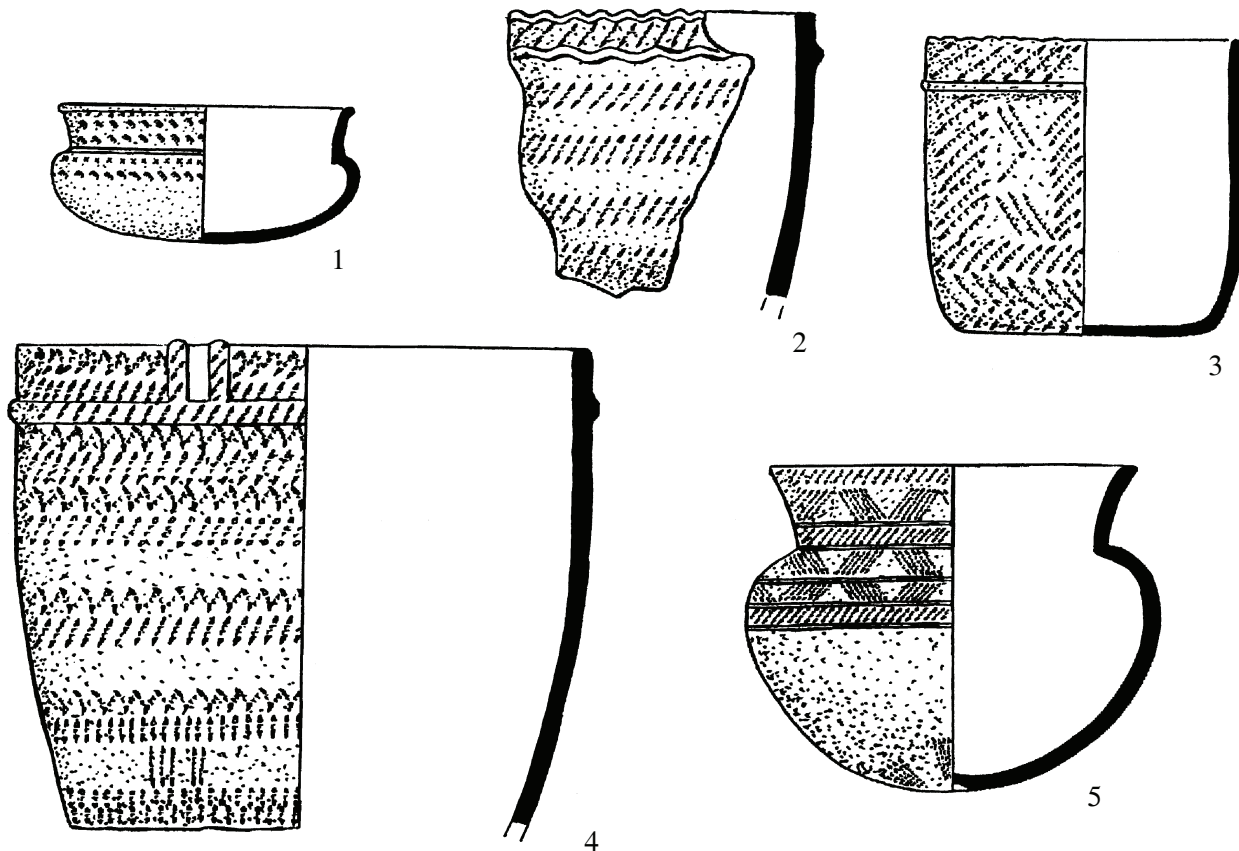

Рис. 72. Керамика чирковской культуры. 1, 3–5 – Галанкина Гора; 2 – Камский Бор II.

1980, табл. XXVII-XXIX]. Во вторую группу включены банки более стройных пропорций, украшенные налепным валиком, насечками, оттисками гребенчатого штампа и шагающей гребенки [Матющенко, Симицына, 1988, с. 91, 92] (рис. 68,1,7). Эта керамика аналогична среднеиртышской кротовской керамике [Стефанова, 1986; 1988] (рис. 70,1). Сосуды, не включенные в группы, близки кротовской посуде, хотя в них и присутствуют отдельные окуневские черты [Матющенко, Симицына, 1988, с. 95, 97]. Посуда третьей группы – банки, украшенные волнистым или зигзагообразным валиком и волнистыми линиями, в целом, не выходит за рамки кротовских стандартов, но волнистые прочерченные линии более свойственны ташковской посуде [Матющенко, Симицына, 1988, с. 92-95; Ковалева, 1988, с. 37, 38]. Незначительное количество посуды четвертой и пятой групп за счет слабой отогнутости венчика, прямых линий, выполненных в отступающей технике, зигзагов, рядов насечек и вдавлений наиболее сопоставимо с ташковской посудой [Матющенко,

Симицына, 1988, с. 92-95; Ковалева, 1988, с. 35-39], хотя относить эту керамику к ташковской культуре, по всей вероятности, нельзя.

Таким образом, основная часть керамики азиатской зоны распространения памятников сейминско-турбинского типа является кротовской. Другая часть посуды демонстрирует черты, сопоставимые с кротовскими традициями. Какая-либо керамика, выходящая за рамки ташковско-кротовско-елунинских стандартов здесь отсутствует. И хотя часть ростовкинской посуды сопоставляется с петровской [Черных, Кузьминых, 1989, с. 240], оснований для подобного заключения мы не видим. По всей вероятности, нет оснований и для предположения о том, что керамика принадлежит грабителям Ростовкинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, с. 240]. Сам по себе случай, когда грабителями оставлено такое количество посуды на погребальной площадке и в ямах нам не известен, как не известны и случаи намеренного оставления в ограбленных могилах бронзовых предметов. К тому же авторы раскопок следов

ограбления не зафиксировали [Матющенко, Синицына, 1988, с. 63].

Исходя из приведенных фактов, представляется вполне справедливым мнение о связи сейминско-турбинского металла с елунинскими и кротовскими памятниками, равно как и предположение о возможности подобной связи для ташковских памятников [Корочкова и др., 1991, с. 75].

Ситуация на сейминско-турбинских памятниках европейской зоны менее однозначна. Количество посуды здесь гораздо меньше. К тому же не сохранилась незначительная коллекция посуды Сейминского могильника, известная только по эскизам [Черных, Кузьминых, 1989, с. 228]. На других памятниках обнаружено лишь несколько сосудов. В результате, мнения исследователей разделились. В настоящее время актуальными являются две точки зрения на данную керамику: как на абашевскую [Черных, Кузьминых, 1989, с. 228-230] и как на чирковско-сейминскую [Халиков, 1987б, с. 136]. Действительно, три сосуда из могильника Решное сопоставимы с абашевскими формами [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,7,9,10]. При этом один из этих сосудов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,9] по форме может быть вполне отнесен и к ташковским [см. Ковалева, 1988, с. 37, рис. 7,1]. Один из сосудов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,6] близок как абашевской, так и синташтинской посуде (рис. 68,5). Сходство с последней подчеркивается орнаментом и вогнутостью дна, что обычно образуется при снятии посуды с шаблона в процессе формовки. Однако остальная керамика, на наш взгляд, абашевских черт не несет. Горшки с раздутым туловом и короткой прямой шейкой [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,8] для абашевских керамических серий не характерны, зато близки посуде кротовского могильника Сопка 2 [Молодин, 1985, с. 39, рис. 15,1,3]. Трактовка решенской банки с прямыми отогнутыми наружу стенками как абашевской [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,11] не может быть однозначной. Форму эту нельзя отнести ни к абашевским “стаканам”, имеющим вертикальные стенки, ни к абашевским чашам, стенки которых более профилированы (рис. 68,4). Эта форма вызывает ассоциации с посудой кротовской культуры Среднего Прииртышья [Стефанова, 1988, с. 58, рис. 2,8] (рис. 70,5).

Более определенно мы можем говорить о миниатюрной закрытой банке из Турбинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,12; Бадер, 1964, рис. 105] (рис. 68,6). Подобные сосудики хорошо известны как в ташковских, так и в кротовских материалах [Молодин, 1985, с. 39, рис. 15,4; Ковалева, 1988, с. 37, рис. 7,4; 1997, рис. 31,2] (рис. 71,6). Кроме того, в Турбинском могильнике обнаружены фрагменты баночного сосуда с наlepным валиком, имеющим несомненные ташковско-кротовские параллели [Бадер, 1964, рис. 105, 106] (рис. 68,8). Две банки закрытого типа из могильника Соколовка [Черных, Кузьминых, 1989, с. 229, рис. 103,13,14] тоже не вписываются в абашевскую керамическую традицию, в рамках которой подобный изгиб тулова имеют лишь горшки. На кротовских памятниках подобные формы известны [Молодин, 1985, с. 39, рис. 15,2,5,8; Стефанова, 1988, с. 58, рис. 2,5, с. 59, рис. 3,4]. Исследователи памятника достаточно осторожно соотносят эту посуду с полтавкинской, однако присутствие в коллекции массивновислообушного топора и фрагмента сосуда срубного облика [Косменко, Казаков, 1976] делают эту параллель сомнительной по хронологическим соображениям. Впрочем, данный памятник не может быть опорным, поскольку материал собран из слоев, размытых водоохранилищем.

Итак, в свете приведенных фактов, мы не находим, что трактовка керамики Сейминского могильника как чирковской утратила свою актуальность, хотя какого-то решающего значения эта керамика иметь не может. Вся коллекция посуды настолько мала, что в любом случае не позволит делать выводы о процентном соотношении абашевской и чирковской посуды в сейминско-турбинских комплексах. Для нас важен сам факт их сосуществования. При этом с чирковско-кротовской керамикой, как и на востоке, связан сейминско-турбинский металл. Присутствие абашевской посуды вполне объяснимо теми теснейшими контактами с абашевским миром, которые установлены для сейминско-турбинского населения [Черных, Кузьминых, 1989, с. 273-275].

Впрочем, возможно, сложность интерпретации этой керамики связана также с тем, что многие комплексы чирковской культуры очень схожи с абашевскими. Объясняется это тем обстоятельством, что развитие зарождающейся

чирковской традиции было прервано приходом абашевцев [Большов, 1991, с. 164, 165] или включением абашевцев в чирковско-сейминские коллективы. В любом случае, следует согласиться с мыслью о том, что на огромных пространствах от Ростовки до Решного мы не должны ожидать обнаружения однотипной керамики. Более перспективны поиски культур, близких по происхождению и историческим судьбам [Бадер, 1976, с. 45]. Вместе с тем, мы не считаем, что анализ керамической коллекции является решающим аргументом, поскольку изготовление посуды – занятие женское и в могильниках мигрирующих воинских коллективов вполне может оказаться посуда, присущая тому населению, через территорию которого эта миграция осуществлялась. Тем не менее, сходную картину дает нам и анализ иного материала.

В кротовской культуре Барабы известно четыре типа наконечников стрел: черешковые, подтреугольные, миндалевидные (в том числе с подработанным основанием) и иволистной формы [Молодин, 1985, с. 40]. При этом более характерны именно два последних типа. Примечательно, что по одному экземпляру двух первых типов обнаружено в погребении литейщика с сейминско-турбинским инвентарем из могильника Сопка 2 [Молодин, 1983, с. 104, 105]. На Алтае, в могильнике Цыганкова Сопка, в погребениях с сейминско-турбинским ножом и кротовско-елунинской керамикой обнаружены стрелы всех четырех типов [Кирюшин, 1987, с. 106, 113, 114]. Те же типы и на кротовских памятниках Прииртышья, однако, здесь количественно преобладают черешковые и подтреугольные наконечники [Стефанова, 1988, с. 64, 65] (рис. 70, 2, 3). Аналогичная ситуация и на Ростовкинском могильнике, где выделено три типа наконечников: черешковые и бесчерешковые (последние разделены на мелкие (треугольные) и крупные) [Матющенко, Симицына, 1988, с. 82]. Крупные бесчерешковые наконечники по форме близки отдельным экземплярам миндалевидных наконечников с подработанным основанием Барабы. На ташковских памятниках наблюдается состав наконечников, близкий кротовским памятникам Прииртышья [Ковалева, 1988, с. 40, 41; 1997, рис. 53, 54]. Аналогичный набор содержат и сейминско-турбинские памятники Приуралья и Средней Волги [Черных, Кузьминых, 1989, с. 230-234] (рис. 66, 14-17).

Таким образом, мы видим практически идентичный колчаный набор. Несколько выбиваются из общей картины лишь материалы могильника Сопка 2 за счет доминирования миндалевидных и иволистных наконечников. При этом данный могильник содержит меньшее количество собственно сейминско-турбинских включений.

В кротовских и сейминско-турбинских памятниках встречены и костяные наконечники стрел [Черных, Кузьминых, 1989, с. 23, 233; Матющенко, Симицына, 1988, с. 88; Молодин, 1985, с. 47-51; Стефанова, 1988, с. 66]. Наибольшее количество и разнообразие типов демонстрируют два памятника – Канинская пещера и Сопка 2. Для нас, в данном случае, важно то, что эти типы практически идентичны.

Каменные навершия булав шаровидной формы являются редкостью. По одной находке сделано в Сопке 2, Ростовке, Сатыге и Усть-Гайве [Матющенко, Симицына, 1988, с. 85; Молодин, 1985, с. 42; Кокшаров, 1991, с. 96].

Исследователи отмечали близость обнаруженного в кротовском слое поселения у с. Мичуринское цельнолитого несомкнутого серебряного кольца с позолотой ростовкинским экземплярам [Мерц, Франк, 1996, с. 75]. Из других изделий мы можем сопоставить “утюжки” (иногда их называют выпрямителями древков стрел), обнаруженные в Ростовкинском могильнике и в Сопке 2 [Матющенко, Симицына, 1988, с. 86, 87; Молодин, 1985, с. 46] и каменные двусторонне-необработанные ножи. Последние очень характерны для сейминско-турбинских могильников. Они представлены в Сейме, Турбино и Ростовке (рис. 66, 13). Для кротовских и ташковских памятников они менее характерны, хотя отдельные экземпляры и встречены в Барабе и Ташково II [Черных, Кузьминых, 1989, с. 230; Матющенко, Симицына, 1988, с. 83, 84; Молодин, 1985, с. 42; Ковалева, 1988, с. 41].

На кротовских памятниках Среднего Прииртышья обнаружены капли бронзы, обломки тиглей, литейная форма для изготовления копья и нож сейминско-турбинских типов [Стефанова, 1988, с. 66]. Форма для отливки сейминского копья обнаружена также на Алтае, на поселении Калантырь 11 [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 94]. Следы металлообработки зафиксированы и на поселении Ташково II [Ковалева, 1988, с. 40]. Крайне важным представляется то, что анализы

капель металла показали наличие оловянистой бронзы группы ВК. Подобной рецептурой в этот период владели исключительно сейминско-турбинские металлурги.

Представляется, что приведенные факты являются достаточно вескими для того, чтобы связать сейминско-турбинскую и кротовско-ташковскую металлообработку. Даже на синташтинских поселениях, исследованных на сегодняшний день несоизмеримо большими площадями, чем кротовские, находки бронзовых орудий, форм, тиглей или следов металлообработки, скорее, исключение. Больше их уже в слоях петровского времени. Собственно синташтинским комплексам “производственную” окраску придают шлаки, полученные при плавке руды, что, естественно, отсутствовало в безрудных районах Западной Сибири.

Таким образом, вся совокупность фактов позволяет рассматривать чирковско-ташковско-кротовско-елунинский культурный блок и сейминско-турбинские памятники в качестве культурно связанных явлений, а проблемы происхождения этих групп памятников, как единую проблему. Сформулированное положение позволяет также поставить вопрос о включении всех этих комплексов в одну культурно-историческую общность. Вопрос о ее существовании уже поднимался, но в связи с этим не рассматривались сейминско-турбинские материалы [Глушков, 1988]. Несложно заметить, что значительная часть компонентов, входящих в эту общность, ранее была включена в самусьскую культурную общность [Косарев, 1981, с. 86-106]. Речь идет о памятниках, определяемых в настоящее время как ташковские и о Ростовкинском могильнике. Однако, керамические типы этих памятников близки кротовским. С другой стороны, хронологическая позиция культур включенных в самусьскую общность, различна. Анализ керамического материала поселения Самусь IV показал его разнокультурность [Молодин, Глушков, 1989, с. 129]. В нем были выделены степановские материалы, датируемые первой половиной II тыс. до н.э., самусьские (середина II тыс. до н.э.) и гребенчато-ямочная керамика второй половины II тыс. до н.э. Причем, генетически эти комплексы не связаны.

Более позднюю дату имеет и самусьская металлообработка [Черных, Кузьминых, 1988а,

с. 73; 1989, с. 160]. Она воспринимает основные черты сейминско-турбинской, но характеризуется уже изделиями самусьско-кижировских типов. Зона распространения этих бронз смещена к северу относительно сейминских [Черных, Кузьминых, 1988а, с. 72, 73; 1989, с. 16]. Это не позволяет рассматривать материалы Ростовкинского могильника в рамках самусьской общности. Они должны включаться вместе с прочим сейминским материалом в одну общность с кротовской и родственными ей культурами. Эта общность может быть названа сейминской, но в историографии этот термин несет достаточно конкретную смысловую нагрузку. Вполне приемлемым может быть термин “ростовкинская” – по названию прекрасно исследованного памятника, наиболее четко отражающего все компоненты, включаемые в эту общность. В этом могильнике сочетаются характеристики сейминско-турбинских, кротовских и ташковских памятников. Соответственно, в общность входят чирковская (чирковско-сейминская), ташковская, кротовская и елунинская культуры, а также леушинский тип бассейна Конды. В какой-то степени с ней можно сопоставлять вишневские и степановские комплексы в качестве местного, хронологически предшествующего субстрата. Впрочем, проблема названия не представляется нам принципиальной. На страницах этой работы мы будем все явление называть “сейминским” или “сейминско-турбинским” что является более привычным. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что возможность включения данных комплексов в одну общность может рассматриваться в настоящее время лишь в качестве гипотезы, поскольку пока не ясны механизмы ее функционирования. Но вывод о том, что все эти культуры были вовлечены в единый процесс, представляется нам бесспорным.

Особого обсуждения требует поздний клад, обнаруженный на территории Ростовкинского могильника. В него входят два четырехгранных втульчатых долота (рис. 66, 7, 8), три однолезвийных ножа, шилья и иглы. С кладом ассоциируется керамика, украшенная “жемчужинами” и рядами вдавлений, часто имеющая поддон и не обнаруживающая прямых параллелей в других западносибирских культурах. Для клада предложена датировка временем перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку [Матюценко, Сини-

цына, 1988, с. 99-102, 123-125; Черных, Кузьминых, 1989, с. 240-242]. В данном случае в нашу задачу вовсе не входит опровергнуть предложенную датировку. В большей степени нас интересует возможное время появления втульчатых четырехгранных долот, поскольку это представляется весьма важным для нашего дальнейшего обсуждения судьбы сейминско-турбинских племен.

Необходимо отметить, что предложенная поздняя дата далеко не бесспорна, поскольку все металлические изделия клада имеют чрезвычайно широкий диапазон дат. Поздняя же датировка посуды, основанная на наличии поддонов, тоже может быть подвергнута сомнению, поскольку посуда с поддоном изредка встречается уже в синташтинское время, а в южных культурах еще раньше. Четырехгранные втульчатые долота в Западной Сибири прототипов не имеют. Нам не известны и их аналоги на Ближнем Востоке, где подобные изделия имеют разомкнутую втулку, сохраняющуюся даже в ПБВ. Известны, впрочем, более ранние находки подобных изделий, чем в Западной Сибири. При раскопках на Кипре, например, было обнаружено втульчатое долото с разомкнутой втулкой [Vermeule, Wolsky, 1990, tabl. 103]. Вероятно, независимо от датировки данного конкретного клада, четырехгранные долота с литой втулкой существовали уже в сейминское время, хотя и не отложились ни в одном закрытом сейминском комплексе. Как правило, крупные производственные орудия оказываются вырваны из культурного контекста, поскольку погребальным инвентарем они обычно не служили. В сейминских могильниках, например, не обнаружено ни одного втульчатого желобчатого долота, но из Ростовкинского могильника происходит литейная форма для его отливки [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 38,3] (рис. 66,6). Это единственный факт, свидетельствующий о существовании данного типа изделий в течение целой эпохи.

Более важным и показательным является следующее обстоятельство. При распространении на запад сейминско-турбинских изделий, либо изделий, наследующих сейминско-турбинские традиции, втульчатые долота (и четырехгранные, и желобчатые) оказываются их обязательными спутниками.

2.3. Проблемы культурогенеза в Северной Евразии в начале ПБВ

Формирование культур описываемой общности проходило на многокомпонентной основе, что характерно для культурогенеза вообще. Эти аспекты были затронуты, в первую очередь, при решении проблемы происхождения сейминско-турбинских памятников [Черных, Кузьминых, 1989, с. 251-253]. Их генезис видится как результат взаимодействия рыболовов и охотников, оставивших памятники глазковской культуры, локализующиеся в районе между Енисеем и Байкалом и группами скотоводов и металлургов Алтая и прилегающих районов. Действительно, в инвентаре сейминско-турбинских памятников обнаруживается множество параллелей с глазковскими материалами: двусторонне обработанные вкладыши прямоугольной формы, асимметричные кремневые ножи, нефритовые кольца, костяные наконечники стрел, пластины доспехов и отжимники, способ крепления ножей под углом в костяную рукоять [Черных, Кузьминых, 1989, с. 230-235; Хлобыстин, 1987, с. 332, 333] (рис. 66,412,13). Эта параллель справедлива и для каменных наконечников стрел с прямым основанием, во всяком случае, для той их части, которая отличается более вытянутыми пропорциями и прямыми гранями пера. Возможно, в этот список можно включить и пластинчатые бесчерешковые бронзовые ножи, появляющиеся в глазковской культуре [Хлобыстин, 1987, с. 332]. Представляется важным и соответствие погребального обряда. Глазковские погребения тоже грунтовые и расположены рядами вдоль реки. Погребенные лежат вытянуто на спине, реже – на спине согнутыми в коленях ногами. Изредка встречаются захоронения голов, трупосождения, ярусные погребения [Хлобыстин, 1987, с. 328-330]. Оговорку, вероятно, необходимо сделать лишь для костяных пластинчатых доспехов и бронзовых ножей. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с обратным заимствованием, появившимся в глазковской среде Прибайкалья, благодаря контакту с сейминцами. Однако, в любом случае, аналогии рассматриваемому нами культурному блоку достаточно обширны. Поэтому отдельные попытки связать нефритовые изделия с районами Средней Азии [Винник, Кузьмина, 1981, с. 50], даже если они являются справедли-

выми, ситуации не меняют. Оснований для сомнений в участии в культуругенезе на территории Западной Сибири глазковского населения у нас нет. Не исключено, что это население появляется на Алтае уже в конце энеолитической эпохи. Во всяком случае, здесь в энеолитических слоях обнаружены асимметричный каменный нож и прямоугольный вкладыш [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 101, 111]. Помимо них обнаружен наконечник дротика, близкий ташковскому [Ковалева, 1988, с. 40, 41]. Впрочем, аналогии каменным ножам и прямоугольным вкладышам можно найти и южнее, на территории Кызылкумов (см. ниже). Эти аналогии, по-видимому, более оправданны и контакт с глазковским населением происходил где-то восточнее.

Сложнее обстоит дело с происхождением керамики рассматриваемого культурного блока. Как правило, исследователи видят местные западносибирские и зауральские корни ташковской и кротовской орнаментальных традиций [Косарев, 1981, с. 107; Стефанова, 1988, с. 70-72; Ковалева, 1988, с. 44]. Это более чем вероятно, с учетом своеобразия орнаментации всех культур этого блока на различных территориях. На Алтае зафиксированы прототипы елунинской и местной кротовской керамики [Кирюшин, 1988, с. 61]. Видимо, мнение о досейминской хронологической позиции ранних ташковских и кротовских памятников справедливо. Однако это не относится к памятникам типа Ташково II с сейминским набором наконечников стрел, посудой с валиком, кольцевой планировкой поселений и другими признаками, которые мы выше обсуждали. Поэтому можно полагать, что в процессе формирования всех этих культур местное население приняло самое непосредственное участие. В Саянах таким местным субстратом выступают позднеафанасьевские и окуневские комплексы, что маркируется как некоторыми керамическими типами Прииртышья, так и уже упоминаемым обнаружением копья с литой втулкой в позднеафанасьевском погребении. Собственно, то же можно сказать и о Приуралье и Поволжье, где в этнокультурном процессе участвовало кротовско-ташковское, поздневолосовское, балановское и абашевское население [Халиков, 1987б, с. 136, 137; Соловьев, 1991, с. 60-64].

Однако для нас остается невыясненным происхождение важнейших черт материальной куль-

туры, привнесенных предполагаемой группой алтайских металлургов и скотоводов. На местной алтайской основе они сформироваться не могли. Для определения их происхождения назовем эти черты. В первую очередь это, безусловно, технология производства орудий из оловянистых и олово-мышьяковых бронз и основные характерные типы изделий: кельты, втульчатые наконечники копий с широким пером, кинжалы (рис. 65,1-11; 66,1-3). Во-вторых, это отдельные архитектурные традиции. Имеется в виду, прежде всего, круглоплановая планировка ташковских поселений (рис. 71,1). На кротовском поселении Черноозерье I в Среднем Прииртышье прямоугольные жилища с очагами в центре расположены рядом друг с другом и тоже под небольшим углом. Полностью планировка не выяснена из-за ограниченности раскопанной площади. Предполагается, что иные строения здесь отсутствовали, но сами постройки близки ташковским [Генинг, Стефанова, 1982, с. 53-55]. На кротовских поселениях Инберень X и Черноозерье VI зафиксированы оборонительные рвы [Стефанова, 1988, с. 55]. Укрепления исследованы и на леушинских поселениях Волвонча I и Пашкин Бор I [Кокшаров, Стефанова, 1993; Стефанова, Кокшаров, 1988]. В-третьих, это черешковые наконечники стрел и каменные булавы, отсутствующие в глазковской культуре. В-четвертых, обряд вторичных захоронений. И, наконец, в-пятых, традиция украшения посуды валиками под венчиком. На всей территории Северной Евразии подобная традиция в досейминское время встречается редко. Исключение составляют синташтинская и окуневская культуры, однако на посуде, наследующей окуневские черты, этот признак не представлен. Связь валиковой посуды с носителями металлургических традиций наиболее ярко проявляется в леушинских памятниках бассейна Конды, где одновременно с металлообработкой появляются валики на керамике, не имеющей ничего общего с кротовской. Выше уже отмечалось, что раннекротовской посуде валики, по-видимому, не характерны.

Не трудно заметить, что весь описанный комплекс чрезвычайно близок синташтинскому. К сказанному можно добавить бронзовый черешковый наконечник стрелы, обнаруженный на Алтае в погребении с кротовским сосудом [Кирюшин, 1987, с. 114]. Он близок подобным (надо

признать, довольно простым) абашевским нако-
нечникам [Пряхин, 1976, с. 151].

Еще одна параллель – технология формовки крупных банок. В кротовской культуре она начиналась с венчика, затем ленточным способом выводилась относительно вертикальная верхняя часть тулова, далее стенки резко сужались, и крепилось дно [Глушков, 1990, с. 65, 66]. Форма синташтинских банок, в принципе, близка, что указывает на возможность аналогичной технологии. Однако окончательно нас убеждает в этом то обстоятельство, что от венчика к придонной части стенки становятся порой в несколько раз тоньше и при другом способе изготовления они не выдержали бы нагрузки во время формовки. Вероятно, в пользу этого свидетельствует и утолщенная форма венчика.

Это заставляет нас рассмотреть гипотезу о синташтинском факторе в формировании культур данного блока. Чисто хронологический аспект этому, как будто, не противоречит, так как синташта частично укладывается в досейминское время. Присутствие синташтинско-абашевских изделий в сейминско-турбинских комплексах [Черных, Кузьминых, 1989, с. 183], на первый взгляд, тоже является подкреплением подобной гипотезы. Однако, несмотря на это, мы вынуждены ее отвергнуть. Синташтинские и сейминские копья по форме действительно близки. Однако они выполнены с применением абсолютно различной технологии. Возможность возникновения тонкостенного втульчатого литья на Урале отсутствовала, поскольку здесь не известны месторождения олова. Не было также традиции литья кинжалов с металлической рукоятью и кельтов. Синташтинские валики под венчиком обычно имеют приостренную, а не округлую форму, как кротовские. Архитектура и погребальный обряд, по сравнению с синташтинскими, чрезвычайно упрощены и потому не позволяют предполагать непосредственного заимствования. Но самое главное заключается в том, что западная направленность распространения сейминско-турбинского металла доказывается целым комплексом морфологических и химических данных [Черных, Кузьминых, 1989]. На эту же направленность указывает и глазковский компонент. Мы можем, конечно, допустить проникновение каких-то абашевских групп на Алтай и последующее их возвращение уже в трансформированном виде

[Горбунов, 1990, с. 13-17]. Чисто гипотетически это возможно, учитывая высокую динамику этой культуры. Однако более верным нам представляется иной вариант. Отмеченное сходство культурных признаков обусловлено близкой родственностью исходных компонентов, а не их генетической связью. Поэтому более убедительной является гипотеза об изначально переднеазиатском происхождении главного компонента, оказавшего решающее влияние на формирование всего описанного феномена. В разделах, посвященных анализу синташтинской архитектуры и погребального обряда, уже приводились примеры круглоплановой архитектуры, вторичных захоронений костяков и частичной кремации в Передней Азии, что избавляет нас от необходимости повторять их здесь. В первую очередь, нас будут интересовать сопоставления по металлу, параллели которому в Северной Евразии в досейминское время практически отсутствовали.

Аналогии мы обнаруживаем только в Циркумпонтийской металлургической провинции. Начиная с РБВ, здесь широко распространено литье по восковой модели навершеный и украшений обухов топоров в виде фигурок животных, а с СБВ начинается широкое использование оловянистых лигатур. В Трое широкое распространение оловянистых лигатур фиксируется даже раньше – с периода Троя II. Наиболее раннее применение литья по восковой модели фиксируется кладом в Нахал Мишмат в Палестине, датируемым концом IV тыс. до н.э. [Moorey, 1975, p. 42; Muhly, 1980, p. 30-32; Müller-Karpe A., 1994, S. 155]. Начало же использования на Ближнем Востоке оловянистых лигатур уходит в начало эпохи ранней бронзы (Кудейде, Икизтепе, Алишар, Троя I, Ферми I, Тепе Гийян, Тепе Яхья) [Moorey, 1975, p. 43; Coghlan, 1975, p. 47; Yalcin, 2000, p. 27]. Тексты из Ура периода РД I довольно отчетливо различают медь и оловянистые бронзы [Potts, 1994, p. 153]. В XX-XIX вв. до н.э. через регионы Юго-восточной Анатолии осуществлялись колоссальные поставки олова. Вес отдельных слитков достигал 65 кг. Подсчитано, что за 50 лет могло быть перевезено около 80 тонн этого металла. Из этого количества можно было получить около 800 тонн бронзы [Muhly, 1980, p. 33]. Поэтому в данном районе эти технологии имели глубокую традицию, что отсутствовало в Саянах и на Алтае.

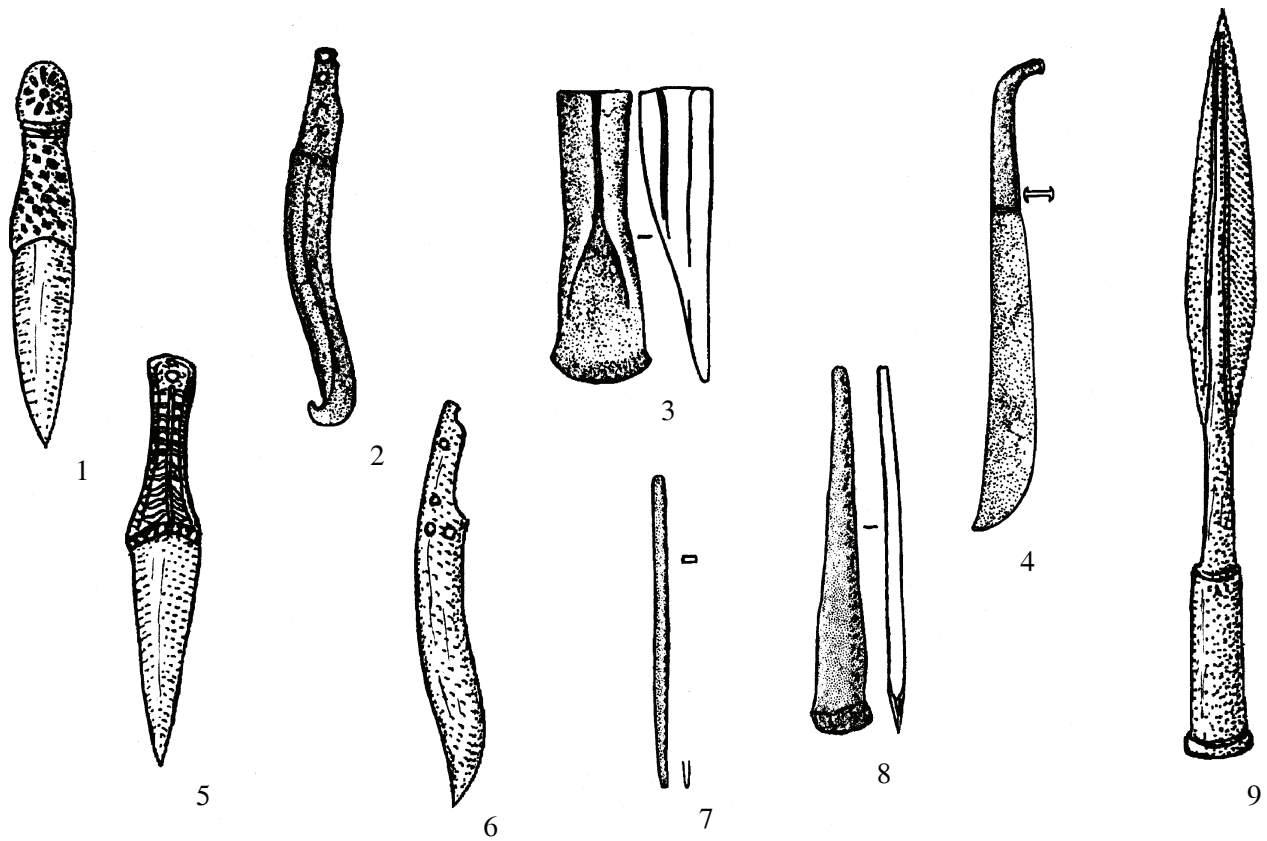

Рис. 73. Ближневосточные аналоги сейминскому металлу. 1 – Киш (сер. III тыс. до н.э.); 2 – Кюль-тепе (конец III – начало II тыс. до н.э.); 3 – Хама J; 4 – Газа (XVIII–XVII вв. до н.э.); 5 – Сачхере (вторая пол. III тыс. до н.э.); 6 – Богазкёй (XVI–XV вв. до н.э.); 7 – Бейджесултан; 8 – Икизтепе; 9 – Египет (XVI в. до н.э.).

Особый интерес вызывают сейминско-турбинские изделия, содержащие высокие концентрации серебра в меди. При этом зафиксированы сплавы Cu+Ag и Ag+Cu. Из 353 проанализированных сейминско-турбинских вещей известно только 22 предмета с таким химическим составом. Предполагается, что источником этого металла было месторождение Никольское, расположенное рядом с Таш-Казганом на Урале [Черных, Кузьминых, 1989, с. 166, 172-175]. Однако достоверно определить происхождение металла, базируясь на спектральном анализе невозможно. Более вероятно, что мы имеем здесь дело с легированием. Подобные изделия известны на Ближнем Востоке, хотя и встречаются довольно редко [Hauptmann, Palmieri, 2000, p. 77].

В Анатолии с СБВ известны двулезвийные кинжалы с литой рукоятью и однолезвийные кинжалы с горбатой спинкой. Примечательно, что здесь, как и в сейминских бронзах, у двулезвийных кинжалов рукоять обычная, а у однолезвийных плоская, с бордюром по краю. Сходное строение

рукояти имеет и однолезвийный кинжал из Тель эль-Аджул, хотя у него и нет изогнутой спинки (рис. 73,1,2,4-6). Известны здесь и втульчатые копья с широким пером, но втулка изготавливается еще по иной технологической схеме – ковкой [см. Авилова, Черных, 1989, с. 51-53; Черных, Кузьминых, 1989, с. 108-124; Müller-Karpe, 1974, Taf. 166.25]. Подобные копья со второй половины III тыс. до н.э. появляются повсюду на Ближнем Востоке [Горелик, 1993, с. 62]. Для того чтобы копьё не соскакивало с древка ему была необходима ременная обмотка втулки. Образец копья с разомкнутой втулкой и ременной обвязкой был обнаружен в покровском кургане у поселка Сторожевка в Нижнем Поволжье [Ляхов, 1996]. На некоторых экземплярах сейминских копий присутствует литая имитация подобных обвязок, что заставляет связывать их генезис с районами, где были известны копья с разомкнутыми втулками (рис. 65,4). В Анатолии и Сирии некоторые копья с разомкнутой втулкой имели небольшое бронзовое кольцо или обойму, заменявшую ременную обвязку [Erkanal, 1977,

Taf. 15, 16; Müller-Karpe, 1974, Taf. 253.10,11]. Как мы увидим ниже, эта деталь впоследствии отразилась на сейминских копьях.

Достаточно примечательным фактом является появление в XVII в. до н.э. на Ближнем Востоке копий с литой втулкой. Из Египта происходит гиксосское копье с надписью фараона Яхмеса I (начало XVI в. до н.э.) (рис. 73,9). Оно втульчатое, с обоймой на втулке, ланцетовидным пером и по своим пропорциям близко сейминским, хотя и имеет более узкое перо [Берлев, Ходжах, 1979]. Втульчатые литые копья являются довольно типичной находкой в Сирии (Рас-Шамра I), на триалетских памятниках Закавказья (Триалети, Арич и т.д.) и в шахтных гробницах Микен. Датируются они по сирийским параллелям XVII-XV вв. до н.э. [Джанаридзе, 1994, таб. 26,22, табл. 26,5, с. 89; Кушнарева, 1994, с. 104]. Отличительной особенностью этих копий является наличие обоймы на втулке. Первоначально она служила, вероятно, для прикрепления наконечника копья с разомкнутой втулкой к древку, но на триалетских литых копьях обоймы часто сделаны из серебра и золота и имеют чисто орнаментальную функцию. В сейминских копьях крепежную функцию выполняют ушки на втулке. По краю втулок сейминских копий имеются валики или манжеты (часто с орнаментом), отлитые вместе со втулкой (рис. 65,5,11). Функционального смысла они не имеют и являются дериватами обойм, известных по копьям Ближнего Востока. В это же время, как уже говорилось выше, на Ближнем Востоке появляются однолезвийные ножи и кинжалы с литой рукоятью и бордюром по ее краю. В отличие от Анатолии рамочная рукоять становится характерной и для двулезвийных кинжалов. Массовое их распространение приходится на XVII в. до н.э. [Горелик, 1993, с. 17]. Сейминские двулезвийные кинжалы с литой рукоятью и дугообразной отбивкой лезвия практически идентичны кинжалам из Киша и Сачхере середины и второй половины III тыс. до н.э. [Черных, Кузьминых, 1989, с. 116, рис. 65; Горелик, 1993, с. 222, таб. III,22,56]. Широко распространено было в Передней Азии и украшение рукоятей кинжалов, обухов топоров или чеканов литыми фигурками животных [Горелик, 1993, с. 222, таб. III,23,33,34, с. 226, таб. V,6,11,21, с. 258, таб. XXI,42,43,47,53,57,67,71,80, с. 270, таб. XXVII,8].

Более непонятен генезис такого орудия, как кельт. Не исключено, что прототипом их были переднеазиатские втульчатые боевые тесла. На гипотетическую возможность подобной трансформации указывают более поздние втульчатые тесла из Армении имеющие, как горизонтальную, так и вертикальную втулку [Горелик, 1993, табл. XXVI,105,106]. В этом случае прототипом ушек могут быть цапфы плоских тесел, использовавшиеся для крепления к рукояти и широко распространенные в южной зоне ЦМП [Авилова, Черных, 1989, с. 54; Picchelaury, 1997, Taf. 31-32]. Подобные допущения уместны лишь на фоне отсутствия информации о переходных формах. Однако некоторые анатолийские тесла с цапфами довольно массивны, поэтому следует оставлять возможность для подобных допущений [Erkanal, 1977, Taf. 1-4]. Более логична связь литых кельтов с очень близкими орудиями, изготавливаемыми на Ближнем Востоке ковкой. Подобное изделие известно в слое Хама J в Сирии (рис.73,3) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 247 D]. Два подобных кельта есть в сейминско-турбинских комплексах.

На правомерность переднеазиатских связей сейминских кельтов указывают их рельефные орнаменты. Можно не рассматривать орнаменты, широко распространенные, такие как заштрихованные треугольники. Однако на сейминско-турбинских кельтах представлены орнаменты, не имеющие прототипов в Саяно-Алтайском нагорье, зато известные в Закавказье в эпоху СБВ [ср. Черных, Кузьминых, 1989, рис. 12-23; Кушнарева, 1994, таб. 28; 1994б, таб. 42; 1994г, таб. 40; Джанаридзе, 1994, таб. 18, 21]. К ним можно отнести подвешенные к бордюроному поясу цепочки ромбов, заканчивающиеся иногда равнобедренным треугольником; вписанные друг в друга остроугольные треугольники (рис. 66,2,3). Иногда цепочки ромбов подвешиваются к вершине треугольника или к пространству между треугольниками. Редко встречаются ряды вертикальных линий, пересекающих пространство между треугольниками. Эти типы орнаментов через орнаментацию СБВ восходят, в конечном счете, к куро-аракским антропоморфным личинам на посуде.

Далее на восток нам известны кинжалы с литой рукоятью и бордюром в коллекциях Дашлы-3 и Тулхарского могильника, где мы отметили уже аномально большую долю оловянистых бронз. В Ростовкинском могильнике обнаружена литейная

форма для отливки втульчатого наконечника стрелы [Матющенко, Симицына, 1988, с. 29]. С одной стороны, это сопоставимо с обломком втульчатого наконечника стрелы из Тулхарского могильника, с другой – елочный орнамент на втулке близок орнаменту синташтинских стрел. Впоследствии втульчатые стрелы (но с выступающей втулкой) с подобным орнаментом известны в Сибири в еловской культуре [Косарев, 1981, с. 155], но мы не склонны связывать это с сохранением сейминских традиций. Алтайский черешковый наконечник стрелы, как и подобные абашевские, тоже может быть связан с переднеазиатским регионом, в котором мы уже отмечали присутствие таких стрел.

Известные в сейминско-турбинских комплексах рыболовные крючки и чеканы (рис. 66,5,11) в более раннее время встречаются в Северной Евразии только в синташтинской культуре. Обсуждая ее, я приводил параллели этим изделиям на Ближнем Востоке.

Вторым важным фактом является распространение каменных наконечников “сейминского” типа. Они представлены в синташтинско-абашевских и сейминско-турбинских комплексах. Однако в данном случае сложно говорить о заимствованиях, так как движение этих культур носило встречный характер, а стабильное сосуществование их и постоянные контакты фиксируются лишь с момента появления сейминско-турбинских популяций на западных склонах Урала. Однако мы уже отмечали факт широкого присутствия этих наконечников на Дашлы-3 (рис. 56,8,9). Аналогичный наконечник с выраженными шипами происходит и с ранне-бронзовой стоянки в Кызылкумах. Помимо упомянутого наконечника, в льяляканской коллекции встречаются уже знакомые нам изделия: миндалевидные (в том числе с подработанным основанием) наконечники, тоже не выводимые из глазковской культуры, “утюжки”, асимметричные мясные ножи, диски с отверстием из песчаника, аналогичные обнаруженным в могильнике Сопка 2 [Молодин, 1985, с. 42], двустороннеобработанный прямоугольный вкладыш [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 53, 93, 111, 155, 159, 181, 183, 193].

Этот инвентарь сопровождается керамикой двух типов – закрытыми профилированными банками и горшками с коротким слабо отогнутым венчиком и раздутым туловом. Орнаментированы

они полосами из насечек или коротких оттисков гребенки [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 225-227]. В целом эта керамика отлична от кротовской или ташковской, но ее отдельные образцы имеют небольшой валик под венчиком [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 140, рис. 38,11, с. 207, рис. 58,7]. Та же черта присуща керамике раннего (камышлинского) этапа суярганской культуры, для которой характерна раздутость тулова, короткая горловина и орнамент в виде “елочек” или насечек. Происхождение ее связывают с Ираном, где подобные формы распространены в III тыс. до н.э. Валики же на Ближнем Востоке отмечаются, начиная с периода Джемдет-Наср, причем тяготеют они, преимущественно, к северным районам Передней Азии и Южному Прикаспию [Толстов, Итина, 1960, с. 16-21].

Интересна мысль о связи лазуритовых бус Ростовки со среднеазиатским регионом. Подобные украшения характерны для Средней Азии. Значительное их количество обнаружено на Льялякане [Виноградов А., Мамедов, 1975, с. 233 и далее; Матющенко, 1975, с. 137].

Существуют и менее ясные и отчетливые связи. На поселении Ташково II выявлены фрагменты керамики, использованные в качестве скребков. Подобное использование фрагментов керамики известно в энеолитических культурах Средней Азии и Кавказа и Ближнего Востока [Shamanev, 1998; Шаманаев, Зырянова, 1998, с. 199].

Приведенные параллели были необходимы для того, чтобы обозначить направленность процесса. К тому же он мог быть не одноактным и многокомпонентным. Вероятно, четкая историческая реконструкция его – дело будущего. Однако даже в сформулированном здесь виде этот процесс соответствует антропологической ситуации на юге Западной Сибири. Европеоидный компонент здесь присутствует давно, еще с неолита. Однако наряду с этим фиксируется вторая волна, причем населения восточно-средиземноморского типа, сопоставимого со среднеазиатскими краниологическими сериями и, в особенности, с сериями Тулхарского могильника [Дремов, 1988, с. 40-43]. В антропологических материалах сейминско-турбинских памятников присутствуют два типа: средиземноморский и метисный с примесью монголоидности, причем на востоке мужчины относятся к первому типу, а

женщины ко второму [Черных, Кузьминых, 1989, с. 252, 253; Кирюшин, 1987, с. 116]. Монголоидный компонент с признаками метисации вполне можно сопоставлять с глазковской культурой, черепа из погребений которой отличаются этими чертами [Хлобыстин, 1987, с. 330]. Вероятно, с продвижением этих групп на запад связано появление монголоидности у срубников на севере лесостепного Поволжья [Шевченко, 1986, с. 196, 197]. Представления о более древних монголоидных чертах населения Севера Восточной Европы проверки не выдержали [Гохман, 1986].

Таким образом, в культурогенезе на территории Западной Сибири в начале эпохи бронзы принимали участие три основных компонента. Местный компонент представлен достаточно разнообразным субстратом: носителями гребенчато-ямочных, гребенчатых и линейно-накольчатых орнаментальных традиций [Косарев, 1981, с. 75, 76]. В антропологическом плане этот компонент был европеоидным. Другая составляющая – глазковские племена Прибайкалья. Они относились уже к монголоидной расе, но с ощутимыми признаками метисации с европеоидами. Третий компонент в культурном плане наименее четок. Корни его находятся в северных районах Передней Азии, а миграционные пути на восток идут по районам Южного Прикаспия и Северо-Восточного Ирана в Среднеазиатское Междуречье. Антропологически этот компонент относится к одному из восточносредиземноморских типов. В Средней Азии появление этого населения датируется концом III тыс. до н.э. Мы не исключаем и дополнительного проникновения каких-то переднеазиатских групп в период, непосредственно предшествующий формированию сейминско-турбинского набора бронзовых орудий. На это может указывать то, что типологически наиболее близкие сейминским ножи в Анатолии датируются уже ПБВ [Авилова, Черных, 1989, с. 53]. Вместе с тем, мы не вправе предполагать привнесение этих ножей в Переднюю Азию из Центральной Азии, так как в первом регионе эти изделия имеют и старую традицию, и линию развития от более простых форм. Во втором же они появляются в полностью отработанном виде. Кроме того, традиция изготовления копий с литой втулкой появляется на Ближнем Востоке не ранее XVII в. до н.э.

Первичный контакт этих трех компонентов археологически почти не фиксируется. Возможно,

в сложении нового культурного формирования участвовало и постафанасьевское население. Сейчас на Алтае выделены позднеафанасьевские памятники, датируемые вплоть до начала II тыс. до н.э. Их керамике присуща орнаментация, выполненная “шагающим” гребенчатым штампом, что впоследствии свойственно елунинским и кротовским комплексам [Посредников, Цыб, 1992, с. 9, 10].

Какое-то объяснение может дать и анализ окуневских материалов. Окуневские проявления в Ростовкинском могильнике выше уже упоминались, однако сопоставления окуневско-кротовские по материалам Сопки-2 гораздо обширнее [Молодин, 1988].

Мы можем допускать проникновение отдельных переднеазиатских и среднеазиатских групп вплоть до Прибайкалья. Не исключено, что именно с этим связано появление у глазковских племен металлургии, причем основанной на использовании не только чистой меди, но и оловянистых и мышьяковых бронз [Хлобыстин, 1987, с. 332].

Начало контактов с западносибирскими культурами отслеживается несколько лучше, хотя тоже не слишком четко. В Барабе валиковая керамика обнаружена в комплексе с керамикой одиновского типа [Молодин, 1985, с. 27-31]. Примечательно то, что в это же время появляется металлургия, что маркируется как изделиями, так и тиглем с невысокими бортиками. Подобного типа тигли впоследствии становятся характерны для всех культур, формирующихся, как в Западной Сибири, так и к западу от Урала. По всей вероятности, процесс консолидации этих групп в районе Алтая был не слишком продолжительным. Довольно быстро была начата миграция в западном направлении. На это указывает то, что слагаемые компоненты легко вычлняются. Дальнейший процесс миграций и пути этих миграций достаточно подробно описаны [Черных, Кузьминых, 1989, с. 269-277].

Часть коллективов оседает в Среднем Прииртышье. В районах Ишима и Тобола миграционные пути начинают по какой-то причине отклоняться к северу. На Ишиме в предшествующий период проживало население, оставившее керамику вишневого типа [Зданович, 1973, с. 21-24; Татаринцева, 1984]. Хронологически она предшествует кротовской, хотя и имеет с ней много общего, что позволило поставить вопрос

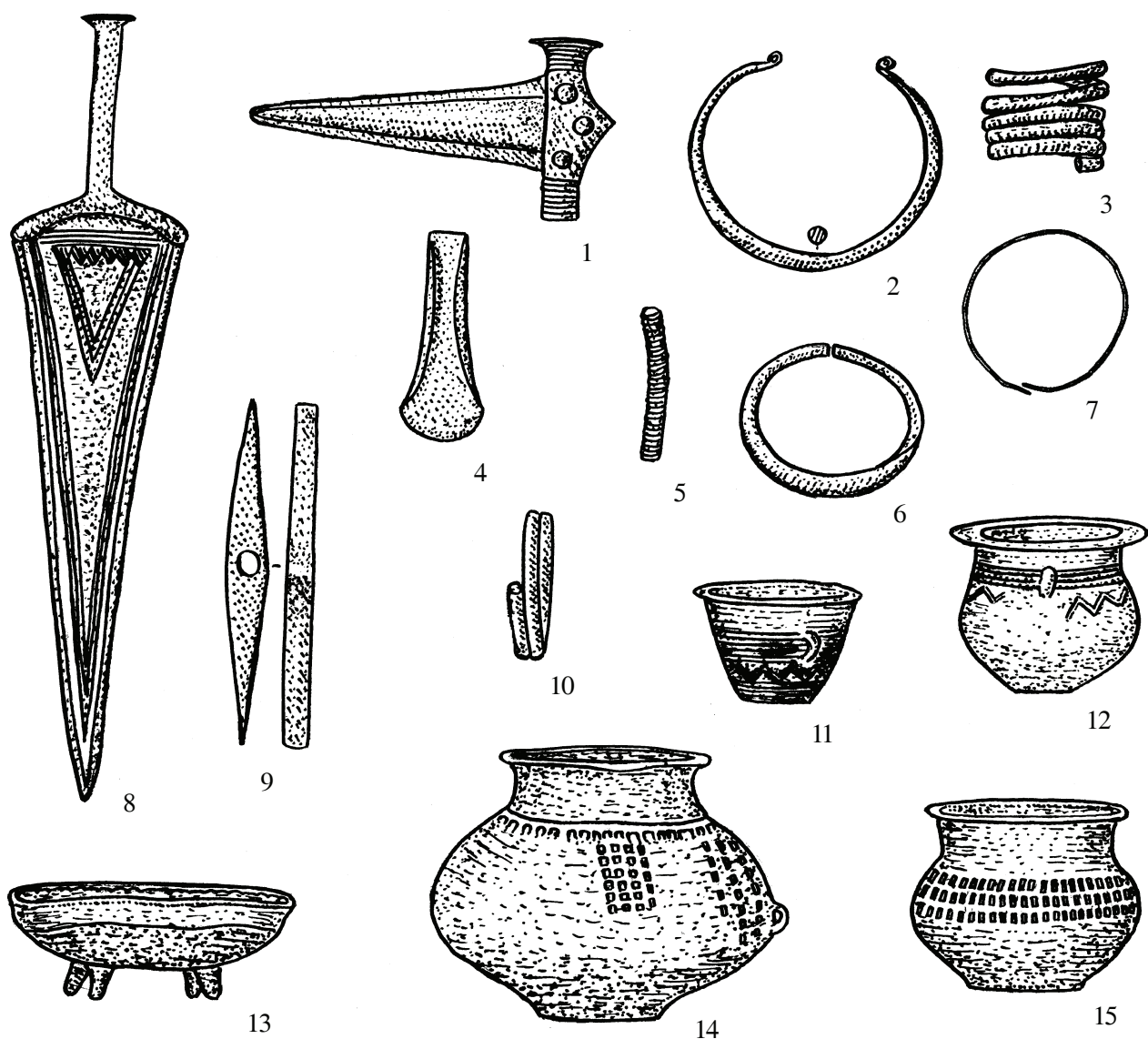

Рис. 74. Унетичская культура.

об их генетической связи [Стефанова, 1988, с. 72]. Подобная постановка вопроса вполне оправдана. Вероятно, к движению в Прииртышье носителей вишневской керамической традиции вынудила экспансия синташтинцев на восток. Прииртышья эта экспансия почти не достигает, хотя отдельные проявления ее в Ростовкинском могильнике мы уже обсуждали.

По этой причине мигрирующая волна обходит севернее районы Тобола и Ишима, которые были подвергнуты этой экспансии, и появляется в Тюменском Притоболье.

Энеолит лесного Зауралья и Притоболья представлен липчинской, шапкульской, аятской и андреевской культурами [Косарев, 1981, с. 43, 44, 49-53; Старков, 1981, с. 66-70]. Ташковские слои в Притоболье перекрывают липчинские, шапкульские и андреевские материалы. Выше ташковских лежат коптяковские и андроновские слои [Ковалева, 1988, с. 45]. В связи с этим, сама ташковская культура в этом районе может рассматриваться как временное прерывание местных традиций и линий развития, хотя ташковская орнаментация и вбирает в себя местные орнаментальные традиции.

В связи с вышеизложенным, место ташковской культуры в свите западносибирских культур является очень спорным. С одной стороны существует взгляд о формировании ее в Приоболжье и датировке с рубежа III/II тысячелетий до н.э., с последующим формированием под ее влиянием кротовской культуры [Ковалева, 1988, с. 45, 46]. Ташково II, в этом случае выступает, как достаточно ранний памятник. С другой стороны, параллели ташково и кротово и связь этих культур с сейминско-турбинским феноменом делают весьма соблазнительной иную направленность связей. В этом случае все эти культурные образования могут быть рассмотрены в рамках единого миграционного процесса. Относительно Ташково II этот вариант более чем вероятен и проблема, в основном, сводится к интерпретации ранних ташковских памятников.

Бесспорно одно. Хронологическая позиция ташковских древностей – первая половина II тыс. до н.э. Это доандроновское время. При этом частично ташковские памятники наверняка датируются сейминским временем. В основе их формирования лежали местные культурные образования, на которые оказали влияние южные импульсы. Однако в настоящее время трудно сказать – какие черты ташковской культуры сформировались под воздействием пока слабо обоснованных ранних южных импульсов, а какие – под воздействием продвижения сейминско-турбинских популяций.

Мы не можем в настоящее время реконструировать формы взаимодействия этих различных популяций, поэтому остановимся лишь на том, что этот миграционный процесс был более масштабным, чем это представлялось ранее. С проникновением этого потока в лесную зону Восточной Европы, в Прикамье фиксируется контакт кротовцев с поздним гаринским населением. В результате дальнейшей миграции в Среднем Поволжье формируется чирковская культура, сопоставимая с кротовской по керамике, жилой архитектуре и погребальному обряду (рис. 72). В сложении ее, наряду с кротовским, участвовало балановское и, возможно, поздневолосовское население. На различных территориях соотношение этих компонентов отличалось [Эпоха бронзы..., 1987, с. 136-139; Ставицкий, 1997]. Возникновение чирковской культуры можно, таким образом, синхронизировать с появлением сейминско-турбинских памятников к западу от Урала. Это время является также верхней грани-

цей существования балановских племен, чему не противоречит и досейминский характер балановской металлообработки [Черных, 1966, с. 73-77; 1970, с. 107, 108]. Однако и здесь, как и в случае с ташковской культурой, допустимо более раннее начало формирования чирковских древностей, поскольку в последнее время обозначилась тенденция к переосмыслению ее датировок. Однако тесное взаимодействие носителей чирковской культуры и сейминско-турбинских племен представляется нам несомненным.

Со Средней Волги часть мигрантов проникает в Прионежье. По всей вероятности, эта группа какое-то время задержалась в Поволжье, поскольку типичный сейминско-турбинский кремневый и металлический набор здесь сопровождается не валиковыми банками, восходящими к кротовским, а чирковскими горшками с вертикальным венчиком, наследующими балановские керамические традиции [Ошибкина, 1987, с. 148, 149; Ошибкина, 1984]. Последнее обстоятельство лишней раз подчеркивает связь сейминско-турбинского металла с чирковско-ташковско-кротовско-елунинским культурным пластом.

Другая группа проникает в Восточную Прибалтику, в Эстонию и Южную Финляндию, где обнаружен металлический инвентарь сейминского типа [Черных, Кузьминых, 1989, с. 16]. Отдельные коллективы мигрируют в южном направлении и вступают во взаимодействие с каким-то населением, находящимся в тесном контакте с микенской Грецией, либо с микенскими греками. Это маркируется характером металла и другими изделиями Бородинского клада в Северном Причерноморье, но не только ими. В самих Микенах обнаружено втульчатое копьё с петлей для привязывания на втулке, что может служить свидетельством более ранних контактов с сейминским населением [Schliemann, 1878, S. 320]. Довольно близок сейминским и кельт из Капуловки, двулезвийный кинжал и чаша усть-гайвинского типа. Впоследствии здесь распространяются копья с ушками, отражающие постсейминские традиции металлообработки. Приведенные факты свидетельствуют о связях Северо-Западного Причерноморья с восточными и северо-восточными областями в период, предшествующий формированию культур ноа и сабастиновской [Черных, 1976, с. 176, 177; Лесков, 1967, рис. 17, 18]. При дальнейшем сложении ингуло-красноярского

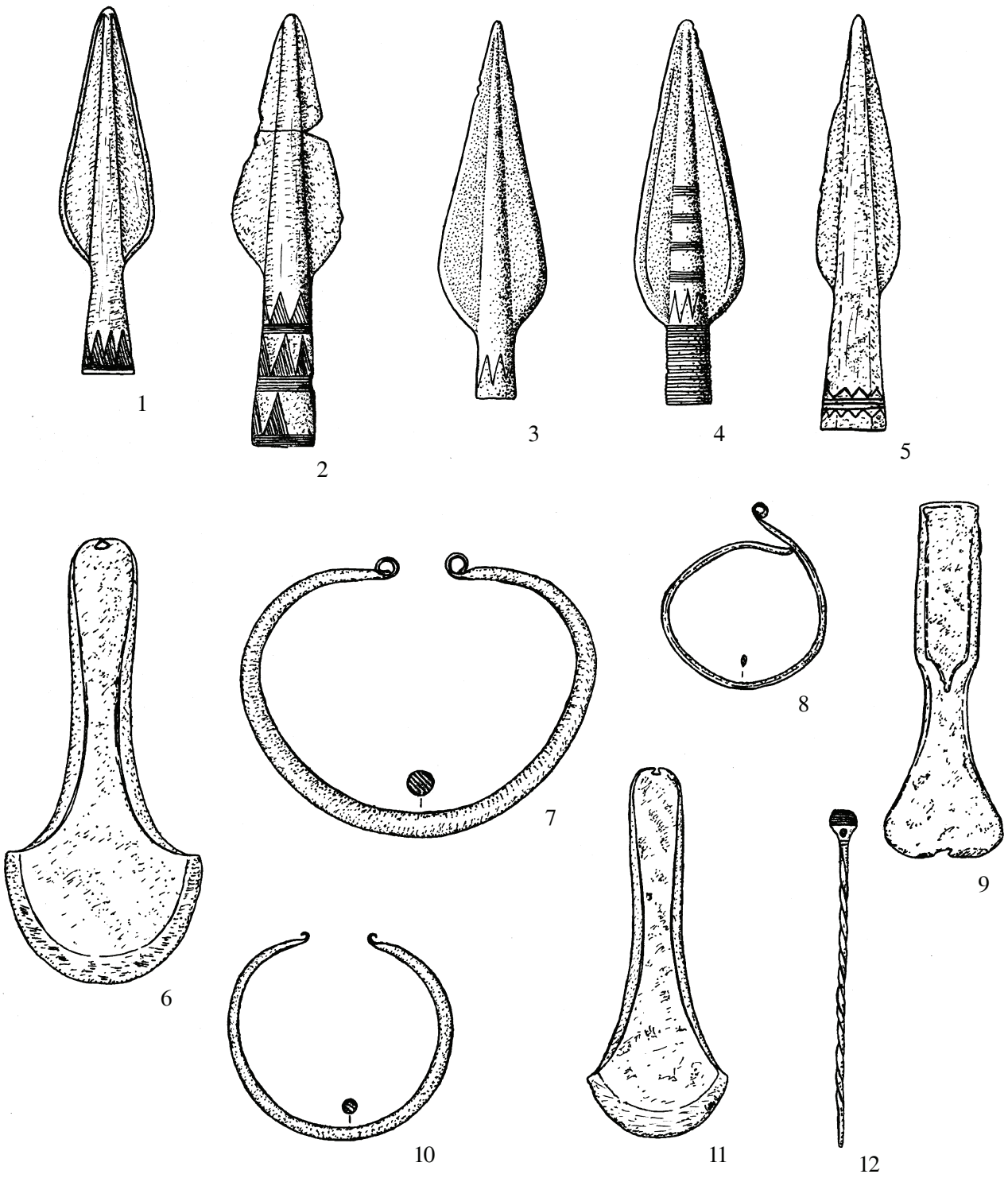

Рис. 75. Бронзовые изделия с памятников горизонта клада Лангквайд: 1 – Флонхайм; 2 – Нитрянски Храдок; 3-4 – Редерцхаузен; 5-12 – Лангквайд.

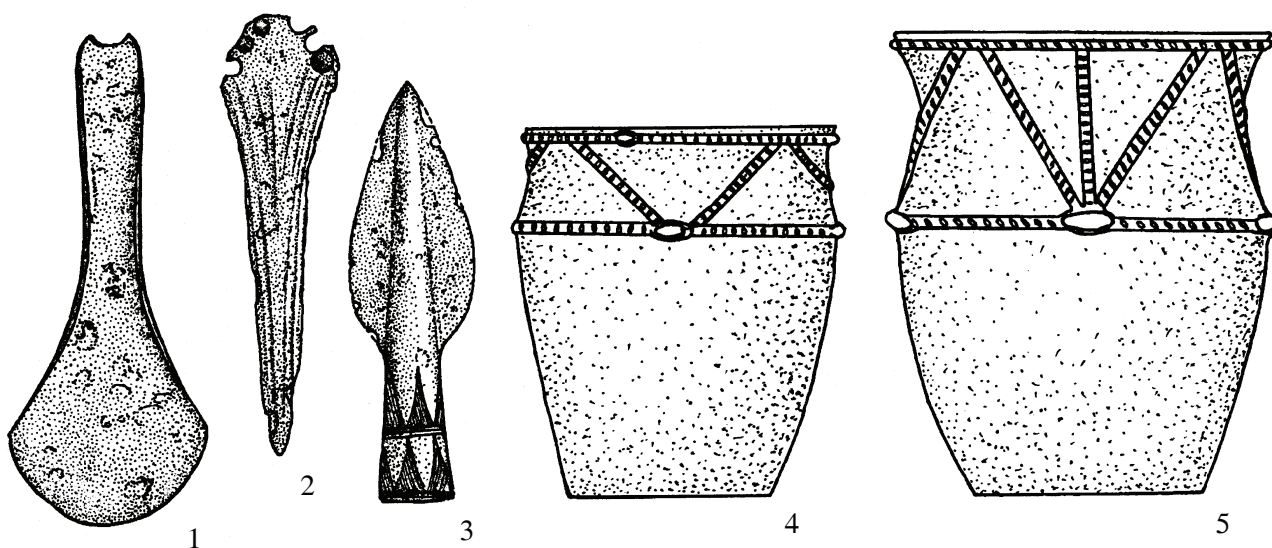

Рис. 76. Конец раннего бронзового века Альпийского региона.

металлургического очага в этом регионе данный импульс перерабатывается, и производится, преимущественно, изделия, имеющие балканские прототипы. Однако без воздействия из Волго-Камского региона трудно представить распространение здесь такой категории изделий, как кельты.

Западнее описанных областей металл сейминско-турбинского типа встречается несопоставимо реже. Тем не менее, у нас есть основания предполагать, что импульс, заданный данной миграцией, не угас на линии Днестр-Неман, поскольку в XVI-XV вв. до н.э. по всей Европе к западу от Днепра происходят существенные трансформации, сопровождавшиеся сменой всей свиты европейских культур как раннебронзового, так и неолитического облика.

В этот период в Центральной и Западной Европе возникает ряд культур с курганным обрядом: культура курганных погребений в Северной Европе, культура Роны в Юго-Восточной Франции, армориканская в Бретани, уэссекская в Юго-Восточной Англии [Монгайт, 1974, с. 57-63, 109-112]. В этих культурах в очень трансформированном виде фиксируются традиции, которые мы наблюдаем в Восточной Европе в предшествующий период: развитая металлообработка с литьем кельтов, втульчатых копий, однолезвийных кинжалов с выгнутой спинкой и литой рукоятью; посуда, украшенная валиком; иногда

встречаются вторичные захоронения и даже кольцевые ограды из столбов вокруг могильных ям, как в абашевской культуре Средней Волги. Наблюдается тенденция к возрастанию трупосожжения в погребальном обряде и каменных цист в могильных ямах, что позволяет проводить параллели с федоровской культурой. Эти изменения были связаны с дальнейшим развитием описываемых процессов в западном направлении.

С прохождением сейминско-турбинской миграции в Центральной и Западной Европе можно отсчитывать начало эпохи средней бронзы этой зоны, хотя начало им было положено еще в РБВ.

Необходимо сделать одно предупреждение во избежание терминологической путаницы. Эпоха СБВ Средней Европы соответствует эпохе ПБВ в Восточной Европе. В целом же начало эпохи бронзы Средней Европы определяется обычно временем после конца существования культур шнуровой керамики. Эта стадия соответствует стадии VzA по Райнеке. В рамках традиционной хронологии вся она датировалась периодом 1800 – 1500 гг. до н.э., а в рамках калиброванных радиоуглеродных дат первая ее фаза (VzA1) продатирована периодом 2300 – 2100 гг. до н.э., а вторая (VzA2) – 2100 – 1700 гг. до н.э. [Coles, Harding, 1979, p. 67].

С. Герлоф приводит слегка отличные данные. Она указывает, что радиоуглеродные кали-

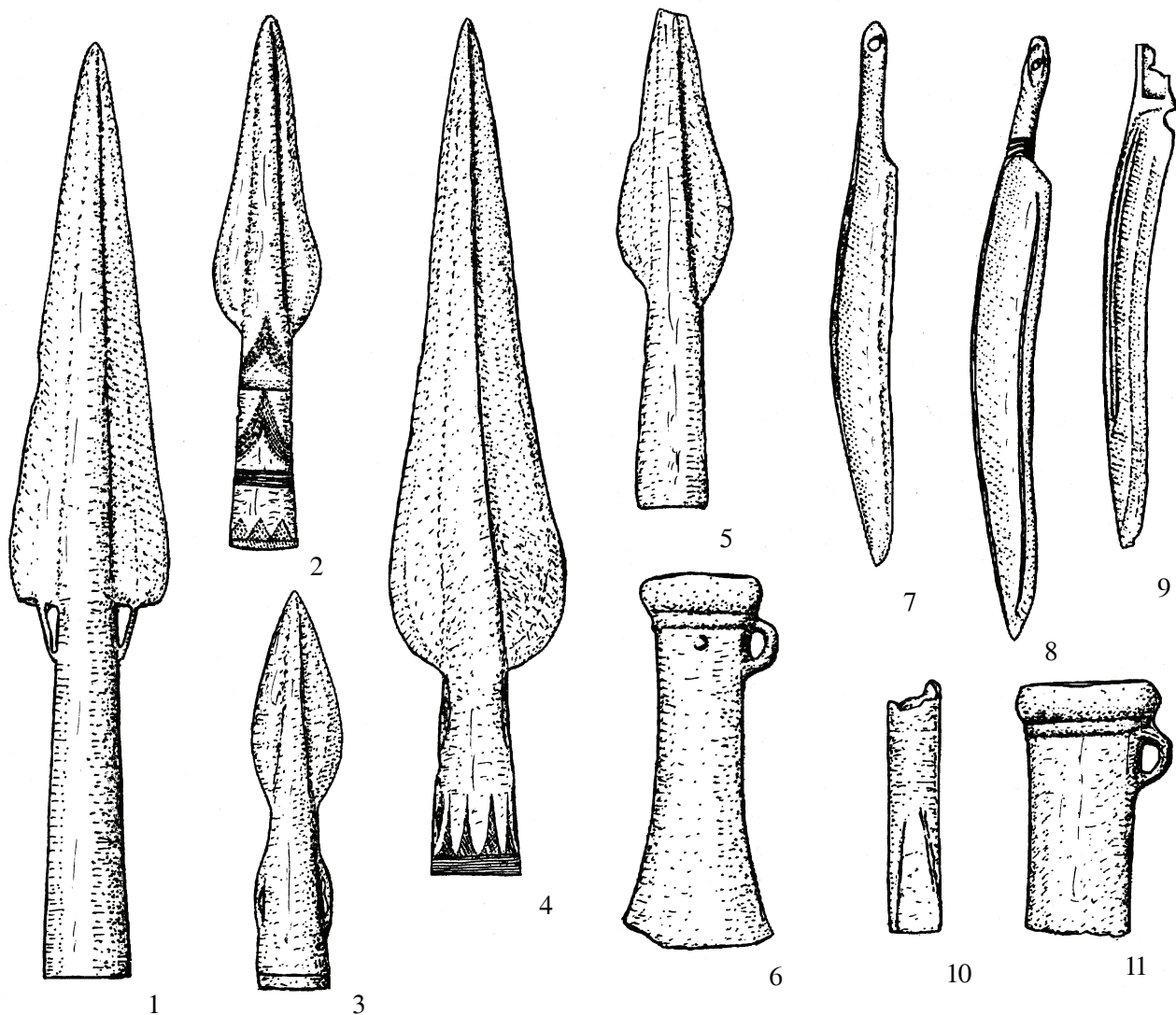

Рис. 77. Сейминско-турбинские традиции металлообработки в Северной Франции. 1, 2, 4, 5, 7, 8 – Эссоне; 3 – Мюлан; 6, 11 – Туаис; 9 – Париж; 10 – Бутини.

бронзовые даты периода VzA1 дают значительный разброс в пределах 2400 – 1800 гг. до н.э. Наиболее достоверным интервалом является период 2200 – 2000 г. до н.э. В этом случае данный период будет синхронен времени существования синташтинской культуры. Данная фаза соответствует периоду РБВ III Восточного Средиземноморья, что фиксируют многочисленные импорты шейных гривен из Центральной Европы в этот регион. Таким образом, этот период начинается в последней четверти или трети III тыс. до н.э. Даты периода VzA2 укладываются в период XVIII – XVI вв. до н.э. Степень VzA2/V1 в целом синхронна ранним гробницам в Микенах. В Швейцарии с этой переходной ступенью связано

поселение Цюрих-Моцартштрассе, датированное с помощью дендрохронологии 1607-1504 гг. до н.э. [Gerloff, 1993, p. 66, 68-74, 80, 81].

Не исключено, что на Среднем Дунае эпоха РБВ начинается несколько раньше. Однако конец ее полностью соответствует концу периода VzA2 [Schubert, 1974, S. 70].

Наиболее ярким явлением этого периода была унетичская культура, распространявшаяся от Дуная до Шлезвига, включая Богемию и Западную Польшу (рис. 74). Ранее культура датировалась с 1900 по 1450 гг. до н.э. [Sarnowska, 1969, с. 121]. В настоящее время в рамках калиброванных радиоуглеродных дат ее датируют 2300-1800 BC [Sherratt, 1998, p. 257]. Она

предшествует появлению восточноевропейских компонентов в этом регионе, но частично может быть синхронна им.

В унетичской керамике можно найти параллели лишь отдельным элементам орнамента, которые распространятся в последующий период, в частности, горизонтальные ряды коротких насечек, прочерченные линии, валики [Sarnowska, 1969, с. 43-59]. Последние, впрочем, могут относиться уже к поздним стадиям унетичской культуры и отражать контакт с восточными компонентами.

Унетичская металлообработка характеризуется формами, широко распространенными в Центральной Европе: плоскими боевыми топорами с треугольным клином и втулкой, треугольными кинжалами с полукруглым основанием и отверстиями для крепления рукояти, теслами с массивными гранями, массивными нашейными кольцами и браслетами, спиралевидными браслетами, перстнями и подвесками (рис. 74, 1-10). Широко распространены оловянистые лигатуры, базировавшиеся на богемских месторождениях олова, что давало возможность для отливок более сложных форм, в частности рукоятей кинжалов [Sarnowska, 1969, с. 63-106; Sherratt, 1998, р. 257-259]. Эти принципы металлообработки частично сохраняются в Центральной Европе в эпоху средней бронзы, сосуществуя с привнесенными с востока.

По всей вероятности, унетичская культура в значительной степени наследует традиции культуры колоколовидных кубков, но не исключено воздействие культур Карпато-Дунайского региона. В Южной Словакии и отчасти Венгрии в предшествующий период существовала культура Нитра, в которой уже присутствуют отдельные компоненты последующей унетичской металлообработки: кинжалы с треугольным лезвием, кольца в 1,5 оборота, булавки [Schubert, 1974, S. 15-18].

Конец унетичского периода характеризуется распространением укрепленных поселений. Данная традиция сохраняется в Чехии и Моравии и в последующий период культуры курганных погребений. Важные изменения происходят и в погребальном обряде. Для унетичских погребений было характерно трупоположение скорченно на боку, в простых могильных ямах, не перекрытых курганными насыпями. Только в самом конце унетичской эпохи появляются крупные курганы и изредка

кремации. Однако эти курганы отличались крупными размерами и пышным погребальным обрядом. Данная ситуация была характерна для значительного региона, включавшего Чехию, Моравию, Саксонию и Тюрингию [Coles, Harding, 1979, р. 36-43]. Как правило, она маркирует появление новых популяций с выделением элитных погребений. Однако эти изменения происходят позже. Районы, занятые унетичской культурой, судя по всему, были очень слабо охвачены сейминско-турбинской миграцией. Она проходила несколько южнее, через Карпаты и Южную Германию.

Раньше время появления в Карпатском бассейне первых кельтов и втульчатых орудий определялось XVI в. до н.э. и рассматривалось в рамках эпохи средней бронзы, что соответствовало периодизации и хронологии Центральной Европы [Hänsel, 1968, S. 170]. Точные аналоги сейминским копьям происходят из района Карпат (например, клад Одайле-Подари). Среди сейминских памятников аналогичные копья (вильчатые с короткой втулкой) известны только в Западной Сибири [Kaiser, 1997, S. 68-72]. Это указывает на относительную стремительность перемещения отдельных групп, в то время как иные, возможно, годами жили в одном месте.

В это время в Юго-западной Словакии, по левому берегу Дуная, формируется культура Мадьяровце. Ее формирование связывают с западными импульсами. На поселении этой культуры Нитрянский Градок было обнаружено сейминское копье с орнаментированной втулкой (рис. 75, 2)¹. На этом же поселении найден трансильванский топор варианта В по А. Можолитч. Подобные копья происходят также из Венгрии, из районов распространения поздней унетичской культуры и культуры Отомани [Schubert, 1974, S. 23-26]. В позднеунетичском кладе Буллендорф в Австрии обнаружено втульчатое копье [Schubert, 1974, Taf. 34.9]. Необходимо подчеркнуть, что мы имеем в данном случае дело не с импортным металлом, а с его местным производством, поскольку, наряду с самими изделиями известны находки литейных форм [Rittershofer, 1984, S. 218; Neugebauer, 1994, Abb. 70.24]. Помимо копий, на позднеунетичских памятниках

¹ Я. Лихардус и Я. Владар относят это поселение к выделяемому ими для Карпат горизонту 7, что соответствует началу ступени А3 [Lichardus, Vladar, 1996, S. 29, 30]. Вероятно, эта ступень хронологически соответствует поздней фазе ступени А2.

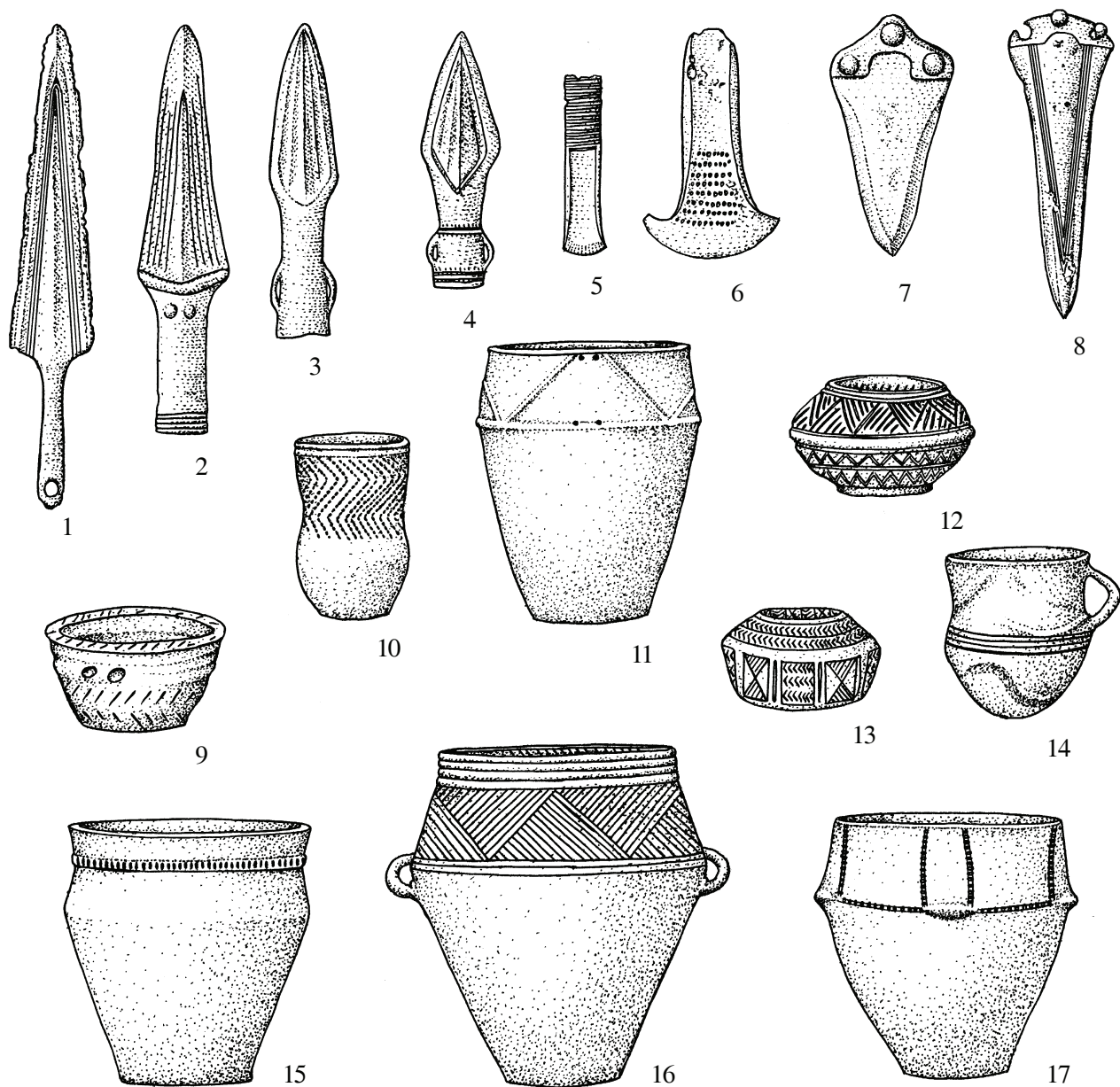

Рис. 78. Культура Уэссекс. 1 – Тотлэнд; 2 – Аретон Даун; 3, 6, 8 – Эбнал; 4 – Экли; 5 – Вэнгфорд; 7 – Хатингтон; 9, 16 – Харлин Бэй; 10 – Дароуин; 11 – Эймсбери; 12 – Бидон; 13 – Стэнтон Харкорт; 14 – Фавэй; 15 – Кэвелерин; 16 – Мотистоун.

известны находки втульчатых наконечников стрел [Rittershofer, 1984, S. 229].

Определенные изменения происходят в этот период и в Венгрии. Ранняя фаза культуры Отомани-Фюзешабонь соответствует хронологическому горизонту Хайдушамшон по А.Можолитч, что синхронно стадии VzA2 Райнеке и горизонту Лангквайд в Баварии [Coles, Harding, 1979, p. 93]. Этот период отмечен первым появлением сейминских изделий в Европе. Горизонт Хайду-

шамшон датируется в рамках традиционной хронологии периодом 1700 – 1500 гг. до н.э., а в рамках калиброванных дат – периодом 2100 – 1700 гг. до н.э. Среди материалов этой культуры известны втульчатые копья [Kulturen der frühbronzezeit ..., 1984, Taf. LXVIII,4]. Новым стало и появление укрепленных поселений. Причем, на поселении Отомани II дома стоят довольно плотно друг к другу [Монгайт, 1974, с. 52, 80, 86; Boroffka, 1995a]. Однако не исключено, что эти

укрепления имеют местные корни, а их строительство отражает лишь начало нестабильной эпохи, вызванной проникновением восточных компонентов. На псалях и металлических изделиях этого горизонта встречаются микенские орнаменты, что раньше рассматривалось как признак связи с шахтными гробницами в Микенах [Coles, Harding, 1979, p. 101]. Сходные орнаменты известны и на изделиях Бородинского клада, что указывает на синхронность данных явлений.

На территории Германии наиболее рано традиции сейминской металлообработки проявляются на юге. В период VzA1 здесь распространены стандартные для Центральной Европы унетицкие традиции металлообработки. Первые вещи, выполненные в сейминской традиции, здесь появляются в период VzA2, что отражено материалами клада Лангквайд в Баварии, в котором обнаружено втульчатое копьё с орнаментированной втулкой (рис. 75,5) [Stein, 1979, Taf. 33.9; Coles, Harding, 1979, p. 49, fig. 18]. Аналогичная случайная находка происходит из Флонхайм (рис. 75,1) [Gebbers, 1978, Taf. 72.2]. Два копья этого типа выявлены в кладе Редерцхаузен (рис. 75,3,4) [Müller-Karpe, 1980, Taf. 310 H].

Этот период в Южной Германии выражен присутствием такого компонента как Штраубинг и сильными влияниями унетицкой культуры (рис. 148,7-16).

В Гессене первая стадия бронзового века (ступень VzA1) представлена группой Адлерберг (рис. 148,17-29), которая сформировалась на основе культуры колоколовидных кубков, но мы будем далее обсуждать возможности более ранних восточных импульсов в этой зоне. Ситуация резко изменяется в следующий период (ступень VzA2), когда в регионе появляются оловянистые бронзы и другие типы изделий, близкие унетицким изделиям Центральной Европы. Следует отметить, что оловянистые бронзы широко распространяются в Европе только с периода, соответствующего концу ступени VzA1 и началу ступени VzA2 [Gerloff, 1993, p. 83]. В Гессене появление этих бронз соответствует горизонту клада Лангквайд в Баварии [Jockenhövel, 1990a, S. 197-199]. Находки этого времени относительно редки, что указывает на определенную деструкцию в этом регионе.

Существует, вероятно, еще одно свидетельство проникновения в Центральную Европу

сейминско-турбинских популяций. На поселениях эпохи бронзы Саксонии известны захоронения черепов и фрагменты костей с признаками антропофагии. К сожалению, в публикации не уточнено к какому именно периоду относятся эти находки [Grimm, 1997]. Особенно много подобных находок на территории Словакии, на поселениях культур Ветеров, Мадьяровце, Отомани. Крайне редко они известны на памятниках унетицкой культуры. Часто на костях видны следы соскабливания, разрезов, не исключается варка частей тела. Иногда встречаются фрагменты черепа. Особенно примечательна ритуальная маска, сделанная из передней части черепа, обнаруженная на поселении Нитрянский Градок [Furmanek, Jakab, 1997]. Примечательно, что именно к этому времени и к этим памятникам приурочено распространение здесь бронз сейминско-турбинского типа. Связь данных обрядов именно с этими культурными группами может быть продемонстрирована на примере Юго-западной Польши, где в конце эпохи VzA2 появляется группа Нова Гереквия, чье формирование связывают с вышеперечисленными культурными образованиями Словакии. В это время здесь появляются укрепленные поселения и захоронения на поселениях. Очень часто встречаются разрозненные человеческие кости, особенно черепа, и фрагменты черепов. Это не было характерно для унетицкой культуры и отсутствует впоследствии в тшинецкой. Данная картина вновь повторяется уже в лужицкой культуре. На укрепленных поселениях часто встречаются черепа и кости с признаками каннибализма, которые часто свалены в яму. При этом эти городища несут следы нападений врагов и разрушений. Из чего делается вывод о том, что эти обычаи были присущи не местному населению, а пришельцам [Gedl, Szybowicz, 1997]. Таким образом, в этом регионе вновь появляются популяции, практиковавшие подобные обряды.

Данные процессы распространяются и южнее, но интенсивность их была первоначально не слишком высока.

Начало эпохи РБВ Швейцарии не вполне ясно, поскольку здесь фиксируется определенный разрыв с предшествующей культурной традицией. Прежняя шнуровая культура, которая в соответствии со средневропейской хронологией рассматривается как позднелихтинская, вероятно, длительное время сосуществует с культурными образованиями РБВ. Здесь выделяется две

фазы РБВ – ранняя и поздняя, соответствующие стадиям VzA1 и VzA2 Средней Европы. Металлообработка первой фазы характеризуется изделиями из чистой меди. Но уже на второй стадии в регионе распространяются оловянистые бронзы [Strahm, 1971, S. 5-8]. Формы изделий близки центральноевропейским унетичским, поэтому не исключено влияние из этого региона [Strahm, 1971, Abb. 12.2-4, Abb. 17.1-7; Lichardus-Itten, 1971, Abb. 2, 3, 5].

Погребальный обряд характеризуется скорченными на боку и вытянутыми на спине костяками, иногда в каменных ящиках. Кремации в это время не известны [Mottier, 1971, S. 145-148].

В РБВ в Швейцарии появляется валиковая керамика (рис. 76,4,5). Валики могут быть горизонтальными и вертикальными. Иногда на керамике присутствует орнамент в виде зигзага, выполненного валиком [Strahm, 1971, Abb. 12, 15; Lichardus-Itten, 1971, Abb. 5. 12-15]. Формы этих валиков ближе, скорее, формам валиков КМК, чем валикам керамики культур сейминского круга. Однако и воздействие сейминских популяций начинает ощущаться в этой зоне уже в РБВ, что можно увидеть на примере обнаружения втульчатого копья с сейминским орнаментом (рис. 76,3) [Strahm, 1971, Abb. 17. 14].

Подобное чередование воздействий первоначально унетичских, а затем сейминских является весьма характерным для значительной части Европы. Не исключено, что эта ситуация была обусловлена смещением части унетичских популяций в результате восточных импульсов.

Говоря о более точных датах появления сейминских бронз в Средней Европе, обратимся к анализу хронологии этого времени, предпринятому Й.-В. Нойгебауэром [Neugebauer, 1991, S. 50-53, Abb. 9, 10]. Поскольку ступени Райнеке имеют значительную временную протяженность, они поделены на отдельные фазы. В частности, ступень VzA2 состоит из фаз VzA2a-с. Клад Лангвайд соответствует фазе VzA2b. Этой же фазой датируются поздние унетичские комплексы и ранняя стадия культуры Ветеров. В западном Подунавье в это время группа Унтервельбинг перерастает в Гемайнлебарн III. Калиброванные радиоуглеродные даты для памятников культуры Ветеров этого периода укладываются в промежуток от 1900 по 1750 гг. до н.э.

Существенные культурные трансформации происходят и на севере Франции. Наиболее наглядно это может быть продемонстрировано на примере кладов Парижского бассейна (рис. 77). В начале эпохи поздней бронзы здесь распространяется все тот же набор орудий: втульчатые копья, кельты, однолезвийные кинжалы с горбатой спинкой, втульчатые желобчатые долота [Mohen, 1977; Gaucher, 1981]. Типологически копья этого региона близки не столько собственно сейминским изделиям, сколько изделиям, так называемых “евразийских” типов, формирующихся в начале XVI в. до н.э. (по традиционной хронологии) на сейминской основе. На втулках некоторых копий присутствуют орнаменты, находящие параллели на сейминских копьях. Отдельные копья имеют петли для привязывания на втулке, что тоже находит параллели на востоке. Вместе с тем, в Европе наблюдается трансформация этой традиции – смещение петель к краю пера, что характеризует уже более поздние изделия.

Механизм этих миграционных процессов был намного сложнее, чем простое перемещение населения с востока на запад. Наиболее наглядно он проявляется в Британии, отделенной от материка Ла-Маншем. Последнее обстоятельство частично сглаживает те “шумовые эффекты”, с которыми мы неизбежно сталкиваемся при анализе остального европейского материала. Эти эффекты обусловлены тем, что в материковой Европе, наряду с обычным наложением пришлого компонента на местный субстрат, на процессы культурогенеза оказывала воздействие сложная система взаимодействия разных культурных образований и разнонаправленных локальных миграций. В Британии это тоже имело место, но вычленив базовые процессы на этой территории оказывается неизмеримо легче.

Некоторую сложность вносит то, что ряд традиций, которые мы прослеживали на территории Восточной Европы и которые присутствуют в культурах ПБВ Британии, имеет здесь глубокие корни. В качестве одного из признаков, характеризующих движение восточных племен, выше мы называли появление курганного погребального обряда. Однако в Англии курганы вытянутой и круглой формы хорошо известны в период 2500 – 1500 гг. до н.э. Данная культурная традиция восходит к неолитическому времени и относится к культуре мегалитов, распространен-

ной во многих иных прибрежных частях Западной и Северной Европы.

В начале II тыс. до н.э. вследствие миграции с континента, в Британии распространяется культура воронковидных кубков. Появляются металлические изделия, баночные сосуды с воротничком и валиком, сохраняется курганный погребальный обряд, либо происходит вторичное наложение этого обряда на сходную местную традицию. Под курганами встречаются каменные цисты, а в обряде наблюдается сочетание ингумации и кремации [Megaw, Simpson, 1979, p. 178, 189; Coles, Harding, 1979, p. 253]. Полностью переход к кремации осуществляется гораздо позднее, уже во второй половине II тыс. до н.э. [Darvill, 1987, p. 117, 118]. Появление этой культуры связано, по-видимому, с распространением шнуровых культур Северной Европы, однако, такие черты как кремация, цисты и валиковая посуда для них не характерны. В Британии, таким образом, наиболее рано появляются те признаки, которые после, в XVI – XV вв. до н.э., становятся характерны для многих культур Евразийского континента, причем, появляются, судя по всему, независимо.

В рассматриваемую эпоху в Юго-Восточной Англии формируется уэссекская культура, появление которой являлось определенным разрывом с традицией культуры кубков. А. Шерратт рассматривает формирование уэссекской культуры в качестве дальнейшего развития тех социальных отношений, которые были заложены с формированием культуры колоколовидных кубков, что и обусловило появление богатых погребений в крупных престижных погребальных камерах [Sherratt, 1998, p. 254, 255]. Однако исследования С. Герлофф указывают на существование обширной системы связей с отдаленными территориями на востоке. Хронологически формирование уэссекской культуры соответствует описываемым здесь процессам.

В течение ранней фазы Уэссекс I (Bushbarrow) культура тесно связана с унетичской культурой Центральной Европы и с Бретанью. В наибольшей степени это проявляется в распространении кинжалов с треугольным клинком (Armorico-British). Однако уже ранняя фаза культуры имеет отдельные параллели с шахтными гробницами Микен, что указывает на то, что начало этой фазы может быть близко времени шахтных

гробниц, хотя в целом, ранние Микены соответствуют концу поздней части этой фазы. Золотые изделия имеют параллели на континенте в конце фазы VzA1, но прежде всего они встречаются в фазе VzA2. Биконические чаши, распространяющиеся в Англии, аналогичны континентальным чашам периода VzA2. Уже с этого времени распространяются оловянистые бронзы, характерные для Центральной Европы [Gerloff, 1975, p. 196, 244; 1993, p. 75, 78]. Вместе с тем, в культуре присутствует множество черт предшествующей культуры воронковидных кубков (в особенности в керамике), что подтверждает широкое участие местного субстрата в ее формировании. Таким образом, раннюю фазу Уэссекса мы можем рассматривать как результат воздействия центрально-европейского населения на местный субстрат.

Континентальные влияния резко усилились на второй фазе Уэссекса (Camerton-Snowhill), когда выделяются группы элитных погребений. В это время в Британии, как и на континенте, начинают распространяться втульчатые копья, появляются первые втульчатые долота. Множество параллелей наблюдается с культурами Швейцарии, Микенами, культурой курганных погребений Германии. Можно вполне уверенно синхронизировать эту фазу Уэссекса с периодом от времени VzA2/V1 до начала VzC включительно. Женские украшения имеют параллели изделиям периодов LH I, Па Греции, что соответствует XVI-XV вв. до н.э. Подобные датировки периода подтверждаются и радиоуглеродными калиброванными датами, укладываемыми в промежутки 1600 – 1265 гг. до н.э. Весьма примечательным стало появление биконических урн, часто украшенных наклепным валиком, идентичных континентальным поселенческим. Однако здесь они начинают использоваться для погребения остатков кремации. На предшествовавшем этапе для захоронения использовались иные урны [Gerloff, 1975, p. 214, 232-234, 237, 238, 244; 1993, p. 78]. С. Герлофф связывает формирование второй фазы культуры с приходом континентального населения, что было стимулировано той колоссальной трансформацией, сопровождавшейся распространением новых типов вооружения и укрепленных поселков, которая привела к формированию СБВ Европы. Это население имело тесные связи со средиземноморским миром [Gerloff, 1975, p. 242-246].

Дополнительным парадоксом является то, что биконические чаши уэссекской культуры, помимо параллелей в Средней Европе, имеют параллели в Северном Причерноморье, в позднекатакомбных материалах и материалах культуры многоваликовой керамики (рис. 78,12,13) [Gerloff, 1975, р. 48.С.1, 49.А.2]. Это может указывать на довольно отдаленное продвижение данного компонента.

Основным типом копий этого периода являются копия с плоским черешком, на конце которого имеется отверстие для крепления (рис. 78,1) [Needkam, 1979]. Появление втульчатых копий приходится, в целом, на эпоху СБВ, но первые экземпляры датируются концом ранней бронзы [Ehrenberg, 1977, fig. 2]. Среди них встречаются копия, имеющие строение пера, близкое ранним черешковым экземплярам (рис. 78,2) [Needkam, 1979, fig. 1.5.45, 1.9]. Это может свидетельствовать об определенном периоде сосуществования культурных образований РБВ и СБВ.

Существенные изменения происходят в металлообработке в СБВ [Megaw, Simpson, 1979, р. 207]. Наиболее примечательно для нашей темы появление наконечников копий, восходящих к сейминско-турбинским формам. Эти наконечники имеют удлиненную круглую втулку, широкое длинное перо, округлый или ромбический стержень пера. На втулке могут встречаться петли для привязывания (рис. 78,3,4). Некоторые втулки украшены орнаментами в виде треугольников или зигзага, что вполне соответствует сейминской традиции [Ehrenberg, 1977]. Помимо копий вкладах СБВ известны и кельты с боковым ушком [Farley, 1979]. Кроме изделий, связанных с сейминско-турбинской металлообработкой, в уэссекских комплексах встречается металл центрально-европейского происхождения, в частности, булавки унегицких типов [Megaw, Simpson, 1979, р. 227].

Все эти типы позволяют сделать вывод о том, что в конце РБВ в Британию проникает население – носитель традиций сейминско-турбинской металлообработки. Это население, по-видимому, довольно продолжительное время сосуществует с местными популяциями. Присутствие унегицких вещей позволяет допускать мысль о вовлеченности в эти процессы центрально-европейского населения. Не исключено, что именно унегицкий комплекс и способствовал формированию первой стадии уэссекской куль-

туры. Его движение на запад было стимулировано, вероятно, сейминско-турбинским натиском. Формирование второй фазы Уэссекса было связано уже с приходом сейминско-турбинских популяций, хотя облик их культуры был уже сильно трансформирован в Центральной Европе. Менее определенно можно говорить о том, что в столь далеких миграциях участвовал и синташтинско-абашевский компонент. Для Северной и Центральной Европы его участие, возможно, маркируется появлением могильных ям с кольцевой столбовой оградкой, о чем говорилось выше. В Британии и Ирландии возможность для обсуждения подобной проблемы дают сосуды типа “Фуд Вессел”, распространяющиеся в Северной Англии и Ирландии. Для этой посуды характерны острореберные формы с отогнутым венчиком и внутренним ребром под венчиком. Часть форм имеет весьма близкие ассоциации с керамикой синташты и КМК [Gibson, 1978, fig. 11:4]. Появление этой посуды обычно датируется XVI вв. до н.э., хотя радиоуглеродные анализы предлагают более ранние датировки (с XVIII в. до н.э.) [Gibson, 1978, р. 45]. Это, впрочем, вполне соответствует общеевропейской ситуации, поскольку радиоуглеродные даты почти повсюду древнее традиционных, что мы уже неоднократно обсуждали. Тем не менее, в Британии данные процессы имеют ту же направленность, что и в континентальной Европе, но протекают с заметным запаздыванием. Однако, в случае с данной посудой, несмотря на сходство отдельных форм, говорить о восточных связях сложно, поскольку нет полных соответствий, прослеживаемых на металле или валиковой керамике.

Таким образом, переоформление культур Центральной и Западной Европы было связано с импульсами с востока. Здесь отсутствуют в чистом виде традиции металлообработки или керамического производства чирковско-ташкотовско-кратовско-елунинского культурного блока. На территории Восточной Европы эти традиции перерабатываются за счет включенности в процесс шнуровых и постшнуровых образований. Весьма вероятно участие в дальнейшем культурогенезе и абашевского населения, в первую очередь, абашевцев Средней Волги.

Проникновение мигрирующих групп в Центральную и Западную Европу не приводит к немедленной смене аборигенного населения. Ассимиляционные процессы оказались растя-

нуты на 50-100 лет, что маркируется продолжительностью поздних фаз унетичской культуры и культуры Отомани-Фюзешабонь [Монгайт, 1974, с. 52, 86]. Местное население не было уничтожено. Оно сохраняется, постепенно перенимая язык пришельцев. Довольно чутким индикатором, отражающим этот процесс, является металл. В предшествующий период металлообработка Европы не несла в себе признаков, сопоставимых с сейминско-турбинской традицией [см. Junghans et al., 1968]. С появлением в этой зоне восточных мигрантов эти традиции повсеместно распространяются. Однако они не вытесняют прежде существовавшие типы орудий, точнее, вытесняют их не полностью. Иногда можно наблюдать формирование синкретических типов, воспринимающих местные и сейминско-турбинские черты металлообработки. Тем не менее, новые культурные образования выглядят достаточно контрастно на прежнем фоне.

В Северо-Западном Причерноморье происходящие изменения не столь разительны. При несомненном появлении здесь пришлого компонента, доминирующими оказываются все же балкано-карпатские традиции.

2.4. Этническое содержание культурных трансформаций в Северной Евразии

Те колоссальные изменения, которыми были охвачены огромные территории Евразии в результате сейминско-турбинской миграции, не могли не повлиять и на существенные перемены в этническом составе населения этой части континента. Однако этнос носителей сейминско-турбинских традиций остается на сегодняшний день неясным. Исследователи допускают их индоевропейскую, уральскую или алтайскую принадлежность [Черных, Кузьминых, 1990, с. 139; 1994, с. 29]. Эта неопределенность вполне понятна. Как уже указывалось во введении к этой работе, процессы этнические и культурные не вполне совпадают друг с другом. Культурогенез же в северной лесостепи и на юге лесной зоны Евразии характери-

зовался наложением друг на друга настолько разнокультурных компонентов, формирующихся в трех различных регионах Азии, что интерпретация его возможна лишь на гипотетическом уровне. Поэтому попытки подобной реконструкции следует начинать с выявления этноса исходных составляющих.

Несколько проще обстоит дело с местным компонентом. Начиная, по всей вероятности, с мезолита, на Урал идет отток населения из Приаралья. Это движение иногда связывают с прауграми. Культурная и языковая дифференциация этих групп приводит к тому, что в Приуралье, Зауралье и Западной Сибири формируются три крупных этнокультурных массива. В Приуралье с гребенчатой керамической традицией, представленной гаринскими и волосовскими племенами, связывают начало формирования протофиннов. Гребенчатая традиция в Зауралье и Западной Сибири фиксирует появление угорского пласта, а гребенчато-ямочная – самодийского. Последний начинает формироваться к западу от Урала, далее перемещается на восточные склоны и в Западную Сибирь, тяготея, преимущественно, к таежным районам [Косарев, 1987, с. 314-316]. Это позволяет нам рассматривать население кельтеминарской общности как праугорское. В настоящее время эта гипотеза пока еще не получила надлежащей проработки, однако в основе своей она, по-видимому, верна и коррективы могут быть подвергнуты лишь интерпретации языковой принадлежности отдельных культур региона.

Таким образом, на территории Западной Сибири в описываемых событиях принимает участие преимущественно угорское население. Самодийский же компонент выражен гораздо слабее, и проявляется лишь в Тюменском Приоболжье и, в большей степени, в бассейне р. Конда. Существует, впрочем, мнение о присутствии в Зауралье протоиндоиранского компонента, начиная с неолитического времени, что выразилось в появлении здесь памятников кошкинского, а затем боборыкинского типа, выпадающих из местной линии развития и связанных с более южными территориями [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51, 52; Ковалева, 1993]. Керамика, близкая боборыкинской, встречается в Северном Прикаспии с раннего до позднего неолита [Васильев и др., 1993, с. 23]. Но оснований связывать ее с индоиранцами все же нет, хотя индоевропейская принадлежность населения, оставившего эту

керамику, не исключена. При этом данные культуры имеют значительный хронологический разрыв с описываемыми событиями и сохранение их дериватов до эпохи бронзы достаточно проблематично.

В лесостепи Зауралья мигранты осуществляют эпизодические контакты с ираноязычными синташтинскими племенами, однако глубина этих контактов не следует переоценивать.

В Приуралье и Поволжье языковая ситуация была гораздо сложнее. Здесь получают развитие финно-угорские языки, однако наряду с этим, в контакты с пришельцами втягивается и иное население. В первую очередь, это абашевцы. Вероятно, большая их часть являлась индоевропейцами. Предполагается балтская принадлежность балановцев [Бадер, Халиков, 1987, с. 84; Крайнов, 1987а, с. 75], с которыми осуществляется весьма тесное взаимодействие. Однако строгих доказательств балтской принадлежности балановского населения нет. Более корректно допускать мысль о том, что они были индоевропейцами. Далее мы покажем, что это было, по-видимому, действительно так, но для более точных определений места фатьяновского, балановского или “шнурового” населения внутри индоевропейской семьи пока нет фактов и, соответственно, оснований. Наконец, в этом районе усиливается взаимодействие с иранскими племенами Южного Урала. Таким образом, наиболее обобщенно и корректно мы можем охарактеризовать языки, распространенные к западу от Урала в досейминское время, как индоевропейские и финно-угорские.

Второй компонент, связанный с глазковской культурой, возможно, говорил на одном из алтайских языков, которые формировались в Центральной Азии, хотя первичное их зарождение следует относить, по-видимому, к другим районам. В финно-угорских языках зафиксированы многочисленные заимствования из алтайской лексики, связанные с металлургией и коневодством. Это позволило говорить об алтайской языковой принадлежности сейминско-турбинских племен [Халиков, 1991]. Безусловно, проблема урало-алтайских языковых связей очень сложна. Лингвисты рассматривают их как результат либо контактов, либо общности происхождения [Барта, 1985; Хонти, 1985]. Однако в данном случае, речь может идти только о заимствованиях, поскольку их набор датирован эпохой раннего

металла. Остается непонятным – почему транслятором металлургической и коневодческой лексики выступает глазковский компонент, которому она изначально присуща не была. Это может иметь различные объяснения. Первый вариант сводится к тому, что произошла ассимиляция носителей металлургических и скотоводческих традиций представителями алтайской языковой семьи. Однако вариант этот маловероятен. Случаи ассимиляции более развитых пришельцев местным населением не редкость. Но они, как правило, сопровождаются переориентацией этих пришельцев на традиционные местные хозяйственные формы, чего мы в данном случае не наблюдаем [Косарев, 1984, с. 176-178]. К тому же мы уже отмечали, что четкое отчленение слагаемых компонентов свидетельствует о низкой смешиваемости коллективов, во всяком случае, на миграционной стадии. Поэтому можно допускать какую-то сложную модель этого сообщества, когда с местным населением первоначально контактировало глазковское население, которое было ближе финно-угорскому по своему хозяйственно-культурному типу. Бросается в глаза также то, что заимствованы не технические и хозяйственные термины, а обозначения объектов, на которые в первую очередь обращается внимание охотничьими коллективами при столкновении с более развитыми мигрантами – “металл” и “лошадь”. С такой позиции выявленные языковые заимствования будут более объяснимы. Наконец, не исключен вариант более раннего знакомства прибайкальского населения с металлургией и коневодством, благодаря контактам с окуневским населением, хотя заимствование их и не было осуществлено.

На подобную возможность, в частности, указывает следующее обстоятельство. Финно-угорско-алтайские лексические изоглоссы, охватывающие металлургическую терминологию [см. Халиков, 1991] восходят, в конечном счете, к индоевропейским языкам. Это дает возможность для двоякой трактовки. Мы можем рассматривать появление этих терминов в финно-угорской среде, как результат контактов с индоевропейцами, либо как результат контактов с алтайцами, воспринявшими металлургическую терминологию у индоевропейцев. Этот вопрос требует более тщательной лингвистической проработки. Что касается коневодческой лексики, то аналогичные заимствования из тюркских языков есть и в

русском – “лошадь”. Трактуются это заимствование как достаточно позднее [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 556].

Но все же, глазковский компонент в сейминско-турбинских комплексах выражен достаточно четко и генетически он с индоевропейскими культурами не связан. Поэтому вероятность того, что это население говорило на алтайских языках, достаточно велика.

Наиболее сложен для понимания третий компонент. С одной стороны, он несет с собой ярко выраженный непосредственный переднеазиатский комплекс, с другой – тот же комплекс, но опосредованный культурами среднеазиатского региона. Последний менее заметен и имел в этом процессе сопутствующий характер. Ситуация осложняется также тем, что пришлый переднеазиатский компонент накладывается в Саянах и на Алтае на местный субстрат, генетически также связанный с Передней Азией. Значительное количество общих черт с синташтинской культурой, как будто, позволяет говорить об индоиранской принадлежности этого компонента, чему не противоречит его переднеазиатское происхождение. В пользу этого могут свидетельствовать и многочисленные заимствования в финноугорские языки из индоиранских [Кузьмина, 1994, с. 248-253]. Присутствие в Средней Азии в этот период индо-ариев позволяет допускать мысль о том, что какие-то группы этой этнической принадлежности были втянуты в последующую миграцию. Однако твердых оснований для подобной этнической реконструкции все же нет. Мы вправе говорить об индо-арийской принадлежности бишкентской культуры, об индоевропейской (скорее всего, индо-арийской) – Заман-Бабы и об иранской – сумбарской культуры и бактрийско-маргианского археологического комплекса. Но какие-либо факты, указывающие на языковую принадлежность носителей суярганской культуры и культуры Лявлякана, у нас отсутствуют. Можно лишь отмечать их довольно архаичный облик и связь (возможно опосредованную) с Передней Азией.

Незначительную роль в культуригенезе сыграло прежнее население Саяно-Алтайского нагорья. В керамике Ростовкинского могильника проявляются окуневские черты. Кроме того, к таковым можно относить, по-видимому, встречающийся обычай скорченных на спине захоро-

нений. В елунинской посуде можно проследить традиции позднеафанасьевской керамики Алтая.

Наиболее размыты наши представления о самом позднем переднеазиатском комплексе. Предположить его позволяет целый ряд деталей, рассмотренных выше, но в первую очередь, характер металлообработки и факты сходства переднеазиатских копий и кинжалов с сейминско-турбинскими. Конечно, в принципе, мы можем допустить, что это сходство возникло конвергентно, однако специфичность клинка и строения рукояти кинжалов, а также оформления втулок копий этому противоречит. Поэтому эти признаки маркируют появление новой переднеазиатской группы, наложившейся на прежнюю волну. Доля участия этих волн в последующем культуригенезе тоже не вполне ясна, но вероятно, носителями большинства традиций, по которым производилось вычленение переднеазиатского компонента (металл, круглоплановая застройка, укрепления, валики на посуде, наконечники стрел сейминского типа и т.д.), были, прежде всего, представители второй волны. Это наиболее вероятное решение, хотя мы можем допускать гипотетический вариант не установленного присутствия круглоплановых поселков в Среднеазиатском Междуречье. Отсутствие их можно объяснить характером памятников этой зоны, представленных развеянными стоянками. Опорой подобное допущение, безусловно, быть не может.

Это затрудняет понимание этнических процессов в Северной Евразии. По этой причине основным этноопределяющим признаком исследуемого комплекса остаются бронзы сейминско-турбинского типа. Восходят они, как мы уже говорили, к переднеазиатским прототипам. Далее сейминские бронзы распространяются по Северной Евразии от Саян до Иртыша. Западнее фиксируются две основные зоны их концентрации: Прикамье и Средняя Волга. Производные от сейминско-турбинских самусьско-кижировские типы смещаются к северу от сейминского ареала по бассейнам Оби и Иртыша.

Определенную типологическую близость с сейминско-турбинскими имеют карасукские бронзы, хотя вряд ли есть основания видеть за этой близостью генетическую связь. Карасукские изделия распространяются впоследствии, преимущественно, в районах Южной Сибири, Западной

Монголии, доходя до Приамурья и Приморья. В литературе имело место сопоставление ареалов распространения карасукской культуры и кетской топонимики [Членова, 1975]. Кетские, а точнее енисейские языки обнаруживают близость с сино-тибетскими языками и северокавказскими (хурритский, хаттский, нахско-дагестанские, урартский). Это позволило сделать вывод о родстве данных языковых групп [Старостин, 1982]. Прародиной этих языков могла быть Передняя Азия, откуда праенисейские и прасино-тибетские группы мигрируют в восточном направлении. Сино-тибетская миграция происходит, вероятно, достаточно рано. Во всяком случае, в австронезийских языках в Восточной Азии, насыщенных сино-тибетскими заимствованиями, не отмечено заимствований, связанных с металлургией или керамическим производством [Пейрос, 1988, с. 331]. Миграции праенисейцев происходят позже. Районы, которые были охвачены этими миграциями, маркируются гидронимами, восходящими к хурритскому и енисейским языкам. Районами распространения этих гидронимов являются Прикамье, междуречье Ишима и Иртыша, такие притоки Оби, как Васюган, Кеть, Чулым, далее Алтай и Саяны, Абакан, Селенга, Приамурье и Камчатка [Малолетко, 1989]. Таким образом, мы действительно видим почти полное совпадение этого ареала с ареалом распространения сейминско-турбинских, самусьско-кижировских и карасукских бронз. Исключения составляют два района: Камчатка, где подобные бронзы не обнаружены и Средняя Волга, где не зафиксированы праенисейские гидронимы. Возможно, в ходе будущих исследований последние в Поволжье выявить удастся. Но пока мы должны опираться на отсутствие подобных фактов. Что же касается Камчатки, то объяснений может быть два: слабая археологическая изученность района или значительная трансформация культуры мигрантов, сохранивших, тем не менее, свой язык. В любом случае, подобное совпадение ареалов позволяет сформулировать гипотезу о праенисейской принадлежности переднеазиатского компонента, появившегося в Западной Сибири на рубеже СБВ и ПБВ. Во многом это снимает и ранее обозначенную проблему сходства карасукских и луристанских бронз [Новгородова, 1989, с. 126-128; Членова, 1972, с. 131-135; 1974]. Возможно, этой же причиной могло бы объясняться присутствие в

самусьской культуре керамической группы, технологию изготовления которой нельзя вывести из западносибирских традиций. Рецептура составления ее формовочных масс была основана на смешивании различных сортов глин, что является признаком гончарства более развитых районов, например, Средней Азии [Глушков, 1990, с. 64]. Можно также провести параллель между антропоморфными изображениями на самусьской керамике и керамике куро-аракской [см. Косарев, 1981; Мунчаев, 1987; Студзицкая, 1987; Глушков, 1987].

Отметим еще одно важное наблюдение. Стилистические особенности самусьских изображений находят аналогии на юге Средней Азии и на Ближнем Востоке. Особенно интересны изображения, заключенные в овал или круг. Исследователи указывали на их связь с бронзовыми прорезными печатями, распространившимися в Средней Азии и на Переднем Востоке в начале II тыс. до н.э. Образец подобной печати обнаружен в Новосибирском Приобье [Глушков, 1987]. В литературе есть указания и на сопоставимость самусьских личин на керамике и изображений на окуневских стелах [Вадецкая, 1969]. Подобная параллель подкрепляется и находкой в Хакасии, в могильнике Аскиз, фрагмента окуневского сосуда с изображениями личин [Паульс, 1997, с. 126, 127]. Это может иметь причиной участие окуневской культуры в формировании самусьской, но более вероятно, что эта близость обусловлена общими переднеазиатскими источниками.

Необходимо отметить существование несколько иных взглядов на данную проблему. В районах Васюганья зафиксированы собственно хурритские гидронимы. Прерывание местных традиций здесь произошло лишь с появлением андроновского населения, что позволило говорить о разноэтничности федоровцев и первоначально о касситской, а затем о хурритской принадлежности федоровцев Васюганья [Малолетко, 1988; 1989]. Последующее распространение федоровской культуры на восток и вело к распространению енисейских языков. Проблеме федоровской культуры в этой работе посвящена специальная глава. Здесь лишь заметим, что понятия “андроноидный” и “андроновский” не тождественны. Васюганские материалы относятся, преимущественно, к еловской культуре, входящей в

круг андронидных культур, в которой, вместе с тем, ярко проявляются ирменско-карасукские черты [Косарев, 1981, с. 145-161].

Другой взгляд на решение проблемы переднеазиатского языкового присутствия в Западной Сибири основывается, как на данных о хурритских заимствованиях в кетских языках, так и на многочисленных параллелях в мифологии шумеров и селькупов [Генинг, 1989]. Благодаря использованию шумерами фигурного штампа в орнаментации посуды, переднеазиатский импульс связывается с западносибирскими комплексами керамики с фигурно-штампованным орнаментом. Нам эта позиция представляется дискуссионной, по меньшей мере, по трем причинам. Во-первых, отталкиваясь от одного признака (тип штампа) нельзя строить столь масштабных этнокультурных реконструкций. Можно привести множество примеров спонтанного формирования аналогичных признаков на весьма отдаленных территориях и независимо друг от друга. Во-вторых, периодическое появление в южной тайге и лесостепи Западной Сибири комплексов с фигурно-штампованной керамикой обычно маркировало приход населения из районов северной тайги. Принимая во внимание эти возражения, следует все же заметить, что какие-то рациональные зерна в этом подходе все же могут быть. Часть упоминаемых сибирских комплексов действительно могла испытывать на себе переднеазиатское влияние, хотя и опосредованное.

Опора на шумерскую мифологию и шумерские керамические традиции подразумевает, скорее, миграцию шумеров. Правда, к эпохе финальной бронзы шумерский язык был уже “мертвым” языком Месопотамии. Он не имеет ничего общего с хурритским или енисейскими, будучи языком изолированным и не связанным ни с одним из известных языков. Тем не менее, приведенные мифологические сюжеты очень ценны. Они могут, например, быть расширены за счет мифов о потопах у обских угров [Мифы ..., 1988, с. 567]. Однако многие переднеазиатские народы испытали на себе влияние шумерской мифологии. Хурриты исключением не стали [Мифы ..., 1988, с. 608]. Это ослабляет возможность связи фигурно-штампованной керамики с Ближним Востоком и, соответственно, с распространением енисейских языков. Наконец, кетские языки входят в одну макросемью с хурритскими, и в данном случае речь может идти, как о

более позднем наложении хурритского языка на родственную основу, так и о раннем его родстве с кетскими языками. Вопрос, следовательно, в правомерности определения гидронимов Васюганья именно, как хурритских.

Таким образом, проблема формирования этих языков достаточно сложна. Нас она может интересовать лишь в той мере, в которой это связано с формированием культур начала ПБВ Северной Евразии. В первую очередь необходимо отметить одно важное обстоятельство. Наличие топонимики какого-либо этноса не всегда дает возможность для ареальных сопоставлений с той или иной археологической культурой, а лишь фиксирует присутствие данного этноса в данной местности. Топонимы чаще не имеют датировки и могли быть оставлены носителями сходных диалектов, но различных археологических культур и в разное время.

Прасеверокавказские языки сформировались достаточно рано – около рубежа VI/V тыс. до н.э. и к началу II тыс. до н.э. были уже достаточно дифференцированы [Старостин, 1988, с. 154]. Следовательно, процесс формирования енисейских языков был связан с событиями более раннего времени. В еще большей степени данное положение вступает в противоречие с обсужденной выше гипотезой о формировании праенисейских языков во второй половине II тыс. до н.э., когда формируется карасукская культура. Переднеазиатский импульс при ее формировании мы допускаем, но носителями его должны были выступать иные этнические группы. Наиболее вероятно отождествление их с индоиранцами. На подобную гипотезу работают следующие факты: сходство карасукских и луристанских бронз, распространение колесниц в карасукской среде, что отсутствовало в сейминско-турбинских комплексах, близость скифских материалов предшествующим переднеазиатским, распространение иранских гидронимов в Южной Сибири [Членова, 1984]. Последнее обстоятельство уменьшает весомость аргументации об индоиранской принадлежности носителей федоровской культуры, так как данные гидронимы оставлены, по-видимому, карасукскими популяциями. Ниже эти вопросы будут освещены более подробно.

Что касается хурритских гидронимов, появление которых не противоречит событиям II тыс. до н.э., то они зафиксированы только в Приобье, если такая их трактовка правомерна.

Их появление можно сопоставлять с более поздними процессами, связанными с оформлением еловской культуры. Исход же из Передней Азии групп, оставивших праенисейскую гидронимику, должен было бы осуществляться раньше. Нельзя исключать и разновременных миграционных потоков.

Однако связывать это распространение с компонентом, мигрировавшим из Передней Азии непосредственно накануне этих событий, мы не вправе на основании уже приведенных выше аргументов лингвистического характера о значительной дифференциации северокавказских диалектов к началу второй четверти II тыс. до н.э. К тому же праенисейские гидронимы не зафиксированы на Средней Волге, где мигранты представлены достаточно хорошо. Не отмечено их присутствие и западнее.

К востоку от Урала – в Западной и Восточной Сибири, комплексы IV-III тыс. до н.э. в какой-то мере сопоставимые с Ближним Востоком даже в очень трансформированном виде отсутствуют.

Таким образом, носители праенисейских диалектов в Приуралье и Западной Сибири должны иметь более архаичный облик, чем группа, продвинувшаяся из Передней Азии во II тыс. до н.э. и выступавшая генератором всего процесса. Они должны локализоваться по пути движения мигрантов второй волны из Передней Азии на Алтай. Этим условиям отвечает среднеазиатский регион и, в первую очередь, льялякканская культура Среднеазиатского Междуречья. Она, правда, довольно скромно отражена в материалах Западной Сибири, что может иметь два варианта объяснения. Первый сводится к тому, что на территории Средней Азии произошел лишь контакт мигрантов с носителями этой культуры, чему противоречит распространенность праенисейских гидронимов в Западной Сибири и Прикамье. Поэтому предпочтительнее остановиться на втором варианте, подразумевающем вовлеченность праенисейцев в миграционный процесс. В силу не вполне понятных причин, произошла их достаточно полная культурная, а впоследствии и языковая ассимиляция, что и обусловило лишь отдельные проявления их культуры в последующих культурных образованиях. Не исключен и третий вариант, когда мы должны допускать какую-то не определенную пока сибир-

скую культуру в качестве носителя этих диалектов.

Возвращаясь к этнической принадлежности культуры, оформившей весь процесс, обратимся к методу исключений. Как было показано выше, мы должны исключить их северокавказскую принадлежность. Еще более категорично мы исключим их принадлежность к семитам или картвелам, лингвистические факты присутствия которых в Западной Сибири полностью отсутствуют. Типологическое сходство с синташтой позволяет предполагать их индоевропейскую принадлежность. Более точное отождествление лежит за рамками археологического метода.

Ситуацию проясняет сопоставление картины, реконструируемой по археологическим материалам, с лингвистической реконструкцией. Оно позволяет с высокой степенью надежности сказать, что основным генератором описанного миграционного процесса явились племена – носители древнеевропейских диалектов.¹

В настоящее время довольно трудно точно определить место первоначальной локализации древних европейцев. По всей видимости, она была изолирована от прочих индоевропейских

¹ Разработанная схема оказалась близка теории локализации индоевропейской прародины на Ближнем Востоке, предложенной Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым и я хотел бы подчеркнуть независимость этой разработки. Нижеследующий пассаж призван отметить объективность (при всей условности употребления этого слова в отношении научного исследования) разработанной схемы. Специфика научного материала в ряде случаев позволяет, отталкиваясь от определенной идеи (неважно – правильной или нет) проиллюстрировать ее материалом и даже подкрепить статистическими выкладками. Делается это, безусловно, не злонамеренно. Подобные механизмы заложены в научном знании в принципе. Эта работа изначально не преследовала своей целью подтвердить вышеупомянутую лингвистическую теорию. Первоначально я скептически относился к локализации всех индоевропейцев в Передней Азии, что нашло отражение в предварительных публикациях [Григорьев, 1996а]. Импульсы из Волго-Камья в Центральную и Западную Европу заставили более внимательно отнестись к работам Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Сопоставление меня удивило, поскольку выявило не просто принципиальное, а детальное сходство. Всегда относясь к сравнительному языкознанию как к самой сложной и проработанной гуманитарной дисциплине, я все же не ожидал подобных возможностей этого направления.

В заключение я хотел бы выразить свое восхищение научным подвигом, совершенным Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым. Поэтому я буду рад, если мои скромные усилия будут содействовать тому, чтобы эта теория заняла подобающее ей место. Последующий текст этого раздела будет

групп, поэтому наиболее приемлемым районом их первичной локализации представляются долины горных систем, прилегающих на востоке к озеру Урмия. Безусловно, район их первичной локализации следует уточнять, опираясь на материалы Северо-Западного Ирана. В XVII в. до н.э. носители древнеевропейских диалектов начинают движение на восток. Предложенная датировка не будет слишком варьировать, если не произойдет существенных передатировок западносибирских и переднеазиатских культур.

Миграционный поток движется вдоль южных отрогов хребтов Эльбурс и Копетдаг, не вступая во взаимодействие с формирующимся западноиранским этносом в Юго-Восточном Прикаспии. Причины отсутствия этих контактов не ясны. С равным правом можно рассматривать два варианта: отдаленность горным массивом или относительно более позднее начало формирования западных иранцев. Двигаясь далее к востоку, древние европейцы попадают в Бактрию, где к этому времени сформировалась иранская культура БМАК, стоявшая уже на уровне ранней цивилизации. Контакты с ней были очень непродолжительны и в археологических материалах практически не отразились.¹ По всей вероятности, они могли свестись к попыткам захвата иранских городков, которые закончились безрезультатно. Такой вывод можно сделать, исходя из отсутствия следов разрушения и обнаружения нако-

сконструирован следующим образом. В основном тексте будут даваться реконструкции этнокультурного процесса по археологическим данным, а в подстраничных сносках указываться параллели лингвистической реконструкции по статье Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова “Миграции племен - носителей индоевропейских диалектов - с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии”, опубликованной в ВДИ, 1981, №2. При этом, различиям в определении археологических культур, вовлеченных в этот процесс, мы придавать значение не будем, так как в данном случае это не имеет решительно никакого значения.

¹ “Слово могло проникнуть в индоевропейские диалекты из семитского еще во время их пребывания в пределах Ближнего Востока, а в восточноиранский - уже из этих диалектов. ... Обнаружение слова в памирских языках может указывать на большую древность контактов между “древнеевропейскими” и иранскими диалектами еще в Средней Азии” (с. 29). К этому сопоставлению необходим краткий комментарий. На наш взгляд, не исключено, что небольшая часть восточноиранских языков, в частности памирский, формируется позже, в результате проникновения племен, населявших степную зону, поскольку они содержат ограниченное число финно-угорских включений. Поэтому данный контакт мог осуществляться и севернее.

нечников стрел “сейминского” типа. Последние, впрочем, могли принадлежать и местному населению. Иранцы мигрируют в этот регион из Передней Азии, поэтому отдельные типы артефактов у них могут быть тождественны.

Иранский заслон не позволил древнеевропейцам пробиться на северо-восток, в долины Таджикистана, заселенные индоарийским населением, оставившим могильники бишкентского и вахшского типов (Тулхарский, Тигровая Балка и др.). На западе дорогу преграждали пески Каракумов. Поэтому оставался один путь – переправившись через Аму-Дарью, пересечь Каршинскую степь и, выйдя к Зеравшану, оказаться на границе Кызылкумов. По всей вероятности, именно в этом районе происходит контакт с протоенисейцами, которые здесь представлены материалами культуры ранней бронзы Лявлякана.² Археологические данные, к сожалению, не позволяют составить более-менее полные представления о формах и степени этих контактов. По крупному счету, присутствие древнеевропейцев в Среднеазиатском Междуречье маркируется лишь черешковым наконечником стрелы, обнаруженном на одной из лявляканских стоянок и включениями лявляканских материалов в западносибирских памятниках.

В дальнейшую миграцию включается часть местного населения, на что указывает, в первую очередь, совпадение ареалов протоенисейской гидронимии и сейминских бронз. В данном случае можно даже говорить о том, что мы имеем дело не с сопутствующей миграцией и не с оттеснением этого населения на север впереди себя.

Из Среднеазиатского междуречья поток мигрантов движется вдоль северных отрогов

² “...обнаруживаются и заимствования из древнеевропейских диалектов в языки Центральной Азии типа енисейских, до конца I тыс. до н.э. по данным топонимики занимавших значительную часть территории Средней Азии. Поэтому переселившиеся в Среднюю Азию племена должны были вступить в контакт с енисейскими” (с. 26). В данном случае нам сомнительна возможность доживания праенисейцев в этом регионе даже до конца II тыс. до н.э., поскольку здесь появляется алакульское, а затем и саргаринское население из степной зоны. Факты контактов носителей этих культур с местным населением отсутствуют. Равным образом, если мы допустим, что в Приаралье носители суярганской культуры тоже были праенисейцами, то они должны были в этот период быть ассимилированы иранцами, представленными здесь срубной культурой, что и привело к формированию тазабагыяской культуры.

Тянь-Шаня. Это был единственный возможный путь дальнейшего продвижения, проходивший по относительно узкому коридору, ограниченному с юга Тяньшаньской горной системой, а с севера – песками Кызылкумов, Бетпак-Далы и Южного Прибалхашья. Пройдя по этому коридору, мигранты переваливают через хребет Тарбагатай и оказываются в верховьях Иртыша, на границе Саяно-Алтайской горной области.

Таким образом, описание этого маршрута делает понятным стремительный характер миграции этой прежде наименее подвижной части индоевропейцев. Почти весь путь проходит между гор и пустынь, определявших направление движения. На этом пути удобные для расселения места были либо уже заняты иным населением, либо какое-то население преграждало дорогу к подобным местам. Это обеспечило (и обеспечивало в дальнейшем) стремительное перемещение больших масс населения на расстояние в несколько тысяч километров и неожиданное появление их на границах Центральной Азии. Поэтому совсем не исключено, что древнеевропейцы уже через несколько лет оказались на Алтае где, по всей вероятности, оседают надолго. Место их новой локализации оказалось чрезвычайно удачным. Алтай богат меднорудными месторождениями, горные хребты Калбы и Нарыма изобиловали оловом. Последнее обстоятельство сыграло значительную роль в последующих исторических процессах в Евразии. В этом районе окончательно оформляется специфика сейминско-турбинской металлообработки.

До прихода древнеевропейцев на Алтае проживали носители афанасьевской культуры. Идентичность ее ямной не вызывает сомнений в ее индоевропейской принадлежности. Это позволило увязать афанасьевскую культуру с тохарами и объяснить, тем самым, исторически зафиксированное присутствие тохар в Восточном Туркестане и Синцзяне [Семенов, 1987; Даниленко, 1974, с. 138]. В принципе, со справедливостью подобного вывода следует согласиться, но он требует незначительного уточнения. В настоящее время, как указывалось выше, афанасьевская культура не рассматривается как нечто единое, поскольку выделена целая серия позднеафанасьевских памятников, керамический комплекс которых представлен раздутыми бомбовидными сосудами. Эта керамика близка от-

дельным позднеямным сосудам Приуралья и Прикаспия. Отдаленные сопоставления возможны с частью новотитаровской посуды. Это позволяет нам экстраполировать связь тохар с отдельными позднеямными комплексами. Более ранние афанасьевские комплексы, по-видимому, как и древнеямные, следует считать индоиранскими. Присутствие индоиранских включений в финно-угорской лексике [Абаев, 1981] позволяет говорить об арийской принадлежности ямников и афанасьевцев. В таком случае, тохарский компонент ложится на индоиранский субстрат.

Существует, впрочем, также возможность отождествления с тохарами окуневской культуры. Лингвистические исследования показывают дифференциацию тохар еще в пределах Передней Азии, где они фигурируют в источниках под названиями “гутии” (“кутии”) и “тукри”. Это соответствует их самоназваниям, а также “куши” тохарских текстов и “тохар” индийских [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 15, 16]. С кутиями следует отождествлять известную по месопотамским источникам страну Гутиум, расположенную между Эламом и Субарту (Субир). Наиболее вероятным местом локализации кутиев является для III тыс. до н.э. район Малого Заба, а к началу II тыс. до н.э. Приурмийский район. Тукри жили, по-видимому, в прилегающих восточнее районах Загроса [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 15, 16, 18, 23; Юсифов, 1987, с. 19; Potts, 1994, р. 26, 27]. Не исключено, что это смещение тохар к северу было вызвано походами Нарам-Сина. С этим же может быть связана тохарская миграция в Центральную Азию, что дает возможность для достаточно точной датировки ранних фаз окуневской культуры в рамках традиционной хронологии. Однако не исключено, что исход тохар может быть связан и с более ранним завоеванием Кутиума Саргоном. В результате миграции в Центральную Азию тохары контактируют с пратюрками и прауграми [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 26, 27].¹

¹ “Тохарские диалекты были, очевидно, первой, самой ранней (предшествовавшей и индоиранским миграциям) волной, направившейся в восточном направлении...” (с. 23, 24). Здесь мы тоже фиксируем расхождение, поскольку археологическая реконструкция предполагает более раннее появление в этом районе ариев. Однако твердых оснований для суждений о языке ямного населения у нас все же нет. Более корректно считать их индоевропейцами.

Ощутимое взаимодействие древнеевропейцев с тохарами не прослеживается. Видимо, основная часть тохар вытесняется в Синцзян, а незначительная часть включается в коллективы древнеевропейцев и постепенно ассимилируется.¹ После начала новой миграции на запад часть тохар остается на месте. На подобную реконструкцию указывает наличие параллелей, которые дает могильник Сопка 2 с окуневской и, в меньшей степени, с афанасьевской культурами. В незначительной степени окуневские черты отразились в керамике Ростовкинского могильника. Далее к западу они отсутствуют.

Тем не менее, какие-то группы тохар могли быть вовлечены в миграционные потоки на запад, поскольку в языках финно-угорских народов присутствуют тохарские включения. Часть из них может быть осмыслена как индоевропейские вообще, но часть довольно уверенно соотносится именно с тохарскими диалектами. Реконструируемые по этим заимствованиям контакты имели место в период, предшествовавший распаду угорского единства, но после обособления раннепермских диалектов от иных диалектов финно-пермской общности, что соответствует времени от середины II тыс. до н.э. по начало I тыс. до н.э. Данные контакты, несмотря на распад, охватили практически все уральские языки, причем заимствованными оказались термины, связанные с коневодством и металлургией. Это позволило связать проникновение тохарской лексики в финно-угорские языки с миграцией сейминско-турбинских племен [Напольских, 1994; 1997, с. 155]. Однако целиком сводить сейминско-турбинскую миграцию к тохарам нельзя, поскольку в бассейне Тарима тохары фиксируются уже с начала II тыс. до н.э., а начало обсуждаемому процессу, как мы уже говорили ранее, было положено миграцией из Передней Азии в период, непосредственно предшествовавший движению на запад. Кроме того, тохарские заимствования в финно-угорские языки действительно имеют место, но эти заимствования не фиксируют направления движения тохарского населения. Зато в тохарских языках известны, хотя и ограниченные, включения из финно-угор-

¹ “Все эти языки (древнеевропейские - С. Г.) обнаруживают ряд лексических изоглосс, общих с тохарским, что весьма трудно объяснить без допущения контактов, вероятно, в процессе совместных миграций этих языков вместе с носителями тохарского языка” (с. 25).

ских языков [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 936-938]. Это было бы невозможно, если бы тохарская миграция была бы связана с движением сейминско-турбинских племен. Поэтому более предпочтительно как тохарскую рассматривать окуневскую культуру. Ранее уже приводилось мнение М.А.Дэвлет о том, что семантика окуневских изображений наиболее объяснима при опоре на тибето-монгольские традиции [Дэвлет, 1997], что подкрепляет гипотезу о тохарской принадлежности окуневской культуры. Нельзя исключить, что переоформление афанасьевской культуры Алтая тоже сопровождалось распространением тохарского языка. С появлением на Саяно-Алтайском нагорье сейминско-турбинских племен, осуществляется их взаимодействие с тохарами. Не исключено, что во второй половине II тыс. до н.э. часть тохар проникает в Северо-Восточный Китай, формируя культуру Чаодаогоу, имеющую довольно ранние прототипы (конец III – начало II тыс. до н.э.) в Иране и более поздние (кельты) в сейминско-турбинских бронзах [Kovaljov, 1998].

Таким образом, появление тохарских заимствований в финно-угорских языках могло быть связано, как с включением в сейминско-турбинскую миграцию носителей окуневской или поздне-афанасьевской культур, так и с первичной миграцией тохар из Передней Азии в Центральную. В настоящее время затруднительно точно описать эту миграцию. На первый взгляд, она осуществлялась, главным образом, через Иран и Среднюю Азию. В Синцзяне, в бассейне Тарима, тохарские памятники имеют параллели в бактрийско-маргианском археологическом комплексе [Sarianidi, 1998, p. 157, 158]. Кроме того, досейминский металл, попадающий в Китай, ближе бактрийскому, чем переднеазиатскому (см. главу 5 раздела II) и наблюдается тенденция распространения в Центральную Азию технологии тигельной плавки руды именно по этому южному пути. Кроме того, в Семиречье известны наскальные изображения, идентичные окуневским. Все это предполагает южный путь тохарской миграции.

Однако присутствие, хотя и ограниченное, финно-угорских заимствований в тохарских языках позволяет предполагать миграции каких-то тохарских групп через Северную Евразию. Именно на этот путь указывают многочисленные восточноевропейские включения в окуневской куль-

туре (см. параграф 2.1 раздела II). При этом, если тохарская миграция осуществлялась через Среднюю Азию в III тыс. до н.э., то в этом регионе могли сохраниться финно-угорские племена (параграф 1.1 раздела III). Поэтому не исключено, что имели место оба описанных пути, по которым двигались различные тохарские группы (кутии и тукри).

Тохары, переселившиеся в Синцзян, в китайских источниках фигурируют как “юэджи”, что обосновывается чисто лингвистическим путем [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 29-33]. Тем не менее, это отождествление вполне соответствует историческим реалиям. После разгрома в 174 г. до н.э. часть юэджей переселяется в Среднюю Азию и Бактрию, где формируется несколько юэджийских территориальных группировок, объединяющихся вскоре в Кушанское царство. В результате из источников постепенно исчезает древнее название “Бактрия” и эта территория называется “Тохаристаном” [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 30, 33; Древние государства..., 1985, с. 206, 250, 251]. Соответствие этого названия, как и названия самого царства, тохарским этнонимам позволяет говорить о тохарской принадлежности кушан, юэджей и о справедливости лингвистической реконструкции относительно переднеазиатских кутиев и тукри.

После оседания древнеевропейских популяций на Алтае, устанавливается широкий ареал взаимодействия (или сферы влияния), распространяющийся на восток в Саяны и, возможно, на северо-запад по Иртышу. В результате, на востоке устанавливаются контакты с монголоидным глазковским населением, говорившим на одном из алтайских языков. По какой-то причине это население включается в дальнейшую миграцию, причем, вероятно, инкорпорация его в древнеевропейские коллективы происходит достаточно поздно, непосредственно перед началом миграционного процесса, без длительного совместного проживания на Алтае. Слагаемые компоненты глазковского комплекса довольно отчетливо прослеживаются на памятниках вплоть до Средней Волги.¹ Не исключено, что это население первым начинает применять верховую езду, пос-

кольку термины, ее обозначающие, проникают в европейские языки из алтайских. По времени это совпадает с последующим появлением всадничества в степной зоне и исчезновением колесниц [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 554, 732]. Однако при совпадении чисто хронологическом следует отметить, что впервые использование верховой лошади в бою возникло именно в Передней Азии, хотя факты, подтверждающие это, пока весьма ограничены. Так, на цилиндрической печати кутийского периода изображен, предположительно, всадник, ведущий сражение. В такой трактовке этого образа можно сомневаться, но на изображении из Суз начала III тыс. до н.э. уже вполне определенно помещены воины с лошадыми [Hood, 1979, p. 90]. Поэтому с данной группой заимствований в древнеевропейские не вполне все ясно, тем более, что глазковская культура не коневодческая.

Затем начинается внезапная миграция древних европейцев на запад. Стимулом к ней послужило появление новой волны индоевропейских племен, прошедших тем же степным коридором, что и описываемая волна. Миграция в западном направлении разворачивается широкой полосой по всей лесостепи, захватывая юг лесной зоны. Движение шло отдельными группами с временным оседанием по маршруту. Часть коллективов опускается вниз по Иртышу и далее по его левым притокам попадает в Приуралье: по Конде на Печору, по Туре, Пышме и Исети на Каму и Волгу. Другая часть движется по южной лесостепи, в район локализации синташтинских городищ. В отличие от северной зоны, здесь не отмечены поселенческие комплексы древнеевропейцев. Проникновение сюда мы можем проследить лишь по находкам трех наконечников копий в Троицке, под Джетыгарой и в Оренбургской области [Мазниченко, 1985]. В этом районе древнеевропейцы сталкиваются с иранским населением синташтинской культуры. К тому моменту дезинтеграционные процессы, работавшие на распад синташтинской системы, проявили себя уже в полной мере. И можно полагать, что смертельный удар синташтинской системе был нанесен появившимися здесь древнеевропейцами. Обнаружение сейминско-турбинских копий в этой зоне фиксирует лишь их присутствие здесь. Хронологические позиции появления сейминско-турбинской металлообработки и конца классического синташтинского этапа тоже совпадают.

¹ “Таким восточным путем миграций древних индоевропейских диалектов объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими...” (с. 26).

Этот южный миграционный поток проходит через массив синташтинских и абашевских племен и оказывается в Волго-Камье, где соединяется с древнеевропейцами, мигрировавшими через лесную зону. С этого момента мы имеем полное право называть их уже европейцами. С собой в Волго-Камье они приносят значительное количество мышьяковых бронз, доставшихся им в качестве трофеев, которые они используют впоследствии для изготовления собственных изделий. Часть абашевцев и, в меньшей степени, синташтинцев инкорпорируется в их среду, занимая, при этом, по наблюдениям исследователей, подчиненное положение [*Черных, Кузьминых, 1989, с. 274, 275*].

Располагавшиеся южнее иранцы вскоре оправились от удара. Начинается восстановление городищ на руинах, разрушенных нашествием, но процессы дезинтеграции вступили в завершающую фазу. При этом постепенно налаживается контакт иранцев с древнеевропейцами. Наиболее четко это ощущается в изменении стереотипов металлообработки и переходе к использованию оловянистых лигатур. Повсеместно – в степи и в лесной зоне – применяется и многокомпонентный сплав Cu+As+Sn, что, возможно, является свидетельством установившегося контакта европейского и иранского мира.¹

Локальные контакты с финно-уграми у древних европейцев начинаются, по всей вероятности, еще в Прииртышье. Но наиболее активными они становятся с началом миграции на запад, причем это касается, преимущественно, тех популяций, которые двигаются по лесной

зоне.² Первоначально, к востоку от Урала, европейцы контактируют с праугорским населением и, в меньшей степени, с прасамодийским. Западнее осуществляются контакты с прафинскими племенами, причем они должны быть более интенсивными, поскольку в Волго-Камье европейцы оседают на длительное время, а часть популяций проникает на Печору и в район Онежского озера.

Отдельные мигрирующие коллективы пробиваются и дальше – в Северо-Западное Причерноморье, где их присутствие крайне ограничено, и в Восточную Прибалтику. Не исключены отдельные локальные проникновения в этот период и далее на запад.

Оказавшиеся в Волго-Камье европейцы сталкиваются с потомками очень рано появившихся здесь индоевропейских популяций – носителей балановской культуры и абашевцами Средней Волги. Это взаимодействие приводит к формированию Волго-Камского очага этногенеза.³ Устанавливается активное взаимодействие с формирующимися на юге срубными племенами, и отсюда начинают осуществляться импульсы в западном направлении. Вероятно, эти отношения были не вполне мирными, на что указывают уже упоминавшиеся ранее материалы абашевского Пепкинского кургана.

На этом мы на некоторое время оставим движение древних европейцев, чтобы вернуться в Урало-Иртышское междуречье и рассмотреть те процессы, которые происходили в этом регионе в начале ПБВ.

² “О миграции носителей древнеевропейских диалектов через Среднюю Азию в западном направлении свидетельствует, по-видимому, наличие индоевропейских лексических заимствований в финно-угорском, источником которых можно считать древнеевропейские диалекты” (с. 26).

³ “Движение древнеевропейских диалектов по Центральной Азии с дальнейшей ориентацией в сторону запада Евразии осуществлялось, по-видимому, в виде повторных миграционных волн, направленных с востока на запад Евразии, где в дальнейшем эти племена оседали и заселяли определенную общую территорию. Вновь прибывшие племена присоединялись к уже осевшим на этой территории, и таким образом, образовывался общий промежуточный ареал для мигрировавших с востока индоевропейских племен, позднее заселивших более западные области Европы. Этот общий промежуточный ареал становится областью контактов и вторичного сближения ранее уже частично отделившихся друг от друга индоевропейских диалектов” (с. 27).

¹ “На подступах к причерноморским и приволжским степям, которые представляли ареал концентрации шедших с востока индоевропейских племен, могли происходить и контакты с раннеиранскими диалектами” (с. 29).

Глава 3.

Федоровская культура и ее филиации

3.1. Происхождение и характер федоровской культуры

Новым явлением в истории степной и лесостепной Евразии стало формирование федоровской культуры (рис. 79-83). В предыдущем разделе мы оставили этот регион, описав формирование алакульской культуры. Обычно вместе с федоровской ее включают в андроновскую культурно-историческую общность, определившую культурный облик огромных пространств Евразии в эпоху ПБВ. Однако, как будет показано ниже, если исключить из рассмотрения синкретические контактные типы, вобравшие в себя черты алакульской и федоровской культур, “чистые” комплексы не обнаруживают ничего общего. Это не только не позволяет рассматривать вопрос о формировании федоровской культуры на алакульской основе, но и ставит под сомнение правомерность выделения андроновской культурно-исторической общности [Бобров, 1993; Григорьев, 1999б; 2000]. Существование проблемы происхождения федоровской культуры в течение нескольких десятилетий обусловлено тем, что в Северной Евразии отсутствуют культуры подстилающего хронологического горизонта, из которых можно было бы вывести черты материальной культуры федоровского населения. В качестве таковых предлагались энеолитические культуры лесного Зауралья или Центрального Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 118; Потемкина, 1985, с. 273; Сальников, 1965, с. 23], однако реальных оснований к этому нет. Невозможно также вывести федоровскую культуру из алакульской. У культуры отсутствуют, таким образом, какие-либо ранние формы. Все это позволяет, с учетом хорошей исследованности террито-

рий, занятых федоровской культурой, сделать вывод о том, что ее формирование носило миграционный характер. Некоторые исследователи склоняются к мысли, что эта миграция осуществлялась из Восточного Казахстана или же из Казахстана без указания на какой-либо конкретный регион [Ткачев А., 1999; Ткачева, Ткачев 1999; Корочкова, 1999, с. 167]. Забегая вперед, отмечу, что применительно к Южному Зауралью так оно, вероятно, и было.

До недавнего времени характеристика федоровской культуры описывалась, главным образом, с опорой на погребальные комплексы (рис. 79,9-11). Федоровские подкурганые площадки окружены прямоугольными или круглыми каменными оградами, сложенными обычно в технике цистовой кладки. Внутри них выкид из могильных ям уложен в виде подпрямоугольных площадок. Стенки ям тоже могут быть обложены каменными плитами или цистовой кладкой. Сами ямы (в случае, если их несколько) располагаются не по кругу, как алакульские и синташтинские, а в ряд. Однако наиболее яркой чертой, отличающей федоровский погребальный обряд от алакульского, является широкое распространение обряда кремации. Впрочем, в территориальном распределении этих признаков наблюдаются существенные различия. В Зауралье подавляющая доля погребений представлена трупосожжениями. В Казахстане доля кремаций и ингумаций сопоставима, что обусловлено, видимо, более интенсивными контактами с алакульскими популяциями. А в Восточном Казахстане и в Хакасско-Минусинской котловине доля кремаций незначительна. С другой стороны, в Зауралье чаще встречается замена камня деревом в погребальном обряде [Котельникова, 1999].

Очень своеобразный обряд был зафиксирован раскопками грунтового могильника Перей-

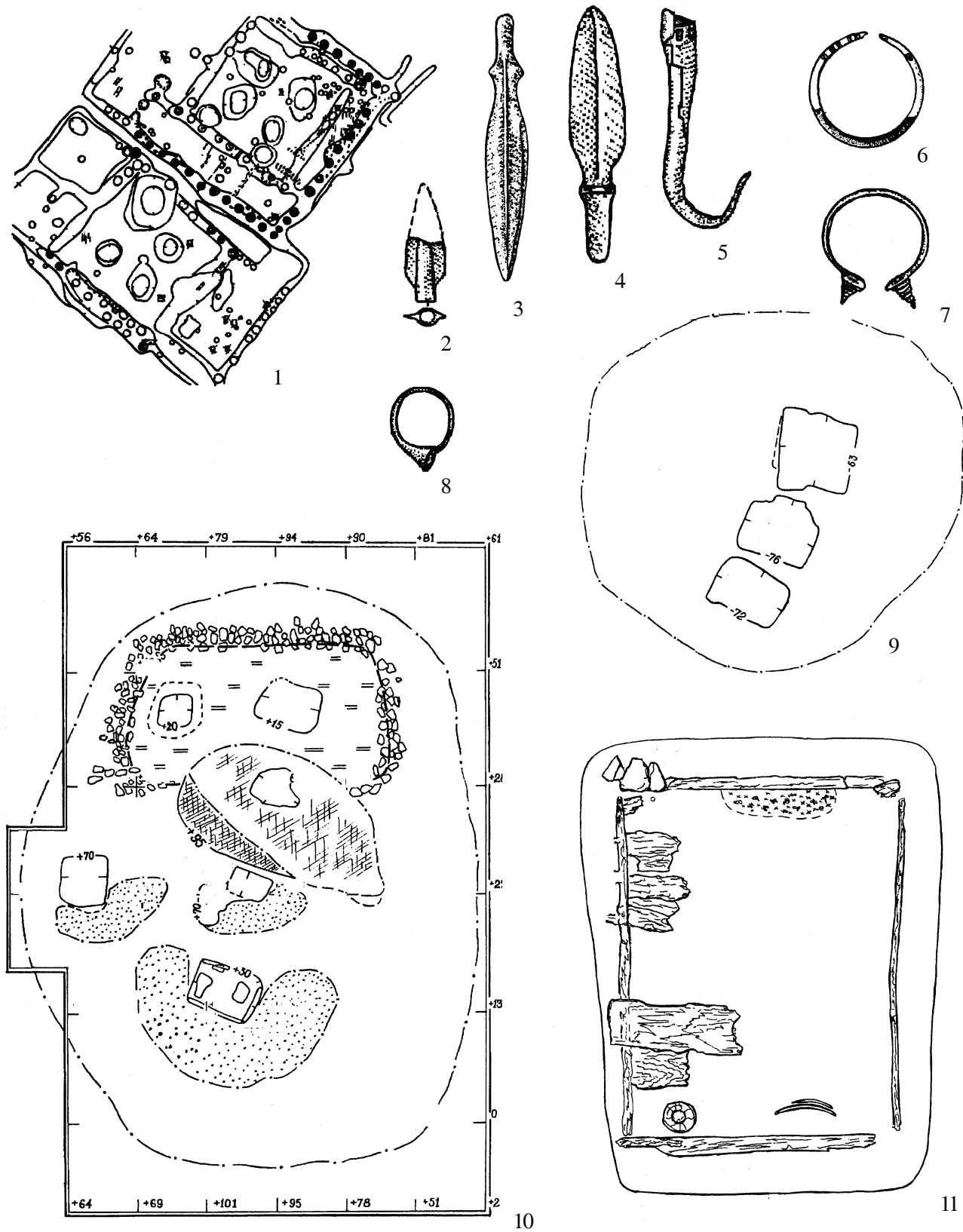

Рис. 79. Федоровская культура. 1, 4, 5 – Павловка; 2 – Биерык-Коль; 3, 6 – Путиловская Заимка; 7 – Алыпкаш; 8 – Соколовка; 9 – 11 – Смолино.

минский 3 в Тюменском Притоболье, где кальцинированные косточки были сложены в округлые ямки очень небольшого диаметра (Стефанов, Корочкова, 2000, с. 68-76). Поскольку, как правило, федоровские погребения фиксируются благодаря раскопкам курганных насыпей, не исключено, что этот обряд был более распространен, и подобные погребальные комплексы будут исследованы более широко.

Заметно различается в федоровской и алакульской культурах и набор жертвенных животных. Если в алакуле в погребениях доминируют кости конечностей и черепа крупного рогатого скота, что является продолжением синташтинской традиции, то в федоровской культуре преобладают ребра и лопатки лошади или овцы [Кузьмина, 1973; 1975; 1994; Зданович, 1988; Сальников, 1940; 1952; Григорьев, 2000; Максименков, 1978]. Наиболее контрастны федоровские и алакульские памятники Зауралья. В Центральном Казахстане обозначенные оппозиции выглядят не столь контрастно за счет обилия смешанных и синкретических памятников [Сальников, 1952; Стоколос, 1968; Усманова, 1987; Чиндин, 1987].

Обряд кремации в дофедоровское время в Зауралье отсутствовал. В лесостепной его части среди энеолитических погребений кремации не отмечены [Вохменцев, 1999]. Известны лишь четыре погребения в таежной части Зауралья и Западной Сибири (Барсов Городок II, сосновостровская культура и волвончинский тип), где обнаружены погребения, совершенные по обряду ингумации, но со следами воздействия огня на костях. В эпоху ранней бронзы трупосожжения появляются в екатерининской культуре Среднего Прииртышья [Шорин, 1999, с. 19, 23; *Очерки культурогенеза...*, 1994, с. 44, 51]. Для синташтинской и алакульской культур обряд кремации тоже не характерен. Этот обряд был слабо распространен и на большей части Евразии. Исключением являются Центральная Европа и Закавказье. В последнем регионе в эпоху СБВ этот обряд был широко распространен у населения, оставившего памятники триалетской культуры [Джапаридзе, 1994, с. 81, 88; Кушнарева, 1994, с. 98]. По всей вероятности, этот обычай имел местные закавказские корни, поскольку известен также у куро-аракских племен в юго-восточной части ареала их распространения [Мунчаев, 1994, с. 35]. Наиболее ранние случаи кремации

зафиксированы на поселении Ярымтепе, в халафских слоях [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 198-203]. Это позволяет утверждать, что в Закавказье и Северной Месопотамии данный обычай существовал в течение нескольких тысячелетий.

В районе Северо-Западного Ирана обряд трупосожжения оказался очень устойчивым и сохранился вплоть до начала I тыс. до н.э. (Хасанлу V) [Parpola, 1988, p. 244]. Хорошо известны и трупосожжения у хеттов, датируемые XVII – XIV вв. до н.э. За пределами Богазкёя (хеттской столицы Хаттусы) обнаружено место, где совершалось кремирование покойников [Aksit, 1987, p. 59]. Существуют описания хеттских царских погребальных обрядов. Труп царя к месту сожжения привозили на колеснице. На следующий день после сожжения тела женщины собирали остатки кремации. Кремация встречалась у греков, кельтов, римлян (у последних она рассматривалась Плинием как нововведение), но в наибольшей степени кремация была присуща балтам, славянам и германцам [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 826-829]. Известны трупосожжения и у другой индоевропейской группы – индо-ариев, в том числе переднеазиатских. Миттанский царь Паратарна, правивший около 1500 г. до н.э., повелел себя сжечь после смерти [Hrouda, 1971, p. 180]. С эпохи СБВ трупосожжения в урнах становятся типичны и для Западной Анатолии [Kull, 1988, S. 44, 94].

Кроме того, в периоды РБВ-СБВ цисты из камня или глиняных блоков были характерны для очень широкого региона от Центральной Анатолии до Северной Месопотамии. Известны они и южнее, но доля их, в целом, ниже, чем иных типов могильных сооружений [Алекшин, 1986, с. 84-91, 97, 100-102, 110, 111]. В Анатолии с конца IV тысячелетия до н.э. присутствуют погребения в цистах, ямах и сосудах [Алекшин, 1986, с. 85-97]. В Восточной Анатолии встречаются цисты из сырцового кирпича (Коручу-Тепе), которые, наряду с каменными, известны и в Северной Месопотамии (Тепе Гавра). Чрезвычайно широко обряд захоронения в цистах был распространен и в РБВ Сирии [Аль-Наджар, 1981, с. 25, 28]. Довольно много параллелей в этой зоне обнаруживают и погребальные каменные ящики. Они характерны, в частности, для куро-аракских памятников [Кушнарева, Чубиншвили, 1970, с. 66].

Федоровские поселения на сегодняшний день изучены недостаточно. Можно утверждать,

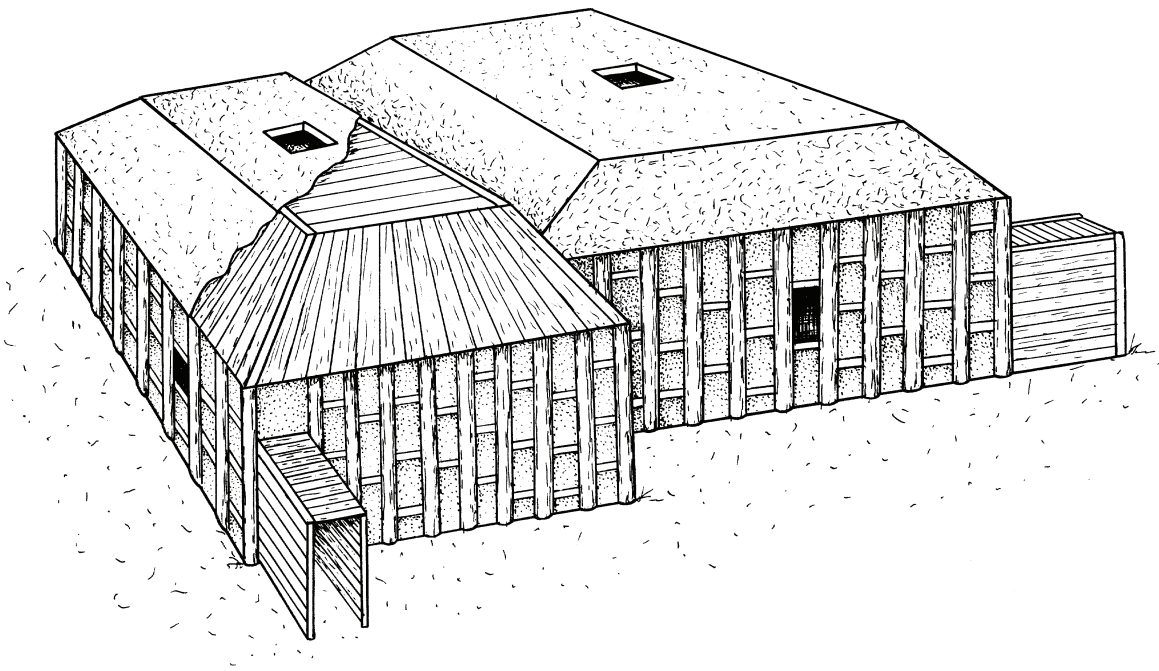

Рис. 80. Реконструкция федоровского жилища.

что они были неукрепленными. Исключение составляет лишь городище Барашки I в Верхнем Прииртышье, где исследована двойная линия фортификаций, перегораживающих мыс [Ткачева, Ткачев 1999]. Достоверно выявленные федоровские жилища немногочисленны и отличаются от жилищ алакульских [Сальников, 1952; 1951; 1957; 1959; Григорьев, 2000; Малютина, 1990]. Это либо наземные столбовые постройки прямоугольной (обычно ближе к квадрату) формы (Кипель, Нижнеспасское, Ново-Бурино, Бишкуль IV, Бугулы II), либо углубленные в землю жилища, столбы в которых служили лишь для сооружения перегородки и, возможно, для поддержки перекрытия (Миасское). Наиболее замечательна архитектура поселения Павловка на востоке Центрального Казахстана, где исследованы дома с забутованными стенами из вертикально врытых столбов и с выделенными разнофункциональными отсеками (рис. 79,1). Предполагается, что они были двухъярусными. Эта традиция абсолютно чужда степной Евразии. Вместе с тем, на Павловке и некоторых других поселениях присутствуют черты, обнаруживающие несомненные параллели в южных евразийских культурах от Закавказья до Средней Азии [Малютина, 1990, с. 104, 105,

110-116; 1991, с. 151-157]. К ним можно отнести переносные очаги с цилиндрическими керамическими подставками, имеющими треугольные отверстия¹; глиняную обмазку стен; пристенные очаги-камины; колодцы; крупные ямы-хранилища со сводами; захоронения людей и животных на поселениях. Часть из вышеперечисленных признаков известна и в материалах синташтинской культуры, но это не исключает независимого от синташты их появления в федоровской культуре.

Федоровская керамика представлена несколькими типами посуды. Наиболее известна погребальная керамика. Это плавно профилированные горшки с лощеной поверхностью и геометрическим орнаментом, выполненным обычно гребенчатым штампом (рис. 82, 1-8). Ряд технологических особенностей отличает федоровскую керамику от алакульской. Как мы помним, алакульское гончарство наследует синташтинскую и петровскую традицию донно-емкостного начина, когда дно и тулово лепились на поддоне. В противоположность этому, федоровские гончары

¹ Различные типы очажных подставок были чрезвычайно распространены в Закавказье, Анатолии и на Крите. Однако в последний регион они попадают из Анатолии [Diamant, Rutter, 1969].

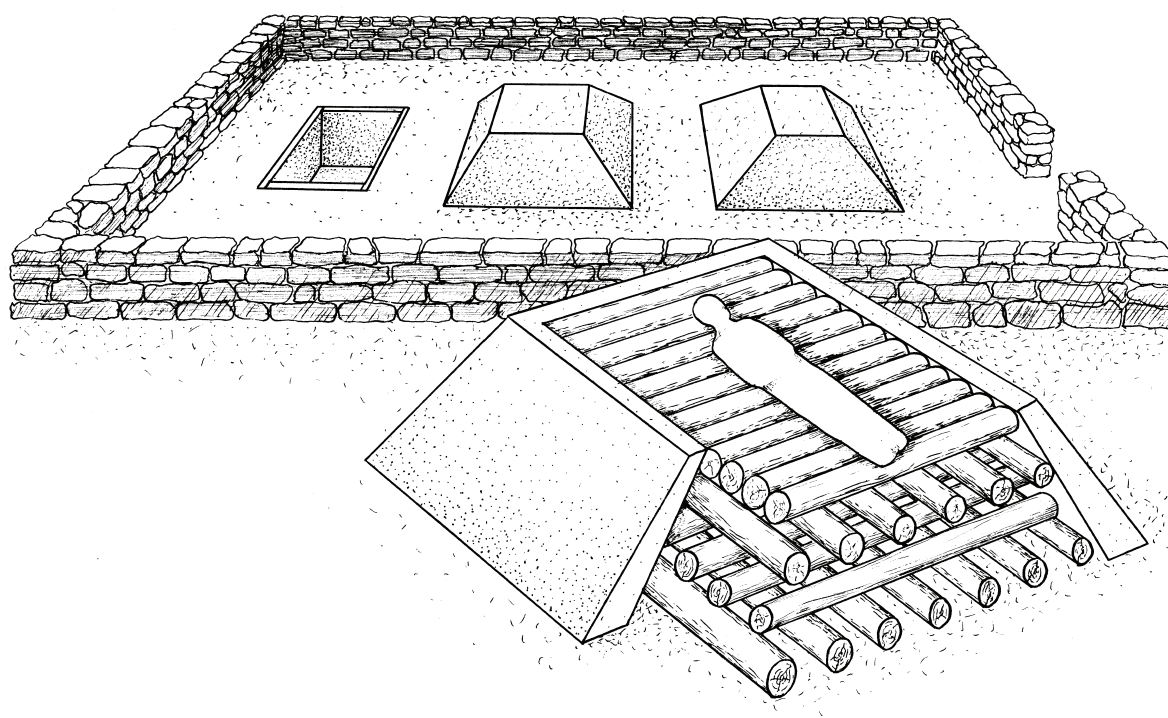

Рис. 81. Реконструкция федоровского погребального обряда.

сначала лепили полое тело, а затем к придонной части крепили дно. Лощение производилось по уже подсушенной поверхности и часто между полосами орнамента [Кузьмина, 1994, с. 115; Ломан, 1995].

Прототипы этой керамике известны в синташтинских материалах, но представлены там единичными сосудами в могильниках Синташта, Большекараганский и в абашевских могильниках Власовский и у Никифоровского лесничества (см. параграф о синташтинской керамике). Поэтому маловероятно, чтобы на их основе вычленился широко распространенный керамический тип. Вместе с тем, это дает нам основание для поисков протофедоровской керамической традиции на Ближнем Востоке. Собственно, в археологии уже имели место попытки увязать керамику Тагискена, федоровской и карасукской культур с Закавказьем [Грязнов, 1966], и федоровскую “парадную” посуду со среднеазиатской периода Намазга VI [Виноградов и др., 1996, с. 145, 146]. Последний вывод представляется маловероятным, хотя определенные основания (об этом ниже) он под собой имеет. Более плодотворной является первая точка зрения, предполагающая распростра-

нение чернолощеной посуды с белой пастовой инкрустацией оттиснутых орнаментов через Иран и Среднюю Азию в Сибирь из Закавказья. В ряде культур этого региона действительно распространена подобная керамика, известны орнаменты в виде горизонтальной “елки”, треугольников, ромбов, “уточек”, меандров и свастик. Правда, нам не известна посуда, где все эти черты увязывались бы композиционно таким образом, чтобы можно было говорить о “федоровском стиле”. Очень показательным примером является II керамическая группа поселения Узерликтепе в Азербайджане. Это чернолощеное изделие, с узким дном, плавной профилировкой, имеющая поддон. Украшена она гребенчатым орнаментом, хотя орнаментальная схема, будучи близка протофедоровской керамике синташтинских памятников, отлична от классической федоровской [Кушнарёва, 1959, рис. 12, 13] (рис. 85,6,7).

На наш взгляд, в своем классическом виде “федоровский стиль” разрабатывается уже в Урало-Иртышском междуречье. Исходными были, вероятно, несколько иные и более простые орнаментальные схемы. В пользу этого говорит характер орнаментации протофедоровской посу-

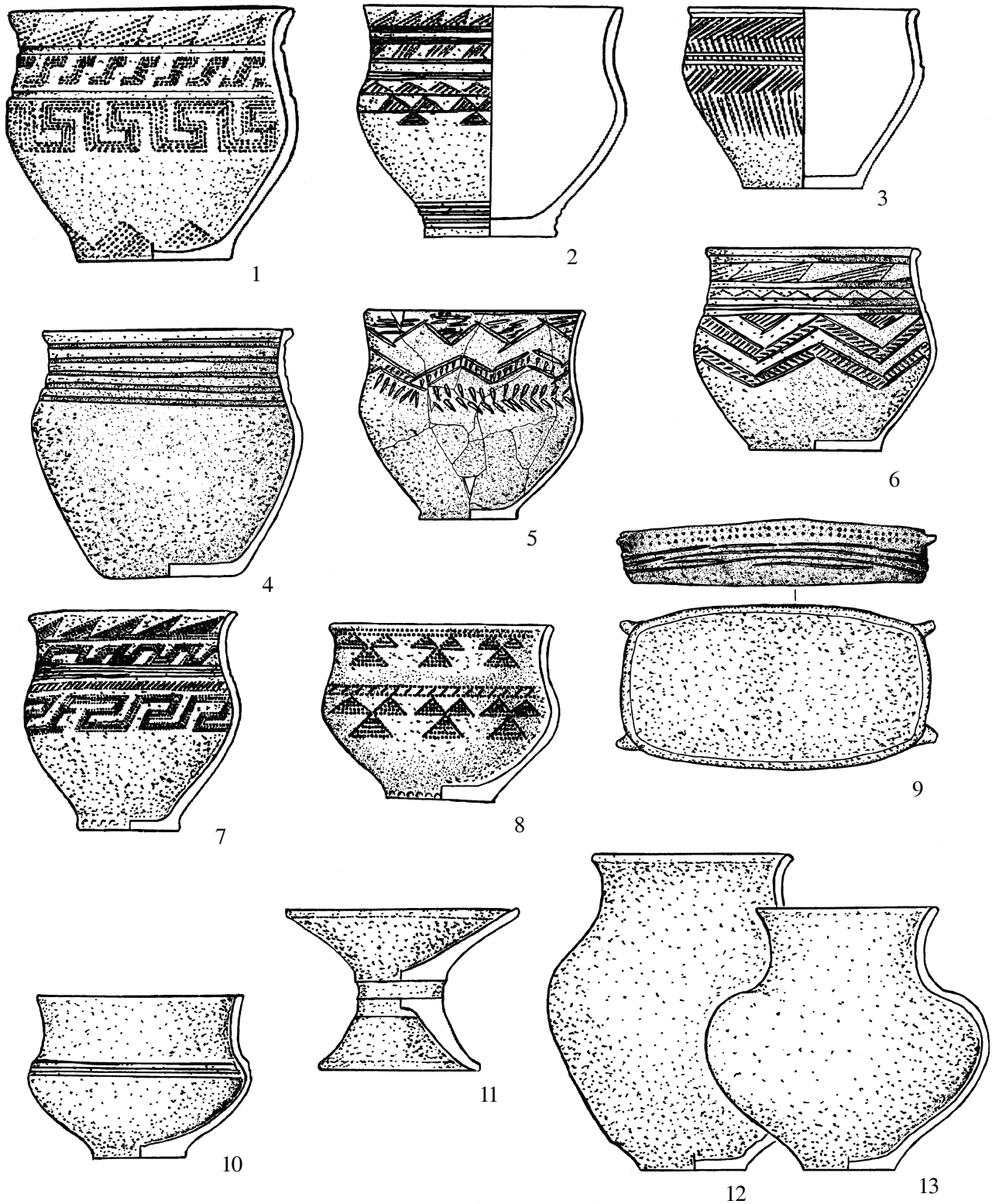

Рис. 82. Керамика федоровской культуры. 1 – Куропаткино; 2, 3 – Приплodный Лог; 4 – 6, 9 – Смолино; 7, 8 – Путиловская Заимка; 10 – 13 – Павловка.

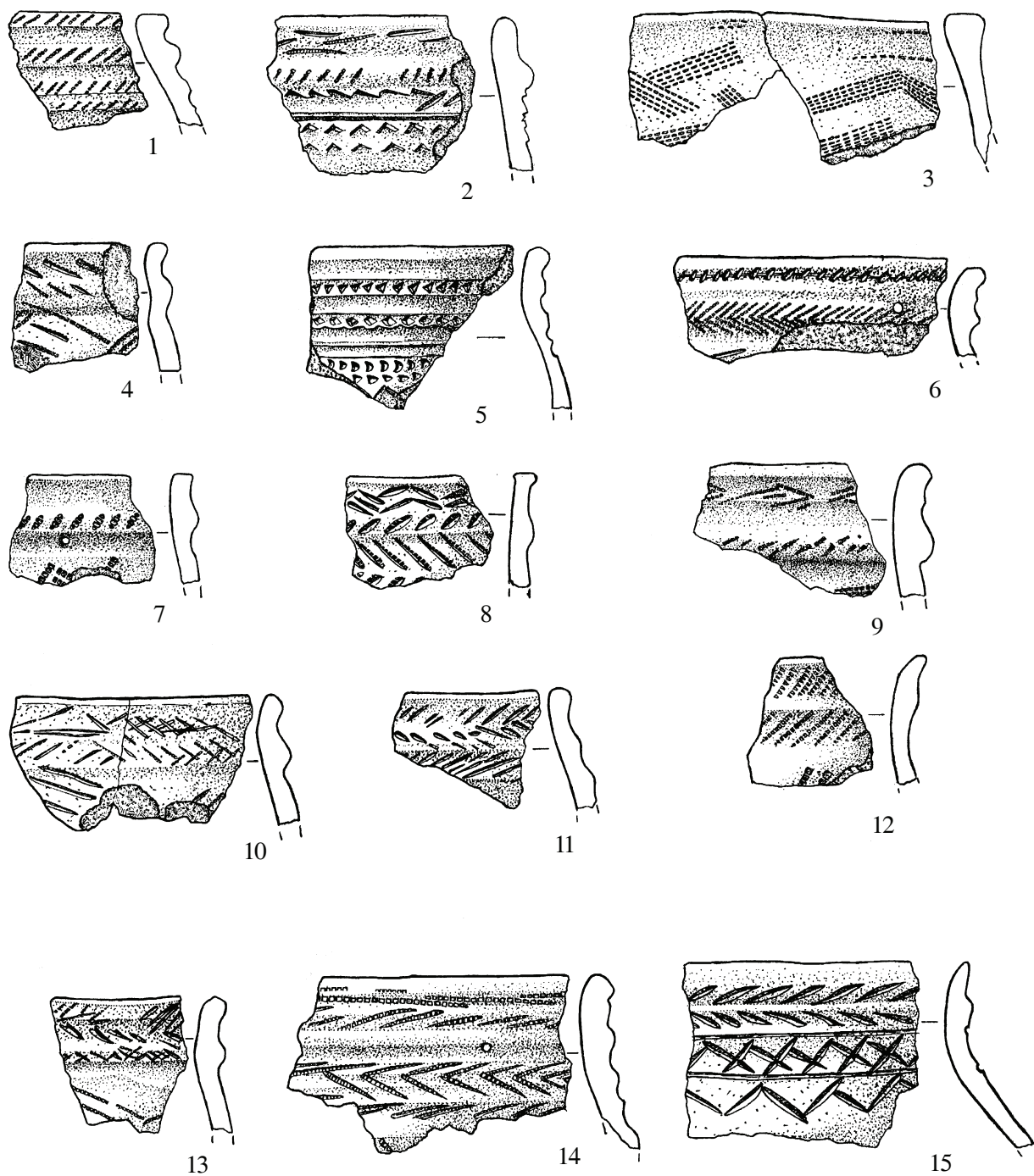

Рис. 83. Валиковая керамика федоровской культуры и ее трансформация в межовские формы. 1, 4, 10, 11, 13, 14 – Кизильское; 2, 3, 7, 9 – У Спасского моста; 5, 6, 8, 12, 15 – Миасское.

ды синташтинских комплексов и раннефедоровская керамика поселения Павловка. В отличие от автора раскопок Павловки, мы считаем эти материалы достаточно ранними. Примечательно также то, что выделяемый в рамках федоровской культуры павловский керамический тип несет на себе отпечаток переработки федоровских и южных гончарных традиций [Малютина, 1991]. Не исключено также, что, по крайней мере, часть федоровских комплексов восточной зоны Средней Азии занимает тоже достаточно раннюю хронологическую позицию, поскольку им тоже присуще сравнительное обеднение орнаментальной схемы. Это не исключает и поздних федоровских памятников в этой зоне, в которых фиксируется примесь алакульских черт [Марьяшев, Горячев, 1994]. Правда, необходимо заметить, что неорнаментированная полоса по шейке не всегда может выступать в качестве алакульского признака, поскольку в уже обсужденной нами ранее протофедоровской посуде Закавказья подобная черта присутствует.

Другим важным диагностирующим типом посуды являются федоровские керамические блюда с высоким бортиком овальной или подпрямоугольной с закругленными углами формы (рис. 82,9). Подобная посуда встречается на Кавказе уже в энеолите, например в материалах Гинчинского поселения [Гаджиев, 1991, с. 74]. Аналогии им известны в Закавказье на памятниках кармирбердской, кармирванкской и триалетской культур, хотя эти аналогии и не могут быть названы прямыми [Кушнарева, 1994, таб. 30,22; 1994б, таб. 34,8; 1994в, таб. 42,17,18] (рис. 85,5). Однако, для федоровских блюд овальной, а не прямоугольной формы, эта параллель является вполне приемлемой (например, для блюда из Кинзерского могильника [Сальников, 1967, рис. 34,11]). Такая посуда была достаточно характерна для памятников эпохи РБВ Восточной Эгеиды и Анатолии, начиная с наиболее ранних фаз бронзового века. При раскопках в Эмпорио на Самосе блюда с невысоким бортиком были обнаружены как в ранних слоях, датируемым временем Кум-тепе, так и в более поздних, синхронных Трое II, III [Hood, 1981, fig. 210, 241]. Сходные формы зафиксированы и на поселении Демирчиуйюк (рис. 85,8,9) [Efe, 1988, Taf. 17, 6].

Очень характерный тип федоровской посуды – банки или горшечно-баночные сосуды с

валиком под венчиком (рис. 83). Они распространены на памятниках федоровской культуры всех районов [Малютина, 1991, рис. 6,2; Григорьев, 2000; Максименков, 1978, таб. XLIII, 13, XLVII,5, XLVIII,6; Черников, 1960, таб. XIX,1, XXVIII, XXIX, XLI,9-16,19-21, XLIII,3 LV,1; Генинг, Стефанов, 1993, с. 78; Корочкова, Стефанов, 1983, с. 148; Стефанов, Стефанова, 1980, с. 130]. Проведенный анализ показал, что наиболее ранними являются крупные баночные формы с налепным или формованным валиком, украшенные простым геометрическим орнаментом и насечками. Эти формы очень близки аналогичным синташтинским, отличаясь от последних лишь деталями [Григорьев, 2000]. Известны они лишь в двух регионах – в Южном Зауралье и Восточном Казахстане [Григорьев, 2000; Черников, 1960, таб. XIX,1, XXVIII,18, XXIX,9,11, LVI,1]. По аналогии с синташтинской посудой мы склонны считать, что этот тип посуды тоже привнесен с Ближнего Востока и Закавказья, где баночные сосуды с валиком под венчиком были распространены, начиная с энеолита [116, таб. XLIII,22]. Дальнейшее развитие этой керамики связано с появлением орнаментации в виде горизонтальной “елки” и увеличением профилированности тулова [Григорьев, 2000]. В этом виде данная посуда известна на всей территории распространения федоровской культуры [Стефанов, 1996, рис. 6,2,4; Кривцова-Гракова, 1948, рис. 57,4,13, 58,1, 59,15,17; Григорьев, 2000; Генинг, Стефанов, 1993, рис. 5,3-6, 7,2-6; Корочкова, Стефанов, 1983, рис. 1,9,11, с. 150; Стефанов, Стефанова, 1980, с. 130]. Присутствие этой посуды в федоровских комплексах заставляет вспомнить вывод о том, что валиковая посуда появляется до формирования культур так называемого валикового хронологического горизонта [Генинг, Стефанов, 1993, с. 85].

К сожалению, часто присутствие валика на посуде однозначно трактуется как весьма надежный хронологический репер, позволяющий безусловно относить комплекс к финальной бронзе. Следует, впрочем, заметить, что валиковая посуда федоровской культуры и последующего хронологического горизонта часто довольно близки друг другу. В основном это касается районов Центрального и Восточного Казахстана и лесостепи Южного Зауралья [Сальников, 1952, таб. XXIX, XXXI, XLII, XLIV, XLIX; Григорьев, 2000; Чер-

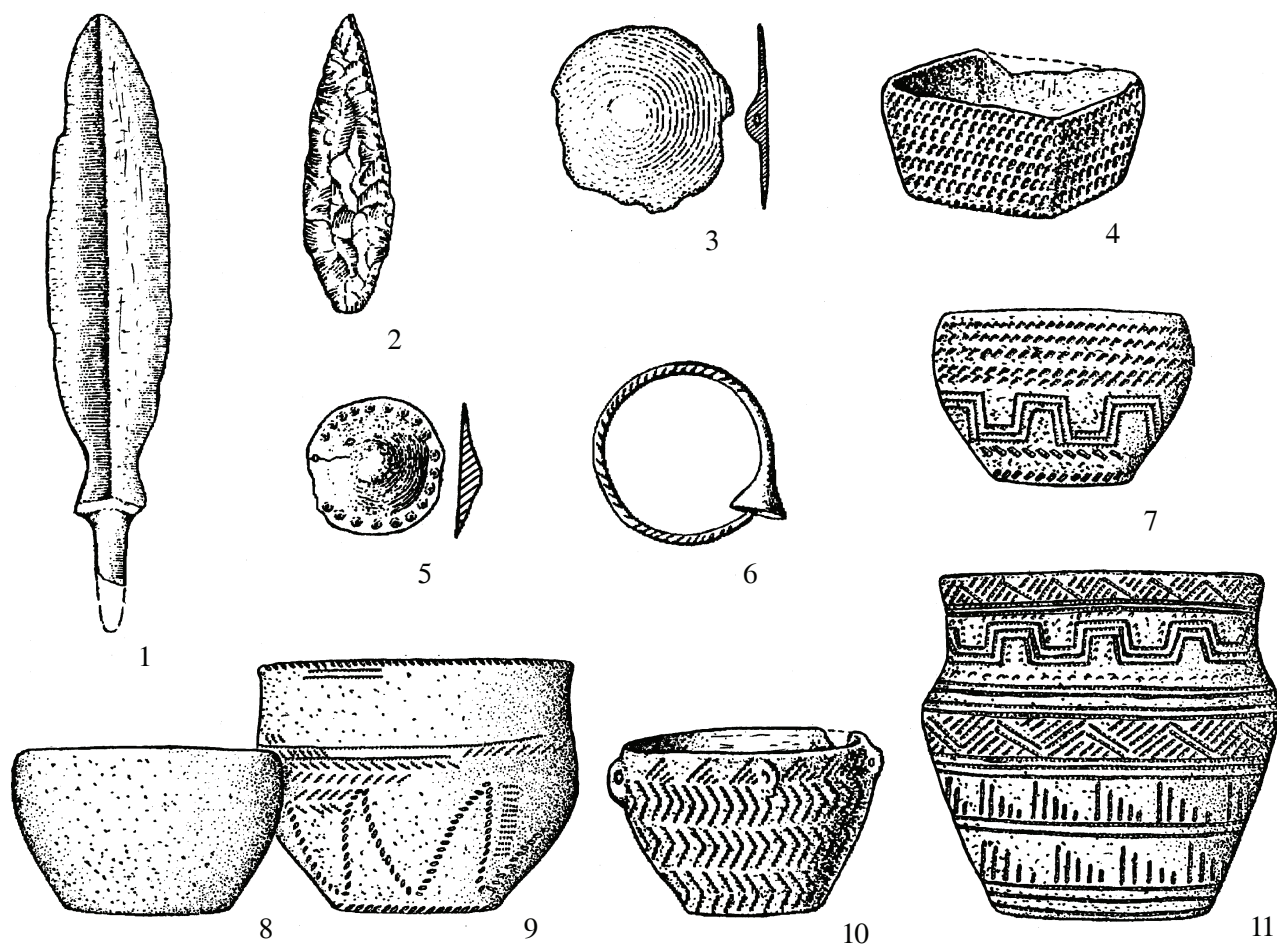

Рис. 84. Могильник Черноозерье I.

ников, 1960, таб. XIX, XXVIII, XXIX, XLI и др.], что свидетельствует об участии федоровских племен в дальнейшем культурогенезе этих территорий. Впоследствии мы вернемся к этому вопросу.

Продолжая разбор федоровского керамического комплекса, укажем еще на одну группу посуды – горшки среднеазиатских типов, встречающиеся на поселении Павловка, городище Черноозерье I и на некоторых памятниках Зауралья (рис. 82, 10-13). Обычно их связывают со среднеазиатской керамикой периода Намазга VI [Малютина, 1991, с. 155-157; Викторова, Борзунов, 1974, рис. 2,2]. Вполне уместными нам представляются и сопоставления с материалами сумбарской культуры Юго-Западного Туркменистана

[Хлопин, 1983, таб. XXIV,13, XXV,13,16, XXXVII,3, XXXVIII,11]. Керамика эта резко отличается от всех прочих типов и является явно чужеродным включением, но она маркирует пути возможной миграции.

Необходимо отметить и специфический комплекс могильника Черноозерье I в Прииртышье (рис. 84). В основе своей памятники черноозерского варианта андроновской общности отражают контакт федоровских и кротовских популяций [Стефанов, Стефанова, 1980]. Однако в этом могильнике присутствует посуда с этими культурами не связанная. Речь идет о банках с вертикальными ручками (традиция южного происхождения) и о сосудах катакомбного облика [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 2, рис. 22,142, рис.

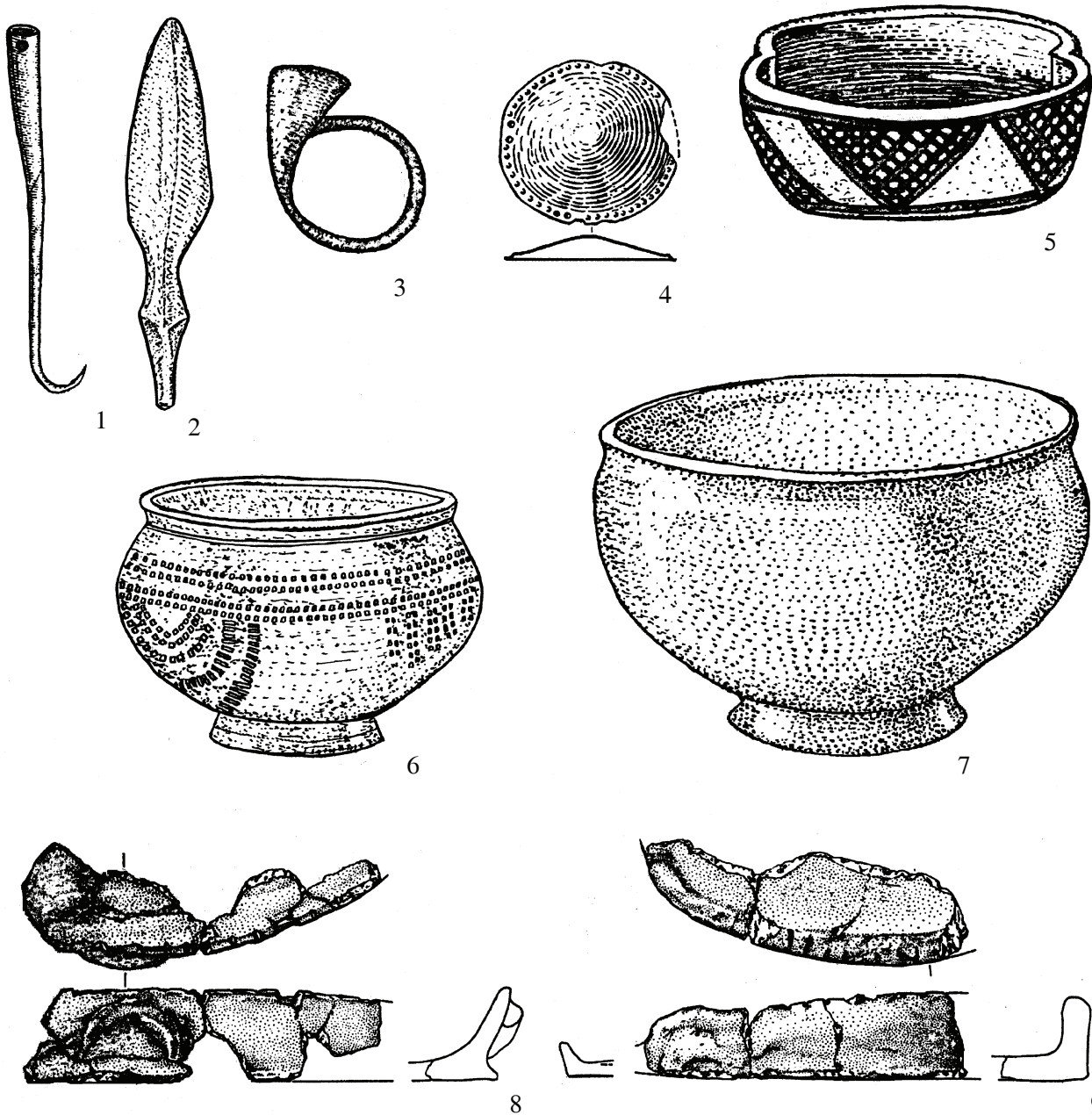

Рис. 85. Аналоги федоровской культуре в Юго-восточном Прикаспии и в Закавказье. 1 – Кировоканский курган; 2, 4 – Сумбарский могильник; 3 – Гёзлу-Кале; 5 – Кизыл Ванк; 6, 7 – Узерликтепе; 8, 9 – Демирчиуйюк.

25,160,2] (рис. 84,9-11). Последнее, как будто, смазывает картину миграций через среднеазиатский регион. Однако напомним, что в Восточной Европе катакомбная культура являет собой резкий разрыв с прежней ямной традицией, в то время как в Юго-Восточном Прикаспии и Северной Месопотамии катакомбы известны в очень раннее время, а кубки донецкой катакомбной культуры имеют параллели к югу от Кавказа.

Направленность связей, выявленная на керамическом материале, повторяется и при

анализе металлического инвентаря. Федоровские вислообушные топоры с валиком на обухе, по видимому, нельзя выводить из алакульской металлообработки. Для вислообушных топоров подобное оформление обуха функционального смысла не имеет. На Кавказе и на Ближнем Востоке валики на обухе топоров представлены достаточно широко [Горелик, 1993, таб. XX-XX; Микеладзе, 1994, табл. 17; Марковин, 1994, таб. 70; Erkanal, 1977, Taf. 6; Müller-Karpe, 1974, Taf. 172, 232]. Вероятно, эта традиция восходит к ближневос-

точным трубчатообушным топорам, где валики служили для укрепления краев сравнительно тонких втулок.

Федоровские ножи с упором по большей своей части являлись не ножами, а наконечниками дротиков и копий (рис. 79,4; 84,1). Многие из этих орудий имеют ромбическое сечение и утолщение на месте перехвата. В случае их использования в качестве ножей это уменьшало бы длину рабочей части лезвия и делало бы орудие менее эффективным. Однако в случае колющего удара изделие выдерживало бы большие нагрузки. На эту функцию “ножей” указывает оригинальное копьё с поселения Малоокрасноярка, у которого к стандартному для этого типа “лезвию” прикреплена втулка [Черников, 1960, с. 44]. Полной аналогией этому типу изделий федоровской культуры являются дротики и копьё сумбарской культуры Юго-Западного Туркменистана [Хлопин, 1983, рис. 17] (рис. 85,2). Близкие черешковые копьё с небольшим упором известны и в Маргиане, на памятниках бактрийско-маргианского археологического комплекса [Sarianidi, 1998, fig. 25.4]. В конечном счете, эти изделия восходят к копьё и дротикам с упором, распространенным в Циркумпонтийской зоне. В Юго-восточной Анатолии (Хассек Хёйюк) найдено два таких копьё, датированных концом III тыс. до н.э. Одно из них было обнаружено в каменной цисте со скорченными на боку костяком [Behm-Blancke, 1984, Abb. 8.1,2, S. 52]. На поселении Арслантепе тоже известны подобные копьё, но они имеют более грацильные формы, чем федоровские [Palmieri, 1981, fig. 4]. Различные вариации подобных изделий весьма распространены в Анатолии [Stronach, 1957, p. 113-117].

Прямые аналогии федоровским кинжалам с перекрестием и нервюрой (рис. 79,3) нам не известны, однако на Ближнем Востоке нервюры на клинках появляются достаточно рано [Горелик, 1993, табл. III-V]. Однолезвийные федоровские ножи с горбатой спинкой могут являться дериватами сейминско-турбинских, но могут также быть восприняты и из Передней Азии [Авилова, Черных, 1989, рис. 7; Горелик, 1993, таб. I].

В федоровское время появляются первые редкие наконечники стрел с кованой втулкой (рис. 79,2). Аналогии им известны в Анатолии. Датированы они преимущественно хеттским временем, но наиболее ранние происходят из царских

гробниц Ура [Erkanal, 1977, Taf. 17, 46-48a, p. 50].

Классическим типом федоровских украшений являются литые серьги с раструбом (рис. 79,8; 84,6). Полные аналогии им в других культурах нам тоже почти не известны. В этой связи представляет интерес вывод о хронологическом приоритете литых серег относительно серег, свернутых из листа [Ткачев А., Ткачева, 1996]. Определенную типологическую близость этому типу изделий обнаруживают литые кольца из Ростовкинского могильника. Концы их обычно расширены, а у крупного кольца один конец заходит в другой [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 81]. Аналогичные ростовкинским литые золотые серьги были обнаружены в андроновской цисте могильника Мын-Шункур в отрогах Джунгарского Алатау. На одном изделии присутствуют литые фигурки лошадей, выполненные в сейминско-турбинском стиле [Акишев, 1992]. Вряд ли эти изделия являются продуктом федоровской металлообработки, но их можно рассматривать в качестве важного хронологического репера для федоровской культуры. Мы не исключаем также возможности для сопоставления федоровских серег с раструбом с литыми серьгами Сумбарского могильника, но лишь в технологическом плане [Хлопин, 1983, рис. 17, таб. LV,5,6].

С материалами Сумбарского могильника можно сопоставить выпуклые бляхи из могильника Черноозерье I [Хлопин, 1983, таб. XXII,8,9,21-23, LI,8,17,18; Генинг, Стефанова, 1994, рис. 5,9,11,24] (рис. 84,3,5; 85,4).

Наконец, весьма показательным является крюк со свернутой втулкой с поселения Павловка [Зданович, 1988, таб. 10,15] (рис. 79,5). Алакульской культуре подобные изделия не присущи, но чрезвычайно распространены в большинстве культур Циркумпонтийской металлургической провинции (рис. 85,1). В ПБВ подобные изделия известны лишь в Северном Причерноморье в Лобойковском кладе [Черных, 1976, таб. XXXII]. Однако заведомо более поздняя хронологическая позиция его не позволяет сопоставлять с ними павловский экземпляр. К тому же, в отличие от лобойковских крюков, павловский имеет более “грацильные” формы, характерные для кавказских изделий.

Таким образом, федоровская керамика и металлообработка имеют, в целом, циркумпонтийские корни. При этом намечается линия парал-

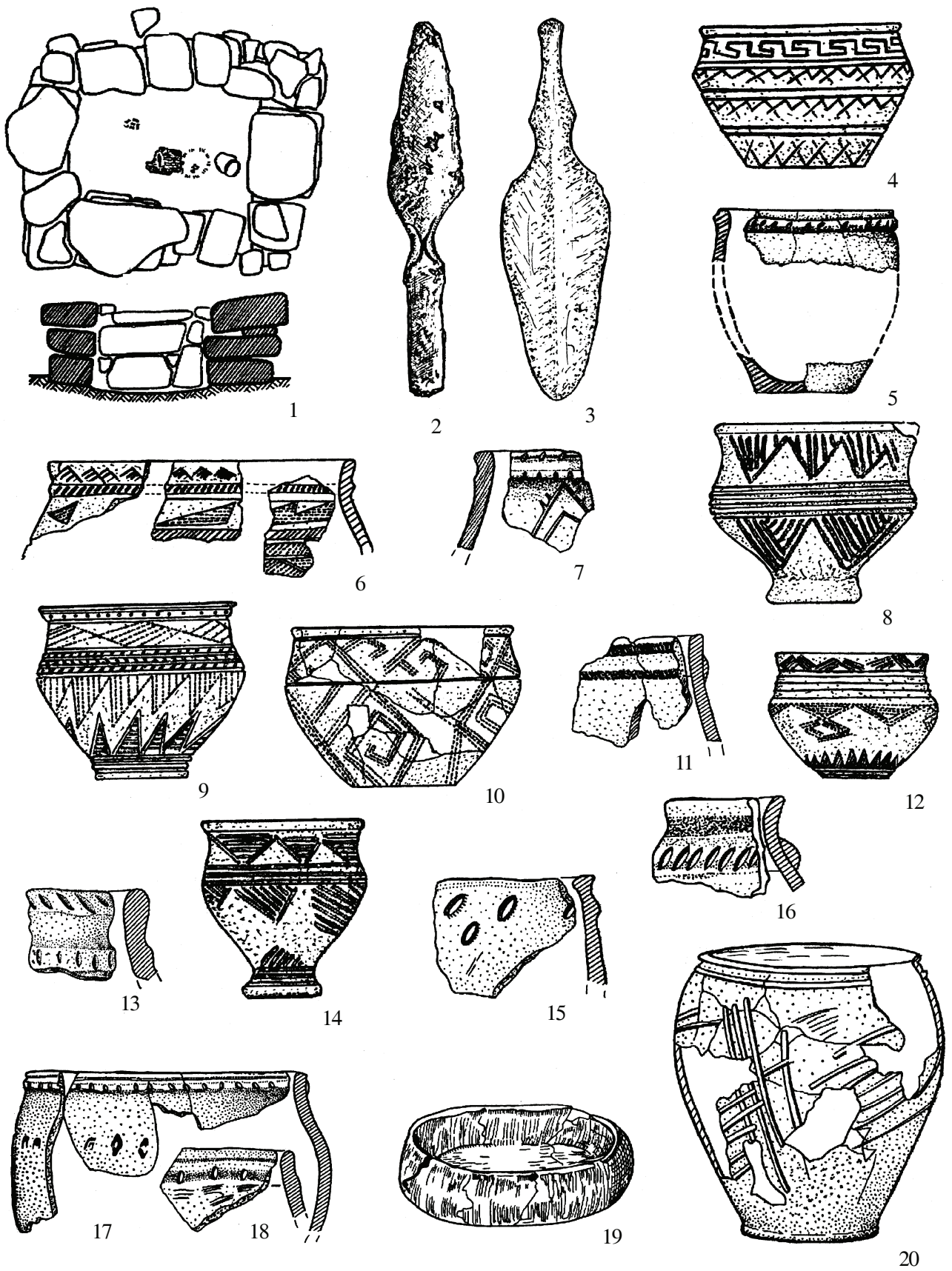

Рис. 86. Андроновские материалы на Украине.

лелей и с югом Средней Азии, что может указывать на регион, через который осуществлялась миграция. Южные параллели имеют также федоровский погребальный обряд и традиции жилой архитектуры.

Необходимо также отметить следующее. Представления о том, что территория распространения федоровских памятников совпадает с территорией распространения алакульских, расширяясь лишь в Западной и Южной Сибири, не совсем соответствует действительности. Федоровская культура не представлена в Западном Казахстане. Однако даже в Южном Зауралье, которое является местом значительной концентрации объектов этой культуры, ее памятники присутствуют преимущественно к северу от реки Уй, на территории лесостепи. Южнее известны памятники синкретического федоровско-алакульского облика, причем количество их не слишком велико [Григорьев, 2000]. Восточнее, в лесостепном Тоболо-Ишимье, федоровская керамика присутствует на алакульских поселениях. Количество ее обычно незначительно и она идет в комплексе с бишкульской посудой, вобравшей в себя, прежде всего, черты петровской и алакульской культур [Зданович, 1973, с. 36, 37; 1988, с. 112-114; Григорьев, 2000; Малютина, 1994, с. 17-19]. Погребальные федоровские памятники в этой зоне единичны [Зданович, 1988, с. 86-91; Бухонина, 1984; Зданович, Зданович С., 1980]. В основном памятники федоровской культуры распространены здесь в северной лесостепи и в предтаежной зоне. Далее к востоку, на Иртыше, где алакульские памятники исчезают, федоровские хорошо представлены по всему Среднему и Верхнему Прииртышью. В северной части этого ареала они образуют смешанный федоровско-кроматовский черноозерский тип [Косарев, 1981, с. 118-132; Генинг, Стефанов, 1993; Корочкова, Стефанов, 1983; Стефанов, Стефанова, 1980; Генинг, Стефанова, 1994; Корочкова и др., 1991; Корочкова, 1987]. На территории Центрального Казахстана преобладают алакульские памятники, но много и федоровских. Велика здесь также доля памятников синкретического атасуского типа, относимого к алакульской линии развития. Вместе с тем, на алакульской керамике этого региона доминирует федоровская схема нанесения орнамента, без неорнаментированной полосы в нижней части

шейки. В погребальной обрядности наблюдается смешение черт обеих культур [Кузьмина, 1994, с. 47; Сальников, 1952; Стоколос, 1968; Усманова, 1987; Чиндин, 1987].

Далее на восток, в Южной Сибири, федоровские памятники занимают более позднюю хронологическую позицию. Обряд трупосожжения встречается здесь относительно редко. Доминируют скорченные на боку захоронения [Максименков, 1978]. Наиболее восточные проявления федоровской культуры зафиксированы в Северо-Восточном Китае, где обнаружены височное кольцо и серьги с раструбом (рис. 117,10) [Линь Юнь, 1990, с. 33; Варенов, 1990, с. 62, 63].

Традиционно федоровскую культуру датируют довольно поздним временем – XIV-XIII вв. до н.э. [Зданович, 1988, с. 144; Косарев, 1981, с. 111]. Сторонниками параллельного существования федоровской и алакульской культур обосновываются более ранние даты – от XVI в. до н.э. Основанием для этого являются следующие факты.

В Приуралье и Западном Казахстане посуда смешанного федоровско-алакульского облика, относящаяся к соль-илецкому и кожумбердынскому типам, встречается в закрытых комплексах вместе с раннесрубной посудой. На керамике и в погребальном обряде этих комплексов прослежены полтавкинские черты [Кузьмина, 1994, с. 46; Федорова-Давыдова, 1973, с. 148, 151]. Посуда с федоровскими чертами (включая валиковую посуду) на Украине присутствует в довольно ранних срубных комплексах (рис. 86,4-20). Кроме того, в Нижнем Поднепровье и Приазовье исследованы раннесрубные погребальные комплексы с характерными для федоровской культуры прямоугольными каменными оградками и каменными ящиками (рис. 86,1) [Литвиненко, 1993]. По другой точке зрения появление каменных ящиков в этом регионе относится ко второму (развитому) этапу срубной культуры. С этого же времени здесь появляются погребения совершенные по обряду кремации [Литвиненко, 1999a]. Однако в любом случае в рамках традиционной хронологии речь должна идти о дате либо XVI, либо XV в. до н.э. На относительно раннюю датировку может указывать то, что в междуречье Днестра и Дуная каменные ящики появляются в раннесрубное время [Шмаглий, Черняков, 1970, с. 108-109]. На Среднем Дону в керамике развитой и ранней

срубной культуры фиксируются отдельные проявления федоровских орнаментальных традиций в виде косых треугольников или меандра [Синюк, 1996, рис. 59.2, 64, 1].

На поселении Кипель в Южном Зауралье алакульский слой перекрывал слой с федоровской керамикой. Примечательно, что федоровская керамика на этом поселении залегала совместно с петровской, раннеалакульской и бишкульской [Григорьев, 2000; Сальников, 1951; 1957]. Необходимо, при этом отметить, что в бишкульской посуде довольно ощутимы отсутствующие в алакуле петровские черты – широкие желобки под венчиком, что свидетельствует в пользу достаточно ранней хронологической позиции этого типа. На поселении Коркино I, где помимо алакульской отмечена федоровская и черкаскульская керамика, а также в могильнике Увак в погребении с кожумбердынским сосудом обнаружены копия евразийского типа с литой втулкой, входящие в сейминско-турбинские комплексы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 79, 80; Аванесова, 1991, с. 48]. На петровском могильнике Петровка II обнаружено федоровское захоронение, планиграфически не отбивающееся от остального комплекса. На могильнике Куропаткино II в Северном Казахстане посуда алакульско-федоровского амангельдинского типа, несущая в своей орнаментации также кротовские черты (наклонные ряды или сочетание горизонтальных и вертикальных рядов “шагающей гребенки”), встречается в одних могильных ямах с петровскими банками. Иногда посуда петровского облика имеет ту же орнаментальную схему, что и прочая керамика этого могильника [Бухонина, 1984, рис. 3,2,8,14, 4,10,15; Зданович, Зданович С., 1980, рис. 4,1-4,7,12-14].

Нож из могильника Монтеору, имеющий утолщение в области перекрестия и близкий федоровским ножам, датируется тоже ранним временем. Поскольку культура Монтеору предшествует Ноа и сабашиновской, речь может идти о дате XVI в. до н.э. [Черных, 1976, с. 119, 176].

На возможность довольно близкой хронологической позиции поселения Павловка относительно развала Циркумпонтийской металлургической провинции указывает и втульчатый крюк, который мы уже обсуждали выше. В целом он не противоречит дате XVI в. до н.э.

Как уже указывалось, сейминско-турбинские золотые серьги были найдены в могильнике Мын-Шункур в федоровской цисте [Акишев,

1992]. В Семипалатинской области из одного комплекса происходят федоровский топор с валиками на втулке и кинжал с рамочной рукоятью сейминско-турбинского типа [Аванесова, 1991, рис. 15B]. Под Самаркандом в одном погребении федоровские серьги с раструбом обнаружены вместе с петровским сосудом [Лев, 1966]. На могильнике Ветлянка IV в Приуралье на сосудах присутствуют федоровские орнаментальные элементы (косые треугольники) [Горбунов и др., 1990, рис. 17,3,11; Горбунов, 1992а, рис. 9,5]. Напомним, что материалы этого могильника позволяют синхронизировать постсинташтинские, позднекатакомбные, раннесрубные и раннеалакульские комплексы. Правда, для данного могильника необходимо сделать существенную оговорку. Источником данного орнамента здесь может быть протофедоровская посуда, входящая в синташтинские комплексы. Поэтому это может и не говорить о ранней позиции собственно федоровской культуры, хотя в пользу ранней позиции протофедоровского типа свидетельствует безусловно.

Федоровская классическая посуда и посуда с валиком выявлены в постхарапском слое поселения Шортугай на левом берегу Аму-Дарьи, датированном радиоуглеродным методом 2000-1700 гг. до н.э. [Кузьмина, 1992, с. 174].

Раскопки Смеловского могильника раннесрубного времени в Нижнем Поволжье выявили группу посуды, приуроченной к детским погребениям, для которой характерны горизонтальные ряды угловых вдавлений. Автор раскопок В.А. Лопатин подчеркивает своеобразие этой группы и нехарактерность данного типа орнамента для этого периода. Основываясь на стандартных представлениях о хронологии федоровской культуры, он делает вывод о том, что этот тип орнаментации был впоследствии заимствован федоровцами у локальной группы, оставившей данный керамический комплекс [Лопатин, 1999]. Однако, в свете вышеизложенного, ситуация была обратной. Речь идет о проникновении федоровских орнаментальных мотивов в раннесрубную среду. В это же время в Заволжье появляются отдельные погребения с обрядом кремации, характерным лишь для федоровской культуры. Их сопровождает керамический материал и вещи, которые могут быть отнесены к синташтинской и покровской культурам [Багаутдинов и др., 1999]. Поэтому не исключено, что появление федоров-

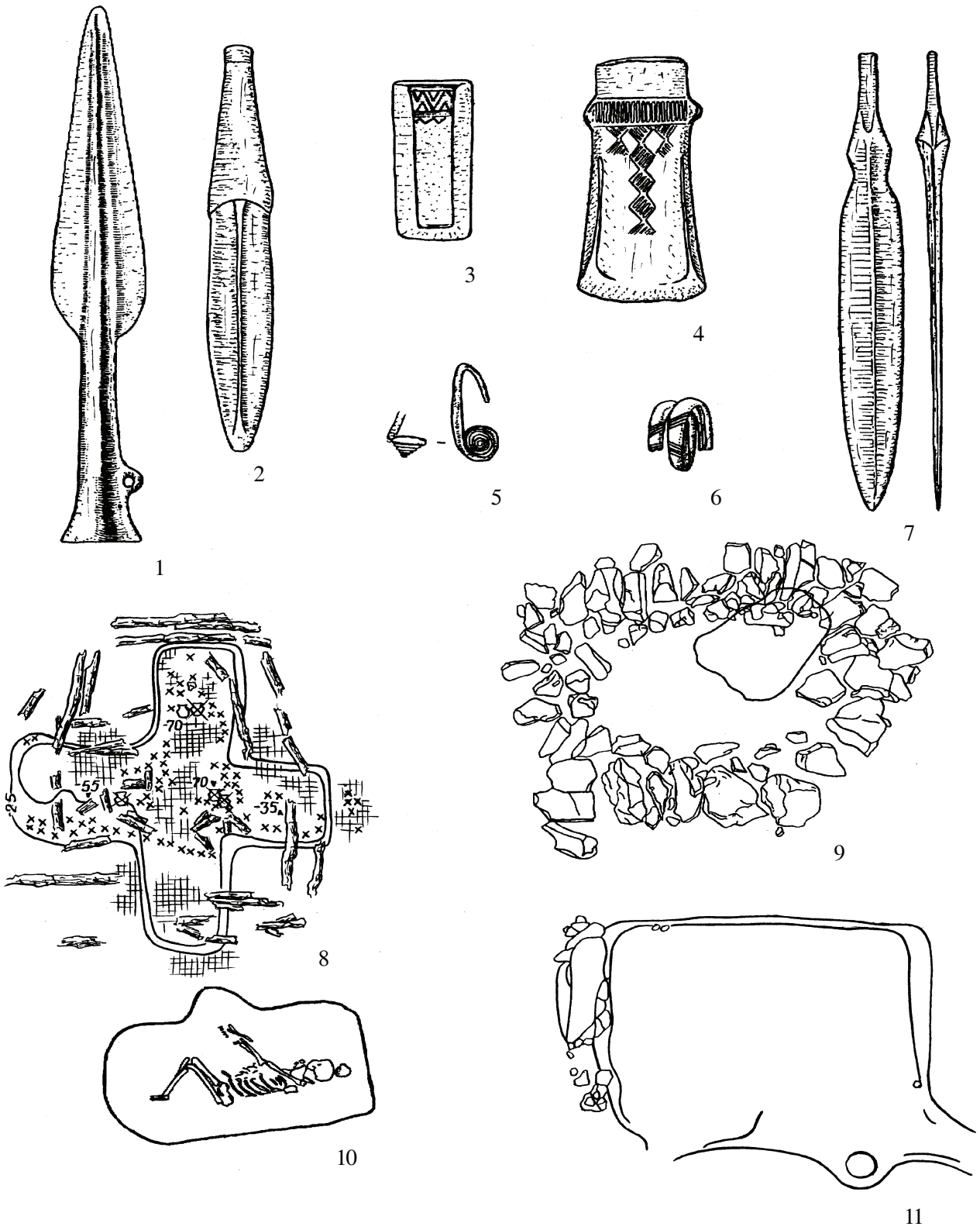

Рис. 87. Черкаскульская культура. 1 – Каменск-Уральский; 2 – оз. Шарташ; 3, 11 – Литовая Курья; 4 – Сигаево III; 5, 6, 9, 10 – Березки V Г; 7 – оз. Кунгур; 8 – Приплодный Лог.

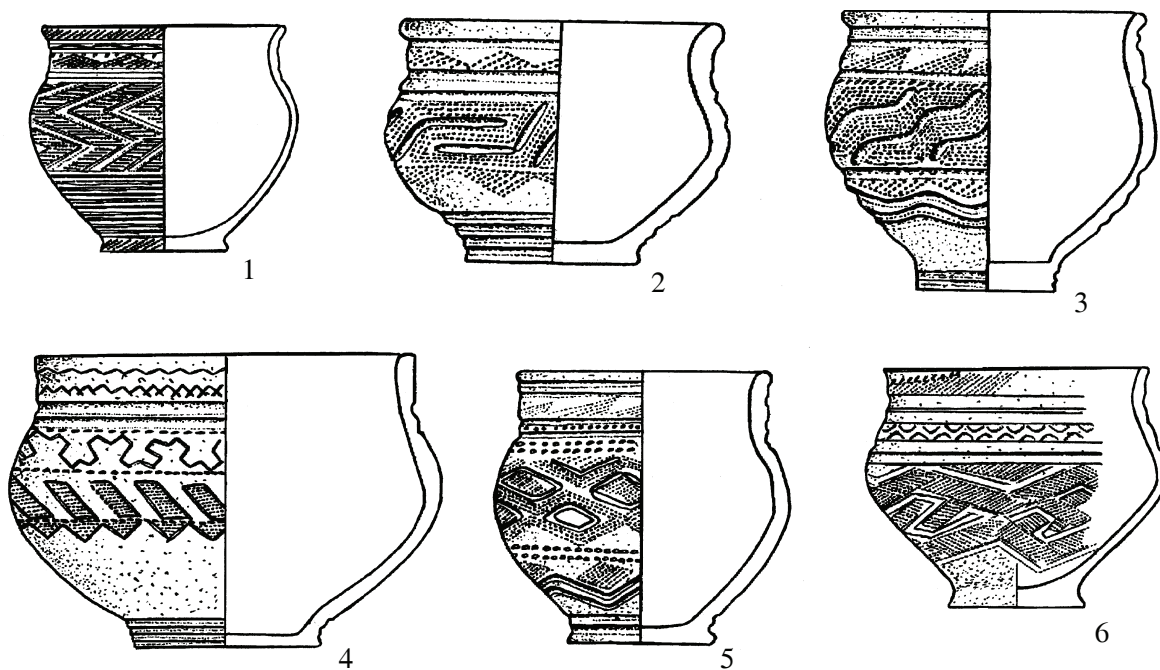

Рис. 88. Черкаскульская культура. Керамика. 1, 6 – Приплотный Лог; 2 – 5 – Березки V Г.

ского компонента относится к достаточно раннему времени – самому началу эпохи ПБВ.

Приведенные факты позволяют утверждать, что федоровская культура возникает в степной и лесостепной Евразии в XVI в. до н.э. При этом, судя по включенности протофедоровских сосудов в синташтинские комплексы, в Передней Азии они должны датироваться XVIII в. до н.э. Приводимые обоснования более поздней даты с опорой на включения керамики типа Намазга VI [Кузьмина, 1988, с. 96] не правомерны. В настоящее время этот период значительно удревлен. Радиоуглеродные даты перехода от периода Намазга V к периоду Намазга VI укладываются в интервал 1850-1550 гг. до н.э., что дает калиброванную дату от 2330-2160 до 2110-2000 гг. до н.э. Это, в целом, соответствует культурным трансформациям, происходившим в Средней Азии в начале II тыс. до н.э. [Долуханов и др., 1985, с. 122]. При этом следует иметь в виду, что керамика БМАК (к которому следует относить и Намазгу VI) претерпевает очень мало изменений на протяжении нескольких столетий. Тем не менее, у нас есть возможность говорить о ранней хронологической позиции включений этой посуды в федоровских поселениях. Существует только один тип посуды БМАК, который позволяет судить о хронологии комплекса. Это вазы на ножках [Сарианиди, 1990, с. 60]. В ранний келлелийский период они имеют сравнительно простую конусообразную форму резервуара и короткие, всегда полые внутри конусообразные ножки. У

отдельных сосудов ножки гофрированы. На следующих этапах наблюдается тенденция к появлению плавнопрофилированных резервуаров, гофрированность ножек постепенно исчезает. Сами ножки становятся высокими, появляются ножки с углублением в нижней части, доходящим иногда до середины ножки. Посуда федоровского поселения Павловка (рис. 82,11) идентична, следовательно, вазам именно келлелийского периода [см. Малютина, 1991, рис. 7,1,2]. Этот период датируется 1750 – 1500 гг. до н.э. [Сарианиди, 1990, с. 74]. Однако в соответствии с системой радиоуглеродных калиброванных дат рамки периода определяются 2200-2100 гг. до н.э. [Kohl, 1992, р. 186-192]. Имеющиеся радиоуглеродные даты для памятников Южной Сибири укладываются в начало II тыс. до н.э. [Görsdorf et al., 1998]. При этом необходимо заметить, что памятники этой зоны не могут рассматриваться в качестве наиболее ранних. Следовательно, датировки федоровской культуры должны быть, видимо, близки классическим, но, скорее, поздним синташтинским памятникам.

Таким образом, в отличие от традиционных представлений, постулирующих общую направленность продвижения федоровских племен в восточном и южном направлениях, ситуация была обратной. Эти племена продвигаются из Передней Азии через Иран и Среднюю Азию на Иртыш. Основной поток далее движется по лесостепи на запад, хотя часть продвигается южнее. В лесостепи мигранты контактируют с кротовской куль-

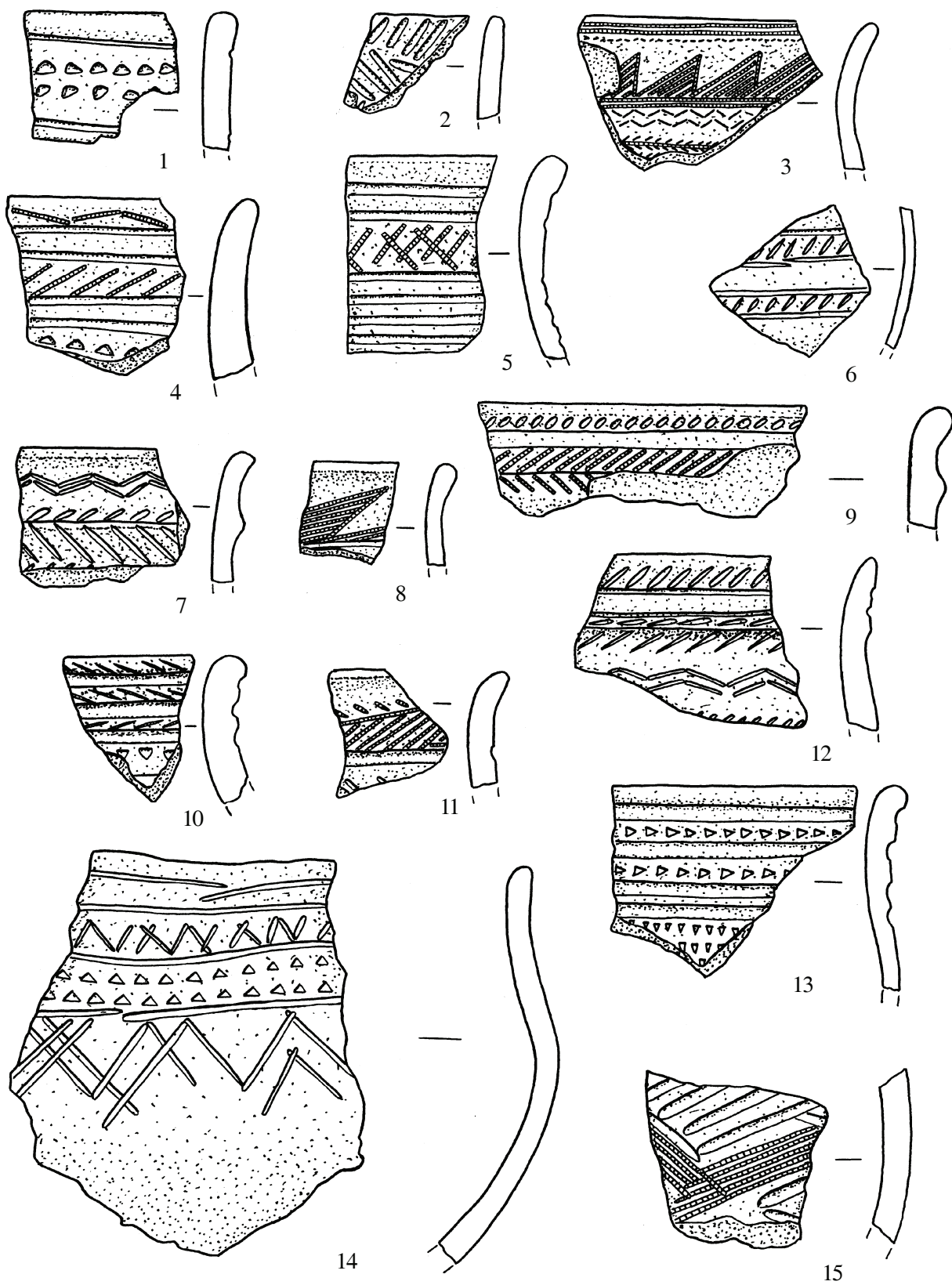

Рис. 89. Федоровско-черкаскульская керамика поселения Миасское.

турой, а в степной зоне с алакульской. Эта миграция была довольно сложным процессом. Часть популяций оседала на месте, растворяясь в аборигенной среде. Довольно быстро произошло проникновение федоровских племен в Зауралье. Однако впоследствии сюда продолжался приток племен из Прииртышья. В тесте керамики зауральского федоровского могильника Урефты I обнаружена дробленая кость, что характерно для федоровской и кротовской керамики восточных районов. Следует также отметить, что использование этой примеси бессмысленно при костровом обжиге, но весьма эффективно в специализированных гончарных печах, и факт ее присутствия является дополнительным свидетельством южного происхождения культуры [Глушков, 1990, с. 64, 65; Стефанов, Стефанова, 1980, с. 131].

3.2. Дальнейший культурогенез в лесной и лесостепной зонах Урала и Восточной Европы

Дальнейшие процессы на Урале и в Волго-Камье крайне важны для понимания этнокультурной истории Северной Евразии и связаны с черкаскульской, межовской, сусканско-лебяжинской и приказанской культурами. Самой ранней из перечисленных культур является черкаскульская (рис. 87; 88). Формируется эта культура в южной части лесного Зауралья [Сальников, 1964; 1965, с. 32-34; 1967, с. 363]. Традиционно считалось, что основой для ее формирования были местные энеолитические племена, в результате чего выстраивался генетический ряд аять – коптяки – черкаскуль и федорово, и постулировалась угорская принадлежность всех этих культур [Сальников, 1964, с. 20, 21; 1967, с. 364; Стоколос, 1972, с. 131-136; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 47; Шорин, 1994, с. 60; Потемкина, 1995б, с. 14]. Однако более углубленные исследования показали, что коптяковский керамический тип довольно локален и, по меньшей мере, не предшествует керамике, несущей на себе федоровско-черкаскульские черты. Формирование его укладывается в линию аять – предкоптяки – коптяки и обусловлено воздействием абашевских, алакульских и федоровских керамических традиций. Все исследователи сходятся во мнении, что датируется этот тип XVI в. до н.э. [Косарев, 1981, с. 81; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 40, 43].

Формирование черкаскульской культуры, на наш взгляд, происходит на федоровской основе. Она наследует основные черты федоровского домостроения. В погребальном обряде зауральских памятников распространено трупосожжение, встречены прямоугольные ограды, цистовая кладка, прямоугольные глиняные площадки. Сохраняются даже такие обычаи, как использование в качестве жертвы лопаточных и реберных частей животных, а в качестве погребального инвентаря – посуды и крайне редко металлических изделий [Григорьев, 2000; Кузьмина, 1973; 1975; Сальников, 1959; Обыденнов, Шорин, 1995; Малютина, 1984]. Вместе с тем, погребальные памятники в районе Аргазинского водохранилища демонстрируют черты, свойственные погребальному обряду приуральских абашевцев – небольшие кольцевые каменные оградки, скорченные на боку захоронения, ориентированные головой на восток [Крутских, Шорин, 1984] (рис. 87,9,10). В этом регионе, кстати, отмечены абашевские сосуды на поселениях и абашевские черты в орнаментации черкаскульской посуды [Сальников, 1967, с. 371; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 46, 47]. Однако в своей основе черкаскульская керамика наследует федоровские гончарные традиции (рис. 88). Посуда изготавливается по способу емкостного начина, когда к готовому тулову прикреплялось дно [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 23]. А специфичный черкаскульский орнамент, будучи выполнен в федоровской схеме, отличается, главным образом, широким использованием желобков в качестве разделителей орнаментальных зон или для окантовки орнаментов. Их появление связано, по-видимому, с федоровской традицией лощения по подсушенной поверхности между орнаментальными фигурами. Это подтверждается присутствием неглубоких желобков на федоровской керамике [Корочкова, Стефанов, 1983, с. 148; Григорьев, 2000].

Отдельные элементы (наклонные зигзаги) имеют параллели в посуде черноозерского варианта, совмещающего федоровские и кротовские черты [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 11] (рис. 88,3). Примечательно также то, что на некоторых собственно черкаскульских сосудах присутствуют валики [Шорин, 1981, рис. 1,6,8]. Парадной федоровской посуде, из которой вырастает этот керамический тип, подобная деталь не свойственна. Вместе с тем, валики известны на федо-

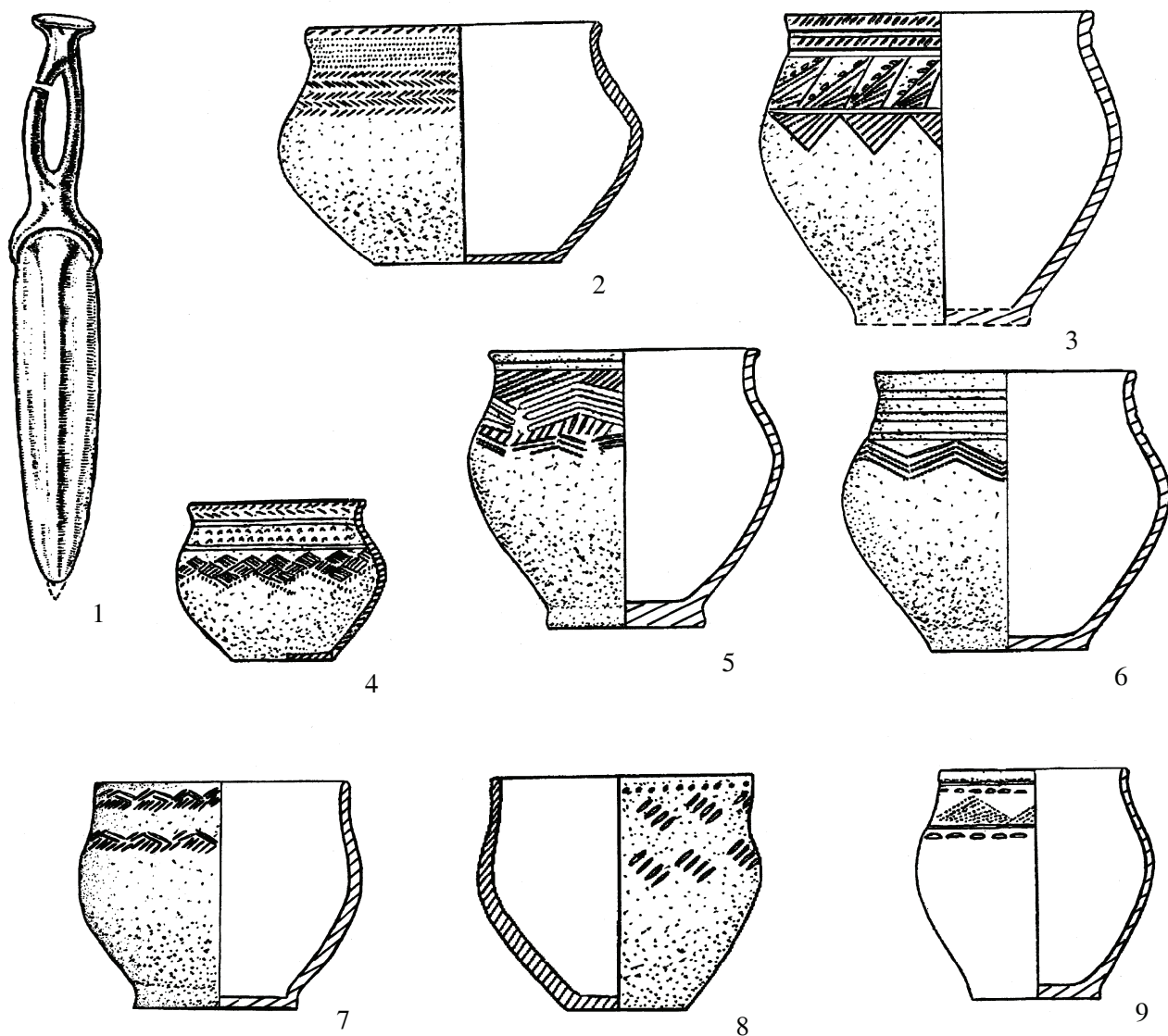

Рис. 90. Межовская культура. 1 – Аргазинское вдхр.; 2 – Юкаликулевское; 3, 5, 6, 9 – Приплодный Лог; 4 – Ново-Кизгановская II; 7 – Березки V; 8 – Жуковская.

ровской поселенческой керамике и очень характерны для керамики межовской культуры, формирующейся на черкаскульской основе. Анализ этих керамических типов показал, что можно выстроить типологические ряды, демонстрирующие трансформацию федоровских баночных валиковых форм в горшечные межовские, что сопровождалось нарастанием на этом типе посуды елочной орнаментации [Григорьев, 2000]. Вместе с тем, необходимо напомнить, что в отличие от “чистых” межовских, “чистые” черкаскульские поселения практически отсутствуют, и черкаскульская керамика на поселениях обычно сопровождается межовской. Кроме того, на поселени-

ях, расположенных в лесостепной зоне, довольно сложно отделить друг от друга поселенческую федоровскую, межовскую и черкаскульскую посуду. Иногда наблюдаются сочетания типов: федоровско-черкаскульского с черкаскульско-межовским. При этом последний имеет несколько более позднюю хронологическую позицию. Подобная сочетаемость наблюдалась на поселении Миасское. Это позволяет сделать вывод о том, что межовский керамический тип формируется достаточно рано, еще на черкаскульской стадии, трансформация черкаскульской культуры в межовскую имела плавный характер протекания и сопровождалась уменьшением в керамическом

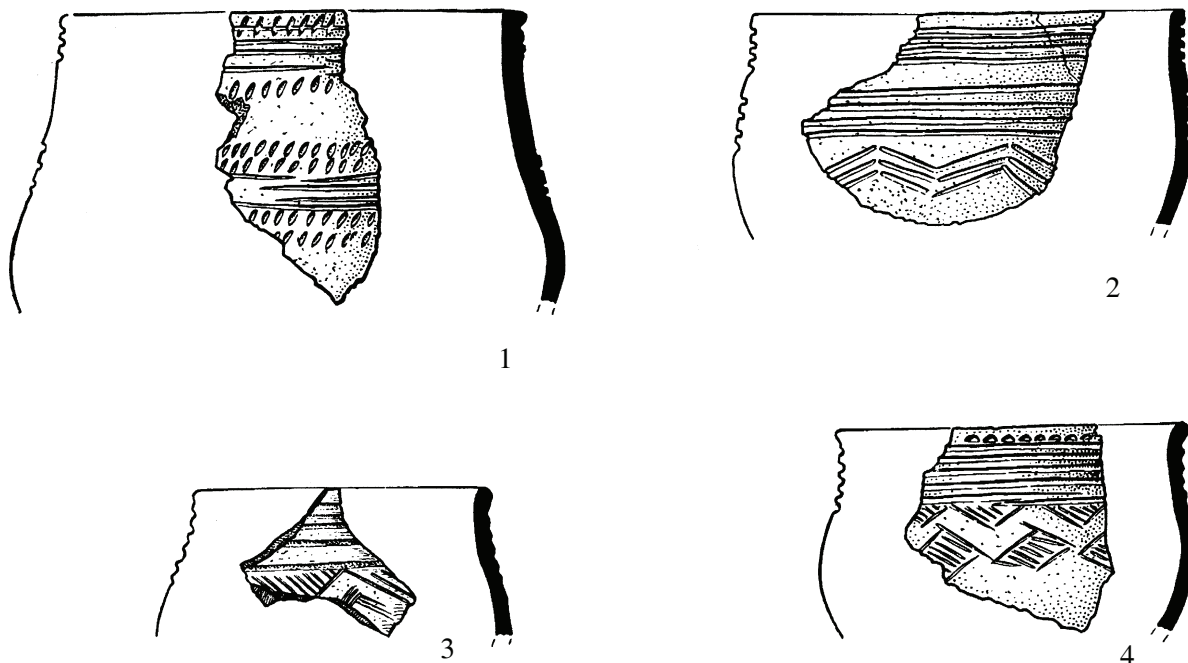

Рис. 91. Федоровско-черкасульская керамика поселения Язев.

комплексе доли посуды черкасульского типа, обеднением ее орнамента и повышением доли посуды межовского типа [Григорьев, 2000; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 35-38, 98; Шорин, 1981] (рис. 89). Не исключено также, что определенную роль в дальнейшем развитии керамики межовской культуры сыграли впоследствии и ирменские импульсы с востока, что проявилось, в первую очередь, в появлении сосудов с зауженной горловиной и орнаментальных поясов в виде “лесенки”. Подтверждается подобная возможность выявлением керамики ирменского типа в Притоболье [Потемкина, 1985, с. 59, рис. 9,5,7, рис. 11,3; рис. 31,1,3,4,8; Кривцова-Гракова, 1948, рис. 60, 62; Григорьев, 2000]. Возможно, свою роль в окончательном оформлении межовской культуры сыграли и степные импульсы. Вероятно, именно они обусловили появление крупных межовских жилищ с рядами столбов, поддерживавших кровлю [Григорьев, 2000; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 55-59; Обыденнов, 1987, с. 55-58]. Для жилищ черкасульской культуры, помимо федоровской, можно наметить ташковскую и черноозерскую линии связей, благодаря пропорциям планов отдельных построек, приближающихся к квадратной форме [Ковалева, 1988; Генинг, Стефанов, 1993, с. 68-72] (рис. 87,11).

Не менее интересные выводы дает анализ металлокомплекса черкасульской культуры. К сожалению, зауральские ее памятники бедны металлическими изделиями. Однако отсутствие иных культур эпохи бронзы в лесных районах Зауралья позволяет связать весь металл этого периода, в том числе случайные находки, с черкасульской и межовской культурами. Эти металлические изделия соответствуют металлообработке II и III фаз Евразийской металлургической провинции. Металл II фазы можно рассматривать в качестве металла черкасульской культуры, а металл III фазы – межовской. Это подкрепляется отдельными находками бронзовых предметов и литейных форм на памятниках [Григорьев, 2000]. Часть изделий этой зоны соответствует федоровским традициям металлообработки – двулезвийные кинжалы с нервюрой, перекрестием и прямоугольной планкой черешка, черешковые ножи, подвески в 1,5 оборота с насечками, кольцо с коническим спиральным завершением [Косарев, 1981, рис. 51; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 33; Казаков, 1978, рис. 22; Петрин и др., 1993, рис. 40,8] (рис. 87,5-7).

Другая группа металла связана с сейминско-турбинскими традициями металлообработки (рис. 87,1-4). Примечательно, что в Зауралье все

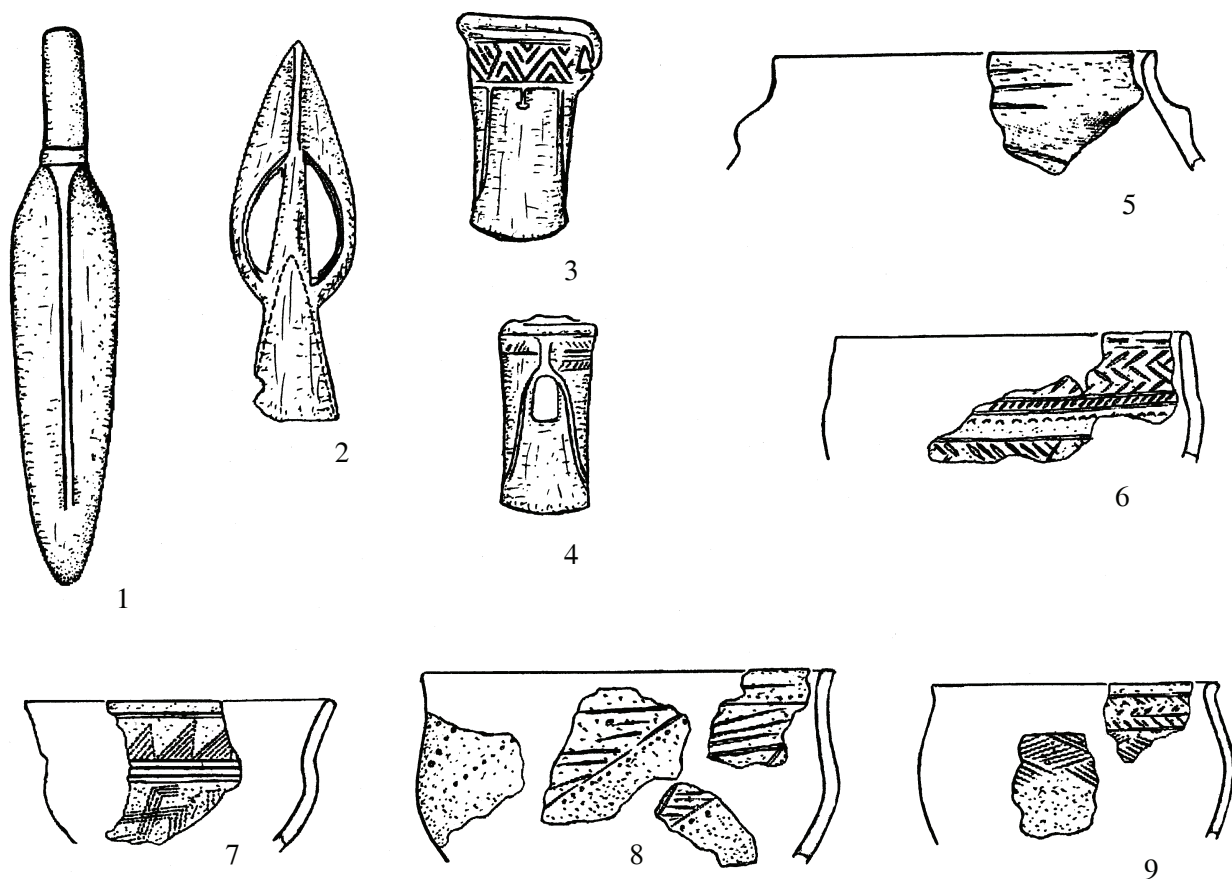

Рис. 92. Сусканско-лебяжинский культурный тип. 1 – пос. Ильичевка; 2 – Лебяжинка; 3, 4 – Дербедневский клад; 5, 6, 8, 9 – II Лебяжинское пос.; 7 – Попово Озеро.

находки кельтов приурочены к районам, расположенным к северу от р. Миасс, то есть в зоне основной локализации черкаскульской и межовской культур [Сальников, 1965а]. Классические сейминско-турбинские типы в Зауралье единичны и представлены кельтом и двулезвийным ножом с коротким расширенным черешком. Но особое внимание следует уделить обнаружению на поселении Липовая Курья литейной формы для отливки долота, типологически близкого аналогичному изделию из Ростовкинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 20, 39, 51; Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38; Хлобыстин, 1976, с. 35] (рис. 66,6; 87,3).

Более представительна группа, так называемого, “евразийского” металла, производного от сейминско-турбинского, но достаточно раннего и входящего в собственно сейминские комплексы. В эту группу входят кельт, наконечники копий с ромбическим стержнем, двулезвийные кинжалы с литой рукоятью [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 40, 45, 65; Косарев, 1981, рис. 51; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 31, 32; Петрин и др.,

1993, рис. 47,3,4] (рис. 87,1,2). К этой же линии развития относятся изделия самусьско-кижировских типов – кельты с ложными ушками [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 77-80; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 32; Петрин и др., 1993, рис. 47,1,2] (рис. 87,4).

Вышеприведенные факты позволяют заключить, что формирование черкаскульской культуры в Зауралье было связано с двумя культурными образованиями: федоровской культурой и популяциями, производившими изделия сейминско-турбинских типов.

Межовская культура (рис. 90) наследует воспринятые черкаскулем сейминско-турбинские традиции металлообработки, что маркируется кельтами с прямоугольной фаской, шестигранными кельтами с арочной фаской и лобным ушком, кинжалом сосново-мазинского типа, копьями с прорезным пером и с округлой втулкой, а также другими изделиями [Черных, 1970, рис. 46, 48, 58; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 78-80]. Этот комплекс, характеризующий металлообработку ряда культур (межовской, приказанской, сускан-

ско-лебяжинской) представлен в серии кладов к западу от Урала (Сосновая Маза, Карманово, Дербедени) [Черных, 1970, с. 115, 116; Кузьминых, 1983; Колев, 1991].

Памятники черкаскульской и межовской культур хорошо представлены в Приуралье, что отражает миграцию их носителей в этот регион [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 7, 52-54; Обыденнов, 1987, с. 53-55; Казаков, 1978; Горбунов, 1993, с. 5; Обыденнов, 1986]. Необходимо отметить своеобразие погребального обряда межовской культуры, демонстрирующего колоссальную вариабельность. Здесь известны подкурганые и грунтовые захоронения, захоронения на уровне горизонта и очень неглубокие могильные ямы, кремирования и труположения. При этом, последние могут быть представлены как скорченными на боку, так и вытянутыми на спине костяками. Известны места сожжения трупов без последующей фиксации захоронения праха. Встречены и расчлененные захоронения [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 59-67]. В этих сочетаниях легко видится смешение погребальных традиций, восходящих к федоровским и сейминско-турбинским обрядам.

Зауральское происхождение черкаскульских и межовских комплексов хорошо документируется тальковыми примесями в керамике, что было характерно для многих культур восточного склона Урала, но не известно на западе [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 114]. Вместе с тем, можно наметить и некоторые отличия межовских памятников Приуралья от зауральских. В обоих регионах металл этого периода находит параллели в металлообработке ингуло-красно-маяцкого металлургического очага Северного Причерноморья. В Приуралье же известны также бронзовые артефакты, соответствующие металлообработке более позднего кардашинского очага, отсутствующие в Зауралье: двуушковые кельты с вогнуто-линзовидной фаской и приподнятым над ушками венчиком, черешковые ножи с параллельными лезвиями, форма для отливки ножа-бритвы с концевой выемкой [Черных, 1970, с. 87, 88, 117, 122, таб. XLIII; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 78-80, рис. 47,2,4, рис. 53,10,13, рис. 54, 1-3]. Эти различия вызваны тем, что в Зауралье к концу II тыс. до н.э. межовская культура исчезает. Керамический материал (за исключением наиболее северных памятников) не дает свидетельств контактов между носителями

межовской и гамаюнской культур, хотя контакты гамаюнской культуры с другими культурами заключительной фазы бронзового века региона видны достаточно отчетливо [Косарев, 1981, с. 189; Борзунов, 1992, с. 91, 130]. Все это явилось выражением наметившейся еще в черкаскульский период тенденции смещения данных популяций на западные склоны Урала.

Обозначенную тенденцию мы можем рассматривать не только на примере черкаскульских и межовских памятников. Черкаскульско-межовские проникновения оказали существенное воздействие на приказанскую культуру Прикамья. На первом займищенском этапе эту культуру можно рассматривать, как синтез местных волосовских, сейминско-турбинских и синташтинско-покровских традиций. Прямоугольные дома, соединенные друг с другом коридорообразными переходами в энеолитическое время были характерны для целого ряда волго-уральских культур лесной зоны – волосовской, гаринской, новоильинской, юртиковской [Халиков, 1987, с. 26; 1987а, с. 140; Крайнов, 1987, с. 15, 16; Наговицын, 1987, с. 30-32; Бадер, 1961]. В керамике отражаются волосовские и раннесрубные черты. Синташтинско-абашевские ассоциации вызывают ножи с намечающимся перекрестием и топор с бойком на обухе, близкий топорам Синташтинского могильника, хотя и имеющий более овальную втулку [Халиков, 1987, с. 27, 30]. С сейминско-турбинским компонентом мы можем связывать кремневые наконечники стрел – черешковые, треугольные и листовидные, длинный кремневый нож, бронзовые кельт и наконечники копий [Халиков, 1987, с. 30]. Все это позволяет датировать формирование приказанской культуры XVI в. до н.э. и рассматривать ее как результат контакта местного финно-угорского населения с продвинувшимся на север иранским и с пришлым древнеевропейским.

Однако на следующем балымско-карташинском этапе ситуация существенно меняется. В керамике появляются межовские черты, а в металлическом наборе типы изделий, характерные для всего предананьинского горизонта металлообработки Волго-Камья. При этом ряд морфологических черт и химическая структура металла отличают приказанскую металлообработку от межовской и сближают ее со срубной [Кузьминых, 1983]. Тем не менее, межовская и приказанская культура балымско-карташинского

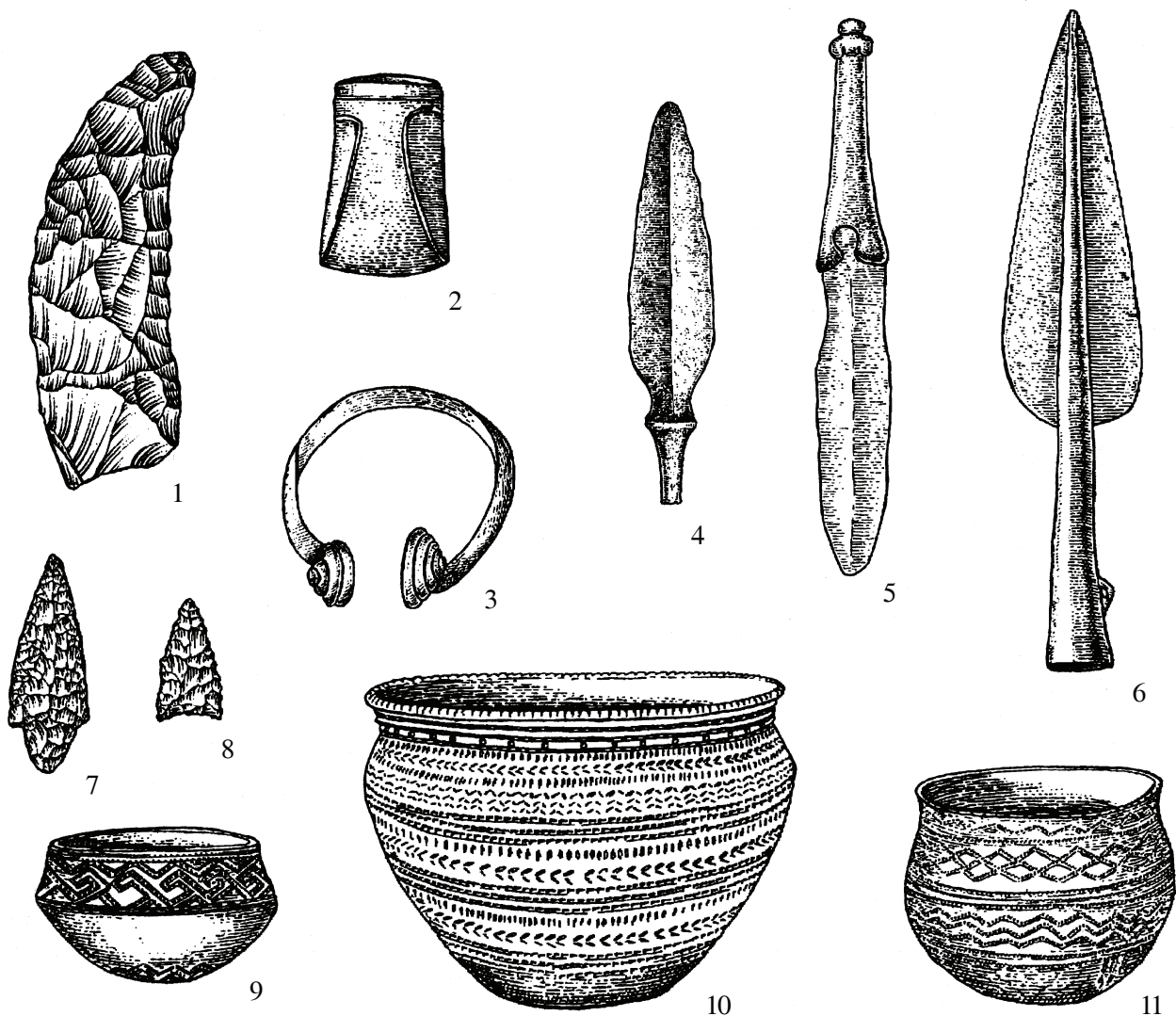

Рис. 93. Поздняковская культура. 1, 7-9 – Коренец; 2 – Волосово; 3, 5 – Борисоглебовское; 4 – Садовый Бор; 6 – Засечь; 10, 11 – Фефелов Бор.

этапа очень близки. По этой причине границы между этими культурами весьма размыты и исследователи одни и те же объекты относят то к межовской, то к приказанской культуре.

Весьма значимым фактом стало формирование сусканско-лебяжинской культуры [Колев, 1988; 1991; Колев и др., 1995] (рис. 91; 92). Основным районом локализации данной культуры является Волго-Камье. Однако в небольшом количестве сопоставимые материалы известны и в лесостепном Притоболье, на поселении Язевое I [Потемкина, 1985, с. 47; Григорьев, 2000]. Анализ керамического комплекса показал, что основой формирования сусканско-лебяжинской культуры были черкасульская, федоровская и,

меньшей степени, алакульская [Потемкина, 1985, с. 76; Колев, 1988]. При этом, в сусканском керамическом комплексе встречается посуда, определяемая как андроновская [Колев, 1999, с. 254, 255]. Металлообработка культуры практически идентична межовской и формируется на сейминской основе [Колев, 1991]. В эту культуру включается ряд комплексов, рассматривавшихся ранее как позднесрубные, межовские или приказанские. Однако любые дискуссии по этому поводу лишь подчеркнут единство описываемого процесса [Казаков, 1999, с. 80]. Суть его сводится к тому, что на больших пространствах от Волго-Камья до Зауралья в эпоху ПБВ сформировался крупный культурный блок, включав-

Рис. 94. Сосницкая (1–6) и комаровская (7–9) культуры. 1 – Здвижовка; 2 – Ходосовичи; 3, 6 – Пустынка; 4, 5 – Кветунь; 7 – Кавско; 8, 9 – Комаров.

ший в себя черкасульско-межовские, сусканско-лебяжинские и приказанские памятники. Исходными традициями для их формирования явились федоровские и сейминско-турбинские. Не исключено, что формирование этих культур привело к частичной ассимиляции и вытеснению на запад мигрантов первой волны, представленной памятниками сейминско-турбинского типа.

Говоря о культурах этого блока нельзя не коснуться вопросов, связанных с хозяйственной деятельностью. Как мы видели, какие-либо факты, свидетельствующие в пользу существования земледелия в синташтинской культуре, отсутствуют. В Волго-Урале domesticated grains and beans appear only with the beginning of the PBC and are known in settlements of the Mezovskaya and Fedorovskaya types [Лебедева, 1996, с. 54]. Довольно ограниченное распространение земледелия на юг, в степь, связано, по-видимому, с влиянием именно этого населения. Состав стада населения, представленного черкасульской, межовской и приказанской культурами, типологически близок, хотя и варьирует в зависимости от региона. Около половины стада составлял крупный рогатый скот, 25-30% – лошадь, 7-14% – мелкий рогатый скот и около 10% – свинья. По всей вероятности, сви-

новодство было заимствовано черкасульцами у абашевцев. Однако такие показатели как более высокая доля лошади и преимущественно шерстяное направление скотоводства отличают черкасульско-межовское стадо от абашевского и синташтинского. Собственно, в степных районах повсюду в стаде доминирует крупный рогатый скот, которому уступает мелкий рогатый скот. Доля лошади, как правило, не велика. Это обусловлено причинами экологического порядка. В более северных районах из-за высоты снежного покрова преимущества при тебеневке имеет лошадь. Однако после формирования состава стада, это становится культурным признаком. Вероятно, увеличение в финальную бронзу доли лошади в степи и лесостепи было обусловлено движением на юг черкасульско-межовского населения [Антипина, 1996; Варов, Косинцев, 1996; Лебедева, 1996; Германов, Косинцев, 1995; Обьденнов и др., 1994, с. 19-23; Галкин, 1996].

Этот экскурс позволяет нам еще раз подчеркнуть, что хозяйство черкасульского населения не могло иметь своим генетическим предшественником синташтинское, а тем более хозяйство энеолитических племен лесной зоны. Хозяйство рассматриваемого культурного блока

было высокоразвитым и комплексным. Поэтому представить, что эту деятельность осуществляли бывшие лесные охотники и рыболовы просто невозможно. Констатировав это, вернемся к дальнейшему рассмотрению событий, которое мы прервали на берегах Волги.

Западнее, в Волго-Окском междуречье, наблюдаются те же тенденции, что и описанные выше. Здесь формируется поздняя культура (рис. 93). Наконечники стрел, кремневые мясные ножи, бронзовые наконечники копий, кельты отражают традиции сейминско-турбинского компонента. Андроноидный компонент проявляется в керамике и украшениях (браслеты со спиралевидными коническими окончаниями, подвески в 1,5 оборота, покрытые золотой фольгой). В погребальном обряде доминирует труположение (обычно скорченные на боку костяки), но известны и случаи кремации. Долю последних определить сложно, поскольку остатки кремации не всегда помещались в могильную яму. Примечательна тенденция к переходу от курганных к грунтовым захоронениям.

Далее по Оке и в Волго-Клязьминском междуречье этот процесс, по-видимому, особого продолжения не получил, хотя здесь и известно обнаружение поздней культуры и чирковско-сейминской керамики на стоянках совместно с позднефатьяновской, абашоидной и поздневолосянской посудой [Гадзяцкая, 1992, с. 138, 139]. Впоследствии, в конце II тыс. до н.э., во всем этом районе, поздняя культура была вытеснена или ассимилирована мигрантами с севера, представленными культурой сетчатой керамики, что напоминает ситуацию с межовской культурой Зауралья [Бадер, Попова, 1987, с. 135].

Однако вернемся к черкаскульской, межовской и сусканско-лебяжинской культурам. Из культур этого блока наиболее ранней является черкаскульская. В настоящее время традиционно поздняя датировка этой культуры XIII веком до н.э. [Косарев, 1981, с. 141; Хлобыстин, 1976, с. 58-62] удревнена до XV в. до н.э. и не исключена датировка второй половиной XVI в. до н.э. [Григорьев, 2000; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 47]. Основания для подобного удревнения следующие. Поскольку федоровская культура датируется с XVI в. до н.э. (см. выше), это дает нам возможность для удревнения даты черкаскульской культуры. Одним, хотя и не слишком значимым компонентом, принявшим участие в

формировании черкаскульской культуры, было абашевское население. Это проявилось в абашевских чертах в керамике и погребальном обряде черкаскульских могильников Аргазинского водохранилища, абашевско-черкаскульско-раннесрубной характеристике приуральского могильника Такталачук, совместном залегании абашевской и черкаскульской керамики на ряде поселений Южного Приуралья [Сальников, 1967, с. 371; Григорьев, 2000; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 46, 47; Казаков, 1978; Горбунов, 1993, с. 5]. Металлообработка черкаскульской культуры содержит типы, входящие в сейминско-турбинские комплексы и более поздние самусьско-кижировские. Это позволяет синхронизировать черкаскульскую культуру отчасти с сейминско-турбинскими памятниками и с самусьской культурой Приобья. Последняя датируется с XV в. до н.э. Дата сейминско-турбинских бронз определяется VII-XVI вв. до н.э. [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261; Косарев, 1981, с. 106; Молодин, Глушков, 1989, с. 103]. При этом речь идет о датах в системе традиционной хронологии.

В черкаскульской керамике поселения Новая III были отмечены алакульские черты: равнобедренные треугольники и орнамент, выполненный проташеной гребенкой [Стоколос, 1972, с. 82, 98, 99]. В совокупности приведенные факты позволяют датировать черкаскульскую культуру в рамках XVI-XV вв. до н.э.

Возникающая при участии черкаскульских племен сусканско-лебяжинская культура датируется несколько более поздним временем, но не позднее начала XV в. до н.э., поскольку основой ее металлообработки была сейминско-турбинская [Колев, 1991, с. 197]. Межовская культура формируется, по-видимому, несколько позже, но не позднее рубежа XV/XIV вв. до н.э. [Григорьев, 2000].

Ранее существовало мнение о том, что предананьинская металлообработка Волго-Камья формируется под воздействием завадолобойковского металлургического очага Северного Причерноморья [Кузьминых, 1983, с. 129, 130]. Однако впоследствии был сделан вывод о хронологическом приоритете волго-камской металлообработки, формирующейся непосредственно на сейминско-турбинской основе. При этом оформление сусканско-лебяжинской культуры происходит достаточно рано, практически в конце покровского этапа срубной культуры

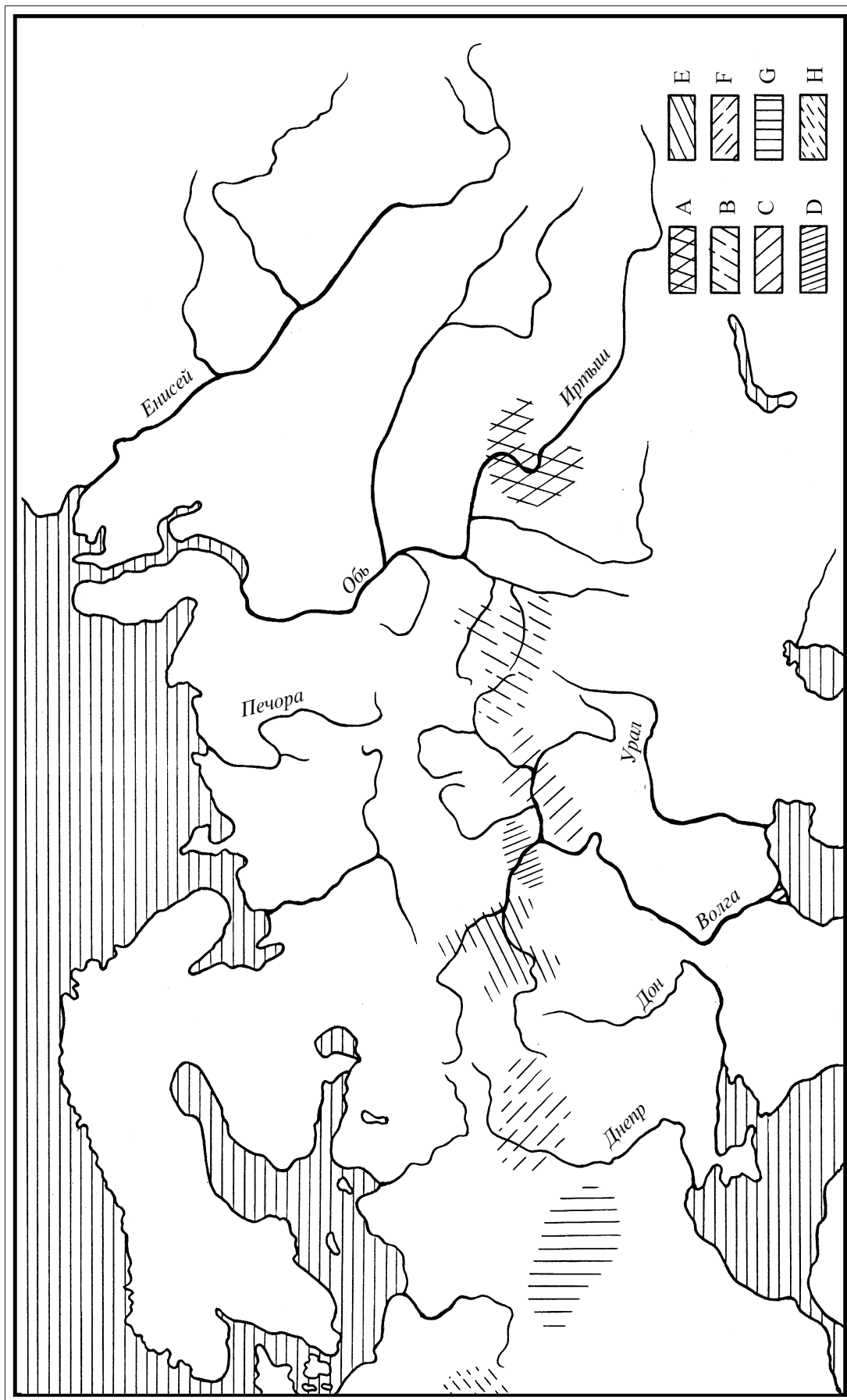

Рис. 95. Карта распространения памятников черноозерского типа (а), черкаскульской и межовской культур (b), сусканско-лебезинского типа (с), бальмско-карташхинского этапа приказанской культуры (d), поздняяковской культуры (e), сосницкой культуры (f), тишицево-комаровской культуры (g), культуры курганных погребений (h).

[Колев, 1991, с. 197; Бочкарев, 1995, с. 121, 122; Колев, 1993]. На поселениях разделить сусканскую и срубную керамику стратиграфически не удается. Иногда посуда обеих культур встречается в одних скоплениях. На поселении Лебяжинка V в наименее потревоженном, то есть в наиболее позднем слое, сусканская керамика залегала вместе с раннесрубной покровской [Колев, 1999, с. 256]. Формирующиеся очаги металлообработки Северного Причерноморья включают в свой набор волго-уральские типы кельтов и копий. Это позволяет говорить об импульсах из Волго-Уралья в этот регион в XV в. до н.э. Радиоуглеродные (некалиброванные) даты сусканско-лебяжинской культуры укладываются, впрочем, в период с рубежа XV/XIV вв. до н.э. по XII-XI вв. до н.э. [Колев, 1999, с. 256].

Вероятно несколько раньше, еще до оформления сусканско-лебяжинской и межовской культур, в XI в. до н.э., на запад проникают федоровские племена. Уже в Поволжье, где, по-видимому, не происходило значительного их оседания, этот процесс маркируется появлением обряда трупосожжения, что, впрочем, почти не получило отражения в керамическом материале [Васильев и др., 1985, с. 64; Багаутдинов, 1988]. Возможно, это связано со свойством керамики видоизменяться или замещаться инокультурной в первую очередь в случае этнических контактов. Примечательно, что обряд трупосожжения появляется в Поволжье именно на ранней стадии развития срубной культуры.

На Украине на раннесрубной стадии в керамике, напротив, появляются андроновские черты (рис. 86). Помимо черт, которые можно сопоставлять с керамикой федоровской, известна посуда с ярко выраженными черкаскульскими чертами (рис. 86,6). Кроме того, уже на посуде старшей архаической ступени срубной культуры этого региона присутствуют валики, сохраняющиеся затем в течение всего существования культуры (рис. 86,5-7,11,13,16,17,20). Обычно их появление объясняют сохранением традиций КМК, но сходство, как форм этих сосудов, так и самих валиков с ранней валиковой керамикой восточных регионов допускает и иную трактовку, хотя, безусловно, и не во всех случаях. Известны и овальные блюда, находящиеся параллели в федоровской культуре (рис. 86,19). Параллельно происходит появление обряда кремации. В Нижнем

Поднепровье 70% погребений совершено именно по этому обряду. На Донетчине и в Приазовье на раннесрубных могильниках известны прямоугольные ограды (рис. 86,1), элементы андроновской орнаментации и андроновские украшения [Березанская и др., 1986, рис. 16, 18, 19, 22; Литвиненко, 1993, с. 195, 196; Березанская, Гершкович, 1983]. Примечательно появление в Северном Причерноморье в раннесрубное время ножей с упором [Лесков, 1967, с. 173]. Здесь этот период датируется тоже XVI в. до н.э. [Березанская и др., 1986, с. 76].

Западнее на федоровское присутствие могут указывать ножи с утолщенным перекрестием, обнаруженные во Фракии и в Сэрата-Монтеору [Черных, 1976, с. 176, 177]. Но, судя по всему, в чистом виде федоровское присутствие здесь почти не выражено.

Севернее, на территории Среднего и Верхнего Поднепровья формируется сосницкая культура, которую можно рассматривать как вариант тшинецко-комаровской культуры [Березанская, 1967, с. 132] (рис. 94,1-6). На поселениях ее раннего этапа известны укрепления. Кинжалы и копья этой культуры восходят к сейминско-турбинским прототипам. Местное производство этих изделий маркируется обнаружением литейной формы для отливки кельта и долот. Могильники известны курганные и грунтовые. Погребения совершены по обряду трупоположения скорчено на боку или трупосожжения, как правило, в неглубоких могильных ямах. Примечательно, что кремация больше тяготеет к неглубоким могильным ямам. Посуда имеет тюльпанообразную форму и близка сусканско-лебяжинской, часть горшков имеет валики [Березанская, 1967; Артеменко, 1987б, с. 107, 209].

Исследователи связывают происхождение сосницкой культуры со среднеднепровской культурой. Во многом это справедливо. Культурная преемственность проявляется и в керамике и в погребальном обряде [Артеменко, 1987б, с. 112; см. Бондарь, 1974]. Однако классические этапы культур резко различаются. По всей видимости, в Среднем Поднепровье имела место длительная ассимиляция пришлым населением автохтонного и сосуществование этих индоевропейских популяций. При этом первые импульсы в этот регион из Волго-Уралья происходят до начала формирования сосницкой культуры, что хорошо доку-

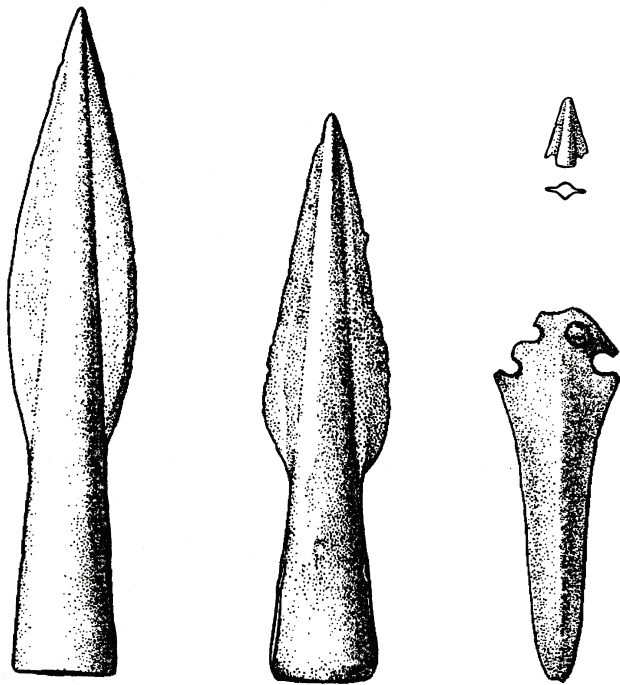

Рис. 96. Изделия из клада Бюль.

ментируется присутствием здесь металла раннесрубного времени [Черных, 1976, с. 156-158]. Впоследствии происходит нарастание уральских черт, как в металле, так и в керамике. В последней это проявилось в появлении валиков и такого специфически межовского орнамента, как обрамленные “бахромой” треугольники [Артеменко, 1987б, рис. 50,10,13].

Таким образом, как и в предшествующий период, мы наблюдаем постепенное смещение процесса культурной трансформации в западном направлении. Необходимо отметить качественное отличие этого процесса от того, который мы наблюдали при формировании синташтинской культуры. Последняя появляется сразу и внезапно. Возможность проследить ее становление или постепенное перемещение ее носителей с территории Ближнего Востока отсутствует. Описываемый же процесс характеризуется постепенным смещением отдельных сравнительно небольших коллективов и их более тесными контактами с местным населением. Наиболее наглядно он проявлялся в дальнейшем распространении постсейминских традиций металлообработки, но уже в трансформированном виде, причем эти трансформации соответствуют тем изменениям, которые претерпевает эта металлообработка в Восточной Европе. И необходимо отметить, что эти изменения несколько предшествуют

формированию культуры курганных погребений и начинаются еще в самом конце РБВ Европы.

Новым явлением в металлообработке Средней Европы стало появление втульчатых копий с гладкой втулкой, соответствующих на востоке копьям покровского и петровского времени. Эти изделия распространены в пределах всего региона, но наиболее известной находкой является клад Бюль в округе Донау-Риз в Южной Германии, в котором обнаружено несколько подобных копий и их обломков, а также втульчатый наконечник стрелы (рис. 96). Анализ материалов клада показал, что только часть находок можно соотнести со ступенью VzA2. В целом, это время соответствует горизонтам VzA2/V1 Южной Германии или горизонту VzA3 Австрии. Это время классической фазы культур Мадьярвце и Ветеров, тшинцеко-комаровской культуры [Rittershofer, 1984, S. 219-228, 314-322]. По иной периодизационной системе время существования обсуждаемого клада соответствует ступени VzA2c. Калиброванные даты ее – 1750-1600 гг. до н.э. [Neugebauer, 1991, S. 50-53, Abb. 9, 10].

В Западной Германии стандартный для всей постсейминской металлообработки набор изделий становится характерен со ступени Линденштрут, сосуществуя длительное время с прежними формами металлического инвентаря [Kibbert, 1984, Taf. 102]. На юго-западе в эпоху средней бронзы тоже распространяются копья с гладкой литой втулкой [Pirling, 1980, Taf. 10.4.C,F,F1, 18.A.1, 29.C, 39.A,I,K,L, 44.I, 54.I].

В Северной Германии и Дании, где все процессы происходят с некоторым запаздыванием по сравнению с более южными регионами, только с этого времени появляются кельты и втульчатые копья с орнаментированной втулкой, непосредственно наследующие сейминско-турбинские традиции (рис. 97) [Müller-Karpe, 1980, Taf. 501, 504, 506].

Очень показательные изменения наблюдаются и в керамическом комплексе. В Южной Германии переход к началу средней бронзы (стадия VzA2/V1) знаменуется существенными трансформациями поселенческого керамического материала (рис. 98; 99). При сохранении многих прежних форм появляется ряд новых элементов орнаментации, не имевших аналогов в прежних культурных системах. Данные изменения были подробнейшим образом описаны в исследовании Ю. Крумланд [Krumland, 1998]. Многие из этих

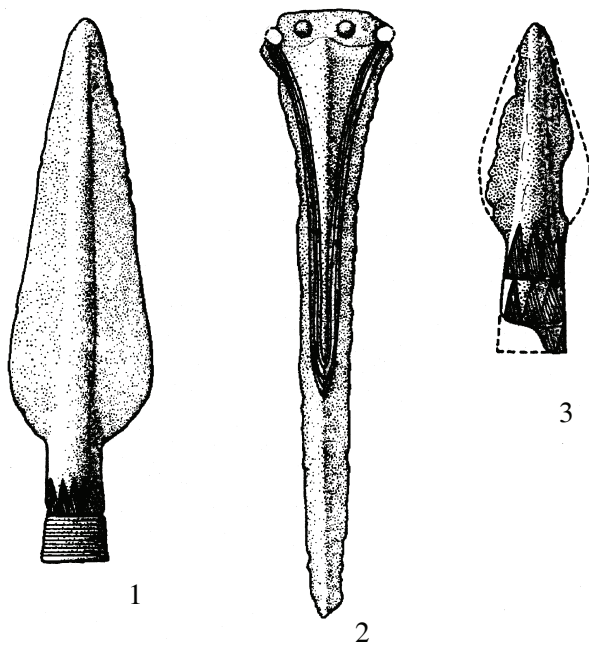

Рис. 97. Металлические изделия Северной Европы периода Средней бронзы: 1, 2 – Вирринг; 3 – Нордборг.

элементов имеют параллели на памятниках федоровской и черкаскульской культур, а также в синхронных культурах Восточной Европы. Появляются и новые способы нанесения орнамента. Одним из таких является гребенчатый штамп. Распространяется он, впрочем, не так широко как в федоровской, в особенности погребальной керамике. Частота его применения постепенно с востока на запад уменьшается. Другой специфически федоровской чертой является использование для нанесения орнамента треугольного штампа, появляющегося при переходе к средней бронзе на юге Германии. Далее мы не будем подробно описывать керамику периода VzA2/B1, поскольку она описана в вышеуказанном сочинении. Кроме того, она вбирает в себя ряд компонентов предшествующего времени. Поэтому мы ограничимся перечислением только тех черт, которые можно рассматривать в качестве восточных заимствований. К сопоставимым элементам орнамента относятся одинарные или двойные прочерченные линии. Чаще они широкие и напоминают федоровские каннелюры. Распространяются различные типы зигзага: короткий резной зигзаг, многорядный зигзаг, зигзаг в виде неорнаментированной полосы, образованной рядами треугольников, расположенных напротив

друг друга. Становятся характерны равнобедренные треугольники, заштрихованные параллельными линиями, орнамент в виде лестничных полос, параллельные неупорядоченные наклонные и прямые резные линии.

Распространены различные типы вдавлений и насечек: ногтевые вдавления различных типов, вертикальные насечки по венчику, пояски наклонных насечек¹, насечки внутри нарезных линий и каннелюр.

На разных типах посуды появляются небольшие уступчики при переходе от плеча к тулову, что может отражать заимствование алакульской керамической традиции. Как и на востоке распространяются гладкие или украшенные вдавлениями валики. Этот орнамент очень показателен, однако требует специального анализа, поскольку отчасти валики могли быть привнесены миграцией описанной ранее, а отчасти отражать еще более ранние традиции. Присутствие валиковой посуды является, практически обязательным для памятников этой эпохи [см. также *Hoppe, 1994; Rind, 1994*].

Касаюсь происхождения близкой валиковой посуды Уэссекса, С. Герлофф указывает на близость этой посуды посуде армориканской культуры Бретани, керамике Парижского бассейна, Центральной Европы, Швейцарии. Как правило, она приурочена к укрепленным поселкам и датируется ступенью VzA2/B. Поэтому вряд ли есть основания для сомнений в континентальном происхождении этой посуды в Британии. Однако происхождение континентальной посуды менее ясно. Наиболее близкие параллели С. Герлофф находит в посуде позднего неолита Швейцарии, Баварского Подунавья и Западной Богемии [*Gerloff, 1975, p. 238-242*]. Наибольшую близость данная посуда обнаруживает поздненеолитическим памятникам типа групп Мондзее и Хамер, которые датируются временем 3800-3150 гг. до н.э. Эта керамика тоже имеет валики под венчиком, причем валики часто украшены насечками или вдавлениями. При этом формы посуды (впрочем, довольно простые) обнаруживают тоже

¹ Пояски наклонных насечек появляются на стадии В, но широко распространяются на стадии С. Примечательно, что на востоке этот тип орнамента становится широко распространенным тоже несколько позже. Подобный параллелизм может указывать на достаточно растянутый по времени период контактов.

Рис. 98. Керамика ступени А2/В1 в Южной Германии.

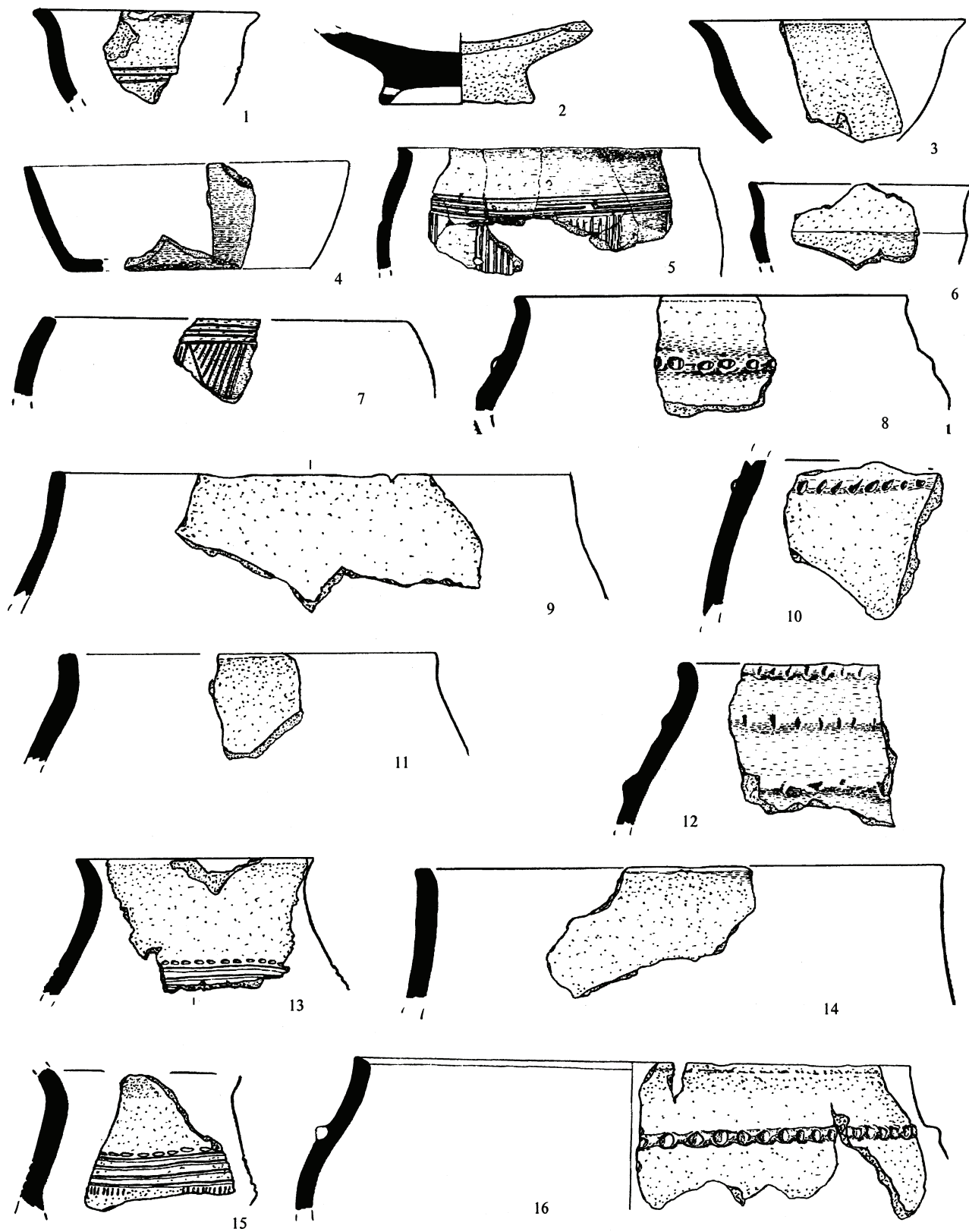

Рис. 99. Керамика ступени А2/В1 в Южной Германии.

значительное сходство [см. *Lochner, 1997; Schröter, 1992, Abb. 17*]. Однако в этом случае между данными типами наблюдается существенный хронологический разрыв.

Анализировать формы посуды ступени VzA2/B1 несколько сложнее. Как уже было сказано выше, ряд форм отражает местные керамические традиции. Другие формы, в силу своей относительной простоты, распространены во многих регионах, но на некоторые характерные элементы следует все же указать. Не исключено, что на восточные импульсы может указывать и появление в начале средней бронзы на чашах приостренного внутреннего ребра в районе венчика, что было характерно в предшествующее время на востоке для абашевской и синташтинской керамики. Возможно, восточными по происхождению являются горшки с прямой высокой шейкой и уступчиком по плечу или плавным ребром.

Хотелось бы обратить большее внимание на то, что эти поселенческие материалы очень напоминают ситуацию на федоровских поселениях, где очень ощутимы местные инокультурные включения, есть определенная доля валиковой посуды, много грубой и плохо определимой посуды и лишь небольшой процент посуды с пышным геометрическим орнаментом.

Появление данной керамики и некоторые трансформации в металлообработке постепенно приводят к формированию культуры курганных погребений. Она распространяется в Южной Германии и Центральной Европе. Традиционная хронология определяла рамки культуры 1500 – 1300 гг. до н.э., а калиброванные радиоуглеродные даты – 1800 – 1500 гг. до н.э. [*Coles, Harding, 1979, p. 67*]. Курганы чаще не сохранились, поскольку они имели земляную насыпь, располагались на полях и были уничтожены. Как правило, эти курганы не имели больших размеров в отличие от курганов переходной стадии в Чехии, Моравии и Саксонии. Под курганами фиксируются каменные вымостки, глиняные обмазки или песчаные подсыпки. Встречаются каменные ящики, окруженные каменной, реже столбовой оградой. Погребенные лежат чаще вытянуто на спине, иногда скорченно на боку, но известны и трупосождения. Доля изделий постсейминского типа в металлообработке начинает возрастать [*Jockenhövel, 1990a, S. 202, 206; Coles, Harding, 1979, p. 43, 44; Hochstetter, 1980*].

На территории Западной и Центральной Польши распространяется в этот период очень близкая “предлужицкая” культура, датируемая временем VzB,C. Восточнее простиралась территория тшинецкой культуры, близкой предлужицкой группе и культуре курганных погребений [*Coles, Harding, 1979, p. 57, 79*]. Распространена она была от Днепра до Юго-Восточной Польши (рис. 94, 7-9). Керамика этой культуры тоже может содержать валик в нижней части шейки, известна кремация, а металл наследует сейминско-турбинские традиции металлообработки. Вместе с тем, и в металле, и в керамике этой культуры более велика доля центральноевропейских традиций по сравнению с сосницкой культурой [*Березанская, 1967; Артеменко, 1987a*]. Этот период характеризовался, как и в других частях Европы, многочисленными кладами. В этих кладах втульчатые копья часто находятся вместе с типичными центральноевропейскими вещами [*Blajer, 1990*].

Практически, тшинецко-комаровская культура является восточным флангом культуры курганных погребений Средней Европы, в погребальном обряде которой зафиксирована тенденция к нарастанию кремации. Эту тенденцию мы уже фиксировали восточнее. Обычно погребения под курганами вытянуты на спине в неглубоких ямах или на горизонте. Кремация и вторичные захоронения встречаются реже. Иногда фиксируются остатки кремации в небольшой ямке. Производилась она, кстати, всегда на стороне. Таким образом, мы наблюдаем те же обрядовые признаки, с которыми мы сталкивались, начиная с межовской культуры. На юго-востоке, в Карпатах, известны захоронения в цистах и урнах. В качестве еще одной параллели с востоком можно привести тенденцию к переходу на грунтовые захоронения [*Монгайт, 1974, с. 58-64*]. Эти культурные признаки противоречат представлениям о местном формировании тшинецко-комаровской культуры, в результате дальнейшего развития Висло-Днепровских племен [*Kosko, 1996*]. Более корректны представления об участии в ее формировании местных шнуровых групп, на которых наложились юго-восточные и центральноевропейские импульсы [*Krušel'nyc'ka, 1995, p. 399*]. Отметим также то, что эта культура оставлена без сомнения носителями древнеевропейских диалектов.

Начало ПБВ на территории Венгрии совпадает с распространением косидерских бронз, что

ранее датировалось временем около 1300 г. до н.э. [Bona, 1975, S. 17]. Подобные датировки в настоящее время не используются. В целом в Венгрии и Карпатах эпохе СБВ Средней Европы (VzB) соответствует горизонт Косидерскогоклада, который включает в себя позднюю стадию культуры Отомани-Фюзешабонь. Вероятно, появление косидерских бронз отражает приход в этот регион носителей культуры курганных погребений. Вместе с этим здесь, в погребениях культуры курганных погребений и культуры Пилини, опять появляется обряд кремации, не известный на прежней стадии. Но большинство погребений представлено все же скорченными на боку, реже вытянутыми костяками [Coles, Harding, 1979, p. 93, 94; Boroffka, 1994, S. 112, 113; Trogmayer, 1975, S. 148, 155, 156; Lichardus, Vladar, 1996, S. 29, 31]. Натиск носителей культуры курганных погребений проявился в распространении в III фазе культуры Ватья укреплений, которые частично датируются и косидерским временем [Bona, 1975, S. 57-59].

В эти события распространения культуры курганных погребений была включена и территория Швейцарии. В эпоху СБВ на эту территорию сейминское население не проникает. Здесь развивается культура, сформировавшаяся в РБВ. Особенно это заметно в сохранении прежних керамических форм (грубая керамика с горизонтальными валиками). Однако культурные трансформации этой эпохи обусловили постоянные ощутимые влияния на эту территорию из Венгрии и Румынии, где давление культуры курганных погребений было более ощутимо [Osterwalder, 1971, S. 27-37]. Вероятно, они все же сопровождались появлением новых популяций, поскольку здесь развиваются те же тенденции трансформации погребального обряда, что и повсюду в Европе. Появляются первые трупосожжения. Были, по-видимому, и курганы, но впоследствии, как и в других местах, они были распаханы [Mottier, 1971, S. 149-151].

Довольно проблематично обстоит дело с обрядом кремации. Как мы наблюдали, этот обряд чрезвычайно распространен в федоровской культуре Зауралья, но по мере продвижения этой популяции на запад и смешивания с другим населением доля этого обряда неуклонно уменьшается. Правда, не исключено, что этот обряд просто не фиксируется археологически, и имели

место захоронения остатков кремации в небольших ямках, в грунтовых могильниках, как на федоровском могильнике Перейминский 3. Ситуация в культуре курганных погребений, в принципе, идентична. И не вполне понятно, с чем связано последующее широкое распространение этого обряда. Проблема осложняется так же тем, что ранее кремации были известны в Юго-Восточной Европе.

Наиболее рано кремации здесь появляются в Восточной Словакии (Тисаполгар). Впоследствии в этом регионе количество кремированных погребений сокращается [Parzinger, 1993, S. 320-322]. Но затем обряд кремации известен в Словакии в культуре Цог, а в Богемии в культуре Ривнач [Primas, 1977, S. 19, 20]. В РБВ обряд кремации был характерен для культуры Котофени в Болгарии [Alexandrov, 1995, p. 257]. Это было следствием, по всей видимости, центральноевропейских влияний.

В Венгрии обряд кремации с захоронениями в урнах был известен в РБВ (культуры Хатван, Нагирев, Кисапостаг). Для другой культуры Среднего Подунавья – культуры инкрустированной керамики, обряд захоронения кремированных остатков в урнах был тоже характерен [Schubert, 1974, S. 29, 30; Patay, 1938, S. 45, 52; Primas, 1977, S. 9-13, 17-19]. Позднее, в культуре Отомани-Фюзешабонь, за исключением ранней фазы, кремация уже не встречается [Coles, Harding, 1979, p. 79, 80; Boroffka, 1994, S. 110; Bona, 1975, S. 120]. Но в другой венгерской культуре Ватья обряд кремации известен и в СБВ [Bona, 1975, S. 32-44; Primas, 1977, S. 11-13]. В этот период обряд кремации широко распространен в культуре Витенберг, располагавшейся в Трансильвании [Boroffka, 1994, S. 106-109].

Иногда обряд кремации заимствуется в Центральной Европе группами населения, которым он обычно не свойственен. В Австрии, Богемии и Моравии он встречается изредка в культуре колоколовидных кубков. В Германии у шнуровых культур, в погребениях группы Штраубинг [Neugebauer, 1994, S. 38; Primas, 1977, S. 23, 24, 48-50].

Таким образом, наиболее рано обряд кремации в урнах появляется в энеолите Центральной Европы. Он здесь сохраняется практически всегда, но иногда доля его резко уменьшается. С проникновением балкано-центральноевропейского комплекса в Анатолию и Закавказье он известен

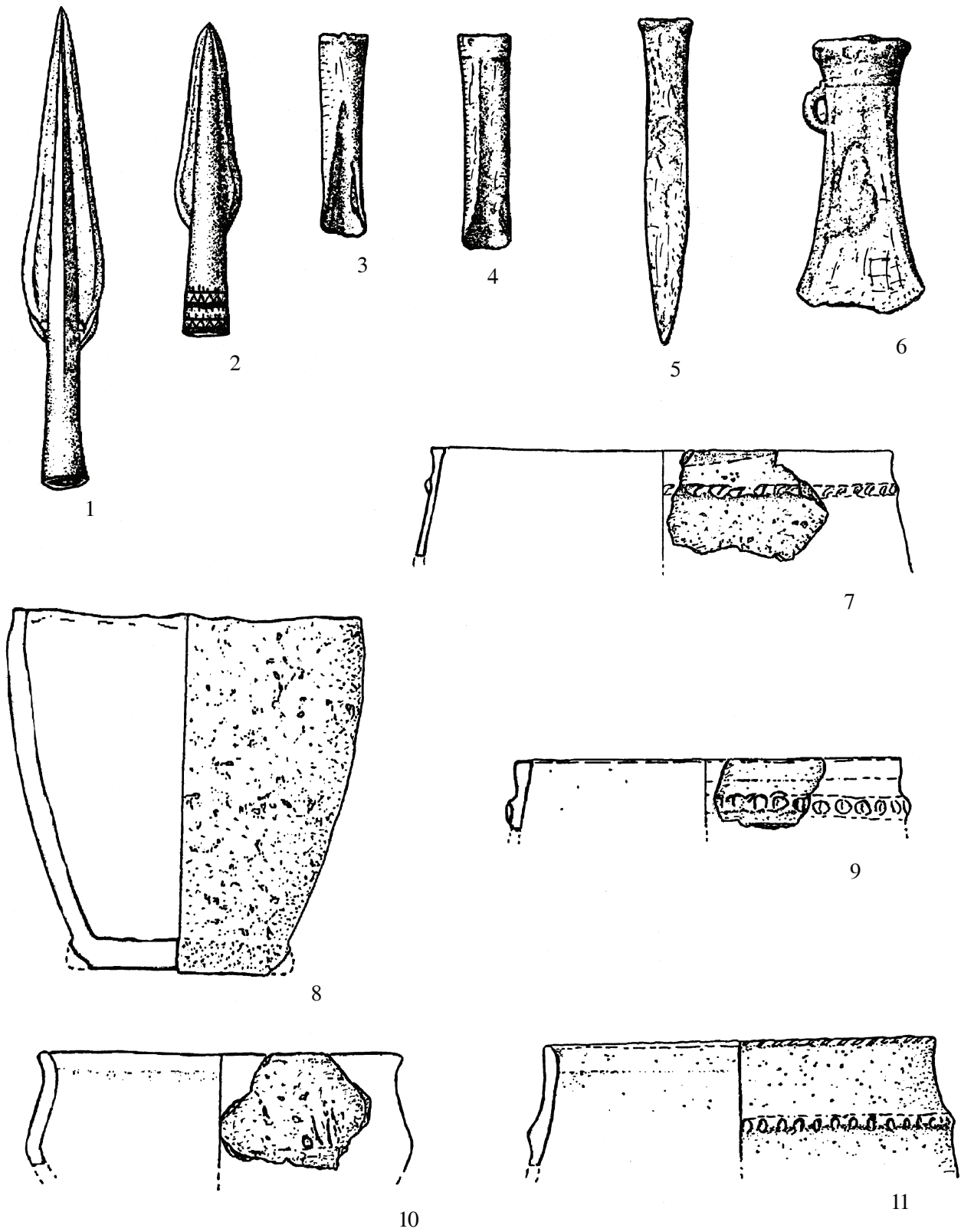

Рис. 100. Поздний бронзовый век Англии. 1 – Боутон Фен; 2 – Бёвел Фен; 3–6 – Коттесмор; 7–11 – Твинг.

у хеттов и в юго-восточном ареале куро-аракской культуры. Отсюда он заимствуется древними европейцами, которые привносят его в Европу вновь, хотя не исключено, что в распространении этого обряда сыграло роль и сохранение его в Центральной Европе. Поэтому связь данного обряда с федоровской традицией в данном случае не очевидна.

Описываемые процессы продвигаются дальше на запад. Наряду с восточным металлом, во Франции появляется керамика, имеющая восточные прототипы. В армориканской посуде Бретани были распространены банки и горшки с валиком, близкие раннесрубной валиковой керамике Украины, федоровской валиковой посуде и сусканско-лебяжинской [см. *Briard, 1981*]. Впрочем, более вероятно, что появление этого компонента на данной территории связано с еще более ранними импульсами сейминского времени, поскольку калиброванные даты данной посуды начинаются от 2200 г. до н.э. [*Briard, 1981a*].

Весьма показательны культурные трансформации, происходившие в ПБВ в Британии. Нижняя граница этого периода определяется здесь 1400 г. до н.э. [*Megaw, Simpson, 1979, p. 242*]. В целом, в Британии сохраняется металлообработка, восходящая к сейминско-турбинской традиции со стандартным набором, распространяющимся с сейминско-турбинской миграцией от Западной Сибири до Западной Европы. В этот набор входят втульчатые копья, часто с петлями на втулке, кельты, желобчатые и четырехгранные втульчатые долота (рис. 100,1-6). Орудия отливаются, главным образом, из оловянистых бронз, хотя известны и мышьяковые примеси [*Megaw, Simpson, 1979, fig.6.2.3, 6.2.4, 6.2.6, 6.3.7, 6.4.14, 6.4.15,6.4.23; Lawson, 1979, fig. 2.4; Clough, 1979; Farley, 1979a; Davies, 1979; Coombs, 1979; Savage, 1979, p. 233; Coombs, 1979a*]. Вместе с тем, в поздних кладах появляются типы изделий, наиболее рано известные в материалах сусканско-лебяжинской, приказанской и межовской культур. Это, в первую очередь, копья с прорезным пером и копья с укороченной втулкой и коротким пером [*Colquhoun, 1979, fig.4.1.2.5, 4.4*]. В одном из кладов, датированных концом эпохи бронзы, наряду с кельтами и втульчатými желобчатыми долотами находился двулезвийный кинжал с упором, что может говорить о длительном сохранении федоровских традиций металлообработки [*Coombs,*

Bradshaw, 1979, fig. 10.1.4.6.7, 10.2].

Другой особенностью изменений копий в ПБВ стало смещение петель со втулки копья на окончание пера [*Ehrenberg, 1977*]. Подобные копья известны в кладах Парижского бассейна [см. *Mohen, 1977*]. Браслеты типа “Бингэн”, обнаруженные в Британии, являются типичными французскими формами и орнаментированы в стиле “пикардийских булавок” [*Megaw, Simpson, 1979, p. 255*].

Еще одним фактом, подтверждающим восточные импульсы, является посуда типа “Деверел Римбари” (рис. 100,7-11). Это горшечные, но чаще баночные, довольно грубые формы. Встречаются банки открытых и закрытых тюльпанообразных форм. Часто посуда имеет валик, украшенный насечками [*Wardle, 1992, p. 32, 47-50; Megaw, Simpson, 1979, p. 260*]. С XV в. до н.э. подобные формы появляются в сусканско-лебяжинской культуре, продвигаясь постепенно на запад. Восходят они к федоровской поселенческой керамике. Выше уже упоминалось, что аналогичная керамика появляется в ПБВ на Северо-Западе Франции, в армориканской культуре Бретани [*Briard, 1981*].

Вместе с тем, в этот период в Британии фиксируются контакты с ранним горизонтом культуры полей погребальных урн. Все это позволило сделать вывод о том, что формирование культуры ПБВ Англии было связано с мощным влиянием с континента [*Megaw, Simpson, 1979, p. 243, 255, 257*]. Констатация этого факта позволяет нам вновь вернуться к этноисторическим реконструкциям и существенно пополнить выводы, полученные в предыдущей главе.

3.3. Этноисторическая реконструкция

Выше мы проследили процессы перемещения и культурных трансформаций, связанные с носителями федоровской культуры. В наиболее обобщенном виде они выглядят следующим образом.

Раннефедоровская культура должна локализоваться в Передней Азии, предположительно в Приурмийском районе, что обусловило последующие миграции ее носителей в восточном направлении и возможность очень ограниченного участия в миграции синташтинцев через Кавказ. Датируется здесь раннефедоровская культура не позднее XVIII в. до н.э. в системе традиционной хронологии. Начало федоровской миграции можно определить XVI в. до н.э., позже миграции популяций, отливавших сейминско-турбинские бронзы. В целом, федоровская миграция проходит по тому же пути, что и сейминско-турбинская, что позволяет считать нам федоровцев древнеевропейцами. Это существенным образом восполняет те пробелы, которые чувствовались при сопоставлении археологической и лингвистической реконструкций в предыдущей главе. В первую очередь напомним, что постулируемые лингвистической реконструкцией контакты с различными иранскими популяциями на территории Средней Азии и в степной зоне на археологическом материале отразились в форме военных столкновений, причем в Средней Азии – весьма эпизодических. А это вряд ли способствовало языковым заимствованиям. В противоположность этому вторая волна древнеевропейцев, представленная носителями федоровской культуры, активно взаимодействует с носителями иранской культуры Средней Азии (включения посуды типа Намазга VI, соответствия металлу сумбарской культуры и т.д.). Контакты же с иранскими племенами степной зоны (срубными, петровскими, алакульскими) были настолько мощными, что это привело к образованию серии синкретических культурных типов.

Другое несоответствие выразилось в том, что в противоположность лингвистической реконструкции взаимодействия и вторичного сближения прежде дифференцированных древнеевропейских популяций, археологическая реконструкция показывала лишь смещение на запад довольно однородной в культурном плане массы и контакты ее с другими народами. Наблюдалось противоречие между археологической и лингвистической реконструкциями и по вопросу о пребывании древнеевропейцев в Северном Причерноморье. Рассмотрение в этом свете федоровской культуры снимает эти проблемы. С появлением федоровцев на Иртыше начинается активное их взаимодей-

ствие с кротовским населением, что нашло отражение в формировании черноозерского типа памятников. Не исключено, при этом, что появление федоровцев в этом регионе и стало причиной начала сейминско-турбинского движения на запад.

Другими районами описываемого взаимодействия стали Волго-Камье, Приуралье и Зауралье, где на основе смещения сейминско-турбинских и федоровских традиций формируются такие культуры, как черкаскульская, межовская и сусканско-лебяжинская. Таким образом, археологические материалы подтверждают гипотезу о существовании ареала, в котором происходило вторичное сближение древнеевропейских языков.

Далее на запад осуществляются миграции, как собственно федоровского компонента, осуществляемые в XVI в. до н.э., так и культур, трансформированных в Волго-Уральском регионе. Первые миграции, судя по всему, не распространяются далее Северного Причерноморья. Незначительные миграции осуществляются в этот район из Волго-Камья, однако, основной массив волго-камского и приуральского населения смещается на запад, где формируются культуры соничская, тшинцево-комаровская, курганных погребений, локализованные в ареале от Среднего и Верхнего Днестра до Рейна. Местным субстратом, по-видимому, участвовавшим в формировании этих культур, были, прежде всего, культуры шнуrowой керамики и унетицкая. Более ранние миграции, связанные с сейминскими группами древнеевропейцев, проникли в Трансильванию, Паннонию, Юго-Восточную Галлию, Бретань, Юго-Восточную Англию (культура Роны, армориканская, Уэссекская). В первые два региона проникновение было не слишком значительное. Эти группы либо не участвовали, либо участвовали в меньшей степени в контактах с мигрантами второй волны.

Обратим внимание еще на один факт. В Центральной и Северной Европе, где локализовалась культура курганных погребений, отсутствуют кельтские гидронимы [Седов, 1993, с. 26]. Это позволяет видеть в носителях культур, сформировавшихся в Англии, Бретани и Галлии древних кельтов, что не противоречит и их локализации в историческое время. В этом случае кельтами и италикамы мы можем считать значительную часть сейминско-турбинских популяций.

Однако в ходе миграций и взаимодействия с иными древнеевропейскими популяциями кельтская культура трансформировалась. Она впитывает в себя черты культуры мигрантов федоровской волны и местных племен. Поэтому в мозаике европейских культур этого времени довольно трудно выделить кельтов [Kruta, 1991, S. 34]. Мы можем только предполагать их локализацию к западу от Германии, но не исключено и их оседание на иных территориях. Последующее возвратное их движение в Центральную Европу происходит, вероятно, уже в гальштатский период. Доля пришельцев, участвовавших в этногенезе кельтов, возможно, была не столь высока. Исследование черепов гальштатского времени Баварии показывает, что обитавшая в этот период популяция была гетерогенна. Часть черепов имеет “нордические” черты, а часть – средиземноморские, альпийские, “динарические”, что позволяет с большой уверенностью говорить об ассимиляции пришельцами местного населения, восходящего к эпохе ранней бронзы. [Hahn, 1993, S. 134].

Предлагаемая здесь модель этногенеза кельтов соответствует кельтской устной традиции, которая отражает продолжительные миграции, адаптацию к новому природному окружению и сосуществование с носителями иных языков и культур [MacCana, 1991, p. 649]. Если бы эта традиция отражала более поздние миграции кельтов в восточном направлении, то для своего объяснения она бы потребовала от нас археологической фиксации возвратного движения, включая движения в Британию. Наиболее вероятным является объяснение существования этой традиции продолжительной миграцией с Ближнего Востока. Эта миграция осуществлялась ранее миграции балтов, славян и германцев, что и обусловило локализацию кельтов к западу от этих этнических групп.

Существует, также еще одно примечательное обстоятельство. Ранее мы говорили, что абашевская группа, захороненная в Пепкинском кургане, была скальпирована, у многих были отрезаны головы, и зафиксирована трепанация черепа для извлечения фрагмента черепа, с целью изготовления амулета. При этом в телах обнаружены стрелы сейминского типа. При этом, напомним, что для самого сейминского обряда было характерно вторичное захоронение, сильные разрушения скелетов и практиковалось отрезание голов

сородичей. Подобные обычаи проникают в Центральную Европу одновременно с бронзами сейминско-турбинского типа.

Обычай скальпирования был характерен впоследствии для кельтов. Кроме того, широко практиковалось отрезание голов врагов и использование их в качестве военных трофеев. По отношению к противнику часто практиковался каннибализм, что впоследствии шокировало римлян [Kimmig, 1993, S. 172; Moreau, 1961, S. 110, 111]. Интересные данные о кельтских обычаях были получены при исследовании кельтских погребений в Манхинге. Антропологическое изучение костных остатков позволили предположить, что присутствие в погребениях преимущественно длинных костей не является результатом разрушения культурного слоя или ограбления могил. На костях зафиксированы следы укусов животных и удаления мягких тканей с помощью ножа. Эти данные позволили сделать вывод о двухфазном вторичном погребальном обряде, что идентично сейминской традиции. Кроме того, выявлен случай трепанации черепа, хотя предполагается, что это осуществлялось в медицинских целях, но указывается, что больной в результате операции умер. Следует отметить, что культ черепа был довольно распространен у кельтов. Помимо уже упомянутого случая трепанации и отрезания голов кельты использовали чаши, сделанные из черепа и лицевые маски. [Lange, 1983; Hahn, 1992; 1993, S. 135, 136]. Последний обычай был распространен на Ближнем Востоке, и был обусловлен, вероятно, стремлением восстановить лицо после того как мягкие ткани были уничтожены в результате практики вторичных захоронений. С исчезновением этой практики обычай использования погребальных масок мог сохраняться в ином виде. Аналогичные обряды зафиксированы, помимо латенского времени в гальштатский период. Ранее мы упоминали присутствие сопоставимой обрядности в Центральной Европе в эпоху Среднего бронзового века. Поэтому эти обычаи являются, вероятно, признаком для определения кельтской принадлежности той или иной культуры.

Наконец, существует еще один обычай, позволяющий сопоставлять сейминско-турбинские памятники с более поздними кельтскими. Среди сейминских памятников выделяется Канинская пещера, являвшаяся святилищем и жертвенным местом. Подобные святилища были весьма хара-

ктерны для кельтов. В кельтских пещерах, при этом, часто обнаруживают разрозненные человеческие кости со следами антропофагии [Черных, Кузьминых, 1989, с. 23, 24; Müller, 1993, S. 184, 185].

По всем этим причинам, отождествление кельто-италиков с сейминско-турбинскими популяциями наиболее вероятно.

В таком случае, в носителях культурного блока, оформившегося впоследствии на основе федоровских и сейминских групп, мы вправе видеть предков германцев, балтов и славян. При этом культуру курганных погребений следует связывать с германцами, а тшинецко-комаровскую и сосницкую соответственно со славянами и балтами. Это подтверждается тем, что ареал тшинецко-комаровской культуры совпадает с ареалом распространения ранних славянских гидронимов [Mallory, 1989, p. 80].

Таким образом, значительная часть древне-европейских популяций уже к середине II тыс. до н.э. заняла территорию своего исторического проживания. При этом балты культурно очень близки славянам, что отражает дискуссии о возможности рассмотрения сосницкой культуры в качестве варианта тшинецко-комаровской. В дальнейшем они остаются соседями? и все это обусловило их последующие культурные и языковые контакты и близость этих групп индоевропейских народов. Группы, ставшие впоследствии восточными славянами, на юго-востоке граничат с иранскими, а впоследствии с иранскими скифскими племенами, что получило отражение в языковых заимствованиях. В случае более поздней славянской миграции в Поднепровье, иранские доскифские заимствования в праславянский были бы невозможны. Южнее славяне соседствуют с фракийцами, что будет показано ниже в этой работе. Впрочем, далее мы будем обсуждать более реальные связи со славянами лужицкой культуры, дающей производные на Балканы и распространяющейся на территорию Польши. Истоки ее в ареале, занятом прежде культурой курганных погребений. Поэтому не исключено, что распространение славянских диалектов на восток происходит позже, а тшинецко-комаровскую культуру следует отождествлять с балтами. Такой подход представляется более приемлемым, тем более, что он объясняет несколько большую архаичность балтских языков по сравнению с иными древне-европейскими тем, что они находились в ситуации

меньших контактов с прочим языковым массивом.

Таким образом, импульсы культур, которые мы можем рассматривать как синкретические образования, сформировавшиеся за счет контактов сейминско-турбинских и федоровских популяций, проникают далеко на запад, вплоть до Британии. Это был сложный процесс, с быстрыми миграциями одних групп и с длительным оседанием других. Эти миграции в Европу длились с XVI в до н.э. вплоть до начала XII в. до н.э., когда в Англии появляется посуда “Деверел Римбари”. Эти перемещения включались и местные компоненты, восточно- и центрально-европейские, которые были постепенно ассимилированы. Это привело к формированию во второй половине II тыс. до н.э. обширной зоны от Атлантики до Урала, в которой сформировались родственные культуры и в которой осуществлялись миграции древних европейцев. Особенность этого процесса, в результате которого в Европе появляется не чистая “кельтская” или “балто-славяно-германская” культура, а культуры синкретического облика, затрудняет точное определение этнической принадлежности отдельных культур и культурных типов. Некоторые из них могли быть двуязычны, при этом роль одного из языков постепенно нарастала. По всей вероятности, во многих регионах Европы в этот период были локальные ареалы, в которых могли существовать поселения с иноязычным древнеевропейским населением. Лишь впоследствии, в силу доминирования или количественного преобладания носителей какого-либо языка, происходило постепенное утверждение их языка в более-менее обширном ареале. Ситуация осложнялась также весьма продолжительным сохранением местных субстратов. Все это представляет довольно запутанную проблему для будущих исследований.

Тем не менее, приведенная схема многое проясняет, например многочисленные иранские и восточные параллели у кельтов [Розен-Пшеворска, 1963]. По-видимому, их все же сложно объяснить только контактами кельтов Паннонии со скифами. Равным образом, балто-иранские языковые соответствия могут восходить к эпохе бронзы, а не ограничиваться ранним железным веком [Седов, 1965, с. 52, 53]. Распространение балтских гидронимов вплоть до Сейма довольно близко соответствует ареалу распространения памятников сосницкой культуры. Эти гидронимы, впро-

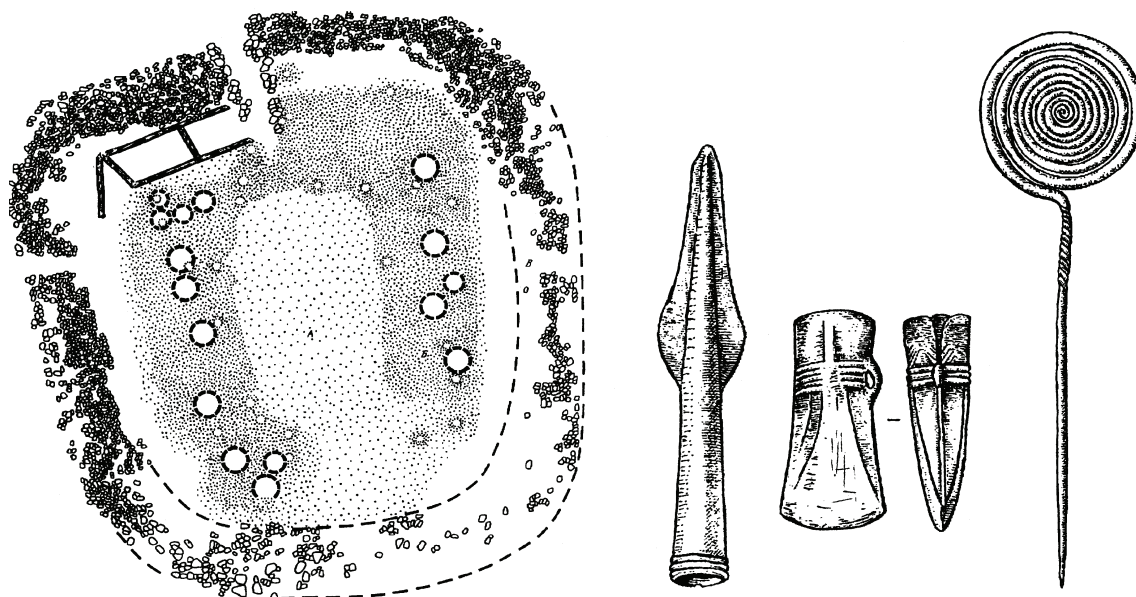

Рис. 101. Поселение Кивуткалис и бронзовые изделия эпохи ПБВ Восточной Прибалтики.

чем, известны гораздо шире и охватывают регион от Померании, Вислы и Среднего Поднепровья до Северной Латвии и Оки [Седов, 1965, с. 54]. Поэтому отождествление с балтами тшинцево-комаровской культуры довольно реально. Дальнейшее распространение балтов на север осуществлялось вверх по Днепру и его притокам. В этот период (начало второй половины II тыс. до н.э.) на Верхнем Днепре, Верхней Волге и в Восточной Прибалтике появляются укрепленные поселения, по своим размерам и структуре близкие ташковским. Основу их составляют овалы в плане оборонительные укрепления, за которыми располагается ряд примыкающих друг к другу жилищ, выходящих торцами на центральную площадь. Распространяются кельты, втульчатые копья, известны литейные формы для их отливки. Маловероятно, чтобы этот импульс поступил непосредственно из Волго-Камья или Приуралья, поскольку в металлокомплексе присутствуют явно “южные” вещи, например булавки с крупным спиралевидным окончанием (рис. 101). Погребальный обряд характеризуется уже знакомым нам набором сочетания курганных и грунтовых могильников, трупоположений на спине (реже на боку) и кремации. Остатки кремации могут помещаться в погребальные урны. Курганы могут содержать каменные кольца и каменные ящики [Merkevichius, 1996; Граудонис, 1987]. Впоследствии эта культура плавно переходит в культуры раннего железного века. Это позволяет нам видеть балтов в носителях культур, занимавших, начиная с середины I тыс. до н.э., территорию от

Среднего Поднепровья до Восточной Прибалтики. Южное происхождение балтов подтверждают и антропологические исследования. У балтийских народов, впрочем, как и у других народов Европы есть определенное число людей с более темной пигментацией глаз (12,3 – 22,9 %). Предполагается, что формирование этого признака могло происходить лишь в районах с повышенным уровнем солнечной радиации – в Анатолии или на Армянском нагорье. Примечательно и то, что в Восточной Прибалтике доля темноглазых уменьшается с юга на север, что фиксирует направление миграционного процесса и свидетельствует о том, что пришельцы не сменили полностью местное население, а лишь ассимилировали его в языковом и культурном плане [Sidrys, 1996].

Памятники же тшинцево-комаровской культуры, распространяющиеся на запад от Волыни, Прикарпатья и Приднестровья, как уже говорилось, могут рассматриваться как славянские и как балтские. Первому варианту не противоречат более поздние летописные свидетельства о переселении восточных славян именно из этого региона. Но нельзя исключать и того, что славяне в этих регионах появляются позже тшинцево-комаровской культуры.

Существуют, впрочем, и иные взгляды на данную проблему. В литературе можно встретиться с мнением о том, что корни балтов восходят к нарвской культуре и через нее к мезолитической культуре Кунда. Уже нарвская культура рассматривается как индоевропейская [Girinkas, 1996]. С этим положением будет довольно

трудно увязывать происхождение иных индоевропейских групп. Более традиционной является гипотеза о связи с протобалтами фатьяновской культуры и некоторых иных восточноприбалтийских культур шнуrowой керамики, например культуры боевых топоров. Этой точке зрения не противоречит ареал распространения балтских гидронимов [Брюсов, 1965, с. 55; Крайнов, 1972, с. 257]. Однако в этом случае мы должны будем связывать со шнуrowыми культурами также германцев и славян. И это тоже не будет вступать в неразрешимые противоречия с ареальными требованиями. Однако возможностью контакта с финно-уграми будут обладать только балты, а с алтайцами, тохарами и праенисейцами ни одна из этих популяций. Главное же возражение сводится к иному. Постулирование связи шнуrowых культур с балтами, германцами и славянами строилось на мнении о том, что существенных культурных трансформаций после расселения шнуrowиков в этом регионе не происходило. Последнее, как мы видели, действительности не соответствует. Тем не менее, культуры шнуrowой керамики были, видимо, индоевропейскими, что, возможно, и обеспечило их сравнительно легкую ассимиляцию в начале ПБВ.

Сомнений в индоевропейской принадлежности нуrowиков у исследователей, как правило, нет, и мы постараемся здесь лишь показать, что они не могли быть носителями балтских, германских и славянских диалектов. Хорошо известным лингвистическим фактом является отсутствие в этих языках собственных слов для обозначения моря, морского побережья и жизни на морском берегу, что означает, что их носители, по крайней мере, какое-то длительное время жили в континентальных условиях. Многие морские термины в германских, балтских и прибалтийских финно-угорских языках восходят к единой неиндоевропейской и не финно-угорской основе. Часть терминов имеет индоевропейское происхождение, но заимствована из более раннего индоевропейского источника. Это объясняется наложением шнуrowиков на субстрат культуры воронковидных кубков в Германии и Польше и нарвской культуры в Восточной Прибалтике, что и привело к появлению носителей германских и балтских диалектов [Sausverde, 1996]. Однако КВК и нарвская культура не имеют ничего общего друг с другом – ни общих черт, ни общих

генетических корней. Поэтому они не могут являться носителями этой субстратной лексики. Скорее таковыми могут выступать сами культуры шнуrowой керамики. Это, однако, как будто, исключает их индоевропейскую принадлежность. Тем не менее, некоторые исследователи допускают для ряда “морских” терминов догерманскую индоевропейскую основу, что подкрепляется фиксацией в Скандинавии и Северной Германии трех последовательных языковых слоев, выделенных по топонимике: неиндоевропейского, догерманского индоевропейского и протогерманского [Witczak, 1996; Ostmo, 1996, p. 33]. Из данных фактов наиболее приемлемым будет вывод о том, что КВК и нарвская культура были неиндоевропейскими и нефинноугорскими. На них накладывается индоевропейский пласт шнуrowых культур, которые и могли передать часть собственной и часть субстратной “морской” терминологии древним индоевропейцам и финно-уграм. Относительно КВК проблема остается открытой, но она не была распространена на территории Восточной Прибалтики. Что же касается нарвской культуры, то ее неиндоевропейская принадлежность представляется несомненной.

Не исключено, что в данный миграционный поток каким-то образом были втянуты и носители прибалтийских финских языков, поскольку их языки фиксируют какие-то контакты с протославянским, датируемые достаточно ранним временем – в пределах второй половины III – первой половины II тыс. до н.э. [Напольских, 1997, с. 160]. Однако более вероятно, что эти контакты происходили в Приуралье, так как в прибалтийских финских языках присутствует очень мощный балтский субстрат, на основании чего делается вывод о том, что носители этих языков пришли на территорию заселенную балтами около конца II тыс. до н.э., что хронологически не противоречит предлагаемой здесь реконструкции [Напольских, 1997, с. 160, 161].

В заключение описания древнеевропейских миграций хотелось бы сделать одну существенную оговорку. В результате прочтения приведенного выше текста может создаться впечатление, что в начале ПБВ все население огромных пространств Евразии, от Минусинской котловины до Британии, заговорило на древнеевропейских языках. Во введении мы оговаривали, что этнические и культурные процессы могут не всегда сов-

падать друг с другом. Поэтому носители отдельных культур и даже локальных вариантов культур могли говорить на разных языках. Древнеевропейские миграции сопровождались повсеместным распространением соответствующей культуры, но далеко не везде местное население подверглось ассимиляции. Вряд ли можно говорить о кротовском населении Барабинской степи как о древних европейцах, поскольку сейминско-турбинский компонент в этом районе представлен слабо. Даже о классических сейминско-турбинских памятниках можно не всегда сказать, что население, их оставившее, сохранило свой язык, и не было ассимилировано аборигенами. Подобная ситуация, например, сложилась в Волго-Камье в XVII-XVI вв. до н.э. По всей вероятности, несмотря на приход древнеевропейских популяций и существенную трансформацию местной культуры, в этом регионе сохраняется финнский этнический массив, и даже похороненные в Турбинском могильнике говорили на финском языке. Выше мы уже упоминали о том, что в финно-угорских языках присутствует земледельческо-скотоводческая терминология, перешедшая в них из раннеиранского диалекта. Единственным источником для подобных инноваций могли быть абашевские племена Средней Волги и Приуралья, поскольку выделение иранского происходит в конце III тыс. до н.э., а среди заимствований присутствует терминология для обозначения свиньи [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 924], что характерно именно для абашевского стада. Поэтому абашевцы, по видимому, говорили на иранском языке.

В сейминско-турбинских могильниках Волго-Камья присутствует абашевский компонент, занимающий в них подчиненное положение [Черных, Кузьминых, 1989, с. 274, 275]. Иные факты, указывающие на инкорпорацию абашевцев в среду лесного населения при фиксации их подчиненного положения, отсутствуют.

В финских языках слово “арий” этимологизируется с понятиями “раб”, “южный”, “юго-западный” [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 924]. Это вполне соответствует как включениям абашевцев в сейминско-турбинскую среду, так и пространственному соотношению волго-камских памятников со средневожскими и приуральскими. Поэтому дальнейшее продвижение сейминско-турбинского комплекса в Прионежье, в Эстонию и Южную Финляндию могло сопровождаться

распространением финских диалектов. В этом случае, XVI в. до н.э. выступает в качестве точки отсчета для диалектных членений прафиннского языка. Подобная гипотеза подкрепляется тем, что в первой половине II тыс. до н.э. Восточная Прибалтика была занята племенами, представленными культурами шнуровой керамики, говорившими на индоевропейских языках и уже обсуждавшимся выше парадоксом “морской” терминологии в прибалтийских финских и индоевропейских языках.

Не исключено, что это движение было стимулировано новой миграционной волной из Зауралья, приведшей к формированию сусканско-лебяжинского культурного типа.

Словом, решение вопроса о конкретной этнической принадлежности той или иной группы довольно затруднительно, поскольку в миграционном процессе участвовало несколько постоянно взаимодействовавших друг с другом древнеевропейских групп (балты, славяне, германцы, кельты, италики и, возможно, иллирийцы) и целый ряд других индоевропейских и неиндоевропейских народов (иранцы, праенисейцы, тохары, носители какого-то алтайского диалекта, угры, финны). Это, безусловно, не является неразрешимой проблемой, но требует скрупулезного анализа всего корпуса локальных источников – археологических, лингвистических, топонимических, антропологических. В нашу задачу входило лишь задать наиболее общие рамки этого процесса.

Отметим также одно несоответствие предлагаемой схеме. Есть основания полагать, что древнеевропейцы до своего распада имели языковые контакты не только с иранцами, но и с носителями скифского диалекта иранского [Седов, 1993, с. 23; Абаев, 1972, с. 33]. К этой проблеме мы ниже вернемся. Другая причина обращения к скифской проблематике заключается в том, что с позиций срубно-андроновского единства последующая близость скифо-сако-сибирского мира, хотя и скверно, но объяснялась. Предложенная схема это единство ликвидирует. Тем не менее, распространение федоровской культуры от Днепра до Южной Сибири может быть истолковано как распространение протоскифских групп. Поэтому ниже будут приведены возможные выходы из этой ситуации, хотя в целом данная работа не выходит за рамки эпохи бронзы.

Глава 4. Этнокультурные процессы в Северной Евразии в эпоху финальной бронзы

4.1. Культура полей погребальных урн

Начало культуры полей погребальных урн датируется около 1300 г. до н.э. в традиционной хронологической шкале и 1500 г. до н.э. в калиброванной радиоуглеродной шкале [Coles, Harding, 1979, p. 67].

В эту эпоху в Центральной Европе распространяется обряд погребения кремированных остатков в урнах или просто в небольших ямках в земле. Как мы помним, наиболее рано последняя форма обряда проявляет себя в Притоболье, на федоровском могильнике Перейминский 3. Обряд кремации существовал в Центральной Европе и в предшествующую эпоху. Однако теперь количество кремированных резко возрастает. При этом сохраняется ингумация покойников, причем в некоторых районах ее доля может быть достаточно высока. Характерные для предшествующей эпохи курганы встречаются реже. Иногда они имеют каменные кольца и цисты. Погребальный инвентарь в престижных воинских захоронениях может быть достаточно богат, но богатые захоронения вовсе не обязательно приурочены к курганам [Harding, 1998, p. 319, 320; Coles, Harding, 1979, p. 359-366; Kossack, 1995, S. 50; Schauer, 1995, S. 130-162]. Постсейминские включения присутствуют и в предшествующей культуре курганных погребений, хотя большая часть ее металлокомплекса наследует местные европейские традиции. С формированием культуры полей погребальных урн доля кельтов, втульчатых копий и долот начинает возрастать [см. Boroffka, 1994a; Hansen, 1991] (рис. 102). Происходит это в XIV – XIII вв. до н.э., что хорошо датируется, например, параллелями между позднемикенской пластикой и скульптурными изображениями голов птиц на рукоятях однолезвийных ножей с горбатой спинкой, выявленных в комплексах культуры полей погребальных урн [Matthaas, 1981].

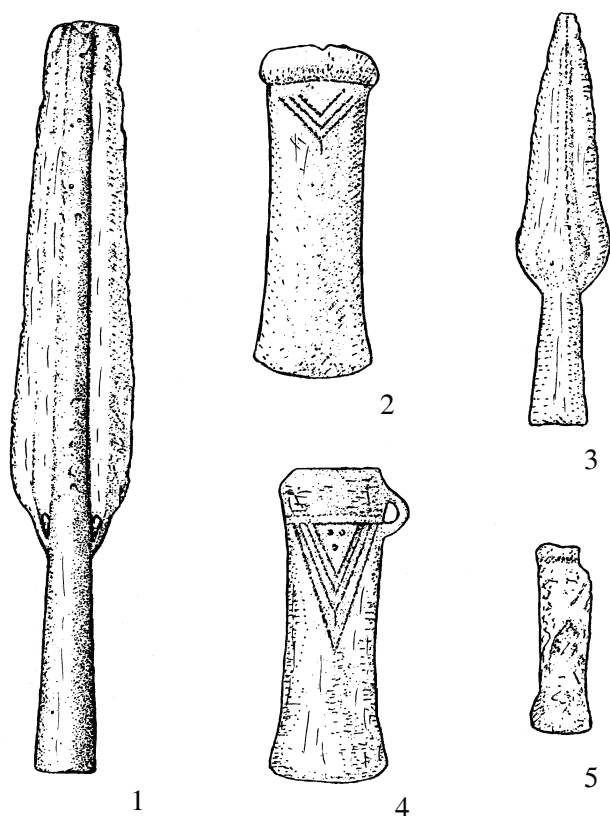

Рис. 102. Бронзы культуры полей погребальных урн. 1 – Ридштадт-Эрфельден; 2, 4, 5 – Поляницы; 3 – Биц.

Эпоха характеризуется небывалым взрывом активности и миграционными процессами [Jockenhövel, 1990a, S. 220]. Находок совершенного оружия этого времени (длинных мечей, копий, кинжалов, кельтов, стрел, шлемов, панцирей, щитов) чрезвычайно много. Это стимулировало строительство оборонительных сооружений. Укрепленные поселения становятся теперь стандартом для культуры полей погребальных урн и лужицкой культуры [Coles, Harding, 1979, p. 339-358; Kossack, 1995, S. 46].

Большинство исследователей сходятся на мысли, что культура полей погребальных урн наследует традиции культуры курганных погребений [Coles, Harding, 1979, p. 367]. Поэтому в целом,

можно говорить о сохранении прежнего этнического массива, но процессы распространения древнеевропейских языков теперь проходят намного быстрее. На территории Польши тшинцеко-комаровская культура под воздействием культуры полей погребальных урн трансформируется в лужицкую культуру [Gedl, 1995, S. 413-418]. В лужицкое время на территории Польши постсейминские стандарты металлообработки становятся особенно типичны. Именно с этого времени кельты встречаются здесь в массовых количествах [Kušnierz, 1998]. Тот же набор (втульчатые кельты, копья, желобчатые долота, четырехгранные долота) в начале поздней бронзы распространяются в Словакии и Моравии [Novotna, 1970; Øihovsky, 1992; 1996].

Отдельные группы культуры погребальных урн проникают достаточно глубоко, вплоть до Закарпатья [Krušel'nyc'ka, 1995, p. 400-406].

Культура полей погребальных урн довольно быстро распространяется и в южном направлении. В XIII в. до н.э. она появляется в Швейцарии. Становится доминирующим обряд захоронения кальцинированных костей в урнах, которые помещали в ямы, но иногда встречаются и курганы. Распространяются типы оружия, характерные для этой культуры на всех территориях: однолезвийные ножи с рукоятью, мечи, кельты, втульчатые копья (рис. 103) [Primas, 1971; Frei, 1971; Mottier, 1971, S. 151]. Полей погребений в этом районе очень много, но количество погребенных в них меньше, чем в других частях Европы, что обусловлено малым количеством земли и, соответственно, относительно небольшими коллективами [Primas, 1995, S. 201]. Однако содержание этого процесса понималось по-разному. Одни авторы утверждали, что данных о перемещениях населения в эту эпоху нет [Primas, 1971, S. 62], другие видели за этим проникновение кельтов в Альпийский регион [Frei, 1971, S. 101].

Параллельно влияния культуры (или ее носители) распространяются в направлении Балкан. Кремации в урнах появляются в Северо-восточной Венгрии и Трансильвании, в Северо-западной Болгарии, Хорватии и Восточной Сербии. Это сопровождается распространением характерного для этой культуры инвентаря, в первую очередь, оружия.

В кладях Венгрии с этого времени появляются, и становятся весьма характерны, бронзовые орудия, восходящие к сейминско-турбинским

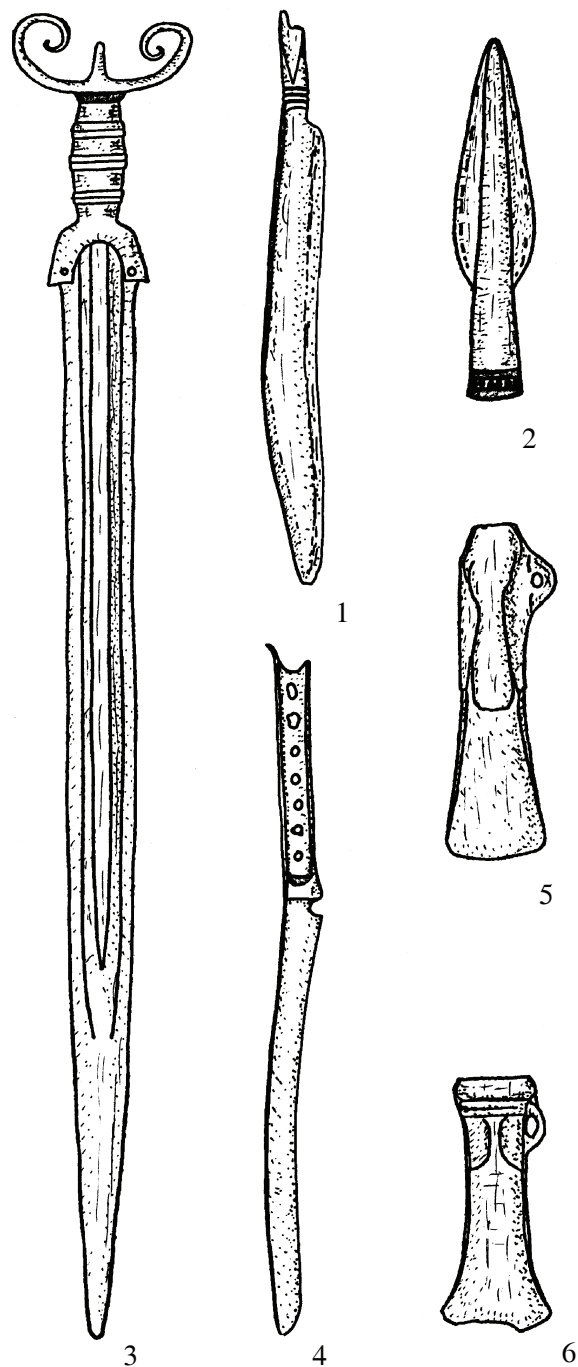

Рис. 103. Проникновение культуры полей погребальных урн в Альпийский регион.

прототипам: однолезвийные и двулезвийные кинжалы, двулезвийные кинжалы с горбатой спинкой, литой рукоятью и бордюром по краю рукояти, втульчатые копья, кельты, втульчатые четырехгранные долота [Mozsolics, 1981; 1985]. Кельты очень часто сохраняют орнаменты, характерные для аналогичных сейминско-турбинских орудий

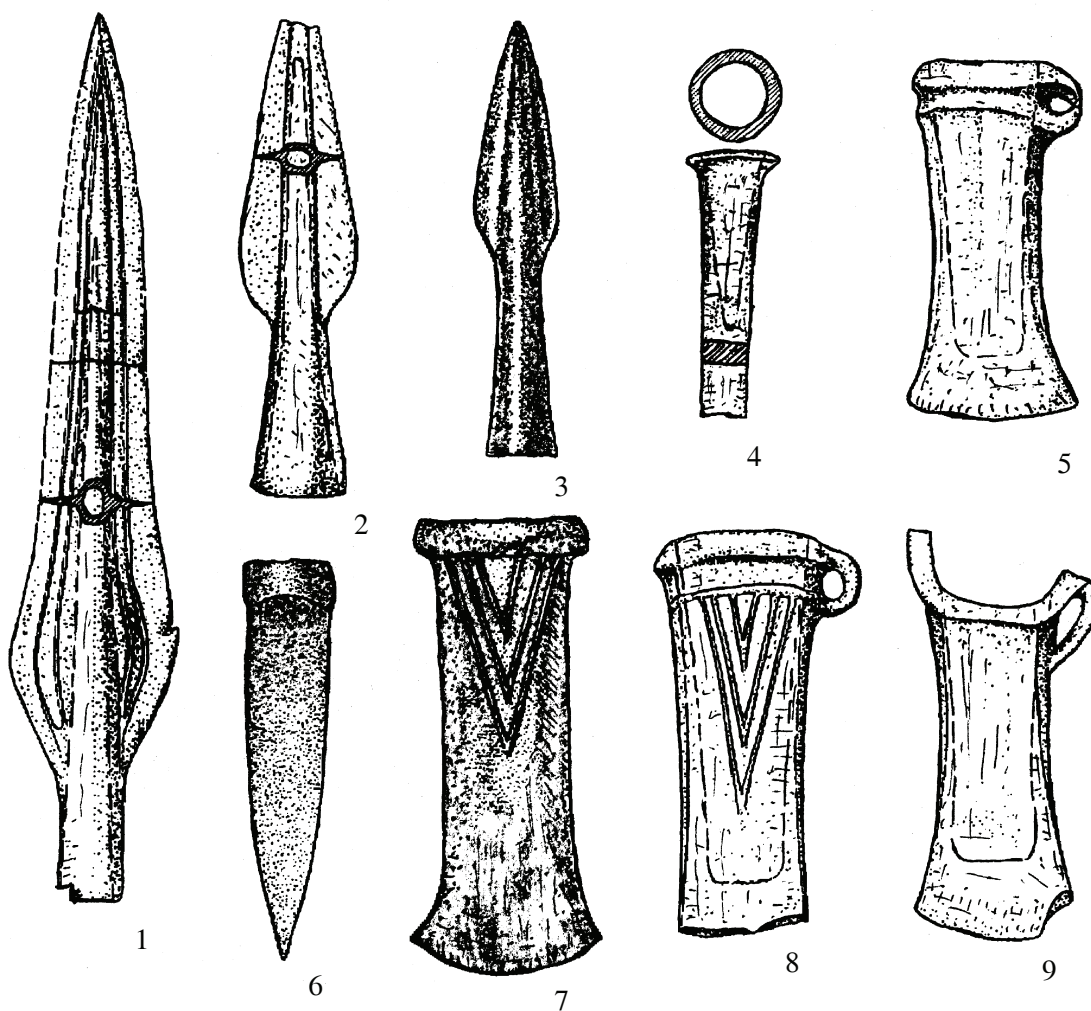

Рис. 104. Бронзовые изделия из кладов Венгрии. 1, 2, 4, 5, 8, 9 – Марок; 3, 6, 7 – Балатонкилити.

– впущенные друг в друга свисающие треугольники (рис. 104).

Тот же орудийный набор появляется и в кладках Румынии: втульчатые копья и кельты, ножи с горбатой спинкой, втульчатые желобчатые и четырехгранные долота [Petrescu-Dimbovita, 1977].

Особенно впечатляют кладки Сусиу де Сус, Уиара де Сус, Балени и др. Правда, в Румынии культура полей погребальных урн не появляется. Здесь, несмотря на ощутимые импульсы из Центральной Европы, новые культурные образования (Кослоджени, Ноуа) формируются преимущес-

твенно на местной основе [Coles, Harding, 1979, p. 404-409; Vulpe, 1995, S. 391-395].

На территории бывшей Югославии носители культуры погребальных появляются только в северной и центральной части (Словения, Восточная Хорватия, Сербия), где известны, наряду с могильниками, кладки металла этого времени со стандартным для постсейминской металлообработки Европы набором инвентаря (втульчатые копья и долота, кельты, однолезвийные ножи с металлической рукоятью) (рис. 105). Эти группы по набору инвентаря в наибольшей степени связаны с лужицкой культурой. По керамической посуде

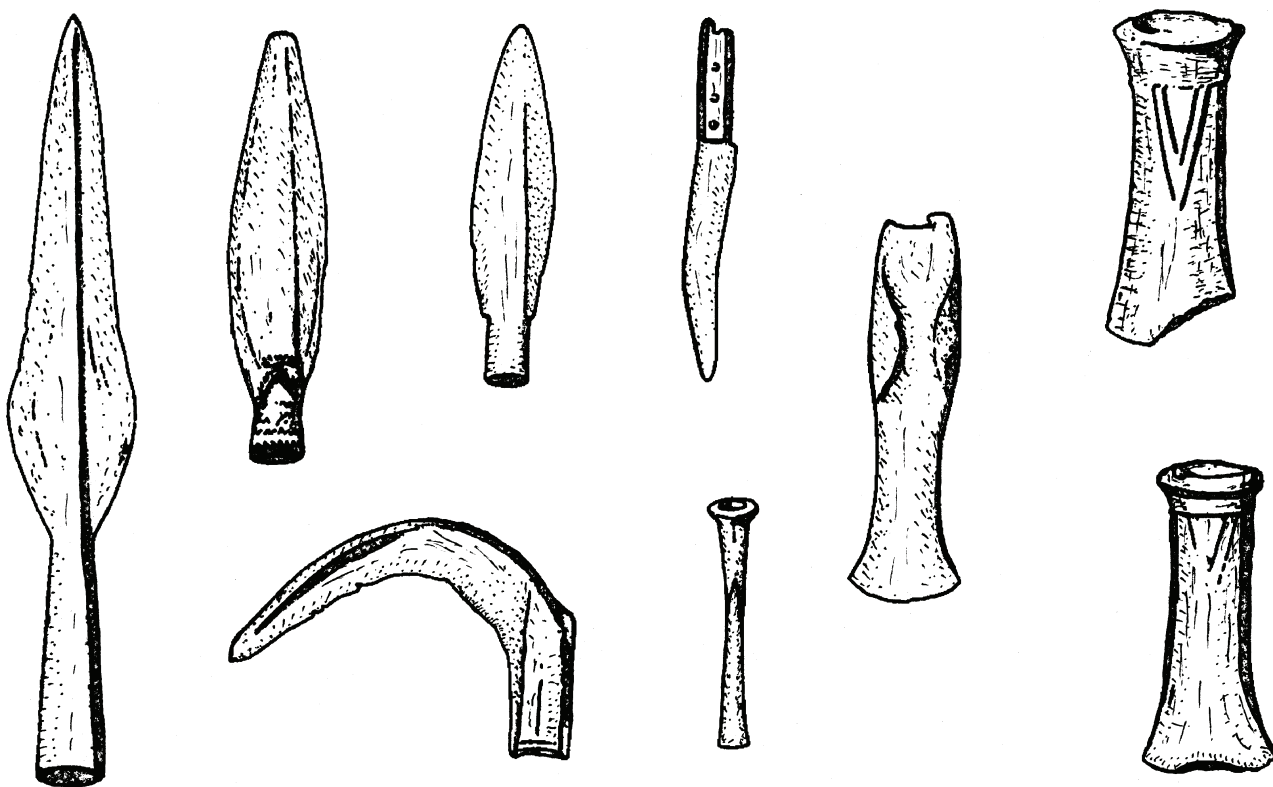

Рис. 105. Бронзовые изделия из клада Донья Дебриня (Хорватия).

они связаны с родственными группами в Греции, Болгарии и Румынии, отчасти даже с Троей. Появление их в этом регионе датируется от времени VzC/D [Coles, Harding, 1979, p. 443, 448, fig. 162; Terhan, 1995, p. 324-327, 331, 333]. По мнению Дж.М. Колза и А.Ф. Хардинга это движение на юг отражает проникновение на Балканы индоевропейских популяций. При этом за популяциями, двигающимися на западные Балканы они склонны видеть иллирийцев, а за популяциями, проникшими в Грецию, Болгарию и Румынию – фракийцев или мезийцев [Coles, Harding, 1979, p. 449]. Аналогичным образом Р.А. Кросслэнд склонен видеть связь иллирийцев с движением с севера лужицкой группы [Crossland, 1971, p. 855]. На мой взгляд, локализация культурной группы, которая

проникает в Сербию и Восточную Хорватию, а также ее связи именно с лужицкой культурой позволяют предполагать, что в этот период на территорию Югославии проникают предки славян. Это же, помимо чисто ареальной характеристики, является свидетельством того, что носители лужицкой культуры говорили на славянских диалектах. Эта связь является, таким образом, взаимным доказательством.

В Боснии и Далмации в этот период сохраняется прежняя культура с укрепленными поселками и курганным погребальным обрядом, которая продолжается в раннем железном веке в иллирийский период [Coles, Harding, 1979, p. 443, 444; Terhan, 1995, p. 330, 331]. Поэтому наиболее вероятно, что здесь живут именно иллирийские попу-

ляции, проникшие сюда намного раньше, вероятно в начале РБВ [Coles, Harding, 1979, p. 449].

В Северной Европе (Нижняя Германия, Дания, Скандинавия) культурное развитие отличалось от развития Центральной Европы. Южным периодам VzA, B здесь соответствует период II О.Монтелиуса. Наступление его проходило плавно, без резких скачков, и ничто не указывает на приток новых популяций. Погребальным стандартом были ингумации в круглых курганах. Развивающаяся постепенно металлообработка, в целом, соответствует принятым в прилегающих на юге областях стандартам [Coles, Harding, 1979, p. 277-290].

Определенные изменения происходят в период III, соответствующий VzC Средней Европы, когда здесь распространяются определенные стандарты культуры полей погребальных урн. Однако эти изменения были не столь стремительны как в более южных областях и начинались несколько позже, около 1200 г. до н.э. Принципиальные изменения сводятся к распространению обряда кремации. Это распространение протекало плавно, в виде постепенного изменения соотношений между ингумациями и кремациями [Coles, Harding, 1979, p. 491-500]. Поэтому мы можем говорить о том, что германский компонент в Северной Европе нарастал достаточно медленно.

4.2. Италия

Очень сложная ситуация сложилась в Италии, поэтому определить время прихода сюда италиков довольно проблематично. По этой причине мы обратимся к несколько более ранним памятникам полуострова. В этой связи уместно вспомнить тот удивительный культурный параллелизм, а по ряду позиций и тождество, которые обнаруживают протоколхская культура Западной Грузии и культура террамар долины реки По (рис. 106; 145) [Микеладзе, 1994]. В обеих культурах дома покоились на фундаментах, сложенных из срубов и заполненных грунтом (рис. 106,1,2; 145,1). Идентичны типы кремневых и костяных наконечников стрел. Сходны формы и орнаменты чернолощеной посуды (рис. 106,3,4,7,8,11; 145,2-8). Приме-

чательна и более ранняя датировка протоколхской культуры – вторая половина III - начало I тыс. до н.э., в то время как культура террамар датируется с начала II тыс. до н.э.¹ [Монгайт, 1974, с. 92; Микеладзе, 1994, с. 70]. Однако территориальный отрыв протоколхской культуры от предполагаемой нами прародины древнеевропейцев и последующая фиксация в Северо-Восточной Италии венетов – народа, безусловно, индоевропейского, но не относящегося, по-видимому, к обсуждаемым древнеевропейским популяциям [Malloy, 1989, p. 91], заставляют искать свидетельства отделения италиков от группы кельтов и италиков в каких-то более поздних событиях уже во второй половине I тыс. до н.э. Речь, по-видимому, не идет о выделении языковом. Оно имело место в более раннее время. Имеется в виду выделение италийских племен из массы культурных образований Европы, наследующих традиции сейминско-турбинской металлообработки. Не исключено, что проникновение на Апеннины этих племен было каким-то образом связано с крупными перемещениями в Европе, которые были стимулированы движением носителей культуры полей погребений [Седов, 1993, с. 22].

Еще в РБВ на территории Италии формируется культура Полада. Уже в этой культуре известны террамары, характерные для Северо-восточной Италии в последующую эпоху. Данная культура вобрала в себя достаточно много из культуры колоколовидных кубков, в частности некоторые формы посуды. Однако при ее формировании ощутимы восточные импульсы. Есть включения керамики культуры Хатван, распространенной в Венгрии (так называемые Etagen urne). Встречаются небольшие овальные глиняные объекты с орнаментом (“ритуальные хлебцы”), известные в Венгрии и Румынии в период, соответствующий средневропейской стадии VzA2. Аналогичные изделия происходят и с памятников культуры Ветеров в Среднем Подунавье [Neugebauer, 1994, Abb. 63]. На итальянских памятниках времени VzA1 обнаружены костяные кольца с отверстиями. Они аналогичны южногерманским и костяным пряжкам культуры КМК Украины. Примечательно, что, как и в Южной Германии или на

¹ В данном случае, по-видимому, имеется в виду преемственность культуры террамар и культуры Полада, занимающей более раннюю хронологическую позицию, но в которой тоже известны террамары.

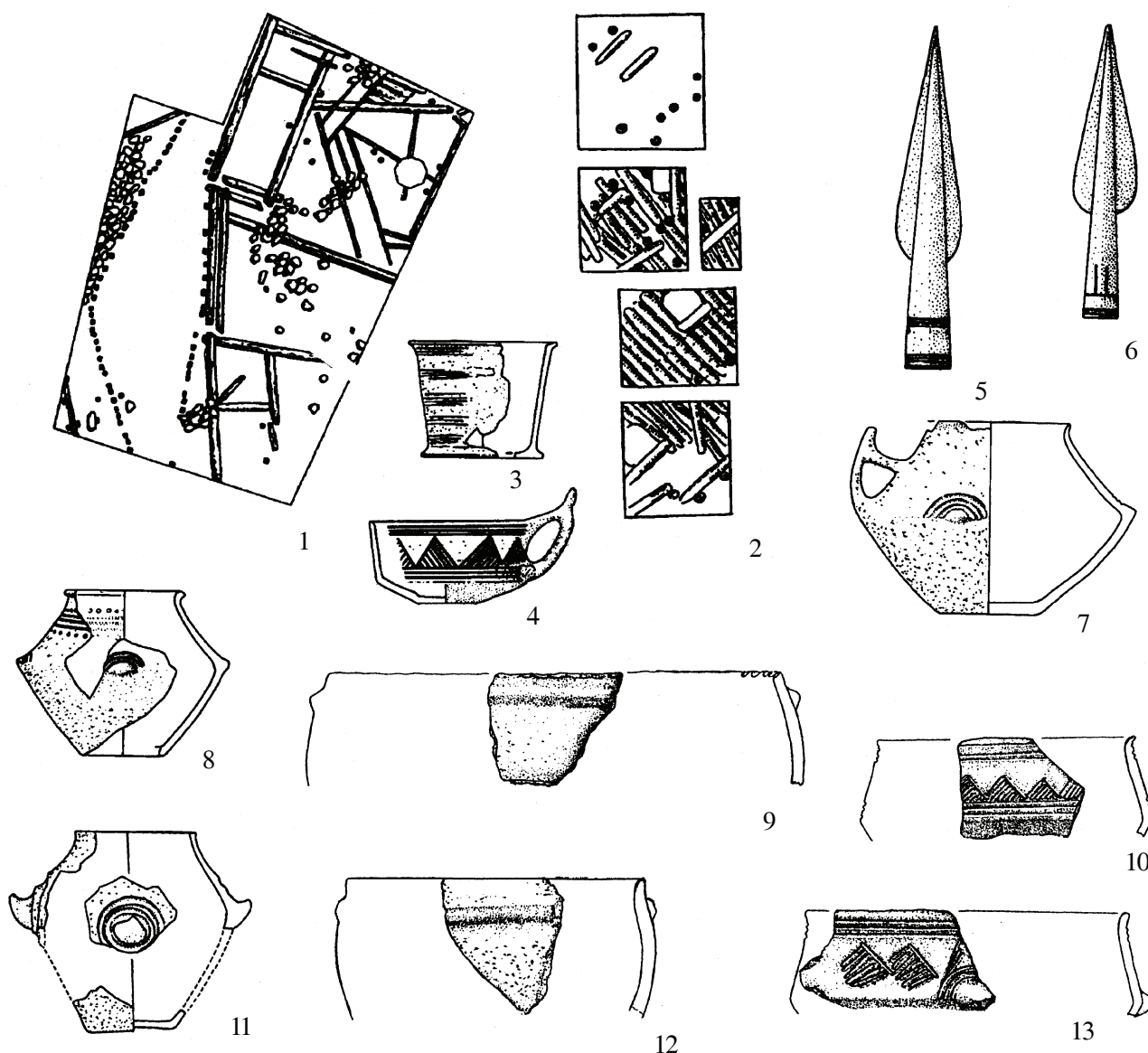

Рис. 106. Эпоха средней бронзы Северной Италии. 1, 2 – Аква Петрарка.

Украине, они практически не встречаются на поселениях. Обычно их обнаруживают в погребениях. На керамике приальпийской зоны появляются первые валиковые орнаменты. При этом встречаются как вертикальные, так и горизонтальные валики [Rageth, 1975, S. 157, 169-171, 179-181, 217, 218]. Поэтому культурные процессы в Северной Италии в РБВ можно рассматривать в рамках процессов, сформировавших группу Штраубинг Германии и раннюю КМК.

В конце РБВ – начале СБВ в Северной Италии происходит катастрофа. Многие поселения оказываются покинуты. На их месте появляются новые, с иными чертами. Качественно новым

явлением стало появление лошади. С этого времени датируются первые втульчатые копья (рис. 106, 5, 6). Вместе с тем, распространяется металл типично унетических форм, датируемый временем VzA2/V1: кинжалы, диадемы и булавки. Значительные изменения происходят в керамике. Ее орнаментацию характеризуют валики, каннелюры, горизонтальные прочерченные линии, заштрихованные треугольники, которые иногда имеют “бахрому”. Необходимо отметить, что посуда может содержать валик именно в верхней части (рис. 106, 9, 10, 12, 13). Это отличает данную посуду от более ранних керамических комплексов Европы. Вместе с тем, сохраняется ряд прежних керами-

ческих форм. Поэтому, хотя новые культурные образования и включают в себя существенные компоненты культуры Полада, часто их появление рассматривают в качестве признака прихода нового населения. С этого времени формируется особенно много параллелей с культурами Среднего Подунавья, Фриуле, Словении [Urban, 1993, S. 16, 17, 140-143, 168, 169, 260, 261, 276-278; Rageth, 1975, S. 102-104, 115-123, 145, 146, 223, 232]. Но количество прежнего компонента все же относительно высоко. Таким образом, при формировании культуры террамар мы можем наблюдать очень сложные процессы. С одной стороны, сохраняется прежний культурный компонент, но на него накладывается пришлый, материалы которого близки постфедоровским образованиям Восточной и Средней Европы и за которым мы склонны видеть предков балтов, славян и германцев.

В течение длительного времени (СБВ – ПБВ) связи культуры террамар Северо-восточной Италии с Венгрией и северной Югославией сохраняются. В обоих этих регионах распространен идентичный металл, что позволило даже предполагать постоянные миграции кузнецов между двумя этими регионами [Schumacher, 1967, S. 48-51; Crossland, 1971, p. 854; Coles, Harding, 1979, p. 426]. В более позднее время этот район Италии был населен венетами, язык которых известен очень слабо, и отношение его к древнеевропейским языкам не установлено. Ранее мы обсуждали сопоставимость культуры террамар с протоколхской культурой Западной Грузии. Столь стабильное существование культуры, несмотря на ряд существенных культурных трансформаций в этой зоне, позволяет отождествлять эту культуру с венетами и предполагать, что прародиной их была Западная Грузия. Вероятно, их миграция осуществлялась через Северное Причерноморье и Венгрию. Не исключено, что по ходу этой миграции какие-то анклавы венетов могли остаться в этих областях, что подтверждается упоминанием венетов в Северном Причерноморье поздними античными авторами и связи культуры террамар с Венгрией.

Правда, Кросслэнд на основании того, что венеты проживали севернее италиков, предположил их более поздний приход на Апеннины [Crossland, 1971, p. 854, 855]. Однако данный аргумент не представляется достаточным.

Ввиду отсутствия надежных данных по языку венетов, мы можем предположить две возможные реконструкции этнических процессов. Первая предполагает связь венетов с протоколхской культурой Грузии и распространение этих компонентов через Украину и Венгрию в Южную Германию, Швейцарию и Северную Италию, где формируется культура Полада. В таком случае мы можем допускать ту же этническую принадлежность ранних комплексов КМК и Штраубинга. С началом СБВ в этот регион приходят древние европейцы балто-славяно-германской группы. Возможно, в части регионов Северной Италии этот приход способствует изменению этнического состава, но в долине По (культура террамар) язык прежнего населения сохраняется в течение продолжительного времени. Но на него должны были оказать существенное влияние языки этой группы. Этот вариант представляется более предпочтительным.

Второй вариант может стать актуален в случае, если выяснится безусловная принадлежность венетского языка к древнеевропейским. В этом случае процессы начала СБВ могут означать приход венетов, а этническая принадлежность прежнего культурного образования будет совершенно не ясна.

В начале ПБВ культура террамар была сменена культурой Прото-Вилланова. Однако эта смена произошла не повсеместно. В долине реки По культура террамар сохраняется вплоть до периода VzD [Coles, Harding, 1979, p. 415, 416]. Вместе с тем в период НаА осуществляется проникновение на Аппенинский полуостров культуры полей погребальных урн. Затем связи Северной Италии с Центральной Европой несколько ослабевают. Здесь и на востоке Средней Италии ощущается крупный культурный разрыв, что связано с появлением этой культуры. Но на стадии НаВ они вновь усиливаются. Подобные стабильные связи Северо-восточной Италии с Хорватией, Словенией и Венгрией может указывать на сохранение в течение продолжительного времени прежнего этнического компонента, несмотря на существенные изменения материальной культуры [Schumacher, 1967, S. 52; Peroni, 1995, S. 230; Jankovits, 1996]. Вместе с тем, приход культуры полей погребальных урн знаменовал, по-видимому, появление италиков.

Наиболее отчетливо это проявляется в металлургическом инвентаре, поскольку на обряд захоронений остатков кремации в урнах в данном случае опереться сложно, так как этот обряд был присущ и культуре Прото-Вилланова [Coles, Harding, 1979, p. 422, 423]. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, что и в Средней Европе. Шумахер предположил, что многие черты культуры Прото-Вилланова, в том числе кремации, были переданы в нее культурой террамар. Последняя же была тесно связана с территорией Венгрии [Schumacher, 1967, S. 48-51]. А там обряд кремации имеет глубокие корни. В результате, в начале I тыс. до н.э. в Италии складывается сложная культурно-историческая ситуация, связанная с проникновением сюда еще в XII в. до н.э. культуры погребальных урн и последующим контактом ее с культурой Вилланова. С.Пигготт видел за этим контактом столкновение италиков и этрусков [Piggott, 1965, p. 192].

Этрусски, вероятно, оказались последними пришельцами на Аппенины. Существенные культурные преобразования в Этрурии и Кампании осуществляются при переходе к раннему железному веку [Peroni, 1995, S. 230, 231]. Вероятно, они и были связаны с появлением данной популяции. В это время (с середины VIII в. до н.э.) в данном регионе происходит бурная урбанизация. На месте многочисленных поселений Прото-Вилланова возникают крупные городские центры. Фиксируются многочисленные импорты из Греции, Кипра, Сирии, Месопотамии и Египта [Hase, 1995, S. 283-286]. Большинство этих изделий связано, безусловно, с торговлей, но приход популяции с востока мог оказать воздействие на формирование направления связей.

4.3. Степная Евразия и проблема общности культур валиковой керамики

После прохождения древнеевропейской миграции в степной зоне Евразии от Северо-Западного Причерноморья до Алтая осуществляется ряд культурных трансформаций, вызвавших существенное изменение всей культурной системы этой части континента. Здесь формируются культуры, объединенные рядом общих черт. В кера-

мике этих культур в разной степени представлены сосуды с наlepным валиком на шейке, иногда валик прерывается, и концы его опускаются вниз в виде “усов”. Известны и отдельные сквозные типы металла. На этом основании было предложено объединить их в общность культур валиковой керамики, в которой выделяются две зоны: западная (от Днeпра до Нижнего Подунавья) и восточная (от Днeпра до Алтая). К культурам ранней фазы западной зоны были отнесены Пшеничево-Бабадаг, Ноа, Кослодженъ. Сабатиновская культура включена в контактную зону, хотя по основным характеристикам она все же ближе культуре Ноа. На востоке к этой общности отнесены ивановская (срубно-хвалынская), саргаринская, бегазы-дандыбаевская и амирабадская культуры, памятники трушниковского типа и типа Яз I [Могильников, 1976; Черных, 1983]. Вопрос о выделении этой общности довольно дискусионен, поскольку западная, восточная и южная (амирабадская, Яз I) группы культур демонстрируют больше различий, чем сходства, явно разноэтничны и взаимодействуют друг с другом весьма слабо. Отдельные же общие черты, которые действительно имеют место, объясняются целым рядом не всегда связанных между собой локальных процессов, составлявших суть этой фазы индоевропейских миграций. На отдельных территориях они изучены достаточно хорошо и не потребуют длительного обоснования. Наша задача сводится лишь к тому, чтобы выяснить их этноисторический контекст.

В XV в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье происходит оформление двух достаточно близких культур: Ноа и сабатиновской (рис. 107, 1-8). В предшествующее время в этой зоне располагались две культуры, в меньшей степени связанные друг с другом – Монтеору и многоваликовой керамики. Однако в XVI в. до н.э., как мы обсуждали выше, этот регион пережил нашествие древнеевропейцев, преимущественно германо-балтославянской группы. Наиболее отчетливо это проявилось в Поднепровье и на Донетчине. Более ранние сейминско-турбинские проникновения тоже имели место, но они были более ограниченными. Как уже говорилось выше, эти импульсы, в первую очередь, сказались на появлении новых типов изделий – кельтов и копий с литой втулкой. Вероятно, с этим же импульсом можно связывать и появление на сабатиновской посуде валиков под венчиком. Один валик в этой части сосуда КМК

Рис. 107. Поздняя бронза Северо-Западного Причерноморья. Культура Ноуа: 1 – пос. Островец; 2 – Ришеити; 3 – мог. Островец. Сабатиновская культура: 4, 8 – Ингульский клад; 5 – Червоное; 6 – Сабатиновка; 7 – Журавлинский клад. Белозерская культура: 9 – Кардашишка I; 10 – Завадовка; 11, 12, 14 – Кирово; 13 – Бабино IV.

характерен не был, к тому же последняя культура имела иную тенденцию развития – ослабление степени орнаментированности, в том числе валиковой [Березанская и др., 1986, рис. 4-8, 10-13; Шарфутдинова, 1995].

На участие древнеевропейцев в формировании сабатиновской культуры указывает встречающийся обряд кремирования покойников. Выделяются кремации в крупных ямах и с пышным сопроводительным инвентарем (Борисовка), что указывает на высокий социальный статус погребенных [Березанская и др., 1986, с. 93, 94; Шмаглей, Черняков, 1970, с. 54-56]. Примечательно и то, что обсуждаемое погребение в Борисовке было совершено в практически квадратной яме, что близко федоровской традиции, а над могильной ямой располагалась шатровая конструкция с входом в камеру, оформленным в виде центральной бревенчатой рамы, что находит параллели в зауральском могильнике Приплодный Лог II, относя-

щемся, впрочем, к черкаскульской культуре. [Малютин, 1984]. Все это, по-видимому, снижает роль КМК в формировании сабатиновской культуры, хотя многоваликовый компонент в ее генезисе все же участвовал. Не исключено, что он вошел в качестве пришлого дополнительного субстрата и в культуру Ноуа.

Однако основой складывания сабатиновской культуры, как и культуры Ноуа, была все же Монтеору. На это указывает распространение северобалканских типов керамики (грубая кухонная посуда с ручками и налелями, столовые двуручные чаши и кубки с петельчатыми ручками), костяного инвентаря, наконечников стрел [Березанская и др., 1986, с. 114]. Несмотря на то, что среди специалистов существуют расхождения в вопросе о том относить ли металлообработку культур Ноуа и сабатиновской к одному металлургическому очагу (ингуло-красномаяцкому) или к двум (ришетскому и красномаяцкому), речь

идет, в любом случае, об очень близких стереотипах металлопроизводства [Черных, 1976; Бочкарев, 1995]. Оно получило импульсы из Волго-Уралья, но глубоко переработало их, и в морфологическом и сырьевом планах было связано с Балкано-Карпатским регионом. Мы не склонны рассматривать формирование этого производства как результат деятельности ремесленных кланов, хотя само по себе существование ремесла в этот период не исключено [Черных, 1976, с. 172-174]. Более логичным представляется вывод о вынужденном смещении на восток части балкано-карпатских популяций в результате активности появившихся в Центральной Европе древнеевропейцев [Новикова, 1976, с. 55, 56]. В Северном Причерноморье это проникновение было облегчено дезинтеграцией прежней культурной системы вторжениями других древнеевропейских групп.

По-видимому, при таком подходе к формированию культур Ноуа и сабастиновской не вызовет особых возражений их фракийская принадлежность, на что указывают, прежде всего, ареальные показатели главного исходного компонента. В качестве фракийских рассматриваются и культуры предшествующего хронологического горизонта Карпато-Дунайского бассейна – Отомани, Витенберг, Монтеору [Hoddinott, 1981]. Далее будет показано, что из данного перечня, возможно, не все культуры следует отождествлять с фракийцами, но для культур Ноуа и сабастиновской это реально. Ниже будут приведены и другие доводы в пользу подобного предположения. Здесь же нам важно подчеркнуть то, что с формированием в этом регионе культур Ноуа и сабастиновской, а севернее – тшинецко-комаровской, Подолье становится возможной зоной глубоких контактов фракийцев со славянами, либо балтами. Это зависит от оценки тшинецко-комаровской культуры. Эти контакты устанавливаются еще на поздней стадии культуры Отомани, оказывающей значительное влияние на тшинецко-комаровскую культуру и осуществлявшей поставки на север металла [Hoddinott, 1981, p. 51].

Следует отметить, что сама культура Отомани в Паннонии сменяет хатванскую культуру. Ее формирование было обусловлено импульсами с Северных Балкан [Kalicz, 1968, S. 189]. Это, как и в случае с культурой Монтеору, служит дополнительным аргументом в пользу ее фракийской принадлежности, выступая ареальным показателем.

В XII (XI) вв. до н.э. Северо-Западное Причерноморье переживает очередную культурную трансформацию. В Карпатах появляются культуры гальштатского круга, которые отрезают этот регион от традиционных источников сырья. Возможно, отдельные группы этого населения проникают далеко на юг, вплоть до Южного Буга, где в могильнике Гордеевка исследованы престижные богатые погребения в крупных могильных ямах под балдахином. Эти погребения не имеют аналогов в местных культурах и рассматриваются в качестве пришлого центрально-европейского компонента [Березанская, 1998]. В результате наблюдается общий упадок металлообработки – падение количества типов и общего объема изделий. Частично дефицит меди замещается более широким распространением железных изделий, чем в предшествующий период, когда они исчислялись единичными и часто сомнительными мелкими фрагментами [Никитенко, 1998]. Однако полностью ликвидировать этот дефицит было невозможно. Появляются даже вкладышевые серпы, что на фоне прежнего уровня металлообработки выглядит беспрецедентно. Металлурги оформившегося здесь кардашинского металлургического очага были вынуждены перейти на связи с Волго-Уралем [Черных, 1976, с. 185-190; Бочкарев, 1995, с. 118-123; Березанская и др., 1986, с. 141, 143]. Вероятно, налаживанию этих связей способствовало включение в сабастиновскую среду срубных групп, переселившихся с Дона и Донца, откуда они были вытеснены носителями кобяковской культуры с Северного Кавказа и бондарихинской из лесостепного Левобережья [Березанская и др., 1986, с. 151]. Западные и восточные импульсы сказались и на отдельных формах посуды [Березанская и др., 1986, с. 136, 137], но в основе своей белозерская культура явилась продолжением сабастиновской (рис 107,9-14). Рассмотрение белозерских древностей в качестве позднесрубных, что встречается иногда в литературе, абсолютно неправомерно. При этом, допуская западные древнеевропейские и восточные иранские включения, мы считаем необходимым подчеркнуть, что этнический состав населения этого региона существенным изменениям, по-видимому, не подвергся. На это указывает стойкая античная традиция, локализовавшая киммерийцев как на Боспоре, так и в Северо-Западном Причерноморье и наделявшая их фракийским языком [Трубачев,

1987, с. 123]. При этом, несмотря на то, что некоторые имена киммерийских вождей имеют иранское происхождение, среди имен боспорских архонтов есть фракийские. Поэтому имена некоторых вождей не являются основанием для утверждения иранской принадлежности всех киммерийцев [Трубачев, 1999, с. 42, 137]. Несмотря на то, что в настоящее время предполагаются иранские истоки самоназвания этого народа, также предполагается и то, что греки его услышали от фракийцев, на что указывает появление форманта “к” в начале слова [Дьяконов, 1981]. Заложенный в двух последних тезисах парадокс мы впоследствии разберем. Поэтому здесь наши выводы будут носить отчасти констатационный характер. Тем не менее, на фракийскую принадлежность носителей сабастиновской и белозерской культур указывает их генетическая связь с северобалканскими культурами, соответствие их территории античной традиции локализации киммерийцев, фракийская принадлежность киммерийцев в соответствии с той же традицией и фракизированная форма их изначально иранского этнического названия.

Формирование валиковых культур восточной зоны происходит несколько позже, чем на западе. Наиболее отчетливо это проявляется в контактном регионе Северного Причерноморья, по металлическим изделиям которого был установлен хронологический приоритет сабастиновского ингуло-красномаяцкого очага металлообработки по сравнению со срубным завадово-лобойковским [Черных, 1976, с. 153-156]. Это позволяет помещать начальную дату завадово-лобойковского очага в пределах XIV-XIII вв. до н.э. Наиболее вероятно, однако, что часть XIV в. до н.э. пришлась на “предваликовые” процессы, которые, впрочем, не были слишком продолжительными.

Степная зона от Днепра до Центрального Казахстана в предшествующее время была занята ираноязычными племенами срубной и алакульской культур. На севере и востоке их соседями были древнеевропейцы (или племена, подвергнутые их культурному влиянию), представленные приказанской, черкаскульско-межовской и федоровской культурами, черноозерскими и малокрасноярскими типами памятников. Это население довольно продолжительное время контактировало со степными иранцами, причем эти контакты были обширными и глубокими. Но в “пред-

валиковое” время ощущается мощное давление этих популяций на степь. По-видимому, это давление было достаточно мирным, что проявляется в значительном числе памятников синкретического облика и отсутствии кодификации воинских погребений наборами вооружения. Скорее напротив. Начиная с синташтинского времени, и вплоть до начала раннего железного века в степи наблюдается отчетливая тенденция к уменьшению находок бронзовых изделий в могильниках. Последнее было явно не связано с дефицитом металла, поскольку на поселениях отмечен столь же устойчивый рост металлических находок. В противоположность этому доля металла в могильниках лесной зоны очень высока [Аганов, 1990, с. 9], что вызвано, по-видимому, не вполне дружелюбными отношениями с угорским таежным населением и с восточными ирменско-карасукскими племенами.

В Днепро-Донской зоне новые миграции древнеевропейцев практически не чувствуются. Степень их активности нарастает восточнее. В Поволжье пришлый компонент весьма невелик, хотя в комплексах III этапа срубной культуры отмечены федоровские и даже межовские включения. В орнаментации срубной посуды появляется горизонтальная “елка” – мотив, характерный для вышеназванных культур и сусканско-лебяжинской. Вместе с тем, эти факты не существенны на фоне сохранения прежних обрядовых и керамических традиций [Качалова, 1985, с. 45, 46; Васильев и др., 1985, с. 78-81]. Поэтому иранский этнический массив в Волго-Уралье сохраняется, будучи частично потеснен лишь в северной лесостепи.

В Урало-Иртышском междуречье ситуация более контрастна, хотя каких-либо серьезных потрясений, судя по всему, не было и здесь. На этой территории внедрение черкаскульских и федоровских племен в алакульскую среду идет более активно, что фиксируется благодаря присутствию значительного количества памятников синкретического облика. В степной полосе Южного Зауралья и Северного Казахстана имеются материалы, указывающие на проникновение черкаскульско-межовских популяций [Потемкина, 1985, с. 288; Обьденнов, Шорин, 1995, с. 109-111; Зданович С., 1983, с. 74-77; Евдокимов, 1985]. Поэтому в основе близости формирующихся впоследствии ивановской культуры Волго-

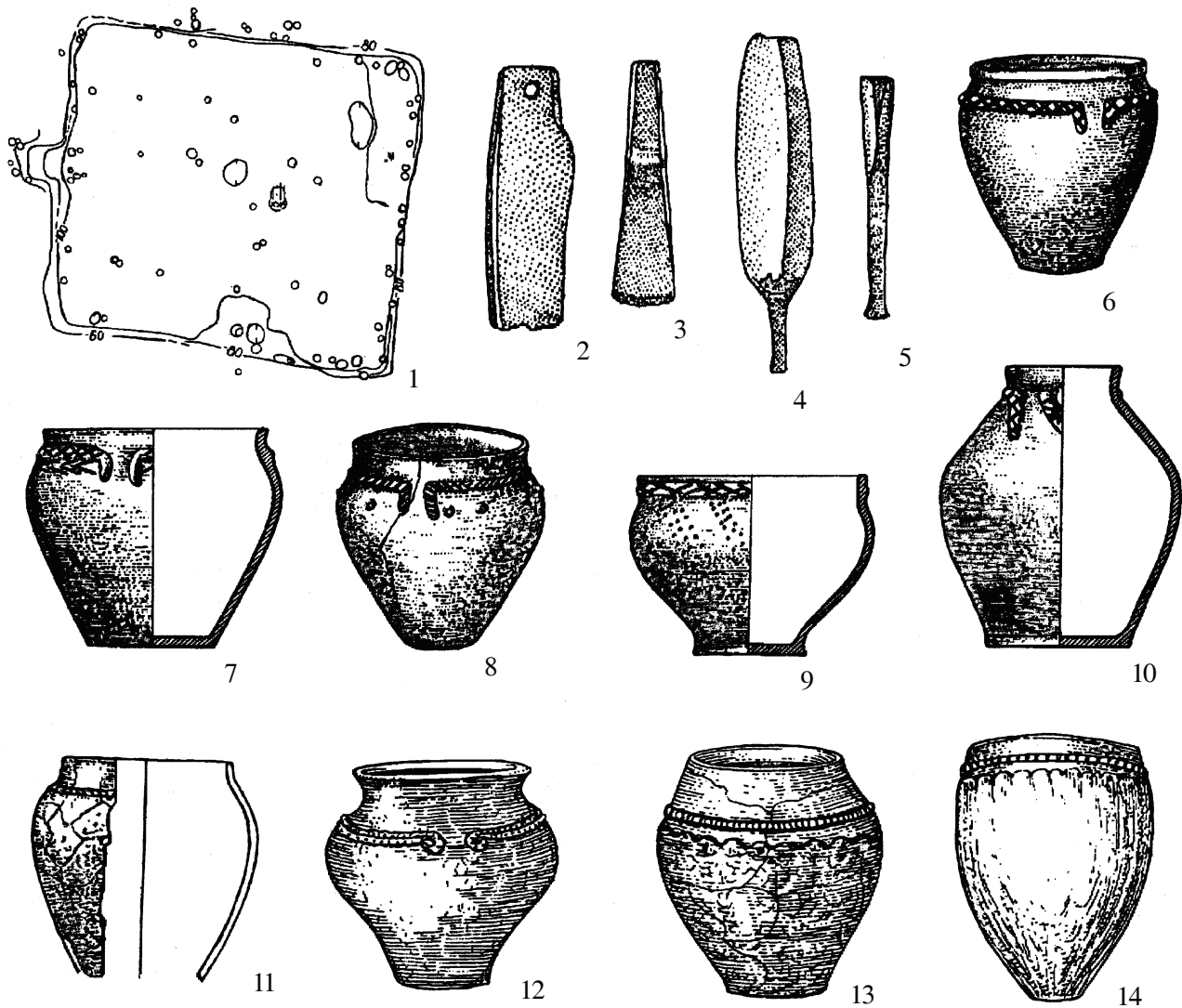

Рис. 108. Саргаринско-ивановские древности (1–10) и их северокавказские аналоги (11–14). 1 – Бишкуль IV; 2, 3, 5, 10 – Петровка II; 4, – мог. Саргары; 6 – Ивановское; 7 – пос. Саргары; 8 – Алексеевское; 9 – Новоникольское I; 11, 13 – Верхнегубинское; 12 – Харачой; 14 – Тарки.

Уралья и саргаринской Урало-Иртышского междуречья лежит единство этно-исторических процессов (рис. 108,1-10). По-видимому, основным источником валиковой посуды в степях этого региона была либо непосредственно федоровская валиковая поселенческая посуда, либо уже посуда раннемежовская. Однако главным компонентом выступают все же местные срубно-алакульские племена [Кузьмина, 1994, с. 124; Потемкина, 1985, с. 269-272, 342, 343; Васильев и др., 1985, с. 81]. Установленная для Тоболо-Ишимского междуречья генетическая связь саргаринской и бишкульской посуды этому выводу не противоречит, поскольку в основе бишкульского керамического типа лежат все же петровские и алакульские гончарные традиции.

Вероятно, в качестве алакульского можно рассматривать такой признак как изготовление саргаринской посуды на шаблоне по принципу донно-емкостного начина. Вместе с тем, в керамических коллекциях присутствует много днищ, отделившихся от стенок сосуда [Зданович С., 1984, с. 80, 86]. Последнее может указывать на свойственные федоровским гончарам емкостные начини, когда дно крепилось к уже готовым стенкам.

В саргаринской орнаментации присутствуют федоровские и межовские черты, например треугольники с “бахромой”. Вместе с тем, проявляются и признаки ирменской керамики: зауженная горловина части сосудов и орнамент в виде “косой решетки”.

В Восточном Казахстане идет перерастание мало-красноярских (федоровских) памятников в трушниковские. Отсутствие здесь алакульского компонента и определило изолированность памятников трушниковского типа от саргаринских [см. *Черников, 1960*]. В Центральном Казахстане фиксируется плавный переход федоровской валиковой керамики в саргаринскую [см. *Маргулан и др., 1966*].

Таким образом, на основной части восточной зоны распространения валиковых культур в их сложении принимало участие два основных этнических компонента: иранский и древнеевропейский (балто-славяно-германский). Роль последнего на западе была весьма незначительной, но к востоку она постепенно нарастала. Однако сводить этот процесс к столь упрощенной схеме было бы неправильно. Во всех валиковых культурах известна керамика с разорванным валиком и опускающимися вниз "усами". Форма этих валиков довольно специфична и не связана с федоровско-межовской традицией. В более раннее время подобные валики известны на Северо-Восточном Кавказе в керамических комплексах каякентско-харочоевской культуры (рис. 108, 11-14). В степной зоне кавказские гончарные традиции были подвергнуты глубокой переработке. Однако на периферии саргаринской культуры, под Омском, в керамическом комплексе городища Большой Лог они проступают достаточно четко.

Речь идет о следующих характеристиках керамики: барботинная поверхность тулова сосудов (набросы жидкой глины без последующего заглаживания); шейка при этом подобным образом никогда не обрабатывается; свисающие вниз "усы" валиков или заменяющие их свисающие капли; небольшие слегка приостренные уступчики при переходе от шейки к плечу; пояса, выполненные защипами; пояса из равнобедренных треугольников, опущенных вершиной вниз и выполненных накольчатой техникой [Марковин, 1994а, с. 342-345; Генинг, Стефанов, 1993, с. 93-96]. Описанные черты не известны в предшествующих комплексах Западной Сибири или Казахстана, зато в Дагестане мы можем проследить их развитие, по меньшей мере, с РБВ [Гаджиев, 1991, с. 130]. У нас нет ощущения, что доля этого компонента была достаточно высокой. Тем не менее, он оказал свое воздействие на определенную нивелировку культур степной Евразии и придание им сходных черт. Это был второй источник появления валиков.

В серьезной роли северобалканских культур [Черных, 1983, с. 96] мы сомневаемся, поскольку это не чувствуется ни в керамике, ни в металле. Металлообработка Северо-Западного Причерноморья, в целом, резко отлична от степной, и некоторое (весьма незначительное) количество сквозных типов обусловлено как более ранними импульсами из Волго-Камья, так и последующим взаимодействием этих различных культурных массивов.

В какой-то степени на возможность западных импульсов может указывать присутствие в металле степной зоны Европы бронз химической группы Пб, выявленной впервые при анализе клада из Сосновой Мазы [Аганов, 1990, с. 11; Черных, 1966], но значение этого нельзя преувеличивать.

В азиатской зоне валиковых культур, вероятно уже после их оформления, начинает проявляться ирменское влияние. Посуда с ирменскими чертами обнаружена вплоть до реки Тобол [Потемкина, 1985, с. 59, рис. 9,5,7, рис. 11,3, рис. 31,3,4,8; Кривцова-Гракова, 1948, рис. 60,7, рис. 62]. Возможно, это и явилось причиной распространения в азиатских степях горшков с зауженной горловиной, известных в саргаринской и, в меньшей степени, в межовской культурах [Зданович С., 1984, рис. 1, III]. Более поздняя хронологическая позиция ирменско-карасукских влияний на степь относительно формирования культур валикового хронологического горизонта установлена благодаря достаточно четкой стратиграфии поселения Кент в Центральном Казахстане [Варфоломеев, 1987].

Ситуация, реконструированная на керамическом материале, дублируется металлом, хотя и не столь выражено. В основе своей степной металлокомплекс является дальнейшим развитием алакульской, федоровской и сейминско-турбинской традиций металлообработки, что подчеркивает уже высказанную мысль о местной базе формирования этого культурного пласта. Вместе с тем, металлические изделия демонстрируют нам ряд новых черт, которые нельзя выводить из предшествующих форм или же они позволяют сомневаться в такой возможности. Сказанное относится как к степному, так и к лесостепному (хотя и в гораздо меньшей степени) комплексу металла.

Ранее уже высказывалась мысль о возможной связи сосново-мазинских кинжалов с луристанскими бронзами и распространении изделий

этого типа через Кавказ [Мерперт, 1966]. Этому противоречит то обстоятельство, что основным районом распространения этого типа изделий является Волго-Камье, а в сейминских комплексах есть довольно точные их прототипы [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 64,1,2; Аванесова, 1991, рис. 52]. Поэтому данное сходство может быть обусловлено и переднеазиатским происхождением самих сейминско-турбинских бронз. Не вполне понятно и распространение копий с прорезным пером, черешковые варианты которых известны в Закавказье и Анатолии [Горелик, 1993, таб. XXXIII; Stronach, 1957, p. 107-112]. В восточной зоне в этот период появляются вислобушные топоры с гребнем. Сама форма топора говорит о местной подоснове этого типа, однако “гребни” были характерны для топоров переднеазиатского региона [Горелик, 1993, таб. XIX-XXI; Erkanal, 1977, Taf. 5, 50-56; Müller-Karpe, 1974, Taf. 172.2,18,21]. Очень показательным типом изделия являются тесла с узкой пяткой и расширенной рабочей частью. Этот вид изделия имеет множество точных аналогов в Циркумпонтийской зоне, начиная с СБВ [Кузьмина, 1994, рис. 436]. Не вполне понятен и феномен появления в степи черешковых копий. Некоторые из них имеют упоры. Поэтому, в принципе, их можно трактовать как развитие федоровских копий, но они отличаются от последних пропорциями пера [Аванесова, 1991, с. 49]. Это тоже допускает возможность дополнительного импульса. Наличие крючка на конце черенка отдельных экземпляров вызывает циркумпонтийские ассоциации, хотя прямые параллели в данном случае не допустимы по хронологическим соображениям. Более определенно можно говорить о ближневосточных аналогиях такому изделию, как бронзовые пинцеты. Они встречаются крайне редко, но распространены по всей территории Евразийской металлургической провинции. Идентичные изделия известны на Кипре, где они датируются от раннекиприотского периода до перехода от среднекиприотского периода к позднекиприотскому [Vermeule, Wolsky, 1990, tab. 106; Müller-Karpe, 1974, Taf. 344, 345].

К вышесказанному можно добавить еще один парадокс. Металлообработка наиболее восточного семиреченского металлургического очага в большей степени связана с металлообработкой западных очагов этого времени, чем с очагами центральными [Аганов, 1990, с. 15]. Конкрет-

ные процессы, связанные со спецификой формирования металлообработки заключительной фазы ЕАМП является проблемой достаточно сложной. Нас в данном случае интересует лишь факт присутствия признаков внешних воздействий на этот процесс.

Менее определенно мы можем говорить об этнической истории этого периода. Этническая принадлежность каякентско-харочоевской культуры нам совершенно не ясна. Ирменско-карасукские влияния, по-видимому, можно связывать с иранцами (об этом ниже). Вероятно, они отчасти компенсировали понижение доли иранского компонента в Урало-Иртышских степях, которое произошло в результате внедрения древнеевропейцев. Поэтому представляется весьма вероятным, что в степной зоне от Днепра до Центрального Казахстана основным языком был иранский. Однако в настоящее время трудно сказать сохранилась ли эта ситуация к началу раннего железного века. Между Доном и Алтаем материалы, которые могут быть датированы XI-VII вв. до н.э. очень малочисленны. В Волго-Донском междуречье они исчерпываются несколькими погребениями. Сходная ситуация наблюдается и в Зауралье [Потапов, 1997; Костюков и др., 1996].

По всей вероятности, это катастрофическое понижение количества населения имело причины, прежде всего, климатического характера. В первой четверти тысячелетия наметилась аридизация климата, которая в дальнейшем усилилась. Особенно ярко это проявилось в Заволжье [Демкин и др., 1999]. Дело в том, что параллельно резкому сокращению населения в степной зоне наблюдается весьма активное смещение на юг таежных племен, охватившее всю лесную полосу Восточной Европы и Сибири. Это заставляет вспомнить теорию о цикличности периодов увлажнения и высыхания, и о гетерохронности этих периодов в аридной и гумидной зонах [Гумилев, 1967, с. 57-63]. Поэтому резкое высыхание степей должно было сопровождаться переувлажненностью лесной зоны. Это и привело к падению численности степных популяций и смещению на юг таежного населения. Практически, мы можем говорить о двух районах степной зоны, где известны археологические памятники этого периода. Это весьма скудные нурские памятники в Поволжье и неожиданно мощный пласт донгальских памятников в Центральном Казахстане [Варфоломеев, 1987; 1992; Ломан, 1987]. Несмотря на

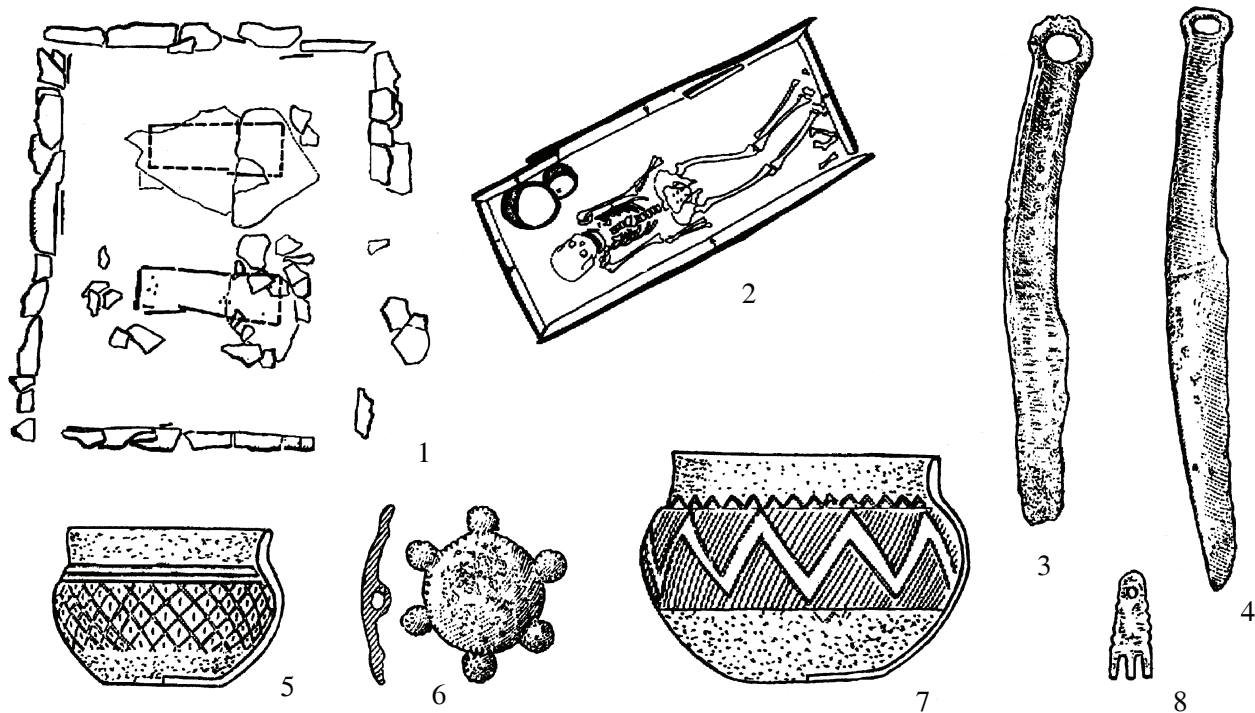

Рис. 109. Карасукская культура. Мог. Малье Копень III.

значительные расстояния, отделяющие их друг от друга, керамика объединена рядом общих черт: грибовидные утолщения венчиков, валики, расположенные под венчиком, кольцевые и ногтевые вдавления, “жемчужины”. На Украине донгальская керамика сопоставима с обиточненской и обнаруживает сходство с керамикой скифского времени [Качалова, 1985, с. 47, 48; Ломан, 1987].

По всей вероятности, отчасти эта керамика формируется на саргаринско-ивановской основе. Однако необходимо обратить внимание и на ирменские черты в этой посуде: “жемчужины”, чередование “жемчужин” и арочных пальцевых вдавлений, треугольники с небольшими окружностями по углам [Ломан, 1987, с. 125, рис. 8]. В этом случае процесс распространения керамики данного типа имеет западную направленность. Не исключено, что ограниченное количество памятников этой эпохи связано со становлением кочевого скотоводства¹ и нестабильной обстанов-

¹Это не исключает возможности существования таких прочно оседлых поселений как Кент в Центральном Казахстане, а скорее делает их необходимыми. На этом поселении фиксируется развитое ремесленное производство, которое могло быть направлено на обеспечение именно кочевых обществ. Необходимость взаимодействия последних с оседлым населением неоспорима [см. Взаимодействие ..., 1984].

кой в степи. Это движение, вероятно, не привело к полной смене населения, но численность его все же резко сокращается. В Южном Зауралье, например, лишь единичные погребения, несущие в себе саргаринско-межовские черты, можно с известной долей условности считать относящимися к этой эпохе. Вряд ли есть основание относить к ней керамику загаринского типа в Притоболье [Евдокимов, 1987; Костюков и др., 1996]. В этой посуде отсутствуют те специфические черты, которые представлены в нурской или донгальской. Скорее напротив. Неорнаментированная полоса в нижней части шейки позволяет рассматривать загаринскую посуду как достаточно раннюю. Не исключено, что этот тип посуды является свидетельством образования саргаринской культуры Притоболья именно на алакульской основе.

Таким образом, в конце II – начале I тыс. до н.э. в степной Евразии формируется весьма малочисленный комплекс памятников предскифского времени. Есть основание полагать, что этот комплекс формируется в результате наложения на местный ираноязычный субстрат мигрантов с востока. Это позволяет вспомнить скифскую легенду о приходе этой популяции в Скифию именно с востока и предположить иранскую принадлежность этой этнической группы. Чтобы

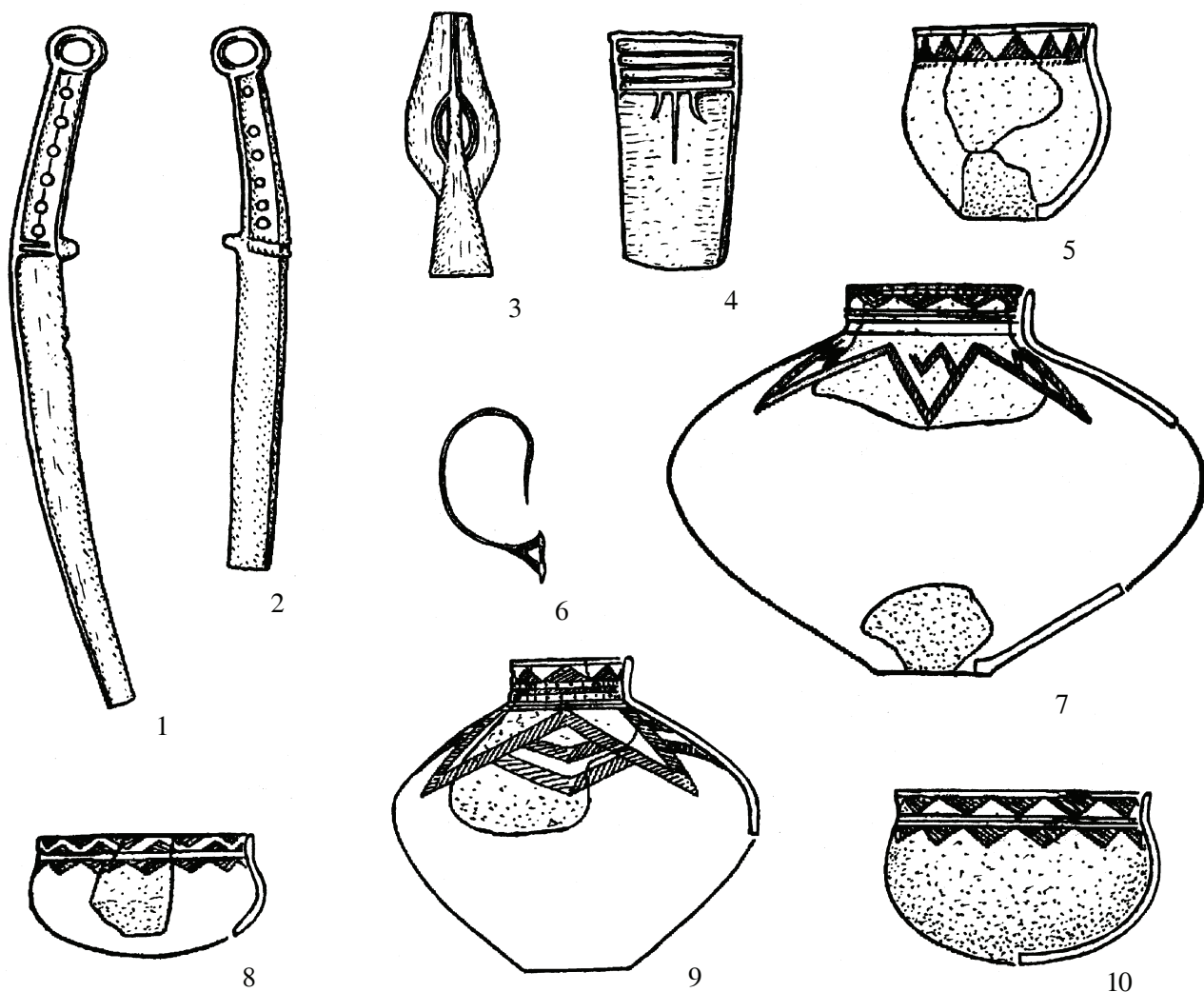

Рис. 110. Ирменская культура. 1, 6, 10 – Ордынское; 2 – Кирза; 3, 4 – случайные находки; 5, 8, 9 – Ирмень I; 7 – Красный Яр I.

разобраться в этом вопросе обратимся к районам Саяно-Алтайского нагорья и Приобья, где в эпоху финальной бронзы существовали культуры карасук-ирменского круга.

4.4. Карасукско-ирменский культурный блок

К востоку от Урало-Иртышского междуречья располагается горная страна, включающая в себя Саяны, Алтай и Тянь-Шань. В различное время она заселялась индоевропейскими племенами, представленными афанасьевской, окуневской и федоровской культурами. На Алтае извест-

ны также елунинские памятники, связанные с сейминско-турбинскими бронзами. Наиболее поздняя из этих культур – федоровская, сменяется крупным культурным массивом, включающим в себя карасукскую, еловскую, ирменскую и лугавскую культуры, а также памятники биенского типа (рис. 109-111). Датировки начальной фазы этих культур варьируют и различными исследователями помещаются в промежуток от XV до XII-XI вв. до н.э. Наиболее поздние даты основываются, главным образом, на поздних датировках федоровских древностей, что, как мы показали выше, действительности не соответствует. Однако в Южной Сибири можно допускать более длительное сохранение федоровских коллективов.

К началу XIII в. до н.э. металл карасукской культуры уже известен в Аньане [Новгородова,

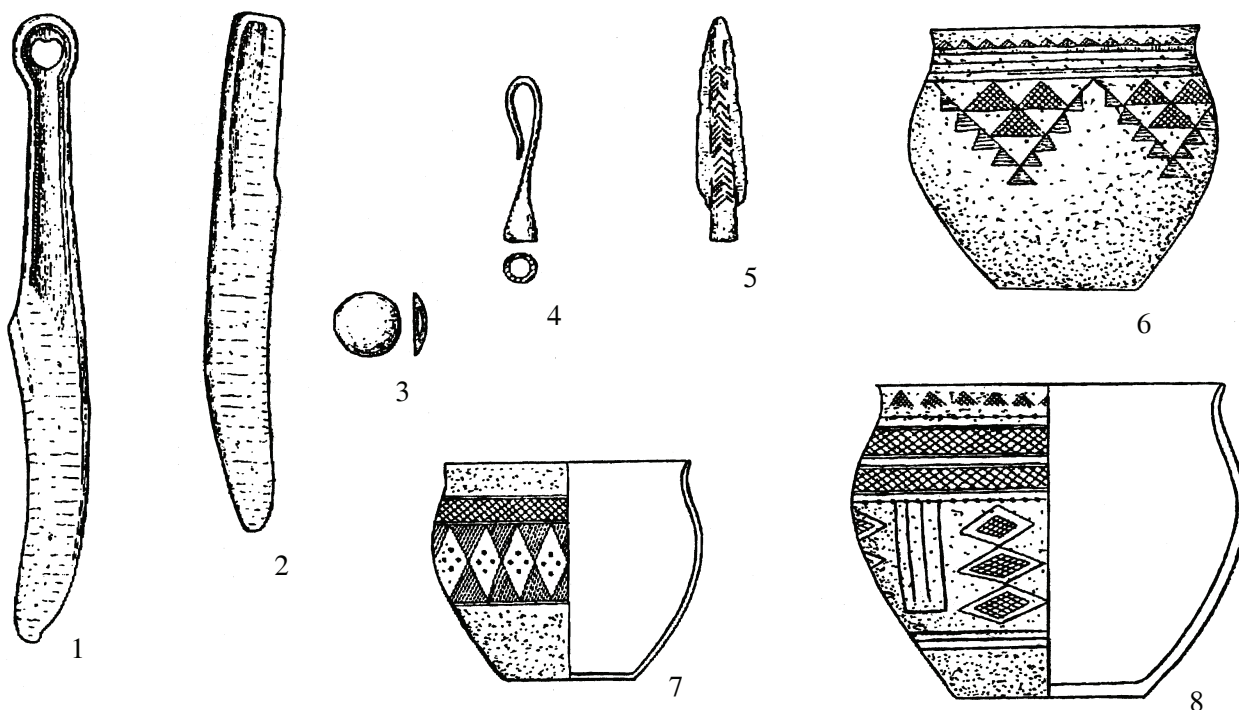

Рис. 111. Еловская культура. 1 – 5 – Еловский I, II могильники; 6 – 8 – Еловское поселение.

1989, с. 139]. Это означает, что по меньшей мере в XIV в. до н.э. карасукская культура уже существовала. В Центральном Казахстане отчасти связанные с карасуком бегазинские материалы занимают стратиграфическую позицию после складывания саргаринской культуры [Варфоломеев, 1987, с. 62], что указывает на дату после середины XIV в. до н.э. Но это не говорит о невозможности более ранних дат карасукской культуры на Саяно-Алтайском нагорье. Калиброванные радиоуглеродные даты для памятников этой зоны укладываются в последнюю треть II тыс. до н.э. Однако анализу были подвержены материалы сравнительно поздних памятников [Görsdorf et al., 1998]. Поэтому здесь мы будем придерживаться даты второй половины или конца XIV в. до н.э. как вполне надежной.

Формирующиеся на Тянь-Шане памятники биенского типа содержат карасук-ирменские черты, но нижняя хронологическая граница их не вполне ясна [Карабаспакова, 1987].

Культурная ситуация во всем этом обширном ареале, по-видимому, не была монотонной. На Тянь-Шане, например, в пределах Юго-Восточного Казахстана, сформировались памятники

кульсайского типа, в которых карасукские черты полностью отсутствуют. Они представлены могильниками с каменными оградами с деревянными рамами в могильных ямах и трупосожжениями. Предполагается, что в их формировании принимало участие федоровское население Южной Сибири, продвинувшееся на эту территорию, хотя налицо и пережиточные черты местных федоровско-алакульских популяций [Рогожинский, 1999; Марьяшев, Горячев, 1999; 1999a]. Подобное сохранение прежних популяций определенное время наблюдается и на иных территориях. Остается неясным и соотношение ирменской и карасукской культур – связаны ли они генетически или формировались параллельно.

В данном случае нас больше интересует механизм формирования этого культурного блока, тем более что был сформулирован вывод об его переднеазиатском происхождении [Членова, 1972, с. 131-135]. К аргументам, на которых он базировался, мы еще вернемся. Пока лишь отметим, что эта точка зрения была, к сожалению, отвергнута. Контраргументы сводились к тому, что карасукские бронзы нельзя выводить из луристанских, так как дата луристанских бронз

очень неопределенна, но в любом случае они позже карасукских. Луристанский стиль является для Загроса пришлым, а ранние вещи в луристанских комплексах являлись “антиквариатом” из ограбленных в древности могил [Новгородова, 1989, с. 126-128; Новгородова, 1970, с. 24, 25]. В этих доводах есть одна фактологическая и одна логическая неточность. Вывод о переднеазиатских корнях карасукской культуры базировался не только на сопоставлении с луристанскими бронзами. Керамические параллели, например, имеют безусловно более раннюю хронологическую позицию. Рассмотрение же в качестве “антиквариата” предметов, датирующих часть луристанских бронз, допускает аналогичный подход к самой этой части. Поэтому луристанские параллели для нас уместны как маркирующие близкий культурный тип. Хотя большая часть луристанских находок действительно датируется поздним временем, общий разброс датировок колеблется в промежутке XXV – X вв. до н.э. [Moorey, 1974, p. 22]. Поэтому сказать “луристанские бронзы датируются XIII – X вв. до н.э.” есть то же самое, что сказать “зауральская керамика датируется XIII – X вв. до н.э.”. По этой причине, в силу своей хронологической неопределенности, они пока не могут служить аргументом в пользу переднеазиатского происхождения карасука, но не могут также выступать аргументом против. С другой стороны, в случае проникновения карасукских племен из Передней Азии, их контакты с иньским Китаем могут начаться практически сразу. В силу этого какая-либо дробная хронология процессов на тех или иных территориях будет невозможна, пока мы не выясним общего хода событий.

В литературе уже обращалось внимание на сходство сейминско-турбинских и карасукских бронз, в связи с чем ставился вопрос об их генетической связи [Кызласов, 1993, с. 47; Бобров и др., 1997, с. 69]. Определенное сходство действительно есть, но при обилии бронз обоих типов переходные формы нам не известны. Кроме того, на Саяно-Алтайском нагорье между этими типами металлообработки лежит федоровская, в чем-то близкая, но в целом разрывающая генетический ряд. Допускается, впрочем, более длительное доживание сейминских традиций в Приобье, в самусьской среде, и на Алтае, где за счет контакта елунинской и федоровской культур формируется корчажкинская, сохраняющая основные черты сейминской металлообработки. Но,

во-первых, их ареалы отделены от основной зоны карасукской металлообработки, а керамический материал и вовсе не сопоставим.

Не больше оснований и для выведения карасукской культуры из федоровской, хотя подобные попытки предпринимались [Вадецкая, 1986, с. 62; Матвеев, 1986, с. 62]. Не говоря уже о типологических различиях, довольно убедительными представляются основанные на типологии инвентаря доводы в пользу того, что в Минусинской котловине карасукское население появилось из Западной Монголии [Новгородова, 1989, с. 130; Новгородова, 1970, с. 114-119]. Это не позволяет рассматривать минусинское федоровское население в качестве предков карасукцев. Последний тезис, впрочем, не может рассматриваться и в качестве решения проблемы происхождения карасукской культуры, поскольку в предшествующие эпохи в Монголии существовали лишь афанасьевские и, возможно, окуневские памятники [Новгородова, 1989, с. 81-89]. Из них же карасук вывести невозможно.

Несколько более благополучно, на первый взгляд, обстоит дело с происхождением ирменской культуры. В Приобье выделен пласт ордынских памятников, которые можно рассматривать как позднефедоровские. Его сменяют памятники раннего быстровского этапа ирменской культуры, в керамике которого сочетаются ордынские и ирменские черты. Этот этап перерастает в классический ирменский. При этом на памятниках керамика быстровского и ирменского этапов обычно залегает вместе, но известны и отдельные случаи четкого перекрытия быстровских слоев ирменскими [Матвеев, 1986; 1993, с. 97-119]. Описанная ситуация была бы безупречной, если бы не одно обстоятельство. От ордынской керамики к ирменской нарастают черты, характерные для всего карасук-ирменского культурного круга. И ссылки на конвергентное развитие ничего не проясняют, тем более что ряд ирменских форм не просто близок, а во многом тождествен триалетской посуде Закавказья (рис. 110, 7, 9). Поэтому описанная типологическая и стратиграфическая ситуация может иметь и иное объяснение. Ирменский компонент накладывается на ордынский субстрат, в результате чего формируется синкретический быстровский керамический тип, подавляемый впоследствии ирменской традицией. Поскольку ордынский тип синхронен предсаргаринскому горизонту (XIV в. до н.э.),

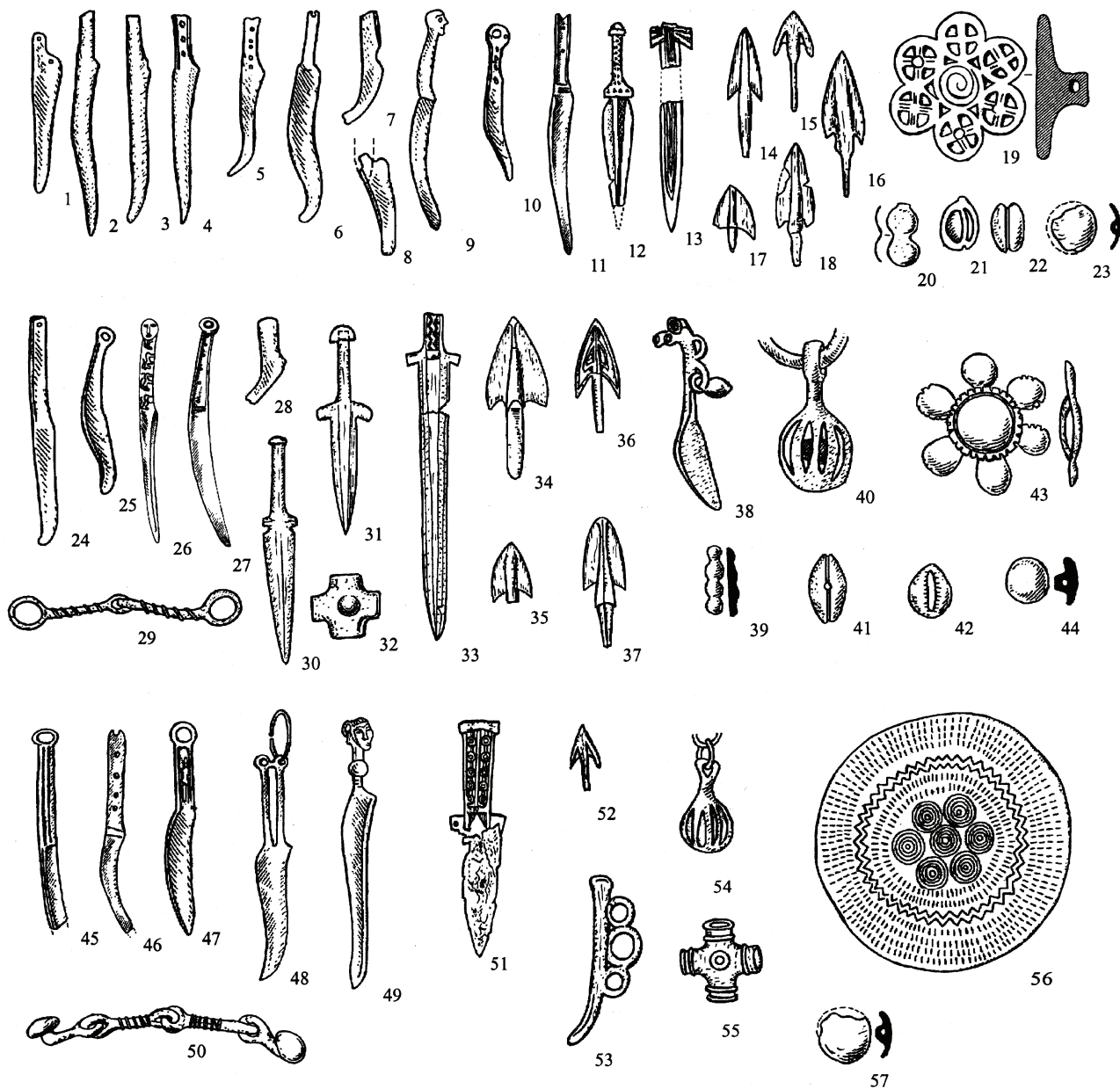

Рис. 112. Металлические изделия карасук-ирменского культурного блока (24–44) и их аналоги на Ближнем и Среднем Востоке (1–23) и в Центральной Европе (45–57). 1, 8–Троя II; 2, 3–Меггидо (XVIII–XV вв. до н.э.); 4–Боказкёй (XVI–XV вв. до н.э.); 5, 11, 16–Крит; 6–Шандар (Северный Иран); 7–Якке-Парсан 2 (Хорезм); 9–Психро (Крит); 10–Элизос (Эгея); 12–Кармир-Берд (Закавказье); 13–Дальверзин (Фергана); 14–Мингечаур (Азербайджан); 15–Тальши; 17–Аллиар (Малая Азия); 18–Гозлу-Куле (Малая Азия); 19–Гиссар II А; 20–Гийян IV; 21, 22–Сиалк В; 23–Луристан; 24, 42–Хуншань (Маньчжурия); 25–Монголия; 26, 38–Ордос; 27–окрестности Красноярска; 28–Семипалатинск; 29–д.Пойлова, Красноярский край; 30–д.Кривая, Минусинская котловина; 31–с.Тальменское Барнаульского округа; 32–д.Иудина, Красноярский край; 33–Томск; 34–Минусинская котловина; 35–Канай (Восточный Казахстан); 36–Китай; 37–Ляоян (Маньчжурия); 39–Окунев Улус (Минусинская котловина); 40–Красноярский край; 41–“Могильник по дороге из совхоза в Сарагаши” (Минусинская котловина); 43–Жерлык (Минусинская котловина); 44–Усть-Тесь (Минусинская котловина); 45–Смилово (Силезия); 46–группа Гёттинг Морцг (Австрия); 47–Бискупин (Польша); 48, 52, 54, 55–мог. Гальштат (Австрия); 49–Саллинг Геррет (Дания); 50–Комлод (Венгрия); 51–Венгрия; 53–Дьюла (Венгрия); 56–группа Байердорф-Велатитц (Австрия); 57–Добова (Югославия).

Рис. 113. Керамика карасук-ирменского культурного блока (17 – 26) и ее аналоги на Ближнем и Среднем Востоке (1 – 16) и в Центральной Европе (27 – 32). 1 – Сев. Сирия; 2, 3, 15 – Гиссар III; 4, 9 – Мари; 5, 8 – Киш; 6 – Сиалк; 7 – Гиссар I; 10, 14, 16 – Ур царский некрополь; 11 – Шах – тепе; 12 – Луристан; 13 – Аучин-Дене (Южная Туркмения); 17 – Ордос; 18, 24, 26 – Хуниань I (Южная Маньчжурия); 19, 21, 23 – Дандыбай (Центральный Казахстан); 20 – Верхне-карасукский мог.; 22 – Нелмир (Южная Сибирь); 25 – Абаканский мог.; 27 – Равенсбрук (Австрия); 28, 31 – мог. Гальштат; 29 – Доннеркирхен (гальштатская культура); 30 – Ополе-Нова (луэцикская культура); 32 – Цайтларм (Бавария, гальштатская культура).

радиоуглеродные даты ирменского этапа, укладываемые в XIII в. до н.э. [Матвеев, 1993, с. 127], подобной реконструкции процесса не противоречат.

Для понимания механизмов формирования культур описываемого блока вновь вернемся к проблемам металлообработки. Те существенные изменения, которые происходят в ее традициях, действительно очень показательны. На первый взгляд, они выглядят не вполне логичными. С одной стороны, в металлообработке всех обсуждаемых культур действительно много бросающихся в глаза черт, сближающих ее с сейминско-турбинской, не имеющей хронологического соприкосновения с карасук-ирменской. С другой стороны, в сейминско-турбинское и андроновское время во всем этом ареале доминировали оловянистые бронзы. Теперь в некоторых регионах происходит слабо объяснимый отказ от их использования. Ситуация складывается очень показательная. На карасукских памятниках доля оловянистых бронз составляет не более 9% (за исключением могильника Малые Копены 3). Резко доминируют в них медно-мышьяковые сплавы, известны и сплавы меди с оловом и мышьяком. Аналогичная ситуация наблюдается в ирменских сериях (кроме могильника Камышенка) и в металле лугавской культуры, локализуемой в бассейне Енисея и очень близкой карасукской и ирменской. Однако в еловской и корчажкинской выборках доминируют изделия из оловянистой бронзы [Бобров и др., 1997, с. 35, 53, 57-62]. Поскольку источники олова этого времени располагались в Восточном Казахстане, то высокая доля олова в металле этих культур, расположенных в Обском бассейне, вполне объяснима. Но тогда не вполне ясно, почему мы не наблюдаем этого в ирменской культуре, локализованной тоже в Приобье. Металлурги последней начинают ориентироваться на Саянские, а не на Алтайские источники сырья [Бобров и др., 1997, с. 69]. Следовательно, причины отказа от оловянных лигатур носят не географический, а культурный характер. В корчажкинской и еловской культурах, где оловянные лигатуры сохраняют свои позиции, более выражен местный компонент, чем в ирменской, карасукской и лугавской. При этом следует напомнить, что легирование мышьяком было достаточно традиционным для Закавказья. Вплоть до конца СБВ оловянные лигатуры имели в данном регионе незначительное употреб-

ление. Безусловно, в ряде случаев речь должна идти не о легировании, а об использовании естественных мышьякосодержащих медных руд. Следы древних плавок обнаружены в Саянах в районе подобного месторождения в Хову-Аксы [Попов, 1999, с. 334]. Однако само по себе использование подобных руд уже говорит о традиции предпочтения тех или иных сплавов.

Таким образом, в Западной Сибири и Центральной Азии отсутствуют убедительные факты в пользу того, что карасукская и ирменская культуры зародились именно здесь. Это позволяет нам вернуться к аргументам, обосновывающим переднеазиатское происхождение древностей карасук-ирменского круга. Эти аргументы довольно обширны [Членова, 1972, с. 131-135; 1974]. К переднеазиатским параллелям карасукским древностям отнесены следующие типы вещей (рис. 112,1-23 – переднеазиатские изделия, рис. 112,24-44 – карасукские). Черешковые двухлопастные стрелы с жальцами (Луристан, Тальш, Алишар II, Троя II) [см. также *Erkanal, 1977, Taf. 17, 18*]. Кинжалы с шипами или прямым перекрестием (Малая Азия). Ножи с вогнутой спинкой, ручка от лезвия отделена скошенным уступом (Крит, Киликия). Ложносоставные ножи (Кипр, Малая Азия). Ножи с прямой спинкой, выпуклым лезвием и ручкой-черешком (Троя II, Сузы). Нож с навершием в виде человеческой головы (Крит). Очень показательны также сопоставления круглых петельчатых блях (Гиссар II, III, Луристан), прорезных бубенчиков (Гийян IV). К этому перечню мы можем добавить очень ранние анатолийские и месопотамские аналоги таким специфическим карасукским украшениям как лапчатые подвески [Авилова, Черных, 1989, рис. 11; *Müller-Karpe, 1974, Taf. 173,30*]. В Иране и Закавказье в ПБВ были очень характерны навершия ручек кинжалов в виде бубенчиков, что весьма свойственно и карасукским кинжалам [Хлобыстин, 1970, с. 195]. В Южной Сибири в карасукское время распространены также булавки с бубенчиком и маленькой петелькой под бубенчиком. Им близки булавки с ребристой головкой из Бактрии и Туркменистана и анатолийские булавки эпохи СБВ [Сарианиди, 1977, с. 82; Авилова, Черных, 1989, с. 63]. В Азербайджане бубенчики-подвески встречаются в ПБВ на височных кольцах [Сазыхзаде, 1965, с. 68]. Булавки с навершием и отверстием под ним обнаружены на Кипре, где они дати-

руются переходом от среднего киприотского периода к позднему [Vermeule, Wolsky, 1990, tab. 109, 110].

Все основные типы карасукских сосудов имеют аналоги в Луристане и Северном Иране [Членова, 1972, с. 133, таб. 64-66] (рис. 113, 1-26). Некоторые специфические карасукские формы, например сосуды в виде животных, имеют ранние прототипы в энеолите, РБВ и СБВ Палестины и Анатолии [Goner, 1992, fig. 3.12, 3.14, 4.6; Müller-Karpe, 1974, Taf. 299]. Напомним также, что типологически близкая карасукско-ирменской бегазинская керамика почти всегда сопровождается гончарной станковой посудой. На Алтае, на поселениях Бурла 3 и Кайгородок 3, последней такое обилие (причем в сопровождении конусовидных гончарных подставок), что любой разговор об импорте теряет смысл [Варфоломеев, 1987, с. 62; Удодов, 1988, с. 107-109]. Зато среднеазиатская посуда выступает надежным маркером направленности движения.

Довольно уверенно можно указать на ранние прототипы карасук-ирменской посуды среди керамики СБВ Закавказья. Чернолощенная керамика довольно типична для этой зоны. Известен и прием инкрустации орнаментов белой пастой. Формы центральноазиатских кувшинов близки триалетским гидриям. Детально сходится и орнамент, вплоть до такой характерной черты как небольшие окружности по углам треугольников [Кушнарева, 1994, таб. 27-29; 1994г, с. 122; Джапаридзе, 1994, таб. 21-23] (рис. 143, 8-10, 12, 13). Южные источники можно выявить и для еловской посуды, хотя в еловском керамическом комплексе местный федоровско-кротовский компонент более выражен. Однако южный компонент в еловской посуде заметно отличается от карасук-ирменского. В этой связи напомним о присутствии в Васюганье хурритских гидронимов. Связь их с еловской культурой устанавливается на том основании, что иных разрывов местной линии развития в Васюганье не было [Малолетко, 1988; 1989].

Довольно плотная застройка ирменских поселений (Быстровка 4) отражает переднеазиатские традиции. На них же указывает глиняная обмазка пола, встреченная в одном из жилищ [Матвеев, 1993, с. 61]. Не исключено, что на закавказские связи может указывать и костяное коничес-

кое пряслице с поселения Ирмень I. На Закавказье, как на исходный регион для подобных пряслиц мы уже указывали, анализируя синташтинские материалы. Они известны в могильнике Арчи и на памятниках куро-аракской культуры [Кушнарева, 1994г, таб. 41; Мунчаев, 1981, с. 38].

Важной чертой, характеризующей карасукскую культуру, является широкое распространение колесниц. В Монголии выявлено колоссальное количество петроглифов с изображениями колесниц. Благодаря изображениям оружия карасукского типа связь этих петроглифов с карасукской культурой безусловна. Сходная ситуация наблюдается и на Енисее [Новгородова, 1978, с. 203-206; 1989, с. 142-165; Дэвлет, 1998, с. 183, 184]. На широкое употребление колесниц карасукскими племенами указывает и обнаружение в могильных ямах, так называемых, “моделей ярма”, которые большинство специалистов рассматривает в качестве крюков для фиксации вожжей [Новгородова, 1989, с. 159-161; Варенов, 1984, с. 50]. В докарасукскую эпоху ни для одной культуры этого региона нет данных об использовании колесниц. Исключение составляют два изображения двуколок, которые возможно связать с афанасьевской и окуневской культурами [Новожинов, 1994, с. 148]. Вместе с тем, карасукские колесницы ничем не отличаются от переднеазиатских.

В заключение этого обзора можно вспомнить и параллель между “звериным стилем” луристанских бронз и карасукской культуры. На фоне вышеизложенного подобная параллель уже не представляется столь невероятной.

Подведем итог. Во второй половине II тыс. до н.э. в Центральной Азии происходят существенные культурные трансформации. Они захватывают огромный регион, включающий Саяно-Алтайскую и Тянь-Шанскую горные области, часть междуречья Оби и Иртыша, восток Центрального Казахстана. Здесь оформляется большая культурная зона, включающая карасукскую, ирменскую, еловскую, бегазы-дандыбаевскую культуры и памятники биенского типа. Присутствующие здесь ранее древнеевропейские популяции ассимилируются. Складывается новый очаг культурогенеза, связанный со скифо-киммерийским этносом. Последнее реконструируется ниже-

4.5. Скифо-киммерийская проблема

Литература по скифо-киммерийской проблематике является, вероятно, наиболее обширной в археологии и выходит за рамки проблем, определенных для этой работы. Мы коснемся лишь части этой проблематики в той мере, в какой это касается этнической истории в эпоху бронзы. Факты, связанные со скифо-киммерийской историей во многом парадоксальны и взаимно исключают друг друга. В результате, в настоящее время мы имеем ряд фундаментально обоснованных точек зрения. Необходимо, впрочем, заметить, что эти точки зрения отличаются друг от друга не столь принципиально. Несмотря на кажущуюся противоположность они достаточно близки между собой: все исследователи полагают, что в формировании культуры скифского времени принимало участие местное население, и существовал довольно мощный внешний импульс. Различия сводятся лишь к оценке роли этих компонентов [Мурзин, 1990, с. 4-8]. Вместе с тем, существуют весьма противоречивые данные письменных источников, которые привели к очень различным оценкам локализации киммерийцев и осмыслению киммерийской проблемы. Однако эти оценки базируются на относительно надежных источниках. Это позволяет отнести к ниже перечисленным положениям как к установленным фактам, несмотря на то, что они противоречат друг другу.

– Античная традиция локализует киммерийцев в Северном Причерноморье. В соответствии с этой традицией киммерийцы говорили на фракийском языке [Трубачев, 1987, с. 123].

– Лингвистический анализ этнонима позволил предположить его иранскую, либо даже скифскую принадлежность, в связи с чем киммерийцев было предложено рассматривать как часть скифского этноса. Замена “г” на “к” в начале слова вызвана тем, что этноним дошел до греков через фракийцев. Существуют, впрочем, и некоторые особенности при описании скифов и киммерийцев ближневосточными источниками. Если источник говорит о скифах, то речь всегда идет о собственно скифах. Если же употреблен термин Gimirgi, то под ним могли понимать как скифов, так и собственно киммерийцев [Дьяконов, 1981]. А.И. Иванчик возражает против такой трактовки текстов, не оспаривая, впрочем, ираноязычность ким-

мерийцев. Он полагает, что это этнонимы одного уровня и обозначают они два разных ираноязычных народа [Иванчик, 1996, с. 90, 91; 1999а, с. 84]. В более поздних источниках, когда киммерийцы уже сошли с исторической арены, этим термином обозначают ираноязычных кочевников [Грантовский и др., 1997, с. 82]. В аккадских версиях древнеперсидских текстов термину Saka всегда соответствует Gimirgaia. Все это указывает на ираноязычность самих киммерийцев [Иванчик, 1996, с. 126, 127, 159, 160].

– Ближневосточные источники VII в. до н.э. насыщены сведениями о необычайной скифской и киммерийской активности в Передней Азии. В Центральном Закавказье локализуется страна Гамир, на которую ходил походом в 714 г. до н.э. Руса I [Мелокова, 1989, с. 33; Иванчик, 1994; 1996, с. 30; Эрлих, 1994, с. 173]. Существует, впрочем, мнение о том, что страну Гамир следует локализовать в Приурмийском районе [Грантовский и др., 1997, с. 75]. Однако, для обсуждаемой здесь проблемы эти различия в локализации не столь существенны. Тем более что, по мнению А.И. Иванчика, этот термин может просто обозначать страну, где жили киммерийцы, а вовсе не стабильный топоним. В случае смещения киммерийцев в рамках Ближнего Востока могло происходить и смещение этой страны в представлениях ближневосточных авторов [Иванчик, 1999а, с. 79].

– Ни в Закавказье, ни на Ближнем Востоке не выявлены древности северопричерноморского типа, которые можно связать с киммерийцами [Тереножкин, 1976, с. 205]. Единичные памятники начала второй трети VII в. до н.э. в Восточной Анатолии, рассматриваемые как киммерийские, имеют уже раннескифский облик [Иванчик, 1994]. Впрочем, последнее время А.И. Иванчик считает, что культурный и стратиграфический контекст этих находок позволяет в отдельных случаях говорить о дате от начала VII в. до н.э. [Иванчик, 1999].

– Наиболее ранние скифские памятники Восточной Европы не имеют местных корней, датируются с середины VII в. до н.э. и содержат переднеазиатские включения [Эрлих, 1994, с. 169-171; Тереножкин, 1976, с. 209; Петренко, 1989, с. 222, 223].

– В предскифский и раннескифский периоды в Северном Причерноморье отчетливо видны следы предшествующей белозерской культуры

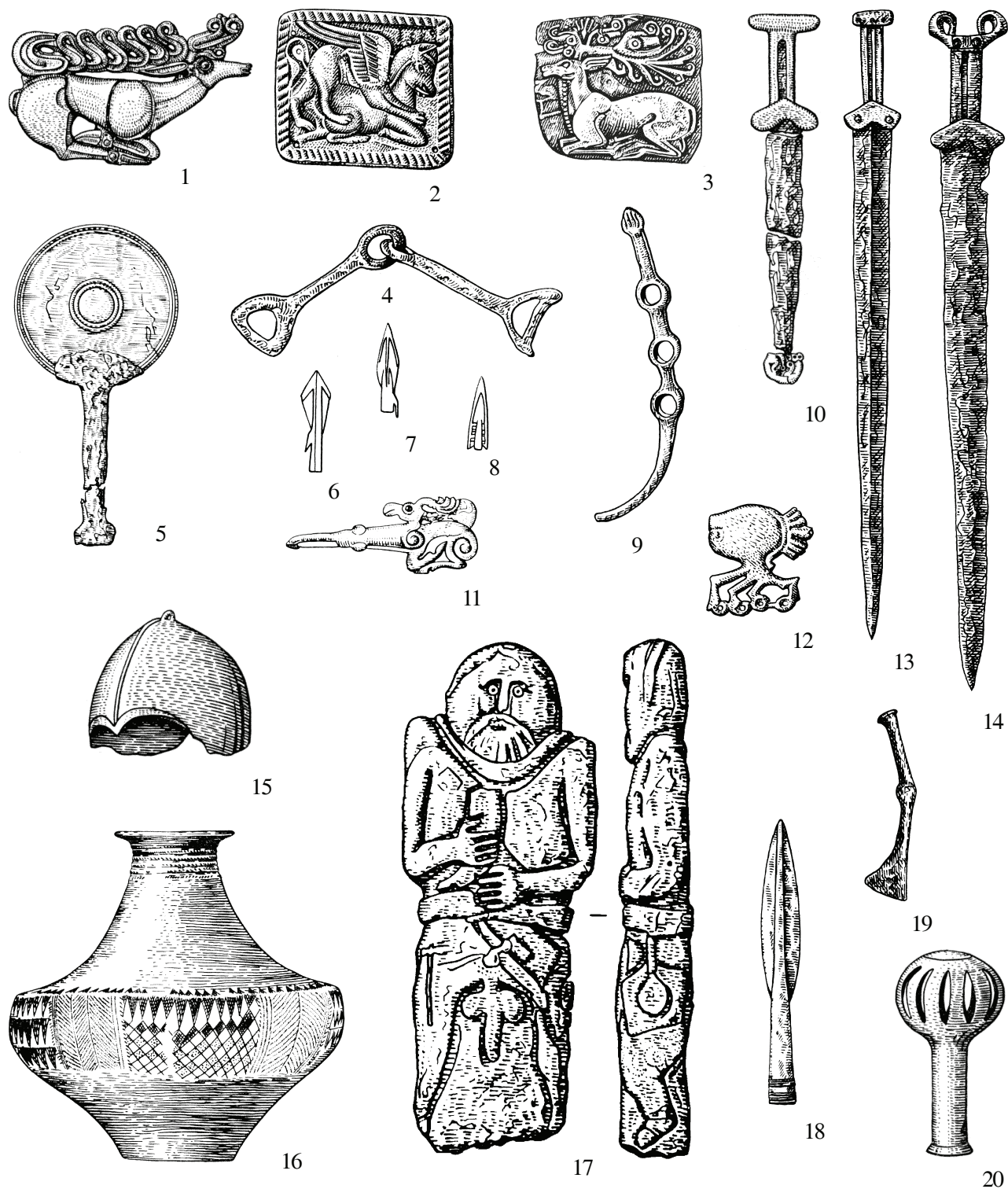

Рис. 114. Скифская культура. 1 – Костромская; 2 – Верхний Рогачик; 3, 12 – Завадская Могила; 4 – Старшая Могила; 5 – Нагорное; 6, 9 – Жаботин; 7 – Горячево; 8 – Золотой Курган; 10 – Степной; 11 – Частые Курганы; 13 – Сухино; 14 – Гришенцы; 15 – Гвардейское; 16 – Краснознаменка; 17 – Васильевка; 18 – Макеевка; 19 – Журовка; 20 – Келермес.

Рис. 115. Реконструкция скифского воина.

[Березанская и др., 1986, с. 152; Мелюкова, 1989а, с. 10].

Список этих противоречий можно продолжить и дальше, но выше приведены те, которые для нас особенно интересны в плане реконструкции этноисторических процессов. Ниже будет дана схема, отвечающая всем вышеперечисленным положениям. Отдельные узлы ее не вызовут серьезных возражений специалистов, будучи, скорее, банальными. Нам интересна эта схема по той причине, что она устанавливает этническую принадлежность карасукской культуры и обосновывает переднеазиатскую прародину индоевропейцев. Она носит весьма общий характер и потому не отражает более сложных процессов, происходивших в Причерноморье в начале раннего железного века. Суть этой схемы достаточно проста.

Обсуждая проблемы эпохи бронзы степной зоны, мы отмечали карасук-ирменские влияния, которые привели к формированию донгальского,

нурского и обиточненского типов. В Восточной Европе известны находки карасукских ножей, кинжалов, лапчатой подвески, застёжек горита и керамики карасук-ирменского облика. Датировка этих находок определяется IX-VII вв. до н.э. [Васильев и др., 1986а, рис. 18, 19; Мелюкова, 1989а, с. 14; Членова, 1973]. Карасукского облика вещи (оружие, керамика, украшения) известны вплоть до Центральной Европы и Северных Балкан в комплексах гальштаттской, лужицкой культур и поздней стадии культуры полей погребальных урн [Членова, 1972, с. 131-135; см. Hennig, 1970] (рис. 112,45-57; 113,27-32). Это дублируется оленными камнями карасукского типа, обнаруженными в Зауралье, Северном Причерноморье, на Северных Балканах и на Северном Кавказе [Новгородова, 1989, с. 180, 181]. Этот комплекс находок позволяет утверждать, что имело место проникновение карасукских племен из Центральной Азии далеко на запад. В результате, в Центральной Европе появляются популяции, рассматриваемые исследователями как киммерийские или фрако-киммерийские, связываемые либо со степной зоной, либо с Северным Предкавказьем [Metzner-Nebelsick, 1998; Erlikh, 1998]. При этом, как будет показано ниже, часть этих групп может иметь и кавказское происхождение.

Не исключено, что активность этих мобильных группировок, наряду с причинами экологическими, и явилась причиной катастрофического падения численности археологических памятников на большей части степной Евразии, их бедности и культурной размытости. Тем не менее, говорить о значительном числе карасукских популяций, продвинувшихся на запад, тоже не приходится. В Северном Причерноморье, например, сохраняется много прежних белозерских традиций. Это свидетельствует о том, что пришлый компонент, наложившись на фракийский субстрат, не изменил этническую ситуацию в этой зоне. Формы получившихся образований и причины передачи иранского этнонима, хотя и в трансформированном виде, не ясны.

Следующий шаг наших рассуждений – Закавказье. Весьма вероятно, что далеко не все представители обсуждаемой нами этнической группировки покинули во второй половине II тыс. до н.э. этот регион и оказались в Центральной Азии. Это объясняет зафиксированное письменными источниками присутствие киммерийцев

на Ближнем Востоке и отсутствие здесь древностей северопонтийского типа. В таком случае, страну Гамир в Закавказье следует выделять из культур посттриалетского круга, а присутствие киммерийцев в Киликии или на западе Малой Азии фиксировать по артефактам закавказского облика. Не исключено, что в Закавказье такой культурой является ходжалы-кедабекская, обнаруживающая отдельные параллели с карасукской (стрелы, петельчатые бляхи, гвоздики с грибовидной шляпкой). В кургане близ Сарычобана выявлены захоронения лошадей, что может отражать известную по ближневосточным источникам мобильность киммерийских групп в Передней Азии [Джафаров, 1993].

Это позволяет сделать еще одно допущение – о возможности проникновения закавказских киммерийцев в Предкавказье и на Северный Кавказ и втягивании их в процессы, проходившие до этого на местной и центральноазиатской основе. И такие факты описаны. Наиболее показательны ассиро-урартские шлемы из могильников Рутха и Фаскау [Эрлих, 1994, с. 169]. Впрочем, ситуация на Центральном Кавказе довольно сложна, начиная с эпохи поздней бронзы, поскольку здесь формируется кобанская культура, в которой прослеживаются местные компоненты, восточноевропейские, закавказские и даже центральноевропейские и переднеазиатские [Козенкова, 1996, с. 129]. Этот регион наверняка играл очень важную роль в описываемых процессах, но не вполне ясно – какую.

Формирование скифов проходило в Центральной Азии, по-видимому, на той же карасукской основе. Наиболее ранним скифским памятником здесь является курган Аржан, датируемый VIII в. до н.э., хотя некоторые исследователи находят возможным относить его ко второй половине IX в. до н.э. [Тереножкин, 1976, с. 210; Грязнов, 1980, с. 52-56]. При этом необходимо отметить точку зрения Н.Л. Членовой, датирующей Аржан VII в. до н.э. и не согласной с мнением о том, что материалы этого кургана отражают истоки скифской культуры [Членова, 1999]. Мне сложно судить о правомерности точки зрения этого высокопрофессионального исследователя на датировку раннего железного века, но даты для эпохи бронзы Н.Л. Членова омолаживает неоправданно. Не исключено, поэтому, что данная дата является проявлением той же тенденции, но даже с ее принятием ситуация решительно не изменится, поскольку

раннескифские памятники запада и востока будут практически синхронны [Яблонский, 1999, с. 291]. В.И. Молодин, во многом соглашаясь с позицией Н.А. Членовой, предлагает удревнить дату кургана Аржан до последней трети VIII в. до н.э. Он тоже не склонен рассматривать этот комплекс в качестве предков скифов [Молодин, 1998]. Однако в западной части пояса Великих Степей Евразии основа для формирования скифской культуры попросту отсутствовала. Поэтому мне представляется более конструктивной точка зрения исследователей, отстаивающих центральноазиатскую локализацию скифской прародины.

В целом, формирование раннескифских памятников было приурочено к горным районам Саяно-Алтая. Однако севернее, в предгорной зоне в это время существовали культуры (позднеирменская, завьяловская, большереченская), в которых тоже фиксируются раннескифские вещи [Папин, Шамишин, 1999, с. 141]. Менее определенно можно говорить о конкретном механизме формирования скифской культуры в этой зоне, хотя прослеживаются довольно отчетливые связи раннескифских памятников с предшествующими. В погребальном обряде ранних скифов Саяно-Алтайского нагорья отмечены черты погребальных конструкций и обрядности карасукской, ирменской и лугавской культур. Очень показательны погребения коня и зернотерки, обнаруженные в погребальных памятниках ирменской культуры и свойственные скифским памятникам, камни-обелиски, целый ряд предметов, в особенности ножи, бронзовые наконечники стрел, бляшки, детали конской узды [Папин, Шамишин, 1999, с. 141; Бобров, 1999; Михайлов, 1999, с. 132].

Более проблематично происхождение такого важного компонента скифской культуры, как “звериный стиль”. Искать его истоки в Причерноморских степях совершенно бессмысленно. Поэтому обсуждаются, как правило, два региона – Передняя Азия и Центральная Азия. В последнем регионе основанием для этого служат памятники карасукского искусства, стилистически близкие скифским. Д.Г. Савинов, обосновывая южносибирские корни скифского “звериного стиля”, объясняет формирование его особенностей тем, что первоначально он зарождался в виде кожаных аппликаций на одежде, сбруе и т.д. [Савинов, 1997a]. Этим и объясняется неожиданность его появления в полностью оформленном виде. Вместе с тем, более ранние истоки этого

стиля можно обнаружить на переднеазиатских памятниках. На фрагменте рельефа из Киша (около 2800 г. до н.э.) изображен лев, терзающий оленя. Голова последнего повернута назад, а рога имеют кольцевые окончания [Orthmann, 1975, fig. 81a].

А.Р. Канторович приводит многочисленные параллели между скифским и ранним переднеазиатским искусством. На скифском навершии из кургана Слоновская Близница изображен бог или герой, поражающий хтоническое существо, нападающее на копытное. Идентичные сюжеты есть в Иране, где они датируются V в. до н.э., а наиболее ранние в Двуречье (IV-III тыс. до н.э.) [Канторович, 1998, с. 85, 86]. Общим является и образ оленя с подогнутыми ногами, который впоследствии был развит в образ летящего оленя¹. Наиболее ранние подобные изображения известны во второй половине IV тыс. до н.э. в Шумере, более поздние в Уре, Луристане и на митаннийских печатях типа Киркук. Другим важным общим мотивом является изображение фаса кошачьего хищника (Алишар, Богазкёй, Ордос и более поздние в Ассирии и Луристане). В качестве продолжения хеттской традиции можно рассматривать изображения шагающих львов. Весьма примечательны и стилистические сопоставления. Для скифского искусства, как для ахеменидского и ассирийского, было характерно подчеркивание бровных складок животных. Наиболее ранними изображениями, наделенными этой чертой, являются шумерские III тыс. до н.э. Переднеазиатские и греческие микенские параллели², датируемые II тыс. до н.э. (и более поздние ахеменидские), имеет такая особенность скифских изображений, как четкое выделение лопаток и крупа животных [Канторович, 1998a, с. 148-166]. Все это позволяет сделать однозначный вывод о связи скифского искусства с переднеазиатским, но, по мнению А.Р. Канторович, эта связь осуществлялась через искусство эпохи Ахеменидов [Канторович, 1998a, с. 147].

Интересный подход к проблеме зарождения скифского звериного стиля прослеживается в работе В.А. Кореняко. Он рассматривает его как

¹ Следует заметить, что образ летящего оленя с крыльями известен уже на печатях в Богазкёе [Müller-Karpe, 1974, Taf. 307.18].

² Микенские параллели в данном случае не столь существенны, поскольку само микенское искусство имеет корни в Передней Азии.

искусство экспрессивных деформаций и эффектов, которое тесным образом связано с психическими особенностями конных воинов-охотников, такими как агрессивность, эмоциональность, игнорирование опасности, неуравновешенность [Кореняко, 1998, с. 72]. Возможно поэтому, именно переход к кочевым формам хозяйства и способствовал доработке тех черт, которые заимствовали скифы из более ранних форм переднеазиатского искусства.

Появление скифов в Передней Азии письменные источники фиксируют в 70-е годы VII в. до н.э. Это соответствует уже упоминаемым археологическим находкам в Восточной Анатолии, которые имеют раннескифский облик и датируются началом второй трети VII в. до н.э. В Предкавказье и в Северном Причерноморье скифские памятники датируются только начиная с середины VII в. до н.э. [Мелокова, 1989, с. 33; Иванчик, 1994; Эрлих, 1994, с. 169, 171]. При этом уже в ранних памятниках присутствуют переднеазиатские черты [Петренко, 1989, с. 222, 223]. Эти факты определяют траекторию движения скифов из Центральной Азии через Среднюю Азию и Иран в Переднюю Азию и лишь затем в Северное Причерноморье.

В целом, все вышеизложенное соответствует гипотезе о происхождении скифов, предложенной В.Ю. Мурзиным [1990, с. 16-31]. По его мнению, скифская культура есть сплав трех компонентов: предскифской культуры черноморско-новочеркасского типа, протоскифской, привнесенной в VII в. до н.э. из глубинных районов Азии и включений переднеазиатской культуры. Последние выделяются очень четко, но они достаточно локальны и ограничиваются средствами защиты коня, наборным панцирным доспехом, рядом зооморфных образов в искусстве. Первые два компонента в силу их изначальной близости различить труднее. Керамика, как правило, имеет местные корни, а зеркала и каменные блюда – восточные. При этом в Причерноморье нет непрерывного развития культуры, которая бы привела к формированию культуры скифского времени. В отличие от запада, на востоке развитие скифской культуры происходило непрерывно, начиная с поздней бронзы. В X в. до н.э. в Северном Причерноморье появляются кинжалы, стрелы, удила, псалии, антропоморфные изваяния, генетически связанные с Центральной Азией и Южной Сибирью. Изваяния доказывают, что это

не торговля. Этот процесс ведет к формированию черноговорского комплекса.

Этот комплекс имеет более раннюю хронологическую позицию, чем новочеркасский, но существует с ранним новочеркасским. Развитый новочеркасский комплекс отделяет черноговорский комплекс от скифского времени. Восточное происхождение черноговорского комплекса безусловно.

Этот комплекс имеет много соответствий с раннескифским, на что указывают ведущие типы: близость черноговорских и скифских наконечников стрел, псалиев, узды. Но хронологически он со скифским не смыкается, что, на первый взгляд выглядит парадоксально, поскольку в новочеркасском пласте протоскифских включений нет. Следовательно, эти комплексы привнесены с востока дважды – в X и VII вв. до н.э.

Постепенно ранний импульс затухает. Эти протоскифские племена растворились в местной среде. Не исключено, что они были ассимилированы фракийцами, что и позволило античным авторам утверждать фракийскую принадлежность киммерийских племен. В VII в. до н.э. в Северном Причерноморье фиксируется новый импульс. В это время появляются характерный для скифского времени набор (навершия, акинаки, стрелы, изваяния, стремячковидные удила, трехдырчатые псалии, зеркала с петлей на обороте, каменные блюда). Генетические корни этого явления в Центральной Азии. Происходит стандартная для подобных миграций ситуация. Пришельцы смешиваются с местным населением, что и вызывает характерное для скифской архаики большое разнообразие погребальных обрядов и конструкций. К IV в. до н.э. наблюдается унификация обрядности, что указывает на далеко зашедшие процессы ассимиляции. Протекали они, следовательно, достаточно долго.

Однако В.Ю.Мурзин полагает, что движение второй волны скифов из Центральной Азии осуществлялось через степную зону, и переднеазиатский компонент был привнесен впоследствии, в результате их походов в Переднюю Азию из Восточной Европы. Эти походы были не единственным проникновением, а осуществлялись разными волнами [Мурзин, 1990, с. 41-44]. Последнему противоречит, впрочем, присутствие переднеазиатских изделий в наиболее ранних скифских комплексах.

На первый взгляд, подобное моделирование скифского этногенеза не находит отражения в антропологическом материале, который свидетельствует, как будто, в пользу восточноевропейского происхождения скифов. Л.Т.Яблонский, вслед за многочисленными предшественниками отмечает, что скифы по своим антропологическим характеристикам родственны срубному населению эпохи бронзы. При этом близость скифов к тагарцам и к сериям из Средней Азии объясняется происхождением от одного корня. В Средней Азии центральноазиатский импульс действительно ощущается. Западнее его нет. Л.Т.Яблонский указывает на то, что восточноевропейским скифам монголоидность присуща не была. Монголоидная примесь более свойственна сакам Приаралья. Поэтому не исключено, что ссылка Геродота на появление скифов из Азии относится именно к ним [Яблонский, 1999а, с. 141-143; 1999в, с. 44, 45]. Той же позиции придерживается С.Г.Ефимова. Она отмечает, что степные и лесостепные скифы различались антропологически, но это европеоиды. Монголоидная примесь в исследованных сериях отсутствует, что указывает на местные восточноевропейские корни скифов [Ефимова, 1999]. Однако сравниваются при этом белозерские материалы и лесостепные скифские. Следует сразу обратить внимание на некорректность рассмотрения белозерской культуры в качестве позднесрубной. Как мы уже обсуждали выше, корни этой культуры, по видимому, на Северо-восточных Балканах, хотя местный компонент в ней, безусловно, представлен. К тому же основная зона белозерских памятников располагается к западу от Днепра, в то время как срубных – к востоку. Кроме того, В.Ю.Мурзин прав, утверждая, что антропологические данные не вполне корректны. Часто для обоснования родственности скифов со срубниками привлекаются сравнительно поздние скифские материалы, причем лесостепные. А это местное субстратное население, а не собственно скифы. Уже сейчас ясно, что серии в Скифии неоднородны. Необходимо сопоставлять ранние материалы, с дифференциацией их по комплексам [Мурзин, 1990, с. 12-13]. К сожалению, в Причерноморье не опубликованы краниологические материалы раннескифского времени степной части [Яблонский, 1999а, с. 143]. Поэтому на сегодняшний день опора на антропологию невозможна.

Но и в перспективе ожидать наличия существенной монголоидной примеси в раннескифских комплексах не следует. Скифы монголоидами не были и в Центральной Азии. Они имели лишь монголоидную примесь, которая постепенно в результате контактов с иными популяциями размывалась. Первая волна в X в. до н.э. была, по-видимому, незначительной. Второй поток проходил через Переднюю Азию, и в него могло влиться родственное закавказское население. Интенсивные контакты с местным населением восточной Европы могли в еще большей степени сгладить монголоидные черты.

Подобный подход к решению скифо-киммерийской проблемы позволяет снять еще одно существенное противоречие, заключающееся в фиксации скифо-европейских изоглосс. Эти изоглоссы достаточно обширны и включают в себя лексические, фонетические и грамматические соответствия. Кроме того, существует целый ряд достаточно точных параллелей между нартским эпосом и эпосом европейских народов. Особенно труднообъяснимы параллели с преданиями островных кельтов. Возможность для сопоставления образов Батраза и Кухулина, Сослана и Кухулина, Сосрыко и Бальдра Прекрасного, смерти Батраза и короля Артура, обычаев ритуальной беременности у мужчин, воинских обычаев распития ритуальных чаш, мифов об огненном колесе свидетельствует о формировании этих эпических повествований в одном ареале. Примечательно также то, что часто наблюдается не только сюжетное сходство, но и сходство поэтических способов передачи конкретных образов [Абаев, 1965, с. 5-117; 14, с. 946, 947; Дюмезиль, 1990, с. 64-70, 72-78, 89, 90, 95, 96, 168-172, 174]. Формирование этих языковых и мифологических соответствий в начале раннего железного века в Восточной Европе немислимо, поскольку в этот период европейские языки были уже дифференцированы и их носители проживали в различных частях Европы. В этот период скифы могли контактировать только со славянами и, возможно, с частью балтов. Действительно, зафиксированы скифо-славянские изоглоссы, не распространяющиеся на прочие европейские языки. Существуют и обширные скифо-германские изоглоссы, что объясняется продвижением готов в Северное Причерноморье в III в. до н.э. [Абаев, 1965, с. 131-136; Korol, 1998]. Не исключено, что часть скифо-германских изоглосс сформировалась в результате посто-

янных набегов скифов в Среднюю Европу. Допускается даже, что часть этих набегов совершалась скифскими группами, оседающими на территории Трансильвании и Венгрии [Мелюкова, 1999]. Но объяснить присутствие данных изоглосс в кельтских и италийских языках контактами эпохи РЖВ невозможно. В не меньшей степени это положение актуально и для ПБВ, что было разобрано нами во введении к разделу II. В случае локализации прародины скифов в Центральной Азии объяснить появление этих изоглосс будет тем более трудно.

Существует гипотеза, объясняющая появление обсуждаемых изоглосс миграцией древних европейцев вокруг Каспийского моря в Европу [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 946, 947]. Это может быть справедливо, но лишь в той части, когда речь идет о древнеиранских и европейских изоглоссах. Часть из них могла впоследствии перейти и в скифский язык, хотя, как мы уже говорили, иранское население, сохранившееся в степной зоне к приходу скифов и киммерийцев, было, судя по всему, немногочисленно.

Необходимо обратить внимание на то, что скифо-европейские изоглоссы относятся, по меньшей мере, к трем различным хронологическим срезам. Наиболее ранний фиксирует контакт скифов со всеми европейцами, локализующимися в одном ареале, и датируется не позднее середины II тыс. до н.э. Только после этого следуют контакты с германцами и славянами (главным образом, с восточными). Кроме того, в некоторые скифо-европейские изоглоссы включаются и тохарские диалекты, а также фиксируются скифо-армянские и скифо-фракийско-фригийские фонетические изоглоссы [Абаев, 1965, с. 34, 119, 120, 136-141]. Последние могут быть объяснены внедрением скифского этноса во фракийскую среду Северного Причерноморья, но проблема в целом с традиционных позиций не решается. Единственным объяснением может быть закавказское происхождение скифов на базе культур посттриалетского круга. Наиболее приемлемой зоной их локализации является Южное Закавказье, где в эпоху СБВ II существовала культура, представленная памятниками севано-узерликского типа, сопоставимая по ряду параметров с синташтой, и потому, вероятно, ираноязычная. Примечательно, что в Закавказье формы, близкие синташтинским (приземистые горшки с отогнутым венчиком), сохраняются во второй половине II

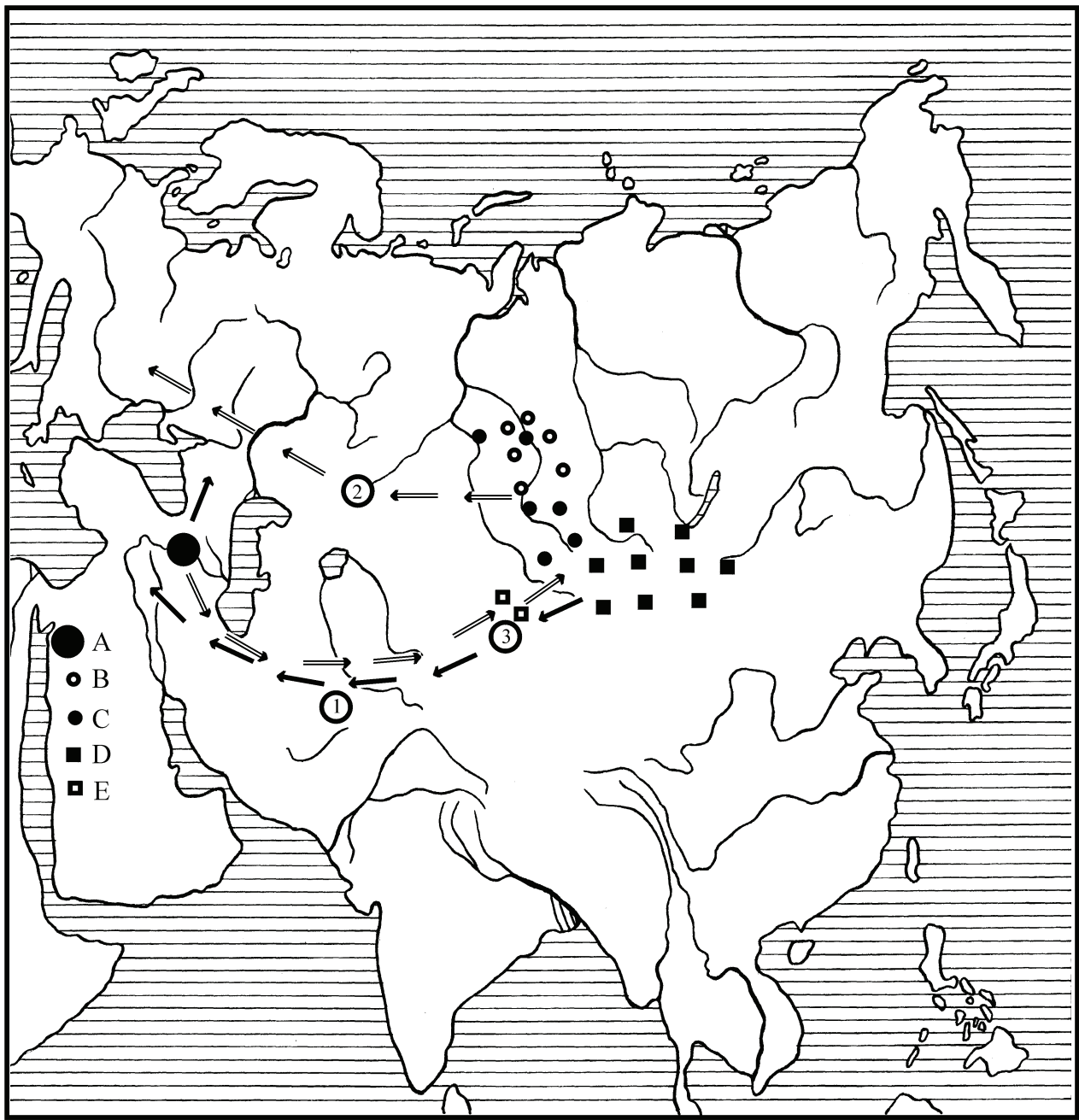

Рис. 116. Карта миграций скифо-киммерийских племен: а – первичная локализация киммерийцев и страна Гамир; б – еловская культура; с – ирменская культура; d – карасукская культура; e – памятники биенского типа; 1 – миграция киммерийцев в Центральную Азию; 2 – миграция киммерийцев в Восточную Европу; 3 – миграция скифов в Переднюю Азию и Причерноморье.

тыс. до н.э. в посуде могильника Артик. На этой посуде присутствуют и отдельные типично синташтинские орнаменты, такие как группы наклонных прямых линий или вертикальная “елка”, разделенная вертикальными линиями [см. Хачатрян, 1979]. На подобную гипотезу работает и наличие ирано-общекартвельских изоглосс, что должно было произойти ранее середины II тыс. до н.э.

[Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 634, 635]. В этом случае, учитывая предложенную выше гипотезу о локализации древних европейцев в этот период в Приурмийском районе, формирование обсуждаемых скифо-европейских изоглосс будет вполне объяснимо. Напомним также о локализации тохар в начале II тыс. до н.э. в районах Малого Заба, в Приурмийском районе и Загросе [Гамкрелидзе,

Иванов, 1989, с. 15, 16, 18, 23; Юсифов, 1987, с. 19], хотя часть скифо-тохарских изоглоссов могла сформироваться и в Центральной Азии.

Подобное размещение данных популяций в одном ареале объясняет нам возможность сопоставлений сейминско-гурбинских и карасукских бронз. Другим археологическим фактом, указывающим на протоскифо-древнеевропейские контакты, является присутствие в керамическом комплексе синташтинской культуры протофедоровской посуды, а в поселении Узерликтепе – П керамической группы, сопоставимой с протофедоровской керамикой. Реконструируемые же миграции древних европейцев и скифо-киммерийцев с продолжительным оседанием в континентальных районах объясняют исчезновение в их языках термина для обозначения моря, восходящего к общеиндоевропейской основе [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 672, 673]. Дополнительным лингвистическим аргументом в пользу подобного описания ранней скифской и киммерийской истории является то, что в финно-угорских языках, наряду с раннеиранскими, зафиксированы более поздние восточноиранские заимствования, причем характер этих заимствований позволяет говорить о приходе новой иранской группы, не связанной с той, которая была источником более ранних заимствований [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 929-931].

Таким образом, выделение скифского языка из иранского начинается довольно рано, еще на рубеже СБВ I / СБВ II, около XVIII в. до н.э. Неисключено, что формирование этой популяции было связано с теми же причинами, что и синхронные миграции иранцев в Среднюю Азию и Зауралье. Если это так, то исходным ареалом для этой миграции должны быть Юго-Восточная Анатолия и Северо-Восточная Сирия. Данная популяция оседает в Закавказье, активно взаимодействуя с соседними племенами: армянами, балтами, славянами, германцами, кельтами, италийцами и тохарами. В культуре этой группы нарастают триалетские черты. Во второй половине XIV в. до н.э. часть протоскифского населения мигрирует в Центральную Азию, формируя культуры карасук-ирменского круга. В начале I тыс. до н.э. происходит проникновение части данной популяции из Центральной Азии далеко на запад – в Причерноморье. Параллельно на Северный Кавказ и в Причерноморье проникают родственные им протоскифские племена из Закавказья. Наложение

этих потоков на белозерскую (фракийскую) основу в Северо-Западном Причерноморье и на позднесрубную (иранскую) в Северо-Восточном обусловило своеобразие этногенеза степной полосы Восточной Европы в этот период (рис. 116). Подобной полиэтничностью киммерийцев Северного Причерноморья, по-видимому, и объясняются описанные Геродотом противоречия между киммерийскими вождями и народом во время вторжения скифов.

Отчленив носителей этих двух потоков, близких друг другу и в этническом, и в культурном смысле, довольно трудно. Но во всей зоне наблюдается появление артефактов как кавказского, так и центральноазиатского облика. Наиболее наглядно это проявляется в характерных для предскифского и раннескифского времени лощеных горшках с белой пастовой инкрустацией. Часть из них можно уверенно связывать с карасукским воздействием, часть имеет параллели в кавказских культурах, очень многие можно с равным основанием связывать как с кавказскими культурами, так и с центральноазиатскими [см. *Стетии европейской ...*, 1989, таб. 3, 8, 10, 17, 61, 89]. Трудности в различении вызваны тем, что эти традиции изначально родственны и восходят к триалетской культуре. Триалетские керамические формы и орнаментальный стиль оказываются на удивление долговечны. Некоторым сосудам из раннескифских Краснознаменских курганов можно найти прямые аналогии в триалетской посуде [ср. *Джанапидзе*, 1994, таб. 18,22; *Стетии европейской ...*, 1989, таб. 89,1,2,4]. Миграция собственно скифов осуществлялась, по-видимому, из Центральной Азии через Переднюю Азию и Закавказье.

По всей вероятности, этническое самоназвание всей этой группы, начиная с конца первой половины II тыс. до н.э. было "Gamiir" или "Gimir". Скифы являлись частью этого этноса. Это объясняет идентичность передачи этнонима античными и переднеазиатскими источниками, а также то, что скифы в ближневосточных источниках могли быть тоже обозначены этим термином.

Из всего сказанного можно сделать вывод о большой фактологической точности Геродота, описавшего приход скифов из Азии и пересечение Аракса на пути в Северное Причерноморье.

Каковы же могли быть причины, которые привели к массовой миграции иранцев из Передней Азии в Центральную и формированию кара-

сукской и ирменской культур? В этот период на Ближнем Востоке существенно ослабевает царство Митанни и усиливается Новохеттское царство. Хеттские цари предпринимают серию весьма успешных походов в Восточную Анатолию и Северную Сирию. Особенно удачен был поход Суппилулиумаса I в 1360 г. до н.э., когда он прошел страны Ишува и Хайаса и разгромил Митанни [*История Древнего Востока*, с. 144-147; *Заблоцка*, 1989, с. 255-257]. Тем не менее, из этого примера не следует, что именно эти события привели к формированию новых культур в Западной Сибири и Центральной Азии. Это мог быть и менее значительный поход, слабо отраженный письменными источниками. Более вероятно то, что общая нестабильная обстановка в регионе стимулировала серию миграционных потоков, в том числе и в Луристан. Этому, как будто, противоречит сложившееся в нашей науке представление о том, что в митаннийский период ариев на Ближнем Востоке не было [*Аветисян*, 1978, с. 3, 4; *Дьяконов*, 1970, с. 47]. Это не вполне соответствует действительности даже для Митанни. В описываемый период митанниец Агит Тешуб приводит с собой в Аррапху большую группу колесничих, среди которых встречается много арийских имен [*Янковская*, 1979, с. 28]. К тому же, судя по закавказским параллелям, иранцы, оказавшиеся в Центральной Азии, должны были жить к северу от Митанни.

4.6. Этническая принадлежность синташтинской культуры

В свете изложенного в настоящем разделе, мы считаем необходимым вновь вернуться к синташтинской культуре и ее этнической идентификации, поскольку ее арийская принадлежность может быть поставлена под сомнение. Действительно, многие черты материальной культуры синташты встречаются во многих индоевропейских культурах. Очень близки, например, севано-узэрликская группа памятников, хотя в том, что они оставлены иранцами можно сомневаться. Сопоставимы и явно неарийские памятники типа Алишара или Аладжа-Уйюка. Поэтому сравнение материалов “Ригведы” или “Авесты” с археологическими источниками является не лучшим исследовательским приемом. Как мы ви-

дели, к концу эпохи бронзы синташтинский этнический компонент постепенно размывается и формирующаяся скифо-сарматская система связана не с ним, а с Центральной Азией и Закавказьем. Нет также абсолютно никаких оснований утверждать, что позднебронзовые культуры – преемники синташты, проникают далеко на юг, и с ними связано появление индоиранского компонента в Иране и Индии. Этому противоречит как отсутствие фактов, так и хронология диалектного членения арийских языков. И, тем не менее, носители синташтинской культуры были все же индоиранцами, а точнее иранцами. В пользу этого говорят следующие факты:

1. Синташтинская миграция осуществляется из сиро-анатолийского региона, откуда вскоре мигрируют популяции, сформировавшие бактрийско-маргианский археологический комплекс и говорившие на иранских языках. Вместе с тем, необходимо учитывать и то обстоятельство, что в этом регионе в это же время проживали и митаннийские арии.

2. На территории Сиро-Палестины есть факты арийского присутствия во второй половине III – начале II тыс. до н.э., что допускает возможность арийской миграции из этого региона [*Григорьев*, 1996а, с. 86]. Это также может допускать миграцию, как иранцев, так и индо-ариев.

3. В финно-угорских языках зафиксирован пласт заимствований из иранского доскифского, что отмечает присутствие иранского компонента в лесостепной зоне в III – II тыс. до н.э. [*Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1981, с. 23]. При этом обращает на себя внимание то, что подавляющая часть заимствований осуществлена в языки, носители которых локализируются к западу от Урала. В угорские языки перешли лишь единичные слова, главным образом, числительные [см. *Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1984, с. 921-929]. Это соответствует более активным контактам синташтинско-абашевского населения с населением лесной зоны в Поволжье и Приуралье и отсутствию фиксации подобных контактов в Зауралье. Последние, судя по составу заимствованной лексики (числительные), сводились лишь к сбору дани. Однако, по мнению В.В.Напольских, более интенсивные контакты в этот период происходили с индоарийскими популяциями, и большинство заимствованной культурной лексики перешло в финно-угорские именно из индоарийского [*Напольских*, 1997, с. 149-151]. Если эта гипотеза верна, то мы с большим основанием должны относить синташ-

тинцев и абашевцев к индо-ариям. Это, в конечном счете, проблема не археологическая, а лингвистическая. Однако принятие данной гипотезы не в состоянии решить проблему однозначно, поскольку мы можем несколько усложнить конструируемую систему. Не исключено, что обсуждаемые заимствования были не одновременны. В этом случае, мы можем соотнести проникновение индоарийских числительных (если они действительно таковые) в угорских языках с проникновением в начале III тыс. до н.э. в эту зону липчинской культуры. Этим же мы можем объяснить гипотетичные ранние контакты индо-ариев с финно-уграми. Подобный подход не будет вступать в противоречие с отсутствием археологической фиксации контактов носителей синташтинской культуры с культурами лесной зоны. Но интенсивные контакты к западу от Урала могли осуществляться только абашевскими племенами. И если заимствования лексики, связанной с земледелием, скотоводством и металлургией, происходят действительно из индоарийского, то говорили на нем именно абашевские племена. В этом случае необходима более детальная проработка двух чисто археологических гипотез, которые на страницах этой работы обсуждались очень кратко. Это гипотеза о влияниях, оказанных катакомбным миром на формирование полтав-кинской культуры, и гипотеза об особой роли ямно-полтавкинских племен в формировании абашевской культуры Средней Волги. Но и при этом подходе язык синташтинского населения может быть как иранский, так и индоарийский.

4. В Левобережном Поднепровье на основе изучения топонимики зафиксирован контакт балтов с иранцами [Седов, 1965, с. 52, 53]. Это соответствует археологической ситуации ПБВ, когда здесь локализовались сосницкая культура и срубная, формирующаяся на основе постсинташтинских импульсов.

5. Лингвистическая реконструкция, описывающая миграции древних европейцев, фиксирует их контакт с иранцами в степной Евразии [Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 29].

6. В некоторых памирских и афганских языках присутствуют финно-угорские включения [Грантовский, 1970, с. 357]. Они достаточно локальны и эта ситуация соответствует ограниченному продвижению в эту зону саргаринских племен в эпоху финальной бронзы. Это подтверждает не только иранскую принадлежность носителей синташтинской культуры, но также и то, что в результате описанных выше “предваликовых” процессов этнос в степной части Евразии не изменился.

7. В.В.Ивановым высказана точка зрения, что синташтинские городища объясняют лингвистические контакты носителей ранних иранских диалектов с финно-угорскими и праенисейскими [Иванов, 1999]. В принципе, этот подход правилен, но данные контакты осуществлялись, по-видимому, все же за пределами основной зоны распространения синташтинской культуры.

8. Синташтинская культура имеет много общих черт с Севано-узерликской группой памятников Закавказья и, судя по всему, формируется с ней в рамках единого миграционного процесса. Как отмечалось выше, впоследствии в этом регионе Центрального Закавказья оформляются носители протоскифского диалекта.

Таким образом, на основании вышеприведенных доводов мы можем предполагать, что носители синташтинской культуры говорили на иранском языке, поскольку доводов в пользу подобного предположения все же намного больше, чем в пользу индоарийской их принадлежности. Однако данных в пользу этого все же недостаточно и необходимы более веские обоснования данной гипотезы.

Глава 5. Индоевропейцы в Китае

В заключительной части этого раздела мы коснемся наиболее восточных районов, затронутых индоевропейскими миграциями – Китая. Индоевропеизация этой зоны не осуществилась, но индоевропейский фактор сыграл существенную роль в ее развитии.

На территории Китая первые отчетливые западные импульсы ощущаются в конце III тыс. до н.э., когда формируется культура Луньшань¹. В отличие от предшествующей культуры Яншао, носители которой выращивали лишь чумизу, а из домашних животных знали лишь свинью и собаку, в этот период начинают выращивать пшеницу, ячмень, сорго, а в стаде появляется крупный и мелкий рогатый скот. Новым явлением становится гончарный круг, чернолощенная керамика, триподы и вазы, имеющие параллели в Западной Азии, появляются первые следы плавки меди [Васильев Л., 1976, с. 203-209; Васильев К., 1998, с. 67-69]. Последнее задает нам слишком общий регион, откуда мог поступить этот импульс. Не исключено, что он мог быть связан с тохарами, поскольку тохарские включения есть в китайском языке [Васильев Л., 1976, с. 300]. Однако окуневские материалы или алтайские позднеафанасьевские, которые мы склонны связывать с тохарами, подобной посуды не содержат. Поэтому этническая принадлежность популяций, оказавших воздействие на формирование культуры Луньшань, остается неясной. Некоторая определенность начинается лишь с эпохи бронзы.

Многие исследователи отмечали парадоксальность формирования культур эпохи бронзы Китая, которая выразилась во внезапном появлении достаточно развитых технологий производства. На базе автохтонного развития подобный стремительный прогресс невозможен. Он наверняка является свидетельством мощного внешнего

воздействия исходившего, по-видимому, из Центральной Азии [Кожин, 1990, с. 52]. Эпоха бронзы Китая в бассейне Хуанхэ начинается с культуры Эрлитоу, которая датируется по радиоуглеродным датам 2005-1745 гг. до н.э. Вероятно, эта культура отражает первую полуполюгендарную династию Ся, которая была впоследствии, согласно легенде, побеждена шаньцами, и которая, согласно письменной традиции, датируется 2205-1767 гг. до н.э. Другая принятая система дат отводит этой культуре период 1850-1650 гг. до н.э. [Chang, 1992, р. 411; Васильев К., 1998, с. 70; Васильев Л., 1976, с. 95]. Ее сменяет исторически вполне достоверная Шанская династия. Эта эпоха разделяется на два периода. Ранний период получил название по раскопкам в Эрлигане в Чжэньчжоу, где первоначально находилась Шанская столица. Датируется он по традиционной хронологии 1766-1401 гг. до н.э., а по исправленной – 1600-1300 гг. до н.э. Поздний период (иньский) назван по раскопкам второй шанской столицы – Иньского городища в Аньане. Хронологические рамки этого периода – 1401-1122 гг. до н.э. по традиционной хронологии и 1300-1027 гг. до н.э. по исправленной [Археология Азии, 1986, с. 306-313; Линь Юнь, 1990, с. 30; Варенов, 1989, с. 3; Брэй, Трамп, 1990, с. 20, 21, 282]². Иная принятая система дат несколько поднимает нижнюю границу культур Эрлитоу и Эрлиган. В соответствии с ней Эрлитоу датируется 1850-1650 гг. до н.э., Эрлиган – 1650-1400 гг. до н.э., а Инь – 1400-1100 гг. до н.э. [Васильев Л., 1976, с. 95]. В любом случае, мы хотели бы обратить внимание на более позднюю дату иньских древностей и дату эрлиганских, сопоставимую с миграционными процессами древних европейцев.

Параллельно шан-иньской эпохе Северного Китая (возможно с некоторым запозданием) в

¹ В соответствии с калиброванными радиоуглеродными датами, формирование культуры датируется около 3000 г. до н.э. [Chang, 1992, р. 411].

² Существует еще одно членение трех периодов этой культуры: ранний – 1766 – 1550 г. до н.э., средний – 1550 – 1350 гг. до н. и поздний – 1350 – 1100 гг. до н.э. [Chang, 1992, р. 412].

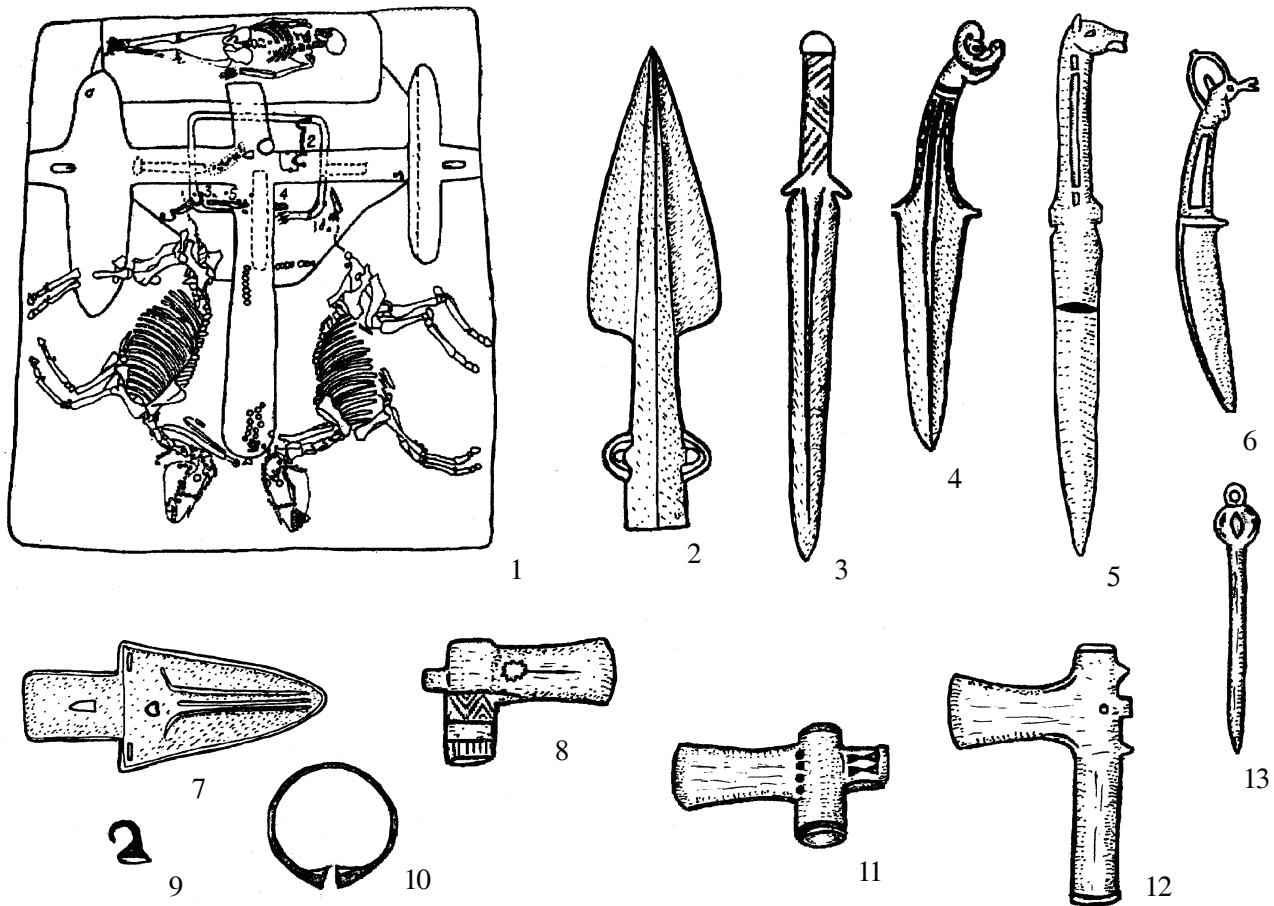

Рис. 117. Китай. Индоевропейское влияние. 1 – Дасыкунцунь; 2, 7 – Аньян; 3, 5 – Байфу; 4, 6 – Чаодаогоу; 8 – Дахунци; 9, 10 – Люцзяхэ; 11, 13 – Линьчжэюй; 12 – Цаоцзяюань.

бассейне Янцзы формируется культура Учэна, которая тоже относится уже к эпохе бронзы [Археология Азии, 1986, с. 310-313].

Металлургические находки в культуре Эр-литоу еще очень незначительны. Массовыми они становятся в период Шанской династии. При этом металл и прочие артефакты этого времени позволяют нам говорить о колоссальной роли западных племен в становлении культуры этой династии. В первую очередь этот процесс нашел свое отражение в металлическом инвентаре. Типы иньских копий довольно разнообразны [Варенов, 1989, с. 23-30; 1989а]. Однако исходными, наиболее ранними формами являются копия, типологически сопоставимые с сейминскими (рис. 117,2). Более поздняя их дата позволяет рассматривать китайские экземпляры в качестве вторичных. Помимо копий китайские археологи выделяют, так называемый “северный комплекс бронзовых изделий”, именуемый также “ордосскими бронзами” [Линь Юнь, 1990, с. 31-33].

Одной из составляющих этого комплекса являются прямые двулезвийные и однолезвийные с горбатой спинкой кинжалы, с литой рукоятью, аналогичные изделиям, обнаруженным в Сибири на памятниках карасукской культуры [Гришин, 1971, с. 11-17; Зяблин, 1977, с. 28] (рис. 117,3-6). Другая составляющая этого комплекса – топоры с трубчатой втулкой и бойком. Клин у этих топоров, как правило, прямой, часто с раскованным лезвием (рис. 117,8,11,12). Аналогичный топор обнаружен в Минусинской котловине [Гришин, 1971, с. 24]. Близкие по принципу топоры с трубчатой втулкой и бойком известны в Бактрии. Вариативность их форм очень высока [Сарианиди, 1977, с. 73-75]. По сравнению с китайскими топорами бактрийские ближе к переднеазиатским и кавказским типам, где топоры с бойком достаточно распространены [Авилова, Черных, 1989, с. 48, 49; Техов, 1977, с. 5].

Можно провести еще одну параллель с сейминско-турбинской металлообработкой. Большин-

ство изделий этого периода выплавлено из оловянистых бронз. Собственно, первые оловянистые бронзы появляются еще в период Эрлитоу III. В более ранние периоды (Эрлитоу I, II) они не известны [Chengyuan, 1980, p. 3]. Хронологически это тоже не предшествует сейминско-турбинской металлообработке.

Широко распространенным, типично китайским оружием являются клевцы (рис. 117,7). Они встречаются как на иньских, так и на учэнских памятниках, а наиболее ранние изделия датируются периодом Эрлитоу. Первоначально они крепятся с помощью черешка, но затем с севера заимствуется втулка, и появляются проушные клевцы [Линь Юнь, 1990, с. 37, 38, 41; Варенов, 1989, с. 9-17]. В сейминских бронзах подобные клевцы отсутствуют. Этот вид оружия зародился в Китае, хотя сибирские культуры оказали определенное воздействие на этот вид вооружения. Кроме упомянутых проушных клевцов, существовала еще одна линия развития этого вида оружия – от использования в качестве клевцов ножей с выгнутой спинкой к выгнутообушковым клевцам [Варенов, 1989, с. 17]. Однако в целом, клевцы как вид вооружения, приходят с запада. На Иранском нагорье они датируются 2300-2100 гг. до н.э. и уже оттуда привносятся в Китай [Линь Юнь, 1990, с. 37, 41]. На Ближнем Востоке и в Луристане клевцы распространены тоже с последней трети III тыс. до н.э., но все они втульчатые [Горелик, 1993, с. 53, 270, таб. XXVII, 1-12, 101-103]. Поэтому вполне можно допустить роль этих территорий в появлении этого вида оружия как в Южной Сибири, так и в Китае.

Еще одна общая для Китая и Южной Сибири категория изделий – кельты. В Китае они появляются достаточно рано – в период Эрлиган, и вероятно датируются XVII-XVI вв. до н.э. Возможно, они являются прототипом отдельных сибирских форм [Линь Юнь, 1990, с. 39, 40]. Однако основой для разработки сейминско-турбинских кельтов китайские кельты быть не могут, так как хронологически им, во всяком случае, не предшествуют [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261]. Более логично допустить, что кельты в Китае появляются вместе с остальным комплексом металла, сопоставимого с сейминским. То же можно сказать и о кельтах-лопатках, формирование которых связано с сейминско-турбинской средой [Кузьминых, Черных, 1988].

К “северному комплексу” относятся и датируемые иньским временем булавки с бубенчиком и маленькой петелькой под бубенчиком (рис. 117,13). Аналоги им известны в Красноярском Крае и в Забайкалье [Гришин, 1971, с. 35]. Известны в Китае и золотые украшения федоровского типа – височное кольцо и серьги с растробом, относящиеся к иньскому времени и потому явно привнесенные сюда в эпоху поздней бронзы [Линь Юнь, 1990, с. 33; Варенов, 1990, с. 62, 63] (рис. 117,9,10).

Таким образом, на складывание шан-иньского комплекса металла в течение длительного времени оказывали воздействие в первую очередь южносибирские металлургические центры сейминского и карасукского типов. Ряд форм восходит через южносибирские к бактрийским и далее к переднеазиатским. Наряду с этим мы вправе допустить влияние металлообработки несколько более ранней и не связанной с сейминской традицией. Основанием для этого является присутствие в китайских бронзах предметов, не встречаемых в сейминских бронзах, но имеющих в территориальном плане ту же линию параллелей. Часть типов (например, клевцы) могла быть привнесена в Китай, минуя Южную Сибирь, непосредственно из Ирана.

Процесс заимствований, в особенности с иньского времени, был двусторонним. Примером тому может служить распространение в карасукской, а затем в тагарской культурах иньских “моделей ярма” – изделий, разработанных в самом Китае [Гришин, 1971, с. 24, 25; Линь Юнь, 1990, с. 38, 39; Варенов, 1984; Кожин, 1990, с. 46-50].

Однако распространение типов металлических изделий далеко не всегда связано с миграционными процессами. Мы же постараемся показать, что начало бронзовой эпохи в Китае совпало с крупными миграционными процессами из западной части Азии. В пользу подобной точки зрения свидетельствуют другие черты материальной культуры. Столь распространенные на сейминских памятниках нефритовые кольца [Черных, Кузьминых, 1989, с. 244, 245] встречаются в Китае в иньское время [Варенов, 1984, с. 43].

По всей вероятности, западноевразийское влияние коснулось не только бассейна Хуанхэ. Требуящим объяснения фактом является своеобразный керамический комплекс Учэна [Археоло-

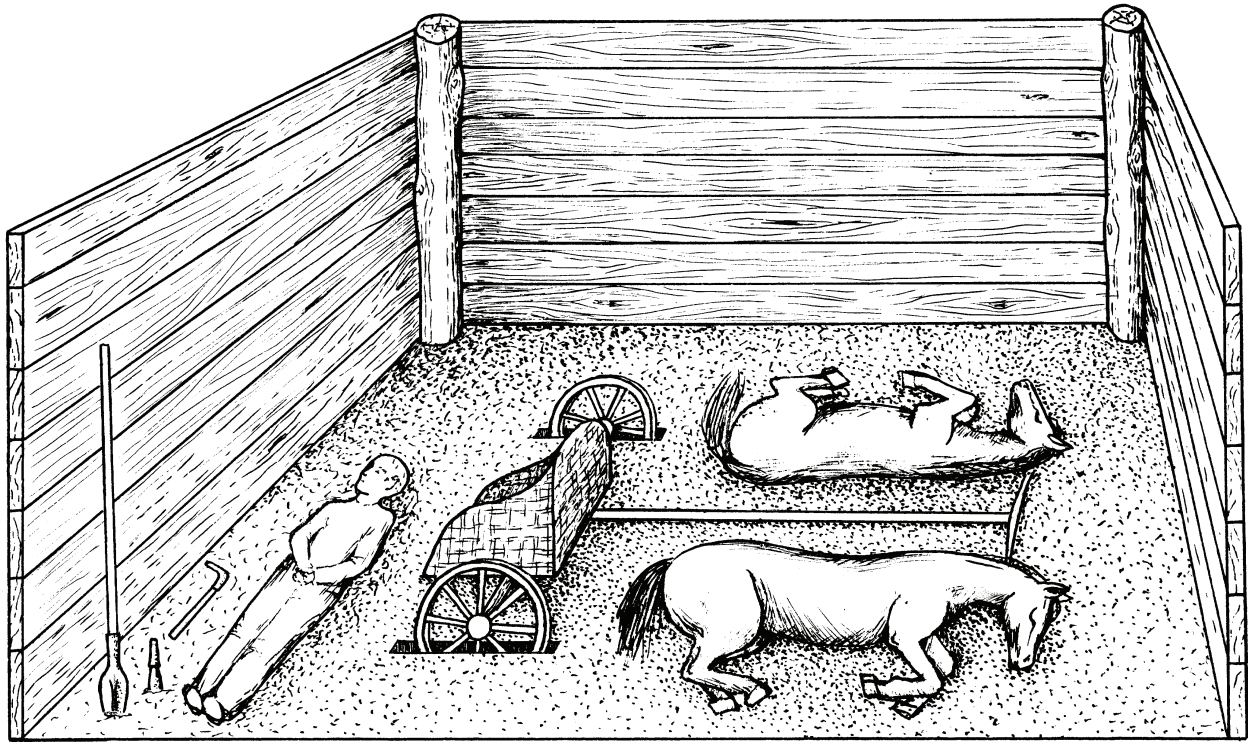

Рис. 118. Реконструкция аньянского погребения в колеснице.

гия Азии, 1986, с. 310-313; Кучера, 1977, с. 53, 113], который тоже обнаруживает много сопоставлений с синташтинскими формами. Помимо самой формы посуды, мы считаем любопытным фактом вогнутость дна. Обычно это происходит при снятии посуды с шаблона [Григорьев, Русанов, 1990, с. 141], хотя с течением времени этот признак может сохраниться, в качестве атавизма. В данном случае очень показательно сочетание вогнутого дна и конической формы тулова, иногда с острореберностью, отогнутостью венчика, внутренним ребром на шейке.

В этой связи показательна керамика Сявангана на Хуанхэ, который датируется неолитической эпохой. Здесь с типично китайской посудой сочетается, на наш взгляд, посуда западноевразийских форм. Примечательно и то, что на этом памятнике исследованы два типа захоронений – вытянутые на спине и вторичные захоронения. Первые сопровождаются качественной расписной посудой, вторые – посудой, обожженной при более низкой температуре. К сожалению, из публикации нельзя понять, как это сочетается с конкретными формами [Кучера, 1977, с. 60-63, с. 62, рис. 31,5,7,11,12].

Новый ряд сопоставлений дает нам погребальный обряд иньского времени. Иньские погребальные комплексы – чемакэны, по своим параметрам сопоставимы с синташтинскими (рис. 117,1). Они имеют ямы аналогичных размеров, ориентировку по линии С-Ю (как центральные синташтинские погребения), уступы по краям ямы, обкладку ям деревом [Новожинов, 1994, с. 160-166; Варенов, 1984, с. 43-47; 1990, с. 62-65; Кучера, 1977, с. 132-135]. Погребенные в чемакэнах, впрочем, лежат на спине, что не характерно для синташты, но встречается на сейминских памятниках. Можно провести и другую интересную параллель между сейминско-турбинским и иньским погребальным обрядом. В обеих культурах острое оружие при погребении часто втыкалось в грунт [Черных, Кузьминых, 1989, с. 21; Варенов, 1984, с. 44]. Но наиболее сопоставимая черта иньского погребального обряда с западными обрядовыми традициями – это установка в могилы колесниц. Такая важная деталь как ямки для колес на дне могильных ям иньских и синташтинских не может быть простым совпадением. Сопоставим и тип колесниц, хотя он сам по себе общеэвразийский, а также обычай укладывать в ямы костяки запряженных в колес-

ницы лошадей, туши лошадей и собак [Новоженков, 1994, с. 160-166; Кучера, 1977, с. 132-141]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что колесницы в Китае появились после прихода населения, родственного синташтинскому. Впоследствии колесницы прочно закрепляются в китайской культуре [Кожанов, 1984]. С ними связано существование, так называемых, “колесничных” мифов, несущих, впрочем, обширную космологическую нагрузку. Восходят они, при этом, к индоевропейской, главным образом индоиранской, мифологии [Евсюков, Комиссаров, 1984].

В литературе можно найти и другие западноазиатские параллели [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 591-592; Васильев Л., 1976, с. 262, 280-283, 294, 295, 297-299]. К ним относятся массовые жертвоприношения людей, которые практиковались носителями культуры Шан-Инь, но известные в царских гробницах Ура. Чисто индоевропейской традицией является появление в иньское время обычая совместного жертвоприношения человека и собаки.

Следует отметить, что жертвоприношения людей имеют не только месопотамские параллели. И в погребальных комплексах этого времени, и во дворцовых рвах, обнаруживались жертвоприношения людей с отчлененными головами или отдельные погребения черепов [Chang, 1977, p. 234, 252]. Ранее мы обсуждали подобные обычаи у сейминско-турбинской популяции. Следовательно, параллелями в металле аналогии этой популяции в Китае не ограничиваются.

Оборонительные стены и фундаменты домов сооружались по методу “хан-ту”, когда земля сыпалась в деревянные рамы, трамбовалась, после чего рама удалялась. Вероятно, это местная модификация тех строительных принципов, которых мы уже неоднократно касались. “Звериный стиль” распространенный в иньском Китае, имеет явные прототипы в карасукском искусстве. Система астрологических прогнозов близка вавилонской, а иероглифы шумерским.

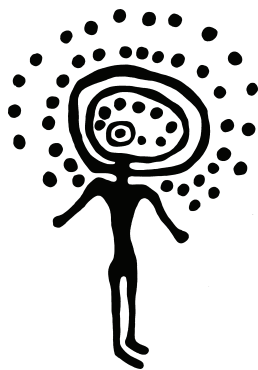
Таким образом, насколько можно судить сегодня по нашим отрывочным данным по китайской археологии, формирование китайских культур эпохи бронзы стимулировалось серией импульсов с запада и северо-запада. Наиболее ранние могут датироваться концом III – рубежом III/II тыс. до н.э. Связаны они с районами Иранского плато. Возможно несколько позже, но в досейминское время, идет новая волна из

Бактрии через Южную Сибирь. Эти волны, по-видимому, были связаны с продвижением тохарских племен. Поэтому не исключено, что первая легендарная китайская династия Ся была тохарской. Третья волна, устанавливающая прочное взаимодействие центральноазиатского и восточноазиатского миров происходит уже в сейминское время. В ней причудливо переплетены сейминско-турбинские и синташтинские черты. Она накладывает наиболее глубокий отпечаток на культуру Китая. Мы допускаем мысль о том, что именно она явилась стимулом к развитию китайской государственности, поскольку западноазиатские традиции отражаются в социально значимых захоронениях. В наибольшей степени этот импульс проявил себя уже в иньское время, но начало было положено в период Эрлиган, что делает непонятным хронологический разрыв между иньскими памятниками и синташтинскими и сейминско-турбинскими. Возможно на каких-то иных территориях, например в Синцзяне, в течение этого времени осуществлялось взаимодействие этих коллективов. Это похоже на истину, поскольку в чемакэнах мы обнаруживаем органичный сплав этих традиций. Этническое содержание этих процессов может быть описано как мощное воздействие древнеевропейских (главным образом кельто-италийских или же кельтских) популяций, при определенном участии древнего иранского компонента.

Иньское время характеризуется связями уже с северными культурами карасукского типа, хотя иногда в этих контактах ощущаются, возможно, опосредованные федоровские проявления. Доминировавшим в этом влиянии был протокифский компонент. Доля более раннего древнеевропейского (балто-славяно-германского) была весьма незначительной.

Таким образом, в ранней истории Китая заметную роль играли иранские и древнеевропейские группы. Они оказали глубочайшее воздействие на Китай, способствуя формированию китайской государственности, а возможно и стояли у истоков отдельных китайских династий. Собственно, для древних обществ образование государственности в результате внешнего воздействия являлось достаточно типичной ситуацией. В этот период складывается система отношений Китая с северным степным миром, определившая характер исторических процессов на этой территории вплоть до X в.

**Раздел III.
Происхождение и миграции индоевропейцев**

Введение

В предыдущих разделах мы разобрали наиболее дискуссионные проблемы индоевропейистики – миграции индоиранцев, древнеевропейцев и тохар. На наш взгляд, это снимает последние препятствия локализации прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке. Миграции из этого региона азиатских и балканских народов, а также греков и армян не столь проблематичны. Поэтому в дальнейшем мы постараемся наметить лишь общие тенденции этих миграций и отделить, по мере возможности, археологические материалы этого региона, оставленные индоевропейцами. С этой целью мы постараемся разобраться в индоевропейском окружении. Мы также попытаемся понять – какие комплексы мы вправе рассматривать в качестве первых индоевропейцев и на какой конкретной территории локализуется индоевропейская прародина. Помощь нам в этом окажет ностратическая теория, утверждающая родство индоевропейских, картвельских, эламо-дравидских, урало-алтайских и семито-хамитских языков [Ильич-Свитыч, 1971]. Последние, впрочем, в настоящее время в рамках ностратического единства не рассматриваются [Пейрос, Шнирельман, 1992, с. 137].

В последнее время ностратическая теория была подкреплена генетическими исследованиями, подтвердившими родство индоевропейских,

эламо-дравидских и алтайских народов [Салларес, 1998, с. 132]. Эта теория взаимосвязана с теорией о ближневосточном происхождении индоевропейцев и подкрепляет последнюю. Нам не составит большого труда продемонстрировать эту теорию на археологическом материале, поскольку отдельные узлы этой проблемы были надежно отработаны другими исследователями, и отсутствие попыток создания общей модели объясняется имевшими место трудностями в локализации индоевропейцев.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в последние годы лингвисты начали обсуждать возможность возникновения всех известных языковых макросемей от одного корня, связывая начало диалектного членения с рубежом среднего и верхнего палеолита [Иванов, 1983, с. 158, 159]. Эта гипотеза тоже подкрепляется генетическими исследованиями. Так называемая “африканская теория” утверждает, что все существующие сегодня последовательности ДНК восходят к одной женщине, жившей около 100 – 200 тысяч лет назад и входившей в состав крупной популяции состоявшей из 10 000 особей. Впоследствии остальные линии (около 9 999) пресеклись. Данные выводы в последнее время начинают подтверждаться и при исследовании мужских генов [Салларес, 1998, с. 125].

Глава 1.

Распространение ностратических языков и первые индоевропейцы

1.1. Формирование урало-алтайских языков

В литературе уже высказывалась точка зрения на то, что носители ностратических языков оставили культуру прикаспийского мезолита, простиравшуюся от Восточного Прикаспия до Восточного Средиземноморья [Даниленко, 1974]. В этой зоне, впрочем, существует ряд археологических культур. К тому же на запад эта зона, по всей вероятности, неправомерно расширена. Примечательна ситуация в Восточном Прикаспии, где выделяется две археологические культуры. Первая – прибалханская, восходящая к местному верхнему палеолиту. Вторая – восточноприкаспийская, обнаруживающая параллели в северомесопотамских памятниках Зарзи, Хазар Мерд, слой В2 Шанидара, Па-Сангар [Коробкова, 1989, с. 152, 153]. Это позволяет удревнить ностратические языки, и связать их с позднепалеолитическими комплексами зарзийского типа, локализованными в Иракском и Иранском Курдистане. Продвижение этих популяций в Восточный Прикаспий привело к формированию обширной ностратической зоны. Не исключено, что эта зона постепенно расширялась на север. В Южном Зауралье на финальнопалеолитическом памятнике Шикаевка II выявлены асимметричные геометрические микролиты, характерные для Южного и Восточного Прикаспия. Таким образом, уже в конце палеолита начинает оформляться культурное единство Зауралья и Прикаспия, проявившее себя в полной мере в последующие эпохи [Мосин, 1999а, с. 4].

Уже в мезолите фиксируются миграционные волны на север, что сопровождалось дальнейшим распространением геометрических микролитов и привело к формированию Зауральской мезолитической культурной общности, сопоставимой в наибольшей степени с памятниками мезолита Устюрта и района Кара-Богаз-Гол [Мосин, 1996, с. 30;

1999а, с. 5]. Эти миграции отклонялись и к западу, в северный Прикаспий, где в мезолитической индустрии видны традиции памятников зарзийского круга, и предполагаются последующие проникновения населения из Восточного Прикаспия в раннем неолите [Мелентьев, 1976, с. 13; Васильев, 1999б, с. 16, 17]. Мигранты первой, палеолитической и мезолитической волны говорили еще на ностратических языках. Безусловно, мы не должны подходить к ностратическим языкам с той же меркой, как к более поздним индоевропейским. Возможной их моделью являются диалекты аборигенов Австралии и фиксируемая там ситуация первобытной лингвистической непрерывности, когда близкие соседи хорошо понимают друг друга, но по мере удаления близость диалектов ослабевает. Подобная ситуация отсутствия общего языка и наличия множества близких диалектов иногда может быть характерна для групп мезолитических охотников, но в полной мере ностратическую ситуацию все же не описывает. В Австралии этнографы столкнулись с деградирующим обществом, в то время как ностратическое находилось в фазе своего развития. Это лишний раз подчеркивает слабую приемлемость этнографических параллелей при реконструкции археологической ситуации.

С началом неолита на огромных пространствах от Восточного Прикаспия до среднего течения Сыр-Дарьи формируется кельтеминарская культурная общность [Виноградов А., 1981, с. 167]. Одним из компонентов, участвовавшим в сложении этой общности, явилась мезолитическая восточноприкаспийская культура, хотя в Среднеазиатском Междуречье основной компонент был, по-видимому, местный [Коробкова, 1989, с. 155, 159, 160; 1996, с. 108]. Эту общность мы можем рассматривать как зону формирования урало-алтайских языков. Общим компонентом в них были ностратические диалекты, но в алтайских языках они должны быть менее выражены. Подобная модель объясняет известную проблему урало-алта-

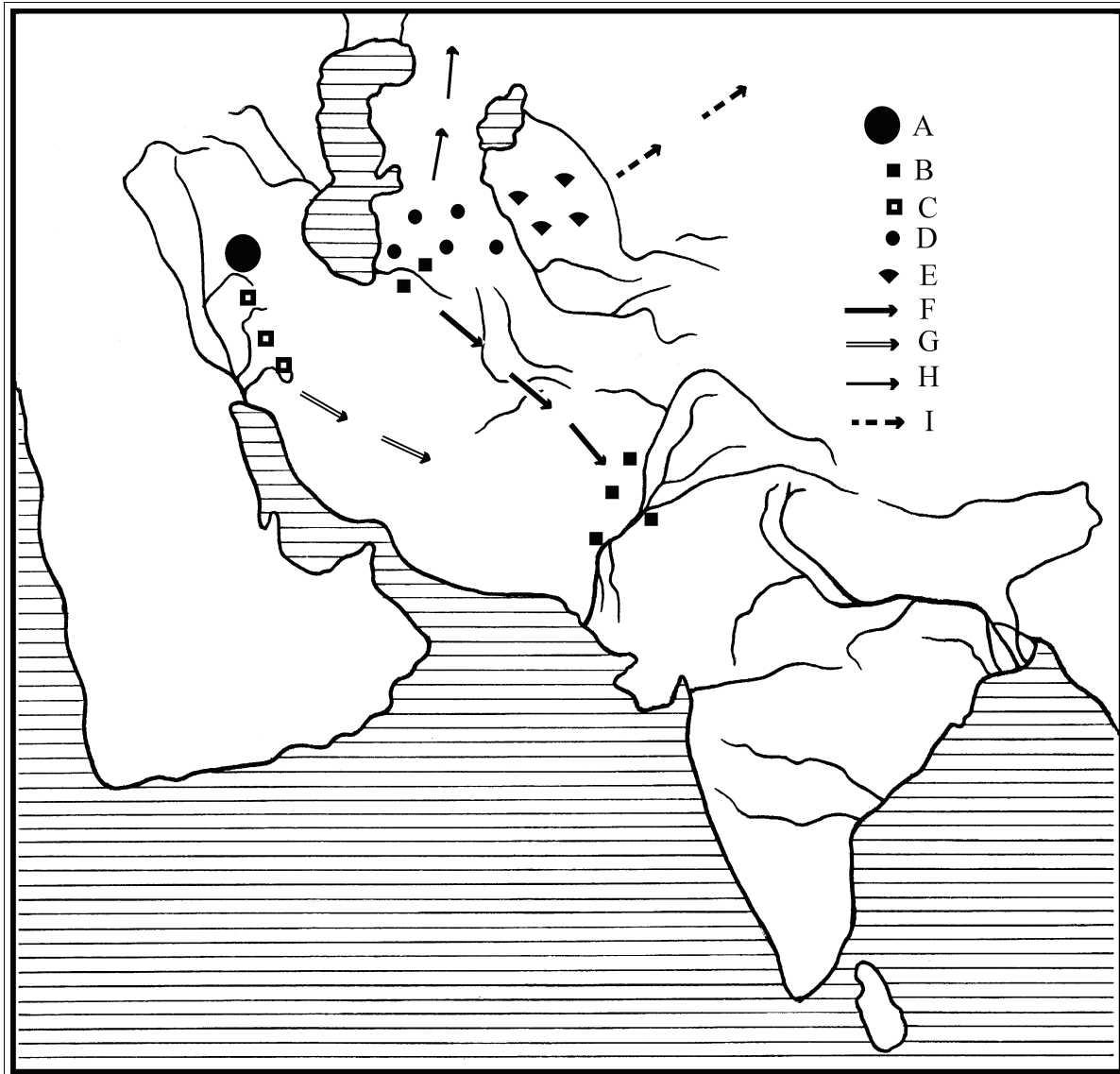

Рис. 119. Карта распространения носителей ностратических языков: *a* – первичная локализация носителей ностратических языков (Зарзи), *b* – протодравидские и дравидские культуры, *c* – протоэламитские и эламитские культуры, *d* – протофинно-угры, *e* – протоалтайцы, *f* – миграции протодравидов, *g* – миграции протоэламитов, *h* – миграции протофинно-угров, *i* – миграции протоалтайцев.

истики, в рамках которой существует два подхода к формированию этой языковой семьи. Один постулирует генетическое родство уральских и алтайских языков, второй объясняет их близость длительными контактами. Последний подход, впрочем, не исключает, что родство этих языков объясняется общими ностратическими корнями и не связано с существованием урало-алтайской языковой общности [Барта, 1985, с. 11; Напольских, 1997, с. 162, 163]. В связи с этим тенденция к делению на финно-угорские (уральские) и алтайские языки должна была обозначить-

ся сразу и первичные локализации носителей этих языков не должна быть слишком оторванной друг от друга. Это позволило В.В.Напольских сделать вывод о том, что речь должна идти о территории Урала и Западной Сибири [Напольских, 1997, с. 162, 163]. Данные выводы построены на довольно надежно доказанной им с помощью анализа фаунистической лексики локализации прауральских диалектов в зоне темновойной южной и средней тайги западносибирского типа [Напольских, 1997, с. 132]. На первый взгляд, подобный вывод полностью противоречит тем положениям, которые обос-

новываются в настоящей работе. Однако, это не совсем так, поскольку под прародиной В.В.Напольских понимает регион, где уральские народы обитали незадолго до распада [Напольских, 1997, с. 110]. Следовательно, принципиальным вопросом является дата этого распада. Поскольку в прафинно-угорском языке нет свидетельств знакомства с земледелием, скотоводством и металлами, дата распада определяется в пределах второй половины III тыс. до н.э. Однако на основании знакомства прафинно-угров с керамикой можно датировать существование прафинно-угорского в рамках неолита, а распад более раннего прауральского должен приходиться на VI – конец V тыс. до н.э. [Напольских, 1997, с. 121-125]. Поэтому, на фоне непрерывных импульсов из Восточного Прикаспия на север в течение мезолита – неолита, локализация уральской прародины в данном регионе представляется наиболее приемлемой.

Носителей прауральского, а позже прафинно-угорского языка следует локализовать в Восточном Прикаспии. Их продвижение в Зауралье уже в позднем неолите маркируется распространением стрел кельтеминарского типа [Мосин, 1996, с. 30]. На базе этих процессов в неолитическую эпоху складывается зауральско-североказахстанская культурно-историческая общность гребенчатой керамики. Длительные связи Зауралья с Прикаспием и Приаральем и отражают формирование прафинно-угорского населения Зауралья [Мосин, 1999, с. 35; 1999а, с. 7]. Не исключено, что эти процессы охватывали и районы Южного Приуралья вплоть до Средней Волги, где при формировании елшанской культуры исследователи фиксируют южные среднеазиатские импульсы [Моргунова, 1999, с. 33]. Однако финно-угорские популяции, проживавшие в Южном Приуралье и Поволжье не дали дальнейших производных, поскольку реконструируемый для III тыс. до н.э. по флоре и фауне прафинно-угорский ареал охватывает Средний Урал, Среднее и Южное Зауралье, юго-запад Западной Сибири, возможно и бассейны Камы, верховья Вычегды и Печоры [Напольских, 1997, с. 140].

Очень показательным может выступать и распространение такого типа изделий, как “утюжки” или “выпрямители древков стрел”. Наиболее ранние подобные находки происходят с памятников XI-VIII тыс. до н.э., расположенных в предгорьях Загроса. В неолите они появляются в трех регионах – юге Восточной Европы, Средней

Азии и Зауралье. При этом зауральские образцы типологически близки южным прототипам. Впоследствии, в неолите, зона распространения подобных находок существенно расширяется. Однако, наряду с местной линией развития этих изделий, не исключены дополнительные импульсы, сопровождавшиеся появлением утюжков южных форм [Викторова, Кернер, 1998].

В пользу подобного моделирования говорят и дравидские включения в финно-угорских языках, а также финно-угорские в дравидских. Причем урало-дравидские связи носят очень ранний характер. Это указывает на то, что они имели место где-то в районе первичной локализации данных диалектов [Массон, 1981, с. 116; Халиков, 1993, с. 208, 209; Напольских, 1997, с. 167]. Следовательно, данные контакты должны были происходить в Восточном Прикаспии, и в качестве дравидов могли выступать лишь носители ранних земледельческих культур Южного Туркменистана. Для алтайских языков подобный контакт не зафиксирован, поскольку их носители локализовались в Среднеазиатском Междуречье и были отделены от дравидов Каракумами. Распространение носителей алтайских языков на северо-восток сопровождалось как распространением кельтеминарских наконечников, так и характерных “рогатых” трапедий дарьясайского типа, обнаруженных на Алтае и присутствующих в кельтеминарских и мезолитических материалах Кызылкумов [Коробкова, 1989, с. 160; 1996, с. 105-108; Кунгурова, 1987]. При этом следует учитывать, что в Зауралье в неолите проникал и иной южный компонент, представленный памятниками боборыкинской культуры и связанный своим происхождением с закавказско-переднеазиатским регионом. Этот компонент активно взаимодействовал с местными племенами, на формирование которых оказали влияние прикаспийские импульсы. Не исключено, что это отражает очень ранние контакты праиндоевропейцев и прафинно-угров, которые осуществлялись за пределами их южных прародин. Однако все эти проблемы еще очень далеки от своего разрешения, поскольку как справедливо заметила Т.Н.Собольникова, все исследователи сходятся во мнении, что прочерченно-волнистые комплексы Зауралья имеют южное происхождение, однако эти комплексы неоднородны и сформированы разными группами [Собольникова, 1999, с. 42]. Часть из них своим происхождением связана со Средней Азией, и она

отражает распространение прафинно-угорских популяций, а менее значительная часть распространялась из Закавказья. За ней могут скрываться как праиндоевропейские, так и прасеверокавказские популяции. Разрешение этого вопроса возможно лишь в случае детального сопоставления отдельных южных и северных комплексов.

По всей вероятности, нарастание финно-угорского присутствия в Зауралье происходит в течение неолита.

Однако диалектное членение финно-угорских языков начинается лишь в середине III тыс. до н.э., поскольку первой половиной этого тысячелетия мы можем датировать протофинно-угорские контакты с индо-ариями. Вероятно, распространение в Приуралье культур с традициями гребенчатого геометризма мы вправе сопоставлять с дальнейшим членением финно-угорских языков. Общефиннское языковое состояние должно быть приурочено к волго-камским комплексам второй половины III – первой трети II тыс. до н.э. Существование финно-пермской и финно-волжской общностей датируется рубежом III/II – серединой I тыс. до н.э. Не исключено, что с появлением в этом регионе древних европейцев начинается диалектное членение финских языков и продвижение части их носителей в Прионежье, Эстонию и Южную Финляндию.

Изложенное выше вступает в противоречие с гипотезами, которых придерживается большинство исследователей финно-угорских народов. Их происхождение связывают либо с лесными районами Восточной Европы, либо с Прикамьем и Зауральем [Седов, Смирнов, 1987, с. 294; Седов, 1992, с. 296, 297]. Однако археологическую идентификацию протофинно-угров в Восточной Европе обосновать сложно. Отсутствуют и лингвистические основания для подобной локализации их прародины, за исключением постулируемых ранних контактов с индоевропейцами, которые в реальности не подкрепляются языковым материалом [Напольских, 1997, с. 148]. Поэтому при решении индоевропейской проблемы нельзя опираться на финно-угорский материал. Скорее напротив – реконструкция индоевропейской истории способна оказать существенное воздействие на дальнейшее развитие финно-угорской проблематики.

Следует также иметь в виду, что аятской культурой финно-угорские древности могут не ис-

черпываться. Финно-угорскими могли быть и иные синхронные или более ранние культуры. С Зауральем могут быть связаны те финно-угорские популяции, которые привели к формированию современных языков. Но и это требует проверки, поскольку остается до конца не выясненным – можем ли мы рассматривать индоевропейские включения в протофинно-угорский как индоарийские.

1.2. Формирование и распространение эламо-дравидских языков

После отделения урало-алтайских языков в Загросе формируется неолитическая общность с производящими формами хозяйства, представленная такими памятниками как Джармо, Тепе-Сораб, Тепе-Гуран и, отчасти, Телль-Шимшара [Массон, 1989, с. 41, 42; Mellaart, 1975, p. 80-90] (рис. 120, 1-6). Датируется она VII-VI тыс. до н.э. Уже в начале VI тыс. до н.э. на предгорных равнинах Копетдага, в Северо-Восточном Иране и Южном Туркменистане оформляется неолитическая джейтунская культура. В ее формировании участвовали местные племена, но несомненно и значительный импульс культуры Джармо. Последний заметен в керамике, кремневой индустрии, костяных бусах, каменных дисках с отверстиями, глиняных конусах [Коробкова, 1996, с. 97; Массон, 1964, с. 45]. Носители этих культур, возможно, говорили на эламо-дравидских языках. Подобная их локализация не противоречит отнесению их к ностратической семье. Последнее, впрочем, находит в настоящее время возражения лингвистического порядка, и вопрос о генетической связи эламо-дравидских языков остается открытым [Mac Alpin, 1981]. Не исключено, что основания для включения праэламо-дравидского в ностратические были вызваны не генетической их связью, а близким соседством, что для рассматриваемой здесь проблемы не существенно.

Распад эламо-дравидской языковой семьи происходит в V-IV тыс. до н.э. [Лейрос, Шнирельман, 1992, с. 137]. Он достаточно четко отразился на археологическом материале. На севере Ирана оформляются культуры с “красной кера-

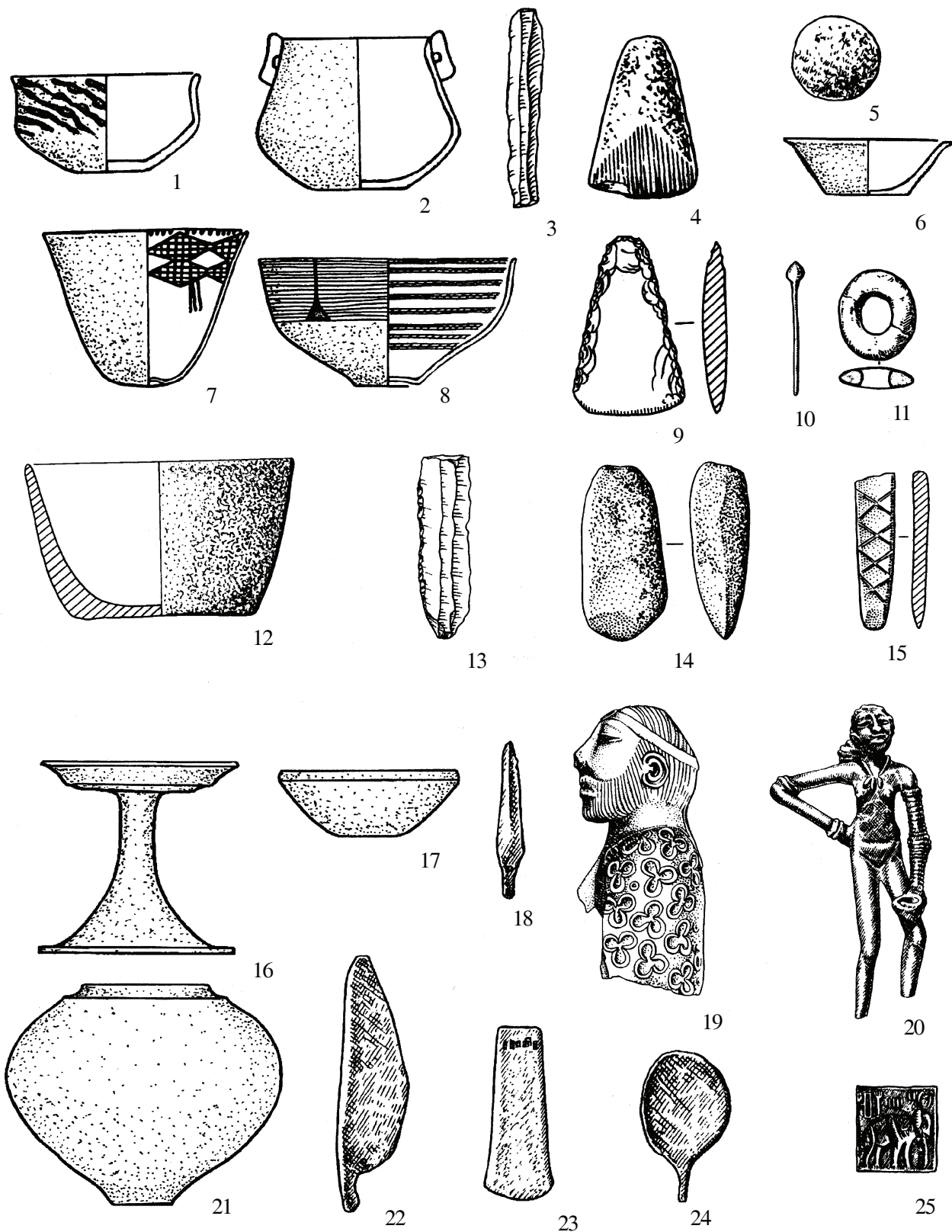

Рис. 120. Эламо-дравидские культуры. 1–6 – Джармо; 7–11 – Сялк I; 12–15 – Мергар; 16–25 – хараттская цивилизация.

микой” (Сялал (рис. 120,7-11), Гиссар,¹ Анау), а на юге с “желтой керамикой”, что соответствует выделению дравидов и эламитов [Массон, 1977, с. 153-155; 1981, с. 117, 118]. Необходимо подчеркнуть, что у нас отсутствуют надежные основания для суждения о языке джейтунцев. Но мы все же склонны относить их к эламо-дравидской семье, поскольку помимо упоминаемых выше импульсов Джармо, наблюдаются параллели этой культуры с ранними слоями памятников Северо-Восточного Ирана – Тюренг-Тепе, Ярым-Тепе [Сарианиди, 1970, с. 21]. Этот параллелизм сохраняется и в энеолите. Однако смена целого ряда важных черт материальной культуры, в том числе кремневой индустрии, позволяет утверждать, что помимо джейтунской культуры на формирование анауской культуры Южного Туркменистана оказали влияние комплексы типа Сялал I Центрального Ирана [Энеолит СССР, 1982, с. 19, 20]. В любом случае, наиболее вероятно то, что в V тыс. до н.э. от Центрального Ирана до Южного Туркменистана формируются родственные культуры, генетически связанные с Загросом и появление которых мы можем трактовать как выделение дравидов, поскольку в дальнейшем из этого района фиксируются импульсы на юг. Как уже отмечалось выше, в этом регионе они контактировали с носителями уральского праязыка.

Проникновение же нового населения на северо-запад Индостана началось в VI тыс. до н.э., еще на стадии эламо-дравидского единства. Уже для наиболее ранних сельскохозяйственных общин Афганистана наиболее близкие аналогии дает Джейтун [Shaffer, 1978, с. 83]. Это отражает смещение дравидов в южном направлении. В результате, возникающий в Северном Белуджистане комплекс Мергар демонстрирует параллели как с Джармо, так и с Джейтуном [Массон, 1989, с. 178-180; Jarriage, 1984] (рис. 120,12-15). Однако эти процессы должны были иметь продолжение в последующую эпоху, поскольку распад общедравидского датируется IV тыс. до н.э. [Пейрос, Шнирельман, 1992, с. 136; Массон, 1981, с. 116]. При этом дополнительная подпитка этого региона дравидоязычным компонентом должна была осуществляться именно из Южного Туркменистана, поскольку в дравидских языках зафиксиро-

рованы финно-угорские включения, а отдельные дравидоязычные популяции сохранились по сегодняшний день не только на юге Декана, но и в Туркменистане, Белуджистане, Пакистане и Иране [Массон, 1977, с. 151; 1981, с. 116].

Это постоянное взаимодействие осуществлялось через территорию Афганистана, где формируется комплекс Мундигак (начало IV – начало II тыс. до н.э.). Комплекс афганского металла этого времени – проушные топоры, втульчатые мотыги, зеркала с ручкой, булавки с биспиральным или расплюснутым навершием, мало отличается от изделий Средней Азии и Ирана. Наиболее близкие аналогии Мундигаку I, II известны в Намазге II. В слое Мундигак III становятся более ощутимы связи с Белуджистаном и долиной Инда [Shaffer, 1978, p. 91, 141-144, 172, 173].

Действительно, формирование харапской цивилизации в определенной степени может рассматриваться как прерывание восходящей к Мергару культурной традиции. Часть прохарапцев сохраняется, часть ассимилируется. Последнее наиболее четко зафиксировано в Калибангане [Шарма, 1984]. Эти дополнительные дравидские импульсы прослежены на Шахри-Сохте в слоях первой половины III тыс. до н.э., где обнаружено значительное количество артефактов, близких Намазга III [Массон, 1981, с. 111-113; 1989, с. 185, 186; Ламберг-Карловски, с. 12]. Нельзя исключать и последующего постоянного взаимодействия между дравидами, осуществлявшегося по линии Север – Юг. Примером его может служить харапская торговая фактория Шортугай на Аму-Дарье [Francfort, 1984; Кузьмина, 1992]. Это и обусловило близость культур долины Инда с туркменистанскими и иранскими. Особенно ярко это проявилось в антропоморфной пластике и печатях. Безусловно, реальная ситуация была намного сложнее, чем та, которая приведена выше. Импульсы в Индостан поступали и с территории Ирана. Это выразилось в раннем появлении гончарного круга, в сходстве отдельных форм посуды неолита и энеолита Центральной Индии с иранским керамическим материалом и т. д. [Массон, 1984, с. 68; Щетенко, 1965, с. 43; 1968, с. 101, 108, 117, 118]. Кроме того, все дравидские культуры от Копетдага до долины Инда были подвержены влиянию эламитов. В Афганистане, например, это проявилось в параллелях между Мундигак III и Шахри-Сохте I [Shaffer, 1978, p. 173].

¹ Мы склонны, все же, в формировании Гиссара I и в трансформации Сялалка III видеть появление индоевропейцев, хотя это требует серьезной проверки.

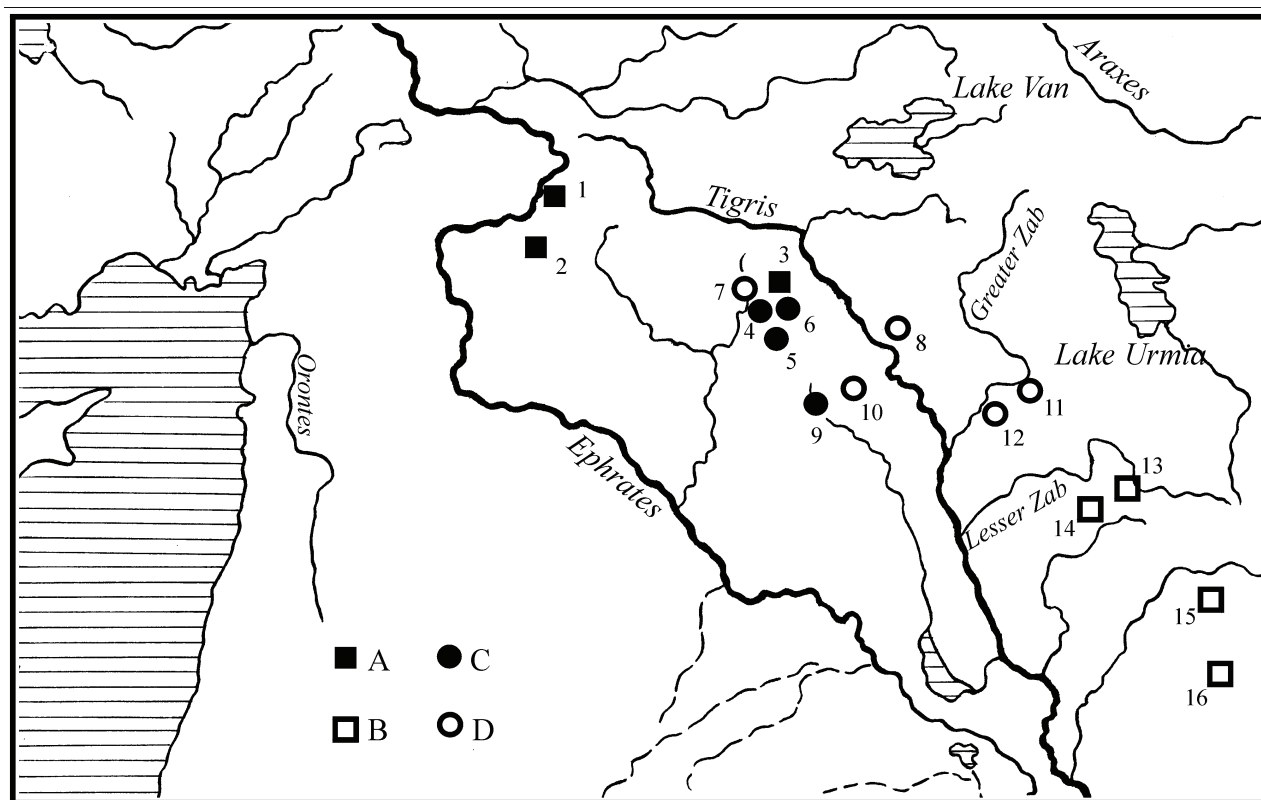

Рис. 121. Карта памятников Северной Месопотамии: а – прото-индоевропейские памятники VIII-VII тыс. до н.э.; б – прото-эламо-дравидские памятники VIII-VII тыс. до н.э.; с – памятники типа Тель Сотто; д – памятники хассунской культуры. 1 – Чайонотепези; 2 – Невали-Чори; 3 – Тель Магзалия; 4 – Кюллимене; 5 – Телуд эт-Талафат; 6 – Тель Сотто; 7 – Ярымтене I; 8 – Ниневия; 9 – Умм Дабагия; 10 – Тель Хассуна; 11 – Али Ага; 12 – Тель Хан; 13 – Карим Шахир; 14 – Джармо; 15 – Тене Сораб; 16 – Тене Гуран.

Формирование эламитов связано с южным вариантом Джармо (Тепе-Гуран) и эволюцией его в комплексы типа Али-Кош, датируемые VI тыс. до н.э. [Массон, 1989, с. 117]. По-видимому, это еще стадия нерасчлененной эламо-дравидской общности. С отделением эламитов, на юге Ирана формируется зона культур с желтой и кремовой расписной керамикой (Сузы, Тали-Бакун, Джови). Отсюда идет распространение эламитов на восток (Тепе-Яхья) и в Центральный Иран (Сиялк IV). На подобные миграции указывает, в частности, то, что в Тепе-Яхья зафиксирована месопотамская керамика типа “Джемдет Наср”, и в настоящее время население этого поселка довольно уверенно определяется как протоэламиты [Lamberg-Karlovsky, 1984]. Фиксируется влияние с возможными незначительными миграциями и на более далекие расстояния, что нашло отражение в материалах Шахри-Сохте и Намазги II, III. Эти

всплески были связаны с соперничеством Элама и Шумера [Ламберг-Карловски, 1990, с. 9-12, 14-16; Массон, 1984, с. 66; 1989, с. 118; 1981, с. 117, 118; 1977, с. 153-155; Саруаниди, 1969, с. 243; 1970, с. 26, 27].

Все вышесказанное далеко не бесспорно и требует серьезного обсуждения и исследования. Однако, в любом случае, основные культуроформирующие импульсы во всем этом регионе поступали с запада.

Таким образом, возникновение урало-алтайских и эламо-дравидских языков связано с довольно ограниченным районом Северного Загроса в верховьях рек Дияла и Малый Заб. Это дает основание для поисков культуры, которую мы можем отождествить с праиндоевропейцами в районах, примыкающих на западе к указанному ареалу.

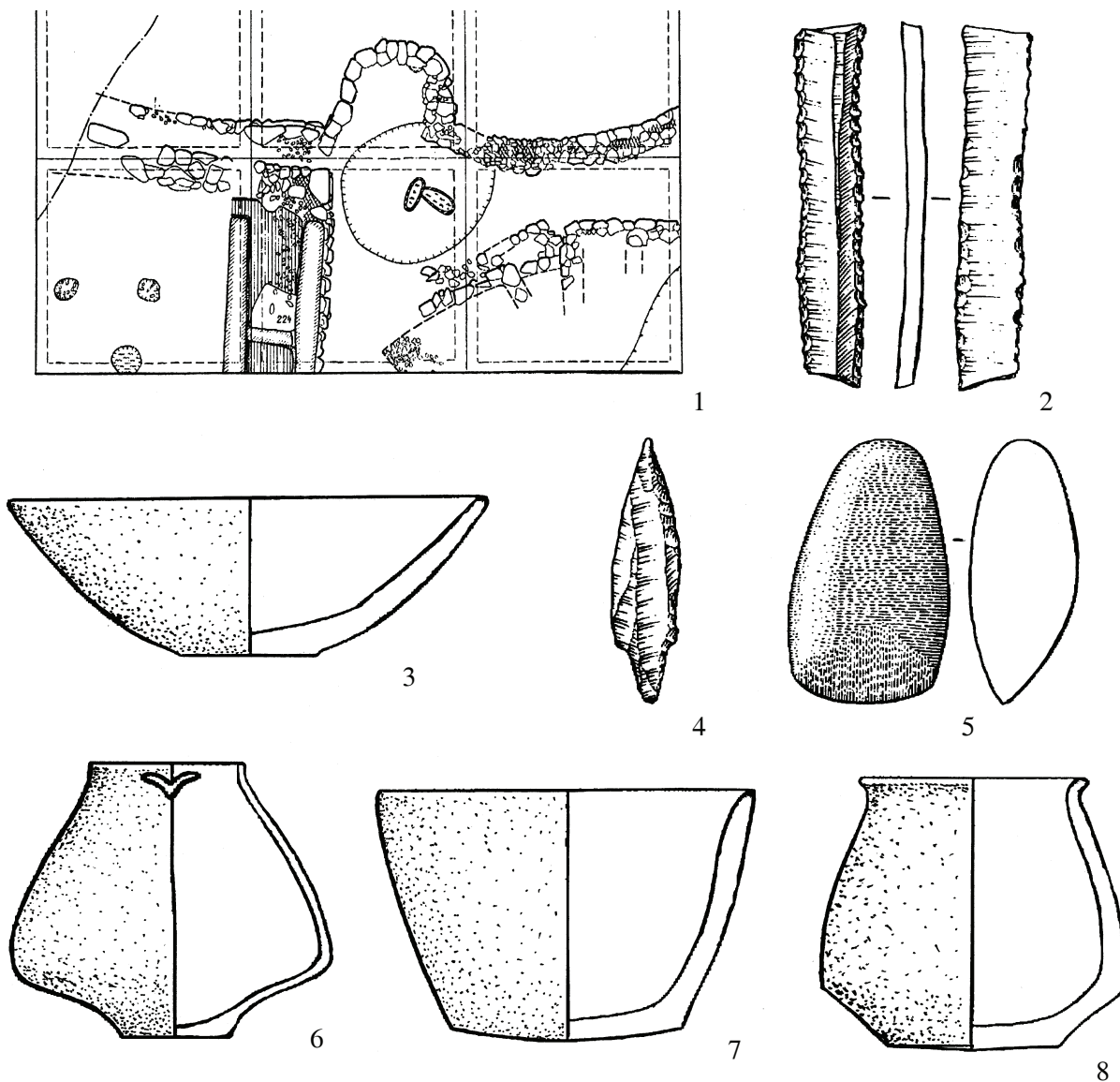

Рис. 122. Прото-индоевропейцы в Северной Месопотамии. 1, 2, 4, 5 – Тель Магзалия; 3, 6–8 – Тель Сотто.

1.3. Праиндоевропейцы в Северной Месопотамии

Все вышесказанное далеко не бесспорно и требует серьезного обсуждения и исследования. Однако, в любом случае, основные культуроформирующие импульсы во всем этом регионе посту-

пали с запада.

Культурные традиции неолита Передней Азии довольно многообразны [см. например *Gebel, 1984*]. Нас же интересует лишь одна группа памятников, имеющих сходные черты. Эта группа примыкает на западе к комплексам типа Джармо.

В Северной Месопотамии в предгорных районах Загроса и Тавра исследована серия раннеземледельческих теллей, датируемых VII тыс. до н.э. [*Porada et al., 1992*, p. 80]. К ним относятся расположенный на Синжарской равнине в междуречье Тигра и Хабур Тель Магзалия и такие извес-

тные памятники как Чейюню Тепеси в верховьях Евфрата и Шимшара в предгорьях Загроса (рис. 121). Последнее поселение расположено неподалеку от Джармо и имеет синкретический облик обеих культурных групп. Однако и памятники к западу от Тигра, несмотря на ряд существенных различий, объединены с Джармо многими общими характерными признаками. Часть этих признаков (пластинчатая техника расщепления камня) уходит корнями в мезолитическую эпоху. В этом смысле формирование этих комплексов имеет общую основу. Но имеются и другие черты, проявляющиеся в сходстве домостроительной техники, антропоморфных статуэток, конических пестиков [Бадер, 1989, с. 228-233]. Вероятно, близок этим памятникам и исследованный недавно на Евфрате в турецкой провинции Санли-Урфа тель Невали-Чори [Антонова, Литвинский, 1998]. Ностратическая теория позволяет рассматривать эти памятники в качестве поселков населения, язык которого мы можем обозначить как праиндоевропейский, а точнее как группу связанных между собой праиндоевропейских диалектов. Вместе с тем, в их материальной культуре уже на этом этапе обозначились те черты, которые мы впоследствии обнаруживаем у отдельных индоевропейских популяций.

В первую очередь это оборонительные стены и прямоугольные жилища, основания которых выполнены из мелкого камня, забутованного между двумя рядами более крупных камней. На полученном таким способом основании возводились глиняные стены (рис. 122,1). Эта архитектура резко контрастна архитектурным традициям Восточного Средиземноморья, где, начиная с натуйфийского времени, преобладали круглые постройки. Они были распространены в Палестине и в культуре Хирохития на Кипре [Mellaart, 1975, p. 28-45, 129-132; *Investigations...*, 1989, p. 295, 296; Burney, 1977, p. 18; Aurenche, 1981, pl. 4, 5; Stanley-Price, Christon, 1973]. Впоследствии, в халафское время, эта традиция проявит себя и в Северной Месопотамии.

Другая черта культуры Северной Месопотамии VII тыс. до н.э., которую необходимо отметить, это появление черешковых наконечников стрел на пластинах, полированных топориков, антропоморфных статуэток [Бадер, 1989] (рис. 122,4,5). Находки полированных тесел известны и в докерамических слоях Хаджиляра, который, впрочем, к этой группе памятников не относится

[*Neolithic Cultures*, 1974, fig.23]. Любопытно также обнаружение на Тель Магзалии древнейшего медного шила, выполненного холодной ковкой из самородной меди. Медные бусы обнаружены и на Невали-Чоре [Рындина, Яхонтова, 1989, с. 306, 308; Антонова, Литвинский, 1998, с. 41]. Подобное ограниченное использование меди было присуще в это время и тем культурам региона, которые я не склонен соотносить с индоевропейцами. Аналогичные находки были выявлены в Чаттал-Уйюке и Али-Коше. Не исключено, впрочем, что знание меди восходит еще к концу ностратической эпохи, поскольку первые украшения из меди происходят из Шанидара, где они датируются IX тыс. до н.э. [Moorey, 1975, p. 41]. Несколько более поздние (VIII тыс. до н.э.) обнаружены в Чайюню-тепеси [Ottaway, 1994, S. 84]. При этом развитие технологии происходило очень медленно, что показывают результаты анализов изделий VIII – VII тыс. до н.э. Медные бусы, встреченные на ряде анатолийских поселений (Чайюню Тепеси, Ашikli Хейюк, Невали Чори, Чатал Хейюк, Хаджиляр, Кан Хасан), изготовлены ковкой с промежуточными отжигами. Исследования показали, что даже булава из Кан Хасан II (около 6000 г. до н.э.) сделана этим способом. Первые литые изделия, причем, видимо из меди, выплавленной из руды, появляются только в слое Мерсин XVI (около 5000 г. до н.э.) [Yalcin, 2000, p. 18-22].

Палеоботанические исследования, осуществленные на Тель Магзалии, решают еще одну важную проблему индоевропеистики. В литературе высказывались сомнения по поводу возможной локализации индоевропейской прародины в Северной Месопотамии по причине отсутствия в этом регионе некоторых деревьев, в частности березы, название которой восходит к праиндоевропейскому [Сафронов, 1989, с. 48]. Между тем в слоях Тель Магзалии зафиксирована пыльца этого растения [Зеликсон, Кременецкий, 1989, с. 288].

Лингвистическая реконструкция праиндоевропейского хозяйства соответствует реалиям северомесопотамских комплексов VII тыс. до н.э. Общеиндоевропейской терминологией являются слова для обозначения пшеницы и ячменя. Просо, рожь, овес начинают использоваться уже после выделения отдельных диалектов. Урожай собирали серпами, зерно не мололи, а толкли. Известен лен, но не во всех диалектах. Были знакомы прядение, ткачество и шитье. Общая гончарная терми-

нология отсутствует, но к праиндоевропейскому состоянию восходят термины, обозначающие понятия “месить глину”, “глина”, “лепить”, “глинобитная стена”. Общим является термин для обозначения ограды или укрепления. Существовал общий термин для меди, но единая кузнечная или металлургическая терминология отсутствовала. Терминология для обозначения молота и топора относилась первоначально, по-видимому, к каменным изделиям. Крупный рогатый скот уже был одомашнен, но в стаде доля его была невелика. Основу стада составлял мелкий рогатый скот, в первую очередь овцы. Термин для обозначения овец соответствовал даже понятию “все стадо”¹. Реконструируется также такой специфический вид охоты, как преследование зверя с собаками [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 580-585, 655-660, 687-693, 697, 704-716, 743-745].

Приведенной лексике полностью соответствует характер хозяйственных комплексов Северной Месопотамии. На всех памятниках VII-VI тыс. до н.э. единственными видами культурных злаков являются ячмень и пшеница, а на некоторых зафиксирован лен [Антонова, Литвинский, 1998, с. 41; Лисицына, 1989, с. 291-293]. Урожай собирался серпами с каменными вкладышами, а зерно измельчалось пестами в ступах или на зернотерках. На поселении Телль Магзалия обнаружены костяные иглы с ушком, проколки и пряслица. Керамические сосуды отсутствуют, но глина используется для изготовления небольших статуэток и в строительстве, в том числе при строительстве небольших оборонительных стен. При раскопках в Невали-Чоре тоже были выявлены остатки оборонительной стены, а дома складывались из камня на глиняном растворе [Антонова, Литвинский, 1998, с. 38-41]. Обнаружение медного шила на Телль Магзалия маркирует знакомство с металлом, но обработка его способом холодной

¹ Этот вывод является крайне важным, поскольку на территории Европы предков domesticiрованной овцы не было. Овца была выведена из западноазиатского муфлона, который обитал в регионе от Анатолии до Загроса, и местами в Северном Иране. Старые данные об его обитании в Леванте подтверждения не получили. Наиболее ранние находки возможно domesticiрованной овцы происходят с памятника IX тысячелетия до н.э. Зави-Чем-Шанидар в Северо-Восточном Иране. Несмотря на отсутствие морфологических признаков, среди костей очень много молодых особей. С середины VIII тыс. до н.э. известны уже несомненные кости domesticiрованной овцы на памятнике Али-Кош в Загросе [Vököny, 1991, p. 549, 550].

ковки объясняет отсутствие специальной терминологии. Среди костей домашних животных 134 принадлежит овце, 112 – козе и только 6 – крупному рогатому скоту. Обнаружение костей собаки, дикого осла, кабана, оленя, джейрана, газели, безоарового козла, муфлона и тура, а также довольно крупных черешковых наконечников стрел, как будто, указывает именно на тот тип охоты, который предполагает лингвистическая реконструкция [Гаджиев, 1989]. На наличие в регионе данного вида охоты указывают и фрески на стенах домов в Чаттал Хейюке, где изображены сцены охоты на оленя с собакой и луком [Mellaart, 1967, Taf. 56, 57].

Идентична и ситуация, выявленная на Невали-Чори, где зафиксированы остатки домашних овец и козы, а диких – газели, оленя и кабана [Антонова, Литвинский, 1998, с. 41]. Поэтому мы вправе говорить о полном тождестве культуры Северной Месопотамии, начиная с VII тыс. до н.э., культуре и хозяйству праиндоевропейцев. Необходимо также подчеркнуть, что в Восточной Европе культурно-хозяйственные системы, сопоставимые с моделью, реконструируемой на языковом материале, никогда не существовали.

На последующих этапах сходство с более поздними индоевропейскими культурами начинает нарастать. В слоях поселений Телль Сотто, Кюльтепе, Ярымтепе I, Умм Дабагии, датируемых VI тыс. до н.э.¹, наблюдается трансформация прежних черт, хотя культурная преемственность их с предыдущей эпохой является несомненной. Важной инновацией явилось появление керамики (рис. 122,3,6-8). Такие детали как налпы и лощеные поверхности сосудов или подкосы в их придонной части впоследствии сохраняются в хассунской керамике и в разной степени проявятся в позднейших индоевропейских керамических комплексах [Бадер, 1989, с. 233-240; *Neolithic Cultures*, 1974, fig. 53]. Памятники этого типа рассматриваются либо как протохассунские, либо как культура Телль Сотто, но генетическая связь их с одной стороны – с хассунской культурой особых сомнений не вызывает [Бадер, 1989, с. 197, 198, 234-237; Мунчаев, Мернерт, 1981, с. 143].

Хассунская культура укладывается в хронологические рамки с конца первой половины VI тыс.

¹ Калиброванные радиоуглеродные даты периода 6200-6000 до н.э. [Porada et al., 1992, p. 81].

до н.э. по начало V тыс. до н.э.¹ [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 153, 154]. Памятники ее (Ярымтепе I, Телль Хассуна, Ниневия, Телль Хан, Али Ага) расположены между верховьями Хабура и Большим Забом. В архитектуре появляется принцип группировки блоков домов вокруг двора [Lloyd, Safar, 1945]. Впоследствии это найдет свое продолжение в тех архитектурных формах, которые были описаны при анализе синташтинской архитектуры. Количество керамических форм заметно увеличивается. Характерны сосуды с подкосами у дна, близкие позднейшей иранской посуде. Интересны формы со сглаженным подкосом, находящиеся впоследствии более поздние параллели в майкопской культуре [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 1, с. 90-111]. На керамике распространен простой геометрический орнамент и налесты различных форм. Сохраняются черешковые наконечники стрел, шлифованные топоры, появляются каменные булавы [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 35-37].

Важной инновацией становится изменение состава стада. Уже в наиболее позднем слое Телль Магзалии среди остеологических остатков начинают появляться кости свиньи [Гаджиев, 1989]. В хассунское время свинья занимает уже довольно заметное место в стаде [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 149]. Это соответствует лингвистическим данным, постулирующим более позднее появление свиньи в стаде древних индоевропейцев. Происходит это в самом начале диалектного членения индоевропейского праязыка [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 594]. Это обстоятельство лимитирует существование праиндоевропейского языкового единства VII – VI тыс. до н.э.

Дальнейшее развитие хассунской культуры в этом регионе было прервано появлением халафской культуры, не имеющей ничего общего с прежней культурной традицией. Датируется эта культура первой половиной V тыс. до н.э., однако в ее более древних корнях сомневаться не приходится². В пользу этого говорит великолепная расписная керамика, в особенности антропоморфные и зооморфные сосуды, отличная от хассунской глиняная пластика, развитая домостроитель-

¹ Калиброванные радиоуглеродные даты предполагают существование хассунской культуры в рамках первой половины VI тыс. до н.э., после чего она сменяется халафской культурой [Porada et al., 1992, p. 83-86].

² Калиброванные даты халафской культуры – вторая половина VI тыс. до н.э. [Porada et al., 1992, p. 86; Schwartz, Weiss, 1992, p. 228].

ная техника. Жилища, при этом, принципиально отличаются от жилищ Анатолии или Северной Месопотамии тем, что они круглые в плане [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 156-268; Массон, 1989, с. 79-83]. Истоки халафской культуры не ясны. Попытки связать ее с Чаттал Уйюком заслуживают внимания, но пока не до конца убедительны [Богословская, 1972]. Домостроительные традиции и антропоморфная пластика халафской культуры близки закавказским шулавери-шомутепинским, имеющим к тому же более раннюю дату (с VI тыс. до н.э.) [Энеолит СССР, 1982, с. 104-107, 115]¹. Однако гончарные традиции шулавери-шомутепинской культуры сопоставимы, скорее, с керамикой типа Телль Согто. Тем не менее, присутствие халафской посуды и посуды, подражающей халафским образцам в Закавказье, позволяют предполагать связи между этими популяциями [Энеолит СССР, 1982, с. 111-113]. На это указывает и близость антропоморфной пластики. Поэтому, вероятно, мы можем говорить об ареальных связях носителей этих культур, не помещая их, при этом, в единый генетический ряд.

Обращает на себя внимание еще одна важная деталь. Впоследствии, уже в эпоху бронзы, в ряде кавказских культур появляются круглоплановые жилища. Поэтому, несмотря на то, что, как правило, по прочим артефактам халафская и шулавери-шомутепинская культуры не связаны, можно говорить о сохранении данного компонента в Кавказском регионе и продвижении его на север. Подобная направленность данного процесса позволяет допускать возможность прасеверокавказской принадлежности шулавери-шомутепинской культуры [Сафронов, 1989, с. 270] и распространить эту возможность на халафскую. Распад прасеверокавказского, таким образом, должен происходить в VI-V тыс. до н.э., что близко выводам лингвистов [Старостин, 1985, с. 89].

В этой связи поражает уровень производящего хозяйства, реконструируемый по прасеверокавказскому языку, который имел разветвленную земледельческую и скотоводческую терминологию. Накануне своего распада прасеверокавказцы были знакомы с металлом, выращивали различные виды злаков, были знакомы с пахотными орудиями, стадо их состояло из крупного рогатого

¹ Для Чаттал Уйюка, кстати, круглоплановые жилища не характерны. Различные его фазы представлены плотно пристроенными прямоугольными домами [Mellaart, 1975, fig. 46; 1967, p. 67-77].

скота, овец, коз, свиней и лошади [*Старостин, 1985*]. Подобная реконструкция соответствует лишь шулавери-шомутепинской и халафской культурам, состав стада которых близок этой реконструкции. Некоторые вопросы могут возникать лишь по поводу лошади. Однако на поселениях Арухло I и Цопи в Закавказье обнаружены кости этого животного, а на поселении Ярым-Тепе II в Северной Месопотамии хорошо представлены кости осла [*Энеолит СССР, 1982, с. 135; Бибикова, 1981, с. 301*]. Поэтому обращаем внимание на зафиксированные случаи семантического переноса термина, обозначающего этих животных [*Старостин, 1985, с. 78*]. Выбивается из наших представлений и терминология, связанная с пашней и пахотными орудиями. Она очень неожиданна для столь ранней эпохи. Тем не менее, эта терминология подкрепляется обнаружением сохи из оленьего рога на поселении Арухло I [*Энеолит СССР, 1982, с. 133*]. Это поселение, возможно, и не было оставлено прасеверокавказцами, но данная находка подчеркивает большую древность пашенного земледелия в регионе. Следует отметить и то, что в представлениях северокавказских народов их предки пришли на Северный Кавказ с юга [*Иванов, 1985, с. 52*].

Приведенные факты делают данную гипотезу достойной дальнейшей проработки. Вместе с тем, шулавери-шомутепинская керамика обнаруживает несомненную близость с керамикой Телль Сотто. Поэтому для этой культуры более вероятно допускать ее индоевропейскую принадлежность. Обнаружение на памятнике этой культуры древнейшего пахотного орудия подкрепляется существованием в индоевропейской среде терминов для обозначения пашни и плуга. Датируется эта терминология третьим уровнем диалектного членения индоевропейского праязыка, вскоре после отделения анатолийского [*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 424, 687, 688*]. Как будет показано ниже, это не могло произойти позднее начала V тыс. до н.э.

Но халафская культура является, безусловно, иным этническим компонентом, вторгающимся в Северную Месопотамию. Эта этническая группа в V тыс. до н.э.¹ вытесняет индоевропейцев из междуречья Тигра и Евфрата, оседая в огромном ареале от Сиро-Киликии до левого притока Тигра

¹ По калиброванным радиоуглеродным датам – в середине VI тыс. до н.э. [Porada et al., 1992, p. 86].

– Большого Заба. Прослеженные типологические связи халафской культуры с шулавери-шомутепинской (архитектура) и присутствие халафской керамики в Закавказье, возможно, маркирует контакты прасеверокавказцев и праиндоевропейцев.

Таким образом, для Месопотамии этот компонент является пришлым и наиболее вероятной зоной его формирования является Анатолия. По мнению Леви, можно наблюдать преемственность этих материалов на территории Ассирии, а также близость досемитских материалов Ассирии дошумерским материалам Вавилонии. Анализ названий городов региона позволил ему связывать этот компонент с хурритами [*Lewy, 1971a, с. 730, 731*]. Однако, с учетом хронологии, более корректно говорить о прасеверокавказской принадлежности этого компонента.

По всей вероятности, в Северной Месопотамии праиндоевропейцы достаточно рано вступают в контакты с семитами, ареал распространения которых находился к югу от Евфрата. Уже памятники VII-VII тыс. до н.э. Букра и Абу-Хурейра, расположенные в среднем течении Евфрата, имеют контактный характер. С одной стороны в них присутствуют черты культуры Телль Магзалия, с другой – восточносредиземноморские [*Бадер, 1989, с. 231, 232*].

По левым притокам Тигра осуществлялся контакт носителей хассунской культуры с яркой и самобытной самаррской культурой (Телль-эс-Савван, Самарра и др.). Происхождение ее не вполне понятно, однако сохранение ее традиций в Убейде позволило полагать, что эту культуру можно отождествлять с носителями “прототигридного” или “бананового” языка, реконструируемого по включениям в шумерском слов, характеризующих очень высокий уровень культурного развития [*Массон, 1989, с. 78, 79*].

Зафиксированные лингвистами контакты индоевропейцев с шумерами указывают на то, что с появлением халафской культуры в Северной Месопотамии, индоевропейцы на Ближнем Востоке не исчезают [*Гамкрелидзе, Иванов, 1980, с. 15*]. Более поздние заимствования из шумерского были исключены, поскольку уже к периоду III династии Ура шумерский язык был мертвым и употреблялся лишь в письменности [*Дьяконов, 1990, с. 135*].

Наиболее неопределенны контакты индоевропейцев в этот период с картвелами. Археологичес-

ки они не вычлняются. Поэтому, поскольку картвельский является наиболее близким к индоевропейскому из всех ностратических языков (высказывалось даже предположение о возможности их происхождения от одного праязыка [Дьяконов, 1982, с. 19]), можно предположить, что в неолите носители картвельского должны отождествляться с носителями культуры, близкой хассунской.

Стадия праиндоевропейского языка датируется не позднее V-IV тыс. до н.э. [Гамкрелидзе, Иванов, 1980, с. 7]. Однако существует мнение об отделении индоиранцев уже в первой половине V тыс. до н.э. [Харматта, 1981, с. 83], что значительно удревняет праиндоевропейский язык и более соответствует приводимой здесь археологической реконструкции.

Очертив, таким образом, круг культурного и этнического окружения праиндоевропейцев, мы можем приступить к изложению их дальнейшей истории. На данном этапе это возможно лишь в наиболее общих чертах, поскольку в рамках данной работы нет возможности и задачи анализа всего индоевропейского материала. Поэтому последующий текст является, скорее, фоновым, приз-

ванным показать, что система индоевропейских миграций, приведенная выше, не противоречит всему комплексу индоевропейских культур.

Дальнейшая реконструкция системы распространения индоевропейских языков связана с целым рядом объективных трудностей. Можно принять за аксиому, что уже к РБВ различные регионы обширной Циркумпонтийской зоны были населены индоевропейцами, хотя, безусловно, и не только ими [Черных, 1988; Мерперт, 1988]. Взаимодействие в этой зоне было чрезвычайно многообразным. Имели место крупные и мелкие миграции, разнокультурные контакты в сопредельных ареалах и т.д. Составить относительно четкую картину мешает слабая разработанность этого вопроса, которая усугубляется проблемами радиоуглеродного датирования культур региона, прекрасно показанными на примере Анатолии [Авилова, 1996а]. Поэтому ниже мы попытаемся вычлнить лишь основные тенденции, имея в виду условность тех или иных приводимых дат, а также то, что далеко не во всех описываемых процессах принимали участие индоевропейцы.

Глава 2.

Миграции индоевропейцев в Циркумпонтийской зоне

2.1. Проникновение ближневосточного культурного комплекса в Европу

В Малой Азии в рассматриваемый период располагалась иная группа памятников. Одним из наиболее ярких объектов здесь является Чаттал Уйюк, нижний слой которого датируется с конца VII тыс. до н.э. Многие черты Чаттал Уйюка близки уже описанным более ранним северомесопотамским памятникам, однако, эти черты могли сформироваться в процессе перехода к производящим формам хозяйства конвергентно. Детальное сходство его артефактов не прослеживается даже с наиболее близко расположенным Чейюню-тепеси [Массон, 1989, с. 39]. Имела место попытка связать Чаттал Уйюк с праиндоевропейцами [Сафронов, 1989, с. 40-46]. До конца подобную возможность исключить нельзя, но предложенные доказательства нам представляются недостаточными. В случае если доказательства связи Чаттал Уйюка и халафской культуры [Богословская, 1972], а также гипотеза о прасеверокавказской принадлежности последней будут отработаны более основательно, этот памятник может оказаться прасеверокавказским. Трудно сказать что-либо определенное и об очень раннем (с конца VIII тыс. до н.э.) памятнике Юго-Западной Анатолии – Хаджиляре, но укрепления и архитектура его слоев II, I, датируемых серединой и второй половиной VI тыс. до н.э. [Меллаарт, 1982, с. 104, 105], обнаруживают более ранние параллели в Северной Месопотамии и более поздние в безусловно индоевропейских культурах.

Наиболее вероятной представляется следующая ситуация. К производящим формам хозяйства здесь переходят местные популяции. Однако в VI тыс. до н.э. в Малую Азию идет проникновение индоевропейского населения, масштабы которого не ясны. Не исключено, что это явилось одной из причин появления анатолийского культурного комплекса на Балканах.

Роль Передней Азии в формировании в Юго-Восточной Европе хозяйства производящего типа представляется несомненной хотя бы по причине отсутствия на Балканах многих дикорастущих аналогов культурных растений, козы и овцы, появившихся здесь в начале неолита. Предполагается, что даже те виды домашних животных, которые имели дикие аналоги в Европе, были привнесены туда из Передней Азии в уже одомашненном виде [Тумов, 1984; Bökönyi, 1989; 1991, p. 550]. При этом первоначально не происходит существенных изменений в технике обработки камня. Козловский приводит такой факт: на раннем этапе неолитизации Северных Балкан, в особенности в Фессалии, несмотря на появление производящих форм экономики, каменные изделия продолжают наследовать мезолитические традиции. Поэтому можно сказать, что производящее хозяйство привносится верхнемезолитическими обществами, к которым уместно применение термина “протонеолит”. Только с появлением керамики происходят радикальные изменения в технологии каменной обработки. По-видимому, это происходит в результате притока новых популяций [Koziovski, 1989, p. 132-136].

Уже на рубеже VI/V тыс. до н.э. на северо-востоке Балкан формируются культуры Караново I, Старчево-Криш и докерамического неолита Фессалии¹ [Тодорова, 1979, с. 9]. Эту первую стадию можно обозначить как монохромную,

¹ В соответствии с калиброванной системой дат первый этап неолитизации Европы (Аргисса, Сескло, Анза, Неа Никомедия в Фессалии и Македонии) приходится на период 7000-5500 до н.э. При этом докерамический неолит Фессалии (Протосескло и Аргисса) датируются первой половиной VII тыс. до н.э., а ранний неолит с середины тысячелетия. Даты среднего неолита Греции укладываются в промежуток 5700-5600 до н.э., а позднего неолита до 4560-4395 до н.э. В Болгарии даты раннего неолита (Караново I) в целом соответствуют аналогичным периодам в Фессалии, средний неолит (Старчево-Кереш, Караново II-III) укладывается в промежуток конца VII – середины VI тыс. до н.э. В период 5100-4600 до н.э. существуют уже культуры энеолитической фазы на Северных Балканах – Прекукутени и Триполье А, хотя в принципе, они рассматриваются иногда как позднееолитические [Whittle, 1998, p. 139, 140, Coleman, 1992, p. 255, 256; Gimbutas, 1992, p. 399; Ehrlich, Bankoff, 1992, p. 378, 379].

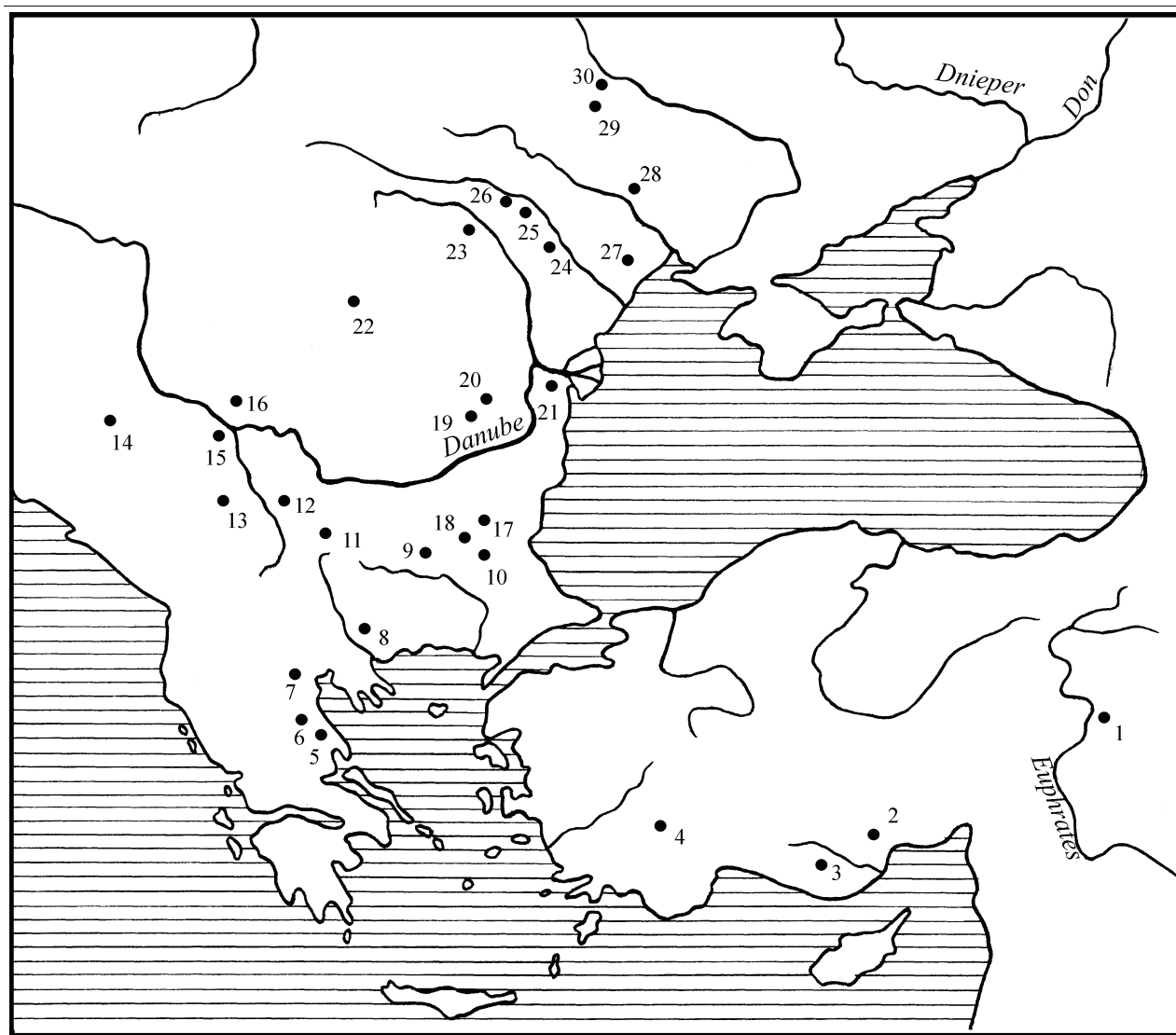

Рис. 123. Карта неолитических и энеолитических памятников Анатолии и Балкан. 1 – Чайюнютепези; 2 – Мерсин; 3 – Чаттал-Уйюк; 4 – Хаджилляр; 5 – Димини; 6 – Сескло; 7 – Неа Никомедия; 8 – Ситагри; 9 – Караново; 10 – Веселиново; 11 – Криводол; 12 – Бубани; 13 – Плочник; 14 – Бутмир; 15 – Винча; 16 – Старчево; 17 – Поляница; 18 – Эзеро; 19 – Гумельница; 20 – Боян; 21 – Хаманджия; 22 – Тартария; 23 – Турпешти; 24 – Карбуна; 25 – Флорешти; 26 – Солончени; 27 – Усатово; 28 – Владимировка; 29 – Коломийщина; 30 – Триполье.

поскольку посуда Караново I окрашивалась белой краской [Todorova, 1995, p. 83, 84; Pernicheva, 1995, p. 102]. Ряд особенностей (глиняные дома на каменных основаниях с сложенной обмазкой стен и росписью красной краской по кремовому фону) позволяет провести достаточно надежную параллель с Хаджилляром, а лощеную керамику с ушками для привязывания шнура сопоставить с керамическими комплексами Кизилкая, хотя этим круг возможных аналогий не ограничивается [Тумов, 1969, с. 171-174; Nikolov, 1989, p. 191, 192].

Впоследствии балканской энеолитической архитектуре будут присущи турлучные стены домов. Ранние жилища Караново I таковых не содержат, что более соответствует анатолийским стандартам. На этом же памятнике обнаружены модели жилищ, у которых конек украшен головой животного [Whittle, 1985, p. 49-51]. Подобная архитектурная особенность известна по Чаттал Уйюку. Весьма показательным также является обнаружение на Балканах святилищ, которые по многим деталям близки святилищам Чаттал-Уйюка [Lazarovici, 1989].

Важной особенностью культуры Криш является присутствие на посуде налепной орнаментации: налепных валиков, “шишек” и т.д.

Еще одним признаком, связывающим балканские неолитические культуры с Анатолией и Месопотамией, является обычай захоронений на поселениях. Погребенные в обоих регионах лежат скорченно на левом или правом боку и иногда окрашены охрой [Parzinger, 1993, S. 311, 312].

Впоследствии культура Криш участвует в формировании культуры линейно-ленточной керамики, где эти черты будут сохранены [Whittle, 1985, p. 76-80; Черныш, 1996, с. 27-39]. Культура линейно-ленточной керамики близка культуре Криш (Кереш) своей жилой архитектурой. Длинные дома этих культур весьма похожи [Meier-Arendt, 1989]. Культура линейно-ленточной керамики распространяется на огромных пространствах Центральной и Западной Европы, от Восточной Словакии до Альп и Бельгии. Этой культуре принадлежит заслуга распространения производящих форм хозяйства в Центральной и Западной Европе. Носители культуры далеко не всегда мирно контактировали с местным мезолитическим охотничьим населением. В Бельгии, например, поселение Дарион, расположенное на границе культуры, было окружено оборонительным рвом. Датируется она второй половиной V тыс. до н.э. (в калиброванных значениях второй половиной VI тыс. до н.э. или от конца VI тыс. до н.э.). Распространение культуры происходит очень быстро, поскольку даты поселений в Бельгии близки наиболее ранним датам [Whittle, 1998, p. 154, 155; Thomas, Rowlett, 1992a, p. 345, 346]. Некоторые исследователи допускают ее связь с индоевропейцами [Makkay, 1987]. Этому допущению не противоречат генетические связи данной культуры с культурой Старчево-Криш, сопоставимой, в свою очередь, с протохассунскими материалами Северной Месопотамии. Близость этой налепной орнаментации протохассунской позволяет предполагать именно этот источник ее появления. Близка протохассунской и форма кришской керамики, в том числе сосуда с кольцевым поддоном. Сопоставимы дунайские и северомесопотамские культуры (Криш, линейно-ленточной керамики, Телль-Сотто, Хассуна) и по другим признакам: антропоморфная и зооморфная пластика, шлифованные топоры и тесла, костяные лопаточки, обычай скорченных на боку интрамуральных захоронений. Поэтому распространение культуры линейно-лен-

точной керамики может вполне объяснить присутствие в Европе протоиндоевропейской гидронимии.

В среднем неолите в результате контакта культуры Караново II с культурой Криш на севере формируется культура Овчарово. Воздействие, которое оказывает культура Криш на Молдавию приводит к формированию Буго-Днестровской культуры [Todorova, 1995, p. 84]. В результате неолитические формы хозяйства довольно быстро распространяются в этом направлении.

Другая культура, формирующаяся на Северных Балканах около середины V тыс. до н.э.¹ – Винча, обнаруживает связи с другим памятником – Чаттал Уйюком. Они выражаются в близости орнаментов, глиняной пластики, оформлении очагов и стен черепами быков и оленей, костяных шпатул [Сафронов, 1989, с. 92, 93]. Ряд локальных культур Западной Болгарии (Кремиковцы, Кременик-Анзанбегово, Градешница-Кырча), датируемые V тыс. до н.э., обнаруживают в керамике убедительное сходство как с анатолийскими памятниками (Хаджиляр V-II, раннеолитический Алишар, Мерсин XXIV-XX), так и с месопотамскими (Хассуна V, Самарра). Это позволило сделать вывод о прямых миграциях из Передней Азии, не опосредованных культурой Караново I [Николов, 1984, с. 7, 17-19; 1989, с. 192, 193; Pernicheva, 1995, p. 104].

Ближневосточные связи балканских неолитических культур подкрепляются обнаружением на памятниках балканского неолита небольших медных изделий. Наиболее ранними являются находки в Турецкой Фракии на памятнике Асаги Пинар (время Караново III). Эти находки заполняют пробел между распространением производящего хозяйства из Анатолии и последующим всплеском на Балканах металлургического производства. Находки позднего неолита более многочисленны. Они известны на памятниках Димини, Винча С, Градишница, Поляница I-III, Пре-Кукутени II, Хаманджия III, Ситагри III [Pernicka et al., 1977, S. 48; Makkay, 1996a, p. 37].

Таким образом, данная ситуация соответствует уже получившему отражение в литературе мнению о том, что в течение неолита на Балканы

¹ В калиброванной радиоуглеродной шкале датировка различных фаз культуры Винча выглядит следующим образом: Винча А-С – 5265-4560 до н.э., Винча D – 4135-3895 до н.э. Таким образом, эти даты дают существенную лагуну [Ehrich, Bankoff, 1992, p. 382].

осуществляется инфильтрация анатолийского населения, что приводит к формированию обширного балкано-анатолийского культурного комплекса [Мернерт, 1988, с. 21; Тумов, 1969, с. 225; Nikolov, 1989, р. 194]. Наиболее сильны эти процессы в неолите. Затем культурная близость данного комплекса распадается, и балканский энеолит развивается вполне самостоятельно, без особых анатолийских влияний [Тодорова, 1979, с. 68; Тумов, 1969, с. 179]. В течение всей энеолитической эпохи прекращаются любые контакты с Анатолией, что затрудняет даже синхронизацию данных регионов друг с другом на основе сопоставления даже отдельных артефактов. Общие периодизационные схемы строятся только с использованием материалов Эгеиды, с которой частично контактируют оба эти региона [Parzinger, 1993, S. 253-263].

Не исключено, что в процессах неолитизации Балкан участвовали и местные мезолитические популяции, которые были инкорпорированы в неолитическую систему. Однако количество мезолитических памятников незначительно, поэтому и число населения здесь было, по-видимому, очень невелико. Нет и данных о подобной инкорпорации. Поэтому, если она и имела место, роль ее в формировании новых балканских культур была не велика [Тодорова, 1995, р. 83].

В энеолите (V – первая половина IV тыс. до н.э.) происходит интеграция этих культур, в результате чего возникает серия новых культурных образований, они расширяются территориально, сохраняя при этом вполне сопоставимые черты материальной культуры (энеолитическая стадия Винчи, Гумельница-Караново VI, Салькуца, Хаманджия, Варна). Этот культурный блок имеет тенденцию к распространению на север. На рубеже V/IV тыс. до н.э. (по некалиброванной шкале) в Северо-Западном Причерноморье в результате воздействия северобалканских культур Боян и Хаманджия на субстрат культуры линейно-ленточной керамики формируется культура Кукутени-Триполье¹ [Энеолит СССР, 1982, с. 190]. Наиболее отчетливо это проявляется в керамике, но антропоморфная глиняная пластика позволяет про-

¹ В калиброванных значениях культура Кукутени-Триполье датируется периодом 4500-3500 до н.э. [Sherratt, 1998a, р. 172-174]. По другим данным, стадия Прекукутени-Триполье А датируются периодом 5100-4600 до н.э., Кукутени АВ,А-Триполье В - 4600-4000 до н.э., Кукутени В – Триполье С1 – 4000-3400 до н.э. [Gimbutas, 1992, р. 399].

водить параллели и с культурой Гумельница-Караново [Whittle, 1985, р. 138]. В Центральной Европе происходит оформление лендельской культуры (конец V – начало III тыс. до н.э.²). По мнению В.А.Сафронова ее следует рассматривать как производную от культуры Винча, а А.Точик считает, что она формируется на местной неолитической основе в результате изменения климата и обусловленной ими хозяйственной трансформации [Сафронов, 1989, с. 95, 102; Тоëик, 1991, р. 313].

В этих культурах довольно сложно уловить черты культур раннего неолита Северной Месопотамии или Анатолии. Это объясняется не только изменениями, свойственными любой культурной трансформации, но и бурным развитием производящих форм хозяйства, что вело к полной смене облика новообразований. Тем не менее, по отдельным категориям инвентаря столь продолжительная преемственность все же наблюдается. Прежде всего, заметна преемственность в антропоморфной и зооморфной пластике, сохраняются каменные булавы и полированные топоры-гесла, глиняные конусы, печати [Сафронов, 1989, с. 80, 81, 102; Тодорова, 1979, с. 40, 57-59; Энеолит СССР, 1982, таб. LVI-LVIII, LXI, LXII, LXIV, LXV и др.; Мовша, 1969, с. 31]. Существенные изменения происходят в архитектуре. Дома имеют прямоугольную форму, но стены их сооружаются иначе. Основой их являются столбы с плетнем, обмазанные глиной. Распространяются и укрепления. По-видимому, их появление относится не к ранним стадиям этих культур. В Триполье А укрепленные поселки неизвестны. Они возникают лишь на следующем этапе [Пассек, 1961, с. 139], что может отражать уже начинающееся давление с востока, которого мы далее коснемся. Формы укреплений варьируют от круглой до трапециевидной и прямоугольной, но стены выполнены отличным от анатолийского способом. Ярким примером этому является Телль Поляница, где оборонительные стены сооружены из кольев, вбитых на глубину 60 см (рис. 124,1,11). Другим примером укрепленного поселка, относящегося к стадии Караново VI, является телль Драма, окруженный округлым рвом, отстоящим от домов на расстояние около 25 м. Дома располагаются довольно плотно друг к другу, однако не пристроены.

² Радиоуглеродные даты культуры – от конца VI тыс. до н.э. [Ehrich, Bankoff, 1992, р. 382].

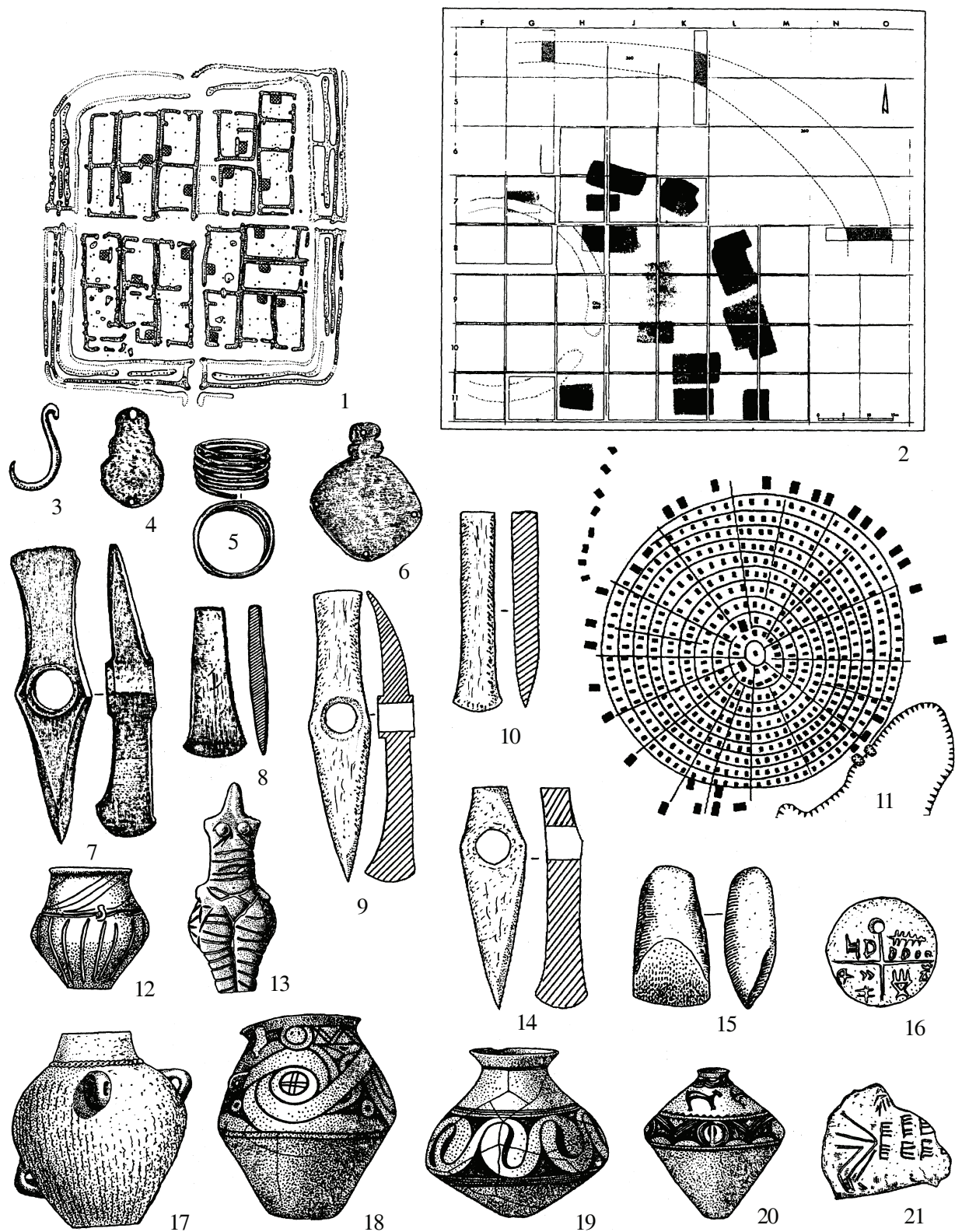

Рис. 124. Энеолит Северных Балкан и Северо-западного Причерноморья. Культура Гумельница: 1 – Телль Полянница; 2 – Телль Драма; 9 – Тимшоаре; 10 – Русе; 12 – Озерное; 14 – Сливница; 15 – Болград; 16 – Тартария (культура Винча); 17 – Нагорное II; Культура Кукутени-Триполье: 3 – Солончине; 4-6 – Карбунский клад; 7, 8 – Городница II; 11 – Петрены; 13 – Лука Врублевская; 18 – Стена; 19 – Незвиско; 20 – Крутобородинцы; 21 – Траян-Дялул Вией.

Стороны домов параллельны рву (рис. 124,2) [Fol et al., 1991, S. 119, Abb. 2]. Особо можно отметить акрополи Димини и Сескло в Фессалии, с крупными мегаронами и мощными оборонительными стенами, сложенными из глины на каменных фундаментах. Их конструкции отражают очень развитый уровень социальной дифференциации [Parzinger, 1993, S. 298, 299]. Они более близки анатолийским стандартам, чем все прочие конструкции энеолитических Балкан, отражающие местную традицию.

Наряду с этим, во всех культурах известны неукрепленные поселения с нерегулярной застройкой [Сафронов, 1989, с. 74-79; Whittle, 1985, р. 145-150; Тодорова, 1979, с. 48-52; Энеолит СССР, 1982, таб. LIX].

Много общего имеет и керамика балканских энеолитических культур. Формы ее весьма разнообразны, а качество совершенно. Важной спецификой является традиция инкрустации резного орнамента белой пастой. В Триполье она изживается уже к концу раннего периода, но в Винче присутствует на стадиях В и С и сохраняется в Ленделе [Пассек, 1961, с. 96; Тодорова, 1979, с. 17; Энеолит СССР, 1982, с. 182]. Однако, более замечательна в этих культурах расписная посуда (рис. 124,12,17-20). Ряд форм и типов орнамента впоследствии получит широкое распространение и на востоке, в Анатолии и Закавказье (вазы на ножках, спиралевидные и меандровидные узоры и т.д.). Вызывают интерес довольно редко встречающиеся антропоморфные сосуды, зафиксированные уже на ранних трипольских памятниках [Пассек, 1961, с. 52, 96]. Не исключено, что это отражение ранней переднеазиатской культурной традиции.

Наряду с земледелием, где зафиксировано наличие пашенного земледелия [Тодорова, 1979, с. 37; Энеолит СССР, 1982, с. 234; Сотса, 1991, р. 85; Sherratt, 1997, р. 231], развивается скотоводство. В стаде присутствуют крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи [Сафронов, с. 83; Тодорова, 1979, с. 38; Энеолит СССР, 1982, с. 234-236].

Однако наиболее поражают успехи в металлургическом производстве. Масштабы разработок (Ай-Бунар во Фракии и Рудна Глава в восточной Сербии¹) колоссальны. Металлообработка ба-

¹ В противоположность мнению Е.Н. Черных, Э. Перница сомневается в эксплуатации Рудной Главы [Pernicka et al., 1977, S. 42, 143].

зируется на использовании “чистой” меди. Лигатур Балкано-Карпатье еще не знало. При этом отсутствие значительных примесей в металле иногда рассматривается в качестве признака того, что металл был получен из самородной меди. Однако последние данные указывают на то, что подобным признаком может быть (но далеко не всегда) низкое содержание кобальта и никеля. В целом же использование самородной меди для Балкан не было типичным. К сожалению, данных о плавке руды этого времени практически нет. Обнаруженные на Дуранкулаке обломки тигля не дают однозначного ответа на вопрос об его использовании для переплавки металла или плавки руды. Однако речь все же должна идти о довольно масштабной переработке рудного сырья. Уже в раннем энеолите несколько изделий содержат повышенные концентрации Pb, As, Sb, что указывает на их рудное происхождение [Черных, 1975; Pernicka et al., 1977, S. 118-121, 127, 130].

Металлургическое производство на Балканах, получив в неолите анатолийский импульс к своему зарождению, развивается далее вполне самостоятельно, что в особенности проявляется в разработке специфических форм металлических изделий. Часть типов (проушные топоры-молоты, клиновидные тесла, тесла) копируют каменные прототипы, а шилья и рыболовные крючки – костяные. Вместе с тем, осуществляется разработка новых типов изделий: украшения, черешковые ножи, топоры-тесла, топоры-клевыцы (рис. 124,3-14). Появляются первые клады металлических изделий, такие как Карбунский, что впоследствии мало характерно для этого региона в РБВ, но широко распространяется в СБВ и ПБВ, и трактуется обычно как признак формирования ремесленного производства [Черных, 1966, с. 171, 172; Whittle, 1985, р. 140; Тодорова, 1979, с. 42; Энеолит СССР, 1982, таб. LX; Черных, 1975]. Необходимо, впрочем, отметить одну особенность хронологического распределения энеолитического металла данного региона. Количество находок периода раннего энеолита сравнительно невелико. В среднем энеолите число находок растет, а поздний энеолит характеризуется массой металла [Pernicka et al., 1977, S. 49-51]. Все это производит впечатление резкого роста металлургического производства, стимулированного развитием ремесленных отношений, что подтверждается обилием кладов данной эпохи. Од-

нако на этот феномен можно взглянуть и с иной точки зрения, если учесть, что конец этого периода ознаменовался серьезным кризисом всей культурной системы региона и внешними вторжениями. Последние могли стимулировать формирование кладов.

Тем не менее, уже для ранней стадии можно постулировать, по-видимому, наличие ремесленников, специализирующихся на металлургическом производстве. В первую очередь, на это указывает высокое мастерство работы с металлом, выявленное металлографическими исследованиями. При различных кузнечных операциях – ковка, сварка, уже на раннем этапе умели очень точно определять оптимальную температуру нагрева. Особенно точно старались угадать при работе с медью, содержавшей повышенные концентрации свинца, краснотекучесть которого наступает при 327°C. Температуры нагрева обычно в этих случаях не превышали 300°C [Рындина, 1971, с. 97-98].

Отражением высокого развития культуры Балкано-Карпатского региона в V – первой половине IV тыс. до н.э. служит обнаружение табличек со знаками и знаков на керамике в культурах Винча и Кукутени-Триполье [Сафронов, 1989, с. 82, 83; Whittle, 1985, р. 68; Энеолит СССР, 1982, таб. ХСП] (рис. 124,16,21). Исследования этих знаков показали, что они достаточно стандартизированы и часто располагаются группами [Winn, 1981, р. 235]. Поэтому не исключено, что речь идет о ранней форме письменности. На подобную возможность указывает и то, что линейное письмо А Крита содержит корреспонденции этого типа [Winn, 1981, р. 250]. Иногда это трактуется как признак, указывающий на формирование ранней цивилизации [Сафронов, 1989, с. 85]. С. Хокаджиев тоже склонен рассматривать появление прото-письменности в качестве признака зарождающейся цивилизации. Анализируя материалы поселения Слатино, он указывает на наличие оружия (булав и топоров), мужских статуэток и предполагает, что некоторые мужчины занимались охотой только для удовольствия. В результате он делает вывод о том, что в этот период существовали союзы племен и до формирования цивилизации оставался лишь один шаг [Chokadziev, 1995, р. 141-146]. Собственно из приведенных аргументов наиболее убедительным является наличие прото-письменности. Х. Тодорова приводит другие

доказательства в эту пользу: наличие богатых некрополей (например, Варна) и одного или двух общественных зданий в центре поселка. Она полагает, что на этой стадии уже можно обсуждать вопрос о наличии королевской власти [Todorova, 1995, р. 88]. В принципе, ничего невозможного подобный подход не содержит, однако какие-либо факты, указывающие на социальную или имущественную дифференциацию, в этот период отсутствуют. Обнаружение в этом районе наиболее ранних золотых изделий (Варна, Варна II, Хотница и др.), причем в колоссальных количествах¹, по мнению Е.Н. Черных, ситуации не меняет, поскольку нам не известно, какой статус придавался этому металлу [Черных, 1988, с. 40]. В Варне из 281 погребения золото находилось в 61 погребении, а количество погребального инвентаря было высоко во всех могильных ямах [Ivanov I., 1991, р. 130]. Эту ситуацию можно объяснить лишь в том случае, если мы имеем дело в целом с могильником элиты и людей, приближенных к этой элите. В принципе, это вполне допустимо. Типичными для балканского энеолита были скорченные на левом боку грунтовые захоронения, ориентированные головой на восток [Angelova, 1991, р. 101-105]. Погребения в варненском некрополе отличаются от этого тем, что они довольно вариabельны по обряду. Погребенные лежали на спине и боку, причем, чаще правом [Ivanov I., 1991, р. 126-128]. Погребения на спине были характерны для культуры Хаманджия [Parzinger, 1993, S. 315]. Поэтому такое разнообразие обрядности может указывать на наличие различных по происхождению групп населения, что в ранних обществах было обязательным условием для появления социальной дифференциации.

Однако анализ погребального инвентаря и обряда приводит большинство авторов к убеждению в том, что в этом обществе существовала глубокая социальная дифференциация, которой были охвачены даже женщины и дети, что выходит за рамки обычного вожества. Поэтому предполагается существование глубоко иерархизированного общества, либо наличие института вождей-жрецов, либо даже королевской власти [Li-

¹ Только одно из погребений Варненского некрополя содержало золотых изделий общим весом 2093 г. [Whittle, 1985, р. 160-162]. По данным автора раскопок, впрочем, в трех наиболее богатых погребениях содержалось соответственно 1098, 1516 и 789 г золота [Ivanov I., 1991, р. 126-128]. Однако, в любом случае, речь идет о больших количествах металла.

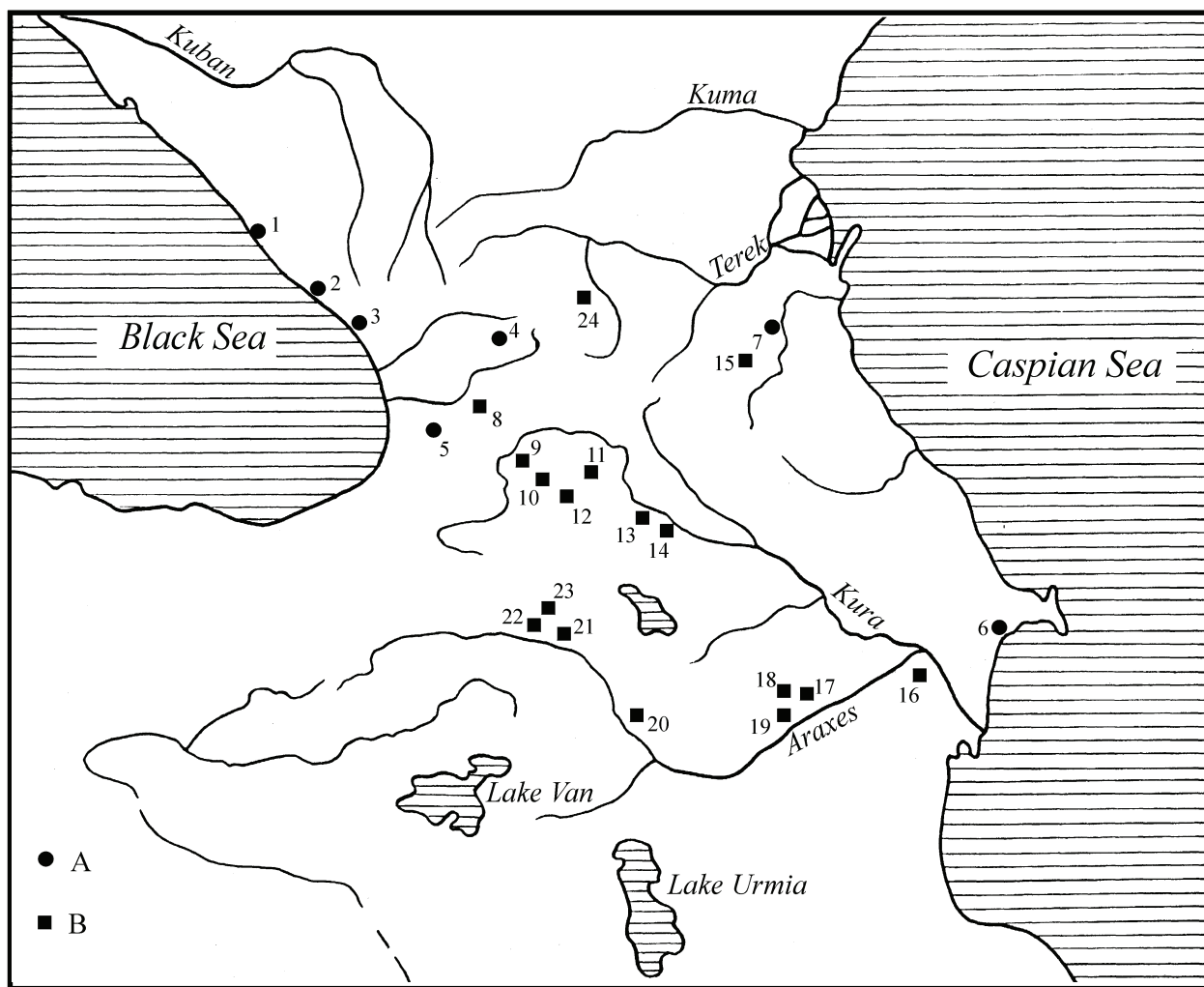

Рис. 125. Карта неолитических и энеолитических памятников Кавказа: а – неолитические памятники; б – энеолитические памятники. 1 – Нижняя Шиловка; 2 – Кистрик; 3 – Верхняя Лемса; 4 – Даркветский навес; 5 – Анасеули; 6 – Кобыстан; 7 – Чох; 8 – Тетралица; 9 – Арухло; 10 – Шулаверисгора; 11 – Имирисгора; 12 – Храмис Дидигора; 13 – Шомутепе; 14 – Бабадериши; 15 – Гинчи; 16 – Аликемектепеси; 17 – 19 – поселения Мильской степи; 20 – Кюль-Тепе I; 21 – Хатунарх; 22 – Техут; 23 – Шенгавит; 24 – Нальчикский могильник.

chardus, 1991; Nikolov, 1991; Marazov, 1991]. Тем не менее, независимо от того, как будет решен вопрос о ранней государственности энеолитических Балкан, совершенно очевидно, что здесь сформировались высокоразвитые и консолидированные общества. Поэтому вполне вероятно, что именно образование этих обществ поставило заслон дальнейшей инвазии в этот регион племен с территории Анатолии.

2.2. Индоевропеизация Кавказа

На фоне яркого культурного всплеска в Балкано-Карпатском регионе, процессы культурного развития на Кавказе и в Восточной Европе не столь впечатляют. Развитие здесь идет очень неравномерно и, по всей вероятности, на ранних этапах мы вправе допускать сосуществование в отдельных ландшафтных нишах носителей мезолитических и неолитических традиций.

Неолитические памятники Кавказа немногочисленны и по его территории распределены крайне неравномерно (рис. 125). В Центральном

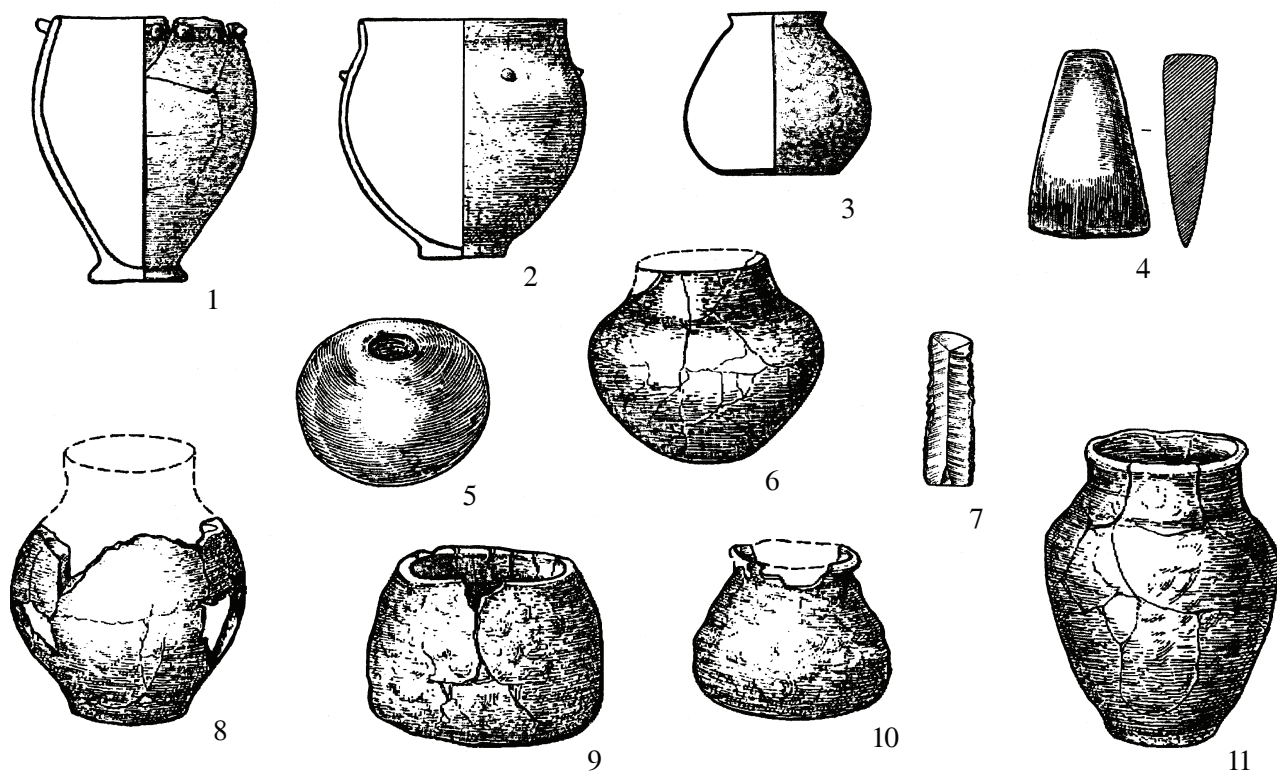

Рис. 126. Энеолит Закавказья. 1 – Шулаверисгора; 2, 3 – Имирисгора; 4, 5, 8 - 10 – Кюль – Тене I; 6 – Техут; 7, 11 – Аликемектепеси.

Закавказье, например, они, практически, отсутствуют и шулавери-шомутепинская культура, которую часто рассматривают как энеолитическую (что, видимо, не вполне оправдано), сменяет здесь в VI тыс. до н.э. культуру мезолита. Многие признаки этой культуры указывают на формирование ее в результате северомесопотамских импульсов. При этом можно назвать артефакты, имеющие непосредственные аналогии на памятниках протохассунских и хассунских: каменные булавы, полированные топоры-тесла, сланцевые мотыги, глиняные и каменные снаряды для пращи, керамика с наклепной и резной ornamentацией [Энеолит СССР, 1982, с. 107-113]. Костяные ложечки, обнаруженные на памятниках шулавери-шомутепинской культуры, имеют аналогии в Чаттал Уйюке и в культуре Винча, но нельзя исключить их функциональное тождество с костяными пластинами с закругленным концом, найденными при раскопках Ярымтепе I [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 130]. Антропоморфная глиняная пластика сопоставима с изделиями очень широкого ареала от Северной Месопотамии до Трипо-

ля. Вероятно, обнаружение отпечатка печати, обнаруженного на поселение Арухло, тоже может служить свидетельством южных связей. То же направление связей можно обсуждать и на примере остатков древних оросительных систем, появляющихся в Закавказье в этот период, и характерных впоследствии для более поздних культур этого региона [Кушинарева, Чубинишвили, 1970, с. 24, 25, 53, 54].

В целом, пожалуй, никто не сомневается в том, что формирование шулавери-шомутепинской культуры связано с прилегающими к Закавказью районами Ближнего Востока. Есть основания и для утверждений об особой роли хассунской культуры в данном процессе и даже, вероятнее, памятников типа Телль Сотто, поскольку формы закавказской керамики не столь многообразны как хассунские и более соответствуют протохассунским (рис. 126,1-3). Однако увязывать их непосредственно мешает различие в домостроительных традициях. В Закавказье в этот период известны только круглые дома, не представленные в Месопотамии вплоть до появления халафской культу-

ры. Еще одна черта, сближающая шулавери-шомутепинские памятники с халафскими – крайняя редкость погребений на поселениях, что указывает на существование экстрамуральных могильников. Однако дата шулавери-шомутепинских памятников более ранняя, чем появление халафских в Северной Месопотамии.

В Причерноморском Закавказье тоже формируются памятники неолитического облика. Наиболее ранние из них (Анасеули I, Даркветский навес, пещеры Апианча, Лемса) содержат микролитический инвентарь мезолитического облика и не содержат керамики. Вместе с тем, в них появляются шлифованные топоры-тесла, мотыгообразные орудия, метательные шары и, самое главное, кости домашних животных: быка, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки [Бжания, 1963, с. 75]. В более поздних памятниках (Нижняя Шиловка, Кистрик и др.) этот комплекс обогащается керамикой с резной орнаментацией и налепами, а также черешковыми наконечниками стрел на пластинчатых отщепах [Бжания, 1963, с. 75, 80]. Аналогии этого материала те же, что мы приводили для шулавери-шомутепинской культуры. Однако отсутствие керамики на ранних памятниках позволяет говорить о одновременности формирующих импульсов.

Новый культурный комплекс появляется в Южном Закавказье в последней четверти V тыс. до н.э. Он известен в результате исследования памятников Аликемектепеси, нижнего слоя Кюль-Тепе I и наиболее позднего из них Техута (до середины IV тыс. до н.э.) (рис. 126,4-11). Однако, поскольку данные памятники датируются по включениям в них халафских материалов, то использование калиброванных дат этой культуры может позволить говорить о датировке комплексов в рамках второй половины VI тыс. до н.э. [Porada et al., 1992, p. 83-86]. Эти памятники обладают определенной спецификой, не позволяющей выводить их из шулавери-шомутепинских. Вместе с тем, в них присутствуют несомненные постхассунские традиции. Хронологический разрыв между Хассунной в Месопотамии и этим культурным комплексом позволяет полагать, что с появлением халафской культуры хассунское население было вытеснено на север. Ареал культурно близких памятников не ограничивался Южным Закавказьем, поскольку сопоставимые материалы выявлены на Тилки-Тепе (Восточная Анатолия), Геой-Тепе и Яник-Тепе (Северо-Западный

Иран) [Korfmann, 1982; Мунчаев, 1987, с. 122-126]. Памятники этой группы характеризуются глинобитными домами, прямоугольными и круглыми [Энеолит СССР, 1982, с. 115, 116; Мунчаев, 1987, с. 100, 106, 107, 124; Абибулаев, 1963, с. 157]. Некоторые поселения (Шах-тепе) окружены оборонительным рвом [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 40]. В качестве постхассунских традиций мы склонны рассматривать каменные булавы и полированные топоры-тесла, крупнопластинчатую технику расщепления обсидиана, лощеную посуду с налепами и росписью [Энеолит СССР, 1982, таб. XLI-XLVIII; Абибулаев, 1959, с. 448, 450; 1963, с. 161-163; Мунчаев, 1987, с. 100, 102, 108; Korfmann, 1982, Abb. 8, 19, 20, 22]. Вполне сопоставима и традиция интрамуральных захоронений, хотя налицо и отдельные отличия. Хассунские захоронения (Ярымтепе I) обычно совершались скорчено на боку, и погребения скорчено на спине, хотя и известны, являются, скорее, исключением. В исследованных же погребениях Кюль-Тепе I доля погребений на спине возрастает, но на Аликемектепеси они отсутствуют. Возможно, увеличение доли скорченных на спине захоронений на Кюль Тепе I объясняется более поздней хронологической позицией этого памятника. Кроме того, погребениям этого периода свойственна окраска охрой, что неизвестно на Ярымтепе I, но присутствует в довольно ограниченном виде на Чаттал Уйюке [Абибуллаев, 1965, с. 42, 43; Мунчаев, 1987, с. 100, 106; Mellaart, 1967, p. 245]. Такая деталь позднеэнеолитических погребений Закавказья как камень под головой костяка имеет очень ранние параллели в Месопотамии на Телль Магзалия [Антонова, 1990, с. 68]. Однако мы не можем проследить дальнейшее сохранение этой традиции до V тыс. до н.э.

Необходимо отметить и целый ряд качественно новых черт. В описываемых поселениях впервые появляются, хотя и редкие, изделия из мышьяковых бронз. Примечательно, что шилья имеют упор. Эти признаки станут весьма характерны для всех культур Циркумпонтийской зоны в РБВ [Тенейшвили, 1989; Селимханов, Торосян, 1969, с. 230-232]. Вполне возможно, что это население само выплавляло металл из руды местных месторождений. У села Цителисопели на древних выработках были найдены куски шлака и каменные молоты со жгутовым перехватом, идентичные молотам поселений Арухло и Кюль-Тепе I [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 113].

На Кюль-Тепе I обнаружены глиняные модели колес со ступицей, а на поселении Аликемектепеси в составе стада было 7,5% лошадей [Энеолит СССР, 1982, с. 134, 135; Абибулаев, 1959, рис. 14,10]. Последнее противоречит “символу веры” российской археологии, постулирующему наиболее раннее приручение лошади в южнорусских степях.

Для всех закавказских энеолитических культур характерны первоначально связи с халафской культурой, а затем, в IV тыс. до н.э., с Северным Убейдом, что маркируется включениями соответствующей керамики на поселениях [Энеолит СССР, 1982, с. 117, 119, 120, 121, 123; Мунчаев, 1987, с. 121]. Эти связи осуществлялись через Восточную Анатолию, где тоже известны находки халафской керамики [Aksay, Diamant, 1973, p. 107]. В этнолингвистическом плане мы можем рассматривать это как смену прасеверокавказских контактов шумерскими.

В ослабленном виде памятники, отражающие хассунские традиции, уже в VI тыс. до н.э. появляются в горном Дагестане (Чох) Во многом неолит Дагестана воспринимает местные мезолитические традиции, в свою очередь вобравшие в себя культурные компоненты Южного Прикаспия [Бжания, 1963, с. 84, 85; Гаджиев, 1991, с. 112, 113]. Новая волна южных племен появляется в Дагестане в конце V тыс. до н.э., что отражено в материалах Гинчинского поселения. Радиоуглеродное датирование предлагает более раннюю дату поселения – около середины V тыс. до н.э. [Glumac, Anthony, 1992, p. 202]. На поселении исследована оборонительная стена толщиной до 2 м, сложенная из рядов крупных камней, забутованных мелким камнем. Аналогичную конструкцию имеет основание прямоугольного в плане жилища. На поселении исследовано два скорченных на боку захоронения. Керамика ангобированная с лощением, резной елочной орнаментацией или росписью, налепами и налепными, украшенными вдавлениями валиками. Встречаются сосуды, поверхность которых обмазана жидкой глиной [Энеолит СССР, 1982, с. 124-126; Мунчаев, 1987, с. 110-114; Гаджиев, 1966, с. 55-59; 1991, с. 38-40]. Описанные архитектурные традиции восходят к архитектуре Телль Магзалии. Керамические же обнаруживают параллели в Ванско-Урмийском регионе (Геой-Тепе М, Тилки-Тепе, Кюль-Тепе) [Энеолит СССР, 1982, с. 126; Гаджиев, 1966,

с. 59, 60]. Очень своеобразны сосуды с резким перегибом-уступом, что напоминает подкосы в придонной части хассунской посуды. Не исключено, что гинчинцы использовали для обжига керамики гончарные печи, аналогичные ближневосточным. Довольно типична керамика с лощеной поверхностью. Встречены и отдельные фрагменты расписной посуды, тоже указывающие на южное направление связей. Очень перспективными могут оказаться также намеченные связи с неолитической керамикой Алазанской долины в Грузии [Гаджиев, 1991, с. 64, 66, 67, 71, 94, 95]. Найденные на поселении вкладыши для серпов разделяются на два типа – шомутепинские и аналогичные найденным в Хайтунархе, Кюль-Тепе, Цопи, Ярым-Тепе [Коробкова, Гаджиев, 1983, с. 138, 139; Гаджиев, 1991, с. 60, 80]. Курильницы, ручки с вертикальным отверстием, валики с защипами имеют аналогии в Гумельнице и культуре линейно-ленточной керамики [Мунчаев, 1987, с. 111, 113]. Барботинная обработка поверхности известна в культурах Старчево-Криш и Караново I [Сафронов, 1989, с. 68]. Эти параллели, скорее всего, обусловлены общим источником формирования данных культур, однако нельзя исключать и каких-то дополнительных вторичных процессов, усиливших степень их сопоставимости.

В заключение укажем на Нальчикский могильник, погребенные в котором окрашены охрой и лежали скорчено на спине, что рассматривается как проявление древних переднеазиатских традиций [Мунчаев, 1987, с. 139-141]. При этом подобная обрядовая традиция распространяется в Восточной Европе лишь в период Хвальинск-Средний Стог II, а Нальчикский могильник хронологически сопоставим с более ранним пластом мариупольского времени [Гаджиев, 1991, с. 106; Merpert, 1991, S. 38]. Поэтому он, в определенной степени, может служить предшествующим пластом для этих степных культур. Тем более что теперь это не изолированный памятник. В настоящее время известны подобные погребения в кургане 6 в Бамуте, в Грозном, в кургане 8 у Комарово [Munčaeв, 1991, S. 50, 51].

Таким образом, в течение неолита и энеолита на территорию Кавказа осуществляется инфильтрация отдельных групп индоевропейцев. Довольно определенно с ними можно связывать такие комплексы как Гинчи, Кюль-Тепе I, Аликемектепеси и т. д. Более сложен вопрос о шулавери-

шомутепинской культуре. Она имеет равное право рассматриваться в качестве индоевропейской, пракартвельской или прасеверокавказской.

Подводя итог описанию истории ранних индоевропейцев, остановимся на такой важной проблеме как domestикация лошади и изобретение колесного транспорта. Наличие в индоевропейской лексике терминологии для обозначения лошади и колеса используется для обоснования происхождения индоевропейцев на территории Восточной Европы, где, как предполагается, одомашненная лошадь известна со второй трети IV тыс. до н.э., а колесные повозки с начала III тыс. до н.э. Впоследствии Ш. Бёкёни, который сам много сделал для обоснования распространения одомашненной лошади именно из южнорусских степей, назвал эту теорию фантастической и смешной [Bökönyi, 1991, p. 550]. Исследования структуры деревского стада тоже свидетельствуют о том, что эта лошадь была дикой [Levine, 1999, p. 36]. Однако где бы мы ни располагали прародину индоевропейцев, достоверные изображения повозок или их фиксация в погребениях датируются значительно более поздним временем, чем индоевропейская стадия развития языка. Поэтому более ранние повозки могут быть не отражены археологическими источниками. С другой стороны, общая терминология для обозначения лошади тоже ни о чем не говорит, поскольку наличие общеиндоевропейских терминов для барса или волка не стимулирует поиски в культурных слоях поселений домашних видов этих животных. В силу приведенных причин проблемы приоритета какого-либо региона в domestикации лошади или изобретении колесного транспорта не могут быть напрямую связаны с индоевропейской проблемой. В качестве иллюстрации можно привести Грецию, где лошадь известна лишь с приходом греков, но догреческий индоевропейский топонимический пласт зафиксирован. Вместе с тем, в решении этих проблем не должно быть и явных противоречий. Отодвинув дату общеиндоевропейского состояния до VII – VI тыс. до н.э., мы, на первый взгляд, усугубляем разрыв между праиндоевропейским языковым состоянием и археологической фиксацией domestикации лошади и изобретения колесного транспорта. Поэтому, не претендуя на решение этих проблем, попытаемся показать, что никакого противоречия подобное углубление датировки праиндоевропейцев не содержит.

Как уже было сказано выше, праиндоевропейский термин для лошади мог возникнуть для обозначения диких животных. Более важным является реконструируемая по языковым данным динамика трансформации индоевропейского стада. Первоначально в стаде индоевропейцев абсолютно доминирует мелкий рогатый скот (этимологизация термина “овца” с понятием “скот вообще”), затем начинает нарастать удельный вес крупного рогатого скота [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 580-585]. Лошадь появляется, по-видимому, позднее, поскольку реконструируется более позднее частичное замещение культа быка культом лошади [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 577]. В памятниках VII – VI тыс. до н.э. Северной Месопотамии кости лошади отсутствуют [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 149; Гаджиев, 1989]. На поселениях Арухло I и Цопи шулавери-шомутепинской культуры (VI – V тыс. до н.э.) кости лошади известны [Энеолит СССР, 1982, с. 135]. Однако нет никакой возможности для уверенных суждений о том, что они принадлежали домашним видам, поскольку морфология лошади оставляет очень незначительное пространство для подобного рода рассуждений. Но уже на поселении Аликемектепеси зафиксированы кости лошади, принадлежащие двум породам [Энеолит СССР, 1982, с. 134, 135], что позволяет углубить датировку начала domestикации этого животного, так как для выведения различных пород был необходим длительный период селекции¹. Поэтому в качестве гипотезы можно допускать, что приручение лошади осуществлялось в шулавери-шомутепинское время, и обнаруженные в Арухло I и Цопи кости маркируют данный процесс. В пользу этого говорит то, что в этом районе не известна дикая лошадь. Хронологически это уже не будет слишком оторвано (или вовсе не будет оторвано) от праиндоевропейского состояния.

Нет особых противоречий и в вопросе соотношения столь ранней прародины индоевропейцев на территории Северной Месопотамии с проблемой появления колесного транспорта. В принципе, этот вопрос, отчасти связан с проблемой domestикации лошади. Ш. Бёкёни указывает на то, что

¹ В противоположность этому С. Пиготт полагает, что даже в куро-аракской культуре РБВ Закавказья кости лошадей принадлежат диким особям. По-видимому, он основывается на том, что в Южной Месопотамии безусловное свидетельство наличия лошадей появляется только в конце III тыс. до н.э. (гимн Шульги) [Pigott, 1992, p. 48].

лошадей в стаде изначально держали не ради мяса, поскольку уже на ранних поселениях костяки представлены довольно молодыми особями. Их использовали для верховой езды, а вскоре и в парной запряжке, поскольку это наиболее соответствует психологии этого животного [Bökönyi, 1991, p. 550, 553]. Это предполагает очень раннее знакомство с упряжью. Последняя, впрочем, может появиться и независимо от лошади.

Обычно наличие упряжной “транспортной” терминологии трактуется в качестве маркера, ограничивающего праиндоевропейское языковое состояние IV тыс. до н.э. [Mallory, 1996, p. 9, 10, 16, 17]. Тем не менее, индоевропейские термины для упряжи могут быть объяснены археологическими фактами VI тыс. до н.э. Выше мы уже упоминали обнаружение сохи на поселении Арухло I. На Северном Кавказе, на энеолитическом поселении Гинчи, обнаружены заостренные рога оленя, которые тоже могли служить в качестве пахотных орудий [Гаджиев, 1991, с. 80]. Соха из оленьего рога обнаружена также на более позднем, куро-аракском, поселении Квацхелебе, что свидетельствует о том, что традиция пашенного земледелия в Закавказье оказалась устойчивой [Кушнарёва, Чубинишвили, 1970, с. 75]. В Месопотамии плуг известен с периода Урук IV, но не исключается использование легких плугов в более раннее время (Хассуна, Халаф, Сузы А), что может соответствовать времени около 5000 г. до н.э. в калиброванной шкале.

В Европе наиболее ранние свидетельства использования плуга датируются около 4500 г. до н.э. (плужные борозды под курганом у Сарново) [Sherratt, 1997, p. 230]. Не исключено, впрочем, что плуги в Европе появились раньше. Выше мы уже отмечали наличие пашенного земледелия в культурах балканского энеолита. Предполагается наличие плугов, запряженных скотом уже на стадии пра-Кукутени II [Comsa, 1991, p. 85]. Существуют косвенные данные, указывающие на использование плуга в этой зоне уже в начале V тыс. до н.э. Из Вадаштра в Румынии происходят кости быков с деформацией, что может рассматриваться в качестве признака использования их в плужной запряжке [Sherratt, 1997, p. 231]. Таким образом, археологические факты по ранним датировкам плужного земледелия не противоречат более ранней датировке праиндоевропейского языкового состояния. Однако, распространение

плуга и колесного транспорта, по-видимому, осуществлялось параллельно. В более позднее время (1600 г. н.э.) зоны распространения колесного транспорта и плуга совпадают [Sherratt, 1997, p. 239]. К тому же, развитие плужного земледелия без знакомства с упряжью невозможно.

Поэтому индоевропейская терминология для обозначения упряжи может вполне маркировать знакомство с пашенным земледелием.

Более сложна ситуация с колесным транспортом. Общеиндоевропейская терминология для обозначения колеса и повозки восходит к терминам, обозначающим поступательное и вращательное движение. В этой терминологии уже заметно начало диалектного членения индоевропейских языков, хотя и достаточно раннее. Зафиксирована, в частности, общая тохаро-анатолийская основа для обозначения колеса [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 718-721]. Ниже мы более подробно остановимся на хронологии диалектного членения индоевропейских языков. Здесь лишь отметим, что выделение анатолийского не могло произойти позже начала V тыс. до н.э. Колесные повозки, таким образом, должны появляться в VI тыс. до н.э.

Собственно, в настоящее время вряд ли у кого-то есть сомнения в том, что колесный транспорт был изобретен на Ближнем Востоке. Обычно это изобретение датируется по наиболее ранним находкам первой половины IV тыс. до н.э. [Sherratt, 1997, p. 169]. В Месопотамии ранние изображения на печати из Киша и на сосуде из Хафадже датируются XXIX – XXVI вв. до н.э. и фиксируют уже запряжку эквидами и использование повозок в военном деле. На изображении из Телль Халафа, относящемся к последней четверти IV тыс. до н.э., показана тоже боевая колесница, хотя совершенно справедливо мнение о том, что первоначально повозки служили для облегчения труда земледельцев и генезис их связан с плужной упряжью [Кожин, 1985, с. 170, 171; Горелик, 1988, с. 184-187]. Примечательно то, что на изображении из Телль Халафа показано уже довольно сложное колесо, состоящее из обода и скрещенных брусьев [Горелик, 1988, с. 187]. Их появлению предшествовали сплошные и составные колеса со ступицами, а к еще более раннему времени относятся колеса без ступиц [Кожин, 1985, с. 171]. В связи с этим, обнаружение глиняной модели колеса со ступицей на поселении

Рис. 127. Азово-днепровская культура. 1, 5 – Полтавка; 2, 6 – Никольский мог.; 4, 7 – Мариупольский мог.

Кюль Тепе I позволяет отодвинуть дату появления колес со ступицей до начала IV тыс. до н.э. в системе традиционных дат [Абибулаев, 1959, рис. 14,10]. Более ранние подобные находки, датируемые V тыс. до н.э., а тем более VI тыс. до н.э. отсутствуют. Глиняные колесики-пряслица без выраженной ступицы зафиксированы на протохассунских памятниках [Бадер, 1989, с. 142, таб. 72], но насколько их можно соотносить с более ранней стадией развития колеса – не ясно.

Но сама возможность употребления единого термина для колеса и пряслица не исключена. На подобную возможность указывает, в частности, наличие в современном английском языке слов с исключительной фонетической близостью, употребляемых для обозначения этих понятий (ср. “wheel” и “spindle whorl”).

Однако если мы будем напрямую связывать дату археологической фиксации колесного транспорта с диалектным членением индоевропейского праязыка, то локализация прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке все же более приемлема, чем в Центральной, Восточной Европе или на Балканах, где свидетельства колесного транспорта ранее датировались XXVIII в. до н.э. или рубежа IV/III тыс. до н.э. в некалиброванной системе дат [Сафронов, 1989, с. 165-177]. Отталкиваясь от этой даты, показать диалектное членение индоевропейских языков, начиная с выделения анатолийских языков, занятие и вовсе бесперспективное. Использование калиброванных дат удревяет появление колесного транспорта в Европе до 3400 – 3100 гг. до н.э. (ранний Баден – Будакалож, Шигетшентмартон, памятник культуры воронковидных кубков Бронцице в Польше и

находки в Швейцарии) [Sherratt, 1997, p. 162; Pigott, 1992, p. 18, 19]. Несколько древнее оказываются и находки колес в Дании и Голландии – около начала III тыс. до н.э. [Pigott, 1992, p. 18]. Однако калиброванные даты для Ближнего Востока будут, в любом случае более ранними. Поэтому проблема эта сохраняется, но решать ее следует, все же, на ближневосточном материале. Не исключено, что в анатолийских языках термины, связанные с колесным транспортом, заимствованы из какого-либо иного индоевропейского источника. Исход же носителей иных диалектов за пределы первичного общего ареала осуществлялся, начиная с IV тыс. до н.э., что может полностью или частично снять данную проблему.

Сказанное выше означает лишь то, что приводимые возражения против ранней хронологической позиции праиндоевропейского языкового состояния, по меньшей мере, дискуссионны и не могут рассматриваться в качестве абсолютного аргумента. Основной их недостаток сводится к тому, что система знаний должна строиться на фактах, а не на фиксации их отсутствия. Находки колес IV тыс. до н.э. довольно редки. Если бы этих открытий не удалось сделать, означает ли это, что мы должны были бы датировать праиндоевропейское языковое состояние III тыс. до н.э.?

2.3. Начало индоевропеизации Восточной Европы

В степной зоне Восточной Европы, в отличие от всех описанных прежде регионов, развитие проходило наиболее медленными темпами. В Северном Причерноморье неолит представлен памятниками первого этапа днепро-донецкой культуры с довольно несовершенной керамикой и пережитками мезолитических традиций камнеобработки¹ [Телегин, 1996, с. 52, 53].

¹ Памятники следующего этапа необходимо включать в мариупольскую культурно-историческую область и рассматривать в рамках азово-днепровской раннеэнеолитической культуры [Васильев, Синюк, 1995, с. 27]. С этим выводом согласен и Н.Я.Мерперт, обращая внимание на то, что памятники днепро-донецкой культуры располагаются только в лесостепи, а азово-днепровской проникают также глубоко в степь, что указывает на смену образа жизни [Merpert, 1991, S. 38].

Наиболее ранние костные остатки домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, собака) появляются в степной зоне на памятниках типа Ракушечный Яр Нижнего Подонья, датированных ранее V тыс. до н.э. [Телегин, Белановская, 1996, с. 62]. Радиоуглеродное датирование позволяет отнести неолитический слой памятника к 8000 – 6800 ВР, или к VI тыс. до н.э. [Зайцева и др., 1999, с. 15]. Две иные калиброванные радиоуглеродные даты позволяют датировать этот слой к 5220-4905 до н.э. или 4750-4545 до н.э. [Gimbutas, 1992, p. 396]. Связи этой культуры с югом весьма неотчетливы. Не исключено, что на таковые могут указывать появление плоскодонной посуды, полированных тесел, “утюжков”, двусторонне обработанных черешковых наконечников стрел. Все это известно в неолите Западного Кавказа и потому эти памятники могут рассматриваться в рамках процессов, описанных выше.

Отдельные западнокавказские ассоциации вызывает и кремневый инвентарь памятников типа Тентексор в низовьях Волго-Уральского междуречья. На южные связи этих памятников указывает также обнаружение полированной каменной булавы или посуды на кольцевом поддоне [Васильев и др., 1986, рис. 12, 13, с. 24]. Вместе с тем, генезис памятников тентексорского типа может быть связан и с материалами ранне-неолитической стоянки Джангар в Калмыкии [Васильев и др., 1986, с. 26]. В целом же данная ситуация производит впечатление довольно вялой инфильтрации кавказских популяций в местную среду, не оказавшей существенного воздействия на культурный облик региона.

В Северо-западном Причерноморье, как уже говорилось ранее, процесс неолитизации стимулировался воздействием с Балкан. В результате, производящее хозяйство в степной зоне формируется под воздействием двух встречных импульсов – с юга и с запада. Население при этом осваивает, преимущественно, речные долины, не выходя в открытую степь [Мерперт, 1991, с. 37].

Разительные изменения в степях Восточной Европы происходят в начале раннего энеолита, когда складываются культуры мариупольской культурно-исторической области (рис. 127). В соответствии с системой некалиброванных радиоуглеродных дат формирование их приходится на начало IV тыс. до н.э. [Васильев, Синюк, 1995, с. 7, 9-27]. В калиброванных датах эта общность

датируется около 5000 BC [*Gimbutas, 1992*, p. 400]. В состав этой обширной культурной области входили самарская культура в Поволжье (Съезженский могильник), нижнедонская в Подонье (стоянки Университетская I, III и др.) и азово-днепровская в Днепро-Донском междуречье (могильники Мариупольский, Вовнигский, Никольский, поселения Собачки¹, Средний Стог I и др.). Несмотря на различия, проявляющиеся, в первую очередь, в керамической орнаментации, эти культуры имеют целый ряд тождественных признаков. Всем им присущи грунтовые вытянутые на спине окрашенные охрой захоронения², каменные полированные тесла или булавы, крупные ножевидные пластины, медные или золотые украшения из Балкано-Карпатя, наличие жертвенников с костями лошадей, плоскодонная посуда с воротничком, гешировые бусы, каннелированные по краям пластины из клыков кабана. Встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел, черешковые или с небольшой выемкой в основании, “утюжки” [*Васильев, Синюк, 1995*, с. 31; *Васильев, 1999*, с. 94, 95]. Исследователи связывают формирование этих культур с различными предшествующими комплексами степной зоны: первым этапом днепро-донецкой культуры, Ракушечным Яром, памятниками тентексорского типа, воздействием с востока кельтеминарских племен, взаимодействием с северными лесостепными культурами [*Васильев, Синюк, 1995*, с. 32-39; *Даниленко, 1974*, с. 39, 40; *Телегин, 1996*, с. 48-53; *Телегин, Белановская, 1996*, с. 70]. В основе этих выводов лежит, прежде всего, анализ керамического инвентаря и, по всей вероятности, в определенных рамках все они верны и процессы формирования этого культурного блока протекали довольно сложно и были весьма своеобразны на каждой отдельно взятой территории. Однако безусловное культурное единство его заставляет искать осевой процесс, соединивший в единое целое процессы локальные.

В литературе была отражена мысль о том, что вытянутые на спине погребения с посыпкой охрой есть явление, характерное для северных культур Европейско-Сибирского пояса. Южным же культурам присущи скорченные костяки без

¹ Поселение Собачки интересно интрамуральными захоронениями, но это единственный случай подобных захоронений в Мариупольское время [*Телегин, 1991*, с. 55].

² В настоящее время насчитывается уже около 800 мариупольских погребений [*Телегин, 1991*, с. 55].

охры. Поэтому культура раннего энеолита степной зоны есть явление северное. Последующее же затем появление скорченных костяков с охрой маркирует синтез этих двух традиций [*Телегин, 1966*, с. 8, 12, 13; *1991*, с. 60]. Этот вывод, однако, далеко не безусловен. Обряд погребения вытянуто на спине известен в ряде культур Ближнего Востока, начиная с мезолита: в натуфийской, Чаттал Уйюке, хассунской, халафской. Охра известна в погребениях культур того же круга, за исключением хассунской. Однако в производных от нее позднеэнеолитических комплексах Закавказья типа Кюль-Тепе I охра появляется [*Антонова, 1990*, с. 41, 42, 60, 61, 62, 65, 70, 73, 77, 78, 82-84; *Абибуллаев, 1965*]. Тем не менее, в целом подобное сочетание обрядности для культур хассунского и постхассунского круга не характерно и мы можем допустить северное его происхождение, оставляя при этом место для определенных сомнений. Это лишь подчеркнет отмечаемую на керамическом материале местную основу формирования культур мариупольского типа. Другие признаки – полированные тесла, булавы, крупные ножевидные пластины, черешковые наконечники стрел, плоскодонная посуда, нам уже хорошо знакомы. Раньше всего этот комплекс появляется в хассунской культуре, а в VI-V тыс. до н.э. проникает на Кавказ. С Кавказом связывают также происхождение гешировых бус [*Мерперт, 1988*, с. 25]. Общая для всех мариупольских культур традиция воротничкового оформления венчика на керамике функционально обусловлена, вероятно, необходимостью привязывания сосуда к веревке [*Васильев, Синюк, 1995*, с. 28]. В хассунской культуре и в энеолитических культурах Закавказья эту функцию могли выполнять рельефные украшения, в том числе валики под венчиком. Последние встречены на посуде поселений Кюль-Тепе I и Гинчи, имеющих более раннюю хронологическую позицию, чем мариупольские памятники. На Гинчи, при этом, известна керамика с “воротничком”, близким мариупольским [*Энеолит СССР, 1982*, таб. XLIII, 22, XLIX, 9, 7]. Костяные пластины с каннелированными краями обнаружены в хассунском слое поселения Ярымтепе I. Трактуются они как накладки на лук [*Мунчаев, Мерперт, 1981*, с. 130]. Более ранние, чем в мариупольских памятниках, кости domesticированной лошади обнаружены в Закавказье на поселении Аликемектепси [*Энеолит СССР, 1982*, с. 134, 135]. “Утюжок”

найден в Закавказье на раннеэолитическом памятнике Анасеули I [*Бжания, 1963, с. 22, 49*], а в Восточной Анатолии на более позднем поселении Тилки-тепе [*Korfmann, 1982, Abb.20*].

Часть составляющих этого комплекса попала в степную зону в неолите, однако, в данном случае мы вправе сделать вывод о новой более массовой миграции индоевропейского населения Закавказья или Армянского нагорья. Новый этнический компонент количественно, возможно, уступал местному доиндоевропейскому населению, но все же превосходил те индоевропейские популяции, которые появились на Нижнем Дону и в Северном Прикаспии в V тыс. до н.э. Более совершенные формы хозяйства и социальной структуры позволили ассимилировать местное население, что и выразилось в формировании культур мариупольской культурно-исторической области. Появление этих популяций в Северном Причерноморье замыкает круг индоевропейских миграций вокруг Черного моря, что обеспечивает “контактную непрерывность”, характеризующую все последующее развитие Циркумпонтийской зоны [*Мерперт, 1988*]. Наиболее отчетливо это проявилось в присутствии балкано-карпатского металла в погребениях мариупольского времени. Культуры мариупольской области обычно расцениваются в качестве протоиндоевропейских [*Васильев, 1999, с. 95*]. Возможно, это действительно так, но какие-либо твердые основания, подтверждающие данную гипотезу, отсутствуют, поскольку мы не в состоянии пока оценить – произошла ли языковая ассимиляция местного населения, насколько интенсивны были проникновения южного компонента, и не должны ли мы просто констатировать наличие культурных влияний.

На следующем этапе энеолита (около середины или в первой половине IV тыс. до н.э.¹) на базе культур мариупольского круга формируется новый культурный блок, представленный, в первую очередь, такими культурами как среднестоговская, хвалынская, ивановским этапом самарс-

¹ В настоящее время благодаря новым методам, применяемым в радиоуглеродном датировании, появились основания для удешевления этого хронологического пласта до середины V тыс. до н.э. Поздние даты Деревки ложатся в промежуток 3865-3550 до н.э. [*Кузнецов, 1996б, с. 56; Gimbutas, 1992, р. 401, 402*]. Как и ранее в этой работе мы допускаем подобную возможность, но используем традиционные датировки в силу необходимости опоры на единую систему дат, которая в данном случае не более чем условность.

кой культуры. Обилие костей лошади на ряде поселений этого культурного блока позволило рассматривать их как коневодческие и даже предполагать наличие упряжи и псалиев. Последнее, впрочем, нельзя считать доказанным, так как осторожное предположение о псалиях переросло в историографический миф [*Трифонов, Избицер, 1997*].

Формируются описываемые культуры на местной мариупольской основе благодаря достаточно сложной системе взаимодействия локальных мариупольских образований друг с другом и соседними инокультурными компонентами [*Васильев, Синюк, 1995, с. 41-49; Моргунова, 1995, с. 64-66*]. Эта преемственность отразилась во всех чертах культуры. Сохраняется та же ориентация на традиционные для мариупольских культур связи с балкано-карпатскими горнодобывающими центрами [*Черных, 1991*]. Вместе с тем происходит существенная трансформация погребального обряда. Вытянутые на спине захоронения сохраняются лишь в формирующейся с некоторым отставанием репинской культуре. Хвалынской и среднестоговской культурам присущ совершенно иной обряд – скорченные на спине, реже вторичные захоронения [*Васильев, Синюк, 1995, с. 43; Аганов и др., 1990, с. 57, 58*]. Это заставляет предполагать дополнительные импульсы с юга, где обряд вторичных захоронений был распространен с очень раннего времени. Генезис обряда скорченных на спине захоронений прослеживается тоже достаточно отчетливо. Наиболее ранние подобные захоронения известны в хассунской культуре, где они, впрочем, единичны [*Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 85*]. В закавказском энеолите (Аликемектепси, Кюль-Тепе I) их процент заметно возрастает и появляется окрашивание костяков охрой [*Мунчаев, 1987, с. 100, 106; Абибуллаев, 1965, с. 42, 43*]. Как одно из промежуточных звеньев и одну из составляющих для этого комплекса мы можем рассматривать и материалы Нальчикского могильника, поскольку там зафиксирован обряд труположений, скорченных на спине и с посыпкой охрой [*Мунчаев, 1987, с. 139-141*]. Более ранняя его позиция по отношению к культурам среднестоговского времени этому не противоречит.

В качестве южной традиции мы можем рассматривать и обычай интрамуральных захоронений, зафиксированный на среднестоговском поселении Александрия [*Археология УССР, 1985, с.*

307]. По инвентарю какие-либо закавказские импульсы не прослеживаются, если, конечно, не будут выявлены параллели топорам с цапфами. Однако в случае, если миграция происходила из источника близкого предшествующему, вычленив ее признаки будет довольно затруднительно. Возможно, к таковым можно отнести налепные украшения на одном из сосудов Хвалынского могильника, окраску стенок посуды охрой или следы лощения на среднестоговской посуде [Васильев, Синоков, 1995, с. 43; Агапов и др., 1990, с. 53, 59, 66]. Не исключено, что и каменные скипетры, встреченные в различных памятниках этого времени являются свидетельством южных связей. На кавказское их происхождение в литературе уже указывалось [Дремов И., Юдин, 1992, с. 25, 26].

Этот вопрос требует более детальной разработки. Поэтому в настоящее время мы не в состоянии сказать, насколько велик был приток нового населения, но то, что сам по себе подобный факт имел место у нас особых сомнений не вызывает. Возможно, мы имеем право говорить и об индоиранской (общеевропейской) принадлежности носителей хвалынской культуры и ивановского этапа самарской культуры. В это время во всем Волго-Уралье отмечены весьма интенсивные контакты с финно-угорскими культурами северной лесостепи и юга лесной зоны, сопровождавшиеся формированием культур синкретического облика. На востоке этого ареала фиксируются устойчивые связи с суртандинской и кельтеминарской культурами. Впоследствии, в ямное время, какие-либо контакты леса и степи отсутствовали [Васильев, 1995, с. 208-212; Моргунова, 1995, с. 65-68]. Принято считать, что наиболее ранние контакты финно-угорских и индоиранских языков происходили еще на общеевропейской стадии [Абаев, 1981]. Для эпохи РБВ это невозможно за отсутствием контактов, а для СБВ – за отсутствием общеевропейского языкового состояния. Следовательно, активное взаимодействие с северными и восточными соседями носителей хвалынской культуры является свидетельством ее арийской принадлежности. Однако существует и противоположное мнение о том, что подобные контакты не имели места, а все заимствования связаны с уже более поздним временем – III тыс. до н.э., когда осуществлялся контакт какой-то индоиранской популяции с носителями еще нерасчлененного финно-угорского языка [Напольских, 1997, с. 149-

151]. На мой взгляд, приводимые в пользу этого аргументы достаточно весомы. В этом случае довольно спорным будет отнесение энеолитических популяций Поволжья к какой бы то ни было этнической группе. Но язык населения Украины этого времени мы и вовсе не имеем возможности отнести к какой-либо группе.

Еще более сложно судить о языке мигрантов начала IV тыс. до н.э., когда оформилась мариупольская КИО. Их явная культурная близость с последующим пластом позволяет также допускать близость языковую при более раннем состоянии языка. Поэтому не исключено, что речь должна идти о диалектах стадии греко-армяноарийского, а скорее греко-арийского единства, если мы будем все же исходить из явно слабо проработанной концепции общеевропейских контактов с финно-уграми. Однако лингвистические факты, подкрепляющие подобное предположение, отсутствуют.

Необходимо отметить еще ряд важных деталей, касающийся тенденций трансформации описываемой культурной общности. На раннем деревенском этапе среднестоговской культуры появляется шнуровая орнаментация и отдельные подкурганые захоронения (могильник Койсуг) [Археология УССР, 1985, с. 307]. Известны отпечатки шнура и на ивановской посуде Приуралья [Моргунова, 1995, с. 64]. В Подонье на местной основе, но при определенном среднестоговском воздействии, оформляется репинская культура, в орнаментации которой шнур занимает заметное место. В отличие от прочих культур этого хронологического горизонта, она сохраняет мариупольскую традицию вытянутых на спине захоронений. Впоследствии многие черты этой культуры сохраняются в катакомбной и абашевской культурах эпохи СБВ Среднего Дона [Васильев, Синоков, 1995, с. 49-61].

Не исключено, что данные изменения обусловлены существованием в южной части степи другого культурного блока энеолитического времени. Он представлен суворовскими памятниками на Днестре и в Нижнем Подунавье, новоданиловскими и нижнемихайловскими в Северном Причерноморье, ямно-бережновскими в Нижнем Поволжье и серией памятников Предкавказья [Археология УССР, 1985, с. 311-320, 324-331; Дремов И., Юдин, 1992; Нечитайло, 1996; Шапошникова, 1987, с. 11-14] (рис. 128). Этот список

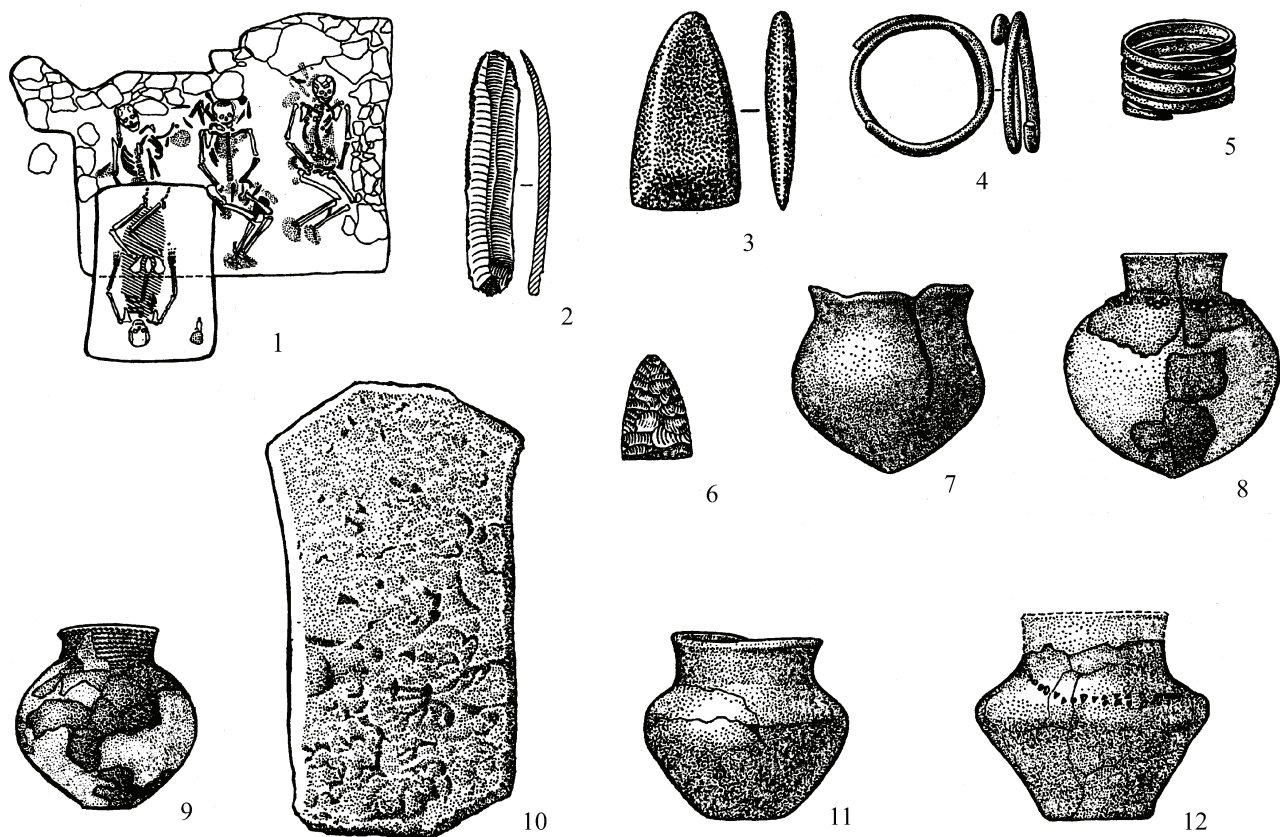

Рис. 128. Памятники Новоданиловского типа: 1, 3, 6 – Ворошиловоград; 2 – Яма; 4, 5 – Чапли; 7 – Любимовка; 8 – Новоданиловка. Памятники Нижне-Михайловского типа: 9 – Михайловка; 10 – Константиновка; 11 – Анкермень; 12 – Тарасовка.

можно значительно пополнить, поскольку существует ряд локальных типов, а также памятников с неопределенной культурной принадлежностью. В бассейне реки Молочной, например, и в Орельско-Сакмарском междуречье известны погребения вытянутые на спине, что является наследием мариупольского времени [Рассомакин, 1987, с. 38]. Встречены вторичные захоронения, ярусные и захоронения без черепов [Братченко, Константинеску, 1987, с. 17, 19]. В целом же обрядовой нормой для этих групп является обряд погребения скорчено на спине с окраской охрой. Известны как курганы, так и грунтовые захоронения. Для нижне-михайловских и новоданиловских памятников характерны кромлехи, каменные крепиды, каменные ящики, каменные набросы. На реке Молочной исследованы единственные для столь раннего времени подбойные захоронения [Археология УССР, 1985, с. 313, 325, 328; Шапошникова, 1987, с. 12-14].

С этими погребениями в различных регионах связано обнаружение зооморфных каменных

скипетров, что находит параллели в Хвалынском могильнике [Дремов И., Юдин, 1992, с. 25, 26; Агапов и др., 1990, с. 66]. Распространены ножевидные пластины, а в Предкавказье встречаются подвески из клыков кабана мариупольского типа [Археология УССР, 1985, с. 315, 327; Дремов И., Юдин, 1992, с. 22-24; Рассомакин, 1987, рис. 2; Братченко, Константинеску, 1987, рис. 3, 5-7, 11, 12]. Изделия из металла немногочисленны. Изготовлены они из балкано-карпатской меди и дублируют балкано-карпатские формы. В первую очередь, это украшения (многовитковые браслеты, кольца, раковинообразные подвески), но есть и орудия – проушные молоты из Ругуджи и Петро-Свистуново и топор-тесло из Усть-Лабинской [Археология УССР, 1985, с. 315, 316; Черных, 1991, рис. 3, 4; Дремов И., Юдин, 1992, с. 18; Нечитайло, 1996, с. 29]. Керамика очень разнообразна и немногочисленна, что часто затрудняет культурную идентификацию. Встречается посуда, наследующая местные традиции, но достаточно характерна лощеная посуда, наследующая традиции

кавказского энеолита. Новоданиловские амфоры с налепными шишечками близки посуде Кюль-Тепе I, Техута и других памятников Закавказья [Археология УССР, 1985, с. 312, 313, 319, 327; Энеолит СССР, 1982, таб. XLIII, XLV, XLVII, XLVIII; Шапошникова, 1987, с. 12;]. На этой посуде (ямно-бережновской и нижнемихайловской) появляется наиболее ранняя шнуровая орнаментация [Археология УССР, 1985, с. 327; Нечитайло, 1996, с. 29].

Ранее предполагалось, что эти комплексы формируются с запозданием относительно хвалыньских и среднестоговских. Однако в последнее время для них предложена ранняя датировка между мариупольскими и майкопскими, начиная с первой половины IV тыс. до н.э. (или с 3700 г. до н.э.)¹ [Дремов И., Юдин, 1992, с. 18; Нечитайло, 1996, с. 29, 30]. Таким образом, они оказываются синхронны культурам Хвалыньск – Средний Стог II и могут даже оказывать на них формирующее воздействие. Подобная постановка вопроса представляется вполне приемлемой. На синхронизацию с Хвалыньским могильником и Трипольем конца периода А – периодом В1 указывают зооморфные скипетры [Дремов И., Юдин, 1992, с. 25, 26; Агапов и др., 1990, с. 85]. Подобная синхронизация данных комплексов позволяет относить их, на основе калиброванных дат Триполья и Хвалыньска, к середине V тыс. до н.э. в системе калиброванных дат [Gimbutas, 1992, p. 399, 401, 402]. Нижнемихайловская посуда встречается с керамикой квинтянского этапа среднестоговской культуры [Шапошникова, 1987, с. 12]. В грунтовом могильнике у г. Александровска под Ворошиловоградом обнаружена костяная застежка в виде стержня с боковым выступом и отверстием в нем. Аналоги ей известны на трипольских памятниках периода В1 [Братченко, Константиnescу, 1987, с. 30]. Присутствие вытянутых костяков и ножевидных пластин, а в Предкавказье пластин из клыков кабана не позволяет отрывать описываемые культурные комплексы от мариупольских. Особенно показательны два погребения, примыкающие к Капуловскому могильнику мариупольского типа и не имеющие с последним значительного хронологического разрыва

¹ На Балканах шнуровая орнаментация, связанная с проникновением туда степных культур этого типа появляется на хронологическом горизонте 9 по Г.Парцингеру. Этот горизонт датируется 3700/3600 – 3500/3400 до н.э. [Parzinger, 1993, S. 266, 290].

[Шапошникова, 1987, с. 12]. Примитивные нижнемихайловские и новоданиловские антропоморфные стелы находят параллель в Хвалыньском могильнике [Археология УССР, 1985, с. 313, 328, 329; Агапов и др., 1990, с. 23; Шапошникова, 1987, с. 14]. Наиболее распространены эти стелы в Северном Причерноморье. Весьма важно указать на отмеченные для них ближневосточные параллели [Даниленко, 1974, с. 81-84]. Медные изделия этих памятников близки изделиям Варненского некрополя и Карбунского клада [Дремов И., Юдин, 1992, с. 26]. Эти аналогии не позволяют усомниться в предложенных ранних датировках.

Вероятно, у нас нет особых оснований и для сомнений в закавказском происхождении данных культурных групп. Аналогии для части инвентаря и обряда окрашенных охрой скорченных на спине костяков мы приводили, обсуждая проблемы Среднего Стога II и Хвалыньска. Поэтому нам остается лишь их дополнить. Наиболее важным является происхождение курганного погребального обряда. Обычно он рассматривается как исконно степное явление. Тем не менее, в Закавказье известны курганные захоронения, датируемые неолитом (курган у с. Голицыно и курганы 119, 125 под Степанакертом) [Мунчаев, 1987, с. 64]. В неолитическом возрасте этих погребений можно сомневаться, но датировка их энеолитом бесспорна, поскольку они были перекрыты насыпями эпохи РБВ. Погребения эти, как и рассматриваемые нами, малоинвентарны. Примечательно присутствие охры и угольков, а в голицинском кургане – ножевидной пластины. Невыразительность этих комплексов позволяет допустить, что часть аналогичных пока не вычленена из уже исследованных.

Истоки каменных стел не вполне ясны. Наиболее ранние известны в раннем неолите Северной Месопотамии. Особенно впечатляет одна из стел, обнаруженных при раскопках поселения Невали Чори на Евфрате. Стела имеет проработанную голову и руки, выполненные в той же манере, что и у степных энеолитических стел [Науртманн, 1993, Abb. 16]. Однако временной промежуток, который отделяет эти стелы от их северных аналогов, слишком значителен.

Переднеазиатское происхождение обряда вторичных захоронений или погребений без черепа несомненно (см. главу о синташтинском погребальном обряде). Наиболее ранние подбойные за-

хоронения известны в Северной Месопотамии на халафском поселении Ярымтепе II [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 47, 48]. Подбойные захоронения могильника Пархай II в Юго-Восточном Прикаспии тоже имеют южное происхождение и со степной зоной никоим образом не связаны [Хлопкин, 1989, с. 129]. Не обнаруживают, кстати, подобной связи и прочие культуры с катакомбным погребальным обрядом: Дашлы 3, Сапалли, вахшская, бишкентская, заманбабинская, поскольку их происхождение обусловлено импульсами с территории Ближнего или Среднего Востока.

Керамика новоданиловских и нижнемихайловских памятников, как мы уже говорили, сопоставима с закавказской энеолитической. Наконечники с выемкой в основании известны в Закавказье, начиная с неолита [Бжания, 1963, рис. 22, 45; Братченко, Константиnescу, 1987, рис. 9,2].

Очень показательное обнаружение в могильнике Мухин II, в погребении новоданиловского типа, обсидианового кинжала на пластине. Коэффициент преломления этого обсидиана отличается от коэффициента преломления обсидиана Северного Кавказа и Закавказья и идентичен параметрам обсидиана, который добывался в районе озера Ван. В этом же районе, на поселении Тилки-Тепе, найдена 21 пластина данного типа. Аналогичные ножевидные пластины известны в энеолитических и раннебронзовых слоях поселения Арслантепе в Восточной Анатолии [Caneva, 1993]. Вероятно, эта традиция расщепления камня восходит еще к комплексам типа Телль Магзалии. Импорт в этом случае маловероятен по двум причинам. Во-первых, существуют более близкие источники обсидиана; во-вторых, техника обработки этой пластины идентична технике, применяемой новоданиловскими мастерами [Korfmann, 1982, Abb. 22; Жеребилов, Беспалый, 1997, с. 25].

Таким образом, мы вправе сделать вывод о появлении в степной зоне Восточной Европы нового компонента, связанного своим происхождением с Закавказьем или Армянским нагорьем. Группы эти, по-видимому, перешли на кочевое скотоводство, на что указывает высокая доля мелкого рогатого скота в стаде и единичность поселений [Шапошникова, 1987, с. 14]. Они были довольно мобильны и проникали далеко на запад, что и обеспечивало поставки в степь и лесостепь Восточной Европы балкано-карпатского металла. В этих миграциях принимали участие

как носители культур новоданиловского и нижнемихайловского типов, так и среднестоговское население. В Северо-Западном Причерноморье зафиксировано активное взаимодействие этих популяций с трипольцами. В могильнике у с. Выхватинцы многие погребения имели каменные кромлехи или содержали скорченные на спине костяки, что можно рассматривать как пришлую традицию [Пассек, 1961, с. 161, 162]. Таким образом, в Северо-западном Причерноморье происходит первый контакт данных популяций с энеолитическими культурами Юго-восточной Европы. Далее эти контакты начинают углубляться.

2.4. Культурные трансформации в Юго-Восточной и Центральной Европе в эпохи энеолита и ранней бронзы

С появлением данных популяций связывают также гибель энеолитической культуры Балкано-Карпатья, где зафиксировано значительное количество погребений этого типа. Они распространены в Болгарии, Румынии, на юге и северо-востоке бывшей Югославии [Mallory, 1989, p. 235]. При этом необходимо отметить, что погребения Днестро-Дунайского междуречья близки ранним нижнемихайловским памятникам [Тодорова, 1979, с. 70; Мерперт, 1988, с. 26; Агапов и др., 1990, с. 12, 14]. Это указывает на то, что удар по Балкано-Карпатья мог быть нанесен вскоре после появления этих группировок в степи Восточной Европы. В керамических комплексах культур Кукутени-Триполье (периода Триполье А-В1, Кукутени А3-4) и Гумельницы (периода А/2, В/1) появляется среднестоговская посуда, которая хорошо вычленяется из традиционного комплекса благодаря ракушечной примеси и технологии выбивки стенок при формовке сосуда. Это вызывает существенные трансформации местного керамического производства, хотя основные традиции сохраняются [Палагута, 1998; Comsa, 1991, p. 85].

Другим признаком распространения степных популяций на Северных Балканах является распространение “жезлов” в виде головы животного [Comsa, 1991, p. 86, 87].

В результате, около середины IV тыс. до н.э. по традиционной хронологии вся блестящая свита

культур Балкано-Карпатья прекращает свое существование [Черных, 1988, с. 41, 42]. В рамках калиброванной радиоуглеродной шкалы эти процессы выглядят несколько сложнее, поскольку уже материалы последней четверти V тыс. до н.э. практически отсутствуют. Ранее это представлялось необъяснимым парадоксом с огромной хронологической лакуной. Фаза Варна – Караново VI – Ситагри II датируется по радиоуглеродным датам второй половиной V тыс. до н.э., а появление памятников типа Эзеро, Михайловка, Усатово, Ситагри IV, Баден, Чернавода – от 3360 г. до н.э. до конца тысячелетия [Ehrich, Bankoff, 1992, р. 390, 391, 393]. Однако за последние годы выделен так называемый Переходный период, который синхронен Триполью С1, II. В рамках этого периода выделяется два подпериода: финальный энеолит и прото-бронзовый век. Первый датируется около 4000-3700 гг. до н.э. [Pernicka et al., 1977, S. 54; Todorova, 1995, р. 90; Boyadziev, 1995, р. 173]. Обычно это связывают с проникновением сюда кочевых племен из Северного Причерноморья, носителей культуры Средний Стог II [Тодорова, 1979, с. 70]. Существуют, впрочем, мнения о том, что культурным различиям на Балканах между периодами энеолита и ранней бронзы не следует придавать существенного значения и видеть за этим смену популяции, населявшей данный регион. Например, по мнению А.Фола и И.Маразова, трансформация керамики в сторону ее значительного упрощения была обусловлена тем, что основные усилия теперь направляются на производство качественного металла. Полемизируя с “курганной теорией” эти же авторы утверждают, что вторжение скотоводов индоевропейцев не могло оказать влияние на культурные изменения на Балканах, поскольку лошадь в Юго-восточной Европе была приручена около 2500 г. до н.э. [Fol, Marazov, 1977, р. 134-139]. Однако если первый тезис лишен логики, то второй не соответствует действительности. При этом авторы приводят действительно ценные античные свидетельства, доказывающие, что, по меньшей мере, с последней четверти II тыс. до н.э. Северо-Восточные Балканы были населены фракийцами [Fol, Marazov, 1977, р. 139-142]. Но из этого вовсе не вытекает, что фракийцы (либо индоевропейцы в целом) на этой территории жили уже в энеолите.

Ниже мы коснемся доказательств в пользу прихода новых популяций, однако, сейчас этот процесс уже не рассматривается столь просто как

ранее. Прежде это понималось как появление новых популяций с окрашенными охрой костяками, которые смели прежнюю культурную систему и, смешиваясь с местным населением, привели к формированию культур РБВ. В настоящее время этот процесс представляется гораздо протяженной и масштабной [Garašanin, 1991, р. 207]. Проникавшие группы были первоначально не столь многочисленны, и длилось это достаточно долго.

Маловероятно, чтобы инфильтрация сравнительно немногочисленных (судя по количеству памятников) на первых порах групп могла разрушить столь высокоорганизованные общества, как общества балканского энеолита. Кризис был обусловлен, прежде всего, экологическими причинами. В конце V тыс. до н.э. происходит повышение температур, что привело к повышению уровня Черного и Средиземного морей. Своей кульминации эти процессы достигли около 3500 г. до н.э. В результате этого происходит засоление почв и резкое сокращение численности поселений [Todorova, 1995, р. 89, 90]. Экологическая катастрофа привела к перемещениям населения. Эти природные процессы приводят к ослаблению энеолитической системы, что дает возможность для проникновения степняков. Определенную специфику этим процессам придавало также то, что ухудшение природной среды охватило не все регионы. В частности, в Центральной Европе условия были намного лучше [Rolf, 1991, S. 529, 530]. Поэтому, наряду с движениями на юг степного населения и оттоком в этом же направлении энеолитического существовали и миграции племен балканского энеолита в этот регион. Фиксируется несколько этапов этих перемещений.

На первом этапе на Северо-Восточные Балканы и в Подунавье проникают культуры типа Новоданилово, с каменными скипетрами, охристыми бескурганскими погребениями, керамикой со шнуровой орнаментацией¹ и длинными каменными ножами. Проникновение этих групп осуществляется еще в период Караново VI – Бодрогкерештур – Тисаполгар – Бубани – Салкуца¹. Эти группы распространяются очень

¹ Необходимо обратить внимание на то, что шнуровой орнамент, выступающий часто своеобразным маркером проникновений на Балканы с севера, различается. Исследователи выделяют шнур, псевдошнур и Винкельшнур, отражающие разные фазы миграционных потоков. Первая была в описываемое время, а вторая в период Котофени – Эзеро – Дихили Таш IIIВ [Tasiu, 1991, S. 266].

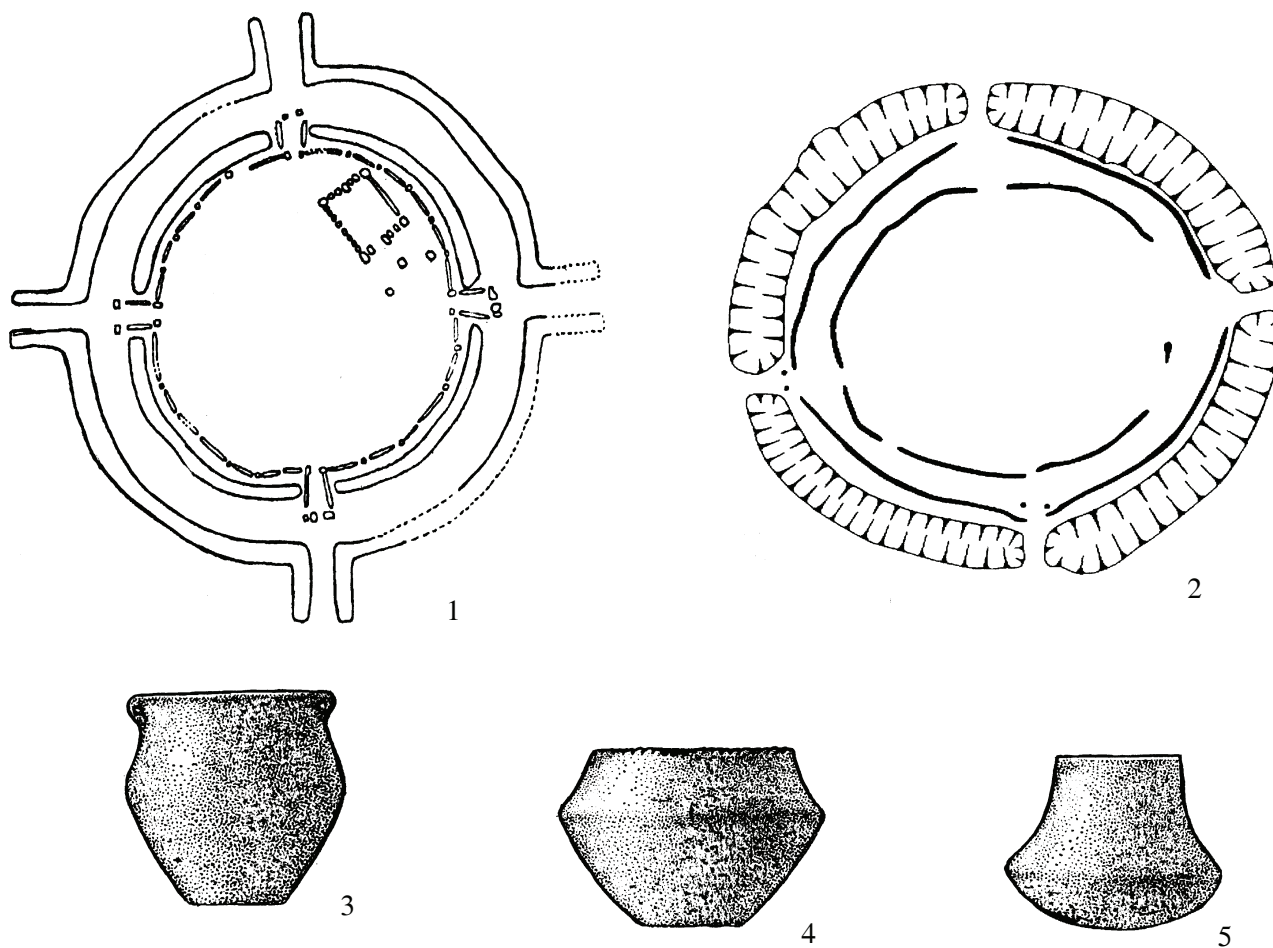

Рис. 129. Культура Лендель. 1 - Бучаны; 2 - Тешетиче-Кийовиче; 3 - Зимно; 4 - Костянец; 5 - Листвин.

широко, первоначально в Добруджу и Придунавье. Наибольшая концентрация памятников нижнемихайловского и новоданиловского типов приурочена к Нижнему Подунавью, что, по-видимому, подтверждает кочевой характер их хозяйства, поскольку этот район благоприятен для зимовий, что использовалось впоследствии кочевниками неоднократно. Однако миграционные волны не ограничивались Северными Балканами, проникая далеко на юг, вплоть до Македонии и Черногории [Garašanin, 1991, p. 207; Tasiu, 1991, S. 265, 266; Kolistrkoska, 1998]. Происходит смешивание этих популяций с автохтонными и формирование новых культурных групп.

В Подунавье, в области культур Бодрокере-

¹Этому горизонту, помимо названных культур соответствует культура Кукутени АВ, В, появляется Винкельшнур, а в конце периода – культуры Ситагри IV и Чернавода I [Parzinger, 1993, S. 266].

штур и Тисаполгар, в результате проникновения степного населения и оттока на северо-запад носителей культур Салкуца и Гумельница начинает формироваться горизонт дисковидных ручек, что было общим явлением для всей Центральной и Юго-Восточной Европы, и постепенно образуются культуры типа Баден и Вучедол. Под воздействием степняков еще в период Караново VI на Северо-Восточных Балканах тоже формируются новые культуры. Одна из них, Чернавода I, начинает давление на культуру Гумельница, в результате чего последняя смещается к югу [Garašanin, 1991, p. 207; Tasiu, 1991, S. 267]. В Северной Греции в конце этого периода образуется культура Ситагри IV. В Родопах в результате миграции населения из Фракии формируется культура Ягодина [Todorova, 1995, p. 90]. Здесь культура энеолитического облика датируется 3800-3700 BC, что соответствует Переходному периоду на других

территориях [Boyadziev, 1995, p. 173]. Эти импульсы распространяются вплоть до Северо-западной Анатолии, что дало возможность для сопоставлений Варны и Кумтепе IC [Parzinger, 1993, S. 266].

Прото-бронзовый век начинается около середины IV тыс. до н.э. или около 3850-3750 BC [Todorova, 1995, p. 91; Boyadziev, 1995, p. 173]. Этот период сопровождается новыми притоками степного населения – с керамикой типа Кукутени С, а затем типа Усатово, что ведет к образованию новых типов [Garašanin, 1991, p. 208]. Материалов этого времени очень немного. Во Фракии формируется культура Певетс, связанная с Кукутени В, Трипольем С, Усатово. В Добрудже появляются плоские курганы с кромлехами, каменными стелами и окрашенными в красный цвет скелетами. В северо-западной Болгарии образуется культура Галатин (Салькуца IV). Сходные культурные образования распространяются в Македонии (Суплевач), Северной Греции (Ситагри IV, V), Албании (Малик II) [Todorova, 1995, p. 91]. Несколько дольше культура энеолитического облика сохраняется в Юго-западной Болгарии, где долго не заметны степные влияния [Pernicheva, 1995, p. 134]. Продолжительное время существуют анклавы постэнеолитического населения на островах и полуостровах Черного моря. Они доживают вплоть до РБВ, когда на остальных территориях уже в полной мере чувствовалось присутствие степного компонента. Вероятно, эти места представляли меньший интерес для степняков [Draganov, 1995].

В результате деструкции системы и проникновения степного компонента практически везде, за исключением Триполья, исчезают старые архитектурные традиции. Не исключено, что в отдельных регионах это связано с частичной утратой оседлости, в других с общей нестабильной обстановкой, с привнесением иных культурных традиций. В ряде регионов Северных Балкан и Подунавья для этого времени отсутствуют данные о жилой архитектуре. В других жилища представлены землянками или хижинами из дерева и глины [Parzinger, 1993, S. 301, 302].

Отмечается также появление анатолийских и центральноевропейских элементов [Mерперт, 1995a, с. 44, 45]. Наиболее отчетливо восстановление анатолийских и ближневосточных связей просматривается на металле. С появлением этих популяций в Юго-Восточной Европе, здесь начи-

нает меняться характер металлообработки. Для этой зоны в энеолите сплавы меди с мышьяком характерны не были. Однако при переходе от энеолита к РБВ они начинают распространяться, что связывается с кавказскими импульсами [Рындина, 1961, с. 208; 896]. Действительно, как мы видели, ранее мышьяковые бронзы были весьма характерны для энеолита Закавказья. Выше мы также отмечали, что балканская металлообработка не знала лигатур. В Юго-Восточной Европе известно несколько изделий из оловянистой бронзы, которые датируются периодом позднего энеолита. Однако эти находки плохо документированы и не могут служить доказательством распространения лигатур в эту эпоху. Кроме того, незначительность этих находок не меняет общего облика энеолитической металлообработки, хотя и не исключают того, что оловянистые бронзы появились впервые именно в этом регионе. С началом эпохи Прото-бронзового века ситуация качественно меняется. Наряду с изделиями из оловянистой бронзы в регионе появляются изделия из мышьяковой меди. [Pernicka et al., 1977, S. 125, 126, 136]. Существенные изменения происходят и в технике металлообработки. В раннем и среднем Триполье, например, металлурги крайне редко отливали изделия. Доминировали различные приемыковки. На поздней стадии техника литья становится преобладающей [Рындина, 1961]. Достаточно показательной находкой является топор-клевец из Веремья, типологически близкий топорам, обнаруженным в Армении. В металле этого топора зафиксирована заметная примесь никеля, что идентично изделиям ряда памятников Ближнего Востока и Майкопа. Кроме того, топор отлит в двусоставную форму. Таким образом, он не имеет ничего общего ни технологически, ни типологически с инвентарем Триполья. Генетически его происхождение можно связывать с Закавказьем и Ближним Востоком [Рындина, 1971, с. 129 132, 133], хотя конкретно на Балканах эти бронзы могут появляться с территории позднего Триполья [Todorova, 1995, p. 91]. Кроме того, начиная с РБВ, в Юго-Восточной Европе распространяются известные ранее в Закавказье черешковые орудия с упором.

Таким образом, миграции из Закавказья через степную зону Восточной Европы привели к разрушению Балкано-Карпатской металлургической провинции и положили начало формированию Циркумпонтийской провинции.

Напомним, что, по мнению М. Корфманна, появление на Северных Балканах укрепленных поселений типа Эзеро можно рассматривать как свидетельство синтеза местных энеолитических и западноанатолийских традиций [Korfmann, 1983, S. 240]. Той же точки зрения придерживается Г. Парцингер [Parzinger, 1993, S. 303, 304]. Необходимо обратить, в связи с этим, внимание на материалы телля Драма, который датируется временем Караново VI и в оборонительных укреплениях которого уже просматриваются черты архитектуры РБВ [Fol et al., 1991]. Его отделяет от раннебронзовых укрепленных поселков значительный промежуток времени, но он демонстрирует и местные истоки при формировании раннебронзового архитектурного комплекса Балкан.

Принимая идею об анатолийских влияниях в целом, я хотел бы отметить возможность распространения этих влияний из Восточной Анатолии через Северное Причерноморье.

Другим подкреплением для подобной гипотезы является распространение новых видов домашних животных. Считается, что на территории Украины domesticiрованная лошадь появляется в первой половине IV тыс. до н.э., что маркируется находками в Деревке. Затем, в конце III тыс. до н.э. domesticiрованная лошадь проникает на Ближний Восток через Кавказ [Sherratt, 1997, p. 170, 171]. Однако остеологические исследования дереивского стада показали, что кости принадлежат диким особям. Более определенно можно говорить о последующем времени. Во второй половине IV тыс. до н.э.¹ лошадь известна на Северных Балканах (Гумельница, Караново VI, Кукутени А, Триполье В, Тисаполгар). В трипольской культуре вместе с коневодством распространяется и колесный транспорт [Мовша, 1982]. Южнее, в Грецию, коневодство не проникает вплоть до рубежа III/II тыс. до н.э. В Восточной Анатолии лошадь датируется первой половиной IV тыс. до н.э. (Норшун-тепе, Тилки-тепе, Тепчик, Арслантепе) [Bökönyi, 1987, p. 137]. Не исключено, что в Иране одомашненная лошадь появляется в конце IV тыс. до н.э. [Sherratt, 1997, p. 216]. Некоторые исследователи полагают, что на вазе из Телль Халафа, датируемой IV тыс. до н.э., изображена дикая лошадь [Hood, 1979, p.

¹ В системе калиброванных дат этот период приходится на 4600-4000 до н.э. [Gimbutas, 1992, p. 399]

90]. А как мы уже говорили выше, в Восточном Закавказье лошадь зафиксирована даже в более раннее время.

Ситуация с лошады дублируется распространением в Причерноморье и Карпато-Дунайском бассейне в начале РБВ нового типа овцы – более крупных размеров и с более хорошей шерстью. Эта овца появляется в Месопотамии, по меньшей мере, в период Джемдет Наср, около конца IV тыс. до н.э., если не раньше. Селекция этого вида была осуществлена, тем не менее, по-видимому, в Анатолии [Bökönyi, 1987, p. 139-142; 1991, p. 554]. В связи с этим отмечается, что лошадь проникает в Европу, включая Восточную Европу, одновременно с этой овцой, в конце энеолита – начале РБВ. Кости этой овцы встречены на памятниках типа Усатово, Триполье СII, телль Драма (Караново VI) [Bökönyi, 1991, p. 554]. Связывать domesticiкацию лошади с более ранними восточноевропейскими материалами оснований нет. На это указывает и структура дереивского “стада”, соответствующая дикой популяции [Levine, 1999, p. 36].

Таким образом, значительное количество изменений, происходивших в этот период на Балканах, было связано с переднеазиатским регионом. Такой точки зрения придерживаются в настоящее время многие исследователи. По мнению А. Шерратта, например, появление в этот период на Балканах укреплений с использованием камня, винограда, оливы, плуга¹, ослов, шерстистых овец, технологии легирования металла было связано, прежде всего, с Анатолией [Sherratt, 1998a, p. 184]. Восточная Европа могла выступать при этом лишь регионом, через который осуществлялась передача этих новых традиций.

Несмотря на экологический кризис, пошатнувшийся энеолитические культуры, столь резкий слом не мыслим без прихода нового этнического компонента. Этот культурный слом был настолько существенен, что вызвал появление новой культурной системы. Это мешает принять гипотезу о присутствии индоевропейцев на Балканах, начиная с мезолита [Merpert, 1987, с. 126, 127]. Ниже мы остановимся на вопросе об этносе тех популяций, которые появились на Балканах в период с конца VII по начало V тыс. до н.э. При этом более чем вероятно, что эти группы были разноэтничны, и особенно первые проникновения были связаны с

¹ Выше приводились данные о возможно более раннем появлении на территории Европы плужного земледелия.

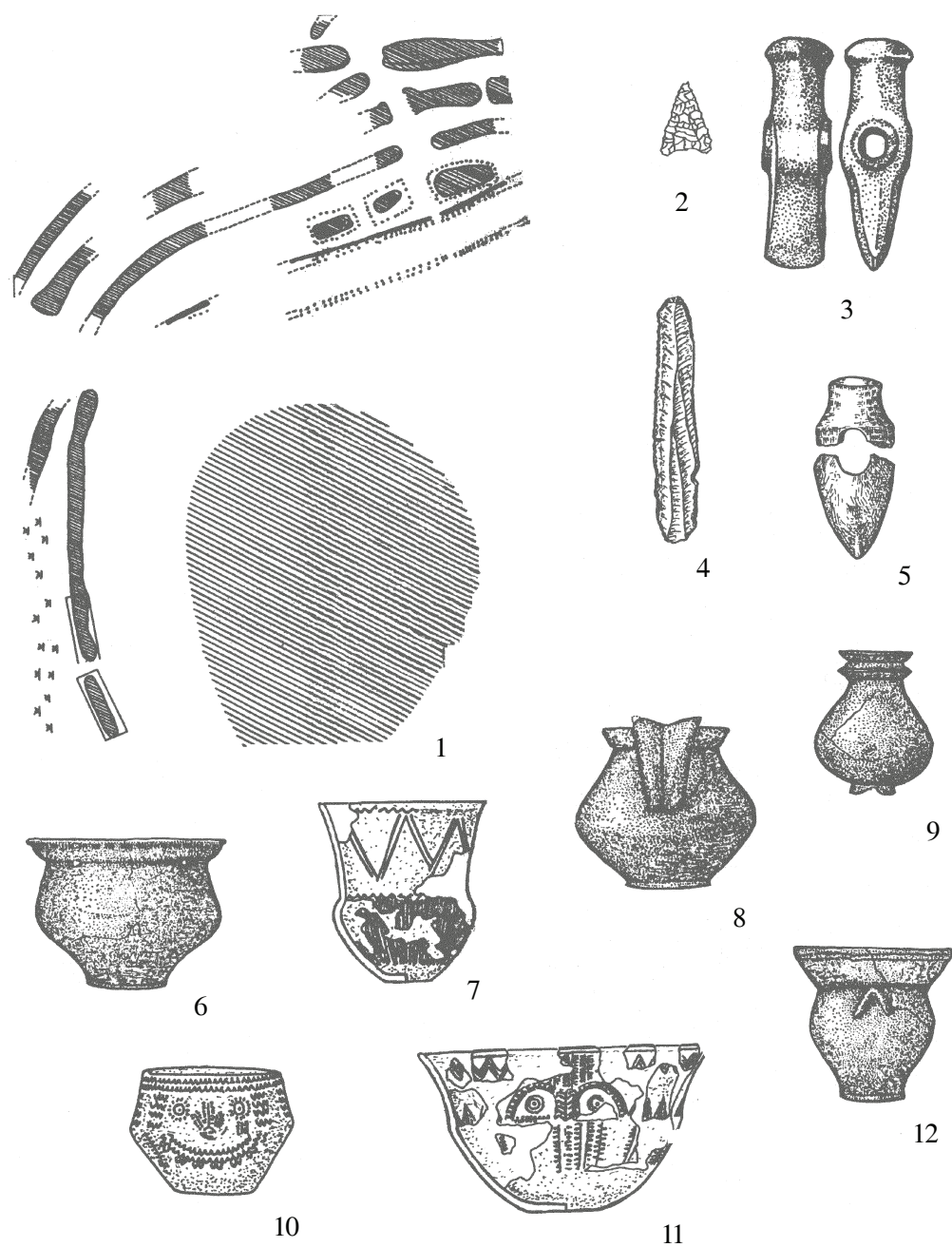

Рис. 130. Культура воронковидных кубков. 1 - Бюдельсдорф.

доиндоевропейскими племенами Малой Азии, теснимыми индоевропейцами, а собственно индоевропейские миграции осуществлялись во второй половине VI тыс. до н.э. Поэтому мы не будем делать попыток дать этническую интерпретацию отдельных культур. Это невозможно без детального сопоставления их с раннеолитическими комплексами Передней Азии, равно как и без детального анализа последних. Ограничимся лишь фактом присутствия на Балканах той или иной группы в этот период.

В настоящее время можно считать доказанным, что греки появляются на юге Балкан около конца III тыс. до н.э. Изучение топонимики региона позволило выделить сменяющие друг друга догреческие топонимические пласты: доиндоевропейский и индоевропейский, включающий анатолийские (хетто-лувийско-палайские) и палеобалканские (пеласгские) топонимы [Титов, 1970, с. 32, 38]. Это позволяет считать, что в VI тыс. до н.э. на Балканы продвинулись группы индоевропейцев. В результате их консолидации идет оформление анатолийских языков. Это соответствует и наиболее раннему выделению этой языковой ветви по лингвистическим данным и обособленному ее характеру, хотя и несколько удревняет этот процесс. При этом далеко не все описанные выше культуры были анатолийскими. Культуры, сформировавшиеся в Центральной Европе, могли иметь иную этническую принадлежность. Культурный слом середины IV тыс. до н.э. мы можем рассматривать как появление носителей балканских языков (фракийский, фригийский, пеласгский) и, возможно, албанский. Носителей последнего, вероятно, следует отождествлять с группой Малик. Данные предположения получают далее дополнительное подтверждение.

Есть все основания полагать, что описанный миграционный процесс получил продолжение не только в Балкано-Карпатье, но и в Центральной и Северной Европе. В самом конце энеолитической эпохи, около середины IV тыс. до н.э., на основе культуры Лендель (рис. 129), по мнению В.А.Сафронова, формируется культура воронковидных кубков, распространяющаяся впоследствии по всей территории Северной и Северо-Западной Европы (рис. 130). Обосновано это достаточно надежно и строится это обоснование на сопоставлении архитектурных, погребальных и гончарных традиций (сходные формы посуды, столбовые жилища с плетеными обмазанными глиной стена-

ми, скорченные на боку захоронения) [Сафронов, 1989, с. 106-109, 117-125; Midgley, 1992]. Ряд более мелких деталей, таких, например, как инкрустация орнамента белой пастой, позволяет сопоставлять керамику КВК с более ранними керамическими комплексами Юго-Восточной Европы [Тодорова, 1979, с. 17; Энеолит СССР, 1982, с. 260]. Развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство КВК с пашенным земледелием и доминированием в стаде крупного рогатого скота тоже направляет нас к тому же кругу аналогий [Сафронов, 1989, с. 120, 121; Тодорова, 1979, с. 37, 38; Энеолит СССР, 1982, с. 261]. Однако словацкие исследователи полагают, что скорее имели место обратные влияния со стороны культуры воронковидных кубков на культуру Лендель [Touik, 1991, S. 315]. В соответствии с точкой зрения М. Мидглей, формирование этой культуры осуществлялось в результате контактов культуры линейно-ленточной керамики с местными племенами лесных охотников. В калиброванных значениях наиболее ранние памятники этой культуры, расположенные на востоке и юго-востоке ее ареала, датируются от середины V тыс. до н.э. Затем культура распространяется западнее, где датируется от рубежа V/IV тыс. до н.э.¹ [Midgley, 1992, p. 31, 201, 227-229]. Впрочем, независимо от того, на какой основе сформировалась КВК, генетические корни ее уходят на Балканы, где берут начало Лендель и КЛЛК. Такая характерная для КВК деталь, как длинные дома, может восходить к обоим этим культурам. Для КЛЛК они были довольно характерны [Whittle, 1998, p. 157, 158].

Весьма любопытно распространение оборонительных сооружений в виде кольцевых палисадов. Наиболее распространены они в Дании, в меньшей степени в Германии, но это, по-видимому, общая для КВК традиция. Очень примечательно укрепленное поселение Квенштедт в Южной Германии, где выявлено пять рядов палисадов (рис. 130,1) [Midgley, 1992, p. 341-354]. Эти укрепления могут быть сопоставлены с укреплениями культуры Лендель или с северобалканскими. Поэтому их существование, как будто, подтверждает мнение В.А.Сафронова. Другим

¹ Калиброванные радиоуглеродные даты культуры определяют ее начало около 4420-3905 г. до н.э. или около 3970-3770 гг. до н.э. Скандинавские даты этой культуры имеют более позднюю позицию, что указывает на ее распространение с юга на север [Thomas, Rowlett, 1992a, p. 348; Boguski, 1992, p. 367].

аргументом в эту пользу может служить распространение в культуре воронковидных кубков каменных топоров, близких по типу тем, которые были распространены в балкано-дунайских культурах (Лендель, Гумельница, Тисаполгар, Бодрогкерештур, Триполье) [*Zapotocky, 1991*].

Волны данных влияний продолжают далеко на запад. На севере Франции в позднем неолите (Михельсбергское время) распространяются поселения с укреплениями. Их конструкция идентична тому, что зафиксировано в культуре Лендель – рвы и палисады различной формы с трапециевидными длинными жилыми домами, расположенными всегда за пределами укреплений [*Dubouloz, 1991; Bertemes, 1991*].

Вместе с тем, существует ряд новых черт, не выводимых из прежних культурных образований Центральной и Юго-Восточной Европы, происхождение которых связано со степным миром Северного Причерноморья [*Мерперт, 1976, с. 123-126*]. К ним относятся появление воротничков под венчиком, курганов (круглых и длинных) с каменными ящиками и кромлехами, шнуровой орнаментации, скорченных на спине захоронений. В наибольшей степени эти признаки присущи баальбергской группе КВК [*Сафронов, 1989, с. 123*]. В юго-восточной части ареала этой культуры известны вытянутые на спине захоронения, что характерно для мариупольского обряда [*Археология УССР, 1985, с. 275; Энеолит СССР, 1982, с. 261*]. В качестве дополнительной детали, менее безусловной, могут выступать ножевидные пластины, характерные для энеолитических культур северной и восточной частей понтийского ареала [*Энеолит СССР, 1982, таб. ХСVI, 14*]. В керамическом комплексе культуры воронковидных кубков появляется такая характерная деталь, как шнуровая орнаментация [*Сафронов, 1989, с. 104-111*].

Формирование КВК происходит около середины IV тыс. до н.э. (или около середины V тыс. до н.э. в калиброванной шкале). При этом наиболее ранними, являются памятники в Моравии, Силезии и Южной Польше, наиболее близко расположенные к районам, охваченной культурной трансформацией, стимулированной степным населением. Примечательно, что дата Сарново, содержащего уже причерноморский культурный комплекс, радиоуглеродным анализом определена около 3600 г. до н.э. (4417 г. до н.э.) [*Сафронов, 1989, с. 106; Midgley, 1992, р. 201*]. На севере и северо-

западе Европы памятники КВК имеют, как уже говорилось, более позднюю хронологическую позицию.

Таким образом, даты формирования КВК соответствуют времени смены культур мариупольского типа культурами типа Хвалынский – Средний Стог II, Ново-Данилово, нижнего слоя Михайловского поселения и т.д. Присутствие в КВК мариупольских признаков (воротнички, вытянутые на спине захоронения) и признаков нижнемихайловских и новоданиловских (курганы, кромлехи, каменные ящики, шнуровая орнаментация) позволяют предполагать участие этих популяций в формировании культуры¹. На возможность частичной синхронизации культур мариупольского времени и сменяющего его хронологического горизонта, помимо уже приведенных фактов, может указывать обнаружение на поселении Шапкино VI в слоях, содержащих керамический комплекс мариупольского времени двух венчиков хвалынских сосудов [*Хреков, 1996, с. 74*].

Появление в КВК длинных курганов, я был склонен расценивать как синтез курганной традиции и традиции мариупольских траншейных захоронений [*Григорьев, 1999а, с. 332*]. Не исключено, впрочем, что эти курганы появляются в качестве синтеза курганной традиции с местной. По мнению Мидглей, они отражают традицию сооружения длинных домов [*Midgley, 1992, р. 463, 464*]. А.Шерратт считает, что длинные курганы с каменными гробницами распространяются из Нормандии, хотя он согласен с мыслью, что они являются имитацией длинных домов [*Sherratt, 1998а, р. 177, 180*]. Вероятно, формирование КВК мы можем рассматривать в виде взаимодействия нескольких неиндоевропейских и индоевропейских популяций – местных северо-европейских, центрально-европейской и северо-причерноморской (азово-днепровская культура, памятники нижнемихайловского и ново-даниловского типов). Центрально-европейский субстрат, по-видимому, количественно преобладал. Большие пространства Центральной, Северной и Западной Европы были заняты, таким образом, населением, связанным генетически с Балканами, и опосредованно через

¹ На возможность частичной синхронизации культур мариупольского времени и сменяющего его хронологического горизонта, помимо уже приведенных фактов, может указывать обнаружение на поселении Шапкино VI в слоях, содержащих керамический комплекс мариупольского времени двух венчиков хвалынских сосудов [*Хреков, 1996, с. 74*].

Балканы с Передней Азией. Вместе с тем, для КВК характерен ряд особенностей, не выводимых из центральноевропейских или восточноевропейских традиций. Речь идет о коридорных гробницах и дольменах, характерных, прежде всего для западного ареала культуры [Midgley, 1992, p. 409-462]. Вероятно, их появление в Северной Европе было обусловлено воздействием западного атлантического субстрата.

Довольно сложно сказать – на каких языках говорили носители этих культур. Полностью исключать возможное присутствие индоевропейского компонента в Северной Европе уже в это раннее время нельзя, но более вероятно, что это население было доиндоевропейским. В главе 3 предыдущего раздела мы обсуждали наличие в Северной Германии трех языковых пластов, и упоминали, что культура воронковидных кубков, по всей вероятности, относится к раннему, доиндоевропейскому.

В результате описанных процессов в Центральной Европе начинаются очень сложные процессы взаимодействия степных популяций, северобалканских (продвижение культур Гумельница, Салькуца), местных (Лендель), влияние КВК, что, в целом, приводит к появлению культурного конгломерата Болераз-Баденского круга, который вскоре начинает оказывать давление на Балканы [Garašanin, 1991, p. 207; Tasiu, 1991, S. 267; Touik, 1991, S. 315; Raczky, 1991, p. 340, 341; Kalicz, 1991, p. 380].

Более определенной представляется ситуация на Северных Балканах, где на смену энеолитическим культурам приходят культурные образования, слабо связанные с прежней традицией (Эзеро, Караново VII, Веселиново II, Ситагри IV).

Стандартные для энеолита линейные планировки поселений сменяются круговыми, с площадью в центре, имеющими более ранние прототипы в Анатолии (рис. 15,2). Эти трансформации в архитектуре в начале РБВ коснулись многих регионов Европы. Прежде укрепления были представлены рвами, валами и палисадами. Теперь распространяются оборонительные стены с каменными фундаментами, а часто и сложенные из камня. Применяется принцип забутовки. Это позволило Х. Мюллер-Карпе сделать вывод о переднеазиатском влиянии на формирование европейской архитектуры периода РБВ [Müller-Karpe, 1974, S. 404-407].

В балканской керамике появляется шнуровая орнаментация, но крайне велики также традиции центральноевропейских культур (Лендель, КВК) [Мерперт, 1988, с. 26-31; 1995а, с. 41, 44, 45]. Эти воздействия накладываются на ту довольно подвижную систему, которая начала складываться на Балканах в переходный период. Кроме центральноевропейского воздействия в регионе ощущаются новые притоки степного населения ямной культуры [Garašanin, 1991, p. 212]. Новым явлением стало влияние новых культурных образований Центральной Европы. В результате, на территории Болгарии шло постоянное взаимодействие местного, степного и центральноевропейского компонентов. Это ярко прослеживается на примере культуры Котофени. Она характеризуется распространением мышьяковых бронз, наличием шнуровой орнаментации и грунтовыми могильными ямами с остатками кремации. Иногда встречаются курганы, что отражает контакты с населением ямной культуры, но под курганами находятся погребения по обряду кремации и с местным инвентарем. Вероятно, обряд кремаций распространяется из Среднего Подунавья, где он был известен в предшествующую эпоху [Alexandrov, 1995, p. 257; Nikolova, 1995, p. 274]. Погребения в курганах характерны, преимущественно для Северной Болгарии и Верхнефракийской долины, где влияние степного населения было особенно сильно. На других территориях распространены грунтовые могильники. Новым для Болгарии стало появление интрамуральных захоронений, что не было свойственно энеолитическим памятникам этой зоны, но известно в культурах Баден – Костолач – Вучедол на Среднем Дунае [Nikolova, 1995, p. 271, 272].

2.5. Формирование культур РБВ Анатолии

Балканский и центральноевропейский культурный комплекс обнаруживает тенденцию к смещению в восточном направлении, на территорию Анатолии.

Балканы оказываются теснейшим образом связаны, в первую очередь, с Северо-западной

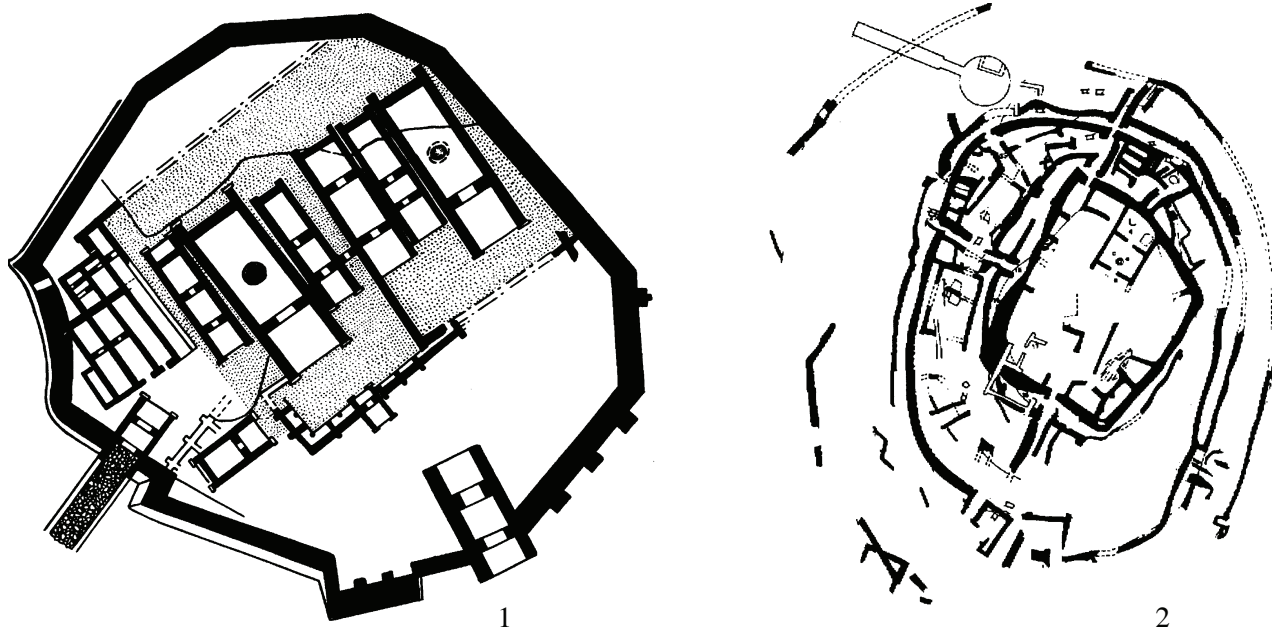

Рис. 131. Укрепленные поселения северо-запада Малой Азии и Греции в РБВ. 1 – Троя; 2 – Димини.

Анатолией. В первую очередь, следует отметить обнаружение на памятниках Прото-бронзового века Балкан и на возможно несколько более позднем памятнике Северо-западной Анатолии (Илипинар) изделий из мышьяковой меди со схожим составом химических элементов и изотопов свинца. Последнее может свидетельствовать в пользу единого источника металла для этих двух регионов [Pernicka et al., 1977, S. 136,137].

Эти связи довольно отчетливо проявляются и в керамическом комплексе. На поселениях Кумтепе IV3 и Бейджесултан XXV-XVIII/XXIX-XXXIV присутствуют чаши с приостренным краем, иногда утолщенным изнутри. Аналогии этой посуде известны в культурах Гумельница и Салькуца [Parzinger, 1993, S. 264; Mellaart, 1971, p. 366]. Данная посуда начинает стремительно распространяться, проникая в весьма отдаленные районы Закавказья. Даже в энеолитическом слое поселения Яник-тепе в Закавказье обнаружены вазы и керамика с антропоморфными изображениями, имеющая центральноевропейские прототипы [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 17,7-9]¹. Эти находки энеолитического времени не еди-

¹ В неолитических и энеолитических слоях поселения Демричуийюк, например, неизвестны вазы и посуда с антропоморфными личинами [см. напр. Seeher, 1987]. Она появляется под воздействием импульсов из Европы.

ничны. Их сравнительно мало в Западной Анатолии, но они хорошо представлены в Центральной. Поселение Икизтепе, например, почти идентично Веселиново, посуда типа Марица и Гумельница представлена на Анатолии на поселениях Гелвери-Гюзельюрт, Бюйюк Гюллючек, Яриккайя [Özdoğan, 1991, p. 218-220]. На поселении Алишар 12М-14М известна посуда типа Кукутени А – чаши на высоких полых ножках и стройные вазы с высоким горлом [Parzinger, 1993, S. 265]. Керамика поселения Яримбургаз имеет параллели в керамике таких европейских памятников, как Винча, Караново III, Паридими. Наиболее раннюю посуду Алишара можно сопоставлять с посудой Илипинар V и Винча [Yakar, 1991, p. 248, 253].

Помимо балканских параллелей известен и ряд соответствий с керамикой Центральной Европы. Керамические комплексы, которые появляются в начале РБВ в Анатолии и Закавказье имеют параллели и в позднем неолите Подунавья в группе Мондзее, которая датируется временем Баальберга, около 3800-3150 гг. до н.э., и относится к кругу южногерманских и швейцарских энеолитических памятников [Lochner, 1997, S. 9]. К сопоставимым чертам можно отнести горшки с одной ручкой (кружки), овальные ручки-налепы, ручки-налепы с вертикальным отверстием, чаши. Наиболее наглядное сходство обнаруживает куро-

аракская посуда Закавказья с этим типом европейской посуды по таким типам орнамента, как концентрические круги и антропоморфные личины, выполненные комбинированием концентрических кругов с треугольником или зигзагом. Очень распространены двойные или тройные шишечки (сосцевидные налесты), характерные впоследствии для СБВ Закавказья и переданные затем в синташтинскую культуру [Lochner, 1997, Taf. 4, 48, 52, 59, 98, 99, 104, 107]. Однако последний тип орнаментов можно в расчет не принимать, поскольку первоначально они зарождаются именно в неолите Ближнего Востока. В период, непосредственно предшествовавший проникновению европейских популяций в Азию (энеолитические слои V-IV тыс. до н.э. на Тюлинтепе), эти орнаменты известны в Восточной Анатолии. Ранее они были распространены в Северной Месопотамии, Центральной Анатолии и Закавказье [Esin, 1993, p. 114-117]. Поэтому нельзя исключать их местного происхождения. Оно даже более вероятно. Более показательным является появление в Анатолии, а затем далее в Закавказье антропоморфных личин на керамике. Генезис этого типа орнамента восходит к центральноевропейским культурам, в том числе к культуре воронковидных кубков. В той же культуре известны вазы на подставках, распространяющиеся в Анатолии на рубеже энеолита и ранней бронзы [см. Midgley, 1992, fig. 29.3.5, 43.6, 45.1.2, 48.2, 51.6.7, 54.1, 60.2, 63.11; Podzuweit, 1979, Taf. 12, 15]. Последние могут быть также объяснены и влиянием балканских культур, в которых они тоже представлены.

В начале эпохи бронзы эти процессы начинают нарастать. Балканские традиции проявляются в Северо-Западной Анатолии (Кумтепе, Демирчиуйюк), Центральной (Икизтепе, Яриккайя) и Восточной (Арслантепе VI). В ранних слоях РБВ Северо-восточных Балкан есть соответствия до-тройянской Северо-западной Анатолии. При этом необходимо подчеркнуть более поздний характер этого движения по сравнению с изменениями на Балканах. Наиболее ярко это проявляется в архитектуре Трои, которая явно наследует черты архитектуры Димини и Сескло энеолитического времени, со свойственными им мегаронами, акрополем и нижним городом (рис. 131) [Parzinger, 1993, S. 306].

Таким образом, в конце энеолита на территорию Анатолии проникает балканское и центральноевропейское население. Это проникновение

было не единовременным и его нельзя сводить лишь к влияниям с континента, поскольку иногда фиксируются разрушения прежних населенных пунктов. Это отмечено при переходе от энеолита к РБВ даже в таких отдаленных регионах, как Юго-восточная и Восточная Анатолия, где это повлекло за собой и смену архитектурного комплекса [Behm-Blancke, 1984, S. 40-48]. Это стимулирует развитие во всех регионах. Особенно заметны успехи в металлургическом производстве. Сравнительно скромное производство энеолитического времени сменяется металлургическим бумом. Анатолия начинает поставки металла в Месопотамию. Однако развитие различных частей Анатолии проходит неравномерно. В Северо-западной Анатолии развитие идет от позднеэнеолитической культуры Кумтепе, охватывающей также районы Турецкой Фракии. В течение периода Троя I эта линия развития не прерывается, хотя какие-то дополнительные импульсы с Балкан продолжают поступать. Потрясения в этом регионе происходят в конце периода Троя I, когда были разрушены многие городские центры этого региона (Эмпорио, Ферми)¹. Враги, пришедшие с европейского континента, распространяются и в Юго-западной Анатолии [Mellaart, 1957, p. 72, 86; 1971, p. 371-384]. Однако принципиальных изменений при переходе от Трои I к Трою II все же не происходит. Вплоть до конца РБВ II, что в системе калиброванных радиоуглеродных дат соответствует 2700 г. до н.э.², когда повсюду в этой зоне происходят существенные разрушения, наблюдается продолжительная преемственность культурного развития [Easton, 1976, p. 166, 167; Yakar, 1979, p. 54].

¹ В противоположность этому Блеген полагал, что Троя II продолжает традиции Трои I [Blegen, 1971, p. 415]. Для нашего дальнейшего изложения это не столь принципиально, поскольку в любом случае корни данной культуры следует искать на европейском континенте. Кроме того, совершенно очевидно, что европейское влияние продолжалось в течение периода Троя I. Вопрос сводится лишь к формам и интенсивности этого воздействия.

² Традиционные даты эпохи бронзы Анатолии несколько иные. Эпоху бронзы этой территории делят на три периода РБВ I – 3350 – 2900 до н.э., РБВ II – 2900 – 2400 до н.э., РБВ III – 2400 – 2000 до н.э. [Mellink, 1992, p. 219]. Эти периоды соответствуют различным строительным фазам Трои: РБВ I – Троя I, РБВ II – Троя II, РБВ III – Троя III-V. Гробницы Аладжи, при этом, соответствуют Трою II, но не исключено, что они начинаются с середины этого периода, поскольку на поселениях Центральной Анатолии толщина культурного слоя меньше, чем в Трою [Mellaart, 1971, p. 368, 368].

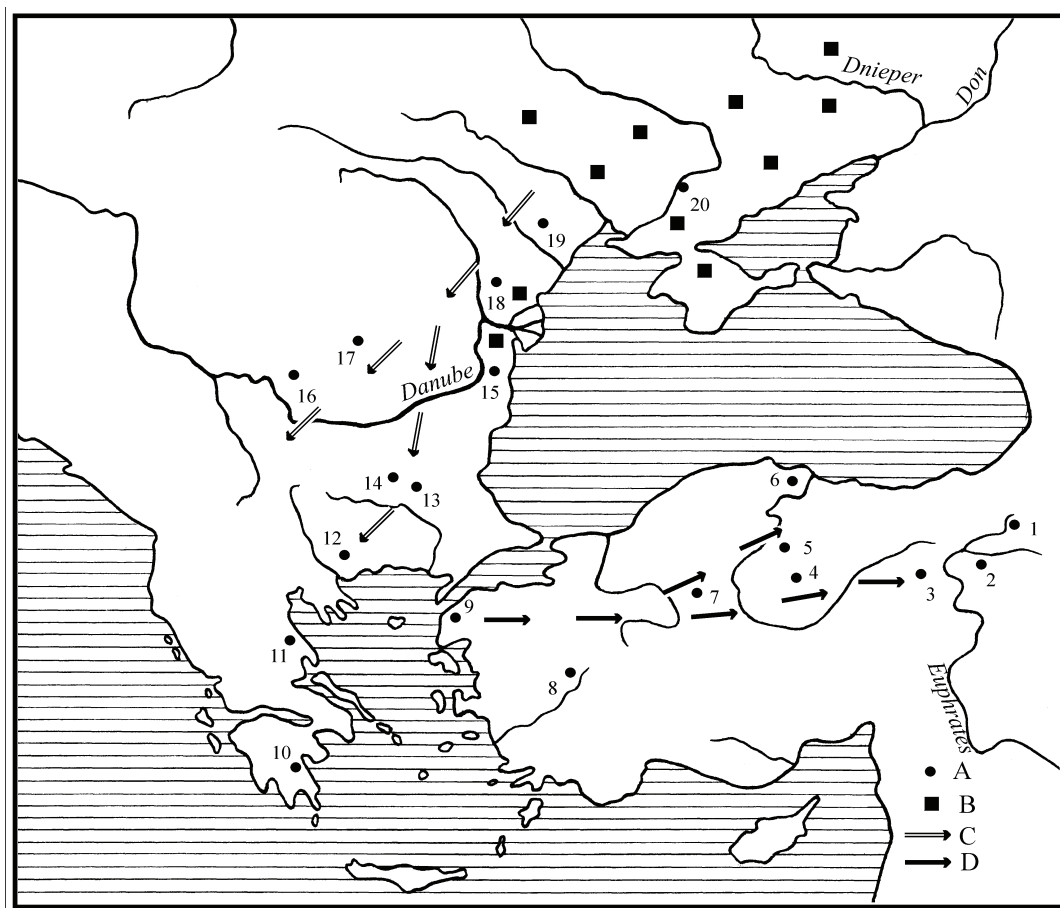

Рис. 132. Карта Анатолии и Балканского полуострова в период перехода от энеолита к РБВ: а – балканские памятники и анатолийские памятники с европейскими чертами; б – зона распространения новоданиловских, нижнемихайловских и среднестоговских памятников; в – направление движения палеобалканских племен; г – направление движения анатолийских племен. 1 – Пулур; 2 – Норшунтепе; 3 – Арслантепе; 4 – Алишар; 5 – Аладжасуйюк; 6 – Икизтепе; 7 – Ахлатлибель; 8 – Бейджесултан; 9 – Троя; 10 – Лерна; 11 – Димини; 12 – Ситагри; 13 – Караново; 14 – Коджадермен; 15 – Чернавода; 16 – Салькуца; 17 – Котофени; 18 – Суворово; 19 – Усатово; 20 – Михайловка.

Тем не менее, с конца периода РБВ I Балкан и в начале следующего периода количество параллелей между Балканами и Троей начинает резко расти. В результате этого с периода Трои II этот памятник можно рассматривать в качестве однокультурного с новыми балканскими образованиями и предполагать, что оба берега пролива были населены одним населением [Мерперт, 1988, с. 29-31; Katinčarov, 1991, р. 98, 99] (рис. 131,1). Таким образом, можно предполагать движение в Анатолию с территории Европы в течение довольно продолжительного времени. Смена в Трое раннего балканского комплекса более поздним хорошо фиксируется стратиграфически. Классический мегарон 102 (Троя Ib) перекрывает апсидную постройку (Троя Ia). Кроме того, с этого времени появляется керамика со шнуровой орнаментацией [Müller, 1972, S. 59, 82, Taf. 21;

Akurgal, 1990, р. 48]. Подобная керамика на Северо-Восточных Балканах встречается во всех слоях РБВ, начиная с наиболее ранней фазы Михалич [Katinčarov, 1991, р. 96]. Ручки с насечками, как на Эзеро, обнаружены в Херайоне, Бейджесултане, Демирчиуйюк [Parzinger, 1993, S. 269]. В слое Троя I обнаружена стела со стилизованным изображением человеческого лица, что присутствует и в более поздних слоях Трои [Blegen, 1971, р. 413, 414]. Напомним, что погребения со стелами появляются и на Балканах.

Апсидные постройки, датируемые РБВ, известны также в Мегиддо и Месере, в Палестине. Не исключено, что это отражает распространение европейского культурного импульса вплоть до Палестины. Во всяком случае, проникновение кирбет-керака связано с восточными районами Анатолии. Однако в Палестине известны и более

ранние апсидные постройки в Библие, датируемые V тыс. до н.э. [Ben-Tor, 1992, p. 60, 61].

Таким образом, начиная с позднего энеолита, под давлением степных племен в Анатолию проникает балканское население, формируя здесь культуры ранней бронзы [Yakar, 1984, p. 63]. Этническую сущность проходивших в регионе культурных процессов раскрывает анализ имен и топонимов “Илиады”, позволивший Л.А. Гиндину сделать вывод о том, что в конце периода Троя I Северо-западная Анатолия осваивается фракийцами и лувийцами, которые затем населяют обе стороны Мраморного моря в течение длительного времени, включая период Троя VI [Гиндин, 1991, с. 29, 38]. Поэтому, с учетом более раннего анатолийского топонимического пласта в Греции [Титов, 1970, с. 32-38] и последующей преемственности культурного развития Северных Балкан, можно сделать вывод о том, что носители культур типа Ново-Данилово и нижнего слоя Михайловского поселения говорили на палеобалканских диалектах (фракийский, пеласгский, фригийский, протоалбанский). При этом пеласгский язык наиболее неопределенен. Прочие же были близки языкам греко-армяно-арийской группы, но албанский впоследствии испытал ощутимое воздействие со стороны древнеевропейских языков [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 909, 911].

На Балканах носители этих языков наносят удар по прежним анатолийским группам, которые смещаются в Малую Азию вплоть до Армянского нагорья. В Восточной Анатолии идет формирование культуры, входящей в куро-аракскую культурную общность. Здесь данный процесс осложнен закавказскими влияниями, поскольку формирующиеся культуры, наряду с местным и европейским компонентом, включают в себя черты, присущие ранее энеолиту Закавказья. Особенно это проявляется в металлообработке, что выражается в широком распространении здесь мышьяковых бронз, не характерных первоначально для Западной и Центральной Анатолии [Yakar, 1984, p. 64-67]. В дальнейшем наблюдается продвижение закавказских и восточноанатолийских компонентов в южном направлении. Появление в РБВ Палестины кирбет-керакской посуды и апсидных построек, возможно, объясняет фиксацию здесь хеттов в наиболее архаичных частях Ветхого Завета.

Этот процесс был очень растянут во времени, в него было включено этнически близкое цент-

ральноевропейское население. Безусловно и то, что реальные формы этого процесса отнюдь не сводились к простому завоеванию, вытеснению и ассимиляции. Часто имело место сосуществование различных этносов, несмотря на культурную нивелировку новой системы. Однако в рамках настоящей работы для нас важнее общая направленность миграций и характер культурных трансформаций.

В Центральной Анатолии резкие изменения происходят середине РБВ II, когда появляются царские гробницы Аладжи. Аналогичные гробницы распространяются на север, вплоть до приморской части (Махмутлар, Хорозтепе). В этих гробницах погребены брахиоцефалы, в то время как нормальным антропологическим типом в Анатолии были долихоцефалы. Это позволило Дж. Меллаарту сделать вывод о том, что сформировавшийся правящий класс здесь были иностранцы, хотя и не обязательно индоевропейцы [Mellaart, 1971, p. 386; 1971a, p. 686].

В конце РБВ II происходит катастрофа в Центральной и Западной Анатолии. Она проявилась в резком уменьшении (в 4 раза) числа поселений. Этот процесс протекал неравномерно. Очень сильно пострадали Конья, Киликия и ряд районов Северо-западной Анатолии, сожжены Троя II, Полиохни V, Бейджесултан XIIIa, Ахлатлибель и сотни других поселений, в то время как в районе к юго-востоку от Мраморного моря количество поселений достаточно велико. Одновременно происходит распространение культуры Троя II с ее гончарной керамикой на юго-восток. Культура Киликии в период РБВ III становится настолько близка троянской, что можно не сомневаться в том, что эти изменения связаны с приходом населения из Северо-западной Анатолии. Аналогичное разрушение городов происходит в это время во Фракии. Это позволило Дж. Меллаарту предположить, что все эти потрясения отражают приход врагов с Балкан. При этом, поскольку с периода РБВ III по период ПБВ в Юго-западной и Южной Анатолии культурная традиция не прерывается, а в историческое время эти районы были населены лувийцами, именно они, по мнению Дж. Меллаарта, разрушили в свое время Трою I. А дальнейшая инвазия новых популяций с европейского континента привела к их смещению в Южную и Юго-западную Анатолию [Mellaart, 1957, p. 69; 1971, p. 406-407]. Вероятно, эта инвазия была связана с фракийцами, которых фиксирует в

Северо-западной Анатолии топонимия “Илиады”.

Параллельно на Кипре происходит смена кипрской энеолитической культуры анатолийским культурным комплексом. Этот процесс начался еще в конце кипрского энеолитического периода (стадия Филиа), но полностью проявил себя в период РК I, когда появляются памятники типа Вунус. Причиной этой трансформации были потрясения в Западной Анатолии в конце РБВ II, и продвижение сюда анатолийского населения [Frankel, 1998]. Не исключено, что именно эти события привели к последующим тесным связям Кипра с Западной Анатолией.

Появление хеттов в Центральной Анатолии Дж.Меллаарт был склонен связывать с иными событиями. В качестве признака появления индоевропейцев в Закавказье и Анатолии он видит распространение курганного обряда. С инвазией хеттов в Восточной Анатолии связано разрушение Карума II, который стал первоначально использоваться как кладбище. Далее около 1750 г. до н.э. датируется разрушение Бейджесултана, столичного города, видимо центра царства Аржава [Mellaart, 1957, p. 59-63; 1971a, p. 689, 690, 699]. Таким образом, по его мнению, две популяции, говорившие на анатолийских языках, лувийцы и хетты, продвигались из разных регионов. Первые – с Балкан, первоначально в Северо-западную Анатолию, а впоследствии по югу. Вторые продвинулись из Понтийских степей в Закавказье и в Восточную Анатолию и распространялись впоследствии на запад. Подобная реконструкция соответствует последующим преемственностям археологического материала, но вызывает недоумение с точки зрения лингвистики. Поэтому Кросслэнд указал на это несоответствие и отметил, что хетты и лувийцы должны проникать в Анатолию с одной стороны и относительно одновременно. А продвижение хеттов с востока вовсе не означает, что предшествующий их приход в Анатолию был тоже с востока [Crossland, 1971, p. 833, 841, 842]. Обе эти точки зрения вполне справедливы, если мы будем отталкиваться от несколько иных первоначальных позиций. Как уже писалось выше, наиболее вероятно, что отделение части праиндоевропейских популяций с формированием нео-энеолитического комплекса Балкан и Центральной Европы приводит к формированию анатолийских языков. Смещение этих популяций в конце энеолита – начале РБВ в Анатолию стимулирует развитие в Северо-западной Анатолии и в

регионе, включавшем Восточную Анатолию и Закавказье. Таким образом, это движение вело к выделению двух различных анатолийских диалектов – лувийского на западе и несийского (хеттского)¹ на востоке. Впрочем, на основании того, что лувийский язык более архаичен, чем хеттский, Кросслэнд предполагает более раннее отделение лувийцев от остального индоевропейского массива и проникновение их в Анатолию [Crossland, 1971, p. 837]. Однако это объясняется скорее тем, что хетты, проникнув глубоко на восток, раньше возобновили контакты с остальными индоевропейцами. Вопрос лишь в том – где происходило данное отделение. Если хетты и палайцы продвигаются на восток Анатолии и в Закавказье в конце энеолита – начале РБВ, то лувийцы могли прийти с Балкан либо одновременно с ними, либо в конце периода Троя I. Вопрос лишь в том как нам расценивать изменения в конце этого периода – в качестве прихода лувийцев или притока новых лувийских популяций, наложившихся на прежний лувийский субстрат. Однако данный вопрос является вопросом частным.

Последующие события практически точно соответствуют реконструкции дальнейшего распространения этих популяций, которая была предложена Дж.Меллаартом. Хетты проникают на территорию, занятую прежде хаттами, с востока и вступают в контакт с лувийцами. Хаттский язык был распространен в начале формирования хеттской державы в Центральной Анатолии и был, видимо, автохтонным языком, относящимся к северокавказской языковой семье. Лувийский локализовался в юго-западной части державы (от реки Галис и долины Конья на запад до гор в районе Малаты), а также к югу, в Киликии, и к западу (Аржава). Лувийский был языком небольших княжеств страны Лукка, расположенной в Северо-западной Анатолии, и большей части Западной Анатолии. Существовал еще анатолийский палайский язык. Носители его локализовались в округе Пала внутри хеттского государства, но к XIV в. до н.э. он уже не употреблялся [Crossland, 1971, p. 831-836; Macqueen, 1968, p. 174]. Проникновения в Юго-восточную Анатолию ассирийцев и семитов в еще большей степени осложняют здесь этническую картину [Lewy, 1971, p. 716-721].

¹ Источник названия nesili ясен из текста Анитты, где указано, что его отец Питхана захватил Neshu. Захват Хатуссы самим Аниттой привел к появлению второго самоназвания – “хетты” [Crossland, 1971, p. 834].

Глава 3.

Культурные трансформации на Кавказе и в Восточной Европе в эпохи РБВ и СБВ

3.1. Северный Кавказ в эпоху РБВ

АВ начале РБВ на Кавказе формируется два крупных культурных образования (рис. 133). Первое из них связано с майкопской культурой Северного Кавказа. Ранее она была известна преимущественно по погребальным памятникам. Однако к настоящему времени исследована серия поселений (Мешоко, Ясеновая Поляна, поселение у хутора Веселого, Галюгай I и др.) [Мунчаев, 1987, с. 200-210; 1994а, с. 174-177]. Они представлены пещерными стоянками, неукрепленными поселениями и городищами. При этом на поселении Мешоко удалось выявить каменную стену, овалом или кругом опоясывавшую холм. С внутренней стороны к стене были пристроены жилища прямоугольной формы. Прямоугольные жилища исследованы также на Ясеновой Поляне, Мысхако и Долинском поселении. На поселениях Галюгаевское I и Серегинское известны круглые постройки. Подобная сочетаемость круглых и прямоугольных жилищ уже известна нам на позднеэнеолитических памятниках Закавказья типа Кюль-Тепе I, Аликемектепеси или Техут.

Погребальные майкопские памятники поражают своей монументальностью и позволяют говорить о двух различных обрядовых традициях: майкопской и новосвободненской, при наличии ряда курганов синкретического облика [Мунчаев, 1987, с. 211-213, 218, 221-231; 1994а, с. 178-188; Нехаев, 1986; Днепровский, Кореневский, 1995; Кореневский, Петренко, 1982; Кореневский, 1981; Чеченов, 1970] (рис. 134). Для майкопской традиции характерны земляные насыпи, кромлехи и могильные ямы с окрашенными охрой скорченными на боку костяками (Майкоп, курганы 7-13 Усть-Джегутинского могильника и др.). Иногда прослеживается двойное перекрытие и столбы по углам, что сближает майкопские могильные ямы с ямами Аладжи Уйюка или Синташты.

В новосвободненской группе присутствуют курганы с кромлехами, каменными насыпями, дольменами и скорченными на боку костяками, лежащими часто на уровне древнего горизонта на вымощенных галькой площадках (Новосвободная, Бамут и др.). Выделяется в этой группе Нальчикская гробница, сооруженная из более ранних вертикально поставленных стел, в том числе антропоморфных. Этот феномен рассматривается как признак появления нового населения, сменившего население, устанавливавшее антропоморфные стелы [Чеченов, 1970, с. 123].

Обе группы различаются также по керамике. Для майкопской характерны сосуды с округлым туловом и отогнутым венчиком, хотя на поселениях известны и другие типы (рис. 135, 11, 14). Новосвободненские формы более многообразны. Выделяются амфоры с короткой вертикальной шейкой и налипными “жемчужинами” (рис. 135, 13, 15, 16). В обеих группах известна керамика, изготовленная на гончарном круге [Мунчаев, 1994а, с. 219; Бобринский, Мунчаев, 1966].

В настоящее время майкопские древности датируются последней четвертью или концом IV тыс. до н.э. [Мунчаев, 1994а, с. 170; Пиотровский Ю., 1991, с. 17; Кореневский, 1991, с. 39, Gimbutas, 1992, р. 403]. Вероятно, им близка и дата новосвободненских, хотя последние могут появляться с незначительным запаздыванием [Пиотровский Ю., 1991, с. 19]. Мы склоняемся к точке зрения тех авторов, которые рассматривают майкопский и новосвободненский комплексы как генетически не связанные, а майкопскую культуру как сплав этих двух первоначально изолированных групп [Андреева, 1996, с. 86; Трифонов, 1991а; Гей, 1991; Рысин, 1991]. В качестве третьей составляющей майкопской культуры называют энеолитические памятники Кавказа [Нечитайло, 1991, с. 13; Резепкин, 1991, с. 21; Нехаев, 1991; Гей, 1991б, с. 68].

Генезис майкопской группы в настоящее время известен достаточно хорошо. Раннемайкопс-

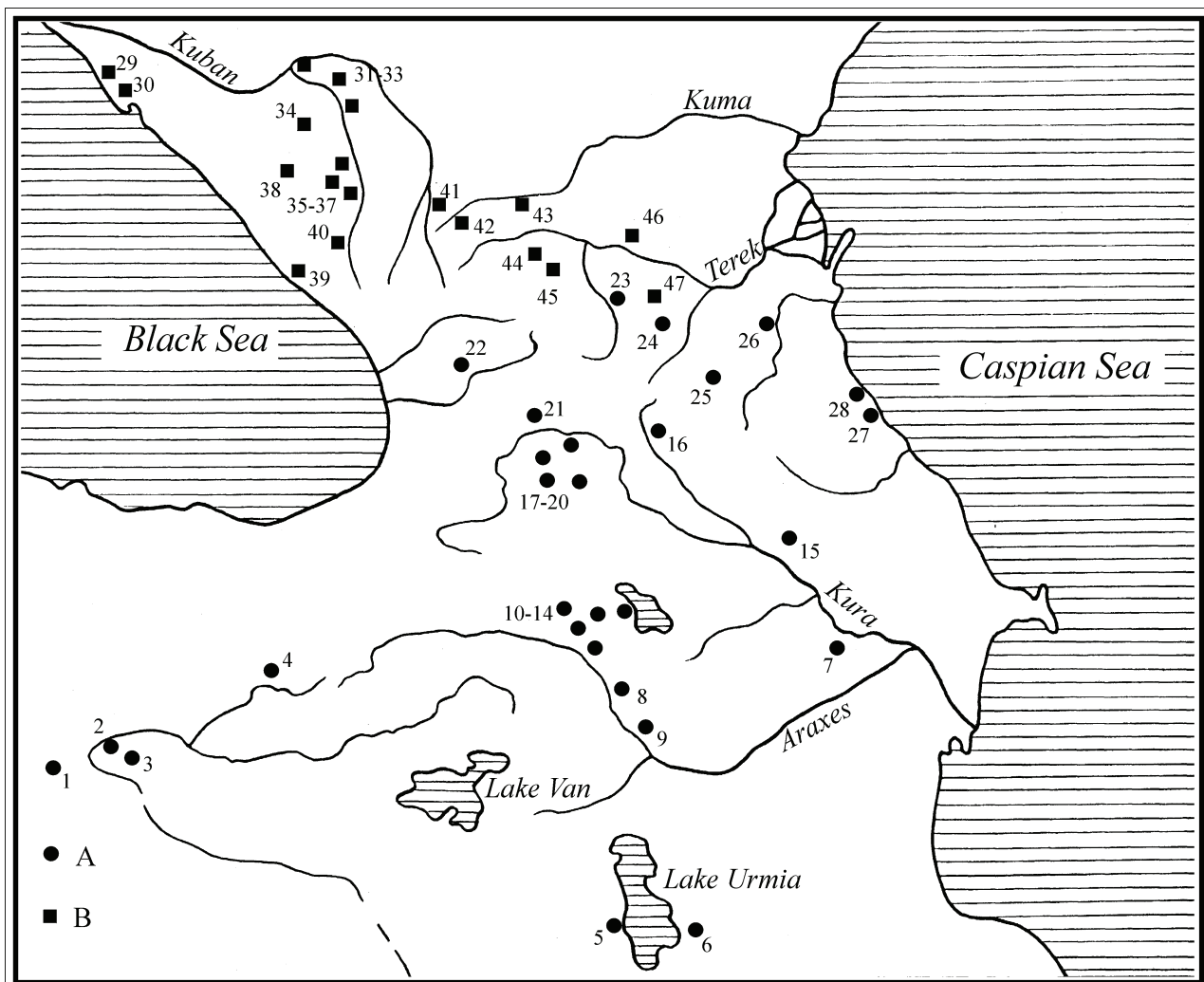

Рис. 133. Карта кавказских культур эпохи РБВ: а – куро-аракская культура; б – майкопская культура. 1 – Арслантепе; 2 – Пулур (Сакийол); 3 – Норшунтепе; 4 – Пулур; 5 – Геойтепе; 6 – Яниктепе; 7 – Учтепе; 8 – Кюль-Тепе I; 9 – Кюль-Тепе II; 10 – 14 – Лчашен, Арич, Шенгавит, Приереванский клад; 15 – Мингечаур; 16 – Сиони; 17 – 20 – Шулаверисгора, Имирисгора, Триалети, Бериклдееби; 21 – Квацхелеби; 22 – Сачхере; 23 – Луговское пос.; 24 – Серженьюрт; 25 – Гинчи; 26 – Чиркейское пос.; 27 – Дербент; 28 – Великент; 29 – Рассвет; 29 – Мысхако; 30 – Красногвардейское; 31 – “на уч. Зиссермана”; 32 – Ульский аул; 33 – Майкоп; 34 – Ясеновая поляна; 35 – Новосободная; 36 – Костромская; 37 – Мешоко; 38 – Воронцовская пещера; 39 – хут. Веселый; 40 – Усть-Джегут; 41 – Кисловодск; 42 – Пятигорск; 43 – Чегем; 44 – Нальчик; 45 – Галюгай; 46 – Бамут.

кая керамика находит параллели в посуде Восточной Анатолии, Сирии и Северной Месопотамии (Арслантепе, Тилки-Тепе, Геой-Тепе, Амуку F, Гавра XI), которые датируются второй половиной IV тыс. до н.э. [Андреева, 1977; 1979, с. 33, 34; 1991, с. 46; 1996, с. 87, 93-99; Трифонов, 1987, с. 20]. Это подкрепляется находками цилиндрических печатей, параллелями между майкопскими псалями и сходными предметами на изображениях Двуречья, сопоставимостью изображений на серебряных майкопских сосудах с искусством Сиро-Палестины, Северной Месопотамии и Егип-

та. Металл майкопской группы содержит примеси никеля, что характерно и для изделий Амука [Черных, 1966, с. 44-50; Нехаев, 1986, с. 248; Трифонов, 1987, с. 22, 23; Андреева, 1979]. Сходные примеси содержит и металл РБВ Палестины, связанный с керамикой типа кирбет-керак [Ven-Tor, 1992a, p. 115]. Исследователи допускают, что источники этого металла могут быть в Передней Азии, например в Омане [Кушнарева, Чубиншвили, 1970, с. 113]. Однако более вероятно все же анатолийские источники, но этой проблеме мы коснемся ниже.

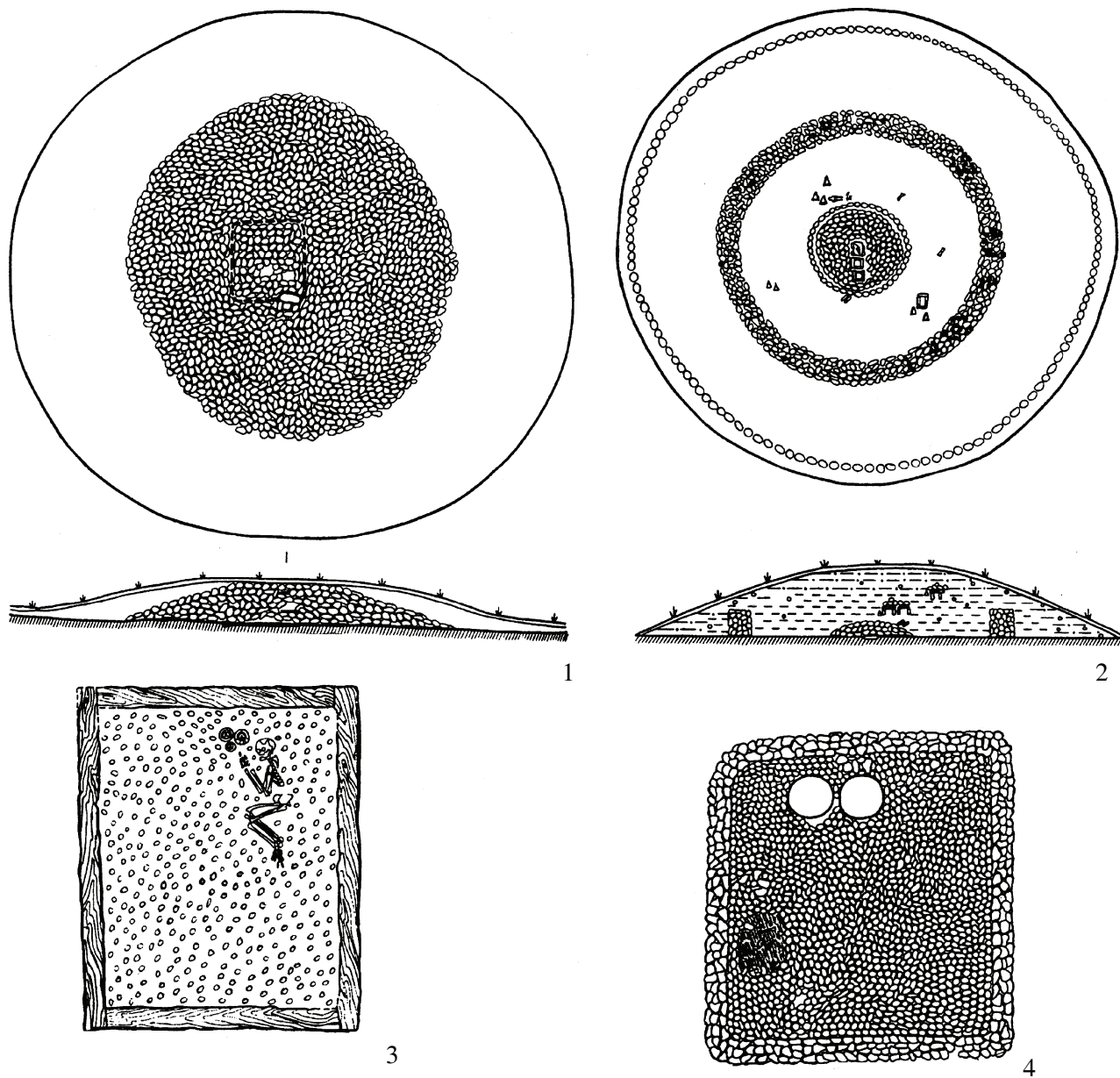

Рис. 134. Майкопская культура. 1, 3, 4 – Бамут; 2 – курган у аула Кубина.

В настоящее время в литературе появилось мнение о местных северокавказских источниках этого металла и искусственных никелесодержащих лигатурах [Галибин, 1991, с. 60, 61]. Однако какие-либо сведения о добыче и плавке руды на Кавказе вплоть до начала ПБВ отсутствуют. Но даже если действительно существовала местная добыча рудного сырья, можно, как и в случае с синташтинской металлургией, говорить о привнесении переднеазиатской традиции легирования.

Более ранние комплексы, сопоставимые с майкопом, это памятники типа Гинчи, Аликемек-

тепеси, Техут и т.д. На это уже обращалось внимание в литературе [Корневский, 1991, с. 40; Резепкин, 1991, с. 21]. Сопоставление в данном случае возможно не только по наличию в погребениях окрашенных охрой скорченных на боку костяков или уже упоминаемой выше близости архитектурных традиций. Показательны и отдельные керамические формы этих комплексов [Энеолит СССР, 1982, таб. XLIII; Гаджиев, 1991, с. 76, 77]. Примечательно также обнаружение керамики раннемайкопского облика в докуроаракском слое поселения Бериклдееби в Закавказье. К это-

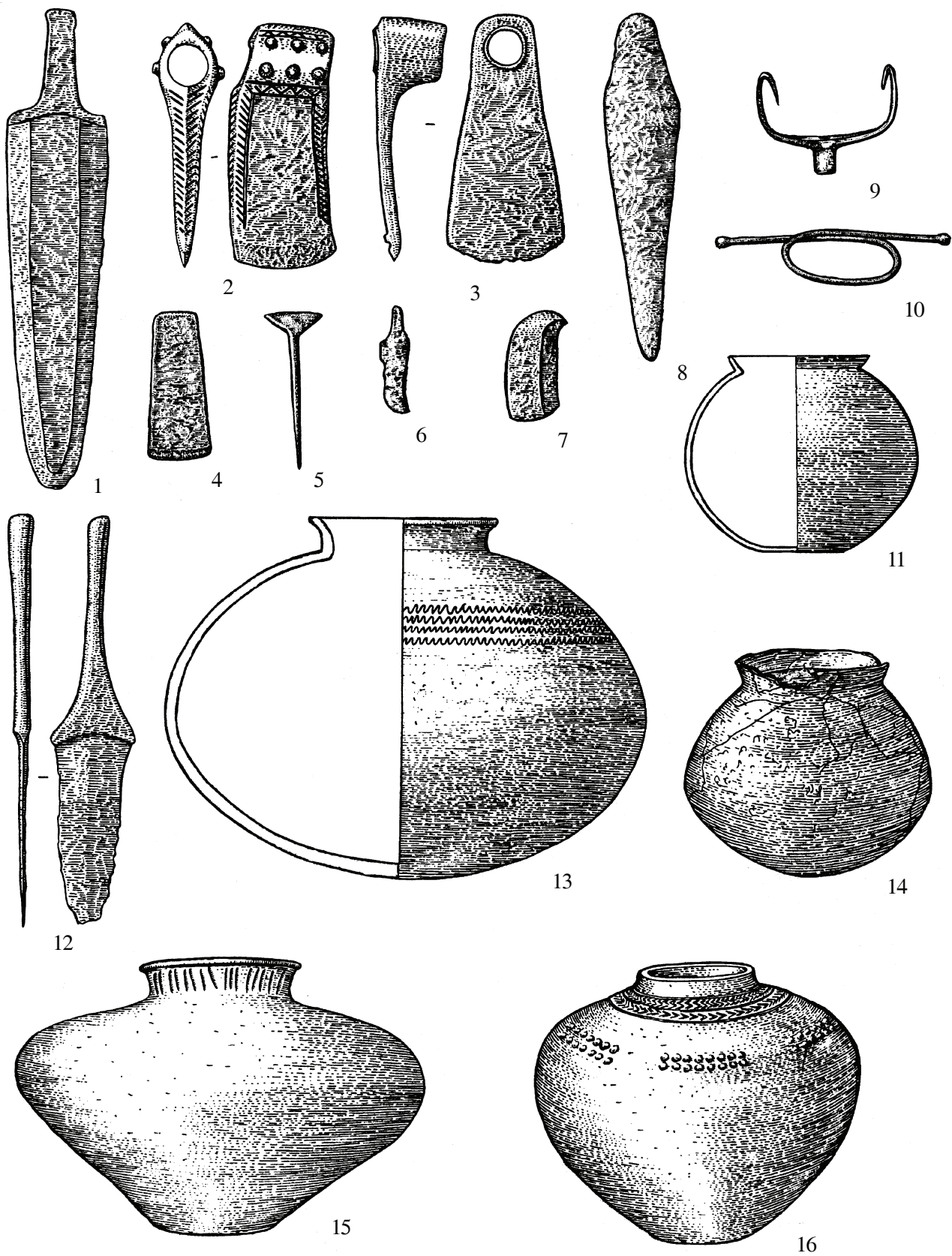

Рис. 135. Майкопская культура. 1, 10 – Бамут; 2, 12, 16 – Новосвободная; 3, 11 – Майкоп; 4, 13 – Красногвардейское; 5, 14 – Усть-Джегута; 6 – Махашевская; 7 – Чегем; 8 – курган “На участке Зиссермана”; 9 – Краснодарский край; 15 – Кисловодск.

му слою относятся остатки оборонительной стены [Глонти, Джавахишвили, 1987, с. 84-86]. Эту линию развития мы можем продолжить вплоть до хассунской культуры, где есть керамика, близкая майкопской [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 30-32].

Итак, в наиболее общем виде ситуация выглядит следующим образом. После появления в Северной Месопотамии халафской культуры хассунская культура смещается на север. В последней четверти тыс. до н.э. постхассунские образования проникают в Южное Закавказье, образуя северную периферию этой культурной группы, хотя основной зоной ее распространения остается Ванско-Урмийский регион. В IV тыс. до н.э. происходит распространение этих популяций на юг, в Северную Месопотамию и Сирию. В конце этого тысячелетия они были из этих районов вытеснены вновь, поскольку в Западной Сирии появляется новая культура с известными сирийскими керамическими бутылками (Амук G) [Андреева, 1977, с. 52, 53]. В районы же Северного Евфрата в 3300-3200 гг. до н.э. осуществляют экспансию шумеры. Это продвижение сопровождалось строительством укрепленных колоний, таких как Хабуба, Каркемиш, Самсат, и мелких поселений по всей излучине Евфрата, вплоть до гор Тавра. Урукская керамика и иные артефакты обнаружены на ряде поселений Восточной Анатолии, которая была втянута в образованную этой экспансией систему связей [Ламберг-Карловски, 1990; Guillelmo, 1993, р. 24, 25, 29-36, 48-53]. Не исключено, что именно эти события и привели к вытеснению популяций ранее живших в этом регионе и появлению майкопской группы на Северном Кавказе¹.

Майкопскую культуру можно рассматривать, таким образом, в качестве форпоста переднеазиатской цивилизации, которая впоследствии активно контактировала со степным миром и способствовала формированию в этой зоне смешанных групп населения, которые распространяются впоследствии на запад на территорию Болгарии и Венгрии, что маркируется погребениями с повозками в этом регионе [Sherratt, 1998a, р. 187].

¹ Необходимо обратить внимание на существование несколько иных взглядов на данную проблему. М.С. Ротман, например, сомневается в реальном непосредственном присутствии южнмесопотамского компонента столь далеко на севере и в урукской экспансии в этом направлении. По его мнению, дело ограничивалось распространением культуры [Rothmann, 1993].

По поводу этнической принадлежности носителей майкопской культуры существует достаточно широкий спектр мнений. Как правило, они не сопровождались серьезной аргументацией и неоднократно были подвергнуты справедливой критике [см. дискуссию Марковин, 1990; 1990a; Андреева, 1990; Корневский, 1990; Сафронов, 1990; Чеченов, 1990; Ловпаче, 1991; Виноградов В., 1991]. Связи майкопской культуры с хассунской позволяют высказать гипотезу об индоевропейской принадлежности этого населения. Возможно, мы вправе говорить о них как об индоиранцах, поскольку отдельные корреспонденции майкопского или предмайкопского типа распространяются в восточном направлении. Сюда можно отнести довольно раннюю булавку с плоской треугольной головкой в могильнике Пархай II (конец V – начало IV тыс. до н.э.), “хороводы зверей” на посуде Силалка III и Гиссара I [Массон, 1989, рис. 32; Хлотин, 1989, рис. 1; Андреева, 1996, с. 91]. Другими подобными примерами являются присутствие мотыги майкопского типа в Силалке III и вилообразных орудий в Северном и Северо-Восточном Иране и в Бактрии [Сарианиди, 1977; 1988, рис. 37; Массон, 1989, рис. 32; Ильюков, 1979, с. 144]. Впрочем, эти орудия больше характерны для новосвободненской группы. Поэтому приведенные параллели далеко не безусловны, что делает версию об индоиранской принадлежности майкопцев весьма шаткой. Более корректно говорить о них как об индоевропейцах. Единственной возможностью для археологического обоснования связи майкопской культуры с индоиранцами являются материалы поселения Коручутепе, когда в Анатолии появляются гробницы с деревянными перекрытиями, что можно рассматривать как зарождение майкопской традиции. Керамический комплекс, при этом, имеет связи в северо-западном Иране [Yakar, 1984, р. 67]. А как мы видели ранее, генезис индоиранских культур осуществлялся именно в этой зоне.

Генезис новосвободненской группы менее ясен. Были попытки связать ее происхождение с культурой шаровидных амфор [Сафронов, 1989, с. 227], но хронологическая позиция последней этого не позволяет [Дергачев, Манзура, 1991, с. 57]. Можно проводить сопоставления с новоданиловскими и нижнемихайловскими комплексами, которые датируются предмайкопским временем и в керамике которых присутствуют формы, близ-

кие новосвободненским [Археология УССР, 1985, с. 84, 87]. Однако в Северном Причерноморье отсутствовала характерная для Новосвободной керамика с “пачкающей” поверхностью. Появление последней на Украине приходится уже на период РБВ и связано с майкопским (новосвободненским) воздействием [Даниленко, 1974, с. 99; Нечитайло, 1984]. Поэтому сходство этих комплексов может объясняться близким исходным регионом, давшим производные в разное время. На подобную возможность указывает, в частности, распространенность керамики с “пачкающей” поверхностью в Северном Закавказье, в Кахетии, на памятниках типа Сиони [Мунчаев, 1981, с. 50, 51]. Не исключено, что свидетельством южного происхождения новосвободненской группы является и то обстоятельство, что гончарная керамика более присуща именно ей, чем собственно майкопу. Таким образом, в настоящее время проблема происхождения новосвободненской группы остается открытой, как открыт и вопрос об ее этнической принадлежности.

3.2. Куро-аракская культурная общность Закавказья

Другой крупной культурной общностью РБВ Кавказа является куро-аракская (рис. 136). Керамический комплекс ее, несмотря на известное разнообразие, находит параллели на западе – во Фракии (Эзеро), в Северо-Западной и Центральной Анатолии (Аладжа, Алишар, Бейджесултан, Троя). Близка куро-аракской также черно-красная лощеная посуда Амука (фазы Н, I) и кирбет-керакская Палестины [Андреева, 1977, с. 53, 55; 1996, с. 87, 88; Кушнарева, Чубинишвили, 1963, с. 11, 18; Hroudа, 1971, р. 102, 103]. Последняя приурочена, преимущественно к северным районам Палестины, на юге обнаружены лишь отдельные фрагменты [Ваух, 1971, р. 213]. Ареал распространения куро-аракской культуры охватывает Закавказье, Северо-Восточный Кавказ, Северо-Восточную Анатолию и Северо-Западный Иран [Мунчаев, 1981, с. 13]. Она сменяет энеолитические памятники Закавказья, причем на Кюль-Тепе I между энеолитическим и куро-аракским слоями зафиксирована стерильная прослойка [Абибулаев,

1963, с. 165]. В некоторых районах (Бериклдееби) куро-аракские напластования покоятся на слое, содержащем керамику раннемайкопского облика [Глонти, Джавахишвили, 1987, с. 80]. В Сиро-Киликии слои с кирбет-керакской посудой (Амук Н, I) отделены от предмайкопского слоя (Амук F) фазой G [Андреева, 1977, с. 52, 53]. Эти обстоятельства ставят появление куро-аракса в безусловно более позднюю хронологическую позицию по сравнению с формированием майкопской культуры, чему не противоречит традиционная датировка куро-аракса, начиная с 3000 г. до н.э. [Мунчаев, 1981, с. 18]. Имеется, впрочем, тенденция к удревнению куро-аракской культуры до середины IV тыс. до н.э. или даже до 3700-3600 гг. до н.э., что неминуемо вызовет и удревнение Майкопа. Базируется эта тенденция на данных радиоуглеродного анализа [Глонти, Джавахишвили, 1987, с. 86; Glumac, Anthony, 1992, р. 204]. Однако и в этом случае период перехода к РБВ на Балканах будет датироваться более ранним временем. Поэтому культурный параллелизм, проявляющий себя в широкой полосе от северо-востока Балканского полуострова до Закавказья, мог быть стимулирован только балканскими импульсами. Ряд форм куро-аракской посуды имеет более ранние аналогии на Балканах и в Подунавье. К ним относятся черно- и коричневолощенные миски с ручками в виде треугольных или полусферических налепов, посуда с трубчатыми ручками [Мерперт, 1988, с. 30]. Вероятно “кружки” и спиральные орнаменты тоже можно рассматривать в качестве “европейского” элемента. Очень показательными являются антропоморфные орнаменты, свойственные куро-аракской посуде и близкие аналогичным орнаментам Западной Анатолии [Podzuweit, 1979, Taf. 12, 15]. Более ранние их прототипы следует искать в Центральной Европе.

Выше мы уже писали о том, что около середины IV тыс. до н.э. в Малой Азии наблюдается приток северобалканского населения. Этот импульс достиг, таким образом, районов Восточной Анатолии и Закавказья и оказал воздействие на формирование куро-аракской культуры. Мы склонны связывать это движение, в первую очередь, с популяциями, говорящими на анатолийских диалектах, хотя участие в этом движении иного населения вовсе не исключено. Вместе с тем, в новом культурном образовании отчетливо видны прежние местные культурные традиции. Появля-

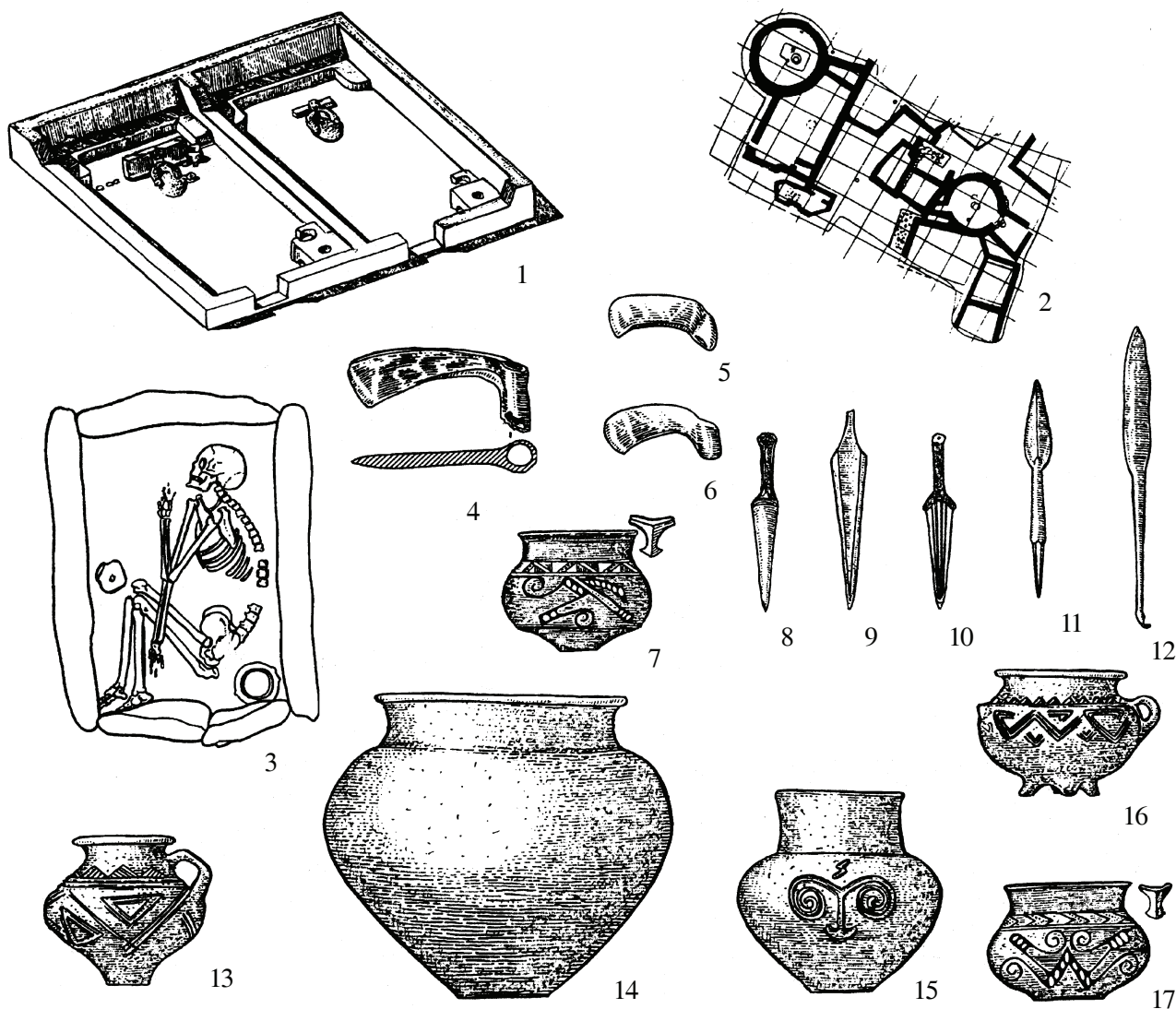

Рис. 136. Куро-аракская культура. 1 – Пулур; 2 – Шенгавит; 3 – Триалети.

ется значительное количество бронзовых изделий. Они несопоставимо многочисленнее, чем в энеолитическое время, и отличаются большим типологическим многообразием. Сохраняются характерные для закавказского энеолита традиции легирования меди мышьяком и изготовления изделий с небольшим упором на черешке. Показательны штыковидные орудия, известные в энеолитическое время и распространяющиеся в РБВ [Мунчаев, 1981, таб. 12, 41-53, с. 39; Тенейшвили, 1993, с. 7; 1989]. Эти изначально закавказские принципы металлообработки становятся характерны для всей Циркумпонтийской зоны. Это свидетельствует о том, что реальные процессы были многократно более сложными, чем это описывается

здесь. Однако наряду с сохранением и развитием местных традиций металлообработки ощущается воздействие южных культур. Черешковые копья, например, в Закавказье имеют несколько более позднюю дату, чем в Месопотамии [Picchelaury, 1997, Taf. 69, S. 23].

Куро-аракские поселения отличаются многообразием планировочных решений и архитектурных традиций. Известны укрепленные поселки (Шенгавит, Гарни, Геой-Тепе, Ширак и др.). В домостроении наблюдается сочетание круглых и прямоугольных жилищ, известное в этом регионе по энеолиту. Вместе с тем встречаются жилища турлучного типа со скругленными углами (Квацхелеби) и полужемлянки со столбовой конструкцией

перекрытия (Мингечаур) [Мунчаев, 1981, с. 30-33; 1987, с. 154, 155]. Наряду с капитальными домами известны сезонные постройки в высокогорных районах, что предполагает существование в этом регионе отгонного скотоводства и говорить об элементах номадизма в этом, в целом вполне оседлом, обществе [Sagona, 1993, p. 473].

Очень variabelен погребальный обряд. Могильники известны курганные и грунтовые. Курганам присущи кромлехи, как в майкопских памятниках, распространены каменные ящики, склепы. Стандартным являлось погребение умерших скорчено на боку, но на юго-востоке ареала известны трупосожжения. Встречаются захоронения на древней поверхности на галечной вымостке, что находит параллели в новосвободненских древностях [Мунчаев, 1981, с. 34, 35; 1987, с. 170, 171]. Примечательна фиксация на поселении Амиранис-гора погребений детей под полами жилищ, что с очень раннего времени было характерно анатолийским культурам [Кушнарева, Чубиншвили, 1970, с. 66].

Каменный инвентарь сохраняет прежние традиции. Показательны и отдельные детали в керамике. На Северо-Восточном Кавказе сохраняются сосуды, покрытые грубой глиняной обмазкой, известной в энеолитическом гинчинском комплексе [Мунчаев, 1981, с. 23].

На основании сказанного можно утверждать, что местное энеолитическое население в регионе сохранилось. Поскольку впоследствии отдельные куро-аракские черты включаются в явно не анатолийские (по языку) культурные образования, можно говорить и о сохранении прежних этносов. Многообразие вариантов куро-аракской культуры заставляет предполагать, что за ними скрываются различные, по преимуществу индоевропейские этнические группировки. Возможно, в Анатолии они были носителями анатолийских (палайского и несийского) диалектов.

3.3. Восточная Европа в период РБВ

В начале РБВ на степных пространствах Восточной Европы от Северо-Западного Причерноморья до Приуралья формируется ямная культурно-историческая общность. Большинство имею-

щихся радиоуглеродных дат этой культуры приходится на период после 3000 г. до н.э. [Gimbutas, 1992, p. 404]. В основе ее лежит предшествующий пласт энеолитических культур и культурных типов, включающий памятники типа Средний Стог II, Хвальнск, Ново-Данилово, нижнего слоя Михайловского поселения, ямно-бережновских, репинских. В это время в рамках региона происходят ощутимые миграционные процессы. Волго-уральские ямно-бережновские черты, хотя и в ослабленном виде, начинают проступать в материалах Северного Причерноморья [Археология УССР, 1985, с. 338, 339]. Не исключено, что с территории Нижнего Поволжья осуществляется и распространение ямников на север, в поволжскую лесостепь, и на северо-восток, в Южное Приуралье [Турецкий, 1997, с. 29]. Фиксируется повсеместное распространение репинской посуды, что позволило даже связывать с этим распространение ямников [Трифонов, 1996б]. Однако анализ ямных комплексов бассейна Дона позволил сделать вывод о том, что в этом регионе ямники появляются позже. При этом анализ погребального обряда позволяет выделить различные обрядовые группы, отличающиеся, по-видимому, и своим происхождением [Синюк, 1996, с. 53].

На этом фоне наблюдаются дополнительные импульсы из Кавказского региона. В степной части левобережного Поднепровья и в Крыму в наиболее ярком виде они выражены материалами кеми-обинской культуры (рис. 137,1-9). В настоящее время ряд кеми-обинских комплексов выявлен в Северо-Западном Причерноморье [Археология УССР, 1985, с. 331-336; Субботин, 1995; Щетинский, 1963; 1966]. Параллельное существование их с ямными отмечают как стратиграфические факты, так и присутствие в кеми-обинских комплексах металла новосвободненских форм [Корневский, 1974].

Последнее свойственно и ямной культуре, поскольку в ее ареале и в самих ямных погребениях известны топоры новосвободненского типа (рис. 135,2; 137,11). Наиболее хрестоматийным примером является топор их Труевской Мазы¹. Самой восточной на сегодняшний день находкой

¹ В РБВ в Румынии появляются топоры типа Баньябич, которые имеют параллели на Северном Кавказе (Майкоп) и в Поволжье (Труевская Маза). В промежуточном регионе подобные изделия неизвестны [Vulpe, 1970, p. 26]. Не исключено, что эти находки отражают процесс проникновения населения в Балкано-карпатский регион в ямное время.

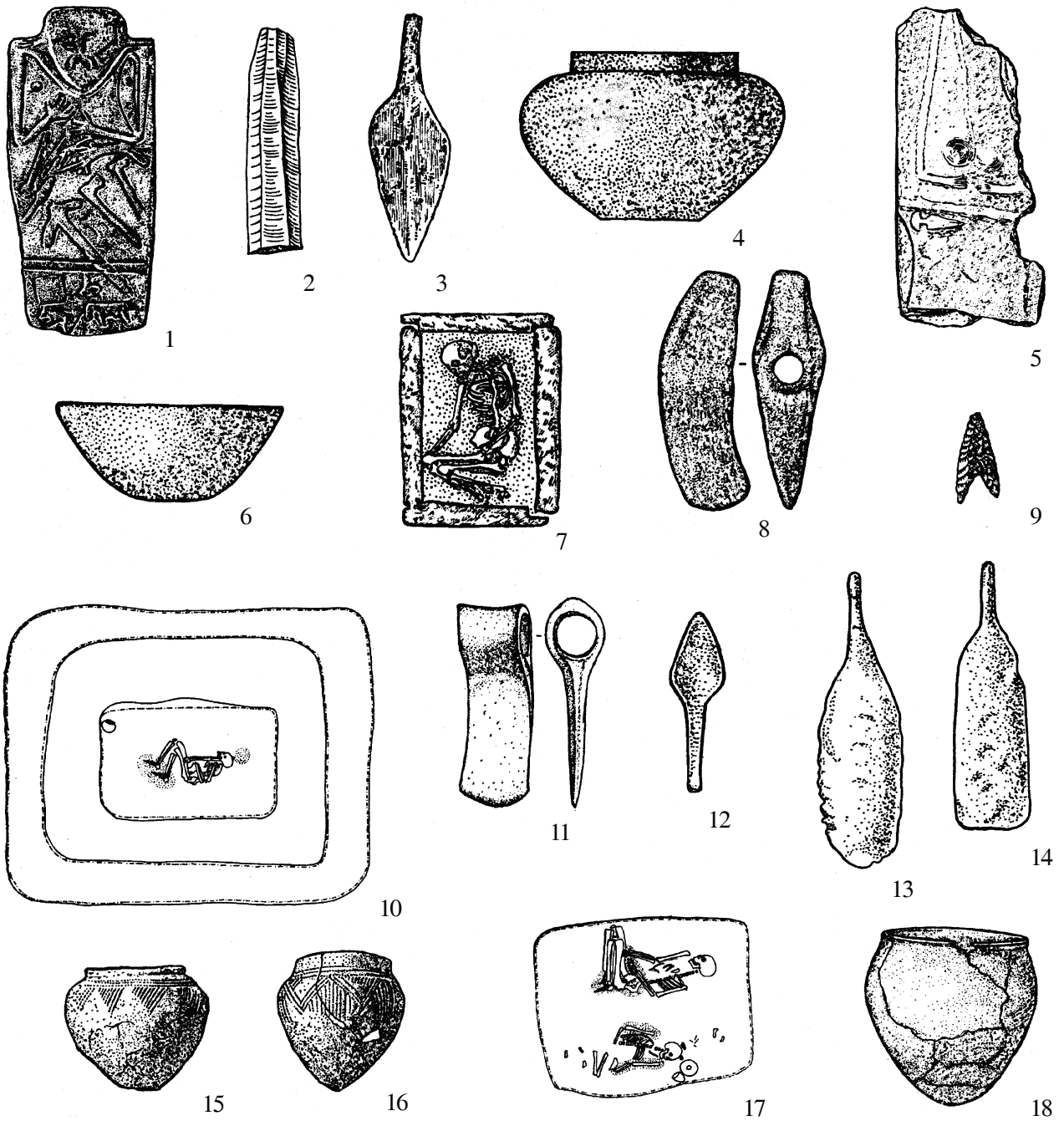

Рис. 137. Ранняя бронза Восточной Европы. Кемпи-обинская культура: 1 – Керсоновка; 2, 3, 9 – стоянки и погребения Крыма; 4 – Симферопольское вдхр; 5 – Сиони (Швейцария); 6 – Кемпи-Оба; 7 – Мамай; 8 – Казанки. Ямная культура: 10 – Линевка 3; 11, 17 – Тамар-Уткуль VIII; 12 – 14 – Михайловское пос.; 15 – Шпаковка; 16 – Райгородок; 18 – Увак.

можно считать топор с Алтая [Черных, 1966, с. 63; Гришин, 1971, таб. 12,3]. Последняя находка обусловлена ямной миграцией на восток и формированием ранних афанасьевских памятников.

Примечателен и другой факт. Если в энеолите в степь поступал исключительно балканокарпатский металл, то в РБВ направленность сырьевых связей меняется. В ямной культуре Северного Причерноморья значительная часть изделий изготовлена из мышьяковых бронз кавказского происхождения [Археология УССР, 1985, с. 351].

Обнаружение новосвободненского топора в Калмыкии, в ямном могильнике Тачин Царнг, позволило поместить в один хронологический горизонт с металлом этого типа костяные молоточковидные булавки. Последние, видимо, подчеркивают южную направленность связей, поскольку их аналоги, выполненные из серебра, известны в Ахлатлибеле и Аладже [Эрдниева, 1982; Шилов, 1982а, с. 217, 218]. Исследователи находили также возможным связывать костяные рогатки ямной культуры со схожими формами металлических переднеазиатских булавок [Кияшко, 1976, с. 34, 35].

По-видимому, нет возможности для утверждения о том, что в начале РБВ в степь проникает крупная группа населения. Кроме кеми-обинских комплексов, указывающие на это, отсутствуют. Майкопские памятники фиксируются только в степном Предкавказье (Центральное Ставрополье) [Мишина, 1989]. Тем не менее, инфильтрации отдельных коллективов на север очень вероятны. Наиболее предпочтительной представляется и одновременность этих инфильтраций. Лощеная керамика кавказского облика обнаружена не только в нижнем, но и в верхнем слое Михайловского поселения [Шапошникова, 1970]. Это поселение дает и другие отклонения от степных традиций. В позднем его слое выявлены дома и оборонительные стены на каменных основаниях, ступки для дробления руды [Археология УССР, 1985, с. 340-343]. Последние особенно показательны, поскольку в безрудных районах Нижнего Поднепровья самозарождение металлургического производства маловероятно.

Между тем, в восточном ареале распространения ямной культуры добыча и переплавка руд была хорошо известна. Сырьевой базой этого производства служили Каргалинские рудники в

Южном Приуралье [Черных, 1993; 1996, с. 71]. Однако и здесь, насколько об этом можно судить по присутствию топоров кавказского типа, зарождение металлургического производства носило не самостоятельный характер [Кравцов, 1992, рис. 3,8,16]. Однако сходство прослеживается и по другим чертам материальной культуры. Возникновение каменных укреплений в позднем слое Михайловки тоже не может быть выведено из местных традиций. Строительная техника здесь отражает черты, характерные для Передней Азии и Майкопа. Поэтому с мнением о большой роли Кавказа в формировании ямной культуры можно согласиться [Кузнецов, 1996а].

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. В позднеямное время появляются новые черты в погребальной обрядности – скорченные на боку захоронения. Они представлены практически повсеместно [Археология УССР, 1985, с. 348, 349; Кравцов, 1992, с. 33]. В Северном Причерноморье погребенные по этому обряду антропологически отличны от ранних погребений, скорченных на спине, и относятся к восточносредиземноморскому типу, в то время как скорченные на спине погребенные более сопоставимы с ямниками Нижнего Поволжья [Археология УССР, 1985, с. 531; Хохлов, 1997, с. 32]. Поэтому предположение о том, что появление погребений на боку связано с тем, что в ямной культуре была тенденция к уменьшению степени скорченности погребенных на спине, что вело к заваливанию ног на одну сторону и затем к переходу на погребения на боку [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 97, 98], по-видимому, не правомерно.

Не исключено, что, по меньшей мере, часть этих изменений связана не с индоевропейскими миграциями, а с северокавказскими. Но такой вывод возможен лишь в том случае, если подтвердится прасеверокавказская принадлежность Новосвободной и Кеми-Обы, о чем пойдет речь ниже. Вместе с тем, и для периода РБВ мы не исключаем более отдаленных источников миграций, чем Северный Кавказ. В особенности это касается периода РБВ, соответствующего Триполью СІ, которое радиоуглеродным методом датируется от середины III тыс. до н.э. [Энеолит СССР, 1982, с. 213]. В Северо-Западном Причерноморье в это время появляются древности усадовского типа (рис. 138). Они включают в себя

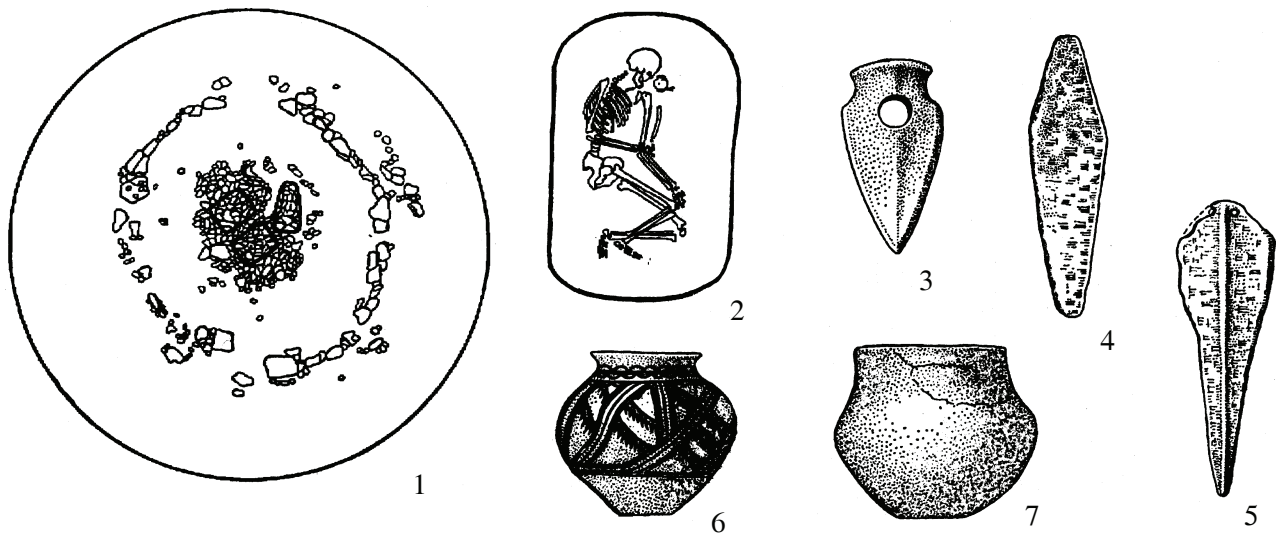

Рис. 138. Усатовско-софиевские древности Северо-Западного Причерноморья. 1, 5, 7 – Усатово; 2 – Нерушай; 3, 4, 6 – Софиевка.

местный поздне трипольский субстрат, однако основу этого комплекса характеризуют признаки степного, кавказского или переднеазиатского происхождения: курганы, каменные заклады, кремлехи, деревянные и каменные перекрытия, подсыпки белой глиной или охрой, скорченные на боку захоронения, ориентированные на С и СВ. Из изделий наиболее показательны каменные наконечники стрел с выемкой в основании, проушной топор, кинжалы без черешка с отверстиями для крепления рукояти. Последние “посеребрены” благодаря специальному диффузионному мышьяковому покрытию и рассматриваются в качестве азиатского импорта. В Анатолии кинжалы, близкие усатовским, встречаются в РБВ, но более характерны для СБВ. Дата их – вторая половина III тыс. до н.э. В этих же хронологических рамках, опираясь на азиатские параллели, можно рассматривать и усатовские проушные топоры. Применение мышьяка для “серебрения” поверхности изделий известно в Анатолии с III тыс. до н.э. [Авилова, Черных, 1989, рис. 3, 5, 6; Энеолит СССР, 1982, с. 220, 223-225, 227, таб. LX; Рындина, Конькова, 1982; Moorey, 1975, р. 43; Шмаглей, Черняков, 1970, с. 91-95]. Стратиграфически усатовские погребения предшествуют ямным [Шмаглей, Черняков, 1970, с. 95]. Таким образом, генетическая связь усатовских памятников с Передней Азией очень вероятна. Однако не исключено, что она опосредована степными и кавказскими культурами типа Новосвободной и Кеми-Обы.

В Приазовье и Предкавказье в конце РБВ появляются памятники новотитаровской культуры, датируемые XXVII-XXII вв. до н.э. Они представлены подкурганскими захоронениями в ямах с заплечиками, часто содержащими повозки [Рассамакин, 1991; Гей, 1991а]. На рубеже РБВ и СБВ ямы с заплечиками распространяются и восточнее – в Калмыкии, Поволжье и Южном Приуралье [Кравцов, 1992; Шилов, 1985, с. 31]. Можно полагать, что хотя бы частично их появление связано с новотитаровской культурой, поскольку в Северном Прикаспии и Южном Приуралье известна керамика новотитаровского облика [Моргунова, 1992, рис. 5,2; Васильев и др., 1986а, рис. 11].

Пока не вполне понятно – полностью ли этот новый этнокультурный пласт сменяет ямное население в Приуралье, где он рассматривается в качестве позднего этапа ямной культуры, датируемого рубежом III тыс. до н.э. Крупные сложно устроенные могильные ямы с имитацией погребений с повозками, глиняными площадками и земляными валами в курганах позволили связать эти комплексы с непосредственной новотитаровской миграцией из Предкавказья [Бытковский, Ткачев, 1997, с. 72, 73]. Участие в культурогенезе на территории Южного Приуралья в течение ранней и средней бронзы генетически не связанных друг с другом групп населения подтверждается технологическим анализом керамики, который выявил различные способы конструирования сосудов [Салугина, 1993].

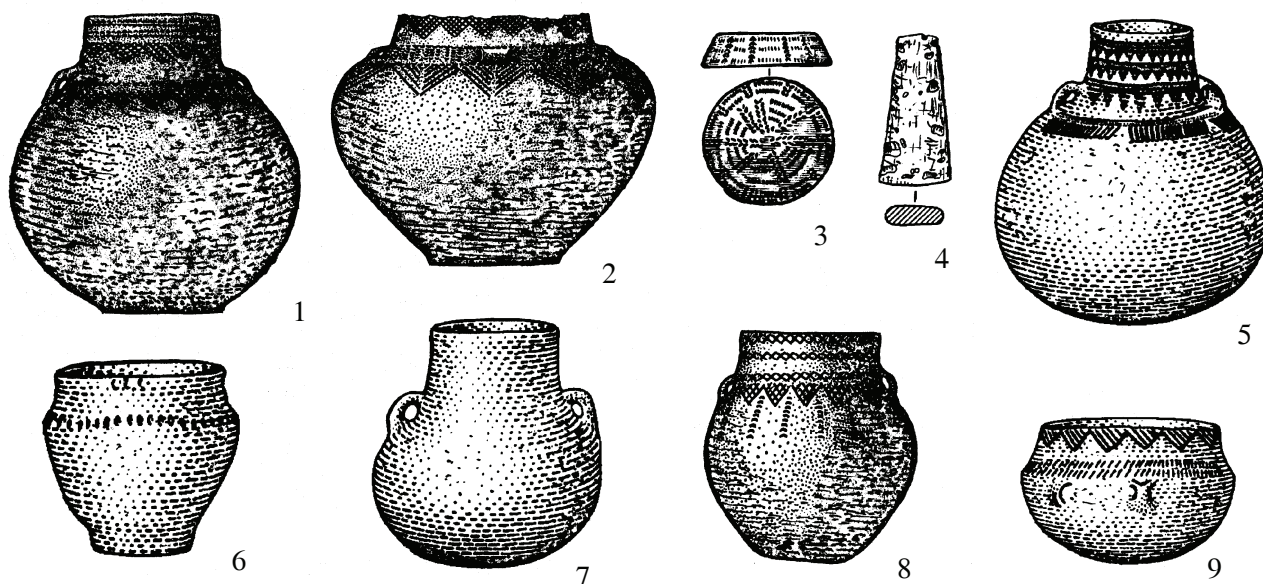

Рис. 139. Культура шаровидных амфор. 1 – Увисла; 2 – Довгое; 3, 4 – Суемцы; 5 – Барби; 6 – Болен-Цэшвиц; 7, 9 – Цёрбиг; 8 – Умашковцы.

Сказанное позволяет сделать вывод о значительной сложности этнокультурных процессов в РБВ. Вероятно, даже собственно ямные материалы мы не вправе рассматривать как моноэтничные [Археология УССР, 1985, с. 352]. Западная и восточная зоны ямной культурно-исторической области заметно различаются. На западе, в особенности в Поднепровье, хорошо известны поселения, в стаде доминирует крупный рогатый скот, что указывает на прочную оседлость. В позднеямных комплексах есть свидетельства пашенного земледелия, благодаря обнаружению деревянного рала в погребении [Археология УССР, 1985, с. 350; Бидзиля, Яковенко, 1973]. Вместе с тем, какие-то ниши здесь могли быть заняты кочевниками, безраздельно царившими на востоке. В восточных районах распространения ямных племен поселения отсутствуют. Причина этого, видимо, в том, что эти районы были малопригодны для земледелия в силу чрезвычайно низкой урожайности [Кузьмина, 1997].

В районах Волго-Уралья в течение почти всего РБВ базой этнокультурных процессов оставался прежний хвалынский и ямно-бережновский пласт. Поэтому остается совершенно неясным, на каком языке говорило население этой территории, но, скорее всего – на каком-то индоевропейском, хотя это лишь общепринятое мнение (в том числе и мое), не имеющее под собой строгих

доказательств. В.В.Напольских полагает, что в III тыс. до н.э. какая-то индоиранская популяция вступила в контакт с носителями еще нерасчлененного финно-угорского языка, но ямные и полтавкинские племена с лесной зоной не контактировали [Напольских, 1997, с. 149-151]. Поэтому судить достоверно об их этносе невозможно.

В Северном Причерноморье ситуация была неизмеримо сложнее. В этом районе возможно длительное сохранение фракийцев, проникновение с востока каких-то индоевропейских групп, не исключено и присутствие северокавказского компонента. На Среднем Дону идет ассимиляция ямниками носителей репинской культуры. Поэтому вполне вероятно доживание в этом районе индоевропейского субстрата, восходящего еще к культурам мариупольского времени.

На сегодняшний день эти проблемы далеки от своего разрешения. К тому же они усугубляются весьма существенными культурными трансформациями позднеямного времени. Эти трансформации настолько значительны, что делают рассмотрение древнеямных и позднеямных памятников в рамках одной линии культурного развития весьма условным. В еще большей степени это касается тех ямных групп, которые доживают до конца СБВ I. Далее мы будем продолжать называть их ямными, но в данном случае, это не более чем дань традиции.

Рис. 140. Культуры шнуровой керамики. 1-7 – культура шнуровой керамики Северной Европы; 8, 9, 11, 12 – фатьяновская культура; 10, 13, 14 – балановская культура.

3.4. Формирование культур шаровидных амфор и шнуровой керамики

В центральной и восточной частях Европы дальнейшая история индоевропейцев описываемых групп была связана с трансформацией КВК и формированием на ее основе и на основе местных неолитических культур культуры шаровидных амфор [Археология УССР, 1985, с. 290, 291; Энеолит СССР, 1982, с. 262; Midgley, 1992, р. 487] (рис. 139). Ареал этой новой культуры охватывал районы между Эльбой и лесостепным Приднепровьем. Наиболее ранним памятником КША является поселение Зарембово, датированное радиоуглеродным методом 2675 г. до н.э., где керамика КВК и КША залегали вместе. В целом же период существования КША соответствует Триполью С1,2 [Свешников, 1983, с. 18; Авилова, 1975]. Необходимо напомнить, что калиброванные даты этого периода трипольской культуры располагаются в IV тыс. до н.э. А калиброванная дата Зарембово ложится в отрезок 3520-3355 гг. до н.э. Время существования культуры в системе калиброванных дат укладывается, таким образом, в рамки последней трети IV тыс. до н.э. [Gimbutas, 1992, р. 399; Thomas, Rowlett, 1992a, р. 349; Boguski, 1992, р. 369]. В КША сочетаются балканские неолитические черты (скорченные на боку захоронения, инкрустация орнаментов белой пастой) и черты степного энеолита (каменные ящики) [Свешников, 1983].

В середине III тыс. до н.э.¹ начинается формирование культур шнуровой керамики и боевых топоров Северной и Восточной Европы (рис. 140, 1-7). В основе этого процесса лежали местные неолитические субстраты, но культуроопределяющей основой явились КВК (на завершающей фазе своего развития) и КША. Уже в КВК известны каменные боевые топоры – прототипы топоров культур шнуровой керамики [Midgley, 1992, р. 286-290; Zapotocky, 1991]. Процесс разворачивания этого феномена был довольно стремительным, и

¹ Радиоуглеродные даты ранних шнуровых культур начинаются от XXIX в. до н.э. Даты шнуровых культур в Южной Германии, Швейцарии и Австрии несколько позже – от 2500 г. до н.э. [Thomas, Rowlett, 1992a, р. 353; Wells, 1992, р. 360; Boguski, 1992, р. 371]. Это объясняется тем, что прежде эти территории были заняты населением культуры колоколовидных кубков.

вскоре памятники шнуровых культур охватывают огромные пространства, вплоть до севера Скандинавии [Ostmo, 1996, р. 25]. Механизмы формирования отдельных культур этой общности различались. Культуры Предкарпатья, Вольни и Подолии (почапская, городокско-здолбицкая) уже в начальной фазе испытали воздействие со стороны позднего Триполья и в дальнейшем имели тесные связи с Карпато-Трансильванским регионом, откуда осуществлялись поставки металла [Археология УССР, 1985, с. 364-390; Артеменко, 1987]. В формировании среднеднепровской культуры приняли участие культура шаровидных амфор и, по-видимому, ямная [Артеменко, 1987, с. 41, 42]. В конце (или шире – во второй половине) II тыс. до н.э. формируются культуры ладьевидных топоров и шнуровой керамики Восточной Прибалтики, а затем фатьяновская и балановская, распространяющиеся на восток вплоть до Средней Волги и Камы (рис. 140, 8-14). В формировании последних принимали участие восточноприбалтийские и, возможно, среднеднепровские племена [Крайнов, 1987a; Крайнов, Лозе, 1987]. Некоторые авторы, сопоставляя амфоры с орнаментальной имитацией ручек с посудой КША, предполагают участие последней в данном процессе [Крайнов, 1972, с. 108, 109; Кожин, 1963, с. 36, 37]. Подобная юго-западная направленность связей фатьяновской культуры демонстрируется также украшениями (манжетовидные браслеты, спиральные кольца, орнаментированные бляхи), а также медными топорами с изогнутым клином и выделенной втулкой, которые идентичны болгарским образцам [Бадер, 1971, с. 68, 69; Корневский, 1973, с. 42]. Влияние КША ощущается и в Восточной Прибалтике, где на местной керамике встречается орнамент в виде рыбной чешуи [Rimantiene, Chesnys, 1996, р. 50]. Подобный орнамент известен в КША и имеет, по-видимому, северобалканское происхождение. Поэтому процесс формирования каждой культуры есть явление отдельное и достаточно сложное. При очевидных чертах КВК, КША или ямной культуры новое образование не выводимо ни из одной из этих культур [Loze, 1996, р. 60]. Для нас интересен процесс в целом, поскольку он привел к формированию того этнокультурного пласта, который впоследствии был подвергнут ассимиляции древними европейцами. Основные компоненты, принимавшие в нем участие, были следующие: доиндоевропей-

ский неолитический пласт, индоевропейские аналитические и балканские популяции, возможно, какие-то иные ответвления от праиндоевропейского, не сохранившиеся до исторического времени. Не исключено, что в формировании среднеднепровской культуры участвовали и индоиранские племена. Определенную роль в формировании этих культур сыграли и такие образования Восточной Европы, как Кеми-Оба и Новосвободная. Доля этих компонентов не ясна. Поэтому трудно сказать на каком языке говорили сформировавшиеся в этой зоне племена. Не исключено, что на разных территориях носители культур шнуровой керамики были разноязычны.

3.5. Культура колоколовидных кубков

Новым явлением для Западной Европы явилось распространение повсеместно от Шотландии до Пиренейского полуострова культуры колоколовидных кубков (2800-1800 BC)¹, представленной, прежде всего, индивидуальными погребениями в круглых курганах, содержащими оружие и металлические изделия. С этой культурой на западе Европы впервые распространяются лошадь и традиция изготовления алкогольных напитков. Ранее предполагалось, что истоки этой культуры следует искать в Испании. Однако в настоящее время исследователи склоняются к мысли, что более вероятной основой для формирования культуры является рейнский вариант шнуровых культур, где имеются очень близкие кубки [Sheratt, 1998, p. 250-253]. Довольно рано эту мысль высказал С. Пигготт. Он предполагал, что за распространением этой культуры в Западной Европе можно видеть миграции индоевропейцев [Piggott, 1965, p. 100-102]. По мнению А. Шерратта подобное распространение культуры вовсе не означает миграцию, скорее это распространение стиля жизни военизированного и подвижного общества шнуровиков.

В рейнской области Германии шнуровые культуры ложатся на мегалитическую основу. Культура колоколовидных кубков формируется здесь не-

¹ Основные радиоуглеродные даты этой культуры укладываются в первую половину III тыс. до н.э., а наиболее поздние в последнюю четверть этого тысячелетия [Thomas, Rowlett, 1992, p. 341, 344].

сколько позже. Одной из составляющих шнуровых культур этого региона была культура единичных погребений с погребениями в круглых каменных оградах, иногда с каменными стелами. На отдельных стелах есть орнамент в виде поясов треугольников или елочного зигзага. Отдельные фрагменты керамики этой культуры обнаруживали при раскопках мегалитических сооружений, что может указывать на контакт нового населения со строителями этих сооружений, но, скорее, на их переиспользование [Jockenhövel, 1990, S. 177-182, Abb. 93, 94].

Форма керамики культуры колоколовидных кубков близка керамике шнуровых культур или культуры одиночных погребений. Наиболее ранние кубки несут черты керамики культуры одиночных погребений. В особенности это проявляется в материалах рейнско-нидерландской зоны [Jockenhövel, 1990, S. 184].

Небезынтересен факт обнаружения в рейнской зоне Германии выточенного из известняка идола малоазийского происхождения, который по переднеазиатским параллелям можно датировать III тыс. до н.э. [Jockenhövel, 1990, S. 194]. Это противоречит идее о том, что формирование культуры колоколовидных кубков можно свести лишь к распространению стиля жизни шнурового населения. Кроме того, присутствие в данном регионе стел указывает на степные связи.

3.6. Антропоморфные стелы

Данные культурные процессы дублируются распространением антропоморфных стел. Стелы различных форм имеют довольно широкое распространение. Исследователи выделяют простые стелы-менгиры и антропоморфные стелы. В Западном Средиземноморье наиболее ранние простые стелы известны с конца V тыс. – IV до н.э. и связаны с мегалитической традицией и с поселениями с бастионными укреплениями. При этом некоторые исследователи полагают, что эти укрепления пришли с востока [Burfield, 1993, p. 11-13]. Однако наиболее ранние стелы были обнаружены при раскопках неолитического поселения Неваля Чори в излучине Евфрата [Hauptmann, 1993, Abb. 16]. На Ближнем Востоке отмечены и иные парал-

лели стелам степной зоны Восточной Европы [Даниленко, 1974, с. 81-84]. Большинство стел обнаружено вне археологического контекста, поскольку повсеместно существовала традиция их вторичного использования. Это затрудняет определение их культурной принадлежности [Burfield, 1993, p. 14; Telegin, Mallory, 1993, p. 320].

Наиболее ранние стелы в восточноевропейской степи зафиксированы на памятниках типа нижнего слоя Михайловского поселения, Ново-Данилово, Хвальинск. Они достаточно примитивны и отличаются от более поздних стел [Археология УССР, 1985, с. 313, 328, 329; Агапов и др., 1990, с. 23; Шапошникова, 1987, с. 14].

В РБВ степной зоны Восточной Европы стелы встречаются на памятниках ямной культуры и Кеми-Обы. 80% этих находок связаны с захоронениями, но чаще это уже вторичное их использование. Однако стелы обнаружены лишь на Украине, где была распространена кеми-обинская культура. На Дону и Волге, где есть только ямные памятники, стел нет. Кроме того, у ямников отсутствовала богатая кеми-обинская традиция работы с камнем. Это отражает существование в РБВ Восточной Европы двух разных идеологий [Telegin, Mallory, 1993]. Не исключено, впрочем, что часть этих стел датируется энеолитическим временем и использована в РБВ повторно. На Северном Кавказе стелы обнаружены на памятниках типа Новосвободная. Наиболее известна Нальчикская гробница. Но и в ней стелы переиспользованы, что может указывать на их более раннее происхождение [Чеченов, 1970, с. 123].

В Юго-восточной Европе стелы встречены на памятниках РБВ Северо-восточных Балкан и на родственных им памятниках Северо-западной Анатолии, а также на памятниках Баденской культуры. Как обсуждалось ранее, формирование Баденской культуры было обусловлено наложением на местную основу степных восточноевропейских компонентов. Стелы в ней известны с конца ранней фазы классического Бадена и на поздней фазе классического Бадена [Endrödi, 1993]. Поэтому их появление может быть связано с распространением на запад традиций Кеми-Обы, чему не противоречит, собственно, и стилистическое сходство стел. Стелы Эзеро на Северо-восточных Балканах, тоже соответствуют кеми-обинской традиции [Telegin, Mallory, 1993, p. 322-327]. Наиболее ранние стелы, впрочем, относятся в

этом регионе к периоду Прото-бронзового века и связаны с распространением в эту зону памятников типа Усатово [Todorova, 1995, p. 91].

В Трое наиболее ранняя стела была обнаружена в слое Троя I. Впоследствии эта традиция здесь не прерывается [Blegen, 1971, p. 413, 414; Müller-Karpe, 1974, S. 139]. Появление стел здесь можно рассматривать в контексте распространения сюда в начале РБВ Балканского культурного комплекса.

Таким образом, в Восточной Европе распространение стел связано с двумя импульсами из Кавказско-ближневосточного региона – в энеолите и в начале ранней бронзы. Стелы раннего времени, как правило, не декорированы.

В Швейцарии недекорированные стелы (Лутри, Ивердон) датируются около 3300 г. до н.э., ранее известных декорированных стел в Сион и Аоста (рис. 137,5) [Burfield, 1993, p. 13]. Связаны они с дольменной традицией. Появление дольменов фиксируется здесь около 3630 г. до н.э. в калиброванных датах. Антропоморфные стелы типа сионской датируются в рамках III тыс. до н.э., начиная от 2700 г. до н.э. [Gallay, 1993, p. 180, 188, 189].

В Северной Италии на наиболее ранних антропоморфных стелах есть изображения кинжалов типа Рамаделло, с треугольным клинком, прямым основанием и полукруглым завершением рукояти. Иногда стелы имеют нагрудный орнамент в виде полос зигзагов. На стелах, обнаруженных под Бергамо, помимо кинжалов Рамаделло изображены люди, олени, повозки и плуг с бычьей упряжкой. Ранние подобные кинжалы относятся к медному веку и датируются 2900/2800 – 2400 гг. до н.э., а поздние 2400 – 2200 гг. до н.э. Ранние стелы относятся к периоду Рамаделло, а поздние к периоду культуры колоколовидных кубков [De Marinis, 1993; 1993a; Casini et al., 1993; Fedele, Foscati, 1993, Pedrotti, 1993]. Изображение плуга и повозок с бычьей упряжкой позволяет связывать распространение стел в этом регионе распространением этих явлений с Ближнего Востока в период так называемой “secondary products revolution” [Sherratt, Sherratt, 1997]. Подобный подход подкрепляется также тем, что в Северной Италии вместе со стелами обнаружены фрагменты керамики Баденской культуры, что фиксирует связи с Подунавьем в начале III тыс. до н.э. [Tunzi Sisto, 1993].

В Средней Европе статуи обнаружены в контексте культур шнуровой керамики и одиночных погребений, а также унетичкой [Burfield, 1993, p. 12; Müller, 1993]. В Лойна-Гёлитиш (Захсен-Анхальт) известен каменный ящик с геометрической орнаментацией [Sherratt, 1998, p. 188]. Это тоже может быть отражением кеми-обинской традиции.

На территории Испании известно значительное количество разнообразных стел. Они наверняка разновременны, но на возможную связь части из них с памятниками типа Кеми-Оба указывает плита из Сан Себастьян де Карабандал, на которой нанесен орнамент в виде полос с зигзагами [Ramirez, 1993, fig. 20].

На юге Франции наиболее ранние стелы могут датироваться в калиброванной радиоуглеродной шкале от середины IV тыс. до н.э. Некалиброванные даты – от 2800 г. до н.э. [D'Anna et al., 1993, p. 154-157]. Это соответствует датам ямной культуры и Кеми-Обы.

На севере Франции распространены статуи-менгиры со стилизованными женскими изображениями. Их иногда использовали при перекрытии коридорных гробниц и они отличны от причерноморских [Kinnes, 1993].

Таким образом, распространение в Европе стел могло иметь различные истоки. Наиболее вероятно независимое появление простых стел-менгиров в рамках мегалитической традиции на Пиренеях и более сложных стел севера Франции. Достаточно вероятно эпизодическое проникновение простых неолитических стел степной зоны, но в наибольшей степени это касается Балкан. Однако основной массив стел связан с распространением на запад кеми-обинской традиции в III тыс. до н.э.

По мнению Дж. Мэллори, распространением статуи-менгиров было связано с распространением индоевропейцев. Подобный вывод он делает из выделения Д.Я.Телегиным трех типов стел, а Демюзилем трех страт в индоевропейском обществе, а также изображения на стелах атрибутов небесного бога, который, по М.Гимбутас, занимал важное место в индоевропейском пантеоне. При этом он оговаривается, что не столь важно доказательство индоевропейской принадлежности стел, сколь ответ на вопрос – распространяются ли они из Восточной Европы, что в контексте курганной теории является, в принци-

пе, эквивалентным [Mallory, 1993]. Однако даже в случае распространения стел с востока на запад этот вопрос более сложен.

3.7. Проблема археологической фиксации северокавказских народов

Описанные культурные системы РБВ Кавказа и постулируемая их связь с индоевропейцами как будто не оставляют места иным этническим группам этого региона – картвелам и прасеверокавказцам. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что названные этнические группировки жили в эпоху бронзы на Кавказе, хотя мы и не можем принять старый взгляд о принадлежности всех кавказских культур носителям кавказских языков [Крупнов, 1964, с. 40]. Однако вычленение археологических материалов, оставленных ими, является довольно сложной задачей, поскольку в течение тысячелетий они развивались параллельно с индоевропейцами, что формировало и известный культурный параллелизм. Высказанное выше предположение о возможной связи с прасеверокавказцами шулавери-шомутепинской культуры – не более чем гипотеза, поскольку она базируется лишь на сопоставлении с халафской домостроительной традицией и не подкреплена лингвистическими данными. Прасеверокавказскую принадлежность халафцев, кстати, необходимо тоже либо доказать, либо отвергнуть. Более определенно об этом можно будет говорить лишь в том случае, если для прасеверокавказских культур будет построена система развития от неолита до поздней бронзы, включающая в себя материалы Анатолии, Северной Месопотамии и Кавказа.

Не исключено, что помимо хурритской материальной культуры, маркируемой уже письменными источниками, свою роль в построении подобной системы может сыграть ситуация, возникшая на Кавказе в период РБВ-СБВ и связанная с проблемой кавказских дольменов (рис. 141). Последняя широко освещалась в литературе [Корневский, 1983а; 1984; 1994; Резепкин, 1982; Рысин, 1990]. Поэтому мы не станем ее подробно разбирать, тем более что существует достаточно

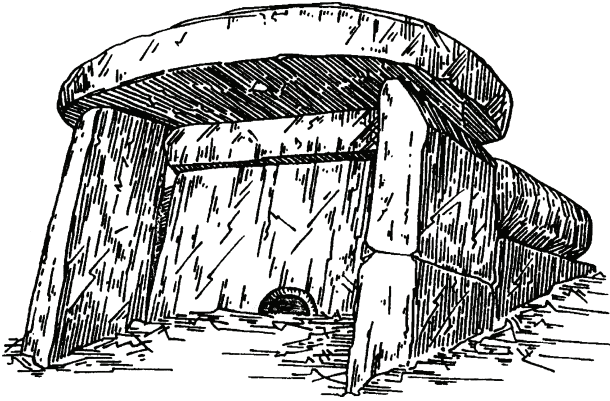

Рис. 141. Дольмен у с. Анастасиевка.

широкий спектр мнений. Для индоевропейской проблематики это вопрос вторичный, однако, даже краткое его освещение способно отчленить прасеверокавказские популяции от индоевропейских, хотя и на весьма гипотетическом уровне. Вслед за другими авторами мы полагаем, что такая специфическая форма погребальной архитектуры как дольмен не могла возникнуть конвергентно, а распространялась из единого центра [Марковин, 1984, с. 6, 7]. В качестве начальной даты дольменной культуры Кавказа предлагается и 2700 г. до н.э. и конец III тыс. до н.э. [Рысин, 1990; Марковин, 1994, с. 251; Марковин, 1997, с. 398]. Нам представляется более приемлемой первая дата, поскольку появление дольменов в новосвободненских курганах в свете поздних датировок необъяснимо. К тому же, в настоящее время получила более надежное подтверждение гипотеза о более ранней хронологической позиции абхазских дольменов [Резепкин, 1982, с. 37, 38]. Широко известно мнение о том, что дольменная традиция с курганной не связана, и исходным районом для нее является Европа¹. При этом называются два возможных источника: Пиренеи, опосредованные Средиземноморьем, и Западная Европа. В последнем случае продвижение этой традиции на восток связывается с галерейными гробницами Северной Европы и далее с культурами воронковидных кубков и шаровидных амфор [Марковин, 1994, с. 252, 253; Резепкин, 1987, с. 29, 30]. Последний вариант представляется сомнительным (критика его уже имела место в литературе [Марковин, 1984, с.

¹ В Европе, как и в Причерноморье, мегалитические сооружения тяготеют к прибрежным районам. Они известны в Португалии, на побережье Испании, в Британии и Ирландии, в Западной и Южной Франции, в Южной Италии, на Сардинии, Корсике, Сицилии и Мальте, в Дании и Южной Швеции [Service, Bradbery, 1979, p. 11-15].

4, 5; 1997, с. 390-392]), несмотря на сходство с галерейными гробницами кургана в Псынако. Этот курган обнаруживает параллели и среди средиземноморских мегалитов [Марковин, 1991, с. 52; 1994, таб. 68; 1997, с. 318-337]. В пользу средиземноморского варианта как будто говорит и сходство кавказских ножей со средиземноморскими формами, а также наличие аналогов украшениям из Эшерских дольменов в Сиро-Палестине [Марковин, 1973, с. 245; Корневский, 1992, с. 97]. В последнем районе тоже известны дольменные постройки, локализованные, главным образом, в Заиорданье. Дольмены в Палестине датируются РБВ, но не исключены и более ранние даты [Bahat, 1992, p. 91; Müller-Karpe, 1974, S. 105, 106].

Ко времени появления дольменной культуры собственно майкопская традиция уже размывается, и какие-либо связи с ней отмечаются только для новосвободненской группы и энеолитического субстрата Западного Кавказа [Рысин, 1991, с. 49]. Поэтому представляется наиболее приемлемой точка зрения о том, что дольменное население приходит извне и сливается с новосвободненским [Марковин, 1973, с. 22; 1997, с. 392].

Лингвистами зафиксировано значительное количество иберийско-северокавказских изоглосс [Чурикова, 1985]. Это делает вероятным северокавказскую принадлежность носителей дольменной культуры. В таком случае мы вправе рассматривать и новосвободненскую группу как северокавказскую. Формирование на позднемайкопской (новосвободненской) основе северокавказской культурной общности [Марковин, 1994б, с. 261] делает эту гипотезу заманчивой. Любопытны и указания на северокавказское присутствие в Поднепровье и Балкано-Карпатье [Сафронов, 1989, с. 273]. Для Поднепровья его можно объяснить кеми-обинской культурой, содержащей новосвободненский металлокомплекс, близкий новосвободненскому обряд (кромлехи, каменные ящики, посыпка dna могилы галькой, каменные набросы или заклады над погребением) и пережитки мегалитических традиций в виде росписи стен каменных ящиков и вырубленных монолитных гробниц [Археология УССР, 1985, с. 331-336]. Наконечники стрел с арочной выемкой в основании находят аналогии в майкопских памятниках на территории Чечни [Мунчаев, 1987, с. 339, 350]. Для Балкано-Карпатье – появлением древностей типа Усатово, с кромлехами, крашенными костяками и стелами.

Поэтому не исключено, что распространение стел, а также таких культур, как Кеми-Оба, Усатово, колоколовидных кубков было связано с миграциями как индоевропейцев, так и прасеверокавказцев. Столь же неопределенна ситуация со шнуровыми культурами и культурой шаровидных амфор. Часть этих популяций могла говорить на индоевропейских, а часть на прасеверокавказских языках. Однако эти предположения требуют основательной проверки.

В главе, посвященной синташтинской архитектуре, мы кратко касались укрепленных поселков на Кикладах, характеризующихся наличием круглых бастионов. В одном из таких поселков (Кастри) зафиксирована посуда, близкая Кум-тепе и Трое I [Müller-Karpe, 1974, S. 152]. Анатолийские связи дублируются и характером металлообработки.

На Кикладах в начале III тыс. до н.э. мышьяковая медь содержит примеси никеля, как это часто имеет место в Анатолии. Наблюдается явное влияние анатолийской металлургии. При этом в Кастри отсутствуют следы плавки меди. Изотопный анализ показал, что здесь распространен тот же металл, что и в Трое II [Gale et al., 1985].

В Западном Средиземноморье бастионные укрепления, идентичные зафиксированным на Кикладах, известны и на Иберийском полуострове. Здесь выявлен целый ряд укрепленных центров этого типа: Лос Милларес, Ви́ла Нова де Сан Педро и другие. Сходные постройки известны и на юге Франции. По мнению Мюллера-Карпе, появление этих укреплений в Западном Средиземноморье связано с импульсами с Ближнего Востока, где подобные бастионы исследованы при раскопках Тюрме [Müller-Karpe, 1974, Taf. 535-549, 599, S. 404, 405]. В это же время здесь появляется металлургия меди с легированием мышьяком. Не исключено, что прасеверокавказский компонент привнесен именно с этим импульсом. Культура колоколовидных кубков, проникая в эту зону, накладывается на этот этнокультурный пласт.

Этот пример подчеркивает, что до тех пор, пока мы в наиболее общем виде не определим культуры, которые мы вправе связать с северокавказцами и картвелами, в индоевропейской проблематике будут сохраняться неразрешимые противоречия.

Совершенно очевидна большая древность прасеверокавказского языка и высокий уровень развития его носителей, а также очень ранние контакты с носителями праиндоевропейского. Это ограничивает поиски прародины прасеверокавказцев в районах, расположенных в непосредственной близости от Северной Месопотамии, где проживали праиндоевропейцы, и в регионе, охваченном “неолитической революцией”. Восточнее праиндоевропейцев обитали эламо-дравидские племена, на юге – семито-хамитские. Поэтому эти поиски можно осуществлять, либо на севере, либо на западе. На севере, в Закавказье, начиная с неолита, мы наблюдали проникновение индоевропейцев, с чем и было связано распространение здесь производящих форм хозяйства. В случае локализации прародины северокавказцев в этом регионе, следует говорить о заимствовании ими индоевропейского хозяйства и культуры, что, по-видимому, действительности не соответствует. Хотя окончательное решение этого вопроса может быть сделано только лингвистами.

Более перспективны поиски на западе, где располагался знаменитый Чаттал Уйюк. Миграции из этого региона на Балканы позволяют, в таком случае, допускать, что значительная часть блестящих культур балканского энеолита, и в первую очередь, культура Винча, была создана носителями прасеверокавказских диалектов. Подобное же предположение не лишено оснований и для эгейского мира, в том числе для минойского Крита. Протописьменность культуры Винча, как мы уже говорили, имеет непосредственные корреспонденции в линейном письме А.

Проникновение прасеверокавказцев в Северную Месопотамию было связано, по-видимому, с халафской культурой, а в Восточное Средиземноморье с культурой Хирохитиа Кипра. Реконструкция более поздней истории прасеверокавказцев на Ближнем Востоке облегчена наличием хурритских и урартских источников, а на западе – сравнительно хорошо изученной культурой этрусков.

Все сказанное, тем не менее, не более чем предположение, указывающее на принципиальную возможность подобного моделирования, и не исключено, что детальная проработка вопроса покажет, его ошибочность. Но на сегодняшний день, как предмет для начала обсуждения, данное предположение представляется вполне приемлемым.

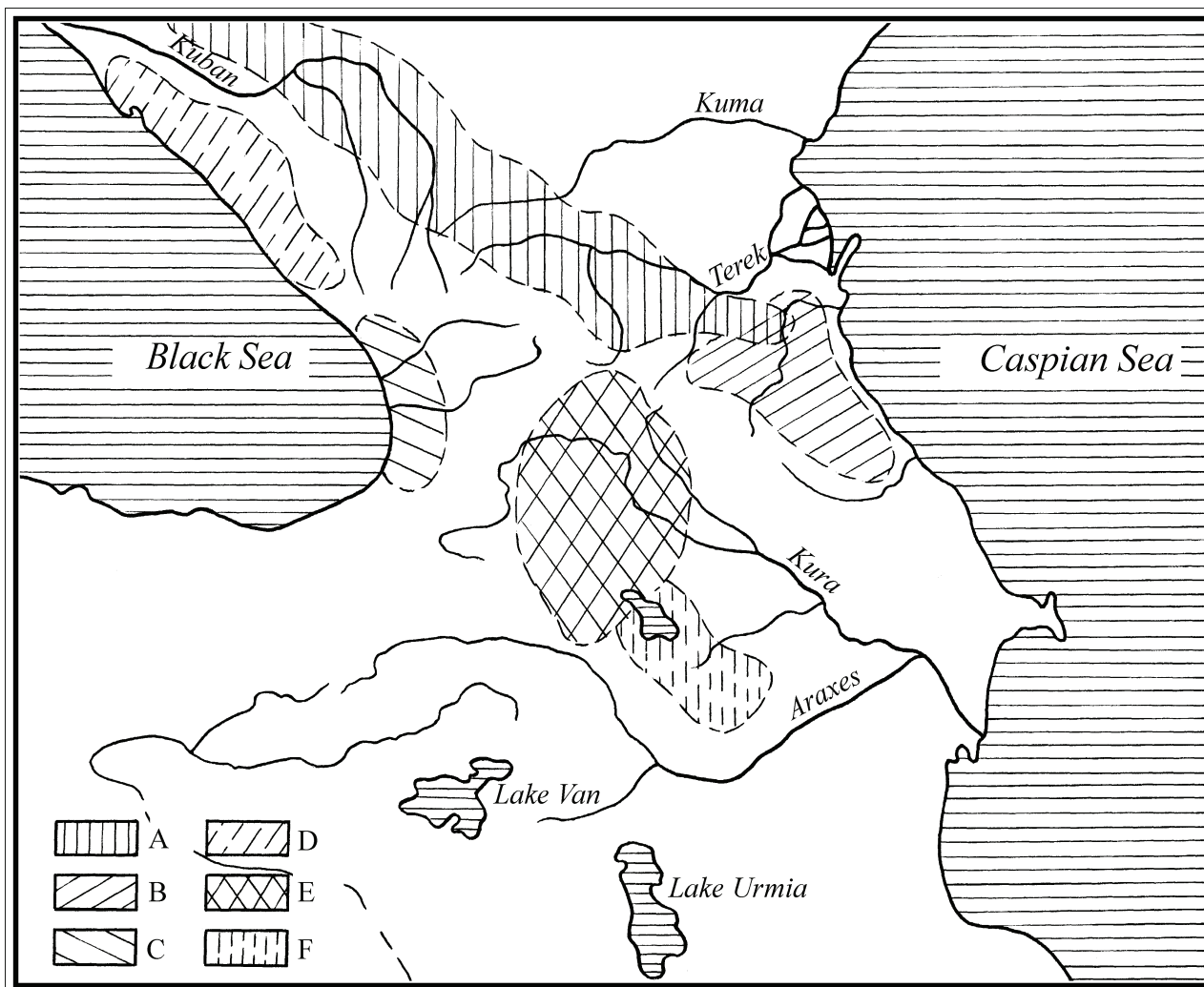

Рис. 142. Карта культур Кавказа в эпоху СБВ: а – северокавказская культура, б – памятники Дагестана, с – протоколхская культура, d – дольменная культура, е – триалетская культура, f – севано-узерликская группа.

3.8. Кавказ в эпоху средней бронзы

В СБВ в Закавказье формируется ряд новых культурных образований [Кушнарева, 1983, с. 10-12], которые мы склонны связывать с индоевропейцами, поскольку ряд черт материальной культуры этих памятников имеет сходство с теми культурами рубежа СБВ и ПБВ, которые мы описали в I и II разделах (рис. 142).

Бассейны Куры и Алазани были заняты триалетской культурой (рис. 143). Формируется она на основе куро-аракской, что в наибольшей степени проявилось в керамике ее раннего марткопского этапа. Вместе с тем, на формирование культуры оказали, по-видимому, воздействие и иные компо-

ненты. Допускается южное и северное влияние. О. Джапаридзе, например, полагает, что появление курганной погребальной обрядности было связано с проникновением северного степного населения [Djaparidze, 1993]. Однако они все же известны в материалах куро-аракской культуры. Создание же крупных курганов могло иметь чисто социальные причины. Более показательны связи с эгейско-малоазиатским миром. Они проявляются в керамике и, в особенности, в распространенности сходных типов втульчатых наконечников копий и рапир [Аретян, 1973]. Обнаружение в Восточной Грузии топоров типа Тепе Гавра (рис. 143,5) указывает на связи данного региона с Анатолией и Месопотамией, что впрочем, было всегда для него характерно [Picchelaury, 1997, Taf. 5, 47-52]. Те же связи демонстрирует и керамика. Отдельные фор-

Рис. 143. Триалетская культура. 1, 9, 11 – Триалети; 2 – Марткопи; 3 – Месхети; 4, 5 – Кировакан; 6 – Метехи; 7 – Ангехакоп; 8 – Арч; 10 – Сисиан; 12 – Айгашет; 13 – Кирги; параллели триалетской посуде: 14, 15 – Гёйлу Кале.

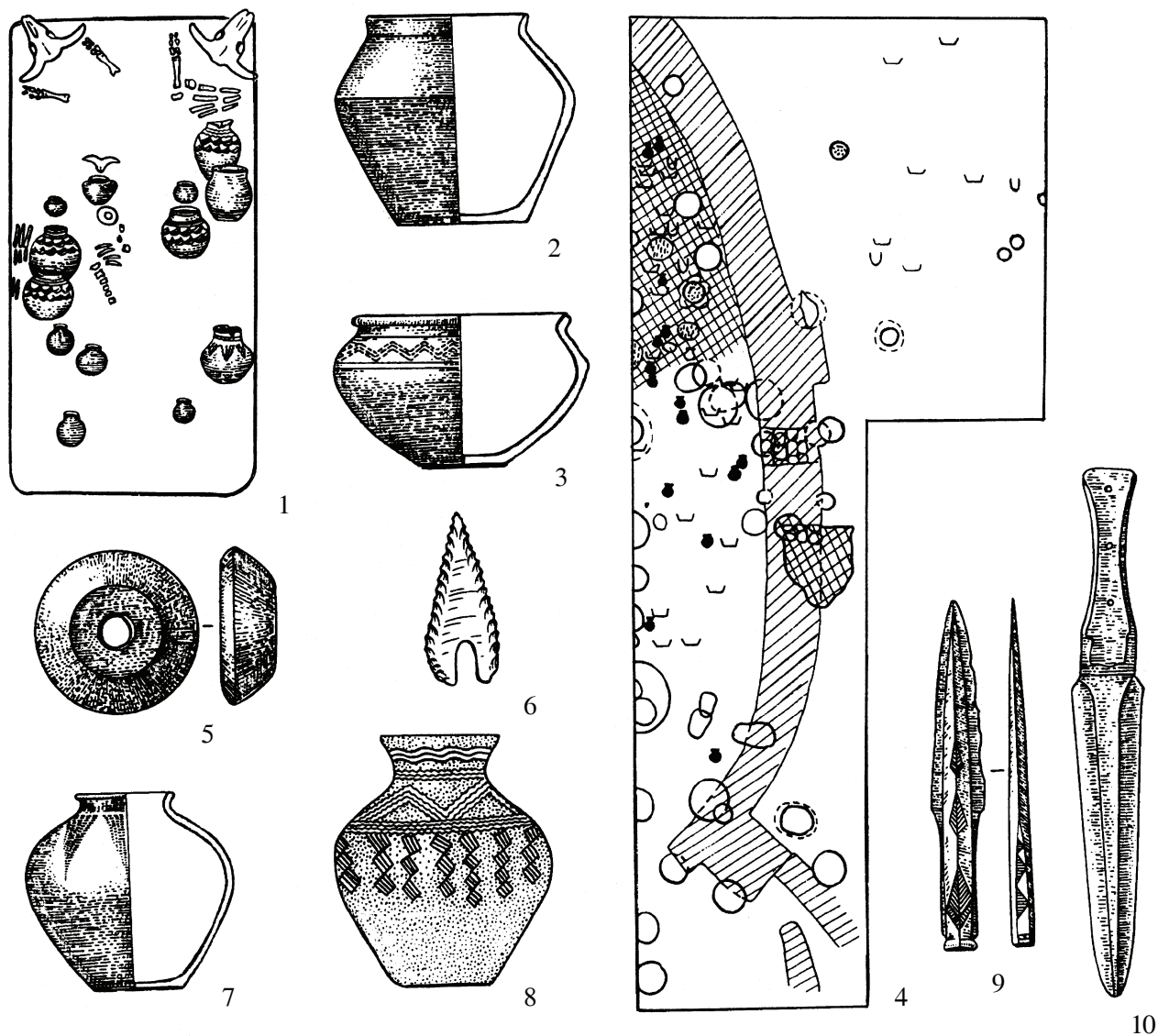

Рис. 144. Севано-узерликская группа памятников. 1, 2, 5, 9 – Лчашен; 3 – Золакар; 4 – Узерлик – Тене; 6–8, 10 – Арич.

мы посуды и орнаментов Восточной Анатолии сопоставимы с триалетскими [см. Çilingiroglı, 1984]. Очень близки триалетской посуде сосуды из Гёзлу Коле в Тавре времени РБВ II (рис. 143,14,15) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 289.51,56]. Погребальный обряд довольно дифференцирован. Наряду с рядовыми погребениями широко представлены захоронения знати под огромными каменно-земляными курганами в крупных могильных ямах со стенами, облицованными камнем или деревом или в перекрытых насыпью подземных погребальных залах (рис. 143,1,2) [Djaparidze, 1993; 1994; Кушнарёва, 1994].

Об этносе носителей триалетской культуры судить сложно. Некоторые черты (помещение в

яму голов и конечностей крупного рогатого скота, погребальные колесницы, крупные погребальные камеры) сближают триалетскую культуру с иранской синташтинской группой. Форма и орнаментация посуды обнаруживают определенные параллели с изделиями иранских карасук-ирменских популяций и даже с керамикой скифского времени Северного Причерноморья. Обряд трупосожжения сопоставим с обрядностью балто-славяногерманских племен. Втульчатые наконечники копий позволяют провести параллель с другой древнеевропейской группой – кельто-италиками. Такое специфическое оружие как рапира, а также некоторые орнаменты (например “волна”) обнаруживают аналогии в микенской Греции. Предметы

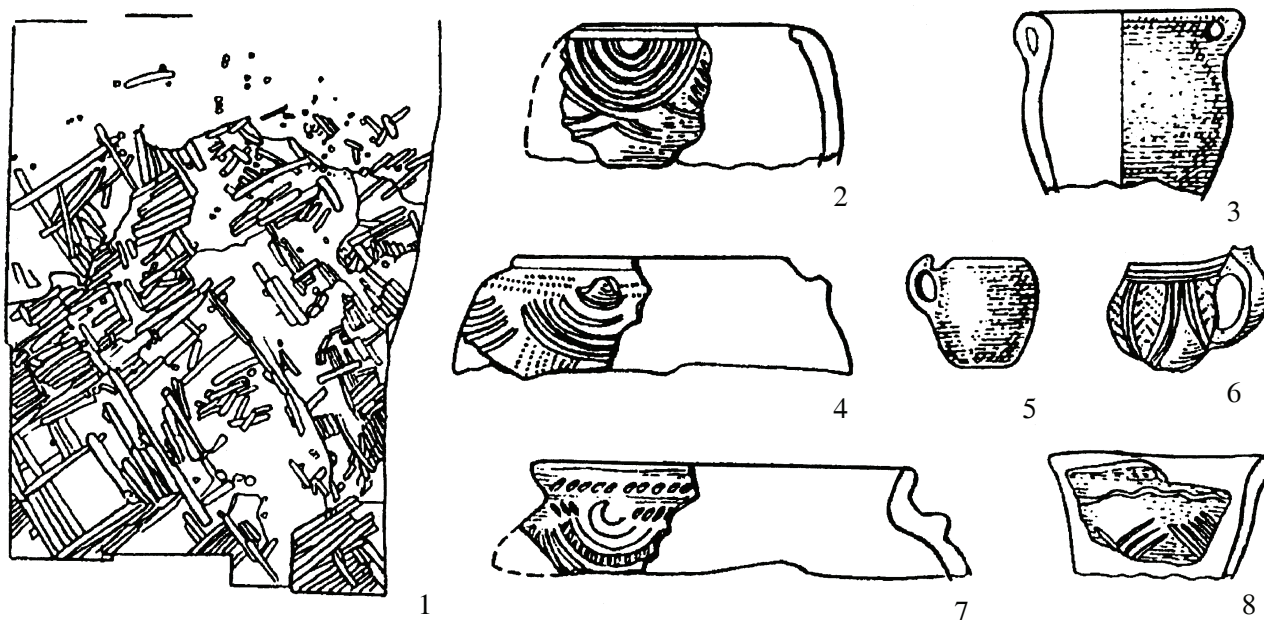

Рис. 145. Протоколхская культура.

искусства относятся к хетто-малоазийскому и переднеазиатскому культурному кругу. Вместе с тем ни в одном из вышеназванных этнокультурных образований нет близкого сочетания всех этих признаков. Поэтому, говоря об индоевропейской принадлежности носителей триалетской культуры, мы не можем пока сказать о более точной их этнической идентификации. Складывается впечатление, что в этот период в Закавказье появляется конгломерат из различных этнических групп, и довольно сложно сказать, на каком языке стали говорить их потомки.

Помимо вышесказанного, индоевропейская принадлежность триалетской культуры доказывается анализом изображений на триалетской металлической и керамической посуде [Артеян, 1988].

Распространение триалетской культуры на позднем этапе на юг, на территорию Армении, как будто позволяет ставить вопрос об армянском этносе ее носителей, хотя не исключено, что армяне могли проникнуть в этот регион и позже. С другой стороны, в Южном Закавказье триалетская культура сменяет памятники севано-узерликского типа, известные по укрепленным поселениям Узерликтепе, Лори Берд и части комплексов могильников Лчашен и Арич [Кушнарера, 1959; 1965; 1994г] (рис. 144). Архитектура и погребальный обряд этих памятников до такой степени сопоставимы с синташтинскими, что позволяют допускать иранскую принадлежность

этой культуры. Само по себе типологическое сходство, безусловно, не является достаточным аргументом в этом вопросе. Севано-узерликские памятники Южного Закавказья занимают сравнительно незначительный хронологический диапазон XIII-XVII вв. до н.э. [Кушнарера, 1994г, с. 127]. Таким образом, они появляются практически синхронно возникновению синташтинской культуры на Урале. Не исключено, что эти процессы каким-то образом взаимосвязаны.

Более ранний культурный пласт, предшествующий в Южном Закавказье севано-узерликским памятникам и сменяющий куро-аракские связан с кармирбердской культурой. По-видимому, ее формирование было стимулировано анатолийскими импульсами, воздействующими на куро-аракский субстрат [Симомян, 1982; Кушнарера, 1994б, с. 116]. Какие-либо основания для суждений об этносе носителей этой культуры у нас отсутствуют.

Наконец, в Западной Грузии в период СБВ существует протоколхская культура (рис. 145). Мы ее касались, приводя керамические параллели с синташтинской культурой. Она, по-видимому, была оставлена индоевропейцами. В главе, посвященной финальной бронзе Европы, мы допускали связь ее с культурами Северо-восточной Италии.

Таким образом, все изменения, происходившие в СБВ Закавказья, имеют закавказско-переднеазиатскую природу. И этот культурогенез в

пределах сравнительно неолышого региона, лишает нас возможности для каких-то надежных суждений об этносе носителей той или иной культуры, так как сходные черты могли иметь культуры, оставленные популяциями, говорившими на индоевропейских, северокавказских или картвельских языках. В облике культур отсутствуют какие-либо проявления культурных признаков северопрichernоморской зоны. Распространяющийся в регионе курганный погребальный обряд, по-видимому, нельзя связывать с северным воздействием. Как мы видели выше, курганы в Закавказье существовали с энеолита, а формирование таких пышных комплексов как триалетские, обусловлено, вероятно, становлением ранних государственных образований.

Если сопоставлять материалы степной зоны Восточной Европы с кавказскими и переднеазиатскими, то выявляется, скорее, обратная ситуация. В течение РБВ и СБВ в степи сохраняется тенденция, начало которой было положено в неолите и энеолите, и формирующиеся новые культуры включают в себя черты культур Кавказа и Ближнего Востока, имеющие там более раннюю хронологическую позицию. Это исключает локализацию прародинны индоевропейцев в Восточной Европе и последующее продвижение их в Переднюю Азию. Ниже мы приведем несколько примеров, подтверждающих эту мысль. Необходимо также подчеркнуть, что эти примеры показывают лишь общую направленность процессов, но ни в коей мере не претендуют на раскрытие механизмов культурных трансформаций в южной части Восточной Европы. Последнее пока невозможно ввиду отсутствия широких сопоставлений восточноевропейских и западноазиатских материалов.

3.9. Восточная Европа в период СБВ

Период СБВ Волго-Уральского региона очень важен для понимания, поскольку культуры, зафиксированные здесь на рубеже СБВ и ПБВ, активно взаимодействуют с синташтинской культурой, описанной в I разделе.

В Поволжье при переходе к СБВ столь резкой культурной трансформации, как на западе, не происходит. Ямная культура трансформируется в

полтавкинскую. При этом “мягкость” этой трансформации и отсутствие появления качественно новых признаков позволили многим исследователям говорить об этой культуре, как об этапе в развитии ямной [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 86].

Подобный подход как будто не оставляет места конструируемой полтавкинской культурно-исторической общности [Кузнецов, 1991]. В сущности, идея этой общности построена на допущении единства, всеобщности и синхронности тех культурных трансформаций, которые происходили в начале СБВ в Восточной Европе. Это диктовало принятие идеи полной смены ямной культуры на всей территории ее распространения и позволило говорить о присутствии на восточных границах катакомбной общности, общности полтавкинской. Как было показано в ряде работ [Турецкий, 1992, с. 68-73; Моргунова, 1991, с. 123; Шилов, 1991, с. 142, 143], многие комплексы включены в нее неправомерно. К тому же возможное присутствие полтавкинских погребений на территориях вне основного полтавкинского ядра вовсе не дает оснований к выделению отдельных полтавкинских культур. Примером здесь может служить ямное погребение под Карагандой, которое, возможно, отражает миграцию ямников на восток и возникновение афанасьевской культуры на Енисее, но не позволяет включить Центральный Казахстан в зону ямной КИО [Евдокимов, Ломан, 1989, с. 45, 46]. Следует отметить присутствие весьма незначительного полтавкинского могильника в Зауралье в районе Магнитогорска (II Мало-Кизильский) [Сальников, 1962а, с. 51-55]. Однако это единственный пункт. Поэтому говорить о распространенности здесь полтавкинского населения не приходится.

Однако мы вправе допускать ощутимые импульсы из южной зоны Циркумпонтийской провинции, что подтверждается присутствием в полтавкинских погребениях Потаповского могильника штыковидных орудий, характерных для южной зоны ЦМП в СБВ [Авилова, Черных, 1989, с. 50; Агапов, Кузьминых, 1994, с. 167]. Дополнительным аргументом могут служить зафиксированные на полтавкинских черепах признаки лобно-затылочной и кольцевой деформации, что указывает на возможные связи с Кавказом [Хохлов, 1997, с. 33]. Эти кавказские или предкавказские импульсы распространялись далеко за Волгу и достигали Южного Приуралья [Халяпин, 1999, с. 107].

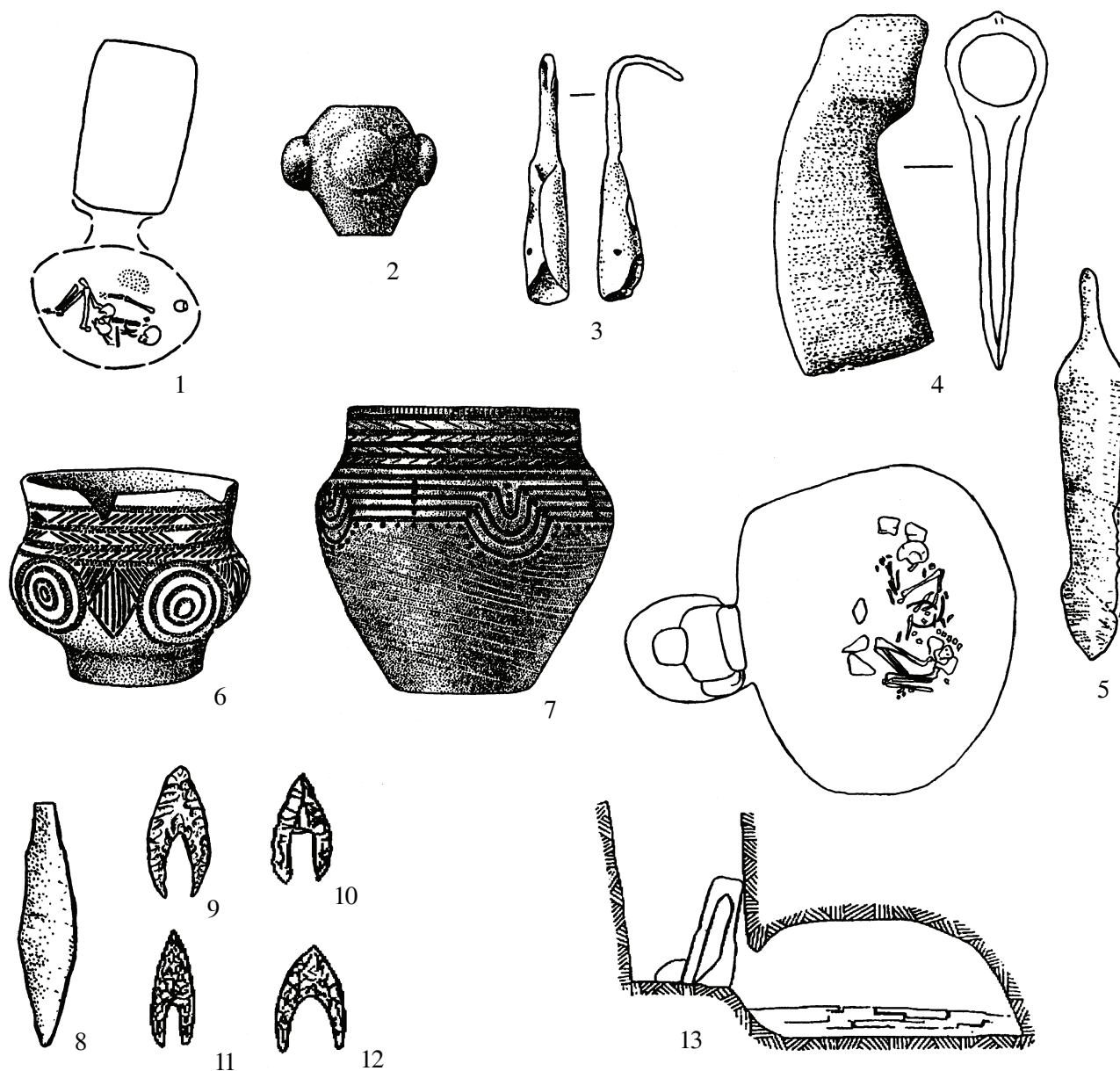

Рис. 146. Катакомбная культура. 1 – Новофиллиповка; 2, 6 – Ворошиловоград; 3, 5, 8, 9 – Фрунзе; 4 – Приволье; 7 – Великая Камышеваха. Параллели стрелам катакомбного типа в Передней Азии: 10 – Триалети (1 пол. II тыс. до н.э.); 11, 12 – Негада, Эль-Файюм (сер.-2 пол. II тыс. до н.э.); 13 – Иерихон.

Тем не менее, несмотря на возможность отдельных импульсов, следует подчеркнуть, что для Поволжья решающего значения в культурогенезе они не имели. Здесь доминирует все же местная линия развития, которую можно обозначить как ямно-полтавкинскую. Сохраняется и фиксируемая в РБВ тенденция сохранения такого различия западной и восточной зон восточно-европейской степи, как наличие поселений на западе [Археология УССР, 1985, с. 405, 407, 413, 415] и отсутствие их на востоке. Это связано с

иным типом хозяйства в Причерноморье, где, наряду со скотоводством, присутствовало земледелие [Корпусова, 1990, с. 173, 174]. Отдельные поселения полтавкинское время в Нижнем Поволжье начинают появляться, но в целом, традиция оседлости рассматривается как привнесенная в этот регион извне [Васильев, Непочатый, 1997, с. 46; Лопатин, 1996, с. 140].

Поскольку эта линия здесь наметилась уже с ямно-бережновских и хвалынских памятников, можно говорить о сохранении в регионе прежнего,

возможно индоиранского, субстрата. Это и обеспечило впоследствии сравнительную легкость контактов синташтинских и полтавкинских популяций и привело к формированию крупного срубно-алакульского иранского массива.

Все сказанное, впрочем, требует серьезной проверки, поскольку, как уже говорилось, характер и интенсивность внешнего воздействия на регион в конце РБВ и начале СБВ не до конца ясны.

В Причерноморье СБВ, когда начинают формироваться катакомбные культуры, ситуация более сложная, чем на востоке (рис. 146). Наиболее контрастно эта трансформация выглядит в районе Дона, где около 2400-2300 гг. до н.э. появляется донецкая катакомбная культура [Смирнов, 1996, с. 122]. Впоследствии, во всей северной части циркумпонтийской зоны формируется серия культур катакомбной культурно-исторической общности. Критика представлений о генетической связи яной и катакомбной культур уже имела место в литературе и в настоящее время вопрос о такой связи никем всерьез не рассматривается, что не снимает возможности ассимиляции катакомбниками местного ямного субстрата и участия ямников в генезисе катакомбной культуры [Клейн, 1970]. Во многих регионах исследователи выделяют позднеямно-раннекатакомбный период, характеризующийся сосуществованием ямных и катакомбных черт [Кияшко, 1999, с. 161-176].

Исходный импульс к формированию катакомбных культур исходил из районов Северного Кавказа и, по-видимому, Закавказья. В ранних катакомбах обнаружена дольменная керамика [Археология УССР, 1985, с. 419], наконечники стрел с арочной выемкой в основании были присущи, прежде всего, Кавказскому региону, керамика не имеет ничего общего с ямной, но по форме, в особенности чаши на ножках, сопоставима с закавказскими стереотипами РБВ [Археология УССР, 1985, с. 409, 411].

Особенно тесные связи с Кавказом обнаруживают раннедонецкие памятники. Это заметно по ножам с перегибом на середине клинка, украшениям, орнаментации в виде тесьмы на сосудах. Последняя, при этом, выполнена не веревочкой, а штампом из металла. Формы и стиль орнаментации раннедонецких кубков восходят к закавказским прототипам, прежде всего, к куро-аракской культуре [Смирнов, 1988; 1996, с. 123] (рис. 136,15; 146,6). На некоторых кубках мы можем

наблюдать ярко выраженную антропоморфность, присущую куро-аракской посуде [Братченко, 1976, рис. 16,5]. Сходные группы посуды, в которых фиксируются закавказско-переднеазиатские черты, есть и на Нижнем Дону. К ним относятся кубковые формы, кубки на подставках, фляги с выпуклыми ручками, чаши, амфоры, сосцевидные налесты и овальные налесты, заменяющие ручки [Кияшко, 1999, рис. 65-67, 68, 72, 74-80]. Сложно назвать культуру, в которой подобные признаки собраны вместе, но наибольшая их концентрация присутствует среди куро-аракских древностей Закавказья.

В этом свете представляется интересным распространение стрел катакомбного типа – с глубокой выемкой в основании, за счет чего на основании пера образуются шипы. Они появляются в раннем энеолите Крыма, что связывают с влиянием Кавказа [Археология УССР, 1985, с. 323], а затем присутствуют в кеми-обинских комплексах, и абсолютно доминируют в различных катакомбных культурах и КМК [Безанская и др., 1986, с. 10, 27, 31; Археология УССР, 1985, с. 332, 406, 411, 455; Ковалева И., 1981, рис. 5; Андреева, 1989, рис. 15; Кубышев, 1991, с. 10; Синюк, 1983, с. 147; Смирнов, 1996, рис. 6, 12, 24, 35, 41, 47; Санжаров, 1991а, с. 245]. В Закавказье стрелы этого типа известны в Триалети, Лчашене и дольменах Абхазии. Наиболее же ранние экземпляры происходят из Египта второй половины IV тыс. до н.э. [Горелик, 1993, с. 302, таб. XLIII, 11, 11а, 189,190, 194, 224; Марковин, 1997, рис. 168.23.40, 174.34; Picchelaury, 1997, Taf. 96-98]. Достаточно рано стрелы с выемкой в основании (треугольной или полуокруглой) представлены в куро-аракских памятниках Кавказа [Мунчаев, 1981, с. 38] (рис. 146,9-12).

Металлические изделия катакомбной общности изготовлены из мышьяковых бронз, поставившихся с Кавказа [Черных, 1966, с. 90].

Предполагается, что весовая система катакомбной культуры имеет ближневосточное происхождение. При этом сопоставление ее с весовыми системами Месопотамии и Египта выявило, что больше соответствий обнаруживает все же египетская весовая система [Кубышев, Черняков, 1982; 1985]. В данном случае речь не может идти, безусловно, о непосредственном восприятии этой весовой системы из Египта. Более вероятно ее восприятие из каких-то районов Восточного

Средиземноморья, втянутых в орбиту египетского влияния. Последнее более правомерно еще и потому, что подкрепляется иными источниками, в частности, распространением фаянсовых бус и египетских скарабеев [Кубышев, Черняков, 1982, с. 109]. Последние, впрочем, датируются XVII–XVI вв. до н.э. Поэтому не вполне ясно – вызвано ли это последующими импульсами, в начале СБВ II, или формированием системы контактов, которая была результатом всех миграций этой эпохи в Восточном Средиземноморье.

Искусственная деформация черепов и глиняное моделирование лица на черепе, распространенные у катакомбников, находят многочисленные параллели в переднеазиатско-закавказском регионе. В частности, деформированные черепа известны на памятниках куро-аракской культуры [Новикова, Шилов, 1989; Шевченко, 1986, с. 182–185; Шишлина, 1989]. Обычай погребальных масок первоначально связан с погребенными, у которых черепа были освобождены от мягких тканей. Лица им восстанавливали из глины. Но известны и собственно погребальные маски. Подобные случаи выявлены на памятниках неолита Палестины [Антонова, 1990, с. 44–48, 122–124; *Neolithic Cultures*, 1974, p. 44, fig. 21]. Традиция глиняного моделирования лица на черепе в Восточном Средиземноморье была распространена чрезвычайно широко и не ограничивалась Палестиной. Близкие обычаи зафиксированы вплоть до Хаджиляра и Чаттал Уйюка [Barlett, 1982, p. 52].

В отдельных случаях на катакомбных и предкатакомбных памятниках встречается такой тип переднеазиатского погребального обряда, как вторичные захоронения [Корневский, Петренко, 1989, с. 195, 196; Рассмакин, 1991, с. 46, 47; Болтрик и др., 1991, с. 71, 79; Ильюков, 1986, с. 227]. Известно и отчленение головы [Андреева, 1989, рис 2].

Наконец, самая главная отличительная черта этой общности – погребения в катакомбах, не могла развиваться из захоронений в ямах или каменных ящиках. Она восходит к переднеазиатской и иранской традиции погребений в подбоях и катакомбах. Наиболее ранние катакомбы мы обнаруживаем в середине V тысячелетия до н.э. в халафской культуре Северной Месопотамии. Погребения скорченных на боку костяков исследованы на поселении Ярым-Тепе. Примечательно то, что входные шахты иногда имеют прямоугольную

форму. Зафиксированы подсыпки охрой. Скорченность костяков достаточно сильная, что предполагает связывание умерших [Антонова, 1990, с. 78, 79, 82]. Последняя черта присуща ряду погребений катакомбной КИО. Впоследствии, в III тысячелетии до н.э. катакомбы появляются в Палестине и Иордании. В могильнике поселения Телль Селенкахие, датируемом эпохой бронзы, погребальные сооружения представлены ямами с боковыми подбоями [Кинк, 1970, с. 71–73; Мерперт, Мунчаев, 1984, с. 312; Сулейман, 1983, с. 121, 122].

Однако в Восточном Средиземноморье катакомбный обряд не был устойчивым явлением на протяжении всей эпохи бронзы. Он появлялся в регионе как инородное явление, преобразуясь впоследствии в специфические средиземноморские формы. Примером может служить появление катакомбных погребений в Палестине в начале, так называемого, “промежуточного” бронзового века, занимающего положение между РБВ и СБВ и датируемого 2300–2000 гг. до н.э., то есть синхронно раннекатакомбным древностям Северного Причерноморья. Первоначально это довольно типичные катакомбы с округлой входной шахтой и закладом, и скорченными на правом боку костяками с лицами, повернутыми в сторону шахты. Только в Иерихоне исследовано 346 подобных погребений (рис. 146, 13). При этом их появление знаменует приход нового, более подвижного населения, поскольку постройки этого периода в том же Иерихоне известны плохо. Происходит прерывание прежней культурной традиции [Barlett, 1982, p. 78, 79; Gophna, 1992, p. 127, 138, 139; Müller-Karpe, 1974, S. 118–121]. На многих поселениях отсутствуют культурные слои. На других появляются более легкие постройки. В Угарите, в Сирии, пришельцы использовали холм только для погребений. При этом сопроводительный инвентарь (булавки, втульчатые копья, топоры, кинжалы) имеет параллели в Анатолии и на Кавказе, что заставило предполагать северные корни этого явления [Kenyon, 1971, p. 567–594].

Уже в РБВ мы застаем в Палестине и на Кипре более сложные катакомбные конструкции – с несколькими камерами и многократными захоронениями. [Vermeule, Wolsky, 1990; Meyerhof, 1982; Kenyon, 1971, p. 579–581; Calting, 1971, p. 818]. На первый взгляд, подобное хронологическое

положение этих конструкций позволяет предполагать их развитие из катакомб, появившихся в Палестине. Однако, по-видимому, мы имеем дело здесь с несколько более сложным явлением, поскольку эти гробницы с несколькими камерами более соответствуют характерным для всего западного Средиземноморья скальным гробницам. Иногда средиземноморские гробницы могут походить на катакомбы, но чаще вход в них горизонтальный со склона холма [Müller-Karpe, 1974, Taf. 347, 422, 437, S. 178-181, 184-187, 266-281]. Поэтому более вероятно, что речь должна идти о совершенно независимом явлении от вышеописанного. В Восточном Средиземноморье происходит столкновение этих двух явлений. С другой стороны, попытки вывести катакомбный погребальный обряд из скальных гробниц тоже неоправданны. Типологически они все же сильно различаются, а большинство артефактов, обнаруживаемых в памятниках переходного периода РБВ-СБВ Палестины, имеют северные параллели.

Практически синхронное появление катакомбного погребального обряда в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье заставляет полагать, что это каким-то образом взаимосвязано.

В принципе, погребения в катакомбах могли развиваться из погребений в пещерах, распространенных в Палестине, начиная с мезолитической натуйфийской культуры и особенно широко представленными в энеолитической гхассульской (конец V-IV тысячелетия до н.э.) и в эпоху РБВ [Кинк, 1970, с. 168, 170; Антонова, 1990, с. 43, 52-56; Ваух, 1971, р. 223]. Однако лишь в отдельных случаях некоторые гроты могут быть идентичны катакомбам. Но в массе они резко различаются. Особенно контрастно это выглядит на материалах Южной Палестины, где катакомбная традиция сменяет старую традицию захоронения в пещерах и гротах [Кенyon, 1971, р. 576, 577].

Поэтому более вероятен другой путь формирования катакомбного погребального обряда. Как мы видели на материалах Юго-Восточного Прикаспия, катакомбные конструкции там развиваются из ям с боковым входом с рубежа V/IV тыс. до н.э., а с конца III – начала II тыс. до н.э. становятся типичными для целого ряда культур Северо-Восточного Ирана и Средней Азии, генезис которых связан, в конечном итоге, с переднеазиатским регионом (рис. 54; 58; 60). Это затрудняет поиск

исходной территории, откуда мигрировали носители этой традиции в Восточную Европу, поскольку закавказские параллели, скорее всего, маркируют лишь траекторию их движения. Но то, что поиск исходного ареала должен вестись на юге представляется несомненным. Наиболее предпочтительным в настоящее время представляется район Юго-Восточного Прикаспия. Аргументы в его пользу следующие. В этом районе обряд захоронения в подбоях и катакомбах имеет давнюю и наиболее устойчивую традицию. Ниже мы постараемся показать, что катакомбное население говорило на индоарийском языке, а связи индоариев именно с Юго-Восточным Прикаспием хорошо известны и уже обсуждались выше на страницах этой работы.

Поэтому не исключена возможность миграции из Юго-Восточного Прикаспия через Восточное Средиземноморье и далее через Кавказ. В этой связи большой интерес представляют пиктографические знаки, зафиксированные на катакомбных сосудах или подстилках погребальных камер. Тщательное их изучение позволило сделать вывод о том, что речь, в данном случае, идет об очень архаичной форме письма, а сопоставление его с древними письменными системами выявило значительную близость, главным образом, с восточносредиземноморскими – протобиблским письмом и критским линейным А. В более позднее время катакомбные знаки можно сопоставлять со срубными, имеющими, видимо, катакомбное происхождение [Лустовалов, 1998]. Исследователи срубных знаков тоже склоняются к мысли о том, что они отражают раннюю стадию развития письменности [Захарова, 1998, с. 110]. Это, как и весовая система, является еще одним дополнительным аргументом для связи катакомбных культур с Восточным Средиземноморьем.

Для наших дальнейших рассуждений будет крайне важным зафиксированное присутствие индоарийского языка в Северном Причерноморье [Трубачев, 1976; 1978; 1987; 1999], которое в СБВ было освоено катакомбными племенами и племенами КМК. Наиболее известным из этих фактов является этноним “синды”, которые и отождествляются с индо-ариями. Необходимо отметить, что количество этих фактов очень велико и уже превосходит количество языковых фактов скифского присутствия в этом регионе. Часто эти выводы подвергаются критике, не ис-

ключено, что часть приводимых этимологий не бесспорна, но, в целом, сомневаться в присутствии в Северном Причерноморье достаточно мощного индоарийского пласта нет оснований. Для нас более интересно, в данном случае, то, можем ли мы с опорой на эти лингвистические данные определить, какие культуры этого региона могут быть идентифицированы с индо-ариями, и с какими районами Евразии мы вправе связывать происхождение этих культур. В этом смысле весьма показательно присутствие в боспорской эпиграфике очень ограниченных хеттских включений [Трубачев, 1999, с. 33, 70, 71, 171]. Это, впрочем, может указывать лишь на районы к югу от Кавказа в целом, поскольку любые популяции, продвигавшиеся через эти территории, могли вступить в соприкосновение с хеттами. Впрочем, есть основания утверждать, что индоарийские популяции появились в Причерноморье из Восточного Средиземноморья. Имя одной из синдских цариц *Tirgataw* соответствует женскому имени *Tirgutawiya* на табличках из Алалаха в Северной Сирии. Эпиграфическая форма меотского самоназвания МАІТАІ соответствует самоназванию переднеазиатских индо-ариев *Maitanni*, но без хурритского суффикса *-nni* [Трубачев, 1999, с. 44, 71, 110]. Проблема заключается в том, что в языке понтийских и переднеазиатских индо-ариев есть соответствия, в том числе соответствия с хеттским, не известные в арийских языках Индостана. На этом основании О.Н.Трубачев, исходя из представлений о восточноевропейском происхождении индоиранцев, сделал вывод о достаточно ранней хронологической позиции индоарийского субстрата Северного Причерноморья, о миграции из этого региона в Митанни, и об участии меотов в формировании этого государства [Трубачев, 1999, с. 70, 102, 173]. Однако если мы будем исходить из южного происхождения индоевропейцев, то северопонтийский приоритет будет уже не бесспорен, и нам надо сопоставлять с обсуждаемыми лингвистическими фактами данные археологии.

Процессами ПБВ это объяснено быть не может, поскольку, как мы видели выше, в этот период в Северное Причерноморье продвигаются фракийцы, иранцы и древние европейцы. Поэтому единственным реальным выбором является выбор между катакомбниками и носителями культуры многоваликовой керамики. Более предпочти-

тельно связывать с индо-ариями катакомбное племена, поскольку их погребальный обряд близок погребальному обряду индоарийских культур Средней Азии и Юго-Восточного Прикаспия.

Существует еще одно возможное доказательство подобной связи. Как мы уже отмечали, появление катакомбного погребального обряда в Восточном Средиземноморье датируется рубежом XXIV/XXIII вв. до н.э. Почти одновременно в ближневосточных источниках появляются упоминания о “воинстве Манда”, что вполне может быть ассоциировано именно с индо-ариями [История Древнего Востока, 1988, с. 130, 131]. Кроме того, миграция индо-ариев через Кавказ подтверждается соответствующими заимствованиями в кавказских языках [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 919]. Это соответствует и археологически фиксируемой тесной связи катакомбной культуры с Кавказом.

Процесс формирования различных катакомбных культур был достаточно сложным и отличался на разных территориях. Наиболее ранними катакомбными культурами, судя по “Т”-образной форме катакомб, являются донецкая и днепро-азовская [Археология УССР, 1985, с. 405]. Однако этот признак, возможно, не является универсальным, поскольку на Дону катакомбы подобной формы относятся часто к более поздним этапам [Синюк, 1996, с. 125]. На Среднем Дону катакомбная культура появляется несколько позже. Не исключено, что она синхронна позднему этапу донецкой культуры [Синюк, 1996, с. 86]. В ряде районов, в особенности на Среднем Дону, наблюдается сохранение ямной культуры и сосуществование ее с катакомбными. В особенности это присуще раннему павловскому этапу среднедонской катакомбной культуры [Озеров, Беспалый, 1987, с. 164; Тоцев, 1991, с. 97; Синюк, 1996, с. 88, 123]. При этом ощущается несколько импульсов, наиболее ранние для Среднего Дона поступали из Предкавказья, хотя более значимы были последующие импульсы из Нижнего Подонья. Антропологически ямники и катакомбники здесь отличаются, но при выделении двух антропологических типов, а также метисных типов, они не всегда четко коррелируют с погребальным обрядом, что указывает на смешиваемость популяций в ходе формирования культуры [Погорелов, 1989, с. 121; Синюк, 1983, с. 144, 150 154; 1996, с. 137, 138]. На Среднем Дону, например, эта ситу-

ация проявляет себя вплоть до начала СБВ II, когда происходит переоформление культур катакомбной общности [Погорелов, 1989; *Антропологические типы ...*, 1988].

На основе новых импульсов и внутреннего взаимодействия появляются новые катакомбные культуры, которые значительно расширяют первоначальный ареал. Им свойственны уже “Н”-образные катакомбы, в которых продольные оси входной шахты и погребальной камеры параллельны друг другу, и катакомбы с округлыми входными шахтами. Датируется этот процесс концом XVIII века до н.э. [Археология УССР, 1985, с. 405, 409, 415, 416; Санжаров, 1991; 1994, с. 23, 24, 28, 29]. На некоторых территориях (харьковско-воронежская культура) в этой трансформации участвовали и шнуровые культуры [Археология УССР, 1985, с. 407, 417]. В предкавказской культуре в это время вновь появляются расчлененные захоронения и материалы, сопоставимые с юго-западными районами Северного Кавказа [Трифонов, 1991]. Примечательно и появление в этот период валиков на керамике. Часть валиков волнистая, что находит несомненные аналогии в

3.10. Культура многоваликовой керамики и проблема происхождения греков

Культура многоваликовой керамики (КМК или бабинская культура) распространяется на значительных пространствах Северного Причерноморья (рис. 147). В разделе, посвященном анализу синташтинской культуры, мы к ней неоднократно обращались, обнаруживая параллели в керамике и металлическом инвентаре. Установленное переднеазиатское происхождение синташтинской культуры позволяет сделать подобное допущение и для КМК, поскольку в степной зоне эти культуры являются наиболее типологически близкими среди синхронных культурных образований. Допускать участие КМК в формировании синташты мы не можем, так как отдельные погребения КМК известны вплоть до Волги, но не далее [Монахов, 1984]. Кроме того, синташтинская культура имеет более ярко выраженный переднеазиатский облик, чем КМК. Зафиксированы случаи перекрывания слоев, содержащих керамику КМК, слоями с

Закавказье [Братченко, 1976, рис. 29,7, 31,2; Санжаров, 1994, с. 24]. Эта черта, а также хронология процесса позволяют рассматривать его в связи с такими явлениями как формирование синташтинской культуры и культуры многоваликовой керамики. В бахмутинском погребении у хут. Верхне-Янченко обнаружен нож с намечающимся перекрестием [Братченко, 1976, рис. 46,5]. Он близок синташтинским, хотя и отличается от последних притупленной пяткой черенка. В качестве параллели этому типу ножей мы приводили нож из Ура.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее предпочтительной является связь катакомбных культур (хотя, возможно, и не всех) с индоариями. Происходят они, по-видимому, из Юго-восточного Прикаспия, а движения осуществлялось не непосредственно через Кавказ, а через районы Восточного Средиземноморья. При этом, по-видимому, были установлены системы связей с популяциями, оставшимися в Восточном Средиземноморье, и не исключены дополнительные притоки данных популяций в течение довольно продолжительного времени.

керамикой донской абашевской культуры [Пряхин, 1976, с. 55; Шарафутдинова, 1995, с. 132]. Это может указывать как на некоторое запаздывание в формировании культур синташтинско-абашевского круга относительно КМК, так и отражать узколокальную ситуацию в Подонье. Более корректно, все же, говорить об относительной синхронности этих процессов.

К сожалению, поселенческие комплексы КМК известны плохо. Исключение составляет каменно-ливленцовская группа, демонстрирующая образцы переднеазиатской фортификационной традиции (подробнее в главе о синташтинской архитектуре). Металлические изделия имеют химические и морфологические параллели на Кавказе [Березанская и др., 1986, с. 38]. На закавказские или анатолийские импульсы в Северное Причерноморье в начале СБВ II указывают материалы кладов бронзовых изделий – таких как Колонтаевский, Рыбаковский и Бериславский [Лесков, 1967, рис. 14]. Массивновислообушные топоры и топоры с коленчатым клином имеют параллели в Закавказье (Сванетия) и в Анатолии. Проушные топоры с желобком на обушковой час-

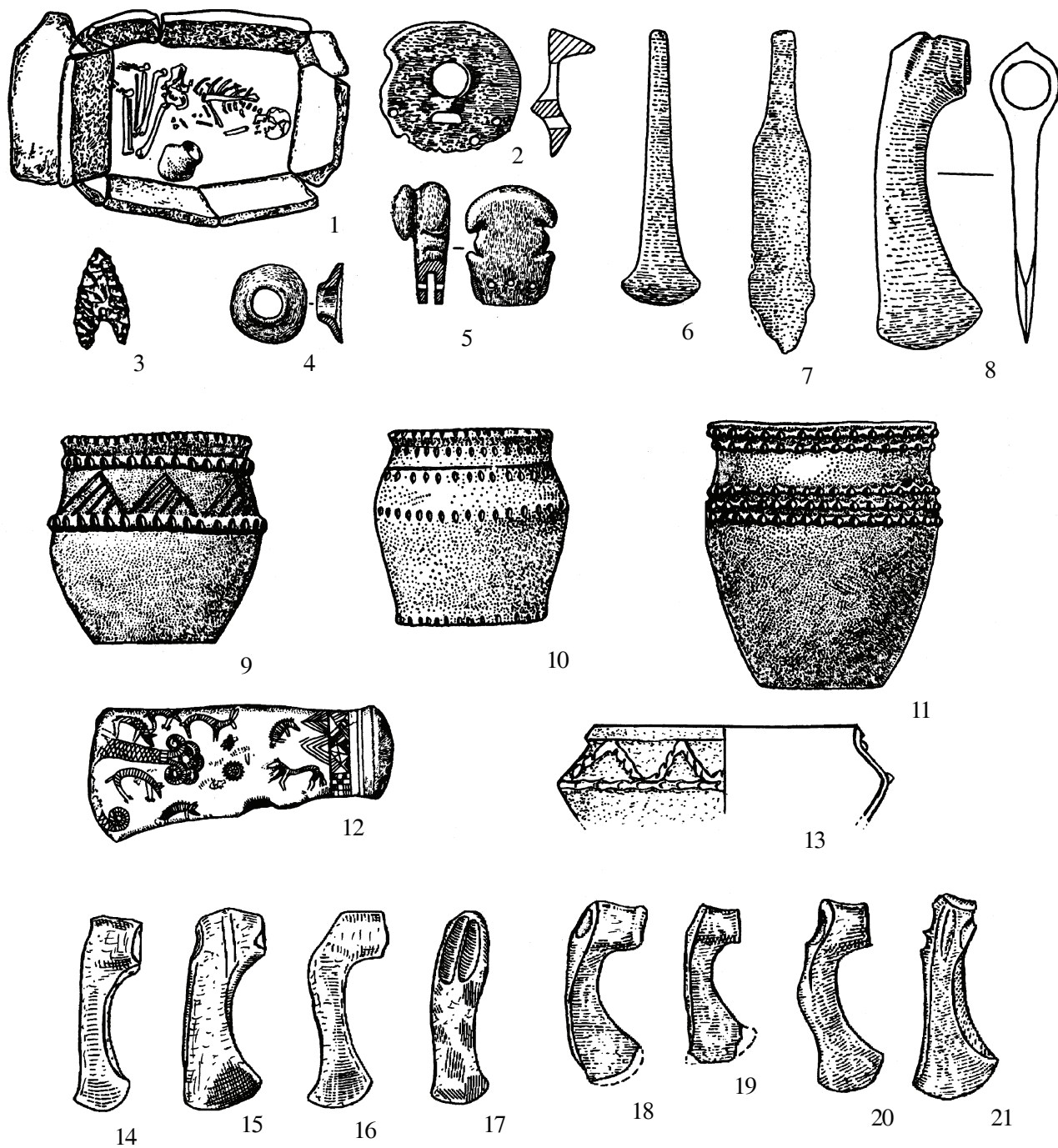

Рис. 147. Культура многоваликовой керамики. 1 – Кривой Рог; 2 – Каменка; 3, 5 – Текстильщик (Донецк); 4 – Бабина Гора; 6, 8 – Рыбаковский клад; 9 – Кислица; 10 – Проказино; 11 – Чапаевка; 12 – Дударков; 13 – Сузы (аналогии керамике КМК); 14 – Бериславский клад; 15 – Колонтаевский клад; 16, 17 – Бериславский клад. Закавказские аналоги топоров позднекатакомбного времени: 18 – 20 – Сванетия; 21 – Сухумский клад.

ти и тесла с расширяющимся лезвием близки азиатским [Авилова, Черных, 1989, рис. 3, 8; Микеладзе, 1994, таб. 17, 42-47] (рис. 147, 14-21). В Восточной Грузии тоже известны топоры, близкие восточноевропейским [Pischelauri, 1997, Taf. 8, 85-87]. Эти изделия не связаны с определенными археологическими комплексами, поэтому нет данных и об их связи с КМК. Однако их синхронность этой культуре указывает на закавказские импульсы в этот регион.

Обсуждая металлообработку синташтинской культуры, мы упоминали, что тесла КМК не выводимы из местных традиций. Они имеют вытянутые пропорции, очень узкую пятку черенка и широкое дугообразно раскованное лезвие [Археология УССР, 1985, с. 456, 459] (рис. 147, 6). Близкие изделия известны в северокавказской культуре и Анатолии [Авилова, Черных, 1989, с. 54; Черных, 1966, с. 104].

Орнаменты, выполненные налепным валиком, характерны для РБВ Восточной Анатолии [Мунчаев, 1987, с. 184, 185]. Многочисленную валиковую посуду Ближнего Востока мы уже обсуждали, описывая синташтинскую керамику. Здесь нам хотелось бы привести одну параллель керамике КМК. Это острорезберный сосуд с отогнутым венчиком и валиком на ребре. Над этим валиком располагается зигзаг, выполненный тоже в валиковой технике [Amiet, 1986, fig. 43.11] (рис. 147, 13). Сосуд этот происходит из слоев III периода Суз ("протоэламитский" период) и потому имеет с КМК колоссальный хронологический разрыв. Но это может указывать на долгую традицию подобной орнаментации на Ближнем Востоке.

В дольмене у ст. Даховская найдено костяное кольцо с двумя боковыми отверстиями. Оно близко костяным пряжкам и может отражать южные связи КМК [Марковин, 1997, рис. 96.7]. Очень показателен костяной топорик из Дударкова с изображением животных и пальмы (рис. 147, 12). Анализ его показал близость изображения Древнего Востока и Средиземноморья. Стиль передачи пальмы имеет аналоги в керамике Сиалка и Гияна [Формозов, 1974, с. 249, 250]. В Ливенцовской крепости найдены наконечники стрел из обсидиана, что тоже указывает на южные связи [Жеребилов, Беспалый, 1997, с. 25]. Поэтому наиболее вероятно, что формирование КМК связано с появлением новой ближневосточной группы, которая накладывается на катакомбный

субстрат. Роль последнего в формировании КМК очень велика. В ряде случаев поселенческая керамика КМК и позднекатакомбная различимы с трудом.

Обращает внимание и выявленная тенденция продвижения носителей КМК в западном направлении [Шарафутдинова, 1995, с. 249, 250]. Не исключено, что это продвижение было достаточно отдаленным. Погребения КМК прослежены в Венгрии, Болгарии и Румынии [Березанская и др., 1986, с. 114]. Ранее я полагал, что эти погребения появляются уже к концу существования КМК, когда носители этой культуры вынуждены были смещаться на запад под давлением популяций, двигавшихся с востока. Но не исключено, что данные комплексы имеют более раннюю хронологическую позицию. По мнению Э. Кайзера, топоры и тесла типа Скакун и Колонтаевка близки кладу Корбаска в Румынии, который возможно (но не наверняка) относится к горизонту Шнекенберг – Глина II. Топор из Дивногорска можно датировать временем VzA1 [Kaiser, 1997, S. 36]. Это подкрепляется и иными данными.

Следует отметить, что наряду с более сложными и крупными погребальными комплексами в КМК¹ известны, и характерны в гораздо большей степени, простые почти безинвентарные погребения скорченных на боку костяков, часто с сильной степенью скорченности, и в небольших овальных или прямоугольных могильных ямах. Часто единственным культурно определенным признаком являются костяные пряжки с одним центральным и одним или двумя боковыми отверстиями (рис. 147, 4). Аналоги им не известны ни в одной иной культуре степной зоны.

Однако на запад от основных районов распространения КМК известны некоторые соответствия этой культуре. На территории Венгрии еще в конце РБВ² возникает культура Перьямос, сохраняющая старую местную поселенческую традицию теллей. Керамические традиции этой культуры, по-видимому, тоже местные. Погребения совершены в небольших прямоугольных или

¹ Следует заметить, что когда исследователи КМК пишут о крупных могильных ямах, то данные ямы значительно уступают в размере синташтинским. Их размеры сравнительно невелики и они могут обсуждаться как крупные лишь на фоне очень маленьких и невыразительных ям, наиболее характерных для этой культуры.

² Дата этой культуры в целом соответствует стадии VzA2, но начало может быть еще в поздней фазе периода VzA1.

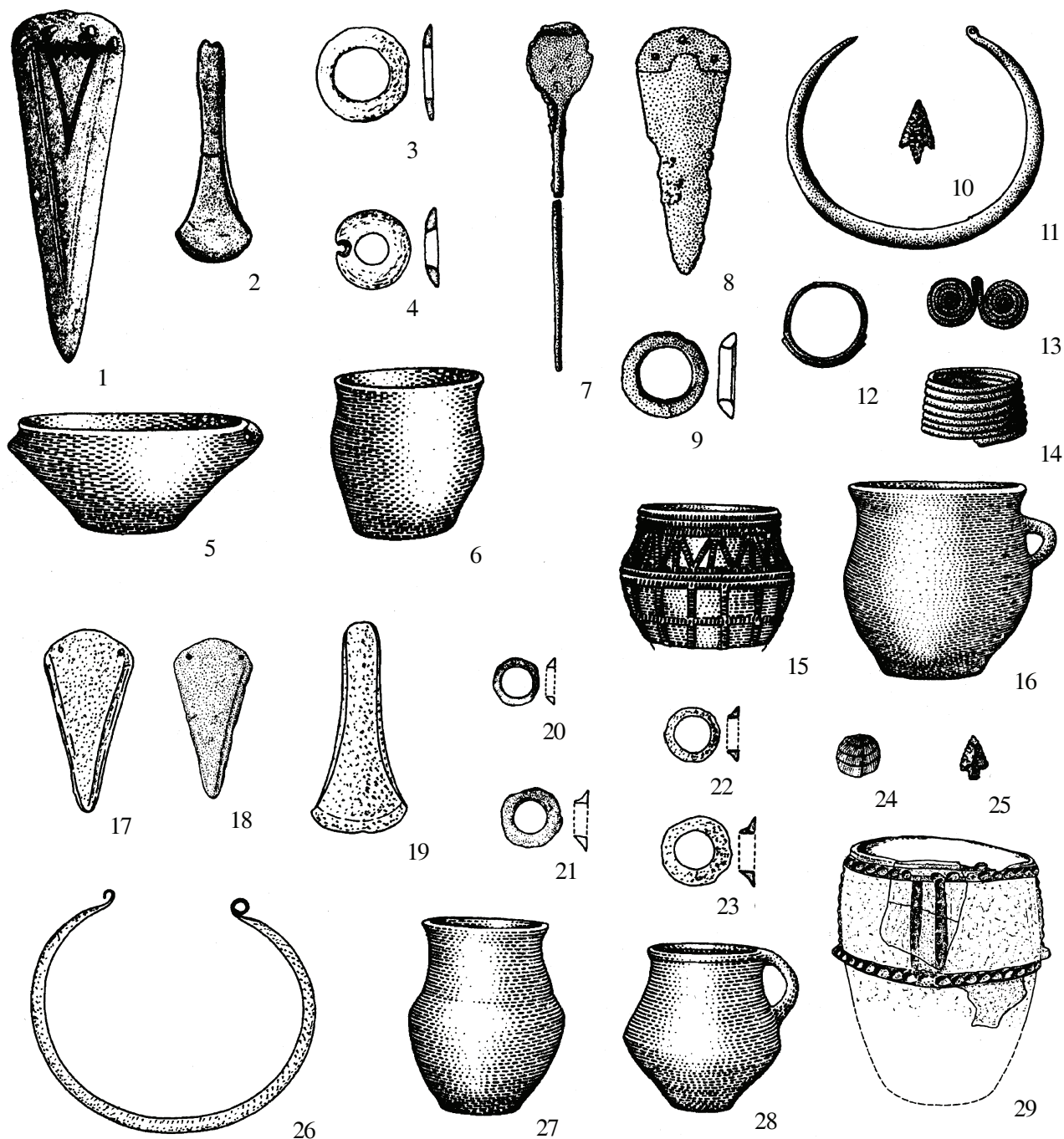

Рис. 148. Эпоха ранней бронзы Средней Европы. Группы Унтервёльбинг, Штраубинг, Адлерберг. 1-6 – Унтервёльбинг; 7-16 – Штраубинг; 17-29 – Адлерберг.

овальных ямах, скорченно на правом или на левом боку, при этом степень скорченности иногда довольно сильная. В погребениях встречаются сосуды и мелкие украшения: бусы, подвески, кольца. Обнаружены и костяные кольца, близкие пряжкам КМК [Bona, 1975, S. 79-86, Taf. 85.11,12].

Во второй половине ступени VzA1 в Венгрии формируется группа Гата, существующая на про-

тяжении ступени VzA2. С группами Штраубинг и Унтервёльбинг ее объединяют сходные типы украшений. Погребения в грунтовых ямах, скорченно на боку или спине. За последними исследователи видят восточное влияние, хотя в целом корни группы предлагаются западные (Штраубинг, Унтервёльбинг, Оггау-Лоретто, Гумтрансдорф-Драсбург) [Bona, 1975, S. 236-248].

На Верхнем Дунае, на территории Австрии, большой интерес вызывает группа Унтервёлбинг (рис. 148, 1-6). Для ее ранней фазы известны параллели в поздней фазе культур Нитра и Унетиче-Визельбург, для конца этой фазы – с раннеунетицкой культурой. В первую очередь, связи с унетичской культурой выражаются в наборе металлических изделий. Для культуры характерны погребения скорченных на боку костяков, при этом, мужчины лежат на левом боку, а женщины на правом. Обычны небольшие овалы могильные ямы, но изредка встречены цисты. В погребениях иногда встречаются костяные пряжки (рис. 148, 34) [Schubert, 1974, S. 44-51; Neugebauer, 1994, S. 83; Bertemes, 1989, Taf. 27.10-13; Müller-Karpe, 1974, Taf. 528 В 13].

Грунтовые могильники со скорченными костяками, в которых инвентарь представлен, прежде всего, костяными пряжками, распространены от Австрии вплоть до Среднего Рейна. Здесь представлены близкие вышеописанной группе Унтервёлбинг группы Штраубинг и Адлерберг (рис. 148, 7-29). В них тоже в погребениях довольно часто встречаются костяные пряжки (рис. 148, 20-23) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 531 F 12, 534 A 15, 18, D 3; Gebers, 1978, S. 69]. В материалах из старых раскопок в Штраубинг присутствует биконический сосуд с валиковой орнаментацией, отнесенный к неолитической группе Хамер (рис. 148, 15) [Müller-Karpe, 1974, Taf. 491]. В принципе, подобная керамика характерна и для КМК.

Датируются все названные группы в рамках периода VzA1 и непосредственно предшествуют горизонту клада Лангквайд [Müller-Karpe, 1974, S. 256, 257].

Аналогичные погребения в небольших овалы или прямоугольных ямах, сопровождаемые бедным инвентарем и с костяными пряжками, датируемые стадией A1, обнаружены в Северо-восточной Италии. С этого времени здесь появляется валиковая орнаментация керамики [Rageth, 1975, S. 157, 169-171, 179-181, 217, 218]. К северо-западу, в Швейцарии, на смену прежним образованиям приходит культура ранней бронзы, в керамике которой широко используется валиковая орнаментация. Формы валиков достаточно близки валикам КМК. Дата этих памятников в рамках стадии A1 [Strahm, 1971, Abb. 12, 15; Lichardus-Itten, 1971, Abb. 5. 12-15].

Если образование данных культурных групп действительно взаимосвязано, то ранние комплексы КМК мы можем датировать стадией VzA1.

С.С. Березанская, основной специалист по этой культуре, говоря об общей направленности культурных процессов в этот период, предполагала существование каких-то импульсов из Закавказья через степь на Балканы, и затем обратный отток этого населения [Березанская и др., 1986, с. 42]. Ее выводы базировались на следующих основаниях.

Существуют характеристики, сближающие, по мнению С.С. Березанской, КМК с микенскими шахтными гробницами: наличие крупных ям, иногда с уступами по краям, бревенчатое или каменное перекрытие, каменная обкладка стен, захоронение жертвенных животных, встречающиеся погребения на спине с руками на тазе, на боку или у лица, кремневые стрелы с выемкой, выпрямители дротиков, бронзовые копья с длинной разомкнутой втулкой, техника плакировки [Березанская и др., 1986, с. 38]. Примечательно, что часть микенских наконечников стрел сделана из обсидиана, как и некоторые стрелы КМК [Жеребилов, Беспалый, 1997, с. 25]. На поселении Каменка в Восточном Крыму обнаружен псалий с двумя шипами¹ [Рыбалова, 1966, с. 179] (рис. 147, 2). Типологически он близок микенским. Эти факты еще не позволяют делать вывод о связи КМК с движением микенских греков, а говорят лишь об отдельных общих чертах обеих культур, хотя подобной возможности мы не вправе отрицать. При этом следует отметить один важный парадокс. В ранних комплексах КМК отсутствуют изделия “микенского” стиля. Они появляются, по мнению С.С. Березанской, в более поздних, которые мы можем датировать XVI в. до н.э., если, конечно, подобная группировка данных комплексов вполне корректна. В первую очередь следует назвать комплекс Бородинского клада с изделиями, украшенными микенскими орнаментами. Однако, данные выводы Березанской не вполне оправданны, поскольку в достоверных комплексах КМК микенские орнаменты и бронзовые копья

¹ Этот псалий действительно имеет два шипа, и в археологических публикациях он описан именно так. Однако недавно А. Усачук, проводивший исследование псалиев Северной Евразии, любезно сообщил мне, что этот псалий имел ранее четыре шипа, но два были утрачены в процессе эксплуатации. Пользуясь случаем, я благодарю Усачука за эту информацию.

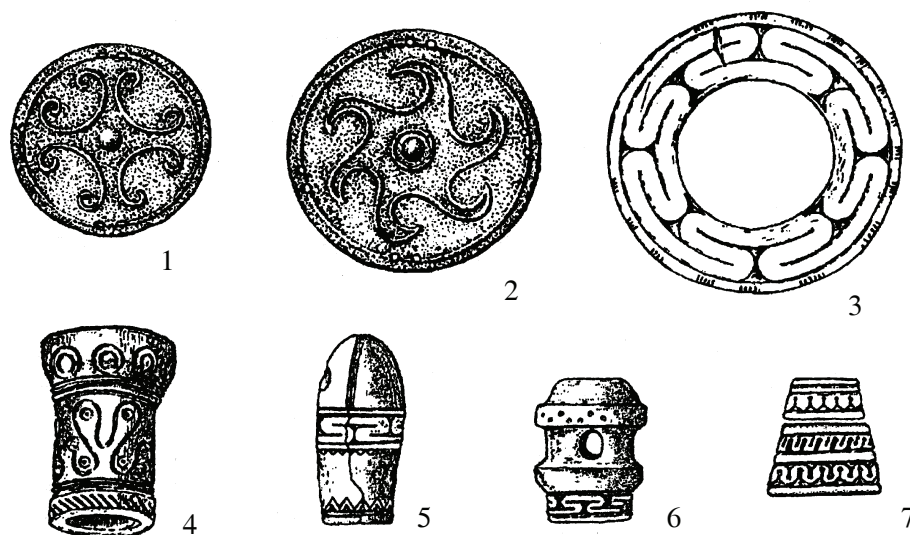

Рис. 149. Микенские орнаменты в Восточной Европе. 1, 2 – Ябалаклы; 3 – Ильичевка; 4 – Петряевский; 5 – Приветное; 6 – Юбилейное; 7 – Пасеково.

не выявлены. Они лишь присутствуют в начале поздней бронзы в этой зоне. Классические памятники КМК, скорее, свободны от микенских влияний.

В период XVII-XVI вв. до н.э. микенские, а точнее “карпато-микенские” орнаменты встречаются на псалях донской абашевской культуры и потаповского культурного типа, на бронзовых раннесрубных украшениях (включая Приуралье) и на керамике (рис. 149) [Моисеев, Ефимов, 1995, рис. 3,2; Васильев и др., 1994, рис. 33; Кузьминых, 1983а, рис. 6]. Часто эти изделия имеют более раннюю дату, чем дата микенских гробниц, хотя есть и синхронные. Весьма сомнительно, чтобы этот орнаментальный стиль сформировался в степи или лесостепи Восточной Европы. Данные орнаменты довольно редки, появляются по всей степной зоне довольно неожиданно и датируются очень узким хронологическим горизонтом – концом синташтинско-абашевской эпохи – началом срубно-алакульской. В более ранних синташтинских комплексах, как и в КМК, орнаменты микенского стиля неизвестны и пока не вполне ясно – с какими историческими процессами это связано. Вместе с тем, в районах, прилегающих к Карпатам, они имеют более раннюю дату, чем собственно микенские [Отрощенко, 1986, с. 231]. Поэтому не исключено распространение их в степную зону из этого региона.

В.И.Беседин, впрочем, придерживался иного мнения. Он сделал прекрасную сводку всех имеющихся на сегодняшний день изделий Восточной Европы с “микенскими” орнаментами. По его мнению, восточноевропейские орнаменты отличаются рядом существенных признаков от балкано-карпатских. Отмечая более позднюю позицию микенских псалиев (поскольку планка у них играла чисто декоративную роль), он полагает также, что и карпатские орнаменты более поздние, чем восточноевропейские, синхронизуя их уже с последующим срубно-алакульским пластом. При этом он допускает синхронность более ранних щитковых неорнаментированных псалиев Карпатского бассейна восточноевропейским, поскольку они достаточно близки, но корни орнаментов микенского стиля предполагает искать, все же, в Восточной Европе. [Беседин, 1999]. Однако при этом упускается из вида то обстоятельство, что в Карпатском бассейне орнаменты этого стиля свойственны и керамике культур со спиралевидным орнаментом, начиная с конца РБВ данного региона. Эти культуры образуются практически одновременно с синташтой, в то время как распространение обсуждаемых орнаментов в Восточной Европе знаменует уже заключительную фазу и конец синташтинской эпохи. Поэтому можно, все же, предполагать появление данных орнаментов с запада.

При поисках же корней этого типа орнаментации, о Северной Евразии следует, все же, забыть. Уже в конце РЭ II Греции (Лерна) и в РБВ Анатолии прототипы этих орнаментов распространены чрезвычайно широко. Отдельные сти-листические параллели можно найти и в Триалетской культуре Закавказья. Поэтому, с учетом анатолийских влияний в Греции в течение РБВ, можно предполагать анатолийское происхождение этого стиля. Но отдаленные корни его могут вполне оказаться на Балканах, откуда, начиная с позднего энеолита, исходили импульсы, сформировавшие анатолийские культуры эпохи бронзы. В качестве примера можно привести орнаменты на посуде культуры Гумельница, которые можно рассматривать как отдаленный прообраз микенских [Müller-Karpe, 1974, Taf. 670].

Западную направленность связей имеют и встречающиеся в КМК костяные фигурные пряжки (рис. 147,5), широко распространенные в Карпато-Дунайском бассейне. Наиболее ранние экземпляры известны в Трое II,III, Эзеро III, Шнекенберг-Глина II, стжижовской культуре и т.д. [Гершкович, 1986, с. 139, 140].

Все это может подтверждать вывод о наличии какой-то волны, прокатившейся с Балкан на восток, но совершенно не оказавшей влияние на культурную ситуацию в Причерноморье и Волго-Уралье [Березанская и др., 1986, с. 42]. Это тоже мешает рассмотрению КМК как культуры микенских греков.

Вместе с тем, по-видимому, нет оснований сомневаться в переднеазиатском происхождении греков, поскольку ближневосточные влияния фиксируются во всей греческой культуре, включая целый ряд мифологических сюжетов [Никулина, 1977; Олива, 1977; Согомонов, 1989; Вильхельм, 1992, с. 102, 105]. Как правило, это объясняется более поздними контактами, которые были довольно интенсивны. Однако в ряде случаев, особенно когда речь идет о мифологических параллелях, эта близость обусловлена общим исходным ареалом. Микенские статуэтки, изображающие “Разящего бога”, например, имеют прототипы в Сиро-Палестине и на Ближнем Востоке [Petrovic, 1998]. На те же связи указывают и близкие мифологические сюжеты. Очень характерным образом греческой мифологии является кентавр. Месопотамское происхождение этого образа более чем вероятно, поскольку на оттиске цилиндрической печати из Ниппура имеется изо-

бражение мчащегося кентавра, стреляющего из лука. Это изображение датируется 17 годом правления Куригалзу II, что соответствует 1329 г. до н.э. [Boehmer, 1975, S. 347, fig. 103a].

Помимо уже не раз обсуждаемых на страницах этой работы бронзовых втульчатых копий, следует отметить и иные типы микенского вооружения – обсидиановые стрелы с выемками на основании и бронзовые рапиры [Schliemann, 1878, S. 85, 313, 324]. Эти виды вооружения были достаточно типичны для Закавказья, в частности, для триалетской культуры. Закавказско-переднеазиатские параллели можно найти и для выявленных в Микенах бронзовых трезубцев с загнутыми концами [Schliemann, 1878, S. 293]. Очень специфичны и микенские золотые украшения с изображениями оленей с подогнутыми в галопе ногами, прыгающих грифонов с телом кошачьего хищника, крыльями и головой орла, сценами терзания с участием льва, быка и оленя [Schliemann, 1878, S. 207, 210, 211, 354]. Эти сюжеты и стилистика их передачи впоследствии становятся типичны для скифского искусства. Однако мы не имеем возможности связывать происхождение скифского искусства с микенским. Выше мы обсуждали проблему переднеазиатского генезиса скифов и их искусства. Поэтому представляется наиболее оправданным объяснять отмеченное сходство общими переднеазиатскими источниками. Сирийские связи обнаруживают и фаянсовые бусы, обнаруженные в микенской Греции. Аналогии им известны в Сирии амарнского периода [Wage, 1979, p. 200].

Более проблематично сопоставление львиных ворот в Микенах и Богазкёе, поскольку они не вполне тождественны по своим конструктивным деталям, хотя и указывают на существование общих идей. Но некоторые конструктивные принципы микенских фортификаций могут быть сопоставлены с ближневосточными. При обсуждении синташтинской архитектуры мы говорили, что для архитектуры Передней Азии было довольно типично возведение сырцовых стен на каменном основании. Именно такая стена, относящаяся к среднеэлладскому времени, была исследована в Микенах [Rowe, 1979, p. 253].

Заслуживающим внимания является и обнаружение в Восточном Средиземноморье значительного количества микенских вещей (Троя, Сиро-Палестина, Египет), что указывает на существование обширной системы связей [Wardle, 1998,

р. 237-243]. Подобная система связей была присуща и гиксосам. Но для греков в особенности было характерно сохранение последующих связей с регионами, в которых они обитали ранее, через которые мигрировали и с районами, где сохранились греческие анклавы.

Большой вклад в обоснование ближневосточного происхождения греков внес Р. Дрюс [*Drews, 1988*]. Он отметил, что на территории материковой Греции произошло три серьезных культурных трансформации, за которыми можно усматривать приход греков: около 2100, 1900 и 1600 гг. до н.э. Сам он склонен придерживаться последней даты, связывая приход греков с микенским вторжением. Этот вывод построен на следующей логике. Дрюс полагает, что все греческие диалекты образовались из двух (северного и южного), а те, в свою очередь, из прото-греческого. И это не две различные миграционные волны, а чисто географическое разделение [*Drews, 1988, p. 39*]. На базе детального изложения фактического материала делаются два вывода – о неразрывной связи микенских греков с колесницами, и о ближневосточном происхождении боевых колесниц. Это подкрепляется присутствием в микенских гробницах престижных вещей восточного происхождения. Заслуживает внимания и указание на сопоставимость микенских гробниц с погребениями юга России и Кавказа [*Drews, 1988, p. 189-190*]. Все это вместе взятое, как будто, свидетельствует в пользу гипотезы о появлении греков именно в начале микенского времени, а все приводимые выше параллели с Восточной Европой позволяют предполагать, что миграция осуществлялась через этот регион. Это заставляет нас перейти к вопросу о возможности отождествления с греками восточноевропейских культур.

Я. Лихардус и Я. Владар, не обсуждая проблему происхождения всех греков, приводят ряд слагаемых микенского комплекса. Учитывая безусловный местный компонент, они указывают на существование многочисленных параллелей в Карпатском Бассейне, откуда мог поступить весьма существенный импульс для формирования микенской культуры. При этом, они отмечают ряд важных параллелей в Восточной Европе, вплоть до Южного Зауралья (Петровка, Синташта, Потапово, Абашево, КМК), опираясь на мнение российских исследователей о более ранней хронологической позиции этих комплексов относительно

микенских шахтных гробниц. Отмечаются также значительные связи микенской культуры с закавказской триалетской культурой и с анатолийскими материалами (погребения, колесницы, рапиры, обсидиановые стрелы, спиральные орнаменты, костяные предметы и булавки). При этом они предполагают переднеазиатские импульсы при формировании синташтинской культуры. Образование микенского феномена они видят в продолжительных влияниях, которые распространялись из Анатолии, Закавказья и степи через степную зону, и Карпатский бассейн. Часть импульсов осуществлялась морским путем. Но степной компонент был преобладающим [*Lichardus, Vladar, 1996*].

При общей правильности и логичности данного подхода, остается, все же, не до конца ясным – откуда и как появились микенские греки. Кроме того, в степной зоне только синташта имеет отдельные типологически близкие черты с Микенами, которые предшествуют им. Но это близость наиболее общих типологических черт, а не близость типов отдельных артефактов. Для других культур вещи, сопоставимые с микенскими, занимают отнюдь не раннюю хронологическую позицию, и могут быть как синхронны, так и лишь незначительно предшествовать времени шахтных гробниц.

Поскольку мы преследуем здесь цель выявить распространение языков и народов, необходимо определиться, какие культуры Восточной Европы могли бы претендовать на отождествление их с греками.

Выше мы отмечали, что до появления КМК в период СБВ II степи Северного Причерноморья были заняты катакомбными племенами, которые говорили на индоарийском языке. Вопрос же об этносе носителей КМК менее ясен. Выше мы касались аргументов в пользу возможности сопоставления их с микенскими греками. Дополнительным фактом в пользу этого может служить то, что базовым процессом в этот период в Северном Причерноморье было наложение КМК на катакомбный субстрат, что может объяснять близость индийской и греческой мифологии. Другим заимствованием могут быть погребальные маски, обнаруженные в шахтных гробницах Микен [*Schliemann, 1878, S. 253-257*] и в катакомбных погребениях. Тем не менее, все эти черты могли оформиться и на Ближнем Востоке.

Греческой принадлежности КМК противоречит ее хронологическая позиция, поскольку она может объяснить лишь появление микенских греков. Дорийские миграции по этому же пути не могут быть направлены, поскольку уже к XV в. до н.э. культура многоваликовой керамики прекращает свое существование и ее место занимают фракийские популяции. В XI в. до н.э., когда осуществлялись дорийские миграции, основные процессы, трансформировавшие культуры Северных Балкан, Центральной Европы и Северо-Западного Причерноморья, были обусловлены движением на юг культуры полей погребальных урн [*Археология Венгрии, 1986, с. 37, 38*]. Каким бы миграции в западном направлении в Северном Причерноморье в это время отсутствовали. Правда, Дрюс высказал мысль о возможности оседания части греков на самом севере Греции, в то время как микенцы проникли в Фессалию. На основе этих популяций и оформились впоследствии дорийские греки [*Drews, 1988, p. 222*]. В свете этого традиционная точка зрения о приходе дорийцев с севера, из Карпато-Дунайского бассейна, представляется наиболее правомерной. На это же указывает присутствие в этом регионе “карпато-микенских” орнаментов на рубеже СБВ и ПБВ. Поэтому, в принципе, нельзя исключить и того, что КМК следует связывать с греками, но проблема в том, что “микенскими” чертами наделены поздние комплексы этой культуры, и то, если удастся доказать связь некоторых кладов, например Бородинского, с КМК.

Кроме того, не вполне ясно – каким образом сочетать концепцию о прародине греков на Ближнем Востоке с появлением в Греции ахейских греков на рубеже РЭ II и РЭ III (около 2200 г. до н.э.). Их приход не сопровождался столь явным культурным сломом, который наблюдался здесь при переходе к эпохе бронзы. Качественной смены культур не происходит. Это соответствует исторической традиции, которая повествует, что греки длительное время сосуществовали с местным населением – пеласгами, являвшимися, по-видимому, одной из палеобалканских групп, продвинувшейся на юг Балканского полуострова [*История Европы, 1988, с. 141, 142*]. Нарастают лишь отдельные количественные показатели – большее распространение боевых топоров, использование каменных ящиков при погребении, курганный погребальный обряд. Наиболее четким индикатором

прихода нового населения является “минийская” керамика, обнаруживающая параллели в Анатолии [*Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 14*]. В противоположность этому можно указать на появление в этот период апсидных домов, характерных в предшествующее время для Северных Балкан и Центральной Европы [*Parzinger, 1993, S. 308*]. Еще одним фактом, указывающим на приход греков с севера, является обнаружение глиняных “якорей”, которые были известны на Северных Балканах еще в энеолите [*Whittle, 1985, p. 69; Mallory, 1989, p. 76*].

В этой связи, различаются подходы к появлению греков в Малой Азии. Одни исследователи считают, что греки здесь появляются раньше, чем в Греции, другие придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Расходятся и оценки лингвистов, локализирующих протогреков в Анатолии или считающих их автохтонами Балканского полуострова [*Гамкрелидзе, Иванов, 1981; Дьяконов, 1982; 1982a*].

В пользу последней точки зрения как будто говорит то, что Троя VI, в которой хорошо представлена “минийская” керамика, имеет более позднюю дату относительно появления этой керамики на юге Балкан. Этот слой относится уже к ПБВ Циркумпонтийской зоны и во всех случаях не может датироваться ранее XVII-XVIII вв. до н.э. [*Авилова, Черных, 1989, с. 38*]. Возможное наличие некоторого количества минийской керамики в Троее V будет отражать лишь нарастание греческого компонента в Троаде и указывать на то, что вектор этого проникновения обращен к востоку. Однако это не будет являться свидетельством более раннего появления этой керамики на западе Малой Азии в целом.

Вместе с тем, поскольку переднеазиатское происхождение греков для нас представляется несомненным, следует искать греков среди племен, мигрировавших к северу от Черного моря. На это указывают черты “курганых” культур в культуре архаических греков и появление у них апсидных домов. В пользу этого говорят и греко-северокавказские языковые связи [*Николаев, 1985*]. Однако, как это ложится на археологический материал менее понятно. Может обсуждаться как минимум два варианта. Первый предполагает достаточно ранний исход, соответствующий формированию мариупольской культурно-исторической общности и допущению того, что

носители культур этой общности говорили на диалектах греко-арийской языковой общности. В этом случае не исключено, что с движением фракийских племен около 3700 г. до н.э. часть этой популяции, смешиваясь с пришельцами, попадает в Подунавье, где и происходит выделение собственно греческих диалектов. Но в силу более поздних переднеазиатских параллелей этот подход мало приемлем.

В качестве второго варианта может быть рассмотрено выделение греческого языка в Передней Азии и миграция в Карпато-Дунайский бассейн через Северное Причерноморье. В этом случае археологическим признаком подобной миграции может быть появление либо кеминской, либо новотитаровской культуры, вытесненной затем катакомбными племенами. Подобный подход послужит также иллюстрацией греко-северокавказских связей. В рамках этого подхода хорошо объясняется зафиксированное Плинием присутствие ахеев в Прикубанье [Борухович, 1964, с. 41], хотя не исключено, что их появление связано с какими-то более поздними событиями.

Более правомерен, впрочем, иной миграционный путь – через Анатолию. В РБ III в районах к югу и востоку от Мраморного моря (Тавшали-Изник) была распространена, так называемая, минийская посуда. Ближе к концу этого периода она начинает распространяться на западное побережье Анатолии, в Троаду (Троя VI) и в Грецию¹. По мнению греческих ученых, с этого времени на юге Балканского полуострова появились греки. Следовательно, население времени РБ III в районе Мраморного моря (по мнению Дж. Меллаарта) говорило на греческом языке. В СБВ в зону распространения данной посуды входит не только Троада, но и более глубинные районы Анатолии. В ПБВ в Западной Анатолии существовало мощное царство “Ахийява” и несколько земель Лукка. Население первого было греческим, а последние говорили на лувийском языке. [Mellaart, 1971, p. 410; 1971a, p. 700-702]. При этом, локализация Ахийявы на территории материковой Греции и отождествление ее с ахейцами маловероятны, поскольку она всегда упоминается в малоазийском контексте. Кроме того, Ахийява была мощным единым царством, а в Греции в этот период было

много мелких государств. Маловероятно и переселение с территории Греции в микенское время, поскольку микенские материалы довольно слабо представлены на анатолийском побережье. В Западной Анатолии встречаются эпизодически лишь микенская посуда, что является признаком, скорее, торговли, а не колонизации. Поэтому следует полагать, что с распространением греков в Европу значительная часть этой популяции остается в Анатолии. Они соседствуют с лувийцами. По Гомеру, Милет был населен варварами. Поэтому царство Миллуванда было, по-видимому, лувийским [Zanger, 1994, S. 42-47; Macqeen, 1968, p. 178-185; Mellaart, 1968, p. 187-190]. На первый взгляд, все это предполагает локализацию греческой прародины в Северо-западной Анатолии, к юго-востоку от Мраморного моря. Однако, если взглянуть на эти процессы шире, то ситуация представится несколько в ином свете.

На формирование протогреческого на территории Малой Азии указывает, прежде всего, значительное количество слов, заимствованных из картвельского, а также обратные греческие заимствования в этот язык. Кроме того, существуют заимствования греческих слов и мифов в анатолийские языки и обратные заимствования [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 904-907]. Все это предполагает размещение прародины греков между анатолийскими популяциями и картвельскими. Наиболее приемлемым районом для ее локализации является, таким образом, северо-восточная часть Анатолии. В принципе, процессы, которые могут соответствовать миграции греков из этого региона, в литературе описаны.

К концу РБВ II, после оккупации Коньи и Юго-западной Анатолии лувийцами (см. главу 3.2), Анатолия была поделена на две части. Центр и север остались за пределами этих процессов. Никаких изменений здесь вплоть до 2200 г. до н.э. не происходило, пока из региона к востоку от Галиса (в частности, Кюль-тепе) не начинает распространяться на запад каппадокийская посуда. Подобная посуда встречена также в Восточной Анатолии и на равнине Эльбистан. Ее можно включать в огромную провинцию крашеной посуды, охватывавшей, помимо Восточной Анатолии, и Южное Закавказье. В Центральной Анатолии распространение этих восточных компонентов отмечено в Богазкёе, Аладже, далее южнее, в долине Девели, в Ачигёл, Ачемкёй, Инчирли, в восточной части равнины Конья. Пришельцы

¹ Микенская керамика в Трое встречается только со слоя VII [Müller-Karpe, 1974, S. 137].

сокрушают прежнее образование, представленное царскими гробницами Аладжи. Сохраняется оно лишь в приморской части. Далее распространение каппадокийской посуды наблюдается к западу от Галиса (Караоглан, Этиюкушу, Ахлатлибель, Полатлы II). Прежние населенные пункты при этом разрушены, что указывает на вторжение [Mellaart, 1971a, p. 681-698]. Таким образом, этот процесс достигает района Мраморного моря с минийской керамикой, которая начинает вскоре распространяться в Трояду и материковую Грецию. Дж. Меллаарт был склонен видеть за этим два связанных, но все же отдельных процесса – приход хаттов в Центральную Анатолию и миграцию греков из районов Мраморного моря [Mellaart, 1971a, p. 686, 699, 700]. Однако, на мой взгляд, с хаттами следует связывать все же прежнее население этого района Центральной Анатолии. Мы можем представить этот процесс как единый – движение из северо-восточных регионов Анатолии до Мраморного моря с вовлечением в последующее продвижение популяций этого региона, что обусловило появление элементов этой культуры в Греции.

Следует также рассмотреть вопрос о возможной вовлеченности в этот процесс, локализуемой в Карпатском бассейне, культуры Глина III-Шнекенберг¹. Погребения в каменных ящиках подобный подход допускают, к тому же исследователи указывали на близость этой культуры культурам Кавказа, в частности, куро-аракской [Березанская и др., 1986, с. 38; Федоров, Полевой, 1973, с. 69, 70]. Эти сопоставления могут помочь в решении проблемы движения первой греческой волны на Балканы.

Р. Кросслэнд, считает более обоснованным мнение Л. Палмера, который указал на существование топонимов с формантами -ss-, -nth- и -nd-, которые едины для Греции и Юго-западной Анатолии. Это позволило говорить о том, что эти регионы были населены лувийцами. Вместе с тем, он указывает на то, что в греческом языке нет заимствований из лувийского, здесь сохранились только топонимы, следовательно, о контакте непосредственно говорить нельзя. По лингвистическим данным можно говорить о тесных связях с фригийцами, относившимися к палеобалканской группе, и о присутствии в Греции иллирийцев.

¹ Эта культура синхронна поздним фазам РЭ II, РМ II, РК в Греции и Эгееде II [Parzinger, 1993, S. 270].

Поэтому, хотя появление греков и было связано с минийской посудой, искать их прародину следует все же на Северных Балканах. Они, возможно, проникли в Северо-западную Анатолию, где и начали изготавливать эту посуду [Crossland, 1971, p. 846-850]. Однако это свидетельствует лишь о более раннем присутствии анатолийцев на территории Греции, но вовсе не противоречит выводам Дж. Меллаарта, поскольку связывать этот топонимический пласт с минийской керамикой нет оснований.

Ранний бронзовый век Греции (периоды РЭ I, II)¹ начинается, по-видимому, с проникновения сюда северобалканских компонентов, за которыми мы можем видеть анатолийские и палеобалканские популяции. Надо обратить внимание на то, что черты архитектуры Греции периода РЭ I, II близки более ранней анатолийской архитектуре. Здесь появляются укрепленные поселения с блоками домов, пристроенными к оборонительной стене. Характерны и апсидные постройки (Лерна, Мальти) [Müller-Karpe, 1974, S. 155-159]. Некоторые материалы (например, Аргисса в Фессалии) демонстрируют близость материалам Трои I, что является отражением уже описанной тенденции смещения балканского культурного комплекса в Анатолию. В Лерне (Арголида) конец неолита знаменуется появлением материалов типа более ранних фессалийских Ларисса и Рахмани². Цитадель в Лерне имеет сходство с Димини [Casskey, 1971, p. 774-785]. Сложно сказать, каким путем проникает эта архитектурная традиция в Грецию – непосредственно из Анатолии или через Балканы, где формируются комплексы типа Эзеро. Последний путь предпочтителен, так как апсидные постройки были привнесены явно с севера. Другой компонент, который вошел в архитек-

¹ На территории Фессалии начало РБВ датируется по калиброванной радиоуглеродной шкале около 3100 до н.э. (РЭ I), следующий период РЭ II – 2900-2400 до н.э., наконец, РЭ III укладывается в промежуток 2400 – 2100 до н.э. [Coleman, 1992, p. 275]. Период РЭ I соответствует Трое I а-с, Чернавода II, РЭ II – РМ II, РК II, Чернавода III, классическому Бадену, Котофени [Parzinger, 1993, S. 268]. Это несколько позже, чем формирование культур бронзового века на Северо-Восточных Балканах.

² Ранее предполагалось, что горизонт Рахмани одновременен РЭ I. Однако последние исследования показали, что ранние материалы Рахмани соответствуют позднему неолиту Греции. Только со среднего Рахмани можно говорить о синхронизации этих материалов с РЭ I [Hauptmann, 1986, S. 9; Parzinger, 1991, S. 370-386].

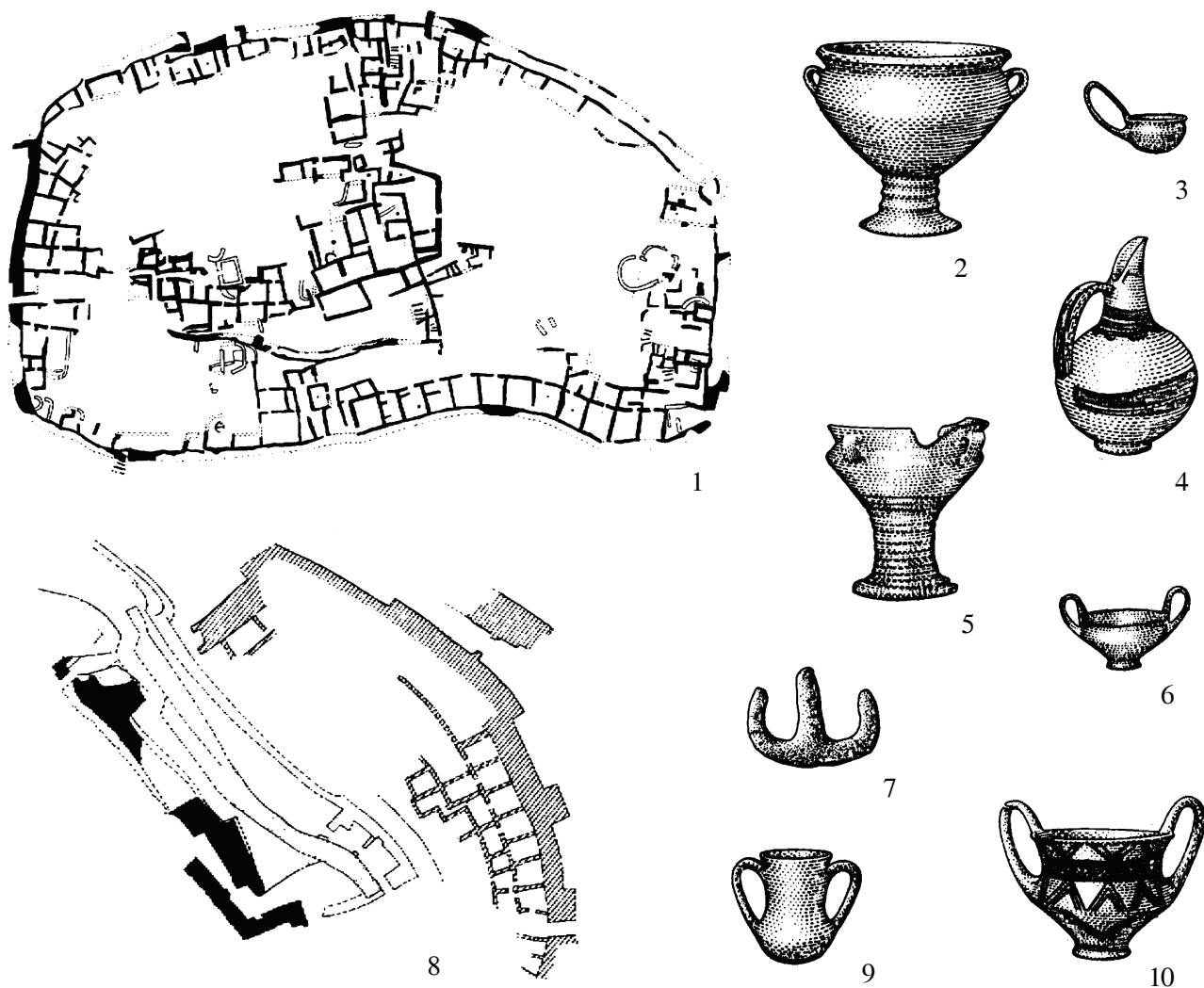

Рис. 150. Комплексы конца РЭ – СЭ в Греции: 1 – Мальти; 2, 3, 9 – Кораку; 5, 6 – Асине; 7, 10 – Лерна; 8 – Айгина.

турный комплекс, это более ранние памятники Фессалии, типа Димини. Таким образом, можно говорить о наложении на более ранние балканские традиции традиций анатолийских. При этом парадокс данных дефиниций в том, что балканские (территориально) традиции соответствуют анатолийским этническим группам и наоборот. Кроме того, был и третий компонент – местное неолитическое население. Керамика раннеэладского времени сохраняет много неолитических черт, но отличается более высоким качеством [Müller-Karpe, 1974, S. 156]. В течение всего этого периода данный регион не испытывал особых потрясений, что позволяет предполагать и этническую преемственность.

Топонимика Греции указывает на существование трех догреческих языковых пластов: доиндоевропейский и индоевропейский, включающий анатолийские (хетто-лувийско-палайские) и палеобалканские топонимы. Последний пласт В.С.Титов склонен отождествлять с пеласгами. По мнению же Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, пеласги говорили на анатолийских диалектах [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 900, 901; Титов, 1970, с. 32, 38]. Доиндоевропейский пласт мы вправе связывать с неолитическими материалами, а культуру РЭ I, II с анатолийскими и палеобалканскими. Анатолийцы, вероятно, проникают в регион первыми, что отражают материалы типа Лариссы. Их вытесняют продвигающиеся с севе-

ра палеобалканские племена. Вскоре и они проникают на территорию Греции. У нас мало оснований для суждений о том, какой из языков возобладавал на этой территории. Не исключено, что в разных районах население было разноязычным. Однако выше приведенные рассуждения Кросслэнда об отсутствии греческих контактов с лувийцами и о контактах с палеобалканскими популяциями позволяют предполагать, что анатолийские диалекты к появлению греков уже исчезли, и под пеласгами следует понимать, все же, палеобалканские популяции.

Существенные катаклизмы происходят при переходе к периоду РЭ III (рис. 150). Были сожжены многие прежние центры: Лерна, Агрисса. Поселения теперь меньших размеров, чем в предшествующее время, а на многих из них жизнь так и не возобновилась вплоть до микенского времени. На некоторых поселениях (Аигина) в архитектуре нарастают черты, присущие более ранним анатолийским традициям. Появляются минийская посуда, в том числе гончарная, что отличается от прежней традиции ручной формовки. Появляются специфические глиняные якоря, апсидные постройки. Процесс этот коснулся не всех регионов. В Мессении (Мальта) сохраняются старые традиции [Caskey, 1971, p. 776, 778, 785-790]. Довольно наглядно первичное распространение греков по югу полуострова можно проследить на базе анализа керамики. В Мессении и Лаконике анатолийских влияний на керамический комплекс не ощущается. В Аттике больше заметны влияния с Киклад. В Арголиде и Коринфии на формирование нового керамического комплекса оказали влияние гончарные традиции Киклад и Северо-западной Анатолии. Поэтому не исключено, что население здесь было первоначально смешанным и даже то, что доля пришельцев в этих регионах была первоначально не слишком высока. В наибольшей степени анатолийскому воздействию подверглись области Беотии и Фокии [Rutter, 1986]. Вероятно, здесь количество пришлого компонента было особенно велико.

Возвращаясь к проблеме микенских греков, отметим, что в настоящее время известны переднеазиатские находки вещей с “микенским” орнаментальным стилем. Они не имеют хронологического приоритета перед центрально- и восточноевропейскими, но допускается их происхождение именно в этом регионе [Трифонов, 1996]. Воз-

можно, эту точку зрения можно подкрепить триалетскими рапирами, близкими микенским [Кушнарева, 1994, таб. 31,1-4]. Однако и в этом случае говорить о более ранней дате переднеазиатских изделий оснований нет. В своем классическом виде рапиры появляются в триалетской культуре уже на классической стадии ее существования, что, в целом, синхронно микенским и анатолийским изделиям. Однако, уже на ранней стадии триалетской культуры (2000-1800 гг. до н.э.) известен меч, близкий более поздним рапирам, что указывает на разработку этого типа вооружения в этом регионе [Picchelaury, 1997, S. 17]. Подобные сопоставления позволяют полагать, что существовало еще одно проникновение греков в Европу в предмикенское время. Тем не менее, если мы будем выводить микенских или дорийских греков из Передней Азии, то наибольший шанс считаться греческой культурой Северного Причерноморья, на первый взгляд, имеет КМК, но слишком много факторов этому противоречит.

Таким образом, проблема появления греков на Балканах является, пожалуй, наиболее сложной среди проблем миграций индоевропейских народов. Не исключено, что противоречивость данных о происхождении греков обусловлена тем, что их миграции осуществлялись двумя путями – через Анатолию и Кавказ. На подобную возможность указывает наличие, как греко-анатолийских, так и греко-кавказских языковых связей. При этом, о движении через Кавказ именно дорийских племен свидетельствует миф об аргонавтах, поскольку “страна Арг” – название мегрельское, включенное даже в самоназвание народа. То же название имела одна из священных культовых областей дорийских племен [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 902-909]. На подобную возможность двух миграционных путей греков указывают и другие соображения, высказанные В.И.Сарианиди. В греческой среде гомеровской эпохи существовало различие ахейцев и данайцев. Последний этноним может быть соотнесен с иранским гидронимом “Дану” (Дон, Днепр, Днестр и т. д.), что позволяет предположить, что эта группа двигалась через Северное Причерноморье. Второй этноним соответствует анатолийской “Ахийяве”. Подобные пути миграций предполагают локализацию греческой прародины в юго-восточной части Причерноморья [Sarianidi, 1998, p. 160, 161]. Этому не

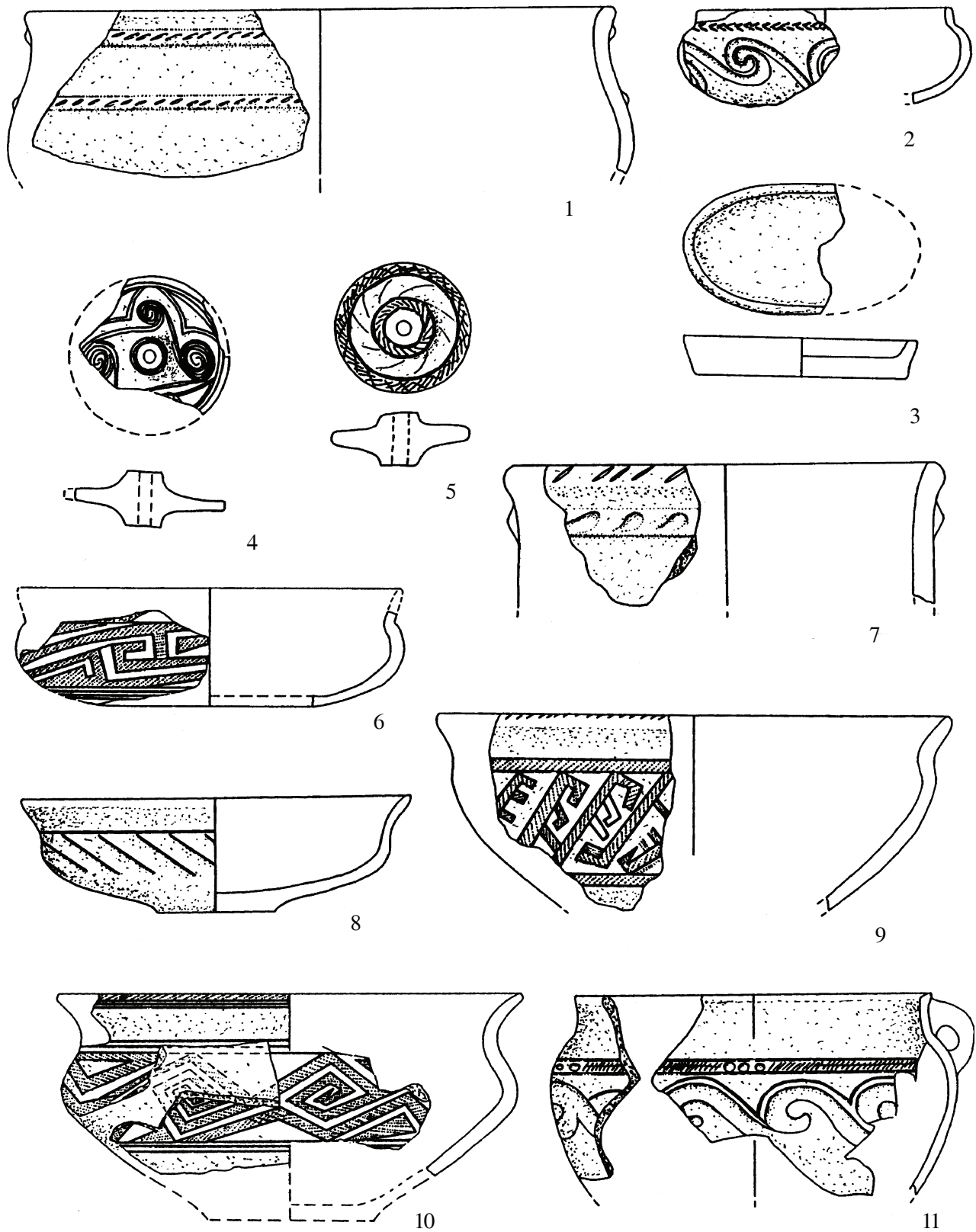

Рис. 151. Культура Витенберг. 1 – Ктеа; 2, 7 – Петреитши де Сус; 3 – Дершида; 4, 5 – Диндеитти; 6 – Медишии “Байа де нисит”; 8 – Окна Сибиулуи “Деалул трестией”; 9 – Пояйна “Интре пиетрии”; 10 – Ливезиле “Рацшилог-Подерей”; 11 – Оарта де Жос.

противоречат и сиро-анатолийская локализация иранцев, мигрировавших в Среднюю Азию и Зауралье, с которыми греки были соседями, а также наличие греко-картвельских изоглосс. На подобную локализацию указывает и возможность сопоставления микенских материалов с триалетскими, а также предложенное выше движение ахейских греков из Восточной Анатолии. Однако в случае подобной локализации все лингвистические и культурные параллели с картвелами вовсе не обязательно будет объяснять миграцией через Кавказ.

Кроме того, есть основания полагать, что существовал промежуточный пункт оседания микенских греков прежде чем они попали в Грецию, и подобным промежуточным пунктом была Трансильвания, на что указывают последующие тесные связи микенцев с этим регионом. Изделия, сопоставимые с микенскими, здесь встречаются с горизонта Апа-Хайдушамшон, поэтому этот регион, в принципе, может быть рассмотрен в качестве исходного [Lichardus, Vladar, 1996, S. 26].

Существуют три основных региона концентрации рапир микенского типа. Помимо уже упомянутого Закавказья и материковой Греции, подобные рапиры широко представлены в Трансильвании. При этом рапиры последнего региона отличаются от микенских рядом черт, что указывает на их местное производство. Отдельные рапиры обнаружены и в Болгарии, но это объясняется торговлей, на что указывают находки позднемикенской посуды и каменных якорей вдоль побережья [Lichardus, Vladar, 1996, S. 37, 38]. Другими объединяющими чертами является распространение мечей, колесниц, золотых изделий (видимо, трансильванского происхождения), спиральных орнаментов, кинжалов, моделей колесниц, янтаря и сбруи, включая костяные диско-видные псалии. Присутствуют здесь и изделия центральноевропейских типов, например кинжалы с треугольным клинком. [Kilian, 1986, p. 150; Diamant, 1986, p. 156, 157; Vulpe, 1995a, p. 26; Bona, 1975, S. 172-175; Lichardus, Vladar, 1996, S. 28, 34, 46]. Поэтому не исключено, что связи Микен с Центральной Европой и Прибалтикой осуществлялись именно через этот регион. Примечательно и то, что между Грецией и Трансильванией подобные находки являются, скорее, исключением.

Наиболее приемлемой культурой, для отождествления ее с греками в этом регионе, является Витенберг (рис. 151). Традиционно она датировалась с середины XVIII в. до н.э. по 1200 г. до н.э., в рамках среднеевропейских стадий от VzA2 до VzD. Для этой культуры характерны кремации в урнах и без урн, что неизвестно в соседних культурах, соответствующих ранней стадии Витенберга, хотя встречаются и скорченные погребения. Источник кремаций не вполне ясен. В предшествующее время подобный обряд зафиксирован в располагавшейся к северо-западу культуре Хатван. Однако в сменившей ее Отомани кремации не известны [Boroffka, 1994, S. 6, 7, 106-110]. Для керамики характерны меандровидные узоры, волна, рельефная, в том числе валиковая орнаментация. Примечательно, что рельефная орнаментация с этого времени появляется и в культуре Монтеору, со стадии Ic2, синхронной ранней стадии A1 Витенберга [Boroffka, 1994, S. 7, 212, 286; Zaharia, 1995, p. 199]. Не исключено, что появление рельефной орнаментации было связано с КМК. Контакты с ней этого времени подтверждаются многими параллелями, в том числе обнаружением топора костромского типа в ранней фазе периода Монтеору Ic3 [Lichardus, Vladar, 1996, S. 46]. Природа рельефной орнаментации этих культур, вероятно, та же, что и у КМК, для которой мы предполагали ее происхождение из районов Закавказья. Там же могут быть корни орнаментов в виде волны или меандров. Меандры керамики Витенберга, во всяком случае, довольно близки куро-аракским. И.Бона предполагает местное происхождение форм посуды Витенберг из культуры Котофени, а орнаменты и кремации он склонен выводить из культуры Цог [Bona, 1975, S. 177]. Однако последняя культура отделена от Витенберга значительным хронологическим промежутком.

В этот период, например, в Карпатах появляются подвески из раковин, распространенных только в Малой Азии и на Кавказе. Существуют многочисленные связи и с культурами типа Синташта, Абашево, Петровка, но по тем признакам, которые известны и в Восточной Анатолии и Северной Месопотамии [Lichardus, Vladar, 1996, S. 27, 28]. Необходимо отметить, что в это время от Трансильвании и до Паннонии распространяется целая серия культур со спиральными орнаментами. Время их формирования соответствует

концу РБВ этого региона и началу СБВ. Если связывать эти культуры к среднеевропейской хронологической системе, то появление спиральной орнаментации будет соответствовать ступени VzA2 (Ототани I) [Lichardus, Vladar, 1996, S. 29, 30]. Это позже формирования КМК и Синташты.

Эти культуры (Шорег, Ототани, Тей, Монтеору, Ваттина, Вербичоара), имеют параллели на Балканах и в Анатолии, что рассматривается как непосредственное влияние из данных регионов [Bona, 1975, S. 179]. Для Ототани характерны спиральные орнаменты. Ранняя стадия культуры (Ототани) датируется временем РБВ III, а поздняя (Фюзешабонь) – СБВ [Bona, 1975, S. 104-120, 126-131]. На поздней стадии этой культуры (Гиялаванд, Фюзешабонь) распространены телли, состоящие из двух частей – деревни и акрополя. Эти телли окружены рвом и палисадом, обмазанным глиной. Дома обычно небольших размеров, не сблокированы, но в акрополе преобладают правильные планировки [Bona, 1975, S. 124, 125, 146, 147]. Для культуры характерны определенные связи как с Микенами и Трансильванией (балканские топоры, микенские мечи, золотые украшения), так и с сейминской металлообработкой (появление копий с гладкой втулкой) [Bona, 1975, S. 134, 135, 156]. И. Бона полагает, что корни этой культуры следует искать в балканско-анатолийском регионе, хотя определить более точно довольно трудно. Не исключено влияние северо-восточных Балкан, в частности Котофени [Bona, 1975, S. 140].

Другой культурой СБВ, в которой проявляются влияния Балкан и Анатолии, является Кантарас. Анатолийские влияния в ней даже более выражены, в особенности влияние Западной Анатолии [Bona, 1975, S. 179, 188, 189]. Связи с Микенами в этих культурах слабее, чем в культуре Витенберг, однако, не исключено, что они формировались под воздействием одних импульсов.

Таким образом, хотя мы и не понимаем пока конкретных механизмов данного явления, можно предполагать, что в начале стадии, соответствующей среднеевропейской A2 к северу от Балканского полуострова формируется блок культур, происхождение которого было связано с движением популяций с территории Анатолии и Северо-Восточных Балкан. Они впитали в себя местные компоненты, и, вероятно, носители части этих культур сохранили и местный язык. Несколь-

ко ранее, в рамках стадии A1, с территории Закавказья в Северное Причерноморье проникает иная популяция, что ведет к формированию раннего КМК. Эта популяция имеет тенденцию к дальнейшему продвижению в Среднюю Европу и Северо-восточную Италию, хотя значительная ее часть оседает в Причерноморье. В период, непосредственно предшествовавший времени шахтных гробниц, здесь распространяются так называемые микенские орнаменты. Источник их не вполне ясен. Более вероятно их распространение из Карпатского бассейна, хотя полностью исключить повторный анатолийский импульс нельзя. Однако его вероятность не столь велика, так как иные анатолийские проявления здесь не просматриваются. Кроме того, вектор направленности распространения этих орнаментов явно восточный. Они появляются даже в Приуралье и Поволжье, где иные признаки либо анатолийских, либо карпатских импульсов отсутствуют. Все это заставляет предполагать, что греки через Северное Причерноморье все же не двигались и к КМК они отношения не имеют. Кроме того, носители этой культуры распространяются довольно далеко в Среднюю Европу, сменяя в некоторых регионах прежние шнуровые культуры и культуру колоколовидных кубков. Они были частью того местного субстрата, на который накладываются племена древних европейцев. В главе 4 предыдущего раздела было предложено отождествление их с венетами. С учетом их тесных контактов с древними европейцами, оно пока более предпочтительно, чем отождествление с греками. Кроме того, как уже ранее отмечалось, присутствие венетов в Северном Причерноморье фиксируют античные источники, что соответствует распространенности здесь КМК. В этом случае, с греками предпочтительней связывать культуру Витенберг, и не исключено, что какие-то иные культуры со спиральной орнаментацией, хотя носители большинства из них говорили, все же, на фракийском языке. Культурная близость, в данном случае, была обусловлена чрезвычайно тесными контактами этих популяций.

Движение микенских греков на юг было стимулировано, возможно, активностью древних европейцев в прилегающих регионах. Поэтому часть популяции двигается на юг, в результате чего оформляется микенский диалект греческого, носители которого начинают взаимодействовать

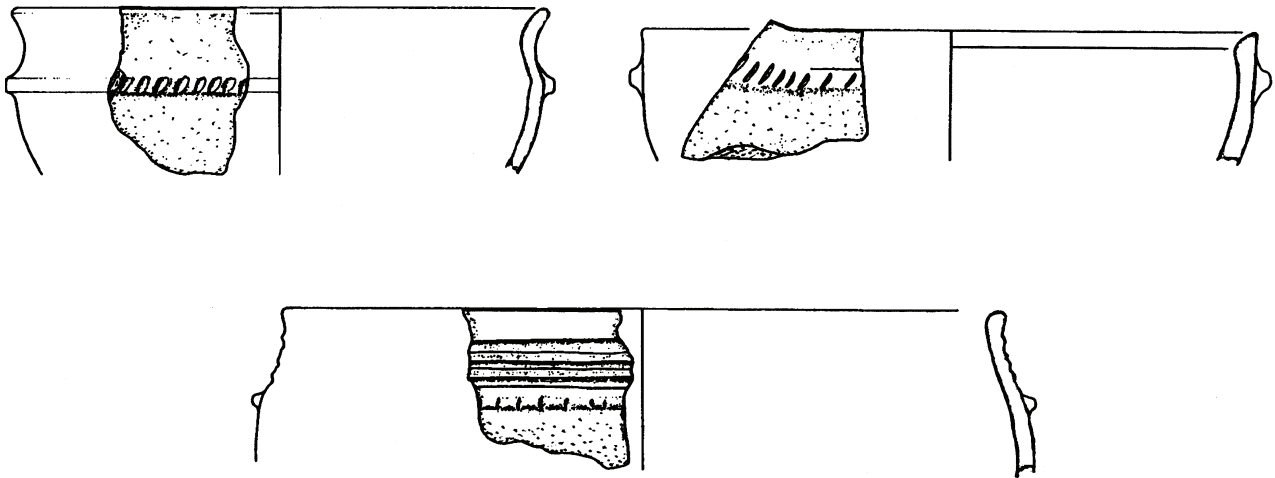

Рис. 152. Валиковая керамика в Греции (Тириф).

в языковом и культурном плане с представителями более ранней греческой волны. Другая часть остается на месте.

На последующей стадии В культура Витенберг, видимо, вступает в соприкосновение с древнеевропейскими популяциями, что отражается в появлении таких изделий, как кельты и однолезвийные ножи [см. *Boroffka, 1994a*]. На ее чертах этот контакт отразился достаточно слабо, поскольку обряд кремации был характерен и для более ранней фазы. Но признаком этого контакта может быть и появление каннелюр, что синхронно происходит во многих регионах Европы [*Boroffka, 199, S. 7*]. Наконец, не исключено, что часть форм посуды с валиком, а именно крупные баночные формы с валиком в верхней части, тоже может отражать данный контакт.

В связи с вышеизложенным, подобная локализация первоначально микенских, а затем дорийских греков, представляется наиболее предпочтительной. Их движению на юг около 1200 г. до н. вполне соответствует и конечная дата культуры Витенберг. В это время на ее месте распространяется культура Ноуа. На финальной стадии культуры Витенберг сохраняется лишь в западной части своего первоначального ареала [*Florescu, 1995; Vulpe, 1995a, p. 201; Boroffka, 1995, p. 281*]. Поэтому не исключено, что, хотя миграции этого периода и были спровоцированы активизацией культуры полей погребальных урн, носители которой говорили на древнеевропейских языках, окончательным толчком к движению на юг дорийских греков стало наступление фракийцев, если, конечно, они не заняли уже опустевшие территории.

Последним циклом греческой миграции было вторжение около 1200 г. до н.э. дорийцев. В это время происходит разрушение микенских дворцов. В греческой материальной культуре следы этого вторжения весьма немногочисленны, хотя в масштабности его сомневаться не приходится. Предполагается, что это вторжение не было неожиданным. В Тирифе в слое периода ПЭ ШВ (ранний) зафиксированы перестройки укреплений. Вскоре после этого, в период ПЭ ШВ (средний) происходит катастрофа. Удар, тем не менее, был настолько силен, что количество населения катастрофически сократилось. В Мессении было покинуто 90% поселений периода ПЭ Ш. Но волна пришельцев прокатилась по всей Греции. С этим вторжением в Грецию привносятся геометрические орнаменты, металлургия железа, длинные мечи, дротики, обряд кремации. Появляется валиковая лепная посуда, более ранние аналоги которой известны в Восточной и Центральной Европе. Примечательно, что с периода ПЭ ШС появляются уже гончарные аналоги этой посуды (рис. 152) [*Drews, 1993, p. 25, 26, 63; Kilian, 1986, p. 127, 134, fig. 1, 6; Popham, 1998, p. 277-285*]. Выше уже указывалось на присутствие подобной посуды в комплексах культуры Витенберг и на распространенность в ней обряда кремации. Все это вместе подкрепляет изложенные ранее доводы в пользу возможности отождествления этой культуры с греками.

Успех этого вторжения был обеспечен достижениями в вооружении, которых добились в предшествующее время народы Центральной Европы. Тяжелыми дротиками можно было очень

эффективно истреблять лошадей, запряженных в боевые колесницы, что ликвидировало все преимущества микенцев. В более позднее время использование дротиков воинами Александра Македонского при Гавгамелах не позволило пробиться ни одной колеснице персов. Не было у микенцев и другого эффективного оружия – длинных мечей и пик [Drews, 1993, p. 180-182]. Однако применение длинных мечей в пешем бою менее эффективно, чем в конном. Следует отметить, что хронологически распространение этого вида оружия и кавалерии совпадает. Последняя начинает повсеместно распространяться с XI в. до н.э., что не исключает более раннего эпизодического использования верховых лошадей в сражениях [Hood, 1979, p. 92]. Обсуждая миграцию древних европейцев, мы говорили, что использование верховой лошади в военном деле они привнесли в степь с Ближнего Востока. Поскольку, по-видимому, именно их активность в Центральной Европе стимулировала дорийское вторжение, можно допускать, что именно от них дорийцы восприняли этот способ боевых действий вместе с новым набором вооружения. Эти военные факторы и определили, в конечном счете, успех дорийского вторжения и привели к наступлению “темных веков” греческой истории.

Далее этот миграционный поток направляется в Азию. В нем участвовали, наряду с прочими, шардана и шекелеш, достигшие впоследствии Сардинии и Сицилии. Не исключено, хотя и довольно сомнительно, участие в этом движении этрусков [Popham, 1998, p. 287].

По мнению Е. Цангера, эти процессы были намного сложнее, будучи связаны с Троянской войной. В начале этого периода сформировалось два крупных военно-политических союза. Во главе первого стояло государство Ахийява со столицей в Трое. В него входили также Фракия и Ликия. Во второй союз входили микенская Греция и Крит. Он считает, что укрепление городов в Греции было связано именно с этим, а движение народов моря было частью этой борьбы. После падения Трои греки возвращаются на родину, но длительная война привела к ослаблению их мощи, что и способствовало дорийскому вторжению [Zanger, 1994]. Надо отметить, что данная концепция изложена достаточно убедительно, но некоторые ее детали вызывают сомнение. В частности, рассмотрение движения народов моря в качестве части

Троянской войны. Это обусловлено предложенной датировкой падения Трои – 1186 г. до н.э. [Zanger, 1994, S. 247]. Поскольку действия народов моря датируются концом XIII в. до н.э., они и рассматриваются подобным образом. Однако, во-первых, все ближневосточные даты имеют определенные погрешности, в особенности попытки датировать падение Трои, о чем в источниках нет прямых указаний. Поэтому не исключено, что ослабление Западной Анатолии и материковой Греции было обусловлено продолжительной борьбой, но дальнейшие миграции были стимулированы, по-видимому, все же дорийским нашествием.

Оно вызвало миграционную волну далее в Анатолию, где большинство городов разрушено в XII в. до н.э. пожарами. Эти разрушения зафиксированы в Трое VIIh и Трое VIIa, в городах излучины Галиса. То же наблюдается на Кипре в конце периода позднекиприотский II, в Угарите и в Палестине. Египет испытывает колоссальное давление из Ханаана [Drews, 1993, p. 8-21]. Это вторжение могло быть подготовлено внутренней нестабильностью в Анатолии. В XIII в. до н.э. происходят нападения касков на Хатуссу, что стимулировало ослабление хеттской державы [Zanger, 1994, S. 184].

Во введении к этой работе говорилось, что, исследуя процессы миграций и этнических контактов, следует принимать во внимание не столько материал, сколько процессы. Этот период в Греции очень показателен для понимания механизмов культурных трансформаций и хорошо иллюстрирует данное положение. У нас нет никаких сомнений в том, что в это время в Грецию пришли дорийские племена. Тем не менее, основные вновь привнесенные черты более свойственны культурам Центральной Европы, в частности, культуре полей погребальных урн, которая стимулировала эти потрясения. Однако нам и в голову не придет пытаться отождествлять носителей этой культуры с дорийскими греками. Вероятно, их активность вытолкнула дорийцев с занимаемой прежде территории, которую следует локализовать, согласно традиции, к северу от Балкан. Наиболее приемлемым районом для подобной локализации является Трансильвания.

В заключение обратимся к лингвистическим материалам, чтобы убедиться в правомерности предлагаемой реконструкции. По мнению Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, обосновываю-

щих малоазийское происхождение протогреческого, выделение дорийского диалекта могло произойти уже на территории Малой Азии. Однако они не исключают и несколько более его позднего выделения на Балканах, поскольку дорийский диалект очень близок микенскому. При этом микенский диалект ближе к восточно-греческим диалектам (аркадо-кипрским, ионийским, эолийским), в то время как дорийский сохраняет архаичные черты [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 864, 900, 957]. Подобной лингвистической ситуации вполне соответствует предлагаемая здесь модель трех греческих миграций на территорию материковой Греции. Первая миграция осуществлялась носителями восточно-греческих диалектов на рубеже РЭ II и РЭ III с территории Анатолии. Другая волна греков продвигается либо через Балканы, либо через Северное Причерноморье в Трансильванию, оказывая влияние на трансформацию КМК (если действительно допускать существование ранних комплексов КМК и более поздних, несущих черты микенской культуры). Часть этой популяции проникает на территорию Греции и начинает взаимодей-

ствовать с носителями восточно-греческих диалектов, что вызывает определенное сближение микенского диалекта с ними. Другая часть остается в Трансильвании, осуществляя лишь дистанционные торговые контакты с микенцами, что и способствовало сохранению архаичности дорийского диалекта. Впоследствии под давлением древнеевропейских популяций Центральной Европы это население проникает в Грецию.

Значительные анклавы сохраняются, судя по всему, и на миграционных путях греков в Анатолии и по восточному побережью Черного моря. О последних сведения довольно ограничены, а первые прекрасно отражены в письменных источниках (Ахийява). При этом Е. Цангер и Дж. Маккин полагают, что население Ахийявы говорило на эолийском диалекте, распространенном впоследствии в Анатолии, и что греческая традиция, утверждающая их появление в “темные века”, не права. Дополнительным аргументом к этому является сохранение гончарных традиций в этом регионе [Zanger, 1994, S. 48; Macqeen, 1968, p. 185].

Глава 4.

Индоевропейцы на Ближнем Востоке

4.1. Индоевропейцы в письменных источниках Ближнего Востока

Приведенное выше описание миграций различных индоевропейских народов позволяет локализовать прародину индоевропейцев на Ближнем Востоке, в районах Северной Месопотамии, Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана. Поэтому они должны были, безусловно, попасть в поле зрения письменных источников. Здесь мы остановимся лишь на отдельных фактах, маркирующих индоевропейское присутствие в регионе, с той лишь целью, чтобы показать принципиальную возможность подобного исследования и не допустить голословных утверждений о том, что таких фактов нет. При этом необходимо иметь в виду, что источники по интересующему нас региону немногочисленны, а для III тыс. до н.э. они почти отсутствуют. К тому же упоминаемые в них племена трудно связать с какой-то этнической группой по многим причинам, которых мы ниже коснемся. Но иногда это все же удается сделать. Примером подобного успеха является отождествление тохар с “тукри” и “гутиями” (“кутиями”), локализованными в Западном Иране [Гамкрелидзе, Иванов, 1989]. Это объясняет тохарские миграции в восточном направлении. Проходят они во второй половине III тыс. до н.э., но часть популяций остается на Ближнем Востоке. Основным районом расселения гутиев был, по видимому, бассейн Малого Заба, а тукри – Северный Загрос к западу от Хамадана [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 15, 18, 23]. При этом нельзя исключать возможность значительных перемещений в пределах этого региона вследствие какого-либо обострения политической ситуации. Возможно часть тохарских миграций была обусловлена завоеванием Саргоном Кутиума в XXIV в. до н.э.

или несколько более поздним походом Нарам-Сина [Юсифов, 1987, с. 24; Potts, 1994, р. 111, 112]. После упадка саргонской династии начинается инвазия кутиев в Месопотамию, где появляются кутийские династии. Вероятно, этот процесс не был всеохватывающим. Они временно захватывали власть в отдельных городах, занимались мародерством [Potts, 1994, р. 119-121]. Все эти события могли привести к этническим перемещениям в Ванско-Урмийском регионе. Поэтому не вполне понятно соотношение кутиев и тукри с другими проживавшими здесь народами – луллубеями и су [Юсифов, 1987, с. 33, 38]. Луллубеи (Лулуби) населяли страну Лулубум. Ее локализация на конец III – начало II тыс. до н.э. определяется по плите с надписью Анубанини “Анубанини, могучий царь, царь Лулубума”, обнаруженной в районе Сарполи-и Зохаб, в 140 км к западу от Керманшаха [Potts, 1994, р. 21]. Шимашки (Су), располагались к северу от Элама и Луристана до Каспийского моря [Potts, 1994, р. 34]. В настоящее время этническая принадлежность этой популяции не ясна, но источники отделяют их от хурритов, живших рядом с ними и приходивших в Месопотамию тоже из региона к востоку от Тигра [Gadd, 1971a, р. 624, 625]. Не исключено, что за последними скрываются древнеевропейские популяции¹. Возможно, прояснению вопроса будет способствовать изучение, так называемых “банановых” имен, не относящихся к шу-

¹ В этой связи интересна информация, которую приводит Леви. На стеле Набонида упомянут город Балтила в стране Субир, основанный как временная резиденция Набонидов. Как потомок ассирийской царской фамилии он прекрасно знал традицию и, следовательно, в стране Субир столица называлась Балтила. При этом первые ассирийские цари (жившие, по описаниям, “в шатрах”) пришли в Ассирию из районов более поздней Мидии. Ассирийские армии в южномесопотамских источниках назывались “воинство Субарту”. Сами ассирийцы называли себя так в астрологических текстах вавилонского происхождения. Поэтому Леви делает вывод об их приходе из этой страны, полагая, впрочем, что это хурриты [Lewy, 1971a, р. 732, 733, 743-745]. Однако возможное индоевропейское происхождение многих топонимов обычно даже не рассматривается.

мерскому, эламскому, касситскому или семитскому языкам и рассматриваемых как принадлежащие коренному населению Северной Месопотамии [Джаракян, 1994, с. 4, 5, 8]. Собственно, и этническая принадлежность касситов не вполне ясна. Для Вавилонии это компонент северный. Предполагается, что это не-индоевропейские группы, пришедшие в Месопотамию из Прикаспия через Луристан [Hrouda, 1971, р. 184, 185]. В этой связи интересны сведения о стране Кассия, расположенной к западу от низовьев реки Галис на севере Анатолии [Macqeen, 1968, р. 174]. Не исключено, что касситы появляются именно из этого региона. Подобное расположение этой страны позволяет предполагать все же их северокавказскую принадлежность.

Многое неясно и с первичной локализацией различных арийских групп, однако сведения о них в источниках начинают появляться со второй половины III тыс. до н.э. Они касаются, прежде всего, Сиро-Киликии и Палестины, из чего вовсе не следует делать вывод о том, что этногенез ариев проходил именно здесь. Не исключено, что зоной их первичной локализации был Северный Иран, поскольку с IV по II тыс. до н.э. культурная ситуация в Восточном Средиземноморье менялась неоднократно. Мы уже видели, что распространение индо-ариев в Восточном Средиземноморье, Северном Причерноморье и на Индийском субконтиненте было связано с культурами Юго-восточного Прикаспия. Вместе с тем все первичные миграции иранцев фиксируются из районов Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии. Поэтому необходимо искать следы их проникновения в эту зону, которое привело к выделению иранских языков. Не исключено, что это можно проследить на материалах Коручутепе времени конца энеолита – перехода к РБВ, когда в Анатолии появляются первые гробницы, имеющие деревянные перекрытия. Это поселение стало использоваться в качестве могильника. Посуда этого памятника имеет параллели в серой керамике Ирана (Тюрентепе) [Yakar, 1984, р. 67]. В рамках калиброванных радиоуглеродных дат эти материалы датируются от 4350 по 3950 гг. до н.э. [Easton, 1976, р. 150].

Индоевропейцы проникают на север Сирии во второй половине IV тыс. до н.э. (Амук F), когда здесь появляется керамика раннемайкопского типа. Любопытно, что именно для этого периода характерно распространение мышьяковых бронз

с высоким содержанием никеля, что свойственно также майкопскому металлу [Yakar, 1984, р. 69]. Не исключено также, что распространение здесь в первой половине IV тыс. до н.э. (Амук E) культуры Северо-Западного Убейда может быть тоже связано с какими-то индоевропейскими группами¹.

В следующей фазе (Амук G), приходящейся на конец IV – начало III тыс. до н.э., в этот район вторгаются, вероятно, семитские племена. Этот период знаменуется, как мы уже отмечали ранее, и шумерской экспансией вверх по Евфрату. Все это могло вести к вытеснению индоевропейцев из этих регионов. Но уже на фазы Амук H и I (начало III – третья четверть III тыс. до н.э.)² приходится распространение лощеной керамики, близкой куроаракской Закавказья и кирбет-керакской Палестины. Последняя распространяется вплоть до границ Египта. Самой южной точкой, где была обнаружена подобная керамика, является поселение Телль Нагила. Появление этой керамики все исследователи связывают с Закавказьем и Восточной Анатолией. В начале III тыс. до н.э. в Восточной Анатолии (Арслантепе) действительно фиксируются значительные связи с Кавказом [Conti, Persiani, 1993, р. 405]. Но в целом восточно-анатолийские материалы несколько отличны. Близкие материалы есть лишь на памятниках Северо-восточной Анатолии. Связи с Кавказом, фиксируемые на Арслантепе отражают, по всей вероятности, процесс смещения популяций куроаракской общности в южном направлении. Параллельно на юг проникает металл анатолийских и закавказских типов: кинжалы с отверстиями для крепления рукояти, копьё с крючком на конце черешка, плоские тесла. Некоторые изделия имеют повышенное содержание никеля [Ben-Tor, 1992a, р. 109-115]. Последнее, как мы помним, было присуще и майкопскому металлокомплексу, привнесенному на Северный Кавказ из районов Восточной Анатолии или Северной Сирии. Наконец, немаловажным представляется то обстоятельство, что в начале РБВ в Палестине распространяются оборонительные укрепления. На посе-

¹ В настоящее время применение радиоуглеродных калиброванных дат позволило датировать эту фазу V тыс. до н.э. [Schwartz, Weiss, 1992, р. 231].

² В соответствии с калиброванными радиоуглеродными датами эти фазы датируются соответственно 2900-2400 гг. до н.э. и 2400-2250 гг. до н.э. [Schwartz, Weiss, 1992, р. 236, 237].

лении Кирбет Керак оборонительные стены состояли из двух кладок с внутренним заполнением, что было свойственно анатолийской архитектурной традиции [Vaux, 1971, p. 215].

Количество этих параллелей столь внушительно, что северное происхождение этих популяций уже давно общепринято. Историческое название их “Ханааниты” ни о чем не говорит, поскольку является названием местности. Предполагается, что это семиты, жившие здесь до появления амореев, что подтверждается топонимами и словами в египетских текстах [Vaux, 1971, p. 233-237]. Однако данный вывод противоречит наличию анатолийско-закавказских корней у этого народа.

Этот процесс мы склонны связывать с новым проникновением в регион индоевропейцев, которые сохраняются здесь достаточно долго, несмотря на формирование около середины III тыс. до н.э. ряда семитских государств – Мари, Угарита и Эблы. Это проникновение исходило из Восточной Анатолии и охватило не только Палестину.

По всей вероятности, кирбет-керакскую посуду, все же, нельзя связывать с хурритами, так как последние проникают в Сирию лишь во II тыс. до н.э., когда занимают все пространство от Сирии до Загроса. Более соответствует им палестинская бихромная и хабурская посуда [Вильгельм, 1992, с. 28; Mallory, 1989, p. 39].

Проникновение семитов в Северо-Западную Сирию маркируется появлением здесь культуры сирийских кубков, датируемой второй половиной III тыс. до н.э. [Сулейман, 1982]. Сформировавшиеся государства не контролировали большой территории. Примером может служить государство Мари, вытянувшееся вдоль Евфрата на несколько сот километров. Но по обе стороны реки оно простиралось лишь на 15 км. Далее же была сфера влияния скотоводческих племен [Margeron, 1985, p. 99]. Обычно эти народы фигурируют в источниках под названием “амореи”. Термин этот не несет этнической нагрузки и обозначает лишь их западное положение относительно государств Двуречья¹ [История Древнего ..., 1988, с. 22].

¹ Не исключено, впрочем, что за этим термином скрывается все же этноним, адаптированный месопотамскими источниками. На это предположение наводит созвучие терминов *Amurru* и *Gamir*, с которой связывали ираноязычных киммерийцев и скифов. Однако вполне возможно, что это лишь созвучие.

Впервые амореи упоминаются в Месопотамских источниках в период династии Агада. Вероятно, зона их действий была достаточно широкой, поскольку в это время был сожжен Библ, прекратились морские экспедиции египтян в Ливан, начинаются вторжения азиатов в дельту Египта, наступает первый Промежуточный период (7-10 династии), начало которого описано Ипувером [Vaux, 1971, p. 237; Posener, 1971, p. 532, 533]. В Палестине археологически фиксируется запустение старых центров, за исключением Меггидо. На некоторых поселениях (Библ) фиксируется постепенная адаптация пришельцев к городской жизни. Наступает Промежуточный период между РБ и СБ. Характерные для РБВ гробницы с многочисленными захоронениями исчезают. На смену им приходят единичные захоронения. Довольно много находок оружия. На памятниках появляется множество египетских вещей, которые отражают последующие проникновения в Египет. Археологические параллели указывают на приход этих популяций с севера. При этом среди имен много семитских, но много и не идентифицированных [Kenyon, 1971, p. 567-594]. Северные истоки пришельцев, все же, не позволяют рассматривать их в качестве семитов, хотя, безусловно, и то, что семиты были вовлечены впоследствии в эти процессы.

С множеством проблем пришлось столкнуться и правителям Месопотамии. Амореи захватывали власть в отдельных городах, боролись друг с другом и часто носили аккадские имена. Они доставляли большие неприятности аккадским правителям, которым приходилось постоянно отражать их набеги, а в 37 год правления Шульги даже построить стену между Тигром и Евфратом, чтобы сдержать их натиск [Potts, 1994, p. 133, 134; Gadd, 1971a, p. 625-628]. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Проникновение семитских племен в Месопотамию происходило много ранее. При этом в источниках полностью отсутствуют какие-либо упоминания об их вражде с шумерами. В противоположность этому амореи представлены как постоянные и непримиримые враги [Gadd, 1971, p. 446]. Не исключено, что это отражает иную этническую принадлежность амореев. Вместе с тем, наиболее вероятно, все же, их полиэтничность. Зафиксированные источниками имена амореев, чаще семитские, но среди них встречаются не-семитские, не-шумерс-

кие и не-хурритские. Язык этих имен неизвестен [Bottero, 1971, p. 564, 565].

Следует подчеркнуть, что амореи были не только скотоводами, но и земледельцами [Йоффи, 1989]. Аналогичным образом, в египетских источниках термин “Аму” (вероятно, амореи) применялся как к кочевникам, так и к земледельцам [Posener, 1971, p. 534]. По-видимому, за этим термином могут скрываться племена, говорившие на языках различных групп: хурриты, семиты и индоевропейцы. Хурритское присутствие в Северной Месопотамии уже в III тыс. до н.э. несомненно. Не исключено, что первоначально они упоминаются под этнонимом “хана”. Впоследствии, с XVII в. до н.э. заселенная хурритами страна называлась “Ханигальбат” [Дьяконов, 1970, с. 60]. При этом исследователи отмечают очень раннее и глубокое знакомство хурритов с ариями [Аветисян, 1978, с. 4]. Уже в III тыс. до н.э. среди хурритских имен встречаются индоиранские [Горелик, 1988, с. 200]. Но на арийское присутствие в регионе указывают не только данные ономастики. Существуют более поздние источники, косвенно свидетельствующие в пользу возможности отождествления индоиранцев и амореев. В письме астролога Аккуллана Ашшурбанипалу, датированном 657 г. до н.э., царь Амурру отождествляется с ираноязычными киммерийцами. Причем, наиболее часто в поздних текстах под страной Амурру понимали Сирию и Палестину, хотя термин был достаточно широк [Иванчик, 1996, с. 104, 105].

В эпических песнях времени Саргона Древнего и Нарам-Сина (конец XXV – XXIII вв. до н.э.) встречаются упоминания о “воинстве Манда” (Умман Манда) [История Древнего Востока, 1988, с. 130, 131]. В этом названии угадывается арийский термин “мандала”, под которым, наряду с иными значениями, понимались “народ” и “страна”. Помимо Южной Месопотамии экспансия представителей Аккадской династии была направлена и на север, в страну Пурушханда, в районы Среднего течения Евфрата, где этот народ и следует локализовать [Заблоцка, 1989, с. 110, 114; Drower, 1971, p. 324-326; Gadd, 1971, p. 421-441]. Затем “воинство Манда” фигурирует в документах Хаттусили I (конец XII в. до н.э.), в описаниях его походов, предпринятых в районы к юго-востоку от Тавра, вплоть до Северо-Западной Сирии. Очень важно и то, что впоследствии это

название употребляется в отношении только иранских народов: мидян, киммерийцев и скифов [История Древнего Востока, 1988, с. 130, 131; Фрай, 1993, с. 103]. Столь устойчивая традиция, отраженная, тем более, в разных группах источников – хеттских и месопотамских, позволяет предположить, что речь идет о собственном арийском названии страны. В этой связи следует вспомнить размышления по этому поводу Р. Дрюса, который полагает, что “воинство Манда” следует понимать как “воинство из Манда” и указывает на возможные варианты локализации этой страны – в стране Мана, к юго-востоку от Урмии, и в Каппадокии [Drews, 1988, p. 227]. Однако последняя локализация не имеет под собой прочных оснований, а первая базируется на более поздних ассирийских источниках, фиксируя область расселения мидийцев. Поэтому я склоняюсь к тому, что страна с таким названием находилась в эпоху бронзы в районе среднего течения Евфрата. Это подкрепляется ссылкой Дрюса на хеттский “текст Зукраши”, где упоминается вождь Умман Манда, находившийся во второй половине XVII в. до н.э. на службе у принца Аллепо. При этом, по мнению Дрюса, имя этого вождя (Za-a-lu-ti) имеет индоиранскую этимологию [Drews, 1988, p. 227].

Появление этого названия хронологически совпадает с распространением обряда катакомбных захоронений, корни которого следует искать, по-видимому, в Юго-Восточном Прикаспии, в тех культурах, связь которых с индо-ариями наиболее предпочтительна.

Индоарийские имена встречаются среди имен правителей Сирии и Палестины. Иногда они искажены, но объясняется это слабой грамотностью писцов в разноэтничной среде [Вильгельм, 1992, с. 46]. Некоторые авторы полагают даже, что в Леванте индоиранцы были доминирующим меньшинством, будучи ассимилированы лишь к началу XIV в. до н.э. [Drews, 1988, p. 60-63].

Широко известно индоарийское присутствие в царстве Митанни. Предполагается, что хурриты были не слишком воинственны и были вынуждены прибегать к помощи соседей-скотоводов. Иногда это заканчивалось приходом к власти пастушеских вождей [Заблоцка, 1989, с. 197]. Арийская колесничная лексика у хурритов, зафиксированная текстом из Богазкёя, как будто подтверждает эту гипотезу [Кузьмина, 1994, с. 189]. Однако суще-

ствуют и иные свидетельства арийского присутствия. Для Митанни известно много арийских имен и иных слов. В договоре 1370 г. до н.э. между царем Митанни Шаттивазой и хеттским царем Суппилулиумасом упоминаются арийские боги: Митра, Варуна и Индра. Важно отметить, что многие имена правителей являются, по-видимому, арийскими [Фрай, 1993, с. 42, 43].

Для митаннийского времени утвердилось и другое мнение, утверждающее, что государство Митанни было чисто хурритским и арийские языковые следы в хурритском остались от уже “мертвого” в этом регионе языка [Дьяконов, 1970, с. 28]. Этому противоречат источники из Аррапхи XIV в. до н.э., описывающие бегство в это царство из Митанни Агит Тешуба с большой группой колесничих. Среди их имен встречаются и арийские [Янковская, 1979, с. 28]. Однако, как бы мы ни относились к присутствию на Ближнем Востоке ариев в митаннийское время, арийские глоссы в хурритском позволяют однозначно говорить о контактах, по меньшей мере, с начала II тыс. до н.э. В это же время арии контактируют с касситами, в языке которых зафиксированы отдельные арийские заимствования [Грантовский, 1970, с. 352; Hrouda, 1971, p. 185].

В датируемых началом II тыс. до н.э. текстах преобладают семитские имена, что позволяет предполагать, что в это время в Сирии и Палестине жили семиты. Однако анализ топонимики позволяет сделать другие выводы. На юге Сирии топонимы, преимущественно, семитские, хотя и не все. К северу их количество уменьшается. В Северной Сирии семиты были поздними пришельцами, и большинство поселений имеет несемитские названия. В списках из Алалаха, где фигурирует 300 городов и деревень, только 4 имеют семитские названия, а несколько – хурритские. Остальные названия происходят из незнакомого языка. В табличках из Угарита большинство поселений семитские, но название самого Угарита, видимо, несемитское. Вероятно, население Сирии было в этот период смешанным [Drower, 1971, p. 320, 321; Bottero, 1971, p. 566].

Другая волна из Сиро-Палестины была связана со вторым переходным периодом, когда на исторической арене появляются гиксосы. Совершенно очевидно, что гиксосы приходят с территории Сиро-Палестины и их появление в Египте не было единовременным актом завоевания. С начала

II тыс. до н.э. в Нильской дельте, пользуясь катастрофическим упадком Египта, оседают азиатские пастушеские племена [Заблоцка, 1989, с. 177, 178]. В Телль-Мардихе обнаружена булава с рукоятью, принадлежащая фараону XII династии со странным наименованием “Сын азиата” [Маттиэ, 1985, с. 13; Скандоне-Маттиэ, 1985, с. 92, 93]. Это не единичная находка. Количество египетских вещей, попавших в этот период в Сиро-Палестину, огромно [Müller-Karpe, 1974, S. 131-134]. Сам по себе термин “гиксосы”, как и в случае с амореями, этнического характера не имеет и переводится как “властители чужеземных стран” [История Древнего Востока, 1988, с. 415].

Гиксосское вторжение имело несколько волн. Мы полагаем, что наряду с волнами западносемитскими были и индоевропейские, в первую очередь, арийские. На это нас наталкивают следующие факты. В египетской колесничной терминологии, наряду с семитской лексикой, есть и арийская [Горелик, 1988, с. 198]. В гиксосских погребениях в районе Газы обнаружены захоронения лошадей. В расположенном в районе Газы поселении Телль-Нагила, на слое разрушенных построек СБВ появляются постройки, содержащие керамику, идентичную синташтинской.

Однако и для Сиро-Палестины этот этнический компонент (вероятно иранский), который связан с синташтинской культурой, является, видимо, пришлым. Как мы указывали в главе, посвященной синташтинской керамике, керамика синташтинского типа датируется в Северной Сирии, начиная с XX-XIX вв. до н.э. Она сменяет здесь культуру кубков. В результате этих процессов состав населения Восточного Средиземноморья во II тыс. до н.э. был довольно пестрым.

Особенно перемешанным он был в Палестине, где до образования еврейского государства существовало множество разноэтничных городов-государств во главе с царями. Примечательно, что письменные источники называют в окружении этих царей “марьянну” [Шифман, 1989, с. 54], то есть для обозначения аристократии использовался тот же термин, которым обозначали арийскую колесничную аристократию у митаннийцев. Отмечаемое двоевластие на этой территории, где существовало два центра власти (царская и общинная) [Шифман, 1989, с. 54], могло быть результатом завоевания какой-либо местности

иным этносом, что вело к необходимости регулирования отношений между местной и пришлой этническими группами, между традиционным правом и формирующейся государственной властью.¹

На новый круг размышлений о присутствии индоевропейцев на Ближнем Востоке выводит нас анализ термина “апиру” или “хабиру”, который в переводе с аккадского означает “разбойники”, “грабители”. Ранее историки так буквально и рассматривали эти группы. Однако в настоящее время выяснено, что это те же популяции, которые египтяне обозначали термином “шасу” [*Богословская, 1988, с. 127*]. Анализ египетских изображений XIV-XI вв. до н.э. показал, что шасу одеты так же, как и “народы моря”, сирийцы, митаннийцы, ханаанеяне – в короткие рубашки с круглым вырезом и опоясание с кисточками на подоле. Разница присутствует лишь в головных уборах. “Народы моря” представлены, главным образом, индоевропейскими племенами: индоариями, пеласгами (филистимлянами), данайцами, ахейцами, ликийцами и сардами. Исключение составляют лишь этрусски [*Богословская, 1988, с. 128-134*]. Язык последних относится, по-видимому, к северокавказской языковой группе. Он родственен хуррито-урартским. На связь их с Ближним Востоком указывают параллели в этрусской и переднеазиатской космогонии, а также близость этрусских и урартских бронз [*Ельницкий, 1977; Иванов, 1988*]. Последнее может выступать также дополнительным этническим индикатором. На ближневосточное происхождение этрусков указывают и характерные для них приемы гадания по внутренностям животных, полету птиц и т.д. Аналогичные были распространены в Передней Азии повсеместно – у хеттов, хурритов и ряда семитских групп [*Баюн, 1998*].

Несмотря на приведенное исключение, на основании такого важного этнического показателя как одежда мы можем говорить о шасу и, соответственно, о хабиру Сиро-Палестины как об индоевропейцах.

¹ Знакомство ариев в Палестине с государственностью вовсе не дает нам возможности для аналогичного вывода в отношении Зауралья. В Палестине арии осели непосредственно со многими другими народами, уже знакомыми с институтом государства, к тому же необходимо было управлять покоренным населением и отражать натиск соседей в условиях достаточно плотного разнотнического расселения. В Зауралье обстановка была иной, что не позволило сформироваться государственности.

4.2. Индоевропейцы и Ветхий Завет

Дополнительные данные об индоевропейцах в Восточном Средиземноморье мы можем почерпнуть из Ветхого Завета, который является наиболее полным письменным источником по древней истории Палестины.

Начало этногенеза евреев связано с формированием Израильского племенного союза и выделением части западносемитских племен. Вряд ли это происходит ранее XIII в. до н.э. [*История Древнего Востока, 1988, с. 276-278*]. Однако Пятикнижие отражает более раннюю историю семитских племен. Имена Авраама, Исаака, Иакова были известны как имена амореев в документах XIX-XVIII вв. до н.э. В более поздний период они уже не встречаются [*Очерк истории..., 1990, с. 20, 21*]. Это позволяет нам датировать устную традицию библейских текстов вплоть до Книги Судей XIX(XVIII) – XII вв. до н.э., не исключая, конечно, весьма существенных позднейших переработок и редакций.

Во всех библейских перечнях народов, населяющих в это время Палестину, фигурируют хетты (Быт. 15, 21; 23; 27, 46; 36, 2; 49, 29-32; Исх. 23, 23, 28; 33, 2; 34, 11; Чис. 13, 30; Втор. 7, 1; 20, 17; Нав. 1, 4; 3, 10; 9, 1; 11, 3; 12, 8; Суд. 1, 27 и т.д.). Еще Авраам покупает у хеттов пещеру для погребения своей жены. Судя по всему, хетты жили в нагорной части страны. Население это сохраняется и сосуществует с израильянами и после завоевания последними Палестины. Не вполне ясно – есть ли основания отождествлять этот народ с собственно хеттами, но, по-видимому, мы имеем право говорить об анатолийском его происхождении, учитывая проникновение анатолийско-кавказских компонентов в материальную культуру в Сиро-Палестину в III тыс. до н.э. вместе с керамикой типа кирбет-керак. Это, в свою очередь, подтверждает присутствие хеттов в это время именно в Восточной Анатолии.

Следует заметить, что парадокс этот уже отмечался в литературе [*Герни, 1987, с. 54-58*]. При этом указывалось, что хетты и в более поздние времена в Палестину никогда не проникали, но допускалась мысль о более раннем продвижении сюда группы населения, проживавшего на территории Анатолии или Сирии и бывшей либо

хеттами, либо племенами, находившимися под хеттским владычеством. Анатолийский культурный комплекс, тем не менее, позволяет допускать и раннее хеттское присутствие в регионе. Правда, следует помнить о том, что свое имя хетты заимствовали у северокавказского народа хаттов. Поэтому не исключено, что речь идет о северокавказском народе.

В книге Бытие (Быт. 15) мы находим перечень других народов, живших между Египтом и Евфратом: кенеи, кенезеи, кедмонеи, ферезеи, рефаимы, амореи, хананеи, евеи, гергесеи, иевусеи. Это указывает на полиэтничность региона. По всей вероятности, за частью этих названий скрываются индоевропейцы.

4.3. Зороастризм и иудаизм

В качестве еще одного аргумента в пользу локализации индоиранцев в Передней Азии выступают удивительные параллели между учением Заратуштры и Ветхим Заветом [Бойс, 1994]. Главной объединяющей их идеей является идея единобожия. Иные божества иранской религией учитываются, но они явно не доминируют. Чаще они выступают в качестве отрицательного начала, наиболее полно воплощенного в Анхро-Манью. В библейских сказаниях отрицания этих божеств нет. Есть лишь запрет поклонения им, запрет духовного контакта. Ярко выраженный дуализм зороастризма в иудаизме присутствует, но в более ослабленном виде. Четче он проявляется впоследствии в христианстве.

Обращает на себя внимание сходство и самого акта творения, до которого в мире было лишь одна сущность – Бог. Далее Бог творит мир поэтапно, в течение семи дней.

Весьма сопоставимы картины Последнего (или Страшного) Суда, когда души умерших соединяются со своей плотью, а также представления об аде и рае. Очень похожи требования ритуальной чистоты иудаизма и зороастризма, отношение к пище, обряды очищения.

Таким образом, речь идет о единстве основных миропредставлений зороастризма, иудаизма и христианства. Это единство не могло оформиться независимо, и должно было быть результатом заимствования. В настоящее время существует представление о том, что зороастризм формиру-

ется около 1200 г. до н.э., давая импульс появлению иудаизма, а впоследствии христианства [Бойс, 1994, с. 12, 40]. Однако с подобным взглядом на вещи согласиться трудно. Мы можем допустить отдельные сюжетные переносы, например веру в Спасителя и его чудесное зачатие. Она действительно могла перейти в христианство из зороастризма. Не исключено также то, что отсюда берут корни иудейские мессианские идеи, возникающие позже Вавилонского пленения. Но основы иудаизма так поздно сформироваться не могли. Части Ветхого Завета, предшествующие Исходу, датируются временем до XIII в. до н.э. Выше мы уже отмечали, что Книга Бытия начала формироваться не позднее XIX-XVIII вв. до н.э. С позиции северной степной иранской прародины эти феномены объяснить сложно, поскольку проникновение степных племен в Среднюю Азию (но не далее!) фиксируется лишь в XIV-XII вв. до н.э., а иранский (персидский) компонент в Палестине появляется и вовсе достаточно поздно.

Следовательно, контакты ариев и семитов должны были происходить очень рано. Уже многие сюжетные линии Бытия в зороастризме отражения не находят. Поэтому сейчас сложно сказать – какая из этих двух великих религий являлась первичной. Вероятно, они формировались параллельно, опираясь на более ранние культуры Восточного Средиземноморья.

Представить историю появления будущей национальной религии Ирана мы можем со значительной долей условности. Отколовшись от основного индоиранского массива, группа иранцев, оказавшихся в Сирии, знакомится там с местными культурами и постепенно перенимает их. Впоследствии эти предзороастрийские представления ощущаются даже на синташтинских памятниках, что выражается в обряде вторичных захоронений и необычной чистоте поселений. В XVIII в. до н.э. в результате миграции восточных иранцев из Сиро-Анатолии эти идеи распространяются в Зауралье, где они дальнейшего развития не получили, и в Маргиану и Бактрию, где они сохраняются вплоть до появления Заратуштры, который, видимо, лишь откорректировал их. В настоящее время считается установленным, что география Авесты охватывает, главным образом, районы Восточного Ирана, Маргианы и Бактрии [Фрай, 1993, с. 53, 54]. Поэтому зороастризм набирает силу именно там, после восприятия Кави Виштаспой проповеди Заратуштры.

В связи с этим, наиболее приемлемой является следующая гипотеза. Иранцы, переселившиеся с Ближнего Востока на территорию Средней Азии и Восточного Ирана, принесли с собой религию, имеющую значительные восточносредиземноморские включения. На базе этих представлений, на рубеже III тыс. до н.э. и формируется собственно зороастризм. Существование близких зороастрийских культов в Средней Азии было убедительно доказано в ходе обсуждения результатов раскопок маргианского храма Тоголок-21 [Сарианиди, 1989; 1989а; Грене, 1989; Гаиров, Кошеленко, 1989; Ливищ, 1989; Литвинский, 1989; Пьянков, 1989; Дандамаев, 1989; Иванов, 1989; Ньола, 1989]. Раскопки этого храма зафиксировали все стадии приготовления священного напитка иранцев – хаомы. Поэтому представляет несомненный интерес то обстоятельство, что Заратуштра первоначально пытался, по-видимому, бороться с этим культом, поскольку в Гатах он порицается и лишь впоследствии включается в зороастрийский канон. Поэтому вывод о том, что родиной зороастризма был регион Восточного Ирана (включая Маргиану и Бактрию) можно считать доказанным [Сарианиди, 1990, с. 153; Sarianidi, 1998, с. 168-171].

Проблема зороастризма заставляет нас вновь вернуться к тому, что территория Сиро-Палестины прародиной индоиранцев быть не могла, поскольку это чисто иранская религия. Наиболее вероятно то, что в этот регион проникают какие-то иранские племена на рубеже III/II тыс. до н.э. Скорее всего, исходным ареалом для этой миграции являлись районы Юго-восточной Анатолии, а много ранее Северного Ирана. Уже в XVIII в. до н.э. часть этих племен в результате давления хурритов и касситов мигрирует в Зауралье и Среднюю Азию.

Явные свидетельства присутствия арийских коллективов в Сиро-Киликии в XXIV-XXIII вв. до н.э. вовсе не означают, что именно эти группы являлись основой для формирования иранцев. Более предпочтительна связь их с индоариями, обусловленная как названием страны, так и появлением в этот период в Восточном Средиземноморье катакомб и синхронностью этих событий с возникновением катакомбной культуры в Северном Причерноморье.

По-видимому, часть иранцев в XVIII в. до н.э. оказывается в Закавказье, поскольку именно к этому региону в наибольшей степени привязаны

параллели культур карасук-ирменского блока и там же локализуется “Страна Гамир”. Предпочтительнее, на сегодняшний день, связывать это с появлением севано-узерликских памятников. Последующее смещение к югу триалетской культуры означает лишь культурную, но не языковую, ассимиляцию этой группы, что и обеспечило триалетские аналогии восточноиранским культурам Центральной Азии.

4.4. Внешние стимулы индоевропейских миграций с Ближнего Востока

Изложенное выше позволяет констатировать достаточно раннее присутствие индоевропейцев на Ближнем Востоке. В связи с этим мы убеждены, что специальные исследования позволят увеличить объем подобных фактов на 2-3 порядка, что, в конечном счете, будет способствовать реконструкции ранней индоевропейской истории.

В перспективе изучение ближневосточных письменных источников позволит нам разобраться в причинах хотя бы части индоевропейских миграций. К сожалению, эти источники появляются лишь в III тыс. до н.э., причем первоначально в Южной Месопотамии. Но и последующие касаются, прежде всего, событий, связанных с государственными образованиями региона. Они упоминают северные и западные племена лишь в тех случаях, когда оказываются задеты интересы этих государств.

Кроме того, отношения между самими индоевропейскими племенами были далеко не всегда мирными и границы их расселения неоднократно менялись, но это в источниках отражения не получает.

Одним из важных факторов, оказывавших воздействие на индоевропейские племена, была охватившая на рубеже III/II тыс. до н.э. весь Ближний Восток аридизация климата [Кленгель, 1985, с. 207; Гумилев, 1993, с. 273]. Это вело к определенной стагнации и некоторые государственные образования, например, Египет. В большей степени этот процесс мог коснуться пастушеских

и земледельческих племен, чье хозяйство непосредственно зависело от климатических условий, и в меньшей степени было подвержено искусственным регуляторам. В результате, в течение всего этого периода мы наблюдаем постоянное давление со стороны различных племенных объединений на зоны, занятые ранними земледельческими цивилизациями. Однако письменные источники наверняка доносят до нас лишь жалкие отголоски тех мощных потрясений, которые происходили за пределами границ древних государств. Вероятно, они оказывали постоянное воздействие на миграционные процессы, стимулируя отток населения за пределы региона.

Более определенно мы можем говорить о тех событиях, которые оказались охваченными письменными источниками.

Наиболее ранними из них является экспансия царей аккадской династии в районы Среднего Евфрата и Тигра в XXIV-XXIII вв. до н.э. [Маттиэ, 1985, с. 16; Заблоцка, 1989, с. 110, 114, 119]. Мы уже упоминали выше о том, что помимо успешных войн в Южной Месопотамии и Эламе, аккадцы захватили Кутиум и воевали с “воинством Манда”. Эти события могли привести к миграциям части тохар и индо-ариев. Эти подвижки имели следствием движение некоторых иных индоевропейских племен и обусловили в Северной Евразии смену культур РБВ культурами СБВ. Вместе с тем, в этом регионе индо-арии являются населением, по-видимому, пришлым. Поэтому миграция в северопонтийскую зону могла осуществляться и непосредственно из Прикаспия.

Новые потрясения в этом районе приходится на конец IX в. до н.э., когда Шамши-Ададу удалось закрепиться на Среднем Евфрате и в между-

речье Евфрата и Тигра [История Древнего Востока, 1988, с. 60, 62; Заблоцка, 1989, с. 201]. В 1742-1740 гг. до н.э. на эту территорию проникают касситы. В этот же период идет более активное проникновение хурритов в Северную Сирию. По-видимому, нельзя считать случайностью то, что с обострением политической ситуации на Ближнем Востоке происходит переоформление культур на Кавказе и в Восточной Европе и формирование свиты культур СБВ II. Сходные трансформации мы наблюдаем в Северо-Восточном Иране и Средней Азии.

С начала XVII в. до н.э. начинается активная деятельность хеттских царей. Во время правления Лабарны I она охватывает районы Анатолии, однако, с середины века, при Хаттусили I и Мурусили I, их экспансия распространяется на районы Юго-Восточной Анатолии и Северо-Западной Сирии [История Древнего Востока, 1988, с. 130; Заблоцка, 1989, с. 210]. По времени это совпадает с миграциями древних европейцев, которых мы, правда, не склонны размещать в указанных районах. Не исключено, что активизация хеттов спровоцировала какие-то иные группы, например, хурритские к продвижению в Приурмийскую зону или в какой-то прилегающий к ней регион и постепенное вытеснение древних европейцев на восток. Но не исключено и то, что с этими событиями миграции последних напрямую не связаны.

Наконец, появление культур ирменско-караусукского круга, как отмечено выше, совпадает с кризисом царства Митанни и поражением его в борьбе с хеттами. Но мы не можем связать это с какими-то конкретными событиями.

Глава 5.

Происхождение и миграции индоевропейских народов.

Основные итоги

На страницах этой работы мы показали, что происхождение многих культур Евразии связано с миграциями из Передней Азии различных индоевропейских групп. Эти миграционные процессы имели различный масштаб и характер. Наряду с крупными перемещениями племен на значительные расстояния имели место незначительные смещения в рамках отдельных регионов и контакты популяций, проживавших чересполосно. Однако в этой главе мы постараемся свести воедино лишь основные миграции, которые привели к распространению индоевропейских языков. Это описание может создать иллюзию перманентного миграционного процесса перемещений значительных масс населения, сотрясавшего континент и периодически полностью менявшего население различных регионов. В действительности, обычно (но не всегда) число мигрантов было не велико, а все индоевропейские миграции растянулись на несколько тысячелетий. Поэтому большая часть времени приходится на периоды относительной стабильности. Но именно относительной, так как мы не рассматриваем здесь локальных столкновений и перемещений.

Исходным районом для индоевропейских миграций является Курдистан. Собственно, движение населения оттуда началось еще в верхнем палеолите, когда мы вправе говорить о языках ностратического состояния. В мезолите отчлениются носители урало-алтайских языков, которые локализируются первоначально в Восточном Прикаспии, но с неолита можно говорить об отделении финно-угорских языков (Восточный Прикаспий) от алтайских (междуречье Аму-Дарьи и Сырдарьи). Появление комплексов типа Джармо в Иранском Курдистане знаменует выделение в докерамическом неолите эламо-дравидских языков. Последующее смещение части этих популяций на восток, вплоть до Южного Туркменистана, а части – на юго-запад вдоль Загроса приводит к отделению дравидов от эламитов.

Западнее, на территории Иракского и Турецкого Курдистана, в VI тыс. до н.э. начинается формирование индоевропейцев, что связано с комплексами типа Телль Магзалия. Здесь очень рано

появляется хозяйство производящего типа, и распространение его во многом связано с миграциями индоевропейцев. С VI тыс. до н.э., с появлением протохассунских (Телль-Сотто) и хассунских памятников начинается диалектное членение индоевропейских языков. В VI-V тыс. до н.э. индоевропейцы проникают в Закавказье (шулавери-шомутепинская культура?) и на Нижний Дон (Ракушечный Яр). В конце VII-VI тыс. до н.э. на Балканы приходит население, в культурном плане связанное с Анатолией и Северной Месопотамией (рис. 153). Возможно не все формирующиеся здесь культуры (Караново, Старчево-Криш, докерамический неолит Фессалии, а затем Винча, Кремиковцы, Градешница-Кырча и т.д.) являлись индоевропейскими. Не исключена возможность связи с праиндоевропейцами носителей культуры линейно-ленточной керамики, но фактов, говорящих в пользу этого, мало. Дальнейшее распространение балканских культур на север приводит к формированию Кукутени-Триполья в Северо-Западном Причерноморье и Ленделя в Центральной Европе. В составе мигрантов было и праиндоевропейское население. Обособление части этих популяций на Северных Балканах привело к выделению анатолийских диалектов.

В последней четверти V тыс. до н.э. в Закавказье продвигаются новые индоевропейские группы (Аликемектепеси, Кюль-Тепе I и т.д.). Почти синхронно индоевропейцы появляются в Юго-Восточном Прикаспии (Пархай II). Представляется вполне вероятным, что носители этих культур говорили на языках армяно-греко-арийской языковой группы. Однако, поскольку все эти комплексы не вполне тождественны, часть из них может быть оставлена носителями других индоевропейских диалектов.

В конце V – начале IV тыс. до н.э. индоевропейские группы появляются в степной зоне Восточной Европы, накладываясь на местный, преимущественно доиндоевропейский субстрат, что находит выражение в формировании культур мариупольской общности. Во второй четверти IV

¹ В этой главе приводятся некалиброванные даты.

Рис. 153. Карта индоевропейских миграций в VI – начале IV тыс. до н.э. 1 – продвижение индоевропейцев на Балканы и изоляция анатолийцев (VI тыс. до н.э.); 2 – продвижение индоевропейцев на Кавказ в VI–V тыс. до н.э.; 3 – миграция палеобалканских популяций на Балканы около 3700 г. до н.э.; 4 – смещение части индоевропейских групп в Южный Прикаспий и выделение индо-иранцев.

тыс. до н.э. в Волго-Уралье проникают новые индоевропейские племена, которые гипотетически можно связать с арийскими диалектами (ямнобережновские памятники). В лесостепи эти процессы приводят к оформлению хвалынской культуры. Параллельно в мариупольскую среду Северного Причерноморья вторгаются палеобалканские популяции (ново-даниловские, нижнемихайловские памятники). Часть этих племен остается здесь же, воздействуя на мариупольский субстрат, в результате чего формируется среднестоговская культура. Основа последней, в целом, местная. Поэтому о языке носителей этой культуры что-либо определенное сказать трудно. Наиболее вероятно сосуществование в регионе фракийских и иных индоевропейских диалектов. Часть мигрантов вторгается вместе с мариупольцами в Центральную Европу, где их взаимодействие с ленделем и местными доиндоевропейскими неолитическими культурами приводит к появлению культуры воронковидных кубков. Впоследствии на этой основе формируются шнуровые культуры, область распространения которых охватывает огромные пространства лесной зоны от Центральной и Северной Европы до Средней Волги. В этногенезе этой территории принимали участие популяции, говорившие на анатолийских, греко-арийских (?), фракийских и, возможно, каких-то иных диалектах, сформировавшихся на Балканах и в Центральной Европе из пра-индоевропейского.

Наконец, часть палеобалканских мигрантов оказывается на Балканах, частично ассимилируя, а частично вытесняя в Малую Азию анатолийские племена. Впоследствии отдельные фракийские группы переправятся через Боспор, оседая в Северо-Западной Анатолии (рис. 154). С другой стороны, отдельные анатолийские популяции могли достаточно долго сохраняться на Балканах. Значительная часть анатолийцев оседает в Западной Анатолии, в результате чего формируется лувийский диалект, распространяющийся впоследствии на юго-восток. Другая часть (хетты и палайцы) проникает далеко на восток, вплоть до Восточной Анатолии.

Новый цикл индоевропейских миграций начинается в РБВ. Около середины IV тыс. до н.э. индоевропейцы на Ближнем Востоке расширяют свою территорию к югу до среднего течения Евфрата. Однако уже в 3300-3200 г.г. до н.э. экспансия в этот район шумеров, а затем западных семитов

заставляет часть индоевропейцев мигрировать на Северный Кавказ (Майкоп). Более точное обозначение их этнической принадлежности пока невозможно, но не исключена индоиранская принадлежность этой группы. Этнос другой, появившейся на Северном Кавказе группы – новосвободненской, еще более неясен. Можно рассматривать их как индоевропейцев и как северокавказцев. Последний вариант представляется более предпочтительным.

Другим событием, оказавшим влияние на культурогенез закавказско-переднеазиатского региона, стало появление здесь анатолийцев на рубеже IV/III тыс. до н.э. Они оказали огромное влияние на культурный облик региона, что выразилось в формировании от Закавказья до Палестины ряда близких культур куро-аракского облика. Далеко не всегда мы можем рассматривать эти культуры, как анатолийские. За ними, скорее всего, скрываются различные индоевропейские племена.

В этот период в Восточной Европе арии (ямная культура) постепенно вытесняют и ассимилируют прежний индоевропейский пласт, хотя полностью этот процесс, по-видимому, завершен не был. В Северном Причерноморье ситуация была осложнена появлением около середины III тыс. до н.э. кеми-обинских племен, которые могут быть рассмотрены в качестве северокавказцев, но не исключено, что они говорили на индоевропейских диалектах.

С началом СБВ происходит новое переоформление культурных систем. В Закавказье формируется ряд преимущественно индоевропейских культур, точную этническую принадлежность которых определить довольно трудно. В Западном Закавказье это протоколхская культура, которую можно рассматривать как картвельскую, но предпочтительнее ее связь с венетами. В Центральном, а впоследствии Южном Закавказье формируется триалетская культура, сочетающая в себе черты различных индоевропейских групп, что не дает строгих оснований для вывода об ее этнической принадлежности. Более вероятно сопоставление другой закавказской культуры (севано-узэрликской) с иранцами.

Перемещения в Закавказье и Передней Азии были, по всей вероятности, стимулированы активизацией хеттов в Анатолии и Аккада в Месопотамии. В результате завоевания Саргоном Кутиума в XXIV в. до н.э. мигрирует часть тохар. Возмож-

Рис. 154. Карта индоевропейских миграций в конце IV – начале II тыс. до н.э. 1 – миграция анатолийцев с Балкан в Анатолию (конец IV тыс. до н.э.); 2 – миграция индо-иранцев в Сиро-Анатолию и формирование иранцев (конец III тыс. до н.э.); 3 – миграция индо-ариев в Зауралье в конце IV – начале III тыс. до н.э. (?); 4 – миграция индо-ариев в Северное Причерноморье (вторая половина III тыс. до н.э.); 5 – продвижение индо-ариев в Среднюю Азию и долину Инда (конец III – начало II тыс. до н.э.); 6 – миграция индо-иранцев на Алтай (середина III тыс. до н.э.); 7 – миграция тохар в Центральную Азию (вторая половина III тыс. до н.э.).

Рис. 155. Карта индоевропейских миграций в XVIII – XIV вв. до н.э. 1 – миграция иранцев в Закавказье; 2 – миграция иранцев в Зауралье и последующее их продвижение в Восточную Европу (3), Казахстан и Среднюю Азию (4); 5 – миграция иранцев в Маргиану и Бактрию; 6 – миграция древних европейцев в Припутье и последующее их продвижение в Европу (7).

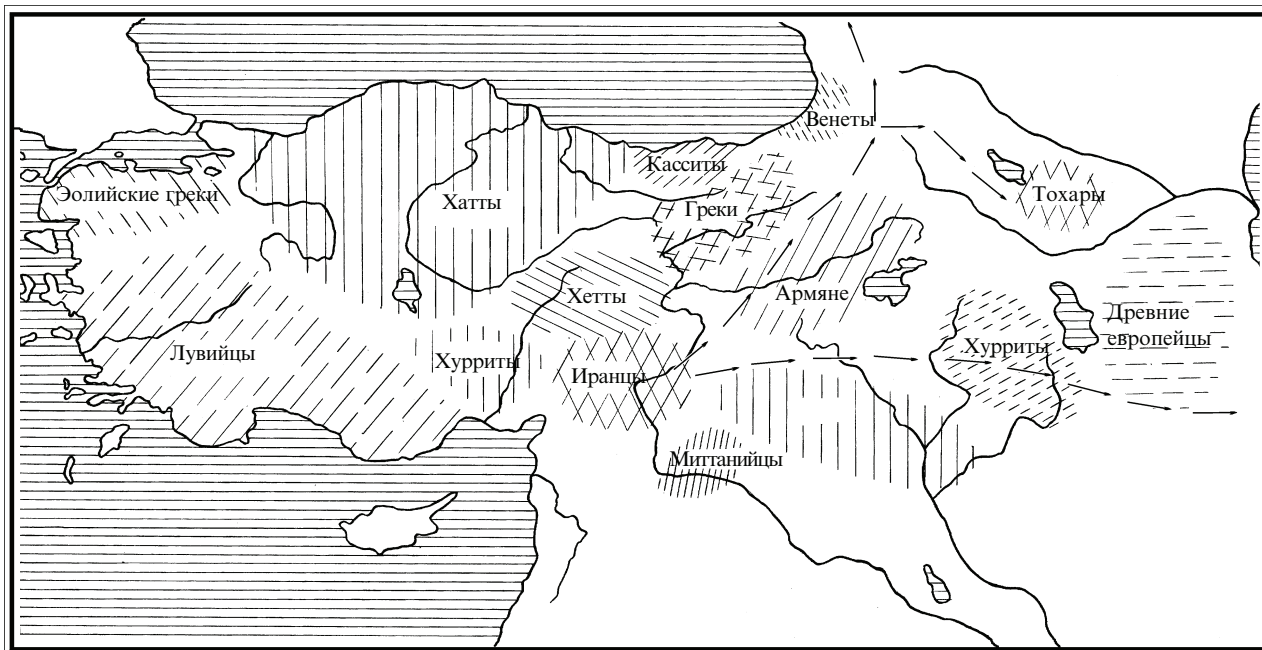

Рис. 156. Локализация индоевропейских народов в Анатолии на рубеже III/II тыс. до н.э. и миграция иранцев.

но, другая тохарская группировка через Среднюю Азию проникает в Саяны (окуневская культура). На Саяно-Алтайском нагорье тохары застают продвинувшихся сюда ранее из Волго-Уралья ариев (афанасьевская культура) и какие-то местные неолитические субстраты, говорившие, скорее всего, на алтайских диалектах. В XXIV-XXIII в.в. до н.э. цари аккадской династии воюют также с индо-ариями в Юго-Восточной Анатолии и Северо-Восточной Сирии, что, возможно, стимулирует арийские миграции на север, в степную зону Восточной Европы (катакомбная культура). Однако и в Восточном Средиземноморье индоарийское население являлось пришлым. Его генезис следует связывать, по-видимому, с Юго-Восточным Прикаспием, откуда не исключены непосредственные миграции индоарийских племен в Восточную Европу, хотя движение через Восточное Средиземноморье представляется более предпочтительным. В Восточной Европе индоарии застают арийские племена, взаимодействие с которыми фиксируется повсеместно, но, прежде всего, в Подонье.

В конце III – начале II тыс. до н.э. наблюдаются арийские миграции из Юго-Восточного Прикаспия на юг Таджикистана (бишкентская и вахшская культуры) (рис. 155). Впоследствии индоарийский компонент в этом регионе будет нарастать, причем этот процесс нельзя связывать только с вышеназванными культурами.

Имели место несколько миграционных волн в долину Инда и вглубь Индийского субконтинента, в том числе и из Северо-Восточного Ирана, который являлся основным ареалом расселения индоариев в этот период. Вероятно, эти подвижки были стимулированы появлением здесь иранских популяций.

В XVIII в. до н.э. на Ближнем Востоке происходит ряд крупных событий, связанных с активизацией хурритов и касситов, а с XVII в. до н.э. – хеттов. Это имело следствием, в первую очередь, крупные миграции иранцев из Юго-Восточной Анатолии и Северо-Восточной Сирии (рис. 156). Часть из них смещается в Южное Закавказье (севано-узерликская культура), часть мигрирует далее в Южное Зауралье (синташтинская культура), а часть – в Маргиану и Бактрию (бактрийско-маргианский археологический комплекс) и в Юго-Восточный Прикаспий (сумбарская культура, Гиссар IIIС). В результате миграции в Зауралье, формируется синташтинская культура и ряд абашевских культур от Дона до Урала, перерастающие впоследствии в крупный срубно-алакульский блок, охвативший огромные пространства степной и лесостепной Евразии от Днепра до Центрального Казахстана. В ходе этой миграции происходит ассимиляция иранцами прежнего индоиранского (а в Подонье, возможно, более раннего индоевропейского и индоарийского) языкового субстрата. Незначительная часть этих по-

пуляций впоследствии проникает с севера в Среднюю Азию, где сталкивается с другим иранским этническим массивом, освоившим в XVIII-XVI вв. до н.э. Маргиану и Бактрию.

В XVII в. до н.э. с территории Ближнего Востока (возможно, из Приурмийской зоны) начинаются миграции древних европейцев. Они осуществлялись двумя разновременными потоками через Иран и Среднюю Азию в Прииртышье. Первыми двигаются кельты и италики, оказавшие влияние на формирование от Иртыша до Приуралья серии культур: сейминско-турбинские памятники, кротовская, елунинская, ташковская, чирковская культуры. За ними продвигаются балто-германо-славянские племена (федоровская культура). В обширном ареале от Среднего Прииртышья до Приуралья на этой основе образуется ряд культур, маркирующих вторичное сближение этих крупных культурных объединений (черкаскульская, межовская, сусканско-лебяжинская, черноозерский тип). В X в. до н.э. эти популяции смещаются далее на запад с формированием новых культур от Рейна до Днепра – культуры курганных полей, тшинецко-комаровской и сосницкой. Начинается смена всей культурной свиты этой части Евразийского континента.

Вместе с тем, не исключено, что это движение вызвало новые миграции в Северо-Западном Причерноморье и в Карпато-Дунайском бассейне – движение микенских греков на юг и смещение фракийцев в Северо-Западное Причерноморье (сабатиновская культура). Здесь они ассимилируют индоарийские и, возможно, более ранние индоевропейские группы.

В XII в. до н.э. наблюдается перемещение древних европейцев на юг (культура полей погребений). Вероятно, это вызвало дорийскую миграцию с севера Балканского полуострова в Грецию, а также массовое проникновение ахейцев и пеласгов в Малую Азию, в дополнение к тем ахейским племенам, которые уже давно проживали в этом регионе. Эти события сокрушили Хеттское царство и вызвали волны новых миграций в Сиро-Палестину, которые описываются в египетских источниках, как нашествие “народов моря”. Помимо греков и пеласгов, в них приняли участие этрусски, ликийцы, сикулы, сардинцы и другие народы. Эти волны, вступая в союзы с ливийцами, обрушиваются на Египет, которому с трудом удается сдерживать их натиск. Часть из них все же проникает в Северную Африку (гараманты), на Сицилию

(сикулы), Сардинию (сардинцы). Часть мигрантов остается в Палестине (пеласги или филистимляне) и в Сиро-Киликии (греки). Эти группы сохраняются затем весьма продолжительное время. Этнический состав Анатолии и Сирии стал в результате этих событий чрезвычайно пестрым.

Последний крупный выплеск индоевропейцев с территории Ближнего Востока происходит в XIV в. до н.э., что совпадает с поражением Митанни в борьбе с хеттами. Однако в связанные с этим деструктивные процессы были втянуты более обширные регионы, чем те, которые упоминаются в исторических источниках, поскольку основным мигрирующим компонентом оказываются иранцы, формирующие культуры карасук-ирменского круга в огромном ареале, включающем Саяны, Алтай, Тянь-Шань и ряд прилегающих к ним районов. В результате этих событий, в Центральной Азии начинается формирование скифо-киммерийских этнических групп. В начале I тыс. до н.э. часть из них устремляется на запад, оседая во фракийской среде Северного Причерноморья, но часть достигает Центральной Европы. В VIII (IX?) в. до н.э. в Центральной Азии оформляются скифы, проникающие в VII в. до н.э. через Иран в Переднюю Азию, где они взаимодействуют с сохранившимися в Закавказье иранскими группами (гамир), но уже в середине VII в. до н.э. их вытесняют в Предкавказье и Северное Причерноморье. В результате, огромные пространства от Дуная до Алтая и Тянь-Шаня в начале раннего железного века оказываются заняты этнически близким населением скифо-сако-сибирского мира.

Наконец, начиная с конца III тыс. до н.э. наблюдаются проникновения индоевропейцев в Китай, оказавшие существенное влияние на формирование китайской цивилизации. Первыми в Восточной Азии оказываются тохары. Затем наступает черед древних европейцев. При этом балто-славяно-германская группа восточнее Енисея, практически, не продвинулась. Кельты и италики проникают вглубь Китая. Но наиболее мощным было воздействие восточных иранцев, представленных в Монголии и Ордосе карасукской культурой. Однако эти миграции не привели к утверждению здесь индоевропейских языков.

Приведенное выше описание происхождения и миграций индоевропейских народов позволяет сопоставить его с лингвистической моделью диалектного членения индоевропейских языков и уто-

VII уровень (кон. IV - нач. III тыс. до н.э.)

Греческий Иранский Палайский Хеттский Лувийский
Албанский Фракийский Балто-славянский Италийские Кельтские
Армянский Фригийский Индо-иранский Германские Тохарские

VI уровень (IV тыс. до н.э.)

Кельтские Балто-славянские Италийские Тохарские
Греко-армянские Индо-иранские Германские Анатолийские

V уровень (V-нач. IV тыс. до н.э.)

Греко-армяно-арийские Итало-кельтские Балто-славяно-германские
Тохарские Анатолийские

IV уровень (VI-V тыс. до н.э.)

ареал В Тохаро-кельто-италийские Анатолийские

III уровень (сер. VI тыс. до н.э.)

ареал В ареал А Анатолийские

II уровень (VI тыс. до н.э.)

ареал В ареал А

I уровень (VII тыс. до н.э.)

Пра-индоевропейцы

Рис. 157. Схема диалектного членения индоевропейских языков (по Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванову), датировки скорректированы.

чнить хронологию этого членения (рис. 157). При этом здесь используются исключительно традиционные даты.

Лингвистическая реконструкция общеиндоевропейского праязыка предполагает его существование и постепенную трансформацию в течение длительного времени в виде группы родственных диалектов, из которых впоследствии формируются отдельные языки. Это состояние рассматривается в рамках первого хронологического уровня. На втором уровне происходит обособление двух диалектных ареалов: А и Б. К первому относятся диалекты, перерастающие впоследствии в индоиранский, греческий, балто-славянский и германский языки. Ко второму относятся хеттский, тохарский, италийский, кельтский. На третьем уровне происходит выделение анатолийского диалекта, развивающегося впоследствии в полной изоляции от иных индоевропейских языков. Анатолийские языки, благодаря единообразию временных форм и отсутствию родов существительных, обнаруживают наибольшую близость с праиндоевропейским. Выделение анатолийского диалекта происходит не позднее V – IV тыс. до н.э. [*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. хсі, хсіі, 375, 390-396, 863*]. В целом, это соответствует предложенной здесь археологической модели. Первый уровень диалектного членения мы склонны связывать с северомесопотамскими комплексами VII тыс. до н.э., а второй – с комплексами типа Телль-Сотто (VI тыс. до н.э.). Третий уровень датируется с середины VI тыс. до н.э.

Подобное соотнесение обусловлено рядом причин. С начала V тыс. до н.э. на Балканах уже не фиксируются импульсы из Анатолии. Поэтому выделение анатолийского должно происходить раньше этого времени. Кроме того, с начала V тыс. до н.э. или несколько ранее в Закавказье и Месопотамии было известно пашенное земледелие, что реконструируется на основании обнаружения сохи на поселении Арухло I [*Энеолит СССР, 1982, с. 133*]. В индоевропейских языках зафиксирована общая терминология для обозначения пашенного земледелия, но в хеттский она, возможно, проникла из семитских языков. Формирование этой терминологии относится к третьему уровню диалектного членения индоевропейских языков [*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 424, 687, 688*]. Следовательно, третий уровень диалектного членения датируется с VI тыс. до н.э. Датировать

этим временем первый уровень мы не вправе и по другой причине. Как мы видели ранее, характер праиндоевропейского хозяйства соответствует комплексам типа Телль Магзалия. В хассунское время в стаде начинает доминировать крупный рогатый скот и свинья, а не мелкий рогатый скот, как это имело место на праиндоевропейской стадии [*Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 149*].

На четвертом уровне происходит обособление тохаро-кельто-италийских диалектов в рамках диалектного ареала А. На пятом они разделяются на тохарский и кельто-италийский, а в рамках диалектного ареала Б оформляются арийско-греко-армянская и балто-славяно-германская диалектные общности. Эти уровни датируются V – началом IV тыс. до н.э. На следующем шестом уровне происходит обособление италийских, кельтских, германских, балто-славянских, греко-армянских и индоиранских диалектов. Видимо, в это же время происходит выделение из греко-армяно-арийской общности фригийского, албанского и, возможно, фракийского. Датировка этого уровня IV тыс. до н.э. основывается на включении в семитские языки названия лошади, заимствованного из индоиранского. Благодаря фиксации уже в середине III тыс. до н.э. по архивам Эблы “палеоханаанейского” языка, общесемитский датируется не позднее IV тыс. до н.э. [*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 880, 914*]. Не исключено, что это заимствование стало возможным с появлением в Сирии комплексов типа Амурк F или в Восточной Анатолии предмайкопских памятников. В свою очередь, наложение на майкопские новосвободненских популяций объясняет зафиксированные общие изоглоссы для индоиранского и северокавказских языков [*Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 919*]. Это фиксирует индоиранское языковое состояние вплоть до конца IV тыс. до н.э. и позволяет все же допускать индоиранскую принадлежность майкопской группы. Появление новоданиловских и нижнемихайловских памятников, отражающее движение палеобалканских популяций, датируемое 3700 г. до н.э., тоже не противоречит лингвистическим датировкам. В пользу этого говорит и отождествление с индоиранцами ямно-бережновских и хвалынских памятников. Последнее, впрочем, требует проверки, поскольку существует мнение о том, что в финно-угорских языках отсутствуют включения из индоиранского или древнеиндийского, а трактуемые

подобным образом заимствования являются раннеиранскими [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 933].

Концом IV тыс. до н.э. датируется выделение из анатолийского хетто-лувийского диалекта. Это соответствует появлению в этот период балканского культурного комплекса на территории Анатолии.

Последующее членение индоиранской языковой общности лингвистическая реконструкция связывает с отделением на рубеже IV/III тыс. до н.э. индо-ариев [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 917]. Вероятно, это было вызвано продвижением эламитов на север Центрального Ирана, в результате чего популяции Юго-Восточного Прикаспия оказались отсечены от остального индоиранского массива. Столь раннее выделение индоарийских диалектов, как будто, подтверждается присутствием индоарийских включений в прафинноугорском, распад которого датируется временем не позднее середины III тыс. до н.э., если, конечно, подтвердится индоарийская, а не раннеиранская принадлежность этих включений.

Несколько позже, но не позднее конца III тыс.

до н.э., происходит выделение из индоиранских диалектов иранских языков. Не исключено также, что начало оформления иранского диалекта происходит в Восточной Анатолии много раньше, при переходе от энеолита к эпохе бронзы, когда здесь появляются элементы культуры Северо-Восточного Ирана. Столь ранние датировки подтверждаются наличием изоглосс, объединяющих иранские языки с картвельскими. Общекартвельский язык датируется не позднее первой половины II тыс. до н.э. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 634, 635], что соответствует появлению в Закавказье севано-узерликской группы памятников. Это событие, а также оформление бактрийско-маргианского археологического комплекса можно расценивать как начало диалектного членения иранского. Миграции иранцев вызвали перемещение и дальнейшее диалектное членение индоарийских языков.

Таким образом, хронология диалектного членения индоевропейских языков, полученная на основе анализа лингвистического материала, довольно точно соответствует археологической реконструкции.

Глава 6. Причины миграций, их географическая обусловленность и формы

6.1. Причины индоевропейских миграций и их географическая обусловленность

Миграционные процессы играли важную роль в истории человечества. Однако они, безусловно, есть явление аномальное и для того, чтобы какая-либо популяция оставила район своего проживания, необходимы веские причины. В неолитическую эпоху с формированием производящих форм хозяйства распространение индоевропейцев было связано, по-видимому, с бурным ростом населения. Были, конечно, и иные, всякий раз конкретные причины для отдельных популяций, выявление которых на данном этапе не представляется возможным. Велика была и роль экологических кризисов, имело место и вытеснение иными этническими группами. Значение последней причины имело тенденцию к росту.

С конца IV тыс. до н.э. в качестве причины миграций начинает выступать экспансионистская политика первых цивилизаций. Сначала мы наблюдали экспансию в районы, заселенные индоевропейцами, шумеров. Затем активизируются Аккад, хурритские царства, хеттская держава и, наконец, Урарту и Ассирия. Деятельность этих государств вызывала постоянный отток населения за пределы региона и сокращала пространство, заселенное индоевропейцами на Ближнем Востоке. Вместе с тем, целый ряд индоевропейских народов сохранился там и в раннем железном веке.

Очень важной причиной, обусловившей отток населения с Ближнего Востока и миграции на значительные расстояния, была ландшафтная характеристика Восточной Анатолии, Южного Закавказья и Северо-Западного Ирана, где локализовалась значительная часть индоевропейских популяций. Это обширная горная страна с множеством долин, каждая из которых являлась естественным вмещающим ландшафтом для отдельных этнических групп. С появлением пришельцев или с попыткой соседей расширить свою территорию, население, проживавшее в долине, было вынуждено или сражаться или уходить. В последнем случае

существовало три возможных сценария: захват другой долины, оседание на периферии государственных образований или попытка их завоевания и, наконец, миграция на значительное расстояние. Для того чтобы один из этих сценариев начал реализовываться было вовсе не обязательно появление внешнего врага. Свою роль мог сыграть и демографический фактор. Популяция перерастала рамки долины, и часть ее была вынуждена начинать миграцию.

Географическое положение региона обусловило и основные направления миграций. На юге и юго-востоке непреодолимым препятствием были семитские, шумерские и эламские государства. В этом направлении оставался лишь путь вдоль Восточного Средиземноморья, но с востока он был ограничен пустыней, а на юге – границей Египта. В течение неолита для сравнительно небольших коллективов оптимальными направлениями распространения были север (Закавказье) и запад (Анатолия и Балканы). Отдельные популяции в неолите и энеолите проникают в степи Восточной Европы и в Северный Иран.

В эпоху бронзы дорога на запад была перекрыта консолидирующимися анатолийскими и хатто-хурритскими племенами. С другой стороны, усилилось давление ближневосточных государств. Это обусловило миграции через Кавказ и Иран. Иногда подобные миграции ограничивались Закавказьем, но часто мигрирующим коллективам приходилось преодолевать значительные расстояния.

Своеобразие индоевропейским миграциям из этого региона придавал такой важный фактор, как замкнутость его с севера Черным и Каспийским морями. В результате мигрирующие коллективы огибали их с разных сторон, что дало возможность для сопоставления культур, друг с другом непосредственным образом не связанных, например, Старчево-Кереш и Шулавери-Шоумутепе или Синташта и сейминско-турбинские памятники. С другой стороны, эта географическая особенность способствовала контактам разноэтничных индоевропейских групп и географическому размаху процесса индоевропеизации континента.

6.2. Миграционные модели

Все вышеперечисленные причины привели к многообразию миграционных моделей. Наряду с серией миграций на небольшие расстояния, мы можем наблюдать быстрые перемещения на тысячи километров, как это имело место с миграцией синташтинцев.

Некоторые миграции были многоактными. Наиболее ярким примером таких миграций является движение древних европейцев, которые от начального до конечного пункта пережили такое количество культурных трансформаций, что это совершенно изменило первоначальные культурные признаки.

В ходе миграции в нее могли вовлекаться и иные этнические группы, которые затем ассимилировались. Различалось и количество мигрантов. Точно определить их число далеко не всегда представляется возможным, поскольку количество археологических памятников может отражать не только этот показатель, но и степень исследованности территории, скорость перемещения или скорость культурной трансформации. Удачную возможность нам предоставили синташтинские городища, поскольку они легко выделяемы, а район их расположения прекрасно изучен методами аэрофотодешифровки. Это позволило сделать вывод о том, что группировка, вышедшая с территории Ближнего Востока, не превышала 10000 человек. Она осваивает территорию с гораздо более многочисленным населением. Успех ассимиляции в данном случае был обусловлен тем, что этнос-доминант вторгся в этнически близкую арийскую среду. Если язык автохтонов отличен, то ассимиляционные процессы могли бы растянуться на более продолжительное время. В Средней и Западной Европе, например, они продолжались, по-видимому, несколько столетий.

Необходимо обратить внимание, в связи с этим, еще на одно обстоятельство. В Евразии регионы, в которых индоевропеизация осуществлялась бы в результате одной миграции, являются, скорее, исключением. Как правило, каждый район, где утверждались индоевропейские языки, подвергался неоднократным вторжениям индоевропейских племен. Утверждение нового диалекта проходило легче в тех случаях, когда его носителям удавалось занять доминирующие позиции. В

этом случае их язык становился своеобразным *lingua franca*, хотя двуязычие могло сохраняться достаточно долго. Это наложение пришлого компонента на этнически и культурно близкую основу создает представление об автохтонном развитии, что, как будто, подтверждается наличием переходных типов, являющихся во многих случаях контактными. При этом вполне вероятна ситуация длительного сосуществования классических типов (местного и пришлого) и контактных.

Впечатление об автохтонности развития усиливается в тех случаях, когда мигрируют преимущественно воинские коллективы или же когда количество женщин, участвовавших в миграции, было невелико. В результате в регионе, куда проникает подобная мигрирующая группа, несмотря на существенную смену этнических показателей, керамический материал трансформируется лишь в незначительной степени. В археологической же практике, несмотря на декларируемый комплексный подход к культуре, отнесение того или иного памятника к определенной археологической культуре производится почти исключительно по керамике.

Кроме того, вклад местного населения в новое культурное образование мог быть очень высок. Это характеризовало, например, процессы культурных трансформаций в Индии. Поэтому смена языка могла не сопровождаться сменой культуры. Вместе с тем, в большинстве случаев проникновение индоевропейцев сопровождалось и распространением индоевропейской культуры, так как эти миграции происходили обычно из наиболее развитых районов древности и несли с собой распространение передовых хозяйственных форм. Поэтому характер протекания культурной трансформации во многом зависел от степени различия хозяйства мигрантов и местного населения.

Не последнюю роль играли и природно-ландшафтные особенности того района, по которому проходила миграция или в котором она была завершена.

В совокупности все эти факторы создавали неповторимое своеобразие каждого отдельного миграционного процесса, что ставит множество проблем перед его исследователем. Тем не менее, в современных условиях эти проблемы не являются нерешаемыми.

Существует еще одна не вполне понятная черта индоевропейских миграций. Древнеевро-

пейские популяции, хотя многие их группы и отклонялись от общего маршрута, двигались в одном направлении, хотя в разное время и на значительном удалении друг от друга. В случае независимого движения этих групп такой бы тенденции нам проследить не удалось. Три разновременные греческие популяции оказываются на юге Балканского полуострова. Все это наводит на мысль, что между различными группами, даже достаточно удаленными друг от друга, часто поддерживались информационные связи. Представления о мире были намного шире, чем это нам представляется, и они в миграционные эпохи были, вероятно, даже намного более богатыми, чем у греков в начале периода их бурного распространения по Средиземноморью и Причерноморью. Возможно, и сама греческая колонизация была возможна лишь потому, что осваивалось пространство, о котором уже имелась какая-то информация.

Гиксосы, придя из Западной Азии, сохранили связи повсюду: в Сирии, Центральной Анатолии, Месопотамии, на Крите. Во всех этих регионах распространяются египетские вещи. В этом и были корни последующей мировой политики Нового Царства [Müller-Karpe, 1974, S. 476].

Я предвижу возражения со ссылкой на египетские и месопотамские источники, где даже в начале II тыс. до н.э. сведения об Анатолии, например, были достаточно скудны. Однако форма жизни долинных цивилизаций предполагала определенную замкнутость, что, вероятно, отсутствовало у их соседей, в особенности на миграционных фазах.

Мы можем себе представить формы этих контактов в Восточном Средиземноморье, но как они осуществлялись на пространствах Северной Евразии не ясно. И вряд ли в ближайшее время у нас в руках будет инструментарий, чтобы исследовать данную проблему.

Подводя итог этой работе, хотелось бы еще раз подчеркнуть огромную роль миграций в человеческой истории. Это справедливо, впрочем, лишь на больших временных отрезках. Обыденное мышление, оперирующее несколькими десятилетиями, отразить это не в состоянии. Однако достаточно вспомнить то, как изменилась этническая карта расселения индоевропейцев за

последние 300 лет – срок ничтожный по сравнению с археологическим временем. Описанные же здесь события разворачиваются на протяжении нескольких тысячелетий.

Отдельная миграция, даже на значительное расстояние, могла продолжаться от нескольких месяцев до нескольких лет. Поэтому обычным было все же оседлое проживание той или иной популяции. Тем не менее, мы часто недооцениваем способность древних сообществ преодолевать в кризисных ситуациях огромные пространства. Однако к этой мысли необходимо привыкнуть. Обычно появление инокультурных признаков объясняют культурным влиянием. Однако осуществление этих влияний без непосредственных контактов немислимо. Иных коммуникативных технологий в древности просто не существовало. Тем более нельзя заимствовать идею металлургии, гончарства, скотоводства или земледелия без длительного процесса обучения.

Еще более абсурдно заимствование языка без непосредственного появления в каком-либо регионе его носителей. Тем не менее, к концу эпохи бронзы индоевропейцы были широко распространены в Евразии, что невозможно без крупных миграционных процессов и вступает в противоречие с концепциями об автохтонном культурном развитии той или иной территории.

Довольно часто исследователи фиксируют сходство артефактов на отдаленных территориях, но объясняют это сопоставимым уровнем социально-экономического развития и, в результате, идеологических представлений и т.д., что и вызвало конвергентную разработку типологически сходных артефактов. Однако смысл этого “эзопова языка” лишь в фиксации сходства и в признании непонимания причин его обусловивших. В отдельных случаях сопоставимые признаки действительно могут возникать независимо, но, во-первых, достаточно простые, а во-вторых, их конвергентное появление требует доказательств, а не констатации. Наиболее типичным было распространение сопоставимых артефактов благодаря миграциям. Последние же были основной причиной культурогенеза в древности. Это положение и является основным итогом данной работы.

Заключение от автора

Я вполне отдаю себе отчет в том, какие оценки вызовет эта, поскольку изложенные в ней выводы коренным образом расходятся даже не столько с современными концепциями этнической истории Евразии, сколько со сложившимися представлениями о системе культур этого континента. Однако недостатки прежних системных представлений вполне очевидны. Условием их долгого существования был странный отказ от обсуждения накопившихся противоречий. Список их можно составить обширнейший даже в рамках археологического материала. С привлечением же лингвистического, какое-то внятное обсуждение этих проблем становится попросту невозможным.

Наиболее слабым местом прежних схем были проблемы формирования новых культурных образований. Ряд евразийских культур возникает словно из небытия. Особенно ярко это проявляется при переходе от одной исторической эпохи к другой, когда меняется вся культурная свита. В этих случаях традиционные схемы бессильны и вынуждены рассматривать смену крупных культурных блоков как “новую сдачу карт”, когда нет необходимости и возможности разобраться в причинах того или иного “расклада”. Самым же удивительным является то, что общие тенденции в развитии огромных пространств могут объясняться, исходя из материалов отдельных локальных территорий.

В противоположность этому, предлагаемая этой работой схема этнокультурных процессов в Евразии рассматривает их в единой системе. Приводимые в этой работе ближневосточные параллели археологическим комплексам Северной Евразии не всегда синхронны или непосредственно предшествуют им. В большинстве случаев приводятся более ранние параллели. Поэтому в будущем предстоит значительная работа по детализации изложенной здесь концепции. Однако если бы здесь давались только синхронные параллели синташтинской, федоровской или карасукской культурам, это дало бы повод для предположений о появлении на Ближнем Востоке черт этих культур в результате миграции с севера. При использовании более ранних параллелей подобную возможность мы вправе полностью исключить, так как в Передней Азии и в Закавказье мы в состоянии проследить истоки и развитие этих культурных

традиций. В северной зоне Евразии такая возможность у нас отсутствует, если, конечно, не принимать в расчет чисто декларативные заявления о местных корнях того или иного культурного образования.

Не все в этой схеме безупречно, но я убежден в ее принципиальной верности. Основания для этого следующие. Предложенное описание исторических процессов совпадает с той реконструкцией, которую Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов сделали на лингвистическом материале. В ряде деталей эти концепции расходятся, что вполне естественно, поскольку как археология не в состоянии в каждом случае уверенно говорить о языковых трансформациях, так и лингвистика не всегда может выявить хронологию этнических контактов, в особенности, если эти контакты были неоднократными. Выше же было показано, что процесс индоевропеизации континента не сводился к расселению отдельных племен в те места, где их уже застают исторические источники. Собственно, это отражено и в лингвистической модели, но археологический материал показывает эти процессы намного четче. Однако, несмотря на эти оговорки, можно говорить о принципиальном сходстве обеих моделей.

Очень показательным и то, что в тех редких случаях, когда удалось подключить письменные источники, они совпали с археологической и лингвистической реконструкциями.

Дополнительным доказательством является также соответствие обсуждаемой схемы ностратической теории. Однако главное заключается в другом. Относительно надежно мной показано решение двух проблем: происхождение синташтинской культуры и сеймо-турбинских бронз, а также связь последних с культурами типа кротовской, елунинской, ташковской, чирковской. На последнюю связь указывал В.И.Стефанов, а о переднеазиатском происхождении Синташты и Ташково на XII Уральском археологическом совещании говорила Л.Я.Крижевская. Переднеазиатское происхождение балканских неолитических и энеолитических культур обосновывали многие исследователи, и в настоящее время этот вопрос особых проблем не вызывает. В.И.Сарианиди в целом ряде работ с высокой степенью надежности показал связь иранцев Бактрии и Маргианы с Сиро-Анатолийским регионом, а Н.Л.Членова выявила ближневосточные корни карасукской культуры. Л.С.Клейн указывал на восточномедитерран-

ское происхождение катакомбников и связывал их с индоиранским этносом. Целый ряд исследователей, но в первую очередь М.В.Андреева, обосновали переднеазиатское происхождение Майкопа. В отношении некоторых других культур мне приходилось встречать в литературе крайне осторожные указания на ближневосточные параллели и возможности соответствующих импульсов (например, С.С.Березанская). Осторожность исследователей можно понять. Их выводы, а в иных случаях подозрения, противоречили традиционным представлениям. В результате не была принята гипотеза Н.Л.Членовой, а фундаментальные разработки В.И.Сарианиди оказались в нашей стране за рамками обсуждения проблемы арийской прародины.

Индоевропейская проблема является проблемой комплексной – лингвистической и археологической. В лингвистике системное и фундаментальное ее решение предложено Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым. Убедительные лингвистические модели, однозначно локализирующие индоевропейскую прародину на Балканах, а тем более в Северном Причерноморье, отсутствуют. Часто критика теории Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова сводилась лишь к констатации отсутствия археологических фактов в ее пользу. Как мы видим, это не соответствует действительности (и, кстати, не соответствовало действительности и до появ-

ления этой работы). Существует множество оснований для связи северных культур и культур европейских с Ближним Востоком. Убедительных примеров обратной связи на сегодняшний день не существует. Есть лишь историографическая традиция, которая не подкреплена фактическим материалом. За долгие годы существования этой традиции ее так и не удалось наполнить аргументами, хотя этим занимались прекрасные специалисты. Поэтому у гипотез о северном происхождении индоевропейцев на сегодняшний день нет практически ничего, на что можно было бы опереться – ни лингвистической, ни археологической базы. Предложенная здесь археологическая модель во многом не полна. Многие параллели могут вызвать споры, поскольку не всегда удалось опираться на полное тождество артефактов. Но при рассмотрении дальних миграций и последующих культурных трансформаций его может и не быть.

Тем не менее, я считаю, что теперь индоевропейская проблема переходит из общей плоскости в плоскость решения вопросов происхождения отдельных языковых и культурных групп. И я убежден, что в наиболее общих чертах большая часть этих проблем будет решена в течение ближайших лет, при условии, конечно, что к решению их подключится достаточно широкий круг специалистов.

Список литературы

- Абаев В.И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
- Абаев В.И., 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.
- Абаев В.И., 1981. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.
- Абибулаев О.А., 1959. Раскопки холма Кюль - Тепе близ Нахичевани в 1955 г. // Труды Азербайджанской (Орен - калинской) экспедиции. Т. 1. МИА. № 67. М.-Л.
- Абибулаев О.А., 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюль - Тепе в Азербайджане // СА, № 3.
- Абибуллаев О.А., 1965. Погребальные памятники из поселения Кюль - Тепе // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Абрамишвили Р.М., 1988. Металлургические области на территории Закавказья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми.
- Аванесова Н.А., 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства по металлическим изделиям. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.
- Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.
- Аветисян Г.М., 1978. Политическая история Митанни в XVI-XV вв. до н. э. // ВДИ, № 1.
- Авилова и др., 1999. Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции // РА, № 1.
- Авилова Л.И., 1975. Культура шаровидных амфор в Польше (обзор литературы) // СА, № 3.
- Авилова Л.И., 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ, № 4.
- Авилова Л.И., 1996а. Проблемы датирования бронзового века Анатолии (к вопросу о радиоугле-
- родной хронологии региона) // РА, № 1.
- Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Агапов и др., 1983. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции). Куйбышев.
- Агапов и др., 1990. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский неолитический могильник. Саратов.
- Агапов С.А., 1990. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Акишев К.А., 1992. Происхождение "звериного" стиля в изобразительном искусстве саков / Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). М.
- Алексеев В.П., 1961. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Алексеев В.П., 1961а. О брахиокранном компоненте в составе афанасьевской культуры // СЭ, № 1.
- Алексин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.
- Алексин В.А., 1989. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит и эпоха бронзы) // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Алехин Ю.П., Гальченко А.В., 1995. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Кольванское I) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1.

Челябинск.

Алехин Ю.П., Демин М.А., 1988. Предварительные результаты исследований 1982-87 гг. на поселении древних металлургов Кольванское I // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (Тезисы докладов). Барнаул.

Алиев В., 1972. Археологические раскопки на холме Кюль - Тепе II // СА, № 3.

Аль-Наджар Мухаммед, 1981. Памятники культуры ранней бронзы на территории Иордании (к вопросу о начале бронзового века Палестины) // СА, № 2.

Андреев Ю.В., 1987. Ранние формы урбанизации // ВДИ, № 1.

Андреев Ю.В., 1989. Островные поселения эгейского мира в эпоху бронзы. Л.

Андреева Ж.В., 1987. Бронзовый век Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА, № 1.

Андреева М.В., 1979. Об изображениях на серебрянных майкопских сосудах // СА, № 1.

Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.

Андреева М.В., 1990. Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры // СА, № 4.

Андреева М.В., 1991. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Андреева М.В., 1996. К вопросу о знаковой роли посуды из раннебронзовых памятников Кавказа (конец IV - III тысячелетия до н. э.) // ВДИ, № 1.

Антипина Е.Е., 1997. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы. // РА, № 3.

Антипина Е.Е., 1997. Об организации хозяйства у населения степей Южного Приуралья в позднебронзовом веке // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Антипина Е.Е., 1999. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА, № 1.

Антипина Е.Е., 1996. Скотоводство эпохи бронзы в степной полосе Восточной Европы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.1. Уфа.

Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.

Антонова Е.В., Литвинский Б.А., 1998. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока // ВДИ, № 1.

Антропологические типы древнего населения на территории СССР. 1988. М.

Аретян Г.Е., 1973. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА, № 4.

Аретян Г.Е., 1988. Индоевропейский сюжет в мифологии междуречья Куры и Аракса II тысячелетия до н. э. // ВДИ, № 4.

Артеменко И.И., 1987. Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городоцко-здолбицкая, стжижовская // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Артеменко И.И., 1987а. Комаровская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Артеменко И.И., 1987б. Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Археология Венгрии, 1986. Конец II тысячелетия до н. э. - I тысячелетие н. э. М.

Археология зарубежной Азии, 1986. М.

Археология Украинской ССР, 1985. Т.1. Киев.

Аскарлов А., 1973. Сапаллитепа. Ташкент.

Аскарлов А., 1977. Древнеземледельческие культуры эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.

Аскарлов А., 1979. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М.

Аскарлов А.А., 1981. Южный Узбекистан во II тыс. до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Багаутдинов и др., 1999. Багаутдинов Р.С., Крамарев А.И., Скарбовенко В.А. Раскопки курганов эпохи поздней бронзы в лесостепном Ульяновском Заволжье // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Москва.

Багаутдинов Р.С., 1988. Сравнительный анализ срубной и федоровской керамики из погребений с трупосожжениями // Проблемы изучения археоло-

гической керамики. Куйбышев.

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Бадер О.Н., 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА, № 99.

Бадер О.Н., 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

Бадер О.Н., 1971. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА, № 1.

Бадер О.Н., 1976. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Бадер О.Н., Попова Т.Б., 1987. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1987. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Барта А., 1985. Проблемы этнической археологии в уралистике и алтаистике // Урало-Алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск.

Бартонек А., 1991. Златообильные Микены. М.

Башилов В.А., Лооне Э.Н., 1986. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА, № 3.

Баюн Л.С., 1998. Дивинация на древнем Ближнем Востоке. I // ВДИ, 1998, № 1.

Березанская и др., 1986. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Березанская С.С., 1967. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине // СА, № 2.

Березанская С.С., 1998. Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге // РА, № 4.

Березанская С.С., Гершкович Я.П., 1983. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Берлев О.Д., Ходжах С.И., 1979. Наконечник копья фараона Яхмеса I из Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина // ВДИ, № 3.

Беседин В.И., 1984. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Беседин В.И., 1986. Погребения воронежской культуры // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Беседин В.И., 1995. О хронологии Пепкинского кургана // РА, № 3.

Беседин В.И., 1999. "Микенский" орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе. // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж.

Бжания В.В., 1963. Кавказ // Неолит Северной Евразии. М.

Бжания В.В., 1988. Древние рудники у перевала Адентъ // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми, 1988.

Бибикова В.И., 1981. Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. (по материалам халафского поселения Ярымтепе II) // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Библейская энциклопедия. 1990. М.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1973. Рало из позднеямного погребения конца III - начала II тысячелетия до н. э. // СА, № 3.

Бикерман Э., 1975. Хронология древнего мира. М.

Блаватская Б.В., 1966. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА, Вып. 108.

Бобров В.В., 1993. Андроновская культура или культурно-историческая общность? // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

Бобров В.В., 1999. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Бобров и др., 1997. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово.

Богданов и др., 1992. Богданов С.В., Кривцов Ю.А., Моргунова Н.Л. Курганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал // Древняя исто-

рия населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Богданова-Березовская И.В., 1968. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.

Богословская И.В., 1988. Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XIV - XII вв. до н. э. // ВДИ, № 1.

Богословская Н.Ф., 1972. К проблеме сложения халафской культуры // СА, № 2.

Бойс М., 1994. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Санкт-Петербург.

Болтрик и др., 1991. Болтрик Ю.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е. О позднем чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Большаков А.О., 1990. Определение государства требует уточнения // ВДИ, № 2.

Большов С.В., 1991. Абашевские древности и некоторые проблемы эпохи бронзы лесной полосы Среднего Поволжья // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар - Ола.

Большов С.В., 1994. Абашевская культура севера Среднего Поволжья. Автореф. канд. дис. М.

Большов С.В., 1995. Проблемы культурогенеза в лесной полосе Среднего Поволжья в абашевское время (к вопросу о соотношении абашевских и балановских памятников) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Большов С.В., Кузьмина О.В., 1995. Новые исследования II Валоватовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Бонгард-Левин Г.М., 1973. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (индоарии и местные субстраты) // ВДИ. 1979. № 3.

Бонгард-Левин Г.М., 1984. Арийское и неарийское в древней Индии // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.

Бонгард-Левин Г.М., Гуров Н.В., 1988. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы и задачи исследования // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1985. Индия

в древности. М.

Бондарь Н.Н., 1974. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев.

Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург.

Борухович В.Г., 1964. Ахейцы в Малой Азии // ВДИ, № 3.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) / Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.

Бочкарев В.С., 1995. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго - Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Братченко С.Н., Константинову Л.Ф., 1987. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Брей У., Трамп Д., 1990. Археологический словарь. М.

Брентъес Б., 1981. Митаннийцы и павлин // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Брюсов А.Я., 1965. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этнографический очерк) // СА, № 2.

Бухонина Т.А., 1984. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1997. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Вадецкая и др., 1980. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.

Вадецкая Э.Б., 1969. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СА, № 1.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Валентин перешеек - поселок древние рудопромыслов. 1987. М.

- Варенов А.В., 1984. О функциональном предназначении “моделей ярма” эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989а. Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Варов А.И., Косинцев П.А., 1996. Животноводство населения Южного Приуралья в позднем бронзовом веке // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.1. Уфа.
- Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Варфоломеев В.В., 1992. Кент как поселение протогородского типа // Маргулановские чтения. Петропавловск.
- Васильев и др., 1985. Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Васильев и др., 1986. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Позднеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев и др., 1986а. Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев и др., 1987. Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Васильев и др., 1993. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Горашук И.В., Зайберт В.В. Поселение Ук VI и проблемы боборыкинской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.
- Васильев и др., 1994. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Васильев и др., 1995. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Проблема перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.
- Васильев и др., 1995а. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Васильев и др., 1996. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., 1995. К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Васильев И.Б., 1999. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Васильев И.Б., 1999а. Большие ямно-полтавкинские курганы в Волго-Уралье и проблемы социальной структуры общества // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Васильев И.Б., 1999б. Взаимодействие культур в лесостепном Волго-Уралье в каменном и медно-каменном веках // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Васильев И.Б., 1999в. Взаимодействие культур в лесостепном Волго-Уралье в эпоху бронзы и железа // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Васильев И.Б., Непочатый В.А., 1997. Полтавкинское поселение у с. Ст. Яблонка Хвальинского района Саратовской области // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Васильев И.Б., Пряхин А.Д., 1979. Бескурган-

ный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. 1979. № 2.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1995. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.

Васильев К.В., 1998. Истоки китайской цивилизации. Москва.

Васильев Л.С., 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.

Васюткин и др., 1985. Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.

Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. 1984. Алма - Ата.

Визгалов Г.П., 1988. Поселения с гребенчатоямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Викторов В.К., Борзунов В.А., 1974. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1998. "Утюжки" с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ, вып. 23, Екатеринбург.

Вильхельм Г., 1992. Древний народ хурриты. М.

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е., 1981. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА, Вып. 167.

Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Труды Хорезмской экспедиции. Т. XIII. М.

Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., 1970. Литейные формы из Лявлякана // СА, № 2.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975. Первобытный Лявлякан. М.

Виноградов В.Б., 1991. Черты майкопского феномена в истории и культуре Среднего Притеречья // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Виноградов и др., 1986. Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский М.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М.

Виноградов и др., 1996. Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Виноградов Н.Б., 1982. Кулевчи III - памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА, Вып. 169.

Виноградов Н.Б., 1984. Кулевчи VI - новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА, № 3.

Виноградов Н.Б., 1995. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Историческая наука. Челябинск, Вып. 1.

Виноградов Н.Б., 1999. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А., 1985. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Виноградова Н.М., 1995. К вопросу о происхождении культуры Свата в северо-западном Пакистане // СА, № 4.

Волков Е.Н., 1999. О некоторых особенностях развития "прочерченно-накольчатых культур эпохи неолита" // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Вохменцев М.П., 1999. Энеолитические погребения лесостепного Притоболья // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.

Вулли Л., 1986. Забытое царство. М.

Гаджиев Д.В., 1989. Фауна с поселения Телль Магзалия // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Гаджиев М.Г., 1966. Новые данные о южных связях Дагестана в IV - III тысячелетиях до н. э. // КСИА, Вып. 108.

Гаджиев М.Г., 1987. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА, Вып. 192.

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-восточного Кавказа. Москва.

Гадзяцкая О.С., 1992. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго - Клязьминское междуречье) // СА, № 1.

Гаилов В.А., Кошеленко Г.А., 1989. Тоголок-21 и проблемы религиозной истории древней Маргианы // ВДИ, № 1.

Гайдученко Л.Л., 1995. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях

- по направлению Восток - Запад в эпоху бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.
- Галибин В.А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Галкин Л.Л., 1996. О роли экологических факторов в истории населения Волго - Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1980. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981. Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ, № 2.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1989. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ, № 1.
- Гаур Р.С., 1981. Серая расписная керамика и арийская проблема // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.
- Геворкян А.Ц., 1972. Химическая характеристика металла из Лчашенских курганов // СА, № 2.
- Гей А.Н., 1991. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспектах // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Гей А.Н., 1991а. Новотиторская культура (предварительная характеристика) // СА, № 1.
- Гей А.Н., 1991б. Энеолитический слой поселения Мысхако (Предварительные итоги работы Новороссийского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1990 г.) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Генинг В.Ф., 1975. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов (тезисы). Ч. 1. Киев.
- Генинг В.Ф., 1977. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // СА, № 4.
- Генинг В.Ф., 1982. Структура системы археологического знания (к вопросу о методологическом анализе уровней знания в археологии) // Методологические и методические вопросы археологии. Киев.
- Генинг В.Ф., 1989. К вопросу об археологической интерпретации "кетской проблемы" (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник. Новосибирск.
- Генинг В.Ф., 1989. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1982. Черноозерье IV - поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. Черноозерье I - могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург.
- Генинг и др., 1992. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск.
- Генисарецкий О.И., 1975. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение АС в управлении проектированием, теория и методология. М.
- Геннадиев и др., 1987. Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Смирнов Ю.А. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре // СА, № 2.
- Германов П.Г., Косинцев П.А., 1995. Костные остатки из поселения поздней бронзы Дружный I в Южном Зауралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.
- Герни О.Р., 1987. Хетты. М.
- Гершкович Я.П., 1986. Фигурные костяные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА, № 2.
- Гиндин Л.А., 1991. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ, № 3.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. 1972. Палеоан-

тропология Средней Азии. М.

Гиршман Р., 1981. Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита - поздней бронзы в Шида Картли - Бериклдеebi / КСИА, Вып. 192.

Глушков И.Г., 1987. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск.

Глушков И.Г., 1988. Специфика культурно-исторического развития Обь-Иртышья в эпоху доандроновской бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Глушков И.Г., 1990. Технологическая гончарная традиция как индикатор этнокультурных процессов (на примере керамических комплексов доандроновской бронзы) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск.

Глушкова Т.Н., 1999. Текстильная керамика и ткачество у петровцев // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Гобеджишвили и др., 1988. Гобеджишвили Г.Г., Инанишвили Г.В., Муджири Т.П. Опыт комплексного исследования памятников горного дела и металлургии Верхней Рачи эпохи бронзы // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми.

Голибин В.А., 1983. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников // Хлопин И.Н. Юго - Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.

Гопал Л., 1981. Вклад неиндоарийских народов в индийскую культуру // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Горбунов В.С., 1986. Абашевские культуры Южного Приуралья. Уфа.

Горбунов В.С., 1989. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев.

Горбунов В.С., 1990. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья (препринт). Свердловск.

Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.

Горбунов В.С., 1992а. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго - Уральских степей. Оренбург.

Горбунов В.С., 1993. Некоторые проблемы периодизации и хронологии культур эпохи бронзы Волго - Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.

Горбунов и др., 1990. Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.

Горелик М.В., 1988. Боевые колесницы Переднего Востока III - II тысячелетий до н.э. в циркум-понтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Горелик М.В., 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие - IV век до н. э.). М.

Готлиб А.И., 1997. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Гохман И.И., 1986. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

Грантовский и др., 1997. Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии // ВДИ, № 4.

Грантовский Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.

Граудонис Я.Я., 1987. Восточная Прибалтика // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Грене Ф., 1989. Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии // ВДИ, № 1.

Григорьев С.А., 1990. Проблема культурных трансформаций в Урало - Иртышском междуречье // Археология волго - уральских степей. Челябинск.

Григорьев С.А., 1994. Древняя металлургия Южного Урала. Автореф. канд. дис. М.

Григорьев С.А., 1995. Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.

Григорьев С.А., 1996. Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // Новое в

археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Григорьев С.А., 1996а. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Григорьев С.А., 1996б. Синташтинская культура и проблемы локализации арийской прародины // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.

Григорьев С.А., 1998а. Сейминско-турбинские бронзы и этническая история Евразии // Урал в прошлом и настоящем (материалы конференции). Ч. I. Екатеринбург.

Григорьев С.А., 1999. "Прото-городская цивилизация" и реалии синташтинской культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Григорьев С.А., 1999а. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск.

Григорьев С.А., 1999б. Соотношение федоровской и алакульской культур и проблема андроновской культурно-исторической общности // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Григорьев С.А., 2000. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск.

Григорьев С.А., 2000. Эпоха бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск.

Григорьев С.А., Русанов И.А., 1990. Экспериментальные работы по изготовлению керамики // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.

Григорьев С.А., Русанов И.А., 1995. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

Гришин Ю.С., 1971. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ, Вып. В 3 - 12.

Громов А.В., 1997. Происхождение и связи окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Грязнов М.П., 1966. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // КСИА, Вып. 108.

Грязнов М.П., 1969. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л.

Грязнов М.П., 1980. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.

Гумилев Л.Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР, № 1.

Гумилев Л.Н., 1993. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.

Гуммель Я.И., 1992. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ, № 4.

Гуренко Л.В., 1996. Об особенностях погребального обряда памятников эпохи средней бронзы Волго-Донского междуречья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Гутков А.И., 1995. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

Гутков А.И., 1995а. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.

Гюнтер Р., 1990. О времени возникновения государства в Риме // ВДИ, № 1.

Дандамаев М.А., 1989. Некоторые замечания к обсуждаемой проблеме // ВДИ, № 2.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.

Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.

Дегтярева и др., 1998. Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Астрединов В.М. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.

Демкин В.А., 1999. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Демкин и др., 1999. Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. Природные условия Восточноевропейских степей в I тыс. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Москва.

Демкина Т.С., Демкин В.А., 1999. Микробиологическая характеристика погребенных почв археологических памятников: новый подход в изучении палеоэкологии комплексных обществ // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

- Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991. Европейский компонент майкопской культуры в контексте взаимосвязей Центрально- и Восточно-Европейских общностей // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.
- Джапаридзе О.М., 1994. Триалетская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Джаракян Р.В., 1994. Этнический состав населения к северу от долины реки Диялы (Ирак) в III тысячелетии до н. э. // ВДИ, № 2.
- Джафаров Г.Ф., 1993. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // РА, № 4.
- Днепровский К.А., Корневский С.Н., Эрлих В.Р., 1995. Новые погребения “новосвободненской группы” у станицы Костромской в Закубанье // РА, № 3.
- Долуханов и др., 1985. Долуханов П.М., Щетенко А.Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе // СА, № 4.
- Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. М.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. 1985. М.
- Древняя Эбла. 1985. М.
- Дремов В.А., 1988. Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпохи неолита и бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (Тезисы докладов). Барнаул.
- Дремов И.И., 1996. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.
- Дремов И.И., 1997. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.
- Дремов И.И., 1997. О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА, № 4.
- Дьяконов И.М., 1970. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ, № 4.
- Дьяконов И.М., 1981. К методике исследований по этнической истории (“киммерийцы”) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.
- Дьяконов И.М., 1982. О прародине носителей индоевропейский диалектов. I. // ВДИ, № 3.
- Дьяконов И.М., 1982а. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II. // ВДИ. 1982. № 4.
- Дьяконов И.М., 1990. Люди города Ура. М.
- Дэвлет М.А., 1997. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Дэвлет М.А., 1998. Петроглифы на дне Саянского моря. Москва.
- Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты. М.
- Дюринг-Касперс Э., 1986. Маргиано-бактрийских археологический комплекс и харапское письмо // ВДИ, № 3.
- Евдокимов В.В., 1983. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Евдокимов В.В., 1985. Поселение Шукубай II // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.
- Евдокимов В.В., 1987. Заключительный этап эпохи бронзы кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Евдокимов В.В., Григорьев С.А., 1996. Металлургические комплексы поселения Семиозерки II // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1989. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л., 1989. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

- Евсюков В.В., Комиссаров С.А., 1984. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуьнццо в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.
- Евтюхова О.Н., 1961. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97.
- Егорейченко А.А., 1991. Очевидные подвески на территории СССР // СА, № 2.
- Егоров А.Б., 1990. Борьба патрициев и плебеев и Римское государство // ВДИ, № 2.
- Ельницкий Л.А., 1977. К происхождению этрусской космогонии и дивинации // ВДИ, № 2.
- Епимахов А. В., 1996. Курганный могильник Солнце II - некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- Епимахов А.В., 1993. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.
- Епимахов А.В., 1995. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск.
- Епимахов А.В., 1996а. Демографические аспекты социологических реконструкций (по материалам синташтинско-петровских памятников) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.
- Епимахов А.В., 1998. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореферат дис...к.и.н. Новосибирск.
- Епимахов А.В., 1999. Комплексные общества и возможности их диагностирования по археологическим материалам // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Есаян С.А., 1966. Оружие и военное дело древней Армении (III-I тыс. до н. э.). Ереван.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97.
- Ефимова С.Г., 1999. Антропологическая дифференциация лесостепных и степных групп европейской Скифии // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Москва.
- Жеребилов С.Е., Беспальный Е.И., 1997. Некоторые особенности обсидианового импорта Южной России в эпоху камня – бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Заблоцка Ю., 1989. История Ближнего Востока в древности. М.
- Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е. В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д., 1999. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д., 1999а. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. № 9, Екатеринбург.
- Зайков и др., 1995. Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Медный рудник бронзового века “Воровская яма” (Южный Урал) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.
- Зайкова Е.В., 1995. Состав металлических изделий поселения Синташта // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А., 1999. Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы // РА, № 3.
- Замаровский В., 1986. Их величества пирамиды. М.
- Захариков А.П., 1997. Формирование срубной культуры. Вариант трансформации культур степного Поволжья средней и поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Захарова Е.Ю., 1998. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Зданович Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы

археологии Урала. Вып. 12, Свердловск.

Зданович Г.Б., 1983. Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1984. Относительная хронология памятников бронзового века Урало - Казахских степей // Бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Зданович Г.Б., 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало - Казахских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Зданович Г.Б., 1995. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1997. Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА, № 2.

Зданович Г.Б., 1999. Гармонизация пространства Страны Городов // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1999. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., 1995. “Страна городов” - укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII-XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., 1999. Укрепленные центры “Страны Городов” Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация “Страна городов” Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА, № 3.

Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., 1988. Переход-

ные эпохи в археологии: аспекты исследования на материалах СКАЭ - УКАЭ // Проблемы археологии урало - казахстанских степей. Челябинск.

Зданович Д.Г., 1995. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и элладский регион в XVIII-XVI вв. до н.э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.

Зданович Д.Г., 1995а. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-казахстанских степей // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.

Зданович Д.Г., 1997. Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы “квазигородской” культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск.

Зданович С.Я., 1983. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович С.Я., 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Зеликсон Э.М., Кременецкий К.В., 1989. Палеография района Джебел Синджара // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. Екатеринбург.

Зырянова С.Ю., 1999. К вопросу о датировке боборыкинской культуры и ее месте в кругу неолитических культур Среднего Зауралья // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.

Зяблин Л.П., 1977. Карасукский могильник Малые Копены 3. М.

Иванов А.Ю., 1992. О некоторых обрядовых и внеобрядовых характеристиках погребений со скорченными костяками // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Иванов В.В., 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.

Иванов В.В., 1988. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Иванов В.В., 1999. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Цент-

ральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Иванов Вяч. Вс., 1985. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М.

Иванов Вяч. Вс., 1989. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семантических реконструкций (на материале комплекса Тоголок-21) // ВДИ, № 2.

Иванова Л.А., 1968. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур // СА, № 2.

Иванчик А.И., 1994. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ, № 3.

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. Москва.

Иванчик А.И., 1999. Проблемы хронологии степных культур Евразии первой половины I тыс. до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Иванчик А.И., 1999а. Современное состояние киммерийской проблемы // ВДИ, № 2.

Иллыч-Свитыч В.М., 1971. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М.

Ильюков Л.С., 1979. Металлические “вилки” майкопской культуры // СА, № 4.

Ильюков Л.С., 1986. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо - Восточного Приазовья // СА, № 2.

Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА, № 1.

Исмаилов Г.С., 1987. Этапы развития древнейшей металлургии и металлообрабатывающего производства на территории Азербайджана // КСИА, Вып. 192.

Исмаилов Г.С., Бахшалиев В.Б., 1988. Горно-металлургическое производство эпохи палеометалла на территории Азербайджана // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми, 1988.

История Древнего Востока. 1988. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М.

История Древней Греции. 1991. М.

История Европы. 1988. Т. 1. Древняя Европа. М.

Итина М.А., 1962. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II - начале I тысячелетия до н. э. // СЭ, № 3.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.

Йоффи Н., 1989. “Чужеземцы” в Месопотамии // ВДИ, № 2.

Каверзнева Е.Д., 1992. Шагарский могильник конца III - начала II тысячелетия до н.э. в центральной Мещере // СА, № 3.

Каверзнева Е.Д., 1995. Шагарский могильник и его место в этнокультурной истории населения эпохи энеолита - ранней бронзы лесной и лесостепной зоны Евразии. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн.1. Челябинск.

Казаков Е.П., 1978. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.

Казаков Е.П., 1999. Исследования андронидных культур в Волго-Камье и труды К.В.Сальникова // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай.

Каменецкий И.С., 1970. Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА, № 2.

Канторович А.Р., 1998. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница / РА, № 4.

Канторович А.Р., 1998а. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии // ВДИ, № 3.

Капогросси Колонези Л., 1990. Формирование государства в Риме // ВДИ, № 1.

Карабаспакова К.М., 1987. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Карачаров К.Г., 1993. О правомерности этнических интерпретаций // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

- Качалова Н.К., 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1989. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА, № 2.
- Кернер В.Ф., 1999. Керамический комплекс боборькинской культуры в верховьях р. Исеть // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Ким С.Р., 1990. Виды антогонизмов в древнеримском обществе // ВДИ, № 2.
- Кинк Х.А., 1970. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М.
- Киришин Ю.Ф., 1985. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск.
- Киришин Ю.Ф., 1987. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., 1988. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья / Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Кияткина Т.П., 1968. Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.
- Кияткина Т.П., 1982. Культуры Средней Азии в эпоху бронзы и данные антропологии // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко В.Я., 1976. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Кияшко В.Я., 1978. Кавказские черты погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье // VIII Крупновские чтения. Нальчик.
- Клейн Л.С., 1970. К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур // СА, № 1.
- Клейн Л.С., 1970а. Проблема определения археологической культуры // СА, № 2.
- Клейн Л.С., 1986. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф.Генинга "Объект и предмет науки в археологии") // СА, № 3.
- Кленгель Х., 1985. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы // Древняя Эбла. М.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., 1999. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Ковалева В.Т., 1986. Боборькинская культура (итоги изучения) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск.
- Ковалева В.Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Ковалева В.Т., 1993. Динамика культуры и общества в Среднем Зауралье (неолит - бронзовый век) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.
- Ковалева В.Т., 1995. Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн.1. Челябинск.
- Ковалева В.Т., 1997. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург.
- Ковалева В.Т., 1999. К.В.Сальников и проблема изучения боборькинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Ковалева В.Т., Арефьев В.А., 1993. О семантике сосудов с зооморфными изображениями // ВАУ, Вып. 21.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 1998. Историография и дискуссионные проблемы боборькинской культуры // ВАУ, вып. 23, Екатеринбург.
- Ковалева В.Т., Приходченко И.А., 1996. Проблема генезиса ташковской культуры Нижнего Притоболья // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., 1991. Проблема перехода от неолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Поздний неолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР.

Йошкар - Ола.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М., 1991. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного - начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ, Вып. 20. Екатеринбург.

Ковалева И.Ф., 1981. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск.

Кожанов С.Т., 1984. Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.

Кожин П.М., 1963. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА, № 3.

Кожин П.М., 1970. О псалях из афанасьевских могил // СА, № 4.

Кожин П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.

Кожин П.М., 1990. О хронологии иньских памятников Аньана // Китай в эпоху древности. Новосибирск.

Кожин П.Н., 1966. О глиняных моделях колес из Балановского могильника // СА, № 4.

Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). Москва.

Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ, Вып. 20. Екатеринбург.

Кокшаров С.Ф., 1999. Металлообработка на реке Конде в бронзовом веке // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.

Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К., 1993. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.

Колев Ю.И., 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Колев Ю.И., 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара.

Колев Ю.И., 1993. К вопросу о культурно-хронологическом соотношении комплексов позднего бронзового века Волго-Камья // Археологические культуры и культурно-исторические общности

Большого Урала (Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

Колев Ю.И., 1999. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1, Самара.

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995. Многослойное поселение эпохи неолита - позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Колотухин В.А., 1983. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму // СА, № 1.

Корневский С.Н., 1973. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА, № 1.

Корневский С.Н., 1974. О металлических топорах катакомбной культуры // СА, № 3.

Корневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА, № 2.

Корневский С.Н., 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА, № 1.

Корневский С.Н., 1983. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Корневский С.Н., 1983а. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА, Вып. 176.

Корневский С.Н., 1984. О металле Балымского клада // КСИА. Вып. 177, М.

Корневский С.Н., 1990. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА, № 4.

Корневский С.Н., 1991. К вопросу о Майкопе на Среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Корневский С.Н., 1992. К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии // РА, № 2.

Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА, № 2.

Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. Курганы у станицы Воровсколеской // Древности Ставрополя. М.

Коренько В.А., 1998. К проблеме происхожде-

- ния скифо-сибирского звериного стиля // РА, № 4.
Коробкова Г.Ф., 1989. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М.
- Коробкова Г.Ф., 1996. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. М.
- Коробкова Г.Ф., Гаджиев М.Г., 1983. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА, № 1.
- Корочкова и др., 1991. Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо - Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ, Екатеринбург, Вып. 20.
- Корочкова О.Н., 1987. Предтаежное и южнотаежное Тоболо - Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.
- Корочкова О.Н., 1999. К оценке специфики федоровских комплексов Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселения федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Корпусова В.Н., Ляшко С.Н., 1990. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА, № 3.
- Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. Л.
- Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.
- Косарев М.Ф., 1987. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Косинская Л.Л., 1999. Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей. // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Косинцев П.А., 1999. Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Косинцев П.А., 1999а. Эволюция животноводства в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья в III-II тыс. до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Косинцев П.А., 1999б. Хозяйство ташковской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Косменко М.Г., Казаков Е.П., 1976. О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // СА, № 2.
- Костюков и др., 1995. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Костюков и др., 1996. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Котельникова И.А., 1999. Погребальные комплексы с каменными конструкциями федоровской культуры // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.
- Кофанов Л.Л., 1990. К вопросу о времени возникновения государства в Риме // ВДИ, № 2.
- Кошеленко Г.А., 1987. О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
- Кошеленко Г.А., 1990. К дискуссии о возникновении государства в Древнем Риме // ВДИ, № 1.
- Кравцов А.Ю., 1992. Древнеямные погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.
- Крайнов Д.А., 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д.А., 1987а. Фатьяновская культура. // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. // САИ, Вып. В 1 - 22.
- Крайнов Д.А., Лозе И.А., 1987. Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Кривцова-Гракова О.А., 1947. Абашевский могильник // КСИИМК, Вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Труды Государственного исторического музея. М. Вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. М.
- Кривцова-Гракова О.А., 1951. Садчиковское поселение (раскопки 1984г.) // МИА, № 21.
- Крижевская Л.Я., 1977. Раннебронзовое время

в Южном Зауралье. Л.

Крижевская Л.Я., 1993. Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА, № 23, М.-Л.

Крупнов Е.И., 1964. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА, № 1.

Крутских Н.А., Шорин А.Ф., 1984. Черкаскульские могильники на севере Челябинской области // СА, № 4.

Кубарев В.Д., 1987. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск.

Кубышев А.И., Нечитайло А.Л., 1991. Центры металлообрабатывающего производства азово-черноморской зоны (к постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Кубышев А.И., Черняков И.Т., 1982. К проблеме существования весовых систем у племен катакомбной культуры (По материалам погребения литейщика у с. М.Терновка в Приазовье) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.

Кубышев А.И., Черняков И.Т., 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века Восточной Европы (по материалам погребения литейщика катакомбной культуры) // СА, № 1.

Кузнецов П.Ф., 1983. Соотношение тип – металл - памятник в абашевской культурно-исторической общности // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Кузнецов П.Ф., 1991. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья. Автореф. канд. дис. Санкт-Петербург.

Кузнецов П.Ф., 1996. Еще раз об особенностях Потаповского могильника // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.

Кузнецов П.Ф., 1996а. Кавказский очаг и куль-

туры эпохи бронзы Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV - I тыс. до н.э. Санкт-Петербург.

Кузнецов П.Ф., 1996б. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита - бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. Санкт - Петербург.

Кузнецов П.Ф., 1996в. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Кузнецов П.Ф., 1997. П.Д.Рау и современное состояние изучения памятников ранней и средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Кузнецов П.Ф., 1999. О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Кузнецова М.В., 1997. Возможные подходы к реконструкции сырьевой базы ткацкого производства эпохи бронзы (по материалам поселения Аркаим) // XXIX Урало-поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Челябинск.

Кузьмина Е.Е., 1981. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.

Кузьмина Е.Е., 1958. Могильник Заман-Баба / СЭ, № 2.

Кузьмина Е.Е., 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В 4 – 9, М.

Кузьмина Е.Е., 1972. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией (обзор работ Итальянской археологической миссии в Пакистане) // КСИА, Вып. 132.

Кузьмина Е.Е., 1973. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Кузьмина Е.Е., 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей // ВДИ, № 4.

- Кузьмина Е.Е., 1975. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей // КСИА. Вып. 161, М.
- Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М.
- Кузьмина Е.Е., 1988. Еще раз о хронологии и этнической атрибуции памятников федоровского типа андроновской общности // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Кузьмина Е.Е., 1992. Шортугай: проблемы соотношения эпохи и материальной культуры // ВДИ, № 4.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина Е.Е., 1996. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ, № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1997. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. II. Возникновение кочевого скотоводства // ВДИ, № 2.
- Кузьмина Е.Е., 1999. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Кузьмина Е.Е., 1999а. Некоторые дискуссионные проблемы культуры степей Урала и сопредельных территорий в эпоху энеолита и бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.
- Кузьмина О.В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1, Самара.
- Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С., 1995. Хроника семинара “Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье” // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Кузьминых С.В., 1977. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА, № 2.
- Кузьминых С.В., 1983. Предананьинская металлообработка Волго-Камья // Бронзовый век степной полосы Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.
- Кузьминых С.В., 1983а. Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1985. Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притоболья // Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. К проблеме происхождения кельтов-лопатов // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (тезисы докладов). Барнаул.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988а. Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (тезисы докладов). Барнаул.
- Культура древнего Рима. 1985. Т. 1. М.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х., 1985. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Кунгурова Н.Ю., 1987. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.
- Курочкин Г.Н., 1974. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. 1974. № 2.
- Курочкин Г.Н., 1990. Памятники с серой керамикой эпохи раннего железа в иранском Азербайджане // КСИА, Вып. 199.
- Кучера С., 1977. Китайская археология М.
- Кушнарера К.Х., 1959. Поселения эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама // Труды Азербайджанской (Орен-калинской) экспедиции. Т. 1. МИА. № 67. М.-Л.
- Кушнарера К.Х., 1965. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 125. М.-Л.
- Кушнарера К.Х., 1983. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. М. Вып. 176.
- Кушнарера К.Х., 1994. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

- Кушнарева К.Х., 1994а. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Кушнарева К.Х., 1994б. Кармирбердская (тазакендская) культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Кушнарева К.Х., 1994в. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванкской) культуры // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Кушнарева К.Х., 1994г. Севано-узэрликская группа памятников // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1963. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. // СА, № 3.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Ленинград.
- Кызласов Л.Р., 1993. К истории карасукской металлургии // РА, № 3.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995. Геологическая история зоны Евразийских степей в последние 10 000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 2. Челябинск.
- Лазаретов И.П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Лал Б.Б., 1981. Индоарийская гипотеза в сопоставлении с индийской археологией // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.
- Ламберг-Карловски К.К., 1990. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ, № 1.
- Лебедева Е.Ю., 1996. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы / XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.
- Лев Д.Н., 1966. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА, Вып. 108.
- Левушкина С., Флициян Е., 1981. Химический состав металла кинжала из Вахшувара // СА, № 1.
- Лелеков Л.А., 1982. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ, № 3.
- Лесков А.М., 1964. Древнейшие роговые псалли из Тахтемирова // СА, № 1.
- Лесков А.М., 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев.
- Лившиц В.А., Стеблин-Каменский И.М., 1989. Протозороастризм? // ВДИ, № 1.
- Линь Юнь, 1990. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Лисицына Г.Н., 1989. Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.
- Литвиненко Р.А., 1993. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА, № 3.
- Литвиненко Р.А., 1998. Была ли абашевская культура на Украине? // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Литвиненко Р.А., 1999. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Литвиненко Р.А., 1999а. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.
- Литвинский Б.А., 1989. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ, № 1.
- Ллойд С., 1984. Археология Месопотамии. М.
- Ловпаче Н.Г., 1991. Истоки майкопской культуры, связь ее с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Логвин В.Н., 1995. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.
- Логвин В.Н., Калиева С.С., 1986. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Ломан В.Г., 1987. Донгальский тип керамики / Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Ломан В.Г., 1995. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы

конференции. Ч. V, кн. 1. Челябинск.

Лоон М.Н., 1985. Конец периода ранней бронзы в Сирии: проблемы хронологии и интерпретации // Древняя Эбла. М.

Лопатин В.А., 1996. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.

Лопатин В.А., 1997. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.

Лопатин В.А., 1997а. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Лопатин В.А., 1999. Раннесрубный компонент в керамическом комплексе Смеловского грунтового могильника // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Москва.

Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА, № 1.

Лотман Ю.М., 1977. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М.

Ляхов С.В., 1996. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана близ пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.

Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992. Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Мазниченко А.П., 1985. Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1989. К проблеме коневодства в неолит-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Максименков Г.А., 1965. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии. МИА. № 130. М.

Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.

Малов Н.М., 1999. Копья – знаки архаических лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Малолетко А.М., 1988. Культурная и этническая принадлежность пришлых скотоводов Васюганья в эпоху бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (тезисы докладов). Барнаул.

Малолетко А.М., 1989. Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск.

Малютина Т.С., 1984. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало - Иртышского междуречья. Челябинск.

Малютина Т.С., 1990. Поселения и жилища федоровской культуры урало-казахстанских степей // Археология волго-уральских степей. Челябинск.

Малютина Т.С., 1991. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара.

Малютина Т.С., 1994. Федоровская культура урало-казахстанских степей. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Малютина Т.С., 1999. “Квазигорода” эпохи бронзы Южного Урала и Древний Хорезм // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 1995. Куйсак - укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V, кн. 1. Челябинск.

Мамардашвили М., 1997. Лекции по античной философии. М.

Мандельштам А.М., 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.

Маргерон Ж.К., 1985. Мари - самобытность или заимствования? // Древняя Эбла. М.

Маргулан и др., 1966. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

- Маркарян Э.С., 1969. Очерки теории культуры. Ереван.
- Марковин В.И., 1973. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) // СА, № 1.
- Марковин В.И., 1984. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // КСИА, Вып. 177.
- Марковин В.И., 1990. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА, № 4.
- Марковин В.И., 1990а. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // СА, № 4.
- Марковин В.И., 1991. Курган Псынако I как источник изучения спорных вопросов эпохи бронзы Западного Кавказа (культура дольменов) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Марковин В.И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1994а. Каякентско-харачоевская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1994б. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., 1999. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1994. К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА, № 1.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1998. Наскальные изображения Семиречья. Алматы.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1999. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1999а. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы.
- Массон В.М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Л.
- Массон В.М., 1977. Печати протоиндийского типа на Алтын-Депе (К проблеме этнической атрибуции расписной керамики Ближнего Востока) // ВДИ, № 4.
- Массон В.М., 1981. Алтын - Депе. Л.
- Массон В.М., 1984. Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
- Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.
- Массон В.М., 1999. О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Матвеев А.В., 1986. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА, № 2.
- Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.
- Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
- Матвеев Ю.П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Маттиэ П., 1985. Раскопки Эблы 1964 - 1982 гг.: итоги и перспективы // Древняя Эбла. М.
- Маттиэ П., 1985а. Царский дворец G в Эбле и протосирийские архитектурные традиции // Древняя Эбла. М.
- Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.
- Матющенко В.И., 1975. Могильник у дер. Ростовка // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Матющенко В.И., 1999. Еще раз о сейминско-турбинском феномене // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск.
- Махмудов и др., 1968. Махмудов Ф.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА, № 4.
- Медведев Е.М., 1990. Очерки истории Индии до XII в. М.
- Медведская И.Н., 1977. Об "иранской" принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана // ВДИ, № 2.

- Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II - первой половины I тысячелетия до н.э. // СА, №4.
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В., 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений. // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Москва.
- Мейер-Меликян Н.Р., 1990. Определение растительных остатков из Тоголок 21 // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Мелентьев А.Н., 1976. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия (памятники сероглазовского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Мелларт Дж., 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.
- Мелюкова А.И., 1989. Краткие сведения об истории скифов // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мелюкова А.И., 1989а. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мелюкова А.И., 1999. К вопросу о восточноевропейских кочевниках на территории Средней Европы в начале железного века. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Москва.
- Мерперт и др., 1985. Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., 1961. Абашевские курганы северной Чувашии (раскопки 1957 - 1958 годов) / Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97.
- Мерперт Н.Я., 1966. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы // КСИА, Вып. 108.
- Мерперт Н.Я., 1976. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV - III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Мерперт Н.Я., 1988а. Korfman M. Demirciuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1978. В. I. Rhein, 1983 // СА. 1988, № 2.
- Мерперт Н.Я., 1995. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.
- Мерперт Н.Я., 1995а. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // СА. 1995. №3.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1984. Археологическая поездка по Сирии // СА, № 1.
- Мерц В.К., Франк Д.А., 1996. Раскопки у с. Мичуринское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (материалы научно-практической конференции). Барнаул.
- Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л., 1996. К проблеме происхождения коневодства на Южном Урале // Вопросы археологии Центрального Казахстана. Вып. 1. Самара.
- Микеладзе Т.К., 1994. Протоколхская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Мифы народов мира. 1988. Т. 2. М.
- Михайлов Ю.И., 1999. Семантика зернотерок и пестов в погребальных ритуальных комплексах IX-VII вв. до н.э. Саяно-Алтайского нагорья // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Мишина Т.Н., 1989. Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополя // Древности Ставрополя. Москва.
- Мовша Т.Г., 1969. Об антропоморфной пластике трипольской культуры // СА, № 2.
- Мовша Т.Г., 1982. К вопросу о колесном транспорте в трипольской культуре // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Могильников В.А., 1976. О восточной границе памятников с валиковой керамикой // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
- Молодин В.И., 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка 2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул.
- Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1988. О соотношении кротов-

кой и окуневской культур // Некоторые проблемы сибирской археологии. М.

Молодин В.И., 1998. Н.А.Членова. Центральная Азия и скифы. Датировка кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997 // РА, № 4.

Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск.

Молодин В.И., Погожева А.П., 1990. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА, № 1.

Молчанов А.А., 1987. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М.

Монахов С.Ю., 1984. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА, № 1.

Монгайт А.Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.

Моргунова Н.Л., 1991. К вопросу о полтавчинской культуре Приуралья // СА, № 4.

Моргунова Н.Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (По материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Моргунова Н.Л., 1999. Этнокультурная ситуация в Волго-Кральском междуречье в эпохи неолита и энеолита // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Мосин В.С., 1995. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье и Северном Казахстане на рубеже энеолита - бронзового века // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.

Мосин В.С., 1996. Зауральская культурно-историческая область в мезолите - энеолите // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.1. Уфа.

Мосин В.С., 1999. О раннем энеолите Южного Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Мосин В.С., 1999а. Южное Зауралье в каменном веке // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.

Мочалов О.Д., 1995. К вопросу о происхож-

дении керамических ареалов Волго-Уралья эпохи средней бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч.V., кн.1. Челябинск.

Мочалов О.Д., 1996. О возможной интерпретации орнамента керамики памятников потаповского типа // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.

Мочалов О.Д., 1996а. О керамике полтавчинской культуры Среднего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Мочалов О.Д., 1996б. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Самара.

Мочалов О.Д., 1997. Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры. Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж.

Мочалов О.Д., 1997а. Потаповская керамика и проблема формирования срубной культуры волго-уральской лесостепи // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Мочалов О.Д., 1999. Сравнительно-статистический анализ погребальных керамических комплексов рубежа эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара.

Мочалов О.Д., 1999а. Сравнительный анализ керамики погребений приуральской абашевской культуры и керамических комплексов конца средней - начала поздней бронзы Волго-Уралья и Зауралья. О роли абашевских древностей в культурогенезе // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., 1990. Тель Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988-1989 гг.) // СА, № 3.

Мунчаев Р.М., 1981. Куро-аракская культура / Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мунчаев Р.М., 1987. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура / Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя

и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Мунчаев Р.М., 1994а. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1997. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА, № 2.

Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Мэллори Дж. П., 1997. Индоевропейские прародины // ВДИ, № 1.

Наговицин Л.А., 1987. Новоильинская, гаринско-барская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Напольских В.В., 1994. О времени и исторических условиях урало-тохарских контактов // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 85. 21-39, Helsinki.

Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралоистику. Ижевск.

Нариманов И.Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI - IV тыс. до н.э.). Баку.

Нелин Д.В., 1995. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.

Нелин Д.В., 1996. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.

Нелин Д.В., 1996а. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Самара.

Нелин Д.В., 1999. К проблеме сложения варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья) // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара.

Нехаев А.А., 1986. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. 1986. № 1.

Нехаев А.А., 1991. О периодизации домайкоп-

ской культуры Северо-Западного Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Нечитайло А.Л., 1984. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА, № 4.

Нечитайло А.Л., 1991. Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.

Нечитайло А.Л., 1996. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА, № 4.

Никитенко Н.И., 1998. Начало освоения железа в белозерской культуре // РА, № 3.

Никитин В.И., 1989. Матвеевка I - поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА, № 2.

Николаев С.В., 1985. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.

Николов В., 1984. Раннеэнеолитические культуры в Западной Болгарии // СА, № 2.

Никулина Н.М., 1977. Искусство эгейского мира и его связи с искусством Древнего Востока // ВДИ, № 3.

Новгородова Э.А., 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.

Новгородова Э.А., 1978. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА, № 4.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Новикова Л.А., 1976. Западные связи Северо-причерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА, № 3.

Новикова Л.А., Шилов Ю.А., 1989. Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы // СА, № 2.

Новоженов В.А., 1989. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей. Краткий обзор источников // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Новоженов В.А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы.

Ньола Г., 1989. Археология и проблема происхождения зороастризма: новые перспективы // ВДИ, № 2.

Обыденнов и др., 1994. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Екатеринбург.

Обыденнов М.Ф., 1986. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа.

- Обыденнов М.Ф., 1987. Межовская культура в Южном Приуралье // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., 1996. Новые материалы о проникновении древних индоевропейцев на территорию Башкортостана (середина II тыс. до н. э.). Каменные сверленные топоры. Препринт. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межавская культуры). Екатеринбург.
- Озеров А.А., Беспалый Е.Н., 1987. Погребение эпохи бронзы близ г. Сальска // СА, № 3.
- Олива П., 1977. Древний Восток и истоки греческой цивилизации // ВДИ, № 2.
- Олчин Ф.Р., 1981. Археологические и историко-лингвистические данные о продвижении носителей индоарийских языков в Южную Азию // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.
- Оппенгейм А., 1990. Древняя Месопотамия. М.
- Орловская Л.Б., 1994. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древней культуры на Илеке. Оренбург.
- Ортманн В., 1985. Керамика ранней и средней бронзы на среднем Евфрате и ее связи с керамикой Хамы и Эблы // Древняя Эбла. М.
- Орфинская и др., 1999. Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. М.
- Отрошенко В.В., 1986. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА, № 3.
- Отрошенко В.В., 1996. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Отрошенко В.В., 1997. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Отрошенко В.В., 1998. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Очерк истории еврейского народа. 1990. Иерусалим.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 1994. Томск.
- Ошибкина С.В., 1984. О находках сейминского времени в Восточном Прионежье // КСИА, Вып. 177.
- Ошибкина С.В., 1987. Энеолит и бронзовый век севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Палагута И.В., 1998. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья. // РА, № 1.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье, 1993 // САИ. В 1 – 10, Саратов.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1999. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Пассек Т.С., 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. Москва.
- Паульс Е.Д., 1997. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Пейрос И.И., 1988. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Пейрос И.И., Шнирельман В.А., 1992. В поисках прародины дравидов (лингвоархеологический анализ) // ВДИ, № 1.
- Петренко В.Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Степи Европейской части СССР в скифосарматское время. М.
- Петрин и др., 1993. Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпоха камня и бронзы). Новосибирск.
- Петров Ф., 2000. Индоевропейская эсхатологическая традиция на материале скандинавской и зороастрийской мифологии // Известия Челябинского научного Центра. Вып. 1. Снежинск.
- Петров Ю.Э., 1983. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

- Пиотровский Б.Б., 1992. Дополнения к статье Я.И. Гуммеля // ВДИ, № 4.
- Пиотровский Ю.Ю., 1991. Датировка археологического комплекса Майкопского кургана (Ошад) и проблемы хронологии “майкопской” культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Поболь Л.Д., 1966. Погребение эпохи бронзы близ дер. Борисовщина Могилевской области // СА, № 2.
- Погорелов В.И., 1985. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА, № 1.
- Погорелов В.И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА, № 2.
- Подольский М.Л., 1997. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Полидович Ю.Б., Полидович Е.А., 1999. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Москва.
- Попов В.А., 1999. Проблемы изучения горнорудного промысла эпохи бронзы в Туве // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Посредников В.А., Цыб С.В., 1992. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин-1 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- Потапов В.В., 1997. Погребение XII-X вв. до н.э. в волго-донских степях (к проблеме отбора источников) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Потемкина Т.М., 1976. Камышное II - многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА, Вып. 147.
- Потемкина Т.М., 1982. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА, Вып. 169.
- Потемкина Т.М., 1983. Алакульская культура // СА, № 2.
- Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
- Потемкина Т.М., 1994. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Потемкина Т.М., 1995. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.
- Потемкина Т.М., 1995а. Проблемы связей культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА, № 1.
- Потемкина Т.М., 1995б. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы // РА, № 2.
- Потемкина Т.М., 1999. Зауральские энеолитические святилища с астрономическими ориентирами в системе сходных моделей Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Пряхин А.Д., 1972. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА, № 3.
- Пряхин А.Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА, № 3.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998а. Остроречерные абашевские сосуды доно-волжского региона // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1999. Погребения с дисковидными псалиями эпохи средней бронзы евразийской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1986. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж., 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской

лесостепи. Вып. 11. Воронеж.

Пьянков И.В., 1989. Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации // ВДИ, № 1.

Пьянкова Л.Т., 1974. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА, № 3.

Рассамакин Ю.Я., 1987. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Рассамакин Ю.Я., 1991. О погребениях предкатакомбного времени в Северо-западном Приазовье // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Резепкин А.Д., 1982. О распространении дольменов Западного Кавказа // КСИА, Вып. 169.

Резепкин А.Д., 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новособорная // КСИА, Вып. 192.

Резепкин А.Д., 1991. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Рогожинский А.Е., 1999. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы.

Рогудев В.В., 1997. Ранний материал срубного слоя Раздорского поселения // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Розен-Пшеворская Я., 1963. К вопросу о кельтско-скифских отношениях // СА, № 3.

Ртвеладзе Э.В., 1981. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) // СА, № 1.

Рудковский И.В., 1987. Андроновский орнамент как система // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Рудковский И.В., 1989. Типы зонирования в андроновском орнаменте // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Рузанов В.Д., 1988. Применение спектроналитических данных для выявления древних источников металла Средней Азии // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н. э. и их роль в горнометаллургическом производстве древнего населения (Тезисы докладов). Сухуми.

Рутто Н.Г., 1987. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.

Рутто Н.Г., 1992. Новые срубно-алакульские

памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железного века. Уфа.

Рыбалова В.Д., 1966. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА, № 4.

Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. Вып. 16. Л.

Рыжкова О.В., 1996. Искра III - новое поселение ташковской культуры // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа, 1996.

Рыжкова О.В., 1999. Исследование поселения Искра III (ташковская культура) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.

Рындина Н.В., 1961. К вопросу о технике обработки трипольского металла // Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. Москва.

Рындина Н.В., 1971. Древнейшее металлообработывающее производство Восточной Европы. Москва, МГУ.

Рындина Н.В., Конькова Л.В., 1982. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА, № 2.

Рындина Н.В., Яхонтова Л.К., 1989. Медное шило из Телль Магзалии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Рысин М.Б., 1990. Датировка комплексов из Эшери // СА, № 2.

Рысин М.Б., 1991. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Рэнфрю К., 1998. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индо-европейская проблема // ВДИ, № 3.

Савинов Д.Г., 1997. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Савинов Д.Г., 1997а. Первичные материалы и стиль Саяно-Алтайских изображений раннескифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Савинов Д.Г., 1997б. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Саврасов А.С., 1998. Металлообработка насе-

ления донской лесостепной срубной культуры. Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж.

Сагдулаев А.С., 1989. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА, № 2.

Сазыхзаде Ш.Г., 1965. Украшения периода поздней бронзы на территории Азербайджана как исторический источник // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.

Салларес Р., 1998. Языки, генетика и археология // ВДИ, № 3.

Салтовская Е.Д., 1978. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане // КСИА, № 154.

Салугина Н.П., 1993. Технологический анализ керамики из памятников раннего и среднего бронзового века Оренбуржья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

Салугина Н.П., 1994. Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Сальников К.В., 1940. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // МИА, № 1.

Сальников К.В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, № 21.

Сальников К.В., 1952. Курганы на озере Алакуль // МИА, № 24.

Сальников К.В., 1957. Кипельское Селище // СА, Вып. XXVIII.

Сальников К.В., 1959. Раскопки у села Новобурино (1948 год) // СА, Вып. XXIX-XXX.

Сальников К.В., 1962. К истории древней металлургии на Южном Урале // АЭБ. I. Уфа.

Сальников К.В., 1962а. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. I. Уфа.

Сальников К.В., 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ, Вып. 6.

Сальников К.В., 1965. История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Сальников К.В., 1965а. Кельты Зауралья и Южного Урала // Новое в советской археологии. МИА, № 130.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Санжаров С.Н., 1991. К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца // СА, № 3.

Санжаров С.Н., 1991а. Позднекатакомбные погребения из Северо-восточного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Санжаров С.Н., 1994. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время // РА, № 1.

Сарианиди В.И., 1969. Терракотовая головка с Улуг-Тепе и ее месопотамские прототипы // СА, № 3.

Сарианиди В.И., 1970. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА, № 4.

Сарианиди В.И., 1972. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Афганистане // КСИА, № 132.

Сарианиди В.И., 1974. Бактрия в эпоху бронзы // СА, № 4.

Сарианиди В.И., 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА, № 2.

Сарианиди В.И., 1976. Печати - амулеты мургабского стиля // СА, № 1.

Сарианиди В.И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.

Сарианиди В.И., 1978. Древнейшие топоры Афганистана // СА, № 2.

Сарианиди В.И., 1981. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Сарианиди В.И., 1986. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э. // СА, № 2.

Сарианиди В.И., 1988. Вилообразные орудия Кавказа, Ирана и Бактрии // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н. э. и их роль в горнометаллургическом производстве древнего населения (Тезисы докладов). Сухуми.

Сарианиди В.И., 1989. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ, № 1.

Сарианиди В.И., 1989а. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ, № 2.

Сарианиди В.И., 1989б. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1989. № 4.

- Сарианиди В.И., 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди В.И., 1993. Ахейская Греция и Центральная Азия (вновь к постановке проблемы) // ВДИ, № 4.
- Сарианиди В.И., 1995. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Маргианы и Бактрии / Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.
- Сарианиди В.И., 1999. Сиро-хеттское происхождение Бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ, № 1.
- Сарианиди В.И., 1999а. Первые индоиранцы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Сарианиди и др., 1977. Сарианиди В.И., Терехова Н.Н., Черных Е.Н. О ранней металлургии и металлообработке Древней Бактрии // СА, № 2.
- Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Сафронов В.А., 1990. Новые пути решения майкопской проблемы // СА, № 4.
- Свешников И.К., 1983. Культура шаровидных амфор // САИ. В 1-27. М., 1983.
- Седов В.В., 1965. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье // СА, № 4.
- Седов В.В., 1992. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) // СА, № 1.
- Седов В.В., 1993. Древнеевропейцы // РА, № 3.
- Седов В.В., Смирнов К.А., 1987. Археологическая тематика VI Международного конгресса финно-угроведов // СА, № 1.
- Селимханов И.Р., Торосян Р.М., 1969. Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье // СА, № 3.
- Семенов В.А., 1982. Памятники афанасьевской культуры в Саянах // СА, № 4.
- Семенов В.А., 1987. Древнеямная культура - афанасьевская культура и проблемы прото-тохарской миграции на восток // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск.
- Семенов В.А., 1997. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Симонян А.Е., 1982. Кармирбердская культура по материалам периода средней бронзы в Армении (опыт выделения) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Синицин И.В., Эрдниев У.Э., 1982. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста.
- Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1992. Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонуе // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.
- Скандоне-Маттиэ Г., 1985. Связи между Эблой и Египтом в период ранней и средней бронзы // Древняя Эбла. М.
- Смирнов А.М., 1988. К вопросу о генезисе донецкой катакомбной культуры // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н. э. и их роль в горнометаллургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Смирнов А.П., 1961. К вопросу о формировании абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97.
- Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА, № 1.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Собольникова Т.Н., 1999. Прочерченно-волнистая керамика в неолите Зауралья и Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Согомонов А.Ю., 1989. Восточные истоки раннегреческой культуры // ВДИ, № 4.
- Соенов В.И., 1995. Раскопки на могильнике Большой Толгоек // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск.

- Соловьев Б.С., 1991. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.
- Сорокин В.С., 1962. Жилища поселения Тасты - Бутак // КСИА, Вып. 91.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. 1966. М.
- Ставицкий В.В., 1997. К вопросу о происхождении чирковской культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Стакуль Дж., 1989. Культура Свата (ок. 1700 - 1400 гг. до н. э.) и ее северные связи // ВДИ, № 2.
- Станкевич И.Л., 1978. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековые народы Средней Азии. М.
- Старков В.Ф., 1981. Культуры периода раннего металла в лесном Зауралье // Вопросы археологии Урала. Свердловск.
- Старостин С.А., 1982. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л.
- Старостин С.А., 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.
- Старостин С.А., 1988. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Ближний Восток: этнокультурные связи. М.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. 1989. М.
- Стефанов В.И., 1996. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1980. О соотношении кротовских и андроновских комплексов // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 2000. Андроновские древности Тюменского Приобьелья. Екатеринбург.
- Стефанова Н.К., 1986. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск.
- Стефанова Н.К., 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф., 1988. Поселение бронзового века на р. Конде // СА, № 3.
- Стоколос В.С., 1968. Памятник эпохи бронзы - могильник Черняки II // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV.
- Стоколос В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- Студзицкая С.В., 1987. Изображение человека в искусстве древнего населения урало-западно-сибирского региона // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск.
- Студзицкая С.В., 1997. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.
- Субботин Л.В., 1995. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА, № 3.
- Сулейман А., 1982. Цивилизация Эбла - культура сирийских кубков // СА, № 4.
- Сулейман А., 1983. Раскопки памятников раннего и среднего бронзового века в городе Алеппо (Сирия) // СА, № 4.
- Сухачев Н.Л., 1994. Перспектива истории в индоевропеистике. СПб.
- Татаринцева Н.С., 1984. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Телегин Д.Я., 1966. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // СА, № 1.
- Телегин Д.Я., 1996. Юг Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М.
- Телегин Д.Я., Белановская Т.Д., 1996. Неолит Северо-восточного Приазовья и Подонья // Неолит Северной Евразии. М.
- Тенейшвили Т.О., 1989. Древнейшие металлические изделия из Закавказья // Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Тенейшвили Т.О., 1993. Древнейшие металлы в Закавказье (V - II тысячелетия до н.э.) Автореф. канд. дис. М.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Терехова Н.Н., 1980. Исследования шлаков с поселения Хопуз - дepe // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Терехова Н.Н., 1990. Обработка металлов в древней Бактрии // Сариниди В.И. Древности

страны Маргуш. Ашхабад.

Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XIV - X вв. до н.э. М.

Титов В.С., 1969. Неолит Греции. М.

Титов В.С., 1970. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА, Вып. 123.

Титов В.С., 1984. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Европы // КСИА, Вып. 180.

Тихонов В.В., 1996. Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.

Тихонов В.В., 1997. Исследование грунтовых могильников эпохи поздней бронзы в Саратовском Заволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Тихонов В.В., 1997а. Охранные раскопки памятников эпохи поздней бронзы в Духовницком районе Саратовской области (предварительная публикация) Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.

Тихонов С.С., 1999. Некоторые проблемы изучения населения Южного Зауралья в эпоху бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Ткачев А.А., 1999. Особенности стратиграфии многослойных поселений Центрального Казахстана // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1996. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.

Ткачев В.В., 1995. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V., кн. 1. Челябинск.

Ткачев В.В., 1996. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.

Ткачев В.В., 1997. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском

погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Ткачева Н.А., 1999а. Миграции андроновско-канайского населения Верхнего Прииртышья и проблема сложения федоровской культуры Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 1999. К вопросу об укрепленных поселениях Урало-Иртышского междуречья в эпоху бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Тодорова Х., 1979. Энеолит Болгарии. София.

Толстов С.П., Итина М.А., 1960. Проблема суряганской культуры // СА, № 1.

Томилов Н.А., 1986. Проблема этнографических критериев этнической специфики археологических памятников // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово.

Тоцев Г.Н., 1991. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Трейстер М.Ю., 1996. Троянские клады в ГМИИ им. А.С.Пушкина (Предварительные итоги исследования) // ВДИ, № 4.

Трифонов В.А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА, Вып. 192.

Трифонов В.А., 1991. Батурицкий вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.

Трифонов В.А., 1991а. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.

Трифонов В.А., 1996. К абсолютному датированию “микенского” орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. Санкт - Петербург.

Трифонов В.А., 1996а. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс. до н.э. СПб.

Трифонов В.А., 1996б. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Трифонов В.А., Избицер Е.В., 1997. Существу-

ют ли энеолитические псалии? // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Трубачев О.Н., 1976. О скифах и их языках // ВЯ, № 4.

Трубачев О.Н., 1978. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа // ВДИ, № 4.

Трубачев О.Н., 1987. Indoarica в Северном Причерноморье. *kank - uta - a gruibus fugatos / pulsos // Античная балканистика. М.

Трубачев О.Н., 1999. Indoarica в Северном Причерноморье. Москва.

Турецкий М.А., 1976. Курган 2 у с. Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в Степное Заволжье) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Турецкий М.А., 1992. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Турецкий М.А., 1997. Проблема сложения средневожско-приуральского варианта ямной культуры Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Удодов В.С., 1988. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Усачук А.Н., 1998. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Доно-Донецкий регион с эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.

Усачук, 1999. Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалиев // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Усманова Э.Р., 1987. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары - Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда.

Усманова Э.Р., 1989. “Круг” и “квадрат” в андроновской погребальной символической. По материалам могильников Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального Казахстана. Караганда.

Федоров В.К., 1992. Савромато-сарматские

костяные ложечки: к вопросу об индоарийских корнях савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Уфа, Вып. 2.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л., 1973. Археология Румынии. М.

Федорова-Давыдова Э.А., 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. Т. II. Уфа.

Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Понятия “археологический тип” и “археологическая культура” в “Аналитической археологии” Дэвида Кларка // СА, № 3.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. М.

Формозов А.А., 1974. Об изображении на костяном топорике из Дударкова // СА, № 2.

Фрай Р., 1993. Наследие Ирана. М., 1993.

Хаврин С.В., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Хаврин С.В., 1997а. Спектральный анализ окуневского металла // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург.

Халиков А.Х., 1961. Памятники абашевской культуры Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97.

Халиков А.Х., 1987. Приказанская культура // СА, № 2.

Халиков А.Х., 1987а. Приказанская культура / Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Халиков А.Х., 1987б. Чирковская культура // Бронзовый век лесной полосы СССР. М.

Халиков А.Х., 1991. К вопросу об этносе носителей сейминско-турбинской культуры // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.

Халиков А.Х., 1991а. Переход от ранней (энеолит) к поздней (бронзовый век) стадии эпохи раннего металла в лесной полосе Восточной Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.

Халиков А.Х., 1993. Уральцы и дравидийцы на севере центральной части Евразии // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (Тезисы докладов XII

Уральского археологического совещания). Екатеринбург.

Халиков и др., 1966. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). Труды Марийской археологической экспедиции. Т. III. Йошкар-Ола.

Халяпин М.В., 1999. К вопросу о культурной принадлежности памятников среднего бронзового века степного Приуралья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.

Харматта Я., 1981. Протоиндийцы и протоиранцы в Центральной Азии во II тыс. до н. э. (лингвистические данные) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.

Хачатрян Т.С., 1979. Арктический некрополь. Ереван.

Хлобыстин Л.П., 1976. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.

Хлобыстин Л.П., 1987. Бронзовый век Восточной Сибири // Бронзовый век лесной полосы СССР. М.

Хлобыстин Л.П., 1996. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. М.

Хлобыстина М.Д., 1970. Ранние минусинские кинжалы // СА, № 4.

Хлобыстина М.Д., 1971. Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА, № 1.

Хлобыстина М.Д., 1973. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА, № 1.

Хлобыстина М.Д., 1975. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА, № 1.

Хлопин И.Н., 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.

Хлопин И.Н., 1989. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА, № 3.

Хлопин И.Н., 1994. Древнейшие индоиранцы в свете археологии // Сухачев Н.Л. Перспектива истории в индоевропеистике. СПб.

Хлопин И.Н., Хлопина Л.И., 1980. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении // СА, № 1.

Хлопин И.Н., Хлопина Л.И., 1983. Второй сезон раскопок могильника Пархай II // КСИА, Вып. 176.

Хмелев К.Ф., 1973. Палеогеография речной долины Воронежа в голоцене // Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж.

Хонти Л., 1985. О связях уральских и алтайских языков // Урало - Алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск.

Хохлов А.А., 1996. Краниология могильников Потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского - в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Хохлов А.А., 1997. К вопросу о происхождении ямно-полтавкинского населения пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Хохлов А.А., 1999. Антропология курганов I и 2 могильника Спиридоновка IV // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1, Самара.

Хреков А.А., 1996. Раннеэнеолитический памятник лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.

Цивинская Л.В., Пенин Г.Г., 1994. Минералогическая характеристика каменных орудий Потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Чаиркина Н.М., 1996. Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи неолита // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.1. Уфа.

Чартолани Ш.Г., 1988. Медные горнорудные выработки в Сванетии // Медные рудники Западного Кавказа III - I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения (тезисы докладов). Сухуми.

Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж., 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА, № 4.

Чернай И.Л., 1985. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита - бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА, № 88.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Черных Е.Н., 1966. О химическом составе клада из Сосновой Мазы // КСИА, Вып. 108.

- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1975. Айбунарский медный рудник IV тыс. до н. э. на Балканах // СА, № 4.
- Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.
- Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА, № 4.
- Черных Е.Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Черных Е.Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Черных Е.Н., 1993. Каргалы - древний горнорудный центр на Южном Урале // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала (тезисы докладов XII Уральского археологического совещания). Екатеринбург.
- Черных Е.Н., 1996. Каргалинский горно-металлургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч.1. Уфа.
- Черных Е.Н., 1997. Каргалы. Забытый мир. М.
- Черных Е.Н., Корневский С.Н., 1976. О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия северной Евразии. М.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1990. Древнейшая металлургия Северной Евразии: проблема взаимосвязей производящих центров // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. II, М.
- Черных и др., 1999. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // РА, № 1.
- Черныш Е.К., 1996. Юго-запад Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М.
- Чернышов Ю.Г., 1990. Раннеримское государство или "безгосударственная община граждан" ? // ВДИ, № 2.
- Чеченов И.М., 1970. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА, № 2.
- Чеченов И.М., 1990. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА, № 4.
- Чиндин А.Ю., 1987. Относительная хронология могильников развитой бронзы // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда.
- Чирикба В.А., 1985. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. М.
- Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л., 1973. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА, № 2.
- Членова Н.Л., 1974. Карасукские кинжалы. М.
- Членова Н.Л., 1975. Соотношения культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Членова Н.Л., 1984. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА, № 1.
- Членова Н.Л., 1999. Центральная Азия и скифы. Москва.
- Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю., 1998. Вторичное использование фрагментов керамики населением тапковской культуры // ВАУ, вып. 23, Екатеринбург.
- Шапошникова О.Г., 1970. Об одной группе керамики из верхнего слоя Михайловского поселения // СА, № 4.
- Шапошникова О.Г., 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.
- Шарафутдинова Э.С., 1995. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Шарафутдинова Э.С., 1996. Эпоха поздней бронзы на Кубани // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Шарма И.Д., 1984. Прехаралпская культура в Индии // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
- Шевченко А.В., 1986. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

- Шендаков Г.Н., 1969. О пряслицах срубной культуры // СА, № 3.
- Шилов В.П., 1975. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА, № 1.
- Шилов В.П., 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста.
- Шилов В.П., 1982а. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА, № 1.
- Шилов В.П., 1985. Курган 6 урочища Бичкин - Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА, № 2.
- Шилов В.П., 1991. О "полтавкинских" погребениях Южного Приуралья // СА, № 4.
- Шифман И.Ш., 1989. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина II тысячелетия до н.э. // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.
- Шишлина Н.И., 1989. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // СА, № 3.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., 1970. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966 гг.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- Шнирельман В.А., 1980. Керамика как этнический показатель: Некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. Вып. 201. М.
- Шнирельман В.А., 1996. Археология и лингвистика: проблемы корреляции в этногенетических исследованиях // ВДИ, № 4.
- Шорин А.Ф., 1981. Черкаскульская керамика поселений Аргазинского водохранилища // ВАУ, Вып. 15.
- Шорин А.Ф., 1994. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) // РА, № 4.
- Шорин А.Ф., 1995. Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблемы культурогенеза). Автореф. ... док. ист. наук. Новосибирск.
- Шорин А.Ф., 1998. О "чудских буграх" Среднего Зауралья: стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Урал в прошлом и настоящем (материалы конференции). Ч. I. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф., 1999. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф., 1999а. О новом типе неолитической керамики в материалах Кокшаровского холма // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Ч. 2. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф., Баранов М.Ю., 1999. Кокшаровский холм: что это такое? // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Штаерман Е.М., 1990. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ, № 3.
- Щедровицкий Г.П., 1975. Автоматизация проектирования и задачи развития проектной деятельности // Разработка и внедрение АС в управлении проектированием, теория и методология. М.
- Щепинский А.А., 1963. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА, № 3.
- Щепинский А.А., 1966. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА, № 3.
- Щетенко А.Я., 1965. Энеолит Центральной Индии // СА, № 2.
- Щетенко А.Я., 1968. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л.
- Щетенко А.Я., 1979. Первобытный Индостан. Л.
- Энеолит СССР. 1982. М.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987. М.
- Эрдниев У.Э., 1982. Курган древнейшей культуры в Калмыкии // СА, № 1.
- Эрлих В.Р., 1994. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев // ВДИ, № 3.
- Юдин А.И., 1997. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Юдин А.И., 1999. Раннесрубные типы памятников на этапе сложения культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.
- Юдин и др., 1996. Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов.
- Юровская В.Т., 1973. Классификация и относи-

тельная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени / ВАУ. Свердловск. Вып. 12.

Юсифов Ю.Б., 1987. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, № 1.

Яблонский Л.Т., 1999. Археологическое мифотворчество и этногенетическая реальность // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск – Аркаим.

Яблонский Л.Т., 1999а. Еще раз о происхождении скифской культуры Причерноморья по данным антропологии // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Москва.

Яблонский Л.Т., 1999б. Скифы, сарматы и другие в XXI в. н.э. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. Москва.

Яблонский Л.Т., 1999в. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА, № 4.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994. Новые краниологические материалы эпохи бронзы самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994а. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Яйленко В.П., 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.

Янковская Н.Б., 1979. Аррапха - убежище Шаттивасы, сына Тушратты // ВДИ, № 1.

Aksay, Diamant, 1973. Aksay B., Diamant S. Zayboyu 1970 – 1971 // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXIII.

Aksit I., 1987. Ancient Treasures of Turkey. Istanbul.

Akurgal E., 1990. Ancient civilizations and ruins of Turkey. Istanbul.

Alexandrov S., 1995. The Early Bronze Age in Western Bulgaria: Periodization and Cultural Definition // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). Prehistoric Bulgaria. Monographs in World Archaeology № 22. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.

Allchin B., 1984. The Harappan Environment //

Frontiers of the Indus civilization. New Dehli.

Allchin B., Allchin R., 1982. The rice of civilization in India and Pakistan. Cambridge.

Amiet. Amiet P., 1986. L'age des echanges inter-iraniens. 3500 - 1700 avant J.-C. Paris.

An early town on the Deh Luran Plain. Excavation at Tepe Farukhabad. 1981. Memoris of the Museum of anthropology university of Michigan. № 13. An Arbor.

Angelova I., 1991. A Chalcolithic Cemetery near the Town of Targovište // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn.

Aurenche O., 1981. La maison orientale. L'architecture du proche orient ancient des origines au milieu du quatriéme millenaire. Paris.

Bahat D., 1992. Dolmens in Palestine // The architecture of ancient Israel from the prehistoric to the percian periods. Jerusalem.

Barlett J.R., 1982. Jericho. Guildford.

Behm-Blancke M.R., 1984. Hassek-Höyük // Istanbul. Mittgl. 34.

Ben-Dov M., 1992. Middle and Late Bronze Age dwellings // The architecture of ancient Israel from the prehistoric to the percian periods. Jerusalem.

Ben-Tor A., 1992. Early Bronze Age dwellings and installations // The architecture of ancient Israel from the prehistoric to the percian periods. Jerusalem.

Ben-Tor A., 1992a. The Early Bronze Age // The Archaeology of Ancient Israel. New Haven, London.

Bertemes F., 1989. Das Frühbronzezeitliche Gräberfeld von Gemeinlebarn: kulturhistorische und paläometallurgische Studien. Bonn: Habelt.

Bertemes F., 1991. Untersuchungen zur Funktion der Erdwerke der Michelsberger Kultur im Rahmen der kupferzeitlichen Zivilization // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn.

Blajer W., 1990. Skarby z wczesnej epoki brazu na zieiach polskich. Wroclaw.

Blegen C.W., 1971. The Identification of Troy // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.

Boehmer R.M., 1975. Gliptik von der alt- bis zur spätbabylonischen Zeit. // Orthmann W. Der Alte Orient. Berlin: Propiläen.

Boessneck J., 1992. Besprechung der Tierknochen- und Molluskenreste von Hassek Höyük // Behm-Blancke M.R. (Herausg.) Naturwissenschaft-

- liche Untersuchungen und lithische Industrie. Tübingen: Wasmuth.
- Boettcher C.-H., 1999. Der Ursprung Europas. Die Wiege des Westens vor 6000 Jahren. St. Ingbert: Röhrig Un.
- Boguski P.J., 1992. The Neolithic and Early Bronze Chronology of Poland // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Bökönyi S., 1987. Horse and sheep in East Europe in the Copper and Bronze Ages // Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem. Studies in honor of Marija Gimbutas. Washington, D.C.
- Bökönyi S., 1989. Animal husbandry of the Körös-Starcevo complex: its origin and development // Bükönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern connections*. *Varia Archaeologica Hungarica II*. Budapest.
- Bökönyi S., 1991. Pferde- und Schaftdomestikation bzw. –haltung in der frühen Kupferzeit Eurasiens // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. II. Bonn.
- Bona I., 1975. Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest: Akadémiai Kiado.
- Boroffka N., 1995. The Wietenberg Kultur // Stoica C., Roten M., Boroffka N. (ed.). *Comori ale epocii bronzului din România*. Bucuresti.
- Boroffka N., 1995a. The Otomani Kultur // Stoica C., Roten M., Boroffka N. (ed.). *Comori ale epocii bronzului din România*. Bucuresti.
- Boroffka N., 1998. Bronze- und frühesenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. In: *Eurasia Antiqua*. Bd. 4, 1998. Mainz am Rhein.
- Boroffka N.G.O., 1994. Die Wietenberg – Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. Bonn: Habelt.
- Boroffka N.G.O., 1994a. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropas. T. 2. Bonn.
- Bottero J., 1971. Syria and Palestina c. 2160 – 1780 BC. Syria during the Third Dynasty of Ur // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Boyadziev Y.D., 1995. Chronology of Prehistoric Cultures in Bulgaria // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). *Prehistoric Bulgaria*. *Monographs in World Archaeology* № 22. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.
- Briard J., 1981. Urnes et “Champs d’urnes” en Bretagne // *Studien zur Bronzezeit*. Mainz am Rhein.
- Briard J., 1981a. Urnes et Champs d’urnes’ en Bretagne // Lorenz H. (Herausg.) *Studien zur Bronzezeit*. Festschrift für Wilhelm Albert v. Brunn. Mainz am Rhein: Zabern.
- Buisson, 1970. Le comte R. du Mesnil du Buisson. Le mythe oriental des deux ceants du jour et de la Nuit // *Archaeologia Iranica*. *Miscellanea in honorem R. Girshman*. *Iranica Antiqua*. VIII. Leiden.
- Burfield L.H., 1993. The Context of Statue-men-hirs // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell’Europa dell’ età del Rame*. Bergamo.
- Burney C., 1977. From Village to Empire. An Introduction to Near Eastern Archaeology. Oxford, 1977.
- Calting H.W., 1971. Cyprus in the Early Bronze Age // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Caneva I., 1993. From Chalcolithic to Early Bronze Age III at Arslantepe: A Lithic Perspective // *Between the Rivers and over the Mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica*. Alba Palmieri Dedicata. Roma.
- Casini et al., 1993. Casini S., De Marinis R.C., Fossati A. Stele e massi incisi della Valcamonica e della Valtellina // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell’Europa dell’ età del Rame*. Bergamo.
- Caskey J.L., 1971. Greece, Crete, and the Aegean Islands in the Early Bronze Age // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Černich E.N., Kuz'minych S.V., 1994. Die älteste Metallurgie Nordeurasiens // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. 85. 21-39, Helsinki.
- Černikh et al., 1991. Černych E.N., Avilova Z.I., Barceva T.O. The Circumpontic Metallurgical Province as a System // *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. Bonn.
- Černych E.N., 1991. Frühestes Kupfer in der Step-pen- und Waldsteppenkulturen Osteuropas // *Die Kupferzeit als historische Epoche*. Symposium Saarbrücken und Otzenhausen. Bonn.
- Chang K., 1977. The archaeology of ancient China. Yale.

- Chang K., 1992. *China* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Chengyuan M., 1980. *The Splendor of Ancient Chinese Bronzes // The Great Bronze Age of China*. New York.
- Childe V.G., 1950. *The Prehistory of European Society*. London.
- Chokadziev S., 1995. *On Early Social Differentiation in the Strumna River Basin: The Evidence from the Slatino Settlement* // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). *Prehistoric Bulgaria. Monographs in World Archaeology № 22*. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.
- Çilingiroglu A., 1984. *The Second Millennium Painted Pottery Tradition of the Van Lake Basin // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXXIV*.
- Coghlan H.H., 1975. *Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World*. 2-nd ed. Oxford.
- Coleman J.E., 1992. *Greece, the Aegean, and Cyprus* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Coles J.M., Harding A.F., 1979. *The Bronze Age in Europe*. London: Methue and Co LTD.
- Colquhoun I.A., 1979. *The Late Bronze Age Hoard from Blackmoor, Hampshire // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67*, Oxford.
- Colquhoun J., Burgess C.B., 1988. *The Swords of Britain*. München: Beck.
- Comsa E., 1991. *Cucuteni und nordpontische Verbindungen // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn*.
- Conti A.M., Persiani C., 1993. *When Worlds Collide. Cultural Developments in Eastern Anatolia in the Early Bronze Age // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma*.
- Coombs D., 1979. *A Late Bronze Age Hoard from Cassiobridge Farm, Watford, Hertfordshire // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67*, Oxford.
- Coombs D., 1979a. *The Figheldean Down Hoard, Wiltshire // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67*, Oxford.
- Coombs D., Bradshaw J., 1979. *A Carp's Tongue Hoard from Stourmouth, Kent // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67*, Oxford.
- Crossland R.A., 1971. *Immigrations from the North // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2*. Cambridge: University Press.
- D'Anna, et al., 1993. *D'Anna A., Gutherz X., Jallot L. Les stèles anthropomorphes et les statues-menhirs néolithiques du Sud de la France // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame. Bergamo*.
- Darvill T., 1987. *Prehistoric Britain*. London.
- Davies D.G., 1979. *Hatfield Broad OAK, Leigh, Rayne, Southchurch: Late Bronze Age Hoards from Essex // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67*, Oxford.
- De Marinis R.C., 1993. *Le statue-stele della Lunigiana // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame. Bergamo*.
- De Marinis R.C., 1993a. *Le stele anthropomorfe di Aosta // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame. Bergamo*.
- Di Nocera G.M., 1993. *Die mittelbronzezeitliche Keramik von Arslantepe: einige vorläufige Bemerkungen // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma*.
- Diamant S., 1986. *Mycenaean Origins: Infiltration from the North? // French E.B., Wardle K.A. (ed.) Problems of Greek Prehistory: papers presented at the centenary conference of the British School of Archaeology at Athens, Manchester*.
- Diamant S., Rutter J., 1969. *Horned Objects in Anatolia and the Near East and possible connections with the Minoan "Horns of Consecration" // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XIX*.
- Djaparidze O., 1993. *Über die ethnokulturelle Situation in Georgien gegen Ende des 3. Jahrtausends v. Chr. // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma*.
- Dornemann R., 1992. *Early Second Millennium Ceramic Parallels between Tell Hadidi-Azu and Mari // Mari in Retrospect. Winona Lake, Indiana*.
- Draganov V., 1995. *Submerged Coastal Settlements from the Final Eneolithic and the Early Bronze Age in the Sea around Sozopol and Urdoviza near Kiten // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). Prehistoric*

- Bulgaria. Monographs in World Archaeology № 22. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.
- Drews R., 1988. *The Coming of Greeks*. Princeton.
- Drews R., 1993. *The End of the Bronze Age*. Princeton.
- Drower M.S., Bittero J., 1971. *Syria before 2200 BC* // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Dubouloz J., 1991. *Le village fortifié de Berry-aubac (Aisne) et sa signification pour la fin du Néolithique dans la France du Nord* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Ottenhausen*. T. I. Bonn.
- Easton D.F., 1976. *Towards a Chronology for the Anatolian Early Bronze Age* // *Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. XXVI.
- Edwards M., 1983. *Excavation in Azerbaijan (North-western Iran)*. 1. Haftavan. Period VI. Oxford.
- Efe T., 1988. *Die Keramik II. // Demircihüyük*. Bd. III, 2. Mainz am Rhein: Zabern.
- Ehrenberg M.R., 1977. *Bronze Age Spearheads from Berkshire, Buckinghamshire and Oxfordshire* // BAR, 34. Oxford.
- Ehrich R.W., Bankoff H.A., 1992. *Geographical and Chronological Patterns in Central and Southeastern Europe* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Endrödi A., 1993. *Erscheinung der Stelleerrichtung in Ungarn* // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.
- Eogan G., 1983. *The Hoards of the Irish Later Bronze Age*. Dublin: University College.
- Erkanal H., 1977. *Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausend in Zentralanatolien*. München: Beck.
- Erlikh V., 1998. *Relationships of North Caucasus and Central Europe: Expansion or Exchange?* // *Abstracts Book*. 4-Th Annual Meeting EAA. Goteborg.
- Esin U., 1976. *Tülin tepe excavations 1972*. Keban Project 1972 Activities. Ankara.
- Esin U., 1993. *The Relief Decorations on the Prehistoric Pottery of Tülintepe in Eastern Anatolia* // *Between the Rivers and over the Mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica*. Alba Palmieri Dedicata. Roma.
- Farley M., 1979. *A Carp's Tongue Hoard from Aglsbury, Buckinghamshire* // *Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New*. BAR, 67, Oxford.
- Farley M., 1979a. *A small Late Bronze Age Hoard from Ellesborough, Buckinghamshire* // *Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New*. BAR, 67, Oxford.
- Fedele F., Fossati A., 1993. *Centro culturale calcolitico dell'Avoia a Ossimo (Valcomonica): scavi 1988-1995* // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.
- Feyer, 1989. *De Feyter T. The Aussenstadt settlement of Munhaqa, Syria* // *To the Euphrates and beyond*. *Archaeological studies in honour of Maurits N. van Loon*. Rotterdam.
- Florescu M., 1995. *The Noua Culture* // Stoica C., Roten M., Boroffka N. (ed.). *Comori ale epocii bronzului din România*. Bucuresti.
- Fol A., Marazov I., 1977. *Thrace and Thracians*. London. Cassel.
- Fol et al., 1991. Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I.K. *Die Karanovo VI – Siedlung von Drama*. Ein vorläufiger Bericht // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Ottenhausen*. T. I. Bonn.
- Francfort H.P., 1984. *The Harappan Settlement of Shortugai* // *Frontiers of the Indus civilization*. New Dehli.
- Frankel D., 1998. *Migration and Ethnicity in Prehistoric Cyprus* // *Abstracts Book*. 4-Th Annual Meeting EAA. Goteborg.
- Frei B., 1971. *Die späte Bronzezeit im alpinen Raum* // *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.
- French D., Helms S., 1973. *Aevan Kale: The Third Millennium Pottery* // *Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. XXIII.
- Fukai S., Matsutani T., 1981. *Tell Eth-Thalathat. The Excavation of Tell II the fifth season (1976)*. V. IV. Tokyo.
- Furmanek V., Jakab J., 1997. *Menschliche Skelettreste aus bronzezeitlichen Siedlungen in der Slowakei*. In: K.-F. Rittershofer (Hrsg.). *Sonderbestattungen in der Bronzezeit in östlichen Mitteleuropa*. *Internationale Archäologie*, 37. Frankfurt am Main.
- Gadd C.J., 1971. *The Dynasty of Agade and the Gutian Invasion* // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Ham-

- mond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Gadd C.J., 1971a. *Babylonia, c. 2120 – 1800 BC* // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Gale et al., 1985. Gale N.H., Stos-Gale Z.A., Gilmore G.R. *Alloy Types and Copper Sources of Anatolian Copper Alloy Artifacts* // *Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. XXXV.
- Gallay A., 1993. *Les stèles anthropomorphes du site mégalithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse)* // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stèle e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.
- Garašanin M.V., 1991. *Der Übergang vom Neolithikum zur Frühen Bronzezeit auf dem Balkan und an der unteren Donau. Ein Rückblick nach dreißig Jahren* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Ottenhausen*. T. I. Bonn.
- Gaucher G., 1981. *Sites et cultures de l'âge du bronze dans le bassin Parisien*. Paris.
- Gebel H.G., 1984. *Das Akeramische Neolithikum Vorderasiens*. Wiesbaden.
- Gebers W., 1978. *Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet*. Bonn: Habelt.
- Gedl M., 1995. *Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung in Polen* // *Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen*. Bonn: Habelt.
- Gedl M., Szybowicz B., 1997. *Bestattungen in bronzezeitliche Siedlungen Polens*. In: K.-F. Rittershofer (Hrsg.). *Sonderbestattungen in der Bronzezeit in östlichen Mitteleuropa*. *Internationale Archäologie*, 37. Frankfurt am Main.
- Gerloff S., 1975. *The Early Bronze Age Daggers in Great Britain and a Reconstruction of the Wessex Culture*. München: Beck.
- Gerloff S., 1993. *Zu Fragen mittelmeerländischer Kontakte und absoluter Chronologie der Frühbronzezeit in Mittel- und Westeuropa*. In: *Prehistorische Zeitschrift*. 68. Bd, Heft 1. Berlin.
- Ghirshman R., 1977. *L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens*. Leiden.
- Gibson A.M., 1978. *Bronze Age Pottery in the North-East of England* // *BAR*, 56. Oxford.
- Gimbutas M., 1970. *The Kurgan culture* // *Actes du VII CI SPP*. Prague.
- Gimbutas M., 1992. *Chronologies of Eastern Europe: Neolithic through Early Bronze Age* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Gimbutas M., 1994. *Das Ende Alteuropas. Der Einfall von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas*. Budapest: Archaeologia.
- Girininkas A., 1996. *The Narva Culture and the Origin of the Baltic Culture* // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington.
- Glumac P., Anthony D., 1992. *Culture and Environment in the Prehistoric Caucasus: The Neolithic through the Early Bronze Age* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Goner R., 1992. *The Chalcolithic Period* // *The Archaeology of Ancient Israel*. New Haven, London.
- Gophna R., 1992. *The Intermediate Bronze Age* // *The Archaeology of Ancient Israel*. New Haven, London.
- Grigoryev S.A., 1998. *The Sintashta Migration from Near East and some Questions of Indo-European Origins* // *Abstracts Book. 4-th Annual Meeting EAA*. Göteborg.
- Grimm H., 1997. *Schädelbestattungen und Hinweise auf Anthropophagie aus Zauschwitz, Kreis Borona (Sachsen)*. In: K.-F. Rittershofer (Hrsg.). *Sonderbestattungen in der Bronzezeit in östlichen Mitteleuropa*. *Internationale Archäologie*, 37. Frankfurt am Main.
- Guillermo A., 1993. *The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization*. Chicago University Press.
- Hahn E., 1992. *Die menschlichen Skelettreste*. In: *Ergebnisse der Ausgrabungen 1984 – 1987 in Manching*. Stuttgart.
- Hahn E., 1993. *Die Kelten aus antropologischer Sicht* // *Das keltische Jahrtausend*. Mainz am Rhein. Zabern.
- Hänsel B., 1968. *Beiträge zur Chronologie der Mittleren Bronzezeit in Karpatenbecken*. Bonn. Habelt.
- Hansen S., 1991. *Studien zu den Metalldeponierungen während der Urnenfelderzeit im Rhein - Main Gebiet*. Bonn.
- Harding A., 1998. *Reformation in Barbarian Europe, 1300-600 BC* // *Prehistoric Europe*. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.
- Hase F.-W., 1995. *Ägäische, Griechische und vorderorientalische Einflüsse auf das Tyrrhenische*

Mittelitalien // Beiträge zur Urnenfeldzeit nördlich und südlich der Alpen. Bonn: Habelt.

Hauptman A., Palmieri A., 2000. Metal Production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case Studies from Arslantepe. In: Yalcin Unsal (Hrsg.) *Anatolian Metal I*. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum. Der Anschnitt, Beiheft 13.

Hauptmann H., 1986. Problems in the Chronology of the Late Neolithic and Chalcolithic // French E.B., Wardle K.A. (ed.) *Problems of Greek Prehistory: papers presented at the centenary conference of the British School of Archaeology at Athens*, Manchester.

Hauptmann H., 1993. Ein Kultgebäude in Nevali Çori // *Between the Rivers and over the Mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica*. Alba Palmieri Dedicata. Roma.

Heinrich E., 1975. *Architektur* // Orthmann W. *Der Alte Orient*. Berlin: Propyläen.

Heinrich E., 1975a. Sumerisch-akkadische Architektur von der alt- bis zur spätbabylonischen Zeit. // Orthmann W. *Der Alte Orient*. Berlin: Propyläen.

Hennig H., 1970. Die Grab- und Hortfunde der Urnenfeldkultur aus Ober- und Mittelfranken. *Kallmünze*.

Hochstetter A., 1980. *Die Hügelgräberbronzezeit in Niederbayern*. *Kallmünze*.

Hodkinson R.F., 1981. *The Thracians*. N.-Y.

Hood M.S.F., 1979. *A Mycenaean Cavalryman* // *Excavations at Mycenae 1939-1955*. Oxford.

Hood S., 1981. *Excavation in Chios 1938-1955*. *Prehistoric Emporio and Ayio Gala*. Oxford: Thames and Hudson.

Hoppe M., 1994. *Die mittelbronze- und frühlatenzeitliche Siedlung am Rabenhof bei Freystadt-Thannhausen, Lkr. Neumarkt i.d.Opf. Buch am Erlbach: M.Leidorf*.

Hrouda B., 1971. *Vorderasien I. Mesopotamien, Babylonien, Iran und Anatolien*. München.

Investigations in South Levantine Prehistory. 1989. Oxford.

Ivanov I.S., 1991. Der Bestattungsritus in der chalcolithischen Nekropole von Varna (mit einem Katalog der wichtigsten Gräber) // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Jankovits K., 1996. Beiträge zu der Situla und Bronzefanne mit Handgriff in Norditalien in der Spätbronzezeit // Kovács (Herausg.) *Studien zur Metallindustrie im Karpathenbecken und den benachbarten*

Regionen. Budapest: Magyar Muzeum.

Jarriage J.F., 1984. *Towns and Villages of Hill and Plain* // *Frontiers of the Indus civilization*. New Dehli.

Jockenhövel A., 1990. *Die Jungsteinzeit* // Hermann F.-R. u. Jockenhövel A. (Hrsg.) *Die Vorgeschichte Hessens*. Stuttgart: Theiss.

Jockenhövel A., 1990a. *Die Bronzezeit* // Hermann F.-R. u. Jockenhövel A. *Die Vorgeschichte Hessens*. Stuttgart: Theiss.

Junghans S., Sangmeister E., Schroder M., 1968. *Kupfer und Bronze in der früher Metallzeit Europas*. Bd. 2, Teil 2, Berlin.

Kahane P.P., 1975. *The Cesnola Krater from Kouion in The Metropolitan Museum of Art: An Iconological Study in Greek Geometric Art* // *The Archaeology of Cyprus. Recent Developments*. New Jersey.

Kaiser E., 1997. *Der Hort von Borodino*. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet. Bonn: Habelt.

Kalicz N., 1968. *Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn*. Budapest.

Kalicz N., 1991. Beiträge zur Kenntnis der Kupferzeit im ungarischen Transdanubien // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Karg N., 1984. *Burhan-Höyük – Ein Weiterer Fundort im Atatürk Stauseegebiet* // *Istanbul. Mittgl.* 34.

Kasay H.Z., 1971. *Pulur (Sakyol) Kazisi, 1969*. // *Keban Project. 1969 Activities*. Ankara.

Katinčarov R., 1991. *Die Frühbronzezeit Thrakiens und ihre Beziehung zum ägäisch-anatolischen Raum* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Keban Project. Pulur Excavations. 1968 - 1970. Ankara. 1976.

Kempinski A., 1992. *Fortifications, public buildings and town planning in the Early Bronze Age* // *The architecture of ancient Israel from the prehistoric to the pericran periods*. Jerusalem.

Kempinski A., 1992a. *The Middle Bronze Age* // *The Archaeology of Ancient Israel*. New Haven, London.

Kennedy K.A.R., 1984. *Trauma and Disease in the Ancient Harappans* // *Frontiers of the Indus civilization*. New Dehli.

Kenyon K.M., 1971. *Syria and Palestina c. 2160 – 1780 BC*. *The Archaeological Sites* // Edwards

I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2.* Cambridge: University Press.

Kesarwani A., 1984. *Harappan Gateways: A Functional Reassessment // Frontiers of the Indus civilization.* New Dehli.

Kibbert K., 1984. *Die Äxte und Beile im mittleren Westdeutschland II.* München: Beck.

Kilian K., 1986. *Mycenaens up to Date, Trends and Changes in Recent Research // French E.B., Wardle K.A. (ed.) Problems of Greek Prehistory: papers presented at the centenary conference of the British School of Archaeology at Athens, Manchester.*

Kimmig W., 1993. *Menschen, Götter und Dämonen – Zeugnisse keltischer Religionsausübung // Das keltische Jahrtausend.* Mainz am Rhein. Zabern.

Kinnes I., 1993. *Statues-Menhirs and allied representations in Northern France and the Channel Island // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame.* Bergamo.

Kohl Ph.L., 1992. *Central Asia (Western Turkestan): Neolithic to the Early Iron Age // Ehrich R.W. (ed.). Chronologies in Old World Archaeology.* Chicago, London: University of Chicago Press.

Kolistrkoska Nasteva I., 1998. *Elements of Material Culture in Macedonian Traces of Indo-European Migrations // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA.* Goteborg.

Korfmann M. Demircihüyük., 1983. *Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975 - 1978. BI. Architektur, Stratigraphie und Befunde.* Mainz am Rhein.

Korfmann M., 1982. *Tilkitepe.* Tübingen.

Korol D., 1998. *Some Common Features of Ideology of the Early Germans and Iranians // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA.* Goteborg.

Kosko A., 1996. *The Origin of the Vistula – Dnieper Development of the Community of Sub-Neolithic Cultures // The Indo-Europeanization of Northern Europe.* Washington.

Kossack G., 1995. *Mitteleuropa zwischen dem 13. und 8. Jahrhundert v. Chr. Geb. Geschichte, Stand und Probleme der Urnenfelderforschung // Beiträge zur Urnenfeldzeit nördlich und südlich der Alpen.* Bonn: Habelt.

Kovalev A., 1998. *Migration of the Tocharians and Indo-European Homeland // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA.* Goteborg.

Koziovski J.K., 1989. *The neolithization of South-East Europe – an alternative approach // Bökönyi S.*

(ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern connections. Varia Archaeologica Hungarica II.* Budapest.

Krumland J., 1998. *Die Bronzezeitliche Siedlungskeramik zwischen Elsaß und Böhmen: Studien zur Formenkunde und rekonstruktion der Besiedlungsgeschichte in Nord und Südwürttemberg.* Rahden/Westf.: M.Leidorf.

Krušel'nyc'ka L., 1995. *Jüngere Bronzezeit im nordöstlichen Karpatenvorland // Beiträge zur Urnenfeldzeit nördlich und südlich der Alpen.* Bonn: Habelt.

Kruta V., 1991. *In Search of the Ancient Celts // The Celts.* Milano: Bompiani.

Kull Brigitte, 1988. *Die Mittelbronzezeitliche Siedlung.* In: Korfmann M. (ed.) *Demircinüyük. Bd.V.* Mainz am Rhein.

Kulturen der frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. 1984. Beograd.

Kuniholm P.I., 1996. *The Prehistoric Aegean: Dendrochronological Progress as of 1995 // Randsborg K. (ed.) Absolute Chronology Archaeological Europe 2500-500 BC. Acta Archaeologica. Vol. 67-1996.* Munksgaard: Kobenhavn.

Kušnierz J., 1998. *Die Beile in Polen III (Tüllenbeile).* Stuttgart: F.Steiner.

Kuzmina E., 1998. *Three Chronological Methods and Three Ways of Synchronisations of Bronze Age Sites in the Eurasian Steppe // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA.* Goteborg.

Lamberg-Karlovsky C.C., 1984. *An Idea or Potluck // Frontiers of the Indus civilization.* New Dehli.

Lange G., 1983. *Die menschlichen Skelettreste aus dem Oppidum von Manching. In: Die Ausgrabungen in Manching. Bd. 7.* Wiesbaden.

Lawson A.J., 1979. *A Late Bronze Age Hoard from Hunstanton. Norfolk // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67,* Oxford.

Lazarovici G., 1989. *Das neolithische Heiligtum von Parta // Bökönyi S. (ed.). Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern connections. Varia Archaeologica Hungarica II.* Budapest.

Levine M., 1999. *The Origins of Horse Husbandry on the Eurasian Steppe. In: Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe.* Cambridge.

Lewy H., 1971. *Anatolia in the Old Assyrian Period // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2.* Cambridge: University Press.

Lewy H., 1971a. *Assyria, c. 2600-1816 BC //*

- Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2.* Cambridge: University Press.
- Lichardus J., 1991. *Das Gräberfeld von Varna im Rahmen des Totenrituals des Kodzadermen-Gumelnitca-Karanovo VI Komplexes // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn.*
- Lichardus J., Vladar J., 1996. *Karpatenbecken – Sintašta – Mykene. Ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historischer Epoche // Slovenska Archeologia XLIV – 1.*
- Lichardus-Itten M., 1971. *Die frühe und mittlere Bronzezeit im alpinen Raum // Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.*
- Lloyd S., Mellaart J., 1957. *An Early Bronze Age Shrine at Beycesultan // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. VII.*
- Lloyd S., Mellaart J., 1962. *Beycesultan. V. I. London.*
- Lloyd S., Mellaart J., 1965. *Beycesultan. V. II. London.*
- Lloyd S., Mellaart J., 1972. *Beycesultan. V. III. London, 1972.*
- Lloyd S., Safar F., 1945. *Tell Hassuna. Excavations in 1943-1944. JNES, 4.*
- Lochner M., 1997. *Studien zur Pfahlbauforschung in Österreich. Materialien I – Die Pfahlbaustationen des Mondsees. Keramik. Wien. Verl. Der Österr. Akad. Der Wiss.*
- Loon M., 1971. *Korucutepe excavations, 1969. Architecture and General Finds // Keban Project. 1969 Activities. Ankara.*
- Loze I., 1996. *Some Remarks about the Indo-Europeanization of Northern Europe (the Case of the Eastern Baltic Region) // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.*
- Lutz et al., 1991. *Lutz J., Pernicka E., Wagner G.A. Chalkolitische Kupferverhüttung in Murgul // Handwerk und Technologie in Alten Welt (Hrsg. R.-B. Wartke). Mainz.*
- MacAlpin D.W., 1981. *Proto-Elamo-Dravidian: the Evidence and its Implications. Philadelphia.*
- MacCana P., 1991. *Celtic Heroic Tradition // The Celts. Milano: Bompiani.*
- Macqeen J.G., 1968. *Geography and History in Western Asia Minor in the Second Millennium B.C. / Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XVIII.*
- Makkay J., 1987. *The Linear Pottery and the Early Indo-Europeans // Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem. Studies in honor of Marija Gimbutas. Washington, D.C.*
- Makkay J., 1996. *C-14 Chronology: Eastern Europe // Randsborg K. (ed.) Absolute Chronology Archaeological Europe 2500-500 BC. Acta Archaeologica. Vol. 67-1996. Munksgaard: København.*
- Makkay J., 1996a. *Copper and Gold in the Copper Age of the Carpathian Basin // Kovacs (Herausg.) Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. Budapest: Magyar Muzeum.*
- Mallory J.P., 1989. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London.*
- Mallory J.P., 1993. *Statue Menhirs and the Indo-Europeans // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame. Bergamo.*
- Mallory J.P., 1996. *The Indo-European Homeland Problem: a Matter of Time // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.*
- Manning S.W., 1996. *Dating the Aegean Bronze Age: without, with and beyond radiocarbon // Randsborg K. (ed.) Absolute Chronology Archaeological Europe 2500-500 BC. Acta Archaeologica. Vol. 67-1996. Munksgaard: København.*
- Marazov I., 1991. *Grave № 36 from the Chalcolithic Cemetery in Varna – Myth, Ritual and Object // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn.*
- Marechal J.R., 1965. *Nouvelles conceptions sur les debuts de la metallurgie anciennes eu Europe et au Caucase // Societe Prehistorique Francaise, Seance d'Octobre.*
- Matthäus H., 1981. *Spätmykenische und urnenfeldzeitliche Vogelplastik // Lorenz H. (Herausg.) Studien zur Bronzezeit. Festschrift für Wilhelm Albert v. Brunn. Mainz am Rhein: Zabern.*
- Mattiae P., 1977. *Ebla. An Empire Rediscovered. London.*
- McK. Clough T.H., 1979. *Bronze Age Metalwork from Rutland // Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67, Oxford.*
- Megaw J.V.S., Simpson D.D.A., 1979. *Introduction to British Prehistory. Leicester.*
- Meier-Arendt W., 1989. *Überlegungen zur Her-*

- kunft des linienbandkeramischen Langhauses // Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern connections*. *Varia Archaeologica Hungarica* II. Budapest.
- Mellaart J., 1957. *Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age // Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. VII.
- Mellaart J., 1967. Çatal Hüyük. Stadt aus der Steinzeit. Lengerich: G.Lübbe.
- Mellaart J., 1968. *Anatolian Trade with Europe and Anatolian Geography and Culture Provinces in the Late Bronze Age // Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. XVIII.
- Mellaart J., 1971. *Anatolia c. 4000-2300 BC // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Mellaart J., 1971a. *Anatolia c. 2300-1750 BC // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Mellaart J., 1975. *The Neolithic of the Near East*. London.
- Mellink M.J., 1992. *Anatolian Chronology // Ehrlich R.W. (ed.). Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Merkevichius, 1996. *A Basic Burial Patterns of Western and Eastern Balts in the Bronze and Early Iron Age // The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington.
- Merpert, 1987. *Merpert N. Ethnocultural change in Eneolithic and the Early Bronze Age // Proto - Indo - European: The archaeology of a linguistic problem*. *Studies in honor of Marija Gimbutas*. Washington, D.C.
- Merpert, 1991. *Merpert N.J. Die neolithisch-äneolithischen Denkmäler der pontisch-kaspischen Steppen und der Formierungsprozess der frühen Grubengrabkultur // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.
- Metzner-Nebelsick C., 1998. *Early Iron Age Pastoral Nomadism in the Great Hungarian Plain // Abstracts Book*. 4-Th Annual Meeting EAA. Goteborg.
- Meyrhof L., 1982. *The Bronze Age Necropolis at Kibbutz Hazorea, Israel*. Oxford.
- Meyer-Melikyan N.R., 1998. *Analysis of Floral Remains from Togolok 21 // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism*. Athens.
- Meyer-Melikyan N.R., Avetov N.A., 1998. *Analysis of Floral Remains in the Ceramic Vessel from the Gonur Temenos // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism*. Athens.
- Midgley M.S., 1992. *TRB culture. The First Farmers of the North European Plain*. Edinburgh.
- Milojčić V., 1961. *Samos. Bd. I. Die Prähistorische Siedlung unter dem Heraion. Grabung 1953 und 1955*. Bonn: Habelt.
- Miron E., 1992. *Axes and Adzes from Canaan*. Stuttgart: F.Steiner.
- Mizrachi Y., 1992. *Mystery Circles // BiblAR*. V 18, №4.
- Mohen J.-P., 1977. *L'Age du Bronze dans la region de Paris. Catalogue synthetique des collections conservees au Musee des Antiquites Nationales*. Paris.
- Mommsen H., 1986. *Archäometrie. Neuere naturwissenschaftliche Methoden und Erfolge in der Archäologie*. Stuttgart.
- Moorey P.R.S., 1974. *Ancient Bronzes from Luristan*. Oxford.
- Moorey P.R.S., 1975. *The Near Eastern Origin of Metallurgy*. In: Coghlan H.H. *Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World*. 2-nd ed. Oxford.
- Mottier Y., 1971. *Bestattungssitten und weitere Belege zur geistigen Kultur // Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.
- Mozsolics A., 1981. *Der Goldfund von Varvolgy - Felsozsid // Studien zur Bronzezeit*. Mainz am Rhein.
- Mozsolics A., 1985. *Bronzefunde aus Ungarn. Depotfunnhorizonte von Aranyons, Kurd und Gyermely*. Budapest.
- Mughal M.R., 1984. *The Post-Harappan Phase in Bohawalpur distt., Pakistan // Frontiers of the Indus civilization*. New Dehli.
- Muhly J.D., 1980. *The Bronze Age Setting // The Coming of the Age of Iron*. New Haven, London: Yale University Press.
- Müller D. W., 1993. *Die verzierten Menhirstelen und ein Plattenmenhir aus Mitteldeutschland // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.
- Müller F., 1993. *Kultplätze und Opferbräuche*. In: *Das Keltische Jahrtausend*. Mainz am Rhein. Zabern.
- Müller W., 1972. *Troja. Wiederentdeckung der Jahrtausende*. Leipzig.

- Müller-Karpe A., 1994. *Anatolisches Metallhandwerk*. Neunmünster: Wachholtz Verlag.
- Müller-Karpe H., 1974. *Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit*. Bd. III. München.
- Müller-Karpe H., 1980. *Handbuch der Vorgeschichte*. Bd. IV. München.
- Muncaev R.M., 1991. *Nordkavkasien in Neolithikum, Chalkolithikum und Frühbronzezeit* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.
- Needkam S., 1979. *A pair of Early Bronze Age Spearheads from Lighwater, Surrey* // *Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New*. BAR, 67, Oxford.
- Neolithic Cultures of Western Asia. 1974. L., N.-Y.
- Neugebauer J.-W., 1991. *Die Nekropole F von Gemeinlebarn, Niederösterreich*. Mainz-am-Rhein.
- Neugebauer J.-W., 1994. *Bronzezeit in Österreich*. St.-Pölten – Wien: Niederösterreichisches Pressehaus.
- Nikolov V., 1989. *Das Flußtal der Strumna als Teil der Straße von Anatolien nach Mitteleuropa* // Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern connections*. *Varia Archaeologica Hungarica II*. Budapest.
- Nikolov V., 1991. *Zur Interpretation der spätneolithischen Nekropole von Varna* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.
- Nikolova L., 1995. *Burials in Settlements and Flat Necropolises During the Early Bronze Age in Bulgaria* // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). *Prehistoric Bulgaria*. *Monographs in World Archaeology № 22*. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.
- Novotna M., 1970. *Die Äxte und Beile in der Slowakei*. München: Beck.
- Orthmann W., 1975. *Der Alte Orient*. Berlin: Propiläen.
- Osterwalder Ch., 1971. *Die mittlere Bronzezeit im Mittelland und Jura* // *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.
- Ostmo E., 1996. *The Indo-European Question in a Norwegian perspective: a View from the Wrong End of the Stick?* // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington.
- Ottaway B., 1994. *Prähistorische Archäometallurgie*. Espelkamp.
- Özdoğan M., 1991. *Eastern Thrace before the Beginning of Troy I – an Archaeological Dilemma* // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.
- Palmieri A., 1981. *Excavations at Arslantepe (Malatya)* // *Anatolian Studies*. *Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. XXXI.
- Palmieri A.M., Sertok K., Chernykh E., 1993. *From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia*. // *Between the Rivers and over the Mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata* (ed. Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthie P., Mellink M.). Roma.
- Parpola A., 1988. *The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identify of the Dasas* // *SO*, vol.64, Helsinki.
- Parzinger H., 1991. *Zur Rachmani-Periode in Thessalien* // *Germania 69*, Halbband 2. Mainz am Rhein: Zabern.
- Parzinger H., 1993. *Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittleren Taurus*. Mainz am Rhein: Zabern.
- Paszthory K., Mayer E.F., 1998. *Die Äxte und Beile in Bayern*. Stuttgart: Steiner.
- Patay P., 1938. *Frühbronzezeitliche Kulturen in Ungarn*. Budapest: Museum-Körut.
- Patay P., 1975. *Die hochkupferzeitliche Bodrogeresyrtur-Kultur* // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 55. Berlin: Gruyter.
- Pedrotti A., 1993. *Le statue-stele e le stele antropomorfe del Trentino Alto Adige e del Veneto occidentale. Gruppo atesino, gruppo di Brentonoco, gruppo della Lessinia* // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell'età del Rame*. Bergamo.
- Pernicheva L., 1995. *Prehistoric cultures in the Middle Struma Valley: Neolithic and Eneolithic* // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). *Prehistoric Bulgaria*. *Monographs in World Archaeology № 22*. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.
- Pernicka et al., 1997. *Pernicka E., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Todorova H., Kuleff I. Prehistoric copper in Bulgaria. Its composition and provenance*. // *Eurasia Antiqua*. Bd. 3. Mainz am Rhein: Zabern.
- Peroni R., 1995. *Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung in Italien* // *Beiträge zur Urnenfeldzeit nördlich und südlich der Alpen*. Bonn: Habelt.
- Petrescu-Dimbovita M., 1977. *Depozitele de bron-*

zuri din Romania. Bucuresti.

Petrovic N., 1998. The "Smiting God" and Religious Syncretism in the Late Bronze Age Aegean // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA. Goteborg.

Picchelaury K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Archäology in Eurasian. Bd. 4. Espelkamp: M.Leidorf.

Piggott S., 1965. Ancient Europe from the beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. Edinburgh: University Press.

Piggott S., 1992. Wagon, Chariot and Carriage. New York: Thames and Hudson.

Piggott V.C., 1988. The development of metal use on the Iranian Plateau // 4th USA - USSR archaeological exchange "The emergence and development of ancient metallurgy". Tbilisi.

Pirling R., 1980. Die mittlere Bronzezeit auf der Schwäbischen Alb. München: Beck.

Podzuweit Ch., 1979. Trojanische Gefäßformen der Frühbronzezeit in Anatolien, der Agäis und angrenzenden Gebieten. Mainz am Rhein: Zabern.

Popham M., 1998. The Collapse of Aegean Civilization at the End of the Late Bronze Age // Prehistoric Europe. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.

Porada et al., 1992. Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H. The Chronology of Mesopotamia, ca. 7000-1600 BC // Ehrich R.W. (ed.). Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, London: University of Chicago Press.

Posener G., 1971. Syria and Palestina c. 2160 – 1780 BC. Relations with Egypt // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.

Potts T., 1994. Mesopotamia and the East. Oxford.

Primas M., 1971. Der Beginn der Spätbronzezeit im Mittelland und Jura // Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.

Primas M., 1977. Untersuchungen zu den Bestattungssitten der ausgehenden Kupfer- und frühen Bronzezeit // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 58. Mainz am Rhein: Zabern.

Primas M., 1995. Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung in der Schweiz // Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Bonn: Habelt.

Prüssing P., 1982. Die Messer im nördlichen Westdeutschland (Schleswig-Holstein, Hamburg und

Niedersachsen) München: Beck.

Raczky P., 1991. New Data on the Southern Connections and Relative Chronology of the "Bodrogekereztur – Hunyadi halom" Complex // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. I. Bonn.

Rageth J., 1975. Der Lage di Ledro in Trentino und seine Beziehungen zu den alpinen und mitteleuropäischen Kulturen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 55. Berlin: Gruyter.

Ramirez P.B., 1993. Megalitismo, estatuas y estelas en Espana // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell'età del Rame. Bergamo.

Renfrew C., 1987. Archaeology and Language. London.

Riederer J., 1991. Die Frühen Kupferlegierungen im Vorderen Orient. In: Handwerk und Technologie im Alten Orient (Hrsg. R.B. Wartke). Internationale Tagung. Berlin.

Rihovsky J., 1992. Die Äxte, Beile, Meißel und Hämmer in Mähren. Stuttgart: Steiner.

Rihovsky J., 1996. Die Lanzen, Speer und Pfeilspitzen in Mähren. Stuttgart: Steiner.

Rimantiene R., Chesnys G., 1996. The Pan-European Corded Ware Horizon (A-Horizon) and the Pamariu (Baltic Coastal) Culture // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington, 1996.

Rind M.M., 1994. Die vorgeschichtliche Siedlung bei Prunn, Gde. Riedenburg, Lkr. Kelheim, Niederbayern. Buch-am-Erlbach: M.Leidorf.

Rittershofer K.-F., 1984. Der Hortfund von Bühl und seine Beziehungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 64. Mainz am Rhein: Zabern.

Rolf J., 1991. Die Umwelt zu Beginn des Äneolithikums in Mitteleuropa am Beispiel Böhems // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen. T. II. Bonn.

Rothmann M.S., 1993. Another look at the "Uruk Expansion" from the Tigris Piedmont // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma.

Rowe K.R., 1979. A possible Middle Helladic Fortification Wall // Excavations at Mycenae 1939-1955. Oxford.

Rutter J.B., 1986. Early Helladic III Vasepainting, Ceramic Regionalism and the Influence of Basketry // French E.B., Wardle K.A. (ed.) Problems of Greek

- Prehistory: papers presented at the centenary conference of the British School of Archaeology at Aphens, Manchester.
- Sagona A.G., 1993. Settlement and Society in Late Prehistoric Trans-Caucasus // *Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma.*
- Sarianidi V., 1998. Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Sarnowska W., 1969. Kultura unieticka w Polsce. T. I. Wrocław-Warszawa-Krakow.
- Sausverde E., 1996. Seewörter and Substratum in Germanic, Baltic and Baltic Finno-Ugric Languages // *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.*
- Savage R.D.A., 1979. Metallographic examination of two spearheads from the Watford Hoard // *Bronze Age Hoards. Some Finds Old and New. BAR, 67, Oxford.*
- Schauer P., 1995. Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung in Süddeutschland // *Beiträge zur Urnenfeldzeit nördlich und südlich der Alpen. Bonn: Habelt.*
- Schirmer W., 1975. Hethitische Architektur // Orthmann W. *Der Alte Orient. Berlin: Propiläen.*
- Schliemann H., 1878. Mykenae. Leipzig, 1878.
- Schmidt P.K., Burgess C.B., 1981. The Axes of Scotland and Northern England. München: Beck.
- Schmitt-Strecker et al., 1991. Schmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E. Untersuchungen zur Metallurgie der Späten Uruk- und Frühen Bronzezeit am oberen Euphrat // *Handwerk und Technologie in Alten Welt (Hrsg. R.-B. Wartke). Mainz.*
- Schmitt-Strecker et al., 1992. Schmitt-Strecker S., Begemann F. Pernicka E. Chemische Zusammensetzung und Bleiisotopenverhältnisse der Metallfunde von Hassek Höyük // Behm-Blancke M.R. (Herausg.) *Naturwissenschaftliche Untersuchungen und lithische Industrie. Tübingen: Wasmuth.*
- Schröter P., 1992. Zur Besiedlung des Goldberges im Nördlicher Ries.
- Schubert E., 1974. Studien zur frühen Bronzezeit an der mittlerem Donau // 54. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1973. Berlin: Gruyter.
- Schubert E., 1981. Zur Frage der Arsenlegierungen in der Kupfer- und Frühbronzezeit Südosteuropas // *Studien zur Bronzezeit. Mainz am Rhein.*
- Schumacher E., 1967. Die Protovillanova-Fundgruppe. Bonn: Habelt.
- Schwartz G.M., Weiss H., 1992. Syria, ca. 10000 – 2000 BC // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, London: University of Chicago Press.*
- Seehner J., 1987. Die Keramik I. // *Demircihüyük. Bd. III, 1. Mainz am Rhein: Zabern.*
- Seeliger et al., 1985. Seeliger T.C., Pernicka E., Wagner G.A., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Eibner C., Öztunali Ö, Baranyi I. *Archäometallurgische Untersuchungen in Nord- und Ostanatolien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 32 Jahrgang. Mainz.*
- Serge C., 1984. Oman Peninsula Eastwards during Third Millenium // *Frontiers of the Indus civilization. New Dehli.*
- Service A., Bradbery J., 1979. Megaliths and their Mysteries. London.
- Shaffer J.G., 1978. The Later Prehistoric Periods // *The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period. L., N.-Y., San Francisco.*
- Shamanev A., 1998. The Pre-Using of Fragments of Pottery by the Population of the Middle Trans-Urals in the Early Bronze Age // *Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA. Goteborg.*
- Sherratt A., 1997. Economy and Society in Prehistoric Europe. Edinburgh.
- Sherratt A., 1998. The Emergence of Elites: Earlier Bronze Age Europe, 2500-1300 BC // *Prehistoric Europe. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.*
- Sherratt A., 1998a. The Transformation of Early Agrarian Europe: The Late Neolithic and Copper Ages 4500-2500 BC // *Prehistoric Europe. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.*
- Sherratt A., Sherratt E.S., 1997. The Archaeology of Indo-European: An Alternative View. In: Sherratt A. *Economy and Society in Prehistoric Europe. Edinburgh.*
- Sidrys R. V., 1996. The Light Eye and Hair Cline: Implications for Indo-European Migrations to Northern Europe // *The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington.*
- Srivastava K.M., 1984. The Myth of Aryan Invasion of Harappan Towns // *Frontiers of the Indus civilization. New Dehli.*
- Stanley-Price N., Christon D., 1973. Excavations at Khirokitia, 1972. RDAC.
- Stein F., 1979. Katalog der vorgeschichtlichen Hortfunde in Süddeutschland. Bonn: Habelt.
- Strahm Ch., 1971. Die frühe Bronzezeit im Mittelland und Jura // *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz. Bd. III. Die Bronzezeit. Basel: Schweizerische Anstalt für wissenschaftliche Forschung.*

zerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.

Stronach D.B., 1957. The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // *Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara*. Vol. VII.

Tasic N., 1991. Migrationsbewegungen und Periodisierung der äneolithischen Kulturen des jugoslawischen Donauraumes und Zentralbalkans // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Telegin D.J., 1991. Gräberfelder des Mariupoler Typs und der Srednij Stog Kultur in der Ukraine (mit Fundortkataloge) // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Telehin D. Ja., Mallory J.P., 1993. Statue-menhirs of the North Pontic Region // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.

Terħan B., 1995. Stand und Aufgaben der Forschungen zur Urnenfelderzeit in Jugoslawien // *Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen*. Bonn: Habelt.

Thapar B.K., 1984. Six decades of the Indus Studies // *Frontiers of the Indus civilization*. New Dehli.

The Jordan Valley Survey, 1953: Some Unpublished Soundings Conducted by James Mellaart. *The Annual of the American Schools of Oriental Research*. V. 50. Winona Lake, Indiana. 1992.

Thissen L.C., 1989. An Early Bronze III pottery region between the Middle Euphrates and Habur: New evidence from Tell Hamman et Turkman // *To the Euphrates and beyond. Archaeological studies in honour of Maurits N. van Loon*. Rotterdam.

Thomas H.L., Rowlett E.S.-J., 1992a. The Archaeological Chronology of Northern Europe // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Thomas H.L., Rowlett R.M., 1992. The Archaeological Chronology of Northwestern Europe // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago.

Toëik A., 1991. Erforschungstand der Lengyelkultur in der Slowakei. Rückblick und Ausblick // J. Lichardus (Hrsg.). *Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.

Todorova H., 1995. The Neolithic, Eneolithic and Transitional Period in Bulgarian Prehistory // Bailey D.W., Panayotov I. (ed.). *Prehistoric Bulgaria*. Mono-

graphs in *World Archaeology* № 22. Madison, Wisconsin: Prehistory Press.

Tosi M., 1983. Excavations at Shahr-i Sokhta 1969-1970. // Tosi M. (ed.) *Prehistoric Sistan*. Rome.

Trogmayer O., 1975. *Das Bronzezeitliche Gräberfeld Bei Tápé*. Budapest: Akademiai Kiado.

Tunzi Sisto A.-M., 1993. Megalitismo e statue stele nella Puglia settentrionale // Casini S. De Marinis R.S., Pedrotti A. (ed.). *Statue-stele e massi incisi Nell'Europa dell' età del Rame*. Bergamo.

Tylecote R.F., 1981. *Chalcolithic metallurgy in the Eastern Mediterranean // Chalcolithic Cyprus and Western Asia* (ed. J.Reade). *British Museum Occasional Paper* No 26.

Urban T., 1993. *Studien zur mittleren Bronzezeit in Norditalien*. Bonn: Habelt.

Vaux R., 1971. *Palestine in the Early Bronze Age* // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). *The Cambridge Ancient History*. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.

Vermeule E.D.T., Wolsky F.Z., 1990. *Toumba tou Skourou. A Bronze Age Potters' quarter on Morphou bay in Cyprus*. Boston.

Voigt M.M., 1992. *The Chronology of Iran, ca. 8000-2000 BC* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Vulpe A., 1970. *Die Äxte und Beile in Rumänien*. I. München: Beck.

Vulpe A., 1995. *Stand und Aufgaben der Urnenfelderforschung im Karpatenraum // Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen*. Bonn: Habelt.

Vulpe A., 1995a. *The Bronze Age in the Carpatho-Danubian Region. General View* // Stoica C., Roten M., Boroffka N. (ed.). *Comori ale epocii bronzului din Romania*. Bucuresti.

Wage A.J.B., 1979. *A Faience cylinder // Excavations at Mycenae 1939-1955*. Oxford.

Wardle K.A., 1998. *The Palace Civilization of Minoan Crete and Mycenaean Greece 2000-1200 BC // Prehistoric Europe*. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.

Wardle P., 1992. *Earlier Prehistoric Pottery Production and Ceramic Petrology in Britain*. BAR, 225, Oxford.

Wells P.S., 1992. *The Neolithic Chronology of Central Europe* // Ehrich R.W. (ed.). *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, London: University of Chicago Press.

-
- Whittle A.W.R., 1985. *Neolithic Europe: a survey*. Cambridge.
- Whittle A., 1998. *The First Farmers // Prehistoric Europe*. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.
- Winn S.M.M., 1981. *Pre-Writing in Southeastern Europe: The Sign System of the Vinca Culture*. ca. 4000 B.C. Calgary.
- Witczak K. T., 1996. *The Pre-Germanic Substrata and Germanic Maritime Vocabulary // The Indo-Europeanization of Northern Europe*. Washington.
- Wooley L., Moorey P.R.S., 1982. "Ur of the Chaldees". Ithaca.
- Yakar J., 1979. *Troy and Anatolian Early Bronze Age Chronology // Anatolian Studies*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXIX.
- Yakar J., 1984. *Regional and Lokal Schools of Metalwork in Early Bronze Age Anatolia. Part I // Anatolian Studies*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXXIV.
- Yakar J., 1985. *Regional and Lokal Schools of Metalwork in Early Bronze Age Anatolia. Part II // Anatolian Studies*. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXXV.
- Yakar J., 1991. *Prehistoric Anatolia. The Neolithic Transformation and the Early Chalcolithic Period*. Tel Aviv: University.
- Yalcin Unsal, 2000. *Anfänge der Metalverwendung in Anatolien*. In: Yalcin Unsal (Hrsg.) *Anatolian Metal I*. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum. Der Anschnitt, Beiheft 13.
- Yener et al., 1994. Yener K.A., Geckinly E., Özbal H. *A Brief Survey of Anatolian Metallurgy prior to 500 BC*. In: *Archaeometry '94. Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry*. Ankara.
- Yosef Bar O. Yosef, 1992. *The Neolithic Period / The Archaeology of Ancient Israel*. New Haven, London.
- Young T.C., 1967. *The Iranian migration into the Zagros // Iran*. V.5. London.
- Yule P., 1982. *Neolitische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran*. München.
- Zaharia E., 1995. *The Monteoru Culture // Stoica C., Roten M., Boroffka N. (ed.). Comori ale epocii bronzului din România*. Bucuresti.
- Zanger E., 1994. *Ein neuer Kampf um Troia. Archäologie in der Krise*. München: Knaur.
- Zapotocky M., 1991. *Frühe Streitaxtkulturen im mitteleuropäischen Äneolithikum // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Otrenhausen*. T. I. Bonn.